

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

Издана въ,
Петербургѣ,
М. А. Б. П.
1889 г.

СО ДЕРЖАНІЕ.

Тома XXIV 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

	СТР.
I. Воспомяніа М. К. Чалаго	1, 388, 613
II. Судъ и казнь Григорія Самойловича. А. А. Востокова.	
III. Культурныя переживанія. Проф. Н. Ѳ. Сумцова . . .	64, 403, 665
IV. Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). Г. А. Мачтета	90, 337
V. Русскія колоніи въ Добруджѣ. Лупулеску	117, 314, 685
VI. Сельскія недоразумѣнія, пов. Петкевича, пер. съ польскаго. К. М.	155, 645
VII. Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. И. А. Линниченка	187
VIII. Воспомяніа Н. И. Усковой о Т. Шевченкѣ, съ прим. М. К. Чалаго, Н. Зарянки	297
IX. Прошлое передславскаго духовнаго училища. П. Левицкаго	424
X. Скорбный листь архива Малороссійской Коллегіи. Ив. В. Теличенка	445
XI. На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой вѣнжки). Н. Д. Н.	561
XII. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. Сф. Кр.	582
XIII. Памяти Ѳ. Г. Лебединцева. Проф. Н. Ѳ. Сумцова . .	I—VI

- XIV. Документы, извѣстія и замѣтки. 1) Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ. Проф. П. А. Лашкарева. 2) Церковище возлѣ дер. Монастыревѣ, каневск. у. кievск. губ. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. 3) Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго. П. Л. 4) Князь Н. Г. Репнинъ и его представленіе Государю Николаю Павловичу. И. С. Листовскаго. 5) Псевдо-Желѣзнякъ. А. Л. Дейнеки. В. А. 7) Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго Т. М. Сенютовичъ. А. Л. 8) Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. Сообщ. А. Л. 9) Березенская Вознесенская церковь. П. Т. 10) Замѣчательная колядка. Мирона. 11) Малорусскія рождественскія колядки. Сообщ. К. В. Болсуновскій. 12) Рождественская «вечера». Ив. Манжуры. 13) Рождественскія святки на Волыни. И. Бѣньковскаго. 14) Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. О. Л. 15) П. А. Лукашевичъ. W. 16) А. И. Гавриловъ. Н. М. (204—247). 17) Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхвенка и Симиренка. М. Чалаго. 18) Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. Проф. Н. И. Петрова. 19) Бѣлорусскія колядки. Хр. П. Ящуржинскаго. 20) Народные рассказы объ О. М. Гладкомъ. Сообщ. А. Савичъ. 21) Рукописный альбомъ А. Ищенка 1780—82 гг. В. П. Науменка. 22) Къ исторіи зарожденія кievскаго дворянскаго собранія. В. П. Науменка. 23) Изъ воспоминаній о П. П. Артемовскомъ-Гулакѣ. А. Ш. 24) Стефанъ Качала (некр.). К. Х. (458—512). 25) Эпизодъ изъ исторіи обращенія кiev. униатовъ. Н. Н. Оглоблина. 26) Личный составъ и аттестація духовенства александр. у. екатериносл. г. по архивн. даннымъ 1814 и 1824 гг. Я. П. Новицкаго. 27) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Н. Д. Н. 28) Замѣтка о малорусскихъ, «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ». А. Н. Савича. 29) Посылка гетм. Апостола въ Москву за лекарствомъ А. Л. 30) Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. А. Л. 31) Пѣсня о свѣтѣ. Мирона. 32) Изъ школьнаго міра. А. С—ча. 690—751

- XV. Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Марневичъ**. 248, 506, 741
- XVI. Библиографія. 1) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства. Изсл. Д. И. Багалъя. **И. М. Наманина**. 2) Харьковскій Сборникъ. **И. М. Наманина**. 3) 25-лѣтіе изданія Подольск. Епарх. Вѣдом. (1862—86). Указатель неофф. части Волын. Епарх. Вѣд. за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—87), сост. Ю. Тиховскій. Указатель статей, помѣщ. въ неофф. части Полт. Еп. Вѣд. за 25 лѣтъ изд. ихъ 1863—88 г. сост. прот. П. Мазановъ. **А. Л.** 4) Pulaski K. Szkice i poszukiwania historyczne. **В. А.** 5) 900-лѣтіе русской іерархіи, сост. Н. Д. П. **Л.** 6) Календарь на 1889 г. изд. М. Запольскаго. **Н. Т.** 7) Кіев. нар. календарь на 1889 г. изд. Андріяшева. Кіев. календарь на 1889 г. изд. Иогансона. Кіев. календарь на 1889 г. изд. Фабриціуса. Волынскій календарь на 1889 г. изд. Досвичука. **Амартола**. 8) П. В. Владиміровъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. **А. Степовича**. 9) Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, О. И. Роговой. **О. Л.** 10) Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Т. I. Слово о Полку Игоревѣ. **А. Степовича**. 11) Igowski. — Ostatnia starościna Zwinogrodzka. **В. А.** 12) Deux voyages en Asie au XIII siècle par Guillaume de Rubruquis, envoyé de Saint Louis et Marco Polo, publiée sous la direction de E. Muller. Проф. **П. В. Голубовскаго**. 13) Краткое описаніе изслѣдованія р. Днѣпра. **А. Л.** 14) Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ Изданіе В. В. Скидана. **Н. Т.** 15) Виленскій Календарь на 1889 г. **Н. Т.** 16) Русская народная музыка П. Сокальскаго. **А. С—ча** 17) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ. 1888 г. кн. I. **И. М. Наманина**. 19) Русская Правда, изд. Гаршина. **В. В. Голубовскаго**. 19) Вторая учебная экскурсія симфероп. гимназіи. **Н. Б.** — Обзорѣніе журналовъ и

и газетъ за 1887—88 г. Указатель книгъ, вышедшихъ съ конца 1887 года, касающихся южной Россіи. 249, 513, 746

- Приложенія: 1) Наказы^а малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.
 2) Предисловіе В. Тяпинскаго къ печатн. Евангелію 1570 г. Проф. П. В. Владимірова.
 3) Южнорусское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. П. В. Владимірова.
 4) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.
 5) Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.
-

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волинск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенна.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменна.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. **Г. Рудни въ Сѣверщинѣ П. С. Ефименна.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовской. **В. П. Горленна.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова.**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потемни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**—Леонардъ Совинскій. **А. В. С—на.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтол. сказ. **П. Л.**—Херсовесь во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и В. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху В. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк. археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**—Памятникъ В. Хмельницкому.—„Бунтъ“ сквирскаго магистрата. **Н. О.**—Порченая (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пашенно.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченна.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго.**—Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенна.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**—Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**— Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**—Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Вадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**—Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти **И. П. Котляревскаго.** **В. П. Науменна.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенко.**—Фатальная вдова. **П. К. Половинщикъ** (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова **А. А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: **В. Б. Антоновича,** **Д. И. Багалѣя,** **П. В. Голубовскаго,** **В. П. Горленка,** **И. Ж.,** **Г. З.,** **М. За-**

Отъ редакціи историческаго журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфельѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполне обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участію откликаются не только мѣстные научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбежныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя опибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить

изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуесть, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редація выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ двѣнадцати книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. В. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обзорѣніе предметовъ вел.-княж. эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владимира. **Ганны Барвинової:** Молотники (бытов. рассказъ) и Половинщикъ (быт. разск.). **Проф. С. А. Вершадскаго:** Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѡ. Вѣляшевскаго:** Два предмета кiev. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Нив. Веселовскаго:** Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова:** Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова:** Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго:** Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка:** Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко:** Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка:** Рудни въ Сѣверчинѣ. **И. П. Житецкаго:** Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго:** Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **П. К.** Фатальная вдова. **И. М. Каманина:** Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Б. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владимира и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтоп. сказан.). **Л.** Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **А. М. Лазаревскаго:** Люди старой Малороссіи. **О. И. Левицкаго:** Ганна Монтовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Паченко:** Порченая (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линни-**

ченка: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго:** Кіевъ въ 1766 г. Матеріалы для исторіи гайдамачины, съ пред. **проф. В. Б. Антоновича.** **Мирона:** Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдь изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайлогорскаго:** Нелишнее слово о виршахъ. **Проф. О. Г. Мищенко:** Г. П. Галаганъ. **В. П. Науменка:** Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ и Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **Н. О. „Бунтъ“** сѣвирскаго магистрата. Памятникъ Богдану Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова:** Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потєбни:** Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты:** На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго:** Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **А. А. Русова:** Осада и взятіе Очакова. **О. Р. Рыльскаго:** Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **А. В. Стороженка:** Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка:** Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. О. Сумцова:** Историческій очеркъ попытокъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій календарь и Станиславъ Орѣховскій. **И. В. Теличенка:** Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Турчинскаго:** Тарасъ изъ Ворохты, повѣсть изъ быта гуцуловъ, пер. съ польск. **К. М. Х. Н. Ящуржинскаго:** Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено 54 рецензіи на вновь выпедшія книги, и 82 документа и замѣтки. Въ библиографическомъ листкѣ редація слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Теофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ, съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ, по

рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви. Портретъ проф. А. А. Котляревскаго. Портретъ Г. П. Галагана.

Кромѣ вышеименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалъй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Кितिцнъ, М. Ѳ. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, Ѳ. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, С. Р., А. А. Русовъ, Н. В. Стороженко, А. І. Степовичъ, А. Д. Твердохлѣбовъ, В. Н. Ястребовъ и др.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ 8 р. 50 к., на полгода 5 р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ 10 р., полгода 6 р. За границу на годъ 13 р., полгода 7 р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городского адреса на иногородній и обратно уплачивается 50 к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 к. При перемѣнѣ адреса на заграничній доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—88 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Редакторъ-Издатель *А. С. Лашкевичъ*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28 ноября 1888 года.

Типографія Г. Ф. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

Я Н В А Р Ъ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго. Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Київъ, 2-го Января 1889 г.

КЛЕВСКАЯ СТАРШИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ. ЯНВАРЬ.

Годъ восьмой.

ТОМЪ XXIV.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Воспоминанія. М. К. Чалаго. I—II. (1—40).
- II. Судъ и казнь Григорія Самойловича. А. Востокова. (41—63).
- III. Культурныя перемены. I—IV. П. О. Сумцова. (64—89).
- IV. Бѣлая Панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). I—IV. Г. А. Мачуга. (90—116).
- V. Русскія колоніи въ Добруджѣ. I. Лопулеску. (117—154).
- VI. Сельскія недоразумѣнія. (Перевъ съ польск.). I—III. К. М. (155—186).
- VII. Научное значеніе западно-русской исторіи. II. А. Линиченко. (187—202).
- VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ. II. А. Лашкарева. Церновище возлѣ дер. Монастырскъ, каневск. у. кievск. губ. II. Бѣляшевскаго. Нѣ статья г. Бѣляшева ago. II. А. Вяязъ Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ малороссійскихъ губерній. II. С. Листовскаго. Псевдо-Желѣзнякъ. А. А. Дейнеки В. А. Учителя графа П. А. Румянцева-Задунайскаго Т. М. Сенютовичъ. А. А. Запоржцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за вод. ой Сообщ. А. А. Березенская Вознесенская церковь. II. Т. Замѣчательная колядна. Мирона. Малорусскія рождественскія колядны. Сообщилъ К. В. Болсуновскій. Рождественская „вечера“. Пв. Манжура Рождественскія святки на Волини II. Бѣньковскаго. Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. О. А. Платонъ Анимовичъ Лукашевичъ. W. Александръ Иполитовичъ Гавриловъ П. М. (204—247).
- IX. Для справокъ. (248—249).
- X. Библиографія. Очерки изъ исторіи колонизаціи и б-та степной окраины московскаго государства. т. I. Исторія колонизаціи. Исслѣдованіе Д. И. Багалтя. II. Камашина. Харьковский Сборникъ. Литерат.-научн. прилож. къ „Харьк кал. на 1888 г. И. Насперова. II. Камашина. Двадцатипятилѣтіе изданія Под. Еп. Вѣдом. Указатель неоффиц. части Вол. Еп. Вѣдом. за 20 л. ихъ сущ. Указатель ста ей помѣщен въ неофф. Полт. Еп. Вѣдом. за 25 л. изд. ихъ А. А. Pulaski Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków. 1887. В. А. Девятисотл. русск. іерархія. А. А. Календарь сѣв.-зап. края на 1889 г., II. Т. Кіевскій нар. календарь на 1889 г. Кіевскій календарь на 1889 г. Издатель Іогансонъ. Кіевскій календарь на 1889 г. Редакторъ-издатель В. Фабриціусъ. Волинскій календарь на 1889 г. первый. Изданіе Ф. И. Дьсинчука. Житомиръ. Амаргола. Обзорніе журналовъ и газетъ за 1886 г. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи. (249—296).
- XI. Объявленія. (1—38).

- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.
2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
3) Пред. В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Березенская Вознесенская церковь.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго.

Когда зима намъ кудри убълитъ,
Приходить къ намъ нежданная забота
Свести итогъ...
Богъ старости—неумолимый богъ:
Приходите онъ къ прожившему повѣка
И говоритъ: „оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка!“
Увы! ихъ вѣтъ! одинъ ошибокъ рядъ!

Некрасовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду литературныхъ произведеній, пользующихся у русской публики болъшею или меньшею популярностью, едва ли не самая незначительная доза вниманія выпадаетъ на долю сочиненій, отличающихся характеромъ субъективнымъ, каковы: воспоминанія, автобіографическія записки, дневники и т. п. произведенія, которыми не особенно богата наша литература. У насъ на Руси какъ то не въ обычаѣ подводить итоги прожитому и прочувствованному, а тѣмъ болѣе дѣлиться съ публикой своими личными впечатлѣніями. Происходитъ ли это отъ равнодушія русскаго человѣка къ своему прошлому, или же причинъ такого явленія слѣдуетъ искать въ несостоятельности нашей интеллигенціи въ литературномъ дѣлѣ, въ отсутствіи въ ней способности наблюдать и комбинировать обыденныя явленія жизни—вопроса этого мы рѣшить не беремся; но во всякомъ случаѣ, такой важный пробѣлъ въ отечественной литературѣ не мо-

жетъ не броситься въ глаза каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ литературами другихъ народовъ, у которыхъ существуетъ такое обиліе разнаго рода мемуаровъ, записокъ современниковъ, дневниковъ и т. п. сочиненій, возбуждающихъ живѣйшій интересъ въ массѣ читающей публики, наравнѣ съ романами и повѣстями, каковыми исключительно пробавляется большинство русскихъ читателей. Большой спросъ потребителей легкаго чтенія на беллетристику переполнилъ нашъ журнальный рынокъ множествомъ произведеній съ претензіей на соціальное направленіе, хотя между ними весьма мало истинно художественныхъ произведеній, въ которыхъ бы

Наглядно отразился вѣкъ

И современный человѣкъ,

и изъ которыхъ читатель дѣйствительно могъ бы ознакомиться съ духомъ и направленіемъ русскаго общества въ данный моментъ его историческаго развитія.

Признавалъ за лучшими изъ такихъ произведеній важное соціальное значеніе, авторъ позволяетъ себѣ думать, что для болѣе основательнаго изученія общества въ данную эпоху его развитія, недостаточно ограничиться чтеніемъ однихъ романовъ, какъ бы рельефно ни были изображены, въ лицѣ ихъ героевъ и героинь, представители и выразители идеаловъ своего времени. Преслѣдуя преимущественно художественныя цѣли, романисты невольно иногда должны жертвовать фактической стороною сюжета изяществу выраженія, красотамъ формы и концепціи *ad hoc* придуманныхъ событій и случаевъ, чего нельзя сказать о мемуарахъ, запискахъ современниковъ, дневникахъ и т. п., въ которыхъ на первомъ планѣ всегда остается задача: вѣрно и точно воспроизвести дѣйствительность, не скрашивая ее вымыслами фантазіи. При томъ же, и сами романисты, нисходя изъ области вымысла на реальную почву, не всегда могутъ ограничиться поэтическимъ чутьемъ, коль скоро дѣло коснется воспроизведенія явленій жизни изъ эпохи болѣе или менѣе отдаленной: въ этомъ случаѣ ихъ творчеству необходимъ сырой матеріалъ, простая лѣтопись событій. Тутъ то самый безыскусственный рассказъ современника-очевидца, какой нибудь дневникъ, мемуаръ можетъ оказать неоцѣненную услугу не только романисту-поэту, но и бытописателю-историку.

Правда, геніальныя художники, воспроизводя прошлую жизнь, по особенному инстинкту, сразу становятся прорицателями минувшаго: для нихъ не существуетъ ни время историческихъ вѣковъ, ни пространство мѣстности націй—они всемірны. За всѣмъ тѣмъ, хроники понадобились даже такому міровому генію, какъ Шекспиръ, котораго душа, по словамъ Тэна, была какъ бы „сокращеніемъ вселенной“ и котораго Шлегель называетъ „пророкомъ, прозрѣвающимъ прошедшее“.

„Въ описаніе по воспоминанію, говоритъ Сѣченовъ въ статьѣ своей „Элементы мысли“, человекъ вноситъ, кромѣ объективнаго воспроизведенія фактической стороны дѣла, множество субъективныхъ элементовъ, навязанныхъ ему степенью развитія, свойствами его характера, складомъ ума, настроеніемъ духа и проч.“.

А ко всѣмъ подобнаго рода произведеніямъ, съ индивидуальными, чисто субъективными элементами, читающая публика относится съ крайнимъ равнодушіемъ: у каждаго непочатый уголь собственныхъ воспоминаній и каждый, поэтому, вправѣ встрѣтить подобный моему трудъ ѣдкими стихами поэта:

Какое дѣло намъ, страдалъ ли ты плъ нѣтъ?

На что намъ знать твои волненья?...

Лерм.

Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь выступить въ свѣтъ съ своими „Воспоминаніями“. Помимо автобіографическихъ замѣтокъ, интересныхъ для меня одного, въ нихъ найдется не мало страницъ чисто объективнаго свойства, которыя своими деталями могутъ способствовать воспроизведенію событій и лицъ недавняго прошлаго, за послѣдніе 50 лѣтъ.

„Воспоминанія“ мои главнымъ образомъ будутъ вращаться въ училищной сферѣ. Пройдя суровую школу жизни и ученія, а по профессіи педагога, стоя, такъ сказать, у самаго источника воспитанія нарождающихся поколѣній, я имѣлъ полную возможность слѣдить не за однимъ лишь физическимъ ростомъ дѣтей, но и за духовнымъ ихъ развитіемъ. „Школьный міръ вообще представляетъ много любопытнаго для наблюденія надъ человѣческой природой во всей ея первобытности“, говоритъ французскій реалистъ Золя. А исторія моего ученія и учительства тѣсно связана съ исторіей рус-

скаго просвѣщенія въ періодъ наибольшихъ перемѣнъ въ организаціи нашихъ учебныхъ заведеній съ 1828 по 1871 годъ. Хотя, правду сказать, все наши начинанія и реформы по части народнаго просвѣщенія, производимыя безъ строго опредѣленной системы, были не болѣе, какъ временныя, палліативныя мѣропріятія, „въ видѣ опыта“, такъ что въ результатѣ выходитъ, что втеченіе полстолѣтія мы производили въ отечественной педагогіи одни лишь эксперименты.

Оглядываясь на свое прошлое и подводя итоги собственной педагогической дѣятельности, невольно приходишь къ убѣжденію, что и самъ я учился около 20 лѣтъ и слишкомъ 30 лѣтъ училъ уму-разуму другихъ—не болѣе какъ „въ видѣ опыта“.

Увы! одинъ ошибокъ рядъ!...

I. Моя родина и ея обитатели.

Родина моя—Новгородъ-Сѣверскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ славянскаго міра. Въ отличіе отъ Новгорода Великаго, городокъ этотъ въ старину именовался Малымъ, а также Новгородкомъ; въ хроникѣ же Стрыйковскаго—Новгородомъ Литовскимъ.

„Сей Новгородъ, хотя крѣпокъ и красенъ былъ, но толь лютыя разоренія на него были, что съ землею огнемъ и мечемъ уравнивано и раскапывано нарочно, чтобы его имени не было“, говоритъ безыменный лѣтописецъ XVIII столѣтія ¹⁾.

Какъ главный городъ удѣльнаго княжества, Новгородъ-Сѣверскъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ въ 1141 году, а къ 1185 году относится знаменитый походъ Игоря Святославича на половцевъ, воспѣтый въ извѣстной поэмѣ XII вѣка „Слове о плъку Игоревѣ“.

Начавшіяся послѣ монгольскаго періода между Москвой и Литвой войны преимущественно велись за обладаніе Сѣверской землей, которая въ XIV столѣтіи вошла въ составъ литовскаго государства и Новгородъ-Сѣверскъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, былъ нѣкоторое время „столицею королевской резиденціи и коронаціи престоль-

¹⁾ Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1853 г. № 1. Матеріалы для описанія Новгородъ-Сѣверска Ив. Самчевскаго.

нымъ городомъ“. Въ немъ крестился Миндовгъ и вѣнчался королевскою короной, присланною напой Иннокентіемъ IV.

Древнѣйшія на Руси владѣнія литовцевъ, по изслѣдованію проф. В. Антоновича, составляла по преимуществу Черная Русь, съ городами: Новгородкомъ, Здазовымъ, Гродно и др. Область эта въ XIV столѣтіи называлась Кривичскою землею и только съ конца XVI столѣтія—Сѣверекою землей или Сѣверіей.

Когда окатоличенная Литва задумала окатоличить народъ Сѣверской земли, то сей послѣдній протестовалъ противъ такого посягательства на свое исконное православіе:

„Все наше православное христіанство хотять окрестити въ латинскую вѣру, ино наша Русь велми ся съ Литвою не любитъ“, говоритъ одинъ современникъ 1498 года.

Въ концѣ XV столѣтія Сѣверія, вслѣдствіе тяготѣнія своего къ православной Москвѣ, безъ всякой войны, отдѣлилась отъ Литвы и соединилась съ московскимъ государствомъ. Между тѣмъ Литва, соединившись съ Польшею, во все продолженіе XVI столѣтія, силилась отвоевать Сѣверскую землю отъ московскаго государства, что наконецъ и удалось ей въ „смутное время“.

Въ 1604 году къ Новгородъ-Сѣверску подступилъ съ евоими полчищами Лжедмитрій, за два года предъ тѣмъ инкогнито проживавшій въ Спасской обители, подъ именемъ Отрепьева. Русскіе воеводы Трубецкой и Басмановъ, съ помощію горожанъ, дали мужественный отпоръ самозванцу, за что городу пожалованъ гербъ „съ изображеніемъ городской стѣны съ башнею, на коей звѣзда, по сторонамъ же копье и сабля золотыя“.

Въ 1634 году, по поляновскому договору, къ Польшѣ отошелъ и Новгородокъ, который, хотя и утратилъ свое прежнее значеніе, будучи причисленъ къ староству черниговскому, но удержалъ за собой магдебургское право и инны привилегіи. Ad majorem Dei gloriam, поляки основали здѣсь два монастыря, „коихъ память и поднесъ остается: одного въ городѣ, на горѣ надъ Десною, которое мѣсто называется Кляшторомъ (clasztorz—монастырь), а другого подъ городомъ, гдѣ нынѣ деревушка Домоткановъ“, по испорченному слову доминикановъ¹⁾. Старожилы говорятъ, что еще въ концѣ прошлаго

¹⁾ Черниг. Губернс. Вѣдомости, 1853 г. № 1.

столѣтія на високомъ берегу Десны находились остатки древняго укрѣпленія, состоявшаго изъ землянаго вала, съ остатками Басмановскаго замка, отчего и самая гора до сихъ поръ именуется Замкомъ.

Сѣверская земля находилась подъ властію Польши до 1654 года, когда Малороссія лѣвобережная воссоединилась съ Россіей.

Въ 1708 году, во время шведскихъ войнъ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ имѣлъ пребываніе Императоръ Петръ I, въ домѣ сотника Журавки. Домъ этотъ находился на Кляшторѣ, близъ собора, еще въ концѣ 20-хъ годовъ. Никому и въ голову не пришло сохранить эту историческую рѣдкость.

Съ учрежденіемъ намѣстничествъ въ 1782 году, Новгородъ-Сѣверскѣ сталъ главнымъ городомъ сѣверскаго намѣстничества и оставался имъ до учрежденія губерній (1797 г.).

Въ 1787 году черезъ городъ прослѣдовала Екатерина II, въ честь коей сооружены уцѣлѣвшія до нынѣ триумфальныя ворота извѣстныя у горожанъ подъ именемъ Брамъ. Но лучшее украшеніе города—Преображенскій монастырь—зданіе величественной архитектуры, итальянскаго стиля, воздвигнутое по проекту Гваренчи. На сооруженіе храма Екатерина II велѣла отпустить 75 тысячъ руб., а на внутреннюю онаго отдѣлку Александръ I повелѣлъ выдать 21 тысячу. Вслѣдствіе обнаружившихся въ зданіи трещинъ, для поддержанія главнаго купола, въ 1821 году поставлено 16 колоннъ, скрывшихъ отчасти красоту и величіе храма. Поврежденія произошли не отъ архитектурныхъ погрѣшностей знаменитаго художника, а отъ недобросовѣстнаго выполненія строителями и подрядчиками его идеи: при возведеніи купола они употребили вмѣсто желѣзныхъ связей—деревянныя. Гора, на которой красуется Спасскій монастырь, благодаря корыстолюбію архимандрита Никанора и ближайшихъ его преемниковъ, вступившихъ въ компанію съ іудеями, по поставкѣ камня на черниговское шоссе,—гора эта обезображена и разрыта до основанія. Живописно выдававшіяся къ рѣкѣ гранитныя скалы исчезли, величавыя дубы и сосны, окружавшія обитель цѣлыя столѣтія, пали подъ святотатственной рукой сребролюбцевъ-настоятелей; опасность угрожала самой угловой башнѣ, еслибъ высшая духовная власть не остановила варварскаго хищенія, запретивъ добываніе камня изъ нѣдръ св. горы.

Приступая къ характеристикѣ моихъ согражданъ сѣверянъ, какими они были въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, необходимо коснуться болѣе отдаленнаго времени.

Въ концѣ XVI столѣтія Сѣверскій край заключался въ предѣлахъ сѣверной части нынѣшней черниговской губерніи. Народонаселеніе его состояло тогда изъ трехъ главныхъ элементовъ: восточную его часть занимали малороссы, западную, пограничную съ Литвой, — бѣлоруссы, въ верхнихъ же его городахъ и селахъ жили великороссы. Впослѣдствіи Сѣверія стала заселяться выходцами изъ пограничныхъ областей, чему, съ одной стороны, содѣйствовали продолжительныя польско-козацкія войны, набѣги крымскихъ татаръ и невыносимый гнетъ крѣпостнаго права, а съ другой стороны, глухая лѣсистая мѣстность Сѣверской земли. Находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ великоруссами, литвинами и малоруссами и не примкнувъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ, земляки мои выработали своеобразный типъ. Въ силу тѣхъ же историческихъ и этнографическихъ условій, языкъ моей родины представляетъ уродливую смѣсь словъ и оборотовъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ и даже польскихъ, а въ повѣрьяхъ, нравахъ и обычаяхъ сохранилось много языческаго. Сограждане мои по пословицѣ и отъ своего отстали, и къ чужому не пристали. Тѣмъ не менѣе сѣверскіе города подверглись постороннему вліянію пришлаго населенія въ гораздо большей степени, чѣмъ села и деревни. Языкъ, обычаи, одежда горожанъ, постоянно входившихъ въ соприкосновеніе съ чуждыми элементами, подвергались безпрерывнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ деревенскій людъ, замкнутый въ самомъ себѣ, всегда отличался строго консервативнымъ характеромъ. Оттого племенные особенности разныхъ національностей русскаго царства этнографы преимущественно изучаютъ по селамъ.

Особенно со времени реформы 61 года наша печать весьма участливо стала относиться къ крестьянству, какъ бы не замѣчая существующаго на ряду съ нимъ другаго сословія — мѣщанъ.

„Изумительно печально положеніе нашихъ мѣщанъ, говоритъ наблюдательный этнографъ Максимовъ, а еще печальнѣе то, что за нихъ почти совсѣмъ не вступалась наша литература и обходила ихъ, какъ бы забывая, что они составляютъ самостоятельный, интересный

для изученія классъ, что они не крестьяне, не купцы, а именно мѣщане, среднее звено между этими двумя звеньями сложной цѣпи сословій русскаго царства“.

„Но пора желать, ратуеть другой народолюбець Щаповъ, чтобы и писателями, и учеными были не одни дворяне, а всѣ научно развитые люди—крестьяне, мѣщане, купцы“.

Мыслящіе люди, подобные авторамъ приведенныхъ строкъ, полагають большія надежды на обновленіе общественныхъ силъ русскаго народа отъ прилива свѣжихъ дѣятелей изъ низшихъ слоевъ его; но едва ли они скоро дождутся возрожденія русской жизни. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ наша черноземная сила произвела весьма мало умственныхъ плодовъ. Россіи далеко еще до Англіи, гдѣ, по свидѣтельству Гальтона, изъ 107 ученыхъ 95 дали среднію классы и только 12 низшіе и высшіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодѣтельная реформа предыдущаго царствованія, потрясая прежнее *statu in quo* въ его подгнившихъ основаніяхъ, дала широкій просторъ всѣмъ сословіямъ стремиться къ образованію, наравнѣ съ правящими классами, которые одни до того времени пользовались монополіей просвѣщенія; но частію по своей бѣдности, частію по своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, неразлучнымъ съ абсолютнымъ невѣжествомъ, наши мѣщане все таки мало подвинулись впередъ. А пора бы, казалось, стяхнуть съ себя вѣковую грязь грубости и косненія, и выглянуть на свѣтъ Божій изъ тьмы кромѣшной... Поживемъ да подождемъ, пока что то будетъ, а пока оно будетъ, ничтожный процентъ мѣщанской интеллигенціи не въ состояніи удовлетворить самымъ обыденнымъ потребностямъ городского самоуправления. А что было прежде, лѣтъ 50 назадъ, о томъ и вспомнить тошно.

Бывало какъ дойдетъ дѣло до общественныхъ выборовъ въ гласные, бургомистры и ратманы, то изъ четырехтысячнаго населенія некого и выбрать. Оттого всѣ дѣла въ думѣ и магистратѣ рѣшались секретарями да городничимъ изъ отставныхъ военныхъ, бургомистры же и гласные оставались безгласными чурбанами. Только непроходимое невѣжество членовъ городского присутствія и происходящая отъ того беспомощность общественнаго положенія была причиною такихъ, напр., возмутительныхъ исторій, что какойнибудь при-

казный выжита, въ родѣ думскаго секретаря П...скаго, позволилъ себѣ въ присутственной комнатѣ трепать по щекамъ геродскаго голову Соболя. Только заботность и запуганность нашего мѣщанства могла вызвать дикое насиліе градоначальника на пожарѣ, разбившаго въ кровь голову мѣщанину Юценку, такъ сказать, всенародно, безъ малѣйшаго протеста со стороны любезныхъ согражданъ.

Въ Новгородѣ-Сѣверекѣ съ 1808 года существуетъ гимназія. Для поступленія въ нее требовалось увольнительное отъ общества мѣщанъ свидѣтельство, но его получить было весьма не трудно: стоило лишь купить ведра два горѣлки на угощеніе „общества“ — и дѣло въ шляпѣ. Отчего же теперь, когда доступъ къ образованію открытъ не только мѣщанамъ, но и крестьянамъ, цифра учениковъ изъ мѣщанскаго сословія не только не возрастаетъ, но съ каждымъ годомъ падаетъ? Отчего дѣти мѣщанъ, въ большинствѣ случаевъ, завершаютъ свое образованіе первымъ или вторымъ классомъ уѣзднаго училища?

Бывали, правда, хотя весьма рѣдкіе, примѣры, когда изъ мѣщанскаго сословія выходили люди съ высшимъ образованіемъ, но вырвавшись изъ своей среды, они безъ оглядки бѣжали отъ своихъ милыхъ согражданъ, потому что сколько нибудь развитому человѣку не безопасно оставаться въ родномъ омутѣ. А какихъ трудовъ и лишеній стоитъ это высшее образованіе вѣмъ намъ, вышедшимъ изъ бѣдной мѣщанской семьи! Намъ ничто не давалось даромъ, но достигалось тяжелой борьбой, а на такой подвигъ, при своей наследственной лѣни и распущенности семейныхъ нравовъ, рѣдкій изъ „нашихъ“ отваживается. Лучше спокойно сидѣть въ лавкѣ и бездѣльничать отъ бездѣлья.

Не взлюбилъ я своихъ согражданъ-мѣщанъ за ихъ глумленіе надъ „мужиками“, за ихъ насмѣшки надъ „деревенщиной“. Въ числѣ многихъ другихъ безобразій, въ памяти моей сохранилась возмутительная выходка молодыхъ лавочниковъ на базарѣ. Сидя отъ утра до вечера въ лавкѣ, безъ всякаго дѣла, они, подобно „шутникамъ“ Островскаго, разважляютъ свою скуку разными грубыми издѣвками надъ своими всегдашними покупателями и кормильцами — крестьянами изъ окрестныхъ селъ. Понадутъ какого нибудь горемыку мамекинца изъ имѣнія кн. Голицыныхъ и начнутъ надъ нимъ глумиться.

„У тебя на правой ногѣ шесть пальцевъ“, пристануть къ нему цѣлой ватагой.

Долго бѣдняга отрещивается и отбивается отъ нихъ, какъ отъ докучливыхъ собакъ, да наконецъ, соблазнившись посуломъ пятака, развязываетъ свои оборы, скидаетъ лапоть, развертываетъ онучи и показываетъ имъ свои пять пальцевъ; а „шутники“ хватаютъ лапоть и забрасываютъ на лавочную крышу при 15 градусномъ морозѣ. И хохочутъ въ свое удовольствіе и молодые и старики, что одурили отупѣвшаго отъ голода и дрожащаго отъ холода нищаго.

Да, непріятна была жизнь моихъ согражданъ-мѣщанъ и не за что мнѣ было полюбить ихъ? Вѣчное сидѣнье въ лавкѣ, въ ожиданіи копѣчнаго барыша, распушенность и шалонайство младшихъ членовъ семьи, отвратительное сѣвернословіе, дикое самодурство и домашніе разбои—старшихъ: отцы семейства пьяные и буйствующіе, женщины-матери съ синяками подъ глазами ищущія убѣжища у сосѣдей, разбитыя окна и посуда, разваленная печь... дѣти, брошенные на произволъ судьбы, безъ всякаго призора... О, памятни мнѣ эти родныя картины моего печальнаго прошлаго!...

Насупротивъ нашего дома, подъ Замкомъ, стояла бѣдная, кривобокая хатенка, глядѣвшая на улицу единственнымъ оконцемъ. Тутъ жилъ и здравствовалъ извѣстный всей Варварской парафіи герой-сапожникъ Красенькій, съ женою Оеклой и сыномъ Оедоромъ. Заупынные пѣсни Кондрата, которыя онъ распѣвалъ, сидя за работой, и фантастическія сказки Оедора до того приковывали мое дѣтское вниманіе, что я, несмотря на запрещеніе родителей, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ. Съ помощью подростка-сына, Кондратъ работалъ неутомимо и скоро. Не одни „шкановые“ чоботы, но и настоящіе выростковые „сапоги въ рантъ“ подъ ваку ему были ни почемъ. Сапогъ за сапогомъ откидывался на „полицу“ работа кипѣла, пѣсни не умолкали ни днемъ, ни ночью. Такъ проходила недѣля, иногда двѣ, а то и цѣлый мѣсяць. Когда оканчивались заказы, Кондратъ бралъ подъ мышку нѣсколько паръ готовыхъ сапогъ и съ утра уходилъ изъ дому за плучкой денегъ. И тутъ то наступалъ періодъ совершеннаго превращенія. Никто, видѣвшій его за работой, не повѣрилъ бы, что природа человѣка можетъ измѣниться до такой степени: изъ тихаго, честнаго, трудолюбиваго, до тонкости деликатнаго

человѣка—внезапно дѣлался лютый звѣрь, вырвавшійся изъ желѣзной клѣтки.

Получивъ мѣстахъ въ трехъ деньги, Кондрать начиналъ свое триумфальное шествіе съ отдаленнаго конца города, не минуя ни одного заведенія съ двуглавымъ орломъ, въ каждомъ выпивалъ онъ по кружку и, идя по улицѣ, страшно неистовствовалъ, произнося неблагозвучныя ругательства на свою жену Оеклушу. Львиное рыканіе его слышалось издали.

Войдя въ хату, Кондрать въ ту же минуту начиналъ бить посуду, стекла, ломалъ столъ, раскидывалъ постель и такимъ образомъ сокрушалъ все, что подвержено разрушенію рукъ человѣческихъ. Оекла, дорожа припрятаннымъ въ коморѣ добромъ, бѣжала во всѣ лопатки въ полицію. Вернувшись домой, въ сопровожденіи двухъ полицменовъ, она сдавала имъ на руки свое сокровище и тѣ увели Кондрата проспаться въ холодной.

Разъ, послѣ сильной бомбардировки, когда онъ проломалъ даже стѣну въ своей ветхой хатенкѣ, не зная куда дѣваться отъ стыда, Кондрать нанялся за 100 рублей въ солдаты. Наемщикъ кормилъ и поилъ его цѣлыхъ четыре мѣсяца, отнасъ его, какъ борова, и повезъ въ Черниговъ „до приему“ но, увы! тамъ нашли въ немъ какой то изъянъ и забрали затылокъ, къ великому огорченію семейства, а чѣмъ бы казалось не воинъ?

„Пьянъ, какъ сапожникъ!“ привыкли возгласить немысляціе, хотя съ виду и образованные, люди, не задаваясь вопросомъ, отчего пьютъ преимущественно сапожники? И одни ли сапожники пьяницы? Отчего не сказать: пьянъ, какъ кунецъ, пьянъ, какъ чиновникъ Терлецкій? Зачѣмъ пользуются такой привилегіей одни лишь сапожники? „Всѣ на Руси пьютъ и пьютъ страшно!“ замѣтилъ гдѣ то Писаревъ.

Вотъ для примѣра два молодыхъ лавочника, учившіеся, но не доучившіеся въ мѣстной гимназіи: они напивались до чортиковъ. Честный труженикъ Кондрать имѣетъ передъ ними огромное преимущество: онъ пропивалъ свои собственныя трудовыя деньги, между тѣмъ какъ они пропивали готовое, отцовское достояніе и пили до безобразія. Скитался цѣлую недѣлю по городскимъ кабакамъ, они забирались потомъ на вольную—въ Дюмоткановъ или въ Солоное;

ночевали гдѣ нибудь во рву или на кладбищѣ въ запавшей могилѣ, какъ евангельскіе бѣсноватые, о коихъ повѣствуется: „не живяху въ домѣхъ, но во гробахъ“.

Чѣмъ лучше сапожника Красенькаго хотъ вотъ тотъ молодой купецъ, бѣгавшій въ одной рубашкѣ по базару въ припадкѣ delirium tremens? На его памяти тяготѣеть проклятіе отца, не доби- таго на пожарѣ городничимъ и умершаго отъ побоевъ, нанесенныхъ ему собственнымъ дѣтищомъ—этимъ самымъ потеряннымъ юношей.

Иль хотъ этотъ блудный сынъ пившаго безъ просыпу мѣстнаго богача, бывшаго головы Бѣлова, вольноотпущенника Демидова? Са- пожникъ Кондратъ ему и въ подметки не годится...

„О препоганая мать-природа! Зачѣмъ ты создала мать-сивуху? Чтобъ тебѣ на сквозь прошло!“

Облаявъ такими некрасивыми словами природу и обвинивъ ее въ произведеніи на свѣтъ такого чудища, какъ сивуха, несчастная жертва того же чудища—Помяловскій, безъ сомнѣнія, разумѣлъ подъ этимъ словомъ не ту „природу-мать“, которая восхищала великаго Байрона и въ которой поэтъ находилъ бальзамъ утѣшенія для раз- терзанной души своей. Люди сами создаютъ себѣ адъ и среди рая земнаго, а она, владычица, остается вѣчно неизмѣною, дѣйстви- тельно прекрасною. Гнусные пороки и преступленія людей не въ силахъ омрачать свѣтлаго чела ея. Солнце одинаково свѣтитъ на правед- ныхъ и неправедныхъ, и блаженъ, кто, подобно великому пантеисту Гёте, умѣетъ дышать одною жизнію съ природой, чья душа откли- кается на ея дружескіе призывы, кто понимаетъ „говоръ древесныхъ листовъ и чувствуетъ травъ прозябанье“.

II. Дѣтскіе годы и мое домашнее воспитаніе.

Кто наблюдалъ, какъ пристально, широко раскрывъ глаза, смотреть младенецъ на окружающіе предметы, тому хорошо извѣстно, что воспи- таніе начинается уже съ того времени.

Спенсеръ.

Сознавая всю важность дѣтскихъ лѣтъ и первоначальнаго домаш- няго воспитанія относительно вліянія ихъ на образованіе въ чело- вѣкѣ характера, я, однако жъ, мало коснусь этого темнаго періода

своей жизни. Что можно сказать о первоначальномъ дѣтскомъ воспитаніи подѣ родительскимъ кровомъ, при этой безобразной обстановкѣ домашняго быта, какую въ большинствѣ предѣвляла семейная жизнь мѣщанскаго сословія?

Школьному возрасту, говоритъ ученый педагогъ Кнаппе, предшествуетъ шестилѣтіе, которое гораздо важнѣе, чѣмъ два трехлѣтія, проведенныя въ академіи и путешествіяхъ“.

Есть, конечно, счастливыя, у которыхъ было такое блаженное шестилѣтіе; но у меня его не было. Я и мои сверстники поведены были такъ, что не допускали въ старшихъ себя никакихъ недостатковъ: все, что ни дѣлали они, по нашему убѣжденію, такъ и слѣдовало быть. Привыкши слышать изъ устъ своихъ родителей вѣчные упреки въ нашей дѣтской глупости, забитые и придавленные самодурствомъ старшихъ членовъ семьи, мы никогда не относились критически къ тому, что говорилось намъ зачастую въ нетрезвомъ видѣ. Произволь и деспотизмъ большаковъ не возбуждалъ въ насъ никакого протеста. Безобразное поведеніе взрослыхъ, тузившихъ насъ за всякіе пустяки, по теоріи того же, самаго скуднаго воспитанія въ мѣрѣ, не должно было служить примѣромъ для подражанія, по латинской пословицѣ: *quod licet Jovi, non licet bovi*. Но такое правило было для насъ обязательнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы оставались дѣтьми. Мы пришли къ убѣжденію, что бьютъ насъ не за то, что мы поступаемъ дурно, а за то, что мы не получили еще, такъ сказать, юридическаго права поступать такъ, оставаясь дѣтьми. Такая мораль наводила нашъ дѣтскій умъ на мысль, что абсолютнаго безобразія нѣтъ и быть не можетъ, что скверные поступки неприличны только дѣтямъ, большимъ же все вольно. Всякій изъ насъ, получивъ затрещину отъ властной руки старшаго, думалъ: погоди, дай-кась мнѣ вырасти и я буду такимъ манеромъ распоряжаться съ меньшими себя. Руководясь такими нехитрыми соображеніями, дѣти усваивали всѣ дурныя наклонности своихъ родителей и шли по ихъ слѣдамъ, какъ только переставали быть дѣтьми. Физическая сила, при совершенномъ отсутствіи вліянія нравственнаго, сдерживала въ мальчикѣ порочныя инстинкты, переставала имѣть для него значеніе, коль скоро онъ становился большимъ болваномъ: тогда разнузданная природа его не знала удержу. Такимъ образомъ

сынъ копироваль отца и, дождавшись собственныхъ дѣтей, поступаль съ ними тѣмъ же манеромъ. Удивляясь богатырскимъ подвигамъ подобнаго сорванца, родители только ахали, приговаривая: „совѣршенный батечко!“ и на томъ мирились съ безобразіемъ его поступковъ.

Нечего послѣ этого удивляться, что нѣкоторые пороки во многихъ мѣщанскихъ семьяхъ дѣлаются наслѣдственными, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія къ поколѣнію. Еще Гораций гдѣ то сказалъ, что „примѣры, понятія и правила вкореняются въ дѣтствѣ такъ же сильно, какъ запахъ кушаньевъ впервые влитыхъ въ глиняный сосудъ“.

Часто случается, что родители еще при жизни пожинають плоды такого бессмысленнаго воспитанія. Сынъ, выросшій изъ подъ палки, возмущавъ, беретъ за груди отца и ругается надъ матерью, которая, отбиваясь отъ милаго чадушки кочергой, нерѣдко проклинаеть день его рожденія, причитая сквозь слезы: „а щобъ ты бувъ пропавъ маленькимъ!“

За примѣромъ ходить не далеко. Единственный сынъ и наслѣдникъ Красенькаго Оедоръ, мой закадычный пріятель, посвятившій меня во всѣ тайнства игры въ пацы (бабки) и уженья рыбы, получивъ отъ природы богатые задатки врожденныхъ способностей и добрыхъ инстинктовъ, вслѣдствіе неизбежнаго вліянія окружающей его среды, не могъ не сдѣлаться вторымъ, значительно передѣланнымъ изданіемъ своего батюшки. Въ силу вышеизложенной морали, будучи мальчикомъ, онъ не смѣль и подумать о чемъ нибудь дурномъ. Вкусы его были самыя невинныя, проказы самыя дѣтскія; но это происходило оттого, что онъ считаль для себя недозволеннымъ то, что составляло привилегію однихъ совѣршеннолѣтнихъ. За то, оперившись, да оженившись, этотъ птенецъ и батька за поясъ заткнулъ. Тотъ, по крайней мѣрѣ, хотъ и пилъ, но былъ всегда честенъ и совѣстливъ. Врагъ самому себѣ и своей семьѣ, Красенькій старшій пропиваль свою собственную, заработанную копѣйку и не зарился на чужое добро, между тѣмъ Красенькій—меньшій, кромѣ того, что былъ страшный буянъ и пьяница, былъ еще вдобавокъ отъявленнымъ негодяемъ и злодуюгой; „обокравъ нѣсколько лавокъ и замордовавши двухъ жонокъ, и само пропало ледащо!“ сообщили мнѣ о немъ ближайшіе сосѣди.

Уединеніе, въ нѣкоторомъ отношеніи пагубное для здоровья дѣтей, никогда не остается безъ добрыхъ послѣдствій для ихъ внутренняго саморазвитія. Тепличное воспитаніе барскихъ дѣтей, удаленное отъ природы, совершенно исключаетъ уединеніе изъ своей программы: они вѣчно окружены няньками и гувернерами, а у семи нянекъ, какъ извѣстно, дитя часто лишается глаза: привыкши постоянно ходить на помочахъ, дѣти лишены самодѣятельности ума и нерѣдко во всю остальную жизнь чувствуютъ себя какими то безпомощными созданіями.

Pas trop gouverner—по мнѣнію педагога Рихтера, — считается лучшимъ правиломъ не только въ политикѣ, но и въ педагогіи.

Не то было съ нами—замарашками, брошенными на произволь судьбы, безъ всякаго надзора. Не знали мы въ дѣтствѣ ни боннъ, ни гувернеровъ, а росли волею Божіей, какъ грибки послѣ дождика.

Никому до насъ не было дѣла, развѣ, набѣгавшись вдоволь, ѣсть попросишь—тогда только о тебѣ вспомнятъ, утрутъ съ любовью носъ, давши въ придачу подзатыльника. Для такихъ дѣтей, при безобразіи домашней обстановки, уединеніе не опасно, даже лучше, если они будутъ подалше отъ взрослыхъ, у которыхъ имъ нечего хорошаго заимствовать. Такъ было отчасти и со мной.

Былъ, правда, и у меня менторъ, но совсѣмъ другаго сорта. Въ темномъ царствѣ невѣжества, лѣни и дикихъ инстинктовъ, свѣтила мнѣ путеводная звѣзда, въ лицѣ моего добраго дядюся Алексія Ивановича: она то и вывела меня на хорошую дорогу.

Въ 1834 году дѣду моему въ день его кончины было 100 лѣтъ безъ мѣсяца. Стало быть, онъ родился въ царствованіе Анны Ивановны около 1735 года и умеръ въ восьмое царствованіе, при императорѣ Николаѣ I. На его глазахъ совершились всѣ перемѣны, всѣ важнѣйшія фазы какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни Малороссіи. Пришелъ онъ въ Новгородокъ около 1765 года, въ царствованіе Екатерины II, изъ правобережной Украины, гдѣ подвизался въ оное время извѣстный гайдамака Савва Чалый. Упорнымъ трудомъ достигъ онъ безбѣднаго состоянія и, передавши на старости лѣтъ нажитое добро единственному сыну Корнилю, успокоилъ свои кости на теплой лежанкѣ. Много видѣлъ онъ и испыталъ на своемъ вѣку. Чередовались поколѣнія, видоизмѣнялся бытъ родной земли,

а онъ оставался неизмѣннымъ, какъ столѣтній дубъ между молодыми деревьями. Среди своихъ согражданъ — мѣщанъ, утратившихъ навсегда память о своихъ предкахъ, дидусъ мой Алексій Ивановичъ едва ли былъ не единственною живою связью съ отдаленнымъ прошлымъ...

Моя любовь къ Украинѣ, благодаря этому столѣтнему старцу, вкоренилась во мнѣ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Смутно помню я его поэтическіе рассказы о старинѣ, въ долгіе зимніе вечера при тускломъ мерцаніи каганца. Благодаря этимъ рассказамъ, я созналъ себя украинцемъ съ первымъ проблескомъ пониманія.

Приверженность мою къ малорусской старинѣ питали во мнѣ и заунывныя пѣсни Кондратовы, и фантастическія сказки сына его Ѳедора, и юмористическія прибаутки нашего сосѣда Игната Попка, то же сапожника зимой и садовника лѣтомъ, и иныхъ бѣдняковъ — ремесленниковъ, къ которымъ уходилъ я тайкомъ въ долгіе осенние вечера, когда они въ кругу своихъ домохадцевъ обоого пола, скорчившись, сидѣли за работой при яркомъ освѣщеніи „лушника“ ¹⁾.

Немало занимали меня и юродивыя выходки мѣстнаго полишнеля Ивана Скакуна, говорившаго всегда стихами и пѣвшаго дребезжащимъ голосомъ комическихія пѣсни, съ подмигиваніемъ и притопываніемъ, что такъ не шло къ сѣдой головѣ его. Печально, говорить Гейне, если старику приходится продавать отъ нужды уваженіе, должное его лѣтамъ, и приниматься за шутовство.

Чувство привязанности къ Украинѣ нерѣдко также будилъ въ дѣтской душѣ моей своими заунывными думами забрѣвній изъ за Десны бандуристъ, пробиравшійся всегда съ своимъ поводыремъ въ городъ на петровскую ярмарку „манывцями“, во избѣжаніе встрѣчи съ становымъ, какъ видно, сильно не долюблявшимъ народной музыки...

Хотя дѣдовскій нашъ домъ, по своей старосвѣтской обстановкѣ, не принадлежалъ къ числу богатыхъ хоромъ кунеческихъ, но изъ уваженія къ почтенной личности высокочтимаго старца Алексія Ивановича, нашимъ убогимъ жилищемъ не пренебрегали не только именитые купцы и мелкотравчатые чиновники, насъ посѣщали нерѣдко

¹⁾ Такъ назывался натянутый на обручи и выбѣленный мѣломъ конической формы мѣшокъ, котораго вершина вдѣлывалась въ потолокъ и сообщалась съ дымовой трубой на чердакѣ, въ основаніи же этого конуса привѣшивалась желѣзная рѣшотка, на которой ярко пылали сосновые корни, не уступающія газовому освѣщенію.

и настоящіе породистыя паны, какъ напр. Судіенко, Богунъ и Халанскій. Несмотря, однакожь, на сіе, меня, сколько я помню, никогда не тянуло вверхъ. Въ дѣтствѣ у меня не было ни одного пріятеля между дворянскими и купеческими дѣтьми. Всѣ мои симпатіи принадлежали низшему слою населенія. Меня всегда тянуло неудержимой силой къ нашему бѣдному, голодному, оборванному крѣпостному люду и къ трудовому сословію ремесленниковъ. Кажется, любовь и симпатіи мои къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ я унаслѣдовалъ отъ своей матери, родившейся не въ городѣ, а въ селѣ Семіоновкѣ¹⁾.

И если участвѣмъ былъ связанъ
Съ больнымъ челоѣчествомъ я—
Я знаю, кому я обязанъ
Тѣмъ чувствомъ, согрѣвшимъ меня.

(Изъ Мориса Гартмана).

Мать моя никогда бывало не отпуститъ ни одного нищаго безъ того, чтобы не накормить его горячимъ борщемъ или молокомъ съ хлѣбомъ.

Живымъ примѣромъ этой кроткой страдальцы я только и могу объяснить мои дѣтскія привязанности къ разнымъ горемыкамъ: Каблукамъ и Каблуккамъ, рыжему Сенькѣ, кучерскому сыну, Васѣ слѣпой нищенкѣ и прочей голи, пріютившейся подъ Замокъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ домомъ. Часто, послѣ долгихъ поисковъ, матушка находила меня то у сапожника Кондрата, то у Лукьяна портнаго, то на Замокъ въ сообществѣ дѣтей разныхъ возрастовъ и половъ, въ замаранныхъ и заплатанныхъ рубашонкахъ. Эту голодную ватагу пріятелей водилъ я иногда, воровскимъ обычаемъ, въ собственный садъ красть яблоки, за что неоднократно гости мои, вмѣстѣ со мною, отвѣдывали джигучки-крапивы и, поднавъ рубашонки, разбѣгались по домамъ, оглашая улицу жалобными воплями,

— Яке ты ледащо, Михайло, не буде зъ тебе ничего доброго!

Журилъ меня дидусъ послѣ каждой подобной проказы. Тонъ его рѣчи былъ всегда спокойный и строго внушительный. Я не

¹⁾ Село Семіоновка, новозыбковскаго уѣзда, населено гетманомъ Самойловичемъ выходцами съ правой стороны Днѣпра послѣ руины и названо имъ по имени сына его Семіона; жители этого села во многомъ сохранили еще до сихъ поръ свои особенности, отличающія ихъ отъ мѣстнаго населенія:

помню, чтобы онъ когда нибудь бранился или раздражался. Живо представляется мнѣ его величавая фигура: это былъ высокаго роста старикъ, атлетическаго сложенія, съ большой широкой бородой, съ высокимъ лоснящимся челомъ, изрѣзаннмъ глубокими морщинами, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли кроткіе любящіе глаза. До 90 лѣтъ своей жизни онъ былъ еще такъ бодръ, что здоровью его могли бы позавидовать тщедушные юноши новѣйшей формаціи. Чаще всего журилъ меня дѣдушка лѣтомъ, не видя меня по цѣлымъ днямъ. Да и какъ его усидѣть въ комнатѣ? По утру, едва продерешь глаза, какъ и былъ таковъ. На улицѣ подъ заборомъ ожидали меня пріятели, съ которыми я нерѣдко дѣлился и своимъ завтракомъ. Любимыя мѣста нашихъ дѣтскихъ игръ: садъ, замокъ и оболонье—тамъ меня обыкновенно и находила мать, вернувшись домой изъ лавки.

— Ледащо нашъ Михайло! твердилъ вѣчную свою пѣсню старый ворчунъ, а я слушалъ, какъ Васька-котъ у Кривола, понутивъ голову, и наровилъ только, какъ бы, подкрѣпивши силы, снова улизнуть на улицу, захвативъ съ собой какой нибудь блинъ, намазанный саломъ, или краюху хлѣба для своихъ голодныхъ друзей, ожидавшихъ меня подъ воротами.

Но быстро проходила веселое лѣтечко; наступаетъ скучная осень и еще скучнѣйшая Филипповка, когда, по словамъ моей слѣпенькой бабушки, „молоко и сметана полизли на дуба“. За осенью, обычной своей колеей, слѣдовала сѣдая чародѣйка зима, съ своими вьюгами и мятелями. Вылазки мои прекращались надолго. Выскочишь на дворъ, повозишься съ полчаса съ крынджолами (салазки) да „трушкомъ у хату“, къ дядусю на теплую лежанку. Въ эти длинные зимніе вечера (въ счастливѣйшіе годы моего дѣтства, пока не постигло насъ великое семейное горе, повлекшее за собой совершенное разореніе), къ намъ частенько приходилъ кто нибудь изъ родственниковъ—провесть вечеръ въ душевнотельныхъ бесѣдахъ съ дѣдушкой, а я все слушалъ и наблюдалъ своимъ дѣтскимъ умомъ, сидя подлѣ дѣда на теплой лежанкѣ. Тутъ нерѣдко читались Четьи-Миней или Печерскій патерикъ. Чтеніе прерывалось обильными комментаріями дядюшки Никиты Гавриловича Згутницкаго, великаго книжника, вступавшаго иногда въ жаркіе богословскія пренія съ

раскольниками изъ Стародубья—Григоріемъ Москалемъ и Нестеромъ Меркуловымъ. Подъ вліяніемъ благочестивыхъ бесѣдъ, воображеніе мое настраивалось на тонъ чудеснаго и сверхъестественнаго, такъ что на нѣкоторое время я чуть не сдѣлался маленькимъ мистикомъ; а страшныя сказки слѣпой Васи про вѣдьмъ, домовыхъ, воввулакъ и другую погань—довершили мое эстетическое образованіе, разстроивъ нервы и поселивъ въ душѣ такой суевѣрный страхъ, что я ни на одну минуту не могъ остаться одинъ въ темной комнатѣ. Иногда, пробужденный страшнымъ сновидѣніемъ, я оцупывалъ руками дѣда и своимъ плачемъ прерывалъ старческой сонъ его. И все таки, несмотря на такой страхъ, слушать волшебныя сказки было для меня неизъяснимымъ наслажденіемъ: изъ за нихъ я забывалъ и сонъ, и пищу.

Отрѣшаясь такимъ образомъ отъ окружавшей меня дѣйствительности, я съ раннихъ лѣтъ привыкалъ жить поэзіей вымысловъ, принимая мечту, порожденіе собственной фантазіи, за существованіе. Справедливо кто то замѣтилъ, что тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убавканъ волшебными сказками, во всю жизнь не отрезвится.

По замѣчанію эстетиковъ, чувство прекраснаго врождено каждому человѣку, но у одного оно проявляется сильнѣе, у другого слабѣе, смотря по тому, какіе предметы окружаютъ наше младенчество, какими стремленіями волнуется наше воображеніе въ юности, какими, наконецъ, склонностями зрѣлый возрастъ завершилъ образованіе нашей духовной природы. Мое дѣтство вращалось въ очарованномъ кругу вымысловъ,—я жилъ въ мірѣ иризраковъ. Чѣмъ сильнѣе тѣснила меня грубая среда, тѣмъ чаще уходилъ я мыслію въ область фантастическаго міра: я бредилъ одними чудесами.

Уродливость такого воспитанія не преминула обнаружиться во всей своей силѣ. Воображеніе и чувство, питаясь и развиваясь на счетъ разсудка, породили во мнѣ неисправимую мечтательность и ту нервную впечатлительность, которая легли въ основу моего характера, сдѣлавшись причиной многихъ увлеченій и необдуманыхъ поступковъ, что немало вредило моей практической дѣятельности. О, какъ много дѣлаетъ дѣтямъ зла этотъ сказочный міръ съ его прекрасными спящими царевнами!...

Съ другой стороны, въ первоначальномъ моемъ воспитаніи весьма важную роль играло непрерывное сближеніе съ природой, чему

такъ много содѣйствовало привлекательное мѣстоположеніе моей родины. Оно то, это сближеніе, и послужило противувѣсомъ тому одностороннему мистическому направленію способностей, которое, подъ вліяніемъ Четъ-Миней и волшебныхъ сказокъ слѣпой Васи, несомнѣнно привело бы меня къ монастырю или къ желтому дому, что и случилось съ нѣкоторыми изъ моихъ сверстниковъ впоследствии... То, что слынишь и видишь въ дѣтскомъ возрастѣ, врѣзывается въ умъ и служитъ основой нашихъ мыслей до конца жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства я полюбилъ природу безавѣтною, безотчетною любовью; въ ней одной находилъ я отраду, забывая тяготы своего существованія. Она — кормилица пріютила меня на своемъ матернемъ лонѣ, сохранивъ въ душѣ невинность, простоту и воспріимчивость, на зло окружавшей меня пошлости и грубости.

„Безсознательно для человѣка, говоритъ Гумбольдтъ, рано сливается въ немъ то, что отражала въ душѣ его окружающая его природа, съ тѣмъ, что глубоко и свободно вкоренилось въ его первоначальныхъ наклонностяхъ, въ его внутреннихъ духовныхъ силахъ“.

Живописная мѣстность моего роднаго города весьма благопріятствовало зарожденію въ душѣ неизмѣнной любви моей къ природѣ¹⁾, Городъ лежитъ на Деснѣ, а домъ нашъ находился почти на берегу ея, подъ Замкомъ. За рѣкой разстилаются зеленые луга, изрѣзанные въ разныхъ направленіяхъ проточными рѣчками: Липовкою, Витью, Прыжкомъ, съ безчисленными озерами, поросшими ситнякомъ и осокой—приволье дикихъ утокъ. Лѣтъ 50 тому назадъ эти луга, почти на половину заросшіе лозой, представляли картину первобытной природы: воды кишѣли рыбами и раками, заросли—птицей, въ непроходимыхъ дебряхъ водились волки, лисицы и зайцы. Въ нынѣшнихъ голыхъ сѣвкосныхъ пространствахъ не осталось ни образа, ни подобія прежняго приволья. Съ сѣверовостока луга окаймлялись чернѣющей полосой сосноваго лѣса, теперь уже совершенно истребленнаго, а въ половодье заливались водой, образуя огромный бассейнъ верстъ на десять въ ширину, безъ конца въ длину. Туда то меня всегда влекло неудержимо. Вода всегда производила на

¹⁾ Проѣздомъ черезъ Новгородокъ въ Таганрогъ, въ 1825 году, Александръ I, любуясь изъ за Десны на городъ, сказалъ: „да это въ миниатюрѣ Кіевъ!“

меня чарующее впечатлѣніе. Люблю я, за одно съ Аксаковымъ, мысленно переноситься

На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ
И въ свои былые годы...

То, что Гарибальди сказалъ о морѣ, можно отнести къ моей любимицѣ Деснѣ: „если человѣкъ растеть на берегу моря—онъ въ него влюбляется. Послѣ разлуки съ нимъ, онъ встрѣчаетъ его какъ любимаго человѣка“.

Но мнѣ не нравится море съ его безбрежною далью. Не люблю я и широкихъ быстрыхъ рѣкъ: меня пугаетъ ихъ негостепріимная пучина. Но я не могу оторваться отъ маленькихъ рѣчекъ, поросшихъ очеретомъ и лопухомъ, съ ихъ тихими заводами и омуточками, съ наклонившимися къ водѣ кустами.

О, знакомая картина моего дѣтства! Высоко въ небѣ стоитъ солнце. Жаркій іюльскій воздухъ напоенъ ароматомъ луговыхъ травъ и цвѣтовъ. Въ заросляхъ подъ лозой копошится рыбалка съ своимъ длиннымъ сакомъ. Вверху, надъ водою, мелькая ослѣпительной бѣлизной своихъ крыльевъ, летаетъ голодная крячка и зорко слѣдитъ за играющей на поверхности рыбешкой, и вдругъ, съ быстротой пули, падаетъ внизъ—хватаетъ верховодку и опускается съ своей добычей въ ситякъ... Вонъ и охотникъ, въ потѣ лица ползущій въ густой травѣ подъ утокъ, и летающая надъ нимъ съ жалобнымъ воплемъ чайка, и дерущій, что есть мочи, горло, скрытый въ камышахъ деркачъ...

И тутъ, пріютившись гдѣ нибудь подъ кустомъ, сидвшъ бывало съ удочкой, не сводя глазъ съ поплавка, а нестрые горбачи—окуни такъ и спуютъ стаями, ища убѣжища отъ палящихъ лучей солнца подъ широкими листьями лоуха.

Стенное мѣсто безъ воды—для меня пустыня, охватывающая душу ужасающей тоской. Мнѣ всегда становится не по себѣ среди безводныхъ жаркихъ равнинъ. Любимый мною видъ: небольшіе пригорки, окаймленные лѣсомъ: внизу—зеркало пруда или рѣчки съ мельницей...

Ни въ одну весну, когда вскрывалась рѣка и спирался у пристани ледъ, я не пропускалъ случая полюбоваться съ Замка на плы-

гуція съ шумомъ и трескомъ льдины. „Въ шумѣ родной рѣки, ска-
заль гдѣ то Лермонтовъ, есть что то схожее съ колыбельною пѣ-
нію“. Никто не нарушалъ безмолвнаго созерцанія этой величествен-
ной картины пробудившейся отъ долгаго сна природы.

А въ дождливую и бурную осень забѣшься бывало куда ни-
будь на чердакъ, на сѣноваль или въ расщелину обрыва, заку-
таешься въ свой заячій тулупчикъ и просидишь такъ цѣлые часы,
прислушиваясь къ сердитому свисту вѣтра и къ шуму крутящихся
листьевъ.

Любовь къ природѣ, со всѣмъ ея безчисленнымъ населеніемъ—
летающимъ, ползающимъ, прыгающимъ, жужжащимъ и поющимъ—
сказалась во мнѣ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Излюбленнымъ мѣ-
стомъ нашихъ ребяческихъ экскурсій былъ Замокъ, съ его буграми
и провальями. Преданье гласитъ, что подъ этой горой есть подзем-
ные ходы, гдѣ зарыто множество кладовъ. Находились и искатели
оныхъ; но послѣ того, какъ одного изъ нихъ засыпало землей, ни-
кто болѣе не отваживался лѣзть въ подземелье. Мы часто бросали
камни въ это страшное провалье, гдѣ, по общему убѣжденію моихъ
сверстниковъ, жилъ змѣй о 20 головахъ. На Замкѣ я проводилъ
большую часть лѣта, гоняясь за разноцвѣтными мотыльками, жуч-
ками, саранчой и другими проворными насѣкомыми. Изловивши ихъ
порядочное количество, я обыкновенно выкапывалъ въ саду квад-
ратный погребокъ, накрывалъ его сверху стекломъ и, заключивъ туда
своихъ плѣнниковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ за ихъ движе-
ніями, стараясь угадать, что они думаютъ и о чемъ между собой
перешептываются, шурша своими крылышками. Меня сильно занимало
такое насильственное смѣшеніе живыхъ созданій, у которыхъ отнята
ихъ родная сфера и которыя всѣ, по моей прихоти, должны были
дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Долго оставались мои узники
въ этой темницѣ; я все ждалъ, что за недостаткомъ пищи, они на-
чнутъ пожирать другъ друга, но, не дождавшись этого, давалъ имъ
свободу.

То же самое зимой продѣлывалось съ птичками. Окнами нашей
комната выходила въ садъ. Устроивъ, съ помощію Федора Красненъ-
каго, ловушку изъ обруча, обтянутаго сѣткой, и привадивши сниги-
рей, чечотокъ, овсянокъ и другихъ пернатыхъ, я ставилъ свой не-

хитрый аппаратъ, подпиралъ его палочкой, къ которой привязывался длинный снурокъ, проведенный въ комнату, и потомъ, сидя въ теплѣ, наблюдалъ черезъ окно за движеніями птичекъ, пока они не подойдутъ подъ сѣтку. Изловивъ ихъ такимъ образомъ порядочное количество, налюбовавшись ими досыта, при первой случившейся оттепели, я выпускалъ ихъ на волю. Мысль о лишеніи этихъ воздушныхъ странниковъ ничѣмъ незамѣнимой для нихъ свободы, какъ видно, не входила въ мою дѣтскую банку и превышала мои понятія.

Подъ конецъ Филиппова поста, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалась нами рождественскіе праздники, обильные разными развлечениями и лакомыми яствами. По вечерамъ обыкновенно собирались ближайшіе родственники то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. Шли они въ гости цѣлыми семействами, со всѣми чадами и домочадцами. По старосвѣтскому обычаю всѣмъ гостямъ дѣти хозяина должны были „давать чоломъ“, т. е. цаловать руку, а иногда и говорить вирши. Довольные „звичайненькимъ хлопчикомъ“, гости гладили его по головкѣ и дарили ему на орѣхи, — кто грошъ, а кто и цѣлаго пятака. Затѣмъ, когда начиналось потчиваніе гостей, дѣти удаляемы были въ особое помѣщеніе, большею частію на кухню. Любимѣйшимъ препровожденіемъ времени у насъ были очередные рассказы про разные необычныя событія изъ области суевѣрій народныхъ, которыми, какъ и имѣлъ случай замѣтить выше, заражены были не одни дѣти, но и взрослые. Каждый изъ насъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ, спѣшилиъ рассказать свое, и Боже мой, о чемъ тутъ не говорилось!

И какъ дядюшка Хома Темный, идучи пьяненькій по Нечаевой улицѣ, наступилъ на клубокъ, какъ этотъ клубокъ началъ самъ собою кататься и подпрыгивать, подбиваясь подъ ноги дядюшки, который отъ того нѣсколько разъ надалъ и разбилъ себѣ до крови лобъ, какъ этотъ клубокъ превратился наконецъ въ женщину-вѣдму, при чемъ завязались жаркіе споры: была ли то Жучиха или Трясобородка — первѣйшія знаменитости города по части ночныхъ походовъ.

Какъ кожемяка Тарелка поймалъ вѣдму, доившую у него на дворѣ корову. И какъ старый Правосудъ (который и самъ имѣлъ въ носу муху) схватилъ за переднія лапы бѣлую сучку, обланившую его сзади за шею съ цѣлію задушить его, — да принесши ее въ домъ,

отрубилъ ей переднія лапы, а на другой день весь городъ узналъ, что на Заручѣ одна женщина оказалась безъ рукъ.

Какъ рыбакъ Ховрычъ, отправившись на всю ночь съ сѣтью за Десну, познакомился съ водяными; одного изъ нихъ поподчивалъ табачкой, а вѣжливый чортяка поднесъ ему чарку горѣлки, отъ которой Ховрычъ проспалъ цѣлыя сутки.

Какъ до купчихи Сорочихи летаетъ въ трубу огненный змѣй и носить ей червонцы... Какъ другой дядюшка Микита Гавриловичъ встрѣтилъ въ лѣсу пасѣчника-колдуна, который, пошептавши надъ яблокомъ, изъ краснаго превратилъ его въ черное, какъ уголь, а пошептавши вторично, изъ чернаго сдѣлалъ опять краснымъ. Какъ этотъ страшный человѣкъ, обиженный острымъ словомъ, которое позволилъ себѣ сказать при этомъ старшій сынъ Никиты Гавриловича Максимъ, подарилъ сему юношѣ складной пожикъ, которымъ онъ, спустя два года, закололся въ припадкѣ меланхоліи.

Какъ и отчего разбогатѣлъ булочникъ Нечипоръ, какъ онъ ѣздилъ на мельницу для свиданія съ нечистыми, не ходилъ никогда въ церковь, не исповѣдывался и не причащался... и для чего онъ бросалъ подъ мельничное колесо надѣванную имъ на Пасху сорочку.

Какъ разбойникъ Гаркуша подѣхалъ ночью къ богатому Зимяку, жившему на Кручѣ, и, сжаривъ его, какъ карася, на большой сковородѣ, въ ту же ночь повѣнчался съ его красавицей дочкой въ Покровской церкви, а потомъ, забравши въ приданое все имущество изжареннаго тестя, на разсвѣтѣ ускакалъ въ свой недоступный притонъ—въ лѣсъ, за Десну (лѣса же эти въ старину тянулись до самаго Брянска).

Изъ многого множества выслушанныхъ мною въ дѣтствѣ сказокъ особенно вѣздалась мнѣ въ память одна: про вѣдму, которая позавидовавъ на дорогіе перстни богатой покойницы, въ глухую полночь отправилась на кладбище, и принесши домой отрѣзанныя руки, принялась ихъ варить въ горшкѣ для того, чтобы снять съ пальцевъ золотыя кольца. Сказку эту съ особеннымъ искусствомъ умѣла рассказывать слѣпая Вася, весьма эффектно пѣя басомъ пѣсню, которую въ сказкѣ поетъ вставшая изъ могилы покойница, стоя подѣ окномъ вѣдьминой хаты и смотря на ея каннибальскую работу:

И куры сплять, и гуся сплять,
 Одна моя кума не спить:
 Бѣлы руки въ горшкѣ варить
 Золоты перстни изнимають.

Какъ страшень и какъ поэтиченъ былъ разсказъ про вѣдьму Жучиху, когда она въ ясную лунную ночь разгуливала по улицамъ спящаго города, распустивъ по плечамъ свои черныя патлы, въ бѣлой сорочкѣ, расхристанная, съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими фосфорическимъ блескомъ глазами! Горе тому, съ кѣмъ она встрѣтится! Собаки, завидя ея, не лають, а дрожа отъ страху, съ жалобнымъ воемъ спѣшатъ укрыться въ свои конуры. (За исключеніемъ, впрочемъ, „ярчуковъ“, щенковъ первенцевъ, не боявшихся вѣдьмы). Рѣдкій смѣльчакъ отваживался пройти по городу ночью, кромѣ развѣ пьяныхъ, которымъ, по пословицѣ, и море по колѣна; за то имъ никогда не проходила даромъ такая безшабашная удаль; да одни они и разсказывали, въ назиданіе дѣтямъ, о случившемся съ ними. Самые обыкновенные предметы, на которые днемъ никто не обращаетъ вниманія, ночью, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха, принимаютъ особенный видъ: съ ними происходятъ такія метаморфозы, какихъ и Овидій не могъ придумать: встрѣтится ли бѣлая собака, кошка, свинья, лошадь—все это одна и та же вѣдьма, принимающая различные образы, чтобы сильнѣе отуманить и безъ того темный умъ невѣжды и сдѣлать ему какую нибудь пакость.

И до сихъ поръ (хотя не въ такой степени) подобная чертовщина господствуетъ надъ умами моихъ земляковъ. Иной молодець не вѣруетъ въ Бога, а слѣпо вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Днемъ ни Бога не боится, ни людей не стыдится, а ночью осмѣливается пройти улицу не иначе, какъ набравшись храбрости изъ зеленой скляницы.

Если вліяніе окружающей насъ среды бываетъ неизбѣжно въ возрастѣ зрѣломъ, когда въ человѣкѣ окончательно установятся и окрѣпнутъ твердые принципы, регулирующія различныя функціи его дѣятельности, то въ дѣтскіе годы, когда воспріимчивость бываетъ сильнѣе, вліяніе это еще неизбѣжнѣе; тѣмъ не менѣе въ природѣ каждаго индивидуума есть что то такое, что не поддается вліянію среды даже въ этомъ возрастѣ.

„Каждый характеръ ассимилируетъ себя изъ окружающаго міра то, что ему сродно, и отбрасываетъ все... ему несродное: подобно растенію, вбирающему въ себя изъ земли и воздуха только тѣ элементы, которые питаютъ его, и не трогаетъ тѣхъ, которые ему не годны въ пищу“. Льюисъ.

Но обратимся снова къ рождественскимъ праздникамъ.

Пріемъ гостей не ограничивался обильными яствами и возліаніями въ честь Бахуса. Когда гости находились уже въ нѣкоторомъ подпитіи, въ собраніе врывалась толпа ряженыхъ со звѣздой или козою и гости терпѣливо выслушивали обычную пѣсню о томъ, какъ „волеви со звѣздой путешествуютъ“; смотрѣли осовѣлыми глазами и на самую звѣзду, быстро вертящуюся и освѣщенную сзади сальными огарками, подъ громогласное завываніе шевцовъ, кравцовъ и шаповаловъ. Хохотали до упаду не только малые, но и старыя надъ козою, топавшею по полу огромными сапожищами, при чемъ пѣлась всегда одна и та же пѣсня: „Ой ты, коза, ой ты госпожа!“

Для вящей потѣхи гостей, однажды случилась презабавная исторія. Постучался кто то въ ставню.

— Кто тамъ?—Я.—Кто ты?—Климъ!—Чего тебѣ?

— Позвольте козу пустить!

Позволеніе дано. Въ комнату вошли всего двое; Климъ—нашъ сосѣдъ портной, да коза. По окончаніи „приставленія“ Климу поднесли водки и спросили шутливо: „можетъ ли коза твоя выпьетъ чарку? Кто у тебя за козу?“

— А жонка, отвѣчаетъ невозмутимо Климъ.

И гости, подобно олимпійцамъ, смѣхъ несказанный воздвигли. А забавникъ на своемъ жаргонѣ продолжаетъ:

„Сядимъ сабѣ зъ жонкою удвохъ у хати. Добрыя люди гарѣлку пьютъ, по улицамъ расхажуютъ, а мы, ради праздничка святого, сядимъ якъ у вострози. Отъ я й кажу: А ну, Кулыно, выворачуй кожухъ да ходѣмъ казу пускаты! Взяли тай пашли. Вовка, якъ тамъ кажутъ, ноги кормятъ. Ажъ ось, поздоровъ Боже хозяиновъ, и мы празничекъ вспоманемъ“.

Хотя въ подобныхъ зрѣлищахъ нѣтъ ничего эстетическаго, что бы могло сколько нибудь удовлетворить врожденному всѣмъ людямъ чувству изящнаго, но зрѣлища эти доставляли гостямъ

отмѣнное удовольствіе, значить, приходились имъ по вкусу, а римляне, у которыхъ, какъ извѣстно, въ театральныхъ зрѣлищахъ тоже было немного вкуса, какъ бы въ оправданіе своего безвкусія, твердили: *de gustibus non est disputandum*.

Но изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ дѣтствѣ представленій самое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня вертепъ.

По свидѣтельству моего товарища по уѣздному училищу Аѳанасія Слищенка, вертепъ появился въ Новгородкѣ въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія подъ дирекціей воскресенскаго діакона Фотіева, который, купно съ братомъ своимъ пономаремъ и дворяниномъ Богуславскимъ, впервые ознакомили своихъ согражданъ съ этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ.

Въ описываемое мною время вертепъ „пускалъ“ Аѳанасій Слищенко, совмѣстно съ Максимомъ Постарнакомъ. Это былъ шкапъ, вышиною аршина въ три, шириной—въ полтора и глубиной не болѣе полуаршина. Во внутренности его устраивалась сцена, составленная изъ двухъ ярусовъ, съ двумя балконами вверху. Сцена отдѣлялась отъ зрителей балюстикомъ.

Съ наружной стороны шкапъ былъ выкрашенъ зеленою краской, а внутри оклеенъ обоями. Колонки и карнизъ были вызолочены сусальнымъ золотомъ.

Въ каждомъ ярусѣ сцены было по двое дверей, по одной съ каждой стороны, куда входили и откуда выходили дѣйствующія лица. Полъ сцены выложенъ былъ залычимъ мѣхомъ, скрывавшимъ отъ зрителей продѣланные въ полу ходы для куколъ, приводимыхъ въ движеніе ловкою рукой фокусника Аѳанасія, сидѣвшаго за шкапомъ и наблюдавшаго за своей работой чрезъ маленькую дырочку, просверленную въ задней стѣнѣ вертепа.

Соорудилъ это диво столяръ Потанчукъ; онъ же дѣлалъ и деревянныя чурбанчики, которые обшиваль, по указанію антрепренеровъ, нашъ сосѣдъ Лукьянъ Ерченко.

Во время представленія грѣмѣла „трюста музыка.“ Бузука-отецъ на контрабасѣ; Бузука-сынъ—первая скрипка, а Трясбородъ—вторая. Вертепъ возили по городу на санчатахъ. Выбравъ домъ побогаче, актеры останавливались у воротъ, посылали къ домохозяину

герольда, который, войдя въ комнату, полную гостей, провозглашалъ во всеуслышаніе:

— Позвольте вертепъ пустить! И, получивъ соизволеніе хозяина, въ припрыжку возвращался съ радостною вѣстью о предстоящей поживѣ.

Вертепъ торжественно вносили въ свѣтлицу и ставили или въ проходныхъ дверяхъ между двумя комнатами, или въ углу свѣтлицы на двухъ стульяхъ, а пустое пространство за вертепомъ, гдѣ помѣщались пѣвцы и музыканты, завѣшивали тапешъ, такъ что зрители видѣли лишь то, что происходило на сценѣ.

Куклы хранились въ особомъ сундукѣ. За представленіе брали обыкновенно два рубля ассигнаціями, а съ богатыхъ хозяевъ и по карбованцу, что въ тѣ блаженныя времена составляло значительныя деньги.

Самое представленіе состояло изъ двухъ дѣйствій: первое было божественное и происходило въ нижнемъ ярусѣ, а второе, житейское въ верхнемъ. Въ антрактѣ между дѣйствіями, на балконѣ появлялись съ мечами и копьями свирѣпаго вида воины царя Ирода, избившіе вилеємскихъ младенцевъ.

Все, что слѣдовало за этими, по моему мнѣнію, необходимыми объясненіями касательно устройства вертепа, изложено въ приложеніи къ этой главѣ и записано со словъ главнаго воротила театральныхъ зрѣлищъ Аванасія Филоновича Слищенка сыномъ его Александромъ въ 1874 году.

Приложеніе къ главѣ II.

ВЕРТЕПЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Иосифъ ведетъ осла, на которомъ возсѣдаетъ Богоматерь, съ младенцемъ на колѣнахъ.

Хоръ.

Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ и земля вертепъ неприступному приноситъ и пр.

Марія сходить съ осла и садится въ небольшую нишу, знаменующую пещеру, а Іосифъ остается посреди сцены, держа за поводъ осла.

Входятъ два ангела съ ярко пылающими свѣчами.

Хоръ.

Слава во вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе и проч. затѣмъ:

Днесъ Виѣлеемъ воспріемлетъ и проч.

(ангелы уходятъ).

Входятъ два пастуха; у одного въ рукахъ ягненокъ; благоговѣнно склонившись предъ святою Дѣвой, поютъ:

Хоръ.

Нова рада (радость) стала,
Яко въ небѣ хвала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣту возсіяла.

Гдѣ Христось родился,
Отъ Дѣвы-Маріи воплотился,
Какъ человѣкъ передъ Богомъ.
Передъ нами явился.

Пастухи съ ягняткомъ
Передъ симъ дитяткомъ
На колѣняхъ упадаютъ,
Бога выхваляютъ.

Просимъ тебе, Царю,
Найвышнѣйшему хвалу,
Пошли лѣта всего свѣта
Сему господарю!

(пастухи уходятъ).

Входятъ съ дарами волхвы и поклоняются до земли Новорожденному.

Хоръ.

Шедше тріе цари
Ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласилъ,

Куда идутъ? испросилъ.
 Отвѣщаша ему:
 „Идемъ къ рожденному“.
 —Идите, идите,
 И мнѣ возвѣстите,
 Да шедъ поклонюся,
 Предъ царемъ явлюся,
 Отдамъ честь обычну,
 Царевнѣ приличну—
 Звѣзда идетъ чудно
 Съ востокъ на полудне,
 Надъ вертепомъ сіяетъ,
 Царя-Христа являетъ.

Входитъ ангелъ и, обращаясь къ волхвамъ, говорить:

Ангелъ.

Куда идти мыслите? Не къ Ироду ли? Вы его не слушайте, онъ вамъ сказа лукаво, а вы идите направо! Мы ангелы небесные, посланные отъ Бога, вести ваше житейство до небеснаго чертога.

(ангелъ уходитъ).

Хоръ (речитативомъ).

Волсви возвратиша, у Ирода не быша;
 Вспять возвратишася, не вотще трудишася.
 Пришли въ свои страны, Христа славословятъ:
 Спасаяи человекѣи на вѣчные вѣки. (волхвы уходитъ).

Иосифу спящу, является ангелъ.

Ангелъ.

Иосифе! возстань отъ сна и бѣжи во Египеть, ибо царь іудейскій ищетъ убить младенца (уходитъ).

Иосифъ пробуждается и, обращаясь къ св. Дѣвѣ, взываетъ:
 Маріе! возстань, бери отроча и поѣдемъ во Египеть! (уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Иродъ царь, сопровождаемый воинами.

Хоръ.

Се царь Иродъ идетъ,
За нимъ воинство грядетъ.

Возсѣвъ на тронъ, царь отдаетъ такое приказаніе:

Иродъ.

Вои мои, вои! Садитесь на кони и поѣзжайте во Египетъ,
избивайте тамъ младенцевъ всѣхъ мужска пола отъ двухъ до
трехъ лѣтъ!

Воины (свирѣпыми голосами).

Мечемъ терзаемъ, тѣло вбиваемъ (трижды) (уходятъ).
Спустя нѣ долгое время, одинъ изъ нихъ возвращается.

Воинъ.

О царю нашъ! Исполненъ приказъ вашъ: всѣхъ младенцевъ мужска
пола избивли. Одна Рахиль не даетъ дитя свое убити.

Царь Иродъ.

Поди, приведи ее сюда!

Воины (вводя рахиль).

Поди бабушка, къ царю, а не то списомъ сколю!

Рахиль (падая къ ногамъ ирода).

О царю, помилуй! Одного младенца имѣю и того убивашь,
кровь невинную проливаешь!

Иродъ.

Воинъ, поведи ее казнить,
Чтобъ не смѣла царя дразнить!

Воинъ подымаетъ младенца на списъ, Рахиль съ визгомъ
падаетъ безъ чувствъ.

Хоръ.

За что, за что пролилъ кровь неповинную?
Входитъ ангель и говоритъ, обращаясь къ Рахили:

Ангель.

Рахиль, Рахиль! возстань: отроча твое будетъ въ царствіи небесномъ, а Иродъ пропадетъ (уходитъ).

На сцену вбѣгаетъ, вприпрыжку, вертлявый и шустрый бѣсенокъ и кричитъ пискливымъ голосомъ:

Бѣсенокъ.

Тѣфу, тѣфу! мой пане коханный! Я пришелъ тебѣ виру сказати, тебѣ очи заплевати. Моя маты прыде—тоби голову зныме, мои браты прыбизжать—тебе въ некло потащять. Тѣфу, тѣфу, тѣфу!
(убѣгаетъ).

Иродъ.

Вои мои, вои! станьте передо мной, якъ лысть передъ травой, и не допускайте до мене смерти.

Воины подпираютъ плечами дверь, но она съ трескомъ открывается и они падаютъ.

Входитъ смерть съ косою. Воины разбѣгаются, оставивъ на сценѣ одного Ирода.

Смерть.

Азь есмь монахія, всего свита Рахиня: подо мною всѣ страны и всѣ предѣлы. Полно тебѣ, Ироде, царствовать, пора тебѣ, Ироде, вмираты!

Иродъ.

Увы, увy! какая стала истина! Я думалъ жить безконечно, но приспѣла и моя кончина. Однакъ, еще смерти оберегаться буду, покуда мое царство славно всему люду.

Смерть.

Азь никогда съ такимъ развратомъ дружбы не видила и въ разговоры не входила. Приди, мой брате! Приди, мой любезный, и предай сего кровоизливца отъ земли до самой бездны.

Иродъ.

Преклоняю главу подь власть твою.

Смерть отѣкасть ему косою головоу и уходить.

Съ шумомъ и трескомъ на сцену врываются два чорта косматые, съ рогами, съ красными огненными глазами на выкатъ и волокуть трущъ Ирода вопъ, приговаривая:

Черти.

Амицами, амицами (amice mi) зь желѣзными рукавицами!

А изъ за кулисъ слышится: у у! какъ берутъ! у у! какъ гребутъ.

Входятъ дѣдъ и баба.

Дѣдъ (шамкая).

Отъ теперь, бабусенько, годына настала, якъ царя Ирода не стало: отъ теперенька мы съ тобой и потанцюемо.

Баба.

О прескурвый дидуга! Якъ прыде москаль, якъ дасть тоби шовчка, то будешь знаты, якъ танцюваты.

Дѣдъ

О превража бабо! да нехай же-но зайграють!

Хоръ (подь музыку).

Ой пидь вишенькою,
 Пидь черешенькою
 Стоявъ старый изъ старою,
 Якъ изъ ягідкою.
 И просылася,
 И моылася:
 Пустыжь мене, старый диду,
 На улыцю погулять.
 І і самъ не шйду,
 И тебе не нуцу и прѣч.

Входить москаль и прогоняеть чету.

Москаль.

Прочь, прочь, старое лубье. Здѣсь не вамъ танцовать, а господамъ.

Входятъ—съ одной стороны кавалеръ во фракъ, а съ другой дама въ робронъ; называютъ другъ друга по имени-отчеству и танцуютъ. За ними входитъ другая пара, потомъ третья и т. д. до семи паръ.

Входитъ запорожець, съ большущимъ оселедцомъ (хохломы), съ булавой и рокомендуется публикѣ.

Запорожець.

Здравствуйте, господа! вотъ и я пришолъ къ вамъ сюда. Имя мое—авловержитель, всѣхъ дѣйствій предсказатель и приказыватель. Грай, музыко, возъ рыбы дамъ!

Музыка играетъ, запорожець танцуетъ; затѣмъ начинаетъ звать жида:

Жиде, прескурвый сыну! несы горилки!

Жидъ вноситъ бочоноеъ съ водкою; запорожець прикладывается къ бочонку и потомъ, отплевываясь, бьетъ жида булавой. Жидъ кричитъ: гвалтъ! и падаетъ мертвъ. На крикъ его прибѣгаетъ жидовка; запорожець убиваетъ и ее; потомъ, уходя со сцены, говоритъ: тѣфу, якъ навонялы!

Вбѣгаютъ черти и выволакиваютъ трупы.

Входятъ цыганъ и цыганка.

Цыганъ.

Чхавъ бурдочки! начхавъ бурдочки! Наша маты не вмирала!
(поеть):

За Татьяну сымъ кипъ давъ,

Бо Татьяну сподобавъ;

За Марусю пятака,

Бо Маруся не така!

Цыганочка, коханочка! Гей сюды, моя жоночка!

Цыганка.

Чого жъ, чого, мой цыгане?

Цыганъ.

Ой дежъ ты була, мой чорнобрива?

Цыганка.

На базари була,
Пять кошиковъ продала,
Пять кипъ узяла.

Цыганъ.

А я теперо коней проминявъ, 25 рубливъ узявъ. Нехай же намъ заграють (танцують).

Входитъ запорожець и прогоняетъ цыганъ.

Входитъ попъ:

Попъ.

Полно тебѣ, козаче, гуляты, пора тоби, козаче, свои грихи сказаты!

Запорожець.

Грихи? Що жъ, батюшка! жидивъ побивъ, цыганъ побивъ: исповидуюсь тоби душою и сердцемъ.

Попъ.

Ничого! дай тилько мени три копы грошей—я за тебе уси грихи одмолю.

Запорожець.

Эге, да ты, бачу, батюшко, не сповидаешъ, а тилько зъ кишени гроши выймаешъ. (Бьетъ его булавой).

Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ запорожская плата!

(Попъ уходитъ).

Грай, музыко, возъ рыбы дамъ! (танцуетъ).

На сцену вползають двѣ страшенныя гадюки. Запорожець отбивается отъ нихъ булавой, но онѣ жалютъ его и онъ падаетъ.

Входитъ баба-знахурка.

Знахурка.

А що, козаче, докозаковався, що въ штаняхъ и учкуръ пор-
вався! Я баба-шопотуха, отъ Святого Духа, що въ кишени то—
мени, що въ животи—то тобі! (трижды).

Запорожець медленно подымается.

Запорожець.

О дай же, Боже, моя бабусенько, тобі здоровья, що ты мене
одъ смерти слобоньла! Я жъ тобі за сее дамъ запорожскую плату:
(Бьетъ ее булавой). Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ за-
порожская плата! (уходитъ).

Входитъ пышно разодѣтый гетманъ, въ сопровожденіи жида.

Хоръ.

Ой у пана, пана,
У пана Гетмана
Въ пятницу нерано.
Якъ поихавъ панъ Гетманъ
До жида на шабашъ:
„Здоровъ, здоровъ, жыде,
Прескурвый ты сыну
Ой сказали про жыда,
Що въ жыда грошей богато“.

Жидъ.

Але жъ мій Гетмане! Дежъ вы чувалы, дежъ вы бачымы, щобъ
у жыда да було грошей богато? Есть у мене еднисенька копіечка,
та й та щербата, валяється у столовци.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!
Подай лучокъ тугенькій,
Пробьемъ, пробьемъ жида,
Прескурваго сына!

Вбѣгаетъ мальчикъ (козачокъ) и бьетъ жида.

Жидъ.

Ой вей мирь! За щожъ намъ, пане, битця, лучше намъ помиритця. Есть у мене гроши-червинцы, ще батькивски.

Хоръ.

Ой у пана, пана, у пана Гетьмана и проч.

А сказали про жида,

Що у жида кони хороши.

Жидъ.

Дежъ вы чувалы, дежъ ви видалы, щобъ у жида булы кони хороши. Есть у мене кони—слѣпые, хромые, кривые, для васъ негодные.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!

Подай лучокъ тугенькій,

Пробьемъ, пробьемъ жида и проч.

Жидъ.

Годи жъ намъ, пане, битця, лучше помиритця. Есть у мене кони хорошіе.

Хоръ.

Ой у пана, пана и проч.

А сказали про жида

Що у жида жинка хороша.

Жидъ.

Дежъ вы, пане, бачили, дежъ вы чулы, щобъ у жида та була жинка хороша? Есть у мене жинка, слипая, поганая, та й та за печкой сыдыть, дурно хлеба исть.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій и проч.

Жидъ.

За що жъ намъ, пане, бится, лучше мириться: есть у мене жинка Сурочка, ай gut! а дочка ще краща. „Сура, Сура! лизь зъ печи скоро! Лейзере, Лейзере кумере штубе!“

Входитъ жидовка съ дочкою. Гетманъ приказываетъ всѣмъ имъ танцовать.

Жидъ.

Ой пане, пане, сёгодня у насъ сабашъ.

Гетманъ.

Танцуйте, я приказываю (жиды танцуютъ). Поцѣлуйте! (жиды целуются).

Жидъ (уходя).

Позалуйте, пане, до насъ на чай, на водку! (уходятъ).

Входитъ служивый.

Служивый.

Здравствуйте, господа! Вотъ вамъ служивый молодець: былъ бомбандиромъ—пушки качаль, колеса мазаль, заслужилъ себѣ чипъ господина прахвоста!

Входитъ жена служиваго.

Жена.

А вотъ и я тутъ—прахвостова жена, пани Хвеська! Не буду подати платыть!

Служивый.

А, здорово, здорово, моя Хвесечка! Давно жъ мы съ тобой не бачились (целуются).

Музыка играетъ, прахвосты танцуютъ (уходятъ).

Входитъ пьяница Хома.

Хома.

Оце я, мосѣпанове, Хома, що у мене на голови волосся нема; а бувъ одынъ космокъ, да й той у пылповку коло грубы спѣкъ. А штанивъ затымъ не маю, що добре горилку кусаю. А ще жъ на мене люде казалы, що я великый сердюкъ, а я по зимности сей зогнувся у крюкъ. Дайте жъ мени чарку горилкы?

Примѣчаніе: У Хома во рту было перышко, проходившее черезъ всю его фигуру подъ сцену и незамѣтно сообщавшееся со

ртомъ машиниста-фокусника. Когда Хомъ подносили водку, то онъ выпивалъ всю рюмку, а если, потѣхи ради, въ рюмку наливалась вода, то Хома выплевывалъ ее обратно на зрителей, что чрезвычайно забавляло дѣтей.

На сцену, по уходѣ Хома, възъезжаетъ верхомъ на козѣ Антонъ, а за нимъ идетъ жена, подгоняя козу.

Хоръ.

Антонъ козу веде,
Антонова коза не йде и пр.

Входитъ шинкарка.

Шинкарка.

А що визмешъ за козу?

Антонъ.

Чотыры карбованци.

Шинкарка.

Возьмы три.

Сторговались наконецъ за три съ полтиной и пошли пить могорычъ, оставивши козу. Прибѣгаетъ волкъ и тащитъ козу, коза кричитъ мэээ! Публика хохочетъ.

Возвращается Антонъ, а козы чортъ має. Антонъ горько плачетъ:

Входитъ Савочка съ кошелькомъ, а за нимъ запорожець съ булавой, которой онъ подталкиваетъ его сзади, приговаривая. прося! прося!

Савочка.

Я Савелій, человекъ веселій, та ще къ тому и убогъ, а кто подарить, да спасетъ того Богъ! (Ему бросаютъ въ кошелекъ деньги, а онъ добавляетъ: На звонъ, на клепало, що вкынулы, то пропало! (уходитъ).

Входитъ генералъ, а за нимъ солдатъ.

Генералъ (къ солдату).

Поди скажи, пусть подають пушку!

Солдаты вкачиваютъ на сцену пушку. Раздается выстрѣлъ.

Хоръ поетъ: многая лѣта е finita la comedia.

Иногда, послѣ представленія, изъ за кулисъ выходилъ самъ антрепренеръ и декламировалъ стихъ:

За горами, за долами.
Бонопартъ съ москвичами
Вздумалъ поиграть:
Онъ въ Москву къ нимъ притащился
И игрой своей хвалился—
Славный играчокъ!
„Нутко, русски игроки!
Давай играть въ дураки!“ и пр.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судъ и казнь Григорія Самойловича.¹⁾

Малороссійская старшина въ челобитной своей великимъ государямъ о низложеніи Ивана Самойловича съ гетманскаго уряда „за его къ великимъ государемъ измѣны, а къ нимъ, старшинѣ, и войску и ко всему народу малороссійскому за многія обиды, и тягости и разоренія“, между прочимъ, просила „дѣтей и совѣтниковъ гетмана отъ чиновъ, которые они у себя имѣли отставить“. Въ отвѣтъ на это челобитье въ царской грамотѣ на имя князя В. В. Голицына предписано ему какъ дѣтей гетмана, такъ и его ближайшихъ совѣтниковъ захватить и держать подъ карауломъ. Самъ гетманъ и сынъ его Яковъ были уже въ рукахъ Голицына; оставалось поймать другаго старшаго сына, Григорія, полковника черниговскаго, который въ это время съ своимъ и другими козацкими полками былъ въ Запорожьѣ. Вотъ какъ доносилъ Голицынъ въ Москву объ исполненіи порученнаго ему дѣла.

„Юля въ 23 д. писалъ я въ Запороги къ товарищу моему, окольникему и воеводѣ Леонтыю Романовичу Неплюеву, чтобъ онъ, по вашему, великихъ государей, указу, будучи на службѣ съ полкомъ въ Запорогахъ, сына гетманскаго, черниговскаго полковника Гришку, и череяславскаго полковника Леонтя Полуботка да Федора Сулима изъ казацкихъ полковъ принялъ къ себѣ въ полкъ и держалъ ихъ у себя въ обозѣ за крѣпкимъ карауломъ, въ великомъ береженіи, чтобъ они не ушли и казаки ихъ не побили бѣ; а того смотрѣлъ бы и берегъ накрѣпко, и

¹⁾ Москв. Арх. М. Ю. Разрядный Пр., Сѣвскій ст., столбецъ № 8739.

всякими мѣры остерегалъ, чтобъ въ казацкихъ полкахъ и въ Низовомъ войскѣ замѣшанія какого и бунта не учинилось; а полки: черниговскій и переяславскій приказалъ вѣдать наказнымъ полковникамъ, кого тѣхъ полковъ старшина и казаки между себя выберутъ; и сказалъ всѣмъ полковникамъ и казакамъ городовымъ, и охочимъ компанейнымъ и сердюцкимъ пѣшимъ вашъ, великихъ государей, указъ, чтобъ они были съ нимъ, окольничимъ, на вашей, великихъ государей, службѣ въ Запорогахъ, а до вашего указа съ службы не ходили. А также объявить тѣхъ полковъ старшинѣ и казакамъ, что какія имъ были отъ бывшаго гетмана тягости, а именно, аренды, и тѣ тягости отставлены и новому гетману въ статьяхъ будутъ подкрѣплены, что имъ впредь не быть, и они бѣ въ томъ были надежны. Да и отъ себя я писалъ листы на кошъ къ кошевому атаману, ко всему войску низовому и во всѣ бывшіе на Низу, объявляя имъ вашъ, великихъ государей, указъ объ отставкѣ гетмана Ивана Самойлова за его измѣны, обнадеживая ихъ вашей государской милостью и увѣщавая и укрѣпляя ихъ въ службѣ всякою вѣрностію и постоянствомъ. Августа въ 9 д. писалъ ко мнѣ окольничій Л. Р. Неплюевъ, что іюля въ 30 д. явились къ нему въ урочище у Никитина Рога бѣлогородецъ Иванъ Масловъ да полтавскаго полка товарищъ Леонтій Чернякъ и подали мою отписку; но Григорья Самойловича уже при немъ не было: прежде пріѣзда Маслова съ отпиской, Григорій Самойловичъ, узнавши о взятѣ своего отца, со всѣми казацкими полками, сильно поссорившись съ нимъ, Неплюевымъ, и забунтовавъ, пошелъ по Кодацкой дорогѣ, а ему взять его было невозможно, потому что вѣдомости объ отставкѣ гетмана не было. Получивъ отписку, Неплюевъ послалъ Леонтя Черняка въ Запороги для объявленія объ отставкѣ гетмана въ низовомъ войскѣ кошевому атаману и всему войску, а войска запорожскаго къ городовымъ, компанейнымъ и сердюцкимъ полковникамъ и старшинѣ послалъ Ив. Маслова да путивльца Ивана Щекина, а велѣлъ имъ листы во всѣхъ полкахъ прочесть въ слухъ и раздать по полкамъ, а самимъ быть у Григорья Самойлова для его береженья неотлучно и того смотрѣть накрѣпко, чтобъ отъ него не урсло

какое дурно и въ войскѣ смятенія не было; да съ ними жъ писалъ къ полковникамъ и ко всему войску, чтобъ они бывшаго черниговскаго полковника, Григорья Самойловича, имѣли въ соблюденіи, чтобъ онъ не ушелъ и никто надъ нимъ никакого дурна не учинилъ. Самъ Неплюевъ, оставивши въ Запорогахъ генерала Григорія Ивановича Косагова, 31 іюля пошелъ вслѣдъ за Григорьемъ Самойловичемъ; того жъ числа на станъ къ нему, на рѣчку Каменку, пріѣхалъ Леонтій Чернякъ съ 224 запорожскими казаками, подъ начальствомъ Ѳедора Иваника, и доложилъ, что объ отставкѣ гетмана Ивана Самойловича кошевому атаману и всему низовому войску объявилъ и что все войско били челомъ и отставкѣ гетманской рады. Въ тотъ же день писалъ къ нему, Неплюеву, миргородскій полковникъ Данила Апостоленко, съ басанскимъ сотникомъ Карпомъ Тимоѳеевымъ, чтобъ онъ, окольнічій, поспѣшалъ къ нимъ съ войскомъ; къ этому сотникъ Карпъ Тимоѳеевъ отъ себя добавилъ, что въ полкахъ у нихъ казаки имѣютъ рознь и начинается недоброе и если онъ, окольнічій, къ нимъ не поспѣшитъ, и у нихъ де безъ смятенія не пройдетъ“. Нѣсколько дней спустя, 3-го августа, Неплюевъ получилъ отъ Ив. Маслова, Щекина и компанейскаго полковника Илья Новицкаго письмо, въ которомъ они сообщали, что въ козацкихъ городовыхъ полкахъ начались великіе бунты, что прилуцкаго полка козаки своего полковника Лазаря Горленка, да судью побили до смерти, и въ иныхъ полкахъ козаки побили многихъ знатныхъ людей, а потому онъ, Неплюевъ, шелъ бы къ нимъ наспѣхъ, а если за тяжестью обозовъ со всѣми полками поспѣшить нельзя, то послалъ бы ратныхъ людей, чтобы козацкіе бунты унять. Къ этому извѣстію податель отписки, эсаулъ компанейнаго Григорія Пашковскаго полка Тимоѳей Бережницкой, добавилъ, что де городовые казаки забунтовали и многихъ знатныхъ людей побили до смерти, а Лазаря Горленка да того жъ полка судью, бивъ, вкинули въ горячую печь и засыпали землею живыхъ, и во всѣхъ полкахъ у побитыхъ и у бѣглыхъ пожитки и лошадей разграбили и сердюковъ и компанейцевъ хотятъ побить же. Опасаясь нападенія козаковъ, компанейный полковникъ Илья Новицкій сталъ съ своимъ полкомъ отдѣльно

отъ козацкихъ полковъ, а сердюцкіе полковники, Гарасимъ Васильевъ да Степанъ Еверской, между козацкихъ полковъ окопались землянымъ валомъ; при нихъ держится и Григорій Самойловичъ, наградившій сердюковъ деньгами, съ нимъ же остались Ив. Масловъ и Ив. Щекинъ. Въ виду такого положенія, если онъ, Неплюевъ, къ нимъ въ полкъ не поспѣшитъ, то тѣ казаки ночью сердюковъ хотятъ взять приступомъ.

Не имѣя возможности идти со всѣмъ своимъ войскомъ, Неплюевъ отрядилъ къ лагерю козацкому сумскаго полковника Андрея Кондратьева съ его полкомъ, да ротмистровъ дворянскихъ, Никифора Дурова съ товарищи, пять человекъ, съ ихъ ротами, и приказалъ имъ говорить бунтовщикамъ отъ его имени, чтобъ они отъ бунта унялись, а если не уймутся, и имъ за то будетъ смертная казнь. Въ тотъ же день полковникъ Андрей Кондратьевъ писалъ къ Неплюеву: „пріѣхали де они къ казачьимъ полкамъ на рѣчку Суру и выѣхали де къ нему полковники компанейные, Илья Новицкій да Григорій Пашковскій, да Миргородскій Данила Апостоленко съ старшиною, которые не бунтовали, и сказали ему, Андрею: бунты де въ городовыхъ въ казачьихъ полкахъ учинились отъ прилуцкаго полка, казаки этого полка разграбили свою полковую церковь, въ которой въ тотъ день была совершена св. литургія, св. иконы подрали, церковные сосуды пограбили и изъ потира вылили на землю св. Дары, оставленные въ немъ въ запасъ для прячащенія больныхъ, а самый потиръ унесли. Выслушавши эти рѣчи, неплюевскіе посланцы поѣхали по всѣмъ полкамъ, приглашая козаковъ къ порядку и угрожая за неповиновеніе смертною казнью. Въ заключеніе Кондратьевъ требовалъ, чтобы Неплюевъ немедленно шелъ съ своимъ войскомъ къ казачьимъ полкамъ, такъ какъ ходятъ слухи, что казаки въ ночь намѣрены учинить великое смятеніе

Получивши такія вѣсти, Неплюевъ, взявъ съ собою копейные и рейтарскіе полки, дворянскія роты и харьковскаго полковника съ полками да запорожскихъ козаковъ, съ большей поспѣшностью пошелъ къ козацкому обозу, къ рѣчкѣ Сурѣ, а пѣхотнымъ полкамъ и обозу подъ начальствомъ Давида-Вильгельма

графа де Грагама, барона Деморфійскаго да дьяка Петра Исакова велѣлъ идти за собою. Неплюевъ пришелъ къ козацкому табору за три часа до вечера, сталъ близъ обоза и тотчасъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ полковниковъ, старшину и изъ польства лучшихъ людей и, объявивъ имъ указъ объ отставкѣ гетмана, потребовалъ, чтобы бунтовщики-козаки были ему выданы, а что старшиною всѣхъ козацкихъ полковъ на время велѣно быть Леонтью Черняку. Козаки обѣщались исполнить требованія Неплюева и на другой же день, 4 августа, привели къ нему Григорія Самойловича, Леонтя Полуботка и Ѳедора Сулиму со всею ихъ рухлядью, при чемъ произошла значительная свалка. Неплюевъ отдалъ Григорія Самойловича подъ карауль полковнику Константину Малѣеву да назначилъ быть въ приставахъ у него неотлучно Ив. Щекину, а войсковые знаки: бунчукъ, полковое знамя, прапоръ, боздуганъ—положилъ въ разрядный шатеръ; Леонтя Полуботка и Ѳедора Сулиму отдалъ подъ карауль полковнику Тимоѳею Фандервидину; два сердюцкихъ полка, которые сидѣли въ осадѣ отъ городовыхъ козаковъ въ окопахъ, изъ нихъ вывелъ въ цѣлости и велѣлъ стоять близъ своего обоза. Въ тотъ же день Леонтій Чернякъ и полковники разныхъ полковъ прислали къ нему пятьдесятъ девять козаковъ, которые были уличены въ грабежѣ церкви, въ убійствѣ старшины и въ грабежѣ ихъ пожитковъ, а отобранные у нихъ грабежные животы возвратили потерпѣвшимъ. Когда Голицынъ получилъ донесеніе Неплюева, что козацкій бунтъ усмирень и Григорій Самойловичъ въ его рукахъ, онъ 10 августа писалъ ему, чтобы, соединясь съ войскомъ генерала Григорія Ивановича Косагова, со всѣми своими полками, переправясь черезъ Днѣпръ подъ Кодакомъ, шель этой стороною Днѣпра въ малороссійскіе города и сталъ подъ Лубнами до государева указа“ Все было исполнено по предписанію кн. Голицына. Изъ подъ Лубень, по государевой грамотѣ, Григорій Самойловичъ подъ сильнымъ конвоемъ былъ отпавленъ въ Сѣвскъ, гдѣ подъ строгимъ карауломъ былъ помѣщенъ въ избѣ сѣвскаго жителя гостинной сотни Гапошки Медвѣдева, при чемъ строжайше было приказано стражѣ наблюдать, чтобы онъ рѣшительно не имѣлъ возможности сно-

ситься ни съ кѣмъ. Какъ ни строго казалось заключеніе, однако Григорій нашель случай повидаться съ нѣсколькими людьми; вотъ что пишетъ сѣвскій подъячій Михаилъ Жаденовъ кому то: „сентября, государь, въ 7 д. писалъ Леонтій Романовичъ (Неплюевъ) къ Семену Протасевичу (Неплюеву—сѣвскому воеводѣ) и ко мнѣ, сиротѣ твоему, что плутъ де Гришка наказывалъ къ Миклошевскому словомъ гостинныя сотни съ сѣвскимъ жителемъ съ Гапошкою Медвѣдевымъ, чтобъ прислалъ къ нему денегъ, и намъ бы его, Гапошку, роспрося о томъ накрѣпко, вкинуть въ тюрьму. И онъ, Гришка, до моего сироты твоего прїѣзда поставленъ во дворѣ у него, Гапошки, въ особой избѣ, и какъ я, сирота твой, приволокъся отъ тебя, милосердаго государя, и почалъ быть при немъ, и при моей бытности его, Гапошки, я, сирота твой, въ дому его и у него, Гришки, не видалъ и нынѣ онъ для торговаго своего промысла въ отъѣздѣ; развѣ онъ былъ до моего прїѣзда; и для сыску его, Гапошки, мы послали, а какъ приведенъ будетъ, и его о томъ распрося накрѣпко, вкинемъ въ тюрьму. А я бываю у него непрестанно и смотрю того накрѣпко, также и приставники начальные люди и подъячіе у него живутъ днемъ и ночью неотступно. Ей, ей! государь милосердый, съ неусыпнымъ и прилежнымъ, неотступнымъ моимъ стараніемъ смотрю того повсечасно накрѣпко! при мнѣ ему, плуту, не только чтобъ съ кѣмъ говорить, и на сторону посмотрѣть трудно, развѣ какъ я отъ него отойду, только и безъ себя приставникамъ приказываю подъ жестокимъ страхомъ, чтобъ смотрѣли того неотступно накрѣпко, и въ ночахъ того за ними нагладаю накрѣпко“. Опасаясь выговора изъ Москвы, сѣвскій воевода самъ собою распорядился допросить Медвѣдева объ его свиданіи съ Григорьемъ Самойловичемъ. Въ роспросѣ Медвѣдевъ сказалъ: „за недѣлю де до Семена дня сбирался онъ ѣхать въ Глуховъ для продажи меду, который завезевъ былъ у него прежь сего въ Глуховъ; и какъ де впрягъ лошадь и пришелъ изъ избы къ возу своему, и стародубецъ, который приставленъ къ Гришкѣ, Андрей Курдюмовъ, позвалъ его въ свѣтлицу къ Гришкѣ и въ свѣтлицѣ де Гришка говорилъ ему, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ Миклашевскій прислалъ ему двое сапоговъ,

да денегъ рублей съ пять да бочку пива. И онъ де, Гапошка, будучи въ Глуховѣ, о присылкѣ къ Гришкѣ вышесказаннаго Миклашевскому говорилъ, и Миклашевскій де сказалъ: безъ гетманскаго вѣдома прислать ему того не мочно, а доложить де онъ о томъ гетману. А ѣздилъ де онъ, Гапошка, въ Глуховъ для продажи меду своего, а не по Гришкиной посылкѣ, и Миклашевскому говорилъ безъ всякія хитрости, съ простоуміа“.

Андрей Курдюмовъ въ роспросѣ сказалъ: „какъ де Гапошка собирался въ Глуховъ, и Гришка де, увидѣвъ изъ избы въ окно, спрашивалъ у него, Андрея, куда ихъ хозяинъ Гапошка ѣдетъ? и Гришкинъ де челядникъ сказалъ ему, что ѣдетъ въ Глуховъ. И Гришка де ему, Андрею, говорилъ, чтобъ онъ Гапошку призывалъ къ нему въ избу, и онъ де Гапошку въ избу позвалъ; и Гришка де при немъ Гапошкѣ говорилъ, чтобъ онъ поговорилъ Миклашевскому, чтобъ онъ прислалъ ему двое сапоговъ, да денегъ пять рублей, да пива бочку. А больше де того ѡбыкъ никакихъ словъ не бывало; а призывалъ де онъ Гапошку къ нему, Гришкѣ, спроста, безъ всякія хитрости.

Розыскъ этотъ воевода при отпискѣ послалъ въ Москву, послѣ того, какъ оттуда было потребовано объясненіе этого свиданія Самойловича съ Медвѣдевымъ, и по указу великихъ государей „Гапошкѣ и Курдюмову велѣно учинить наказаніе, бить батоги, за то что они къ Гришкѣ приходили“. Наказаніе было учинено.

Сентября 12-го сѣвскій воевода Семень Нецлюевъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой значилось: „вѣдомо намъ, великимъ государемъ, учинилось, что жилецъ Лазарь Шагаровъ да курскій подъячій Аѡнъка Бочаровъ хотѣли въ Сѣвску видѣться съ Гришкою Самойловымъ, невѣдомо для чего. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ велѣлъ того жильца Лазаря Шагарова и подъячаго сыскать въ Сѣвскѣ въ приказную избу и распросить ихъ накрѣпко съ пристрастіемъ порознь, для чего они съ Гришкою Самойловымъ видѣться хотѣли, и кто имъ о томъ приказывалъ или тайно научалъ, или они видѣться съ нимъ хотѣли собою, не по приказу и не по наученью чьему; а, роспрося ихъ, велѣли держать въ Сѣвскѣ въ тюрьмѣ до нашего,

великихъ государей, указу“. Въ отвѣтъ на эту грамоту сѣвскій воевода немедленно разыскалъ Шагарова, который въ роспросѣ сказалъ слѣдующее. „Въ прошломъ въ 195 г. (1687), по указу великихъ государей, былъ онъ на службѣ въ полку боярина и воеводы, князя Михаила Андреевича Голицына, съ товарищи, и въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ—того онъ не упомянуть, кн. Голицынъ посылалъ его, да съ нимъ курской приказной избы подъячаго Аеоньку Бочарова, изъ полка своего, изъ города Чугуева, въ малороссійскіе города, въ Батуринъ, провѣдать про новообраннаго гетмана, про Ивана Степановича Мазепу, и объ его гетманскомъ поведеніи, что у него въ Батуринѣ дѣлается, а объявляться ему, гетману, онъ, кн. Голицынъ, имъ, Лазарю и Аеонькѣ, не велѣлъ; да и въ иные малороссійскіе города для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей, да въ Сѣвскъ для провѣдыванья про бывшаго гадяцкаго полковника, про Мишку Васильева, да про Гришку Самойловича, въ Сѣвску ль они, или изъ Сѣвска куда взяты. И они де въ Батуринѣ были августа въ 24 д. и явились тамъ стольнику и полковнику Петру Борисову, а сказали ему, что они присланы изъ полка боярина, кн. М. Голицына, для провѣдыванія про гетмана Ивана Ст. Мазепу. И онъ де, Борисовъ, объявилъ объ нихъ гетману, и гетманъ велѣлъ имъ придти къ себѣ. Когда они были у гетмана, онъ спрашивалъ ихъ о здоровьѣ кн. М. Голицына и велѣлъ ихъ отпустить изъ Батурина безъ задержанія, а также далъ проѣзжей листъ. Послѣ того они были для провѣдыванія всякихъ вѣдомостей въ малороссійскихъ городахъ: въ Конотопѣ, въ Королевцѣ, въ Глуховѣ, а изъ Глухова приѣхали въ Сѣвскъ и, провѣдавъ про Михаила Васильева и про Гришку Самойлова, что они въ Сѣвскѣ, съ ними, съ Михайломъ и съ Гришкой, видѣться онъ, Лазарь, хотѣлъ собою, только бы ихъ посмотрѣть, а ничего съ ними не говорить. И того жъ августа въ 28 д. они, Лазарь и Аеонька, изъ Сѣвска поѣхали въ полкъ къ боярину, кн. М. Голицыну, въ Чугуевъ, а сентября 16-го ратные люди полка кн. М. Голицына распущены по домамъ, и онъ приѣхалъ въ Сѣвскъ домой, а Аеонька Бочаровъ отпущенъ домой на двѣ недѣли“.

По докладѣ распросныхъ рѣчей государямъ, состоялся приговоръ: „Великіе государи указали: въ Сѣвскѣ къ окольнічему и воеводамъ послать свою великихъ государей грамоту, велѣтъ за такія дѣла тому жильцу, Лазарю Шагарову, учинить наказанье, бить батоги, и написать его въ прежній чинъ, въ которомъ онъ былъ напередъ сего до жилецкаго чина, и въ Розрядъ послать о томъ память, велѣтъ въ списку надъ именемъ его отмѣтить, что ему въ житьѣ не быть, а служить въ прежнемъ чину, въ которомъ онъ былъ до того чина; да и подъячему курскому учинить наказанье жъ, бить батоги, и о томъ послать ихъ, великихъ государей, грамоту въ Курскѣ къ думному дворянину и воеводѣ, къ Абраму Ивановичу Хитрово“.

Пока производились эти дѣла, шло своимъ чередомъ и дѣло о самомъ Григорѣ Самойловичѣ. При разборѣ бумагъ бывшаго гетмана Ивана Самойловича, въ числѣ ихъ нашлись письма бывшаго гадяцкаго полковника Михаила Васильева, въ которыхъ были писаны разныя непристойныя слова про государей, каковыя будто бы Григорій Самойловичъ говорилъ полковнику М. Васильеву. Михаилъ Васильевъ былъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и спрошенъ относительно компрометирующихъ его писемъ, при чемъ онъ подтвердилъ, что написанныя въ письмахъ непристойныя слова дѣйствительно были говорены Гр. Самойловичемъ, и что, кромѣ того, онъ и еще кой-что знаетъ про него. 30 сентября изъ Москвы окольнічему Л. Неплюеву, бывшему тогда съ войскомъ подъ Путивлемъ, была послана государева грамота, въ которой предписывалось ему, по распущеніи состоящаго подъ его начальствомъ войска, произвести розыскъ по обвиненію Михаиломъ Васильевымъ Гр. Самойловича въ сказываніи непристойныхъ словъ, „а будетъ Гришка учнетъ запираяться, и ему, Гришкѣ, съ Мишкой Васильевымъ дать очую ставку; а будетъ на очной ставкѣ Гришка учнетъ запираяться, а Мишка его тѣми непристойными словами станетъ уличать, и его, Гришку, велѣтъ въ тѣхъ непристойныхъ словахъ распросить у пытки и цытать; а будетъ и съ пытки Гришка станетъ запираяться и говорить, что на него тѣ непристойныя слова онъ, Мишка затѣялъ напрасно, и въ тѣхъ непристойныхъ словахъ велѣтъ и Мишку

пытать и разыскивать о томъ накрѣпко, чтобъ доискаться самыя правды“. Неплюевъ пріѣхалъ въ Сѣвскъ въ началѣ октября и съ 11-го числа приступилъ къ допросу Мишки Васильева и Гр. Самойловича.

Въ роспросѣ Михаилъ Васильевъ на вопросъ: говорилъ ли ему Гр. Самойловичъ разныя непристойныя слова, отвѣчалъ: которое де дѣло окольниковъ и воевода Леонтій Романовичъ Неплюевъ ему объявилъ, и такія де непристойныя слова Гришка Самойловъ ему говорилъ. Да въ прошлыхъ де годахъ, а въ которомъ—того онъ не упомнить, писалъ онъ, Гришка, къ нему листъ съ человѣкомъ своимъ, съ Куцкевичемъ, а имени его не помнить, въ листу же почато тѣмъ: какъ инымъ, такъ и ему, Мишкѣ, онъ, Гришка, объявляетъ, что отецъ его, Ивашка, обѣщаль ему черниговское полковничество многократно, и еще того не даетъ, которое онъ, Гришка, имѣеть одержати сего времени, потому что онъ вѣдаетъ на отца своего Ивашку и брата Якушку такое дѣло, отъ котораго его отецъ и братъ не видятъ никуда; а о томъ дѣлѣ онъ, Гришка, человѣку своему, Куцкевичу, приказалъ, чтобъ объявилъ ему, Мишкѣ, словомъ, да и въ особомъ письмѣ о томъ же написалъ именно. И тотъ Гришкинъ человекъ, Куцкевичъ, придя къ нему, говорилъ: есть де у него отъ Гришки Самойлова къ нему листъ, а другой Ивашки Самойлова къ прикащику, къ Васькѣ Чайкевичу, который былъ у него на приказѣ въ его гадацкомъ дворѣ, а велѣлъ де Гришка тѣ листы ему, Мишкѣ, и Васькѣ Чайкевичу отдать обще; и отдавъ тотъ Гришкинъ человекъ ему и Васькѣ Чайкевичу листы, тѣ непристойныя слова говорилъ же, и онъ де, Мишка, тому Гришкину человеку говорить запретилъ. А въ поданномъ листѣ въ особомъ письмѣ осмотрѣлъ онъ тоже непристойное и затѣйное дѣло, написанное рукою Гришки; и онъ, Мишка, помня ихъ государское крестное цѣлованье, помысля съ тѣмъ прикащикомъ, Гришкина человека въ Гадячѣ, сковавъ, отдали за крѣпкій караулъ, и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ Ивашкѣ Самойлову онъ писалъ и Гришкинъ листъ къ нему послалъ, и то къ нему, Ивашкѣ, назначилъ, дабы онъ толь великаго дѣла не потаилъ, вскорѣ донесъ, кому надлежитъ, къ Москвѣ, чтобы имъ всемъ за то плевело-

сѣятельное дѣло великаго грѣха и бѣды не было. А про то его Мишково объявленіе и что онъ писалъ къ Ивашкѣ Самойлову вѣдаетъ прежній бунчужный Костька Ивановъ, потому что онъ, Ивашка, то дѣло ему, Костькѣ, да сыну своему Семену разсудить вручилъ. И противъ де того его, Мишкина, письма, Ивашка Самойловъ велѣлъ ему прислать Гришкову цыдулу, а Куцкевича привезть скованнаго въ Батуринъ; и по его, Ивашкову, велѣнью, того Гришкина человѣка привезъ въ Батуринъ его, Ивашковъ, дворовый человѣкъ Апонась Дороеенко, а Гришковой де цыдулы онъ къ Ивашку не послалъ, убоясь того, чтобъ онъ, Ивашка, похотя то дѣло потаить, не велѣлъ его, Мишку, предать смерти, а къ нему, Ивашкѣ, отписалъ такъ, что ту цыдулу сжегъ. И того де Гришкина человѣка, Куцкевича, Ивашка Самойловъ распрашивалъ, и онъ сказалъ тоже; и къ нему, Мишкѣ, Иванъ Самойловъ приказалъ, будто тому человѣку учинено наказаніе и къ Москвѣ де о томъ писалъ. И онъ де, Гришка, зляся за то, нѣсколько разъ хотѣлъ убить до смерти и, прикрывая то свое воровство и неистовыя рѣчи, чтобъ на нихъ было не вынесено, въ конецъ его, Мишку, разорили и непрестанно приправливали къ смерти; и о томъ де Гришкиномъ воровствѣ и о непристойныхъ словахъ, не именуя дѣла, онъ, Мишка, глухо являлъ Василью Борковскому да Леонтыю Полуботку такимъ образомъ, что онъ, Гришка, не токмо ихъ царскаго величества людей искореняетъ, но и государскаго имени безъ страха Божія касается. Да онъ же, Гришка, вѣдучи изъ Батурина въ Стародубъ, въ то время какъ Ивашковъ сынъ Самойлова Семень былъ боленъ, при Васильѣ Борковскомъ и при бывшемъ бунчужномъ Костькѣ Ивановѣ, ту же страшную, неистовую рѣчь всѣмъ имъ троимъ говорилъ вслухъ. А въ прошломъ де, въ 192 г., съ размѣны онъ, Мишка, писалъ къ Ивашку Самойлову письмо таково: будетъ онъ, Ивашка, похочеть въ Крымъ послать, и онъ бы къ хану съ гостинцами послалъ, а въ гостинцахъ послалъ бы два кубка, да двѣ винтовки да пару пистолетовъ, хотя бы тѣ подарки взять съ полковниковъ, чтобъ при тѣхъ подаркахъ выпросить бѣглеца изъ малороссійскихъ городоу, Самченка, который называется гетманомъ; а что де въ томъ письмѣ написано: „за то малое

мочно сдѣлать у хана великое“, и то де слово „великое“ написано про Самченка жъ, потому что Самченко Ивашкѣ Самойлову былъ надобенъ, для того въ томъ его, Мишковымъ, письмѣ за великое дѣло онъ и написанъ; а о разговорахъ съ беемъ и мурзами въ томъ письмѣ приписано, а онъ де съ беемъ и мурзами тайно ни о чемъ не говаривалъ и отъ Ивашки Самойлова говорить ему не наказано“.

Къ этому распросу на вопросы, предложенные Неплюевымъ, Михаилъ Васильевъ прибавилъ отъ себя слѣдующее: „въ то де время, какъ Гришка Самойловъ ѣхалъ въ Стародубъ, онъ сказывалъ Василью Борковскому, да Костыкѣ Иванову, да ему, Мишкѣ, такое же затѣйное, неистовое дѣло и на другое лице; да по смерти де Семеновой нашелъ онъ, Мишка, въ письмахъ его, Семеновыхъ, брата его Якушковой руки письмо, а въ томъ письмѣ при иныхъ дѣлахъ написано: объявляетъ ему, Семену, что братъ ихъ Гришка хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону. Да онъ же Гришка, по взятыѣ у него, Мишки, полковничества, въ Батуричѣ, призвавъ его въ домъ свой, говорилъ наединѣ, будто то ему учинила Москва, а когда бы онъ, не смотря въ Москву, держался Украины и его отца, то бы ему лучше было; а и нынѣ, если упованіе свое на Москву оставить, то де онъ у отца своего о немъ упросить. А онъ де, Гришка, будучи на Москвѣ, видѣлъ: править и держать московскаго государства некому и строенія ни отъ кого нѣтъ, самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его, Гришкинъ, отецъ. Да онъ же де, Гришка, писалъ въ кievскій Братскій монастырь къ ректору Ѳеодосію Гогуревичу въ письмѣ, чтобъ отъ него, Мишки, въ тотъ монастырь милостыни не принимали, для того что де въ немъ объявилась измѣна противъ Украины и противъ отца, такая, что писывалъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города наклонить по образцу слободскихъ городовъ, за эту де измѣну будетъ ему смертная казнь непремѣнно; а то де письмо читалъ онъ, Мишка, у Ѳеодосія Гогуревича въ Батуричѣ. Да въ 194 г. сказывалъ ему, Мишкѣ, Леонтій Полуботокъ, что писалъ де къ нему Гришка Самойловъ своею рукою письмо, а въ томъ де письмѣ при иныхъ

дѣлахъ его жъ, Гришково, воровское, непристойное слово, касающееся чести великихъ государей со дерзновеніемъ, написано такъ: „ни ихъ государскіе грамоты и ничто иное, едино только его Гришкова отца милостивая воля крѣпчайше всего содержать“. Да въ 193 г., какъ былъ Ивашка Самойловъ въ Полтавѣ, да при немъ были сѣверскаго разряда городовые дворяне, и въ городѣ де Ромнахъ на полковничьемъ дворѣ говорилъ онъ ему, Мишкѣ: бѣда де его, Ивашкова, великая, что два, и нынѣ де для его искорененія держать на него Дорошенка, а тѣмъ де двумъ не только христіане, и басурмане дивятся. Приказывалъ де къ нему турецкой визирь, что де имъ при такомъ случаѣ никакого добра не будетъ“.

Въ заключеніе Михаилъ Васильевъ заявилъ, что письма, о которыхъ онъ говорилъ въ распросѣ,—одно присланное ему съ Куцкевичемъ, а другое Якова Самойловича, въ которомъ писано, что Григорій Самойловичъ хочетъ бѣжать въ Крымъ,—находятся у него въ домѣ, въ селѣ Михайловкѣ, у матери, и билъ челомъ, чтобы великіе государи указали за тѣми письмами послать, кого пристойно, а онъ съ тѣмъ посланнымъ пошлетъ къ матери своего малаго, который нынѣ при немъ, и отпишетъ, чтобы мать, доставъ изъ упрятки тѣ письма, прислала къ нему въ Сѣвскъ. По челобитью его, октября 12-го по тѣ письма въ лебедянскій уѣздъ, въ село Михайловку, посланы сѣвскіе стрѣльцы, Демидка Прокофьевъ, Васька Мукосѣевъ, да съ ними малый Мишки Васильева, Стенька Петруновской; стрѣльцамъ было наказано ѣхать наспѣхъ и, взявъ письма, немедленно ѣхать назадъ.

На другой день былъ призванъ къ распросу и Григорій Самойловичъ; онъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ обвиненія его Михаиломъ Васильевымъ, да, кромѣ того, былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: „какъ онъ, Гришка, побѣжалъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ тѣхъ числѣхъ съ Лазаркомъ Горленкомъ какой у него къ измѣнѣ былъ совѣтъ и умысль? и въ Крымъ къ хану онъ, Гришка, Лазарка хотѣлъ ли посылать, и въ которыхъ мѣстѣхъ у нихъ умышлено стоять и орды изъ Крыма къ себѣ на помощь дожидаться?“

Григорій Самойловичъ въ распросѣ говорилъ: „которые де непристойныя слова окольниковъ Л. Р. Неплюевъ ему объявилъ, и такія де слова онъ Мишкѣ говорилъ, только де тѣ слова говорилъ не своею затѣйкой, а слышелъ отъ братьевъ своихъ, первое отъ Семена въ то число, какъ онъ послѣ смятенія пріѣхалъ съ Москвы, а послѣ того, пріѣхавъ съ Москвы жъ, братъ его Якушка говорилъ ему тѣжъ непристойныя слова; а братья его, Семень да Якушка, тѣ непристойныя слова слышали на Москвѣ, а отъ кого именно—про то онъ отъ братьевъ своихъ не слыхалъ. А въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ—того онъ не упомянулъ, писалъ къ нему, Гришкѣ, изъ Гадяча Мишка Васильевъ въ его деревню Орловку, чтобъ онъ писалъ къ нему о вѣдомостяхъ, какія у отца его есть; да въ тѣхъ же числахъ нынѣшній гетманъ И. Ст. Мазепа писалъ къ нему изъ Глухова, что пріѣхалъ де въ Глуховъ стольникъ Семень Ерофеевичъ Алмазовъ для дѣлъ государственныхъ и отца его домовыхъ, и онъ де, Гришка, чая того, что онъ будетъ разыскивать про вранье брата его Якушки и щадя брата своего и отца, чтобъ за то не было на нихъ государственной опалы, къ нему, Мишкѣ, при иныхъ дѣлахъ въ особомъ письмѣ о той неистовой рѣчи написалъ, а не отъ себя то затѣялъ, о чемъ де и выше сего сказалъ, слышалъ то отъ братьевъ своихъ. Да въ томъ же де письмѣ и то написалъ, что отцу его отъ тѣхъ ихъ словъ печаль, а имъ слѣпота; а иного де ничего въ той цыдулѣ не писано. А человѣку своему, Оськѣ Куцкевичу, о томъ словомъ къ нему, Мишкѣ, не приказывалъ, и онъ де, Мишка, и Васька Чайкевичъ того его человѣка за то не ковали, а скованъ де онъ былъ и къ отцу въ Батуриный отправленъ за то, что безъ вѣдома отца своего онъ, Гришка, черезъ того человѣка купилъ себѣ въ Гадячѣ дворъ; и о томъ непристойномъ дѣлѣ къ отцу его, Ивашкѣ Самойлову, онъ, Мишка, писалъ листъ, а въ томъ де листу написалъ такъ: „еще онъ, Мишка, на него, Гришку, имѣлъ великаго дѣла цыдулу, только де онъ ту цыдулу сжегъ“, а именно дѣла, и чтобы отецъ его, кому надлежитъ, донесъ къ Москвѣ, чтобы имъ за то дѣло великаго грѣха и бѣды не было, того не писалъ, и каковъ листъ къ отцу его писалъ Мишка Васильевъ, про тотъ листъ вѣдаетъ

прежній бунчужный Костька Ивановъ, а того дѣла для разсужденія отецъ его Костькѣ Иванову да брату Семену не вручиваль, а вручилъ де ему, Семену, да Костькѣ Иванову судити Мишку съ попомъ Денисьемъ въ иныхъ дѣлахъ. И человекъ де его, Оську Куцкевича, отецъ его безъ всякаго распроса отпустиль къ нему; да отецъ же его къ Мишкѣ Васильеву того не приказываль, будто Куцкевичу учинено наказанье и къ Москвѣ о томъ писано, и онъ де, Гришка, зляся на него, Мишку, и для того, чтобъ тѣ непристойныя рѣчи на нихъ были не вынесены, его до смерти убить не хотѣль, и въ конецъ его не разоряль и къ смерти не приправиваль, и о тѣхъ неистовыхъ словахъ, не именуя дѣла, Василью Борковскому да Леонтыю Полуботку такимъ образомъ, и будто не токмо ихъ царскаго величества людей онъ, Гришка, искореняеть, но и государскому имени касается“, Мишка Васильевъ говорилъ ли, того де онъ не вѣдаетъ; и изъ Батурина ѣдучи въ Стародубъ, въ то время, какъ братъ его, Гришковъ, былъ боленъ, при Васильѣ Борковскомъ, и при бывшемъ бунчужномъ Костькѣ Ивановѣ и при немъ, Мишкѣ, той рѣчи и о другомъ лицѣ онъ не говариваль и въ томъ де онъ шлется на нихъ, Василья и Костьку. Да въ 195 г., какъ онъ, Гришка, пошелъ изъ Запорожья къ Кодаку, и въ то де число бывший прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко прежде началъ ему говорить: имѣеть онъ, Гришка, у себя войска съ потребу, а изъ тѣхъ де надежныя компанейцы да сердюки, и онъ бы де съ тѣмъ войскомъ сталъ въ Кодакѣ, а изъ Кодака бѣ писать боярину, князю Василью Васильевичу Голицыну, за что его отца взяли? а онъ де, Лазарь, поѣдетъ въ Запорожье и когда де надобна будетъ орда, то де и орда будетъ, а если де ненадобна будетъ орда, то де онъ приведетъ запорожцевъ, а къ нимъ де пристануть многіе; а какъ придетъ окольнічій Л. Р. Неплюевъ съ полкомъ, и онъ бы сталъ въ особомъ мѣстѣ, а когда де ихъ станеть зацѣплять, то бы съ нимъ биться, а запасы бы на ихъ казацкое войско имать изъ государевыхъ запасовъ, что подъ Кодакомъ. И полковники де и старшина всѣ ему на томъ приговаривали крѣпко, и онъ де къ той ихъ мысли не присталь и, помня къ великимъ государемъ свое крестное цѣлованье, въ томъ

ихъ намѣреніи имъ запретилъ, и ни къ какому измѣнному дѣлу въ то число и никогда никакой мысли у него не было“.

Противъ извѣта Михаила Васильева Григорій Самойловичъ возразилъ слѣдующее: „По смерти де брата его, Семена, онъ, Мишка, въ его, Семеновыхъ, письмахъ Якушковой руки письмо нашелъ ли, и въ томъ Якушковомъ письмѣ, будто онъ, Гришка, хвалится и хочетъ переѣхать въ крымскую сторону, написано ль,—того онъ не вѣдаетъ; а онъ де въ крымскую сторону и пикуда отѣзжать не мыслилъ. А хотя бы де братъ его съ глупости, или по какой злобѣ на него и писалъ, чтобъ тому письму было не повѣрено; а по взятыѣ де у Мишки полковничества, онъ, Гришка, его къ себѣ въ домъ наединѣ не призывалъ и что „то ему учинила Москва, и когда бы онъ, Мишка, не смотрѣлъ въ Москву, а держался Украины и его отца, то бы ему лучше было, и если упованіе свое на Москву оставить, то де онъ у отца своего о немъ упросить“,—такихъ де словъ онъ Мишкѣ не говаривалъ; и будто, будучи на Москвѣ, видѣлъ онъ, „что править и держать московскаго государства некому и строенья ни отъ кого нѣтъ, а самая де крѣпость нынѣ во всей Руси его отецъ“—того онъ ему, Мишкѣ, не сказывалъ; и въ кіевскій де Братскій монастырь къ ректору, къ о. Ѳеодосію Гогуревичу, „чтобъ у Мишки милостыни не принимали, для того что отъ него противъ Украины и отца его объявилась измѣна, такая, что посылавалъ онъ къ Москвѣ, желая украинскіе и отца его порядки потерять и всѣ малороссійскіе города склонить по образцу слободскихъ городовъ, за каковую измѣну будетъ ему смертная казнь неперемѣнно“—такого письма онъ не писывалъ и такого письма онъ въ Батуриинѣ у Гогуревича не читалъ, потому что такого письма не было, а говорилъ де онъ, Гришка, Ѳеодосію Гогуревичу въ Батуриинѣ словомъ не такъ, какъ Мишка его поклещалъ, выговаривая за то, что въ Братскомъ монастырѣ его, Мишкову, личину по подобію гетманскому напечатали съ крестами и съ булавою, и они бы де такъ впредь его личину не печатали, а и ему де, Мишкѣ, за то безъ бѣды не пробудеть, что онъ свою личину печатаетъ по гетманскому. Въ 194 г. (1686) онъ, Гришка, писалъ письмо къ Леонтыю Полуботку

своею рукою, а въ письмѣхъ тѣхъ словъ, что „ни государскія грамоты и ничто иное, едина только отца его милостивая воля крѣпчайше всего содержитъ“—не писано, то де рѣчь прибавочная.

Вслѣдствіе разницы въ показаніяхъ Григорія Самойловича и Михаила Васильева, имъ дана была въ спорныхъ статьяхъ очная ставка. На очной ставкѣ Михаилъ Васильевъ говорилъ то же, что и въ распросѣ; „а въ тѣхъ де спорныхъ статьяхъ онъ, Гришка, запирается, отбивая своей вины. А что де онъ, Мишка, отъ Иванки Самойлова слышалъ въ Ромнахъ, и про то онъ, Гришка, вѣдалъ ли, того онъ не знаетъ, потому что говорилъ ему про то отецъ его, Иванка; да что въ листу брата его Якушки написано, что онъ, Гришка, хотѣлъ бѣжать въ Крымъ къ хану, и про то де вѣдаетъ братъ его Якушка подлинно, а онъ де, Мишка, уличаетъ Гришку тѣмъ письмомъ, брата его рукою“.

Григорій Самойловичъ въ свою очередь заявилъ на очной ставкѣ, что „въ чемъ онъ великимъ государемъ принесъ свою вину, про то все сказалъ въ распросѣ, а которыя статьи оспариваетъ, и тѣмъ всѣмъ Мишка его клеветъ напрасно; а онъ де того не говаривалъ и не писывалъ, и братъ его, Якушка, на него что писалъ ли, и отецъ его Мишкѣ въ Ромнахъ про что сказывалъ ли, про то онъ ничего не вѣдаетъ. А которыя статьи онъ спорилъ въ распросѣ, тѣ всѣ онъ спорить и теперъ на очной ставкѣ“.

Тогда Михаилъ Васильевъ билъ челомъ, чтобъ великіе государи указали Григорія Самойловича пытать, потому что онъ во многихъ статьяхъ винился, а на пыткѣ де и про тѣ дѣла, въ которыхъ запирается, скажетъ подлинно. Григорій же Самойловичъ, выслушавъ оговоръ Михаила Васильева, также билъ челомъ, чтобъ великіе государи пытать его не указали, а велѣли бѣ розыскать тѣми людьми, на которыхъ у нихъ была ссылка; да и подлинныхъ де писемъ онъ, Мишка, на очной ставкѣ не положилъ, а на очной ставкѣ тѣ письма положить было ему довелось и тѣми письмами свидѣтельствовать. А въ которыхъ статьяхъ онъ, Гришка, винился и спорилъ въ распросѣ, о тѣхъ статьяхъ твердить то же и инако де говорить не будетъ. Миха-

иль Васильевъ отвѣчалъ ему, что какъ только письма будутъ привезены, онъ немедленно представитъ ему ихъ въ улику.

Посланные въ с. Михайловку за письмами сѣвскіе стрѣльцы, Демидъ Прокофьевъ и Василій Мукосѣевъ приѣхали въ Сѣвскъ 16 сентября и, явсь въ разрядную избу, подали окольному Л. Р. Неплюеву деревянный ставъ, съ прибитою двумя гвоздями къ ставу крышкою, перевязанный нитью и запечатанный сургучемъ. По осмотру въ немъ оказалось сорокъ три листа бѣлорусскаго письма о домовыхъ и козацкихъ дѣлахъ Михаила Васильева. Въ тѣхъ же письмахъ найдено письмишко сжено и рѣзано, подклеено другою бумагою, „а въ немъ написано неистово и плевелосѣятельно полчетверты строки“; по оговору Михаила Васильева то письмишко руки Григорья Самойловича. Кромѣ того въ числѣ „листовъ“ были: листъ Ив. Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, „съ клятвою на сына своего, Григорія“; листъ Якова Самойловича; листъ Ивана Самойловича, писанный къ Михаилу Васильеву, въ которомъ желаетъ добра разбѣнному бею; три листа Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву.

Въ листахъ было написано слѣдующее: 1) Въ листу Ивана Самойлова къ Михаилу Васильеву, между прочимъ, сказано, что „онъ его проклятаго сына человѣка его непристойныя и погубельныя рѣчи у себя держитъ напрасно и такъ обмышляетъ, что межъ ими еще имѣетъ быть нѣкакая тайна; а что де написано, будто имъ не видно туда и чтобъ ему и до вѣку такъ далъ Богъ, каково было и есть, и онъ бы, Мишка, его и въ послѣднихъ дѣлахъ не скрѣлъ. То онъ, Мишка, вѣдаетъ и самъ, что Богъ совѣты злые разоряетъ. А человѣка его, Куцкевича, прислати бѣ къ нему, Ивашкѣ, съ человѣкомъ его, съ Апонаскомъ; а плевелосѣятельныхъ такихъ словъ межъ людьми чтобъ онъ, Мишка, не разсѣвалъ, и чтобъ онъ отписалъ ему: Куцкевичъ такия слова отъ кого слышалъ“? 2) Въ Якушковомъ листу къ брату его, Семену, написано: „отецъ ихъ, Ивашка, брата его, Гришку, бранилъ съ плачемъ и клялъ страшно и говорилъ, чтобы отъ него шель куда хочетъ, понеже де всегда хвалится идти къ крымскому хану, и онъ бы шель, а онъ де, Ивашка, посмотреть,

какъ будетъ жить“. 3) Въ Ивашковомъ же листу къ Михаилу Васильеву написано: „вѣдомо де ему учинилось, что запорожцы хотять размѣннаго бея въ то число, какъ онъ поворотится съ казною въ Крымъ, пренявъ въ дорогѣ, казну отнять, и онъ вѣдаетъ, что своевольствомъ могутъ то учинити за побудкою ляцкою; и онъ бы де, Мишка, бея предостерегъ и чтобы онъ, бей, по его Михайлову совѣту послалъ отъ себя въ Казикермень наскоро, для того чтобы къ нему изъ Казыкерменя татаръ и янычаръ конныхъ навстрѣчу послано было наскоро“. 4) Въ письмѣ Григорія Самойловича къ Михаилу Васильеву писано: „вѣдомо онъ ему, Мишкѣ, чинить, что отецъ его, Ивашка, на него, Гришку, сердить, невѣдомо за что, и за то де Богъ отмщеніе ему да воздастъ! Знатно де, за гнѣдую сердится лошадь, которую онъ, Ивашка, велѣлъ его, Гришкову, человекѣку привести къ себѣ, и для той лошади присылалъ къ нему бунчужнаго; и онъ де ему отказалъ и говорилъ, что до того никто не дожилъ, чтобы на его лошади кому ѣздить при немъ. И за то де отецъ его на него и щучее положилъ сердце, и чтобъ отцу его то сердце съ болѣстью въ животѣ своемъ держать. Да еще онъ, Гришка, о двухъ дѣлахъ молить Бога: либо бы его предалъ смерти, или бы проклятое его Ивашково гетманство скороталось, а онъ бы де въ людяхъ лучше дослужился“. 5) Въ его же письмѣ къ Михаилу Васильеву написано: „писалъ де онъ, Мишка, къ его, Гришкову, отцу, чтобъ навесь на него гнѣвъ, и то де онъ писалъ на свою бѣду и безголовье; и то бы онъ вѣдалъ, что онъ терпѣтъ такъ, какъ братъ его Сенька, не будетъ и за свое безчестье станеть, а если онъ, Гришка, то забудеть, чтобъ ему не встати на судъ Божій“. 6) Въ листу Григорія Самойловича къ Михаилу жъ Васильеву написано: „самъ бы Богъ его, Гришку, скаралъ за тяжкую сердечную клятву, если онъ не отдастъ ему за свое безчестье; а ва томъ онъ, Гришка, отца своего просить: если онъ надъ нимъ, Михайломъ, указа не учинитъ, то онъ, оставя жену и дѣтей, для его, недобраго сына, съ Украйны выступитъ“.

По прочтеніи обвиняемому и обвинителю приведенныхъ писемъ, Неплюевъ, „чтобы доискаться самыя правды“, сдѣлалъ

распоряженіе о пыткѣ того и другаго, ссылаясь въ своемъ постановленіи на государеву грамоту. Но пытка тому и другому не была особенно жестока: Григорій Самойловичъ висѣлъ на встряскѣ съ полчаса, былъ дважды таянуть и дано было ему пятнадцать ударовъ кнудомъ; Мишка Васильевъ тоже висѣлъ на встряскѣ и получилъ двѣнадцать ударовъ.

Будучи пытанъ, Григорій Самойловичъ гозорилъ: „въ которыхъ статьяхъ въ первомъ распросѣ и на очной ставкѣ винился, въ томъ во всемъ и въ неистовыхъ словахъ и нынѣ вишится жъ; а которыя де неурстойныя слова онъ Мишкѣ говорилъ и писалъ, и тѣ слова онъ слышалъ отъ братьевъ своихъ, Якова и Семена, а отъ кого они слышали такія слова, того брата ему не говорили. И Василью Борковскому, да бывшему бунчужному Костькѣ Иванову да ему, Михаилу Васильеву, ѣдучи въ Стародубъ, онъ тѣхъ непристойныхъ словъ не говоривалъ, да въ тожъ число такихъ же словъ и о другомъ лицѣ, имъ не сказывалъ. А что де онъ, Гришка, въ распросѣ говорилъ на Лазаря Горленка съ товарищи въ измѣнѣ, и къ той измѣнѣ и къ воровству къ начинанію былъ первый онъ, Лазарка, а его де желанія къ той измѣнѣ не было“. Когда ему показывали письмо и листы, Григорій Самойловичъ сказалъ: „то де письмо его руки, а писано въ немъ то, что онъ слышалъ отъ брата своего Якушки; а листы—одинъ руки его отца, другой—за его жъ рукою, третій—брата его Якова руки, да три листа его, Григорьевы, въ томъ числѣ два—его руки, а у третьяго въ концѣ приписано его рукою. Для чего его отецъ и братъ Яковъ такіе листы писали, про то не знаетъ, а онъ въ своихъ листахъ про отца своего и про Михаила Васильева писалъ съ сердца, а убить его, Михаила, не хотѣлъ. А что въ его листу написано, что онъ хочетъ выступить съ Украйны, и то де написалъ съ дерзости, а о побѣгѣ куда нибудь умысла у него не было“.

Михаилъ Васильевъ съ пытки говорилъ: „что де онъ въ распросѣ и на очной ставкѣ на Григорія Самойлова говорилъ, то самая правда. А Василью Борковскому, да Костькѣ Иванову и ему, ѣдучи въ Стародубъ, онъ, Гришка, говорилъ, и въ то жъ число имъ же и о другомъ лицѣ такія же слова сказывалъ.

А что за Иваномъ Самойловымъ и за сыномъ его Григорьемъ какія дѣла вѣдалъ, о томъ въ распросѣ его писана самая правда, а о разговорахъ съ размѣннымъ беємъ и мурзами, и къ хану о подаркахъ съ пытки говорилъ то же, что и въ распросѣ.“

По окончаніи слѣдствія, по приказу окольничаго Л. Р. Неплюева, Григорій Самойловичъ и Михайлъ Васильевъ были отданы за приставовъ подъ караулъ, скованы, въ прежнія мѣста, а приставамъ и караульщикамъ было приказано накрѣпко, чтобы они держали ихъ въ соблюденіи твердою и караулы денные и ночные были у нихъ крѣпкіе, да и сами бѣ пристава были на дворахъ безотлучно.

Все розыскное дѣло: распросныя и пыточныя рѣчи Григорья Самойловича и Михаила Васильева, письмо Григорьевой руки къ М. Васильеву и шесть листовъ бѣлорусскаго письма, 17 октября 1687 г. было отослано Неплюевымъ съ сѣвскимъ подъячимъ Титомъ Русиновымъ въ государственный посольскій приказъ къ князю В. В. Голицыну, съ товарищами; отсюда дѣло было перепесено въ боярскую думу и здѣсь, по выслушаніи доклада, состоялся слѣдующій приговоръ: „196 (1687 г.) октября въ 24 д. Великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, и великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всеа великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, слушавъ сего розыску въ комнатѣ, съ комнатными бояры, указали и бояре приговорили: Гришку Самойлова за его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова, о которыхъ его воровскихъ словахъ и о письмѣ его руки, въ которомъ онъ тѣ непристойныя и воровскія, затѣйныя свои слова говорилъ и написалъ, имъ, великимъ государемъ, извѣстно и у розыску въ томъ онъ, Гришка, винился, и то его Гришкино воровское вышепомянутое письмо поднесено имъ, великимъ государемъ, того жъ числа и оставлено въ хоромѣхъ; тако жъ за его измѣну, какъ онъ, будучи въ Запорогахъ, хотѣлъ и умышлялъ имъ, великимъ государемъ, измѣнить, въ чемъ на него писалъ въ большой полкъ къ ближнему боярину, и оберегателю и дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу Голицыну, съ товарищи изъ Запороговъ

товарищъ его, окольничій и воевода, Леонтій Романовичъ Неплюевъ, съ товарищи, и что изъ Запороговъ онъ Гришка, забунтовавъ, ушелъ съ ратными людьми своевольствомъ своимъ къ Кодаку, безъ великихъ государей указу, и у того розыску въ томъ онъ, Гришка, винился жъ, а сказалъ, что наговаривалъ де его и приводилъ къ той измѣнѣ бывшій прилуцкій полковникъ Лазарка Горленокъ, а онъ будто къ тому воровству и къ измѣнѣ приставать не хотѣлъ, и потому по всему знатно, что и онъ, Гришка, мыслилъ о томъ съ нимъ, Лазаркомъ, обще, а если бъ его умыслу въ томъ не было, и онъ бы изъ Запороговъ прибѣжалъ самъ, извѣстясь о томъ, или бъ отписалъ въ полки къ ближнему боярину, и оберегателю и большаго полку къ дворовому воеводѣ, ко князю Василью Васильевичу съ товарищи, или бъ сказалъ о томъ въ Запорогахъ окольничему и воеводѣ Леонтыю Романовичу съ товарищи, — *казнить смертью*. А женѣ его дать свободу и жить ей въ малороссійскихъ городѣхъ, въ которыхъ пристойно, по гетманскому разсмотрѣнью, и дать ей на прожитокъ изъ его, Гришковыхъ, пожитковъ двѣсти рублевъ денегъ, да изъ платья ея камчатая, и атласная, и суконная теплая бѣлыя и лисья и холодная платна, кромѣ золотныхъ, и бархатныхъ, собольихъ и холодныхъ платенъ; а бѣлое всякое платье, также и Гришкино платье, которое есть на немъ ншиѣ въ Сѣвску, отдать всей ей. А Мишку Васильева пожаловали великіе государи, смертью его казнить не велѣли, а указали съ женою его и съ дѣтьми, отдавъ ему всѣ пожитки его, и хлѣбъ, прислать его къ Москвѣ съ провожатыми: а что ему пожитковъ его всякихъ будетъ отдано и тому всему прислать роспись. А село его Михайловку съ деревнями и со всѣми людьми, и съ крестьяны, и съ мельницами, и съ землями, и съ хуторы, и съ пасѣки и съ сады указали великіе государи отписать къ сумскому полку и написать того села и деревень жителей и мастеровыхъ людей, также и дворовыхъ его людей, буде которые съ нимъ ѣхать къ Москвѣ не похотятъ, въ казаки и дать имъ сотника добра, и быть сотнѣ михайловской, и вѣдать ихъ службою и расправою сумскимъ полковникомъ, и учинить въ томъ селѣ Михайловкѣ острогъ съ крѣпостями; а съ мельницъ, и съ пасѣкъ медъ, и съ садовъ яблоки

и иной овощъ собирать и въ прудахъ рыбу ловить на себя, великихъ государей. И къ тому бѣ ко всему приставили они, полковники, цѣловальниковъ добрыхъ, и для того послать въ Михайловку изъ Сѣвска дьяка Михаила Жаденова. А Ивана Самойлова указали великіе государи сослать изъ Кукарки въ Сибирь въ Тоболескъ, а сына его, Якушка, и съ женою его въ Енисейскъ и держать ихъ въ тѣхъ городѣхъ за крѣпкимъ карауломъ и давать своего, великихъ государей, жалованья кормъ по прежнему; а отъ Кукарки до Тобольска велѣтъ съ ними послать въ приставѣхъ казанцевъ двухъ человѣкъ дворянъ добрыхъ и провожатыхъ служилыхъ людей, сколько человѣкъ пристойно. А Григорья Бахметева, принявъ у него Ивана и Якушку, велѣтъ отпустить къ Москвѣ. А въ Тобольскѣ, принявъ Ивана и Якушка, отпустить тѣхъ казанцевъ и съ служилыми людьми въ Казань, и послать Якушка изъ Тобольска за крѣпкимъ карауломъ въ Енисейскъ. И указали великіе государи о томъ свои, великихъ государей, грамоты въ Сѣвскъ, и въ Казань, и къ Григорью Бахметеву и къ гетману для вѣдома, а въ Сибирскій приказъ о приѣмѣ память послать. Думной дьякъ Емельянъ Украинцовъ“.

Государева грамота о казни Григорья Самойловича и о присылкѣ въ Москву Михаила Васильева послана въ Сѣвскъ воеводѣ Л. Р. Неплюеву 31 октября 1687 г. съ сѣвскимъ подъячимъ, а въ отвѣтъ въ Москвѣ была получена отписка Неплюева, въ которой онъ писалъ: „...и по вашему, великихъ государей, указу Гришкѣ Самойлову у казни его воровскія, затѣйныя и непристойныя слова и измѣна сказана и казненъ смертью, отсѣчена голова, ноября въ 11 числѣ нынѣшняго 196 г. (1687), а у казни былъ солдатскаго строя полковникъ Тимоѳей Фандервидинъ“. На отпискѣ сдѣлана помѣта: „196 г. ноября въ 21 д. Великимъ государемъ и великой государынѣ, благовѣрной царевнѣ извѣстно. Взять къ отпуску“. Этими словами—взять къ отпуску—и закончилось для Москвы существованіе въ свое время опаснаго для нея козака Григорья Самойловича.

А. Востоковъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.

Вся наша жизнь объята культурными переживаниями, остатками древняго міросозерцанія и древней морали. Много ихъ въ понятіяхъ, нравахъ, языкѣ и бытѣ современнаго интеллигентнаго общества, и еще болѣе въ нравахъ и понятіяхъ простаго народа. Широкий потокъ цивилизаціи новаго времени, повсемѣстное господство скептицизма и критики не могли еще очистить народную жизнь отъ остатковъ древней грубости нравовъ и темныхъ повѣрій старины. Культурныя переживания упорно держатся въ семьѣ и въ обществѣ, проникають въ искусство и литературу. Что можетъ быть, на примѣръ, невѣжественнѣе и грубѣе вѣры въ колдовство, въ порчу и гоненія на мнимыхъ представителей демонической силы—вѣдьмъ, однако, такая вѣра и гонительство, какъ темныя культурныя переживания, проявляются и въ Россіи, и въ западной Европѣ среди простаго народа. Въ 1875 году Нишольдъ издалъ сочиненіе, любопытное уже по заглавію: „Die gegenwärtige Widerbelebung des Hexenglaubens“, а въ сущности дѣло состоитъ не въ оживаніи, а въ переживаніи понятій и нравовъ темной старины. Не все то хорошо, что ново, и среди культурныхъ пережитковъ, большею частью дѣйствительно мрачныхъ и грубыхъ, встрѣчаются весьма цѣнные съ точки зрѣнія прогресса и морали. „Въ историческомъ прошломъ народовъ, замѣчаетъ г. Кулишеръ, было много добрыхъ злаковъ, до того добрыхъ, что въ нѣсколько измѣненной формѣ они являются идеаломъ лучшаго будущаго. Многія изъ тѣхъ бытовыхъ формъ и нравственныхъ понятій, которыя исчезли уже изъ жизни болѣе культурныхъ народовъ, погибли не потому, что онѣ не соотвѣтствовали высшему критерию добра, не потому, что онѣ не удовлетворяли интересамъ и потребностямъ большинства лицъ,

жившихъ въ этихъ формахъ, а потому, что онѣ не выдержали борьбы съ иными бытовыми формами, съ которыми имъ пришлось столкнуться“ (Очерки сравн. этногр. 7).

Въ народной жизни культурныя переживанія стоятъ въ настоящее время независимо одно отъ другаго, какъ разнородныя и одновременныя обломки старины. Въ предлагаемыхъ вниманію статьяхъ я не буду подготавливать культурныя переживанія подъ извѣстныя рубрики, мифологическую, историко-литературную, сравнительно-этнографическую, или дѣлать ихъ по внѣшнему формальному сходству обрядности или значенія. Всякому культурному переживанію отводится самостоятельное мѣсто и посвящается особое изслѣдованіе. При такой постановкѣ дѣла выигрываютъ изслѣдователь и читатель. Изслѣдователь не стѣсненъ матеріаломъ, рассматриваетъ то, что ему болѣе нравится и болѣе извѣстно, и всегда можетъ остановиться, на любомъ мѣстѣ своего труда, читатель имѣетъ въ такомъ случаѣ передъ собою рядъ статей разнообразнаго содержанія, по возможности законченныхъ, и можетъ дѣлать изъ нихъ выборъ по своимъ личнымъ научнымъ наклонностямъ и привычкамъ.

Принимая во вниманіе спеціальный характеръ „Кіевской Старины“, я и въ слѣдующихъ моихъ этюдахъ о folk-lage на первое мѣсто ставлю южно-русскій этнографическій матеріалъ; но при объясненіи его считаю необходимымъ обращаться къ бытовой археологіи арійскихъ народовъ и въ частности къ сравнительно-историческимъ изслѣдованіямъ обрядовъ, повѣрій и сказаній славянскихъ народовъ.

1.

Олень въ произведеніяхъ народной словесности и искусства.

Пѣсенный мотивъ о турѣ-олень — Двойственное значеніе тура-оленя. — Олень въ міросозерцаніи и символикѣ языческихъ народовъ. — Символическій олень христіанскаго искусства и литературы. — Пути распространенія мотива объ оленѣ. — Современное пѣсенное значеніе тура-оленя.

Въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается темный образъ чудовищнаго звѣря тура-оленя. Такъ, въ галицкихъ колядкахъ:

Ой шумыть, шумыть геть дубровонька,
 Зійшла жь ся и къ ней вся громадонька:
 Чого жь ты шумишь, гей, дубровонька,
 Ой тожь я знаю, чого я шумю,
 Бо въ мене о чудное звѣрють,
 Чудное звѣрють сиве оленють;
 Въ того оленя семьдесятъ рогивъ... (*Голов. IV, 18*).

(Газдыня) дывыться, дывыться въ чистое поле,
 Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
 Дивное звѣрье, тура-олени;
 На головѣ жь му та девять рожкивъ... (*Голов. II, 48*).

Шуми, не шуми чомъ дубровонько,
 Ой якъ же менѣ, гей, не шумиты,
 По мене ходить дивное звѣря,
 Дивное звѣря девятороге,
 А на десятиимъ святой тарильчикъ,
 На тѣмъ тарильци золотый стильчикъ,
 На тѣмъ стильчику паннонька сидить... (*Голов. IV, 612*).

..... Дивное звѣря тура-олени
 Що на головки девять рижечкивъ,
 А на десятиимъ теремъ збудованъ,
 А въ тѣмъ тереми гречна панночка... (*Гол. II, 84*).

Ходить по мени всякая звирька,
 Всякая звирька, сивый оленю,
 На кимъ оленю симдевятъ рогивъ,
 А тѣй десятый самый золотый,
 А въ кимъ золотимъ свитлечко горыть,
 А въ кимъ свитлочку панночка сидить (*Kolberg Pokucie I. 108*).

Этотъ мотивъ встрѣчается съ нѣкоторыми измѣненіями въ великорусскихъ пѣсняхъ. Молодецъ собирается застрѣлить „малъ сѣру ланью съ лапятами,“ но она направляетъ его на турка. Въ другой пѣснѣ, болѣе близкой къ малорусскимъ колядкамъ.

Во тѣхъ ли лугахъ все шелкова трава,
 По той по травушкѣ ходить олень,
 Ходить олень золотые рога.

Молодецъ женихъ (пѣсня свадебная) хочетъ застрѣлить бѣлаго оленя, но послѣдній сказалъ:

Не бей меня, Иванъ господинъ,
Нѣ въ кое время я самъ пригожусь:
Станешь жениться на свадьбу приду
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,
Всѣхъ я твоихъ гостей взвеседу. (*Потебня, Колядки* 21).

Пѣсенный мотивъ объ оленѣ золотые рога встрѣчается у сербовъ и болгаръ, при чемъ обнаруживается большое сходство сербскихъ пѣсень съ пѣснями малорусскими объ оленѣ. Въ лазарской пѣснѣ въ честь неженатаго парня, записанной въ Старой Сербіи:

Илен пливат по море,	На лиргови троновы,
Златни му се рогови,	На троновы млад юнак (<i>Ястребовъ, Об.</i>
На рогови лиргови (т. е. башни),	и пѣс. тур серб., 110).

Въ другой пѣснѣ олень также плыветъ по морю; на рогахъ у него башня; на башнѣ взголове; на немъ дѣвица вижетъ бисеръ (*Потебня, Колядки, 339*).

Въ болгарской величальной пѣснѣ молодецъ сынъ хозяина

Ни намери дрибна лова,
Най намери сур-илена,
Сур-илена зльтурога.

Молодецъ замахиваетъ копьемъ, и олень, какъ и въ великорусскихъ пѣсняхъ, обращается къ охотнику съ рѣчью (*Потебня, Колядки, 330*). Болгарскихъ пѣсень объ охотникѣ и оленѣ записано нѣсколько (ib. 330—339).

Такимъ образомъ, малорусскій пѣсенный мотивъ объ оленѣ золотые рога есть мотивъ обще-славянскій. Значительное сходство славянскихъ пѣсень съ этимъ мотивомъ даетъ поводъ къ предположенію о вліяніи пѣсенности одного славянскаго народа на пѣснотворчество другаго народа, близкаго по мѣстежительству и умонастроенію.

Турь-олень является весьма любопытнымъ и сложнымъ историческимъ явленіемъ. Темнота его поэтического образа проистекаетъ отъ того, что въ немъ слиты въ одно два совершенно различныхъ предмета, во первыхъ предметъ изъ міра зоологическаго *bos primi-*

genius — туръ, и во вторыхъ предметъ историко-литературный и историко-художественный символическій олень.

Я уже имѣлъ случай говорить о значеніи тура въ народной словесности (въ „Кіев. Стар.“, потомъ отдѣльной брошюрой) и здѣсь повторю только общій выводъ, что туръ существовалъ въ Россіи, преимущественно южной, съ древнѣйшихъ временъ до шестнадцатаго столѣтія включительно и, какъ животное крупное и сильное, надолго сохранился въ народной памяти и вошелъ въ народные обряды, поговорки и пѣсни¹⁾, но при этомъ возможно, что онъ вошелъ въ малорусскую поэзію подъ вліяніемъ непонятнаго болгарскаго пѣсеннаго сур-оленя.

Въ исторіи развитія поэтическихъ, литературныхъ и художественныхъ образовъ оленя можно намѣтить два періода — древнѣйшій, религіозно-миѳическій и новый христіанскій. Символическій олень возникъ изъ религіозно-миѳическихъ представленій объ оленѣ древнихъ классическихъ народовъ и получилъ блестящее развитіе въ искусствѣ и словесности христіанскихъ народовъ, какъ западныхъ католическаго вѣроисповѣданія, такъ и восточныхъ, вѣроисповѣданія православнаго. Разными путями символическій олень проникъ въ старинную русскую литературу и въ малорусскую народную словесность, преимущественно въ колядки, въ которыхъ церковно—историческое содержаніе гораздо болѣе значительно, чѣмъ принято думать, такъ что многіе мотивы, напримѣръ, мировое дерево, райскія пташки и др., ближайшимъ источникомъ имѣютъ не религіозно-миѳическія представленія отдаленной древности, а религіозныя повѣствовательныя и апокрифическія сказанія христіанской эпохи.

Въ міросозерцаніи и символикѣ древнихъ народовъ олень занимаетъ видное мѣсто, какъ образъ солнечнаго божества, какъ символъ свѣта и жизни. У египтянъ олень служилъ знакомъ для обозначенія солнечнаго года. У грековъ олень былъ посвященъ Аполлону. Кромѣ того, это было любимое животное Геркулеса. По всеьма распространенному въ древности мнѣнію, олень пожиралъ змѣй.

¹⁾ Въ дополненіе къ моему ст. о Турѣ см. сочиненіе Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго „Къ вопросу о бытѣ въ религ. представленіяхъ древн. Востока 1885 г. и соч. Wankel'я Der Bronzestier aus der Bysiskala—Höhle 1877 г.

Повѣрье это, отвергаемое положительной наукой, прочно держалось въ средніе вѣка и въ новое время. Для предохраненія отъ укушенія змѣйнаго носятъ оленій зубъ. Согласно съ своимъ значеніемъ солнечнаго животнаго, олень, какъ все греческіе боги и герои солнечнаго происхожденія, обнаруживаетъ любовь къ музыкѣ. Аристотель раздѣляетъ народное повѣрье, что оленя можно очаровать и поймать звуками музыки. Въ европейскихъ могилахъ каменнаго вѣка и болѣе позднихъ меровингской эпохи и въ могилахъ англосаксонскихъ находятъ оленьи рога, при чемъ усматриваютъ въ нихъ символъ безсмертія души. Символическое значеніе оленя отчетливо обнаруживается, между прочимъ, въ одномъ скульптурномъ изображеніи на гробницѣ: дитя лежитъ на оленьей шкурѣ и держитъ въ рукахъ оленя или ягненка, а подъ нимъ ползетъ ехидна. Здѣсь змѣя означаетъ смерть, а оленья шкура и ягненокъ воскресенье и побѣду жизни надъ смертью. (*Palus Cassel*, Aus Literatur und Symbolik. 1884, 281).

Солнечнымъ значеніемъ оленя обусловлено повѣрье въ продолжительность его жизни. Существовало повѣрье, что олень можетъ жить сотни лѣтъ. Согласно съ нимъ, нѣкоторые вѣли оленью мясо съ цѣлью долго прожить (ib. 282)

Религіозныя представленія оленя существовали въ южной Россіи въ древнее время, что подтверждается археологическими изслѣдованіями профес. В. В. Антоновича о скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Такъ, на одной скалѣ высѣчена слѣдующая группа: съ одной стороны стоитъ дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей, горизонтальной, сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ стоитъ на колѣнахъ человѣческая фигура, изображенная въ профиль и нѣсколько напоминающая своими контурами каменные бабы; фигура эта держитъ въ рукахъ чашу, совершая какъ-будто либацію. Сзади за человѣческой фигурой стовтъ фигура оленя съ вѣтвистыми рогами; послѣдняя при томъ поставлена, повидимому, какъ изображеніе не живаго, а монументальнаго оленя, ибо ноги ея опираются на умышленно выкованный подъ ними пьедесталь. Между рогами оленя и пѣтухомъ находится квадратъ, въ видѣ рамки, но произведенный не рельефомъ, а выдолбленный въ скалѣ, что наводитъ на мысль, что ква-

дять этотъ высѣченъ не одновременно съ остальными фигурами, а, вѣроятно въ гораздо болѣе позднее время. (*Труды Одес. Арх. Съезда* I, 39).

Скальный рельефъ съ оленемъ по содержанію своему имѣетъ очень близкое отношеніе и къ языческимъ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и къ христіанской символикѣ. В. Б. Антоновичъ высказываетъ предположеніе, что изображенная на скалѣ группа представляетъ сцену изъ славянскаго предшествовавшего христіанству религіознаго культа. О древности происхожденія барельефа свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что гранитная скала, на которой онъ высѣченъ, ввѣтрилась послѣ высѣченія равномерно и на поверхности ея образовались глубокія продольныя борозды, которыя пересекаютъ равно гладкую поверхность скалы и высѣченныя на ней фигуры. Въ ближайшихъ окрестностяхъ пещеры найдено много кремневыхъ осколковъ и въ томъ числѣ нѣсколько экземпляровъ совершенно явственныхъ отбивныхъ кремневыхъ орудій (ib. 100).

Все содержаніе скальнаго рельефа можно объяснить вполне удовлетворительно фактами христіанской символики и литературы, главнымъ образомъ данными житія св. Евстафія Плакиды, о чемъ ниже, и только точное хронологическое опредѣленіе рельефа, если только оно возможно, могло бы рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону.

Въ священномъ писаніи олень служитъ символомъ разныхъ нравственныхъ понятій (см. Псалтырь, пс. XXVIII, 9, и Пѣснь пѣсней, II, 17). Первые христіане изображали оленя на гробницахъ, преимущественно какъ символъ Спасителя, иногда какъ символъ апостоловъ или святыхъ. Олень служилъ также символомъ души, въ томъ смыслѣ, что душа боится грѣха и готова съ быстротой бѣжать отъ него. На западѣ символическій олень встрѣчается на древнихъ мозаикахъ, гробницахъ, иконописныхъ изображеніяхъ и чаще всего въ баптистеріяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ присутствіе оленя обусловлено словами 41 псалма: „имже образомъ желаеть олень на источники водныя, сице желаеть душа моя къ тебѣ, Боже!“

Въ исторіи символики, живописи и словесности особенно важное значеніе имѣетъ символическое представленіе Христа въ видѣ

олени, отдѣльно или въ сочетаніи съ крестомъ. На сводахъ катакомбы св. Марцелины и Петра и на древней трибунѣ латеранскаго храма находится изображеніе двухъ оленей и креста между ними. (*Martigny Diction. d' antiq. chrét.* 136).

Символическій олень съ распятіемъ между рогами получилъ широкое распространеніе въ западныхъ и восточныхъ религіозныхъ легендахъ. Въ житіяхъ латинскихъ святыхъ Губерта, Евстерія, Германа Окирскаго и Норберта и въ древнемъ греческомъ житіи Евстафія Плакиды встрѣчается символическій олень. Губертъ съ такой яростью предавался охотѣ, что совершенно забылъ о спасеніи своей души. Но, по милосердію Божію, онъ встрѣтился однажды съ оленемъ, который несъ на головѣ чашу съ св. дарами. Сіяніе, распространявшееся отъ головы оленя, было до такой степени ослѣпительно, что охотничьи собаки испугались и отказались на всю жизнь отъ травли оленей. Губертъ, понявъ, что его увлеченіе охотой непріятно Господу, ушелъ въ пустыню и сталъ впоследствии учить людей смиренію и кротости и пользоваться ихъ отъ болѣзней цѣлебными травами (*Туссенель, Нравы животныхъ, 135*). Эта легендарная подробность воспроизводится въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ европейскихъ преданіяхъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что Іоахимъ II, курфирстъ бранденбургскій, незадолго до своей смерти увидѣлъ разъ во снѣ оленя съ блестящимъ золотымъ распятіемъ между рогами. Олень этотъ оказался предвѣстникомъ смерти курфирста. (*Ждановъ. Къ литер. ист. бывш. поэзіи, 80*). Подобнаго рода народное преданіе литературно обработано Флоберомъ въ Легендѣ о св. Юліанѣ Милостивомъ.

Олень встрѣчается въ византійскихъ житіяхъ святыхъ и въ миниатюрахъ. Такъ, въ греческой рукописи париж. нац. библ., содержащей избранныя рѣчи Григорія Богослова, съ хронологической помѣткой 1262 г., находится, между прочимъ, слѣдующая миниатюра поэтическаго характера. Къ рѣчи „на Новое Воскресеніе“ въ прелестномъ фронтисписѣ, наполненномъ арабесками и внутри осьми-угольнаго поля, образованнаго оригинальнымъ плетеніемъ вѣтвей, вишьетка изображаетъ молодого пастуха съ кошелкою на плечѣ, среди оленей, славословящаго Бога. Въ небѣ Христосъ по грудь. Буква рядомъ изображаетъ пастуха, доящаго ланей (*Кон-*

даковъ, Исторія визант. искусства, 203. Снимокъ съ миниатюры см въ Приложеніи, на табл. XIII, 3).

Что символическій олень проникъ глубоко въ греческую словесность и искусство, видно изъ того, что онъ отразился на греческихъ народныхъ пѣсняхъ. Такъ, по одному варианту пѣсни о Дигенисѣ, смерть этого выдающагося средневѣковаго греческаго богатыря произошла въ наказаніе за то, что онъ убилъ вѣщаго оленя съ распятіемъ среди роговъ, звѣздой во лбу и образомъ Богородицы среди лопатокъ. (*Ждановъ*, Къ литер. ист., 80). Въ другой греческой пѣснѣ о Дигенисѣ олень обращается уже въ мѣстнаго духа на высокомъ гребнѣ горы, съ крестомъ на рогахъ. съ мѣсяцемъ на заднихъ ногахъ. Онъ содрогается. и содрогаются горы и поля; ударомъ ноги онъ выбиваетъ деревья къ корнямъ, (*Дестунисъ*, въ Сборн. Ак. Наукъ XXXIV, I, 30).

Возвращаясь къ малорусскимъ пѣсеннымъ мотивамъ съ оленемъ золотые рога и сходнымъ съ ними пѣсеннымъ образомъ другихъ славянскихъ народовъ, мы попробуемъ хотя приблизительно и гадательно опредѣлять путь въ распространеніи ихъ и въ частности попытаемся разяснить вопросъ, какимъ путемъ проникли эти мотивы въ южнорусскую народную поэзію.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что символическій олень возникъ и развился на древней классической почвѣ. Таинственный образъ оленя нашель большое распространенія въ Греціи; здѣсь онъ проникъ въ иконопись, миниатюру и народныя пѣсни, и отсюда уже, т. е. изъ Греціи, перешель въ славянскія страны путемъ литературной и устной передачи. По справедливому замѣчанію Леграна: „plusieurs chronographes byzantins nous apprennent, que les chansons populaires grecques des cette époque (т. е. средневѣковыя, наур., пѣсни о Дигенисѣ) étaient très répandues dans les pays slaves.“ Въ частности извѣстно, что сказанія о Дигенисѣ, гдѣ встрѣчается и олень, издавна были извѣстны на Руси и сдѣлались отчасти достояніемъ русской народной поэзіи (подробности см. у *Жданова*, Къ литер. ист. 77, 233—239; *Дестуниса*, въ Сборн. Акад. Наукъ XXXIV, I, 29—32).

По всей вѣроятности, символическій олень первоначально проникъ въ Болгарію, можетъ быть въ IX или X вѣкѣ, цвѣтущіе

вѣка болгарской письменности. Въ это время были переведены съ греческаго на болгарскій книги священнаго Писанія, книги богослужебныя, многія отеческія творенія, разныя статьи философскаго и психологическаго содержанія. Во главѣ литературнаго движенія стоялъ самъ царь „книголюбецъ“ Симеонъ, а вокругъ него группировались переводчики и писатели. Въ это время обнаружались здѣсь и попытки самостоятельной литературной дѣятельности, при чемъ на развитіе болгарской письменности и поэзіи оказали сильное вліяніе богумилы. Вообще, болгарская литература X вѣка, по словамъ И. В. Ягича, была уже на столько богата, что могла сравниться съ современными литературами греческой и латинской и рѣшительно превосходила всѣ современныя европейскія литературы.

Изъ Болгаріи символическій олень легко могъ проникнуть въ Сербію и южную Русь, при чемъ обычный въ болгарской народной поэзіи эпитетъ сур (сур-илень, сура-ламя) въ однѣхъ украинскихъ пѣсняхъ сохранился (сив. олепють, сивый олень) въ другихъ пѣсняхъ обратился въ названіе извѣстнаго животнаго тура, и потомъ уже выросли бытовыя подробности объ охотѣ на тура и его внѣшнемъ видѣ. Трудно сказать, какимъ путемъ и когда балканскій сур-илень переселился въ русскую народную словесность, можетъ быть черезъ Румынію, которая въ старое время служила переходнымъ мостомъ для разныхъ бытовыхъ и литературныхъ вліаній, славянскихъ и романскихъ. Въ румынскихъ колядкахъ, между прочимъ, встрѣчается мотивъ объ охотѣ на лань (*Веселовскій*, Сборн. Акад. Наукъ XXXII. 256). Число 9 встрѣчается въ греческихъ былинахъ о Дигенисѣ (посвѣялъ 9 мѣрокъ зерна: см. *Дестуниса*, стр. 15): оттого, м. б., и девять роговъ у оленя.

Великорусскіе пѣсенные мотивы объ оленѣ могли непосредственно произойти изъ письменности, или они взяты изъ вторыхъ или третьихъ рукъ и затѣмъ удержались и распространились подъ вліяніями книжными, житій святыхъ, подлинниковъ и иконописныхъ изображеній, которыя заимствовали оленя изъ первоисточника, греческой духовной литературы. Въ старинной московской письменности символическій олень игралъ видную роль. Онъ вошелъ въ изображенія страшнаго суда. Такъ, въ одномъ подлинникѣ XVIII вѣка на иконѣ Страшнаго суда полагается, между прочимъ, Христосъ

въ кругу въ образѣ оленя обѣ одномъ рогѣ (*Буслаевъ*, Истор. очерки, II, 134).

Въ старинной литературѣ выдается житіе св. Евстафія Плакиды по подробному описанію символическаго оленя. Плакида, „стратилатъ при Троянѣ царѣ“, любилъ охоту. Однажды онъ погнался за большимъ и красивымъ оленемъ. Олень соскочилъ на высокой камень и остановился. Надъ рогами его показался крестъ, испускавшій свѣтъ сильнѣе солнца, а посреди роговъ образъ святаго тѣла Христова: “ О Плакидо, что мя гонещи? сказалъ олень. Се тебе ради пришелъ есмь на животнѣмъ семъ явитися тебѣ. Азъ есмь Іисусъ Христосъ... Си слыша стратилатъ пристрашенъ бѣ, спаде съ коня (*Великія Минеи-Четви* I 1284 и 1287). Это описаніе символическаго оленя объясняетъ происхожденіе подножія оленя на дѣтровскомъ скальномъ рельефѣ, если допустить мысль о христіанскомъ его происхожденіи, объясняетъ также многія пѣсенныя мотивы съ оленемъ, напримѣръ, слова оленя, что онъ пригодится молодцу на свадьбѣ, въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, въ особенности рельефно объясняетъ происхожденіе жалобъ оленя (что мя гонещи) въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Пѣсни съ туромъ-оленемъ золотые рога получили характеръ и значеніе величальныхъ пѣсень, и образъ тура оленя въ настоящее время прилагается преимущественно къ жениху. Въ великорусскихъ пѣсняхъ лань указываетъ охотнику невѣсту; въ малорусскихъ олень общается нарубку прійти къ нему на свадьбу; въ одной сербской пѣснѣ олень перебрасываетъ дѣвицу черезъ рѣку, что по смыслу пѣсни имѣетъ отношеніе къ замужеству. Вообще, въ сербскихъ пѣсняхъ — женихъ, лань (копуга) — невѣста; или женихъ и его братья охотники, олень — невѣста. (*Потебня*, Колядки 319—328).

2.

Принесеніе въ церковь хлѣба и мяса.

Дизическое кормленіе боговъ. — Дюевѣріе. — Историческія свидѣтельства о принесеніи въ церковь пащи и питья.

До принятія христіанства славяне имѣли вещественныя изображенія религиозно-миѳическихъ представленій, олицетворявшія стихійныя силы и явленія природы въ формѣ истукановъ или идоловъ,

которымъ приносили въ жертву мясо, хлѣбныя печенія и напитки. Въ покорѣ богамъ шло все, что употреблялъ въ пищу человекъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго и Льва Діакона руссы приносили въ жертву живыхъ птицъ. Въ Словѣ Христолюбца говорится о „моленіи короваевъ“, о закланіи куръ „бѣсамъ“ (т. е. идоламъ), о предложеніи имъ молока, масла, яицъ и „всего потребнаго“

Обычаи языческаго жертвоприношенія оставили глубокіе слѣды въ народной жизни. Принявъ христіанство, допускающее только символическую жертву Богу, въ видѣ свѣчь и ладана, восточные славяне въ частности южно-руссы, долгое время сохраняли матеріальный взглядъ на молитву и церковное освященіе въ большіе праздники съѣдобныхъ предметовъ. Въ великорусскихъ областныхъ говорахъ слово моленіе до сихъ поръ удержало характеръ кормленія домоваго или языческаго жертвоприношенія. Въ старинной южно-русской письменности находится нѣсколько любопытныхъ указаній на обычай приносить въ церковь на освященіе пищу и питье. Въ поученіи пр. Θεодосія печерскаго къ народу противъ нянства половины одинадцатаго вѣка находится уже порицаніе обычая „благословлять кутью во оставленіе грѣховъ.“ Никакимъ приношеніемъ, говоритъ Θεодосій, не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Господней. Далѣе Θεодосій порицаетъ обычай приносить въ алтарь, кромѣ просфоръ, ладона и свѣчь, пищу и питье (*Макарій, Ист. рус. церкви, II*).

Такое же документальное указаніе на существованіе въ западной и южной Россіи обычая приносить въ церковь пищу и питье находится въ письмѣ суральскаго архимандрита Сергія Кимбара къ кievскому митрополиту Макарію II около 1536 года. Указывая на разныя пестроенія въ церковной жизни тогдашняго западно-русскаго общества, Кимбаръ замѣчаетъ, что „и мяса, и хлѣбы и церквахъ посвящаютъ и внутрь святаго алтаря нѣици и мясо и сыры и хлѣбы и оwoцiе всякое, и медовину, и оловину вносятъ и животная скоть во освященные храмы нѣкогда пуцають; а то крѣпко въ святыхъ правилахъ отречено и запрещено не токмо у святый алтарь таковая, но и въ церковь никакъ не вносити, а ни животныхъ скотинъ упуцати; въ святый же алтарь кромѣ вина

служебнаго и масла древяннаго и тиміана ивѣхъ не повелѣно вно-
сити подѣ клятвою, а по тутошнему обычаю въ томъ не радятъ
а ни того знаютъ, а ни хотятъ знати“ (*Архивъ* юго-зап. Россіи,
ч. I, т. VII, 13).

Прошло 50 съ небольшимъ лѣтъ, и въ 1589 г. константи-
нопольскій патріархъ Іеремія обратился съ окружной грамотой къ
литовско русскому духовенству и мірянамъ объ уничтоженіи обыча-
евъ принести въ церковь мяса и пироги для освященія въ празд-
ники Рождества Христова и св. Пасхи. Патріархъ находитъ не-
правильнымъ, что малороссіяне на другой день праздника Рождества
Христова празднуютъ пологъ Богородицы и приносятъ въ церковь
„семидаліонъ, муку печену“. Южно-русское духовенство въ собор-
номъ посланіи 1590 г., согласно съ грамотой патріарха, осудило
обычай приносить въ церковь пироги и освящать хлѣбъ и мясо.
(*Акты Запад. Рос.* IV § 22).

Нѣчто подобное встрѣчается и нынѣ въ крестьянскомъ быту.
Такъ, въ обширной корреспонденціи изъ Зміева (Харьк. губ.) о
мѣстныхъ церковныхъ дѣлахъ, напечатанной въ № 2580 Южнаго
Края отъ 3 іюля 1888 года, между прочимъ говорится, что „въ
Зміевѣ многіе изъ кресгьянъ вмѣстѣ съ пасхой и другими съѣст-
ными припасами, освящаемыми для разговѣнья, освящаютъ еще и
другіе совершенно не подходящіе предметы, напримѣръ: макъ, пе-
рець, ладанъ, брусокъ точильный, иголки и проч. Каждый пред-
метъ имѣетъ какое нибудь суевѣрное назначеніе: макъ, вѣроятно,
какъ символъ плодородія, дается домашнимъ птицамъ и другимъ
животнымъ, назначаемымъ на расплодъ; перецъ дается людямъ и
итенцамъ индѣйки для предупрежденія болѣзней, ладанъ употре-
бляется для подкуриванія, а брусокъ для придавливанія большого
вымени коровы и, по мнѣнію хозяекъ, спасаетъ корову отъ порчи
ея вѣдьмами, о походеженіяхъ которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ раз-
сказываются самыя фантастическія исторіи. Иголки служатъ для
лѣченія „куриной слѣпоты“: больной долженъ стараться смотрѣть
вдаль сквозь игольное ушко, а потомъ закинуть иголку“...

3.

Ворожба надъ тучами.

Власть земли.—Молитвы о дождѣ - Идея личнаго господства надъ тучами.—
Важное значеніе ворожбы надъ тучами въ глазахъ земледѣльческихъ народовъ.—
Легальная ворожба.—Отрицательное къ ней отношеніе подъ вліяніемъ христіанства.

Идея о власти земли въ жизни и міровоззрѣніи народа, развитая въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго, имѣетъ широкое примѣненіе къ объясненію многихъ народныхъ обычаевъ и повѣрій. Находясь въ большой зависимости отъ земли, соразмѣряя свое благосостояніе со степенью хлѣбнаго урожая, земледѣльческій народъ внимательно слѣдитъ за всѣми явленіями природы и въ древности старался подчинить ихъ себѣ путемъ заговора, молитвы, ворожбы, разнаго рода таинственными къ нимъ обращеніями и символическими дѣйствіями. Въ особенности важное значеніе въ жизни земледѣльческаго народа имѣетъ своевременный весенній и лѣтній дождь, сказочный жемчугъ, перлы, живая вода, вдохновляющій мудрый напитокъ, источникъ здоровья и силы. Въ малорусскихъ колядкахъ дождь прославляется за то, что весной отъ него хорошо идетъ хлѣбъ. „Якъ я перейду три раза на яръ мисяця мая или ярца, возрадуются жита, пшеницы и вси ярыцы“. Въ другой прекрасной колядкѣ Богъ говоритъ:

Якъ я спущу дрибнога дожджу,
Зрадуется ми весь мирный свитокъ,
Весь мирный свитокъ, жито пшениця,
Жито, пшевыця, всяка сѣвбыця (*Голов. II, 4*).

Въ одномъ колядочномъ варіантѣ присоединено, какъ заключительный аккордъ, размышленіе:

Нить, якъ надъ тебе, велькій нашъ Боже!
Ты кажешъ мисяцю: «свиты всему свиту!»
Ты кажешъ сонейку: «свиты всему свиту!»
Ты кажешъ дожджейку: «мочы сузу землю!» (*Штебля, Колядки, 186*).

Въ дѣтскихъ обращеніяхъ къ дождю и въ настоящее время еще слышится отзвукъ древней молитвы и жертвоприношенія: „До-
щичку, дощичку! зварю тобі борщичку въ новенькому горщичку по-
ставлю на дуба, лини якъ зъ дуба—цебромъ, видромъ, дѣйничкою
надъ вашою пшеничкою“ (*Номисъ, Приказки 334*).

Въ сербскихъ пѣсняхъ, связанныхъ съ вожденіемъ додолы:

Наша дода Бога моли,	И по кучи пословачи...
Да удари росна киша,	Сви орачи и копачи
Да покисну сви орачи,	

Маркъ Аврелій въ сочиненіи „Наблюденія надъ самимъ собою“ сообщаетъ молитву древнихъ Аеинянь: „дожди, дожди, милый Зевсъ, на поля и нивы аеинянь“ (*Grimm, Klein. Schrift. II, 449*).

Во время засухи или продолжительныхъ дождей выступалъ наружу цѣлый рядъ таинственныхъ заговоровъ и дѣйствій, хранимыхъ и производимыхъ особыми лицами, жрецами, колдунами, знахарками. Въ классическую магію входило много формулъ и жертвоприношеній для укрощенія бурь. Коринѣе содержалъ укротителей вѣтровъ, а Эмпедокль дѣлалъ чудеса въ этой области. Въ Мессаніи въ Арголидѣ для отвращенія палящаго юго-западнаго вѣтра отъ цвѣтущихъ виноградниковъ приносили въ жертву бѣлаго пѣтуха, разрѣзаннаго на двѣ равныя части, а въ Клеонахъ охраненіе полей община поручала градовымъ сторожамъ (*Буше-Леклеркъ, Изъ ист. культ. I, 166*) Діонъ говоритъ, что римляне однажды побѣдили квадовъ благодаря тому, что находившійся въ свитѣ римскаго императора египетскій магикъ Арнуфъ низвелъ съ неба сильный дождь. По другому сообщенію Діона римскій полководецъ Гета, когда войско римское страдало отъ жажды въ мавританской пустынѣ, ворожбой добылъ много воды (*Grimm, Kl. Schrift. II 440—442*).

Въ настоящее время ворожба надъ тучами встрѣчается у многихъ народовъ, дикихъ, варварскихъ и даже цивилизованныхъ. Африканскія племена минкопіи и нимики, чтобы отогнать бурю, пускаютъ въ нее отравленные стрѣлы (*Леббокъ, Нач цив., 165*). Обыкновенно дѣло обходится заклинаніями. Подробное описаніе обрядности заклинанія дождя у бечуановъ находится у *Ливингстона* (*Путеш. по Афр. 149—151*), съ приложеніемъ рисунка. Производителю дождя у дикихъ народовъ пользуется уваженіемъ; но если заклинанія долгое время не оправдываются дождемъ, то надъ колдуномъ смѣются и даже убиваютъ его.

Ворожба надъ тучами встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ славянскаго міра, преимущественно у балканскихъ славянъ, а повѣрье въ возможность такой ворожбы весьма распространено въ южной

Россіи среди малороссовъ. Въ Болгаріи и Сербіи во время засухи водятъ по улицамъ додолу, или пеперугу-дѣвушку, украшенную зелеными вѣтвями, при чемъ толпа поетъ пѣсню: „О пеперугу рудоле! пусть упадетъ роса, пусть идетъ дождь, чтобы пшеница, маисъ и пшено родились богато“ и пр. (*Слав. Ежег.* 1877. 151; *Каравеловъ.* Памятв. I, 180). Повидимому, додоло служитъ воспоминаніемъ о древнѣйшемъ человѣческомъ жертвоприношеніи водѣ во время засухи, на что указываетъ то обстоятельство, что додолу поливаютъ водой, а въ Шумлѣ бросаютъ въ воду одѣтую въ зелень куклу, при полномъ собраніи всѣхъ жителей деревни.

Въ примитивной формѣ ворожба надъ тучами сохранилась у турецкихъ сербовъ, въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ. Описаніе ея можетъ служить объясненіемъ того, что было нѣкогда на югѣ Россіи, среди южнороссовъ, и о чемъ у послѣднихъ сохранились теперь лишь воспоминанія. Въ Старой Сербіи охраненіе вспаханныхъ и засѣянныхъ нивъ отъ бури, ненастья, града и сильныхъ урагановъ берутъ на себя бабы. Какъ только замѣтятъ, что ураганъ не минуемъ, бабы выносятъ во дворъ столъ, кладутъ на него три ложки и пестъ. Какъ только начнетъ падать дождь, баба съ ситомъ выходитъ во дворъ, машетъ имъ преусердно и кричитъ, что есть мочи: „Мара, Стойка! Гей, Марія, гей. Магдалина! выходите на встрѣчу облаку и сверните его туда, гдѣ и пѣсень не поютъ, не плачутъ, гдѣ и пѣтухи не поютъ, т. е. въ горы, гдѣ никого нѣтъ—уа, уа!“ Если случится, что тучу пронесетъ надъ селомъ, не причинивъ вреда нивамъ, то баба та съ сознаниемъ своего достоинства принимаетъ благодарность всѣхъ своихъ односельчанъ. Женщины, занимающіяся ворожбой надъ тучами, на томъ свѣтѣ не допущены къ женщинамъ, умершимъ естественною смертію. По селамъ Моравы и Коссова поля въ случаѣ появленія тучи съ градомъ женщины выходятъ изъ воротъ дома съ ситомъ, ковригой хлѣба, яицомъ, машутъ этими вещами по направленію къ тучѣ и поютъ.

Сивна средо, бѣјела субото,
Бела субото, градова сестро!
У наше поле је ли си пао?
Коса пуштија, поле покраја

Овде немаш места, где да паднеш,
Но иди тамо у пуну гору,
У дубоку воду, гди люда нема,
Гди нетао не поје,

Гди кокоше не кваче,
Гди волове не мичи,

Гди овце не блеја—и!—и!
(*Ястребовъ*, Обыч. тур. серб. 175).

Съ этой пѣснью-заговоромъ весьма сходны многіе малорусскіе заговоры, напр., отъ перелоговъ: „идыть соби на мха, на сухихъ очерета, и на болота, и на ниціи (?) лозы, де пивни не спивають, и пивнячій голосъ не заходить“ (*Ефименко*, Малор. закл. 21), „на мха, болота, на крутны берега, на жовтны пески: тамъ кури не спивали, гуси не кричали, собаки не брехали, вѣтеръ не віе, и христіанскій голосъ не заходить“ (ib. 22)

Извѣстно, какъ сильно распространено въ Малороссіи вѣрованіе въ существованіе вѣдьмъ. Нѣтъ села, гдѣ не было бы одной или нѣсколькихъ вѣдьмъ. Во всякой хатѣ побиваются козней вѣдьмы. Что бы ни случилось въ крестьянской семьѣ, такъ или иначе виновной является вѣдьма. Ее бранять за глаза, ненавидятъ, клянуть, и къ ней же обращаются съ просьбой о помощи въ самыхъ разнообразныхъ житейскихъ случаяхъ. Изъ всѣхъ народныхъ суевѣрій, вѣдовство одно изъ самыхъ вредныхъ, такъ какъ оно отклоняетъ вниманіе народа отъ наблюденія надъ дѣйствительными бытовыми причинами нестроений и неудачъ, постоянно подсказываетъ ему одинъ и тотъ же выводъ, пошлый и грубый притупляетъ умственную пытливость народа.

Злодѣяніе малорусскихъ вѣдьмъ многочисленны и разнообразны; но я не буду надъ ними здѣсь останавливаться, тѣмъ болѣе что на страницахъ „Кіевской Старины“ о вѣдьмахъ довольно подробно уже говорилось въ статьѣ П. С. Ефименка „Судъ надъ вѣдьмами“ (1883 г.) и въ статьѣ г. Селецкого „Колдовство въ юго-западной Россіи“ (1886 г.). Остановимся только на заклинаніи тучъ вѣдьмами.

Документальныя указанія о ворожбѣ надъ тучами въ Малороссіи идутъ съ начала семнадцатаго вѣка. Въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Коныстенскимъ въ Кіевѣ въ 1624 г., находится указаніе, что инне гордились тѣмъ, будтѣ повелѣвають облаками и укрощають бури (*Огоновскій*, Ист. литер. русской I 145) Канцлеръ Радзивиль, описывая въ своихъ мемуарахъ страшную бурю, бывшую 5 мая 1643 г., думаетъ, что ее произвели вѣдьмы (*Аванасъевъ*, Поэт. возвр. III 449). Въ 1709 г. подвергнута была въ Подоліи пыткѣ дворянка Яворская, по обви-

ненію въ задержаніи дожда (*Антоновичъ*, въ Трудахъ Э. С. эксп. I, 347). Въ 1711 г. на Волни такое обвиненіе было взведено на нѣсколькихъ женщинъ (*Ефименко*, Кіевская Старина, 1883 г., III, 384) Въ настоящее время также думаютъ, что дожда не бываетъ оттого, что вѣдьмы снимаютъ росу и прячутъ ее въ погребѣ въ горшокъ (*Чубин.*, Труды I, 20). Вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ. и потомъ прячутъ ихъ въ своихъ хатахъ и коморахъ.] Въ старые годы похитила вѣдьма дождь, и во все лѣто не упало его ни единой капли. Разъ она ушла въ поле, а дома оставила наймичку и строго приказала ей не дотрогиваться до горшка, что стоялъ подъ покутемъ. Мучимая любопытствомъ, наймичка развязала горшокъ и и услышала оттуда невѣдомый голосъ: „вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!“ Испуганная наймичка выскочила въ сѣни, а дождь уже льется—словно изъ ведра. Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его и дождь пересталъ. Послѣ того вѣдьма принялась бранить наймичку: „еслибъ еще немного остался горшокъ непокрытымъ, сказала она, то затопило бы всю деревню!“ Вообще о вѣдьмахъ разсказываютъ, что онѣ вызываютъ ненастье, погружая въ воду горшки и взбалтывая ее; онѣ варятъ въ своихъ котлахъ и горшкахъ непогоду (*Аванас.* III, 443). Послѣдняя черта встрѣчается въ повѣрьяхъ африканскихъ негровъ. Мофатъ разсказываетъ, что у бечуанъ заклинатель дожда, указывая начальникамъ на свою жену, которая вытрясала молочный мѣшокъ, чтобы добыть изъ него нѣсколько масла, сказалъ: „Вы видите, что жена моя сбиваетъ дождь, какъ масло“. Это указаніе совершенно удовлетворило начальниковъ, и вѣсть, что дождь можно сбивать, какъ масло, всюду быстро распространилась (*Ливингст.*, 151). Норманны вѣрили, что колдуньи продаютъ морякамъ вѣтеръ въ кожаныхъ мѣшкахъ (*Аванас.*, III, 445). Вообще, историко-культурныя параллели малорусскихъ повѣрій о ворожбѣ надъ тучами встрѣчаются у разныхъ народовъ.

Повѣрья о ворожбѣ надъ тучами въ сходныхъ или даже тождественныхъ формахъ повторяются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи. Такъ, въ воронежской губ. говорятъ, что вѣдьма, желая произвести засуху, прогоняетъ дождевыя тучи своимъ передникомъ (*Воронеж. Бес.*, 193). Въ городѣ Ровно, подобно тому, простой народъ вѣ-

рить, что бездождіе происходитъ отъ того, что вѣдьмы отворачиваютъ хмару обратно. Въ литинскомъ уѣздѣ крестьяне вѣрятъ, что вѣдьмакъ разгоняетъ тучи (Чуб. I, 205). Въ херсонской губерніи въ с. Пересадовкѣ недавно имѣлъ мѣсто слѣдующій любопытный случай: продолжительное бездождіе крестьяне „приписали колдовству и обвиняли въ этомъ трехъ бабъ-колдуній. Ихъ призвали въ сельское управленіе и строго наказали имъ, чтобы 17-го іюня былъ дождь; пока же для вящаго воздѣйствія, ихъ немедленно выкупили въ рѣкѣ. Наступаетъ однакожь 17-е іюня, а дождя все таки нѣтъ. Бабъ опять притащили въ волостное управленіе.

— Почему дождя нѣтъ? Сегодня семнадцатое число!—пригрозилъ имъ староста. Вы заколдовали дождь?

— Мы его заколдовали. Да еще не такъ съ вами поступить слѣдовало бы за то, что вы пасъ выкупали... Не будетъ вамъ дождя за это!

Тутъ вся деревня со слезами на глазахъ обступила „повелительницъ дождя“ и начала упрашивать ихъ смиловаться надъ ними, пощадить ихъ и отпустить дождь на волю.

— Нѣтъ, не пустимъ!—упорствовали бабы.—Да и нельзя уже и помочь: мы дождь продали на Аѳонскую гору... — Толпа пришла въ ярость, начали угрожать колдуньямъ „прописать Аѳонъ“. Бабы струсили и указали мѣсто, гдѣ спрятана настоящая сила колдовства. Староста съ понятными пошелъ въ избу одной изъ колдуній и тамъ въ печной трубѣ нашель замазанными 2 нацильника и одинъ замокъ“ (*Харк. Вид.*, 1885, № 185).

Въ Великороссіи издавна существовало вѣрованіе въ ворожбу надъ тучами. Въ древнихъ памятникахъ, Домостроѣ, судебныхъ актахъ, встрѣчаются чародѣи облако-прогонники и облако-хранительники. Они повелѣвали дождемъ и ведромъ и черезъ то самое могли насылать урожай или неурожай. Въ XVI вѣкѣ рассказывали, что во время осады Казани, въ 1552 г., татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣнахъ города, махали одеждами на русское войско и насылали вѣтеръ и дождь (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар., въ Сѣврем. 537). Какъ ни сильно въ Малороссіи вѣрованіе въ чародѣйство, въ частности въ ворожбу надъ тучами, оно, однако, имѣетъ здѣсь такой темный характеръ въ глазахъ народа, настолько

лишено нравственного значенія, что должно исчезнуть передъ первыми лучами серьезнаго духовнаго просвѣщенія. Общее развитіе нравственныхъ понятій народа отняло у ворожбы надъ тучами въ Малороссіи ту нравственную опору, то общественное одобреніе, какое находимъ въ Старой Сербіи. Здѣсь заклинательницы тучъ пользуются уваженіемъ и дѣйствуютъ вполнѣ какъ древнія жрицы; въ южной Россіи къ нимъ относятся враждебно и преслѣдуютъ ихъ. Въ Малороссіи женщина, за рѣдкими исключеніями, устранилась отъ ворожбы надъ тучами, и вѣдьма облако-прогонница является особымъ исключительнымъ существомъ, при чемъ даже способы и средства ворожбы, которыми охотно пользуется сербская ворожка, возбуждаютъ въ малорусской женщинѣ чувство страха. Такъ, въ Старой Сербіи женщина торжественно машетъ на тучу ситомъ или хлѣбомъ, а въ Малороссіи женщины для отвращенія бури выбрасываютъ изъ хатъ на дворъ кочергу, лопату и помело, думая угодить разъяренной вѣдьмѣ (*Чуб.* I. 25).

4.

Испытаніе вѣдьмъ водой.

Историческія свидѣтельства объ испытаніи вѣдьмъ водой въ южной Руси.—Историко-культурныя параллели.—Значенія бросанія женщинъ въ воду, въ смыслъ жертвоприношенія, очищенія, испытанія и казни.

Серапіонъ, еп. владимірскій, въ обличительномъ словѣ по поводу народнаго самосуда надъ вѣдьмами, сообщаетъ слѣдующій случай: нѣсколько женщинъ было обвинено въ томъ, что изъ-за нихъ нѣтъ урожая и стоитъ дурная погода; рѣшили ихъ сжечь и для испытанія того, которыя изъ подозрѣваемыхъ виновны, женщинъ бросали въ воду (срудъ или рѣку), и если которая тонула, то признавалась невиноватой, а оставшаяся поверхъ воды виновной и достойной наказанія. Не обнаруживая принципіальнаго противодѣйствія избіенію вѣдьмъ, Серапіонъ желаетъ обставить его законными границами (*Плутуховъ*, Серап. Влад. 63—67).

Архимандритъ печерскій Серапіонъ получилъ санъ владимірскаго епископа въ 1274 г., а въ слѣдующемъ 1275 г. онъ скон-

чался. Его поученія составлены, должно быть, подъ вліяніемъ наблюденій надъ южнорусской народной жизнью и произнесены, можетъ быть, на сѣверѣ, а нѣкоторыя поученія, можетъ быть, и на югѣ, въ Кіевѣ, напримѣръ, четвертое поученіе, гдѣ рѣчь идетъ о самосудѣ надъ вѣдьмами, относительно времени произнесенія котораго ничего даже предположительнаго нельзя сказать. Серапіонъ слишкомъ короткое время пробылъ на сѣверѣ, слишкомъ мало ознакомился съ жизнью владимірской Руси, чтобы считать его сочиненія для нея характерными или исключительно для нея составленными.

Въ галицкомъ рукописномъ житіи в. кн. Владиміра, по рукописи XVIII в., находится слѣдующее сообщеніе: „Въ старину и теперь безрзумніи въ нѣкоторыхъ сторонахъ чинять подъ-часъ знаменитаго праздника Воскресенія Христова: забравшіяся молоді обоюго пола и взявши челоуѣка вкидаютъ въ воду (въ колодець или въ озеро), и трафляется за сторожнемъ тихъ боговъ, т. е. бѣсовъ, ижъ вкинены въ воду албо о древо, албо о камень разбіется, а въ иншихъ зась сторонахъ не вкидаютъ въ воду, але только поливають водою, що однакъ тому жъ бѣсу офѣру чинять (*Малкъ*, 1843, XI. Матер. 47). Въ этомъ указаніи не упоминаются вѣдьмы, не обозначены точно мѣстности нахожденія обычая, и самое указаніе одинаково можетъ относиться къ Сербіи, Болгаріи и Украинѣ, гдѣ существовалъ такой обычай, имѣвшій значеніе очищенія посредствомъ воды.

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII ст. находятся прямыя указанія на плаваніе вѣдьмъ. Такъ, въ 1709 г. дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли до нага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палець правой руки привязали къ большому пальцу лѣвой ноги и тоже сдѣлали на-крестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверху. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинною (*Антоновичъ*, въ „Трудахъ“ I, 347). Это описаніе пытки представляетъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что повторяется въ повѣсти Г. О. Квитки „Конотопская вѣдьма“, при чемъ Квитка руководствовался не архивнымъ документомъ, изданнымъ

лишь недавно, а разсказами стариковъ и личнымъ изученіемъ современной ему народной жизни. Извѣстно, что Квитка собиралъ преданія, пѣсни, обряды и обычаи архаическаго свойства, изучалъ народную жизнь, и результаты своихъ наблюденій вводилъ въ свои повѣсти. „Якъ же намъ, пане Рыгоровичу, за нихъ (т. е. вѣдьмъ) узятись, щобъ вони вернули дощи и щобъ намъ не наробылы опислѣ якої капости?“ спросилъ панъ сотникъ коноптскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водою. „Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прицеплють“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самаго производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: „Посередъ ставу убито чотыри пали тонстенькыхъ, а у гори повязано верѣвками, та впить, якось то хитро та мудро переплѣтовано; та у кажній пали у гори дирка продобана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ; а вони не рыбаки. бо въ нихъ на човнахъ не сети и не вьтери, а те жъ верѣвкы... Калавурны стерегли нызку видѣмъ и придывлялись пыльно, щобъ котра зъ нихъ, перекынувшись або сорокою, або свинею, та не дала бъ дѣру“... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ паламъ, подвязываютъ ее къ веревкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду (*Квитка*, Малор. пов. I, 197—214).

Въ луцкомъ уѣздѣ расказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго не было дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать на поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой (*Чуб.* I, 26). Припомнимъ здѣсь, что и въ „Коноптской вѣдьмѣ“ Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, „хлопци отчесали терновыми“.

Гуцулы топили вѣдьмъ въ 1827 году (*Аван.*, III, 511).

Въ угорской Руси во время засухи заставляють женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно бросаютъ ихъ въ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе (*Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣс. 25).

[Бросаніе подозрѣваемыхъ женщинъ въ воду иногда замѣняли въ Малороссіи болѣе легкимъ способомъ испытанія: заставляли ихъ носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близъ села или на раздорожьѣ. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣній въ чародѣйствѣ (*Антоновичъ*, I, 347).

Водой обливають или въ воду бросаютъ даже трупъ женщины, которую считали вѣдьмой. Такъ, въ брацлавскомъ уѣздѣ подольской губерніи повѣсилась женщина, слышавъ въ селѣ за вѣдьму. Чтобы сдѣлать ее, уже послѣ смерти, безвредной для людей, трупъ за волосы выволокли за село на раздорожье и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную водою. Этимъ лишили вѣдьму возможности насылать на село засуху (*Ефимъ*, въ К. Стар. 83 г. XI, 377).

Эти мрачныя картины невѣжества и суевѣрія повторяются у многихъ другихъ народовъ, варварскихъ и цивилизованныхъ, были въ древности, встрѣчаются и теперь въ разныхъ странахъ Азіи и Европы. Ограничимся краткими историко-культурными параллелями:

Въ сѣверной Африкѣ, въ принадлежащей Франціи Константинѣ существуетъ обыкновеніе купать во время засухи одного или нѣсколькихъ человекъ (мужчинъ марабутовъ), бросая ихъ въ рѣку (*Grimm, Klein. Schrift. II, 449*).

Объ испытаніи невинности посредствомъ воды говорится въ древней индусской книгѣ законовъ Ману (*Тэйлоръ*, Антропология, 420). Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута говоритъ, что въ Индіи въ г. Дели на судъ привели вѣдьму и обвиняли ее въ томъ, что она сглазила ребенка. По приговору судьи, она была брошена въ рѣку Джумну; но такъ какъ она плавала наверху воды, то была, по приговору судьи, сожжена, и народъ раздѣлил между собой, ей пошелъ въ увѣренности, что кто запасся таковымъ, тотъ избавился на цѣлый годъ отъ нападенія вѣдьмы (*Nowos, Zudukr. II, 83*).

На существованіе водянаго испытанія у иранцевъ есть указаніе и въ Авестѣ. Испытаніе это состояло въ погруженіи обвиняемаго въ глубокую воду (*Дилленъ*, Дуализмъ въ Авестѣ, 205).

Въ древнемъ нѣмецкомъ обычномъ правѣ и въ законодательствѣ встрѣчается испытаніе водой, mit kaltem wasser. Обвиняемаго въ томъ или другомъ преступленіи обвязывали веревкой и бросали въ воду, при чемъ виновнымъ признавался, если плавалъ на верху воды. Людовикъ Благочестивый воспретилъ въ 829 г. „examen aquae frigidae“; но испытаніе водой очень долго жило въ нѣмецкой жизни и въ нѣмецкихъ законодательствахъ. Въ XVI и въ XVII ст. оно широко примѣнялось въ многочисленныхъ судебныхъ процессахъ вѣдьмъ, при чемъ виновной признавалась та женщина, которая выдерживала „hexenbad“, не тонула. Въ одномъ старинномъ нѣмецкомъ актѣ описывается самый процессъ испытанія: soll man ime sein hend binden zu hauf und sol ine ein heinen knebel zwischen sinen beinen und armen durch stossen und soll ine werfen in ein meiesche boden van drien funder wassers fellet er zu grunde-so ist er schuldig, schwebt er empor-so ist er unschuldig (*Grimm, D. Rechtsalt.*, 923—929). Реймскій архіепископъ Гинкмаръ († 882) писалъ въ защиту употребленія способа испытанія холодной водой; но въ его же сочиненіи говорится, что нѣкоторые отвергали „испытаніе посредствомъ холодной и горячей воды и посредствомъ раскаленнаго желѣза, какъ изобрѣтенія человѣческой мысли, въ которыхъ очень часто преступнымъ образомъ ложь занимаетъ мѣсто правды, и потому на эти испытанія не слѣдуетъ полагаться“ (*Путьховъ, Серап. Влад.* 86). Это одно изъ древнѣйшихъ проявленій того благотворнаго скептицизма, который впоследствии, въ XVI—XVIII вѣкахъ, оказалъ великія услуги европейскому просвѣщенію и гуманизму. Въ Германіи испытаніе вѣдьмъ водой прекратилось съ прекращеніемъ судебныхъ процессовъ о колдовствѣ, въ XVII ст., подъ благотворнымъ вліяніемъ развитія образованности, въ частности, подъ вліяніемъ направленныхъ противъ вѣрованія въ колдовство сочиненій Венера, Лооса, Шпе, Беккера и Томазіуса (см. мою брошюру объ ист. колд. въ запад. Европѣ, стр. 25—34).

Въ англійскомъ правѣ испытаніе водой до начала XIII ст. представляло легальное средство испытанія лицъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ или грабежѣ (*Тэйлоръ, Антрон.* 42Q; *Спенсеръ, Опис. социологія*, 40).

Въ чешскихъ законахъ XIV в. находятся указанія на испытаніе водой по обвиненію въ грабежѣ. Истецъ долженъ былъ идти

въ глубь рѣки, а отвѣтчикъ слѣдовать за нимъ на разстояніи трехъ шаговъ; если истецъ тонулъ, отвѣтчикъ объявлялся оправданнымъ, а если отвѣтчикъ подвергался опасности утонуть, то этотъ послѣдній терялъ жизнь и имущество; если же оба счастливо достигали берега, то отвѣтчикъ освобождался отъ иска (*Аѳинас.*, Поэт. возр. II, 198). Это испытаніе могло возникнуть подъ вліяніемъ нѣмецкихъ обычаевъ.

Испытаніе вѣдьмъ водой было въ употребленіи у черногорцевъ и герцеговинцевъ до послѣдняго времени: во время повальныхъ болѣзней бросаютъ женщинъ въ воду, и которая тонетъ, ту быстро вытягиваютъ канатомъ изъ воды и отпускаютъ домой, а которая барахтается поверхъ воды, та признается за вѣдму. Въ Герцеговинѣ, Бокѣ-Которской и Черногоріи власти запрещаютъ этотъ обычай, но, говорятъ, онъ повторяется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно (*Ефим.*, 387).

У австрійскихъ южныхъ славянъ во время повальныхъ болѣзней народъ хваталъ старую женщину, заподозрѣнную въ чародѣйствѣ, и бросалъ ее въ воду: если она начинала тонуть, ее спасали; въ противномъ случаѣ, вынувши ее изъ воды, бросали въ огонь. Въ сербскомъ княжествѣ это дѣлали при Карагеоргіевичѣ (*Березингъ*, въ „Знаніа“ 1877, IV, 57).

Что касается до происхожденія обычая испытывать вѣдьмъ водой, то тутъ имѣетъ приложеніе тезиса самозарожденія, обусловленнаго извѣстнымъ, вообще низкимъ положеніемъ культуры народа. Займствованіе могло быть въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Такъ, отъ нѣмцевъ кое что изъ внѣшней формальной обрядности могло перейти къ чехамъ и, можетъ быть, къ малороссамъ.

Купаніе вѣдьмъ имѣло разное значеніе, — испытанія, очищенія, казни и въ нѣкоторыхъ случаяхъ жертвоприношенія. Самое крупное и наиболѣе обычное значеніе состоитъ въ томъ, что вода, какъ чистая стихія, указываетъ на темное чародѣйство и не принимаетъ вѣдьмъ. Понятіе объ очистительномъ значеніи воды чрезвычайно распространено у всѣхъ арійскихъ народовъ, особенно у иранцевъ, и намъ прійдется еще говорить о немъ при разсмотрѣніи размысловъ, обмывокъ и нѣкоторыхъ другихъ народныхъ обрядовъ. Въ древности были обычны жертвоприношенія водѣ во время засухи,

даже челоуѣческія. О существованіи у славянъ челоуѣческихъ жертвъ говорятъ Гельмольдъ, Титмаръ, Адамъ Бременскій, древній русскій лѣтописецъ, митроп. Иларіонъ (въ Словѣ о Законѣ и Благодати: „уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга“). Въ Болгаріи нынѣ во время засухи бросаютъ въ рѣку куклу, что является воспоминаніемъ о древнемъ челоуѣческомъ жертвоприношеніи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БѢЛАЯ ПАННА.¹⁾

(ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ НЕУДАВШАГОСЯ ПОЭТА).

Посвящается Софѣ Григорьевнѣ Рувинштейнѣ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Скитаясь по роднымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда прошло мое дѣтство, мнѣ удалось разъ набрести въ глухой деревушкѣ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ перепроданной чуть ли не въ двадцатые руки, настоящій владѣлецъ которой, мой пріятель, неизмѣнно проживалъ въ столицѣ,—на пѣлую кучу мелко исписанной нервнымъ почеркомъ бумаги. Я нашель ее въ глухомъ углу пыльнаго чердака стараго, полуразвалившагося, совсѣмъ покинутаго барскаго дома, въ которомъ жили теперь только филины, совы, да крысы. Отъ нечего дѣлать да и по нѣкоторой страсти къ исписанной бумагѣ, въ особенности старой, пыльной,—ей Богу, у меня есть такая страсть,—я сталъ рыться въ этой безпорядочной кучѣ, уже сильно извѣденной крысами. Съ самаго же начала мнѣ пришлось убѣдиться, что я счастливо попалъ на рукописи какого то неизвѣстнаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ «неудавшійся поэтъ» и это, само собою, увеличило мою рьяность. Нашель я тамъ полубоглоданные обрывки стиховъ, поэмъ, легендъ, разсказовъ въ прозѣ, заштокъ, набросковъ и т. д.,—и всѣ они были подписаны этимъ страннымъ, не то пророческимъ, не то отдававшимъ какую то грустью псевдонимомъ. Къ сожалѣнію, крысы не

¹⁾ Въ западной, такъ называемой „карпатской“, части нашей Подоліи издавна живеть легенда о „Бѣлой Паннѣ“, своимъ появленіемъ де предвѣщающей людямъ грядущія бѣды. Предъ голодомъ, моромъ, войной и другими общими бѣдами, гласить легенда,—она является людямъ въ дикихъ заросляхъ глухой лѣсной чащи блѣдная, съ печальнымъ взоромъ, съ крупными каплями слезъ на прекрасномъ лицѣ, вси въ бѣломъ, отчего де люди и прозвали ее „бѣлой панноі“. — *Прим. издателя*

пошадилъ ничего, обглодали, оборвали почти все... Тутъ былъ съѣденъ конецъ, тамъ обглодано начало,—здѣсь недоставало середины. Только кое какъ, съ большими усиліями удалось мнѣ собрать въ этой кучѣ изъ разбросанныхъ, взятыхъ и отчасти тоже обглоданныхъ листовъ цѣльную, какъ будто законченную вещь, которую, внимательно перечитавъ, я и рѣшаюсь издать теперь подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое неизвѣстный авторъ выставилъ самъ на обложкѣ. Какъ увидитъ читатель, въ предлагаемомъ разказѣ дѣло идетъ о дняхъ давно минувшихъ, безвозвратно канувшихъ въ Лету,—что, конечно, не для всѣхъ интересно,—но любящіе вспоминать былое,—старину,—на меня, вѣрно, не посядутъ. Крысы, однако, и тутъ полакомились не мало: такъ напр., онѣ съѣли всю начальную страницу первой главы, отчего я, нежелающій ничего добавлять отъ себя, выпускаю ее въ свѣтъ безъ частнаго заглавія, какое она несомнѣнно имѣла, судя по остальнымъ главамъ. Большая часть многоточій въ остальныхъ главахъ тоже должна быть отпесена на долю этихъ своеобразныхъ любителей литературы.

ГЛАВА I.

... И такъ, я провелъ свое дѣтство въ этомъ чудномъ, благодатномъ уголкѣ, упершемся грудью въ австрійскую границу, а съ боковъ опоясанномъ быстрымъ Днѣстромъ и величаво-спокойнымъ, зеркальнымъ Бугомъ... Двѣ могучія рѣки какъ будто сдавили его, сжали,—отчего онъ и сморщился весь, какъ морщинами, высокими кряжами скалистыхъ холмовъ, перерѣзанными вдоль и поперекъ глубокими долинами, точно сморщенное, изрытое лицо столѣтняго дѣда. Надъ нимъ разстилалось голубое, безмятежно-ясное небо, сверкавшее такой яркой лазурью, какъ риза Богоматери на картинахъ древнихъ мастеровъ, и дышавшее,—такъ казалось мнѣ, ребенку,—такими лаской и миромъ, точно кругомъ не было ни грѣха, ни злобы, ни печали. Высокіе холмы сплошь были покрыты тогда вѣковыми дубовымъ лѣсомъ, таинственнымъ въ ведро и грозиво сердитымъ въ бурю, а въ глубокихъ долинахъ ютились тихія деревни съ ихъ бѣлыми хатами и зелеными садочками, гдѣ отъ

зари до зари трещали соловьи, да широкими нивами, надъ которыми весною высоко, высоко кружился, заливаясь, жаворонокъ, а лѣтомъ сверкали острые серпы и косы. Зимой, когда улетали соловьи и снѣгъ одѣвалъ бѣлой пеленою и холмы и долины,—въ обнаженномъ лѣсу гудѣлъ и плакалъ вѣтеръ, кой гдѣ подвывалъ ему и волкъ,—но въ такихъ деревьяхъ ярко сверкали огни веселыхъ „вечерницъ“ и голосистыя дивчата распѣвали за прялками свои чудныя, дѣдовскія пѣсни, сказочники раасказывали самыя страшныя сказки, а старыя дѣды вспоминали то, что было когда то на свѣтѣ.

Эта яркая лазурь неба, грозныя, лѣсистыя холмы и тихія, роскошныя долины,—этотъ воздухъ, мягкій и нѣжный, соловьи, пѣсни, эти чудныя ночи, полныя нѣги и золотыхъ звѣздъ, перемигивающихся съ темнаго неба съ своими отраженіями въ заснувшихъ озерахъ,—все это вмѣстѣ, проникнутое лаской и граціозной, немного мечтательной поэзіей,—всещѣло и своеобразно отразилось и на людяхъ. Природа, какъ искусная рука на канвѣ, вышила тамъ на душѣ человѣка свои особенныя узоры, дала ему особыя представленія, особыя характеръ и взгляды. Тамъ создавались свои миѣы, слагались свои пѣсни, свои думы,—тамъ парила своя легенда... Когда я былъ ребенкомъ,—тамъ, въ тѣнистыхъ рощахъ, на могучихъ вѣтвяхъ развѣсистыхъ дубовъ, качались лѣсныя дѣвы, въ озерахъ и рѣчкахъ играли русалки, луна грустно рыдала о людяхъ росюю, а слѣпые кобзари пѣли людямъ баллады и дѣянья предковъ...

Конечно,—и тамъ теперь уже не то, что было... Могучая, безстрастная рука времени покорила и этотъ божій уголокъ земли, чтобы нивелировать по новому. Нѣмецъ вырубилъ рощи и сплавилъ ихъ въ Кенигсбергъ и Данцигъ, распугавъ нѣжныхъ лѣсныхъ дѣвъ, надъ которыми такъ весело хохочетъ современный, невѣрующій писарь. Русалки задохлись отъ дыма высокихъ, стройныхъ заводскихъ трубъ, точно маяки торчащихъ у воды, и вѣрнѣ въ нихъ еще только глухая, темная деревен-

щина,—во что она не вѣрять!? Золотыя, какъ море шумѣвшія нѣкогда, пшеничныя нивы смѣнились безконечными, безмолвными, зелеными, какъ зеленый коверъ, плантаціями свекловицы, изъ которой умные люди, отлично знающіе, что роса не лунныя слезы, выжимають въ коническія формы бѣлый, кристаллическій сахаръ... Слѣпой кобзарь сидитъ гдѣ нибудь за безпаспортность, а красивые палацы полуфеодалныхъ магнатовъ, гдѣ нѣкогда въ вихрѣ постоянныхъ, шумныхъ баловъ кружились прелестныя пани и панны, превратились въ угрюмые, туго молчащія амбары новыхъ, трезвыхъ владѣльцевъ — крѣпко хранящіе до болѣе высокихъ цѣнъ пшеницу и картофель. Пѣсни, чудныя нѣжныя пѣсни!—и пѣснямъ другимъ научили фабрики и солдаты!... Да, многое измѣнилось... Многое прошло... И слава Богу, что измѣнилось, что прошло оно, если людямъ дѣйствительно живется лучше на свѣтѣ... А лучше ли,—пусть они ужъ рѣшаютъ сами!...

Я думаю тоже, что лучше... Но иногда... иногда,—когда я услышу эти новыя залихватскія, бравыя пѣсни, услышу веселый раскатистый хохотъ разудалаго, невѣрующаго въ дѣсныхъ дѣвъ и русалокъ трезваго писаря, увижу кобзаря безъ его кобзы, увижу козака—земледѣльца полунагимъ за свекловичнымъ прессомъ и вспомню при этомъ прошлое,—мнѣ вдругъ станетъ такъ жутко, такъ невыразимо жаль чего то, точно безвозвратно канувшаго съ этимъ прошлымъ,—что сердце сожмется невыразимо мучительной спазмой...

Больныя нервы?!—о, я это отлично знаю!...

Больные нервы были у меня еще съ дѣтства и, какъ говорилъ дѣдъ, перешли ко мнѣ отъ покойной матери, его единственной и страстно любимой дочери. Круглый сирота, я жилъ подъ теплымъ крыломъ добраго, сѣдаго, какъ лунь, ворчуна дѣда въ его крошечной, но прелестной Пустынкѣ, точно птичье гнѣздышко ютившейся среди скалъ и горныхъ отроговъ съ ея немногими бѣлыми хатами и густыми садами. И что за чудный,

очаровательный уголок на божьей землѣ была, въ самомъ дѣлѣ, эта Пустынька! Даже чубатый, почти слѣпой уже отъ дряхлости „сѣчевикъ“ Панась, долеживавшій свой страшно долгій вѣкъ на печи у дѣда,—такъ много выдавшій, знавшій всего такъ много, что рассказамъ его, казалось, и конца никогда не будетъ, — даже онъ говорилъ, что краше нашей Пустыньки „нема мисця на цимъ свити,—хоть весь изойди!“ И, ей Богу же,—онъ былъ правъ, добрый, дряхлый Панась, давнымъ давно покоющійся за оградой деревенской церкви рядомъ съ своимъ другомъ-паномъ—моимъ добрымъ дѣдомъ! И я много видѣлъ впоследствии, о, очень, очень много,—и пальму, и угрюмыя, высокія горы, и южное море, бураны мрачнаго сѣвера и его фантастическое, чарующее сіянье,—а вотъ же и меня теперь все тянетъ къ Пустынькѣ!...

Всего было вдоволь кругомъ нашего земнаго рая, чтобы сдѣлать изъ него волшебную, дивную картинку... Были высокіе, островерхіе холмы, переходившіе дальше, на „австрійской сторонѣ“ почти въ горы, отливавшія фіолетовыми тѣнями и какъ то мягко и нѣжно тонувшія въ туманной синевѣ, сливаясь съ темной дымкой далекаго горизонта. И глубокія, тихія долины, по которымъ ползли отъ холмовъ черныя, густыя тѣни. И грозныя скалы, обвитыя зеленымъ плющомъ, повиликой и дикимъ хмѣлемъ, и темныя ущелья, куда не забирался ни одинъ лучъ солнца,—гдѣ гнѣздилась только ночная сова, да ютилась хищная выдра. Былъ и дремучій вѣковой лѣсъ, тянувшійся Богъ вѣсть куда и откуда—вѣчно что то шептавшій, темный, густой, пугавшій воображенье своимъ угрюмымъ, таинственнымъ видомъ. Было и гладкое, прозрачное, какъ небо голубое озеро, въ которомъ плавали, ныряя, и небесныя тучки, и звѣзды, которое золотили порой слѣпящее блескомъ солнце и матово-золотая луна... Чего—чего только не было?!

А тихую, молчаливою ночью, когда весь пейзажъ этотъ, тонувшій въ глубокой мглѣ, кой гдѣ озаренной блѣднымъ лун-

нымъ и звѣзднымъ свѣтомъ, отчего мгла становилась какъ бы еще гуще,—принималъ фантастическій характеръ какого то заколдованнаго мѣста, когда разыгравшееся воображеніе охотно вѣрило и въ русалокъ, игравшихъ съ лунными лучами, и въ лѣсныхъ дѣвъ, качавшихся на вѣтвяхъ вѣковаго лѣса,—со всѣхъ уголковъ земли неслись дружно, въ перебой соловьиныя трели...

Мудрено ли было при этомъ въ конецъ развинтиться перламъ, когда больными передала мнѣ ихъ мать, когда я росъ совсѣмъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ дряхлыхъ стариковъ, баюкавшихъ меня самыми чудными сказками, а мои дѣтскія думы и грезы дѣлили такимъ образомъ только молчаливыя портреты предковъ, рубившихся когда то на славу за Украину, темный, угрюмый лѣсъ да эти чудныя, полныя невыразимой нѣги noci!

Съ дѣтства былъ я уже болѣзненно нервный, сосредоточенный, замкнутый мальчикъ...

ГЛАВА II.

Дѣдъ съ его саблей и кубкомъ.

Право, я не зналъ въ жизни человѣка болѣе угрюмаго, сердитаго и грознаго на видъ и въ то же время такого добродушнаго, какъ мой старый, ворчливый дѣдъ. Сухой, высокий, широкій въ плечахъ, съ подбритой по древнему—святому для него—козацкому обычаю головой, съ длинными сѣдыми усами, спускавшимися далеко на грудь и хмуро сдвинутыми густыми бровями,—онъ имѣлъ дѣйствительно грозный, воинственный видъ, которому позавидовалъ бы самый отчаянный рыцарь древней Сѣчи. Стариннаго покроя бекеша, которую онъ вѣчно носилъ по тому же завѣту, ненавидя и отрицая всѣ требованія моды, какъ и все, что не носило въ себѣ „козацкаго духа,“—вполнѣ гармонируя съ этимъ видомъ, еще усиливала, казалось,

общее грозное впечатлѣніе. А когда дѣдъ привимался, по выраженію легкомысленно безстрашной кухарки Горпыны,—„грымать“ и, покручивая длинный усъ и страшно поводя густыми, нависшими бровями, покашливать да величественно поднимать руку, рассказывая въ несчетный разъ, какъ достались его „роду“ эти святая-святыхъ нашего дома: сабля Дорошенка и кубокъ Папія,—робкій челоуѣкъ чего добраго почувствовалъ бы себя не особенно ловко. Да,—когда дѣло доходило до завѣтныхъ сабли и кубка, и клинокъ при этомъ вынимался изъ богатыхъ ноженъ и сверкалъ въ могучей рукѣ дѣда золотымъ чеканомъ,—становилось не до шутокъ!... Робкій рѣзникъ Янкель, привозившій намъ говядину, неизмѣнно блѣднѣлъ въ такихъ случаяхъ и, покручивая головой и какъ то особенно смѣшно цокая губами, вѣчно твердилъ одно и то же:—„ой вай!“—Да, дѣдъ былъ дѣйствительно страшень тогда!

Но стоило только заглянуть въ его глаза, въ эти полинявшіе, но все еще сверкавшіе жизнью глаза, чтобы всѣ грозныя впечатлѣнія разлетѣлись прахомъ. Эти сѣро-голубые глаза свѣтились такой лаской, глядѣли такъ любовно, мягко и какъ то дѣтски наивно, что всѣ страхи моментально исчезали, а уста сами собою раздвигались въ хорошую, добрую улыбку. Становилось какъ то особенно легко и радостно на душѣ отъ ихъ взгляда, сводившаго къ полю весь дѣдовъ величественный паеосъ, и дѣлалось вполне понятнымъ безстрашное легкомысліе Горпыны, ворчавшей, когда дѣдъ, вмѣсто того, чтобы заказывать обѣдъ или ужинъ, увлекался своими рассказами.

— Ой, лышенько жъ мини съ тою шаблокою, та чаркою, просты Господи!—легкомысленно ворчала нетерпѣливая Горпына.

— Згынь! Пропади зъ твоими обидами!—„грымаль“ въ отвѣтъ раздосадованный и обиженный такой непочтительностью къ „святынѣ“ дѣдъ.—Пристала, якъ та пъявка! Геть!... Но безстрашная баба не сдавалась... Она закладывала руки за фартукъ, высокомѣрно измѣрля воинственную фигуру избѣгавшаго

ея взгляда дѣда и, слегка повысивъ тонъ, пускала въ ходъ свой послѣдній, непреоборимый аргументъ.

— Такъ!—воскликнула она съ убійственной ироніей и подавляющей силой,—такъ! Ну, а что жъ буде исты воно?!..

„Воно“ былъ, конечно, я,—общій пестушъ и любимецъ, и этотъ ехидный, тонко разчитанный вопросъ сразу мѣнялъ положеніе. Имъ рѣшалось дѣло,—одолѣвала Горышна и дѣдъ немедленно сдавался. Одно представленіе, что это „воно“ можетъ остаться безъ обѣда или, вообще, испытать какое либо лишеніе, моментально убивало дѣдову воинственность, все его увлеченіе и далеко отодвигало назадъ остальное. Да простить мнѣ его праведная душа эти святотатственныя мысли,—но, ей Богу, мнѣ кажется, что это „воно“ значило для него больше даже сабли славногo гетмана, даже кубка Палія!..

Я отлично схватилъ это давно своимъ наблюдательнымъ, проницательнымъ дѣтскимъ умомъ и потому, какъ только дѣдъ начиналъ „грызть“ на меня за какой нибудь проступокъ.—старался только заглянуть въ его добрые, ласковые глаза, чтобы прочесть въ нихъ любовь и всепрощеніе... Да, только они свѣтились въ этихъ старыхъ глазахъ,—и можетъ быть потому то дѣдъ такъ не любилъ поднимать своихъ рѣсеницъ, а все глядѣлъ внизъ и ворчалъ... Такъ онъ дѣйствительно, хоть съ виду, могъ сойти за грознаго козака-рубаку!..

Самъ глубоко любящій, онъ и меня, ребенка, училъ тому же, насаждал въ моемъ еще открытомъ настежь сердечкѣ тѣ сѣмена, которыхъ никогда почти не вырываютъ оттуда ни годы, ни самыя сильныя бури жизни. Онъ училъ меня любить и родное небо, и родную землю, свой народъ, его языкъ, обычаи и пѣсни. Онъ училъ меня уважать и любить свое прошлое, которое принимало такой поэтической колоритъ въ фантастическихъ сказкахъ и легендахъ стараго Панаса, а въ разсказахъ самого дѣда звучало величественной эпопеей глубокаго самоотверженія, страстнаго патріотизма и почти невѣроятныхъ браанныхъ подви-

говъ. Эти рассказы его велись біографически, предъ каждымъ изъ портретовъ нашихъ предковъ, наполнявшихъ собою одну изъ комнатъ дома,—всѣхъ этихъ чубатыхъ и грозныхъ пановъ полковниковъ, сотниковъ, хорунжихъ, глядѣвшихъ на меня неподвижно суровымъ взглядомъ изъ своихъ рамокъ, пока дѣдъ грознымъ голосомъ передавалъ ихъ подвиги, заклиная крошечнаго потомка не ударить въ свою очередь лицомъ въ грязь и ничѣмъ не омрачить ихъ нетлѣвной славы.

— Гляди жъ, внуку,—страшно повода бровями и усамъ, грозно „грымаль“ дѣдъ,—гляди, никогда не плачь, какъ баба, и самого чорта не бойся!..

— Не буду, не буду, дѣдусю!—страстно отвѣчалъ я, лихорадочно лоя его рѣчи и загораясь браннымъ волненьемъ,—ей Богу жъ, никогда не буду ни плакать какъ баба, ни трусить!..

— Не будешь!?!..

— Не буду, дѣдусю!..

И дѣдъ, довольный, ласкалъ мою кудрявую головку, вѣря дѣтскому слову. Старикъ становился необычайно счастливъ, что его рассказы будятъ, казалось, въ потомкѣ воинственность героевъ предковъ... И не знай я, что дѣдъ быстрыми шагами уходитъ со двора, какъ только увидитъ, что Горпына несетъ рѣзать жалобно клокчущаго пѣтуха,—эти рассказы его, чего добраго, въ самомъ дѣлѣ отразились бы во мнѣ самымъ яростнымъ шовинизмомъ!

Очень можетъ быть, что таковою же точно, какъ и дѣдова воинственность, была въ сущности и его прословутая ненависть къ „ляхамъ, згубившимъ Украйну“. Очень можетъ быть потому, что вообще у меня какъ то не вяжется представленіе о старикѣ съ какою бы то ни было „ненавистью“. Но въ ней я не сомнѣвался,—я воспринималъ ее съ дѣтства безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, воспринималъ, какъ завѣтъ... Дѣло въ томъ, что тутъ у меня совсѣмъ не было прецедентовъ для сомнѣній.. Ею дышало, казалось, все вокругъ меня,—о ней говорили и сѣче-

викъ Панасъ, и кухарка Горышна, и эти молчаливые грозные портреты предковъ, и священные сабля и кубокъ... Ее поддерживало и презрительное, свысока отношеніе всемогущей тогда, гордой шляхты къ намъ русскимъ, и наше общее, народное сознаниѣ, что шляхта исконный врагъ народа, его религіи, его языка и обычая, что она враждебный пришлецъ въ нашей милой Украйнѣ. Ненависть народа была далеко не одной ненавистью крѣпостнаго къ своему пану: ненавидя пановъ поляковъ, народъ тепло относился и даже болѣе чѣмъ тепло къ дѣду, тоже пану. Но дѣдъ говорилъ его языкомъ, молился въ его церкви, любилъ и ненавидѣлъ то, что и онъ, и никогда не забывалъ въ крѣпостномъ *человѣка*...

Въ нашей семьѣ эта общая, традиціонная вражда, обвинявшая всѣхъ, а не кого нибудь одного, сильно обострялась еще, конечно, и совершенно частной враждой къ сосѣду графу, исконной, родовой враждой, основанной на старомъ земельномъ спорѣ. Во время своеволія шляхты предки графа какъ то отхватили себѣ наши земли и съ тѣхъ поръ потомки той и другой стороны вели нескончаемый процессъ между собою по всѣмъ судамъ и инстанціямъ. Этотъ процессъ, высосавшій все богатство нашего рода до того, что въ распоряженіе дѣда досталась уже одна крошечная Пустынька, досасывалъ теперь и этотъ скромный остатокъ... Но что бы ни было, какъ бы круто ни приходилось,—старый дѣдъ не оставлялъ этой тяжбы,—хотя я глубоко убѣжденъ, что лично ему ничего, кромѣ его Пустыньки, не было нужно, что эта тяжба тяготила, мучила его. Тяжба была для него дѣломъ чести рода, стариннымъ, святымъ завѣтомъ, и смотря на нее, какъ на крестъ, возложенный на его плечи и завѣщанный ему всѣми предками, портреты которыхъ наполняли собою весь домъ, и этой саблей, и этимъ кубкомъ,—онъ, не задумываясь, несъ на алтарь „рода“ свое мягкое, доброе „я“. Прекращеніе тяжбы онъ считалъ бы прямой измѣной,—она была для него дѣломъ кulta.

— Видишь, вонъ, эту долину?—спрашивалъ меня чуть не ежедневно дѣдъ, стоя у окна и грозно дымя трубкой,—видишь?

— Вижу!..

— И лѣсъ видишь?

— И лѣсъ!..

— И холмы, вонъ, тѣ,—выраво?

— И холмы вижу, дѣдъ.

Трубка сильно дымится, брови сурово сдвигаются, длинные усы грозно шевелятся...

— Все наше было! Все! Еще за гетмана, когда прадѣдъ полковникъ здорово побилъ ляховъ, упокой его Господи! да вонъ тѣ бисовы ляхи отпяли...

И злобно смотрю на графскій замокъ и глаза мои горятъ страстной враждою...

— Погоди,— снова наше будетъ!—все также грозно ободряетъ меня дѣдъ, и только чуть слышный вздохъ вырывается диссонансомъ изъ его мощной груди,—наше дѣло правое!.. Уже изъ Палаты, слышно, въ Сенатъ отсылають...

Объ этой готовящейся отсылкѣ дѣла въ Сенатъ я слышалъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мое дѣтское ухо впервые стало сознательно раздѣлять звуки человѣческой рѣчи... Тѣмъ не менѣе я, какъ и дѣдъ, глубоко вѣрилъ въ наше торжество и побѣду, самъ не зная, зачѣмъ мнѣ эти земли и что я съ ними буду дѣлать, и страстно ненавидѣлъ и самаго графа, и его величественный замокъ.

ГЛАВА III.

Мои битвы и моя слабость.

А этотъ замокъ, это „разбойничье ляхское гнѣздо“ гордо высился на холмѣ и вѣчно смотрѣлъ внизъ на нашу Пустыньку всѣми своими темными окнами съ какимъ то, казалось, холод-

нымъ, недоступнымъ презрѣниемъ... Надъ густымъ паркомъ-лѣсомъ, плотно облежавшимъ склоны холма,—точно изъ самыхъ верхушекъ вѣковыхъ дубовъ и вязовъ,—гордо взлетали къ синему небу дерзкія башни и зубчатая стѣна и темный, угрюмый лѣсъ, какъ вѣрный рабъ, лобызалъ ихъ подошвы и преданно кивалъ имъ головами. Въ дѣтскомъ воображеніи эти стѣны и башни, громадныя, темныя окна и легкіе балконы оживали и, казалось, тоже раздѣляли чувства своихъ могучихъ владѣльцевъ... Высокія, угрюмыя башни дышали угрозой, легкіе балконы какъ бы презрительно улыбались, темныя окна сулили бѣды,—за ними чужая враждебный сговоръ... Мы, страстный, нервный мальчикъ и угрюмый, холодный камень молча враждовали другъ съ другомъ, въ глубокой, затаенной несправедливости отлично, казалось, понимая одинъ другаго. Я ненавидѣлъ пылко, страстно,—замокъ же какъ то холодно, величаво, какъ то презрительно, точно снисходя, ненавидѣлъ и это еще больше усиливало мою страстность. Я, казалось, чужая, ощущалъ всю глубину его несправедливости и въ то время, какъ моя то повышалась, то понижалась въ своей страстности, колеблясь отъ настроенія, отъ дневныхъ впечатлѣній,—его оставалась неизмѣнной, какъ вчера, какъ сегодня, какъ за недѣлю, всегда ровной, всегда одной и той же. Камень не зналъ колебаній! Иногда, впрочемъ, въ тихіе, лѣтніе вечера, когда розовые лучи заката горѣли огнемъ въ темныхъ стеклахъ, пестрили мраморъ и колонны и все окрестъ дышало какой то скрытой, тихой грустью,—самъ не знаю почему,—мнѣ казалось, что дышетъ ею и угрюмый замокъ... Мнѣ казалось тогда, что онъ тоже глядитъ грустно и печально, что ему тоже точно жаль чего то... Чего?—Богъ его знаетъ,—но и мнѣ вдругъ становилось грустно и, сливаясь съ нимъ въ новомъ чувствѣ, я на мигъ забывалъ свою ненависть... На мигъ!—потому что черствый, холодный замокъ, точно устыдившись и мстя за проблескъ невольнаго чувства, быстро, съ уходомъ солнца одѣвшись темною дымкой, становился еще угрюмѣе и еще грознѣе глядѣлъ на

меня своими горѣвшими, какъ у хищнаго волка, окнами — глазами...

Въ раннемъ дѣтствѣ, когда воображеніе настоятельно стремится все одухотворять, во все мертвое вкладывать живой, знакомый образъ, замокъ казался мнѣ, помню, чудовищемъ, тѣмъ сказочнымъ гигантомъ-змѣемъ, что въ сказкахъ Панааса вѣчно похищаль молодыхъ королевенъ. Его угловыя башни раздвигались въ широкія крылья, его темныя окна становились очами, его колонны глядѣли какъ страшныя зубы, а грозныя зубцы превращались въ колючія иглы щетины... И какъ сказочный рыцарь собирался я воевать съ чудовищемъ-замкомъ, какъ онъ же страстно, полный трепетнаго страха выслѣживалъ ночью куда ходятъ русалки за „мертвой водою“, безъ которой,—такъ гладили сказки,—невозможна побѣда.

Бывало, давно уже спитъ вся Пустынька, и старшій Панаасъ пересталъ давно сопѣть на печи своей люлькой, и дѣдъ храпитъ за разложеннымъ пасьянсомъ, а я все еще сижу въ густой травѣ и дышу чудною почью и своими дѣтскими грезами... Зеленые склоны холмовъ блестятъ отъ луннаго свѣта какъ матовый бархатъ и только дремучій лѣсъ выгладитъ еще темнѣе, совсѣмъ чернымъ, да страшно зіяютъ непроницаемымъ мракомъ ущелья, куда не добратся лунному свѣту... Гладкое озеро, закрытое сбоку холмомъ, совсѣмъ застыло и отливаетъ во мракъ какимъ то темнымъ, какъ сильно вороненая сталь, блескомъ, выдѣляясь изъ черной рамы густаго, неподвижнаго камыша, окутаннаго непроницаемою мглою... Подъ ракетами, сильно пригнувшимися къ водѣ, также темно, какъ и въ камышахъ... Пастухи или чумаки разложили гдѣ то далеко на берегу яркій костеръ и пламя его падаетъ багровымъ пятномъ въ темную воду и дрожитъ на ней, то широко разбѣгаясь, то снова сбѣгаясь въ небольшое пятно, какъ живое,—а высоко, высоко надъ нимъ, на горѣ точно свѣтитъ облитая луннымъ свѣтомъ проѣзжая дорога и кажется совсѣмъ бѣлой. Вотъ,—вотъ,—ктонибудь

покажется на ней, задвигается, проѣдетъ... Но нѣтъ,—это только такъ кажется и напрасно стучитъ мое сердце въ тревожномъ ожиданіи!... Все спитъ, все безмолвно! Только вода лѣниво журчитъ, сбѣгая съ заснувшаго колеса и въ щели ветхой плотины, и еще глубже, еще таинственнѣе кажется царящая тишина отъ этого монотоннаго, тихаго журчанья... Миѣ становится какъ то жутко и страшно... Горпына клянется, что тамъ, подъ мельницей, прячутся нехрещенныя дѣти и бродитъ страшный „упырь“, высматривая свою жертву... Сердце начинаетъ колотиться, въ вискахъ стучитъ... Я хочу шума, крика, свиста,—чего бы то ни было, лишь бы оно напоминало собою живое, но самъ боюсь шевельнуться,—къ тому-жъ я задыхаюсь!.. Весь оцѣпенѣвшій отъ страха, точно сквозь сонъ слышу я, какъ что то вдругъ свиснуло въ роуцѣ, затрещало, рассыпалось звонкою дробью, и прихожу въ себя, когда уже вся даль, и сама глубокая тьма ночи кажется, трепещутъ и разносятъ кругомъ соловьиное пѣніе... И я слышу, какъ ожившее сердце мое говоритъ совсѣмъ явно:—спасибо тебѣ Божія пташка!

Успокоенный, я начинаю глядѣть вверхъ на яркія звѣзды... Тихо, медленно, безъ шума плывутъ онѣ надо мною цѣлыми группами, пестря темное небо самыми прихотливыми узорами, и вижу, какъ глубокая ночь, точно стараясь погасить ихъ, дышетъ на нихъ снизу своимъ мракомъ,—отчего онѣ то вспыхиваютъ, то гаснутъ, мердая... Млечный путь,—эта свѣтлая тропа святыхъ ангеловъ,—ярко выдѣляется на общемъ темномъ фонѣ, рѣзко дѣля небесный куполь, чтобы въ страшный судный день и грѣшники и праведники знали, гдѣ стать имъ одесную и ошую Божьяго Престола... Совсѣмъ незамѣтно движется золотой „Возъ“, на которомъ праведныя души добираются до Рая, и я жадно всматриваюсь въ темную синеву, чтобы разглядѣть ихъ во что бы то ни стало... Но какъ ни гляжу я,—миѣ ихъ не видно, потому что глаза мои грѣшны... Чтобы ихъ видѣть, нужно много поститься, нужно выстроить келью въ глухомъ дремучемъ лѣсу

и долго жить въ ней праведнымъ схимникомъ... Ужъ не уйти ли и мнѣ въ лѣсъ,—не построишь ли келью и не заживишь ли схимникомъ? Хищные волки лизали бы мой слѣдъ и я понималъ бы говоръ всякой птицы... Я понималъ бы, что шепчетъ лѣсная трава, о чемъ шумятъ, качаясь, столѣтніе дубы!... Нѣтъ!—Я боюсь лѣса!—стучитъ мое сердце... Къ тому же... дѣдъ... Панасть... Горпина!... Да и замокъ... моя война съ замкомъ!?

Я вспоминаю о немъ и жадно выслѣживаю во мракѣ его темные, чуть видныя силуэты... Освященныя окна глядятъ совсѣмъ какъ очи и я еще больше вѣрю, что это страшный змѣй, а не камень... Я вспоминаю, зачѣмъ я здѣсь, чего мнѣ нужно, и вновь дѣлается мнѣ жутко... Русалки не любятъ, говорить Горпина, живаго человѣческаго духа,—зорко слѣдятъ, чтобы никто не подглядѣлъ ихъ „мертваго источника“, и часто уносятъ смѣльчаковъ къ себѣ на холодное, вѣчно влажное дно... И все больше и больше охватываетъ меня страхъ и все сильнѣе колотится въ груди моей сердце...

— Не трусь!—точно слышу я грозный шепотъ дѣда и какъ то замираю, слабѣя отъ неимоверныхъ усилій...

Но вотъ, наконецъ, луна всплыла выше и блеснула въ зеркальной глади застывшаго озера... Золотыя ленты невидимо протянулись въ воздухъ и отразились въ водяной глубинѣ цѣлыми снопами и золотою рябью. Весь облитый свѣтомъ, выплылъ изъ густаго мрака темный камышъ и стоитъ надъ водою, точно тая въ себѣ что то, и ясно выдѣляются ракиты, бросая отъ себя густыя тѣни... Это роковой часъ... Часъ, когда разбуженная лунынымъ свѣтомъ, выходятъ играть русалки... Я хочу закрыть глаза, но что то невидимое толкаетъ меня смотрѣть и смотрѣть и я гляжу, не отрывая взора... Вонъ, что то двинулось... что то шелохнулось... Русалка,—она!.. Даже рука бѣлая мелькнула на водѣ!.. Нѣтъ!—это закачалась бѣлая водяная лилія, тронутая всплеснувшей съ просонокъ рыбой,—это камышлемъ зашуршала, пробираясь, хищная выдра... И досадно мнѣ,

и какъ то легко становится на душѣ, что это не русалка... Неужели же въ самомъ дѣлѣ все это только брехня, эти Панасовы сказки, какъ говоритъ мнѣ часто дѣдъ!?

Когда я сталъ старше, замокъ, конечно, пересталъ быть чудовищнымъ змѣемъ... Но въ немъ, въ его угрюмыхъ стѣнахъ концентрировалось для меня, казалось, все зло, что я когда либо видѣлъ, о которомъ я могъ слышать,—все то враждебное, несправедливое, злое, что должно было по общему понятію обнимать собою собирательное имя—ляхи... Тамъ, только тамъ, казалось,—гнѣздилося то, съ чѣмъ рубились когда то предки, что вело ихъ на плаху, что не любило весь народъ, что обижало нашъ „родъ“, съ чѣмъ враждовалъ дѣдъ, что грозило въ будущемъ и мнѣ бѣдой... И по мѣрѣ того, какъ я росъ,—слѣпая, безсознательная дѣтская ненависть, перенятая отъ старшихъ, переходила, казалось, въ глубокую вражду, похожую на злобу и потому какъ будто болѣе сознательную. Не замокъ я уже ненавидѣлъ, не его темныя стѣны,—нѣтъ!—я ненавидѣлъ то, что въ немъ жило, что, казалось, крылось или должно было крыться въ его стѣнахъ... Темный камень не смотрѣлъ уже на меня, не грозилъ,—онъ подавлялъ меня холоднымъ презрѣніемъ, оскорблялъ скрытой ироніей, возмущалъ тщеславнымъ сознаніемъ гордой силы, съ которой кичливо взлеталъ къ синему небу, высоко, высоко царя надъ всѣми...

И я ненавидѣлъ все, что въ немъ крылось, всѣхъ, кто тамъ жилъ, любилъ или ненавидѣлъ въ свою очередь,—всѣхъ, кого я даже и не зналъ никогда... Все это были только „враги“ и будь они прелестны какъ свѣтлые ангелы,—они могли быть для меня, казалось, только врагами, только ненавистными „людьми изъ замка“. Въ этихъ трехъ словахъ крылось все,—они сами собой опредѣляли отношенія... И въ тихія ночи, когда замокъ ярко горѣлъ праздничными огнями, когда легкія воздушныя волны доносили до моего уха чудные звуки замковой музыки, подъ которые весело кружились прелестныя папи и панны,—я жарко

молилъ у Бога мощь и силу Самсона!.. Легче выдры, казалось, подкрался бы я къ ликующему замку... Полный мощнаго гнѣва, поднялся бы я по мраморнымъ ступенямъ и, какъ великій слѣпецъ столбы Дагонова храма, схватилъ бы гордыя колонны руками... Мигъ,—и все рухнетъ, все ликующее погибнетъ въ стопахъ и мукахъ, простирая руки!... Но тутъ исчезаетъ вдругъ злоба,—сердце сжимается болью, мнѣ становится жаль, невыразимо жаль, и безсильныя уже руки сами собою оставляютъ колонны... И не могу... я прощаю все... все!... Такой почему-то былъ финалъ всѣхъ моихъ нападеній на замокъ. Даже когда я воображалъ себя вольнымъ козакомъ, когда по моей молитвѣ вскрывались высокія могилы и мнѣ на помощь выходили оттуда чубатые козаки въ красныхъ жупанахъ, когда всѣ предки слетались ко мнѣ изъ портретной и при блескѣ сверкавшихъ на луиѣ копій и сабель съ гордо поднятыми бунчуками мы шли на замокъ непреоборимой ратью,—даже и тогда! Блестящій клинокъ гетманской сабли безсильно падалъ въ моей рукѣ, потому что я видѣлъ поблѣднѣвшія лица и слѣзы, я слышалъ стоны... Вдругъ исчезала злоба, потухало мщенье, сердце сжималось, мнѣ становилось жаль... Я нехотѣлъ уже ни битвы, ни мщенья, ни славы... я все... все прощаль!.. Можетъ быть потому то и смотрѣлъ на меня такъ угрюмо съ своего портрета непреклонный сподвижникъ Гонта!.. Можетъ быть своей жалостливостью я омрачалъ нетлѣнную славу предковъ?!

— У тебя опять будетъ лихорадка!—говорить бывало дѣдъ, когда я вернусь наконецъ домой послѣ подобныхъ боевъ и разбуду его своимъ приходомъ.—Гляди,—опять блестятъ у тебя глаза и горять щеки... Не нужно бы тебѣ, хлопче, такъ долго сидѣть на дворѣ ночью!..

Я молчалъ... я былъ скрытный мальчикъ, и дѣдъ никогда не зналъ, отчего у мечтательнаго мальчика горѣли щеки и естѣли глаза.

— Горпыно,—иди по уложы его!..

Входила, зѣвая, Горпына и укладывала меня въ постельку... Она любовно ласкала мои волосы и рассказывала сказки, подъ которыя я такъ привыкъ было засыпать. Я несказанно удивилъ ее разъ, перебивъ ея сказку.

— Горпыно,—лихорадочно спросилъ я ее шепотомъ, весь волнуясь и дрожа въ жгучемъ нетерпѣннѣи,—ты могла бы своего врага зарѣзать?

— Зарѣзать?!

И Горпына, вѣчно призывавшая на головы своихъ враговъ самыя страшныя муки и болѣзни, въ ужасѣ всплеснула руками...

— Зарѣзать!? Да развѣ вы не слышали, паньчыку, что пощъ читаеть въ церкви?! Зарѣзать!.. Господи!.. И пришло жъ тоби на умъ такое, да еще и на ночь... Спаси тебя Пречистая ..

Она долго крестила меня и шептала молитву, пока я не заснулъ съ облегченнымъ сердцемъ.

ГЛАВА IV.

Плѣнъ.

Обитателей замка я почти никогда и не видѣлъ... Я зналъ что графъ вдовецъ, что у него есть почти взрослые сынъ и дочь и еще другой сынъ, младшій,—немного старше меня,—но видѣть ихъ мнѣ приходилось крайне рѣдко и то мелькомъ, случайно,—когда въ рѣдкіе выѣзды въ ближайшее мѣстечко ихъ пышная карета встрѣчалась съ нашей скромной бричкой. Дѣдъ тоже никогда ни съ кѣмъ изъ замка не встрѣчался, избѣгалъ всякихъ сношеній и о томъ, что происходило тамъ, мы узнавали только отъ рѣзника Янкеля, вмѣстѣ съ провизіей привозившаго еженедѣльно цѣлый коробъ новостей... Газетъ тогда нигдѣ не было и словоохотливый Янкель съ честью замѣнялъ ихъ собою для всѣхъ скупавшихъ въ своихъ усадьбахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Онъ прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ

усадьбахъ,—обо всѣхъ предпріятіяхъ,—о рожденіяхъ, смертяхъ, даже намѣченныхъ бракахъ,—обо всемъ, что происходило въ губерніи, даже о томъ, что дѣлалось за границей... Исчезни вдругъ Янкель, и всѣ помѣщики навѣрное очутились бы въ томъ же положеніи, какъ и мы теперь, еслибы у насъ вдругъ исчезли газеты и журналы...

— Ну, что,—не слышно чего нибудь о войнѣ?!... спрашивалъ его часто дѣдъ.

— Вой-нѣ!? Боропи Богъ! А вотъ губернаторъ новый ѣдетъ!—говоритъ Янкель или сообщаетъ о предполагаемой свадьбѣ въ уѣздѣ.

Я и теперь еще помню длинные пейсы и вытертую мѣховую шапку этого добраго, крайне болтливаго жида... Привязавъ къ плетню свою разбитую, тощую клячу, кое какъ запряженную веревочками въ двухколесную тележку, онъ взваливалъ на плечи свой „товаръ“ и, еще издали улыбаясь и кивая головой, входилъ прямо въ домъ, гдѣ всегда былъ желаннымъ гостемъ... Сейчасъ же бывало начинался торгъ съ невѣроятной божбою, ужаснѣйшими клятвами, увѣреніями въ готовности провалиться или даже „ослѣпнуть“ и все это пересышалось новостями... Сначала, помню, я долго искренно боялся за бѣднягу, когда его уличали, несмотря на самыя страстныя клятвы въ готовности немедленно лопнуть для доказательства своей мнимой правоты, пока дѣдъ не успокоилъ меня увѣреніемъ, что Богъ терпитъ ложь купцовъ, потому что они купцы, никогда не прощая ее другому. Это успокоило мои сомнѣнія, и мой страхъ за Янкеля, который самъ, кажется, былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого положенія и, въ конецъ уличенный, всегда оправдывался, улыбаясь, извѣстной поговоркой: „не обманешь,—не продашь!“

— Наше дѣло купеческое, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, на своемъ курьезномъ жаргонѣ, пожимая плечами и улыбаясь,—на то мы купцы!... намъ нельзя безъ этого!... Сами знаете!...

Этотъ Янкель и служилъ единственнымъ звеномъ, связы-

вавшимъ напу изолированную, замкнутую жизнь съ кипучей, шумной жизнью гордаго замка...

Но давно, давно, когда меня еще не было на свѣтѣ, когда графъ только что вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ, онъ неожиданно самъ пріѣхалъ въ своей каретѣ къ дѣду и предложилъ ему мировую.. Графъ добровольно уступалъ часть земли и предлагалъ еще какую то сумму денегъ, но дѣдъ обидѣлся и разсердился... Онъ не могъ уступить ни клочка, ни пяди изъ того, что съ такими жертвами изъ рода въ родъ отстаивали его предки, не омрачивъ своей чести, не оскорбивъ своего родового культа, а отъ какихъ бы то ни было денегъ на отрѣзъ отказался... Деньги!? Родовой споръ и деньги! Нѣтъ, я слышалъ, будто дѣдъ тогда же предложилъ молодому графу покончить дѣло не деньгами, точно они были торгаши, а рыцарски, саблей на спорной межѣ... Графъ уклонился и споръ снова закончился по всеѣмъ судебнымъ инстанціямъ...

И помню только одинъ случай непосредственнаго сношенія дѣда съ замкомъ да и то какой то странный, загадочный, поившій не то характеръ шутки, не то охотничьей шипировки... Послѣ одной изъ охотъ графъ прислалъ дѣду зайца, велѣвъ сказать, что посылаетъ его потому, что заяцъ убитъ имъ случайно въ дѣдовскихъ владѣніяхъ. Была ли это любезность, шутка, право не знаю, но дѣдъ сейчасъ же увидѣлъ въ этомъ, кажется, вызовъ и, нахмурившись, велѣлъ сказать графу, что не замедлитъ отблагодарить его... Страстный охотникъ, онъ немедленно вскинулъ ружье на плечо, спустилъ всеѣхъ своихъ гончихъ и вернулся только глубокою ночью.

— Гдѣ ты былъ, дѣдъ?—спросилъ я его, помню, присутствующий.

— Гдѣ я былъ?—переспросилъ дѣдъ, наклоняясь ко мнѣ и глядя мою головку,—я убилъ во владѣніяхъ графа волка и послалъ ему за его зайца.

И дѣдъ самодовольно и гордо улынулся.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на нашу отчужденность, нашу замкнутость,—я попалъ разъ въ самый замокъ... Но попалъ въ качествѣ плѣнника на судъ самого графа.

По страсти бродяжить, въ одно прекрасное лѣтнее утро, я какъ то совсѣмъ незамѣтно для себя очутился далеко за предѣлами нашей Пустыньки, въ незнакомомъ мѣстѣ на берегу узенькаго, прозрачнаго ручья, голубаго, какъ стоявшее надъ нимъ голубое небо. Густой кустарникъ скрывалъ эту водяную ленту отъ палящихъ лучей солнца и она тихо журчала, струясь свѣтлой влагой по чистому песчаному дну и голышамъ, дыша заманчивой прохладой... Мнѣ понравилось это мѣсто, я наполнился изъ ручья и, набравъ голышей, задумалъ строить плотину... Увлеченный своей работой, я и не замѣтилъ, какъ кто то подошелъ сзади и съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

— Ты строишь мостъ?

Я обернулся, встревоженный и удивленный незнакомымъ голосомъ, присутствіемъ нежданнаго свидѣтеля. Въ двухъ шагахъ стоялъ свѣтлорусый мальчикъ, красиво одѣтый, ростомъ выше меня и улыбался мнѣ привѣтливой улыбкой... Всегда росшій одиноко, внѣ дѣтскаго общества,—я совсѣмъ растерялся и сконфузился.

— Ты строишь мостъ?—Да?—спрашивалъ красивый незнакомецъ, все также улыбаясь и указывая рукою на мою работу.—Да?

— Да!— глухо и угрюмо отвѣтилъ я.

— О! какъ это хорошо! Дай, я помогу тебѣ и мы выстроимъ отличный мостъ.—Хочешь?

— Хорошо!—колебаясь выговорилъ я, все еще оглядывая фигуру мальчика изподлобья и растерянно теребя полы своей куртки.

Тотъ бросилъ хлыстъ, который держалъ въ рукѣ, набралъ голышей и бросилъ ихъ въ воду у моей кучи.

— Вотъ такъ будетъ отлично, мы выстроимъ чудный мостъ, говорилъ онъ совершенно свободно и развязно, притаптывая голыши ногою... — А ты кто такой, мальчикъ?

— Я изъ Пустыньки...

— Изъ Пустыньки!?

Развязный мальчикъ остановился въ удивленьи и вытаращилъ на меня глаза.

— Изъ Пустыньки!? Ты можеть быть внукъ этого злаго старика, который процессуется съ нами? наивно спросилъ мальчикъ и лицо его потемнѣло.

Но и мое потемнѣло,—его слова рѣзнули и меня ножомъ по сердцу... Предо мною стоялъ „врагъ изъ замка“ и осмѣлился поносить дѣда!

— Да, я внукъ его,—обиженно и гордо отвѣтилъ я,—но ты не смѣешь называть такъ дѣда!...

— Не смѣю?!—Его все такъ называютъ... Онъ завзятый хлопъ и хлопской вѣры... Говорять, онъ сумасшедшій колдунъ!—насмѣшливо улыбался мальчикъ.

Я задрожалъ, голова у меня начала мутиться... Такой дерзости я не ожидалъ,—ее впервые слышали мои уши.

— Врешь, поганый ляхъ! перебилъ я его, задыхаясь и чувствуя какъ отъ обиды у меня подступаютъ къ горлу слезы.

— Что ты сказалъ?! выпрямился гордо мальчикъ, презрительно щура глаза и побагровѣвъ отъ злости.—Что ты смѣлъ сказать, подлый хлопъ?...

— Я сказалъ, что ты поганый ляхъ и что вы все сами злые и колдуны...

— Ты смѣлъ это сказать мнѣ? Да ты знаешь, кто я? Я сынъ графа... Я позову людей и они отстегаютъ тебя нагайками, песья кровь!...

— А мой дѣдъ перерубить васъ всехъ ляховъ на мелкіе кусочки...

— Твой дѣдъ!? презрительно захохоталъ тотъ. Твой глупый дѣдъ—хлопъ и его тоже отстегаютъ...

— Дѣда!?!—я сдѣлать шагъ впередъ и протянуль руку,— Дѣда?! ляшское отродье?!

— Да, твоего дѣда и тебя.. Вотъ такъ!—и схвативъ свой хлысть онъ быстро стегануль меня по лицу.

Острая боль удесятирила мое негодованіе, а можетъ быть и силы.. Какъ дивая рысь, прыгнуль я на врага, вырвалъ хлысть и повалилъ его на землю.. Мы сдѣпились, какъ двѣ разъяренныя кошки, и терзали другъ друга, барахтаясь на землѣ, пуская въ ходъ кулаки, зубы и ногти.. Я дрался молча, тяжело сопя, стиснувъ зубы, отуманенный злобой, сквозь которую какъ то смутно просвѣчивало сознаніе исполняемаго будто бы долга, завѣщаннаго и предками и дѣдомъ, еще больше подзадоривавшее меня,—мой противникъ оралъ во все горло... Я былъ сильнѣе, ловче и черезъ минуту онъ уже почти не сопротивлялся.. Онъ только кричалъ и задыхался, весь изцараланный, искусанный, съ избитымъ въ кровь лицомъ..

— Вотъ тебѣ за дѣда... вотъ, вотъ, вотъ! говорилъ я, задыхаясь отъ злобы и тузя его немилосердно.

Но къ нему на помощь прибѣжалъ гувернеръ, съ которымъ онъ гулялъ, и силою, кляня и ругаясь, вырвалъ у меня мою жертву.. Платье мое было измято, кой-гдѣ исцарапано лицо, я еле еле переводилъ духъ, но я торжествовалъ побѣду и гордо утиралъ носъ рукою.. Мой противникъ громко плакалъ, его платье было въ ключьяхъ..

— Ты кто такой чертенокъ!? трясъ меня злобно гувернеръ.

— Я изъ Пустыньки! отвѣтилъ я съ достоинствомъ и гордо, смотря ему прямо въ глаза.

— А... такъ вотъ кто ты!.. Какъ же ты смѣлъ драться съ графомъ да еще и на его землѣ!..

— Это наша земля, неправда! Ляхи ее украли у насъ, но дѣдъ отниметь!.. грозилъ я съ необычайнымъ аллюбомъ, упоенный побѣдой.

Гувернеръ захохоталъ.

— Ну, ладно, бѣсенокъ, а пока что, пойдѣмъ-ка къ графу въ замокъ... Онъ васъ разберетъ...

— Я не пойду къ ляхамъ!

— Не пойдешь къ ляхамъ, завязтый чертенокъ?! А вотъ увидимъ! и онъ схватилъ меня за руку.

— Не смѣй меня трогать! Дѣдъ тебя изрубитъ! кричалъ я, но ничто не помогало... Я кричалъ, упирался, билъ ногами, кусалъ его руки, а онъ все тащилъ меня и тащилъ... Тщетно звалъ я дѣда, никто не являлся мнѣ на помощь и по мраморнымъ ступенямъ замка я взошелъ не всемогущимъ королевичемъ, не грознымъ гайдамакомъ, а беззащитнымъ плѣнникомъ.

— Подожди здѣсь, чертенокъ, ишь какъ искусалъ мою руку! чтобъ тебѣ!..—сказалъ гувернеръ и заперъ меня въ комнатѣ.

До сихъ поръ я не боялся... Я не думалъ, не имѣлъ времени думать, что мнѣ могутъ сдѣлать зло и несправедливо наказать... Я весь былъ поглощенъ обидой, что меня тащутъ къ себѣ ляхи, что меня, такъ страстно и побѣдоносно воевавшего всегда съ замкомъ, влекутъ теперь такъ позорно и никто не является мнѣ на помощь... Но оставшись одинъ, я сразу почувствовалъ приливъ глубокаго страха и сердце мое сжалось... Обида вмѣстѣ со страхомъ быстро пришибли меня, хотя злоба все таки клокотала. Стѣны были крѣпки, окна высоко, дѣдъ такъ далеко, да къ тому же онъ и не зналъ, что дѣлается съ его внукомъ!.. Въ окно я увидѣлъ внизу нашу Пустыньку всю, какъ на ладони, и слезы хлынули у меня градомъ... Что ждетъ меня?.. Раскаленная жаровня, какъ гетмана Остряницу? Плаха, востеръ или голодная смерть въ подземельи, какъ многихъ героевъ Сѣчи когда то? Господи,—хоть ты не оставь меня!.. Слезы лились у меня градомъ,—я жарко молился,—я зналъ, что такъ дѣлали козаки предъ смертью...

Вдругъ щелкнулъ замокъ, я какъ то быстро вспомнилъ тутъ слова дѣда: не бойся и чорта, не трусь!—и почувствовалъ, что непременно струшу...

— Иди сюда, хлопче!..

Въ дверяхъ стоялъ нахмурившись графъ и глядѣль на меня, сдвинувъ сердито брови. Сзади стоялъ гувернеръ.

Я не двинулся,—я точно приросъ къ мѣсту.

— Иди же сюда!..

— Я не пойду!—отвѣчалъ я сквозь зубы, заглушая готовья вырваться наружу рыданья.

— Я докладывалъ вашей свѣтлости, что это чертенокъ,—онъ искусалъ мою руку!—вмѣшался сзади гувернеръ, но графъ точно не обратилъ на его слова вниманья.

— Почему?—продолжалъ графъ.—Ты боишься меня?!

— Да!—отвѣтилъ я глухо.

— Отчего же ты меня боишься?... Ты чувствуешь себя виноватымъ?...

— Нѣтъ,—я не чувствую...

— Такъ отчего же?..

Я молчалъ.

— А?—Отчего же ты не скажешь?..

— Оттого что ляхи жгли нашихъ, и мучили, и голодомъ морили!.. вылилось у меня какъ то невольно,—оттого... оттого... что!—но тутъ мнѣ помѣшали слезы.

— Вотъ отчего!—улыбнулся вдругъ графъ... Вотъ, что тебя пугаетъ! Ха, ха, ха! Правда,—это было,—но давно было,—хлопче,—за то и отъ вашихъ доставалось ляхамъ не меньше, если не больше... Но тебѣ про это и знать бы не слѣдовало!... Теперь ляхи не жгутъ и не рѣжутъ!.. Иди, не бойся!

Тонъ графа меня успокоилъ. Я подошелъ и вытеръ слезы, а онъ упорно и долго посматрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ужь не думалъ ли ты,—началъ онъ снова,—что я буду жечь или мучить ребенка?!—улыбнулся онъ.

— Я думалъ...

— Жаль же, хлопче, что ты такого дурпаго мнѣнія о ляхахъ,—ну, да не твоя въ томъ вина!—добавилъ онъ, слегка

вздохнувъ.—Скажи мнѣ, за что ты такъ одѣлалъ моего сына?..
Что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Мнѣ вдругъ стало стыдно.

— Ну, что же?..

— Я строилъ мостъ,—началъ я, покрасивъ какъ піонъ, но прямо смотря въ пронизывающіе глаза графа,—и онъ тоже захотѣлъ... Но онъ сказалъ, что мой дѣдъ сумасшедшій колдунъ и злой... И сказалъ, что я хлопъ и дѣдъ хлопъ и вѣра наша хлопская, и что онъ прикажетъ отстегать насъ нагайками... И онъ хлестнулъ меня хлыстомъ первый...

— Такъ ли?—пахмурился графъ,—зовите Яся!..

— Повтори при немъ,—сказалъ онъ, и когда я повторилъ слово въ слово при сконфуженномъ сынѣ, графъ сердито обратился къ нему:

— Правда это?

— Да!—отвѣтилъ тотъ,—я слышалъ, что такъ зовутъ его дѣда и сказалъ. А хлестнулъ я его потому,—оправдывался онъ растерянно,—потому, что онъ началъ ругаться...

— Ну, въ такомъ случаѣ ты получилъ должное!.. Прикажете запречь экипажъ и отвезите мальчика,—указалъ графъ гувернеру на меня,—къ его дѣду... Вина всего этого падаетъ всецѣло на васъ, сударь,—вы воспитатель... Я не хочу, чтобы мой сынъ былъ грубымъ нахаломъ!..

— Но я... но я!.. ваша свѣтлость,—началъ оправдываться гувернеръ.

— Съ вами мы поговоримъ еще послѣ!—перебилъ его сердито графъ и обратился слова ко мнѣ.

— Ну, поѣзжай, мальчикъ, домой, кланяйся своему дѣду да помни, что не все ляхи дѣлаютъ только зло да несправедливость!.. Я не вплю тебя, что ты побилъ моего сына, когда тотъ безпричинно оскорбилъ тебя,—но все таки дамъ тебѣ хорошій совѣтъ: побольше любить и поменьше ненавидѣть!..

Я ѣхалъ домой съ торжествомъ, но признаюсь это торжество мое сильно было смущено послѣдними словами графа и вообще всѣмъ его обращеніемъ. Самъ не понимая почему,—я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, мнѣ точно стало вдругъ чего то стыдно.—Неужели графъ и добръ, и справедливъ, несмотря на все?.. смутно шевелилось во мнѣ гдѣ то глубоко, глубоко, какъ я ни гналъ отъ себя этотъ еретическій, казалось, вопросъ. И послѣдующее поведеніе дѣда, когда я рассказалъ ему все, далеко не успокоило мои сомнѣнія. Дѣдъ съ большимъ интересомъ слушалъ мою повѣсть и долго былъ, казалось, на моей сторонѣ... Пока я передавалъ мою ссору,—онъ негодовалъ вмѣстѣ со мною... Его глаза метнули искры, когда я сказалъ, что меня стегнули хлыстомъ... Онъ съ гордостью, весь красный отъ удовольствія, слушалъ, какъ я храбро побѣдилъ врага и смѣло отвѣчалъ гувернеру... На глазахъ у него сверкнули слезы и поблѣднѣло лицо, когда я передалъ свои ощущенія въ запертой комнатѣ,—онъ задрожалъ даже и сталъ ласкать мою голову... Но когда я рассказалъ подробно сцену съ графомъ и передалъ его послѣднія слова,—дѣдъ вдругъ остановился, грозно сдвинулъ брови и затѣмъ сердито зашагалъ по комнатѣ.

— Повтори!—сказалъ онъ, наконецъ, останавливаясь и не поднимая глазъ.

Я повторилъ и дѣдъ зашагалъ еще сердитѣе, кусая усь,—что бывало съ нимъ въ рѣдкія минуты... Наконецъ онъ остановился.

— Вотъ что!—съ досадой сказалъ онъ сердитымъ голосомъ,—если ты еще будешь бѣгать на чужую землю и драться тамъ съ мальчиками,—я не буду пускать тебя изъ дома!.. Помни это!..

Такимъ я еще не видѣлъ дѣда и такихъ словъ я отъ него не слышалъ. Все это было для меня болѣе чѣмъ неожиданно и надолго поселило въ моемъ сердцѣ тревогу...

Г. А. Мачтетъ.

(Окончаніе будетъ).

РУССКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ДОБРУДЖЬ.¹⁾

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Сколько намъ извѣстно, самый фактъ существованія довольно многочисленнаго украинскаго населенія на устьяхъ Дуная и въ Добруджѣ до настоящаго времени знакомъ, кажется, не всѣмъ, не исключая даже и большинства записныхъ, такъ сказать, изслѣдователей украинскаго народа. По всей вѣроятности, мы не особенно ошибемся, если выскажемъ предположеніе, что о добруджскихъ украинцахъ знаютъ гораздо больше наши новороссійскіе селяне, чѣмъ Россійскіе вообще и даже украинскіе въ частности историки и этнографы. Все то, что сколько-нибудь извѣстно по слухамъ или по книгамъ о русскихъ въ Добруджѣ, касается почти исключительно великорусской эмиграціи—старообрядцевъ, беспоповцевъ, молоканъ и проч.;—о южно-русскомъ же населеніи Добруджи не говорится нигдѣ ни слова. Его даже какъ будто не замѣтилъ и Кельсіевъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Тульчѣ и оставившій свои замѣтки о добруджско-русской эми-

¹⁾ Настоящая статья доставлена намъ при слѣдующемъ письмѣ профессора В. В. Антоновича:

„Многоуважаемый Александръ Степановичъ! Мой пріятель, одинъ изъ профессоровъ бухарестскаго университета, сообщилъ мнѣ, по моей просьбѣ, портфель рукописныхъ замѣтокъ, относящихся къ Добруджѣ, съ правомъ пользоваться ими для печати; въ числѣ рукописей я нашелъ очеркъ колонизаціи Добруджи на французскомъ языкѣ, составленный членомъ Географическаго Румынскаго общества г. Lou rouleskou; изъ этой статьи я извлекъ все то, что относилось къ русской колонизаціи въ Добруджѣ, опустивъ румынъ, грековъ etc. Прилагая вамъ эту работу въ переводѣ съ прибавленіемъ кое какихъ справокъ и замѣчаній, честь имѣю просить

граціи въ извѣстной книгѣ „Пережитое и передуманное“. (Спб. 1868). Въ этихъ, поверхностныхъ во всѣхъ, впрочемъ, отношеніяхъ, замѣткахъ онъ почти ни однимъ словомъ не вспоминаетъ ни о существованіи нѣкогда въ Добруджѣ запорожцевъ, ни о нынѣшнихъ украинскихъ колонистахъ въ ней. Затѣмъ, если не считать нѣсколькихъ коротенькихъ замѣтокъ, преимущественно въ „Кіевской Старинѣ“, и вышедшей въ прошломъ году брошюры Г. Бахталовскаго „О посадѣ Вилковѣ“, только сосѣднемъ съ Добруджей, то оказывается, что объ украинскихъ поселеніяхъ за Дунаемъ въ русской литературѣ ничего нѣтъ, равно какъ нѣтъ ничего и о самой Добруджѣ и вообще объ устьяхъ Дуная. Нужно замѣтить, впрочемъ, что несмотря на довольно большое вниманіе, которое обратили на себя эти мѣстности въ зап. Европѣ со времени возникновенія такъ назыв. восточнаго вопроса,—вниманіе это ограничивалось почти исключительно только военными интересами, а вслѣдствіе этого и въ европейской литературѣ почти до самаго послѣдняго времени было весьма немного сколько нибудь обстоятельныхъ описаній этой страны. Недостатокъ этотъ, впрочемъ, теперь восполнился трудами нѣмцевъ и преимущественно австрійцевъ. Карлъ Петерсъ, авторъ лучшаго географо-геологическаго сочиненія о Добруджѣ¹⁾, говоритъ прямо, что „Австрія должна занимать *первое* мѣсто въ работахъ по изученію этой страны“, и это вытекаетъ, по его мнѣнію, „изъ самой природы вещей: австрійскій геологъ, зоологъ или ботаникъ, путешествующій по нижнему Дунаю, не стоитъ на чужой почвѣ; съ небольшими (?) отличіями онъ находитъ на нижнемъ Дунаѣ тѣ же типы геологическихъ напластованій, тѣхъ же животныхъ и растенія, какъ

вась поворно, въ случаѣ, если вы найдете ее годною для печати, помѣстить въ вашемъ журналѣ. Не желая приписывать себѣ чужаго труда, прошу вась покорно оставить подпись лица, котораго перу принадлежитъ первоначальный трудъ.

Примите и пр.

В. Антоновичъ.

1888 г.

Іюля 20 дня.

¹⁾ *Karl Peters*. Grundlinien zur Geographie und Sologie der Dobrudscha (Denkschriften der k. k. Academie der Wissenschaften, mathematisch-naturwissenschaftliche Klasse. XXVII B. Wien. 1867).

и въ венгерско-сербской долинь, пачинающейся отъ воротъ Вѣны“ (стр. 86). Само собой разумѣется, что нѣмецкій авторъ не ограничивается только этими учеными соображеніями и черезъ нѣсколько страницъ прямо заявляетъ, что изученіе этихъ странъ важно именно потому, что онѣ представляютъ собой „мѣста для авапшостовъ германскаго Drang nach Osten“...

Относительно украинскихъ колоній за Дунаемъ работа Петерса имѣетъ, впрочемъ, только очень второстепенное значеніе, такъ какъ она, главнымъ образомъ, посвящена географическому и геологическому описанію Добруджи. Заключающіяся въ ней статистическія и этнографическія свѣдѣнія о нашихъ землякахъ въ Добруджѣ кратки, да не совсѣмъ уже и новы, весь же интересъ этого сочиненія заключается для насъ въ нѣсколькихъ тоже краткихъ, но важныхъ для нашей цѣли, историческихъ замѣчаніяхъ о передвиженіи украинскихъ колоній въ странѣ. Изъ другихъ же работъ, отчасти цитируемыхъ и у Петерса, для насъ можетъ имѣть извѣстный интересъ развѣ еще сочиненіе г. Висковича, австрійскаго консула прежде въ Тульчѣ, а въ настоящее время въ Сулинѣ ¹⁾, очень симпатичнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя, очевидно, весьма серьезно относящагося къ своей дѣятельности. Въ работѣ Lejean'a „Ethnographie de la Turquie d'Europe“ ²⁾ интересна только довольно старательно составленная этнографическая карта Балканскаго полуострова (европейской Турціи), само же изслѣдованіе отличается относительно русскаго населенія чрезвычайной краткостью. Затѣмъ и въ европейской литературѣ о нашихъ землякахъ въ Добруджѣ и на устьяхъ Дуная мы не находимъ почти ровно ничего.

Между тѣмъ исторія и современная жизнь украинскихъ колоній за Дунаемъ должна бы быть, по крайней мѣрѣ для насъ, предметомъ гораздо большаго вниманія и интереса. Эмиграція изъ южной Россіи за Дунай, какъ дѣло временъ сравнительно недавнихъ, представляетъ собою явленіе, довольно близкое

¹⁾ *Viscovich*. Zur Statistik der Dobrudscha. Zeitschrift „Austria“. Wien 1863. 15 Jahrg. 5. 698, 715, 737, 755.

²⁾ *Petermann's* Mittheilungen. 1861. Ergänzungsheft

къ различнымъ вопросамъ современной жизни нашего отечества и при томъ явленіе, еще исторически далеко не закончившееся, продолжающее существовать и въ настоящее время, хотя, конечно, подъ вліяніемъ нѣсколько иныхъ условій и стимуловъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ оно начиналось. Исторія небольшой части народа, ушедшей вслѣдствіе извѣстныхъ условій внутренней жизни края и живущей уже болѣе столѣтія внѣ этихъ условій, въ положеніи при томъ, весьма благопріятствующемъ совершенно самостоятельному развитію, не можетъ не быть для насъ интересной, а во многомъ даже, можетъ быть, и довольно поучительной. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, мы рѣшаемся предложить читателямъ въ настоящей статьѣ небольшое количество фактовъ, касающихся украинской эмиграціи за Дунай, главнымъ образомъ начиная съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и существующихъ тамъ въ настоящее время украинскихъ поселеній. Главнымъ источникомъ этой статьи будутъ личныя наблюденія и рассказы очевидцевъ и участниковъ самой эмиграціи, записанныя во время путешествій по Добруджѣ и дельтѣ Дуная.

I.

Колонизаціонныя движенія украинскаго племени.—Переселеніе запорожцевъ на устья Дуная.—Задунайская Сѣчь.—Райя.—Возвращеніе запорожцевъ въ Россію въ 1828 г.—Побѣги азовскихъ казаковъ обратно за Дунай.—Бѣгство украинскихъ крестьянъ въ Новороссію и Бессарабію.—Положеніе ихъ тамъ.—Эмиграція изъ Новороссіи и Бессарабіи за Дунай.—Переправа черезъ границу.—Перевозчики.—Пріемъ въ Турціи.—Разселеніе по Добруджѣ и начало колоній.—Жизнь въ новой странѣ.—„Велика виходка“, или обратное движеніе въ Россію послѣ крымской войны.

Несмотря на общераспространенное мнѣніе о неподвижности и домосѣдствѣ южнорусскаго населенія, историческіе факты показываютъ намъ, что населенію этому всегда были присущи большія колонизаторскія стремленія. Достаточно сравнить этнографическую карту древней южной Руси по лѣтописи Нестора съ современнымъ намъ разселеніемъ южноруссовъ, чтобы видѣть, что поселенія ихъ не заходившія во время Нестора даже по теченію такой по преимуществу украинской рѣки, какъ Диѣгарь,

дальше впаденія въ него Роси,—дошли теперь до самаго Чернаго моря и какъ въ другую сторону, поселенія эти, самымъ восточнымъ пунктомъ которыхъ въ то время былъ Переяславъ, представляютъ теперь въ этомъ направленіи сплошную массу, переходящую уже черезъ Донъ и доходящую даже до подножій Кавказа. При этомъ необходимо напомнить, что въ этотъ промежутокъ времени, т. е. уже на глазахъ исторіи, русское племя было *три* раза оттираемо отъ Чернаго моря: первый разъ, въ VIII—IX вѣкахъ, жившіе возлѣ устьевъ Дуная угличы и тиверцы были вытѣснены оттуда печенѣгами,—второй разъ—въ XV ст. турки разорили литовско-русскія поселенія на мѣстахъ нынѣшнихъ Аккермана и Очакова—и, наконецъ, въ третій разъ—въ XVII ст. почти вся правобережная козацкая Украина, т. е. кіевское и брацлавское воеводства, была совершенно опустошена, какъ это видно по договорамъ, состоявшимся между Турціей, Польшей и Московскимъ государствомъ. Но, начиная уже съ этого столь недавняго времени, южноруссы успѣли вновь колонизировать обширныя страны этихъ двухъ воеводствъ, затѣмъ всю Новороссію и отчасти донскія и даже кубанскія и терскія степи. Это стремленіе украинцевъ на югъ обусловливалось, разумѣется, прежде всего географическими особенностями страны и преимущественно теченіемъ рѣкъ Прута, Днѣстра, Буга, Днѣпра и Донца. Изъ этихъ рѣкъ Прутъ, начинающійся въ русской части Галиціи и текущій въ область нижняго Дуная, былъ однимъ изъ первыхъ путей, по которымъ съ незапамятныхъ временъ двигались южноруссы по направленію къ югу, въ дунайскую долину. Есть указанія, что уже въ XII столѣтіи на нижнемъ Дунаѣ и у устья Прута находились города, населенные галицко-русскими выходцами: Берладъ, Текуча и Малый Галичъ, т. е. нынѣшній Галаць (Instruțiunea Publica за 1860 г., № 1). Ипатская лѣтопись подъ 1159 годомъ упоминаетъ „города подунайскіе“, принадлежавшіе галицкому княжеству, галицкіе корабли „кубарѣ“, торговавшіе на устьи Дуная, которое занято было „рыболовами Галичскими“ (Ипатская лѣтоп. стр. 341.) Слово о полку Игоревѣ говоритъ намъ, что Ярославъ Осмомыслъ Галицкій „заступаетъ путь Дунаевѣ“. Затѣмъ Берладъ, въ дотатарское же время,

былъ убѣжищемъ бѣглецовъ изъ Галиціи и, наконецъ, до сихъ поръ карпатскіе гуцулы спускаются по Пруту плотами и идутъ на заработки въ Молдавію, Бессарабію и Новороссію. Впрочемъ, съ другой стороны, дельта Дуная была доступна для южноруссовъ и съ моря. Украинскимъ козакамъ и въ особенности запорожцамъ были прекрасно извѣстны эти страны, и они направлялись туда или сухимъ путемъ мимо Аккермана, или на своихъ „чайкахъ“ моремъ черезъ дунайскія гирла. Достаточно будетъ для примѣра вспомнить извѣстную думу объ Алексѣѣ Поповичѣ о бурѣ на Черномъ морѣ, чтобы видѣть, до какой степени была извѣстна запорожцамъ географія дунайской дельты. Вотъ почему нисколько не удивительно, что когда запорожскому братству пришелъ конецъ на Днѣпрѣ въ 1775 г., то у запорожцевъ явилась идея о перенесеніи своей Сѣчи въ дельту другой великой рѣки того же черноморскаго бассейна, хотя и начинающейся вѣтъ славянскихъ предѣловъ. А съ другой стороны плѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что вслѣдъ затѣмъ и населеніе даже и внутреннихъ южно-русскихъ областей въ своихъ стремленіяхъ къ отысканію вольныхъ земель и личной свободы также обратило свои взоры и на дунайскую дельту.

Запорожская колонизація устьевъ Дуная и Добруджи уже рассмотрѣна въ статьѣ, напечатанной въ „Кіевск. Стар.“ 1883 года и затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ¹⁾. Здѣсь же мы намѣрены познакомить читателя съ слѣдовавшей за ней, позднѣйшею, вполне мирной, крестьянско-земледѣльческой колонизаціей, которая развилась главнымъ образомъ въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, затѣмъ нѣсколько ослабѣла съ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостнаго права и въ послѣднее время явно усиливается опять. Такъ какъ запорожская колонизація служила началомъ и опорю этой позднѣйшей земледѣльческой колонизаціи, составляющей предметъ нашей статьи, то мы позволимъ себѣ въ общихъ чертахъ напомнить сначала читателю судьбу бывшей задунайской Сѣчи.

¹⁾ *Г. Кондратовичъ. Задунайская Сѣча по мѣстнымъ воспоминаніямъ и рассказамъ. Кіевъ 1883. (Въ журн. „Кіевск. Стар.“ 1883 г., янв., февр. и апрѣль).*

Послѣ окончательнаго разоренія Сѣчи на Дѣфирѣ въ 1775 году, небольшая часть запорожцевъ перешла, какъ извѣстно, въ турецкіе предѣлы и, получивши разрѣшеніе Порты, въ количествѣ около 5000 челов. переселилась на дельту Дуная. Мѣстность эта была уже въ то время занята перешедшими туда еще раньше съ Кубани (а на Кубань пришедшими съ Дона подъ предводительствомъ Игната Некрасова) великорусскими козаками, извѣстными подъ именемъ некрасовцевъ или Игнать-козаковъ. Это обстоятельство было, по всей вѣроятности, причиною того, что запорожцы сразу не могли прочно утвердиться на устьяхъ Дуная и по прошествіи около 10 лѣтъ, т. е. въ 1785 году, по приглашенію австрійскаго правительства, всѣ или, только частью, передвинулись вверхъ по Дунаю на Военную Границу, гдѣ и поселились въ Банатѣ на берегахъ Тиссы и въ бачкомъ комитатѣ около города Zenta. По прошествіи, впрочемъ, очень короткаго времени запорожцы вышли оттуда и основали свой кошъ въ Сейменахъ, селѣ, находящемся также на Дунаѣ, но уже опять въ предѣлахъ Турціи между Гирсовой и Силистріей. Находясь тамъ, они принимали участіе въ войнѣ 1809 г., состоя въ гарнизонѣ крѣп. Рущука, въ мирное же время занимались, какъ и прежде, рыболовствомъ, спускаясь съ этой цѣлью къ устьямъ Дуная, гдѣ они имѣли свои рыболовные заводы. При этомъ, разумѣется, у нихъ происходили постоянныя столкновенія съ некрасовцами, окончившіяся, наконецъ, правильнымъ походомъ запорожцевъ противъ некрасовцевъ, полнымъ разбитіемъ послѣднихъ, взятіемъ запорожцами ихъ укрѣпленнаго пункта—Дунавца и переселеніемъ туда въ 1814 г. запорожскаго коша изъ Сейменъ. Основанная такимъ образомъ въ Дунавцѣ Сѣча немедленно же сдѣлалась центральнымъ пунктомъ прочихъ запорожскихъ поселковъ, разбросанныхъ по всей дельтѣ и отчасти Добруджѣ. Оттуда запорожцы принимали участіе въ походѣ турецкихъ войскъ противъ сербовъ въ 1817 г. и затѣмъ противъ грековъ въ 1821 г. Наконецъ, въ 1828 г., въ началѣ происходившей тогда войны Турціи съ Россіей, тогдашній кошевой О. Гладкій съ небольшимъ количествомъ оставшихся съ нимъ козаковъ переправился въ Измаиль и возвратился въ подданство Россіи. Послѣ этого заду-

найская Сѣчь была уничтожена, перешедшіе же съ Гладкимъ казаки были по окончаніи войны отправлены къ Азовскому морю, гдѣ изъ нихъ было сформировано азовское козацье войско.

Между тѣмъ, въ теченіи всего этого времени, т. е. по крайней мѣрѣ всей первой четверти нынѣшняго столѣтія, южная часть Новороссіи и особенно Бессарабія, присоединенная къ Россіи по бухарештскому мирному договору 11 іюля 1812 г., представляли собой мѣстности очень удаленныя отъ государственныхъ центровъ, а вслѣдствіе этого совершенно еще дезорганизованныя въ административномъ отношеніи и бывшія въ состояніи служить достаточно еще надежнымъ пріютомъ для бѣглецовъ. Сюда то и направлялись бѣжавшіе главнымъ образомъ отъ недавно введенныхъ крѣпостнаго права и рекрутчины новороссійскіе крестьяне и здѣсь отчасти селились на свободныхъ еще земляхъ и заводили земледѣльческіе хутора, отчасти же занимались рыболовствомъ и охотой на пустынныхъ и до сихъ поръ еще лиманахъ Дуная. Положеніе этихъ колонистовъ въ Бессарабіи въ то время въ весьма значительной степени облегчалось и обезпечивалось существованіемъ запорожской Сѣчи за Дунаемъ. Люди, особенно сильно преслѣдуемые, люди, искавшіе болѣе привольной и свободной жизни, наконецъ, люди болѣе молодые и предприимчивые, а кромѣ того не вполнѣ забывшіе козацкія традиціи недавно разореннаго коша на Днѣпрѣ,—во всякое время могли сравнительно безпрепятственно переправиться черезъ Дунай и очутиться въ Сѣчи, гдѣ они могли имѣть и вполнѣ уже безопасный пріютъ, и свободныя рыбныя ловли, и, наконецъ, широкое удовлетвореніе своимъ военно-авантюристическимъ наклонностямъ. Задунайскіе сѣчевики, какъ видно изъ приведенныхъ рассказовъ Коломійца, не только охотно принимали къ себѣ каждаго сколько нибудь способнаго „козаковать“ бѣглеца, но организовали дѣло побѣговъ систематически, отправляя нарочитыхъ эмиссаровъ для вербовки охотниковъ поступить въ составъ Сѣчи. Эти эмиссары—„вожай“—обходили почти всю Украину и, собравши въ разныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ небольшой отрядъ бѣглецовъ, приводили ихъ на Сѣчь, пользуясь, разумѣется, по пути и помощью и укрывательствомъ со стороны такого же бѣг-

лаго населенія Бессарабіи. Но кромѣ такихъ эмигрантовъ, составлявшихъ постоянные кадры задупайской Сѣчи, на Дунавецъ шло много и другихъ людей, очень часто семейныхъ или женившихся уже въ бѣгахъ, привлекавшихся туда то привольемъ мѣстъ, то родственными связями, то, наконецъ, и свободными землями. Такимъ образомъ и вокругъ дунавецкой Сѣчи образовалась мало по малу такъ назыв. „Райя“¹⁾, т. е. такое же семейное и большею частью земледѣльческое населеніе, какое въ свое время группировалось вокругъ днѣпровской Сѣчи, ея гардовъ, паланокъ и зимовниковъ. Такими семейно-земледѣльческими поселками Райи въ Добруджѣ были: Райя на Дунавецѣ, Муругиль, Кара-Орманъ, а потомъ Приславъ, Ширлица, отчасти Старая Тульча и др. мѣста.

Такимъ образомъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія мы видимъ довольно многочисленную уже колонизацію въ Бессарабіи и кромѣ того запорожскія поселенія въ Добруджѣ и на устьяхъ Дуная. Очень скоро послѣ перенесенія Сѣчи на Дунавецъ начали образовываться и упомянутыя нами выше украинскія земледѣльческія колоніи. Въ то время, когда запорожцы вели хозяйство исключительно рыболовное и охотничье, семейное населеніе Райи занималось главнымъ образомъ земледѣліемъ на территоріи, отведенной запорожцамъ турецкимъ правительствомъ. Земли было настолько достаточно, что не было надобности въ какомъ нибудь регулированіи пользованія ею: „де хто хотивъ—тамъ и пахавъ“ и при этомъ значительное количество земли все таки оставалось, и запорожскій кошъ отдавалъ ее въ аренду траесильванскимъ пастухамъ—моканамъ и болгарамъ, занимавшимся скотоводствомъ. При такихъ чрезвычайно благоприятныхъ условіяхъ какъ благосостояніе, такъ и вообще успѣхи украинской колонизаціи на запорожскихъ земляхъ въ Добруджѣ должны были развиваться чрезвычайно быстро, и дѣйствительно, почти че-

¹⁾ Райей у Турокъ вообще называлось христіанское населеніе деревень, находившееся въ извѣстныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ спагіямъ, игравшимъ прежде въ Турціи роль феодальнаго дворянства. Понятно, что запорожская райя носила только это имя, безъ всякаго подчиненія кому бы то ни было въ указанномъ нами смыслѣ, а была подчинена только административно кошевому Сѣчи.

резъ четверть столѣтія мы видимъ земледѣльческія колоніи Добруджи на столько укрьпившимся, что онѣ начинаютъ уже вмѣшиваться въ политическую жизнь Сѣчи и въ концѣ концовъ успѣвають провести своего кандидата (О. Гладкаго) на должность кошеваго. Тѣмъ не менѣ постоянная неувѣренность за свою дальнѣйшую судьбу, находившуюся въ очень тѣсной зависимости отъ непрочнаго политическаго положенія Сѣчи между Россіей и Турціей, все таки давала себя знать очень чувствительно и въ концѣ концовъ располагала добруджскихъ колонистовъ къ возвращенію въ Россію, тѣмъ болѣе, что Гладкому постоянно дѣлались, повидимому, очень выгодныя въ этомъ смыслѣ предложенія со стороны русскаго правительства. Въ концѣ концовъ—взяло ли верхъ это направленіе, расходившееся очень рѣзко съ настроеніемъ самихъ запорожцевъ, или просто пришлось подчиниться послѣдствіямъ переворота, произведеннаго Гладкимъ,—по съ переходомъ Гладкаго на сторону Россіи добруджскія колоніи значптельно опустѣли. Съ самаго начала, т. е. непосредственно за сдачей Гладкаго, бѣгство украинскіхъ колонистовъ изъ Добруджи обусловливалось прежде всего страхомъ мести со стороны турокъ и грабежа со стороны прочаго полудикаго населенія страны, состоявшаго изъ моканъ (пастуховъ-трансильванцевъ), румынъ, болгаръ и т. ц., которые дѣйствительно на другой же день послѣ выхода Гладкаго напустились на оставшуюся беззащитной райю и чуть было ее всю не вырѣзали, если бы ее не спасло заступничество одного священника румына. Затѣмъ обратной эмиграціи добруджскихъ колонистовъ больше всего содѣйствовали тѣ льготы, которыя были обѣщаны всѣмъ „забиглымъ душамъ“ со стороны русскаго правительства, разрѣшившаго принимать въ дунайскіе, а потомъ азовскіе козаки всевозможныхъ бродягъ съ обезпеченіемъ имъ полной амнистіи за прежнія преступленія и съ надѣломъ земли на рѣкѣ Кальчикѣ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ обстоятельствъ украинскія колоніи въ Добруджѣ очень быстро начали пустѣть, пѣкоторая часть земледѣльческаго населенія ихъ отодвинулась дальше въ глубь Добруджи, по направленію къ Тульчѣ, большая же часть ушла, оставивши послѣ себя разрозненную кучку запорожцевъ,

потерявшихъ прежнюю свою организацію и продолжавшихъ „рыбалить“ въ одиночку до окончательнаго своего исчезновенія.

Однако такое положеніе дѣлъ могло длиться не болѣе 2—3 лѣтъ, такъ какъ ожиданія возвратившихся изъ Добруджи эмигрантовъ въ сущности не вполнѣ оправдались, а съ другой стороны, не только не прекратились, а напротивъ, въ высшей степени усилились тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ люди бѣжали изъ своего отечества за Дунай. Въ видѣ примѣра и для характеристики бѣгства изъ азовскаго козачьяго войска, мы приведемъ отрывокъ изъ записаннаго разсказа одного изъ бѣжавшихъ—давняго жителя Тульчи, но до сихъ поръ еще бодрого и красиваго старика Корнія Билаго: „Ушелъ я отъ папа (разсказывалъ онъ) молодымъ еще хлопцемъ... Я панскій былъ—изъ Херсонщины... ушелъ въ Бессарабію... А тогда какъ разъ (1829—1830 г.г.) прѣзжалъ отъ Гладкаго людей набирать въ азовскіе козаки папъ Рачковскій—онъ полякъ былъ. Воротникъ на немъ красивый, и здѣсь—на рукавахъ (обшлагахъ) тоже красное... Собралъ онъ людей возлѣ корчмы да и говоритъ: „кто, говоритъ, хочетъ подѣ Бѣлаго Царя?“ Кто то обозвался, что пойдетъ,—вотъ онъ его и поставилъ въ сторону, а потомъ другихъ спрашиваетъ: „кто идетъ—въ одну сторону, кто не хочетъ—въ другую... Такъ вотъ и мы пошли—молодые еще хлопцы были!... А какъ пришли туда, да какъ увидѣли, что тамъ дѣлается,—такъ подумали да и опять сюда поутекали!... А тамъ же, спрашиваете, что?!... Что и говорить! извѣстно что... въ москали (солдаты) повернули... ну, такъ мы и ушли, опять таки въ Бессарабію... А тогда какъ разъ переборка была: генералъ Василевскій былъ надъ дунайскими козаками... ну, и перебирали всѣхъ—кто панскій былъ, такъ къ папамъ отсылали, головы брили на половину, а кто старій человекъ, то и полъ бороды брили. Много тогда народу сюда (т. е. въ Добруджу) ушло... А я уже тогда женатый былъ; такъ забралъ жену и дѣтей да сюда и ушелъ!... „Тутъ оце усе, що руснаки живутъ то усе забигли души!“—прибавилъ онъ въ заключеніе. Что касается упоминаемаго въ этомъ разсказѣ генерала Василевскаго, то объ этой, во многихъ отношеніяхъ памятной для Бессарабіи, личности мы будемъ имѣть еще случай

упомянуть нѣсколько разъ, пока же обращаемъ вниманіе читателя на то, что Корній Билый вышелъ изъ Новороссіи, основался сначала въ Бессарабіи и оттуда уже принужденъ былъ уйти за границу Россіи, въ Турцію, приблизительно около 1830—31 г. Кромѣ поступленія въ качествѣ бѣглаго въ азовское козацье войско и обратнаго бѣгства оттуда, судьба Корнія Билыго интересна для насъ въ томъ отношеніи, что она представляетъ собой типическій примѣръ общей судьбы громаднаго большинства украинскихъ колонистовъ Добруджи, въ указанное нами время, т. е. въ то именно время, съ котораго начались преслѣдованія бродягъ въ Новороссіи и особенно въ Бессарабіи и рядомъ съ этимъ, разумѣется, бѣгство оттуда людей цѣлыми тысячами ежегодно за Дунай. Какъ упоминаемая нами преслѣдованія, такъ и оживленная эмиграція въ Добруджу, начавшись съ этого времени, продолжались, какъ мы увидимъ сейчасъ, непрерывно вплоть почти до самой крымской войны.

Присоединенныя въ 1812 г. къ Россіи Бессарабія и часть Молдавіи оставались до 1818 г. вполнѣ почти на прежнихъ основаніяхъ, т. е. безъ всякаго почти вмѣшательства русской администраціи во внутреннюю жизнь этихъ странъ. Съ 1818 г. такое отношеніе русскаго правительства къ новоприсоединенному краю начинаетъ нѣсколько измѣняться съ введеніемъ новаго устава для управленія областью и производствомъ первой въ Бессарабіи народной переписи. Въ силу этого новаго устава Бессарабіи была предоставлена, впрочемъ на первыхъ только порахъ, довольно значительная доля мѣстнаго самоуправленія. Такъ назыв. верховный совѣтъ, составленный изъ мѣстныхъ дворянъ, подъ предсѣдательствомъ облеченнаго широкими полномочіями намѣстника, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ все управленіе края. Вся администрація Бессарабіи въ это время была выборною отъ мѣстнаго дворянства и широко пользовалась своими старинными обычаями и правами, съ употребленіемъ даже не только въ школѣ, но и въ администраціи румынскаго языка. Трудно, разумѣется, сказать, до какой степени могла быть полезна и выгодна для всей массы населенія эта введенная тогда система управленія краемъ посредствомъ мѣстнаго

привилегированнаго сословія, система бывшая въ употребленіи во многихъ завоеванныхъ странахъ,—но мы видимъ, что такого рода самоуправленіе было скоро найдено несоотвѣтствующимъ общей государственной системѣ. Уже въ 1823 г. назначенный новороссійскимъ генераль-губернаторомъ и намѣстникомъ Бессарабіи князь Воронцовъ обратилъ вниманіе на возможность улучшенія верховнаго совѣта и на „упроченіе въ немъ правосудія и подчиненности, а въ странѣ порядка и спокойствія“. Впослѣдствіи, а именно въ 1859 г., въ губернаторскихъ отчетахъ говорится уже о неудовлетворительности „областнаго совѣта“, замѣнившаго собою по иниціативѣ кн. Воронцова прежній „верховный совѣтъ“, и о несостоятельности коллегіальнаго устройства областнаго управленія. Впрочемъ, почти до 1829—30 гг. населеніе Бессарабіи пользовалось, повидимому, все таки сравнительнымъ благополучіемъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи личной безопасности нѣсколько тяжело чувствовались только втеченіе этого времени нѣкоторыя аграрныя перемѣны. Въ 1823—28 гг. происходило приведеніе въ извѣстность и заселеніе нѣмцами и болгарами Буджака, опустѣвшаго вслѣдствіе происходившаго отчасти передъ этимъ (въ 1817—18 гг.), отчасти одновременно, бѣгства изъ страны молдаванъ и части болгаръ (до 3000 семей), возвратившихся снова въ турецкіе предѣлы ¹⁾. Оставшіяся послѣ этого бѣгства свободныя буджацкія земли, кромѣ надѣла вышеупомянутымъ колонистамъ, были пожалованы въ собственность разнымъ русскимъ сановникамъ, молдавскимъ боярамъ, перешедшимъ въ подданство имперіи, и вообще „разнымъ заслуженнымъ лицамъ“, земли же, оставшіяся послѣ ногайцевъ, были зачислены въ казну въ видѣ государственныхъ имуществъ. Затѣмъ съ 1830 и слѣдующихъ гг. положеніе преимущественно украинскихъ колонистовъ Бессарабіи начинаетъ чрезвычайно чувствительно измѣняться къ худшему даже и въ смыслѣ только личной безопасности. Небольшое сравнительно количество райи, ушедшей изъ

¹⁾ А. Зацукъ. Бессарабская область. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго Штаба. Т. II, стр. 2.

Добруджи въ 1828 г., направилось почти цѣликомъ къ Азовскому морю, а въ числѣ переселившихся въ это время въ Бессарабію изъ Турціи людей мы находимъ только 1042 души некрасовцевъ (вѣроятно, липованъ) и около 3000 семействъ болгаръ, объ украинскіхъ же колонистахъ и о возвращеніи ихъ въ это время изъ Добруджи, въ источникахъ вовсе не упоминается. Но за то, наоборотъ, мы видимъ, начиная преимущественно съ этого времени (къ которому относится и приведенный нами рассказъ Корнія Билого) систематическое и непрерывное, какъ мы сказали, до самой крымской войны переселеніе украинскіхъ колонистовъ изъ Бессарабіи къ Добруджу. Это именно и есть то переселеніе, которое положило основаніе позднѣйшей (послѣ запорожцевъ) украинской колонизаціи въ Добруджѣ, колонизаціи, продолжавшейся около 30 лѣтъ сряду, прервавшейся, какъ мы увидимъ далѣе, послѣ освобожденія крестьянъ и начинающей опять возобновляться въ настоящее время.

Въ январьской и февральской книжкахъ журнала „Устои“ 1882 г. была помѣщена статья подъ заглавіемъ „Записки южно-русскаго крестьянина“. Этотъ необыкновенно простой, почти эпическій по своей непосредственности, рассказъ мы рекомендуемъ нашему читателю, какъ самую лучшую иллюстрацію, какую возможно, по нашему мнѣнію, сдѣлать для характеристики положенія тогдашняго бѣглаго и по преимуществу украинскаго населенія Бессарабіи, изъ котораго, какъ мы только что видѣли, составился главный контингентъ добруджскихъ украинскіхъ колоній. Тѣ немногіе рассказы, которые записаны въ Тульчѣ и будутъ приведены въ дальнѣйшемъ изложеніи, представляютъ только детальныя подтвержденія общей картины, рисуемой „Записками южно-русскаго крестьянина“. Не менѣе детальныя и, такъ сказать, документально-цифровыя подтвержденія и разъясненія этой картины находимъ мы также въ мало извѣстныхъ, впрочемъ, русско-публикѣ „Матеріалахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи“. Къ этимъ даннымъ прежде всего мы и обратимся, такъ какъ они лучше всего могутъ служить для составленія понятія о характерѣ и причинахъ описываемой нами эмиграціи изъ Украины, о происхожденіи и судьбѣ тѣхъ

скитальцевъ, которые, хотя и бѣдствовали въ Новороссіи и Бессарабіи, все таки въ теченіи почти 30 лѣтъ уходили туда и спасаясь отъ преслѣдованій, находили себѣ, наконецъ, пріютъ въ Добруджѣ. „Матеріалы“, о которыхъ мы говоримъ, начинаются, какъ извѣстно, только съ 1836 г. Въ этомъ году оффиціальнымъ отчетомъ департамента полиціи исполнительной Бессарабіи признается однимъ изъ главныхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ разбои, и при этомъ говорится именно о бродягахъ, скрывающихся за Дунаемъ; кромѣ того, въ отчетахъ обращается особое вниманіе на количество бродягъ въ черниговской губерніи. Въ слѣдующемъ 1837 г. по всему югу Россіи происходило настоящее крестьянское движеніе, выразившееся побѣгами въ Анапу; движеніе это было въ значительной степени вызвано распоряженіями самого правительства, разрѣшившаго въ 1832 г. „для успѣшнаго населенія сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, водворять въ томъ краѣ бродягъ, приходящихъ туда безъ надлежащихъ видовъ“. Приписанные въ Анапѣ люди, получивши такимъ образомъ законное гражданство, брали паспорта на заработки и возвращались обратно на Украину „для подговора тамошнихъ крестьянъ, желавшихъ припиской за Кубанью освободиться изъ крѣпостнаго состоянія“. Между крестьянами начали возникать побѣги и беспорядки, „угрожавшіе разореніемъ многимъ помѣщичьимъ имѣніямъ“, вслѣдствіе чего правительство приняло рѣшительныя мѣры—командировало особаго флигель-адъютанта, учредило на границахъ Черноморья и Земли войска донскаго особые пикеты, подвергало наказанію всѣхъ пойманныхъ подстрекателей къ побѣгамъ и т. д. Для большаго поощренія военныхъ командъ, составлявшихъ пикеты, была установлена особая денежная премія за поимку бродягъ и безпаспортныхъ. Въ 1839 г. правительство опять принимаетъ „особенныя къ пресѣченію бродяжничества мѣры“ въ бессарабской области, такъ какъ было констатировано, что побѣги туда бывають довольно часто, особенно изъ губерній херсонской и подольской и что нашедшіе себѣ въ помянутой области надежный пріютъ бѣглецы являются иногда лично въ мѣста прежняго своего жительства для подговора другихъ къ

побѣгамъ. Въ виду этого сдѣлано было распоряженіе о наказаніи такихъ лицъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они будутъ пойманы, и объ отдачѣ ихъ потомъ въ солдаты, въ арестантскіе роты или ссылкѣ въ Сибирь. Въ бессарабской же области были учреждены спеціальныя комиссіи для открытія бродягъ, зашедшихъ туда *въ послѣднее время*. Въ 1840 г. между крестьянами опять распространяются „нелѣпыя толки“ о послѣдовавшемъ будто бы разрѣшеніи переселяться въ бессарабскую область съ правомъ свободы отъ помѣщичьяго владѣнія. Въ самой же Бессарабіи, „благодаря мѣрамъ, принятымъ въ прошломъ году“, побѣги значительно уменьшились, но за то обнаруживается масса побѣговъ въ Галицію, преимущественно изъ смежныхъ съ нею подольской и волинской губерній, при чемъ опять таки бѣжавшіе являются въ мѣста прежняго жительства и подговариваютъ народъ къ бѣгству въ Австрію. Въ слѣдующемъ году открываются опять массовыя побѣги крестьянъ могилевской, харьковской, екатеринославской, кіевской и подольской губ., — „обманутыхъ молвою о состоявшемся будто бы манифестѣ, коимъ дарована свобода и обѣцаны земли тѣмъ, кои прибудутъ въ Новороссійскій край, Бессарабію или Молдавію крѣпостнымъ людемъ“. При этомъ само правительство уже констатируетъ фактъ, что кромѣ ложныхъ слуховъ, въ екатеринославской напр. губ., причиной бѣгства крестьянъ было „стѣсненное положеніе и тягоченіе крестьянъ нѣкоторыми владѣльцами, изъ которыхъ одинъ былъ даже преданъ суду“. Тѣмъ не менѣе въ виду всего этого учреждаются особыя слѣдственныя комиссіи и мин. внутр. дѣлъ проектируетъ усилить надзоръ за бродягами, посредствомъ *клепменія* попавшихся изъ нихъ. Мѣра эта была осуществлена въ 1845—46 гг. распоряженіемъ министерства о наложеніи пойманнымъ бродягамъ знака на правой рукѣ съ буквою Б (бродяга или бѣглый), нагирая оный для неизгладимости составомъ изъ индиго и туши“. Операція эта должна была производиться черезъ одного изъ состоящихъ при врачебной управѣ фельдшеровъ, въ присутствіи чиновника полиціи, уѣздн. страпчого и врача (стр. 141). По наложеніи такого знака, бродягъ очень часто, кромѣ наказанія шпицрутенами, отдавали въ военную

службу, арестантскія роты или ссылали въ Сибирь на поселеніе. Упомяная о томъ, что всѣ эти мѣры уже введены въ дѣйствіе, отчетъ прибавляетъ, что „можно смѣло надѣяться на значительное вслѣдствіе этого уменьшеніе бродяжничества вообще“. Однако, несмотря на то, что введенныя министерствомъ мѣры прилагались неуклонно (какъ видно изъ того, напр., что, по словамъ отчета, за послѣднюю только половину 1846 г. было подвергнуто клейменію 939 человекъ) надеждамъ министерства не суждено было осуществиться, и не дальше, какъ въ слѣдующемъ же году возникаютъ опять побѣги крѣпостныхъ крестьянъ цѣлыми массами и опять таки преимущественно изъ южныхъ губерній, гдѣ народъ не успѣлъ еще свыкнуться съ крѣпостнымъ правомъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для удержанія бѣжавшихъ потребовались войска; въ одномъ г. Себежѣ (витебской губ.) подвергнуто было тѣлесному наказанію около 4000 чел.; изъ курской губ. бѣжало до 1500 чел. и былъ остановленъ побѣгъ въ 46 помѣщичьихъ имѣніяхъ, заключавшихъ до 20,000 душъ. При усмиреніи и задержаніи воинской командой бѣжавшіе отняли ружья у солдатъ и перевязали бывшихъ при этомъ полицейскихъ чиновниковъ, но въ концѣ концовъ, разумѣется, были усмирены и наказаны. Затѣмъ въ 1849 г. во всей имперіи, кромѣ Сибири и Кавказа, было поймано 24,967 чел. бродягъ, большая часть которыхъ была изъ западныхъ и южныхъ губерній: изъ виленской, напр., 1049, изъ волынской 1190, кievской—1858, херсонской и г. Одессы—2348 и т. д. Такое же точно положеніе дѣлъ являлось и въ началѣ пятидесятихъ годовъ, и еще въ 1854 г. вызвало опять новыя исключительныя мѣры въ херсонской губ. и бессарабской области. На этотъ разъ мѣры эти отличаются особенной энергіей и по отношенію не къ однимъ только бродягамъ: было предписано, чтобы *все* безпаспортныя были представлены въ полицейскія учрежденія къ извѣстному сроку „съ предвареніемъ, что виновные въ неисполненіи сего будутъ преданы военному суду“. Бродягъ, не помнящихъ родства и изъявившихъ желаніе поступить въ военную службу, предписано было отдавать въ рекруты безъ судебного опредѣленія, на основаніи особыхъ повелѣній. Въ

конць этого года и въ слѣдующемъ 1855 г. въ юго-западномъ краѣ произошли опять довольно большія крестьянскія волненія, повodomъ, къ которымъ было непониманіе крестьянами точнаго смысла воззванія Св. Синода по случаю образованія государственнаго ополченія и явившіеся вслѣдствіе того ложные толки о томъ, что поступившіе на время въ службу крестьяне получаютъ вольность вмѣстѣ съ своими семействами. Волненія эти произошли главнымъ образомъ въ кіевской губ., гдѣ въ „памяти народной, по выраженію отчета, живетъ еще козачество“. Въ воронежской губ. по поводу подобныхъ же волненій было объявлено, что „всѣ тѣ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые самовольно отлучатся изъ своихъ селеній для изъявленія желанія поступить въ военную службу или явятся съ несправедливыми жалобами на обремененіе ихъ будто бы тяжкими работами со стороны помѣщиковъ, будутъ тотчасъ преданы военному суду и наказаны по всей строгости законовъ, въ особенности зачинщики беспорядковъ“. Крымская война, а затѣмъ наступленіе новаго царствованія съ послѣдовавшимъ вскорѣ затѣмъ освобожденіемъ крестьянъ прекратили до извѣстной степени крестьянскія волненія, а слѣдовательно и побѣги, по крайней мѣрѣ, въ Бессарабію и на устья Дуная, откуда послѣ указанныхъ событій, а особенно послѣ освобожденія крестьянъ началась обратная эмиграція въ обширныхъ размѣрахъ, извѣстная въ Добруджѣ подъ именемъ „великой выходной“. Это обратное движеніе въ Россію длилось, впрочемъ, не особенно долго и хотя ему до извѣстной степени много способствовало водвореніе въ Добруджѣ крымскихъ татаръ и черкесовъ съ Кавказа, но тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько лѣтъ уже оно смѣняется опять эмиграціей изъ Россіи, усиливающейся постепенно до настоящаго времени.

Такимъ образомъ мы имѣемъ теперь довольно яркую, составленную на основаніи официальныхъ источниковъ, картину того положенія дѣлъ въ Украинѣ и Новороссіи, которое доставляло кадры для колонизаціи Бессарабіи и Добруджи въ теченіи всей первой половины нынѣшняго столѣтія. Обращаясь затѣмъ спеціально къ Новороссіи и Бессарабіи и припоминая сказанное уже по этому поводу, мы видимъ, что до 1828—30 гг. положе-

ніе бѣглецовъ въ этихъ мѣстностяхъ было еще довольно удобнымъ, особенно въ виду существованія за Дунаемъ запорожской Сѣчи и украинскихъ земледѣльческихъ колоній при ней. Съ указываемаго же нами времени обстоятельства по отношенію къ бѣглымъ значительно мѣняются. Льготы, дарованныя бѣглецамъ послѣ сдачи Гладкаго и необходимыя для организаціи азовскаго козачьяго войска, а также усть-дунайскихъ козачьихъ войсковыхъ поселеній, были довольно скоро ограничены. Вообще военные порядки и режимъ того времени, отъ которыхъ жившіе въ Турціи эмигранты успѣли было уже отвыкнуть, не могли особенно правиться возвратившимся переселенцамъ. „Тогда какъ они вышли съ Гладкимъ, рассказывалъ старикъ *Марко Чмеленко*—или по просту *Марко Глухий*,—много народа въ Россію ушло, да только опять назадъ возвратилось. Пошли, да солдатчиной какъ запахло, такъ они и вернулись... Гдѣ ужъ тамъ... известное дѣло въ тѣ времена... бывало—и шапки не станеть, передъ всѣми сбрасывая, все снимай да снимай!... А у турка—вѣтъ, не то... Вотъ, право, хоть перекреститься,—въ конакъ (присутственные мѣста) придешь, вездѣ, все въ шапкѣ—не надо было сбрасывать“!... Между тѣмъ уже въ 1832 г. значительная часть украинскихъ колоній въ Бессарабіи была присоединена къ военному вѣдомству и превращена въ военныя поселенія съ переименованіемъ въ станицы. Съ принятіемъ этихъ мѣръ легализація прежнихъ переселенцевъ начала прекращаться, преслѣдованія же новыхъ, бѣжавшихъ въ это время изъ Россіи начали дѣлаться все болѣе и болѣе строгими. Въ особенности же преслѣдованія эти усилились и приняли систематическій характеръ съ вступленіемъ въ должность бессарабскаго гражд. губернатора генерал-майора Оедорова въ 1834 г., съ распространеніемъ его власти въ 1836 г. на измаильское градоначальство и съ назначеніемъ въ томъ же году начальникомъ новороссійскаго козачьяго войска полковника Василевскаго. Для характеристики дѣятельности этихъ двухъ лицъ, память о которыхъ, какъ увидить читатель далѣе, жива еще и до сихъ поръ за Дунаемъ, достаточно будетъ сказать, что съ 1837 по 1843 годъ было поймано и выслано изъ Бессарабіи 35,000 бродягъ, всего же, какъ видно

изъ собственноручныхъ замѣтокъ Оедорова, во все время его управленія областью было выслано изъ Бессарабіи безпаспортныхъ бродягъ болѣе 48,000. „А сколько укрылось!“—прибавляетъ къ этой цифрѣ г. Защукъ, авторъ „Описанія Бессарабской области“, изъ котораго мы беремъ эти цифры. Затѣмъ съ 1847 по 1851 годъ поймано и отправлено по принадлежности бродягъ 17,655 чел. и дезертировъ 1,107, всего—19,562. Кромѣ того въ Измаилѣ открыто бродягъ, которымъ предоставлено право оставаться на мѣстѣ, 15,400 чел.¹⁾ Но „число преступниковъ и арестантовъ, преданныхъ въ руки правосудія, говоритъ г. Защукъ, не можетъ служить средствомъ достаточнымъ для узнанія преступленій истинно совершенныхъ, подобно тому, какъ и число рыбъ, пойманныхъ неводомъ, не означаетъ числа рыбъ, плавающихъ въ рѣкѣ“. Замѣчаніе это, по крайней мѣрѣ относительно бѣглыхъ, оказывается вполне вѣрнымъ, такъ какъ, несмотря на все указанное нами громадное количество пойманныхъ бродягъ, число ихъ все таки не переставало постоянно увеличиваться. „По статистическимъ выводамъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ,—въ Бессарабію прибываетъ (чисано въ концѣ пятидесятихъ годовъ) болѣе 20,000 безпаспортныхъ въ годъ... Въ посадахъ г. Аккермана довольно долгое время по цѣлымъ годамъ не числилось вовсе умершихъ, такъ какъ всѣ умиравшіе оффиціально продолжали существовать въ видѣ разныхъ бродягъ, принимавшихъ ихъ имена. Ни поимки въ огромномъ количествѣ, ни упомянутыя уже выше наказанія (а мы вѣдь говорили только о наказаніяхъ, налагававшихся правительственною властью, кромѣ которой была вѣдь еще и власть помѣщичья, лично въ большей степени заинтересованная), ни угрозы даже военнымъ судомъ,—ничто не могло остановить движенія, которое было вызываемо постояннымъ давленіемъ крѣпостнаго права. „Южная Бессарабія, говоритъ г. Защукъ,—все таки продолжала служить притономъ бѣглыхъ крѣпостныхъ изъ Малороссіи, западныхъ и внутреннихъ (раскольники) губерній Россіи. Достигну благополучно южной Бессарабіи, бѣглець могъ сво-

¹⁾ Защукъ. Бессарабская область. I. 159, 157.

бодно вздохнуть, заняться ремесломъ по своему усмотрѣнію, а прежде всего приписаться въ мѣщане на мѣсто какого нибудь умершаго. Общества же, состоявшія сами изъ людей, бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго состоянія, рѣдко отказывали кому нибудь въ этомъ одолженіи“. Но тѣмъ не менѣе положеніе бѣглецовъ въ Бессарабіи было все таки тяжело. Далекое не всѣ изъ нихъ находили такой радушный пріемъ и пріютъ, о какомъ говоритъ г. Зацукъ,—и для насъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе объективный и непосредственный источникъ представляютъ уже упомянутыя нами „Зап. южно-русскаго крестьянина“. Какъ видно изъ этого замѣчательнаго разсказа и изъ нѣкоторыхъ записанныхъ въ Добруджѣ воспоминаній, съ которыми читатель познакомится ниже, бѣглецы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не находили себѣ пристанища до тѣхъ поръ, пока не попадали къ какому нибудь жадному хозяину или помѣщику, жившему въ ладахъ съ полиціей, или умѣвшему ловко отъ нея прятаться, и желавшему воспользоваться даровымъ трудомъ бродяги, боявшагося поимки и готоваго переносить какую угодно эксплуатацію. Одни изъ бѣглецовъ жили просто у хозяевъ въ качествѣ бесплатныхъ рабочихъ за одинъ только пріютъ и кой какую пищу, другихъ помѣщики приписывали въ число своихъ крѣпостныхъ, очень часто даже помимо воли и безъ вѣдома самихъ приписываемыхъ, третьи скитались изъ одного мѣста въ другое, пока или не попадали въ руки полиціи, или не успѣвали какъ нибудь заработать денегъ на приписку, которая тоже не дешево обходилась. Счастливейшими изъ всѣхъ ихъ, конечно, были тѣ, кому удавалось, несмотря на всѣ опасности, перебраться черезъ Дунай и уйти въ гостепримную Турцію. Вотъ изъ этихъ то послѣднихъ и образовались тѣ украинскія поселенія за Дунаемъ, въ которыхъ намъ пришлось побывать и съ которыми мы желаемъ познакомить читателей въ настоящей статьѣ.

Первымъ сигналомъ къ болѣе или менѣе сильному движенію бѣглецовъ изъ Бессарабіи за Дунай, въ Добруджу было то разочарованіе, которое пришлось испытать людямъ, воспользовавшимся амнистіей, обѣщанной записывавшимся въ азовскіе ко-

заки. Примѣръ такого разочарованія и бѣгства вслѣдствіе этого за Дунай мы видѣли въ приведенныхъ уже нами разсказахъ Корнія Билого и Марка Чмеленка. Затѣмъ не меньшее разочарованіе досталось и на долю тѣхъ, которые оставались въ Бессарабіи въ качествѣ легализированныхъ уже поселенцевъ. Не говоря уже о припискѣ цѣлыхъ селеній въ составъ козачьихъ станицъ и введеніе военныхъ порядковъ, въ каждой почти такой поселенной семьѣ прибавлялись годъ отъ году новыя члены, убѣгавшіе къ своимъ родственникамъ и, понятно, незначившіеся уже въ записяхъ начальства и дѣлавшіеся такимъ образомъ своего рода дамкловымъ мечемъ, грозившимъ погибелью цѣлой семьѣ. Наконецъ, обыкновенныя притѣсненія исправниковъ, „угнетеніе, корыстолюбіе и несправедливость которыхъ“— говоритъ г. Запукъ со словъ г. Сомова (правителя канцеляріи бессарабскаго губернатора, составившаго особую записку о положеніи Бессарабіи) „доводили крестьянъ до того, что совершались частыя побѣги казенныхъ поселянъ въ Турцію“, прибавляя въ заключеніе: „значить, что хорошо было имъ жить въ Бессарабской области“. Постоянно откупаться или прятаться отъ полиціи становилось въ концѣ концовъ невозможнымъ, а между тѣмъ „переборки“, т. е. провѣрки населенія по спискамъ и паспортамъ дѣлались все чаще и строже. Первою изъ такихъ провѣрокъ, давшою огромный сравнительно контингентъ переселенцевъ, была знаменитая „переборка“, устроенная полковникомъ Василевскимъ въ 1836 году, т. е. тотчасъ же по вступленіи его въ должность. Официальныхъ и литературныхъ свѣдѣній объ этой „переборкѣ“ мы не встрѣтили ни въ одномъ изъ пересмотрѣнныхъ нами источниковъ, но объ ней, равно какъ и объ имени устроившаго ее администратора, упоминалось уже въ разсказѣ Корнія Билого. Вотъ что еще разсказываетъ объ этой „переборкѣ“ катырлезскій старикъ Игнатъ, ушедшій въ свое время изъ васильковскаго уѣзда кiev. губ. „одъ пана“ и переселившійся въ 1836 г. за Дунай: „ну, ужъ и переборка была при Василевскомъ... всѣхъ, всѣхъ перебирали... спрашивали, кто отъ какого пана ушелъ? Тѣмъ, кто еще „до розмиру“ (т. е. до войны 1828 г.) былъ, такъ тѣмъ

большіе ярлыки давали—живи себѣ, значить... а тѣмъ, которые недавно ушли—коротенькіе... Когда потомъ вдругъ слухъ,—что въ острогъ берутъ... Спрашиваемъ, гдѣ Грицько, а Грицько уже въ острогѣ... говорятъ, что назадъ къ пану отошлютъ... глядимъ—и тотъ уже въ острогѣ, и тотъ... Вотъ те и на!... Эге, говоримъ, такъ если же такъ, такъ матери жъ его чортъ!... Давай скорѣй лодокъ искать, да сюда!... Много тогда народу сюда ушло, развѣ, можетъ быть, какого сотаго поймали... а то всѣ люди ушли"... Другой рассказъ объ этомъ событіи, записанный со словъ тоже очевидца и участника въ бѣгствѣ, упомянутого уже разъ 76-лѣтняго старика Марка Чмеленка, даетъ намъ между прочимъ понятіе и о тѣхъ неопредѣленныхъ слухахъ на счетъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщиковъ по царскому указу, приурочиваемому къ тому или другому случаю, которые въ значительной степени содѣйствовали и даже служили стимуломъ къ побѣгамъ. Марко Чмеленко, или Марко Глухій изъ верхнедѣпровскаго у. екатериносл. губ., внукъ запорожца Якова Чмеля, ушелъ отъ пана еще молодымъ хлопцемъ, по причинамъ, о которыхъ онъ выразился очень неопредѣленно: „такъ пишовъ соби, що тамъ казать... багато говорить, да ничего слухать!“...— „Было насъ пятеро—рассказываетъ онъ дальше—мы и пошли. Былъ я молодъ еще тогда, нанимался въ матросы, по морю ходилъ, потомъ поселились мы въ Килиѣ, я и женился. Когда въ 36 году настала генералъ Василевскій... онъ надъ мангинскими козаками¹⁾ за генерала былъ... ну, какъ начали тогда переборку, ревизію—значить, дѣлать, такъ очень много народу сюда поуходило за Дунай. Въ Бессарабиі тогда очень людей много было—все отъ пановъ уходили... все отъ пановъ... много ихъ было вездѣ и въ Килиѣ, и въ Рени, и въ Измаилѣ, вездѣ... Такъ вотъ, какъ начали переборку дѣлать,—кто панскій—сейчасъ брали и отсылали къ пану... Указъ, видите ли, не такой былъ: указъ былъ отъ Бѣлаго Царя, чтобы тѣхъ только брать, кто ушелъ изъ солдатъ, а панскихъ чтобъ не трогали, однако этотъ указъ

¹⁾ Мангинскими, или правильнѣе акманитскими козаками называли обыкновенно усть-дунайскіе козацкіе поляны, учрежденные въ 1807 г. и затѣмъ переиме-

отобрали отъ людей. Только въ одномъ Аккерманѣ указа не отдали—колію дали, а указъ у себя припрятали—такъ тамъ вотъ и не брали людей. Вотъ и меня тогда взяли... Писарь и говорилъ мнѣ: „уходи, говоритъ—вы люди молодые, жаль мнѣ васъ!“—Ну, да я не послушалъ. А потомъ таки опять ушелъ—да уже за Дунай—сюда вотъ. И жену и дѣтей забралъ—двое было. Сначала нанимался, за плугомъ ходилъ, а потомъ въ мельникахъ былъ, въ мирошникахъ, значить, по нашему—по простому... съ половины молоть, а потомъ съ третьей мѣрки, если на хозяйскихъ харчахъ. А тамъ—что то года два помолоть, да и бросилъ, рыбалить началъ... „китцами“ рыбу ловилъ, можетъ быть, лѣтъ двадцать, а вотъ теперь только, можетъ быть года три, какъ пересталъ—опять въ мельники“... Объ Аккерманѣ, не выдавшемъ царскаго указа, а потому оставшемся неприкосновеннымъ, въ этомъ разсказѣ упоминается не безъ извѣстнаго основанія. Читатель, вѣроятно, помнитъ указанный уже нами раньше фактъ приписки въ посадахъ г. Аккермана бѣглыхъ людей на мѣсто умершихъ. Это обстоятельство, само по себѣ, по видимому, достаточно ясное и понятное, дало тѣмъ не менѣ поводъ къ подтвержденію вѣры въ легенду, о которой разсказываетъ Марко. Наконецъ, мы приведемъ еще одинъ разсказъ о „переборкѣ“ 1836 г., записанный отъ тульчанской старухи Маріи Михайлихи, интересный въ томъ отношеніи, что въ немъ есть указанія на зависимость эмиграціи въ Добруджу не только отъ преслѣдованій, какимъ подвергались бѣглецы, но также и отъ извѣстныхъ экономическихъ условій, созданныхъ причисленіемъ переселенческихъ деревень къ военнымъ поселеніямъ, зачисленіемъ свободныхъ прежде земель въ Бессарабіи въ государственныя имущества и другими измѣненіями экономическаго быта населенія. „Отецъ мой Савва—разсказывала она намъ—былъ панскій, откуда то изъ подъ Кіева... ушелъ онъ еще молодымъ въ Бессарабію, лѣтъ 16—17 было, присталъ онъ гдѣ то въ сло-

нованіе въ поворооссійское козачье войско. Названіе это происходитъ отъ деревни *Акманитъ*, основанной запорожцами, вернувшимися въ подданство Россіи въ 1807 г.

бодѣ къ хозяину, годъ или два тамъ былъ—ему ничего не давали за эту работу, только кормили да отъ начальства прятали: было—прослышать только, что начальство ѣдетъ—сейчасъ его въ канаву или въ стогъ сѣна—сиди тамъ, пока становой проѣдетъ. А ни жалованья, ничего не давали. Вотъ видить онъ, что такъ плохо, нашель разъ на дорогѣ мѣшечекъ съ сухарями, взявъ его да и пошелъ дальше въ Бессарабію. Тамъ уже и жилъ и женился. Жили мы возлѣ Измаила въ Кугурицѣ, въ Матроскѣ жили, въ Броскѣ (Броска—слобода возлѣ Измаила). Ну, а какъ при Василевскомъ людей провѣряли—мнѣ тогда лѣтъ 7 было, можетъ быть, десять. Сначала еще хорошо было жить, а потомъ, какъ землю размежевали—бѣда настала. То было, вотъ какъ здѣсь когда то, гдѣ хочешь, тамъ и ори; а какъ размежевали землю—какую къ Измаилу, какую къ Матроскѣ, тогда ужъ пришлось и аренду платить. Когда мы были въ Кугурицѣ—то уже аренду платили. Ну, и жить стало труднѣе (сужнѣе)—наѣдетъ, бывало, засѣдатель, сейчасъ ярлыки требуетъ. На всѣхъ—и на старыхъ, и на дѣтей—на всѣхъ ярлыки были, а если на кого нѣтъ ярлыка, говорятъ „бродяга“, въ острогъ, закупаютъ въ кандалы, и отправляютъ куда то въ Россію. А у насъ какъ разъ въ то время мужа моего братъ былъ—ужъ прятались мы, бывало, съ нимъ, дрожимъ, бывало, всѣ трясемся, пока не проѣдетъ засѣдатель. Подати большія пошли, недоимки, за все плати да плати... такъ вотъ и говоритъ мой мужъ разъ: „нужно, говорить, въ Туречину уходить, за Дунай!... Ну, и ушли!“...

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ все сводилось къ тому, чтобы „втывать за Дунай“. Ни личная безопасность, ни экономическое положеніе не могли считаться обеспеченными для переселенцевъ въ Бессарабію, а въ перспективѣ кромѣ наказаній могла предстоять и невольная солдатчина, о которой поется въ одной изъ украин. рекрутскихъ пѣсенъ:

Бодай же ти мене, мати, въ купели зальяла,
Якъ ти мене молодого въ вѣско згодувала!

или въ другой пѣснѣ, относящейся къ концу прошлаго столѣтія.

Втикай, сыну, въ Волощину—
 Не можна тутъ буты:
 Пописали комисари
 Всихъ насъ у некруты.

—

Пописали, пописали,
 Палети роздали,
 Та щобъ нашихъ некрутиківъ
 Въ середу забрали.

—

Въ середу забрали,
 Въ четверъ повъязали,
 А въ п'ятницю дуже рано
 Въ Каменець оддали.

—

Ой Каменець, славный городъ—
 Покопави шанци,
 Ой тамъ лежать поховани
 Наши новобранци.

—

Ой пане нашъ, пане князю,
 Ой маешъ ти грошы—
 Чомъ не идешъ до царици,
 Да ии не просишь?!

—

Лучче бь тобі, мати,
 Малимъ поховати,
 Нижъ у тыи нещастныи
 Некрути оддати.

— Шкода хлопци, шкода хлопци,
 Да за васъ просити—
 Пописали дрибни листы,
 Щобъ васъ привозити.

—

Ой пане нашъ, пане князю,
 Ой маешъ ты волю:
 Не давай насъ, биднихъ сиротъ,
 Въ такую неволю.

—

Которыи богатии
 Себе викупають:
 Наймитами, сиротами
 Повки наповняють.

—

Ой у лиси край розмаю
 Зацвили оришки—
 Туди гнали некрутиківъ
 До Хотина п'яшки.

—

Летить орелъ черезъ море—
 Ой дай море пити
 Ой такъ тяжко некрутикамъ
 Въ тимъ війську служити.

Если же не солдатчина, то пойманному бѣглецу угрожало еще худшее—возвращеніе къ прежнему помѣщику или приписка къ

новому,—во всякомъ случаѣ „панщина“, въ виду которой даже въ любовной пѣснѣ „дивчина“ говоритъ:

Ой оддайте мене за волошина,	Бо дивчина молода—не поганая.
Бо дивчина молода ще й хорошая.	Ой оддайте мене да за турчина,
Ой оддайте мене за татарина,	Щобъ меня панщина ведокучила (Ibid).

И бессарабскіе переселенцы уходили въ Волощину, до турчина—за Дунай. Но не такъ то легко было и уходить. По всей границѣ, шедшей тогда отъ Прута, мимо Рени, по лѣвому берегу Дуная и затѣмъ Георгіевскаго гирла, до самаго моря, были разставлены козачьи пикеты отъ дунайскихъ козачьихъ полковъ, специально командировавшихся въ 1835—36 г.г. по очереди на дунайскіе острова „для очищенія ихъ отъ укрывавшихся тамъ разнаго сброда людей“ и „для преслѣдованія и поимки бродягъ“ (Защукъ I. 36). Какъ ни была близка по своему происхожденію и традиціямъ эта кордонная стража къ преслѣдуемымъ ею бродягамъ, однако она отправляла свою службу съ достаточнымъ усердіемъ, примѣръ котораго мы можемъ видѣть хоть бы изъ того, что даже въ 1857 г., въ теченіи только 8 мѣсяцевъ три сотни козаковъ представили 1753 чел. пойманныхъ ими бродягъ. Надзоръ за границей былъ въ высшей степени строгимъ и наказанія за самовольный переходъ границы были тяжелы въ особенности по отношенію къ перевозчикамъ и прочимъ лицамъ, такъ или иначе способствовавшимъ побѣгамъ. Тѣмъ не менѣе перевозчики всегда находились и изъ-за корыстныхъ ли расчетовъ, изъ сочувствія ли къ бѣглецамъ, или, наконецъ, просто изъ своего рода молодечества, переправляли бѣглыхъ, несмотря на самыя страшныя преслѣдованія. „Тутъ кордонъ былъ—разсказывала намъ далѣе та же Марья Михайлиха—какъ разъ до етого Дуная, противъ самой Тульчи... страхъ какъ смотрѣли, чтобы люди не переѣзжали. Перевозчики были съ этой стороны—рыбалки больше—они вотъ и перевозили... А на той сторонѣ ужъ у нихъ свои люди были—одни другимъ знаки давали: огонь, бывало, рубить, что ли—вотъ они подѣдутъ, людей заберутъ на лодки да и повезутъ... только и страшно же было!“... По рассказамъ тульчанскаго старожилы-молокана Ив. Ив. Ѳедорова, въ сороковыхъ годахъ между такими перевозчиками особенно

славился нѣкій *Юда Васильичъ*—бѣглый донской урядникъ, жившій въ Тульчѣ и занимавшійся этого рода контрабанднымъ промысломъ, какъ кажется, больше изъ расчета. Онъ имѣлъ на русской сторонѣ Дуная своихъ людей, которые обыкновенно и подготавливали переправу: сговорившись съ желавшими бѣжать, они прятали ихъ въ камышахъ, затѣмъ высматривали время, когда можно было болѣе или менѣе безопасно подѣхать, и давали Юдѣ Васильичу условный сигналъ. „Выйдетъ на берегъ Дуная въ извѣстное мѣсто, прикроется чуйкой и вырубить огнивомъ искры столько разъ, сколько условлено“-- съ другой же стороны должны были отвѣчать, напр., соотвѣтственнымъ количествомъ ударовъ палкой о камень, или вообще обо что ниб. твердое. Сигналы эти приходилось довольно часто мѣнять, такъ какъ сторожевые козаки замѣчали или другимъ образомъ узнавали объ этихъ хитростяхъ, и искусно подражая имъ, заманивали иногда перевозчиковъ на свой берегъ и тамъ ловили ихъ. Юда Васильичъ бралъ съ перевозимыхъ иногда рублей по 25 и больше, если оказывалось возможнымъ. Лѣтомъ перевозка совершалась чаще всего черезъ пунктъ, лежащій немного къ сѣверу отъ Тульчи, пониже такъ наз. Верхнихъ Чаталъ, т. е. перваго развѣтвленія Дуная на гирла; зимою же бѣглыхъ перевозили по льду прямо черезъ Дунай, противъ самой Тульчи. Другой перевозчикъ *Романъ*, изъ бѣглыхъ старообрядцевъ, также пользовался въ свое время большою извѣстностью въ качествѣ чрезвычайно смѣлаго и рѣшительнаго человѣка, предпримчивость котораго доходила иногда до безумнаго бравурства. Такъ, онъ однажды со своими людьми, высадившись на русской берегъ, поймалъ кордоннаго козака, отнял у него оружіе, втащилъ бѣднягу въ лодку и высадивъ обратно какъ разъ противъ сторожеваго поста. Во время своихъ контрабандистскихъ походовъ онъ отличался рѣшительностью, переходившей часто границы всякой гуманности, хотя, можетъ быть, и оправдываемой отчасти обстоятельствами, при которыхъ приходилось дѣйствовать; не имѣя при томъ времени для размышленій. Рассказываютъ, что однажды въ опасный моментъ, когда грудныя дѣти своимъ крикомъ могли выдать нѣсколько переправлявшихся въ лодкѣ семействъ, онъ бро-

силъ двухъ младенцевъ въ Дунай. Окончить свою карьеру ему пришлось самымъ печальнымъ образомъ. Во время одной изъ своихъ экскурсій онъ былъ пойманъ, наконецъ, козаками, проведенъ нѣсколько разъ сквозь строй въ Измаилъ и затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда уже не вернулся, несмотря на обѣщаніе, данное кому то видѣвшему его на арестантскихъ работахъ въ Одессѣ. Вообще русскія власти, рассчитывавшіе прекратить бѣгство изъ Бессарабіи карательными мѣрами, поступали съ пойманными перевозчиками очень строго „и чего уже это начальство съ этими перевозчиками не дѣлало — рассказывала намъ Михайлиха — и разстрѣливали ихъ, и сквозь строй гоняли,—а все перевозили... съ имуществомъ, совсѣмъ“..... Насколько опасна была и какими обстоятельствами сопровождалась очень часто, такая перевозка, — мы можемъ судить изъ дальнѣйшаго рассказа той же Михайлихи о томъ, какъ была перевезена ея семья: „Насъ, когда перевозили—говорила она — такъ мы перенесли сначала все потихоньку, по ночамъ, въ плавни (плавучіе камыши), а потомъ, когда все было готово, ночью подъѣхали лодки, положили въ лодки все и сами мы сѣли... проплывемъ немного (а имъ пришлось плыть отъ самаго Измаила), а потомъ мужчины вылѣзаютъ въ воду и тащатъ лодку по мелководью на себѣ, перетасать до глубокой воды, а потомъ опять ѣдемъ... а услышать, что козакъ идетъ по берегу—сейчасъ мы и притаимся всѣ, чтобъ не услышалъ какъ нибудь... такъ тихо нужно было ѣхать, чтобъ и камышемъ не зашелестѣтъ... Дѣти съ нами были — такъ одного ребенка чуть въ Дунай не бросили: кричить, да кричить... Что же, говорятъ, за одного маленькаго да всѣмъ пропадать — пусть уже лучше оно одно... такъ старикъ одинъ былъ, взялъ онъ то дитя, въ одѣяло завернулъ совсѣмъ, да сверху еще тулупомъ прикрылъ, чтобъ не слышать было крика... А ужъ какъ выѣхали на чистый Дунай, тогда раскрыли это дитя, а оно уже и не дышетъ... полили водою, ожило понемногу, въ себя пришло... Котелокъ батько далъ тѣмъ перевозчикамъ, да муки мѣшокъ, да еще деньгами что то... не знаю! А какъ пріѣхали въ Тульчу — сейчасъ всѣхъ насъ въ конакъ отвели, переписали

сколько большихъ, сколько малыхъ,—всѣхъ, и пустили... Турокъ хорошо принималъ, спасибо ему!“...

Дѣйствительно, судя по всѣмъ разсказамъ, турки принимали бѣглецовъ довольно охотно и оказывали имъ почти всегда не только нѣкоторую помощь на первыхъ порахъ, но въ случаѣ надобности, и покровительство противъ преслѣдованій, если съ русской стороны требовали выдачи бѣжавшихъ. Въ одномъ изъ разсказовъ Игвата изъ Василькова мы имѣемъ случай такого преслѣдованія, возбужденнаго русскими властями относительно нѣсколькихъ военныхъ дезертировъ. „Теперь уже не такъ.— разсказываетъ онъ—а прежде много уходило. Вотъ здѣсь, какъ разъ противъ Тульчи, сторожка стояла... москали по всему берегу были, а все было чуть ли не каждый день уходятъ. Разъ, помню, смотримъ, ходятъ по базару москали въ солдатскихъ шинеляхъ въ чемъ были, въ томъ и пришли... Ну, увидѣли ихъ турки, привели въ конакъ...—Что жъ, говорятъ, такъ и такъ—ушли! Разсказываютъ, какая имъ тамъ бѣда въ Россіи была: „и ѣсть не даютъ, и бьютъ“... Турокъ выслушалъ: Э, гайда,—говорить—живите себѣ, только чтобъ шкоды не было!“ Офицеръ изъ Измаила пріѣзжалъ тѣхъ солдатъ требовать—такъ гдѣ тамъ!.. не дали!.. Турокъ говоритъ: „не знаю... можетъ быть и есть гдѣ нибудь... а я не знаю! ищите, говорить, если хотите... а только нѣтъ здѣсь никого вашего!“... Понятно, что такое отношеніе турокъ къ бѣглецамъ не могло съ своей стороны не содѣйствовать безирестаннымъ побѣгамъ черезъ границу. Еще болѣе содѣйствовало этому то, что турецкое правительство поступало такимъ образомъ не только вслѣдствіе личнаго добродупія своихъ представителей въ Добруджѣ (о которомъ свидѣлствуютъ рѣшительно всѣ), но и изъ политическаго разсчета, заключавшагося въ желаніи возможно скорѣе заселить эту почти совершенно еще пустынную въ то время страну. Прямое указаніе на это мы увидимъ далѣе въ словахъ одного изъ турецкихъ начальниковъ, по поводу постройки украинскими переселенцами своей церкви, изъ которыхъ видно, что турки, отличавшіеся часто, вопреки общепринятому о нихъ мнѣнію, пол-

нѣйшею вѣротерпимостью, охотно дѣлали даже значительныя съ ихъ точки зрѣнія уступки въ виду успѣха колонизаціи.

Изъ только что приведенныхъ разсказовъ видно между прочимъ, что въ эпоху позднѣйшихъ и вполне уже земледѣльческихъ переселеній въ Добруджу главнымъ пунктомъ, куда направлялись новопривышіе бѣглецы, была уже Тульча. Пренные переселенцы, отправлявшіеся въ Туреччину до 30-хъ годовъ, т. е. еще во время существованія за Дунаемъ Сѣчи, стремились понятно къ Дунавцу, какъ къ центру политическому и экономическому, подъ защитой котораго могли селиться не только люди, поступавшіе въ „товариство“ и занимавшіеся рыболовствомъ, а и земледѣльцы, получавшіе возможность пользоваться сѣчевыми землями. Съ уничтоженіемъ Сѣчи Дунавецъ потерялъ, разумѣется, всякое значеніе въ этомъ смыслѣ, бывшія же прежде запорожскими земли по своимъ размѣрамъ не могли уже удовлетворять довольно многочисленную эмиграцію. Вслѣдствіе этого оставшееся послѣ уничтоженія Сѣчи земледѣльческое украинское населеніе Добруджи, а равно и первые переселенцы послѣ войны 1828 г. начали группироваться сначала возлѣ Муругиля, а затѣмъ мало по малу отодвигаться вдоль Георіевскаго гирла къ западу, осаживаясь главнымъ образомъ въ существовавшихъ и прежде козацкихъ поселкахъ—Махмудіэ, Пирлицѣ, Приславѣ и, наконецъ, въ Тульчѣ. Мѣстности же по южному Бешъ-тепé и вокругъ лимана Разина были заняты моканами и болгарами, отчасти липованами, которые послѣ исчезновенія Сѣчи почувствовали себя опять на свободѣ и начали подвигаться къ мѣстамъ своего прежняго жительства. Такимъ образомъ позднѣйшимъ переселенцамъ изъ Украины приходилось направляться по преимуществу къ Тульчѣ, которая, какъ административный центръ и ближайшая къ Бессарабіи заграничная пристань на Дунаѣ, скоро сдѣлалась главнымъ пунктомъ украинской эмиграціи и не потеряла этого значенія даже и до настоящаго времени. Какъ увидимъ далѣе, Тульча и теперь представляетъ собою самую многочисленную и центральную колонию украинцевъ во всей странѣ. Основаніе Тульчи относится къ концу прошлаго столѣтія; кѣмъ она была основана—это, какъ кажется, съ точностью неизвѣстно:

одни думаютъ, что основателями ея были турки, другіе— что болгары, нѣкоторые думаютъ, что она была основана запорожцами и получила свое названіе отъ украинскаго глагола *тумитись*, т. е. прижиматься, находить себѣ убѣжище, пріютъ; румыны же претендуютъ, съ своей стороны, на эту честь и производятъ названіе этого города отъ лат. *dulcis*. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія или въ началѣ нынѣшняго Тульча представляла собой небольшой городокъ съ крѣпостью, находившійся къ с.-з. отъ нынѣшняго своего положенія, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь карантинъ для скота и гдѣ сохранились еще остатки прежней крѣпости, съ находящимся вблизи нихъ полуразрушившимся памятникомъ надъ русскими солдатами, убитыми, кажется, въ 1828 г. при осадѣ и взятіи города. Затѣмъ, если не ошибаемся, послѣ турецкой войны 1828 г. Тульча была уже перенесена на нынѣшнее свое мѣсто и одними изъ первыхъ ея поселенцевъ на новомъ мѣстѣ оказываются уже украинскіе эмигранты, вырубившіе и выкорчевавшіе вѣковые лѣса, покрывавшіе холмы, окружающіе городъ. Однако количество украинскаго населенія было все таки сначала не особенно велико. Одинъ изъ тульчанскихъ старожиловъ, прибывшій въ Тульчу въ началѣ 30-хъ годовъ, рассказываетъ, что въ это время онъ засталъ въ городѣ не больше 6—7 малорусскихъ семействъ и 2—3 великорусскихъ— православныхъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ. Но затѣмъ эмиграція пошла очень быстро, и Тульча не только населилась сама въ нѣсколько лѣтъ украинцами, или, какъ зовутъ ихъ въ Добруджѣ, *руснаками*, но и стала пунктомъ, откуда они расселялись по прочимъ мѣстамъ страны. Для исторіи этихъ первыхъ поселеній мы имѣемъ довольно характерный рассказъ бывшаго катырлезскаго шинкаря Сидора, указывающій между прочимъ на образъ жизни и занятія первыхъ переселенцевъ, которые не могли сразу приступить къ земледѣлію, а должны были сначала заняться расчисткой почвы подъ поля. „Ушелъ я отъ пана— рассказываетъ Сидоръ— 17 лѣтъ... ходилъ съ чумаками, такъ до рогу уже зналъ. Пришли мы къ Дунаю, а тутъ въ Вилковѣ были ужъ такіе, что перевозили... Здѣсь же въ Тульчѣ человекъ у

меня знакомый былъ—я къ нему и пришелъ... здѣсь вотъ онъ жилъ... а тамъ вотъ, гдѣ церковь теперь—все лѣса были. Они въ Телицѣ корчевали лѣсъ, а дерево обстругивали и „бентомъ“ (т. е. по канализированной горной рѣченкѣ) сплавливали въ Исакчу. Вотъ взялъ этотъ человѣкъ и меня лѣсъ корчевать съ собою, далъ какую то желѣзную штуку да и говоритъ: „вотъ такъ работай и такъ!“ Взаяся я... онъ мнѣ по два лева (40 сант.) въ день платилъ. Поработалъ я такъ нѣсколько дней, а потомъ и бросилъ. Онъ спрашиваетъ, почему? а я и говорю: я никого не убилъ, не зарѣзалъ въ Россіи—такъ и не хочу... Если бъ я, говорю, человѣка убилъ, что ли, ну, работалъ бы такъ, да грѣхъ свой искупилъ (спокутувавъ), а такъ зачѣмъ же?“ Ну, и бросилъ. Пошелъ въ Тростяникъ, да началъ самъ лѣсъ рубить и въ брусля обтесывать... Они тамъ себѣ все ровненькое дерево выбираютъ, да тоненькое, а я всякое, сплошь рубилъ... хоть и кривое—по шнуру обтешешь, такъ и ровное будетъ. Такъ вотъ, надѣлалъ я брусевъ, отвезъ въ Исакчу, продалъ; а у меня еще рублей триста денегъ было—изъ Россіи принесъ... Такъ вотъ я такъ и началъ себѣ помаленьку“... Такъ происходила расчистка полей около Тульчи, въ Телицѣ, и до сихъ поръ еще лежащей среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ; затѣмъ въ другихъ мѣстахъ и между прочимъ еще въ началѣ 50 годовъ въ Чиликѣ, гдѣ вся эта трудная работа была произведена, какъ мы увидимъ далѣе, руками украинскихъ монахинь. Въмѣстѣ съ этимъ происходило и дальнѣйшее разселеніе украинскихъ эмигрантовъ по направленію на востокъ, явились поселенія въ Кишлѣ, Сомовой, Паркпшѣ, Исакчѣ, Телицѣ, Тростяникѣ, а затѣмъ въ Майданкѣ, Цифиркѣ, Таицѣ, Цыганкѣ, Дунджѣ, Чукровой, еще дальше возлѣ Мачина и до Сейменъ, гдѣ оставались еще поселенія со времени пребыванія тамъ запорожцевъ. Съ западной же стороны, возлѣ моря и на дельтѣ Дуная остались заселенными украинцами: Катырлезъ, Кара-Орманъ, отчасти Сулина, Старая Килия и поселки на о—въ Лети. Такимъ образомъ, украинскія поселенія растянулись, начиная отъ моря, по дельтѣ и по теченію Дуная вверхъ почти до самой Силистріи, не занимая, впрочемъ,

нигдѣ вполнѣ сплошнаго пространства и представляя собой только острова среди самаго разноплеменнаго населенія,

Все сказанное выше относится главнымъ образомъ къ переселенцамъ осѣдлымъ, семейнымъ и занимавшимся земледѣліемъ. Но, кромѣ того, Добруджа всегда была наполнена цѣлой массой безсемеинаго, бродячаго люда, пришедшаго изъ Украины и изъ другихъ мѣстъ, не принеся съ собой ничего, кромѣ подчасъ буйной головы да здоровыхъ рукъ, и искавшаго заработка то при чужихъ хозяйствахъ на земледѣльческой работѣ, то по рыболовнымъ заводамъ у своихъ же земляковъ или у грековъ и липованъ. Эта „сиромашня“ да доживавшіе вѣкъ остатки старыхъ запорожцевъ представляли собой крайне непостоянный бродячій элементъ украинской эмиграціи, никогда не имѣвшій постояннаго мѣста жительства и кочевавшій по рыбачьимъ поселкамъ, рыболовнымъ заводамъ и плавнямъ дунайской дельты. О жизни оставшихся послѣ 1828 г. запорожцевъ сообщено уже нѣсколько фактовъ въ статьѣ „Задунайская Сѣчь“. Они продолжали жить главнымъ образомъ рыболовствомъ или сидя (весьма немногіе) на своихъ собственныхъ ерикахъ и заводахъ, или ловили рыбу на чужихъ заводахъ съ полу-пая и занимались по прежнему охотой, тѣмъ болѣе, что всякаго рода звѣрей и дичи было тогда еще легендарное изобиліе. „Сиромашня“ же, ушедшая въ Добруджу, какъ поется въ народной цѣснѣ:

Видно стѣны полтавскія, видно горы задунайскія.

Ой давно я поглядаю на куріни сироманскія...

не имѣла не только своихъ куреней, но не могла вести и такого сравнительно самостоятельнаго образа жизни, какъ старые рыбаки и охотники, бывшіе запорожцы. Сиромашамъ приходилось, какъ мы сказали, наниматься или, въ лучшемъ случаѣ, работать съ пая на рыболовномъ заводѣ. Въ извѣстные сезоны въ Тульчу, гдѣ обыкновенно заключаются и теперь всѣ сдѣлки между хозяевами рыболовныхъ заводовъ и „матульняками“, т. е. неводными рабочими, такой „сиромашни“ собиралось столько, что она обращала на себя всеобщее вниманіе. „Было какъ поприходятъ сюда въ Тульчу—разсказываетъ объ нихъ Остапъ Данчукъ,—точно войско какое нибудь... Да и народъ же былъ добрый... войдутъ,

бывало, въ хату колядовать, такъ черезъ нихъ ничего и невидно—только потолокъ и видишь—такіе высокіе... Оттака парубота була “!...”

Такимъ образомъ расселялась и пристраивалась украинская эмиграція за Дунаемъ, втеченіе почти 30 лѣтъ, послѣ возвращенія запорожцевъ въ Россію. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ очерковъ читатель увидитъ, что жилось и живетъ нашимъ землякамъ въ Добруджѣ сравнительно очень и очень недурно, но стремленіе къ „воли“ все таки не пересиливало въ концѣ концовъ привязанности къ своей родной странѣ. И большіе размѣры личной свободы, и сравнительно хорошія экономическія условія жизни—все это не могло поборотъ въ украинскихъ бѣглецахъ тоски по родинѣ, не могло заглушить жгучаго чувства любви къ своей землѣ. Въ особенности, видимо, не совсѣмъ весело жилось въ свободной Туреччинѣ безсемейной „паруботѣ“, „сиромашнѣ“, не имѣвшей ничего кромѣ рукъ да „воли“. Семейные или сдѣлавшіеся семейными на чужбинѣ все таки имѣли хоть тотъ теплый уголокъ, который такъ дорогъ всякому, а особенно нашему украинцу,—у „сиромашъ“ же и этого не было:

Сыдыть, сыдыть спромаха,
Думае, гадае—
Самъ zostався на чужини,
Родыны не мае..
Нема роду, ни родыны,
Ни щастья, ни доли—

Самъ zostався на чужини,
Якъ былына въ поли.
Ой на тую былыночку
Стыха витерь віе—
Тожъ то тяжко безъ дружыны,
Ажъ серденько мліе... и т. д.

(Зал. отъ О. Данчука, въ Тульчѣ).

или какъ говорится въ другой цѣснѣ:

Ой безщасная та волокыта,
Та журба жъ мене зъпла:
Ой що найменша у степу пташка,
Та й та мене была..
А за що жъ вона мене была?
Що я сыротыпа. —
А за що жъ вона мене лае?
Що роду немає!...

Есть у мене родыночка,
Та далеко одъ мене,
Ой чую жъ я черезъ люде
Цурається мене.
Нехай соби пурається,
Якъ же соби знае,
Прыйде той часъ и годына,
Що й мене згадае.

Ой перебреду тую быструю ричку,	Очеретомъ перетычу
Половину ставу;	Доки жъ свою та родыночку
Ой я жъ тую быструю ричку	Та на цей бикъ переклычу.

(Зап. отъ Сидора Телиги, въ Тульчѣ).

И бѣдному сиромахѣ дѣйствительно удавалось „переключать свою родыночку“ на турецкую сторону Дуная, но гораздо чаще это не удавалось и приходилось одному „якъ билиночци въ поли“ тянуть свою „безопасную волокыту“ вдаль отъ родныхъ людей и родной земли, постоянно объ ней вспоминая и на нее оглядываясь:

Ой тамъ за Дунаемъ молодець гуляе,
 Молодець гуляе, на той бикъ гукае,
 На той бикъ гукае: „подай перевозу—
 Подай перевозу, я й перевезуся,
 На свою Украину хочъ разъ подывлюся....

Въ этомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отчасти искать объясненія того, что эта сиромашня была первымъ элементомъ, начавшимъ обратное передвиженіе изъ Туречины въ Россію, какъ только обстоятельства сдѣлали такое передвиженіе возможнымъ. Само собой разумѣется, что, кромѣ этого, отсутствіе какихъ бы то не было прочныхъ связей со страной, отсутствіе всякой собственности и семьи дѣлали это передвиженіе для нихъ гораздо болѣе легкимъ сравнительно съ людьми семейными, но все таки привязанность къ родинѣ должна была быть у нихъ сильнѣе и сильнѣе должна была чувствоваться оторванность отъ края, гдѣ оставалась семья и все дорогое для нихъ. Какъ только повѣяло болѣе свободнымъ воздухомъ въ Россіи, въ началѣ прошлаго царствованія, какъ только почувялась близость свободы для крестьянъ и, вслѣдствіе конвенціи съ турецкимъ правительствомъ послѣ крымской войны, было рѣшено переселеніе крымскихъ татаръ и черкесовъ въ Добруджу съ тѣмъ, что желающимъ возвратиться оттуда русскимъ будутъ отведены земли въ Крыму и на Кубани,—сейчасъ же встрепенулось все украинское населеніе Добруджи и началось то большое обратное движеніе въ Россію—„велика ви-

ходка,“ которое и до сихъ поръ еще составляетъ одну изъ главныхъ эръ въ задунайской Украинѣ. Первою, какъ мы сказали, бросилась въ отечество „сиромашня.“ Она рѣшилась на этотъ шагъ еще до крымской войны—„се ще передъ севастопольскимъ розмиромъ було...“ рассказываетъ Остапъ Данчукъ. Самой главной причиной этой быстрой рѣшимости было, вѣроятно, распоряженіе правительства о приѣмѣ въ солдаты всѣхъ бѣглыхъ и непомнящихъ родства, что, разумѣется, избавляло ихъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности за прошлое; но еще болѣе, вѣроятно, прибавили рѣшимости тѣ слухи, которые были распространены тогда въ крестьянствѣ о возможности вступленіемъ въ ополченіе избавиться отъ крѣпостной зависимости. Слухи эти, ходившіе особенно въ южной Россіи и вызвавшіе, какъ мы упоминали уже, крупные беспорядки, требовавшіе для подавленія ихъ военной силы, не могли не достигнуть Добруджи и не дать повода сиромашамъ начать „выходку.“ Кромѣ этого и ожидавшееся занятіе Добруджи русскими войсками тоже могло имѣть свое вліяніе на это движеніе. „Тысяча восемьсотъ душъ за одно лѣто вышло—продолжаетъ Данчукъ свой рассказъ,—а сколько они лодокъ загнали съ собой въ Катырлезѣ!... Извѣстное дѣло, на заводѣ были, такъ на хозяйскихъ лодкахъ и уѣхали, прямо въ Керчь. Воды съ вечера въ бочонки набрали, харчей приготовили... а на другой день проснулись хозяева, смотрятъ, а они уже плывутъ.—Куда вы, хлопцы, вернитесь!... А они только шапками махаютъ... такъ и уѣхали—и не слышно было потомъ про нихъ...“ Передвиженіе же семейныхъ, осѣдлыхъ людей послѣдовало уже только вслѣдъ за заключеніемъ мира, начиная съ 1857 г. и достигло своего апогея въ 1861—62 гг., вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Насколько было многочисленно это переселеніе—видно изъ того, что, благодаря ему, опустѣли цѣлыя села, какъ напр. Жежина, Цыганка, Таица и др.; въ которыхъ теперь осталось только по нѣсколько семействъ¹⁾. Населеніе же другихъ селъ значительно

¹⁾ ... Wurden Taiza und Zufirca chedem schöne russische Dörfer, durch übereilte Auswanderung ganz entvölkert und neuerlich von stark gemischten Elementen wieder eingenommen. (Pe:ers. p. 132).

уменьшилось. Но во всякомъ случаѣ, значительное большинство колонистовъ все таки предпочло оставаться на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что доходившія отъ вышедшихъ раньше извѣстія не всегда были благопріятны, а многіе изъ переселившихся вернулись даже обратно. „А вы жъ чомъ не пішли у ту выходку?“—спрашивали мы у старика Сидора изъ Катырлеза.—„Ге... чомъ...?!“ отвѣчалъ онъ: „то ото жъ и тоди було пытаються, чомъ ты у Россію не йдешъ?—то я й кажу: а хочте, кажу, отъ подивитьця: оттамъ иззаду напысано, чого я не йду—мени пань мій якъ давъ добре ризокъ, то й доси слидъ знать!... Ну, а теперъ, хочъ не бють,—та знаете, якъ то кажуть: хочъ не бье и не лае, та ничего и не дае... польска прыказка е така!“

Немного времени ушло отъ „великои выходнои“ и вызвавшихъ ее обстоятельствъ, а уже опять послышались старыя пѣсни и опять изъ Украины потянулись за Дунай старыя птицы. Но объ этой эмиграціи въ Добруджу мы будемъ говорить далѣе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕЛЬСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

З. А. ПЕТКЕВИЧА ¹⁾.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

- Отдай лыко! Зачѣмъ укралъ?
- То мое! не виддамъ!
- Твое? Ахъ ты... Развѣ это твой лѣсъ? Не знаешь развѣ, что панскій?
- Завжде такъ було!
- Зачѣмъ же ты крадешь, если знаешь, что „завжде такъ було?“
- Ни, не тее! Я жъ кажу, якъ той казавъ, що такъ и батьки наши робылы...
- Что? воровали?
- На лапти соби бралы.
- Ахъ, ты воръ этакій! Бога ты не боишься! Знаешь, чѣмъ это пахнетъ?
- А Богъ його святой знае...
- Отдай, говорятъ тебѣ! хуже будетъ... А топорь! куда дѣваль топорь?
- Не дамъ сокиры, не дамъ лыка! Рижте мене, бийте, панце!
- Такіе возгласы раздавались въ чащѣ молодаго липняка, поросшаго у подножія высокихъ грабовъ, ясеней и кленовъ.

¹⁾ Газета „Głos“ 1888 г., № 40—45.

Быль май. Теплый весенній дождикъ съ громомъ и молніею только что окропилъ лѣсъ. Ясное, голубое небо казалось еще чище и глубже обыкновеннаго, а бѣлыя, легкія облачка тихо плыли по вѣтру и таяли въ вышинѣ. Заходящее солнце разсѣвало по лѣсу влажные, золотистые лучи, отъ которыхъ блистала свѣжая зелень деревьевъ. Крупныя капли висѣли на каждомъ листѣ; деревья, казалось, становились выше, все росло въ глазахъ. Въ густой чащѣ наперерывъ другъ передъ другомъ заливались соловьи, иволги вторили имъ радостнымъ свистомъ, помахивая желтыми хвостиками, какъ бы подражая голосу кошки, которой придавили лапу. Какая-то птичка, укрывшись на самой вершинѣ дерева, твердила безъ умолку свое мѣрное „тихъ-тяхъ, тяхъ-тихъ.“ А въ лѣсу длился пока споръ между старшимъ лѣсничимъ Тенжулькевичемъ и крестьяниномъ Илькомъ Тетерою изъ Кобылева. Присутствіе лѣсничаго въ лѣсу было нежелательнымъ въ эту пору, а привлечь его сюда инстинктъ охотника: вальдшнепы водились во мпожествѣ въ урочищѣ „Княжемъ“ на обильныхъ кормомъ трясипахъ. Среди чернаго лѣса тихо клубился паръ надъ свѣже-выжженными полянами, густо усѣянными полумертвыми улитками. Вороны, собираясь на ночлегъ, хлопали въ воздухѣ своими упругими крыльями, утки перекликались въ камышахъ, а „очеретянки“ издавали рѣзкіе звуки. Туда то и направлялся Тунжулькевичъ съ объѣздкикомъ Артемомъ Стѣбою, и здѣсь имъ попался въ молодомъ липнякѣ Илько Тетеря. Виновный былъ одѣтъ въ рубаху изъ грубаго холста *на вытукъ*, подпоясанную красною крайкою, и такіе же шаровары; обувь онъ былъ въ лапти. Пенъковая ткань, прикрывавшая его тѣло, наптанная дождевою водою, сдѣлалась еще плотнѣе и темнѣе обыкновеннаго. Онъ стоялъ передъ Тенжулькевичемъ съ мокрою шапкою „валѣнкою“ на всклокоченныхъ волосахъ, съ вьющеюся, безобразно-спутанною бородою. На лицѣ его выражалось упрямство. Онъ держалъ подъ мышкою толстый пукъ молодыхъ липовыхъ по-

бѣговъ, а правую руку съ топоромъ пряталъ за спину. Передъ нимъ, выпрямившись во весь ростъ, стоялъ лѣсничій въ охотничьей курткѣ и высокихъ ботфортахъ, выше колѣна.

— Отдай лыко, говорятъ тебѣ, и топоръ!

— Бьите мене—не дамъ!

Глаза Тенжулкевича засверкали, словно готовые выско-чить изъ орбитъ. Крестянинъ отчаянно защищался, но нѣсколько ударовъ въ грудь и затылокъ доказали ему, что съ нимъ не шутятъ. Онъ продолжалъ кричать: „бьите мене, рижте!“ но когда посыпались удары, завопилъ:

— Що жъ то, пане! розбій?...

— Гей! Артемъ! А иди-ка сюда! Гоць, гоць!...

Сильный и громкій окрикъ лѣсничаго гулко пронесся по лѣсу и вскорѣ послышалось въ отвѣтъ хриплое, пискливое „гоць-гоць“ Артема Стѣбы, затѣмъ затрещало въ кустахъ и вскорѣ показался объѣздчикъ въ лаптяхъ, съ барсучьей сумкой и ружьемъ за плечами.

— Бери, Артемъ, эти лыка и топоръ!

Илько Тетеря, держа въ одной рукѣ шапку, другою почесываясь въ затылкѣ, кланялся и просилъ, лукаво поглядывая на побѣдителя.

— Не берить, паночку, сокиры! То жъ моя худоба... Чымъ же я маю рубаты лучину на майданъ? ¹⁾ Паночку, соколыку мій! Да якъ бы жъ я колы, де нибудь що якъ... а то-жъ я нигде, ни-колы ничего такого... дакъ за що жъ на мене така напасть?

— Прочь! Не тронь чужаго! Я васъ научу за прошлогоднее, за Цѣцковщину!... Чья это собака лаетъ? Это твоя, Артемъ? Смотри! тамъ еще кто то крадетъ!

Глаза Тетери съ тревогою обратились въ сторону липняка, гдѣ за минуту передъ тѣмъ работали ножи и топоры. Тамъ

¹⁾ Въ смолянскомъ производствѣ на Полѣсьи лучиною называется лѣсной матеріалъ, заготовленный для перегонки смолы изъ нижней части ствола и верхней части корневой сосны. Майданомъ называется печь, въ которой гонять смолу изъ лучины.

вокругъ старшихъ побѣговъ еще недавно дружною семьею тѣснились молодья однолѣтнія липки; теперь на ихъ мѣстѣ бѣлѣли только осиротѣлые пеньки съ выступавшими на нихъ каплями соку, который не могъ больше подыматься вверхъ по стволу. Теперь тамъ царили страхъ и тревога; ивовая свирѣль, пангрававшая за минуту передъ тѣмъ, умолкла. Въ чащѣ шла борьба.

— Здымай свиту! Трясця твой матери, тай батькови! Чы довго ще стоятымешъ, якъ дурень?... И нижъ давай! Куды ты, сучій суну? Зкыдай свиту!—я тоби!...

— Не дамъ! Ай! ой! рятуй, батьку соколе!... Бьють!

— И тобі, злодюго, очкуръ перерву й безъ сорочки пуцу!

— Ей, Артемъ, довольно тамъ! Не бей ихъ.

Илько плелся еще нѣсколько десятковъ шаговъ вслѣдъ за лѣсничимъ въ падеждѣ, что тотъ смилуется надъ нимъ, но напрасно обнажалъ онъ свои льняные волосы и повторялъ по нѣсколько разъ: „якъ бы я колы, що, де небудь...“ его ожидала или уплата штрафа деньгами, или отработокъ. Онъ повернулъ домой. Надъ головою его подымались два свода: одинъ зеленый, изъ древесной листвы, другой синій, просвѣчивавшій сквозь него, какъ сквозь рѣшето. По зарумянившимся облакамъ Илько опредѣлилъ время и прибавилъ шагу. Въ мысляхъ его было столько же загадочнаго и невѣдомаго, сколько и въ окружавшей его лѣсной чащѣ въ ночное время. Только когда молодые побѣги скрипѣли подъ ножемъ и топоромъ, онъ чувствовалъ, что беретъ то, что *самъ Богъ* насадилъ для польованія „ихъ брата.“ Это убѣжденіе не раздѣляли полѣсовщики и съ нѣкотораго времени (съ тѣхъ поръ, какъ настала воля) постоянно твердятъ людямъ, будто они, мужики, должны помнить, кому теперь отдалъ Богъ эти непроглядныя пуци съ шумящими дубровами и прогалинами, съ ольхами и березами, подъ которыми такъ обильно растутъ грибы вмѣстѣ съ красною, сочною клюквою. Чтوبъ ихъ все „кодло“ перевелось.

даромъ что полѣсовщики тѣже мужики. Выросли они здѣсь также точно, какъ и всѣ прочіе, ходятъ въ лаптяхъ и ѣдятъ тотъ же картофель съ кислыми огурцами, а стали всѣмъ костью поперекъ горла. Передъ паномъ виляютъ хвостомъ, какъ собаки, не спуская даже и ребенку и каждому стараются вогнать душу въ самыя пятки.—„А, бодай вы заповитрылы! Хоче насъ навчыты за Цепковщину. Ще напюхаеся дыму и въ „Княжому,“ и въ „Слѣпечицу,“ и въ „Безпалый Ольшныи,“ и въ „Дидогимъ Острови“—напюхаеся, вразкый ляше! Таке наше право, якъ давнише. Або то наша худобина не потребуе лишного корму? Тай грибы лишне ростытумуть. Ой, ой! „Не було пасъ—бувъ лисъ, якъ той мовлявъ, не буде насъ—зостанеться лисъ.“ Чѣмъ то пахне? пытався. А вже-жъ одробками, панциною, бодай ихъ *хындря!*—Отъ вже й „Княже“ мынувъ, а ще чорный лисъ. На „Безпалу Ольшину“ не можна йты—здыбають, неясность... „Пафъ! пафъ! Бачъ, сучи сыны! вже и туды прыйшли... Гладко бѣе. Певно трапывъ качора. Цыть! А, то Янко Деркачъ. Завжды такъ тоби гарно заграе въ дуду, що по лиси ажь луна йде. А се вже й Дидовый Островъ. Чы жъ хочъ пожа маю прынаймній пры соби? Нарижмо соби теперъ лычка... Тьфу! Изгынъ, пропады, проклята гадуко! Ото налякала—зъ кунцивъ та просто до ногы“.

Вотъ уже и „Безпала -Ольшына.“ Тамъ чаще всего пасется кобылевское стадо. Нѣсколько въ сторонѣ находится *стойло*, гдѣ измученный полуденнымъ зноемъ скотъ отдыхаетъ, пережевывая жвачку; мягкій, специфическій запахъ еще издали указываетъ, гдѣ находится это мѣсто. Теперь тамъ пахнетъ свѣжестью и зеленью. Къ шелесту деревьевъ примѣшивается глухой топотъ многочисленнаго стада, лакомящагося молодою травою. Тетеря подошелъ къ пастуху; это былъ старикъ съ жидкою бородою съ просѣдою, въ длинной, истрепанной снизу свитѣ; онъ плелъ лапти и время отъ времени щелкалъ *погую*. На дальнемъ болотѣ хоромъ перекликались журавли, а комары

тучами налетали и на людей, и на скоть; жалили молча, безъ звука; нѣмые, упорные слѣбини лѣзли въ глаза. Это самыя страшныя мучители скота. На „выжарахъ“ красуются желтыя коронки молочая. Отягченное вымя живо напоминаетъ коровамъ, мелкимъ и неказистымъ, ихъ телятъ, привязанныхъ у яслей по „оборамъ;“ жалобно мычатъ за ними матери, но привлеченныя вкусными цвѣтами, жадно рвутъ ихъ про запасъ для ночной жвачки.

— Якъ ся маешъ, Ильку? А дежъ твое лыко? Наризавъ бувъ чымало, а взявъ дулю!

— Ой диду, диду! Якъ бы знаття! Геть чысто облущылы! и сокиру взяли, и все... Отъ диддалы часу! Чы колы такъ бувало?

— Кепсько, Ильку! а ще гирше буде...

— Крый насъ, Боже!... Чи не йшли тутъ хлопци, диду?

— А булы ту. Твій Петрукъ-нивроку! Якъ загравъ на мою дуду, взявъ въ мене ножа, тай побралысь вси въ трѣхъ до „Слепечица.“ Може десь вже недалеко бавляться, бо малы тилько лыка наризаты.

Илько нѣсколько разъ огласилъ лѣсъ своимъ: гоць-гоць! и направился домой. Путь лежалъ мимо стойла; это была часть поляны, нѣкогда поросшей травой, теперь же покрытой толстымъ слоемъ навоза и представлявшей топкое болото послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія громадскаго скота. Видъ этого болота хорошо былъ понятенъ крестьянину и возбуждалъ въ немъ зависть. Сколько здѣсь удобренія! Хорошо было бы приѣхать когда нибудь съ лошадыю и набрать нѣсколько полныхъ возовъ. Въ его *оборъ* такъ мало всегда бываетъ перегнуою— всего вѣдь пять штукъ скота; едва наберется пласть въ палець толщины, а ужъ пора свозить на поле. А поле бесплодное, чистый песокъ—много ли пользы въ горсти навозу? Слѣдовало бы приѣхать когда нибудь... и не далеко.

„Слепечице“—смѣшанный лѣсъ; тамъ и дубъ, и береза, попадается и осина, а чаще всего сосна; внизу у подножія

ихъ роскошными кустами разрослись калина, *проскурына* и *крушына*. По мѣрѣ приближенія къ Кобылеву лѣсъ все больше и больше переходитъ въ боръ. У ногъ высокихъ, тонкихъ сосенъ робко поглядываетъ на ихъ верхушки одуряющей *дымалъ*, тощей дрокъ, да темный верескъ съ жесткими листьями крѣпко сросся корнями съ приземистою черникою, любимымъ кормомъ тетеревей. За то дальше растутъ одни палоротники; пучки сморщенныхъ, перистыхъ листьевъ, на тонкихъ стебляхъ простираются надъ землею, какъ крылья птицы, раскрытыя для полета словно желая преградить проходъ каждому. Недавній пожаръ истребилъ весь лѣсной коверъ на нѣсколько десятковъ десятинъ, обуглилъ молодя деревья и лизнулъ огненными языками стволы старыхъ на нѣсколько сажень въ вышину. Теперь на сухой, потрескавшейся землѣ торчали бѣдныя сосенки почернѣлыя, безъ листьевъ; рядомъ гордыя сосны, тоже съ обожженою корою, уходили въ небо и шумѣли вершинами, словно переговариваясь между собою, а на нихъ неутомимый дроздъ тянулъ свою грустную, безконечную пѣсню. Изъ подъ пепла прежней травы пробивалась молодая, ярко зеленая и необыкновенно густая; при видѣ ея у крестьянина загорѣлись глаза и въ рукахъ почувствовался зудъ.

— Отъ, якъ-бы коса, думалъ онъ, була бъ телятамъ добра харчъ!... Дурный Тенжульевичъ! За що жъ тутъ гниватись та грозытись? Пожежа въ лиси—то добро. Де тильки пройде, усе одродыть. Хиба слипый недобачае: пуцу вычистыть зъ *повалу*, зъ *хрусту* усякого, зъ прегыдкои осокы, гадъ гыне, а худоба мае чымъ жывытись. А до того й грибы растутъ, якъ скаженни. Отъ хочъ бы й теперт, бачъ, земля скрызъ понапухала, мовъ кротовыня; хутко й повывлазять, може и черезъ ничъ, бо писля дощу. А може де нибудь вже и йе лысычкы, або сыроижкы? А такъ—йе! Назбираю соби трохы, то стара наварыть губьяку... Таки дурный, справди, той Тенжульевичъ мзъ своєю грозьбою.

Недальновидный крестьянинъ, думая только о выгодахъ, какія могли произойти отъ пожара, совсѣмъ выпустилъ изъ виду вредныя его стороны; онъ забылъ, что вмѣстѣ съ змѣями гнила и дичь: яйца тетерокъ, вальдшнеповъ и утокъ или лопа-лись отъ огня, или же высухали на огромномъ пространствѣ молодыхъ, самосѣянныхъ зарослей... Тутъ было о чемъ задуматься лѣсническому. Что то еще скажетъ помѣщикъ, какъ отне-сется къ этому, если его собаки перестанутъ спугивать дичь и пропадетъ охота?...

Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ чаще встрѣчаются пасѣки, принадлежація различнымъ хозяевамъ. Вонъ на той тонкой, кудрявой соснѣ, съ двумя вороньими гнѣздами на вершинѣ, два улья между вѣтвей, прикрыты одною крышкою—это Купріяна Гончара. На стволѣ этой сосны, сажени на четыре надъ землею устроенъ „подкуръ“, преграда для лакомки медвѣдя; это помость изъ тонкихъ досокъ, утвержденный на четырехъ поперечныхъ, перекрещивающихся между собою и прикрѣпленныхъ къ дереву; снизу помость набить острыми коликками. Это надежная защита противъ лѣснаго лакомки. Взобравшись сюда и встрѣтивъ гро-зящій ему колючій потолокъ, онъ непременно долженъ воро-титься; дѣйствительно, слѣды когтей на корѣ дерева нерѣдко свидѣтельствуютъ о побѣдѣ надъ нимъ этой выдумки крестья-нина. Дальше, на той „росохатой“ соснѣ прижался, какъ дитя къ матери, старый улей Илька. Даль онъ роевъ безъ счета, а меду безъ мѣры и подъ нимъ, подобно прочимъ, покровитель-ственно простирается подгнивающій *подкуръ*. Илько замѣтилъ двѣ борти, блиставшія новымъ, бѣлымъ еще подкуромъ—имъ овладѣло безпокойство.—Купріянь Гончаръ очень предусмотрителенъ; должно быть тутъ побывалъ медвѣдь. Такъ! кора исца-рапана... Нужно будетъ позаботиться о новомъ подкурѣ и для своего улья.

Лѣсъ рѣдѣлъ, показалась песчаная полянка со слѣдами старыхъ бороздъ. Гдѣ то на дальнемъ деревѣ печально про-

щался дроздъ съ послѣдними лучами солнца, зарумянившими изорванные вѣтромъ облака. Чуялась близость деревни. Дѣтскій крикъ и плачь, ревъ скота, лай собакъ—все указывало на близость людскаго поселенія. Еще двѣ полянки, да березовая роща—а тамъ пойдутъ уже и хаты, позади же останется господскій лѣсъ, а съ нимъ все: и дубровы, и пасѣки, и грибы, и лыко, и ненавистные объѣздки на его сторожѣ. Только небо все то же какъ надъ лѣсомъ, такъ и надъ селомъ—глубокое, темное и спокойное.

II.

Въ Кобылевѣ всего восемьдесятъ хатъ, выстроенныхъ въ рядъ въ одну длинную, узкую улицу, идущую прямо и затѣмъ вдругъ свѣрачивающую въ сторону, какъ бы испугавшуюся излишней правильности въ своемъ направленіи. Почти каждая хата носитъ на себѣ отпечатокъ нужды. Низенькя, кое какъ покрытая тощею дранью, словно предназначенною для потѣхи сильнымъ порывамъ вѣтра, сколоченная изъ „кругляковъ“, переложенныхъ мхомъ, намазанная, вѣчно окруженная лужами, выглядываютъ онѣ на улицу небольшими окошечками, съ тусклыми стеклами, вывѣтрившимися отъ долговременной службы. Только надъ немногими хатами возвышается на крышѣ настоящая дымовая труба, обмазанная глиною, а не просто сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ: это отличіе указываетъ на жилище „богатыря“. По примѣру окрестныхъ селъ эти хаты выстроены въ стилѣ домиковъ нѣмецкихъ колонистовъ. Стѣны ихъ значительно выше, сложены изъ теса, крыша плотно обшита шелевками, окна вчетверо больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, даже у дверей вмѣсто обычныхъ деревянныхъ засововъ, легко отодвигаемыхъ свиннымъ рыломъ, блестятъ желѣзные засовы. Тамъ обыкновенно живутъ богачи, мѣстные кулаки. Надъ дверьми у

каждой хаты красуется табличка съ изображеніемъ какой вибудь изъ огнегасительныхъ принадлежностей; тутъ ведро, тамъ бочка, дальше топоры, багры, кое гдѣ пожарная труба. Въ случаѣ пожара, каждый домохозяинъ обязанъ явиться съ тѣмъ орудіемъ, какое изображено надъ его дверью. На долю Илька Тетери приходилась бочка, вѣчно пустая и разохшаяся, которую не наполняли даже и проливные дожди.

На западѣ загоралась вечерняя заря, надъ водою затихалъ плескъ вальковъ, смѣшивавшійся съ монотонными *веснянками* дивчать, оканчивавшихъ работы въ огородахъ. Село оживлялось съ окончаніемъ дневныхъ работъ въ полѣ. На улицѣ съ разныхъ концевъ сходились одновременно и люди, и овцы, и скотъ, за которыми выступалъ громадскій пастухъ, похлопывая *пугою*. Его мокрые полотняные шаровары болтались, какъ мѣшки, падъ самыми лаптями; свита, слишкомъ длинная, была подобрана за поясъ—такъ шелъ онъ съ *кошелемъ* и связкою лаптей за спиною. На лицѣ его видѣлись кровавые слѣды убитыхъ комаровъ. Вслѣдъ за стадомъ налетѣли изъ лѣсу цѣлыми тучами комары, мошки, оводы, жала немилосердно, обремененныхъ молокомъ коровъ, съ трудомъ отмахивающихся отъ нихъ жидкими своими хвостами. Въ дворахъ со скрипомъ открывались ворота и хозяйки выбѣгали встрѣчать своихъ кормилицъ.

— Телюхъ, телюхъ, телюхъ!—ласково привѣтствуютъ онѣ, но замѣтивъ, что коровы теряютъ молоко, набрасываются съ выговорами на пастуха.

— Ей, диду, диду! Чомъ такъ пизно прыгнать худобу? Коли старый, не здужаешь, то й не берысь!

— Не здужаешь, не здужаешь!—ворчалъ пастухъ, поворачивая за уголь, гдѣ жили бобыли. Тымъ що далій загнавъ нынька. Старый... А самы молоденьки? Ать! бабськи выгадки! аби ганьбыты...

Вспомнилось ему, сколько сосновыхъ „*шурокъ*“ нарубилъ онъ прошлую осенью для *майдана*; стало быть онъ еще въ си-

лахъ, хотъ уже и голова облысѣла, и стукнулъ ему шестой десятокъ.

Съ поля возвращались пахари; усталые, съ разгорѣвшимися лицами, босые и въ рубашкахъ на выпускъ они шли медленно вслѣдъ за волами, тащившими плуги.

— Цобъ, цобъ! адабе! покрикивали на нихъ крестьяне.

Двадцатилѣтній парубокъ остановился съ плугомъ у одной изъ первыхъ отъ *царини* хатъ съ вербою въ огородѣ и съ изображеніемъ бочки надъ окномъ.

— Цобъ, цобъ, сывий! Прр!... Добры-вечиръ, дядьку!

— Добры-вечиръ! А що жъ, Сидоре, дооравъ?

— Ни, не здужавъ, дядьку!

— Чому? Скільки жъ тамъ?

— Та моргивъ зо три буде. Не можна було бильше — картоплю сіялы.

— А якъ тамъ жыто на полянци, Сидоре?

— Ничого соби, дядьку. Бачылы бжолы? Чи не выдеръ часомъ чыихъ ведмидь?

— На твой сосни кору подряпано.

— Трясця жъ його матери!... На якій?

— А що зъ новымъ подкуромъ. Треба й на свой зробыты нови *палатки*... Але, отъ беда, треба першъ выкупыты сокиру.

— Або що?

— Забралы, матери ихъ бисъ!

— Оува!... Кепсько! И *луки* побралы, дядьку?

— А вже жъ!

— Хто жъ то таъ?

— Да вже жъ нихто, якъ той Стѣба зъ Тенжулькевичомъ. Я жъ думавъ, що принамній хочъ хлопцямъ пощастыть. Та, де тамъ! и лыко побралы, и ножи, й свытки—усе раптомъ. Не помылувалы й твого хлопця, Куперьяне; а Нестиръ Каликста то й въ потылицю диставъ.

— Кса, кса, карый!.. Ой, знуцаються надъ нами, знуцаються!

Илько отдыхаль на *прызьбь*, покуривая трубку и выпуская густые клубы дыма, какъ вдругъ до слуха его долетѣлъ серебрястый звукъ колокольчика. Онъ началъ тревожно прислушиваться. Такъ ѣздить исправникъ и становой. Сердце его мучительно сжалось. Можетъ быть снова потянуть въ какое нибудь присутствіе по дѣлу пана съ „нашимъ братомъ“. Колокольчикъ затихъ.

— Гей, Омелько! окликнулъ Илько парубка, шедшаго съ майдана домой, перемѣнить грязное бѣлье. А хто тамъ затримався біля корчмы?

— Ни, дядьку, то не біля корчмы. То становой прихавъ до волости.

— Не знаешъ чого?

— А Богъ його святой знае. Кажуть, ниби за для пожежи.

— За для якои пожежи?

— А що то була въ мыстечку.

— Ага! а я думавъ, що то за для... Що жъ тамъ на майдани? Позвозылы вже смолу на берегъ?

— Позвозылы, дядьку.

— Хто жъ то?

— Рижны люде... изъ Заболоття де яки, зъ Настиля...

— Гады, трясця ихъ матери!...

— Якъ же тамъ, дядьку, мій батько? Чи добре пасе?

— А вже жъ, ничего!... Тилько сылы не мае—не здолае. Позавчора старостыного бычка забувъ въ лиси. Добре, що розумна худобна й сама прыбигла. А якъ бы, бороны Боже, вовкъ заризавъ? Але, отъ що найперше, що хтятъ не пустыты худобы въ лись на нашу.

— Чувъ и я. Бувъ позавчора лиснычій на майданы, побачывъ, що *смолякивъ* и до петривки не выстарчыть,—лышенько! а якъ zobачывъ при „механику“ кобылевскихъ, та рашовскихъ, та избиньскихъ—якъ закрычыть: „Визьму я ихъ въ добри щыци,

задаблю гадывъ! Скоту не пуцу, опалу не дамъ! Злагидніють тоди, руки лызатымуть.

— А ляхъ, матери його бисъ! злобно вскричалъ Илько.

— На добра ничъ вамъ, дядьку!

— На добра ничъ, сынку!

Надъ головою его послышался стукъ въ окошко; тамъ въ избѣ его *стара* суетилась около печи съ „полоныкомъ“ въ рукахъ.

— Ильку, а Ильку! йды вечеряты!

Крестьянинъ вошелъ боковою калиткою во дворъ, тѣсный, какъ и вся его усадьба, выстроенная на скудномъ надѣлѣ: вотъ рядомъ хата сосѣда, а тутъ же сейчасъ и хлѣвы, и гумно. Онъ тронулъ деревянную задвижку и скрылся въ темныхъ сѣняхъ. Тамъ дышало и двигалось что то живое. Куры ворочались на насѣсти подъ крышею, вытряхивая изъ перьевъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Въ углу раздавалось младенческое хрюканье поросятъ, въ то время какъ ихъ мать еле еле переводила духъ, придавленная своимъ многочисленнымъ потомствомъ. Тоже самое встрѣчалъ онъ ежедневно, возвращаясь домой, и въ хатѣ своей онъ нашель ту же обычную обстановку: старыя стѣны, обмазанныя глиною, низкій, закоптѣлый потолокъ, съ свѣшивающимся по серединѣ хаты *лучникомъ*, загаженный полъ, плотно убитый глиною, влажный подъ лавкою отъ перемыванья кухонной посуды и поросшій блѣдно-зелеными стебельками забытаго отъ зимы картофеля, овса, или проса. Вѣчный запахъ каши, лыка, овчины.

— Мамо—йсты! тянулъ маленькій Дмитро.

— А рожна! отрѣзала раздраженная мать. До ижи проворный, а до работы кйемъ не поженешь!

— Исты, мамо!

— Цыть, смаркачу! не ты старшій! не отрываясь отъ работы у печи, прикрикнула на него мать.

Сало громко трещало на сковородѣ. Возлѣ *припечка* Оксаиа толкла въ ступѣ гречневую крупу на слѣдующій день; когда

она нажимала одинъ конецъ поршня, другой подымался и затѣмъ съ глухимъ шелестомъ опускался въ отверстіе.

— Оксано, годи! съ сердцемъ крикнула на нее мать, ото безглузда: була бѣ товкла до судного дня, якъ бы не зпыныты. И що ты соби думаешъ? Яка зъ тебе господыня?

— Коны жъ бо крупы ще цилы...

— А що жъ то ты въ перше въ мене робышь? Не знаешъ, що треба пересіяты на решето? Тилько за царыну знаешъ бигаты, до Омелька! въ бобыли захотилось? Бигай, бигай! Нагуляешъ дытыну, коны заманулось! Правдыва титка... И та такъ само робыла, а теперъ що? Перша распутныця на циле село... Або жъ я не знаю? Чоловикъ сыдивъ у холодній, а та шельма, тымъ часомъ, впустила на ничъ посесорчука...

Илько и Сидоръ, наклонившись надъ мискою кислаго молока, молча хлебали деревянными ложками. Гдѣ то въ углу трещаль сверчокъ, да сонные цыплята въ лукошкѣ пицали подъ крыльями у насѣдки. Красноватый, мерцающій свѣтъ углей въ печи расходился по хатѣ, а сквозь небольшой стекла проникалъ снопъ блѣдныхъ лучей мѣсяца. Мухи притихли на образахъ. Опорожнивши миску, Илько отяжелѣвшимъ голосомъ прервалъ потокъ словъ жены:

— А то що тоби? Чого прычепылась до дивчыны? Дывысь! Розквохталась мовъ та квочка!

— Знаю, знаю! заторохтѣла та ему въ отвѣтъ. Хочешъ борониты сестру. А знаешъ же ты, що та твоя сестра...

— Но, годи, годи, стара! Знаю: сяка така!... Ото роспустила языка! Давай краще исты!

— Мамо, исты! не отставалъ Дмитро, сидя въ темномъ углу на лежанкѣ.

— На, подавысь!

Подавая сковороду съ саломъ къ „кулешу“, женщина зацѣпила голову о лучникъ.

— А щобъ ты заказлось! завопила она, хватаясь за очинокъ, ото господари въ мене! доси не выймутъ лучныка. Чи жь то способъ?

Ильиха была сварливая баба, потому что вѣчно хворала, постоянно мучили ее то „гостецъ“, то „печинки“, а всего хуже донимали повседневная нужда и заботы. Изъ веселой когда то дѣвушки она стала—воплощенная злость; брюзжаніе у ней вошло въ привычку и сдѣлалось насущною потребностью. Тоцая дворняга съ впалыми боками, долго глядѣвшая на ужинавшихъ въ нѣмомъ ожиданіи, печально отошла въ уголъ и тамъ, опершись передними лапами объ ларку, принялась лакать сыворотку, стекавшую изъ „климковъ“ съ творогомъ въ лоханку.

— А я нещасна! А геть!

Собака съ визгомъ выскочила на улицу и вскорѣ голосъ ея слился съ хоромъ товарищей; она лаяла мѣрно, съ паузами, глядя на луну и звѣзды.

— И сила! и сидыть соби! Щожъ то, я маю розчыннаты хлибъ? Чуешь, Оксано? Чого се ты така сонна?

— Дыво! Або ще не напрацювалася за день?

— А якже, напрацювалася!

— А тожъ... И картоплю садыла, й шмаття прала... Тфу! воды нема! Дмитро, бижи швидче по воду! чуешь?

Мальчикъ спалъ уже на лежанкѣ, уткнувшись босыми ногами въ миску; ему снились сопилки, ягоды, одинокія груши на межахъ и разбѣжавшіяся въ безпорядкѣ свиньи. Онъ тревожно бросался во снѣ, отталкивалъ что то. Оксана схватила ведра, вскинула на плечо коромысло и выбѣжала изъ хаты какъ бы изъ тюрьмы. Село погружалось въ дремоту, огни въ хатахъ гасли, только майское небо съ капризными обрывками свѣтлыхъ облаковъ, да мѣсяць, запутавшійся между ними,—одни бодрствовали надъ сонною землею. Влажные луга покрывались клубами бѣлаго тумана, а подъ его покровомъ трещали въ травѣ кузнечики и хоры лягушекъ надъ водою оглашали окрестности

своимъ кваканьемъ. Въ воздухѣ дрожали упругія крылья летучихъ мышей, пахло березою. Сквозь туманъ свѣтился огонь пастуховъ, почевавшихъ подѣ лѣсомъ. По росистой травѣ пробѣгалъ разбитый звукъ жестяныхъ колокольчиковъ, болтавшихся на шеѣ у стреноженныхъ, тяжело подпрыгивавшихъ лошадей. Оксана шла съ коромысломъ, пустыя ведра болтались у ней за спиною, а она радовалась тому, что здѣсь подѣ звѣзднымъ сводомъ такой просторъ и спокойствіе, тогда какъ въ хатѣ и *сволоки* какъ будто грозятъ обрушиться на голову, и стѣны давятъ ее. Она остановилась у колодца. Шестъ съ пустымъ ведромъ медленно опускался въ темную глубь и тянулъ за собою рычагъ скрипящаго журавля. Около *царины* стояла группа дѣвушекъ; они то тихо затягивали *веснянку*, то смѣялись, то слушали, какъ Омелько, сидя на плетнѣ, игралъ на сопилкѣ „левонику“. Оксана поглядѣла на нихъ съ завистью и начала опускать другое ведро, но сколько ни дергала, шестъ не подавался. Подняла глаза кверху—журавль стоитъ ровный и острый, но въ мигъ, какъ бы внезапно развязанный, быстро со скрипомъ опустился, ведро плеснуло въ водѣ, дрогнулъ шестъ и что то тяжелое упало на землю. Бывшія подлѣ дѣвушки захохотали. Оксана обернулась—съ земли вставалъ Омелько.

— Тю, дурный! Перервавъ клочья. Якъ же я теперь вытягну ведро?

— Я тоби вытягну! вскрикнулъ Омелько, свативъ ее въ охапку и страдая колодцемъ; она сорвала у него съ головы „валѣнку“.

— Омелько, пусты! Омелько! выкину шапку въ воду!

Но тотъ не выпускалъ; Оксана болтала босыми ногами по воздуху, попадая иногда ему и въ животъ.

— Оттакъ винъ завжды пустуйе! кричали ей подруги.

— Пам'ятаешъ, Оксано, що винъ торикъ выгадувавъ на майдани?

— Але, ба!

— Може хочете, то й заразъ вамъ те саме розкажу?

— Цыть бо! сорому ты не маеш!

Другіе парни гнали съ пастбища скотъ, поздно взятый
отъ работы.

— Эй, дивчата! чы не хоче тамъ яка до насъ, на солому?

— Оксано! иды зъ нумы!—смѣялись дѣвушки.

— Або вона здурила? мае вже свого...

Но Оксана ничего не слышала—она шепталась съ Омелькомъ.

— И сёгодня тежъ въ хати?

— Ни, сёгодня въ комори...

— Сама една тамъ спышь?

— Сама.

— А Сыдиръ?

— Винъ пидъ повиткою спыть.

— А Дмитро?

— Въ хати... Петро въ лиси пры коняхъ ночуе...

— То якъ же буде?

— А якъ побачышь, що вже нема свитла въ хати, то значыть можна... Розчыню тисто, да й пиду въ комору... На добра ничъ, дивчата!

Она подняла коромысло на плечи и поспѣшно пошла вдоль улицы легкими шагами, въ короткомъ „андеракѣ“, обрисовывавшемъ ея стройную фигуру, съ развѣвающимся угломъ платка на затылкѣ. Она еще разъ обернулась.

— Завтра, дивчата, раненько у лисъ, по грибы!

— А вжежъ!

Снова Оксана въ неволѣ. Послѣ свѣжаго, вечерняго воздуха еще ощутительнѣе и тяжелѣе духота въ этой избѣ, вмѣстѣ и столовой, и спальной цѣлаго семейства, гдѣ нѣтъ возможности различить смѣшанныхъ испареній горшковъ и человѣческаго тѣла. Родители уже спали. Входя, Оксана услышала, какъ что то мелкое торопливо разбѣжалось по хатѣ—вѣроятно мыши. Какой то острый, непріятный запахъ ударилъ ей въ носъ; она поставила ведра на полъ и бросила нѣсколько сосновыхъ лучи-

нокъ на тлѣющія угли. Просовывая голову въ печь, чтобы раздуть огонь, она почувствовала на лицѣ прикосновеніе какихъ то влажныхъ и смрадныхъ тряпокъ; это отцовскія *онучи* и лапти сушились въ духу. Пламя вспыхнуло. На стѣнахъ и на потолокъ засновали пруссаки и черные тараканы, разбѣгаясь по щелямъ, второпяхъ сбивали другъ друга съ ногъ и падали. Раскрыла *дижу*—и тамъ полно прусовъ; одни жилились остатками заплесневѣлаго тѣста, другіе, уже сытые, сидѣли на *копысткѣ*. Струя горячей воды прекратила ихъ существованіе раньше, чѣмъ они успѣли двинуться съ мѣста. Размѣшивая опару, Оксана нѣсколько разъ поглядывала на тапчанъ, гдѣ спалъ отецъ. Его загорѣлая грудь тяжело подымалась вмѣстѣ съ животомъ, стянутымъ *окуркомъ*; онъ то каплялъ, то почесывался во снѣ, то вдругъ кричалъ: „не дамъ! бейте мене, рижте!“ Мать стонала. У дѣвушки стучало въ головѣ, захватывало духъ отъ волненія; сейчасъ она прикроетъ *дижу* кружкомъ, поставитъ на печь, сама пойдетъ въ комору, а черезъ минуту Омелько увидитъ, что въ окошечкѣ темно, и придетъ къ ней. Они снова пробудутъ вмѣстѣ до утра—счастливые, какъ и въ прошедшую субботу.

III.

— Отецъ взувъ лапти, то чомъ не йдешь?

— Куды?

— До ловчого мавъ иты по сокиру.

— Мовчы краще, бабо, колы ничего не знаешъ! Ловчого нема въ дома—не вернувся зъ лису.

— Бидна жъ моя головонька! Туды жъ дивчата пишлы!..

— То що жъ?

— Якъ то що?... Нибы не знаешъ, що пишлы по грибы безъ кивитивъ?

— Га! якъ удасться имъ—то добре, а не вдасться—поберуть коробки... Звычайно... Одроблять на фольварку.

— Не шкода жъ тобі твоєї дочки? А ну жъ зъ нею й андеракъ здіймуть, и святку, якъ торикъ зъ Нечыпоровой?

— Що жъ я зроблю?

— Якъ то що? Згодься зъ паномъ! Досыть вже того учору, такъ не далеко зайдешъ. Вони все зроблять, що схочуть. Имъ и въ повити допоможуть, и въ губерніи—скризь. А нашому брату що? Теперъ ниде не знайдешъ правды...

— Правду кажешъ, бабо, нема теперъ въ свити правды для нашого брата...

— То на що жъ обстаешъ пры своєму разомъ зъ иншымы? Хочъ подымайся, хочъ ни, а выще носа не чхнешъ!

— Громада—велькый чоловикъ!—торжественно отвѣчалъ Илько женѣ; та въ нетерпѣннїи еще громче плескала ладонями, выдѣлывая хлѣбъ. Въ хатѣ слышенъ былъ запахъ пригорѣлыхъ дубовыхъ листьевъ и сосновой метлы, обычный при печенїи хлѣба. Илько былъ возмущенъ новымъ распоряженїемъ лѣсничаго относительно билетовъ.

— По що мають дивчата браты тьи квыты, идучы по грибы, та по ягоды, або орехы? Давнише того но бувало. То якась нова мода. Перше збиралы соби, скільки влизе, абы занесли до двору який хунтыкъ грибивъ, або горпцыкъ ягідъ. Мусыла за тее дивчына ще килько днивъ одробыты, то вже мусыла! Що зробышъ зъ ляхомъ? А теперъ якысь карткы повыдумувалы. То все Тенжулькевычъ заводыть. Хоче, щобъ его попамъятано. А за що? Пидъ часъ озымои оранкы забажавъ, щобъ далы пидводы, перевезты смолу на берегъ. Певно, ништо не поихавъ. Грозывся бувъ, що послухають его, якъ не дасть опалу, по грибы не пустыть, не дозволятъ *гала* косыть. За що жъ то. Боже мылый? Та вже и за панщыны лишне було!

Недавнїй пожаръ въ лѣсу, зажженный умышленно и причинившїй такъ много вреда молодымъ зарослямъ, переполнилъ мѣру преступленїи кобылевцевъ. Они пустили огонь на „галу“, желая истребить старую траву; неблагоприятный вѣтеръ испор-

тиль все дѣло: пламя пробралось къ густому валежнику, окружавшему опушку, истребило его и проникло въ глубь лѣса. Не за это ли мстить лѣсничій? Если такъ, то они тоже не уступятъ—не пойдутъ больше гасить. Пусть имъ не отмѣняють старыхъ обычаевъ! Громада—великій чоловікъ... Она—все и для нея должно быть все!

Такъ думалъ и чувствовалъ Илько Тетеря, а наравнѣ съ нимъ и всѣ жители села. Много было недовольныхъ и было бы еще больше ихъ, если бы Тенжулькевичъ раскрылъ имъ сразу всѣ свои планы; онъ стремился къ полному ограниченію ихъ на всѣхъ пунктахъ. Воспитанникъ лѣснаго института и поборникъ цивилизаціи, онъ хотѣлъ отучить крестьянъ отъ вкоренившихся среди нихъ варварскихъ взглядовъ на отношенія ихъ къ лѣсу и пастбищамъ; хотѣлъ принудить ихъ уважать права помѣщика и на эту собственность.

Довольно ужъ было общности пользованія. До сихъ поръ помѣщикъ не умѣлъ извлекать выгодъ изъ своего положенія; теперь онъ его слуга и уполномоченный, постарается возстановить пана во всѣхъ его правахъ. Такимъ образомъ будутъ достигнуты сразу двѣ цѣли: подчиненіе мужика и порядокъ въ лѣсу. Прочъ остатки феодализма! теперь все на деньги. Никакихъ „опальныхъ дней“, никакихъ „десятинъ“! Достигнуть этого было не трудно. Онъ организовалъ лѣсныхъ сторожей, на подобіе казенныхъ, а чтобы усилить ихъ рвеніе, опредѣлилъ въ ихъ пользу третью часть штрафа взыскиваемого съ крестьянъ, и радостно потиралъ руки, глядя на ихъ старанія. Онъ называлъ это „игрою на струнахъ личнаго интереса“. Пока результаты были блестящіе. Вся жизнь крестьянина неразрывно связана съ лѣсомъ, онъ какъ бы приросъ къ нему частью своего существа. Стоило только нажать его, чтобы вынудить желаемое; что же, если оторвать его цѣликомъ отъ лѣса?

— Мотре, а Мотре!—крикнулъ Илько женѣ.—Зловы но курку!

— На що тобі курка?

— На що? треба, тай годи!

— Далєби, зовсимъ зсунувся зъ глузду...

— Коли кажу—дай, то дай! Я тутъ хазяинъ! Давай оту чубату, занести ловчому, розумієшь?

— Ага! такъ бы й казавъ! Дамъ тобі яецъ зъ десятокъ, а курьы не дамъ. Шкода! Хыба витьмєшь ще сала, або меду.

Вскорѣ Илько былъ у пана ловчаго, у котораго завтракаль становой. Войдя, онъ поклонился имъ въ поясъ, замєтая шапкою пыль. Ловчій игралъ на гармоніи, а становой разсматривалъ ружье и прицѣвливался изъ окна. На столѣ кипѣлъ самоваръ; Купріянъ Гончаръ сидѣлъ въ сторонкѣ и пилъ чай, затѣмъ, окончивши, отошелъ въ уголь за трубкою. Илька не удивляла эта короткость его съ „ляхомъ“, всѣ давно знали, что онъ любимецъ „лѣснаго управленія“. Это хитрый мужикъ, умѣеть подладиться. Когда помѣщикъ задумалъ выстроить для ловчаго домъ подлѣ села, онъ предложилъ въ наймы свою новую хату, отстроенную по пански, изъ двухъ комнатъ, съ большими окнами на завѣсахъ, съ „ганкомъ“. Богатый крестьянинъ. Рассказываютъ, что у него въ „липовкѣ“ сложено много серебряныхъ рублей, и земли и пчель у него больше, чѣмъ у кого бы то ни было въ цѣломъ Кобылевѣ. Умѣеть раньше всѣхъ зарендовать лучшую землю у пана. Въ прошедшемъ году не хорошо поступилъ съ сосѣдами: тѣ подрядились у поссєсора вспахать и засѣять цѣлину съ третьяго снопа, а онъ предложилъ отдавать половину и его личныя условія взяли верхъ надъ громадскими. Вотъ только съ Тенжулькевичемъ ему какъ то трудно; никакъ не можетъ войти въ милость къ новому лѣсничему. Но примѣнится и къ нему; знаетъ, хитрецъ, кого чѣмъ обойти... Ловчій, панъ Варакса, фаворитъ Тенжулькевича, вотъ онъ и является къ нему съ подарками. Смотри, какой „лазбень“ меду приволокъ! Поддабривается, лисица! а впрочемъ, такъ и слѣдуетъ, потому что и его подростка поймали.

Такъ думалъ Илько, переступая съ ноги на ногу, а панъ ловчій тѣшилъ его безпокойствомъ.

— Что скажешь, Илько? спросил онъ, не переставая играть. Топоръ нуженъ?

— Такъ, панычку—соколе! Загарбалы вчора, ледве зъ душею пустылы...

— Такъ тебѣ и нужно! Не тронь чужаго!

— Дакъ я жъ ничего... трохи луцця... лапти поодтоптувавъ, не трымаються на ногахъ...

..... Какже ничего! У васъ, хамовъ, все такъ: отъ лычка до ремешка...

— Бѣги, не то выстрѣлю! шутилъ становой, прицѣливаясь въ младшаго сына Гончара, несшаго ловчему миску съ водою для умыванья.

— Забудьте его, ваше благородіе, притворно смѣялся отецъ. Може ще на злодія вырасте, лыко буде красты...

— И будетъ такимъ же, какъ его отецъ, закончилъ становой. Яблоко отъ яблоньки не далеко укатится.

— Ласка ваша, вельможный пане, сміятысь зъ бидного хлопа.

— Пидлещується собака, подумалъ Илько. Боятся, щобъ не обралы кого иншого старшыною на выборахъ, той пиддобрюється Илько стоялъ у порога и не зналъ, какъ просить ловчаго.

— Напрасно ждешь, сурово произнесъ Варакса. Не отдамъ топора.

— А панычу! за що жъ то такъ? Якъ бы я колы, де небудь що таке, а то...

— Напрасно, братъ! Какъ поработаешъ день на майданѣ, тогда и топоръ отдамъ...

Онъ поднялся и вышелъ въ другую комнату; крестьянинъ робко послѣдовалъ за нимъ.

— Чего тебѣ? обернулся ловчій.

— Не прогнивайтесь, панычу, тихо проговорилъ тотъ и вынулъ изъ за пазухи десятокъ яицъ, а изъ шапки кусокъ сала, обернутый въ тряпочку.

Ловчій сдѣлался стоворчивѣе, отперъ складъ, въ которомъ хранились арестованныя у крестьянъ вещи, и позволилъ ему отыскать свой топоръ. Глубокое сожалѣніе охватило Илька при видѣ столькихъ вещей „ихъ брата“, лежавшихъ здѣсь подъ замкомъ. Но вдругъ взглядъ его прояснился, онъ увидѣлъ длинный рядъ топоровъ, лежавшихъ полукругомъ, рукоятками впередь. Было ихъ здѣсь множество, различныхъ формъ, изъ разныхъ селъ; всѣ ожидали терпѣливо той минуты, когда придется имъ снова застучать по дереву, а топорича ихъ оросятся потомъ, капающимъ на приготовляемую для майдана лучину. Если бы могли они думать, тяжелы были бы ихъ мысли, какъ и ихъ желѣзныя головы; а если бы сверхъ того одарены они были совѣстью, то, вѣроятно, не разъ устыдились бы того, что такъ ярко блистали за плечами у полѣсовщиковъ, когда брали ихъ въ плѣнъ. Сельскій кузнецъ выковалъ ихъ по первобытнымъ образцамъ, восходящимъ еще къ тому времени, когда бронзовыя острія свободно могли портить никому не принадлежавшее дерево...

— Панычыку соколе! А луцьки оддасте?

— Не дамъ! чего еще захотѣлъ? Будь благодаренъ за топоръ!

— Та вже жъ, певно... Спасыби за ласку, але...

Онъ съ завистью поглядѣлъ на стѣны и потолокъ *коморы*, увѣшанныя связками лыка, почесалъ въ затылкѣ, поклонился и пошелъ домой.

У него былъ новый срубъ хаты, еще недостроенный, которую онъ готовилъ старшему сыну. Тамъ дѣти забавлялись „стрыбаньемъ“, бросаясь сверху на кучу песку, суевѣрно отплевываясь каждый разъ. Былъ и Дмитро между ними.

— Поволи, диты, поламаете ноги!

— Ни, дядьку! крикнули ему въ отвѣтъ и снова по очереди выговаривали магическія слова: „тьфу, слынько! ты ся забудь, а я ни“. Плевки падали на землю, а дѣти слѣдомъ за нимъ, нисколько не колеблясь, скакали туда же. Едва успѣлъ Илько отойти отъ

нихъ, какъ его *братова* выбѣжала на порогъ своей хаты, и раздраженная ссорою съ мужемъ и вѣчною вознею съ дѣтьми и домашнимъ скарбомъ, издали кричала ему что то о свиньяхъ, безъ призора выпущенныхъ на парь, приправляя накопившуюся у ней злость потоками брани.

Странное зрѣлище увидѣлъ Илько, входя на свое подворье. Изъ за stodолы, со стороны лѣса, бѣжали нѣсколько дѣвушекъ, еще недавно отправившихся туда за грибами. Бѣжали онѣ безъ коробокъ и даже безъ красныхъ клѣтчатыхъ андераковъ; вѣтеръ свободно игралъ ихъ длинными, толстыми рубахами. Страхъ и стыдъ гнали ихъ впередъ; на мелкихъ загорѣлыхъ лицахъ еще не высохли слезы. Какъ испуганныя овцы, онѣ безъ оглядки перепрыгивали черезъ плетень къ Ильку во дворъ. Только старая Явдоха, мать Омелька, сухая и высокая, будучи не въ силахъ поспѣть за молодыми, шла медленно, жалобно причитывая; уголь платка, повязаннаго по обычаю *молодыць*, усиленно метался у подбородка. Ильку показалось, что это трупъ дѣда знахаря всталъ изъ могилы въ бѣломъ саванѣ и гонится за дѣвушками.

— Чого се вы? а де жъ коробки й андеракы? спрашивалъ онъ.

— Ой, дядьку, голубчыку, облупылы чисто.

— Де жъ вы булы? хто се васъ такъ спорядывъ?

— А въ Соколимъ такъ, той стрыженный, якъ его...

— Тенжувкевичъ?

— А такъ!

— Самъ еденъ?

— Де тамъ! зъ проклятымъ Цюцькою.

— Чомъ же вы, дурни, не втикалы?

— Хыба втичешъ! Зненацька напалы...

Неосторожныя дѣвушки пѣли въ лѣсу, забывая опасность, а послушное эхо повторяло ихъ голоса. Тенжувкевичъ возвращался въ бричкѣ съ охоты, услышалъ и накрылъ ихъ; на вопросъ, имѣютъ ли билеты, онѣ бросились бѣжать: „Чи маєте

квиты, пытає, розказывали потерпѣвшія, а мы драла на вти-кача". Онъ безъ труда догнавъ ихъ съ помощью ловчаго и полѣсовщика и отобравъ у нихъ юбки и лукошки въ залогъ ихъ будущаго отработка.—Новое притѣсненіе крестьянъ въ лѣсу.

— А що? а що? не казала тобі: пида, умовся зъ економією! пакинулася Мотря на мужа. А ты все по своему...

— Годи! торжественно отвѣчалъ тотъ. Громада—великій чоловікъ... Поки вона не прыстане и я не прыстану.

Опершись о плетень, Омелько безпокойными глазами слѣдиль за Оксаною и, улучивъ удобную минуту, подозвалъ ее взглядомъ,—та подошла.

— И що жъ? спросилъ онъ насмѣшливо.

— А ничего...

— Тилько й того, що андеракъ знявъ?

— А що жъ бильше? недоумѣвала та. Отъ дурный, прибавила она догадавшись, о чемъ онъ подумалъ.

— То жъ бо, то й що...

Взглянулъ на нее, на мать и инстинктивно сжалъ кулаки. Между тѣмъ по улицѣ пронеслась бричка лѣсничаго, привѣтствуемаго гнѣвнымъ ропотомъ крестьянъ.

— Певно вже чогось хоче одъ насъ, толковали между собою. А то жъ! прихавъ мордоваты насъ за лучыну...

Крестьяне не ошибались. Вскорѣ явился Стѣба съ приказомъ—идти къ лѣсничему.

— Иде вже, иде Цюцька, щобъ его задавило! ворчали одни.

— Якъ бы дали ему доброго хлосту, залышывъ бы допомагаты до кривдження нашего брата, подзадоривали другіе.

— Хай подякує, що становый въ сели, а то бь...

— Одчепитися одъ мене! Хиба я вынныи?...

— Дарма що невынныи, а спробуй въ друге не пустыты товару на пашу, пам'ятатымешъ!

Всѣми овладѣла ярость при воспоминаніи о запрещенномъ для нихъ урочищѣ.

— Винъ думаетъ, якъ прихавъ становой...

— Годи, братця! извинялся полѣсовщикъ. Становой не для того прихавъ.

— А для чого-жь? Круты, не круты, а колысь одирвешъ... То дарма! Хто набрехавъ лиснычому буцимъ-то кобыляне пидпалылы лись?

— Не я... одчепиться! далєби—не я!

— Не выбрихуйся! ты самый! мы тее добре знаемо, не бійсь! Але дарма. Брехнею, якъ той казавъ, свить перейдешъ, а назадъ чи вернешся? Попадєся намъ колысь, побачышъ.... Колы теперъ становой...

— Та годи вже, Ильку, годи! Я-жъ тоби кажу, що становой не для того...

— А для чого-жь? Що ты людей зводишъ? Нащо насъ склыкаешъ?

— Або я знаю? Чорты его знаютъ! А становой вже поихавъ соби, не бійтєся, отъ и дзвоникъ, чуєте, якъ дзынь, дзынь! о?... Занежайте, братця, тый сварки, дай зходьтєся. Надись про опаль, або про пашу мають вамъ щось казаты, а може про лучыну... Богъ ихъ знаетъ... А я що-жь? на мене не гнивайтесь: роблю, що звєлять... звичайно служба! Мушу стерєгты... Его провожали насмѣшками: „геть, цюцько! иды соби къ нечытый матери!“...

— Бокомъ тоби выйде тая сторожа! вырвалась одинокая угроза. Вскорѣ множество бѣлыхъ и коричневыхъ *валєнокъ* колыхалось передъ хатою Купріяна Гончара. При появленіи Тенжулькевича на порогѣ многія изъ нихъ очутились въ рукахъ и видны были только однѣ обнаженныя головы.

— Добры день, паночку! заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

— Какъ поживаете? спросилъ лѣсничій. Что слышно?

— Зле, паночку! ой, барзо зле...

— Ну! что такъ?

— Довго говорыты, а нема чого слухаты...

Несмотря, однако, на такое начало, языки развязались и въ толпѣ начали перечислять претензіи:

— Товару не пускають у лись...

— Дивчатъ геть обдырають...

— Такого ще николи не бувало...

— И худобу поморылы голодомъ и людей поморють,—послышалось горькое замѣчаніе.

— Кажуть люде, буцимъ-то и гала не дозволять косыты въ въ тымъ роци?...

— Ёще-бы! разумѣтся!

— Коны такъ дали буде, прыйдеся панови поскаржытысь! слышались угрозы.

Каждое изъ этихъ замѣчаній было шпилькою по адресу лѣсничаго; въ самыхъ жалобахъ скрывался тайный вызовъ.

— Сами виноваты, голубчики, возразилъ тотъ. Почему не хотите условиться?

— Мы рады-бъ онъ якъ, паночку,—началь Илько, почесывая въ затылкѣ,—дакъ тильки тяжко...

— Чѣмъ тяжко?

— Дуже мало паши даєте, пане... И торикъ, и одъ давнѣйшихъ часивъ выганялы худобу скризь, де добра паша: и въ Княже, и въ Безпалы Ольхи, и въ Слєпечище, а теперь, кажуть, туды вже не пускатымуть, тильки въ Соколе, та въ Красный Ригъ...

— Га, га! Красный Ригъ! Га, га! насмѣхался кто-то. Сыта буде худоба пєсля черницы, багуну, та верболозу.

— Грый Боже такого корму!

— Никуда больше не пуцу! сурово отрѣзалъ Тєнжулькевичъ. Хотите, соглашайтесь, а портить траву по всему лѣсу не позволю. Вотъ вамъ мои условія: по два рабочихъ дня отъ хаты за право выпаса въ Сокольемъ и въ Красномъ Рогѣ.

— Ходимъ до дому, коны такъ! Нема чога стояты...

— Алежь, паночку голубчыку! Що намъ зъ того Сокольёго, та Красного Рогу? Тожъ тамъ самый михъ та вересь...

— Мохомъ годуватымемъ худобу, чи чуєте?

Всѣхъ разбирала досада: мысль кипѣла, раздраженная несправедливостью.

— По два дни за самый михъ! Хе, хе, хе! Ходимъ.

Шапки снова появились на головахъ.

— Пустое, голубчики, выдѣлялся изъ общаго говора сильный голосъ лѣсничаго. Все пустое! Есть и тамъ трава. Вамъ не того хочется. Хотите по прежнему хозяйничать въ лѣсу: надрать лыка, срубить дерево въ тихомолку, поджечь боръ...

Недовольные возгласы прервали перечень ихъ проступковъ: „а Боже бороны, крый насъ и заступы! Кто-жь про те говорить? Бодай мы зъ того мисця не зійшли, колы то правда!“...

— Напрасно! кричалъ непреклонный Тенжулькевичъ. И не понюхаете больше дальнихъ урочищъ. Какъ вы пану, такъ и онъ вамъ! Забрали впередъ деньги еще въ прошломъ году и думать забыли!

Крестьяне переглянулись. Онъ помолчалъ немного и вдругъ спросилъ:

— Лучина когда будетъ?

— Буде, паночку—голубчыку! отвѣчали нестройнымъ хоромъ. Одробымо!...

— Когда же?

Никто не отвѣчалъ; всѣ соображали что то въ умѣ, уставивъ глаза въ землю и почесывая затылки.

— Ну, що жъ, панове громадо? вмѣшался Купріянь Гончаръ, какъ старшина. Прецинь васъ пытаются?

Крестьяне перебирали въ умѣ всѣ лѣтніе сроки—ни одинъ не оказался удобнымъ. Всѣ оказались связаны кругомъ хозяйственныхъ работъ; притиснутые сборомъ податей, они принуждены были взять впередъ деньги за лучину, а теперь не знали, когда отработаютъ и совѣщались объ этомъ.

— Если ко дню Петра и Павла не доставите мнѣ тридцати „шурок“, возвысилъ голосъ лѣсничій, отдамъ „гала“ избинцамъ и рашевцамъ, хоть за третій стогъ!...

Глаза у крестьянъ потемнѣли при этихъ словахъ, потомъ залоснились лбы отъ усиленной работы мысли. Заколыхалась вся эта масса сермягъ и пеньковыхъ рубахъ, подпоясанныхъ красными „крайками“. И страхъ, и гнѣвъ овладѣли всѣми; знакомыя картины собиранія недоимокъ воскресли въ памяти и замутили медленное теченіе ихъ мысли и чувства; тревога выражалась на всѣхъ лицахъ, надломленные голоса пытались возражать:

— Ни, пане! До Петра не здужаемо...

— То тяжко, пане! смѣлѣе другихъ говорилъ Тетеря. Работы не покинешь. Скинчуться сіянка, надійде косовиця, тамъ жныва... Э, пане, трудно!... Въ Спасивку—тобы швидче...

— Але, паночку! Илько правду каже, подхватилъ Климиъ Тетеря. Въ Спасивку тобъ чоловікъ швидче...

— Але, але! подтвердили другіе.

— Илько дуракъ! вотъ что я вамъ скажу! крикнулъ раздосадованный Тенжулькевичъ. Ты у меня людей не бунтуй. Умникъ ты! Самъ больше всѣхъ забралъ денегъ, а теперь подстрекаешь другихъ!... Ну, что жъ? на чемъ порѣшили?

Крестьяне опять свѣсили головы и переговаривались въ полголоса.

— Нехай вже буде до Спаса, пане... Гм, гм!...

— Хорошо, голубчики мои! протянулъ лѣсничій, сдерживая гнѣвъ. Пусть будетъ до „Спаса!“ (Радость въ сердцахъ ихъ боролась съ недовѣріемъ). Но и сѣнокосы, и „паша“—тоже до „Спаса“... Эй, Лука, подавай лошады!... Вотъ какъ западутъ бока у скотины, какъ не достанетъ сѣна на зиму, тогда одумаетесь. Сами придете, безъ зова и поклонитесь низенько.

Онъ уже садился въ бричку съ этими словами, когда старый пастухъ прогонялъ по селу громадское стадо. Всѣмъ показалось, что скотъ былъ худѣе обыкновеннаго; ляжки глубже за-

пали у коровъ, на бокахъ можно было сосчитать всѣ ребра. Пропадать имъ развѣ, что ли? Не всегда же удастся старому Костулѣ обмануть бдительность стражи и пробраться въ глубь лѣса. Не лучше ли поклониться Тенжулькевичу, пока еще не поздно? Но стадо, преслѣдуемое оводами, исчезало изъ вида при поворотѣ улицы, а Илько снова отвлекъ вниманіе всѣхъ своимъ замѣчаніемъ.

— Дакъ нема чого стояты, люде добри! Ходимъ до дому!...

— Ходимъ, братця! Нема чого стояты, повторяли другіе.

— Почекайте! крикнулъ Гончаръ, куды жъ вы? А зъ галомъ и пашою, то якъ же буде? га?..

— Але! правду каже! подтвердили всѣ, какъ будто вопросъ этотъ впервые сталъ передъ ними. Якъ же буде? кажите!...

— Не загинемо! выходилъ изъ себя Илько. Пидемо до посесора косыты гало, хочъ зъ половины... А гроши, паночку, одробымо по жнывахъ!

— Эге, паночку! Такъ коло Спаса, якъ Богъ дастъ...

— То нехай вже такъ буде. Даруйте, паночку, не гнивайтесь... говорилъ Климы Тетеря.

Лѣсничій дѣйствительно сдерживалъ гнѣвъ, не желая ронять своего достоинства въ виду такого множества устремленныхъ на него глазъ; сильнымъ, рѣшительнымъ голосомъ отдавалъ онъ распоряженія своимъ подчиненнымъ:

— Прошу слѣдить внимательно, господинъ Варакса, чтобы нигдѣ, кромѣ Сокольего и Краснаго Рога, не пасли скота! И ты, Стѣба, помни, смотри въ оба, не то прогоню на всѣ четыре стороны! Безъ билетовъ за ягодами, грибами и орѣхами и близко не подпускать къ лѣсу! Если бы которая пошла безъ билета—отбирать лувошки, даже юбки, и пока не отработаютъ штрафныхъ дней на майданѣ, не отдавать, какъ бы ни просили!..

Крестьяне слушали эти распоряженія съ чувствомъ челоуѣка, растянутого на землѣ, на котораго черезъ минуту посыплется удары.

— Объявляю вамъ—обратился къ нимъ лѣсничій, что если не уберете своихъ ульевъ съ господскихъ деревьевъ ко дню св. Іліи, то я прикажу сбросить ихъ!

— Якъ же то, пане? И зъ бжоламы?

— Съ пчелами и съ медомъ!

Это былъ страшный, безжалостный ударъ, направленный противъ крестьянъ. Имъ казалось, что это не ульи, а сами они сидятъ на деревьяхъ и что ихъ, живыхъ людей, хотятъ сбросить оттуда. Столько лѣтъ стояли ульи на деревьяхъ! Развѣ одинъ медвѣдь сбрасывалъ ихъ иногда, какъ мячики, но и тогда глухой шумъ ихъ среди ночной тишины, сопровождаемый собачимъ воемъ, поражалъ ихъ владѣльцевъ въ самое сердце, словно паденіе отца, брата или сына. Чтожь если сбросить ихъ оттуда святотатственная рука полѣсовщика! Представить только себѣ: какъ улей, сброшенный съ вершины достигающей до неба сосны, летитъ и вдругъ—бацъ! на землю съ глухимъ стономъ, словно отъ сотрясенія всѣхъ внутренностей. Хорошо еще, если упадетъ на мягкія подушки мху, иначе—одна *меза* останется отъ сотовъ и пчель.

— Але жъ то розбій, пане! крикнулъ Илько.

— Если снимете сами, никто вамъ ихъ не тронетъ, успокаивалъ Тенжилькевичъ.

— Де жъ мы ихъ поставимо?

— Ставьте, гдѣ хотите! это ваше дѣло, а въ лѣсу и не думайте держать ихъ: сброшу,—развѣ, впрочемъ, продадите въ экономію.

— Алежъ я маю борть въ Дидовымъ Острови! кричалъ Климъ Тетера.

— Въ тебе една, а въ мене ажъ чотыры, да й мовчу,—спокойно замѣтилъ Купріянь Гончаръ. Зъ чужого возка, мовлявъ, и въ болоти зсядай!...

— Не бійсь! не зсядешъ... не утерпѣлъ Илько.

Старшина смѣрилъ его гнѣвнымъ взглядомъ.

— Всѣ, всѣ безъ исключенія! кричалъ лѣсничій.

— Дарма! побачымо, хто знайде ласку, развивали въ толпѣ мысль Тетери. Кто въ паньску дудку...

— Годи, братця! уговаривалъ роптавшихъ одинъ изъ почтенныхъ хозяевъ. Що жъ мы, паночку, зробымо зъ улыбамы?

— Не надумается, бидный! смѣялись другіе. Попереносымо на свій грунтъ, и сосны хай растутъ сами, та роспускають гилля по надъ щырымъ пискомъ...

— Ульи продадите или снесете, какъ угодно—отвѣчалъ лѣсничій съ достоинствомъ. Ну, трогай, Лука! До свиданья, громада... Таъ поторопитесь съ этимъ до Ильи!

— А, щобъ тебе побыла лыха година! раздавалосьъ ему вслѣдъ. Матери твой!...

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ИСТОРИИ.¹⁾

Мм. Гг. Представьте себѣ, что передъ вами находится такое странное зданіе... Часть его возведена высоко, чуть не подъ самую крышу, другая едва видѣется надъ землей, далѣе только роютъ еще фундаментъ. Въ первой, еще недостроенной, части идетъ дѣятельная работа—масса работниковъ съ лихорадочной поспѣшностью не только гонить зданіе вверхъ, но въ тоже время старательно обдѣлываетъ его лѣпными работами и всякими украшеніями. Во второй части лѣнливо двигается нѣсколько заведомыхъ работниковъ, еще далѣе—сидятъ, сложа руки, или снятъ отдѣльные рабочіе. Ни общаго плана, ни общаго надзора нигдѣ не видно. Всякій хорошій архитекторъ съ улыбкой и состраданіемъ посмотритъ на такую постройку—элементарное условіе прочности всякаго зданія—равномѣрность постройки, иначе ей предстоитъ печальная участь: она дастъ трещины и грозитъ обваломъ.

Наука о нашей національной исторіи, напоминаетъ мнѣ Мм. Гг. подобную постройку. Есть въ этой наукѣ излюбленные отдѣлы, надъ которыми давно работаетъ масса тружениковъ, работаетъ съ увлеченіемъ, обдѣлывая тщательно самыя мелкія ихъ детали, изучая т. е. не только анатомію, но и гистологическое строеніе самыхъ мелкихъ вопросовъ. А тутъ же рядомъ находятся цѣлыя области, цѣлые періоды, рядъ крупныхъ и важныхъ вопросовъ, представляющихъ настоящую terra incognita. Съ подобнымъ явленіемъ можно было бы отчасти примириться, еслибы дѣло ограничива-

¹⁾ Вступительная лекція въ московскомъ университетѣ 21 сентября 1883 г.

лось только этимъ детальнымъ изученіемъ, еслибы изъ изучаемаго матеріала дѣлались только тѣ частные выводы, на которые онъ даетъ право: чѣмъ глубже и детальнѣе изучается предметъ, тѣмъ болѣе выигрываетъ наука. Къ сожалѣнію, этимъ дѣло не ограничивается. Едва ли гдѣ есть другая интеллигенція, болѣе нашей склонная къ общимъ выводамъ, общимъ сентенціямъ. Болѣе чѣмъ кто либо мы склонны частные случаи возводить въ систему, изъ частныхъ фактовъ дѣлать общіе выводы. Разница между научнымъ и публицистическимъ выводомъ состоитъ въ томъ, что первый есть только математическій выводъ изъ данныхъ, вполне критически провѣренныхъ фактовъ, второй сопоставляетъ рядъ фактовъ одной категоріи съ рядомъ положеній совсѣмъ инаго разряда, не пытаясь критически провѣрить тѣхъ и другихъ, а главное законности подобнаго рода сопоставленія. А между тѣмъ къ подобнаго рода сопоставленіямъ и выводамъ мы склонны болѣе, чѣмъ кто либо. Оттого то наши общіе выводы такъ часто отличаются голословностью, бездоказательностью, оттого они такъ шатки. Оттого у насъ такъ часто встречаемъ догматизмъ, рутину, а не здоровый научный критицизмъ.

Едва ли гдѣ сильнѣе отразился этотъ недостатокъ, чѣмъ въ нашей наукѣ. Едва ли гдѣ мы найдемъ больше пробѣловъ, большее количество нетронутыхъ вопросовъ, болѣе одностороннюю обработку, и въ тоже время большее обиліе общихъ выводовъ и догматическихъ положеній. Не успѣла наша наука подняться, т. ск., надъ землей, какъ является уже и ея философія, общая характеристика русскаго національнаго духа, русскихъ національныхъ учреждений, сдѣланная на основаніи ничтожнаго количества частныхъ и мѣстныхъ фактовъ.

И въ тоже время эти скороспѣлые выводы выдаются за нѣчто непреложное, за уроки исторіи, на основаніи ихъ стараются пересоздать нашъ внутренній строй, ими хотягь руководить нашей внутренней и внѣшней политикой.

Нельзя не обратить еще вниманія въ этомъ вопросѣ на какую то мѣстную гордость, сказывающуюся въ опредѣленіи того, что и кто на самомъ дѣлѣ *русскій*. Въ извѣстныхъ случаяхъ мы съ гордостью повторяемъ, что Русь вездѣ „отъ хла-

днихъ финскихъ скалъ, до пламенной Колхиды“, отъ Вѣлаго моря и до отдаленныхъ уголковъ Карпатскихъ горъ. Но лишь только дѣло зайдетъ объ опредѣленіи основныхъ чертъ русскаго характера, національно-русскихъ учреждений, мы тотчасъ начинаемъ бросать за бортъ однихъ русскихъ за другими, вычеркиваемъ одинъ періодъ за другимъ изъ нашей исторіи и въ концѣ концовъ безконечно суживаемъ Русь и территоріально и исторически и принимаемся смотрѣть на вопросъ съ исключительной точки зрѣнія извѣстной мѣстности и извѣстнаго времени, черты временныя возводимъ къ общимъ началамъ русскаго духа, учреждения, вызванныя исторической необходимостью, считаемъ характерными національными отличіями и настойчиво требуемъ возврата къ прошлому.

Странное недоразумѣніе! Одно изъ двухъ: или, опредѣляя національный типъ, мы должны брать его, какъ онъ теперь существуетъ, со всѣми историческими наслоениями, или же, если мы убѣждены, что основы національнаго характера слишкомъ пострадали отъ разныхъ постороннихъ вліяній, искать въ прошломъ того времени, когда враждебныхъ сохраненію національнаго типа условій или не было вовсе, или они существовали только въ незначительной степени. А въ такомъ случаѣ не въ среднемъ же періодѣ русскаго исторіи можно найти чистый національный типъ. Кто, знакомый съ фактами, станетъ отрицать громадное вліяніе 250 лѣтнаго ига азіатской орды надъ сѣверо-восточною Русью? Можно развѣ сказать, что оно прошло безслѣдно въ исторіи развитія національнаго типа ея населенія, не принесло новыхъ учреждений, значительно отличныхъ отъ прежнихъ?

Оставимъ пока въ сторонѣ практическое значеніе подобныхъ справокъ, не будетъ касаться того вопроса, имѣли ли мы и въ какой мѣрѣ и когда право требовать возврата къ прошлому, ограничимся только теоретической стороной вопроса. Изучая основныя черты русскаго національнаго типа, мы должны начать изученіе съ древняго періода нашей исторіи, когда вліяніе условій, могущихъ видоизмѣнить цѣльность національнаго типа, было еще очень незначительно. Продолжая наше изученіе, мы не можемъ ограничиваться одною какой нибудь мѣстностью, одною

вѣтвью нашего народа, мы должны изучать его весь, несмотря на временное политическое разъединеніе его частей.

На зарѣ нашей исторической жизни мы застаемъ уже нашъ народъ раздѣленнымъ на отдѣльныя племенные группы, живущія самостоятельной жизнью. На общей основѣ, данной имъ происхожденіемъ отъ одного общаго корня, каждая вырабатываетъ собственныя оригинальныя черты въ языкѣ, бытѣ, общественномъ устройствѣ, религіи. Не обходится безъ племенныхъ счетовъ, племенной вражды. Въ IX в. у насъ повторяется явленіе, общее въ то время всѣмъ славянскимъ племенамъ. Одна изъ племенныхъ группъ выдвигается и тѣмъ или другимъ образомъ подчиняетъ себѣ остальные. Объединеніе это на первый разъ чисто внѣшнее, политическое. Подчиненнымъ группамъ назначаются только дани и уроки, внутренніе распорядки ихъ продолжаютъ развиваться прежнимъ самостоятельнымъ путемъ. Это хотя и внѣшнее единство продолжалось сравнительно недолго—не болѣе полутора столѣтія. Въ XI ст. мы опять находимъ Русь разбитой на отдѣльныя части. Но составъ этихъ частей уже нѣсколько иной: это уже группы не племенные, а государственныя: здѣсь нѣсколько племенныхъ группъ соединилось въ одномъ княженіи, тамъ на почвѣ одного племени выросло нѣсколько княжествъ. Эти отдѣльныя государства начинаютъ снова жить самостоятельной жизнью. Прежніе племенные счета смѣняются счетами государственными. Связь между отдѣльными государствами болѣе платоническая, чѣмъ реальная. И все же нельзя не замѣтить, что эти отдѣльныя группы теперь несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ прежде. Не забудемъ, что на зарѣ этого новаго порядка вещей возникаетъ великое явленіе, память котораго мы праздновали на дняхъ. Мѣстныя религіозныя вѣрованія, своеобразныя у каждаго племени, уступаютъ мѣсто одному общему вѣрованію. Вліяніе его на первыхъ порахъ мало проникаетъ вглубь самой народной массы, но за то уже тогда оно начинаетъ играть важную роль въ смыслѣ политически-объединительномъ. Рядъ другихъ факторовъ—общій княжескій родъ, общій литературный языкъ, постоянное передвиженіе населенія то съ военными, то съ торговыми цѣлями

устанавливаютъ известную связь между отдѣльными группами княжествъ. Въ теченіи этого новаго періода происходитъ не разъ новая группировка частей—то тамъ, то здѣсь, отдѣльныя княженія соединяются политически въ одно цѣлое, сами княженія дробятся, и отдѣльныя ихъ части примыкають то къ той, то къ другой группѣ. Къ концу этого періода мы замѣчаемъ уже среди отдѣльныхъ частей Руси несомнѣнную тенденцію къ объединенію. Эта центростремительная сила направляется въ началѣ къ двумъ противоположнымъ центрамъ—одному на сѣверо-востокъ, другому на юго-западѣ. Замѣчательно, что оба эти центра устанавливаются на окраинахъ русской земли и русскаго населенія. Но вотъ въ XIII ст. Русь постигаетъ страшное бѣдствіе, гнетущая власть котораго продолжается два съ половиною столѣтія. Однако этотъ страшный ударъ, во многомъ задержавшій наше самостоятельное развитіе, не только не останавливаетъ намѣченное раньше стремленіе къ объединенію, наоборотъ служитъ ему могущественнымъ толчкомъ. Объединительные центры устанавливаются окончательно—на сѣв.-вост. Москва, на юго-западѣ Галичь. Каждый изъ центровъ считаетъ себя въ равной мѣрѣ законнымъ наслѣдникомъ кievскихъ традицій и смѣняетъ старое племенное и болѣе новое мѣстное названіе однимъ и тѣмъ же—*Русь*—съ начала XIV ст. галицко-владимірскіе князья уже именуютъ себя князьями всей Малой Руси.

Однако историческая судьба идеи объединенія совсѣмъ иная въ Руси сѣв.-восточной нежели въ Руси юго-западной. Первая находится въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ: врагъ стоитъ у самыхъ ея воротъ, помощи ждать не откуда, во всемъ необходимо дѣйствовать собственными силами. И вотъ эти силы собираются и накопляются. Идея объединенія получаетъ силу необходимости, ей приносится въ жертву, ей служить все—земля и люди. Не обходится безъ увлеченія, односторонности; все, такъ или иначе мѣшающее идеѣ объединенія, ломается сурово и безпощадно, и ломка эта идетъ и дальше и глубже, чѣмъ это, быть можетъ, было необходимо. Такъ бываетъ впрочемъ всегда: увлеченный известной идеей человекъ смотритъ на все съ одной точки зрѣнія, не признавая за другими воззрѣніями права на существованіе.

Какъ бы то ни было, но вѣковыя усилія увѣнчались на сѣверо-востокѣ полнымъ успѣхомъ: врагъ былъ сломленъ, идея объединенія восторжествовала.

Иная судьба постигла эту идею на юго-западѣ. Врагъ былъ отъ нея гораздо дальше, гнетъ его чувствовался несравненно слабѣе. Къ тому же географическія условія южнаго центра, окруженнаго съ двухъ сторонъ сильными иностранными сосѣдями, нѣкоторая безопасность южно-русскаго характера, живущаго день за днемъ безъ особенной заботы о будущемъ, давали ему надежду на помощь извнѣ. Несмотря на опыты прошлаго, легко забывалось, что въ политикѣ чужая помощь никогда не бываетъ безкорыстною.

По всѣмъ этимъ причинамъ страшный урокъ XIII в. проходить для южнаго центра какъ то безслѣдно; внутренніе распорядки продолжаютъ развиваться по прежнимъ, противнымъ идеѣ объединенія началамъ. Въ то же время на сѣв.-зап. внезапно возникаетъ новое государство, подобно снѣжному кому, растущее съ невѣроятной быстротой. Подъ ударами нѣмецкаго ордена пробуждается Литва, хватается за мечъ и съ отчаянья сыплетъ удары на право и на лѣво, одерживая невѣроятно легко вездѣ побѣды. Слишкомъ поздно спохватился южно-русскій центръ, остановить роста этаго новаго могущества онъ уже не могъ. Сверхъ всякаго ожиданія Литва оказывается прекраснымъ политикомъ, вызываетъ такія симпатіи, что западно-русскія княжества, давно искавшія точки опоры, чуть не добровольно отворяютъ ей свои ворота.

Роль галицко-русскаго центра была сыграна; внутренняя дезорганизация достигла въ немъ такой степени, что достаточно было чисто внѣшняго повода—прекращенія мѣстной династіи, и это такъ много обѣщавшее государство почти безъ борьбы пало въ чужія руки.

Несравненно лучше пошло дѣло въ остальныхъ русскихъ областяхъ, примкнувшихъ къ литовскому центру. Новый объединительный центръ строить свою государственную систему на той идеѣ, которую впоследствии перенимаетъ, впрочемъ только по имени, у него Польша,—на увнѣ. Никакихъ новыхъ порядковъ, ника-

кихъ *новинъ* не вносить Литва въ присоединенныя русскія области, ничего она не ломаетъ, все оставляетъ по старому. Въ этомъ лежитъ причина ея быстрого успѣха, но въ этомъ же зародышъ государственной слабости. Несовмѣстимость старыхъ порядковъ съ новымъ положеніемъ вещей прекрасно понималъ такой умный политикъ, какъ Витовтъ, но его реформы явились слишкомъ поздно, дѣло зашло уже слишкомъ далеко.

Обезпokoенная быстрымъ ростомъ могущества литовско-русскаго государства, Польша предлагаетъ ему тотъ же компромиссъ, благодаря которому Литва такъ легко изъ ничтожнаго зерна выросла въ могучее дерево—т. е. личную унію. Замѣтимъ при этомъ, что польская историческая наука выработала цѣлую философію уніи. По ея утверженію, изъ всѣхъ славянскихъ государствъ одна Польша нашла мирный безкровный способъ рѣшать національные счеты—путемъ уній религіозныхъ и свѣтскихъ, политическихъ и народныхъ. Забывается при этомъ, что уніи никогда не были свободными договорами безъ задней мысли, и что послѣдствія ихъ всегда оканчивались тѣмъ же кровавымъ результатомъ, что и всякіе иные способы рѣшенія національныхъ счетовъ.

Впродолженіи двухъ почти столѣтій со времени соединенія съ Польшей жизнь внутреннихъ западно-русскихъ областей продолжаетъ развиваться по старымъ русскимъ началамъ. Въ то же время, однако, со стороны Польши идетъ глухая подземная работа, конечная цѣль которой—цртвореніе русскаго тѣла въ польское. Однако, въ приемахъ этой работы мы можемъ въ настоящее время констатировать полное незнаніе и непониманіе основныхъ началъ русской жизни. Построенное на сословномъ принципѣ, привыкшее признавать человѣческія права только за однимъ привилегированнымъ сословіемъ, съумѣвшимъ поработить и обезличить всю остальную народную массу, польское государство судить и о Руси съ той же сословной точки зрѣнія. Ассимилируя себѣ *principes et majores natu* русскаго народа, Польша считала свою подготовительную работу вполне поконченной и провозгласила новую эру—полнаго слиянія обоихъ государствъ. Извѣстно, какъ она жестоко ошиблась. Народная масса воз-

стаетъ на защиту своей національности и, ослабѣвъ въ тяжелой борьбѣ, примыкаетъ къ достаточно уже окрѣпшему сѣверо-восточному русскому центру. И эта народная масса вступаетъ въ московское государство *вполнѣ русской*, сохранивъ свои старыя русскія начала, свой родной языкъ, свою родную вѣру.

Проходятъ еще столѣтіе, и обезсиленная Польша не только отдаетъ намъ остальные русскія области, но и сама входитъ въ составъ нашего государственнаго организма.

Однако, при этомъ не обошлось безъ страннаго недоразумѣнія, и въ немъ опять должна нести повинную наша національная наука. Мы необыкновенно легко повѣрили на слово, что въ воссоединенныхъ частяхъ нашего стараго организма не осталось ни капли русской крови, ни куска русскаго тѣла, что все это успѣло давно претвориться въ кровь и плоть польскую. Только извѣстныя историческія обстоятельства заставили насъ внимательнѣе приглядѣться къ народному облику зап. Руси, и мы опять съ изумленіемъ увидѣли здѣсь русское начало въ замѣчательной чистотѣ.

Любопытнѣе всего въ этомъ отношеніи судьба единственной еще не воссоединенной части русскаго организма—Руси Галицкой.

Въ эпоху раздѣла Польши наши свѣдѣнія въ національной исторіи были еще такъ слабы, что мы совершенно не подозрѣвали въ этой области присутствія русскаго начала. Стоило только Австріи выдвинуть свои миѣическія права на эту область, основанныя на томъ полукомическомъ фактѣ, что въ XIII ст. венгерскій королевичъ посидѣлъ на галицко-владимірскомъ княжескомъ столѣ и, изгнанный оттуда, принялъ въ утѣшеніе титулъ *rex Galiciae et Lodomeriae*, какъ мы безъ всякаго колебанія отдали ей наше законное достоинство, а взамѣнъ *тог* получили даръ Данайцевъ.

Между тѣмъ, если гдѣ, то именно въ этой части юго-зап. Руси изумительнѣе всего сказалась живучесть русскаго начала. Эта часть русскаго тѣла раньше всѣхъ другихъ перешла подъ чужую власть. Нельзя при этомъ не вспомнить и ея прежнюю судьбу—до перехода въ чужія руки. Изъ всѣхъ областей

древней Руси это была б. м. часть наиболѣе культурная и во всякомъ случаѣ, благодаря своему географическому положенію, часть наиболѣе подверженная иноземнымъ вліяніямъ. На ряду съ вліяніями Византіи, имѣвшей съ этой страной тѣсныя торговля и политическія сношенія—(одинъ изъ галицкихъ князей, знаменитый Романъ Мстиславичъ спасалъ даже Византію неоднократно отъ вторженія варваровъ), здѣсь тѣснымъ узломъ переплетаются разнородныя вліянія Польши, Венгріи, даже Германіи. Князья и магнаты греческіе, польскіе и венгерскіе ищутъ здѣсь убѣжища и помощи послѣ своихъ политическихъ неудачъ на родинѣ; измученное насиліями въ родной странѣ населеніе Польши, Венгріи, Трансильваніи, Валахіи и Молдавіи массами притекаетъ подъ защиту русскаго начала. Высшіе классы галицко-русскаго общества съ успѣхомъ примѣняютъ на родинѣ политическія тенденціи польскихъ и венгерскихъ магнатовъ, усвояютъ себѣ ихъ нравы и далеко не чужды европейской культуры. Составителю древнѣйшей мѣстной лѣтописи, повидимому, былъ не чуждъ литературный языкъ запада—языкъ латинскій. Городское населеніе имѣло здѣсь уже и тогда весьма разнообразный составъ—евреи, армяне, нѣмцы, чехи, поляки не только вели здѣсь оживленную транзитную торговлю, но и нерѣдко поселялись въ галицко-русскихъ городахъ на постоянное жительство.

Въ самомъ началѣ XIV в. нѣкоторые галицко-русскіе города получаютъ уже нѣмецкое устройство, извѣстное подъ именемъ магдебургскаго права.

И вотъ при такихъ условіяхъ Галицкая Русь въ 1/2 XIV ст. помощью цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, о которыхъ мы теперь не станемъ распространяться, теряетъ свою самостоятельность и подпадаетъ подъ чужую власть. Послѣ непродолжительнаго спора за ея обладаніе между Польшей, Венгріей и Литвой она къ исходу XIV в. окончательно закрѣпляется за Польшей. Трудно, кажется, и представить себѣ лучшихъ условій для окончательнаго воспріятія чужихъ порядковъ, чужой культуры: подготовка къ ассимиляціи, повидимому, болѣе чѣмъ благопріятная. И польское правительство не церемонится съ этой страной, считая ее добытой мечемъ, а потому полной своей соб-

ственностью. Этотъ взглядъ совершенно опредѣленно былъ высказанъ на одномъ изъ польскихъ сеймовъ, когда зашла рѣчь о подтвержденіи древнихъ грамотъ на земли, выданныхъ старыми русскими князьями: всѣ старыя права не имѣютъ никакого значенія и должны быть кассированы, такъ какъ Червоная Русь представляетъ собой военную добычу. Въ этомъ опредѣленіи узнаемъ откликъ древне-галльскаго жестокаго слова—*vae victis*.

И дѣйствительно, не проходитъ и полувѣка, какъ Пельша сочла эту ассимиляцію фактомъ совершившимся. Русское право объявляется здѣсь окончательно уничтоженнымъ, и во всѣхъ сферахъ управленія вводится право польское.

Мало того: по многимъ причинамъ Червоная Русь была настоящей обѣтованной землей для Польши. Дѣло въ томъ, что пресловутая равноправность польской шляхты существовала только въ воображеніи. Уже давно эта самая шляхта раздвоилась на весьма незначительное количество безмѣрно богатыхъ магнатовъ и огромную массу почти безземельной шляхты; значительная часть послѣдней т. наз. загродовая шляхта не владѣла и $\frac{1}{4}$ обычнаго тогда крестьянскаго надѣла, а весьма значительное число ея, носившее характерное названіе *голоты*, вовсе было лишено земли и скиталось по дворамъ магнатовъ, исполняя у нихъ самыя ничтожныя должности. Вотъ эта то голодная масса, подобно саранчѣ, цѣлой тучей направляется въ Черв. Русь и всѣми правдами и неправдами овладѣваетъ ея богатыми, текущими медомъ и молокомъ, по ихъ собственнымъ восторженнымъ отзывамъ, землями. Со введеніемъ польскаго права все мѣстное населеніе окончательно подчиняется шляхтѣ, вводится доминантный судъ и нѣмецкое право, въ этомъ отношеніи малѣ чѣмъ отличное отъ польскаго.

Казалось, русское начало здѣсь окончательно подавлено, въ конецъ убито, русская плоть и кровь претворилась въ плоть и кровь польскую.

Но приглядимся внимательнѣе къ источникамъ. Счастливый случай сохранилъ намъ безконечно важный разрядъ источниковъ, тѣмъ болѣе важный, что въ немъ нѣтъ мѣста для тенденціозныхъ умолчаній, для сокрытія всего, говорящаго не въ пользу

извѣстныхъ теорій, извѣстныхъ желаній; я говорю о судебныхъ протоколахъ, сохранившихся здѣсь съ конца XIV и начала XV в. Изучая этотъ драгоценный матеріалъ, отсутствіемъ котораго такъ страдаютъ другія части нашей исторіи, нельзя не замѣтить, какъ русская жизнь, русское право, русское начало бьетъ ключемъ подъ этой чуждой оболочкой. Полуграмотные протоколисты въ своей варварской латыни постоянно сбиваются на мѣстный говоръ и постоянно вводятъ цѣлыя тирады (особенно тамъ, гдѣ передается интерпелляція сторонъ) по русски.—Ясное доказательство, что и само судопроизводство происходило на томъ же мѣстномъ нарѣчій, хотя съ 1435 г. оффиціальнымъ языкомъ и стала здѣсь языкъ латинскій, и прекратилась выдача актовъ русскихъ. Сами судьи оказываются вполнѣ невинными въ дѣлѣ юридическаго образованія, постоянно отговариваются незнакомствомъ съ правомъ польскимъ и предпочитаютъ вершить дѣла по мѣстнымъ обычаямъ, по указанію самихъ сторонъ.

Но этого мало. Въ этихъ документальныхъ источникахъ историкъ русскаго права и русской жизни найдетъ себѣ обильную жатву и навѣрное разъясненіе не одного темнаго вопроса внутренней исторіи древне-русской жизни. Мы найдемъ здѣсь еще во всей своей силѣ древне-русскую сельскую общину—сотню съ десятниками, тиунами, атаманами во главѣ, общинный судъ, какъ извѣстно удержавшійся весьма долго въ юго-зап. Руси. По всему карпатскому подгорью мы найдемъ здѣсь славянскую общину съ ея характернымъ устройствомъ и періодическими сходками, удержавшими старинное названіе *впча*. Для исторіи и характеристики общественныхъ классовъ древне-русскаго общества это опять таки безцѣнный матеріалъ—передъ нами проходятъ здѣсь разнообразныя классы русскаго общества, начиная отъ рабовъ, продаваемыхъ какъ скотъ на торгу, кабалныхъ холоповъ, разнаго вида крестьянъ до остатковъ древне-русскаго высшаго класса—бояръ. И вездѣ узнаемъ родныя лики, нравы, а часто и рѣчь. Но описываемая эпоха XV и нач. XVI в. еще время сравнительное благопріятное для сохраненія русскаго начала. Польской шляхтѣ не было никакого интереса вмѣшиваться въ сокровенныя уголки русской жизни; она получала съ населенія

то, что ей было нужно, чинши и работы, стараясь, правда, получить какъ можно больше, до остальнаго ей было мало дѣла. Это было лучшее время Польши, золотой вѣкъ ея литературы, эпоха терпимости религіозной. Польская шляхта того времени весьма туго слушала проповѣди своего духовенства, настаивавшаго на обращеніи схизматиковъ. Она плохо вѣрила въ безкорыстіе своего духовенства, она сама тяготилась его опекой, была недовольна значительными налогами въ пользу церкви, отнимавшими немалую часть ея доходовъ, и весьма благосклонно стала относиться къ реформаторскому движенію зап. Европы. Къ сожалѣнію, этотъ періодъ вѣротерпимости продолжался недолго и смѣнился эпохой самой непривлекательной реакціи.

Нужно, впрочемъ, отдать честь польскому духовенству: оно было дальновиднѣе шляхты; оно прекрасно поняло, что полному сліянію двухъ національностей, претворенію русской плоти въ польскую болѣе всего другаго препятствуетъ разница въ вѣрѣ, старья религіозныя традиціи, мѣстный языкъ въ богослуженіи. Важность этого открытія скоро поняло и правительство и явилось дѣятельнымъ пособникомъ духовенству. И однако всѣ усилія союзниковъ разбились о неимовѣрную стойкость русскаго народа. Быть можетъ, причиною неуспѣха была отчасти и самая безсистемность въ приемахъ: начинали съ увѣщаній и обѣщаній, но первыя встрѣчали моральный отпоръ, вторыя не исполнялись, являлось раздраженіе, сыпались удары и встрѣчали сильную реакцію. Заправилы этой политики хорошо понимали, что достигнутый ими успѣхъ—проведеніе уніи слишкомъ ничтоженъ. Мало знакомый съ догматическими тонкостями, народъ продолжать и продолжаетъ до сихъ поръ считать свою вѣру греческой—или русской, тѣмъ болѣе, что продолжалъ видѣть въ сущности прежнее богослуженіе на родномъ языкѣ, а во многихъ мѣстахъ духовенству русскому удалось отстоять и до сихъ поръ сравнительную чистоту обряда. Однако, въ результатѣ всѣхъ этихъ перипетій русское населеніе Галиціи, измученное непосильной борьбой, какъ то замерло, ушло въ себя.

При томъ сливки русскаго общества, единственный его гласный классъ, имѣвшій возможность громко заявлять о своей на-

ціональности, оставить свое знамя послѣ недолгой борьбы, продалъ свою національность и вѣру за нѣсколько жалкихъ серебрянниковъ. Такъ продолжалось дѣло до паденія польскаго государства. Мы уже говорили, что уступая Галицію Австріи, мы совсѣмъ забыли, или не знали о существованіи въ ней русскаго населенія. Не знала этого и Австрія, предполагая въ обѣихъ частяхъ нынѣшней Галиціи одно сплошное польское населеніе.

И вотъ, лишь только въ незабвенную для галицкой Руси эпоху просвѣтительной дѣятельности благороднаго Іосифа II въ ней повѣяло болѣе свободнымъ духомъ, русское начало снова оживаетъ и громко заявляетъ свои національныя права. Тщетно стараются подавить это движеніе, представить его мятежемъ, искусственнымъ явленіемъ, вызваннымъ чужимъ вліяніемъ—остановить ростъ этого національнаго самосознанія было уже невозможно. И характерно то, что всѣ почти безъ исключенія дѣятели галицко-русскаго возрожденія, Марвіанъ Шашкевичъ, Устиновичъ, Яковъ Головацкій, Яхимовичъ—люди, вышедшіе изъ народа, изъ среды русскаго духовенства, которое въ югозап. Руси сливалось съ народомъ такъ тѣсно, что вмѣстѣ съ нимъ принадлежало къ крѣпостному состоянію, отбывало работы и панщину и вмѣстѣ съ крестьянами, какъ скоть, перепродавалось изъ рукъ въ руки.

И несмотря на тѣ безконечно тяжелыя условія, въ которыхъ и по нынѣ находится русское населеніе Галиціи, гдѣ оно принуждено отстаивать шагъ за шагомъ каждый клочекъ своего національнаго тѣла, каждый звукъ своего роднаго языка, посмотрите, какихъ результатовъ оно въ настоящее время достигло: оно имѣетъ свою литературу на родномъ языкѣ, которая съ каждымъ годомъ улучшается и очищается отъ вѣковыхъ чуждыхъ вліяній—и что всего замѣчательнѣе, матеріалъ для этого очищенія даетъ языкъ народный, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшій доселѣ въ изумительной чистотѣ. Оно имѣетъ свои семинаріи и школы съ преподаваніемъ на родномъ нарѣчій, въ самой религіи оно изгоняетъ черты чужой обрядности, отстаивая въ то же время съ поразительной настойчивостью старыя русскіе обычаи. Все болѣе и болѣе усиливаются культурныя сношенія и съ нашей Русью, и это сближеніе, эти симпатіи годъ отъ году сильнѣе.

Попробуйте переѣхать изъ южной Руси за рубежь въ Русь галицкую, минойте города, гдѣ смѣшанное поселеніе затемняетъ свѣтлый ликъ народа, зайдите въ сельскую хату и взглянитесь въ народный обликъ—и что же вы увидите? Тѣ же родныя южно-русскія черты, тотъ же чистый и свѣтлый народный говоръ, тѣ же знакомыя пѣсни, тѣ же родныя преданія.

Не напоминаетъ ли Вамъ, Мм. Гг., эта поразительная живучесть русскаго начала ту живую силу хлѣбныхъ зеренъ, которыя дали ростки послѣ тысячелѣтняго пребыванія въ темныхъ египетскихъ катакомбахъ?

Итакъ, Мм. Гг., изученіе западно-русской исторіи не только глубоко поучительно, но и безусловно необходимо для правильной ориентировки въ нашемъ національномъ самопознаніи, для всесторонняго и точнаго пониманія нашего національнаго типа. Оно показываетъ намъ поразительную живучесть русскаго начала, тѣмъ болѣе поразительную, что это начало сумѣло соблюсти свою чистоту среди самыхъ тяжелыхъ условій, сумѣло отстоять себя въ борьбѣ не съ грубой языческой ордой, а съ началомъ культурнымъ, исполненнымъ всѣми тонкостями коварства, испытавшимъ въ этой борьбѣ всѣ средства, начиная отъ самаго грубаго насилія и до самыхъ неуволимыхъ моральныхъ вліяній. Какимъ же чудомъ сумѣла въ этой борьбѣ зап. Русь вывести свое родное достояніе во всей его чистотѣ и неприкосновенности? Какіе факторы содѣйствовали ей въ этой непримѣрной борьбѣ? Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности, скажемъ только, что побѣдѣ этой способствовала и самая стойкость русскаго начала, стойкость, доходящая порою до консерватизма, и рядъ причинъ моральныхъ и экономическихъ. Нельзя не указать на безконечно важную роль, которую сыграла въ этой борьбѣ русская церковь, отстоявшая родной языкъ въ богослуженіи и тѣмъ положившая непреходимую грань для чуждаго вліянія. Содействовало ей и частое колебаніе во внутренней политикѣ польскаго государства, и порою сознательная и бессознательная поддержка той самой шляхты польской, въ интересахъ которой было подавленіе этого начала,—но подробностямъ изученіемъ этихъ причинъ мы займемся въ свое время.

Итакъ, Мм. Гг., только параллельнымъ изученіемъ сѣверной и западной русской исторіи мы можемъ всесторонне изслѣдовать сущность нашего національнаго начала, можемъ узнать, какъ оно реагировало на самыя разнообразныя вліянія. Развитие многихъ сторонъ русской жизни пошло здѣсь по иному направленію, чѣмъ въ исторіи сѣв. Руси, но почему же мы должны изучать это развитіе преимущественно по одному направленію, а не по всѣмъ? Каждое начало состоитъ изъ массы составныхъ элементовъ—при однихъ условіяхъ развиваются одни элементы, при другихъ—иные. Но задачей истинно-научнаго отношенія должно быть изученіе предмета при всевозможныхъ вліяніяхъ. Притомъ въ исторической наукѣ сравнительное изученіе есть единственное возмѣщеніе недоступнаго ей опыта.

Параллельное изученіе много поможетъ и пониманію разныхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ во внутренней исторіи сѣв.-вост. Руси. Историческое изслѣдованіе находится въ печальной зависимости отъ состоянія сохранившагося матеріала, а мы знаемъ, какъ бѣденъ и отрывоченъ этотъ матеріаль для многихъ періодовъ нашей исторіи. Скудостью и отрывочностью матеріала объясняются часто діаметрально противоположныя возрѣнія на многія стороны древне-русской жизни—вспомните, напр., знаменитый споръ пятидесятихъ годовъ относительно происхожденія и роли сельской общины у насъ. Только сравнительное изученіе поможетъ намъ въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, для которыхъ недостаточно одного собственнаго матеріала.

Но и здѣсь, прежде чѣмъ идти въ далекія страны и тамъ искать правды, поищемъ этой правды у себя, въ забытыхъ частяхъ нашего собственнаго тѣла.

Даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ зарубежной Руси народъ именуется себя русскимъ, свою вѣру русской. И стоитъ только проѣхать по этой многострадальной странѣ, дабы убѣдиться, что это не самозванство, а открытое, несмотря на всѣ препятствія и насилія, заявленіе своей истинной національности. А если такъ, Мм. Гг., то и исторія западной и юго-зап. Руси не чуждая намъ исторія, и не *мѣстная*, а исторія *общерусская*, и ей довлѣютъ тѣ же права, что и исторіи сѣверной русской. Не

станемъ же отдѣлять одной отъ другой и не будемъ вносить въ историческое изученіе нашего прошлаго той розни, отъ которой издревле страждетъ великое славянское племя.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ моимъ будущимъ слушателямъ.

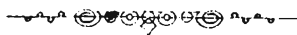
Г-да! У насъ одно время очень много говорили о вліяніи среды на человѣка. Составилась даже характерная фраза, что человѣка заѣдаетъ среда, засасываетъ его, подобно гнилому болоту. Но если бываетъ среда гнетущая, убивающая лучшія стороны человѣческой природы, то есть среда бодрящая и животворящая, воспитывающая и облагораживающая всѣ добрыя стороны человѣка. И въ числѣ такихъ средъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ средѣ университетской. Каковы бы ни были природныя задатки человѣка, какимъ бы дурнымъ членомъ общества онъ себя ни зарекомендовалъ впоследствии, но въ счастливые годы студенчества онъ всегда чувствуетъ себя лучше и чище. И это не только потому, что время студенчества есть время молодыхъ надеждъ и упованій, но и потому, что надъ юношей довлѣютъ благородныя университетскія традиціи, своей моральной силой сдерживающіе и ограничивающіе его дурныя инстинкты.

Но, г-да, ту же силу университетскихъ традицій, то же моральное вліяніе ихъ испытываетъ и преподаватель. Подъ вліяніемъ этихъ традицій и онъ чувствуетъ себя свѣжѣе и бодрѣе, его моральное чувство держится всегда на сторожѣ благородными завѣтами университетскаго прошлаго. И гдѣ же эти завѣты старины, эти традиціи прошлаго чувствуются сильнѣе, какъ не въ старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ, въ университетѣ, который считаетъ въ числѣ своихъ членовъ такихъ благородныхъ и высокогуманныхъ дѣятелей, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Кавелинъ, Соловьевъ и недавно почившій Усовъ? Память этихъ свѣтлыхъ личностей будетъ жить вѣчно и морально воспитывать каждого, вступающаго въ университетскую среду. И если съ этой кафедры, гдѣ раздавалось высокое и благородное слово этихъ героевъ мысли, труда и нравственности, преподаватель

отступить хотя на іоту отъ всего того, что ему предписываетъ его нравственный долгъ, уваженіе къ наукѣ и истинѣ, благородные завѣты прошлаго, ему всегда должно казаться, что въ глубинѣ этихъ стѣнъ на него глядятъ съ нѣмымъ укоромъ эти прекрасныя блѣдныя тѣни прошлаго. Да не будетъ этого!

Господа! Нашъ нелегкій трудъ, наши усилія мысли мы отдаемъ цѣликомъ Вамъ, нашимъ младшимъ товарищамъ-ученикамъ. Наша единственная награда и утѣшеніе въ сочувствіи тѣхъ, для кого мы работаемъ. Будемъ же, г-да, сочувствовать другъ другу и работать вмѣстѣ. Съ своей стороны я предлагаю вамъ все, что имѣю, тѣ скромныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось приобрести; отъ васъ взаимно я жду, надѣюсь и желаю только одного—сочувствія и довѣрія.

И. А. Линниченко.

Документы, Известія и Замѣтки.

Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ ¹⁾.

27-го прошлаго іюля въ г. Переяславѣ предположено было про-
извести разбивку плана для постройки на мѣстѣ разобранной за
ветхостью деревянной Успенской церкви новой каменной. Успенская
церковь, какъ извѣстно, была нѣсколько лѣтъ назадъ предметомъ
газетной полемики, особенно мѣстной—кіевской. Когда къ концу
70-хъ годовъ эта церковь оказалась обветшавшею настолько,
что въ ней прекращено было богослуженіе и возникла мысль о по-
стройкѣ на ея мѣстѣ новой каменной, любители отечественной ста-
рины встревожились сдѣланнымъ изъ Переяслава же напоминаніемъ,
что въ Успенской именно церкви этого города, 8 января 1654 года,
была принесена гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ вмѣстѣ съ на-
родомъ малороссійскимъ присяга на вѣрноподданство царю москов-
скому. Явились сторонники сохраненія въ томъ видѣ, какъ есть,
обветшавшей церкви, этого памятника великаго событія; нашлись и
болѣе серьезные изслѣдователи мѣстныхъ памятниковъ г. Переяслава,
которые утверждали, что обветшавшая деревянная церковь носила
только имя и занимала мѣсто той Успенской церкви, въ которой
Хмельницкій приносилъ присягу, а церковное зданіе, дѣйствительно
бывшее свидѣтелемъ этой присяги, уничтожено пожаромъ еще въ
1660-хъ годахъ. Уяснилось изъ этой полемики, между прочимъ, и то,
что въ Переяславѣ твердо держится преданіе о сооруженіи первоначальной
Успенской церкви на томъ же самомъ мѣстѣ еще Владимі-
ромъ Мономахомъ въ 1098 году, (но, какъ думали, тоже деревянной);

¹⁾ Читано въ засѣданіи Историческаго Общ. Нест. Лѣтописца 30-го октября
1888 года.

думали также, что по разрушеніи церкви Мономаховой въ нашествіе Батя, новая на мѣстѣ ея построена была кн. В. В. Острожскимъ въ 1586 году; что присяга Хмельницкаго была примесена въ церкви Острожскаго, скоро затѣмъ сгорѣвшей; что и новая, построенная потомъ стрѣльцкимъ головою Иртыщевымъ, сгорѣла въ 1761 году, и до послѣдняго времени оставалась на мѣстѣ первыхъ церковь, построенная уже въ 1767 году. Не придавая въ свое время особаго значенія аргументаціи въ пользу того мнѣнія, что въ предназначенной къ сломѣ послѣдней деревянной церкви могли уцѣлѣть, послѣ двухъ пожаровъ, истреблявшихъ Успенскую церковь, какіе-либо остатки той деревянной церкви Успенія, въ которой приносилъ присягу Хмельницкій, можно было однако же предполагать, что связанное съ мѣстомъ ея преданіе о постройкѣ тамъ первоначальной церкви Владиміромъ Мономахомъ найдетъ для себя подтвержденіе въ остаткахъ, по крайней мѣрѣ, древнихъ фундаментовъ на мѣстѣ разобранной церкви, если только та церковь была каменная, а не деревянная. Основаніемъ для такого предположенія служилъ самый характеръ мѣста, на которомъ стояла Успенская церковь. Мѣсто это имѣло видъ возвышающагося надъ окружающею его площадью холма, или кургана довольно правильной, круглой формы.

Такого именно вида холмы, или курганы и были могилами древнихъ каменныхъ церквей, въ которыхъ онѣ погребались, повергающъ въ теченіе столѣтій разрушенію отъ времени. Рѣшившись при разбивкѣ плана и прорытіи рововъ для фундаментовъ новой церкви провѣрить свои предположенія, мы, совмѣстно съ членомъ Церковно-археологическаго общества, архитекторомъ В. Н. Николаевымъ, приглашеннымъ для этой разбивки, просили о. предсѣдателя строительнаго Успенской церкви комитета обратить вниманіе при самой нивелировкѣ мѣстности, которая имѣла быть произведена прежде разбивки плана, на возможные остатки тамъ древняго каменнаго сооруженія, а равно и на слѣды другихъ послѣдовательно производившихся на томъ мѣстѣ построекъ и, оставляя ихъ неприкосновенными, сбережъ и всякія другія вещи, какія при этомъ могутъ быть найдены.

Дѣйствительно, при самой уже нивелировкѣ мѣста, на которомъ стояла разобранная деревянная церковь, когда былъ снятъ съ кургана слой земли въ три четверти аршина, обозначились подъ этимъ слоемъ остатки каменнаго фундамента значительно болѣе древней, чѣмъ разобранная, но тоже деревянной церкви. Остатки представлялись отдѣльными кусками и даже просто слѣдами стѣнъ, расположенными по

линіямъ многоугольника, охватывавшаго почти всю площадь кургана. Обширность очерченнаго ими пространства соответствовала вполне мѣстнымъ преданіямъ объ обширности построенной кн. Острожскимъ церкви, вмѣщавшей въ себѣ яко-бы 14 (?) престоловъ¹⁾. Лучше всего сохранились восточныя части фундамента. Эти восточныя части имѣли видъ двухъ стѣнъ, толщиною въ $1\frac{3}{4}$ аршина и длиною одна 4 ар. 10 вер. и другая 7 ар. 12 верш.; первая шла въ прямомъ направленіи къ сѣверу, въ сѣверо-восточной части кургана, вторая въ прямомъ же направленіи къ югу въ юговосточной. Стѣны были сложены изъ дикаго камня, сохранившаго на себѣ слѣды древняго цемента, но сложены на обыкновенной извести, съ употребленіемъ по мѣстамъ кирпичча старинной, но не древней формы. Каждая изъ нихъ своимъ внутрь кургана шедшими концами упиралась въ двѣ кирпичныя стѣны, шедшія на извѣстномъ разстояніи параллельно одна другой къ востоку и служившія очевидно фундаментомъ для алтара. Обѣ послѣднія стѣны заканчивались однако же съ восточной стороны не многогранникомъ, какъ это было бы естественно въ фундаментѣ подѣ алтаремъ деревянной церкви, а правильнымъ полукругомъ, какъ это обычно въ фундаментахъ каменныхъ церковныхъ абсидовъ, и при томъ такъ, что діаметръ полукруга былъ значительно менѣе разстояніи между стѣнами и сливался съ ними чрезъ небольшіе простѣнки въ ту и другую сторону. Обративъ затѣмъ особое вниманіе на кладку этихъ служившихъ фундаментомъ для алтара, стѣнъ, мы нашли въ ней признаки кладки церкви уже исключительно древнѣйшаго велико-княжескаго періода, и своеобразность формы подобнаго фундамента для алтара деревянной церкви могли объяснить только тѣмъ, что строитель послѣдней воспользовался для алтарнаго фундамента готовыми стѣнами древнѣйшаго сооруженія.

Чтобы уяснить размѣры и значеніе обозначившагося остатка древнѣйшаго сооруженія, комитетъ по постройкѣ новой церкви рѣшилъ приостановить до 1 августа разбивку плана и произвести новую съемку съ кургана земли приблизительно на 1 аршинъ. Свойство почвы не дѣлало эту съемку излишнею: верхніе слои холма состояли все еще изъ земли рыхлой, наносной, представляющей смѣсь

¹⁾ Внутри многоугольника лежали по мѣстамъ только отдѣльные значительной величины камни, служившіе, очевидно, основаніемъ для внутреннихъ столбовъ, поддерживавшихъ своды и кровлю.

перегноя дерева съ углемъ, каменнымъ и кирпичнымъ щебнемъ и разными остатками отъ бывшихъ внутри церкви погребеній, а потому ни въ какомъ случаѣ не могли служить основаніемъ для возведенія новаго каменнаго сооруженія. Новая съемка была сдѣлана 28—30 іюля подъ непосредственнымъ наблюденіемъ комитета. Велась она отъ окраинъ кургана къ центру и приостанавливалась при встрѣчѣ съ линіею стѣнъ: это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы торопливою очисткою заключеннаго внутри стѣнъ пространства не уничтожить остатковъ древняго пола зданія и не лишиться возможности открыть какіе либо древнія вещи въ наполнявшемъ это пространство щебнѣ.

По окончаніи новой съемки, осмотрѣвъ 1-го прошлаго августа вмѣстѣ съ архитекторомъ В. Н. Николаевымъ оказавшіеся въ холмѣ остатки стѣнъ, мы нашли слѣдующее:

1) Въ восточной половинѣ круглой площади холма обнаружилась полукруглая (съ удлинненными нѣсколько концами дуги) стѣна высотой въ 1 аршинъ и 3 вершка, которая своимъ положеніемъ и формою соотвѣтствовала алтарнымъ стѣнамъ древнихъ церквей великокняжескаго періода. Только полукружіе этой стѣны не сливается своимъ концомъ съ подобными же полукружіями съ сѣверной и западной стороны, какъ это наблюдается на алтарныхъ стѣнахъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ церквей древняго періода, а сливается непосредственно со стѣнами, расположенными правильнымъ прямоугольникомъ (почти квадратомъ). Отъ прямоугольника этого сохранились: уголь сѣверовосточный съ частью сѣверной стѣны и на ней двухъ наружныхъ пилястръ съ полуколоннами; уголь юговосточный съ частью стѣны южной и на ней одной пилястры съ полуколонною, и небольшой кусокъ западной стѣны также съ пилястрою и полуколонною. Кладка всѣхъ этихъ остатковъ одинакова: кирпичъ имѣетъ видъ плитъ въ 7 вершковъ длины на $5\frac{1}{4}$ вершковъ ширины и 1 верш. толщины; положенъ онъ на толстыхъ слояхъ цемента изъ извести съ толченымъ кирпичемъ; фундаментъ подъ стѣнами не идетъ глубже трехъ четвертей аршина и представляетъ массу ломанаго кирпича, залитаго цементомъ. Изъ кievскихъ церквей древняго періода почти тождественную кладку мы встрѣтили въ найденныхъ въ 1878 году остаткахъ древней церкви на Кудрявцѣ (въ усадьбѣ Митрополитанскаго дома надъ Вознесенскимъ спускомъ); наружныя же съ полуколоннами пилястры, какъ извѣстно, отличаютъ фасадъ древней Васильевской, нынѣ Трехсвятительской, церкви въ Кіевѣ.

2. Частью на поверхности холма, частью въ землѣ, во время съемки ея, добыты слѣдующія предметы:

а) круглая, болѣе чѣмъ до половины сохранившаяся красная шиферная плита, около 2 аршинъ (1 арш. 15¹/₂ вершковъ) въ діаметрѣ съ вырубленными въ ней по опредѣленному рисунку византійскаго стила углубленіями и два значительной величины куса такихъ-же и съ такими же углубленіями шиферныхъ плитъ, но съ нѣскольکو отличнѣмъ рисункомъ и не круглой формы, и между прочимъ, съ остатками въ углубленіяхъ цемента.

Подобныя плиты, наполненныя по углубленіямъ цементомъ съ наборомъ по немъ мозаическихъ украшеній, сохранились въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, гдѣ сложено изъ нихъ епископское (въ алтарѣ) сѣдалище. Два куса такихъ съ мозаическимъ наборомъ плитъ найдены въ восьмидесятихъ годахъ подъ поломъ великой Лаврской церкви. Нѣскольکو кусковъ такихъ-же плитъ, только безъ мозаики найдено въ 1888 году при перестилкѣ пола въ Златоверхо-Михайловской церкви.

б). Множество кусковъ краснаго шифера, масса цѣльнаго и ломанаго кирпича древней формы и значительное количество кусковъ разноцвѣтной половой цѣнины квадратной формы, напоминающей цѣнину изъ пола церкви на Кудрявцѣ.

Пришедши на основаніи этого къ заключенію, что полукруглая восточная стѣна и части стѣнъ прямоугольника, съ которыми она сливается, представляютъ собою остатки той древнѣйшей Успенской церкви, которая, по мѣстнымъ преданіямъ, построена была въ 1098 году Владиміромъ Мономахомъ, мы, совмѣстно съ В. Н. Николаевымъ, просили стропильный комитетъ озаботиться сохраненіемъ этихъ остатковъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что они представляютъ такія особенности въ планѣ, какія до настоящаго времени еще не были замѣчены ни въ одномъ изъ церковныхъ сооружений древняго, великокняжескаго періода. Затѣмъ, такъ какъ вторичная съемка земли производилась отъ окраинъ холма до стѣнъ, то пространство, заключенное между восточнымъ полукружіемъ и частями сѣверной и южной стѣны, осталось не очищеннымъ отъ щебня и мусора, и мы просили комитетъ оставить это пространство безъ очистки до болѣе удобнаго времени, чтобы имѣть досугъ произвести эту очистку съ возможными предосторожностями отъ порчи и утраты предметовъ, какіе могутъ быть найдены въ щебнѣ и подъ нимъ. Вся изрытая позднѣйшими могилами площадь холма въ этой части, какъ находившейся подъ алтаремъ, осталась не тронутаю, и потому даетъ надежду отыскать

въ ней, по крайней мѣрѣ, древній полъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ свое время уложенъ. Наконецъ, такъ какъ древнее зданіе занимало сравнительно незначительную площадь (14¹/₂ аршинъ длины, 10 арш. 10 верш., ширины), а предположенная къ сооруженію каменная церковь имѣетъ весьма значительные размѣры, мы просили комитетъ произвести разбивку фундамента для новой церкви такъ, чтобы рвы этого фундамента обошли вокругъ древнихъ остатковъ, оставивъ ихъ неприкосновенными въ среднѣ новой церкви подъ поломъ ея.

О. председатель и гг. члены комитета изъявили полную готовность принять всѣ мѣры къ сохраненію памятника, и съ своей стороны, высказали даже предложеніе поднять цоколь новой церкви до такой высоты, чтобы остатки древнихъ стѣнъ не только оставались подъ поломъ неприкосновенными, но и могли быть по желанію осматриваемы. Глубокій интересъ, съ какимъ строительный комитетъ и само общество г. Переяслава отнеслись къ открытому памятнику, даетъ ручательство въ томъ, что какъ самый памятникъ, такъ и другія возможныя при немъ находки не будутъ потерянны для науки.

Что же касается замѣченныхъ первоначально остатковъ каменнаго фундамента подъ деревянной церковью, то дальнѣйшая съемка земли только подтвердила ихъ позднѣйшее происхожденіе. Фундаменты эти заложены мельче древнихъ стѣнъ, и хотя камень, употребленный въ ихъ кладку изъ разрушившагося древнѣйшаго зданія, носитъ иногда слѣды древняго цемента, но кирпичъ, которымъ камни по мѣстамъ переложены, одинаковъ съ кирпичемъ въ могильныхъ склепахъ, открывшихся въ разныхъ мѣстахъ площади, которая была занята деревянною церковью. Кирпичъ этотъ имѣетъ, впрочемъ, характерныя особенности, заслуживающія, по нашему мнѣнію, вниманія. Размѣры его обычные для кирпича XVI—XVIII вѣка: 6 вершковъ длины на 3 или 3¹/₈ вершка ширины и на 1¹/₈ или 1¹/₄ вершка толщины; но кирпичъ этотъ съ одной изъ своихъ широкихъ сторонъ имѣетъ продолговатыя полосы въ видѣ слѣдовъ отъ первоначальной (до обжиганія) очистки его съ этой стороны пальцами. При этомъ весь кирпичъ представляется очень плохо обожженнымъ: онъ имѣетъ видъ кирпича краснаго или такъ называемаго алаго, и не отличается твердостью. Въ поправкахъ древнихъ церквей, производившихся въ періодъ татарскаго владычества, встрѣчается кирпичъ съ подобными же продольными отъ пальцевъ полосами; но кирпичъ тотъ значительно уже и толще, и прекрасно выжженъ. Совершенно сходный съ

этимъ передславскимъ кирпичемъ былъ найденъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ могильныхъ скленахъ подъ поломъ средней части церкви Михайловскаго монастыря, — въ скленахъ, которые могутъ быть отнесены къ XVII или къ концу XVI вѣка, но не ранѣе. Съ своей стороны мы полагаемъ, что этотъ родъ кирпича указываетъ на совершенный упадокъ заводскаго его производства, и относится къ тому времени, когда кирпичъ вырабатывался и обжигался домашнимъ, такъ сказать, образомъ въ незначительномъ количествѣ, достаточномъ для частнаго обихода и для такихъ развѣ сооруженій, какъ постройка могильнаго склепа, и фундамента подъ деревянную церковь, гдѣ онъ употреблялся смѣшанно съ камнемъ.

П. Лашнаревъ.

**Церковище возлѣ дер. Монастырѣкъ, каневск. у.
кїевск. губ.**

Въ каневскомъ уѣздѣ, версты три ниже большаго села Трактомірова, надъ самымъ Днѣпромъ, расположена деревня Монастырѣкъ. На мѣстѣ этой деревни находился извѣстный трактоміровскій запорожскій монастырь, существовавшій вплоть до начала нынѣшняго столѣтія.

Еще версты 1½ ниже, между Монастырѣкомъ и д. Зарубинцами находится на берегу Днѣпра древнее городище съ остатками какаго то зданія. Въ этомъ мѣстѣ правый берегъ Днѣпра достигаетъ громадной высоты. Представляя иногда совершенно отвѣсную стѣну, перерѣзываясь изрѣдка небольшими балками съ журчащими на днѣ ручейками, возвышенность эта въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположено городище, уходитъ немного въ сторону и затѣмъ опять приближается къ берегу, образуя такимъ образомъ котловину съ отвѣсными боками. Въ центрѣ этой котловины, также на довольно значительной высотѣ, и находится городище. Съверо-западной стороны оно прамыкаетъ къ возвышенности, а юго-восточной, постепенно понижаясь, выходитъ на берегъ Днѣпра. Сохранность городища довольно неудовлетворительна. Въ общемъ оно представляетъ слѣдующій видъ.

Центральную часть занимаетъ овальная площадь приблизительно пространствомъ въ 150 квад. арш. и окружностью въ 170 арш. Поверхность площади неровна, — она состоитъ изъ бугровъ и ямъ, сдѣланныхъ отчасти окрестными крестьянами, бравшими отсюда ка-

мень и кирпичъ на свои потребности. Съ юго-восточной стороны площадь окружена рвомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совѣмъ изгладились; глубина его въ лучше сохранившихся частяхъ до $1\frac{1}{2}$ саж. Можно предположить, что эта канава, огибая городище, упиралась концами въ стѣнки котловины. За рвомъ находится небольшой валъ, длиной аршинъ въ 80, также плохо сохранившійся; высота его въ самой высокой части доходить до $2\frac{3}{4}$ аршинъ. Расположенная за валомъ мѣстность идетъ, понижаясь, къ Днѣпру и огибается въ свою очередь валомъ высотой въ $1\frac{1}{2}$ арш. и длиной до 100 арш. Концы этого вала также подходятъ къ бокамъ котловины. Нужно вообще замѣтить, что какъ канава, такъ и валы отъ времени сильно пострадали и изгладились.

Съ восточной стороны городища находится глубокой оврагъ и за нимъ громадный естественный валъ, за которымъ и параллельно которому течетъ Днѣпръ.

Небольшія изысканія, которыя я произвелъ въ одномъ изъ бугровъ, расположенномъ въ срединѣ городища, дали слѣдующіи результаты. Весь бугоръ состоялъ изъ извести, валуновъ разной величины, покрытыхъ извѣсткой, и кусковъ кирпичей, также съ извѣсткой; кирпичи эти тонкіе, какъ и кирпичи изъ кievскихъ построекъ велико-княжеской эпохи, толщина ихъ разная—въ $\frac{5}{8}$, $\frac{6}{8}$, 1 и $1\frac{1}{8}$ верш.; но формой они отличаются отъ тѣхъ, именно, они уже и не квадратные, шириной въ $3\frac{1}{2}$ вер., длина же осталась неизвѣстной, такъ какъ мнѣ не удалось найти ни одного цѣлаго кирпича. Они очень крѣпка и различныхъ цвѣтовъ. Между щебнемъ попалось болѣе 50 небольшихъ фрагментовъ штукатурки съ сохранившейся фресковой живописью. Преобладающій цвѣтъ—коричнево-красный, затѣмъ слѣдуетъ: сѣровато-голубой, желтый, бѣлый, зеленый и розовый. На всѣхъ кускахъ видны остатки орнамента; такъ, коричнево-красное поле окаймлено черной полосой; сѣровато-голубое—двумя полосами: одной поуже—бѣлой и другой болѣе широкой—коричнево-красной; на бѣломъ фонѣ сдѣланъ орнаментъ въ видѣ сѣрыхъ полуколець или колець; такой-же фонъ окаймленъ оранжево-желтыми полосами подъ прямымъ угломъ; на бѣломъ-же фонѣ встрѣчаются блѣдно-зеленыя и красныя полосы; есть также сочетаніе желтаго и коричнево-краснаго цвѣтовъ. Попадались куски фресокъ отъ угловъ и карнизовъ. Между щебнемъ было найдено нѣсколько кусочковъ желтаго вывѣтрившагося стекла отъ какого то сосуда, глиняные черепки и два куска цѣнныхъ—одинъ съ зеленой глазурью, другой съ коричневой;

цѣнныя вѣроятно были квадратныя въ $4\frac{1}{2}$ вер., и толщиной въ $\frac{1}{2}$ вер. Все это было вынута изъ ямы діаметромъ въ 1 арш. и глубиной въ $\frac{1}{2}$ арш. Несомнѣнно, что и вся остальная площадь городища носить такой же характеръ.

Пониже городища, на берегу Днѣпра, въ рывтинахъ, вымытыхъ водой, попадались черепки отъ сосудовъ и амфоръ; въ особенности замѣчательны своей толщиной ($\frac{1}{2}$ вер.) бокъ одной амфоры, весь испещренный параллельными бороздками.

Куски кирпичей, шифера и черепки попадались непрерывно по берегу Днѣпра вплоть до дер. Монастырекъ. Недалекъ отъ городища встрѣтилось мѣсто, положительно покрытое черепками отъ толстыхъ амфоръ и сосудовъ разной величины и, видно, еще не бывшихъ въ употребленіи; всѣ сосуды хорошо сработаны и обожжены, на нихъ находятся украшенія въ видѣ прямолинейнаго орнамента; ушки сосудовъ отличаются оригинальной формой; въ этомъ-же мѣстѣ находилась масса кусковъ кирпичей и кирпичнаго шлага. Можно предположить, что здѣсь въ древности существовали гончарное и кирпичное производства. Еще немного далѣе, на песчаномъ берегу найденъ кусокъ широкаго браслета изъ синяго стекла, половинка зеленой стеклянной же бусы и бронзовый четырехугольный крестикъ съ желтой эмалью, величиной въ $\frac{3}{4}$ вер.; онъ насквозь прошелъ зеленой патинной. На основаніи формы и сохранности, крестикъ этотъ можно отнести къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи.

У самой дер. Монастырекъ, на берегу Днѣпра, видны остатки какого то стариннаго укрѣпленія; вершина его состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ громадныхъ валуновъ, наваленныхъ одинъ на другой; промежутки между ними заполнены мусоромъ и тонкимъ кирпичемъ, тождественнымъ съ находимымъ на городищѣ. Подъ слоями валуновъ обнаруживается могильникъ, кости изъ котораго выпадаютъ и скатываются на берегъ; одинъ костякъ еще не разрозненный, находился на глубинѣ 2-хъ арш. отъ поверхности, головой на западъ.

Вышеописанное городище своей формой (валы въ видѣ концентрическихъ круговъ) указываетъ на княжескую эпоху. Это подтверждается также находкой какъ въ самомъ городищѣ, такъ и вблизи него, нѣкоторыхъ предметовъ той эпохи, а также черепковъ отъ характерной для того времени посуды (амфоръ) и тонкихъ кирпичей.

Масса остатковъ строительнаго матеріала (валуны, кирпичъ, известь) и украшеній (фрески) даетъ поводъ предположить существованіе въ древности на городищѣ какого то зданія, скорѣе всего церкви;

правдоподобность послѣдняго предположенія подтверждается отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что окрестные крестьяне называютъ это мѣсто — «Церковище».

Болѣе осязательные результаты могутъ быть достигнуты только посредствомъ систематическихъ и болѣе обширныхъ раскопокъ годами.

Н. Бѣляшевскій.

Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго.

О мѣстности описаннаго здѣсь Церковища, о Трактомировѣ и Трактомировскомъ или иначе Терехтемировскомъ монастырѣ имѣются и нѣкоторыя историческія указанія и свѣдѣнія. Считаемо не лишнимъ привести ихъ въ дополненіе къ интересному сообщенію г. Бѣляшевскаго. Въ упомянутой мѣстности высокой хребетъ кіевскихъ горъ, вдаваясь острымъ мысомъ въ Днѣпръ, дѣлаетъ какъ бы изломъ, зарубину въ Днѣпрѣ, отъ чего эта мѣстность называлась «Зарубомъ», какъ показываетъ и названіе находящейся вблизи ея деревни «Зарубинцы». А слово «Зарубъ», какъ названіе извѣстной мѣстности, неоднократно упоминается въ древней нашей лѣтописи. Такъ, въ 1147 году изъ «Заруба», по избранію вел. кн. Изяслава II-го, взяты на кіевскую митрополію Климентъ «книжникъ и философъ, яко-же не бысть въ Русской земли». У «Заруба» — противъ Переяслава переходили Днѣпръ съ войскомъ въ бродъ: въ 1146 г. Изяславъ Мстиславичъ по пути въ Поросье, въ 1151 г. Юрій Долгорукій, направляясь съ своими дружинами въ кіевскую область на борьбу съ братомъ своимъ Вячеславомъ и племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ за обладаніе Кіевомъ; въ 1096 году в. князь Святополкъ — Михаилъ съ Владиміромъ Мономахомъ — во время похода противъ Святополкова тости, половецкаго князя Тугоркана, стоявшаго съ своей ордою подлѣ Переяслава; у «Заруба» же въ 1156 году Юрій Долгорукій заключилъ миръ съ половцами. Былъ ли городъ какой или было какое укрѣпленіе у «Заруба» изъ лѣтописей не видно. Но изъ описи кіевскаго замка 1552 года, недавно появившейся въ печати, узнаемъ, что здѣсь былъ монастырь, называвшійся Зарубскимъ. О немъ въ Описи такъ сказано: «монастырь слыветъ *Зарубскій* святое Пречистое, и тому монастырю бывала также пашня, бортная земли, озера и бобровые гоны. Но теперъ пусто, одинъ чернецъ стережетъ для пожару».

(Архивъ югозапад. Россіи—ч. VII, т. I, стр. 121). Изъ этого свидѣтельства видно, что Зарубскій Пречистенскій монастырь былъ древній, что онъ былъ нѣкогда надѣленъ хорошими угодьями, но пришелъ къ половинѣ XVI вѣка въ разореніе и запустѣніе, вслѣдствіе нашествій татарскихъ. Изъ этого монастыря, конечно, взятъ въ кіевскіе митрополиты въ XII вѣкѣ Климентъ, 2-й изъ русскихъ иноковъ удостоившійся этого сана. Было ли здѣсь какое укрѣпленіе въ XI и XII вѣкахъ, лѣтописи не упоминаютъ, но матеріаль древнихъ фундаментовъ, разбросанный по всей этой мѣстности и куски штукатурки съ фресковой живописью суть, очевидно, остатки каменной церкви великокняжескаго періода, бывшей въ Зарубскомъ монастырѣ. Ему же принадлежатъ, безъ сомнѣнія, имѣющіяся здѣсь пещеры съ галереями подземными, напоминающими собою кіевскія пещеры, которыхъ не замѣтилъ г. Бѣляшевскій за ихъ обвалами. Находящійся выше Заруба, также на берегу Днѣпра, *Терехтемировъ* или, какъ въ 16 вѣкѣ назывался иногда Телехтемировъ, въ лѣтописяхъ древняго періода нашей исторіи не упоминается, но, вѣроятно, здѣсь была одна изъ греческихъ колоній, на что указываетъ и древнѣйшее названіе этой мѣстности *Телектемировъ*, которое значитъ: конечный, стоящій на краю, на концѣ чего нибудь.

Находящееся нынѣ здѣсь село Терехтемировъ принадлежало бывшему въ началѣ, съ 1508 года, атаманомъ запорожскихъ козаковъ, а потомъ до 1535 года, --старостою каневскимъ и черкасскимъ, Евстафію *Дашкевичу* (погребенному въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры), какъ данина государская; по смерти Дашкевича оно перешло, по его завѣщанію, къ Кіево-Печерской Лаврѣ, а потомъ, промѣномъ на другія угодія ставъ опять государеною собственностью, присоединено къ кіевскому замку, при которомъ и числилось въ 1552 году съ 9-ю семьями жителей. Вскорѣ послѣ сего оно стало резиденціей козацкой старшины, которой подчинялись запорожскіе казаки, жившіе при Каневскомъ и Черкасскомъ замкахъ. Приднѣпровскіе города, какъ извѣстно, съ 15 вѣка имѣли при себѣ казачіе посады, а разбѣзды козаковъ въ «поле» и внизъ по Днѣпру служили охраною не только окрестныхъ селъ, но и самыхъ городовъ отъ татарскихъ нападений. Хотя происхожденіе козаковъ отъ хозаръ и черкесовъ признается бездоказательнымъ и основаннымъ на случайномъ созвучіи названій, но черкасскіе «тубольцы» или старожилы тѣмъ не менѣе въ половинѣ 16 вѣка дали королевскимъ комиссарамъ сохранившееся у нихъ по преданію показаніе, что «великій князь литовскій Гедиминъ,

(Ольгердъ?) завоевавши Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорскіе, и приведши Черкасовъ съ книгвнею ихъ, часть посадилъ на Снепораде, а иншихъ на Днѣпрѣ, гдѣ теперь Черкасы сидятъ, а Снепорадецъ посадилъ на Днѣпрѣ-жъ въ Каневѣ, и сидя Снепорадцы на Днѣпрѣ въ Каневѣ, предся отчизны свои по рѣчкамъ инымъ Сѣверскимъ уходить не престали» (ibid. стр. 103). Этому показанію кажется, должно болѣе вѣрять, чѣмъ гаданіямъ нашихъ историковъ. Получивъ правильное военное устройство при польскомъ королѣ Баторіѣ, въ 1576 году, козаки получаютъ отъ него и городъ Терехтемировъ, вмѣстѣ съ основаннымъ близъ него Евстафіемъ Дашкевичемъ Терехтемировскимъ Успенскимъ монастыремъ, признаютъ его своимъ, *козачьимъ*, и становятся надолго его ктиторами и благотворителями, устроивши при немъ госпиталь для престарѣлыхъ, больныхъ и раненыхъ козаковъ. Изъ этого монастыря были назначаемы начальники и монахи въ Самарскій монастырь и въ сѣчевую Покровскую церковь.

Въ 1618 г. козаки, вступивши за Терехтемировскій монастырь сплюю отняли его имѣнія, присвоенныя паномъ Трипольскимъ. Въ январѣ 1621 года Терехтемировскій монастырь посѣтилъ патріархъ іерусалимскій Теофанъ, по пути изъ Кіева въ сопровожденіи козачьяго гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго и козачьяго отряда; въ то же время Теофаномъ посвященъ здѣсь въ санъ епископа владиміровольнскаго настоятель сего монастыря *Іезекіиль Курцевичъ*, укряншійся потомъ въ Москву отъ преслѣдованія польскаго правительства. Послѣ потеряннаго козаками пораженія подъ Кумейками въ 1637 году, когда козацкіе полки были сведены въ Трахтомировъ и присягнули быть въ подчиненіи польскому правительству, Трахтомировъ поступилъ въ вѣдомство польскаго комиссара. Но по трактату съ Богданомъ Хмельницкимъ онъ возвращенъ козакамъ. Въ этомъ же монастырѣ принялъ было монашество сынъ Богдана Юрій Хмельницкій.

Во время междуусобныхъ войнъ Малороссіи при Дорошенкѣ и Самойловичѣ, вмѣстѣ съ разореніемъ Трахтомирова бѣдствовалъ и Трахтомировскій монастырь. Когда же правая сторона Днѣпра, по Андрусовскому договору 1667 г., отошла къ Польшѣ, а Дорошенко подчинилъ ее Турціи, Запорожская Сѣчь не могла быть въ прежнихъ отношеніяхъ къ своему Терехтемировскому монастырю и отправивъ въ 1672 году пословъ для переговоровъ о подданствѣ московскому государю, послала въ Межигорье приглашеніе быть войсковымъ запорожскимъ монастыремъ, обязываясь съ своей стороны быть всегда его

парафіей и ктиторомъ сей обители, устроивъ при ней госпиталь для содержанія престарѣлыхъ и увѣчныхъ запорожцевъ, что, наконецъ, и осуществлено по постановленію сѣчевой рады въ 1786 году. Впрочемъ, запорожцы до времени не забывали и Терехтеміровской обители, какъ видно изъ слѣдующей народной пѣсни.

„Срибло, злато на тры части паевалы:
 „Первую часть бралы, на церкви накладалы—
 „На святого Межыгорского Спаса,
 „На Трахтоміровскій монастырь,
 „На святую Сѣчевую Покрову давалы,
 „Котори давнимъ скарбомъ козацькимъ будовали“

Изъ настоятелей Терехтеміровскаго монастыря извѣстны:

игумены: Іезекіиль Курцевичъ—съ 1620 г. епископъ владиміровольнскій, а съ 1626 г. архіепскопъ суздальскій.
 Порфирій Борецкій—1639 г.
 Теофанъ 1654 г.
 Іоасафъ 1660 г.
 Сильвестръ 1665 г.
 Артемій Сплицкій . 1673 г.
 Іеронимъ Дубина . 1690 г.

Терехтеміровскій монастырь просуществовалъ до конца прошлаго столѣтія, испытавъ въ 18 вѣкѣ разныя бѣдствія.

Партія Мазепы проектировала, что «городъ Терехтоміровъ, по-неважъ здавна до войска Запорожскаго низоваго належалъ в шпиталемъ онаго назывался, теды и теперь, за освобожденьемъ отъ Московскаго подданства, мѣеть гетманъ тотъ городъ войску Запорожскому низовому со всѣми угодіями и перевозомъ на Днѣпрѣ, тамо застаючимъ, привернути, шпиталь въ ономъ для старыхъ, зубожалыхъ и ранами сколѣченныхъ козаковъ, коштомъ войсковымъ построи и отколь имѣеть имъ быть пища одежда. (Исторія Малорос. В. Каменскаго. Ч. 4-я стр. 213). Но когда жители кіевской Украины отвергли соблазнительныя предложенія Орлика, то опустошая эту страну огнемъ и мечемъ, Орликъ сжегъ и Терехтоміровскій монастырь вмѣстѣ съ прочими украинскими монастырями, а затѣмъ земли опустѣлаго сего монастыря причислены къ переяславской каедрѣ. По передачѣ этой правой стороны въ 1715 году подъ власть Польши, вмѣсто монастыря явилась построенная униатами въ 1718 г., церковь ad instar (ма подобіе) *шопы* (сарая) съ *полотнянымъ иконостасомъ и оловяною чашей*, какъ значится въ униатской описи 1748 года, которая вмѣстѣ

служила и приходскою для приклоненныхъ въ унию жителей д. Монастырка.

Въ 1768 году козаки, мстя уніатамъ за гоненіе на православныхъ, разрушили Терехтемировскій монастырь до основаніи. По окончаніи этой руины онъ былъ вновь возстановленъ православными, но существовалъ въ жалкомъ видѣ. Окончательно упраздненъ въ концѣ прошлаго вѣка.

П. Л.

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ. Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ малороссійскихъ губерній.

Личность кн. Н. Г. Репнина столь крупна въ историческомъ значеніи, что всякій фактъ, служащій штрихомъ для обрисовки этой личности, долженъ вноситься въ сокровищницу нашей исторической науки. Кн. Николай Григорьевичъ, какъ извѣстно, за время управленія Саксоніею оставилъ надолго признательную о себѣ память. Такъ, много лѣтъ спустя, гр. А. П. Завадовскій писалъ изъ Дрездена «здѣсь кн. Репнина всѣ хвалятъ. И я желаю его почитать столько по Малороссіи, сколько чту его по Саксоніи.» Такую же добрую память, дѣйствительно, оставилъ онъ и въ Малороссіи. И вотъ тому живое доказательство: князю Репнину предшествовалъ цѣлый рядъ генералъ-губернаторовъ, имѣлъ онъ цѣлый рядъ и преемниковъ, которые, конечно, стоятъ ближе къ нашему времени. Но всѣ они исчезли изъ памяти народной, тогда какъ всякъ, — и старъ и малъ скажетъ вамъ о кн. Репнинѣ.

Настоящее представленіе кн. Репнина весьма цѣнно для опредѣленія его характера и взгляда его на служебный долгъ. Онъ не стѣснялся тѣмъ, что уже на одно его представленіе послѣдовалъ отказъ со стороны комитета министровъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія, представляетъ вторично и непосредственно Государю — Императору. Кн. Репнинъ хорошо понималъ, что подобнымъ образомъ дѣйствій онъ подвергалъ свое служебное положеніе большому риску. Самое представленіе даетъ понять — какою клеветою старались враги его опутать его имя передъ Трономъ. Совѣстно и больно читать это. Положимъ, кн. Репнинъ плохо велъ свои собственные дѣла,

т. е. вовсе не занимался ими; но объяснять его ходатайство личными расчетами—это, по отношенію къ нему, въ высшей степени оскорбительно и неприлично. Вспомнимъ, что кн. Николай Григорьевичъ, бывъ назначенъ вице-королемъ Саксоніи съ королевскимъ содержаніемъ, отказался отъ послѣдняго на возстановленіе г. Дрездена и въ пользу бѣдныхъ его жителей, удѣляя на этотъ предметъ немалую долю и изъ своихъ собственныхъ средствъ. Князь Николай Григорьевичъ, стоя выше этихъ обвиненій, изложилъ чистосердечно свое положеніе Монарху и настойчиво домогался исполненія своего ходатайства, подкрѣпляя его весьма вѣскими данными.

Игды у себя современный списокъ этого представленія, мы почли долгомъ сдѣлать его извѣстнымъ черезъ ближайшій намъ историческій органъ. Вотъ это достопамятное представленіе:

Всемиловѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего ¹⁾, обращающихъ на себя все попечительное вниманіе Вашего Императорскаго Величества, не дерзнулъ бы обременять Васъ симъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священной волею Вашего Императорскаго Величества, чтобы правда невозбранно достигала до подножія Престола Вашего.

Я ручался Вамъ, Всемиловѣйшій Государь, въ первыхъ дняхъ сего года ²⁾, что никакія происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка въ Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать Вамъ, какъ Государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаешь на милосердіе Ваше и въ Васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества. Я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества и къ счастью моему событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое ³⁾.

Но въ тоже время, Всемиловѣйшій Государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а чрезъ то и дворянства. И въ отношеніи моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 9 января, не льстилъ яко царедворецъ ^(?), но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несообразныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожая и общихъ несчастій, возрождаютъ ропотъ на правительство и, наконецъ, что нищета и скорбь производятъ часто въ простолюдинахъ тѣ же преступныя дѣяствія, которыя возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей ложно-образованныхъ.

¹⁾ Представленіе писано въ 31 году, въ годъ польскаго возстанія.

²⁾ 1831-го.

³⁾ Чернигов. и полтав. губерніи изъявили готовность на свой счетъ сформировать два полка для усиленія средствъ вооруженія государства.

Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, казакамъ простили миліоны недоимокъ и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе Ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ Вашихъ, счастливые, съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ слящевное ими Ваше. Казеннымъ крестьянамъ предстоитъ та же надежда милосердія чрезъ представленіе г. министра финансовъ, войти въ положеніе ихъ; въ словеніи же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но изысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однако жъ мѣру сего снисхожденія, слѣдственно, дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства, обвиняемаго тѣмъ же доложеніемъ комитета гг. министровъ въ униженіи и послабленіи.

Трудно мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, оправдывать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало Высочайшее Ваше Императорскаго Величества утвержденіе, и сверхъ того, министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное; но и измѣнилъ бы Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и отечеству, если бы умолкъ. предвидя столь шестисотъ тысячъ Вашихъ подданныхъ и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе имперіи. Основываясь на свидѣніяхъ положительныхъ и на прямыхъ государственныхъ законахъ, осмѣливаюсь и изложить оправданіе въ ниже приложенной у сего запискѣ; но здѣсь, Всемилостивѣйшій Государь, представляю на благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества важнѣйшую причину испрашиваемаго мною милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполство) мало тѣмъ различествовали отъ козаковъ и какъ скоро приобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе: покуда же пользовались правомъ вольнаго перехода, до 1783 года. Но въ сіе время поработены происками тогдашнихъ царедворцевъ, клеветовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесятилѣтній поселянин¹⁾ пользовался всеми выгодами свободы и память разсказовъ объ ономъ—есть главнѣйшая причина ронота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ, изъ зависти къ казакамъ. Но сіи вредныя для общественнаго спокойствія чувства не усугубятся ли въ помѣщичьихъ крестьянахъ, когда увидятъ они милосердіе Вашего Императорскаго Величества, оказанное казакамъ, и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казніи принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взыскація податей и недоимокъ? Не покажется ли рабство ихъ еще несноснѣе прежняго? Не станутъ ли они проклинать своихъ владѣльцевъ, служащихъ для нихъ какъ будто преградю отеческому милосердію Вашего Императорскаго Величества, равнаго ко всѣмъ вѣрноподаннымъ Вашимъ? Наконецъ, отданіемъ дворянскихъ мѣстъ въ елецкое управленіе и вслѣдствіе закона не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ владѣній на многіе годы, но и запрещеніемъ слушать ихъ распоряженія, не нарушаетъ ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ Вашему Императорскому Величеству, что распоряженія о взыскаіи недоимокъ по обнѣмъ малороссійскимъ

¹⁾ Въ приводимое время, т. е. рожденный въ 1770—71 году.

губерніямъ сдѣлани мною еще 18-го истекшаго мѣсяца, слѣдственно я не умедлилъ исполнить, Высочайше утвержденное, положеніе комитета гг. министровъ. Но признаюсь Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что я долго колебался обременять Ваше Императорское Величество симъ предстательствомъ моимъ, боясь, чтобы оно не заключенію г. министра финансовъ не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости ни передъ Богомъ, ни передъ Вами, ни передъ честію и я рѣшаюсь исполнить долгъ вѣрности, ходатайствуя въ послѣдній разъ у милосердія Вашего Императорскаго Величества о помощи порученнымъ управленію моему съ тою откровенностію правды, которую я всегда держалъ имѣть въ донесеніяхъ моихъ Вашему Императорскому Величеству. Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость, но могу ли я страшиться, предавая судьбу и честь мою подъ непосредственную защиту Вашего Императорскаго Величества? Справедливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою и непоколебимую во время оной вѣрность Отцу, Брату и Вамъ; терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія; правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои; безкорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ завися отъ распоряженій моихъ многіе милліоны; отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, неразлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ; наконецъ, единое упованіе на справедливость и защиту Вашу. Вы взвѣсите все, Всемилостивѣйшій Государь, съ обвиненіемъ меня и, уповаю, Ваше Императорское Величество, удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствія и силы закона, но, напротивъ, былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка.

Та же справедливость и прозорливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, оправдаютъ и жену мою, о коей я съ гордостью скажу, что жизнь ея безполезна отечеству. Ваше Императорское Величество лично удостовѣритесь, что если расчесть недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то она ничѣмъ болѣе другихъ виновна и что г. министръ финансовъ ошибается, почитаа болѣею инаго помѣщицею, хотя владѣтельницу 13 т. крестьянъ своихъ: 5 т. совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копейки дохода, 3 т. едва усмирившихъ бунтовщиковъ нижегородской губерніи, а 5 т. скудныхъ и которые получила она отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ 2.800.000 долга.

Тяжко мнѣ обременять Ваше Императорское Величество частнымъ дѣломъ, когда благотворное сердце Ваше скорбитъ объ испытаніяхъ, судьбами Всевышняго на отечество наше посылаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, Всемилостивѣйшій Государь, ибо, оправдая себя, могу только вновь приобрѣсти довѣріе Вашего Императорскаго Величества, лишившись коего, бесполезнымъ уже буду для службы и части государства, порученной надзору новому, напротивъ, совершенно вреднымъ. Но не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно.—И если польза государства побудитъ Ваше Императорское Величество смѣнить меня съ мѣста, нынѣ мною 15 лѣтъ занимаемаго¹⁾, то милосердіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, навѣрно не откажетъ въ молебѣ моей—употребить меня на защиту отечества въ стѣнѣ гораздо низшей той, въ которую возвысила меня благодать Вашего Величества.

¹⁾ Кн. Реннинъ занималъ этотъ постъ съ 1816—1834 г.

Истинно русскіе должны нынѣ окружать Престоль Вашъ и съ ревностію, и съ восторгомъ принести въ жертву жизнь, достоиніе и честолюбіе. Смѣло скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподаннымъ

Князь *Николай Репнинъ*.

Это представленіе интересно и потому, что рисуетъ отношенія кн. Репнина къ гр. Канкрину. Понималъ ли послѣдній въ немъ неприязненнаго ему русскаго аристократа, старавшагося, вмѣстѣ съ другими, ему вредить? Или забота о государственной экономіи, чему всецѣло былъ преданъ гр. Канкринъ, ослѣпяла ему глаза? Или экономъ—нѣмецъ, кропотливо сколачивающій, про черный день, свой сундучокъ, не могъ иначе объяснить широкую натуру русскаго чело-вѣка, бросающаго свои деньги на помощь чуждому народу, вмѣсто того, чтобы дѣлать собственную экономію за его счетъ, какъ легкою возможностью пополнять свой дефицитъ на счетъ казны,—рѣшить трудно. Представленіе это указываетъ только намъ, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ, достойныхъ памяти государственныхъ мужей, не было маски.

Въ ходатайствѣ кн. Репнина нельзя подозрѣвать какой-либо сословной заботы....

И. С. Листовскій.

Псевдо-Желѣзнякъ.

Въ одномъ изъ номеровъ «Кіевлянина» за прошлый годъ (№ 240), было напечатано слѣдующее извѣстіе: «Недавно въ пмуществѣ Мотронинскаго монастыря, чигиринскаго уѣзда, между различными старинными вещами, найденъ портретъ Максима Желѣзняка, который былъ послушникомъ въ Мотронинскомъ монастырѣ въ 1765 году. Владѣлецъ фотографическаго заведенія въ м. Смѣлѣ г. Темненко снялъ фотографію съ портрета Желѣзняка. Снимки вышли весьма удачны»... Далѣе говорилось, что снимки продаются въ книжномъ магазинѣ Оглоблина.—Въ магазинѣ Оглоблина мы дѣйствительно нашли фотографическія карточки съ подписью: «Максимъ Желѣзнякъ, послушникъ Мотронинскаго монастыря. 1765 г.». Посмотрѣвъ на карточку мы вспомнили, что гдѣ то видѣли уже и прежде этотъ рисунокъ... Карточки были обозначены: съ боку—цифрой XXXXII, а внизу—буквами В. В. Эти признаки напомнили намъ Живописную Украину Жемчужникова, въ которой рисунокъ, помѣченный номеромъ

ХХХХІІ-мъ, дѣйствительно, представляетъ то же самое лицо, которое кому то угодно было обратить въ Желѣзняка, но которое въ сущности есть «портретъ одного селянина полтавской губ., срисованный Трутовскимъ и награвированный В. В. Верещагинымъ» (В. В.), какъ связано въ объясненіи къ этому рисунку въ сентябрьской книжкѣ Основы 1862 г., на стр. 129-й.—Кто же обратилъ въ Желѣзняка сего мирнаго «селянина», можете бы и теперь еще сѣющаго гречь на полтавскихъ пажитахъ?—Не объяснить ли г. Темненко сію мистификацію?

А. Л.

Дейнеки.

Во второй половинѣ ХVІІ ст. среди смуть и междуусобій, волновавшихъ козачество, появляется терминъ «дейнеки», которымъ обозначаютъ сбродныя толпы козаковъ и посполитыхъ, составлявшія нерегулярныя и плохо вооруженныя отряды, отличавшіеся крайне демократическимъ настроеніемъ, дѣйствовавшіе, впрочемъ, болѣе по внушеніямъ неопредѣленнаго инстинкта, чѣмъ по указаніямъ сколько нибудь яснаго политическаго сознанія.—Происхожденіе слова дейнеки оставалось непонятнымъ; Н. И. Костомаровъ предложилъ слѣдующую догадку для его уясненія: «дейнеки т. е., можетъ быть *де-не-яки*—кой какіе» (Историческія монографіи т. II стр. 72.—Гетманство Выговскаго). Это замѣчаніе, высказанное вскользь знаменитымъ историкомъ козачества, представляло единственную, извѣстную намъ, попытку объясненія даннаго слова.

Въ одной изъ актовыхъ книгъ кіевскаго центрального архива намъ встрѣтился документъ, который даетъ, какъ намъ кажется, болѣе удовлетворительное объясненіе искомаго термина: въ Летичевской городской книгѣ № 5245, на оборотѣ 51 листа, подъ 1665 годомъ, записана жалоба дворянки Клобуковской на дворянина Петра Подлескаго; послѣдній съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Клобуковской, выбилъ въ немъ окна, затѣмъ стрѣлялъ въ комнаты изъ лука и т. д. Во время послѣдовавшей свалки онъ былъ убитъ, но тѣмъ не менѣе Клобуковская подала жалобу въ судъ о причиненномъ ей насиліи и какъ *corpus delicti* представила оружіе, отнятое у убитаго Подлескаго; она «презентовала» въ судѣ: *arcum album, alias luk białogrodzki, sagittas quatuor atque dejnekat alias wegierę*; затѣмъ описывая само происшествіе она говоритъ, что Подлескій

стрѣлялъ «*per fenestram, baculo, alias wegiera, extrusam*». — Сопоставивъ эти тексты находимъ, что слова: «дейнека, wegiera и baculum — синонимы: слѣдовательно слово дейнека означало палку, дубину. Намъ кажется, что на основаніи приведеннаго текста, можно предположить, что въ примѣненіи къ козацкимъ отрядамъ слово *дейнеки* должно было означать толпу вооруженную дубинами; предположеніе это будетъ отвѣчать характеристикамъ дейнецкихъ отрядовъ, составлявшихъ безпорядочный сбродъ бѣднѣйшаго народонаселенія, не имѣвшаго возможности заготовить лучшее оружіе.

В. А.

Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Т. М. Сенютовичъ.

Въ одной жалобѣ, поданной въ полов. прошлаго вѣка на генер. писаря Безбородка за самовольное замѣщеніе старшинскихъ урядовъ, послѣдній, между прочимъ, обвинялся, что еще будучи старшимъ канцеляристомъ (помощникъ генер. писаря) въ 1739 г., онъ, Безбородко, назначилъ черниговскимъ полковымъ судьей Тимофея Сенютовича, безвинно удаливъ отъ уряда при этомъ прежняго судью Ивана Мокриевича. «А въ прошломъ 1739 г., бывший тогда старшій канцеляристъ, что нынѣ писарь войск. генеральнй Безбородко, говорилось въ жалобѣ, согласясь съ нынѣшнимъ судіею полковымъ черниговскимъ Тимофеемъ, которой Сенютовичомъ назывался, а нынѣ Сенютою, чрезъ проискъ свой и подлогъ, оного называемаго Сенютовича, кой тогда при главному малороссійскому командиру генераль-аншефу и кавалеру Ал. Ив. Румянцеву *былъ учителемъ сына его*.... произвелъ обманомъ въ чинъ судейства безъ всякихъ его служебъ и заслугъ, ибо оный Сенютовичъ посполитого званія человекъ и отправлялъ въ ту пору службу приватную въ ученіи школы дѣтей (sic) и съ той службы произведенъ въ чинъ судейства»... Оправдываясь противъ этой жалобы, Безбородко писалъ, что Сенюта «за то опредѣленъ судіею полковымъ, яко онъ на своемъ коштѣ въ иностранныхъ земляхъ разныхъ языковъ учился и въ разныхъ былъ переводахъ.»

А. И. Румянцевъ былъ правителемъ Малороссіи въ 1738—40 г.г. Конечно, въ это время Сенютовичъ и былъ учителемъ его сына, будущаго побѣдителя турокъ, которому въ 1738 г. было тринадцать лѣтъ (род. въ 1725 г.). До сихъ поръ нѣтъ обстоятельной біографіи

знаменитаго полководца и умнаго администратора Румянцева—Задунайскаго, и мы не знаемъ, гдѣ онъ онъ провелъ свою юность. Имѣется извѣстіе, что П. А. Румянцевъ «возросъ въ Малороссіи»; а если это такъ, то можетъ быть, что Сенютовичъ, какъ видно человекъ очень образованный для своего времени, былъ не только учителемъ, но и вообще наставникомъ Румянцева, который при этомъ и усвоилъ ту привязанность къ Малороссіи, о которой говоритъ издатель «Анекдотовъ, объясняющихъ духъ фельдмарш. графа П. А. Румянцова—Задунайскаго» (Спб. 1811. 8°). На стр. 63-й этой книжки читаемъ: «Графъ Румянцевъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать всѣми силами и до того прославился своею любовію къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, бывавъ въ Петербургъ, почиталъ графа Задунайскаго лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти, а встрѣтивъ однажды на улицѣ совсѣмъ незнакомаго ему одноземца, спрашивалъ о его обстоятельствахъ и ценилъ, почему онъ не былъ у графа Румянцева.» Учитель Румянцева—Тимофей Сенютовичъ былъ родной племянникъ извѣстнаго печерскаго архимандрита Іоаннікія Сенютовича (1715—1729), уроженца г. Сосницы. У архимандрита было два брата, Михаилъ и Іоасафъ, о которыхъ знаемъ, что они сначала учились въ «кіевскомъ коллегіумѣ» (для подиоры церкви святой восточной); а потомъ были тоже монахами. Но средній, Михаилъ, въ монашествѣ Митрофанъ, до монашества былъ женатъ и имѣлъ трехъ сыновей: Тимофея, Лазаря и Дмитрія, изъ которыхъ Тимофей и Дмитрій въ 1709 г. учились «въ латинскихъ школахъ». Вѣроятно при помощи дяди-архимандрита, Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ и могъ докончить свое образование въ «иностранныхъ земляхъ».

А. Л.

Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водоюй.

Въ 1766 г. кошевой Кальнишевскій съ товарищами, находился въ Петербургѣ по разнымъ дѣламъ «войска». (Исторія Нов. Сѣчи, изд. 3-е, III, 279 п слѣд.). Тамъ же въ это время находился и графъ Румянцевъ, президентъ малороссійской коллегіи, вѣдѣнію которой

подчинялось и «Ройско запорожское». Запорожцы зажились въ столицѣ и прохартались. Не стало у нихъ и водки, которую они привозили съ собою изъ Сѣчи. Пришлось посылать за нею. По этому случаю и дано было гр. Румянцевымъ малороссійской коллегіи слѣдующее предложеніе: «господниъ кошевой атаманъ войска низоваго запорожскаго Калнишевскій отправилъ старшину Антона Головатого для привозу ему и старшинамъ войсковымъ, находячимся при немъ, *ради собственнаго ихъ здѣсь употребленія*, изъ Сѣчи запорожской пятидесяти вѣдеръ вина горячого, на свободный провозъ котораго отъ показаннаго мѣста до Санктпетербурга, дать отъ малороссійской коллегіи ему, Головатому, обыкновенную выписъ, въ силѣ указовъ» (20 апрѣля 1765 года. Санктпетербургъ)¹⁾.

Сообщ. А. Л.

Березенская Вознесенская церковь.

Находящаяся въ заштатномъ городѣ черниг. губерніи Березномъ церковь Вознесенія Господня, рисунокъ которой помѣщенъ при этой книжкѣ, представляетъ одинъ изъ старѣйшихъ памятниковъ южнорусской церковной архитектуры XVII—XVIII вѣка. Построенная въ 1759—1761 гг. она, безъ всякаго сомнѣнія, сохранила многія черты церкви XVII вѣка, двѣ изъ которыхъ послужили образцами для ея строителей. Различныя детали постройки могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія приводимаго нами ниже контракта, заключеннаго въ 1759 году священниками прежней Вознесенской церкви, сотникомъ и жителями Березнаго со строителями Аванасіемъ Семеновымъ Шолудкомъ и товарищемъ его Тимофѣемъ Юсифовымъ. Какъ видно изъ этого контракта, при постройкѣ тогда новой церкви были сохранены размѣры и форма другой мѣстной церкви, Благовѣщенской, построенной до 1676-го года²⁾. Судить о томъ, на сколько нынѣшняя Вознесенская церковь воспроизводитъ старую Благовѣщенскую, въ настоящее время мы не можемъ, такъ какъ послѣдняя сгорѣла еще въ 1765 году. Несомнѣнно, однако, что полнаго сходства между этими двумя церквами не существовало, и въ самомъ контрактѣ указана

¹⁾ Книга записная полученныхъ отъ его сият. малороссійск. коллегіи пр. президента гр. П. А. Румянцева, въ малоросс. колл. предложеній, 1766 г. Кіевск. Центр. Арх.

²⁾ См. Историко-статист. описаніе черниг. епархіи. Кн. V, стр. 135.

ихъ разница, состоящая въ томъ, что три алтари и двѣ башни предъ входомъ заимствованы для церкви Вознесенья изъ другой старой, существовавшей съ XVII ст., церкви г. Березнаго, Покровской. Очень возможно, что существовали и другія отличія, такъ какъ строители нашей церкви могли получить во время постройки особыя указанія со стороны своихъ заказчиковъ, относившіяся «къ лутшому того строенія манеру». Какъ бы то ни было, березенская Вознесенская церковь вмѣстѣ съ девятиглавымъ запорожскимъ соборомъ въ г. Новомосковскѣ, рисунокъ котораго былъ приложенъ къ первой книжкѣ «Кіев. Стар.» за прошлый годъ, является одной изъ типичнѣйшихъ старинныхъ деревянныхъ церквей, форма которыхъ выработалась и развилась изъ господствовавшего въ Малороссіи еще въ прошломъ столѣтіи и теперь вымершаго типа деревянныхъ трехглавыхъ храмовъ. На прилагаемомъ рисункѣ читатель легко можетъ замѣтить нѣкоторыя особенности во внѣшней формѣ Вознесенскаго храма, особенности, составляющія, по словамъ гг. Мартиновича и Горленка, занимавшихся недавно вопросомъ о церквахъ старинной постройки въ полтавской епархіи, отличительныя признаки старинной церковной архитектуры Малороссіи ¹⁾. Каждая изъ пяти главъ нашей церкви покоится какъ бы на отдѣльномъ корпусѣ, имѣющемъ форму восьмигранной башни, при этомъ четыре наружныхъ башни примыкаютъ къ пятой срединной, болѣе высокой, чѣмъ остальные, которая и составляетъ главный корпусъ зданія. Окна, расположенныя въ три яруса, не считая куполовъ, въ которыхъ помѣщается еще одинъ, а въ главномъ яруса ихъ, двойной формы: четырехугольныя, узкія и длинныя, и крестообразныя. Видны на рисункѣ и маленькая крыша на крышѣ пристройки къ церкви, назначеніе которой предохранять нижнюю крышу отъ гніенія. Характернымъ намъ кажется и устройство верхней части нашей церкви. Дѣло въ томъ, что въ старинныхъ малорусскихъ церквахъ отдѣльные корпуса состояли изъ нѣсколькихъ ярусовъ суживающихся по мѣрѣ приближенія къ верху башенъ, соединенныхъ между собою неполными куполами, похожими на отрѣзанную нижнюю часть колокола, такъ что въ общемъ отдѣльная глава, или даже башня церкви нѣсколько походила на растинутую зрительную трубу. На самомъ верху помѣщался маленькій полный куполь. Промежуточные, неполные купола назывались «полубаньками», цѣлая же отдѣльная глава —

¹⁾ См. №№ 15—16 Полт. Епарх. Вѣдомостей и замѣтка въ „Кіев. Старинѣ“ за 1886 годъ, № 11.

«баней», въ какомъ смыслѣ она фигурируетъ и въ шестомъ пунктѣ нашего контракта. Образцемъ такого устройства можетъ служить запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ: въ немъ каждая башня имѣетъ четыре яруса, съ отдѣльнымъ рядомъ оконъ для каждаго; ярусы соединены тремя «полубаньками». Въ березенской церкви ярусовъ меньше—два въ боковыхъ башняхъ, три въ главномъ корпусѣ, почему и «полубанекъ» меньше, но форма послѣднихъ тождественна съ полукуполами церкви въ Новомосковскѣ. Да и вообще, «бани» церкви на снимкѣ схожи съ куполами многихъ церквей, какъ въ Кіевѣ (Спасъ на Берестовѣ, Михайловскій мон., Кприлов. мон., Софійскій соборъ, Трехсвятительская церковь и другія), такъ и по всей Малороссіи, особенно по уѣзднымъ городамъ. Изъ другихъ особенностей Вознесенской церкви можно указать на два «преддверніи слухы», или двѣ башенки съ западной стороны ея, направо и налево отъ главнаго хода. Башенки эти «съ банями манерными» выстроены по точному примѣру Покровской березенской церкви, бывшей въ то время соборной, и напоминаютъ башни въ порталѣ Богоявленской церкви Братскаго монастыря. По всему вѣроятію, заимствованы онѣ малорусскими церквами изъ господствовавшаго въ XVII—XVIII ст. на югѣ Россіи въ католическихъ костелахъ готическаго стиля. За удовольствіе имѣть «слупы зъ манерными банями» березенцы въ контрактѣ освободили Шолудка отъ постройки «бани» надъ женскимъ придѣломъ и «преддвернаго бабница». Вѣроятно, они впоследствии перерѣшили, такъ какъ на нашемъ рисункѣ виднѣются всѣ пять бань. Отсутствие же бабница повело къ скученію всѣхъ частей церкви, что при достаточной высотѣ придаетъ послѣдней довольно стройный видъ. Въсто бабница стронтель устроилъ «щитъ», собственно арку, служащую притворомъ. На верху этой арки, почти подъ самой крышей, снаружи церкви онъ провелъ хоры и на одинаковой высотѣ съ ними другіе внутри церкви. Еще одна наружная галлерейка устроена аршинъ на 8—9 ниже первой вдоль всей западной части церкви. Такъ какъ церковь на снимкѣ обращена къ зрителю восточной своей стороной, то ни щита, ни наружныхъ галлерей намъ не видно. Согласно условію, церковь устроена безъ «опасанья» (въ контрактѣ «абасанъ») т. е. наружной крытой галлерейки вокругъ всего зданія. Въ 1761 году постройка Вознесенской церкви была окончена. Такимъ образомъ простоѣ мѣщанинъ г. Нѣжина, человѣкъ безъ всякаго теоретическаго образованія, выполнилъ довольно сложную архитектурную работу; и такимъ самоучкамъ-архитекторамъ, иногда художникамъ по

натурѣ, какъ Погребнякъ, построившій запорожцамъ новомосковскій храмъ, обязаны своимъ существованіемъ старыя церкви не только сель, но и городовъ Малороссіи.

Впрочемъ, священники старой Вознесенской церкви и жители Березнаго не положились вполнѣ въ дѣлѣ постройки на вкусъ и умѣнье Шолудка и обязали послѣдняго условіемъ: «что отъ ихъ (заказчиковъ) къ лучшему того строенія манеру будетъ приказано дѣлать, оное повелѣніе не пренебрегая со всякимъ тщаніемъ радѣтельно и безспорно исполнять». Любопытно, что тотъ же четвертый пунктъ контракта, въ которомъ помѣщено предыдущее условіе, обязываетъ строителей вести себя благопристойно во все время постройки, воздавать честь священникамъ и горожанамъ березенскимъ и не пьянствовать.

Вознагражденіе за постройку строители получили главнымъ образомъ провизіей и деньгами. Провизія цѣликомъ уходила на прокормленіе рабочихъ во время работы, какъ видно изъ условія въ шестомъ пунктѣ контракта, согласно которому она должна была выдаваться Шолудку не всею сполна, а по частямъ, по мѣрѣ надобности. Такимъ образомъ за болѣе чѣмъ годовой трудъ, Шолудко и, по всему вѣроятію, цѣлое товарищество плотниковъ, получили, кромѣ пищи, деньгами всего 395 рублей и немного матеріи на одежду; при чемъ всякій недосмотръ и недостатокъ въ постройкѣ исправлялся на счетъ Шолудка.

Церковь Вознесенія Господня выстроена на каменномъ фундаментѣ, трехпрестольная съ двумя придѣлами во имя св. Георгія и св. Николая. Колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви. По обѣимъ сторонамъ алтара придѣланы «шаламария и кладовая». Снизу до верху церковь обита «шалювиницами» и первоначально была покрыта гонтомъ. Расположена она была около скрытаго уже теперь вала, внутри прежней березенской крѣпости, «близъ воротъ черниговскихъ». Размѣры ея, по словамъ ея нынѣшняго священника, таковы: высота—17 саж., длина—11 с. и ширина—10½ с. При храмѣ издавна былъ теплый храмъ во имя св. Варвары, возобновленный въ недавнее время. До послѣдняго времени при ней уцѣлѣла школа давнихъ временъ, но прежней богадѣльни при ней уже нѣтъ. Изъ древнихъ евангелій замѣчательны въ ней одно львов. печати 1644 года, другое м. п. 1694 г.

Приводимъ контрактъ 1752-го года на постройку березенской Вознесенской церкви, которымъ мы пользовались въ нашей замѣткѣ.

Интересенъ онъ, въ дословной передачѣ, между прочимъ, по обилію въ немъ оригинальныхъ малорусскихъ терминовъ, относящихся къ церковной архитектурѣ.

По шестому пункту этого договора можно судить, въ сколько приблизительно оцѣнивалась въ то время постройка различныхъ частей обыкновенной деревянной церкви. Означенный контрактъ сообщенъ редакціи въ оригиналѣ нынѣшнимъ священникомъ Вознесенской церкви, о. Петромъ Махальченкомъ.

П. Т.

Тысяча сѣмсотъ пятьдесятъ девятого года іюля шестого дня.

Я ниже подписавшійся житель нѣжинскій Афанасій Семеновъ Шолудко с товарищемъ моимъ Тимофѣемъ Иосифовимъ чиню вѣдомо симъ моимъ даннимъ священникамъ Вознесенскимъ Березинскимъ и его благородію господину сотнику Березинскому Якиму Сахновскому з гражданами Березинскими жъ контрактомъ во всякомъ судѣ и правѣ и кому би сего вѣдать будетъ потребно теперь и впредъ слѣдующіе времсна, что договорился я с ними священниками и гражданами о нижеписанномъ: 1-е, имѣю я состоящую в городѣ Березномъ старую церковь Вознесенскую совсѣмъ разобрать, и на ономъ мѣстѣ сделать вновь искусно деревянную на каменномъ основаніи троепрестольную церковь с пяти бапами и при троихъ церковныхъ дверяхъ придѣлами без абасапѣ, а при четвертихъ олтарнѣхъ—паламарнею, а с другой стороны олтара противъ паламарнѣ—кладовою, в мѣру и вышину таковую, какъ Благовѣщенская Березинская церковь сделана и таковымъ же манеромъ, только о троихъ олтаряхъ и по здѣланіи около паліовницами оббить, а банѣ паліованнемъ и полубанки пошаліованнѣ гонтою покрыть; 2-е, оную жъ церковь долженъ я сего года с отлачи сего моего контракта недель в двѣ разобрать совсѣмъ, и какъ надлежитъ подъ оную церковь основаніе каменное починать делать, тое имѣю показать и размѣрить уговоренному особливо на то майстру; 3, по окончаніи же того основанія каменного тотъ часъ тую церковь на ономъ оспованіи каменномъ за помощію Божіею з скоримъ поспѣшеніемъ рачительно дѣлать начну, и от пачатка дѣланія оной в еденъ годъ построить совсѣмъ имею конечно; 4-е, ежелиж би при постройкѣ той церкви могло дерево какое за моимъ несмотрѣніемъ спорчено или что неискусно

здѣлается, то тое я своимъ коштомъ пополнять долженъ; 5-е, будучи жъ мнѣ в той церковной работѣ, честь священникамъ и гражданамъ отдавать и непьянствовать и что отъ ихъ к лутшому того строенія манеру будетъ приказано дѣлать, оное повелѣніе, не пренебрегая, со всякимъ тщаніемъ радѣтельно и безспорно исполнять и во всемъ с ними священниками и гражданами жить имѣю такъ какъ честнымъ и доброго состоянія людямъ приличествуетъ; 6-е, по издѣланіи же той церкви звнѣ и извнутри совсѣмъ работою на оную крести без всякой порчи снести и укрѣпить, якъ лутше долженъ; 7, за оной же той трудъ по доброволному с ними договору долженъ я отъ священниковъ и гражданъ получить готовихъ денегъ триста семдесятъ пять рублей, муки ржаной тридцать двѣ осмачки, гречаной тредцать четвертей, пшеничной десять четвертей, пшона восѣмъ четвертей крупъ, гречанихъ восѣмъ четвертей, сала двадцать пять пудъ, соли двадцать пять пудъ, барановъ двадцать, яловиць три, кабановъ десять, сира пять пудъ, масла пудъ одинъ, риби чехонѣ круглой пять тысячъ, чабана платаного пять сотъ, олѣи полтораства кварть вѣдерковихъ, горѣлки кадокъ тридцать, сукна французского локоть десять, китаю двѣ трубки, на шапку рубль, на поясъ два рублѣ денегъ, да козлинъ двѣ;—которыя денги имѣю я принимать по частямъ, яко то: при дачи сего контракта в задатокъ взялъ пять десять рублей, при вступленіи въ дѣло оправлять на оную церковъ деревню, пять десять рублей, при заложеніи на каменномъ основаніи той церкви и за оципомъ одвѣрковъ пять десять рублей, за оципомъ оконъ крестовихъ пять десять рублей, за засклепованіемъ четырехъ банъ нисихъ пять десять рублей, за окончаніемъ и прикрытіемъ болшой банѣ пять десять рублей, за обойкою шаліовницами вокругъ церкви двадцать пять рублей, а за окончаніемъ звнѣ и извнутри всей по моему мастерству работи пять десять рублей имѣю взять. Вишеписанную же провизію должны они священники и граждане мнѣ отдавать не всю сполна, но сколько мнѣ с оной чего будетъ потрібно; чего для в достовѣріе и сей мой контрактъ за подписомъ моимъ и товарища моего рукъ имъ священникамъ з гражданами данъ, а что они имѣютъ по договору више писанное все без остатка мнѣ отдавать в такой же силѣ контрактъ и отъ ихъ принялъ.

Майстеръ Афанаси Семеновъ своеручно подписався. Въ-сто его неграмотнаго Тѣмофѣя Есипова по его прошенію Кондрать Григоріевъ подписался.

Въ добавку сего моего контракта еще задолжаюся по точному примѣру Покровской Березинской церкви два преддверніе слупи здѣлать зъ банями манерными и превосходя ту работу, какъ можно красивѣйше дѣлать старатимуся; вмѣсто чего опущено мнѣ отъ нихъ прихожанъ дѣлать пятую надъ женскимъ придѣломъ баню и преддверній бабинець, но где должно было быть пятой банѣ, тамъ заклепить и покрыть подъ вилчикъ шаліовницами и гонтою, а вмѣсто бабинца здѣлать щитъ посередѣ помянутыхъ слуповъ, какъ можно искуснѣйшею работою. За что мнѣ звищъ сего моего контракта должны они прихожане же заплатить денегъ рублей двадцать. А чтожъ по сему и прописанную работу безспорно здѣлать долженствую, въ томъ своеручно подписуюсь: Майстеръ Афанаси Семеновъ своеручно подписався. Помянутаго Афанасія товарищъ Тимофѣй Іосифовъ, а вмѣсто его неграмотнаго, по его руководанному прошенію дячокъ Вознесенскій Березинскій Семень Михайловъ подписался.

Замѣчательныя колядки.

Передо мною лежитъ интересный рукописный сборникъ колядокъ, записанныхъ свящ. Михаиломъ Зубрицимъ въ горскомъ селѣ Мшанцѣ турчанскаго уѣзда въ началѣ 80-хъ годовъ. Между этими колядками (всѣхъ 19 номеровъ) есть одна, по моему мнѣнію, заслуживающая особеннаго вниманія,—почему, это видно будетъ изъ самаго ея текста, который здѣсь прилагаю. Колядка поется обыкновенно «старшему братови церковному». Вотъ она.

1. А шо намъ было зъ нащаду свита—
Славень есь, Боже, по ѣ усямъ свити и на небесихъ.
2. Ой не было жъ намъ хйба сина вода,
3. Синая вода, тай бидый каминь.
4. А прыкрывъ Господь сыровъ землянецьъ,
5. Выросло на нимъ кедрове древо
6. Барзъ высочейше и барзъ сличнейше.
7. Висмотрила го Пресвята Дива,
8. Зывала дъ нему сорокъ ремиснычейки.
9. „Ой идите жъ вы, ремиснычейки,
10. А зитните жъ вы кедрове древо,

11. Збудуйте зъ него святу Софію,
12. Святу Софію въ святемъ Кіюви,
13. Бы на ній было симдесять верхивъ,
14. Симдесять верхивъ, симдесять крыживъ,
15. Смеро дверій, а едни підлога⁴.
16. День будували, въ ночи вткали,
17. Въ ночи вткали, въ день прибывали.
18. А зиславъ Господь ангела зъ неба.
19. „Не вякайтесь, ремиснычейы!
20. Давъ вамъ то Господь ведлукъ слылокы.
21. Крыжи робите, верхи зводите!“
22. Единъ вершейко барзъ высочейко,
23. Барзъ высочейко и барзъ слитнейко.
24. А въ тымъ вершейку золотый престиль.
25. За тымъ престоломъ самъ мылый Господь
26. Служилъ службойку суборовую.
27. Суборовую, заздоровую,
28. И за здорovia нашего брата,
29. Нашого брата и всихъ християнъ
30. Тамтуды лежить зъ давцу стежейса.
31. Стежкою иде польська винойка.
32. Межи нмы иде полковнычейко.
33. Стала винойка въ крыжи стріяты.
34. Рече словейко полковнычейко:
35. „А не стріяйте жъ въ святіи крыжи,
36. Бо спустыть Господь огняный дожджыкъ,
37. Огняный дожджыкъ, громови кули,
38. Затопыть Господь польську винойку“.
39. Выи не слухали, въ крыжи стріяли.
40. Ай такъ ся стало, якъ вывъ говорывъ:
41. Испустывъ Господь огняный дожджыкъ,
42. Огняный дожджыкъ, громови кули,
43. Затопывъ Господь польську винойку.
44. Хяба намъ зиставъ полковнычейко,
45. Полковнычейко, той нашъ братейко.
46. Бы на здорovia, на многа лита!
47. Гей нашъ навейку, то нашъ братойку!
48. Не самъ и съ собовъ, а зъ мылымъ Богомъ,
49. Изъ мылымъ Богомъ, зъ господнейковъ,
50. Зъ господнейковъ и зъ челядойковъ.

Что прежде всего любопытно въ этой колядкѣ, такъ это упоминаніе Кіева и св. Софій въ такой отдаленной и захолустной мѣстности, гдѣ народъ въ настоящее время едва ли знаетъ даже о существованіи Кіева, не говори уже о св. Софій. Такъ и хочется заподозрить въ этомъ мѣстѣ (ст. 11 и 12) искусственную поддѣлку,

хотя собиратель извѣстенъ мнѣ, какъ человѣкъ довольно серьезно образованный и знакомый съ научными требованіями при записываніи произведеній народнаго ибсеннаго творчества.

Самаго бѣлаго взгляда на текстъ предлагаемой колядки довольно, чтобъ убѣдиться въ ея компилятивномъ характерѣ. Весь составъ ея естественно распадается на пять частей. Часть первая, ст. 1—16, не что иное, какъ испорченная и сокращенная колядка о началѣ свѣта, въ полномъ видѣ извѣстная изъ сборника Головацкаго (т. II, 5, № 7.) и разобранная А. А. Потебней («Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ ибсень», II, стр. 738—740). Но мотивъ тотъ сейчасъ же переходитъ въ другой мотивъ—созиданія церкви (стр. 7—15, 22—29). Это тоже извѣстный колядочный мотивъ; сюда принадлежація ибсени указаны А. А. Потебней («Объясненія», II, 619—620). Цѣльность этого мотива нарушается въ нашей колядкѣ вставкой (ст. 16—21), которая очевидно представляетъ сколокъ съ совсѣмъ другаго мотива. Стихи эти довольно неясны; въ нихъ не сказано, почему «ремесничейбы» днемъ работали, а ночью должны были убѣгать съ мѣста работы, чего они «влякались» такъ, что нужно было ангела небснаго для ихъ успокоенія. Мнѣ кажется, здѣсь происходило что нибудь похожее на то, что разсказывается въ польской легендѣ о «вежи седми вождей», которые строили башню: что построятъ днемъ, то ночью провалится сквозь землю, но когда въ концѣ выведенъ былъ верхъ башни, стѣны ея чудеснымъ образомъ поднялись изъ земли. На такое чудо указываетъ въ нашей колядкѣ и испугъ рабочихъ, убѣгающихъ всякую ночь съ мѣста работы, и приказаніе ангела «Крыжи робите, верхи вводите!» Упомянутую польскую легенду я слыхалъ когда то (въ 60 хъ годахъ) отъ захожаго краковика—кузнеца; въ польской литературѣ ее переработалъ одинъ изъ поэтовъ Романъ Загорскій въ довольно пространной и съ талантомъ написанной поэмѣ п. «Wieża siedmiu wodzów».

Новый и до сихъ поръ въ колядкахъ не встрѣчавшійся мотивъ представляютъ стихи 30—45. Стихи эти основаны, очевидно, на какомъ нибудь апокрифическомъ сказаніи, какъ наказаны были язычники, ругавшіеся надъ христіанской святыней. Стихъ 45 довольно механическимъ образомъ связываетъ это съ основной цѣлью всякой колядки—величаніемъ того лица или дома, которому она поется. Остальные стихи (46—50)—обличный финалъ, состоящій изъ благожеланій и съ соответственными переѣмами повторяющійся послѣ каждой колядки.

Миронъ.

Малороссійскія рождественскія вирши.

Извѣстны въ окрестностяхъ с. Ксендзовки кролевец. уѣзда черниговской губ.—списаны со словъ Ан. Ал. Пороховской ¹⁾).

1.	6.
Хрыстось родывся, Мырь взвеселывся, Сегодншнымы часы, Для сыхъ родынѣ Всякъ христьянынѣ Уменае ковбасы.	Ангелы вси Скачуть и въ ладони плещуть, Письни гудуть Зѣ радости бѣють, Якимови доли (?)
2.	7.
Диды, бабы Пыво, меды, Горилку, варену Кухлыккомъ пьють; Зѣ вышамы тругъ Свынну печену.	Старенькій Бигъ На стиль излнть, Да самъ собн дума, Уснмъ душамъ Праздникъ, а Адаму рюма ²⁾ .
3.	8.
Паны, куци, Славные кравци, Шынкарство, мещане Обо смѣ Рнздва Вси у нови Убраны жупаны! Хлопци, дивкы На выпередѣ Бигають идѣ хаткы, Якъ ты вовкы Або свынкы Скурнечуть колядки.	Тяжко здыхнувь И тукъ гукнувь Гаврыла ³⁾ пшвиденько. Да и сказавъ, Щобъ лысть пославъ, Адаму хутенько.
5.	9.
Маты земля Уся гуля Узавшысь въ боы, Письни гука, Бѣе гоцака, Вѣ пидковы шырокы.	Архыстратыгъ Мотнувся вмнть, Папиръ и черныло Де треба взивъ Да й напысавъ Адаму таеъ мыло:
	10
	«Чесный Адамъ! Ты всемъ людямъ Праотець зовесся, Постый не плачь, Ось, ось, якъ бачъ, Одъ пекла спасесся!

¹⁾ Варіантъ этой вирши см. у Безсонова „Калекы Перехожіе“, вып. 4-й, стр. 27, а также у Терещенка „Бытъ русс. народа“, ч. 7-я, стр. 68—69.

²⁾ плачь (rumśac płaкаć).

³⁾ Арх. Михаила.

11.
 Бо вже на свитѣ
 Якъ рожы цвѣтъ
 Хрыстось народывся.
 Винь адъ стребытъ,
 Чорта смырытъ,
 Щобъ тѣй не гордывся!

12.
 Смерть злу Ягу
 Зогне въ дугу
 И зломытъ ѿи спыну;
 Гостру косу
 И сбрую всю
 Змете, якъ паутыну.

13.
 Адсьбыхъ спшакъ
 Зотре, якъ макъ,
 Зобье въ мауху;
 За ихъ плутню
 И всю бредню
 Винь дать имъ цукрухи.

14.
 Катъ бы ихъ ма
 У нихъ нема
 Никому спуску,
 Хоть бы святець
 Або чернець,
 Осмалытъ, якъ гуску.

15.
 Того святци,
 Того ченци
 Не мыналы страху.
 Хвылозопы,
 Протопопы
 Набыралысь жаху!

16.
 Пролавъ той страхъ,
 Зарисъ той шляхъ,
 Кунямъ та болотомъ,
 Де той злый духъ

Глунавъ, якъ мухъ
 Ненасытнымъ ротомъ.
 17.

Пронавъ той страхъ:
 Теперъ той шляхъ
 До Раю протертый!
 Безъ сторожей
 Все на встежей
 Ворота одперты!
 18.

Уже велить
 Яблочки рвать
 Изъ райского древа;
 Зъ його плодъ
 Не веливъ Богъ,
 Да вкусыла Ева!
 19.

Видна Ева
 Одну зъ древа
 Вырвала кыслычку;
 Збула власти;
 Треба прысты
 На гребени смычку!
 20.

Черезъ неи тамъ
 Видный Адамъ
 Щось кажуть пробудывъ,
 За то ёго Богъ
 Иты за порогъ
 Адама прынудывъ!
 21.

За ту йиду
 Ева биду
 Заслужыла сiю;
 Въ честь Адаму
 Ажъ за браму,
 Выбылы у шiю!
 22.

Глуна жона:
 Сама она

Яблучко строщыла;
За одинъ плодъ
Увесь народъ
У пекло втащыла.

(Недостають 2 куплета).

Финаль:

Сю виршу, Панове,
Що празныга чытаю,
И святымъ Рождествомъ
Вась поздоровляю!

Сообщилъ К. В. Болсуновскій.

Рождественская „вечера“.

По повѣрью малоросса «хрещеныкы» на томъ свѣтѣ будутъ подавать своимъ «хрещенымъ батькамъ та материмъ» воду, но только въ томъ случаѣ, если они будутъ на этомъ свѣтѣ въ рождественскій «святвечиръ» носить имъ «вечерю». Кромѣ того «вечерю» эту «годытся» носить имъ еще въ виду слѣдующаго, какъ гласитъ и пвводимая легенда, обстоятельства:

Якъ хто бувъ у Ерусалыми, такъ розказують: тамъ, де жыды Христа мучили, осталось два жыденкы. Якъ мисяць молодой—то и вони молоді, а якъ мисяць старый—то й вони стари. И тамъ пры дорози стоить гробъ Господень, а пры ѣму ти два жыденкы зъ виныками та все обмитають зъ ѣго ту сторону, шо—якъ хто у неділю віе, то іи и несе сюды, а вона и сяда на гробъ. Такъ кажуть все пытають:

— А то ты ше кумъ до кума носе вечерю?

— Носе,—одвигать.

— Ну, ше, кажуть, далеко страшный судъ, а якъ перестане кумъ до кума вечерю носыты, тоди и страшный судъ буде.

(Зап. въ александровскомъ у. екатериин. губ. Ів. М—га).

Ів. Манжура.

Рождественскія святки на Волини ¹⁾.

Еще недѣли за двѣ до наступленія рождественскихъ святокъ наши села оживляются—начинаются приготовленія къ празднику. Первымъ признакомъ близости святокъ служитъ бѣленіе хать. Два раза въ годъ—передъ Рождествомъ и передъ Пасхой—всякая крестьянская хата бѣлится и внутри, и снаружи ²⁾. Одновременно съ этимъ

¹⁾ Наши наблюденія относятся къ староконстантиновскому у. волынской губ.

²⁾ Шестая недѣля великаго поста такъ и называется у нашихъ крестьянъ „бѣлымъ тыжднемъ“.

моютъ и чистятъ посуду, столы, лавки, моютъ бѣлье. По всему селу раздается визгъ убиваемыхъ свиней, а въ воздухѣ носится запахъ гаря. потому что всякій, даже бѣднякъ, старается зарѣзать къ празднику хоть поросенка. Передъ самымъ праздникомъ, дни за три начинается печеніе и вареніе всякихъ снѣдѣй: пекутся кныши и пироги, варится и жарится разнаго рода рыба (преимущественно судакъ), а самое главное, готовится узварь и кутя. Узварь варятъ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, сливъ, вишенъ, а кутю изъ пшеничныхъ или ячмыхъ крушъ; ѣдятъ кутю съ медовою сытою, а за немѣнимъ меду съ сахарнымъ сиропомъ и маковымъ молокомъ.

Вотъ, наконецъ, и 24 декабря — «вилія». Передъ наступленіемъ вечера хозяинъ или старшій въ семьѣ вноситъ въ хату оханку сѣна и сновъ разнаго рода хлѣба: пшеницы, жита, овса и т. п. Помолвившись передъ образами, онъ поздравляетъ присутствующихъ съ наступающимъ праздникомъ, сопровождая поздравленіе разными пожеланіями, кладетъ сѣно въ переднемъ углу подъ образами и ставитъ на него сновь. Хозяйка же ставитъ на сѣно узварь, кутю и кладетъ хлѣбъ и соль. Во время этого обряда всѣ присутствующіе въ хатѣ садятся ²⁾.

Къ вечеру этого дня крестьяне одѣваются по праздничному. Заплатанный, засаленный кожухъ замѣняется повымъ, бѣлымъ или свиткой изъ чернаго, домашняго сукна; вмѣсто грязныхъ полотняныхъ штановъ и дырявыхъ сапоговъ, а то и лаптей, надѣваются новые, голову расчесываютъ и смазываютъ масломъ. Таковъ торжественный видъ нашъ крестьянинъ имѣть очень и очень рѣдко — раза три — четыре въ годъ. Женщины заботятся о своемъ нарядѣ еще больше. Молодницы и дѣвушки надѣваютъ ситцевые сорочки съ вышитыми рукавами и воротникомъ, красныя или голубыя юбки, цвѣтные кафтаны — «кунтушы» и «кетлыкы» (старухи носятъ черныя — «бекешы») и желтые сапоги. Голову молодницы повязываютъ большими красными съ чернымъ платками, а дѣвушки убираютъ вѣнками изъ искусственныхъ цвѣтовъ и «бындами» (лентами).

По заходѣ солнца разряженная крестьянская семья садится за столъ, покрытый бѣлой скатертью, подъ которой тоже разостлана

¹⁾ Намъ не удалось добиться отъ крестьянъ объясненія значенія этого обряда. На всѣ наши распросы какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ намъ давали одинъ отвѣтъ: «диды, прадида наши такъ робылы, такъ и мы робымо. А па що воно такъ треба — Богъ его святыи зиле. Алежъ видно такъ треба, коли такъ робылы и роблять».

сно. Въ этотъ день не ѣдятъ «до звѣзды» и обѣдъ соединяется съ ужиномъ. Прежде всего подаютъ на столъ узваръ и кутю. Одинъ изъ семьи беретъ въ ложку куги и бросаетъ вверхъ, приговаривая: «морозе, морозе! иди куги ѣисти!». За узваромъ и кутей слѣдуетъ рыба — жареная, вареная и холодная или «холодецъ». Послѣ рыбы подаются борщъ и каша, а затѣмъ «слохпина» (лаиша), вареники и пироги. Вечери продолжается довольно долго; передъ каждымъ кушаньемъ чарка обходитъ въ круговую всѣхъ отъ мала до велика; даже дѣтѣмъ крестьяне въ торжественныхъ случаяхъ даютъ водку; на этотъ счетъ у крестьянъ существуетъ убѣжденіе, что кто ребенкомъ пьетъ много водки, тотъ, выросши, не будетъ пить вовсе. Впрочемъ, въ первые дни Рождества и Пасхи крестьяне пьютъ сравнительно мало, такъ какъ въ эти дни считается грѣхомъ ходить въ шинокъ.

Кутю оставляютъ на столѣ и на ночь и кладутъ въ нее ложки къ увѣренности, что ночью приходятъ умершіе родственники хозяевъ и тоже ѣдятъ кутю. Огней въ эту ночь не тушатъ, да и спать очень мало или даже вовсе не спать, особенно старые люди, «кто въ такую ночь, идѣ такъ велике свято, спытъ, говорятъ они, той царство небесне, спасення проспытъ».

На «вилію» же (а у пныхъ на второй день праздника) посылается «вечера» бабѣ (т. е. повптухѣ, воспринимавшей ребенка) и кумамъ. Вечера эта состоитъ изъ одного или двухъ кнышей, нѣсколькихъ пироговъ и жареной рыбы. Если ребенокъ великъ, то онъ несетъ вечерю самъ, въ противномъ случаѣ несетъ мать, старшій братъ или сестра, или, вообще, кто нибудь изъ семьи. Принесшій вечерю говоритъ: «просытъ батько, маты (или дядько, дядына) и унукъ (или похрестникъ, похрестница) на вечерю и я также прошу». Бабка или кумовья, принявши вечерю, кладутъ въ опорожненную миску деньги или насыпаютъ ее крупами или зерновымъ хлѣбомъ, а ребенку даютъ гостинца — конфектъ, орѣховъ или пряниковъ. Богатые крестьяне посылаютъ, вмѣсто вечери, булки, пряники, яблоки и т. п. Такая же вечеря посылается кумовьямъ и бабѣ и на Пасху.

Первый день Рождества крестьяне проводятъ скромно. Утромъ идутъ въ церковь, затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, а послѣ обѣда молодежь иногда собирается потанцевать, если случится музыка. Но у молодежи въ это время есть и другое дѣло — она готовится къ колядованью.

Приготовленія эти начинаются также еще задолго до праздника — за недѣлю, за двѣ. Парубки собираются особо, мальчики особо. Передъ вечеромъ втораго дня устраивается генеральная репетиція,

послѣ которой, когда уже достаточно стемнѣетъ, одинъ изъ парубковъ наряжается очень извѣстной всѣмъ «козой», и вся молодежь направляется по селу колядовать, переходя отъ одной хаты къ другой¹⁾. Подошедши къ окну, одинъ изъ колядниковъ спрашиваетъ: «пане-господару! чы позволите поколядуваты?» — и, конечно, на этотъ вопросъ всегда слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ. По окончаніи коляды, приносится привѣтствіе хозяину, обыкновенно въ такой формѣ: «здоравлию, пане-господарю, съ симы свиткамы; дай Боже сіи свята опровадыты, Нового року дочекаты, одъ Нового року до Богоявлення, одъ Богоявлення до Воскресенія — до ста лить, побы Богъ благословить мыромъ, покоемъ, добрымъ здоровьемъ. Вечирь добрый!». Хозяйка въ благодарность колядникамъ выноситъ кнышъ, или пироги, или даже деньги, которыми потомъ колядующіе дѣлятся поровну, въ иныхъ мѣстахъ отдѣляя часть барышей въ пользу мѣстной церкви; при этомъ надо замѣтить, что весьма часто мѣстные священники вообще запрещаютъ колядованіе, разрѣшая его только при условіи взноса извѣстнаго процента съ дохода въ пользу церкви.

Нельзя не обратить вниманія на то, что на Воляни излюбленными колядками являются не чисто-народныя, а заимствованныя отъ грамотниковъ, при чемъ, конечно, искаженіе ихъ первоначальной формы иногда доходитъ до неузнаваемости и даже до бессмыслицы. Лучшее всего можно видѣть это въ приводимой ниже колядкѣ, самой распространенной у волянскихъ крестьянъ:

Выдыть Богъ, выдыть Творецъ, —
Що миръ погибаетъ. —
А ангелъ Гаврыила
Въ Назоретъ посылають.
Благовисныъ въ Назоретъ, —
Стала слава у вертепи;
Ой, въ прекраснымъ гради Выфііеми,
Твердый рай тамъ єдиный. —

Не заходыть сонце ясне
Съ дивчеська ложа;
Раде воно заходити —
И весь миръ просвятити.
Звизда ясна осіла, —
Путь тромъ царамъ показала;
Ой съ першми трми цары
Несуть Христу дары.

¹⁾ Суда по мѣстности, время колядованія въ Малороссіи вообще мѣняется, начиная съ 24 декабря и далѣе въ теченіе первыхъ дней святокъ. Мѣстности, въ которыхъ обычай коляды совершается 24 декабря, естественно, удержали болѣе другихъ древній срокъ. Перенесеніе же этого срока на послѣдующіе дни находится въ зависимости отъ тѣхъ запрещеній обряда коляды, которыя начались очень давно, но которыя не уничтожили обычая, а только отдалили его на нѣсколько дней. (См. объ этомъ у Потебни „Объяснен. малорус. и сродныхъ народн. пѣсенъ“. Т. II стр. 33—37 и 46—47).

Примѣч. редакц.

Ой прийшовъ же охранитель,
 На колінка упадає;
 На колінка упадає,—
 Богу хвалу дає.
 Плачуть мати и рыдають
 По чадахъ маленькихъ.
 Не плачь, мати, не рыдай
 По чадахъ маленькихъ.
 Якъ же мѣни не рыдаты,
 Печальныи мати:
 Ыродь дити забыває;
 Гострымъ мечемъ розсикає, (2 р.)
 Кровь цевинну розливає, (2 р.)

Христа вбыты шукає.
 — Ой ты, Ыродь, ты—проклятый.
 Пощо ты такъ шагаєшь?
 — Десь ты Бога Правдыого
 Христа вбыта шукаєшь.
 Пишовъ Ыродь ажъ до аду
 Люциперу на пораду
 Ты жъ до аду зыйдешь,
 Тамъ ты погыбаєшь;
 И путь твоа погыбає.
 На праведна осіяє;
 Правдыныкы-офирныкы
 Просвищають на выє.

Въ сборникѣ П. Безсонова «Калѣки перехожіє» (вып. 4-ий, стр. 106—110) находимъ эту же колыдку въ нѣсколькихъ вариантахъ, помѣщенныхъ въ разныхъ рукописяхъ; вошла она также въ «Богогласникъ или собраніе набожныхъ пѣснопѣній». Кіевъ 1885 г., стр. 11. Для сличенія приводимъ одинъ изъ нихъ.

Видѣ Богъ, видѣ Творецъ,
 Что мѣръ погыбаєтъ,
 Архангела Гавріила
 Въ Назаретъ посылаетъ:
 „Благовѣстуй въ Назаретъ!“
 Слово стало во вертепѣ:
 „О прекрасный граде Виелееме,
 Отверзи врата, Эдемъ!
 Незаходимое солнде
 Изъ дѣвическихъ ложеснъ
 Грядеть—возсияетъ
 И просвѣтитъ весь мѣръ!
 Звѣзда ясно возсияла,
 Треть царямъ путь показала.
 Отъ востока пришли тріє цари

Привесли Христу дары.
 И пришедши въ храниву,
 На колѣну унадоша.
 И Ыродь царь возмутимъ,
 Что Христосъ царь народимъ,
 Слуги своя посылаетъ,
 Христа убити замыкаєтъ.
 Четырнадцать тысячъ
 Дѣтей малѣйшихъ побили.
 Не плачь, Рахиль, не рыдай:
 Ыродь поидеть даже до ада
 Къ *лицемѣру на породу*¹⁾.
 А мы съ тобой веселимся,
 Христу Спасу поклонимся.

Не трудно замѣтить, что въ волынской колыдкѣ, кромѣ многихъ мелкихъ искаженій, особенно выдается въ глаза утрата значенія плача Рахили, ими которой даже совершенно исчезло, и остался только неясный намекъ на плачь какой то матери. (Многіє варианты этой

¹⁾ Въ колыдкѣ волынской это мѣсто сохранилось правильнѣе, чѣмъ въ данной рукописи (къ Люциперу на пораду); при чемъ нужно прибавить, что *Люциперъ* въ разныхъ спискахъ искажается не только въ *лицемѣра*, но и въ Пидипора и Писифора (см. Безсоновъ „Калѣки перех.“, вып. 4-ий, стр. 110).

Ой, приходите—увидѣти
 Миромъ сына Божого зобачете,
 Прославете Суса Христа Своего.—
 Бо у шои народився,
 Въ пелюшечки уповняся,— } 2 р.
 Правда буде у всимъ святи.— }
 Казавъ Ёродь войску статы,—
 И всю землю сляндруваты,— } 2 р.
 Христа въ яслахъ шукаты.— }
 Войско стало—сляндрувало
 Дае знаты самому,
 Що нема Христа въ крулевствѣ,
 А ни въ панствѣ твоему.—
 Казавъ Ёродь дити тяти;

Дити тяти—крови ляти,
 Кровъ невинну розливати,—
 Христа вбиты шукаты.—
 врти тяти—крови лялы,
 Хроль невинну розливати,—
 ДыКсва вбиты шукалы.—
 Ой княгиня-монархня,
 Не поможешъ въ тимъ ты,—
 Що есть дити,— яко квити,
 Казавъ Ёродь вытати
 Царь небесный ихъ приймуе,—
 Въ неби мисце имъ готуе, } 2 р.
 Вся ангели святии.

И. Бѣньковскій.

Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст.

Предлагаемъ двѣ рождественскія вирши, записанныя въ прошломъ столѣтїи: одну—шутливую, въ простонародномъ духѣ, другую—серьезную, составленную на церковной основѣ.

I.

Слава Богу, того ми теперь(а) дождались,
 Що за шесть недѣль с ковбасою внять повидались.
 Я жъ казавъ: шутка, що позавчера свинѣ галасали!
 Ажъ то люди не святкамъ все ковбасы дбали.
 Лишь почувли, що Рѣздво (уже) не за горами,
 Не скотѣли болшь сидѣти над огѣреями;
 Заразъ стали шататись мижъ скоромницъ ерамомъ:
 То зъ гусми, то с курми, то зъ битимъ товаромъ.
 А инши по хуторахъ начали махати,
 Щобъ доброй и багато к празнику предбати.
 Колибъ же и Ваша-мосць справди не нарокомъ,
 Взглянувши на мене щедримъ теперь окомъ,
 Хоть шелягомъ на (въ) первой часъ мене поманяли,
 А послѣ бъ и ковбасу в пазуху втеревили,
 Да й тымъ по губахъ, що пред ковбасою пють люди,
 А я бъ сказавъ: вамъ Рожденїи наградою буде!
 Будьте жъ ви здорови, Рождества дождавши,
 А я пойду ис хати, свое в карманъ взявши.

II.

Антенатровъ синъ Ёродь былъ неистовїи:
 Наситился, якъ хотѣль, младенческой крови.

Отъ лвоу дѣтъ и ныже всѣхъ (с)сушихъ младенцовъ
 Въ предѣлахъ Іудейскихъ рубилъ, явъ птещовъ.
 Закричала и Рахиль сколько мала сила,
 Явъ отъ грудей на коп(ь)е младенца схватили
 О Христе, днесь рожденій и в яслехъ повитій!
 Прійми кровь ихъ ради той вины знаменитой,
 Да славимъ и ми Твою божествену славу,
 Въдуше Твою милость крѣпку и державу.
 Поздравляю васъ рожденіемъ от Дѣви Бога,
 Желаю вамъ жить лѣта многа.

Обѣ вирши записаны на листкѣ старинной, пожелтѣвшей бумаги, почеркомъ несомнѣнно 2-й половины прошлаго столѣтія. Первая написана малограмотною, нетвердою, какъ бы женскою рукою, а послѣдняя—по линейкамъ, славянскими печатнаго типа буквами, очевидно—рукою школяра. Листокъ найденъ между старыми бумагами, въ «коморѣ» одного священника, въ гадяцкомъ у. полтавской губ.

Оттуда же мы имѣемъ рукописную тетрадь, къ сожалѣнію—неполную, на заглавномъ листѣ которой сохранилась надпись: *«Списалми Петра Навроцкого, подканцеляристы полкового Гадяцкого»*. Очевидно, тетрадка писана раньше 1782 года, времени закрытія въ Малороссіи полковыхъ урядовъ и канцелярій. Названіе «*писалми*» не соотвѣтствуетъ содержанію той части тетрадки, какая сохранилась: болѣе всего въ ней нравоучительныхъ разсказовъ или анекдотовъ изъ жизни древнихъ царей и философовъ, а рядомъ съ ними—поэма Ломоносова въ честь Петра Великаго, нѣсколько сентиментальныхъ стихотвореній, въ родѣ: «Рыдаеть, бьеться, воплетъ слезно, лишившись горлица дѣтокъ», и здѣсь же—солдатская пѣсня времянь Еватерины:

„Наши въ полѣ не робѣють,
 Всякій хочеть городъ взять“...

Какъ видно, подканцеляристъ Навроцкій былъ не особенно разборчивъ въ дѣлахъ литературныхъ и вносилъ въ свою тетрадь все, что ему нравилось. Есть въ ней и *вирши*—двѣ рождественскія и двѣ пасхальныя. Особенность ихъ заключается прежде всего въ томъ, что онѣ написаны не на малорусскомъ, а на литературномъ русскомъ языкѣ XVIII в., какъ и всѣ остальные піесы сборника Навроцкаго. Одна изъ нихъ озаглавлена имъ такъ: *«Кармѣнь рождестеенскій, а по нашему.—впрша»*. Очевидно, что этотъ «*кармѣнь*» для записывателя былъ новинкой, недавно лишь появившейся на смѣну старин-

ной «*вирши*»,— иначе онъ не сталъ бы переводить для себя этого термина. Это былъ продуктъ новѣйшей, общерусской культуры, проринкшей въ Малороссію со временъ Елисаветы и особенно Екатерины II. Для людей, тронутыхъ этой культурой и образовавшихъ свои литературные вкусы на высокопарныхъ риторическихъ произведеніяхъ новѣйшихъ «россійскихъ сочинителей», казались уже грубыми и непристойными свои національныя «*вирши*»; но такъ какъ обычай *виршованія* жилъ въ Малороссіи еще въ полной силѣ, то на смѣну старыхъ «*виршей*» появились «*кармѣны*». Съ этой стороны «*кармѣны*» эти, при всей безцвѣтности и ординарности ихъ формы и содержанія, представляютъ нѣкоторый интересъ, какъ знаменіе переменъ литературныхъ вкусовъ, совершившейся въ извѣстной части малорусскаго общества во 2-й половинѣ XVIII ст.

Приводимъ два такихъ «*кармѣна*» изъ тетради Навроцкаго, въ точности сохраняя его орфографію.

I.

Вольфы скоро поспѣшала
 Прийти въ городъ Выфлеемъ,
 Когда по звѣздѣ узнала,
 Что родился Месія въ немъ.
 Такъ и я предсталъ предъ вами
 Не для прочихъ причинъ,

Какъ что зрю двома глазами,
 Что живетъ въ немъ (?) Божий Сынъ.
 Да живетъ же неотлучно
 И въ васъ Богъ и Человѣкъ
 И да вашъ благополучно
 Временной продолжить вѣкъ! Finis.

II.

Полно вамъ уже, печали,
 Полно вамъ сердце сушить:
 Ушь перемены тѣ настали,
 Кои могутъ веселить.
 Нипѣ радость превелика
 Въвесь возвеселила родъ
 Тѣмъ, что намъ родился Владика
 И податель всѣхъ щедротъ,
 Кой израилскому роду,
 Въмѣсто скорби, въмѣсто скукъ,

Вѣчную подаю свободу,
 Вызволилъ изъ горькихъ мукъ.
 О велико Божие дѣло
 Что новини мы во всемъ,
 Да принялъ онъ наше тѣло
 И подаю намъ радость всѣмъ!
 Радость пусть сія множится
 Внутрь сердецъ всѣхъ человѣкъ.
 И ея ушь не лишится
 Я желаю вамъ вѣкъ.

Судя по такимъ словамъ и формамъ, какъ: «*поспѣшала*», «*родился*», «*вызволилъ*» и др., можно утверждать, что подобные «*кармѣны*» слагались на мѣстѣ, въ Малороссіи, людьми хотя и книжными, но не вполне еще отрѣшившимися отъ непосредственнаго вліянія родной рѣчи.

О. Л.

Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ.

П. А. Лукашевичъ умеръ въ концѣ 1887 г. въ глубокой старости въ м. Березани, переяславскаго уѣзда полтавской губ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ былъ класснымъ товарищемъ Гоголи, въ директорство Орлая, и воспитанникомъ перваго выпуска. Кончалъ образованіе въ рижельскомъ лицѣѣ и совершилъ въ молодости поѣздку за границу, гдѣ, въ Прагѣ, познакомился съ Ганкой и Колляромъ. Всю остальную жизнь онъ провелъ въ м. Березани, гдѣ владѣлъ довольно значительнымъ помѣстьемъ. Знакомство съ чешскими учеными повліяло на научныя наклонности Лукашевича. Подъ вліяніемъ его онъ обратился къ собиранію произведеній народной украинской поэзіи и въ 1836 году издалъ свой сборникъ «Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни». Эта, вышедшая безъ имени собирателя, книжка, записала его имя въ память потомства. Книжка невелика, часть матеріала въ ней заключающагося, заимствована изъ другаго собранія (Вацлава зъ Олеска); но она была третьимъ сборникомъ украинскихъ думъ и пѣсень, увидѣвшимъ свѣтъ и составлялась тогда, когда старое пѣснотворчество еще жило полной жизнью въ народѣ. Главную цѣну этому сборничку даетъ отдѣлъ думъ, съ его древними списками, между которыми выдѣляется величественный списокъ думы о Самойлѣ Кишкѣ. Это самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ украинскихъ думъ и одна изъ самыхъ прекрасныхъ. Въ сборникѣ не отмѣчено, гдѣ и отъ кого она записана. На запросъ по этому предмету, покойный Лукашевичъ сообщилъ намъ, что записалъ эту думу въ 1832 г. отъ бандуриста Стрички, уроженца села Березовки, прилукскаго уѣзда полтавск. губ. Этому бандуристу онъ встрѣтилъ случайно, на постояломъ дворѣ, ѣхавъ въ Ромны на ярмарку. Отецъ Стрички былъ также бандуристъ. Черезъ два года, справясь о Стричкѣ, Лукашевичъ узналъ, что онъ умеръ. Во время записыванья Стричкѣ было около 30 лѣтъ.

Сборникъ свой Лукашевичъ составилъ «между дѣломъ», и тѣ драгоценности, которыя онъ въ немъ сберегъ, показываютъ только какъ обильна могла быть жатва собирателя въ ту далекую пору... Остальную свою жизнь Лукашевичъ посвятилъ quasi—филологическимъ трудамъ, на изданіе которыхъ потратилъ большія средства, но которыя стали притчею во языцѣхъ. Амбары его деревенской усадьбы и полки кievскихъ книжныхъ магазиновъ завалены были этими книгами, которыхъ не бралъ никто, а если бралъ, то выбрасывалъ съ

негодованиемъ. «Греческій Корнесловъ», «Объясненіе ассирійскихъ именъ», «Латинскій Корнесловъ» и другія ужасныя произведенія Лукашевича того же сорта не имѣли ничего общаго не только съ здравой филологіей, но и съ здоровымъ смысломъ. Послѣднимъ трудомъ его въ этомъ родѣ была двухтомная «Микроскопическая Астрономія», выходъ въ свѣтъ которой можно допустить только, вспомнивши, что терпится и не преслѣдуется всякое тихое безуміе. Жившій едва вѣроятнымъ оригиналомъ, Лукашевичъ окружалъ себя таинственностью и позволялъ предполагать, что у него собрано много историческихъ документовъ и этнографическихъ записей. Въ послѣдніе годы его жизни были сдѣланы попытки извлечь у него эти матеріалы изъ подъ спуда. Результатомъ этихъ очень тяжелыхъ усилій было полученіе отъ Лукашевича двухъ тетрадей старинныхъ малороссійскихъ лѣтописныхъ замѣтовъ и маленькаго, но очень цѣннаго отрывка автобіографическихъ записокъ священника Турчиновскаго (писанныхъ въ половинѣ XVIII в.), помѣщеннаго тогда же въ «Кіевской Старинѣ». Этнографическія записи заключаются въ толстой книгѣ, куда Лукашевичъ вносилъ на бѣло то, что записалъ послѣ изданія своего сборника. Сравнительно съ продолжительностью времени собрано имъ не такъ много, хотя добросовѣстно, безъ произвольныхъ поправокъ, и съ точнымъ воспроизведеніемъ всего слышаннаго. Но по внутренней своей цѣнѣ этотъ сборникъ, оставшійся въ рукописи, никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ печатнымъ сборникомъ 1836 года.

Какъ человѣкъ, покойный Лукашевичъ представлялъ явленіе исключительное и даже мало вѣроятное. Мы не имѣли намѣренія касаться странностей его жизни, объясняемыхъ несомнѣннымъ ненормальнымъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. Право на признательную память даетъ ему подвигъ его молодости, спасшій отъ забвенія нѣсколько сокровищъ народнаго творчества, въ ту пору, когда самъ онъ былъ юнъ и умъ его еще не былъ омраченъ тяжелымъ и неизлѣчимымъ недугомъ.

W.

Александръ Ипполитовичъ Гавриловъ.

А. И. Гавриловъ земскій врачъ константиноградск. у. полтавск. губ. умеръ 10 мая 1888 г. въ с. Ганебномъ того же уѣзда, заразившись тифомъ во время леченія крестьянъ. Родился онъ въ старобѣльскомъ уѣздѣ харьковск. губ. въ 1856 г. Такимъ образомъ ему было всего

32 года. Со времени сознательной юности, покойный былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ. Послѣ него осталось огромное рукописное собраніе ихъ. Страстный любитель украинскихъ пѣсенъ, Гавриловъ собиралъ ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ самъ и просилъ о томъ же многихъ своихъ знакомыхъ, которые доставляли ему свои сборники. Въ бумагахъ покойнаго осталось 57 тетрадей пѣсенъ и множество записей на отдѣльныхъ листахъ, которыя въ общемъ составляютъ тоже около 15 подобныхъ тетрадей. Около 30 изъ этихъ тетрадей доставлено Гаврилову разными лицами, остальное собрано имъ самимъ. Большая часть пѣсенъ—бытовыя. Второе мѣсто по количеству занимаютъ обрядныя, третье—историческія. Собранныя пѣсни записаны въ пзюмскомъ и лебединскомъ уѣздахъ харьковской губерніи, въ бахмутскомъ—екатеринославской, въ гадячскомъ и константиноградскомъ уѣздахъ—полтавской, въ васильковскомъ и звенигородскомъ—кіевской и въ конотошскомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Полнѣе всего сборники изъ пзюмскаго и сосѣдняго съ нимъ бахмутскаго уѣздовъ, а также изъ нѣкоторыхъ мѣстностей кіевской губерніи. По этимъ сборникамъ можно наблюдать отличіе пѣсенъ пзюмскаго уѣзда отъ пѣсенъ бахмутскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ кіевской губерніи пѣсни записаны въ такомъ количествѣ, что видна разница въ пѣсняхъ одного уѣзда отъ пѣсенъ сосѣдняго.

Въ обрядныхъ пѣсняхъ особенно выдѣляется отдѣлъ колядокъ, которому позавидовали бы самые счастливые собиратели. Ихъ болѣе 100 и всѣ онѣ болшею частью очень древнія.

Подготавливая свои сборники для печати, Гавриловъ тщательно сравнивалъ ихъ съ существующими печатными собраніями. Это сравненіе показало, что въ записяхъ его есть уники т. е. такія пѣсни, которыя никогда и никѣмъ не были записаны. Къ сохраненію и обнародованію сборниковъ Гаврилова будутъ приняты мѣры.

Хорошо сознавая тѣсную связь текста народной пѣсни съ ея музыкой, Гавриловъ запоминалъ болшею частью и мотивъ записанной пѣсни. Къ сожалѣнію онъ не успѣлъ положить этихъ мотивовъ на ноты и унесъ это музыкальное богатство съ собой въ могилу.

Трагическая, ранняя смерть Гаврилова была результатомъ самопожертвованія и честнаго отношенія къ общественной службѣ. Кончина его произвела сильное впечатлѣніе въ мѣстномъ обществѣ, почтившемъ на земскомъ собраніи его память. Но тѣ идеальныя цѣли, къ которымъ стремилась эта молодая жизнь, остались недостигнутыми

П. М

Для справокъ.

Общество „Бѣлаго Креста“. Послѣ послѣдней турецкой компаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го Попечительства „Общество попеченія о нуждающихся семействахъ вѣнновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ мирное время“, имѣющее знакъ „Бѣлаго Креста“, и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это общество возникло и задалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: вѣнны, пострадавшіе во время компаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ правительственнымъ учрежденіемъ какъ Комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе, и помощь. Въ совершенно иномъ положеніи обрѣтаются вѣнны, теряющіе здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нѣмѣншей краткосрочной службѣ солдатъ, будущность ихъ не настолько мѣняется, какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчій, болѣзней, такъ что въ общемъ, бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи остающіяся въ деревняхъ въ случаѣ смертнотповъ на службѣ, лишаются земли за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и средствъ платить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бывають офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеры, какъ не выслуживающій никакой пенсіи и по спеціальному образованію не подготовленный къ другому роду дѣятельности, большею частію находятся въ критическомъ положеніи; при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ покровительства, помощи, а часто и зачатій. Затѣмъ сироты офицеровъ, умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣють матерей или ближайшихъ родственниковъ, то буквально должны переходить съ рукъ на руки, или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи, указали на крайнюю необходимость общественаго учрежденія, какъ „Бѣлый Крестъ“, который бы заботился о вѣннахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

Насколько важны цѣли Общества, настолько задача его обширна. Оно должно беззреривно дѣйствовать и 1) содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоого пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 чело-вѣкъ, (Выборгская сторона, Нижегородская ул. д. № 27); 2) учредить возможно скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ прежній Александровскій Корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемые съ 5-ти лѣтняго возраста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпусъ и институты. Нерѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за невынугіемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при повесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ „Бѣлаго Креста“ и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдавать пенсіи лицамъ, подлежащимъ покровительству Общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время, Общество въ состояніи удѣлить на пенсіи всего

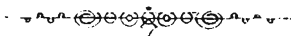
только 500 руб. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экипировки, переѣздовъ, для уплаты въ гимназіи и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся теперь средствамъ, Общество ассигнуеть на выдачу пособій ежегодно только 400 руб.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, Общество озабочено не только увеличеніемъ нерикосновеннаго капитала, стоящаго теперь изъ 45,000 рублей, но и приобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимаго собственности—домовъ для приютовъ и богадѣльни. Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства Г-на Военнаго Министра, Государь Императоръ Высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ—воиновъ, поможетъ вознести „Вѣлыи Крестъ“ на должную высоту.

Предсѣдательницею Общества состоитъ вдова Генераль-Адъютанта Графиня Е. А. Орлова-Денисова, Товарищъ Предсѣдателя Генераль-Лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями Генераль-Лейтенантъ В. А. Родіоновъ и Правленіе Общества образуется изъ 12 лицъ: Попечительницы приюта, жены Генераль-Лейтенанта Е. Ф. Тучковой, Генераль-Лейтенанта Н. Е. Штадеве, Полковника Ф. Ф. Дубиса-Крачака, Подполковника Ф. Н. Курнѣва, жены Свиты Его Величества Генераль-Маіора М. И. Аргамаковой, Секретаря Общества Гвардіи Штабсъ-Капитана Л. М. Чичагова, О. Ф. Худяковой, Коллежскаго Совѣтника А. П. Минюшскаго, Коллежскаго Совѣтника Е. М. Андреева, Инженеръ-Технолога Ф. А. Фридендера и Коллежскаго Совѣтника В. И. Черешина. Митрополиты: С.-Петербургскій и Московскій, Г. Военный Министръ и другія высшія лица состоятъ Почесными Членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ Общества въ Москвѣ состоитъ, находящійся теперь въ отставкѣ Генераль-Маіоръ Н. В. Адрѣлевъ.

Правленіе Общества помѣщается въ Петербургѣ, Выборгская сторона по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просятъ адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ Члены „Вѣлаго Креста“.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства, т. I. Исторія колонизаціи. Изслѣдованіе Д. И. Багалѣя. Москва, 1887 г. 1).

Названное сочиненіе проф. Багалѣя обратило на себя общее вниманіе благодаря важности предмета изслѣдованія и интереснымъ выводамъ автора. Лучшимъ доказательствомъ этого общаго вниманія къ труду г. Багалѣя служитъ большое количество рецензій, появившихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и удостоеніе сочиненія уваровской преміи отъ академіи наукъ. Наиболѣе серьезными возраженіями мы считаемъ лишь тѣ, въ которыхъ автору дѣлаютъ указаніе на игнорированіе имъ книгъ разрядныхъ, писцовыхъ и друг.; остальные замѣчанія рецензентовъ, касающіяся лишь разработки авторомъ нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о колонизаціи, мы находимъ менѣе важными и думаемъ, что авторъ въ своемъ отвѣтѣ критикамъ²⁾ обстоятельно разъяснилъ мотивы своихъ выводовъ и пріемовъ разработки вопроса.

Трудъ Д. И. Багалѣя состоитъ изъ предисловія и пяти главъ; къ нему приложены въ концѣ личный и географическій указатели и карта степной окраины русскаго государства во 2-й четверти XVIII столѣтія. Карта эта особенно цѣнна: на ней указаны не только служившія укрѣпленіями «черты» и «линіи», но даже и татарскіе шляхи, подробно описываемые авторомъ въ 1-й главѣ; для составленія этой карты г. Багалѣй пользовался между прочимъ копіей съ современнаго оригинала (1735 года) «Украинской линіи».

¹⁾ Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ при московскомъ университетѣ; оно напечатано во 2-й книгѣ „Чтеній“ этого общества за 1886 г.

²⁾ Журналъ Министр. Народ. Просв. за 1888, августъ.

Въ «предисловіи» къ своему изслѣдованію авторъ обходитъ опредѣленіе значенія вопроса о колонизаціи въ прошлой русской жизни, ссылаясь на труды Соловьева, Бестужева-Рюмина и Ешевскаго. лишь въ немногихъ словахъ указываетъ его настоящее состояніе и не намѣчаетъ того, какое направленіе рѣшенію другихъ историческихъ вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о колонизаціи, дается рѣшеніемъ этого вопроса. Напоминаніе объ этомъ было бы весьма кстати и еще болѣе возвысило бы въ глазахъ читателей и самую тему автора, и значеніе изслѣдованія. вмѣсто того, авторъ ограничивается перечисленіемъ выдающихся сочиненій по исторіи колонизаціи харьковской губерніи, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на трудѣ преосвящ. Филарета, памяти котораго онъ посвящаетъ 5-ю главу.

Первая глава посвящена историко-топографическому очерку степной мѣстности, на которой расположена нынѣшняя харьковская губернія и сосѣднія части курской и воронежской и которая составляла нѣкогда незаселенную окраину московскаго государства. Авторъ подробно описываетъ характеръ мѣстности: устройство ея поверхности, орошеніе, климатъ, растенія, животныхъ, минеральное богатство и пути сообщенія; особенно важны послѣдніе, до сихъ поръ мало извѣстные; въ заключеніе г. Багалѣй бросаетъ взглядъ и на степи новороссійскаго края, такъ какъ благодаря ихъ существованію и характеру на югѣ долго удерживались татары кочевники, столкновенія съ которыми вліяли на заселеніе южной Руси.

Разсмотрѣвъ во 2-й главѣ составъ поселенцевъ въ степной окраинѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что великорусская колонизація была исключительно государственной; всякаго рода вольница: «сходцы», крестьяне, бѣглецы и проч. не допускались къ поселенію на югѣ. По мнѣнію автора, приходъ въ степи вольныхъ людей былъ возможенъ лишь въ смутное время, когда власть правительства была здѣсь весьма слаба.

Для южно-русской исторіи особенно интересны представляемыя авторомъ данныя относительно участія малороссовъ въ колонизаціи степной окраины москов. государства, изложенныя въ 3-й главѣ. Г. Багалѣй старается прежде всего описать состояніе края на правомъ берегу Днѣпра, чтобы понять и особенности въ организаціи общественнаго строя переселенцевъ, и причины, побуждавшія ихъ къ переходу на новыя мѣста; между прочимъ, онъ отмѣчаетъ, что фактическими колонизаторами южныхъ степенъ на правомъ берегу

были бояре, мѣщане и козаки, но что, по мѣрѣ заселенія ими края, большія пространства его отдавались шляхтѣ; возникавшее изъ за этого неудовольствіе побуждало обиженныхъ бѣжать на лѣвый берегъ Днѣпра въ предѣлы московскаго государства. Упомянувъ о переходахъ нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ - князей Бѣльскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ на службу въ Москву, авторъ подробно рассказываетъ объ отношеніяхъ князя Дмитрія Вишневецкаго съ его козаками къ царю Ивану Васильевичу Грозному, о переселеніи черкашенина Михайлы, Гавріила Слѣпецкаго, Семена Высоцкаго и князя Богдана Ружинскаго, далѣе указываетъ на увеличившееся количество переходящихъ малороссовъ въ послѣдующія царствованія. Смутная эпоха приостановила это движеніе, потому что многочисленныя воровскія шайки грабили и разоряли переселенцевъ. Въ началѣ XVII в. положеніе козачества въ польской половинѣ Украины становится тяжелѣе и снова начинается переселеніе ихъ и крестьянъ на лѣвый берегъ Днѣпра; вслѣдъ затѣмъ крестьяне и козаки большими толпами идутъ на Донъ къ тамошнимъ козакамъ и, вмѣстѣ съ ними, совершаютъ походы на Крымъ. Переселенцы эти оставались жить въ прежде основанныхъ украинныхъ городахъ, иногда значительно отдаленныхъ отъ рубежа, а въ 1638 году имъ было уже указано мѣсто въ степи на Чугуевомъ городищѣ; тогда же явился въ Бѣлгородъ на государевомъ имя гетманъ Яцко Остренинъ, послѣ неудачной войны съ поляками. Козаки недолго просидѣли въ Чугуевѣ: изъ грамоты царя Михаила Ѳеодоровича отъ 1641 года становится уже ясно, что переселенцы бѣжали отсюда по неизвѣстной причинѣ, убивъ своего гетмана. Переселяющіеся черкасы получили отъ московскаго правительства земли, денежное пособіе на первоначальное обзаведеніе, а впослѣдствіи и жалованье и снабжались всѣмъ необходимымъ, а чугуевскіе поселенцы получили даже право торговли на Дону; единственной ихъ обязанностью была военная служба, охраненіе южной границы отъ вторженія татаръ и борьба съ послѣдними. Особенное самостоятельное мѣсто среди переселенцевъ занимали монахи православныхъ южно-русскихъ монастырей. Первыя документальныя извѣстія о сношеніяхъ ихъ съ московскими государями относятся къ 1583 году и касаются сбора милостыни въ Россіи на монастырскія нужды; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ эти сношенія становятся болѣе частыми. Южно-русскіе іерархи съ этихъ поръ также обращаютъ свои взоры къ Москвѣ, ища здѣсь поддержки (Исаія Копынскій, Исаакій Борясковичъ, Іовъ Борецкій) и заводятъ рѣчь даже о воссоединеніи сѣверной Россіи съ южной.

Всѣхъ переселенцевъ принимали охотно и расселяли уже по существовавшимъ монастырямъ; ихъ переходы особенно цѣнились, потому что они приносили съ собою и политическія вѣсти; просьбы о милостынѣ почти всегда удовлетворялись. Устраивая переселенцевъ какъ своихъ служилыхъ людей, московское правительство позволяло имъ сохранять нѣкоторыя особенности своего быта, какъ, напр., выборъ атамана, сыченіе меда въ праздники, собраніе воска и проч.

Въ IV-й главѣ авторъ возвращается къ продолженію разсказа о великорусской государственной колонизаціи со времени царя Алексѣя Михайловича. Онъ отмѣчаетъ фактъ, что въ это царствованіе получаетъ окончательное устройство такъ называемая бѣлгородская черта; онъ подробно описываетъ тѣ 25 городовъ, которые находились на этой чертѣ, обращая особенное вниманіе на степень ихъ укрѣпленія и количество населенія.

Съ увеличеніемъ населенія за бѣлгородской чертой является мысль объ устройствѣ новой, болѣе южной, укрѣпленной границы; она приводится въ исполненіе въ первой половинѣ XVIII в., подъ именемъ украинской линіи. По мнѣнію автора, необходимость такого укрѣпленія была признана еще правительствомъ Феодора Алексѣевича въ 1681 году. Косоговъ показываетъ чертежъ новой «линіи» гетману Самойловичу; построеніе же ея началось лишь въ 1731 году и было окончено въ весьма короткій срокъ, именно въ 1733 году. Авторъ подробно излагаетъ ходъ работъ на «линіи», указываетъ на обременительность ихъ для населенія, которая, вмѣстѣ съ обилами отъ командировъ и тягостью крымскаго похода, начавшагося въ 1735 г., совершенно разорила населеніе. Линія тянулась отъ Днѣпра до Сѣвернаго Донца и была прекрасно защищена крѣпостями, отстоявшими одна отъ другой на протяженіи 25 верстъ; по окончаніи построекъ здѣсь были поселены 20 полковъ, изъ которыхъ половина были конные. Къ 1752 году относится извѣстіе о заведеніи на «линіи» школъ,—кромѣ грамоты, въ нихъ преподавалась артиллерія, инженерное искусство и проч., преподавателями были полковые офицеры. Въ 1764 году рѣшено было завести третью еще болѣе южную линію отъ устья р. Самары до устья р. Лугани: сюда переселена была часть дворянъ съ украинской линіи, которая образовала потомъ изъ себя полки ландмилиціи. Но съ устройствомъ украинской линіи и усиленіемъ крѣпостей на ней, татарскіе набѣги не прекращались и по прежнему отличаются разбойническимъ характеромъ, хотя становятся рѣже и слабѣе. По мѣрѣ того, какъ уменьшалась опасность

татарскихъ набѣговъ, населеніе переходитъ отъ военнаго быта къ мирнымъ занятіямъ: прежніе служилые люди становятся однодворцами и на помощь къ нимъ приходятъ крестьяне, для занятія земледѣліемъ и другими промыслами (число ихъ, напр., въ воронежской губ. равняется числу однодворцевъ). Правительство поддерживало сельско-хозяйственную дѣятельность въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Въ развитіи хозяйственной дѣятельности принимали участіе также и монастыри, имѣя большія вотчины, заключавшія въ себѣ богатая уголья; монастыри для эксплуатаціи ихъ должны были вызывать населеніе и, такимъ образомъ, явиться, въ свою очередь, устроителями степей. Что касается до вольной народной великорусской колонизаціи, то она, по словамъ автора, не могла быть изображена имъ съ желательной полнотой вслѣдствіе недостаточности матеріала. Хотя и есть свидѣтельства о движеніи къ югу великороссовъ, пользовавшихся правомъ перехода, и пріобрѣтенія себѣ земли покупкой, но такихъ переселенцевъ было очень незначительное количество. Въ гораздо большемъ количествѣ являлись сюда бѣглые крестьяне и находили радушный пріютъ; но правительство несочувственно относилось къ такого рода колонизаціи и предписывало немедленно выдавать бѣглыхъ ихъ прежнимъ владѣльцамъ; въ числѣ бѣглецовъ было не мало и раскольниковъ, но противъ пріема ихъ на поселеніе издавались всегда строгіе указы. Впрочемъ, несмотря на эти запрещенія, имъ удавалось здѣсь все таки устроиться.

Пятая глава содержитъ въ себѣ разсказъ о малорусской колонизаціи, шедшей одновременно съ великорусской. Такъ какъ единичныя переселенія малороссовъ съ запада на востокъ совершались безпрестанно, то авторъ, опуская ихъ, останавливаетъ свое вниманіе лишь на массовыхъ. Разбирая мнѣнія другихъ изслѣдователей по этому вопросу, нашъ авторъ признаетъ только одно массовое движеніе до Алексѣя Михайловича, это—Яцка Остринина; онъ не находитъ основанія допускать массовое переселеніе наканунѣ войнъ Хмельницкаго и въ первые три года его войнъ, хотя соглашается, что съ началомъ Хмельницчины усилилось число отдѣльныхъ переселенцевъ крестьянъ изъ черниговской области; правительство принимало ихъ весьма охотно, снабжая жалованьемъ и надѣляя землей. Весьма значительное массовое переселеніе малороссовъ лѣтописи относятъ къ 1651 г.; тогда ими заселены были города Ахтырка, Лебединъ, Сумы, Харьковъ и многія слободы; другое массовое движеніе авторъ относитъ къ 1659 году, т. е. ко времени гетманства Юрія Хмельницкаго.

Въ эпоху руины переселенія малороссовъ еще болѣе усилились: наиболѣе важными были переселенія 1663, 1674—1675, 1679—1680 гг. Время паливщоны (1700—1705) также дало не мало переселенцевъ; наконецъ, послѣднее массовое движеніе имѣло мѣсто въ началѣ XVIII вѣка (1711—1715 г.) Всѣ переселенцы, являющіеся въ слободскую Украину со времени царя Алексѣя Михайловича поселяются за бѣлогородской чертой, основывая рядъ новыхъ городовъ и селеній; они не только получаютъ все необходимое для перваго обзаведенія, но удерживаютъ даже свой козацкій строй; переселенцы, кромѣ того, пользовались правомъ безпошлинной пропинаціи, безоброчнаго пользованія землями и угодьями и проч.; за все это на нихъ лежала единственная обязанность защищать предѣлы государства. Говоря о каждомъ отдѣльномъ массовомъ переселеніи, авторъ отмѣчаетъ его поступательное движеніе къ востоку и югу, выразившееся въ сооруженіи новыхъ городовъ; время ихъ основанія тщательно изслѣдуется авторомъ. Сооруженіемъ новыхъ городовъ завѣдывали, подъ наблюденіемъ воеводы, осадчіе; дѣятельность нѣкоторыхъ осадчихъ простиралась на значительную территорію; эти лица получали на осаду особыя грамоты. Такъ какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича усилилась колонизація и переселенцы являлись цѣлыми толпами, то дарованныя имъ льготы, на которыя мы указали выше, утверждались за ними рядомъ жалованныхъ грамотъ; всѣ такія грамоты исчисляются и разбираются авторомъ. Такъ какъ на внутреннемъ строѣ жизни новопоселившихся за бѣлогородской чертой колонистовъ отражались татарскіе набѣги и внутреннія смуты (Выговскаго, Брюховецкаго, Разина и друг.), то авторъ обращаетъ на это вниманіе, рассматривая каждое отдѣльное явленіе. Подъ вліяніемъ этихъ условій жизнь колонистовъ принимала особый складъ, сочетаніе военнаго-козацкаго и земледѣльческаго - промышленнаго быта. Система обороны осталась та же, что и въ предшествующую эпоху на бѣлогородской чертѣ: сильнѣе укрѣпленные города, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и центральными въ административномъ отношеніи, т. е. полковыми городами, составляли съ своими окологородными острожками и валами новую оборонительную линію. За козацкой колонизаціей слѣдуетъ крестьянско-владѣльческая: лица, получавшія во владѣніе землю, брали обыкновенно у воеводы или гетмана дозвоительныя листы на устройство слободъ, въ которыя и привлекали крестьянъ. Появленіе владѣльческихъ слободъ авторъ относитъ къ самому раннему періоду исторіи заселенія слободскихъ полковъ. Онъ обращаетъ также вниманіе и на

монастырскую колонизацію. Всѣ монастыри авторъ считаетъ основанными малорусскими монахами, выходцами изъ за польскаго рубежа, или козацкой старшиной: они были надѣляемы землями и богатыми угодьями, пользовались льготами, а потому легко и скоро наполнились. Иноземная колонизація въ краѣ также занимаетъ видное мѣсто: вождями ея были, напр., князь Кантемиръ и молдаване, полковникъ Танскій изъ Заднѣпровья, сербы, калмыки и даже цыгане и евреи. Старые города Украины, переполнившіеся населеніемъ въ XVIII в., стали также выдѣлять изъ себя колонистовъ за черту: многіе города слободской Украины были населены такимъ образомъ, особенно—г. Изюмъ, острогожскій уѣздъ и друг. Всѣ города, заселенные путемъ такой внутренней колонизаціи отмѣчены авторомъ. Разширяя свои предѣлы, жители полковъ слободской Украины должны были приходять въ столкновеніе со своими сосѣдями на всѣхъ окраинахъ; и дѣйствительно, авторъ находитъ слѣды такихъ споровъ и подробно передаетъ ихъ: споры эти касались преимущественно права владѣнія землей и слободскіе полки вели ихъ съ малоросійскими полками, бѣлгородскимъ и воронежскимъ краями и, наконецъ, областью войска донскаго. Споры съ сосѣдями указываютъ приблизительно предѣлы слободскихъ полковъ или провинцій, каковыми они являются позже, и авторъ опредѣляетъ пространство этихъ провинцій, сравнительно съ настоящими уѣздами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ означаетъ количество городовъ, мѣстечекъ, селъ, деревень, слободъ и хуторовъ на пространствѣ провинцій и приводитъ цифры населенія въ нихъ. Въ заключеніе авторъ касается отношенія центральнаго правительства къ малорусской колонизаціи и находитъ, что правительство Алексѣя Михайловича, недовольное малороссами въ первой половинѣ XVII вѣка, вслѣдствіе нападеній воровскихъ людей, перемѣняетъ свое отношеніе къ ней со времени присоединенія Малороссіи и, принимая переселенцевъ, даетъ всѣ желательныя для населенія льготы. Такимъ образомъ, «московскіе государи самымъ тщательнымъ образомъ регулировали дѣло заселенія южной степной окраины государства», тогда какъ «польское правительство не хотѣло и не могло взять въ свои руки руководительство въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края». Таково въ самыхъ краткихъ словахъ содержаніе обширнаго и интереснаго труда Д. И. Багалъя. Изъ изложеннаго видно, какое важное значеніе для южно-русской исторіи имѣетъ этотъ трудъ, и читатели, надѣмся, не поставятъ намъ въ вину того, что мы подробно передали его содержаніе.

Однако, при разработкѣ вопроса о колонизаціи степной окраины, почтенный изслѣдователь, кажется намъ, упустилъ изъ виду одно обстоятельство, отразившееся на полнотѣ труда. Мы думаемъ, что всякій вопросъ о заселеніи какой либо мѣстности въ прошломъ (исключая, конечно, болѣе древніе періоды исторіи) можетъ быть разрѣшенъ, на основаніи двоякаго рода матеріала: историко-юридическаго и статистическаго. Разработка того и другаго можетъ производиться одновременно, если для изслѣдованія избирается небольшой періодъ времени, небольшая территория или, вообще, какое нибудь не особенно крупное колонизаціонное движеніе, но съ величайшимъ трудомъ совмѣстимо одновременное изученіе обоихъ родовъ матеріала при такихъ широкихъ задачахъ, какія принялъ на себя проф. Багалій. Онъ, найдя массу историко-юридическихъ документовъ и статистическихъ данныхъ, отдалъ предпочтеніе первымъ; имъ однимъ посвятилъ все свое вниманіе, оставивъ въ сторонѣ вторыя. Этимъ и объясняются упреки официальныхъ и неофициальныхъ критиковъ, что авторъ не изслѣдовалъ разрядныхъ и писцовыхъ книгъ, касающихся той мѣстности, исторію заселенія которой онъ написалъ, что онъ ссылается не на первоисточники, а на труды, хотя и очень почтенные, но предназначенные, по самому характеру своему, для ознакомленія съ сырымъ матеріаломъ и выбора изъ него необходимаго въ каждомъ данномъ случаѣ; этимъ же обстоятельствомъ мы объясняемъ недостаточную обработку статистическаго матеріала (напр., стр. 250, 251, 412, 413): Измѣненіе величины цифръ является какъ будто произвольнымъ, случайнымъ, и не объясняется никакими мотивами. Кромѣ того цифры здѣсь сообщаются отдѣльно для каждаго города, тогда какъ, по нашему мнѣнію, ихъ слѣдовало бы брать сначала общими итогами и потомъ уже распредѣлять переселенцевъ и по мѣстамъ ихъ выхода, и по мѣстамъ ихъ новаго поселенія: получилось бы двѣ картины: разрѣженіе населенія или даже опустѣніе одной области и наплывъ въ другую; изученіе историческихъ фактовъ дало бы объясненіе и тому и другому явленію. Авторъ избѣгнулъ бы и кажущейся априорности нѣкоторыхъ положеній, напр., объ увеличеніи числа однодворцевъ въ XVIII в. (стр. 351), о возвышеніи Харькова и Зміева надъ другими городами (428, 429), о возрастаніи числа посполитыхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ (стр. 508) и друг.

Намъ кажется, что нельзя согласиться также и съ нѣкоторыми другими выводами почтеннаго автора: говори, напр., о колонизаціи малороссовъ въ царствованіе Михаила Феодоровича и изображая

литовско-русскій государственный строй этого времени, авторъ сравниваетъ староства съ уѣздами и станами сѣверной Руси, а старость съ воеводами. Если такое сравненіе и можно допустить, то лишь для времени до люблинской уніи (авторъ не говоритъ опредѣленно, какое время онъ разумѣетъ); въ царствованіе же Михаила Ѳеодоровича, съ котораго собственно и начинается изслѣдованіе Д. И. Багалѣя, край давно уже дѣлился на воеводства и повѣты, обнимавшіе большія пространства, въ которыхъ административными центрами являются повѣтовые города, староства же, будучи королевскими имѣніями, занимали лишь небольшую территорію среди развившагося шляхетскаго землевладѣнія и старосты въ повѣтовыхъ городахъ удерживали въ своихъ рукахъ исключительно судебныя функціи, а во второстепенныхъ городахъ (державцы) являлись лишь пожизненными владѣльцами староствъ.

Мы не можемъ, въ свою очередь, согласиться съ отождествленіемъ Д. И. Багалѣемъ бояръ и землянъ, особенно послѣ люблинской уніи. Тѣ и другіе, хотя и выдѣлились изъ древняго русскаго боярства въ періодъ литовскихъ князей, но различались уже обязанностями своими по отношенію къ государству: земляне несли исключительно военную повинность, а бояре — ямскую или сторожевую, тѣ и другіе владѣли за службу землей. Послѣ люблинской уніи земляне были приравнены къ шляхтѣ, а бояре слились съ посполитыми. Мнѣніе Д. И. Багалѣя о томъ, что козачество какъ бы выдѣлялось изъ мѣщанства, недостаточно обосновано.

Жители городовъ особыми пожалованными имъ правами соединены были въ отдѣльное сословіе; что же касается до козачества, населявшаго города, то оно представляло военное сословіе, которое подъ предводительствомъ старостъ защищало окранны государства, а болѣе позднее по происхожденію низовое козачество образовалось изъ элементовъ недовольныхъ и неспокойныхъ представителей другихъ сословій. Вообще, вопросъ о происхожденіи козачества у насъ не рѣшенъ еще окончательно.

Отвѣчая своимъ критикамъ, г. Багалѣй намѣчаетъ содержаніе имѣющаго выйти 2 тома, который долженъ будетъ заключать въ себѣ исторію сословій: каждому сословію онъ предполагаетъ удѣлить одну главу. Мы думаемъ, что въ виду громадности матеріала, который можетъ служить для исторіи сословій, каждое изъ нихъ можетъ быть предметомъ особой монографіи, болѣе или менѣе обширной. Конечно, ихъ можно соединить и въ одинъ томъ, но въ такомъ слу-

чаѣ или исторія отдѣльныхъ сословій будетъ разработана не во всей своей полнотѣ, а лишь намѣчены главные моменты ея развитія, или, можетъ быть, авторъ ограничить свое изслѣдованіе небольшимъ промежуткомъ времени? Пока, нельзя не поблагодарить автора за то, что имъ уже сдѣлано. Путь для дальнѣйшей разработки исторіи колонизаціи харьков. губ. проложенъ, а это дѣло и главное, и трудное.

И. Каманинъ.

Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложение къ «Харьковскому календарю» на 1888 г. Вып. 2-й. Изд. харьков. статистич. комитета подъ ред. члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ. 1888 годъ.

Въ существованіи «Харьковскаго Сборника» и въ большомъ спросѣ на него нельзя не видѣть назрѣвшей потребности въ большомъ изданіи не спеціально историческомъ, но общаго научно-литературнаго характера, гдѣ нашли бы себѣ мѣсто статьи по различнымъ вопросамъ, представляющимъ живой интересъ для юга Россіи и почти не затрогиваемымъ въ столичныхъ изданіяхъ. Мы увѣрены, что возникновеніе такого органа вызвало бы къ дѣятельности многія, дремлющія теперь за недостаткомъ исхода, научныя и литературныя силы. То же, хотя нѣсколько неопредѣленно и туманно, выражено и въ предисловіи къ «Сборнику» его молодой редакціей, говоримъ молодой въ смыслѣ происшедшей въ ней перемѣны: мѣсто П. С. Ефименка занялъ В. И. Касперовъ.

Что въ Харьковѣ нѣтъ недостатка въ интеллигентныхъ силахъ, доказывается содержаніемъ разбираемаго нами «Сборника». Оно весьма разнообразно и богато. «Сборникъ» распадается на два отдѣла: статистико-экономическій и научно-литературный (точнѣе историко-этнографическій). Библиографія не присоединена ни къ одному изъ этихъ отдѣловъ, хотя и не выдѣлена въ особый.

Въ первомъ отдѣлѣ въ трудахъ гг. Совѣтова, Кулешова, Павловича, Верещагина, Черняева, Тимофеева, Тарасова, Шишкина, Фортунатова, Калантара, Могиленскаго и др. обозрѣваются результаты все-россійской сельско-хозяйственной выставки 1887 г. въ Харьковѣ, результаты дѣятельности харьковскаго земства и желѣзно-дорожнаго хозяйства. Отмѣтимъ еще въ этомъ отдѣлѣ статьи: Г. Н. Литошенка «Община въ купинскомъ уѣздѣ» и Н. Савицкаго «Кустарные промыслы въ харьковской губ.»

Во второмъ, литературно-научномъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаетъ перепечатка «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества», изданнаго какъ разъ сто лѣтъ тому назадъ; къ перепечатанному «Описанію» проф. Д. И. Багалъемъ сдѣлано предисловіе; въ немъ ставится вопросъ объ авторѣ этого сочиненія и источникахъ сего послѣдняго; авторомъ его г. Багалъй, на основаніи недавно опубликованнаго документа, считаетъ капитана Н. Загоровскаго, но не отрицаетъ участія и Н. Переверзева, директора училищъ харьковской губерніи, которому до сихъ поръ приписывалось «Описаніе». Что касается до источниковъ, то упоминаніе о трехъ изданіяхъ «Описанія»: 1785, 1787 и 1788 гг. даетъ г. Багалъю возможность утверждать, что первое изданіе служило источникомъ для двухъ послѣднихъ и авторомъ его именно и былъ Переверзевъ; съ доводами Д. И. Багалъйя нельзя не согласиться. «Описаніе» дѣлится на двѣ части: историческую и географическую; насколько первая преисполнена грубыхъ ошибокъ, настолько вторая точна и обстоятельна. Въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ статьи, г. Багалъй дѣлаетъ нѣкоторые псравленія и дополненія къ «Описанію», касающіяся главнымъ образомъ вопроса объ основаніи нѣкоторыхъ городовъ, направленіи дорогъ, открытія ярмарокъ и проч. Вообще, нельзя не поблагодарить проф. Д. И. Багалъйя за весьма умѣстное 2-е изданіе этого цѣннаго источника для южно-русской исторіи.

Здѣсь же рядомъ помѣщена небольшая статья г. П. И.: «Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру»; она заключаетъ въ себѣ матеріалы для характеристики крестьянскаго населенія буянскаго уѣзда, собранные авторомъ, какъ лично, такъ и чрезъ учителей и учительницъ сельскихъ школъ; матеріалъ расфрелдѣляется по слѣдующимъ рубрикамъ: небесныя свѣтила и небо; атмосфера и ея явленія; царства животныхъ, птицъ и растений.

Въ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова: «Культурный уголокъ харьковской губерніи» разсказывается, на основаніи писемъ А. А. Палицына, служившаго адъютантомъ при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ, о чрезвычайно любопытномъ и отрадномъ явленіи въ старое время. Выйдя въ отставку, А. А. Палицынъ поселился въ селѣ Поповкѣ сумскаго уѣзда; все свое время онъ проводилъ въ литературныхъ занятіяхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ; при чемъ на 70-мъ году жизни увлекался красотами мѣстной природы со свѣжестью чувствъ юности; около Палицына собралось нѣ-

сколько болѣе или менѣе талантливыхъ мѣстныхъ писателей и художниковъ; Палицынъ высоко цѣнилъ просвѣтительное значеніе этого кружка, называемаго имъ въ шутку, въ письмахъ, поповской академіей, и желалъ появленія другихъ такихъ же центровъ просвѣщенія. Къ кружку Палицына принадлежало немного лицъ, именно: кромѣ жены и дочери, Н. Ѳ. Алферовъ, В. И. Ярославскій, Е. И. Станевичъ, П. и М. Байковы, М. Г. Ушинскій, А. И. Кардашевскій и друг. О благотворномъ вліяніи Палицына на членовъ своего кружка говорятъ Каразицъ и Данилевскій; но еще болѣе сдѣлалъ для оцѣнки дѣятельности и признанія заслугъ Палицына харьковскій университетъ, избравъ его въ свои почетные члены. Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ вниманія на мотивы избранія и на отношеніе Палицына къ университету до избранія. Здѣсь что то неясно: или дѣятельность Палицына была болѣе громка и извѣстна въ свое время, чѣмъ представляетъ ее авторъ, или Палицынъ стоялъ къ университету ближе, и автору неизвѣстно объ этой близости. Этотъ безпримѣрный фактъ, весьма отрадный и, къ прискорбію, почти невозможный въ наше время, вполне заслуживалъ того, чтобы на немъ остановиться побольше. Въ приложеніи г. Сумцовъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми литературными произведеніями Палицына, въ дополненіе къ тѣмъ, которые упомянуты въ самой статьѣ. Не была ли литературная дѣятельность главнымъ поводомъ къ избранію Палицына въ почетные члены?

Съ удовольствіемъ читается статья А. Твердохлѣбова: «Котельва» — историко-статистическое описаніе этого мѣстечка и прилежащихъ къ нему селъ; между Котельвой въ прошломъ столѣтіи и со временной сдѣлано наглядное, живое сравненіе и отмѣчены характерныя особенности каждой эпохи; при этомъ авторъ предлагаетъ даже краткіе біографіи наиболѣе извѣстныхъ уроженцевъ мѣстечка, стараясь представить черты ихъ нравственной жизни.

«Археологическія, этнографическія и топографическія замѣтки о харьковской губерніи» составлены проф. Д. И. Багалѣемъ, благодаря призыву П. С. Ефименка къ читателямъ «Сборника» о доставкѣ всякаго рода корреспонденцій относительно предметовъ древности; на призывъ отозвались нѣкоторые священники и частныя лица; ихъ то корреспонденціи и послужили автору основой для его статьи. Весь этотъ матеріалъ Д. И. Багалѣй распредѣляетъ на слѣдующія группы: 1) извѣстія о городищахъ и курганахъ; 2) извѣстія объ остаткахъ и развалинахъ прежнихъ крѣпостей; 3) о монетахъ; 4) о наход-

кахъ стариннаго оружія; 5) о рукописяхъ и предметахъ искусства; 6) о замѣчательныхъ историческихъ могилахъ и легендахъ о нихъ. Отвѣтственность за достовѣрность всѣхъ этихъ извѣстій авторъ оставляетъ на корреспондентахъ. Статьи проф. Багалъи убѣждаетъ въ существованіи большаго количества памятниковъ старины въ харьковской губ. и въ живой связи между читателями «Харьковского Сборника» и его редакціей.

Очень цѣнной мы находимъ статью того же проф. Д. И. Багалъи: «Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII в.в.» Этотъ очеркъ составленъ на основаніи дѣлъ харьковскаго историческаго архива и представляетъ истинный вкладъ въ науку. Всѣмъ, кто касался культурной исторіи русскаго народа, не могъ не чувствовать, какой громадный пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ составляетъ отсутствіе и разработка данныхъ о состояніи промышленности и торговли въ разное время и въ разныхъ окраинахъ; поэтому, нельзя не согласиться съ авторомъ, что «исторія южно-русской торговли ожидаетъ еще своего изслѣдователя». Въ своемъ изслѣдованіи авторъ различаетъ три рода ярмарокъ по важности ихъ: большія, среднія и малыя; первыхъ было 6, вторыхъ—10 и третьихъ—203; на большія и среднія ярмарки привозимы были иностранные товары; малыя же служили мѣстомъ сбыта продуктовъ внутренняго производства; вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ указываетъ тѣ сосѣднія государства, которыя входили въ торговые сношенія съ слободской Убриной, и тѣ произведенія, какія они ввозили и вывозили; наконецъ, нельзя не пожалѣть, вмѣстѣ съ авторомъ, что у него недоставало статистическихъ данныхъ для опредѣленія размѣровъ торговли.

Большой интересъ имѣетъ также, отчетъ о «первомъ годѣ харьковской общественной библіотеки». Учрежденіе библіотеки было задумано еще въ 30-хъ годахъ; она тогда же была и открыта; но равнодушіе публики, не поощравшей ее, предало ее забвенію; она была заброшена; равнодушіе же публики отчасти происходило и отъ неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ стояла тогда библіотека: не было ни сноснаго помѣщенія, ни служащаго персонала, ни опредѣленныхъ часовъ для пользованія книгами. Только теперь, черезъ 50 лѣтъ, означенныя неудобства устранены; 26 сентября 1886 года библіотека снова была открыта. И что же? Библіотеку въ первомъ же году посѣтило 70,000 лицъ, т. е. около 6000 человекъ въ мѣсяцъ. Успѣхъ поразительный и знаменательный. Въ настоящее время воз-

бужденъ уже вопросъ объ учрежденіи нѣсколькихъ отдѣловъ библиотеки для народнаго чтенія въ разныхъ частяхъ города. Нельзя не порадоваться этому отрадному явленію.

Г. Н. Д—ій въ собранныхъ имъ «народныхъ колыбельныхъ пѣсняхъ» хотѣлъ доказать существованіе того нѣжнаго чувства къ дѣтямъ въ крестьянской семьѣ, которое, заглушаемое дневными заботами о насущномъ хлѣбѣ, очень рѣдко проявляется.

Въ замѣткѣ И. А. Зарѣцкаго «о древностяхъ харьковской губ. богодуховскаго уѣзда слободы Лихачевки» указаны весьма многочисленные вещественные слѣды былой жизни населенія въ предметахъ вооруженія, домашней утвари, украшеній одежды и проч.; здѣсь среди остатковъ каменнаго и бронзоваго періода попадаются и желѣзные издѣлія; встрѣчаются также и монеты римскихъ императоровъ II-го и III-го вѣковъ по Р. Х.; на основаніи изслѣдованія всѣхъ указанныхъ предметовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что они принадлежатъ какому то славянскому племени, находившемуся подъ властью римлянъ и переживавшему конецъ бронзоваго и начало желѣзнаго періодовъ. Къ статьѣ приложены изображенія предметовъ древности въ сл. Лихачевкѣ.

Въ заключеніе сообщены некрологи почтенныхъ дѣятелей Харьковска, сошедшихъ въ могилу въ прошломъ году: проф. зоологін Л. С. Ценковскаго, университетскаго садовника П. П. Поликарпова и смотрителя духовнаго училища Г. Г. Манчинскаго.

Въ бібліографическомъ отдѣлѣ «Сборника» разборы книгъ хотя и краткіе, но выводы авторовъ переданы точно; въ оцѣнкѣ книгъ чувствуется безпристрастіе. Все наиболѣе выдающееся, вышедшее въ свѣтъ и касающееся Харькова и его губерніи или изданное въ немъ обстоятельно разсмотрѣно въ этомъ отдѣлѣ.

И. Каманинъ.

Двадцятипятильтіе изданія Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1886 г.) Каменецъ-Подольскъ. 1887. 20+15 стр. (Отд. оттискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1887 г., № 1). Указатель неоффициальной части Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Составилъ Ювеналій Тиховскій. Почаевъ. 1888. 8°. 275 стр. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффициальной части Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 25 лѣтъ изданія ихъ, съ 1863 по 1888 г. Составилъ протоіерей Петръ Мазановъ. Полтава. 1888. 8°. 197 стр.

Кто то сравнилъ указатели, помѣщаемые при ученыхъ изданіяхъ, съ пробѣжками дорогами: какъ трудно ѣздить при отсутствіи дорогъ, такъ трудно пользоваться научнымъ изданіемъ, когда оно не имѣетъ при себѣ указателя. Какъ благодарятъ путешественники правителей за устройство въ странѣ хорошихъ дорогъ, такъ признательны книжные люди составителямъ указателей къ книгамъ и журналамъ.—Четверть вѣка назадъ въ большинствѣ губернскихъ городовъ начали издаваться Епархіальныя Вѣдомости, въ «неоффициальной части» которыхъ стали печататься разныя статьи научнаго содержанія по мѣстной церковной исторіи. На страницахъ нѣкоторыхъ изъ Епарх. Вѣдом. появились замѣчательныя труды мѣстныхъ духовныхъ ученыхъ, при чемъ достаточно указать на Описаніе черниговск. епархіи Филарета Черниговскаго, печатаніемъ котораго ученый авторъ открылъ изданіе Черниг. Епарх. Вѣд. Цѣнныя ученые работы помѣщали на своихъ страницахъ и другія Епархіальныя Вѣд., преимущественно по разработкѣ мѣстной церковной старины. Все это хорошо извѣстно книжнымъ людямъ, но бѣда въ томъ, что пользованіе Епарх. Вѣд. чрезвычайно затруднительно, такъ какъ полныя экземпляры ихъ можно найти только на мѣстѣ и при томъ лишь у аккуратныхъ приходскихъ священниковъ. При такой недоступности этихъ изданій, указатели къ нимъ болѣе чѣмъ необходимы: можно справиться—что можно найти на страницахъ вѣдомостей той или другой епархіи и затѣмъ уже приниматься и за розыски самихъ вѣдомостей...

Сколько мы знаемъ, изъ южнорусскихъ Епархіальныхъ Вѣд. до настоящаго времени дали указатель, и притомъ прекрасно составленный, однѣ лишь Кіевскія Епарх. Вѣд., за первое десятилѣтіе своего существованія (1861—1870 г.). Теперь явилось три указателя сразу, при помощи которыхъ можно получить полное знакомство съ Подольскими, Волынскими и Полтавскими Епарх. Вѣд. По богатству

содержанія, первое мѣсто занимають Волинск. Епарх. Вѣд. Богатство содержанія ихъ можно видѣть отчасти изъ примѣчаній къ недавно изданной книгѣ Н. И. Петрова— «Волинь». Однимъ изъ главныхъ источниковъ служатъ Волинск. Еп. Вѣд. и для труда г. Теодоровича— «Описаніе церквей и приходоѡ волинской епархіи», первая книга котораго напечатана въ прошломъ году (Почаевъ. 1888).—На страницахъ Волинск. Еп. Вѣд. появились цѣнные изслѣдованія какъ, напр., архимандр. Амвросія Лотоцкаго,— «Сказаніе о почаевской Успенской лаврѣ» (въ отд. оттиск. 296 стр.), г. Селецкаго— «Острожская типографія и ея изданія» (въ отд. отт. 227 стр.). Особенно много потрудились для мѣстной волинской исторіи недавно умершій протоіерей Андрей Хойнацкій и свящ. Аполлоній Сендульскій, котораго мѣстная исторіографія не забудетъ за трудолюбиво обработанные имъ историческіе очерки отдѣльных мѣстностей волинской земли. Волинскія Еп. Вѣд. не чуждаются и публицистики: на страницахъ ихъ встрѣчаемъ напр. немало статей по еврейскому вопросу, изъ которыхъ многія не должны быть обойдены изслѣдователемъ сего сложнаго вопроса въ жизни югозападной Руси.

Составленный къ Вол. Еп. Вѣд. г. Тиховскимъ указатель раздѣленъ на два отдѣла: исторіи и проповѣдничество; оба отдѣла подраздѣлены на группы: исторія— по мѣстностямъ, а проповѣдничество— по отношенію проповѣдей къ тѣмъ или другимъ событіямъ. Въ концѣ находится указатель авторовъ статей. Вообще указатель г. Тиховскаго составленъ настолько обстоятельно, что его можно поставить образцомъ для другихъ работъ сего рода¹⁾.

Указателю къ Подольск. Еп. Вѣд. предпосланъ историческій очеркъ изданія и обзорніе важнѣйшихъ статей по мѣстной исторіи.— Въ Подольск. Еп. Вѣд. такъ же, какъ и въ Волинскихъ, находимъ цѣнные монографіи по изученію мѣстной, преимущественно церковной, исторіи, изъ которыхъ можно назвать слѣдующія: 1) Глищинскаго, Истор.-статист. описаніе подольской епархіи, 1862 г.; 2) Симашкевича, Истор.-стат. и этногр. очеркъ Подолія, 1875 и 1876 г.г.; 3) его же,

¹⁾ Указатель г. Тиховскаго первоначально печатался приложеніемъ къ Вол. Еп. Вѣд. за 1888 г. Присылая къ намъ отдѣльный откъ своего указателя, г. Тиховскій проситъ насъ извѣстять, что послѣдній въ продажу едва ли поступитъ, но что лица, интересующіяся его книгой, „благоволятъ прислать составителю свой адресъ и указатель будетъ имъ высланъ съ удовольствіемъ“. Адресъ составителя: Ст. Млыновъ, волинск. губ., настоятелю хорунавскаго прихода о. Павлу Савицкому, для передачи Ю. Тиховскому. *Ред.*

Римское католичество и его іерархія въ Подоліи, 1871 и 1872 г.г. (въ отдѣльн. оттиск.—528 стр.); 4) Ист.-стат. опис. приходовъ и церквей брацлавскаго уѣзда, 1875 и 1876 г.г.; 5) Хойнацкаго, Преп. Іовъ, игуменъ почаевскій и затѣмъ множество историческихъ очерковъ разныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ Подоліи.—Подольск. Еп. Вѣд. отличаются отъ другихъ тѣмъ, что помѣстили на своихъ страницахъ не мало статей этнографическаго содержанія, преимущественно о народныхъ обычаяхъ въ важнѣйшіе моменты человѣческой жизни: при свадьбахъ, похоронахъ и проч. Кромѣ того въ Под. Еп. Вѣд. помѣщено нѣсколько интересныхъ монографій, касающихся вообще исторической жизни югозападной Руси, какъ напр. статьи Н. И. Яворскаго: 1) Медовареніе на Руси и остатки при церквахъ подольск. епархіи, 1878 г. и 2) Памятники униатской церковной литературной дѣятельности въ к. прошл. и нач. настоящ. стол. Особенно интересна первая статья, заключающая въ себѣ исторію исчезновенія такъ называемыхъ «кануновъ». Указатель къ Под. Еп. Вѣд. составленъ съ раздѣленіемъ содержанія послѣднихъ на два отдѣла: въ первомъ перечислены—«историко-статистич. описанія Подоліи и въ частности монастырей, церквей и приходовъ под. епархіи», а во второмъ—«статьи, заключающія историческія, этнографическія и другія свѣдѣнія о Подоліи и югозападномъ краѣ».

Въ видѣ приложенія къ Под. Еп. Вѣд. издаются Труды Комит. для истор.-стат. описанія подольск. епархіи, которыхъ по настоящее время издано три выпуска. Содержаніе этихъ трудовъ также введено въ указатель.

Указатель къ Полтавск. Еп. Вѣд. раздѣленъ на нѣсколько отдѣловъ, въ которыхъ затѣмъ статьи перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣхъ статей перечислено 1292; изъ нихъ: «статей историко-біографическихъ» — 50 и «историко-статистическихъ» — 98. Эти два отдѣла только и составляютъ матеріалъ для мѣстной церковной исторіи. За 25-ть лѣтъ своего существованія Полтавск. Епарх. Вѣд. сдѣлали немного. Изъ сотни «историко-статистическихъ» статей, содержательныхъ очень мало; большинство ихъ составляютъ коротенькіе очерки того или другаго села съ бѣдными свѣдѣніями о приходскихъ храмахъ. Изъ статей, имѣющихъ какое нибудь содержаніе, можно указать на Историческій очеркъ полтавской епархіи, игумена Полюевкта, и на статьи г. Левицеаго о закрытыхъ монастыряхъ той же епархіи. Видно, что лица, удѣлявшіе досуги свои на разработку мѣстной церковной старины, относились къ этому предмету или безъ всякой подготовки, или же формально...

А Л.

Pulaski Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków. 1887.
(Пуласкій Казиміръ. Историческіе очерки и изслѣдованія).

Среди историческихъ польскихъ писателей, задвинувшихъ себя серьезными работами въ послѣднее время, весьма видное мѣсто занимаетъ г. Пуласкій. Первый его, насколько намъ извѣстно, трудъ вышелъ въ 1881 г. въ Варшавѣ подъ заглавіемъ «Отношенія Польши къ татарамъ; томъ I—отношенія къ хану переконскому Мендлин-Гирею (1469—1515)»¹⁾.—Это весьма обстоятельное и серьезное изслѣдованіе снабжено объемистымъ приложеніемъ, въ которомъ помещено 158 документовъ, относящихся къ предмету изслѣдованія, заимствованныхъ по большей части изъ Литовской Метрики.

Сочиненіе, котораго заглавіе мы выписали выше, представляетъ второй трудъ г. Пуласкаго, особенно интереснѣйшій для насъ потому, что изъ числа семи монографій, входящихъ въ его составъ, пять посвящены различнымъ эпизодамъ исторіи южно-русскаго края. Первый очеркъ «Дикія поля» и шестой «Остафій Дашкевичъ» тѣсно связаны между собою содержаніемъ и потому мы ихъ рассмотримъ вмѣстѣ; въ очеркахъ этихъ авторъ изображаетъ состояніе степной украинны в. княжества литовскаго въ концѣ XV и въ XVI столѣтіи. Основываясь по преимуществу на актахъ и документахъ и дополняя ихъ свѣдѣнія данными лѣтописными, которыми онъ пользуется впрочемъ съ должною критикою и осторожностью, авторъ возсоздалъ весьма живую и вполнѣ реальную картину жизни литовской украинны въ теченіе избраннаго имъ столѣтія: Мы здѣсь находимъ разсказъ о борьбѣ мѣстнаго населенія съ татарами, о значеніи украинскихъ старостъ, о постепенномъ развитіи колонизаціи, о зарожденіи козачества; затѣмъ по документальнымъ источникамъ опредѣлены права, обязанности, занятія и промыслы разныхъ группъ, на которыя распалось населеніе края: землянъ, козаковъ, бояръ и мѣщанъ. Біографія Остафія Дашкевича служитъ какъ бы иллюстраціею общей картины состоянія края. Всѣ свѣдѣнія заимствованы авторомъ изъ первыхъ источниковъ: Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи, Архива юго-западной Россіи, Литовской Метрики и т. д. Въ разсказѣ своемъ авторъ, встрѣчаясь съ спорными или еще не разрѣшенными вопросами, высказываетъ взгляды вполнѣ научные или ставитъ весьма

¹⁾ Stosunki Polski z tatarszczyzną od połowy XV wieku; tom I—Stosunki z Mendli-Girajem chanem tatarów Perekopskich (1469—1515).

осторожно предположенія очень правдоподобны; такъ, онъ указываетъ на ошибку многихъ историковъ, считавшихъ украинныхъ старостъ козацкими гетманами (стр. 6), опредѣляетъ точно разницу исторической роли городского козачества и Запорожья (стр. 13), высказываетъ предположеніе, что первыми представителями козачества, могли быть исконные русскіе обитатели степной украины, удѣлѣнныя въ ней послѣ татарскихъ погромовъ и т. п. Вообще, и по выбору и по полнотѣ источниковъ ¹⁾ и по научнымъ приемамъ пользованія ими, несомнѣнно трудъ г. Пуласкаго принадлежитъ къ числу лучшихъ работъ по избранному имъ сюжету. Оцѣнивая вполнѣ научныя достоинства труда г. Пуласкаго, мы съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ должны указать на одинъ крупный недостатокъ, который нѣсколько удивляетъ насъ въ виду научныхъ критическихъ приемовъ автора и его полного объективизма: г. Пуласкій не успѣлъ вполнѣ страхнуть съ себя дурныхъ привычекъ той исторической школы, въ которой онъ онъ воспитался, и въ силу этого онъ въ нныхъ случаяхъ переноситъ, вѣроятно незамѣтно для самаго себя, понятія и отношенія послѣдующей эпохи на время предъидущее. Въ этомъ отношеніи существенная ошибка г. Пуласкаго состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ русскія области великаго княжества литовскаго входившими въ составъ Польши, подлежащими польскому законодательству и польскому устройству еще до люблинской уніи, т. е. въ то время, когда в. княжество литовское составляло совершенно самостоятельное государство, связанное съ Польшею лишь въ династическомъ отношеніи, но совершенно независимое по отношенію къ законодательству, администраціи и устройству внутренняго быта, сложившагося въ свои оригинальныя формы, не имѣвшия ничего общаго съ Польшею. Такое смѣшеніе двухъ разныхъ эпохъ жизни края мы замѣчаемъ у г. Пуласкаго слишкомъ часто; такъ, говоря о концѣ XV и первой половинѣ XVI ст., онъ утверждаетъ, что *Польша* отражала татаръ на Подиѣстровіи (стр. 4), что *Польша* потеряла въ этой борьбѣ громадное количество населенія (стр. 12), что при Александрѣ Казимировичѣ *паневскіе* старосты стояли на сторожѣ *польско-литовскихъ* земель (стр. 25), что въ 1551, Сигизмундъ II держалъ въ *Черкассахъ*

¹⁾ Г. Пуласкій не воспользовался однимъ матеріаломъ—Описаніемъ украинныхъ замковъ—и самъ жалуется на недостатокъ этого матеріала (стр. 26). Къ сожалѣнію тотъ томъ Архива юго-западной Россіи, въ которомъ помѣщены эти описанія, появился въ свѣтъ позже разбираемыхъ очерковъ

польскій гарнизонъ (стр. 28), что кн. Дмитрій Вишневецкій защищалъ границы *Польши* (стр. 33) и т. и.

Какъ ни непріятно встрѣчать въ серьезной и почтенной монографіи частое повтореніе явной ошибки, мы бы еще съ нею помирились, если бы она проявлялась только въ рѣченіяхъ, подобныхъ приведеннымъ, которыя не заслоняютъ сущности пзображаемой картины, но, къ несчастью, раза два указанная ошибка повліяла на автора до того, что заставила его представить въ совершенно ошибочномъ свѣтѣ довольно крупныя факты внутренней жизни южно-русскаго края; такъ, авторъ, желая обозначить значеніе украинскихъ старостъ, рассказываетъ о разницѣ староствъ городовыхъ и негородовыхъ и о распредѣленіи повѣтовъ въ южныхъ воеводствахъ; то и другое обстоятельство онъ представляетъ въ томъ видѣ, въ какомъ города и повѣты установились послѣ 1569 года и полагаетъ, что они находились въ томъ же состояніи и въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Между тѣмъ въ это время городовыхъ староствъ вовсе не было въ великомъ княжествѣ литовскомъ потому, что не существовалъ и самъ институтъ городскихъ судовъ; повѣтовъ было гораздо больше и каждый староста или намѣстникъ, управлявшій замкомъ, управлялъ вмѣстѣ съ нимъ и тинувшимъ къ нему повѣтомъ и судилъ его жителей судомъ старостинскимъ (а не городскимъ). Такъ, въ кievской землѣ были замки и повѣты, а также управлявшіе ими старосты: черкасскій, каневскій, житомирскій, овручскій, мозырскій, черныбыльскій и остерскій и сверхъ того воевода кievскій, который, несмотря на свой титулъ, былъ почти равенъ по власти старостамъ и управлялъ только кievскимъ повѣтомъ, а не позднѣйшимъ кievскимъ воеводствомъ. Я полагаю, что г. Пуласкій согласится съ этимъ положеніемъ, пересмотрѣвъ описанія замковъ кievской земли, помещенныя въ I томѣ VI-ой части Архива юго-западной Россіи и откажется отъ своего мнѣнія, будто Каневъ и Черкасы въ продолженіи XVI столѣтія не составляли отдѣльныхъ повѣтовъ и принадлежали къ повѣту кievскому (стр. 22—23).

Въ слѣдствіе той же ошибки г. Пульскій приводитъ постановленіе піотрковскаго сейма 1550 года, въ силу котораго замки и староства рѣшено было раздавать исключительно землевладѣльцамъ-полякамъ шляхетскаго происхожденія, и полагаетъ, что постановленіе это относилось ео ipso къ староствамъ украиннымъ (стр. 24). Но въ 1550 году Литва составляла еще самостоятельное государство, она не принимала участія въ польскихъ сеймахъ и постановленіи этихъ

сеймовъ ни въ какомъ случаѣ не относились и не могли быть обязательны для территоріи великаго княжества. Полагаемъ, что самъ почтенный авторъ убѣдится въ этомъ, если взглянетъ нѣсколько пристальнѣе на тѣ документы, которыми онъ пользовался: съ одной стороны въ заглавіи постановленій піотрковскаго сейма онъ найдетъ слѣдующее: «Привилегія короля Сигизмунда Августа, которою онъ подтверждаетъ всѣ привилегіи, права и вольности *коронныя* п т. д. ¹⁾», съ другой онъ встрѣтитъ въ Актахъ, относящихся къ исторіи западной Россіи (т. II, стр. 33) грамоту уставную кіевской земли, изъ которой явствуетъ, что въ землѣ этой и ея повѣтахъ, великіе князья литовскіе обязались давать староства не полякамъ, а исключительно уроженцамъ кіевской же земли: «А волости кіевскія — кіяномъ держати, а иному никому. А *городки кіевскіе* въ нашей воли — кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити». Обязательство это дано было еще в. к. Витовтомъ, затѣмъ возобновлено: Казимиромъ, Александромъ и Сигизмундомъ I; слѣдовательно въ 1550 году при раздачѣ украинныхъ старостъ правительство руководилось этимъ обязательствомъ, а не постановленіями піотрковскаго сейма, относившимися къ землямъ *короннымъ*, но не имѣвшимъ никакой силы для земель *литовскихъ*.

За исключеніемъ этой, хотя крупной, но, какъ намъ кажется, единственной ошибки, мы встрѣтили въ рассматриваемыхъ статьяхъ только 2—3 мелкіе недосмотра, не имѣющіе, впрочемъ, существеннаго значенія; такъ, въ описаніи Канева г. Пуласкій утверждаетъ (стр. 10), что въ этомъ городѣ существовала таможня во время Витовта, названная въ запискахъ Михалона Литвина Витовтовою Банею. Между тѣмъ Михалонъ Литвинъ ясно говоритъ, что эта таможня была у Таванскаго перевоза т. е. гораздо ниже, дѣбровскпхъ пороговъ ²⁾. Затѣмъ, нѣсколько мѣстныхъ терминовъ, какъ кажется, поняты авторомъ не точно: такъ, слово, встрѣтившееся въ актѣ, *осетровая лука* (стр. 38) онъ переводитъ по польски словомъ *лажа*, которое означаетъ лугъ, покрытый травой; на этомъ лугу, конечно, мудрено было бы поймать осетра. Слово *пашня* онъ считаетъ не пахатною землею, а пастбищемъ (стр. 60); наконецъ, одного изъ Дашевичей онъ на-

¹⁾ Volumina legum т. II, стр. 1, fol. 591.

²⁾ In trajectu Borysthenis ad Tovani, ubi etiam hodie extat camera lapidea, quam... balneum Vitovdinum vocant. Отрывки Михалона Литвина, издаііе Калачева, стр. 66.

зываетъ Юхусомъ, вѣроятно, не разобравъ въ рукописи очень употребительнаго въ XVI в. имени Юхно (стр. 235).

Въ четвертомъ очеркѣ¹⁾ «Хозяйство королевы Боны въ украинныхъ земляхъ» мы встрѣчаемъ весьма подробный и интересный очеркъ хозяйственной дѣятельности королевы Боны въ подаренныхъ ей или приобретенныхъ ею имѣніяхъ на Волыни и въ Подоліи, въ волостяхъ: барской, временецкой и ковельской; статья эта даетъ прекрасную характеристику личности самой королевы Боны и вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ весьма живую и полную картину экономическихъ отношеній, существовавшихъ въ городахъ и селахъ южно-русскаго края въ первой половинѣ XVI в.; матеріаломъ для статьи послужили по преимуществу документы, помѣщенные въ изданіяхъ кievской археографической коммисіи, а также переписка Боны съ своими управляющими и арендаторами, извлеченная г. Пуласкимъ изъ его собственнаго архива. Нѣсколько изъ этихъ документовъ онъ напечаталъ in extenso въ теченіи разсказа. Въ прекрасной статьѣ этой мы замѣтимъ лишь одну мелкую неточность: въ одномъ изъ писемъ Боны встрѣтилась фамилія ея дворянина «Непитуцій»; г. Пуласкій предполагаетъ, что это былъ италіанецъ, находившійся въ ея службѣ (стр. 151) (вѣроятно онъ думаетъ, что это передѣлка на славянскій ладъ фамиліи *Nepitucci*); предположеніе это ошибочно: Непитуціе это старій земинскій православный родъ волынской земли: въ описаніяхъ лужскаго замка въ 1545—1552 годахъ мы встрѣчаемъ городни: «Грицька Непитуцого зъ Охматкова» и «Петра Непитуцого зъ Охматкова»; пани Григорева Непитуцая владѣла въ то же время дворомъ въ оврацкомъ замкѣ; въ 1577 мы встрѣчаемъ пана Романа Непитуцого въ татарскомъ плѣну, гдѣ онъ подписываетъ завѣщаніе составленное Василиемъ Загоровскимъ; наконецъ, въ XVII уже столѣтіи, намъ извѣстенъ (1680) велебный Рафаиль Непитуцій, игуменъ Кіево-пустыннаго Нпкольскаго монастыря²⁾.

Пятый очеркъ г. Пуласкаго озаглавленъ: «Первые годы общественной дѣятельности Адама Киселя». Это собраніе весьма интересныхъ данныхъ для біографіи А. Киселя съ 1622 по 1635 годъ, извлеченныхъ авторомъ изъ неизвѣстнаго понынѣ матеріала,—именно

¹⁾ Второй и третій очерки посвящены эпизодамъ царствованія Сигизмунда I, не относящимся непосредственно къ исторіи южной Руси.

²⁾ Памятники кievской коммисіи т. IV, стр. 86. Арх. юго-зап. Рос.: Ч. I, т. I, стр. 94 и т. IV, стр. 35; Ч. IV, т. I, стр. 41; Ч. VII, т. I, стр. 161.

изъ переписки А. Киселя съ разными лицами, хранящейся въ архивѣ, принадлежащемъ самому г. Пуласкому. Многія изъ этихъ писемъ напечатаны въ статьѣ и представляютъ много совершенно новыхъ историческихъ данныхъ; между прочимъ, мы находимъ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ Киселя въ 1633 году, когда ему поручено было защищать Черниговщину отъ вторженія Бутурлина; среди документовъ, относящихся къ этому эпизоду, особенный интересъ представляетъ подробная записка, составленная Киселемъ, объ осадѣ Чернигова Алябьевымъ (31 августа—4 сентября 1633 г.).

Наконецъ, седьмой и послѣдній очеркъ носить названіе: «Князья Гольшанскіе, историко-генеалогическая монографія». Это очень кропотливый трудъ, въ которомъ авторъ собралъ съ большимъ вниманіемъ всѣ данныя, разбѣяныя въ документахъ и лѣтописяхъ, о князьяхъ Гольшанскихъ (одна вѣтвь ихъ рода пришла въ XV ст. названіе кн. Дубровицкихъ) и сопоставилъ ихъ, составилъ довольно полную генеалогію этого княжескаго рода, занимавшаго весьма видное положеніе въ в. княжествѣ литовскомъ съ XV столѣтія и прекратившагося въ исходѣ XVI

Передовавъ вкратцѣ содержаніе «историческихъ очерковъ» г. Пуласкаго, мы увѣрены, что всѣ, интересующіеся историческимъ изученіемъ разсматриваемыхъ имъ сюжетовъ, найдутъ въ его книгѣ много интересныхъ и новыхъ фактовъ, выбранныхъ тщательно и оцѣненныхъ согласно правиламъ здравой и безпристрастной исторической критики, за исключеніемъ единственной предвзятой мысли, указанной нами, отъ которой, мы полагаемъ, самъ авторъ откажется въ дальнѣйшихъ трудахъ по внушенію присущаго ему стремленія къ объективному, строго научному методу изслѣдованія.

В. А.

Десятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи— 988—1888 г. Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ Н. Д. Москва. 1888 г.

Книга подъ этимъ заглавіемъ не составляетъ новости въ нашей бібліографіи. Ей предшествовали: 1) «Списки архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ іерархіи всероссійской со времени учрежденія Св. Правительствующаго Синода» — 1721—1871 г., составленные Юріемъ Толстымъ, б. товарищемъ оберъ-прокурора Св. Синода и изданные въ 1872 г. и 2) «Списки іерарховъ и пастырей монастырей россійской

церкви» — орд. академика Павла Строева, изданные послѣ его смерти Археографическою Коммиссіей подъ редакціей члена Коммиссіи М. И. Семеvскаго въ 1887 году. Пособіемъ Юрію Толстому при составленіи его книги послужилъ рукописный трудъ бывшаго пензенскаго преосвященнаго Амвросія Орнатскаго, хранящійся въ Архивѣ Св. Синода. Ю. Толстой, воспользовавшись этимъ трудомъ, исправилъ, дополнилъ и расположилъ списки въ другомъ, лучшемъ порядкѣ. Академикъ Строевъ, работавшій по архивнымъ источникамъ, началъ свой трудъ въ 1830, окончилъ въ 1838 г. и въ послѣдующіе 13 лѣтъ до своей кончины въ 1875 году исправлялъ и дополнял, пересмотрѣвъ для сего старыя дѣла Государственнаго Архива, нѣсколько тысячъ грамотъ московскаго Сената, дѣла старыя министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла бывшаго монастырскаго приказа и остатки патриаршаго архива, старинныя столбцы въ московской конторѣ Св. Синода. Пособіемъ послужило ему только «Дополненіе къ каталогу монастырскихъ настоятелей съ 14 по 18 вѣкъ» — члена Археографической Коммиссіи Берендікова, составленное по грамотамъ, поступившимъ въ Коммиссію изъ министерства финансовъ и изъ старыхъ дѣлъ государственнаго архива. У Ю. Толстаго сначала помѣщенъ алфавитный реестръ архіереевъ, бывшихъ при учрежденіи Св. Синода и хиротописанныхъ по его учрежденіи, съ раздѣленіемъ на царствованія, въ которыя они хиротонисаны, затѣмъ реестръ архіереевъ 1872 года, потомъ списокъ епархій и викаріатствъ съ 1821 по 1871 г. въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ учрежденія и на концѣ азбучная роспись архіерейскихъ кафедръ и азбучный указатель ихъ именъ. Строевъ въ основаніе своего списка положилъ рядъ епархій по времени ихъ учрежденія, начавъ съ кievской и окончивъ туркестанской; за списокомъ епархій у него идутъ списки іерарховъ каждой епархіи и списки настоятелей ея монастырей въ хронологическомъ порядкѣ. Въ концѣ книги таковыя же списки упраздненныхъ епархій и алфавитный указатель всѣхъ монастырей, упоминаемыхъ въ спискахъ. Послѣ трудовъ Ю. Толстаго и Строева, въ особенности послѣдняго, списки котораго представляютъ томъ болѣе, чѣмъ въ 1,000 страницъ, уже не трудно было Н. Д. составить списки епархій и архіереевъ съ 988 г. по 1888 г. Оставалось только регистрировать ихъ въ разныхъ порядкахъ по своему усмотрѣнію, дополнивъ за время съ 1872 по 1888 годъ, что и сдѣлано весьма тщательно. Есть, впрочемъ, у него и свои дополненія, которыя состоятъ 1) изъ перечня архіереевъ при московскомъ Архангельскомъ соборѣ, архіереевъ, присутствовавшихъ въ Св. Си-

нодѣ и его конторѣ, управлявшихъ патріаршею областію и бывшихъ въ Москвѣ для священнослуженій и крестныхъ ходовъ; 2) изъ перечня епархій и архіереевъ, составлявшихъ Грузинскій Экзархатъ съ 1811 года, и 3) изъ перечня духовныхъ лицъ, управлявшихъ военнымъ духовенствомъ и настоятелей патріаршихъ въ Москвѣ подворій. Въ концѣ книги приложены 3 алфавитныхъ указателя: именъ архіереевъ русской церкви, именъ архіереевъ грузинской церкви и названий епархій. Въ видѣ приложенія, неподходящаго къ заглавію книги, помѣщены краткія статьи: о просвѣтителяхъ славянъ, о первомъ крещеніи руссовъ, первыхъ 5-ти первосвятителяхъ русской церкви, о крещеніи угроруссовъ и первомъ ихъ епископѣ. Въ самихъ спискахъ сначала идетъ рядъ епархій и викаріатствъ по времени ихъ учрежденія, т. е. въ хронологическомъ порядкѣ съ крещенія св. Владиміра до нашего времени. Далѣе (стр. 10—11) слѣдуютъ списки епархій и викаріатствъ нынѣ существующихъ и упраздненныхъ, причемъ викаріатства титулуются уже епископіями. Почему епархій здѣсь слѣдуютъ одна за другою въ такомъ, а не иномъ порядкѣ, трудно угадать: этотъ порядокъ нельзя назвать ни хронологическимъ, ни по степенямъ епархій, такъ какъ здѣсь 1-ю стоитъ московская епархія, а затѣмъ уже идутъ кіевская, новгородская, с.-петербургская; ростовская стоитъ на 5-мъ мѣстѣ, а казанская—5-я по степенямъ—на 6-мъ мѣстѣ и т. п. Въ спискахъ іерарховъ сначала рядъ московскихъ патріарховъ 17 вѣка, за ними слѣдуютъ митрополиты кіевскіе съ 989 г. до 1461, потомъ московскіе митрополиты съ 1461 года до 1882 г., и опять кіевскіе съ 1354 г. по 1685 г., московскіе викаріи съ 1788 по 1887 г. и снова кіевскіе митрополиты съ 1690 по 1882 г. съ ихъ викаріями и такъ далѣе по всѣмъ епархіямъ—сначала епархіальные архіереи, а потомъ ихъ викаріи. При этомъ очень замѣтно желаніе автора, въ несообразность съ исторіей, поставить московскую епархію на 1-мъ мѣстѣ; не сдѣлано этого только тамъ, гдѣ епархія исчисляются по классамъ. Списки какъ епархій, такъ и іерарховъ и ихъ указатель составлены весьма тщательно, съ означеніемъ времени открытія епархій и времени служенія іерарховъ въ извѣстной епархій, хотя все такъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ неправильностей и поправокъ, указанныхъ въ концѣ книги. Позволимъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе, что въ списки епархій и іерарховъ не слѣдовало вносить такихъ мнѣній, которыя составляютъ еще спорный предметъ въ исторической наукѣ, напримѣръ о томъ, будто до 1051 года кіевскіе митрополиты не жили въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ, и что бѣл-

городскіе епископы были намѣстниками кіевскихъ митрополитовъ, а также не слѣдовало первыхъ 3-хъ кіевскихъ митрополитовъ: св. Михаила, Леонтія и Іоанна исключать изъ ихъ каталога, дѣлая изъ нихъ особый отдѣлъ. Тѣмъ не менѣе книга Н. Д. найдетъ себѣ мѣсто въ каждой ученой библіотекѣ и можетъ быть настольнымъ пособіемъ для всякаго занимающагося исторіей Россіи и русской церкви въ частности. Нельзя только не пожалѣть, что цѣна книгѣ, заключающей въ себѣ 130 страницъ, назначена довольно крупная — въ 2 руб. 25 коп. съ пересылкою.

П. Л.

Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г., изд. подъ ред. М. Зольскаго. М. 1889 г.

Число календарей, выходящихъ въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ все увеличивается и въ настоящемъ году здѣсь, кромѣ календарей собственно кіевскихъ, вышелъ еще и календарь сѣверо-западнаго края (хотя этотъ календарь и напечатанъ въ Москвѣ, но редакція его, какъ означено на обложкѣ, находится въ Кіевѣ). Указывая въ предисловіи цѣль своего изданія, редакція календаря заявляетъ, что ставитъ себѣ задачею способствовать распространенію въ русскомъ обществѣ вообще, а въ мѣстномъ въ частности свѣдѣній о сѣверо-западномъ краѣ, преимущественно же о Бѣлоруссіи, и содѣйствовать разработкѣ научныхъ данныхъ о немъ, что, въ виду скудости доступныхъ публикѣ источниковъ для ознакомленія съ прошедшимъ и настоящимъ этого края, является, конечно, весьма желательнымъ. Календарь распадается на два отдѣла. Первый содержитъ въ себѣ необходимыя календарныя свѣдѣнія, приспособленныя, главнымъ образомъ, къ потребностямъ мѣстныхъ жителей; особеннаго вниманія въ этомъ отдѣлѣ заслуживаетъ обиліе статистическихъ данныхъ о 7 сѣверо-западныхъ губерніяхъ (данныя эти занимаютъ 17 страницъ). Во второмъ отдѣлѣ, названномъ редакціею научно-литературнымъ, на первомъ мѣстѣ помѣщена обстоятельная статейка «Владиміръ св. и его время». Остальныя статьи этого отдѣла посвящены специально Бѣлоруссіи. Въ коротенькомъ очеркѣ «Бѣлорусское нарѣчіе» указаны главнѣйшія его особенности; памятники народнаго творчества бѣлорусовъ представлены въ 20 народныхъ пѣсняхъ; есть и образчики искусственной поэзіи на бѣлорусскомъ нарѣчій, а популярной и до

сихъ поръ въ Бѣлоруссiи поэмѣ Дунина-Марцинкевича «Ганонъ» посвящена особая статья, гдѣ эта поэма приведена частью въ пересказѣ, а частью въ подлинномъ видѣ. Нѣсколько статей относятся къ исторiи географiи и этнографiи Бѣлоруссiи, а въ концѣ книги приложенъ библиографическій указатель новыхъ книгъ и статей, касающихся сѣверо-западнаго края. Въ общемъ календарь производитъ прiятное впечатлѣніе и нельзя не пожелать ему самаго широкаго распространенія. Издана книжка опрятно и цѣна ея (30 к. за 138 страницъ большаго формата) умѣренная.

Н. Т.

Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ двадцать пятый. Редакторъ-издатель А. Андріашевъ. Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ третій. Издатель Юансонъ. Кіевскій календарь на 1889 г., шестой годъ изданія. Редакторъ-издатель В. Фабриціусъ, астрономъ-наблюдатель университета св. Владиміра. Волынкій календарь на 1889 г. Годъ первый. Изданіе Ѡ И. Досинчука. Житомиръ.

«Всѣ врутъ календари» — истина старая, но все же истина. Къ этой истинѣ мы всѣ такъ привыкли, что появленіе неврущаго календаря могло бы насъ даже потревожить, какъ появленіе въ знакомомъ обществѣ лица невѣдомаго. Если лица невѣдомаго сторонятся изъ опасенія, не «ревизоръ» ли онъ, то неврущій календарь съ тѣмъ же правомъ былъ бы принятъ за симптомъ близости послѣдней ревизіи — страшнаго суда. А какъ при мысли объ этой послѣдней ревизіи многимъ, и большимъ и малымъ чинамъ становится больно жутью, то мы съ радостью пріемлемъ наши старые и новые врущіе календари, сознавая, что вѣдь и мы сами навираемъ въ продолженіи жизни на добрую сотню календарей.

Многочастно и многообразно календарное вранье, какъ многообразно и само содержаніе этихъ братскихъ современныхъ энциклопедій. Врутъ они и статистически, и исторически, и политически, et tutti quanti. Да и какъ, спрашивается, не врать нашему календарныхъ дѣлъ мастеру? Вотъ Брокгаузъ и Мейеръ ежегодно выпускаютъ по новому изданію своихъ громаднхъ энциклопедій, гдѣ отдѣльными статьями пишутся специалистами, да еще какими! *нѣмецкими*, которые изъ за одной буквы перероютъ всѣ печатныя и писанныя книги, да и то сколько неточностей, похинокъ и исправленій! Только что

напечаталъ, что въ тридесатомъ государствѣ сидитъ на царствѣ Магонъ 223, анъ уже его давно нѣтъ, да и сынъ померъ, а царствуетъ внукъ, Магонъ 225. А о министрахъ и говорить нечего—тутъ хоть плачь, или приписывай впередъ—уволень. Обозначишь на картѣ границы, и только что съ любовью осматриваешь свѣжій оттискъ разноцвѣтной карты, какъ трахъ! читаешь телеграмму: «мирные переговоры окончились уступкой земли гауровъ славному народу культуртрегеровъ». Садись и черти все на ново.

А если даже Брокгаузъ и Мейеръ часто «ошибаются», то какъ же не ошибаться нашему несчастному календарныхъ дѣлъ мастеру, совмѣщающему въ себѣ (совмѣстительство теперь въ модѣ) и астронома и метеоролога, статистика, историка, публициста и пр. и пр. и пр.? Вотъ напр. почтеннѣйшій издатель Кіевскаго народнаго календаря А. Ѳ. Андріяшевъ на что уже опытный календаристъ—четверть вѣка ведетъ свое дѣло,—вѣдь долженъ былъ уже набить руку, а сколько въ его календарѣ неточностей и можетъ быть смѣлыхъ, но мало провѣренныхъ гипотезъ! Такъ, напр., наши скудные историческія свѣдѣнія о первыхъ князьяхъ русскихъ почтенный авторъ дополняетъ точными данными о годѣ рожденія ихъ (ужь не астрологія ли помогла при этомъ почтенному историку?)—Рюрикъ р. 830, Олегъ 855, Игорь 877 и т. д. Другія историческія данныя, доселѣ считаемыя за прочное достояніе науки, почтенный авторъ въ корень опровергаетъ, не давая однако, въ сожалѣнію, возможности провѣрить его интересныхъ гипотезъ. Такъ, напр., по его исторической таблицѣ грозный царь Иванъ IV род. 1537 г., слѣд. черезъ 4 года по смерти своего отца, сынъ его Ѳеодоръ Ивановичъ родился по таблицѣ г. Андріяшева въ 1550 г., когда Ивану IV было всего 13 лѣтъ. Знаетъ почтенный историкъ и годъ рожденія Лжедмитрія, знаетъ и кіевскаго князя Мстислава въ 1145 г., вообще, знаетъ многое, чего мы не знаемъ. Есть въ календарѣ г. Андріяшева неточности и другія, болѣе или менѣе важныя, но перечислять ихъ мы не станемъ: если почтенный издатель дѣйствительно «сосредоточитъ всѣ свои силы и заботы» на календарѣ, то найдетъ ихъ и самъ, а мы не желаемъ лишать его великаго наслажденія, испытываемаго каждымъ человекомъ при самоусовершенствованіи.

Календаръ г. Андріяшева носитъ названіе «Кіевскій Народный». Отсюда мы заключаемъ, что издатель предназначаетъ его для средняго и низшаго классовъ населенія юго-зап. Руси (понимая *кіевскій* въ болѣе широкомъ смыслѣ). Слѣд., кромѣ свѣдѣній полезныхъ для

всѣхъ (у г. А. есть между прочимъ рубрика—*общеполезныя свѣдѣнія*, куда почему то вошло извѣстіе о приготовленіи скрипокъ въ смоленской губ. кустарями), здѣсь еще должны быть свѣдѣнія, специально предназначенныя для населенія юго-зап. Руси. Спрашивается, удовлетворяетъ ли календарь г. А. этой цѣли? По нашему мнѣнію, далеко не вполне. Есть въ немъ статьи совершенно лишнія (въ родѣ изслѣдованій о Копыревѣ концѣ) и нѣтъ много нужнаго и полезнаго.

Что мы находимъ здѣсь специально предназначеннаго для юго-зап. Руси? По части исторіи—3 статьи («Кіевск. просвѣтителі XVIII в. въ Москвѣ», «Др. Кон. конецъ въ Кіевѣ», «О еоед. стараго города съ Кіево-Подоломъ»), по части мѣстной хроникки-учительскіе курсы церк. пѣнія и рутнаго труда въ Кіевѣ, открытіе памятника Богд. Хмельницкому и празднов. 900 л. крещ. Руси въ Кіевѣ (по страницѣ), по части сельско-хозяйственной—статья по шелководству и списокъ лучшихъ плодовыхъ деревьевъ для юго-зап. Руси—и только. Почему нѣтъ хроники кіевской жизни и жизни юго-зап. Руси вообще за истекшій годъ? Почему нѣтъ обзора явленій научной, литературной и художественной жизни въ Кіевѣ? Отчего необходимѣйшіе адреса составлены такъ плохо? (число врачей напр. показано 36, когда ихъ почти въ 10 разъ больше; въ числѣ учебныхъ заведеній пропущена кіево-подольская женская гимназія и пр.). Почему нѣтъ... да впрочемъ такихъ вопросовъ можно наставить бездну. Надѣемся однако, что почтенный издатель «сосредоточитъ всѣ свои силы на календарномъ дѣлѣ» и постарается привести свой календарь въ соотвѣтствіе съ предъявленными нами требованіями. Въ этомъ, впрочемъ, его же прямая выгода, такъ какъ теперь это уже не единственный русскій календарь въ юго-зап. Руси, какииъ онъ былъ нѣкогда. Посовѣтуемъ почтенному редактору позаботиться еще хоть немного объ улучшеніи рисунковъ, а то напр. его куриный гусь похожъ болѣе на иктиозавра, чѣмъ на гуся.

Замѣтимъ, однако, что несмотря на всѣ свои недостатки, несмотря на многіе комичные промахи, все же календарь г. Андріяшева выдается между всѣми нашими мѣстными календарями. Онъ единственный *программный*, въ составленіи его видна взвѣсная и весьма симпатичная цѣль—приспособить календарь къ потребностямъ среднихъ и низшихъ классовъ населенія юго-зап. Руси. Въ немъ есть своя опредѣленная фізіономія, своя индивидуальность. Онъ все же болѣе *кіевскій* и болѣе *народный*, чѣмъ всѣ прочіе, и если бы только былъ тщательнѣе составленъ, принесъ бы несомнѣнно хорошую пользу.

Довольно тщательно, но ужасно безвѣстно, составленъ *Кіевскій Календарь* г. Фабриціуса. Только въ обилии астрономическихъ свѣдѣній выступаетъ личность составителя. *Кіевскино* въ этомъ календарѣ только развѣ адреса. Планъ г. Кіева, составленный весьма полно и точно. Мѣстной хроники касаются лишь 3 статейки—о празднованіи 900 л. христіанства въ Кіевѣ, о памятникѣ Богдану Хмельницкому и о сельско-хозяйственной выставкѣ въ Кіевѣ. Составителю мѣстныхъ календарей необходимо же имѣть въ виду, что покупателями ихъ являются исключительно мѣстные жители, и къ ихъ потребностямъ и слѣдуетъ принаравливать изданіе. Эту истину да имѣетъ въ виду на будущее время г. Фабриціусъ.

Чистой спекуляціей, рассчитанной на невниманіе публики, является *Кіевскій Календарь* Иогансона. Подобно гоголевскому портному, думавшему убить всѣхъ конкурентовъ вывѣской «Портной изъ Лондона и Парижа», г. Иогансонъ задумалъ убить и календарь г. Андриашева и календарь г. Фабриціуса, перенявъ у перваго цвѣтъ обертки, а у втораго шрифтъ ея. Замѣтимъ кіевскому Леухину, что контрафакція преслѣдуется по закону.

Преподнося любезному читателю *меню* мѣстныхъ календарей, мы оставили ему на десертъ *Волинскій календарь* г. Досинчука. Мы не знаемъ, появляется ли г. Досинчукъ на литературной аренѣ впервые, или это уже маститый и заслуженный литераторъ (отъ Кіева къ Житомиру доселѣ нѣтъ желѣзной дороги, а diligэнсы ходятъ крайне неисправно), но однимъ уже календаремъ волинскій авторъ несомнѣнно создаетъ себѣ славу неувадаему. Отнынѣ имя г. Досинчука станетъ нарицательнымъ, какъ имя гениальнѣйшаго изъ всѣхъ календарныхъ дѣлъ мастеровъ. Въ своемъ календарѣ г. Досинчукъ выступаетъ передъ нами настоящимъ хамелеономъ: онъ и историкъ, и этнографъ, и поэтъ, и реформаторъ русской рѣчи, и во всемъ одинаково великъ и неподражаемъ. Обладая неслышанной эрудиціей, онъ даетъ намъ массу новыхъ данныхъ изъ мѣстной исторіи, исполненный сильнымъ и вдохновеннымъ воображеніемъ, онъ даетъ намъ новые поэтическіе образы и гениальные метафоры, человекъ отчѣнаго вкуса, онъ доводитъ русскую рѣчь до неслышаннаго еще совершенства и изумительной чистоты. Счастливы волынцы, имѣющие такого земляка, счастливы Житомиръ, гдѣ его давнее произведеніе впервые узрѣло свѣтъ, счастливы и мы возможностью ознакомить публику съ новымъ литературнымъ солнцемъ. Но довольно похвалъ (всѣ великіе таланты скромны!). Скорѣе къ дѣлу.

Новыя историческія данныя:

1025 г. умеръ *Ботиславъ Храбрый*.

1320. Заключенъ новыи договоръ (съ кѣмъ?) князя Владиміра (?), имѣвшій чисто торговое значеніе.

1332 г. Король *Карль* предпринималъ походы въ Галицію, увѣнчавшіеся успѣхомъ.

1366. Прекращеніе борьбы между импер. нѣмцами и королемъ венгерскимъ, въ которомъ принималъ участіе и Казиміръ.

1376 г. Любортъ, Кейстуть... опустошили Сандом. землю до самага города *Торкова*, можетъ быть просто даже съ цѣлью рабежа.

1533 (?). Козаки избрали своимъ гетманомъ Павлюка, который въ 1637 г. сравнялся съ Польшею.

862. Св. Кирилль составилъ *русскую азбуку*.

Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ намъ давать больше выписокъ, но и по этимъ немногимъ читатель видитъ, сколько новыхъ неизвѣстныхъ доселѣ данныхъ даетъ вамъ ученый ... ерундистъ.

Этнографія: Рабочіе на *половину русины* на *половину евреи* (прибавимъ отъ себя—не потомки ли древнихъ кентавровъ?) (стр. 61).

Извѣстно, что климатич., топограф. и почвенныя условія даютъ своеобразную окраску характеру и обычаямъ народнымъ. Такъ, у насъ въ Россіи разнятся малороссы, великороссы, *казаки* и пр. (63).

Угорскій король Стефанъ далъ право *латышамъ-священникамъ* обратитьъ страну въ католичество.

Языкъ: Вахилкъ Дмитрій Степ. .. *лишилъ* по себѣ *хорошія* воспоминанія. Половцы, *последніе въ этомъ родѣ*, исчезли съ русской земли съ нашествіемъ татаръ. Нужно, чтобы у насъ образованный классъ взялъ на себя инициативу въ устройствѣ общ. воздержаніе... *принимая участіе въ кабыцкихъ предпріятіяхъ на новыхъ началахъ* (45).

Преображаемъ увы! по недостатку мѣста, выписки.

Поэзія: Талантливый авторъ далъ намъ, къ сожалѣнію, только 3 образца своего поэтического творчества (одно стихотвореніе безъ заглавія, 2-ое — *Съ юря* и 3-е *Пѣснь Дѣвы*). Рядомъ, какъ бы для сравненія, помѣщены 3 стихотворенія г. Надсона. Прелестные стихи автора только выигрываютъ отъ такого сосѣдства; дѣлается просто жаль Надсона съ его простымъ языкомъ и малооригинальнымъ метафорами. Такъ развѣ пишетъ г. Досинчукъ? Послушайте.

Солнце скрылось давно

Только мѣсяць *кривой*
 Спутникъ ночи порой
 Внизъ косится, глядитъ
 Вмѣстѣ съ близкой звѣздой

.

Или какъ хороша эта прерывистая рѣчь милой дѣвы
 Люди какъ змѣи, вѣдь
 Злы коварны... не вѣрь
 Сплетнямъ всякимъ, мой другъ
 Будто я... о! не вѣрь!

Какой чудной картиной начинается стихотвореніе *Съ юря*.

Что сидишь печально, *ручки* заломивши
Безъ лица? угрюмый, *олову* склонивши?

Или какъ трогательна пѣснь дѣвы:

Отчего милый другъ *ты такъ* глядишь?
 Отчего, дорогой, цѣлый день грустишь?

Но довольно.

Амартоль.

Редакціею получена слѣдующая книга: *Н. П. Лихичевъ*. Разрядные дѣяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1888. 559 стр. и 101 стр. приложений. Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Временн» въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (244—264). *Кіев. Слово* (533—556). *Чернил. Губ. Вид.* (89—97). *Волынскія Епарх. Вид.* (32—35). *Волыиск. Губ. Вид.* (88—90). *Подольскія Епарх. Вид.* (45—49). *Бессарабек. Губ. Вид.* (117—126). *Екатериносл. Губ. Вид.* (88—97). *Крымъ* (107—116). *Харьков. Губ. Вид.* (293—324). *Южный Край* (2703—2735). *Кубанскія Област. Вид.* (44—48). *Литовскія Епарх. Вид.* (46—49). *Зоря* (22—23).

Кіевлянинъ №№ 244—264. № 244. Перепечатка изъ «Нов. Врем». анекдота о М. С. Щепкинѣ.

246. *Библіографическая замѣтка* о 3 рассказахъ изъ галицко-русской жизни прот. И. Г. Наумовича: «Псалтырникъ», «Завѣтныя тополи», «Четыре путеводаителя доброй жизни». И. А.

Развалины Мстиславова храма во Владиміръ-Волынскомъ. В. Г. Старинный храмъ этотъ (XII в.) много разъ подвергался разрушеніямъ, а въ

концѣ XVIII ст., когда уніатскіе епископы попытались, при помощи передѣлокъ, придать ему видъ костела, главный куполь его рухнулъ и зданіе опустѣло. Въ 1886 г. образована была коммиссія изъ мѣстныхъ обывателей для изслѣдованія развалинъ. Съ тою же цѣлью въ іюнѣ 1886 г. прибыли во Владиміръ проф. В. Б. Антоновичъ, проф. А. В. Праховъ и О. И. Левицкій. Работы длились около мѣсяца. По изслѣдованію храмъ по длинѣ оказался близко подходящимъ къ Кіево-Софійскому, но значительно уже его. Древнія стѣны сложены изъ характерныхъ тонкихъ и широкихъ кирпичей вел.-княж. эпохи на толстомъ слоѣ темно-розоваго цемента. Видно, что древній храмъ былъ построень въ византийскомъ стилѣ. Кое гдѣ на стѣнахъ сохранились остатки фресковой живописи. Въ подземельяхъ подъ толстымъ слоемъ мусора былъ обнаружень помостъ изъ широкихъ квадратныхъ плитъ зеленаго и розоваго мрамора настилки XVIII в. Нпже, подъ слоемъ мусора въ 12 вершк. толщины съ разбросанными человѣческими костями, лежитъ древній Мстиславовъ полъ изъ квадратныхъ и треугольныхъ кирпичиковъ на розовомъ цементѣ; этотъ полъ сохранился въ немногихъ частяхъ, т. к. его часто ломали для опусканія гробовъ въ подземелья. Подъ всѣмъ зданіемъ находятся склепы; въ зап. части храма весь склепъ наполненъ гробницами, поставленными въ нѣсколько этажей. Гробницы сдѣланы изъ самаго разнообразнаго матеріала, а скелеты въ нихъ одѣты въ дорогія ткани. По обѣимъ сторонамъ главнаго входа, въ сѣв. и южной стѣнахъ, въ полукруглыхъ нишахъ — мѣста гробницъ князей владимірскихъ, но самыхъ гробницъ уже не было. Въ одной изъ нишъ открыто вырубленное въ стѣнкѣ и замурованное помѣщеніе, въ которомъ оказалось 4 скелета: 2 мужскихъ, 1 женскій и 1 дѣтскій. Одинъ изъ мужскихъ скелетовъ имѣетъ только лѣвую половину нижней челюсти съ почерѣвшими краями, что указываетъ на какое то патологическое разрушеніе кости; это обстоятельство даетъ право думать, что это скелетъ кн. Владиміра Васильковича († 1288 г.), у котораго, по словамъ лѣтописца «челюсть бородная перегни». Подъ нишей съ этими скелетами найденъ въ мусорѣ деревянный осмоленный гробъ съ развалившейся деревянной крышкой. Въ этомъ гробу лежалъ женскій скелетъ съ клочками русыхъ волосъ на черепѣ и валялись остатки туфель, разбитое зеркало въ шелковой рамѣ, куски плотной шелковой матеріи, большой воротникъ изъ тонкаго кружева и куски чернаго бархата, шитаго золотомъ, шелками и крупнымъ бисеромъ. Узоръ шитья изображалъ бѣгущихъ оленей. Въ мусорѣ, выброшенномъ изъ гроба, найдено два золотыхъ кольца: одно массивное съ небольшою овальной печатью изъ горнаго хрустала, положенной на красной эмали; на печати изображень скачущій всадникъ съ поднятымъ мечемъ (гербъ Гедвиновичей) и буквы А. S. K., по сторонамъ всадника „1570“; на внутренней сторонѣ кольца изображено сердце и буквы А. -Z. Второе кольцо изъ тонкой проволоки, меньше перваго;

на немъ посажено изображеніе собаки, и къ ней на цѣпочкѣ привѣшена крошечная гирька; на внутренней сторонѣ надпись „sic fidus“. На срединѣ церкви найдена разбитая на нѣсколько кусковъ огромная плита черного мрамора, съ гербомъ Гедиминовичей и надписью, что въ гробницѣ лежало тѣло кв. Анны Саягушковны Коширской, жены воев. витебскаго Сапѣги, умершей во 2-й пол. XVI в. Между царскими вратами и анвономъ, гдѣ былъ погребень, согласно завѣщанію, извѣстный Ипатій Пацѣй, при раскопкѣ былъ обнаружень прекрасно устроенный склепъ, наполненный расписными кафлями разнообразнаго происхожденія, мусоромъ и землею; кромѣ того на днѣ склепа были найдены чешуйки отъ киверовъ, нѣсколько пикъ, глиняныхъ трубокъ и множество бутылокъ, въ углу валялось нѣсколько серебряныхъ екатерининскихъ гривенниковъ. Ни гроба, ни скелета епископа въ склепѣ не оказалось, равно какъ не оказалось въ сосѣднемъ склепѣ гроба преемника Пацѣя Іоакима Мороховскаго.

248. *Библіогр. замѣтка* объ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ кiev. дух. академіею «Празднованіе девятисотлѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ».

Перепечатка изъ Хар. Губ. Вѣд. свѣдѣній о памятникахъ древности въ кобелякскомъ у. полт. губ.

Извѣстіе о сооружаемомъ въ Новочеркасскѣ памятникѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

250. *Столѣтній юбилей новгородъ-стверской гимназіи.*

252. *Археологическія раскопки.* Въ южной части черкаскаго уѣзда, у с. Матусова, на землѣ свящ. Моссаковскаго гр. А. А. Бобринскимъ вскрыто 16 кургановъ. Въ одномъ изъ нихъ обнаружень обрядъ погребенія черезъ сожженіе, при чемъ костеръ былъ разведенъ сверху трупа; болѣе другихъ обуглились кости передней части скелета, который лежалъ на спинѣ. При этомъ покойникъ найденъ небольшой ручной жерновъ изъ шифера и 8 раковинъ сургеа moneta. Въ другомъ курганѣ найдена бронзовая ручка отъ зеркала, съ несложными извилистыми орнаментами. Наконецъ, въ одномъ курганѣ обнаружень рѣдкій въ нашей мѣстности способъ погребенія: на днѣ кургана высѣчено углубленіе, въ которое ведутъ двѣ земляныя ступеньки; въ стѣнѣ этого углубленія устроена узкая ниша, въ которую вдвинуть мертвецъ. Такой же способъ погребенія обнаружень гр. Бобринскимъ въ одномъ изъ кургановъ близъ м. Смѣлы.

253. *Къ реставраціи Святополковои церкви Михайловскаго монастыря.*

Архитект. В. Н. Николаевъ представилъ въ кiev. церк.-археол. общество планъ этой церкви съ обозначеніемъ оказавшихся подъ поломъ гробницъ и вещей, найденныхъ при передѣлкѣ церкви прошлымъ лѣтомъ.

Преосв. Геронимъ обратился въ церк.-арх. общ. съ заявленіемъ о необ-

ходимости возстановленія открытыхъ лѣтомъ древнихъ фресокъ и орнаментовъ. Общество командировало для осмотра фресокъ П. А. Лашкарева и Н. И. Петрова и, согласно съ ихъ заключеніемъ, не нашло препятствій къ освѣженію и возстановленію фресокъ и орнаментовъ, подъ условіемъ предварительнаго снятія съ нихъ калекъ или прорисей. При этомъ признано желательнымъ замѣнить нижній ярусъ иконостаса болѣе легкимъ.

Засѣданіе историческаго общества 20 ноября. Отчетъ о рефератѣ проф. Клауэра «о раскопкахъ въ Бессарабіи».

254. *Годичный актъ въ кievской 3 гимназіи.*

257. *Древніи гробницы.* Во время передѣлокъ пола соборной церкви Кіево-Печ. лавры найдено нѣсколько шиферныхъ плитъ. При осмотрѣ ихъ проф. П. А. Лашкаревымъ, на нихъ найдены вырѣзанныя письма. Плиты доставлены въ церковно-археол. музей. Письмена еще не прочтены. Подобныя плиты находятся въ большомъ количествѣ на дворахъ кievскихъ монастырей.

Кіевское Слово №№ 533—556. № 535. Корреспонденція изъ пос. Клишцовъ черн. губ. о безпоповской сектѣ «коликовщина».

Корреспонденція изъ кобелякского у. полт. губ. о памятникахъ древности. Переи. изъ «Хар. Губ. Вѣд.»

537. *Нѣмецкія колоніи въ юго-зап. краѣ.*

538, 543. *Производительность хлѣба и потребление его населеніемъ кievской губ.*

539. О новыхъ пріобрѣтеніяхъ музея искусствъ г. Хайновскаго въ г. Кіевѣ.

541. *Къ отчету о засѣданіи историческаго общества 20 ноября.* Результаты изслѣдованія проф. Сикорскимъ черепа, найденнаго проф. Клауэромъ.

544. *Новое пожертвованіе въ кievскій церковно-археологическій музей.* О пожертвованіи Е. П. Демидовой кн. Санъ-Дonato коллекціи иконъ, крестовъ и складней; въ коллекціи находится и крестъ, которымъ св. Сергій благословилъ Дмитрія Донскаго на войну съ татарами.

547. *Археологическая находка.* Одинъ изъ крестьянъ с. Ольховца канев. у. наткнулся при паханьи плугомъ на большой сосудъ, въ которомъ нашелъ нѣсколько серебряныхъ слитковъ (гривень вовгородскаго и кievскаго типа) и 5 шейныхъ гривень; послѣднія состояли каждая изъ 8 спирально скрученныхъ серебряныхъ проволокъ; проволоки скручены попарно густою спиралью и потому всѣ 4 пары свиты между собою; задніе концы снабжены застѣжками. Шейныя гривны проданы евреямъ въ Богуславѣ.

551. *М. С. Щепкинъ.* (Отрывокъ изъ воспоминаній) Д. Мохтина. Авторъ зналъ Щепкина въ Москвѣ, въ 50-хъ годахъ, во время пребыванія своего въ гимназіи и университетѣ.

555. Перенечатка изъ «Новостей» сообщенія гр. А. А. Бобринскаго въ Сиб. археологическомъ обществѣ о раскопкѣ одного кургана въ звенигородскомъ уѣздѣ членами краковской академіи наукъ. Масса драгоценныхъ намятниковъ греческаго искусства вывезена въ Краковъ.

Отчетъ о засѣданіи историческаго общества 11 декабря. Изложено содержаніе рефератовъ И. И. Малышевскаго «Новое извѣстіе о происхожденіи св. княгини Ольги», г. Дмитревскаго «О христіанскомъ богослуженіи въ Іерусалимѣ въ страстную седмицу» и г. Лилеева «О раскольничьихъ поселеніяхъ въ стародубскомъ полку».

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 89—97. № 89. Къ исторіи края. Черниговъ въ 1804 г. (Замѣтка митрополита московскаго Платона)—выдержки изъ путешествія митр. Платона въ Кіевъ изъ Москвы, напечатаннаго въ 1813 году.

91. Легенда объ одномъ изъ полковниковъ Малороссіи Ба(о)рковскомъ. Іосифа Ж—аго. Авторъ легенды гораздо бы лучше сдѣлалъ, передавъ его въ дословной записи слышаннаго имъ, чѣмъ переложивъ ее въ стихи.

93, 96. Земельныя документы изъ архива гр. Милорадовича 1712 г. (2), 1713 (2).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 32—35. № 32. Почаево-лаврская церковно-приходская двухклассная школа съ августа мѣсяца 1886 года по октябрь 1888 года.

32—35. Историко-статистическое описаніе церквей и приходо въ волынской епархіи. Г. Острогъ (продолженіе и окончаніе). 1-й благочин. окр. острож. уѣзда: м. Аннополь, с. Блудовъ, с. Вольбовна, с. Нетишинъ, с. Головли, с. Горбаковъ, с. Должокъ, с. Жавровъ, с. Клепачи, м. Кляпквѣвъ, с. Крыловъ, с. Крупецъ, с. Кривинъ, с. Коломяи, с. Мощаница, с. Ровки, с. Повора, с. Русавль, с. Курозвоны, с. Малый Скнитъ, с. Великій Скнитъ, с. Тудоровъ и с. Черница.

33. Изъ воспоминаній бывшаго униатскаго іеромонаха архим. Владимира, перепеч. изъ «Херсон. Епарх. Вѣд.»

34. Почитаніе святыхъ иконъ на Волини—свят. К. А. Гвоздиковского.

35. 2-й благочин. округъ: с. Бочаница, с. Бургринъ, с. Бильгоза, с. Колесники, с. Волосковцы, м. Гоша.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 88—90. № 90. Братчиковъ. Остатки волынской старины. Историческо-археологическія замѣтки.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 45—49. № 45, 46. Святый равноапостольный и великій князь Владиміръ въ произведеніяхъ русской словесности. (Рѣчь, произнесенная въ торж. собр. под. дух. семинаріи 16 окт. 1888 г. по случаю 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси). Владиміра Тиминскаго.

47. Рѣчь преподавателя семинаріи Шиповича съ характеристиккою исторіи православія и русской народности въ Подоліи.

48. Заслуги русской женщины въ дѣлѣ первоначальнаго распространенія и утверженіи вѣры Христовой на Руси. (Рѣчь) Сергѣя Крижацкаго.

49. В. Г. Развалины Мстиславова храма въ Владимірѣ Волинскомъ.

Бессарабскія Вѣдомости № 117—126. № 117. Библиогр. замѣтка. Потопъ ром. Сенкевича, перев. съ пол. Лаврова.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 88—97. 88. Къ исторіи запорожскихъ козаковъ (перепечат. изъ Сбор. мат. для исторіи зап. коз. Д. Эварницкаго) предписаніе гетмана Разумовскаго 1753 г. 11 окт. по дѣлу о спорахъ запор. козаковъ съ полтав. полков. Горленкомъ изъ за владѣнія самарскимъ побережьемъ.

89. Помѣщичья икона Іоанна-Воина—А. Егорова. Въ замѣткѣ приведенъ весьма любопытный архивный документъ.

«Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго изъ Святейшаго Правительствующаго Синода преосвященному Іову Архіепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому и Кавалеру. По указу Его Императорскаго Величества Святейшій Правительствующій Синодъ слушали прошеніе Слободско-Украинской губерніи, Изюмскаго уѣзда, помѣщика маіора Андрея Карлова сына Грунева, въ коемъ описываетъ поступки Екатеринославской округи, Бахмутскаго уѣзда сельца Козьмодемьянска помѣщика коллежскаго ассессора Ивана Смольянинова, который въ апрѣлѣ 1818 года похоронилъ внутри сельца его Бѣлокузминовской церкви жену свою, отъ чего великій сирадь и въ церкви нѣсколько недѣль стоять было людямъ не можно; потомъ съ пасынкомъ своимъ поручикомъ Павломъ Ползыковымъ, посредствомъ живущаго въ заштатномъ городѣ Славянскѣ живописца Петра Родомскаго, написали по сочиненному первымъ прежде рисунку на доскѣ образъ святаго угодника Іоанна Воина, *со изображеніемъ противу его плывущей лодки на рѣчкѣ Бѣльничкой и на оной сидящаго одного человека со овцами и птицами, такъ же сады, господскаго его Грунева дома, мушкетъ и женщинъ съ имянами, коровъ, баранъ, гусей, утокъ и даже собакъ.* Образъ сей по освященіи священникомъ Антономъ Брагинымъ поставленъ былъ въ церкви къ обидѣ и поношенію его Грунева чести на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съ семействомъ становится и въ виду народа. По истребованіи и освидѣтельствованіи онаго образа Вашимъ Преосвященствомъ священникъ Брагинъ за осяпаніе его посланъ въ монастырь на три мѣсяца, а написавшіе его остаются безъ наказанія, почему просить съ означенными богохульниками поступить по законамъ. Приказалъ: Вашему Преосвященству предписать указомъ, что ежели справедливо описываетъ проситель о изображеніи на образѣ Іоанна Воина и образъ сей написать и

поставленъ въ церкви посредствомъ показанныхъ отъ него людей, то таковыя поступки ихъ, если объ оныхъ не было заключенія, представить разсмотрѣнiю и сужденiю гражданскаго правительства, и что окажется донести Святѣйшему Синоду. Декабря 14 дня 1820 года».

92. О губернскихъ съѣздахъ земскихъ врачей.

— С. Покровское, александровскаго у. екат. губ. корреспонденція, въ которой сообщены отвѣты по этому селу имп. московскому археологич. обществу по его вопросной программѣ Ив. Ч—на; —передаемъ эти интересныя отмѣтки:

«Село Покровское, александровскаго уѣзда, екатер. губ. — Согласно съ желанiемъ императорскаго московскаго археологическаго общества и его вопросной программой, имѣю честь сообщить обществу краткія свѣдѣнiя по вопросамъ:

а) *По находкамъ каменныхъ издѣлій.* Въ мѣстности, примыкающей къ селу Покровскому, попадаютъ въ небольшомъ количествѣ вещи, принадлежащія къ каменному періоду. Изъ вещей находимыхъ могу указать на боевыя каменныя молоты. Молоты попадаютъ больше на пашняхъ. Вѣшность ихъ: не грубая отдѣлка, сдѣланы изъ камня твердой породы; одинъ конецъ молота отъ пробуравленной дыры клинообразный и острый, а другой полуокругленный, тупой. Цѣлые молоты рѣдко попадаютъ, а больше — половины. Преданiй о молотахъ въ народѣ не существуетъ, хотя отъ двухъ стариковъ, охотниковъ передавать легенды, слышалъ мноическое сказанiе, что «молотки — це клевакы. Колысь було жылы луцыпері-песыголовци зъ однимъ окомъ великымъ въ лоби. Воны дуже страшени: самы здоровени и зъ однимъ окомъ. Жылы воны въ могыльныхъ пещерахъ, не оралы, не сіялы, а тилько скотыну розводылы. Хлиба виде було браты, такъ воны нападаты на тихъ, шо хлибъ сіялы, и грабувалы ихъ хлибъ. Хлиборобы тоди не такы булы, якъ мы теперь, а въ сажень росту, голова зъ добренныи казанъ и зъ косымы очама. Такъ цп на довге держально надивалы клювакы каменны и отбывалысь отъ песыголовцивъ. Песыголовцю не дуже дошкуляло, куды его не ударъ. Щобъ его убыть, такъ треба въ око улучыть. Такъ онъ це яки молоткы!»

Наконечники кремневыхъ стрѣлъ рѣдки. Пишущему, какъ любителю собиранiя рѣдкостей, въ теченiи семи лѣтъ доставленъ лишь одинъ наконечникъ каменной стрѣлы. Знахарки села Покровскаго, какъ и другихъ мѣстностей, владѣють каменными наконечниками, которые хранятъ какъ святыню и при томъ секретно. Онѣ же примѣняютъ ихъ при купавiи слабыхъ новорожденныхъ; затѣмъ, трутъ въ водкѣ наконечникъ о наконечникъ и даютъ пить при страданiи желудка (по народному: одъ утрукка).

б) *По находкамъ мѣдныхъ и бронзовыхъ топориковъ и стрѣлокъ.* Къ числу находокъ бронзоваго періода въ мѣстностяхъ были находимы мѣдныя стрѣлы. Всѣ находимыя стрѣлы по формѣ раздѣляются на восемь образцовъ.

Попадаютъ онѣ въ рытвинахъ, послѣ истока весеннихъ водъ. Пишущій владѣеть двѣнадцатью стрѣлами. Преданій въ народѣ о нихъ нѣтъ.

в) *По находкамъ старинныхъ монетъ.* Клады старинныхъ монетъ не были находимы. Монеты въ отдѣльности попадаютъ, а именно: «пять копеекъ 1737 года», «две копейки 1757 г.» (съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца), «копейка 1758 года» (съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца) «пять копеекъ 1726 г.» (надпись въ крестѣ, съ маленькимъ орломъ въ центрѣ ея), серебряная монета (по предположенію—кнзизей-халифовъ), монета съ непонятною славянскою надписью, на одной сторонѣ коей человѣческая фигура и на другой грубый оттискъ креста. Чаше монетъ попадаютъ жетоны екатеринивскіе и др.

г) *По находкамъ костей.* Въ курганахъ при Человѣческихъ остовахъ были находимы: дугія кольца мѣдныя, разной величины, безъ снайки, привѣски ирдоликковые, привѣски изъ муміи, острія мѣдныя (подобія иглы).

и) *О курганахъ.* Кургановъ на землѣ села Покровскаго 14. Ихъ названія: Середины, Воронина, Горбова, Орлова, Дудниковы, Рясни (цѣль могиль), Довги, Задорожняго, Гостреньки, Порохняина, Савченкова, Бабы, Чубати, Хитраго. Преданій о курганахъ довольно много и съ разными вариантами. Не имѣя свободнаго времени для изложенія преданій о курганахъ, ограничиваюсь названіями ихъ.

і) *О каменныхъ бабахъ.* Въ настоящее время каменныхъ бабъ на курганахъ не осталось, а годовъ тридцать тому назадъ онѣ были. Находятся онѣ теперь въ распоряженіи крестьянъ и служатъ столбами у воротъ».

— Екатеринбургская судебно-мировая юстиція.

93. 94. Бажмутскія солеварни и каменносольныя копи — А. Пу — въ.

94. Краткій обзоръ земской медицины въ екатеринославской губерніи въ 1886 г.

95. А. А. Корреспонденція изъ села Чернявщины (павлоградскаго уѣзда). Село наше расположилось по рѣкѣ «Орель». Надъ рѣкой вверхъ и внизъ, на пригоркахъ, находится нѣсколько высокихъ кургановъ. Курганамъ этимъ старожилы придаютъ каждому особое значеніе. При селѣ есть три высокихъ кургана, называемые «Панасовыми могилами» (могила — мѣстное названіе кургана), которые, какъ говорятъ, были передовыми аванпостами запорожцевъ. Далѣе, къ рѣкѣ одинъ большой, другой меньше, носящіе названіе «Волосскіихъ». Здѣсь былъ полсотни лѣтъ тому назадъ винокуренный заводъ помѣщика Чернявскаго, отчего мѣстность эта и носитъ мѣстное названіе «Караванище». Объ этихъ двухъ курганахъ мы не слышали никакихъ народныхъ преданій. Въ двухъ верстахъ на юго-востокъ къ деревнѣ Алексѣевкѣ два небольшихъ и одинъ большой курганы, послѣдній называется «Долгой могилой». О послѣднемъ, до 1883 года, ходили слухи, что будто бы въ немъ хранится складъ сокровищъ запо-

рождень. Въ 1883 году (кажется такъ) мѣстные крестьяне дѣлали расконку кургана, но затѣя ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. На самой срединѣ на 2-хъ саженой глубинѣ, у самой подошвы, нашли большой камень, не имѣющій никакого значенія, — тѣмъ все дѣло и кончилось. Молва же о какомъ то туманѣ и о лѣшихъ, водяшихъ и пугающихъ путниковъ въ ночное время, послѣ разрытія «Долгой» умерла. Въ сторону, на югъ отъ этихъ кургановъ, чрезъ долину «Непхай», надъ долинами «Соленая» и «Дубовая», на возвышенности— три небольшихъ кургана, называемые «Бабами». На одной изъ нихъ стояли три каменные бабы, которыя убраны (въ концѣ 70 годовъ) на барскій дворъ. Отъ Бабъ на югъ, гдѣ сошлись вмѣстѣ Соленая и Водяная долины, мѣсто называется «Вилами». Объ этихъ то вилахъ много разсказываютъ исторіи; въ нихъ будто бы многіе тамошніе жители видѣли не только вырытыя неизвѣстно кѣмъ ямы, но даже и признаки какой то чугуновой или черепахой посуды съ деньгами. Соленая и Водяная, сойдясь вмѣстѣ, получили названіе «Дубовал».

Въ устьи «Дубовой», надъ болотомъ, носящимъ названіе «Давыдово», на бугоркѣ, и надъ рѣкой, также много большихъ и малыхъ кургановъ. Главные изъ нихъ три, называемые «Майданами». Въ Майданахъ этихъ, какъ гласитъ народное преданіе, жилъ кошевой запорожцевъ. Здѣсь явные признаки жилища, посрединѣ большого кургана, во весь его ростъ, глубиною въ сажень—яма. Сверху этой ямы (на верху кургана) посажена была въ два ряда лиція (теперь же ее и признаковъ нѣтъ; но я это знаю лѣтъ 10—15 тому назадъ). Яма эта, какъ говорятъ, была мѣстомъ храненія оружія и цѣнностей. Отъ большого кургана къ рѣкѣ, на подобіе развернутаго башлыка, съ обѣихъ сторонъ, сажень ва 15 длиною, обнесено валомъ; въ срединѣ этого укрѣпленія—широкая, сажени въ 3 ширины и аршина 2 глубины (теперь) яма, вокругъ которой со всѣхъ четырехъ сторонъ по три ямы, на подобіе солдатскихъ палатокъ. Майданъ этотъ составляетъ порядочное укрѣпленное мѣсто. Дальше на сѣверъ, надъ болотомъ Давыдовымъ, такое же укрѣпленіе, но съ меньшими признаками мѣстѣ для жилища, хотя и есть небольшое укрѣпленіе. О «Майданахъ» много есть разнорѣчивыхъ разсказовъ; говорятъ, что многіе видѣли, какъ неизвѣстные люди и даже мѣстные жители доставали всякое добро; также говорятъ, что не разъ видѣли развѣдчиковъ, отъ которыхъ будто бы слышали, что по планамъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ значится, что по «Дубовой» и въ «Майданѣ» (что у Дубовой) много хранится кладовъ.

У насъ теперь живетъ крестьянинъ Савелій Ивановичъ Волошинъ, которому 5 декабря сего года исполнится 90 лѣтъ отъ роду. Волошинъ, несмотря на свои 90 лѣтъ, въ сравненіи съ новыми стариками (дѣдами) высматриваетъ еще молодцомъ. Его тощее лицо при какомъ либо волненіи или воодушевленіи покрывается румянцемъ. Голосъ его звонокъ и твердъ. Одно горе: оныя мало

видить и жалуется на спину боль отъ полученныхъ въ молодости палокъ, которыми по милости господъ былъ награждаемъ до полусмерти. Волошинъ разсказываетъ о томъ, что было въ старину. Онъ помнитъ, что село Чернявщина состояло изъ 4 дворовъ. Вокругъ села была дикая степь, заросшая бурьянами, вышиною въ сажень. По рѣкѣ вездѣ были большія дубовыя роши, глубокія озера съ множествомъ рыбъ и птицъ и берега рѣки разрослись камышемъ на большое разстояніе, а межъ камышомъ—высокая бѣлая и черная лоза. До него, какъ онъ передаетъ, по рѣкѣ былъ сплошной лѣсъ (это передавалъ покойный Тихонъ Граненко, который три или четыре года тому назадъ на 106 году отъ роду умеръ), гдѣ плодилось множество разнаго рода животныхъ. Жители села Чернявщины (четыре хозяина) были люди очень богатые. У каждаго изъ нихъ было паръ по десятъ воловъ: гулевого скота 30—40 штукъ. Кромѣ рогатаго скота и лошадей, у нихъ имѣлось до трехъ-четырехъ сотъ овецъ.

96. Къ исторіи запор. козаковъ. Перепечатка изъ Сборника Эваривцаго указа 1820 г. о постройкѣ церкви въ с. Тритувномъ.

Крымъ №№ 107—116. № 107, 108, 109. *Орѣховское ссудо сбережительное товарищество* (1878—1888 г.) Ф. Введенскаго.

109. Извѣстіе о находкѣ близъ Симферополя какихъ то «предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе».

111. *Библиографія.* Краткій отзывъ о книгѣ М. М. Захарченка «Кіевъ теперь и прежде».

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 293—324. № 301. Памяти А. П. Бурнашева и его некрологъ.

301. Вибліогр. замѣтка о вышедшемъ въ Кіевѣ «Юбилейномъ Сборникѣ».

312. Гаданія ваканшѣ Андрея Первозваннаго (30 ноября); перепечатка изъ «Кіев. Стар.» № 11. 1888 г.

313. Къ юбилею ученой дѣятельности П. П. Мечникова (перепечатка изъ «Одес. Листка»).

315. Сообщеніе. Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 9 ноября проф. А. А. Потебня сдѣлалъ сообщеніе по поводу статьи Бругмана «Die Nominalgeschlecht in den indo-germanischen Sprachen». Въ засѣданіи общества 30 ноября М. М. Илохивскій прочиталъ рефератъ о пыганахъ въ Малороссіи, по архивнымъ документамъ. Въ члены общества избраны С. В. Соловьевъ, М. А. Масловъ и М. П. Савиновъ. За редактированіе «сборника сказокъ П. П. Мавжурѣ опредѣлено вознагражденіе въ 50 руб., независимо отъ выдачи опредѣленнаго числа оттисковъ.

316. В. П. Каразинъ и основаніе харьковскаго университета.

317. Раскрытъ Имп. Екатерины II графу де Рибасу на орденъ св. Владымира 3 степ. за храбрость въ экспедиціи на Матчинъ и противъ Бранькова.

321. За́мѣтка о вышедшей новой книгѣ Омельченко: «Малороссійскія пѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска».

Южный Край 1888. №№ 2703—2735. № 2703. О кустарныхъ промыслахъ въ Бѣлгородскомъ у. курск. г. Въ этомъ уѣздѣ успѣшно развивается производство чулковъ, шерстяныхъ поясовъ, шерстяной бѣлой парусинки, овчинныхъ полушубковъ и иконъ изъ фольги.

2707. За́мѣтка о празднованіи въ Варшавѣ 25-лѣтія ученой дѣятельности генерала Александра Оедоровича Ряттиха, «который своими изысканіями по статистикѣ, этнографіи и славистикѣ оказалъ наукѣ неоцѣнимыя услуги. Первый трудъ Александра Оедоровича былъ «Атласъ Западно-русскаго края по исповѣданіямъ», представленный имъ 15 ноября 1863 г. въ Царскомъ Селѣ Государю Императору Александру II. Этимъ атласомъ впервые было доказано, что гродненская губернія, считавшаяся долготѣ переполненной поляками, есть чисто русская. Не меньшій эффектъ произвела въ 1864 г. «Общая карта всего Западнаго края», которая научно изъяла изъ рукъ поляковъ русскія земли съ ихъ населеніемъ. Говорятъ, что покойный князь Горчаковъ, получивъ экземпляръ этой карты, воскликнулъ: «ну, теперь намъ не страшна коалиція». Затѣмъ А. О. перенесъ научную войну на Вислу и подъ покровительствомъ покойнаго Н. А. Милютина доказалъ, что вся восточная полоса прувислянскаго края не польская, а чисто русская и литовская. Эта этнографическая работа имѣла вліяніе на рѣшеніе ушійтскаго вопроса, черезъ 10 лѣтъ, въ 1874 г. Въ 1870 г. А. О. издалъ пространное изслѣдованіе казанской губерніи, намѣтившее различныя тезисы для русской этнографіи и освѣтившее вопросъ о переселеніи изъ Сибири, о дряженіи Гунновъ въ Европу и проч. Въ 1873 году А. Ф. занялся прибалтійскимъ краемъ и доказалъ, что этотъ край вовсе не нѣмецкій, а чисто финскій и литовскій съ примѣсью всего 7% нѣмцевъ. Съ 1873 по 1876 г. въ Петербургѣ А. О. разработалъ статистику и вооруженныя силы Австро-Венгрии, что теперь очень можетъ пригодиться въ виду ожидаемыхъ міровыхъ событій. Въ этотъ же періодъ, въ связи съ рекрутскимъ наборомъ и всеобщюю воинскою повинностью, А. О. написалъ о «племенномъ составѣ контингентовъ русской арміи». Послѣдствіемъ этого труда была посылка русскихъ рекрутъ къ окраинамъ, а окраинскихъ въ центръ Россіи, давшая въ результатъ то, что въ каждой части нашихъ войскъ не менѣе 75% русскихъ и лишь 25% сѣбен. Тогда же А. О. издалъ двѣ карты западныхъ славянъ М. О. Мирковича съ поправками и новою редакціею. Набоненъ, А. О. исполнилъ по порученію Императорскаго русскаго географическаго общества величайшую этнографическую карту—Европейскую Россію. Карта эта удостоилась на выставкахъ въ Парижѣ и Филадельфіи высшихъ наградъ. Свои этнографическія изслѣдованія Россіи А. О. закончилъ «картой Кавказскаго края». Послѣ

этого онъ завялся славянами и въ 1885 г., къ празднику Кирилла и Меодія, издалъ обширный трудъ—«Славянскій міръ». Въ бытность свою въ Харьковѣ А. О. издалъ «Карту Славянскихъ поселеній въ эпоху Карла Великаго», «Этнографическій очеркъ харьковской губерніи» и «Переселенія».

2711, 2715. Харьковское земство и курско-харьково-азовская желѣзная дорога, по поводу борьбы этого земства съ названною желѣзною дорогою за злоупотребленія и безпорядки, рассказанной въ «Нов. Врем.» профес. Н. О. Сумцовымъ.

2711. Александръ Николаевичъ Бурнашевъ, бывший предсѣдатель харьков. окр. суда (некрологъ).

2712. Друзья покойнаго А. А. Бриллиантова и сочувствующіе увѣковѣчивавію памяти «перваго нашего кооператора» изданіемъ, съ благотворительною цѣлью, перваго харьковского кооперативнаго сборника и Бриллиантовской воскресной школы (мы упоминали въ «Южн. Краѣ» объ этихъ предположеніяхъ)—уже приступили къ дѣлу. На одномъ изъ собраній, такъ называемаго Бриллиантовскаго сотрудничества, или товарищества, рѣшено: приступитъ къ собранію матеріаловъ для біографіи А. А. Бриллиантова, для исторіи харьковскаго товарищества потребителей и предполагавшагося въ Харьковѣ всероссійскаго съѣзда русскихъ потребительскихъ обществъ въ 1869 г. Въ разработкѣ этихъ матеріаловъ обѣщаль принять участіе проф. Г. М. Цѣхановецкій. Въ отдѣлѣ сборника, который будетъ заключать статьи, касающіяся благотворительныхъ, взаимныхъ и кооперативныхъ учрежденій г. Харькова, ихъ образовательнаго значенія и желательнаго развитія обѣщаль принять участіе Ф. А. Павловскій. Статьи и матеріалы какъ для этихъ двухъ отдѣловъ сборника, такъ и для остальныхъ отдѣловъ (воспоминанія русскихъ и заграничныхъ кооператоровъ и другія статьи, въ томъ числѣ статьи въ беллетристической формѣ, имѣющія цѣлью популяризировать изученіе теоріи и практики коопераціи, адресуются на имя Н. П. Баллина, въ Харьковѣ, въ контору Мороховвца, на Чернышевскую улицу, № 10. Въ Бриллиантовскій сборникъ, въ виду благотворительной цѣли, статьи принимаются только безплатныя. Размѣръ сборника не опредѣляется. Имѣя въ виду, что пожертвованій, поступившихъ уже въ пользу Бриллиантовской воскресной школы, достаточно, чтобы приступить къ открытію ея, не ожидая изданія сборника, сотрудничество постановило: поручить Л. Е. Ефимовичъ хлопоты по устройству ея при харьковскомъ обществѣ грамотности въ помѣщеніи русско-еврейской школы. Учительницы женской воскресной школы полагаютъ, что лучше устроить мужскую воскресную школу; другіе стоятъ за женскую, такъ какъ женская школа имѣетъ уже удачный прецедентъ и такъ какъ образованіе женщинъ лучше пропагандируется, чѣмъ образованіе мужчинъ. Будетъ ли учреждена мужская или женская школа, будетъ зависѣть

отъ контингента преподавательскаго персонала школы; нужно надѣяться, что онъ будетъ вполне удачный.

2721. Записка о количествѣ дворянскихъ земель въ харьковской губерніи и о переходѣ ея по частямъ въ другія сословія, именно за три года количество ея уменьшилось на 119,644 д., что составляетъ на губернію 10%.

2727. Сообщение о скоромъ выходѣ въ свѣтъ изданія города Екатеринослава, сочиненія г. Акьяжѣва «О растительности въ г. Екатеринославѣ въ концѣ перваго столѣтія его существованія».

— Александръ Тимофѣевичъ Велиховъ (вице-предсѣд. Совѣта главн. общ. жел. дорогъ)—Харьковскій уроженецъ и воспитанникъ тамошнихъ гимназій и университета (некрологъ).

2729. О числѣ учебныхъ заведеній и учащихся за 1887 г. въ харьковской губерніи.

2730. Перепечатано изъ «Новорос. Телеграфа» слѣдующее письмо николаевского священника отца Гр. Дѣлова:

«Несомнѣнно, что на столь важное и полезное дѣло многія лица и учрежденія отзовутся съ должнымъ сочувствіемъ, но не эта цѣль моея записки. Въ г. Николаевѣ, на городскомъ кладбищѣ мнѣ, какъ священнику, приходится по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ проходить вблизи памятника, гдѣ погребены посмертные остатки В. Н. Каразина, жены его Евгеніи Феодосьевны, сына лейтенанта Филадельфа и дочери младенца Александры. Памятникъ этотъ находится за церковью, на восточной сторонѣ ея, и представляетъ обыкновенную, небольшихъ размѣровъ, квадратную каплицу, выстроенную изъ камня, безъ особыхъ архитектурныхъ затѣй, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ, сверху до низу, образовались сквозныя трещины въ стѣнахъ, несомнѣнно предполагающія собою близкое и совершенное ея разрушеніе. Не знаю, есть ли въ Николаевѣ родственники великаго дѣятеля В. Н. Каразина, но памятникъ находится внѣ всякой заботливости и вниманія, исключая лишь того, что чья то заботливая христіанская душа, въ сѣверо-восточномъ углу каплицы, поставила столѣцъ и на немъ двѣ старыя иконы съ лампадкой, которой едва ли когда либо удастся теплится, такъ какъ, благодаря сквознымъ трещинамъ и поломанной двери, вѣтеръ свободно и во всякое время разгуливаетъ въ небольшомъ зданіи. Посреди каплицы стоятъ небольшой четырехъ-угольный мраморный памятникъ, на стѣнкахъ котораго сдѣлана слѣдующая надпись: «Винovníкъ учрежденія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, основатель харьковскаго университета, учредитель и правитель дѣлъ филотехническаго общества, Высочайше утвержденнаго въ 1811 году; помѣщикъ, поставившій первый крѣпостныхъ людей (своихъ?) на степень существъ свободныхъ (каковыми 40 лѣтъ спустя хотѣлъ ихъ сдѣлать Русскій Царь указомъ 1842 г., апрѣля 2 дня); водворитель цѣвѣ-

тушей торговли и благосостоянія гражданъ въ г. Харьковѣ, естествоиспытатель, подавшій первый мысль о возможности сдѣлать изъ метеорологій науку точную, полезную для людей, почетный членъ двухъ университетовъ: московскаго и харьковскаго, членъ разныхъ учебныхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ. Родился въ Крючкѣ, харьковской губ., богодуховскаго уѣзда, 1773 года, января 30, скончался въ г. Николаевѣ херсонской губерніи 1842 года, ноября 4 дня, въ 8 часовъ вечера».

Полагаемъ, что такая многоговорящая надпись на могильномъ памятникѣ Каразина сдѣлана не безъ основанія, а потому остается пожелать, чтобы явлющійся состояться комитетъ для сбора пожертвованій на памятникъ въ г. Харьковѣ не позабылъ и памятника надъ посмертными останками В. Н. Каразина, каковой памятникъ, на николаевскомъ городскомъ кладбищѣ, представляетъ собою печальное зрѣлище и близокъ къ разрушенію! Устройство памятника обойдется недорого, — приблизительно нѣсколько сотъ рублей».

2726, 2727. Харьковскіе сценныческіе дѣятели прешлага времени Н. Х. Рыбаковъ. — Н. Ч. (не окончено).

2734. С. Новоборисоглѣбскъ змѣвскаго уѣзда (карт.). Этнографическія и экономическія свѣдѣніи объ этомъ селѣ.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 44 — 48. №№ 44, 45—46. Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Екатериновдарѣ.

44. Нѣсколько словъ по водоснабженію сѣверной части кубанской области инженера Ф. Масвскаго.

47—48. Обзоръ кубанской области за 1887 г.

48. Путевыя замѣтки (продолж.) — Учителя К. Живилло.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 46 — 49. № 47. *Присоединеніе къ православію ульбаровскихъ чеховъ дубенскаго уѣзда.* Обращаетъ на себя вниманіе слово, провнесенное чешскимъ проповѣдникомъ о. Каллистомъ Метельскимъ по поводу циркулировавшихъ среди чеховъ слуховъ, что со смертію бывшаго начальника юго-западнаго края А. Р. Дрентельна и Е. М. Крыжановскаго должно ослабѣть движеніе чеховъ по пути къ православію.

49 — 50. *Противодѣйствіе Базиліанскаго ордена стремленію блудности духовенства къ реформамъ русской греко-уніатской церкви.* Историческое изслѣдованіе по документамъ архивовъ греко-уніатскаго (2-го) департамента Р. — К. коллегіи и министерства народнаго просвѣщенія. Изслѣдованіе это обънимаетъ двадцати-пяти-лѣтній періодъ времени (1803—1828 г.).

Зоря №№ 22 — 25. №№ 22 — 25. Старосвѣтскіи батюшки и матушки. Ив. Левицкаго.

22. Ворогамъ — В. Чайченка.

22—25. На досвѣткахъ — З. Петруся.

— Проти хвлѣъ — Его же.

— Исторія литературы русской. Ом. Огопсовской. Періодъ новый: Устіяновичъ 5. Михайло Старицкій.

22. Русскій театръ у Львовѣ: Наймичка—Карого.

— Замѣтки критични и библиографія: Ганна Монтговъ Ор. Левницкаго. Споры о правонис. у русиновъ и у румуновъ Ал. Тороньского. Про снылки нашихъ гуцуловъ зъ жидами-шхвярамп — Луговяка. «Добри Роди» газета. «Кіевская Старина» № 10 1888. Выдана русской бесѣды въ Черновцяхъ. Змѣсть ч. 2 Правды.

25. Оповід. видавництву «Правды» — Алексѣя Борковскаго.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., насающіяся ю. Россіи:

Burhardens de Senz Nьерь. Павло и Виргинія, картина природы. Некрлавъ зъ французкого Евгений Горницкій. Перемышль. 1888.

Бильовъ Г. Путешествіе холмскихъ наемниковъ ко гробу Господню. Рассказъ. Варшава, 1888 г., 8 д., 161 стр.

Випченко К. Вечерь на хуторя. Сцены въ 1 дѣйств. Кіевъ. 1889 г., 16 д., 64 стр.

Веселый Оповдачъ. Изд. С. Гомалинскаго. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 32 стр.

Haliczanin, kalendarz powszechny na rok 1889, rocznik XXXV. Львовъ 1888.

Hankiewicz. Ein Beitrag zur Volksetymologie im Kleinrussischen. Помѣщено въ Archiv für Slawische Philologie Ягяча Berlin 1888.

Hibl. Austryjacko-galicyskie prawo naftowe. Львовъ 1888.

Гоголь В. Простакъ, комедія въ 1 дѣйствіи. Изд. 3-е. Кіевъ 1888 г., 16 д., 64 стр.

Дорошкевичъ. Тарасъ Бульба, повѣсть изъ козачей жизни запорожцевъ. Москва 1888.

Западно-русскій мѣсяцесловъ на 1889 г. Вильно, 4 д., 60 стр.

Зерна. Литературно-научовый додатокъ до «Буковины» за рѣкъ 1888. Черновцы. 1888.

Zuber. Atlas geologiczny Galicji, zeszyt drugi. Вѣна. 1888.

Kaindl. Geschichte der Bukowina, I, Von der ältesten Zeit bis zur Gründung des Fürstenthums Moldau um 1350. Черновяць 1888.

Kalužniacki. Monumenta linguae paleoslovenicae, tomus I. Evangeliarium Putnanum. Вѣна и Цѣшинъ 1888.

Карпопольцевъ. Путеводитель по рѣкѣ Дѣбру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888.

Карьевъ Н. Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Сиб. 1888, 8 д., 457 стр.

Каталогъ археологично-библіографической выставки ставропигійскаго института во Львовѣ. Львовъ. 1888.

Луговой Ив. Богданъ Хмельницькій и неблагодарная исторія. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 6 стр.

Михайловскій М. Вѣнецъ и похвала св. Владимиру. Черниговъ 1888 г., 8 д., 88 стр.

Опоновскій. Петро. Учебникъ аритметики для высшихъ класъ шкляь середнихъ. Львовъ. 1888.

Олешукъ. За давнихъ часивъ—оповданія исторични. Львовъ. 1888.

Омельченко. Малороссійскія іѣсни, собранныя въ окрестностяхъ г. Павловска по острогожскому и навловскому уѣздамъ. Выпускъ I. Воронежъ 1888.

Ossowski G.—Wielki kurhan ryżanowski, według badań, dokonanych w latach 1884 i 1887. Краковъ 1888.

Осташевскій. Сто байокъ, а въ нихъ найдете больше якъ сто правдъ. Написавъ для русскаго мира. Львовъ 1888.

Парасевичъ. Повистки и оповданія для старшихъ и молодыхъ. Львовъ 1888.

Потаненко В. Надъ кручею. Эскизъ. Кіевъ 1889 г., 16 д., 32 стр.

Ptaszycki—Dzieje rodów litewskich, jako materiał do archeologii historycznej. Варшава 1888.

Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Адресъ-календарь съ приложеніемъ плановъ Одессы и ея окрестностей. Одесса. 1889 г., 8 д., 551 стр.

Сарныцкій. Поясненіе псалмивъ и писней богослуженія, котри мистятся въ Часословіи. Львовъ 1888.

Smolka. Kiejstut i Jagiełło. Краковъ 1888.

Sokalski. Wieś Zarudka na Podolu, jaką była, a jaką dziś jest. Львовъ 1888.

Старчевскій А. Наши сосѣди. Справочная книжка. Пограничный переводчикъ (по нашей западной границѣ), заключающій въ себѣ 12 языковъ: шведскій, нѣмецкій, литовскій, польскій, верхне-лужицкій, русинскій, чешскій, словацкій, венгерскій, хорватскій, словенскій и румынскій. Т. II. Сиб. 1889 г., 16 д., 3 нум. +567+3 нумер. стр.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., 8 д., 20 стр.

Теличенко И. Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. Кіевъ 1888 г., 8 д., 118 стр.

Трыльоескій К. Впередъ! збирникъ поезій. Выпускъ I. — Черновиць 1888.

Udziała—Wspomnienia z przeszłości Ropczyc. Тарновъ. 1888.

Устенко-Гармашъ. Черепьяна грошн. Кіевъ 1888 г., 16 д., 32 стр.

Хойнацкій. Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ или патеріяхъ волынско-почаевскій. С.-Петербургъ. 1888.

Chotkowski. Ueber die Russische Jubiläumsfeier zu Kiew. Помѣщено въ Historisch politische Blätter für das katolische Deutschland. München 1888.

Шевченко Т. Катерина. Одесса, 8 д., 31 стр.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Январь, 1889 г.

	стр.
I. Воспоминанія М. Н. Чалаго . I—II.	1—40
II. Судъ и казнь Григорія Самойловича. А. Востокова .	41—63
III. Культурныя переживанія. 1--4. Н. Ѳ. Сумцова . . .	64—89
IV. Вѣлая Папна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). I—IV. Г. А. Мачета	90—116
V. Русскія колоніи въ Добруджѣ. I. Лопулеску	117—154
VI. Сельскія недоразумѣнія. (Перев. съ польск.). I—III. К. М.	155—186
VII. Научное значеніе западно-русской исторіи. И. А. Линиченка	187—203
VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ. П. А. Лашкарева . Церковнице возлѣ дер. Монастыревь, каневск. у. кievск. губ. Н. Бѣляшевскаго . Къ статьѣ г. Вѣляшевскаго. П. Л. Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ . Его всеподданнѣйшее представленіе Государю Николаю Павловичу о разсрочкѣ недоимки помѣщичьимъ крестьянамъ малороссійскихъ губерній. И. С. Листовскаго . Псевдо-Желѣзнякъ. А. Л. Дейнеки . В. А. Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго Т. М. Сенютовичъ . А. Л. Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за волкой . Сообщ. А. Л. Березенская Вознесенская церковь . П. Т. Замѣчательная колядка . Мирона . Малорусскія рождественскія колядки. Сообщилъ Н. В. Болсумовскій . Рождественская «вечера». Ив. Манжура . Рождественскія святки на Волинн. И. Бѣньковскаго . Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. О. Л. Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ . В. Александръ Иннолитовичъ Гавриловъ . Н. М.	204—247
XI. Для справокъ	248—249
X. Библиографія. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства, т. I. Исторія колонизаціи. Исслѣдованіе Д. И. Багалѣя .	

Москва. 1887 г. **И. Наманина**. Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложение къ «Харьковскому календарю» на 1888 г. Вып. 2-й. Изд. харьков. статистич. комитета подъ ред. члена-секретаря В. И. Касперова. Харьковъ. 1888 годъ. **И. Наманина**. Двадцатипятилѣтіе изданія Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1886 г.). Каменецъ-Подольскъ. 1887. 20+15 стр. (Отд. отъискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1887 г., № 1). Указатель неофициальной части Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—1887). Составилъ Ювеналій Тиховскій. Почаевъ. 1888. 8°. 275 стр. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 25 лѣтъ изданія ихъ, съ 1863 по 1888 г. Составилъ протоіерей Петръ Мазановъ. Полтава. 1888. 8°. 197 стр. **A. L. Pulaski Kazimierz. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków. 1887.** (Пуласкій Казиміръ. Историческіе очерки и изслѣдованія). **В. А.** Девятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи -- 988—1888 г. Составлено по официальнымъ и историческимъ даннымъ Н. Д. Москва. 1888 г. **П. Л.** Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г., изд. подъ ред. М. Запольскаго. М. 1889 г. **Н. Т.** Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ двадцать пятый. Редакторъ-издатель А. Андріашевъ. Кіевскій календарь на 1889 г. Годъ третій. Издатель Іогансонъ. Кіевскій календарь на 1889 г. шестой годъ изданія. Редакторъ-издатель В. Фабриціусъ, астрономъ-наблюдатель университета св. Владимира. Волынскій календарь на 1889 г. Годъ первый. Изданіе **Θ. И.** Досинчука. Житомиръ. **Амартола.** Обзорніе журналовъ и газетъ за 1886 г. Книжки, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи 249—296

XI. Объявленія 1—38

Приложенія: 1) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.
 2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
 3) Предисл. В. Тининскаго къ печати. Евангелію, издан. въ зап. Россіи. Проф. П. Владимірова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЦѢНА 30 к. ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ЦѢНА 30 к.

„КАЛЕНДАРЬ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ“

на 1889 годъ.

Содержаніе Календаря слѣдующее: Отъ редакціи. — Астрономич. свѣдѣнія. — Православные святцы. — Указатель именъ правосл. святыхъ. — Римско-Католич. календ. — Указатель именъ Римско-Католич. св. — Почтово-телеграфн. свѣдѣнія. — Пароходство. — Желѣзныя дороги. — Торгово-промышл. свѣдѣнія. — Свѣдѣнія объ отбываніи воинской повинности. — Судебный отдѣлъ. Медицинскія свѣдѣнія. — Сельско-хозяйствен. свѣдѣнія. *Статистическія свѣдѣнія о Сѣверо-Западн. краѣ:* путешествованіе; народонас. по вѣроясн., народонас. по сословіямъ, народное образованіе, статистика поземел. собственности (распредѣленіе поземел. собственности по угодьямъ, земли принадлеж. крестьянск. общест., земли въ частной собственности); сельско-хозяйств. статистика за 1887 годъ, фабрично-заводская промышленность, главнѣйшія отрасли фабрично-заводской промышленности, списокъ губерніи и уѣзд. городовъ Сѣв.-Западн. краѣ. — *Научно-Литературный отдѣлъ:* статьи „Владимиръ Св. и Его время“ — Бѣлорусск. нарѣчіе. — „Галонъ“, повѣсть въ стихахъ на Бѣлорусск. нарѣчій В. Душина-Марцикевича. — Географич. и статистич. очеркъ Рѣчицкаго уѣзда Минской губ. — Географич. очеркъ древней Бѣлоруссіи (въ періодъ до нач. XIII в.). — Брагинская волость (историч. очеркъ). — Истигуть церковной власти въ Смоленской землѣ въ XII в. — Стихотворенія: „Родина Бѣлоруссіи“, „Вдовій сынъ“ и мн. др. — Изъ жизни (разсказъ). — Народныя Бѣлорусскія пѣсни. — Стихотворенія на бѣлорусскомъ языкѣ: „Ночью у снахъ“, „Могила“. — Пасха въ Бѣлоруссіи — Библиографическій листокъ (книги и статьи, вышедшія въ продолж. 1888 г., относящіяся къ Сев.-Запад. краѣ). — Покрологи. — Объявленія.

Склады изданія „Календаря Сѣверо-Западнаго Краѣ“ находятся:

Въ Москвѣ — въ типо-литографіи „Разсвѣтъ“ (бывш. Любенкова), Тверская, Гвѣздянковскій пер., д. Любенкова.

Въ *Києвъ*—въ редакціи „Календаря Сѣверо-Западнаго края“ (обращаться письменно,—адресъ почтамту извѣстенъ).

Въ *Минскъ*—въ книжн. магаз. г. Френкеля, Губернаторскаго ул.

Въ *Смоленскъ*—въ книжн. магаз. Лаврова, Кирочная ул.

Въ *Вильнѣ*—въ редакціи „Виленаго Вѣстника“.

Въ *Витебскѣ*—въ книжн. магаз. Миндельсона.

№ 31. 1--1.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

XXVIII г. — въ 1889 году. — XXVIII г.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній въ домствѣ Императрицы Маріи).

Вступая въ 28-й годъ своего существованія. Редакціи „Филол. Записокъ“ будетъ держаться тѣхъ же принциповъ, какиѣ столько лѣтъ служила, именно— доставлять филологическія и лингвистическія изслѣдованія по языковѣ вообще, а по русскому языку въ особенности, по литературѣ, классицизму, славястикѣ, мифологіи, доставлять библиографическія свѣдѣнія, переводы сочиненій извѣстныхъ иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ, разрабатывать и разъяснять разныя грамматическія вопросы и пр. и пр.; по главной задачеѣ остается вопросъ: 1) о постановкѣ русскаго языка въ школахъ и 2) о составленіи словопроизводственнаго словаря.

На сколько изданіе наше оправдываетъ и оправдало стремленія Редакціи, мы считаемъ умѣстными привести здѣсь, особенно для тѣхъ, кто вовсе не знакомъ съ нашимъ изданіемъ, слѣдующіе отзывы Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв., напечатанные въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. (въ 1869 г. Май, стр. 27 и въ 1876 году Май).

„Филологическія Записки—единственное изъ провинціальныхъ изданій, посвященныхъ специально языку и литературѣ. При крайней бѣдности средствъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, оно существовало уже и существуетъ, не только не падалъ въ своемъ значеніи—случай, рѣдко представлявшійся и въ столичной журналистикѣ,—но даже, по возможности, улучшаясь, благодаря единственно труду и стойкости издателя“...

„Во вниманіе къ несомнѣвному научному достоинству „Филологическихъ Записокъ“ и къ постоянно вимало вознаградимымъ трудамъ издателя ихъ, г. Хованскаго, а также въ видахъ весьма желательнаго для пользы науки поддержанія этого изданія, Учен. Комитетъ призналъ справедливымъ ходатайствовать предъ г. Министромъ Нар. Пр., во-первыхъ, о предложеніи начальствамъ гимназій

выписывать „Филологическія Записки“ для бібліотекъ гимназій и, во-вторыхъ, объ оказаніи г. Хованскому нѣкотораго денежнаго вспоможенія. А такъ какъ было бы весьма полезно, чтобы въ гимназическихъ бібліотекахъ находились „Филологическія Записки“ за все время ихъ изданія, то, по мнѣнію Ученаго Комитета, было бы всего лучше съ издателемъ о томъ, имѣется ли у него въ запасѣ нужное, по числу гимназій, количество экз. его журнала за прежніе годы и за какую сумму онъ можетъ уступить эти экз. Этимъ способомъ могла бы быть оказана существенная матеріальная поддержка полезному изданію, и вмѣстѣ съ тѣмъ экземплярами оваго были бы снабжены бібліотеки гимназій“...

„Во вниманіе къ тому, что издаваемые въ Воронежѣ г. Хованскимъ „Филологическія Записки“ заключаютъ въ себѣ много полезнаго матеріала для занимающихся преподаваніемъ русскаго языка и потому могутъ служить для нихъ полезнымъ пособіемъ,—предложить начальствамъ гимназій, чтобы они *озаботились* приобрѣтеніемъ этого журнала для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій по непосредственному сношенію съ г. Хованскимъ“...

Кромѣ того желающіе подробно могутъ ознакомиться съ трудами изданій по изданнымъ брошюрамъ, каковы: 1) „Указатель статей, напечатанныхъ за весь 25-лѣтній періодъ изданія Фил. Зап.“ и 2) „Двадцатипятилѣтній юбилей изданія Фил. Записокъ. Юбилейный Сборникъ“, въ которомъ помѣщены: 1) Телеграммы (около 100), полученныя Редакторомъ, начиная отъ Г. Министра Нар. Пр. и Академіи Наукъ, отъ разныхъ высшихъ ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній, 2) рѣчи, 3) статьи посвященныя 25-лѣтію Ф. З. и 4) Записка Редактора о возникновеніи изданія. (Цѣна Указателю и Сборнику—по 40 к. съ перес.).

„Филологическія Записки“ издаются въ Воронежѣ; выходятъ безсрочными выпусками,—по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію 6 р. 50 к. съ перес. за границу 7 р.

Подписка преимущественно принимается въ Редакціи „Филологическихъ Записокъ“ въ Воронежѣ; желающіе могутъ подписываться также въ известныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе Фил. Зап. можно выписывать и за прежніе годы.

№ 32. 1—1.

Редакторъ-Издатель А. Хованскій.

1889 годъ.— ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА —годъ шестой.

КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ

Журналъ, издаваемый Русскимъ Обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія относящіяся до специальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, переѣзды въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и

ихъ библиотекъ и пр.); 2) Свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности Русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его Правленія; 3) Книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ, какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и пр.); 4) Указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ); указатель помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ отзывовъ о книгахъ; четыре раза въ году рефераты и рецензіи) 5) Предложеніе и просьба; 6) Объявленія.

Срокъ выхода одинъ разъ въ мѣсяць. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна 3 рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Страница in 8°	5 р. — к.
$\frac{1}{2}$ страницы	3 р. — к.
$\frac{1}{4}$ „	2 р. — к.
Строка петита въ ширину страницы	— р. 20 к.
Строка петита въ ширину столбца	— р. 10 к.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербургa и Москвы.

Объявленія и подписка отъ иногородныхъ и книгопродавцевъ принимается въ Конторѣ Редакціи, при Книжномъ магазинѣ Н. Д. Тяпкина, Сиб., Васильевскій Островъ, 7 линія, д. 6.

Въ Конторѣ Редак. „К. В.“ можно получать полные комплекты „Книжнаго Вѣстника“ за 1884, 1885, 1886 и 1887 годы. Цѣна по 3 руб. за годъ, съ доставкой и пересылкой.

1889 ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1889.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ теченіе года выдаетъ подписчикамъ:

ДЕВЯТЬДЕСЯТЬ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, по воскресеньямъ, состоящихъ изъ 2—3 листовъ, большого формата, отпечатанныхъ на роскошной желеновой бумагѣ съ 7—10 рисунками большого альбомнаго размѣра.

КРОМЕ ТОГО ГОД. ПОДП. ПОЛУЧАТЬ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ:

1. *Двадцать книгъ „Романовъ и повѣстей“* (съ иллюстраціями), выходящихъ еженеѣдно, отъ 10 и 15 листовъ. (въ форматѣ изысканныхъ заграничныхъ изда-

ий), въ видѣ самостоятельнаго ежемѣсячнаго литературнаго журнала, и составляющихъ собой въ концѣ года бібліотеку новѣйшихъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, стоящую въ отдѣльной продажѣ вдвое больше единичной суммы журнала.

II. *Двадцать нумеровъ новѣйшихъ „Парижскихъ модъ“*, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціального моднаго журнала. Забѣдываніе этимъ отдѣломъ поручено опытному спеціалисту; описаніе модныхъ новостей составляется по лучшимъ французскимъ источникамъ и моделямъ, доставляемымъ первоклассными парижскими торговыми фирмами и модными ателье. Въ каждомъ номерѣ отведено мѣсто для статей по домашнему хозяйству, гигиенѣ, кухнѣ и пр.

III. *Двадцать образцовъ дамскихъ работъ*, въ составъ которыхъ входятъ: а) выкройки въ натуральную величину различныхъ костюмовъ и бѣлья для дамъ и дѣтей, отличающіяся новизною, изяществомъ и практичностью. б) Рисунки для вышивокъ суташью, шерстью, шелкомъ и бисеромъ по канвѣ, сукну, бархату и пр. в) Рисунки для вышивокъ гладью, англійскимъ швомъ и пр. по полотну, батисту и т. п. г) Образцы различныхъ вязаній крючкомъ, на спицахъ и пр. д) Образцы и рисунки для русскаго шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ. е) Образцы и рисунки различныхъ цвѣтнорѣзаемыхъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій. ж) Образцы для вышивокъ по филе. з) Буквы и монограммы для мѣтки бѣлья, машинная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изящныхъ и Образцы-оригинальные рисунки для вышивочныхъ работъ въ разныхъ стиляхъ и пр.

IV. *Десять большихъ гравюръ-копій* съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныя въ два тома, на эстампной роскошной бумагѣ, будутъ во прежнему прилагаться при нумерахъ журнала отдѣльными листами и составить въ концѣ года самостоятельный альбомъ.

V. *Стыной календарь* въ роскошномъ орнаментѣ древняго русскаго стиля, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

Новыя цѣнныя и художественныя приложенія **ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ** съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ-акварелистовъ.

Въ премію: на выборъ одна изъ четырехъ картинъ или „Альбомъ“.

Главная премія — большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картиной, написанной въ пейзажъ (pendant) уже выдавшой нашія преміи за 1887 г. — „Босфоръ“, тѣмъ же знаменитымъ пейзажистомъ берлинской акад. худож. — граф. А. Ригеремъ.

1) „ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ“

Картина изображаетъ роскошный восточный пейзажъ на берегу Чернаго моря. Въ перспективѣ виднѣтся Константинополь, со своими причудливыми мечетями, минаретами и другими постройками, а также отдаленными горами, рисуемыми на голубомъ небѣ. Интересное историческое прошлое Константинополя и роль, которую онъ играетъ нынѣ, полны важнаго міроваго значенія. Поэтому,

сюжетъ этой картины является какъ нельзя болѣе кстати, въ особенности для насъ русскихъ. Размѣръ картины, какъ „БОСФОРЪ“ (длина полтора арш., высота одинъ арш. в одну верш.).

2) „ЮАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“

Съ картины художника С. П. Верещагина (размѣръ картины: длина 19 вершковъ, высота 14 вершковъ).

Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, яркіе костюмы, вѣрныя данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе дѣлаютъ эту картину очень интересною.

3) „БОСФОРЪ ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ“, проф. А. Ригера. 4) „ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“, худ. А. Шильдера. ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

„Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть кони съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр: гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Эти картины Альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ вѣрную папачную изящную обертку. Это изданіе можетъ служить интереснымъ кіоскомъ для гостившихъ и пособіемъ при изученіи русской старины.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить вышеозначенныя художественныя „Картинъ“ или „Альбомъ“ уплачиваютъ одинъ рубль за экземпляръ (съ пересылкою).

Всѣ предлагаемыя въ премію картины высылаются немедленно по подпискѣ.

ПОДПИСКАЯ ЦѢНА: на годъ съ перес.: 8 р.—Безъ доставки въ Спб.: 6 р. 60 к.—За границу 14 р. съ преміей 16 р. Въ Москвѣ (безъ дост.) 7 р. Книжный магазинъ Панкова, Тверская, Чернышевскій пер., д. Полякова.

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ главную контору

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій Проспектъ, у Анничкина моста, д. № 68—40. № 4. 3—3.

1889 г. ИЗДАНИЕ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1812 ГОДА. 1889 г.

Ежедневная политическая, ученая и литературная газета (безъ предвар. цензуры)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Съ еженедѣльными и ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями.

Газета съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ до размѣра большихъ столичныхъ газетъ (безъ повышенія подписной платы)

и по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, внутренней и заграничной жизни, а также своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей дня, можетъ вполнѣ замѣнить собою дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ №№ газеты годовой подписчикъ получаетъ:

1) По воскресеньямъ, отпечатанный на велеевой и глазированной бумагѣ номеръ еженедѣльнаго иллюстрированнаго мурнала, въ который входятъ: эпизоды изъ исторіи Русскаго государства, историческіе и современные романы, повѣсти и рассказы (оригинальные и переводные). Болѣе 300 рисунковъ, а именно: Портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей; историческія, бытовья и современные иллюстраціи, преимущественно изъ русской жизни, шахматныя и шахматныя задачи, каррикатуры и проч.

(Пятьдесятъ два номера въ годъ).

Въ 1889 г. отдѣльные листы „Романовъ“, въ виду частыхъ потерь на почтѣ, рассылаемы по понедѣльникамъ не будутъ, а потому въ теченіе года годовымъ подписчикамъ будутъ выданы выпусками сброшюрованные и въ оберткѣ

2) **Шесть книгъ новыхъ большихъ романовъ.** Каждая книжка будетъ заключать одно вполне законченное литературное произведеніе, изъ коихъ два будутъ историческія.

3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ**, отпечатанный въ три краски (разсылается при первомъ номерѣ).

4) **„МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ“** (двѣнадцать номеровъ), приспособленные къ домашнему производству съ приложеніемъ образцовъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій: вышивокъ, вязаній, а также и выпивочныхъ работъ.

Годовые подписчики, выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить одну изъ четырехъ картинъ или альбомъ „Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“.

5) Олеографическая картина, отпечатанная въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ

„ЮАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“

Съ картины художника С. П. Верещагина (размѣръ картины: длина 1 арш. 3 вершка, высота 14 вершк.).

Важный историческій моментъ изъ жизни Русскаго государства, который изображаетъ картина, роскошная обстановка палаты, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ картину очень интересною. Оригиналъ картины составляетъ собственность издателя.

6) Прекрасное и полезное настольное украшеніе каждой гостиной, въ видѣ большаго изящнаго Альбома, содержащаго „сорокъ картинъ изъ русской исторіи“ съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого „Альбома“ есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ наприм.: гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Гонорькова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины Альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую напечную изящную обертку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты „Сынъ Отечества“ съ еженедѣльными, ежемѣсячными иллюстрированными Приложеніями и шестью книгами „Романовъ“ безъ „Олеографической картины“ и Альбома“):

Съ пересылкою: На годъ 8 р. — На полгода 4 р. — За границу 14 руб.

Гг. Годовые подписчики, желающие получить вышеозначенныя художественныя приложения—„Картину“ или „Альбомъ“, благоволятъ выслать одинъ рубль за каждый экземпляръ (съ пересылкою).

Вмѣсто вышепредлагаемыхъ приложений гг. подписчики могутъ получить и прежнія картины: 1) „Крещеніе Кіевлянъ при кн. Владиміръ“ В. Думитрашко. 2) „Смерть Ивана Сусанина“ (2-е изданіе) и 3) „Проводы новобранца на службу“ Рѣпина (оригиналъ этой картины составляетъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владиміра Александровича) съ уплатою по 80 коп. за экземпляръ, а неподписчики по 2 руб. за экземпляръ (съ пересылкою).

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору (Спб. Невскій просп., д. 68—40).

За редактора *М. Куллетскій*. Издатель *С. Добродѣевъ*.

№ 5. 3—3.

1889 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ГАЗЕТУ 1889 г.

„КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(11-й годъ изданія)

Выходитъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

ПРОГРАММА: I. Статьи по вопросамъ общественной жизни мѣстнаго и общаго значенія. II. Фельетоны. III. Хроника мѣстной жизни. IV. Вѣсти изъ уѣздовъ Курской губерніи и изъ соседнихъ губерній. V. Городское самоуправленіе. VI. Земство. VII. Обзоръ газетъ и журналовъ. VIII. Внутреннія извѣстія. IX. Судебная хроника. X. Правительственныя распоряженія и служебный отдѣлъ. XI. Иностранныя извѣстія. XII. Торговля свѣдѣнія. XIII. Справочный отдѣлъ. XIV. Сибирь. XV. Всѣ прочія газетныя свѣдѣнія.

Условія подписки:

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на 12 мѣс. 4 руб., 9 мѣс. 3 руб. 25 коп., 6 мѣс. 2 руб. 50 коп., 3 мѣс. 1 руб. 50 коп., 2 мѣс. 1 руб. 25 коп., 1 мѣс. 75 коп. Съ доставк. на домъ дѣла та же, что для иногороднихъ подписчиковъ: на 12 мѣс. 5 руб., 9 мѣс. 4 руб. 25 коп., 6 мѣс. 3 руб., 3 мѣс. 2 руб., 2 мѣс. 1 руб. 50 коп., 1 мѣс. 1 руб.

Объявленія принимаются съ платою за первый разъ 10 коп., а затѣмъ по 7 коп. отъ печатной строки. За объявленія на первой страницѣ и за „стороннія сообщенія“—вдвое.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Курскѣ, Можаяевская ул., д. Фесенко, и въ книжныхъ магазинахъ г. Курска.

№ 6. 3—3.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ“

изданія 1889 г. (VIII годъ).

Въ 1889 г. „РОДНИКЪ“ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками увеличеннаго объема: не менѣе 7 печатныхъ листовъ каждая, со многими картинками. Характеръ журнала и направление останутся тѣже, что и въ минушія семь лѣтъ.

„Родникъ“ рекомендованъ и одобренъ учебными Комитетами Мин. Напр. Просв., (вятѣйскаго Синода и Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи).

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

посвященный главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ учебниковъ, учебныхъ пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1889 Г.:

„РОДНИКЪ“ съ листкомъ „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ, съ доставкой и пересылкой	6 р.
„РОДНИКЪ“ безъ листка „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ, съ доставкой и пересылкой	5 р.
За границу, на годъ	8 р.
Отдѣльно: листокъ „Воспитанія и Обученіе“ на годъ съ доставкой и пересылкою	2 р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, уг. Знаменской и Васкова пер., д. № 14—24.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

Редакторъ *Алексій Альмедименъ.*

№ 7. 3—3.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ И ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ,

посвященный научнымъ и педагогическимъ вопросамъ изъ области физико-математическихъ наукъ, продолжаетъ издаваться (съ 1886 г.) въ Кіевѣ

на слѣдующихъ условіяхъ:

годовая подписка принимается только съ 1-го января, и полугодовая—съ 1-го января и съ 20-го августа; менѣе какъ на одно полугодіе подписка не принимается

Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ №№ журнала не выходятъ.

Подписная цена съ пересылкой:

на годъ (24 №№). 6 рублей. на полугодіе (12 №№) 3 рубля.

NB. Книжнымъ магазинамъ 5%о. уступки.

Учителя начальныхъ училищъ и всѣ учащіеся могутъ подписываться на журналъ на льготныхъ условіяхъ, а именно:

на годъ (24 №№). 4 рубля. на полугодіе (12 №№) 2 рубля.

NB. Подписка на льготныхъ условіяхъ черезъ книжные магазины не принимается. Комплекты номеровъ журнала (по 12 №№) за каждое изъ истекшихъ полугодій (съ 20 августа 1886 г.) продаются по 2 р. 50 к. за каждый, а льготнымъ подписчикамъ и книгопродавцамъ по 2 руб.

ЖУРНАЛЪ РЕКОМЕНДОВАНЪ

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для гимназій мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, прогимназій, учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній для всѣхъ военно-учебныхъ заведеній.

Въ каждое полугодіе выходитъ 12 номеровъ журнала (не менѣе 280 стр. in 8°), съ рисунками и чертежами въ текстѣ, съ особыми приложеніями справочныхъ таблицъ, матеріаловъ для физико-математическаго словаря и пр. Въ журналѣ постоянно предлагаются задачи для рѣшенія, научныя вопросы, темы для сотрудниковъ и пр. Всѣ подписчики и читатели журнала приглашаются быть сотрудниками и корреспондентами.

Редакціей издаются физико-математическія сочиненія на выгодныхъ для авторовъ условіяхъ какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Въ книжномъ складѣ редакціи имѣются для продажи, кромѣ собственныхъ изданій, вообще книги физико-математическаго содержания.

Редакторъ-Издатель кандидатъ физико-математическихъ наукъ Э. К. Штацинскій.

Адресъ: г. Кіевъ, Редакція Вѣстника Оп. Физики и Эл. Математики для № 37. 1—3. телеграммъ: *КІЕВЪ, ВОФЭМ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

въ 1889 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
„ полгода	4 „ 80 „	„ полгода	6 „ — „
„ три мѣсяца	2 „ 40 „	„ три мѣсяца	3 „ — „
„ мѣсяць	— „ 80 „	„ мѣсяць	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью), на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франковъ), полгода—7 руб. 50 коп. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульд., 10 франковъ), мѣсяць 1 руб. 25 коп.

Для увѣднхъ и гминныхъ управлений, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для лицъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медсвая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48-й; въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни редакція старается выпускать номера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника“ быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣть корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Варшава. Редакторъ-издатель П. А. Кулаковскій. № 9. 3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на прежнихъ условіяхъ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВУЮ

ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1889 ГОДУ

съ доставкой на годъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ семь рублей,

одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к. одинъ мѣсяць 90 коп., полмѣсяца 50 коп.

Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четырехъ послѣднихъ: на 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс. и 1/2 мѣс.; на эти сроки разсрочка не принимается. Остальные двѣ трети должны быть внесены также по третямъ каждаго срока.

Подписка также принимается, и на тѣ-же сроки, и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но при этомъ къ подписной цѣнѣ срока прилагивается за первый мѣсяць 15 к. почтовыхъ. При перемѣнѣ адреса—25 к. Копѣйки могутъ высылаться почтовыми и гербовыми марками.

Газета будетъ издаваться семнадцатый годъ и выходить полными листами во всѣ четныя числа мѣсяца, не исключая празднико́въ и послѣпраздничныхъ дней, ежедневными прибавленіями.

Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.

Контора редакціи и типографіи въ г. Орлѣ, на Зиновьевской ул., д. № 2.
Отдѣленіе конторы при библіотекѣ и книжномъ магазинѣ „Орловскаго Вѣстника“, на Болховской ул., д. 17. № 10. 3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ.“

X годъ изд. Условія подписки на 1889 годъ. изд. годъ X

Съ доставкою и перес. во всѣ мѣста Россіи на годъ 12 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 руб.;
За границу на годъ 14 р., 6 м. 7 р., 3 м. 3 р. 50 к.

Отдѣльныя книги продаются по 1 руб. 25 коп. съ пересылкою.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., при чемъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 рублю.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

№ 11. 2—2.

Редакторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую ежедневную полит., литературную и общественную газету,
 ВЫХОДЯЩУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

„МИНУТА“

1889 ——— ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕВЯТЫЙ. ——— 1889.

Газета „Минута“ съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи совершенно реформирована, при чемъ съ 1-го января 1889 года будутъ введены новыя отдѣлы, а нѣкоторые значительно пополнены.

Кромѣ того въ 1889 году всѣ отдѣлы, посвященные городской жизни, будутъ значительно увеличены и въ общемъ газета „Минута“ дастъ своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстій и разнаго интереснаго литературнаго матеріала для чтенія.

Въ портфель редакціи для будущаго года имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ изъ современной столичной жизни, захватывающей собою событія послѣднихъ дней.

Вообще газета „Минута“, по своему разнообразію и своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей, даетъ полную возможность, за доступную плату, знать, по возможности, все, что совершается какъ въ нашей внутренней жизни, такъ и за границею.

Подписная цѣна остается прежняя:

Безъ доставки: на годъ 6 руб. 50 коп. Съ перес. во всѣ гор. Россіи: на годъ 9 р.
 На 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 коп. На 6 мѣсяцевъ 5 руб.
 Съ доставк. на домъ въ Сиб.: на годъ 8 р. За границу: на годъ 17 рублей
 На 6 мѣсяцевъ 4 р. 75 к. На 6 мѣсяцевъ 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородніе.

Допускается разсрочка подписки для гг. служащихъ чрезъ ихъ казначеевъ, а другимъ по соглашенію съ Главною конторою—при равномерной уплатѣ годовой подписной цѣны за каждый мѣсяцъ впередъ.

Всѣ годовыя подписчики газеты „Минута“ имѣютъ право получить въ конторѣ газеты по пониженнымъ цѣнамъ слѣдующія художественныя большія олеографическія картины, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ съ закировкой и рельефомъ:

1) „Закатъ солнца въ зимній день“ съ картины А. Шильдера	вмѣсто 3 р.	} по 1 р. съ пересылк. за экз.
2) „Смерть Ивана Сусаннина“ (историч. жанръ) Н. Оболенскаго	„ 2 р.	
3) „Крещеніе Кіевлянъ при князѣ Владимірѣ“ В. Думитрашко.	„ 2 р.	
4) „Проводы новобраца на службу“ съ картины Рѣпина	„ 2 р.	

Кромѣ того подписчики газеты „Минута“ могутъ получить (стоющій 5 руб.) за одинъ руб. художественно-исторической альбомъ:

„Сорокъ картинъ изъ русской жизни“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть кони съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: гг. Рѣпина, Неврева Шварца, Маковского, Вонига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную вязищную обертку.

Подобное изданіе, въ видѣ приложенія, возможно только при печатаніи его въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и при обширныхъ техническихъ средствахъ, коими располагаетъ редація. Это изданіе можетъ служить какъ роскошнымъ и крайне интереснымъ класкомъ самой изысканной гостиниой, такъ и пособіемъ при изученіи русской старины.

Адресъ конторы: Спб.. Невскій Проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 12. 2—3.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Самая распространенная на югѣ Россіи

большая политическая, литературная и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1889 году ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней (350 №№ въ годъ), въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ русскихъ и заграничныхъ изданій. Вслѣдствіе этого въ „Одесскомъ Листкѣ“ помѣщается гораздо больше матеріала, чѣмъ въ любой изъ провинціальныхъ газетъ.

Въ теченіе 15 лѣтней своей дѣятельности мы успѣли поставить „Одесскій Листокъ“ на одинъ уровень съ большими столичными изданіями не только по внѣшнему виду, но и по разнообразію у содержанію. Особое вниманіе обращено нами на своевременность сообщеній о всѣхъ выдающихся событіяхъ и явленіяхъ какъ русской, такъ и заграничной общественной жизни. Группируя и освѣщая эти сообщенія, мы помѣщаемъ ихъ въ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ:

1) Телеграфныя извѣстія спеціальныхъ корреспондентовъ и Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства, сообщающихъ какъ о внутреннихъ, такъ равно и объ иностранныхъ событіяхъ и явленіяхъ.

2) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и иностранной политики, статьи по городскому и земскому хозяйству.

3) Фельетоны нашей газеты составляютъ самый интересный отдѣлъ ея, въ особенности оригинальные фельетоны. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе вы-

дающіеся литературныя силы, какъ то: бывшій фельетонистъ газеты „Голосъ“ г. Гамма, Баронъ Исѣв. Черноморецъ, Оса и др. Помимо фельетонивъ изъ общественной жизни, въ „Одесскомъ Листкѣ“ помѣщаются оригинальныя и переводныя разсказы, повѣсти, новеллы, стихотворенія

4) Новости изъ области науки и искусства, рецензіи театральныхъ представлений, отзывы о новыхъ книгахъ, картинахъ, выставкахъ, концертахъ.

5) Въ отдѣлѣ Дневника печатаются самыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ какъ Одессы, такъ и другихъ мѣстностей края.

6) Рефераты думскихъ засѣданій и отчеты о земскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ, а также дворянскихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ.

7) Распоряженія Правительства, Высочайшія повелѣнія, указы, награды и проч.

8) Корреспонденціи изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ южнаго края

9) Отдѣлы „О чемъ говорятъ“ и „Маленькій листокъ“ посвящены исключительно злобѣ дня, и въ нихъ находятъ откликъ все, что въ данную минуту интересуется читающую публику.

10) Въ судебной хроникѣ помѣщаются отчеты о наиболѣе выдающихся процессахъ изъ практики мировыхъ учреждений и общихъ судебных мѣстъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ.

11) Въ коммерческомъ отдѣлѣ помѣщаются телеграммы и свѣдѣнія о курсахъ на монеты, фонды, акции, облигаціи, о хлѣбныхъ, зерновыхъ, колониальныхъ и другихъ рынкахъ.

12) Тиражи 5% выигрышныхъ билетовъ 1-го и 2-го внутр. займовъ, закладныхъ листовъ Херсонскаго земскаго банка, Одесск. Городск. Кредитнаго Общества и Таврическаго Земельнаго Банка.

13) Въ судебномъ указателѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ и коммерческомъ судахъ, суд. палатѣ и мировыхъ свѣздахъ городскомъ и уѣздномъ.

14) Вниманію объявителей. Спросъ и предложеніе посредствомъ публикаціи неоспоримо быстрѣ достигаютъ своей цѣли, если объявленія обнародованы въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ. На югѣ Россіи такую распространенность пользуется „Одесскій Листокъ“, не только въ Одессѣ, но и въ другихъ городахъ нашего края. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить та масса разнообразныхъ объявленій, которыя ежедневно печатаются на страницахъ нашей газеты.

„Одесскій Листокъ“ — первая большая провинціальная газета, которая печатается посредствомъ стереотипа на ротационной машинѣ и на безконечной бумагѣ.

Подписная цѣна съ ежедневною высылкою по почтѣ 12 руб. въ годъ, 7 руб. на полгода, 3 р. 80 к. за три мѣсяца.

Контора редакціи въ Одессѣ, на углу Дерибасовской и Ришельевской ул., д. Мелл (бывш. Стифеля).

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

№ 13. 2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1889 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ГОДЪ ВТОРОЙ)

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій въ дни послѣпраздничные городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

Безъ пересылки и доставки	Съ доставкою и пересылкою
На годъ 7 р.	На годъ 8 р.
„ 1/2 года 4 р.	„ 1/2 года 5 р.
„ 1/4 „ 2 р. 50 к.	„ 1/4 „ 3 р.
„ 1 мѣсяць 1 р.	„ 1 мѣсяць 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится — 3 р., къ 1-му Мая — 3 р., къ 1-му Сентября остальные 2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ — въ редакціи „Крымскаго Вѣстника“, Екатерининская ул., д. Спиро, въ г. СИМФЕРОПОЛѢ — въ отдѣленіи конторы на Полицейской ул., д. Спиро, въ ЯЛТѢ — въ книжной торговлѣ г. Москвича, въ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ — у Я. П. Шрейдера (Александровская ул., д. Сидоренко) и въ книжномъ магазинѣ Г. В. Шафермана и въ БАХЧИСАРАБѢ — у П. Долго, въ АРМЕНСКѢ и ПЕРЕКОПѢ — у В. Д. Розенштейна.

№ 36. 1—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ.

Девятый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ

„Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Последнія вѣвѣстїа. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россїи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и вѣвѣстїа другихъ газетъ). IX. Внѣшнія вѣвѣстїа: заграничная жизнь, последняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографїа. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенїа. XIX. Объявленїа.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ южной Россїи.

Кромь того, газета получаетъ постоянныя извѣстїа изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкой	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднымъ	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленїа принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Петра.

Кромь того подписка и объявленїа принимаются: въ Петербургѣ—въ конторахъ и подписки и объявленїа Ф. Петрикъ, Невскій просп. № 8 и П. Матисена, Невскій, у Казанскаго моста № 28—12. Въ Москвѣ—въ конторахъ объявленїа и подписки: А. Сеиъ-Мартенъ, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; Н. Печковской, Петровскїа линїи; Н. А. Мейера, Покровка д. Молчанова; въ центральн. конг. объявленїа бывш. Л. Метцль: Мясницкая, д. Спиридонова и въ справочномъ Бюро Н. Дониць и К°, Софїйка, противъ Лубянскаго пассажа; въ Полтавѣ—въ конторѣ Н. А. Дохмана. Изъ Франціи объявленїа принимаются исключительно въ Парижѣ, у Navas, Lafite и С°, Place de la Bourse.

№ 15. 2—2.

Редакторъ-издатель А. А. Гозефовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **ГОДЪ** „**РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**“, V.

первый русскій иллюстрированный журналъ

въ 1889. — ДЛЯ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОГО ЧТЕНІЯ, — въ 1889

„Рус. Пал.“ одобренъ для всѣхъ среднихъ и низшихъ учебн. заведенїи.

ПРОГРАММА „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“: I. Часть литературная. Путешествїа по св. мѣстамъ Россїи и Востока, описанїа св. мѣстъ, св. обителей, храмовъ, чудотворныхъ св. иконъ и др. святыхъ; историческіе повѣсти и рассказы

разказы изъ библейскаго и евангельскаго быта, повѣсти и разказы изъ религіозной жизни русскаго народа, стихотворенія, легенды; житія святыхъ, біографіи дѣятелей Церкви, какъ современныхъ, такъ и почившихъ, преимущественно архимандритовъ русскихъ и восточныхъ; описанія трудовъ и подвиговъ православныхъ миссіонеровъ; этнографо-историческія статьи, посвященныя внославными христіанскими церквамъ, особенно Восточнымъ; статьи по предметамъ православнаго вѣроученія и правоученія, назидательныя размышленія и разказы, проповѣди знаменитыхъ проповѣдниковъ — цѣлыя и въ отрывкахъ; популярныя статьи по всѣмъ церковнымъ наукамъ и по всѣмъ отраслямъ церковнаго искусства, современныя извѣстія изъ церковной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границею и пр.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ редакція уже имѣетъ въ своихъ рукахъ много интересныхъ и разнообразныхъ статей. Такъ, въ наступающемъ году будутъ помѣщены: „По Святой Землѣ“ прот. В. Я. Михайловскаго, „Путь къ Синаю“ — митрон. Саввы Косановича (пер. съ сербскаго), „Письма съ Аѳона“, Тихвинскій монастырь“, „Очерки Царьграда“, „Святини Москвы“, рядъ статей д-ра А. В. Елисѣева, разказы К. К. Случевскаго, Ѳ. Ѳ. Тютчева, стихотворенія; О. Н. Чюминой, В. А. Иванова, корреспонденціи книгоноши И. К. Голубева и мн. др.

Литературныя произведенія большаго объема будутъ редакціею выдѣлены въ особое литературное приложеніе и будутъ прилагаться при журналѣ особыми ея жками.

Такихъ книжекъ въ 1889 г. будетъ шесть, не менѣе 10 листовъ каждая.

I Книжка, которая выдѣтъ при первомъ же № журнала, будетъ заключать въ себѣ два интереснѣйшихъ произведенія: 1) „Въ древней Палестинѣ“ (разказъ) и 2) „Цецилія, или первыя времена христіанства“ (истор. повѣсть). Въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ печататься: „Путеводитель по Св. Землѣ“ (съ иллюстраціями, портретами и картами) — д-ра А. В. Елисѣева, рядъ истор. повѣстей, большіе біографическіе разказы и пр.

II. Часть художественная. Портреты Восточныхъ патріарховъ, архимандритовъ Россіи и Востока, знаменитыхъ проповѣдниковъ и вообще дѣятелей Церкви; снимки со святыхъ икопъ; виды св. мѣстъ, обителей храмовъ и другихъ святинь; копія съ картинъ великихъ мастеровъ христіанской живописи; оригинальные рисунки изъ жизни святыхъ; иллюстраціи къ статьямъ, автографы, копія съ древнихъ предметовъ и рукописей, планы, карты и пр.

Между прочимъ, въ наступающемъ году редакція дастъ: 1) Двѣнадцать копій, въ уменьш. размѣрѣ, съ картинъ великихъ мастеровъ (Рафаэля, Рубенса, Рембранда, Верне, Пуссена и др.), изображающихъ сцены изъ Библіи: 2) рядъ высокохудожественныхъ рисунковъ подъ общимъ названіемъ „Библейскія женщины“, 3) рядъ картинъ, изображающихъ святини Москвы и пр.

Кромѣ всего перечисленнаго, редакція въ 1889 годъ разошлетъ подписчикамъ

Три художественныхъ премій:

I. Большую, исполненную многими красками копію съ акварели, специально исполненной для „Русскаго Паломника“ извѣстнымъ академикомъ Шрейберомъ и изображающей

„АѲОНЪ ПРИ ЗАКАТѢ СОЛНЦА“.

II и III. Двѣ большія копіи гравюры съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Гравюры эти будутъ разосланы въ Пасхѣ и Рождеству.

Цѣна „Русскаго Паломника“ прежняя: на годъ, съ пер. и дост., со всѣми преміями и приложеніями, шесть рублей. Допускается разсрочка.

Пробный № высылается за двѣ семикоп. марки.

Просимъ Гг. подписчиковъ, во избѣжаніе замедленія въ высылкѣ приложеній, подпisyваться заблаговременно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. № 13.

№ 16. 2—3.

Редакторъ-Издатель А. И. Поповицкій.

г. VI. — Большой ежемѣсячный научно-литературный журналъ — г. VI.

„КОЛОСЬЯ“

въ 1889 г. будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе пять лѣтъ. Журналъ избѣгаетъ узкой тенденціозности и крайнихъ направленій; его цѣль дать читателю массу интереснаго литературнаго, научнаго, историко-публицистическаго и др. матеріала, подходящаго къ общей идеѣ воспитанія эстетическихъ вкусовъ и развитія принциповъ правды, добра и прогресса.

Въ каждой книжкѣ „Колосевъ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотворенія, драмы и комедіи, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣвіе. Нѣкоторые изъ романовъ, печатавшихся въ „Колосьяхъ“ за истекшіе годы, какъ напримѣръ „Алзаковы“ А. Д. Апраксина, въ отдѣльныхъ изданіяхъ имѣли весьма большой успѣхъ. Новый романъ г. Апраксина „Праздные люди“, заканчивающійся въ декабрьской книжкѣ, есть въ сущности первая часть цѣлой серіи задуманныхъ имъ романовъ, имѣющихъ представить полную картину постепеннаго нашего оскудѣнія. Серія эта будетъ продолжаться и въ будущемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ 1889 Г. ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ 8 руб.

На полгода 5 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Колосья“, Пушкинская, д. 11.

№ 17. 2—2.

Редакторъ-Издатель И. А. Баталинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ.

3-й г. изданіи.

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

газета донского края

выходить три раза въ недѣлю и четыре—въ исключительныхъ случаяхъ.

Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донского края и сосѣднихъ губерній,

фельетонъ, очерки, рассказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справоч. свѣдѣнія и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкою и доставкою. 5 р.

На $\frac{1}{2}$ года (съ 1 января и по 1 июля). 3 р.

На 1 мѣсяць (съ 1 числа). 1 р.

Съ подпиской адресоваться: въ г. Новочеркасскъ, въ Контору Редакціи „Донской Рѣчи“ (Платовскій просп., д. Юганова). № 18 2—3.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ЗЕМСКІЙ ВРАЧЪ“,

посвященная вопросамъ земской медицины, будетъ выходить въ г. Черниговѣ также и въ 1889 году.

ВЪ ПРОГРАММУ „ЗЕМСКАГО ВРАЧА“ ВХОДЯТЪ:

1. Статьи по общимъ вопросамъ земской медицины, по медицинской статистикѣ, медико-топографическіе очерки.

2. Казуистика. Оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ предупрежденія и леченія эпидемическихъ болѣзней.

3. Изъ видѣ приложений — популярныя статьи по вопросамъ гигиены, профилактики и бактериологіи.

4. Рефераты. Хроника. Смѣсь. Корреспонденціи. Объявленія.

Земскимъ Упредамъ и Земскимъ Врачамъ рассылаются подробныя объявленія и программа изданія.

Подписная цѣна: на годъ—9 р., на полгода—4 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою. Для фельдшеровъ—на годъ 6 р., на полгода—3 р.

Подписка принимается: г. Черниговъ, д-ру Евгенію Владиміровичу Святловскому.

№ 19 2—3.

Редакторъ-Издатель Д-ръ *Е. Святловскій*

Съ 1-го января 1889 года будетъ издаваться

Журналъ **СЧЕТОВОДЪ** *В. В. Езерскаго.*

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Отдѣлъ I. Научный. Счетоводство. Финансы. Контроль. Коммерческія науки.

Отдѣлъ II. Обзоръ смѣтъ, отчетовъ земскихъ и городскихъ учреждений, товариществъ, компаній и обществъ на паяхъ, акціяхъ, взаимнаго кредита и т. и.

Отдѣлъ III. Судебный, (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній). Судебно-счетоводная экспертиза.

Отдѣлъ IV. Библиографія. Новыя книги и рецензіи на изданія, со-
отвѣтствующія программѣ журнала.

Отдѣлъ V. Счетоводная жизнь. Сценны и рассказы изъ нея.

Отдѣлъ VI. Справочный. Рекламы. Объявленія.

Срокъ выхода въ свѣтъ по три книги въ мѣсяць, а въ маѣ, юнѣ и юльѣ по
двѣ, всего 33 книги въ годъ.

**Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ 6 р.,
полгода 3 руб. Книгопродавцамъ уступки 10⁰/₁₀**

Адресоваться въ редакцію журнала „Счетоводъ“ *О. В. Езерскаго*. С. Пе-
тербургъ, Невскій пр., № 66.

№ 20. 2—3.

Редакторъ-издатель *О. В. Езерскій*.

НА 1889 ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ГАЗЕТУ годъ

„ДОНЪ“

Двадцать первый годъ изданія.

Выходитъ три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ,—за
исключеніемъ большихъ праздничныхъ дней.

Въ составъ газеты входятъ рубрики:

- I. Воронежъ:—руководящія статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ.
- II. Мѣстная хроника, слухи и замѣтки:—сюда входятъ мѣстные
административныя распоряженія, перемены по службѣ, происшествія, корреспонден-
денціи изъ разныхъ мѣстъ воронежской губерніи и проч.
- III. Изъ текущей жизни:—извлеченія изъ разныхъ газетъ выдающихся
явленій общественной жизни, мѣткіи и отзывы столичныхъ и провинціальныхъ орга-
новъ по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ.
- IV. Телеграммы:—Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.
- V. Политическія извѣстія.
- VI. Фельетонъ:—литературная хроника, театральная хроника, стихотво-
ренія, рассказы, очерки и т. п.
- VII. Смѣсь:—факты изъ сферы изслѣдованія наукъ, открытій, изобрѣтеній
и проч.

Съ доставкою въ Воронежъ: на годъ 6 руб., на полг. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на
1 мѣсяць 75 к.

Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 7 р., на полг. 4 р., на 3 м. 2 р. 50 к.,
на 1 мѣсяць 1 руб. № 38. 1—1.

1889 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 г. „ВОЛЫНЬ“.

Газету политическую, литературную и общественной жизни.

Годъ одиннадцатый. Съ будущаго 1889 года „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить *ЕЖЕДНЕВНО*, за исключеніемъ праздниковъ и дней послѣ оныхъ, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новая открытія и изобрѣтенія. 8) библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ конторъ редакціи, б. Бердичевская ул. домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

какъ для городскихъ, такъ и для иногород- На 1 г. На 1/2 г. На 3 м. На 1 м. ныхъ подписчиковъ, съ доставкою на домъ и пере- сылкою во всё города Россійской имперіи. . . . 5 р. 2 р. 60 к. 1 р. 50 к. 75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

№ 22. 2—3. Издатель *И. И. Коровицкій*. Редакторъ *И. К. Коровицкій*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 Г. НА „НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“, ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ.

(Годъ двадцатый).

„Новороссійскій Телеграфъ“, по примѣру большихъ, столичныхъ газетъ, выходитъ ежеднвно, не исключая поведѣльничковъ и дней послѣпраздничныхъ (350 №№ въ годъ).

Газета наша будетъ издаваться въ наступающемъ году въ томъ же направленіи и при томъ составѣ сотрудниковъ, какъ и въ предъидущіе годы.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ газеты состоятъ: И. Ф. Василевскій (Бува), А. С. Степановъ (передовая статья, бывший сотрудникъ „Голоса“), М. В. Неручевъ, И. Н. Поталенко, извѣстный бессарабскій дѣятель М. К. Зозулинъ, П. А. Сергѣенко (Бѣдный Горькѣ), П. И. Копанъ, Наблюдатель (псевдонимъ). По беллетристическому отдѣлу, кромѣ И. Н. Поталенко, будутъ по прежнему помѣщать свои произведенія г-жа Назарьева, В. С. Лихачевъ и Зео.

Кромѣ того намъ обѣщали свое сотрудничество профессора А. И. Кирпичниковъ, И. Г. Табачниковъ и В. И. Шерцъ, а также и извѣстный сотрудникъ „Новаго Времени“ А. И. Молчановъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Такого состава редакціи не имѣетъ ни одна провинціальная газета въ Россіи.

Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, ежедневно доставляющихъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаютъ нами и печатаются въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ одновременно съ телеграммами и во всякомъ случаѣ 2—3 днями раньше появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ они помѣщаются уже въ видѣ перелатовъ изъ столичныхъ изданій.

Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства“, мы даемъ постоянно, въ теченіи цѣлаго года (а не передъ годовой только подпиской), телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые какъ по вопросамъ внутренней жизни, такъ и внешней политикѣ государства, всегда присылаютъ свои сообщенія раньше „Сѣв. Тел. Агентства“ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе обстоятельной формѣ.

„Новороссійскій Телеграфъ“ имѣетъ въ своей программѣ „Юридическую хроникѣ“ съ правомъ относиться критически къ рѣшеніямъ судовъ, а также пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Эти права имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Агарькова, противъ Херсонской улицы, и въ отдѣленія газеты при типографіи: Новая улица, домъ Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ бібліотекахъ: А. Т. Грищенко (уголъ Губернской и Госпитальной. ул.), А. П. Дромашко (близъ женской гимназіи, соб. домъ), въ книжномъ магазинѣ г. Шаха. Въ Бендерахъ: въ бібліотекѣ г. Муслина. Въ Николаевѣ, въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха, и у г. Рыбакова Садовая № 29.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

		Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкою и пересыл.				Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкою и пересыл.	
На	1 мѣсяцъ	1 р.	30 к.	1 р.	50 к.	На	7 мѣсяц.	7 р.	50 к.	9 р.	— к.
„	2	2	50	2	75	„	8	8	50	10	—
„	3	3	50	4	—	„	9	9	50	11	—
„	4	4	50	5	50	„	10	10	50	12	—
„	5	5	50	6	50	„	11	11	—	13	—
„	6	6	50	7	50	„	12	12	—	14	—

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 60 коп., въ годъ 7 руб. 20 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1-му юнью), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-му марту, 1-му юнью и 1-му сентябрю), т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія срока разсрочки).

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1889 года.

Для свидѣнія подавателей объявленій. Для увеличенія распространенности объявленій, печатаемыхъ въ „Нов. Телеграфъ“, редація приобрѣла право ежедневно расклеивать 4-ю страницу съ объявленіями на слѣдующихъ главныхъ станціяхъ юго-западной желѣзной дороги: Одесса, Кіевъ, Кишиневъ, Елисаветградъ, Балта, Тирасполь, Бендеры, Волочискъ, Казатинъ, Бѣлостокъ, Граево, Жмерянка, Фастовъ, Бердичевъ, Винница, Бирзула, Унгены, Раздѣльная и др., всего на 36 станціяхъ юго-западныхъ линій, имѣющихъ протяженіе до 2500 верстъ и обнимающихъ районъ семь южныхъ и юго-западныхъ губ.

Списокъ получателей грузовъ, привозимыхъ въ Одессу по желѣзной дорогѣ, печатается исключительно въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“. № 25. 2—3.

Открытие поданное на

„ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

на 1889 годъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

выходить ежедневно, за исключеніемъ послѣдпраздничныхъ дней.

Газета выходит полными листами въ прежнемъ форматѣ, подписная же цѣна не увеличивается. Превративъ свою газету въ ежедневное изданіе и не увеличивъ подписной платы, редація, помимо сего, приняла мѣры, чтобы отъ этого времени, по возможности, читателю давался болѣе интересный и болѣе разнообразный матерьялъ для чтенія. Редаціей будетъ также сдѣлано все отъ нея зависящее, чтобы подписчики городовъ Александріи, Бобринца, Вознесенска и проч. получали газету своевременно.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

<i>Безъ доставки и пересылки:</i>		<i>Съ доставкой и пересылкой:</i>	
На годъ (12 мѣсяцевъ) 6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ) 7 р. 20 к.	На 6-ть мѣсяцевъ 3 р. 50 к.	На 6-ть мѣсяцевъ 4 р. 20 к.
На 3 мѣсяца 2 р. — к.	На 3 мѣсяца 2 р. 40 к.	На 1 мѣсяць — р. 70 к.	На 1 мѣсяць — р. 85 к.

Контора газеты на углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Праж-
годскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. по полудни и съ 4-хъ до 7-ми
час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. по полудни.

Редакция газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 5-ти до 7-ми
час. по полудни. № 24. 2—3.

Открыта подписка на 1889 годъ на дѣтскій иллюстрированный
журналъ (для младшаго возраста)

„ИГРУШЕЧКА“

выходить 1-го ч. каждаго м. книжками въ 3 печатныхъ листа
10 годъ изданія 10

Основанный талантливой писательницей Т. П. Пассекъ, онъ, со дня своего
возникновенія поставилъ себѣ задачей пробуждать въ дѣтяхъ любовь къ людямъ,
правдѣ и стремленіе къ добру, справедливости и труду.

Въ журналѣ помѣщаются: статьи научнаго содержанія, изъ жизни и природы,
приуроченныя къ дѣтскому пониманію, статьи по исторіи, повѣсти и рассказы
оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки, загадки, шарады и
описание ремеслъ. На статьи о ремеслахъ будутъ обращено особенное вниманіе.
Статьи иллюстрируются, соотвѣтственно тексту, рисунками. Съ 1888 г. въ „Игру-
шечкѣ“ введенъ (начиная съ азбуки) отдѣлъ французскаго языка. Такого отдѣла
нѣтъ ни въ одномъ изъ дѣтскихъ журналовъ. Между тѣмъ въ хорошо руководи-
момъ чтеніи на французскомъ языкѣ ощущался довольно большой пробѣлъ. Раз-
сказы, изложенные на французскомъ языкѣ, имѣютъ подстрочный русскій переводъ.
Въ 1889 г. этотъ отдѣлъ будетъ продолжаться.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, въ 1889 г., чтобы способствовать развитію въ
дѣтяхъ чувства изящнаго, въ журналѣ „Игрушечка“ время отъ времени будутъ
помѣщаться подъ названіемъ „Картинная Галлерей Игрушечки“, снимки съ ориги-
нальныхъ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ: сценки, пей-
зажи, животныя и другіе сюжеты, способныя заинтересовать дѣтей.

Съ Января 1889 г. въ журналѣ „Игрушечка“ будетъ открытъ новый отдѣлъ
„для малютокъ“. Статьи этого отдѣла будутъ печататься крупнымъ шрифтомъ, со
многими картинками. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ изрѣдка помѣщаться пѣсенки съ по-
тама и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ.

Съ январской книжкой подписчики получаютъ даровую занимательную премію.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И Н А 1888 Г О Д Ъ :

Журналъ „Игрушечка“ за 12 книгъ съ даровой преміей и съ достав- кой и пересылкой на годъ	3 руб.
За границу на годъ	5 „
Съ отдѣломъ „для малютокъ“ на годъ	5 „
За границу на годъ	7 „

Отдѣльной подписки на отдѣлъ „для малютокъ“ не будетъ.

Адресъ Редакціи С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 14.

№ 25 2—3.

Редакторъ-издательница А. Тютлева-Толмечрова.

Открыта подписка на 1889 г.

НА ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЬ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

который будетъ выходить въ 1889 году подъ той-же редакцей по той-же программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 „ — „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 „ 50 „
Съ доставкой въ Петербургѣ	12 „ 50 „
За границу	15 „ — „

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—5 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му юля и 1-му октября по 2 рубля.

Учащимся, духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ—4 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му юля и къ 1-му октября по 2 рубля.

Цѣна 12 книгъ 1887 года	10 р. — к.
„ „ „ 1886 „	10 „ — „
„ „ „ 1885 „	5 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ, Басковъ пер., 15. — Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просить обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час. исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Издательница *А. В. Сабашникова.*

№ 26. 2—2.

Редакторъ *А. М. Евремова.*

БИБЛІОГРАФЪ

1889

ВѢСТНИКЪ

Годъ V.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЫ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.— Ученымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для приобрѣтенія въ фундаменталь-

ныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученнаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ бібліотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и бібліографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная бібліографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. О. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. О. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерги, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. О. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. О. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташцкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, Н. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стран.—6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д. № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты „Библіографа“ за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1889 ГОДУ
ЖУРНАЛА
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р. съ пересылкой въ другіе города. . . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. за-границей. 12 р.
отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получить, сверхъ того, *рѣшенія кассационныхъ департаментовъ сената*, платять за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Въ случаѣ невзыскки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала приостанавливается. *Гл. действительные члены сб. юридическаго общества* пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостоившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголь Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886 и 1887 г.г. по 9 р. за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

№ 28. 2—2.

Редакторъ В. Володиміровъ.

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ)

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—девять руб.

Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англии и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 докторъ Л. О. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаютъ, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р. съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ *Петръ Бартеневъ.*

№ 29. 2—2

1839 г.

Л.

1889 г.

МУЗЫКАЛЬНАГО ЖУРНАЛА

„НУВЕЛЛИСТЪ.“

Въ наступающемъ 1889 году „НУВЕЛЛИСТЪ“ кончаетъ первое, полувѣковое свое существованіе. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить нашу глубокую благодарность: музыкальнымъ дѣятелямъ, какъ отечественнымъ, такъ и иностраннымъ, помогавшимъ намъ вести наше изданіе, и публикѣ, сочувствіе и под-

держка которой давала намъ возможность служить высокой задачѣ, полвѣка назадъ ставшей девизомъ „НУВЕЛЛИСТА“.

Оглядываясь на тяжелое прошлое, пережитое нашимъ журналомъ, мы не безъ гордости высказать можемъ, что силы и энергія, потраченныя редакціею на неустанное, полувѣковое веденіе своей нелегкой работы, нашли себѣ достойную оцѣнку въ средѣ русскаго общества и въ средѣ русской семьи по преимуществу. Предоставленные самимъ себѣ и никогда не пользуясь, ни прямо, ни косвенно, посторонними субсидіями, мы черпали — и духовныя и матерьяльныя средства для веденія журнала только въ общественномъ сочувствіи нашему дѣлу. Это дорогое намъ сочувствіе ницѣ и возлагаетъ на насъ обязательство, продолжать наше изданіе и, по мѣрѣ возможности, его совершенствовать.

Желая достойнымъ образомъ ознаменовать окончаніе перваго полувѣка существованія „НУВЕЛЛИСТА“, редакція рѣшила дать въ этомъ юбилейномъ году цѣлый рядъ пьесъ выдающихся композиторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, написанныхъ исключительно для юбилейнаго года „Нувеллиста.“

Въ юбилейномъ году будутъ помѣщены сочиненія, между прочимъ, слѣдующихъ музыкальныхъ авторовъ: Рубинштейна, Чайковскаго, А. Н. Сѣрова („Ноктюрнъ“, принесенный въ даръ редакціи „Нувеллиста“ для юбилейнаго года, сестрой композитора), Направника, Ивалова, Соловьева, Дюбюкова, Главача, Бориса Шеля, Зике, Макарова, Капри, Гивольскаго, Малашкина, Лишина (посмертное сочиненіе), Гуно, Сень-Санса, Массенэ, Годара, Рейнеке, Шарвенка, Мошковскаго, Штраусса и мног. друг.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона — въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрь и Декабрѣ.

ПРЕМІЯ юбилейнаго года.

Эта премія будетъ состоять изъ большаго художественнаго альбома, въ которомъ будутъ помѣщены автографы знаменитыхъ музыкантовъ, наброски извѣстныхъ художниковъ и портреты выдающихся музыкальн. дѣятелей.

Въ портфель редакціи находятся между прочими письма, манускрипты, записки и пр. нижеслѣдующихъ музыкальныхъ дѣятелей: Русскихъ: Алябьева, Балакирева, Бахметева, Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Ганзельта, Даргомыжскаго, Дюбюка, Давыдова, Дрейшока, Монюшко, Мусоргскаго, Контскаго, Направника, Рубинштейна, Сѣрова, Чайковскаго, Улышева и друг. Иностранныхъ: Беріо, Блументалля, Велле Вьетана, Горія, Гуммеля, Делера, Гордиджіани, С. Геллера, К. Майера, Мендельсона-Бергольди, Кулака, Листа, Кл. Шумана, Роберта Шумана, С'ерве, Пансерона, Фетиса, Фильда, Эрнста и др.

Несмотря на большія затраты на изданіе альбома, въ Юбилейный годъ редакція не увеличиваетъ цѣну.

Подписная цѣна 5 руб., съ доставкой и пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музык. торговлѣ М. Бернарда, Невскій пр. № 64, уголъ Караванной ул., противъ Аничкина дворца. Въ Москвѣ, въ муз. магазинѣ П. И. Юргенсонъ.

№ 34. 1—1.

Принимается подписка на 1889 годъ

на еженедѣльный журналъ

РУССКОЕ СУДОХОДСТВО

ТОРГОВОЕ и ПРОМЫСЛОВОЕ

НА РѢКАХЪ, ОЗЕРАХЪ и МОРЯХЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Къ задачѣ журнала „Русское Судоходство“ развитіе внутренняго судоходства и торговаго флота,—долженъ относиться со вниманіемъ и сочувствіемъ не только каждый русскій производитель, но и каждый просвѣщенный русскій человѣкъ. Производитель — сельскій хозяинъ, заводчикъ и промышленникъ — потому, что облегченіе и удешевленіе провоза предметовъ его производства върѣе и лучше всего достигается упорядоченіемъ и развитіемъ внутреннихъ водныхъ путей обширнаго нашего отечества, благоустройствомъ портовъ и обладаніемъ собственнымъ торговымъ флотомъ для вывоза русскихъ грузовъ на мировые рынки. Каждый русскій человѣкъ долженъ сознавать, что не только хозяйственная независимость и возможное благосостояніе, но и могущество Россіи обусловливается развитіемъ ея морскихъ силъ. Сухопутныя побѣды Россіи — почти безплодны. Взамѣнъ санстефанскаго договора, Европа всегда сумѣетъ навязать намъ берлинскій, пока мы не заключимъ болѣе толковаго прочнаго и единственно пригоднаго Россіи союза — съ морями.

Такова задача и таковы взгляды редакціи. Съ ними терпѣливо, съ неизмѣнною вѣрою съ свое дѣло и въ русскихъ людей, начинаетъ она четвертый годъ изданія журнала „Русское Судоходство“.

Неудовлетворяясь настоящимъ состояніемъ всего морскаго дѣла Россіи, редакція помѣщала въ журналѣ сказанія изъ лѣтописей будущаго (крейсеръ Русская Надежда и Роковая война, печатавшіеся въ журналѣ за 1886—1888 гг.). Продолжая свое дѣло, редакція дастъ мѣсто въ журналѣ новымъ сказаніямъ, — очерпнутымъ также изъ лѣтописей будущаго и обнимающимъ уже болѣе широкія области русской жизни.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

- 1) Узаконенія и правительственныя распоряженія, касающіяся судоходства.
- 2) Очередныя статьи о вуждахъ отечественнаго судоходства.
- 3) Обзоръ дѣятельности Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и его отдѣленій.
- 4) Мореходные классы.
- 5) Внутреннія водныя сообщенія.
- 6) Рѣчное и морское судостроеніе.
- 7) Рѣчные, озерные и морскіе промыслы.
- 8) Торговое мореходство.

- 9) Обзоръиіе иностраннаго судоходства и судостроенія.
 10) Портовыя сооружеія и пристани.
 11) Текуція извѣстія о русскомъ судоходствѣ.
 12) Разказы и воспоминанія о морскихъ путешествіяхъ и промысловомъ бытѣ; статьи историческія и повѣсти по содержанію своему соотвѣтствующія задачанъ журнала.
 13) Отзывы объ изданіяхъ, касающихся судоходства.
 14) Разныя извѣстія и объявленія.

Кромѣ того, по соглашенію съ Правленіемъ С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, въ журналѣ „Русское Судоходство“ помѣщаются труды этого Отдѣленія.

Журналъ выходитъ книжками, четыре раза въ мѣсяць.

Цѣна восемь руб. въ годъ, съ пересылкою. Жѣлающіе имѣть журналъ „Русское Судоходство“ съ начала изданія, за 1886, 1887 и 1888 гг., высылаютъ восемнадцать руб. или по шести руб. за каждый годъ. Безъ пересылки—пять руб. за каждый годъ.

Городская подписка принимается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Г.г. иногородные подписчики благоволятъ обращаться прямо въ редакцію: С.-Петербургъ, Фонтанка, 53 (у Малаго театра).

Въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

№ 33. 1—1.

Редакторъ-Издатель *М. Менъ*.

1889 г. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1889 г.

на

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ „РОССІЯ“

Еженедѣльный журналъ „РОССІЯ“ будетъ выходить со многими удучшеніями какъ въ отдѣлѣ художественномъ, такъ и въ литературномъ:

- 1) объемъ номера увеличенъ вдвое: вмѣсто одного—2 листа большаго формата;
- 2) въ текстѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи; портреты выдающихся дѣятелей, копія картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, оригинальные рисунки и фотографическіе виды и этюды;
- 3) ежемѣсячное приложеніе: художественно выполненные хромотографированныя копія картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и продолженіе альбома „Народы Россіи“.

4) Годовымъ подписчикамъ въ январѣ мѣсяцѣ будетъ выдана олеографическая картина: „Утро чиновника, получившаго первый крестъ“ П. А. Федотова, въ натуральную величину знаменитаго оригинала, хранящагося въ картинной галлерей Московскаго Румянцевскаго музея.

Работы для журнала, какъ-то: олеографіи, хромофотографіи, фототипіи и типографія—исполняются въ соб. мастерскихъ І. И. Пашкова.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться романы, повѣсти, стихотворенія, статьи по литературѣ, искусству и исторіи; путевые очерки; критика литературная и художественная; политическое обозрѣніе, распоряженіе правительства, новости и слухи и проч.

Подписка на годъ съ пересылкою на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Допускается разсрочка: 3 р. при подпискѣ, 2 руб. 1-го апрѣля и 2 р. 1-го іюля. Подписавшіеся въ разсрочку получаютъ премію послѣ іюльской уплаты (Москва, Солянка, редакция журнала „Россія“.

№ 39. 1—1.

Редакторъ-Издатель І. И. Пашковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

НА ИЗДАЮЩІЙСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

И ГАЗЕТУ

„НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА.“

Въ 1889 г. журналъ „ВОСХОДЪ“ и газета „НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ вступаютъ въ ДЕВЯТЫЙ годъ своего существованія.

Въ журналѣ помѣщаются: романы, повѣсти, драмы, разсказы, очерки, стихотворенія, оригинальныя и переводныя; статьи историческія, статьи по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ; статьи по исторіи литературы и культуры; біографіи, критика и бібліографія.

Газета посвящена текущимъ и вѣстнымъ событіямъ, и въ ней помѣщаются:

I.—Передовыя статьи: обзоръ выдающихся событій за недѣлю. II.—Небольшія статьи по разнымъ текущимъ вопросамъ. III.—Отголоски печати. IV.—Официальныя извѣстія. V.—Петербургская лѣтопись. VI.—Внутренняя хроника, корреспонденціи, сообщенія и газетныя извѣстія изъ разныхъ пунктовъ Россіи. VII.—Заграничная хроника: корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ заграничныхъ центровъ. VIII.—Замѣтки литературныя, бібліографическія, художественныя и т. д. IX.—Фельетонъ: юмористическіе очерки и замѣтки. X.—Объявленія.

Въ „ВОСХОДЪ“ и „НЕДѢЛЬНОЙ ХРОНИКЪ“ принимали участие: Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (Профессоръ), Берхинъ І., Блюменфельдъ Г. Ф., Бель-Ами (псевдонимъ), Богровъ Г. И., Вейнбергъ П. И., Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волинскій А. Л., Гаркави А. Я., Градовскій Г. К., Гордонъ Л. О., Горвицъ М. И. (Профессоръ), Груаенбергъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И., Коршъ В. Ф., Кайзерлингъ Д-ръ, Кангоръ Л. О., Кулишеръ М. И., Лазаревъ М. Н., Леванда Л. О., Левенсонъ П. Я., Лякубъ И. М., Лиліенблюмъ М. Л., Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мышь М. И., Мандельштаммъ І. Е., Мережковский Д., Позняковъ Н. И., Никитинъ В. Н. Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И., Песковский М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Слонимскій), г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А., Рускинъ Л. (Н. Н. Фирсовъ), Сементковский Р. И., Станиславскій С. М., Фругъ С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н., Ярошевскій С. О. и другіе.

Въ настоящее время въ портфель редакціи имѣются, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

САУЛЬ ВАЛЬ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ. Очерки изъ польско-еврейской исторіи. Проф. С. А. Бершадскаго.—О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЧЕРТЫ ОСѢДЛОСТИ. Мысли русскаго человѣка. Русскаго.—СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ СЕВТАТОРСКИХЪ ДВИЖЕНІЙ XIX ВѢКА. А. В. Мякотина.—ЦАРЬ СЛОНСКІЙ. Драма А. Косига.—КАВКАЗСКІЕ ЕВРЕИ. По поводу новѣйшихъ объ нихъ изслѣдованій. А. К—к—и.—НОВОБРАНЕЦЪ. Очеркъ Елены Бердлевой.—ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КОЛОНИЙ ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ. В. Н. Никитина.—ГАМЗУ ЛЕТОВО. Очеркъ заочной жизни. С. Живова.—ВЪ КАКОЙ МѢРѢ ЕВРЕИ ИСПОЛНЯЮТЪ ВОИНСКУЮ ПОВИННОСТЬ. По статистическимъ даннымъ. А. К—м—и.—ЗАБЛУДШІЙ. Романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Альмонда.—ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ. М. И. Мыша. ЕВРЕЙСКІЯ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЯ. Изслѣдованіе. Д-ра Погорѣльскаго.—АМЕРИКАНСКІЕ ЕВРЕИ. Историко-біографическіе очерки. І. Петриковскаго.—ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ХАСИДИЗМА. С. М. Дубнова.—ЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕ-ЕВРЕЙСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. Исшуруна—и разныя другія публицистическія и беллетристическія статьи, а также стихотворенія гг. Абрамовича, Мережковскаго, Фофанова, Фруга и др.

Кромѣ того въ теченіе 1889 года въ журналѣ будутъ между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІО И ЕВРЕИ. По поводу первой годовщины французской революціи. С. Мстиславскаго.—ЭССЕИ. Историко-соціологическій этюдъ А. К. Шеллера (Михайлова).—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ. М. И. Кулишера.—КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. А. Я. Гаркави.—ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. М. Г. Моргулиса.—ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Карпелеса въ переводѣ Петра Вейнберга въ приложеніи. Въ 1889) году „Исторія литературы“ Карпелеса будетъ доведена до конца и составитъ два тома въ слишкомъ 85 печатныхъ листовъ убористой печати.

Цѣна на годъ журнала „ВОСХОДЪ“ и газеты „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“ 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ подписыв-

вающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р., и къ 1 іюля 3 р. Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Площадь Большаго Театра, 2—32, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ бесплатно первыя главы романа: „Заблудшія“, Альмонда. Тѣ же изъ нихъ, которые пожелаютъ получить вышедшіе уже листы (45) „Исторіи еврейской литературы“ Карпелеса, прилагаютъ, сверхъ подписной платы, еще 4 руб.

№ 41. 1—2.

Редакторъ-издатель А. Ландау.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала русской образованности до нашихъ дней).

С. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе специалисты по разнымъ отраслямъ знанія.

По примѣру иностранныхъ объемистыхъ изданій и въ видахъ удобства пріобрѣтенія „Критико-біографическій словарь“ выходитъ періодическими выпусками въ 3 печатныхъ листа (48 страницъ). Вышло до 15 ноября 14 выпусковъ.

Цѣна каждаго выпуска 35 коп. съ пересылкою 45 коп. При подпискѣ же на 10 выпусковъ цѣна понижается до 2 р. 50 к. безъ пересылки и 3 р. съ пересылкою или доставкою.

Для подписывающихся на 10 или болѣе выпусковъ допускается разсрочка платежа, но не менѣе какъ по 1 р. въ мѣсяцъ, причемъ служащимъ, представляющимъ ручательство казначеевъ, высылаются разомъ всѣ вышедшіе выпуски, не представляющимъ же такового ручательства—по мѣрѣ взносовъ.

Иногородные обращаются исключительно по адресу: *С.-Петербургъ, Лиовка. 47. Семену Афанасьевичу Венгерову.*

Цѣна 35 коп.

№ 40. 1—1.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки въ годъ	7 руб.	полгода 4 руб.		три мѣсяца 2 руб.
Съ доставкой и пересылкой	8 " "	4 " "		2 " "
За границу	12 " "	5 " "		3 " "

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа, А. С. Суворина (Новаго Времени), Н. И. Мамонтова, А. А. Карцева, А. Л. Васильева, И. П. Карбасникова и въ Конторѣ Редакціи, Мясницкая, д. Эйбушитцѣ. Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ „Русскаго Дѣла“ при книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова (Невскій, 46) и у другихъ книгопродавцевъ. Въ Казани у Дубровина. Въ Кіевѣ у Оглоблина. Въ Одессѣ и Харьковѣ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина).

Иногородніе адресуются исключительно въ Москву, въ Контору Редакціи, Мясницкая, домъ Эйбушитцѣ.

Священнослужители, учащіе и учащіеся пользуются при подпискѣ уступкою въ 2 рубля, высылая за годъ вмѣсто 8 руб., 6 руб., а за полгода 2 руб. съ доставкой и пересылкой.

№ 43. 1—3.

Редакторъ-издатель Сергій Шарановъ.

Вышла въ свѣтъ II-ая книга
ЧТЕНІЙ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА

(гр. in-8°, XII+275+128 стр.), содержащая свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности Ист. Общества за 1878—87 гг. и сборникъ матеріаловъ и статей, изданный въ память исполнившагося 900-лѣтія крещенія Руси. **Ц. 2 р. 25 коп.**, за пересылку прилагается 25 к. Выписывающіе эту книгу, „Чтеній“ одновременно съ первою уплачиваютъ за нихъ 4 р. съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца при университетѣ св. Владиміра или въ редакцію „Кіевской Старины“.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

первая часть сочиненія **П. И. ЖИТЕЦКАГО:**

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ
МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ

ВЪ XVII и XVIII в.,

съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться въ редакцію „Кіевской Старины“.

ПОДПИСКА НА 1889-й ГОДЪ
НА
„ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ“.

5-й годъ изданія.

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ ЕЖЕМЪСЯЧНО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. И. СУББОТИНА.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ книжкахъ печатались статьи: профессоръ А. Н. Чупрова, Г. Ф. Симоненко, В. А. Лебедева, А. А. Исаева, И. В. Лучицкаго, Д. М. Львова, И. Т. Тарасова, А. И. Сворцова, А. Ф. Фортунатова, В. Г. Яропцаго, W. Stieda и др., а также: В. Ю. Скалона, д-ра А. В. Елисева, Н. Л. Карасевича, М. П. Щенкина, В. Т. Судейкина, В. Н. Григорьева, Н. А. Каблукова, М. В. Неручева, Ф. А. Щербини, Я. В. Абрамова, Л. П. Весина, А. А. Радига, Н. П. Лудмера, А. М. Тютрюмова, П. А. Шторха, И. М. Красноперова, Г. В. Вентковскаго, и многихъ другихъ специалистовъ по экономич. финанс. и земск. вопросамъ:

Задачи изданія: 1) Давать разъясненія по поводу всѣхъ новыхъ мѣропріятій въ экономической жизни нашего отечества. 2) Отзывать на всѣ назрѣвшіе, наиболѣе интересующіе общество и правительство, экономическіе вопросы. 3) Обсуждать мѣры, въ ихъ совокупности, къ развитію производительныхъ силъ Россіи, къ упроченію денежной и кредитной системы, къ установленію твердой экономической и финансовой политики, къ упорядоченію желѣзнодорожнаго дѣла и пр. 4) Способствовать всестороннему экономическому изученію Россіи. 5) Служить специальнымъ органомъ для обсужденія вопросовъ земскаго и городского хозяйства. 6) Способствовать ознакомленію съ текущей экономической и финансовой литературою. 7) Дать возможность людямъ практическимъ сообщать свои выводы и разъясненіе въ специальномъ органѣ.

Программа: I. Статьи по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ. II. Экономическія обзоренія. III. Экономическая жизнь Россіи. IV. Желѣзнодорожный отдѣлъ. V. Экономическая жизнь другихъ государствъ. VI. Товарные и фондовые рынки. VII. Хроника. VIII. Смѣсь. IX. Библиографія.

До 1 декабря 1888 г., въ журналѣ помѣщено до 300 статей, 1200 замѣтокъ и обзоровъ, 120 рецензій, 30 библиографическихъ указателей. Подписчикамъ, разослано 8 приложений.

Четырехлѣтнее существованіе „Экономическаго Журнала“, сочувствіе прессы, людей науки, земскихъ, банковыхъ и др. учреждений—все это обязываетъ редакцію продолжать и развивать дѣло.

Въ 1889 году въ „Журналѣ“ будутъ помѣщаться популярныя экономическія и финансовыя бесѣды. Въ видѣ приложения будетъ разослано одно изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій въ русскомъ переводѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ, съ перес. и прилож., десять рублей, на полгода—шесть рублей. Допускается разсрочка. Оставшіеся экземпляры за 1885, 1886, 1887 и 1888 гг. можно получать, съ пересылкою, по 5 р. за каждый годъ.

Подписка принимается въ самой редакціи (Спб., Николаевская ул. д. 14, кв. 12) и въ книжныхъ магазинахъ.

Изгородные адресуютъ деньги: въ С.-Петербургъ, въ редакцію „Экономическаго Журнала“.

№ 42 1—3.

Открыта подписка на 1889 годъ

на еженедѣльную, выходящую безъ предварительной цензуры газету

РУССКОЕ ДѢЛО.

4-й годъ изданія.

Вступая въ четвертый годъ своего существованія, „Русское Дѣло“ можетъ гордиться тѣмъ, что среди многообразныхъ трудностей и соблазновъ оно сохранило въ неприкосновенности и чистотѣ какъ воспринятое имъ знамя, такъ и свой характеръ вполне независимаго изданія, посвященнаго разъясненію идеи о православноиъ и славянскомъ мировомъ призваніи Россіи, и служенію одной лишь правдѣ, безъ всякихъ уклоненій, или сдѣлокъ съ кѣмъ, или съ чѣмъ-бы то ни было. Профѣривъ и испытавъ себя въ теченіе трехъ лѣтъ самостоятельной публицистической дѣятельности, редакторъ „Русскаго Дѣла“ надѣется, что и впредь возможно будетъ ему работать въ томъ-же направленіи. Никогда еще не было такъ нужно трезвое и неподкупное слово правды, какъ сейчасъ, когда русское общество, угонленное обуявшею его со всѣхъ сторонъ ложью, жадно ищетъ среди нея и крупную правду, когда господствующія направленія русской мысли потеряли свое обаяніе, а печатное слово едва сохраняетъ послѣдніе остатки прежняго къ себѣ уваженія и довѣрія..

„Русское Дѣло“ будетъ выходить, какъ и въ текущемъ году, нумерами въ 16 страницъ большаго формата, убористаго шрифта, давая столько-же оригинальнаго матеріала, сколько толстые ежемѣсячные журналы. Участвовать въ изданіи будутъ, надѣмся, тѣ же лица. что и доселѣ, т. е. Н. Аксаковъ, Ан. Александровъ, В. Аленниковъ, П. Аристовъ, В. Аристовъ, П. Астафьевъ, В. Бѣлянский, Аѳ. Васильевъ, Эрнестъ Ге, П. Зеленый, А. Кирѣевъ, Ал. Коляловичъ, Л. Лопатинъ, Н. Лопатинъ, Д. Ляховъ, Евг. Марковъ, Ив. Мещерскій, Ор. Миллеръ, Ал. Морокинъ, П. Овсянниковъ, гр. Ал. Соллогубъ, Ив. Тарасовъ, гр. Л. Толстой, К. Толстой, Н. Умановъ, Т. Филиповъ, Н. Шавровъ, В. Эртель и др. и кромѣ того гг. подписывающіеся псевдонимами, сдѣлавшимися весьма извѣстными, какъ Рцы, С. С. Б., Студентъ-юристъ, М. А. (театральная хроника). Непризванный педагогъ. Житель Подунавья и т. д.

„Русское Дѣло“ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, (Эрнестъ Ге), въ Лондонѣ (К.), въ Берлинѣ (В. Ѳ.) и въ славянскихъ земляхъ.

Каждый номеръ газеты распадается на слѣдующіе отдѣлы:

I. Общіе вопросы. II. Иностранный отдѣлъ. III. Экономическій отдѣлъ. IV. Военныя замѣтки. V. Литература и искусство. VI. Критика и библиографія. VII. Шутки ради. VIII. Смѣсь.

Въ первыхъ четырехъ отдѣлахъ помѣщаются: передовыя статьи, по каждому отдѣлу. особо, статьи разныхъ лицъ, корреспонденціи замѣтки и извѣстія. Въ литературномъ отдѣлѣ печатаются стихотворенія, беллетристическія и драматическія произведенія. Въ отдѣлѣ „Шутки ради“ отводится мѣсто серьезной общественной и политической сатиры.

ПРЕДИСЛОВІЕ
ВАСИЛІЯ ТЯПИНСКАГО
КЪ ПЕЧАТНОМУ ЕВАНГЕЛІЮ,
ИЗДАННОМУ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ,
около 1570 года.

Покойный Поповъ (А. Н., авторъ „Обзора хронографовъ“) имѣлъ въ виду сдѣлать подробное описаніе замѣчательнаго печатнаго Евангелія на двухъ языкахъ — на церковно-славянскомъ и на литературномъ языкѣ юго-западной Россіи,—XVI вѣка, но успѣлъ описать только рукопись, соединенную съ этимъ Евангеліемъ (Императ. Публ. Библ.) и то не вполнѣ (Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1879 г., I). Поповъ опустилъ послѣднюю часть рукописи, заключающую предисловіе Василя Тяпинскаго къ неполному печатному Евангелію, безъ обозначенія мѣста выхода и времени изданія. Имѣя въ виду въ другомъ мѣстѣ подробнѣе остановиться на языкѣ этого „русскаго“ Евангелія XVI в., я считаю здѣсь умѣстнымъ сослаться на мое изслѣдованіе — „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ“, Спб. 1888 г., стр. 203, 235 и далѣе, въ которомъ приведены выдержки изъ этого Евангелія и указано его значеніе.

Позволю себѣ еще отмѣтить нѣсколько особенностей въ русской части языка Евангелія Тяпинскаго. Замѣчательно отсутствіе извѣстной смѣны предлоговъ *ѡ* и *у*, характеризующихъ памятники юго-западной Россіи. Послѣ *ѡ* почти всегда слѣдуетъ *ы*. Послѣ *р*, наоборотъ, чаще *и* (на мѣстѣ *ы*). Послѣ *ч*, *ш*, *щ*, *ж* обычно *о* (на мѣстѣ *е*). Полногласіе выдержано. Много примѣровъ перехода без-

II.

ударнаго *a* въ *e*; но примѣровъ аканья незамѣтно. Тѣмъ не менѣе, какъ и раньше, я отношу языкъ русской части въ Евангеліи Тяпинскаго къ бѣлорусскому нарѣчію, насколько оно проявлялось въ памятникахъ XVI вѣка. Помѣщая для образца отрывокъ изъ текста Евангелія Тяпинскаго сравнительно съ соответствующимъ текстомъ изъ „Казанья св. Кирилла патр. Іерусалимскаго“, Вильна 1596 г.

П. Владиміровъ.

ПРЕДМОВА

**Василеи Гапінскіи зацнои монархии словенской, а злаца
богобоиным ласка ипокои ѡбга ѡца ипна нїго їс х̑а.**

(все написано киноварью).

Рад покажоу мою вѣроу которѣю маю. а злаца народу своему роускомѣ. тые ее онимъ давнимъ вѣкомъ славною, предков своих оумѣтностью, покорне іако довнимаю подтвердѣть, а естли ест вчом блѣдна оны то поправѣт. ведже держѣ же неиначеи одно зѣ еѵліи ѡ бога через х̑та пана него апостолов поданое. которала ест сѣма закону бж҃его. которала з словенского абы имѣ теж их власнымъ языкомъ роускимъ вдроукоу вышла. и тое маючи пана напомочи. несмысленнымъ або красомовнымъ выводомъ. незалецанымъ аничасѣ оугажающимъ словы. але іако сприязливимъ простымъ ацирїи. правдиве вѣрне, а ѡвористе. зѣ зычливости кумоеи ѡчизне. поневажъ которымъ бы то властнеи ѣчинити пристоело митрополитове вѣлки инихто зѣчонныхъ черезъ такъ многіи часъ нехотѣли. зѣ ѡбогое своее маетности народу моему ѣслѣгую. на некоторои ітежъ принеи и наименечкоу хотѣжъ то было невеликое, вжо дле накладоу, а злаца книгъ старигъ давнихъ, на розныхъ инеблизкихъ месца(х) доставаючи. надто еше вминоулые лѣта тѣжкіе дороги дле дроукѣ ипотребѣ томѣ належащихъ подымаючи, а праве все дотого зачинаючи зновоу. ачъ вельшимъ столъ ведже предсе и должачисе. ибымитежъ, ижемъ то не влохъ не вѣмецъ або не докторъ иниакіи постановены межѣ попы. але з чого бы мѣли пана звыкриканемъ фалити ирадоватсе же зѣихъ посредкоу русианъ ихъ имѣ своеи рѣси оуслугоѣючи. бы ми мовлю іако то призвоито бываетъ. и такою невдѣчностью, а некоторые вместо помочи

або дѣки, изазростью платити хотѣли. не одно ми тое все дѣла моеи повинности, и кѣмъ зычливости неест прикро, але и овшем, заласкою пана бѣга вѣчно. стареючися оихъ збѣвленное, анаостатокъ оучствивое изацное, хут иоупреимостъ сѣца моего имъ показоват, и то кѣфале бѣжиие кончить. Вѣжбо а еще хотѣлѣ то небезболшое трудоности пришло. и жѣ двема езыкы зараз и словенскимъ и принемъ тѣтжю роускимъ. атонаболшии словенскимъ. азлаща слово Ѡслова, такъ иако они вси везде вовсихъ своихъ цѣввахъ чтоут. имают. неодно дѣла лѣпшое ихъ вѣри, жесе не новое што, але ихже властное. имъ подает. алетеж и дѣла лѣпшого имъ розеодку надто и дѣла ихъ самихъ цвичениа в томъ нелода оучономъ езыкоу словенскомъ ѡулиа. писаниа сѣтго матфеа и сѣтго марка и початокъ доуки. есть втои Ѡбогои моеи друкарни Ѡмене имъ выдруковано.

Дочого абы первеи сами и ихъ детки смыслы свои неиако готовали острили и вѣвре прицвичали тымъ часомъ тотъ катехисис¹⁾. а которіи сами зднаемъ своимъ, иако довшимаю зареч и есте потребнѣю, остли незараз, вѣжды з своимъ часомъ оузнаютъ имъ впередъ подаю. Ова ихъ охотными ихутливыми ку можлишимъ наукамъ в слово своемъ кѣстаточному розсудкѣ и ку оуместности пан оучинит ивзбоудить.

Ато небезвеликое се потреби чинитъ таа бо теперъ межи ними иако ѡстала, иако загинѣла. обачиване речей жалосныхъ кѣвалтомъ слова доѡсть гонит.

Во ахто бѣгобинны не задержитъ натакѣю казнѣ бѣжїю гледечи, хотбы немусилъ плакати. видечи такъ великихъ княжатъ. такихъ пановъ значныхъ. такъ мног(о) детокъ невинныхъ мужовъ з жонами в такомъ зац-

¹⁾ Ср. надписи на первомъ листѣ, передъ „предмовой: „Катехисисъ або соума наѣки детей въ христе Иисусе“. Послѣ двухъ текстовъ изъ Апостола: Иже имѣа свое подписывает, аесли тофалы своее ищючи кто не вскочетъ вѣритъ трудоно семѣ справит. але въ бѣгобинного само досыт іадне натово што намъ дѣла того задавако понасъ минмано бываесть вымовит. іако бысммы або дѣла встыдоу словомъ божиимъ подперети немогли, анаостатокъ же бы страхуючися дѣлатое правды чого естли бѣгъ допуститъ ѡтернѣти именъ нашихъ несиѣли подписоват. аведже дастъ бѣгъ вовсеи моеи погоре иокождомъ лепей иже особе розѡмѣючи.

номъ рускомъ азмаша передъ тымъ доустипномъ оучономъ народѣ. езыка своего славнаго занедбане, а просто възгардоу. скоторое запокаранемъ панскимъ онакъ аспаа ихъ вслове бжьемъ мдрость. акотораа имъ была праве яко врожонаа, гды ѡнихъ ѡишла, на ее мѣстѣ на-
 тыхъ мѣстѣ, такаа оплаканаа неѡметность пришла. же вжо неко-
 торіе и писмомъ се своимъ. азмаша вслове бжьемъ встыдаютъ. Анаоста-
 токъ што можетъ быти жалоснейшаа што шкарадша. и жъ итѣе што се
 межи ними зовутъ дѣловными, иѡчители, смѣле мовлю намней его
 невмеютъ, намней его вырозѡмена незнаютъ, аписевнемъ цвичат. але и
 ани школы коу наѡце его нягде не маютъ. зачимъ вполскіе, або в
 инне писма затакою неволею, немало и оу себе и дети небезъ всты-
 доу своего, бы се одно почули немалого заправоуютъ. Тутъ быхъ ѡ имъ
 ихже хотъ одного змноѡства личбы оныхъ слованъ, иоанна або гри-
 гориа которыхъ дле великое нетолко всвоемъ, але тежъ и врозныхъ езы-
 кахъ науки. идла вѡачное ихъ вымовы, ажъ золотоустыми звали.
 бы были живы радъ ихъ възалъ себе запричину донихъ в томъ. ана
 остатокъ засветка имъ тое речи. естлибъ бо теперъ были заисте зѡ-
 метъ бы се мусели видечи, яко окраса и оздоба народѡ ихъ, впо-
 томстве ихъ ѡишата, а просто загиноула. которимъ ѡ акже бы потреба
 се станетъ, о оудитоване самихъ надъ собою. гды бобы переѡѡчи вчасы
 давніе посмотрили. яко тобылъ зацныи славныи остріи доустипныи
 народъ ихъ вѡметности. иако многократъ посторонніе ѡчонне народы
 ихъ мдрость мусели похвалатъ. и овшемъ се ѡнихъ оучитъ. але бы хотъ
 самое писмо свое, тетра еѡлиа иапостола словенского. которое могу
 мовитъ передъ тысячею лѣтъ ѡнѡкоторого зслованъ выложено. акоторое
 неоднѡ възихъ, але иповеѡхъ цѣвахъ сербскихъ московскихъ волоскихъ
 булгарьскихъ, харвацкихъ инныхъ чтутъ ѡважали. истехто бы хотѣлъ
 аоумель тотъ выкладъ чести. обачилъ бы ихъ цѣлевалъ аснатъ изасобою
 оставилъ. тотъ мужъ нашъ милыи словенинъ латынскихъ инныхъ толма-
 човъ. ако властне слова згреческого выкладаа, и жъ трудно зрозѡметъ,
 чи болшь греческіи або словенскіи езыкъ оумелъ. и бы не было болшь,
 тогды и ѡтуа досытъ знакъ немалыи маемъ. акъ предъ тымъ словане,
 которымъ а што можетъ быти прироженшого одно не русъ, былъ людъ до-
 стипныи. а естли бы пакъ еще се коротко не фолкговало. азмаша

бы были вчитанью писмъ своих оних беглишними тоестъ же бы се не плонно им проводило.

Бы были мовлю што се там пишеть паметниками. о их довестиости острости іакіе оны синоды, з папою римским изъ иними памети годные мевали. іако мнозства людеи квѣре зблудов выдвигали. іако врозмаитых езыхах оучоными были, ктомъ іако живот светобливый вели. іако теж межи собою злых ифалшивых ввере братов знашали, лечили, направлали. іако зас оучителии своих, водле наѣки слова божего светобливым малженством Ѡинных ѡтделили. и их тым оздобных всим народом иверам ипониине ку прикладу праве іако свечъ чистостю малженства светачую были показали. было бы што заieste широче о них выписоват.

Але толко один іавный іенны авечное памети годный приклад их припомню. акоторіи без писма всим вѣдомыи значныи аправе видомыи ест. іако они дле так великое светобливости своее мимо иных таким гоиным даромъ были Ѡ пана оздобени. же не рекъчи мимо папу римског(о) але и мимо оных часов наученших народов. влибіи вантпохиі впентаполиі сыцыліі вмесопотаміи впалестыне вфиницыи иинде. іако то інаоко бы се Ѡсмотрѣти могло иѣ нам недалеких влохов немцов поліаков францѣзов гангликов гишпанов. а коротко мовечи всех на свете хрѣтианских народов вслове бѣжемъ прозрѣвши. сами одни толко того были доказали. же подлѣг науки іапольское своим влосным езыхом Ѡтак давного часу слово боже выложили имели інаи зоставили. Вчом иные вси народы их прикладом, ледве се аж затых наших веков обачили. идотого што не без малого забурениа іображеніа пришли. же слово бѣже златинских и иных писмъ, своим теж езыхом приржонным перекладати ичитати почали. Але дал бы то панъ, іжбы вы каждыи Ѡ себе, о зацные панове, которіи есте тои речи іакобы оіаами потаких фалебных предках своих позостали. іна мѣстьца их встѣпили. поневаж втом або жадное помочи люцкое дле греху нет. або толко вы сами томъ з мліи ку оіизне вашои помочи бысте могли. гдыж простота чѣвка бедного посполитого. навас очи завжды оудавала іѣдает. ізавами идет. втую потребѣ Ѡчизны вашое простоту грѣбую про недостаток

наѣки брати вашею прикладом своим милосерным. если есть што милости братерское Ѹ вас. гдыжъ межи всеми люцкостями ничего неест такъ власного азлаща богобоиному чѣвкѸ яко Ѹлитоване, которим оуказѸемъ пособе неѣкое подобенство добротливости бж҃ге. анаконецъ дле заплаты собе Ѡпана вечное, тому народу вашему неѣметностью заведеному иѸтрапеному допомагаючи. митрополита вашего, владыкѸ иѸчителеи ваших дотого прозбами вашими вели. жебы не подкупов не посулов дле поседаня столицъ один перед другим. недоживотеи ипривилъев, один над другого обварованейших. але слова бж҃его сами се оучили идругих змаетностей и іменеи Ѡ ваших предков имѸ не на марнотрацества, не настрои ишто такого. але дле наѣкъ наданных. ова бы кѸ наѣце, леч не такой яко тепер на вѣчныи свои встыд толко прочести итоледво всвоем езыку небольшъ Ѹчатее школы задожити инаѣку слова бж҃его Ѡтак много лѣт занедбанѸю выдвигнути братьи вашей хотели иѸсиловали. Которих иа не одному которому, але всем изстою потребою Ѡчизны вашей, богопоинои пилности ростропности и верности порѸчаю изоставую. просечи пана абых был готов если она доконца згинет знею згинут. або если через вашу ретунокѸ будет выдвигнена звами изнею выбринуть. атут вжо конецъ речи моеи чиню ¹⁾).

Которую замыкаючи, и то вжалости моеи мовлю если натот час занію невдѣчность мѣрдья бы бж҃его небыло. тоую казнь Ѡнас Ѡдалити. злаща тепер наоко видим, ижъ везде вси рѣчи злыми розсудками такъ сѸт попсованы, ижъ не можетъ бытъ ничего такъ добре поведено. нашто бы потвар немогла бытъ оучинена. а ни тежъ жадинь Ѡтог(о) чога се разхвати Ѡстгунит нехочетъ абы се не здал вчом поблудит. еще тежъ ижъ посполите бываетъ. же живого чѣка вдарехъ, азлаща своего або себе знаемого люди скромне ибезобразы зносит немогутъ, прото абых иприправдивои повести зостал излого

¹⁾ На поляхъ приписка: „передъ тысячю лѣтъ з геврейского ветхїи а з гречекого новыи заветъ то естъ всю библею, штожъ ивныхъ або толковыхъ писмъ ихъ предки выложили и в своихъ цр҃квахъ власнымъ езыкомъ своимъ и поніне оставили. Аони теперъ нетолко вгеврейскихъ але и всловенскомъ своемъ Ѹметность стратили“.

мнимани Ѹшоль. не мовлю всех але таких. ниѸсильноу прозбою. ни
 плонным забеганемъ анилагодными і прибавляющими доводы спирати
 хочѸ. але Ѹчинивши повинности своей досыт, мусим домаестату
 бѣгого отозватее перед которим вси стати мусимъ. автом ничего не
 вонтьпим. же оныи справедливыи судѧ реч нѣшоу пофалит, хотѧ ее
 так непрѣтели взгаржаютъ ивыкидают. А тепер побожного читол-
 ника дле хѧ просим. естли мнимае внас быт што выступно(о),
 або зстороны наѧки, або зстороны нас. абы тог(о) неприписовал
 нѣшоу злости але люцкои крепкости анеѸместности. аиж бы дле хѧ
 Ѹпшустиль. а естлиж так речест не мало в которой нам вину дает,
 нехай нас несоромотит, але нас нехай втом хрѣтианско напоминает.
 бо естосмы готови изъ іоаном крѣтителем здробнети абы нѣѧ хѣ росъ.

Наостаток всех побожных дле хѧ провимъ абы жадное васни
 немели против тым которіе насъ щипанемъ огижанем преследуют. або
 ижбы изъ іѧковом або іоаном не жадали спущени огнѧ знеба дле
 заборениа господы имесца Ѹних слову бѣжему азнами нехай заних пана
 бѧа просѧт. абы се Ѹшамѧтали азбавени были. и ижбы сами себе
 не зазрели так великое ласки бѣее, зыхже имъ достоинствоу изац-
 ностью зачинаючоо. Аминь.

Евангеліе Тяпинскаго.

Нседече іамѸ нагоре ѸливноѸ.
 прѣстѸпили кнѣмѸ Ѹчѣники на-
 Ѹдине, мовѣчи. рѣчи намъ коли
 тое бѸдетъ. нѣшто іельтъ за
 знаме твоеѸ прѣнѣчѣя, нѣкон-
 ченѣя векѸ. Н Ѹповѣдаючи нѣсѸеъ,
 рекъ имѧ. СѸтережитесе кы ниѧ-
 что васъ не зѧелъ. Многнѣ ко
 прѣидѸтъ бѣимени моеѸмъ, мо-
 вѣчи. Іѧ іѣтоамѧ ѧрѣстосѧ. нѣмно-
 гнѧхъ зѧедѸтъ. Н зѧельшепти ма-

Казанье св. Кирилла, 1596 г.

Гды хѣ сѣдѣѧ нагорѣ Ѹлик-
 нон; прѣстѸпили до него оѸче-
 ници осѸбно мѸвѧчи. повѣж
 нам коли тое бѸдет. нѣшто
 зазнак прѣходѸ твоеѸ недокон-
 ченѣ скѣчѧ, а Ѹповѣдаючи іѣ
 рекъ имѧ. СѸтережитѣ абы басѧ
 кто нездрѧднѧ авокѣм много
 нѧ прѣидѣт конѧмъ мое мовѧчи
 іаестѣм хѣ, многнѧхъ перелѧстѧт.
 авѸдетѣ слышати шконѧх и Ѹпс-

ѣте войны и слухи о войнахъ. Смот-
рите, не лекачѣе, погубеа бо
всему тому быти. але не тогда
ѣ сконченѣе. Повстанетъ бо на-
родъ противъ народу, и королев-
ство противъ королевству. и вѣ-
дѣтъ голоды и моріи и тресенія
по мѣсахъ. Лечъ все тоѣ поча-
токъ болельтамъ. Тогда пода-
дутъ васъ въ трупенія, и забь-
ють васъ. и вѣдѣте ненавидени
ѡ всихъ народовъ имени моего
дела. Тогда згоршатся мно-
гие, и другъ друга выдадутъ,
и незнавидитъ другъ друга.
И многие живые пророки по-
станутъ и вѣдѣуть многихъ.
И для размноженія беззаконія.
озлѣнеть многость многихъ
лечъ вытепѣвшіи до конца, тогъ
збавитъсѣ. И проповѣднѣе таа
евангелія королевства по всей
земли, на вѣдоуцѣство всмихъ
народомъ. и тогда прійдетъ
скончєнїе. Гды протобзрите
мѣрзкоусть спѣстошенїа реченю
черезъ данїла пророка, стоучю
на мѣцы вѣтомъ. Которїи чтегъ
нехан розумѣетъ. тогда еуду-
чїе вѣдѣн, нехан отѣкають на
горы. И которїи на крѣбли, не-
хан несходитъ вѣзати што вѣдо-
му его. И которїи народїи, не-
хан неворочаѣтсѣ назадъ вѣзати

вѣдн военные, смотрѣте а не-
лакантѣе. прїстонтъ вѣвѣм
всѣмъ томъ быти, але не тогда
еще естъ кончина а вѣвѣм пок-
станетъ народъ на народъ, и крѣблѣ-
ство на крѣблѣство. и вѣдѣтъ го-
лоды и морїи и тресѣне помѣстѣом,
а то все початокъ болельтамъ. то-
гда выдадутъ васъ на французїки,
и вѣють васъ и вѣдѣте вѣнавидени
оу всѣхъ народѣе для имени мо-
его. и тогда погоршатсѣ ихъ
многѣ и еден другого. и многѣ
фалшнвѣхъ пророкѣе повстанетъ
и перелстатъ многихъ. а для мно-
гого беззаконства и згаснетъ лю-
бовъ многихъ. а кто вытепнитъ до
конца тогъ спѣетсѣ. и проповѣсѣа
евгѣлїе царствѣа по всей (и) вселен-
но (и), на вѣдоуцѣство вѣвѣм наро-
домъ, и тогда прійдетъ кончина.
И гды оузрите вѣвѣднвѣе спѣ-
стоуцѣнїа реченю Данїломъ про-
рокомъ стоучю на мѣцыи стоумъ,
а что читаетъ нехан розумѣетъ.
тогда которїи вѣдѣтъ вѣждѣ-
ствѣе, нехан еѣжатъ на горы. а ко-
торїи на дахъ нехан несходитъ
вѣзати што вѣдомъ его. и ко-
торїи народїи нехансѣа вѣзадъ на-
вертаетъ вѣзати шатъ своихъ. а вѣ-

одежѣ ѿвоихѣ. Беда пакѣ беремѣннымъ иперѣсали кормачимъ вътыѣ дни. Лечѣ молитѣе бы небыло ѡтѣканѣ вашо знаме, нѣсѣботѣ. Бүдѣтъ бо тогды, ѡтрапенѣ великоѣ, іакоѣ не было ѡпочаіткү съвета, догүаль. аннмаѣтъ быти. Нѣсли нѣбыланѣ ѡкорочены днитыѣ, нѣбылоѣ нѣсѣте заховано каждоѣ тело. Дла выѣраныхѣ пакѣ деле ѡкоротатѣсѣ днн тыѣ. Тогды есліхто речѣтъ вамъ ѡтѣозде христѣосѣ, аѣо онде, неимите веры. Поѣстанѣтъ боѣжнвыѣ хриітѣосы, илживыѣ прѣрокн. идадүтъ знамена великнѣ ичюда. ижебы звели если можно нѣвыѣраныѣ. ѡто ѣпередѣ рѣкломѣ вамъ. вѣсли прѣто рѣкѣтъ вамъ, ѡто ѣпустыни есѣтъ, нѣвыходѣтъ. ѡто ѣскрѣтѣосѣтѣхѣ, неимите веры. Іакѣ бо маланыѣ выходѣтъ ѡ вѣходѣ иѣаглѣтѣсѣ назаходѣ. пакѣ бүдѣтъ ипрѣнѣтѣ сына чоловѣчѣго. Гдѣ бо кольвѣк бүдѣтъ трѣпѣ, тамѣ зѣвѣрүтѣсѣ ѡрлы. А натыхѣ мѣстѣхѣ поѣтрапѣнн днѣн тыхѣ, солнцѣ затѣмнѣтѣсѣ, и мѣсѣцѣ недаѣтъ свѣтѣла ѣвоѣго. и звѣзды зѣпадѣтъ знеба и мѣцы нѣбѣныѣ поѣрушатѣсѣ.

да беремѣннымъ иперѣсали кормачимъ конѣ дны. Млѣтѣсѣ аѣы небыло оутѣкѣанѣ вѣше знѣмѣ, анѣ ѣѣботѣ. бүдѣтъ боѣтѣм тогды оутѣрапенѣ великоѣ, іакоѣ небыло ѡпочаіткѣ свѣтѣа аж до ты анѣбүдѣтъ. нѣслибы нѣѣкорочены дны оныѣ нѣбылоѣбы зѣавлено велкоѣ тѣѣло аѣе дла выѣраныхѣ оѣкорочены бүдѣтъ дны оныѣ. тогды если кто вамъ рѣчѣтъ, обо тѣ хѣ, аѣбо онде нѣвѣрѣтѣ. Поѣстанѣтъ боѣтѣм лжехриітн илживыѣ прѣрокн. идадүтъ знакн ичюда, аѣы звели если возможна рѣч инаѣвыборѣнѣшинхѣ. ѡто ѣпередѣ поѣтѣлемъ вамъ прѣто если рѣкѣтъ ѡто ѣпѣстыни есѣ нѣвыходѣтѣ ѡто ѣпоколѣхѣ неимѣтѣ вѣри, аѣбоѣтѣм іакѣ блнскѣвнѣца выходнт ѡвѣходѣ, инаѣвлѣтѣсѣ аж назаходѣ так бүдѣтъ ипрѣходѣ снѣ члѣкаго. Агдѣ боѣтѣм бүдѣтъ трѣпѣ, тамѣа зѣвѣрѣтъ нѣрлы. аза раз поѣтрапѣннѣю днѣв оныхѣ слнцѣ затѣмнѣтѣсѣ илѣцѣ недаѣ свѣтѣа своѣго. А звѣзды спадѣтъ, знеба, и мѣцы нѣбѣныѣ поѣкнѣнѣтѣсѣ тогды іавнѣтѣсѣ знама сына члѣчѣскаго нанѣси и тогды плакатѣсѣа

И то́гда я́внѣтся зна́ме сына
 члове́чѣго на не́бѣ. и́ то́гда
 вѣ́плачутся всѣи по́коленія́ зем-
 лѣи́ и ѡ́звѣтъ сына члове́чѣго
 приходя́щого на о́болокохъ не-
 бе́сныхъ зѣмоцѣю́ и́лавою́ мно-
 гоу́.

вѣ́дутъ всѣ́ по́коленія́ землѣ́.
 и оу́звѣтъ и́на члѣ́чкого и́дѣ́чого
 на облацѣ́хъ не́бныхъ. змоцѣ́ из-
 славою́ великою́.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ФЕВРАЛЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.
ФЕВРАЛЬ.

Годъ восьмой.

ТОМЪ XXIV.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Воспоминанія Н. И. Усовой о Т. Г. Шевченкѣ. Съ примѣчаніями М. К. Чалаго. Н. Зарянки. (297—313).
- II. Русскія колоніи въ Добруджѣ. II. Лупулеску. (314—336).
- III. Бѣлая Панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавш. поэта). V—IX. (Оконч). Г. А. Мачтета. (337—387).
- IV. Воспоминанія М. К. Чалаго. III. (388—402).
- V. Культурныя переживанія. V—VI. проф. Н. О. Сумцова. (403—423).
- VI. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. Памфила Левицкаго. (424—444).
- VII. Скорбный листъ архива Малоросс. Коллеги. Ив. В. Теличенка. (445—458).
- VIII. Документы. Извѣстія и Замѣтки. Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. М. Чалаго. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край I—II. Н. Петрова. Бѣлорусскія колядки. Хр. Ящуржискаго. Народныя разказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ. Сообщ. А. Свичь. Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1780—82 гг. В. П. Науменка. Къ исторіи зарожденія Кіевскаго дворянскаго собранія. В. П. Науменка. Изъ воспоминаній о П. П. Артемовскомъ-Гулакѣ А. III. Стефанъ Начала (непр); К. X. (459—512).
- IX. Для справокъ. (506—512).
- X. Библиографія. П. В. Владиміровъ. Докторъ Францисъ Скоруина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб 1888 г. А. Степовича. Б. Хмельницкій. Ист. повѣсть для юнош., О. И. Роговой.
- Изд. А. Ф. Девриена. Спб. 1888 г. О. Л. Юл. Солтынь Романскій. Вѣнецъ слав. поэтовъ. Сборникъ памяти поэзіи славянск. міра, Т I. Слово о Полку Игоря древнеславянск. (?) поэма XII в. съ переводомъ: на русскій (новорусскій?), чешскій и польскій. Львовъ Ц. Гульд. А. Степовича. Igowski. — Ostatnia starościna Zwınogrodzka. Kraków. 1888. B. A Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guillaume de Rubruquis, envoyé de Saint Louis et Marco Polo, marchand venitien (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et littéraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la Bibliothèque de l' Arsenal). П. Голубовскаго. Краткое описаніе излѣдованія рѣки Днѣпра, раздѣленное на пять участковъ: 1) отъ Смоленска до Лоева; 2) отъ Лоева до Кіева; 3) отъ Кіева до Енатинослава; 4) отъ Енатинослава до Александровска и 5) отъ Александровска до лимана. Издано статистическимъ отдѣломъ Минист. Путей Сообщ. С.-Петербургъ. А. Д. Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ. Дресь-Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскихъ театровъ. Изданіе В. В. Сидана. Н. Т. Виленскій Календарь на 1889 г. Н. Т. Обзорніе журналовъ и газетъ за 1888 и 1889 г. Книги вышедшія съ 1888 года, касающіяся ю. Россіи (513—560).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.

2) Южнорусское житіе св. Владиміра XIV в. съ пред. проф. П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Дозволено цензур. Київ, 31 -го Январа 1889 г.

ВОСПОМИНАНІЯ Н. И. УСКОВОЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ М. К. ЧАЛАГО.

Наталья Иракліевна Ускова съ вдохновеннымъ Кобзаремъ провела лишь первые годы своего дѣтства и самолично немного удержала въ памяти о событіяхъ того счастливаго, по ея заявленію, времени, когда Тарасъ Григорьевичъ былъ для нея другомъ—нянею; но постоянно повторяемые рассказы и воспоминанія ея родителей, которые прожили съ Шевченкомъ къ Новопетровскомъ укрѣпленіи послѣдніе пять лѣтъ его ссылки до самаго его освобожденія¹⁾, много пополнили свѣдѣнія, касающіяся той жизни поэта.

Услышавъ отъ нея въ первый разъ рассказъ о Ш-кѣ въ 1882 году, я записалъ его и затѣмъ напечаталъ въ 75 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за тотъ же годъ, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія Наты о дядѣ Тарасѣ“. Въ настоящее время мнѣ удалось получить отъ той же Н. И. еще нѣсколько свѣдѣній по тому же предмету и три собственноручныхъ письма Т. Г.—ча къ ея отцу. Все это и помѣщается ниже.

Отецъ Н. И.—ны Ираклій Александровичъ Усковъ до 1853 года служилъ въ Оренбургѣ, состоя адъютантомъ при главномъ начальникѣ оренбургскаго края гр. В. А. Перовскомъ. Въ 1853 году онъ былъ назначенъ комендантомъ Новопетровскаго укрѣпленія и, прибывъ туда, нашель Т. Г. Шевченка, въ

¹⁾ При комендантѣ Усковѣ Ш—ко прожилъ въ укрѣпленіи около четырехъ лѣтъ, именно съ осени 1853 по 2 августа 1857-го.

качествѣ рядоваго, въ жалкомъ положеніи: ближайшіе начальники обращались съ нимъ слишкомъ строго ¹⁾).

Съ прибытіемъ Ускова, такое суровое обращеніе съ опальнымъ солдатомъ прекратилось и заявленія нѣкоторыхъ лицъ о томъ, что Т. Г. былъ притѣсняемъ до самаго его освобожденія, совершенно неосновательны. Еще въ Оренбургѣ, когда стало извѣстно, что комендантомъ Новопетровскаго укрѣпленія назначается Усковъ, многіе добрые люди ²⁾ просили его сдѣлать все возможное къ облегченію участи Ш—ка и предупредили о его слабости къ вину.

Первая встрѣча Ускова съ Т. Г.—чемъ послѣдовала на смотру, когда чины укрѣпленія представлялись новому коменданту. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ смотра, какъ Ш—ко нашель теплое сочувствіе и самый радушный приѣмъ въ домѣ Ускова ³⁾. Недовѣрчивый вообще къ людямъ, при пер-

¹⁾ Въ первые два года пребыванія Ш—ка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи комендантомъ былъ Антонъ Петровичъ Маевскій, который очень любилъ Т. Г.—ча и принималъ его у себя въ домѣ, не какъ солдата, а какъ умнаго собесѣдника, что случалось очень часто, такъ какъ А. П. былъ старый холостякъ и вель жизнь, что называется, отца командира, вполнѣ холостую. Жилъ Кобзарь въ его комендантство постоянно въ казармахъ, но имѣлъ тамъ, по протекціи доктора Никольскаго, особенную койку и не посылался на черныя работы. Въ эти два года Т. Г. нарисовалъ нѣсколько портретовъ и получалъ безпрепятственно черезъ коменданта письма и деньги. Въ концѣ 1852 года Маевскій скончался и Ш—ко лишился въ немъ покровителя; батальонное же начальство отнеслось къ нему весьма сурово. Въ письмѣ своемъ къ Гулаку поэтъ горько жалуется на угнетеніе: «Якъ бы ты побачивъ мижъ якимъ людомъ верчуся я!... А я у нихъ въ кулакѣ сижу: давятъ, безъ всякаго милосердія давятъ, а я повинень ще й кланяться, а то визьме тай роздавить, якъ ту вопу мижъ ногтями».

Такъ продолжалось со дня смерти А. П. Маевского вплоть до прибытія въ укрѣпленіе новаго коменданта, почти цѣлый годъ.

²⁾ Это были К. И. Гернь, Ѳ. М. Лазаревскій и Матвѣевъ.

³⁾ Комендантъ Усковъ, въ первый годъ своего пребыванія въ укрѣпленіи, дѣйствовалъ, въ отношеніи Ш—ка, чрезвычайно осторожно, опасаясь доносовъ, которыми кипѣлъ этотъ забытый Богомъ и проклятый людьми край.

вой съ ними встрѣчѣ, онъ и въ данномъ случаѣ не сразу повѣрилъ искренности добряка Ускова, но скоро, убѣдившись въ ней, сдѣлался постояннымъ гостемъ и дорогимъ собесѣдникомъ, а затѣмъ и преданнымъ другомъ семьи коменданта.

Новопетровское укрѣпленіе, гдѣ поэтъ провелъ послѣдніе семь лѣтъ своей изгнаннической жизни, нынѣ уже упраздненное, во время его тамъ пребыванія, представляло собой небольшой укрѣпленный пунктъ съ девятью или десятью орудіями и было расположено на обрывистой известковой скалѣ западной оконечности полуострова Мангиплака, верстахъ въ трехъ отъ берега Каспійскаго моря. Небольшая каменная церковь, комендантскій домъ, караульный домъ, госпиталь и нѣсколько каменныхъ флигелей для помѣщенія нижнихъ чиновъ и офицеровъ—вотъ все, что находилось въ крѣпости и было окрашено въ желтый казенный цвѣтъ. Около крѣпости, подъ горой, нѣсколько армянскихъ лавокъ, а кругомъ голая степь и ни признака растительности.

Въ годъ прибытія коменданта Ускова, именно осенью 1853 года, были посажены первыя вербы ¹⁾, въ разстояніи около версты отъ укрѣпленія, на мѣстности болѣе для того пригодной, и послѣ многихъ и долгихъ усилій, съ помощью чернозема и деревьевъ, привезенныхъ изъ Астрахани, удалось устроить садъ, нѣкоторыя деревья котораго ко времени отъѣзда III—ка давали уже значительную тѣнь. Въ саду былъ построенъ небольшой одноэтажный въ двѣ комнаты домъ съ плоскою крышей, гдѣ въ

Получивъ на имя своего предмѣстника письмо, для передачи Т. Г.—чу, со вложеніемъ 20 рублей, онъ хотѣлъ было отослать его обратно, но батальонный докторъ Никольскій, большой поклонникъ поэзіи Кобзаря, упросилъ Ускова не дѣлать этого. Значить, не «черезъ нѣсколько дней», а почти черезъ годъ поэтъ нашелъ «радушный приѣмъ въ домѣ коменданта».

¹⁾ Первая верба была посажена самимъ III—комъ въ 1850 году. «Когда меня препроводили изъ Орской крѣпости въ Н. П. укрѣпленіе, въ Гурьевѣ Городкѣ я поднялъ на улицѣ свѣжую вербовую палку и, принеши ея въ укрѣпленіе, воткнувъ въ землю на гарнизонномъ дворѣ» (см. письмо III—ка къ художнику Осипову въ «Основѣ»).

лѣтнее время помѣщалась семья коменданта, и двѣ деревянныя бѣсѣдки, изъ которыхъ одна, шестигранной формы, съ тремя небольшими окнами и конической крышей, а другая ажурная съ плоской крышей; первая служила для ночлега Т. Г—ча, а вторая для дневнаго отдыха въ тѣ дни, которые онъ проводилъ въ саду ¹⁾).

Первое облегченіе ссыльной жизни Ш—ка выразилось тѣмъ, что комендантъ Усковъ, со вступленіемъ своимъ въ должность, не требовалъ уже отъ него несенія солдатской службы со всею строгостью, которую налагала на рядоваго военная дисциплина, допустивъ появленіе его въ строю лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда манкированіе службой могло повлечь за собою непріятности.

Жилъ Т. Г—чъ не въ казармахъ, какъ было до сихъ поръ, а съ кѣмъ нибудь изъ офицеровъ ²⁾ въ зимнее время, а лѣтомъ въ комендантскомъ саду; очередныхъ дежурствъ и караульной службы не несъ, нанимая, когда приходила такая очередь, за себя какого нибудь рядоваго. Обѣдалъ въ семьѣ Ускова зимою и лѣтомъ ежедневно, за исключеніемъ лишь тѣхъ дней, когда чувствовалъ не въ мѣру выпитую рюмку вина: въ этихъ случаяхъ Т. Г—чъ обѣдалъ у знакомыхъ офицеровъ или являлся въ комендантскую кухню, гдѣ, войдя въ дипломатическія сношенія съ поваромъ, по секрету что нибудь съѣдалъ и уходилъ незамѣтно. Такимъ образомъ, отсутствіе Ш—ка въ домѣ коменданта въ обѣденное время обыкновенно обозначало, что онъ выпилъ лишнее и не является къ столу, чтобъ не вызвать со стороны Ускова и его жены обычныхъ въ этихъ случаяхъ назиданій.

¹⁾ Любимѣйшимъ мѣстомъ отдохновенія для Т. Г—ча служила также и его разросшаяся въ большое дерево верба; подъ ея тѣнью онъ съ пріятелемъ Фіалковскимъ штудировалъ эстетику Либельта (см. Дневникъ въ «Основѣ»).

²⁾ Жить съ офицерами рядовому Ш—ку не позволяла строгость военной дисциплины. Одиъ изъ нихъ Мостовскій предлагалъ поэту поселиться у него на квартирѣ, но тотъ не согласился, подъ опасеніемъ доноса, который вслѣдъ затѣмъ и не замедлялъ послѣдовать. Сдѣлалъ его какой то М—въ: «Какую подлую клевету могъ вывести этотъ отвратительный надворный совѣтникъ изъ нашего сожительства» пишетъ поэтъ въ дневникѣ.

Суровый, непривѣтливый, съ мѣшковатой походкой, Ш—ко производилъ первое впечатлѣніе неблагоприятное, но, по мѣрѣ дальнѣйшаго съ нимъ знакомства, каждый незамѣтно привязывался къ нему и въ Новопетровскомъ укрѣпленіи мало было людей, которые относились къ нему недоброжелательно. Однакожь были и такіе люди. Нѣкоторыхъ офицеровъ, по ихъ неразвитости, весьма шокировало пребываніе рядоваго Ш—ка въ ихъ обществѣ въ домѣ коменданта, какъ гостя; имъ не нравилось явное предпочтеніе, оказываемое ему, и допускаемья Усковымъ облегченія, которыя выражались и тѣмъ, что Т. Г—чу не препятствовали писать и рисовать, а даже помогали ему въ томъ. Все это приводило въ негодованіе недоброжелателей поэта, вооружало ихъ противъ коменданта и дало поводъ еще къ одному доносу генераль-губернатору Перовскому. Впрочемъ доносъ этотъ графомъ принятъ не былъ. Подробности этого дѣла изложены въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева о Шевченкѣ¹⁾.

Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи Тарасъ Григорьевичъ былъ душою общества. Рѣдкій пикникъ, рѣдкая прогулка совершались безъ его участія и въ часы хорошаго расположенія духа не было конца его шуткамъ и остроуміямъ. При поѣздкахъ новопетровскаго общества на гулянья онъ обыкновенно садился въ экипажъ съ провизіей и бралъ на свою отвѣтственность охраненіе бутыли съ водкою; однако привозилъ ее на мѣсто прогулки далеко не полною; а потому собутыльники предложили ему выбирать мѣсто подальше отъ бутылокъ.

¹⁾ «Подробности», сообщенныя Тургеньевымъ, ни на чемъ не основаны. Ѳ. М. Лазаревскій, близко знавшій отношенія гр. Перовскаго къ окружавшимъ его лицамъ, не допускаетъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ осмѣлился ваушничать этому гордому и недоступному вельможѣ. Еще неправдоподобнѣе другой рассказъ—Лѣскова о томъ, что яко бы Перовскій собственноручно билъ Ш—ка: въ продолженіе 7 лѣтъ, при гр. Перовскомъ, Т. Г—чъ безвыходно находился въ укрѣпленіи, гдѣ Перовскій не бывалъ никогда, слѣд. и не могъ изъ Оренбурга достать поэта, за 800 сляшкомъ верстъ. Собственноручная рукопашная расправа была вовсе не въ характерѣ гр. Перовскаго; никогда этотъ гордый и сильный человекъ не унижился бы до того, чтобы лично кого нибудь бить.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ на Хангу Бабу ¹⁾ (небольшая лощина, лежащая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія, имѣвшая десятокъ тутовыхъ деревьевъ, дававшихъ тѣнь), Ш—ко лежалъ на коврѣ и болталъ съ офицеромъ. Послѣдній, замѣтивъ, что Т. Гр. выпилъ лишнее, вздумалъ подшутить надъ нимъ: собравши разсыпанные по степи „орѣшки“, потерянные гуртами овецъ, онъ предложилъ ихъ Ш—ку за кедровые, тотъ попробовалъ... Почувствовавъ, что это было въ дѣйствительности, онъ не высказалъ неудовольствія, и занялся мыслию, какъ бы наказать шутника. Возвратясь въ садъ, онъ набралъ клещевиннику (изъ котораго готовятъ касторовое масло), состряпалъ самъ лично соусъ, и, пригласивъ къ себѣ офицера на завтракъ, накормилъ его этимъ соусомъ. Гость, конечно, скоро почувствовалъ дѣйствіе оригинальнаго блюда...

Не бѣгалъ Т. Гр. и дамскаго общества, которое также иногда не прочь было подтрунить надъ нимъ. Такъ, однажды было рѣшено сдѣлать пельмени,—любимое блюдо поэта,—такъ какъ онъ заспорилъ, увѣряя дамъ, что съѣстъ ихъ цѣлую сотню. Барыни, сговорясь между собою, изготовили пельмени, по возможности, покрупнѣе и, чтобы затруднить ѣдоку выиграть пари, нѣсколько изъ нихъ начинили одной горчицей или однимъ перцемъ. Но Ш—ко, къ удивленію многочисленнаго участвовавшаго въ завтракѣ общества, не поморщившись, одинъ за другимъ уничтожилъ цѣлое блюдо ²⁾.

¹⁾ Въ первый годъ своего пребыванія въ укрѣпленіи поэтъ, вмѣстѣ съ Брониславомъ Залѣскимъ, предпринималъ экскурсію на Хангу Бабу, но не съ цѣлю покутить на свободѣ, а полюбоваться хоть тощею растительностію и порисовать деревья. Разставшись же съ нимъ, Т. Гр. любилъ посѣщать это мѣсто, освященное дружбой; ему «такъ сладко было сидѣть тамъ, подъ вѣтвями стараго дерева, обнажившаго свои корни»...

²⁾ «Отуманенный лестию» (пишетъ Ш—ко въ своемъ дневникѣ) «я не имѣлъ силы, во вредъ желудку, отказаться отъ *пельменей*: они были мастерски приготовлены... (послѣ продолжительной прогулки) я сладко заснулъ и видѣлъ во снѣ Новгородъ-Сѣверскій; по улицѣ ѣздили огромные рыжіе, пьяные монахи, тутъ былъ и Семень (Гулакъ)... Это все пельмени такъ наметаморфозили»....

Если какая нибудь дама, подтрунивая надъ тяжеловатостію и неповоротливостію Ш—ка въ движеніяхъ, заявляла, что въ него не легко влюбиться, Т. Г. въ отвѣтъ напѣвалъ съ улыбкой русскую пѣсню: „Ходить вѣтеръ у воротъ“, особенно сильно налегая на послѣдній ея куплетъ:

Дувуль вѣтеръ и Авдѣй
 Полюбился снова ей,
 Дунетъ вѣтеръ еще разъ—
 И полюбится Тарась.

Дѣтей Ш—ко очень любилъ. Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи любимицей его была именно Наталья Иракліевна, старшая дочь Ускова, родившаяся чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прибытія ея родителей въ фортъ. Съ ней поэтъ постоянно дѣлилъ часы досуга, рассказывалъ о своей дорогой родинѣ понятнымъ ей дѣтскимъ языкомъ, дѣлалъ ей удочки, плелъ корзины и пѣлъ пѣсни, то грустныя, заставлявшія сжиматься ея дѣтское сердечко и проливать слезы, то веселыя. И несказанно любила Наталенька ¹⁾ своего дядю—Горича, какъ она его называла. „Истый Тарась Горичъ, мое серденько, моя ясочка!“ приговаривалъ поэтъ, цалуя ее.

Для своей любимицы, Наточки, онъ оставлялъ кусочки сахара отъ утренняго чаю, которые, иногда запачканные мухами, служили ей лучшимъ лакомствомъ.

Случалось, что Т. Гр. появлялся въ домъ коменданта съ покрашеннымъ носомъ, тогда малютка Ната заботливо ходила за дядей Горичемъ съ баночкой спармацетной мази, упрашивая его помазать носъ, такъ какъ, по ея дѣтскому убѣжденію, никакого другаго цѣлебнаго средства не существовало.

Непривыкшая видѣть дядю Горича курящимъ, она однажды была поражена, увидя его вечеромъ съ дымящейся сигарой въ зубахъ ²⁾, и когда онъ пытался поймать ее, чтобъ поцѣловать,

¹⁾ «Кого любятъ дѣти, тотъ еще не совсѣмъ поганый человѣкъ», говаривалъ о себѣ Тарась Григорьевичъ.

²⁾ Ш—ко былъ не изъ курящихъ; но В. М. Лазаревскій соблазнилъ его, приславъ въ подарокъ 25 сигаръ «настоящихъ гаванскихъ». «Взявъ три

со страхомъ убѣгала, боясь быть обожженною. Лѣтомъ, послѣ обѣда, онъ часто усаживался на каменную скамью террасы комендантскаго дома и какъ только дѣвочка приближалась къ нему, Т. Гр., со словами: „сейчасъ пуцу ракету!“ быстро проводилъ раковиной по камню и заставлялъ ее поспѣшно убѣгать, добродушно смѣясь ей страху.

Незадолго до своего отъѣзда, именно 4 июня 1857 года, въ день рожденія Наташеньки, Ш—ко устроилъ транспарантъ съ вензелемъ ея, установилъ его въ концѣ сада и вечеромъ освѣтилъ разноцвѣтными огнями; а когда поэтъ, покидая Новопетровское укрѣпленіе, собирался въ дальній путь, онъ подарилъ своей любимицѣ ея портретъ, нарисованный имъ сепіей, и книгу „О подражаніи Христу, переводъ Сперанскаго“¹⁾. На подаркахъ этихъ собственноручныя надписи: „Милой умницѣ Наташенькѣ на память отъ дяди Тараса Шевченка“.

Живописью въ укрѣпленіи, особенно въ послѣдніе годы, Т. Гр. занимался весьма усердно. Масляными красками и акварелью онъ не работалъ, а всѣ рисунки сдѣланы сепіей или карандашомъ. Сюжетами для нихъ обыкновенно служили окрестные виды и ближайшіе киргизскіе аулы. Было нарисовано и нѣсколько портретовъ²⁾. Усковымъ на память о прожитомъ съ ними времени и о самомъ себѣ Ш—ко оставилъ портреты: жены коменданта Агафьи Емельяновны, со старшей дочерью на рукахъ, Каги—няни Наташиной, въ киргизскомъ, костюмѣ и пять пейзажей: на двухъ изображены ближайшіе къ укрѣпленію

оставшіяся у меня завѣтныя сѣгары, я пришелъ на огородъ къ вечернему чаю и попотчивалъ Ир. Ал. и его гостя и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Наташеньки, немало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчащую дымящуюся сѣгару, хотя и находили, что мнѣ она къ лицу» (Дневникъ).

¹⁾ Книга эта—дорогой подарокъ княжны В. Н. Репниной—была очень дорога поэту и онъ не безъ сожалѣнія расстался съ нею.

²⁾ Къ послѣднимъ двумъ годамъ ссылки относятся превосходные рисунки Т. Гр—ча, которые онъ отсылалъ Бр. Залѣскому, какъ запретный плодъ, подъ именемъ «разныхъ кусковъ шерстяной матеріи»; выручка отъ продажъ ихъ отсылалась въ укрѣпленіе. Отсылаемая тому же лицу стихотворенія извѣстны были подъ названіемъ «сваченой воды».

аулы, на другихъ двухъ комендантскій садъ—въ первый годъ его существованія и въ годъ отъѣзда поэта; пятый пейзажъ представляетъ видъ самаго Новопетровскаго укрѣпленія со стороны моря.

Находя въ семействѣ Ускова постоянно самый радушный, сердечный пріемъ и теплое участіе, Т. Гр. отвѣчалъ на то полною преданностію. Однако съ Усковыми у него случались и размолвки. Жена коменданта и самъ Ираклій Александровичъ находили нужнымъ удерживать Ш—ка отъ его слабости и это обстоятельство иногда бывало поводомъ нѣкотораго недоразумѣнія, что впрочемъ скоро забывалось¹⁾. За исключеніемъ размолвокъ, о которыхъ только что сказано, между Ш—комъ и Усковымъ существовали ~~самыя~~ лучшія отношенія. Когда у Т. Гр. не было денегъ, онъ ссужался ими у Ираклія Александровича, съ нимъ онъ занимался и фотографіей. Книжки и рисовальныя принадлежности высылались поэту его далекими друзьями на имя коменданта, чрезъ котораго велась вся переписка. Такимъ образомъ и радостное извѣстіе, полученное имъ отъ М. М. Лазаревскаго о давно ожидаемой свободѣ, было передано при слѣд. письмѣ къ Ускову:

¹⁾ Добрѣйшая душа Ир. Ал., подъ опасеніемъ большой отвѣтственности за фамиліарное обращеніе съ нижнимъ чиновомъ, пріянялъ поэта въ свою семью, какъ роднаго. Помню глубокой признательности, какую, естественно, должнъ былъ питать къ Ускову обездоленный изгнанникъ, въ его душѣ, открытой для всего изящнаго, пробудилось иное чувство: онъ влюбился въ комендантшу: «Это одно единственное существо, которымъ я увлекаюсь до поэзіи... (сознается онъ Залѣскому). Да и могло ли быть иначе въ присутствіи высоко нравственной и физически прекрасной женщины? Я подлюбилъ ее возвышенно чисто, всѣмъ сердцемъ и всею благодарной моею душой»... Но несмотря на такую пламенную любовь, близкую къ обожанію, подъ конецъ своей ссылки, нашъ Кобзарь разочаровался въ ней. Охлажденіе къ прекрасной «Агатѣ» произошло отъ осторожнаго съ ея стороны намека на благодѣянія, оказываемыя въ ея домѣ рядовому Ш—ку. «И я, (пишетъ Т. Гр. ~~Залѣскому~~ ^{Залѣскому} ~~въ давнишнѣ~~) отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и повторилъ слова флорентинскаго изгнанника:

Горекъ хлѣбъ подаванія

И жестки ступеньки чужого крыльца.

С.-Петербургъ. 2 мая 1857 года.

М. Г. Ираклій Александровичъ!

Прилагая при семъ 75 рублей для передачи Тарасу Григорьевичу, я увѣренъ, что и Вы обрадуетесь его радости.

Будьте добры, выгоняйте его скорѣе оттуда. Извините, что я не въ первый разъ уже беспокою Васъ своими просьбами, не бывши съ Вами знакомъ... Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ было прислано и другое, на имя самого Шевченка (см. Біографія стр. 95).

Оффиціальное извѣстіе о свободѣ рядоваго Шевченка пришло къ коменданту 21 іюля и Усковъ, не дожидаясь изъ Оренбурга указа объ отставкѣ, выдалъ ему на свой страхъ пропускъ до самаго Петербурга. Г. Гр. выѣхалъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія 2 августа вечеромъ, напутствуемый лучшими пожеланіями людей, искренно его любившихъ.

Первое письмо, полученное Усковымъ отъ поэта, послѣ его отъѣзда, было изъ Астрахани отъ 10 августа 1857 года, но оно затерялось. Слѣдующее затѣмъ письмо отъ 12 ноября получено изъ Нижняго Новгорода; третье отъ 17 февраля 1858 года тоже изъ Нижняго, а четвертое—изъ Петербурга.

I.

12 ноября 1857 года. Нижній Новгородъ.

Многочуважаемый Ираклій Александровичъ!

Давно уже я собираюсь описать вамъ все случившееся со мною со дня, въ который я послалъ вамъ мое письмо изъ Астрахани, т. е. съ 10 августа, но для этого описанія не доставало главнаго матеріала т. е. конца, заключенія этого на диво курьезнаго путешествія.

22 августа выѣхалъ я изъ Астрахани, вмѣстѣ съ семействомъ А. А. Сапожникова, съ которымъ мы возобновили старое знакомство. 19 сентября прибыли мы благополучно и весело въ Нижній Новгородъ и того же дня полиціймейстеръ объявилъ мнѣ, что я за настоящимъ указомъ объ отставкѣ долженъ отправиться обратно въ Оренбургъ. Такое милое предложеніе меня не мало

озадачило, но я вскорѣ оправился т. е. заболѣлъ и самъ написалъ въ Оренбургъ и добрыхъ людей просилъ написать о себѣ прямо Катенину, прося его развязать сей гордіевъ узелъ какъ нибудь помягче. Пока этотъ таинственный узелъ развязывался, я хворалъ, бродилъ по грязнымъ нижегородскимъ улицамъ и скучалъ до ипохондріи. Наконецъ вчера здѣшній военный губернаторъ получаетъ отъ генералъ-губернатора оренбургскаго подробное объясненіе моего увольненія отъ военной службы. Объясненія эти вчера же прочитаны мнѣ. Въ нихъ изображено, что я, бывший художникъ, имѣю право поселиться гдѣ мнѣ угодно въ предѣлахъ Россійской Имперіи, кромѣ столицъ, а около столицъ даже мимо проѣзжать запрещено. Сегодня же написалъ я моимъ друзьямъ въ Петербургъ объ этой катастрофѣ и въ ожиданіи будущихъ благъ, поселился въ Нижнемъ Новгородѣ.

Мнѣ здѣсь пока хорошо. Нижегородская аристократія принимаетъ меня радушно и за работу платитъ, не торгуясь, 25 рублей серебромъ за портретъ, нарисованный карандашомъ. Деньги у меня есть. Костюмъ себѣ построилъ перваго сорта, начиная съ голандскаго бѣлья, и въ добавокъ запустилъ бороду, настоящее помело. Теперь мнѣ только не достаетъ столицы, а то все, слава Богу, имѣю, начиная съ здоровья. Столицу я не раньше надѣюсь увидать, какъ черезъ годъ. И я теперь не знаю, что мнѣ дѣлать съ письмами Кириѣвскаго и съ вашей довѣренностью. Напишите мнѣ.

Весело ли у васъ? Здорова ли Агафья Емельяновна? Здоровы ли мои большіе друзья Наташенька и Наденька? Не посылаю имъ гостинца, потому что Нижній Новгородъ безъ ярмарки та же деревня, еще хуже по дороговизнѣ самыхъ необходимыхъ вещей.

Газетныя новости вамъ извѣстны, о нихъ и говорить нечего, а не газетныя не стоятъ того, чтобъ о нихъ говорить. Занимаетъ теперь всѣхъ самый животрепещущій вопросъ о томъ, какъ освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія. Съ новымъ годомъ ожидаютъ правительственныхъ распоряженій по этому вопросу.

Прощайте, Ираклій Александровичъ! Желаю вамъ здоровья и счастья. Цалую отъ души моихъ большихъ друзей Наташеньку

и Наденьку и свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Агафѣ Емельяновнѣ и остаюсь благодарный вамъ Т. Шевченко.

Кланяюсь я Жуйковымъ, Бурцевымъ и моему старому, незабвенному другу Мостовскому¹⁾.

II.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Письмо Вамъ отъ 7 января получилъ я 15 февраля, за которое приношу вамъ искреннюю благодарность и за письмо стараго моего друга Черноморца Кухаренка приношу такую же вамъ искреннюю благодарность. Сердечно радуюсь благополучію вашему, Агафьи Емельяновны и здоровью моихъ милыхъ и малыхъ друзей Наташевки и Наденьки. Наденька, я думаю, уже бѣгаетъ, какъ бы мнѣ хотѣлось ее потютюшкать! А моя умница, красавица Наташенька вспоминаетъ ли своего друга, дядю Тараса Горича? Сердечно жалѣю, что не могу ничѣмъ ей напомнить о себѣ. Нижній Новгородъ безъ ярмарки настоящая деревня. Хуже, потому что обыкновенные сельскіе продукты до-

¹⁾ На это письмо, полученное Усковымъ 5 января 1858 г., Тарасъ Григорьевичъ получилъ отвѣтъ съ разными порученіями со стороны коменданта:

7 января 1858 года. Новопетровское.

Какъ я радъ, добрѣйшій Тарасъ Григорьевичъ, что вы догадались остаться въ Н. Новгородѣ и сождать тамъ результата рѣшенія изъ Оренбурга. Я второпяхъ забылъ вамъ вложить письмецо, а главное сомнѣвался, чтобы моя бумага застала васъ въ Нижнемъ. Этотъ скотина Михальскій, завѣдывающій въ отсутствіе Львова батальономъ, написалъ галематы на счетъ вашего увольненія и чрезъ это подвергъ меня большимъ неприятностямъ: корпусный командиръ, получивши отъ меня донесеніе на счетъ увольненія вашего въ Петербургъ, вопреки сдѣланнаго имъ распоряженія, прислалъ мнѣ строгій выговоръ и написалъ отъ себя въ обѣ столицы, чтобы вамъ объявить о Высочайшей волѣ. Я теперь радъ, по крайней мѣрѣ, что васъ не потребовали въ Оренбургъ и что вы можете пользоваться свободой ѣздить, куда угодно. Кстати, я получилъ отъ Еленева письмо къ вамъ отъ Кухаренка, и при семъ его прилагаю.

Письма Кириевского, пожалуйста, пришлите ко мнѣ съ конвертами, какъ они есть. Я думаю послать ихъ къ его отцу, а тамъ посмотрю, что будетъ.

роже, нежели въ селѣ. Городъ просто самъ по себѣ дрянъ. Семь лѣтъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи мнѣ не казались такъ длинны, какъ въ Нижнемъ эти пять мѣсяцевъ. Это значить перепутье. На рождественскихъ святкахъ прїѣзжалъ ко мнѣ въ гости изъ Москвы мой старый другъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ (извѣстный актеръ). Теперь я думаю отдать ему старику визитъ. Онъ мнѣ сдѣлалъ честь, какой немногіе удостоились отъ знаменитаго старца. На будущей недѣлѣ думаю навсегда оставить Нижній Новгородъ, прожить до весны подъ Москвой у сына Щепкина, а весною, если не разрѣшатъ мнѣ жить въ столицахъ, поѣду въ Харьковъ, въ Кіевъ, въ Одессу и за границу. Богъ съ ними и съ столицами! Деньжонокъ уже накопилось столько, что безбѣдно можно прожить года три за границею, а тамъ—что Богъ дастъ. Не погибъ въ неволѣ, не погибну и на волѣ, говорить малороссійская пѣсня.

Какова у васъ зима нынѣшній годъ? Здѣсь ужасно много снѣгу, а морозовъ сильныхъ еще не было. Письмо мое вы по-

Можетъ быть еще вамъ же придется выручать мои деньги, если будете въ Петербургѣ.

Я увѣренъ, что вы не прервете со мною переписки, по старому знакомству. Если будете въ Кіевѣ, то побывайте у моего дяди полковника Матвѣя Яковл. Ускова, онъ живетъ на Подолѣ, противъ Набережнаго Николая, въ собств. домѣ.

Итакъ, дай вамъ Богъ успѣховъ въ вашихъ занятіяхъ живописью. Радуюсь отъ души, что вы имѣете хорошій прїемъ въ Нижнемъ.

Меня надулъ подлецъ Черныгинъ и выслалъ объективы и вещи прескверныя, и сверхъ того отъ небрежной укупорки большая часть изъ нихъ попорчена и побита. Г. Лазаревскій даже не потрудился посмотреть вещи и только написалъ мнѣ, что онъ просилъ Червыгина скорѣй отправить ко мнѣ посылку. Это мнѣ весьма не было въ пользу.

Жена моя и дѣти, слава Богу, здоровы и вамъ кланяются. И такъ, прощайте Тарасъ Григорьевичъ! не забывайте насъ и пишите; намъ всегда будетъ прїятно получать отъ васъ вѣсточку, какъ отъ стараго прїятеля.

Преданный вамъ И. Усковъ.

Р. С. Хропачевскій въ Уральскѣ женился на распутной вдовѣ эсаульшѣ. Мостовскій, Бурцевы и Жуйковы вамъ кланяются.

лучите не раньше праздника Воскресенія Христова, то я и поздравляю васъ съ этимъ свѣтлымъ праздникомъ и отъ души цѣлую васъ всѣмъ: и Катю, и няню, и въ особенности большихъ друзей моихъ Наташеньку и Наденьку. Пошли имъ Богъ здоровья!

Прощайте, многоуважаемый Ираклій Александровичъ, не забывайте искренняго вашего Т. Шевченка.

Р. С. Если получу фотографическій портретъ—пришлю, а вы мнѣ пришлите собственнаго издѣлія портреты друзей моихъ Наташеньки и Наденьки. А письмо ваме адресуйте на имя М. С. Щепкина въ Москву, въ контору императорскихъ театровъ.

Цѣлую Жуйкова съ благовѣрною и Бурцова съ благовѣрною же, а старого помывуду Мостовскаго безъ благовѣрной три раза цѣлую.

1858 года февраля 17.

Съ боку приписка: Поздравляю Агафью Емельяновну съ прошедшимъ днемъ ангела ¹⁾).

III.

Іюля 4, 1858.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Наконецъ я добрался до Петербурга и до завѣтнаго Павловска. Но Павловскъ, увы! не общаетъ ничего хорошаго. Три раза, впродолженіе одной недѣли, побываль я въ Павловскѣ и три раза стучался напрасно у дверей вашего честнаго и въ добавокъ высокоблагороднаго комиссіонера. Онъ никого не принимаетъ потому, что къ нему, кромѣ заимодавцевъ, никто не заходитъ. О пребываніи моемъ въ Петербургъ онъ узналъ отъ генерала Бюрно, съ которымъ я встрѣтился въ Павловскѣ же

Упомянутое въ настоящемъ письмѣ И. А. Ускова письмо черноморца Кухаренка, автора драматическаго произведенія „Черноморскій Побытъ“, будетъ помѣщено на страницахъ „Кіевской Старины“ вмѣстѣ съ другими письмами его къ Т. Г. Шевченку, въ числѣ шести, изъ коихъ одно относится къ 1844 году, а остальные пять къ 1856—1860 годамъ.—Отвѣтныя же письма III—ка можно найти въ „Освовѣ“.

¹⁾ На это второе письмо отвѣта не послѣдовало.

и имѣлъ неосторожность разсказать ему о сдѣланномъ мнѣ вами порученіи. А Кириевскій, ловкій парлатанъ, смекнулъ дѣломъ и не велѣлъ меня принимать. А случайно гдѣ то встрѣтившись съ Марковичемъ, увѣрялъ его, что онъ зимнимъ путемъ еще выслалъ вамъ отличнѣйшій фотографическій аппаратъ со всѣми принадлежностями; даже много лишняго выслалъ. Подлецъ! и въ добавокъ неловкій.

Довѣренность ваша не по формѣ написана и Михайло Матвѣвичъ говоритъ, что она не можетъ имѣть никакой силы. Попробуйте написать его матери; она живетъ въ Павловскѣ, вмѣстѣ съ нимъ, въ собственномъ домѣ. За успѣхъ ручаться нельзя, а попробовать можно.

Посылка ваша сегодня же отправляется. Кажется вы получите все требуемое исправно и лучшаго свойства. Я посылаю вамъ „Губернскіе очерки“, письма (Кириевского) и вашу довѣренность, а вы мнѣ пришлите двѣ черныя мерлушки, чѣмъ прेमного обяжете, и адресуйте вашу посылку на имя М. М. Лазаревского.

Въ Питерѣ мнѣ хорошо пока. Квартирую я въ самой академіи. Товарищи—художники меня полюбили, а безчисленные земляки меня просто на рукахъ носятъ. Однимъ словомъ, я совершенно счастливъ.

Какъ то вы тамъ поживаете? Что мои великіе друзья подѣлываютъ? Наденька, я думаю, уже бѣгаетъ, а Наташа читаетъ. А басенъ Крылова все таки не издають съ порядочными картинками. Посылаю вамъ свой плохой портретъ, снятый съ натуры въ Петербургѣ. Каковъ вашъ садъ? Нынѣшнее лѣто у васъ должно быть много винограду и абрикосовъ.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Агафѣ Емельяновнѣ, дѣлую отъ всего сердца моихъ большихъ друзей и остаюсь уважающій васъ Т. Шевченко.

Кланяюсь Бажановымъ, Жуйковымъ и старому волокитѣ Мостовскому¹⁾.

¹⁾ Отправивъ это письмо, Т. Гр. получилъ отъ коменданта Ускова еще два письма, и затѣмъ переписка между ними прерывается. Усиленные занятія

Вотъ все, что сохранилось изъ переписки Шевченка съ Усковымъ. Тяжело было семьѣ коменданта услышать о преждевременной кончинѣ Тараса Григорьевича. Четыре съ половиною года, прожитые съ нимъ вмѣстѣ, тѣсно связали ихъ и навсегда оставили о Т. Гр. свѣтлыя воспоминанія. Нѣкогда „милая умница

гравюрой, исполненная тревогъ поѣздка въ Малороссію, хлопоты о покупкѣ усадьбы и постройкѣ дома, заботы о выкупѣ родныхъ изъ крѣпостной неволи, перипетіи по случаю неудавшагося сватанья и эта вѣчная сутолока столичной жизни—все это совершенно заслонило отъ нашего поэта скромные образы добродушной семьи коменданта.

Вотъ эти письма:

1.

20 августа 1858 г. (наше укрѣпленіе переименовано въ *фортъ Александровскій*).

Добрѣйшій нашъ Тарасъ Григорьевичъ!

Какъ мы рады, что вы наконецъ достигли цѣли вашихъ искреннихъ желаній и теперь въ Питерѣ. Слава Богу! Жена моя и дѣти чрезвычайно обрадовались, получивши вашъ портретъ. Наташа сейчасъ узнала васъ, хоть портретъ не совсѣмъ удался, но похожъ.

Я зналъ, что вы не сладите съ мошенникомъ Киріевскимъ, но по крайней мѣрѣ узнайте и напишите, какъ зовутъ его мать и какъ ей адресовать, а также отца. Я имъ всѣмъ хочу написать почетныя письма, какъ пишутъ обыкновенно такимъ людямъ, у которыхъ ни на волосъ нѣтъ совѣсти. Я деньги считаю уже пропавшими; по крайней мѣрѣ доставьте мнѣ случай разругать подлецовъ.

За присылку книги «Губернскіе очерки» премного благодаренъ, а мерлушки вышлю непременно. И вы насъ не забывайте. Наташа начинаетъ читать, а Надя бѣгаетъ. Все, слава Богу! Наташа все собирается писать къ вамъ, но говорить, что перо нехорошо—не пишетъ: она, какъ обезьяна полагаетъ, что съ очками можно читать, не учившись.

Садъ намъ нынѣшній годъ уродилъ; много абрикосовъ и персиковъ, но винограду мало. Посылку отъ Нагорѣцкаго я получилъ въ исправности, но онъ не всѣ мнѣ вещи выслалъ, о которыхъ я писалъ, вѣроятно, потому что не достало денегъ. Чернягинъ не досталъ мнѣ воронокъ и стеколъ (для фотографій) и еще осталось у него немного моихъ денегъ, не знаю почему не присылаетъ.

Прощайте! Не забывайте всегда преданнаго вамъ И. Ускова.

Наташенька“ и въ настоящее время не можетъ вспомнить безъ слезъ своего лучшаго друга дѣтства, дядю Тараса Горича.

Полковникъ И. А. Усковъ занималъ должность коменданта Новопетровскаго укрѣпленія (переименованнаго въ 1858 году въ „Александровскій фортъ“, а въ 1865 году упраздненнаго и срытаго) до 1865 года. Затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился сперва въ Саратовѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 15 іюля 1882 г., не оставивъ никакихъ записокъ, касательно жизни Шевченка.

Н. Заряно

2.

Добрѣйшій Тарасъ Григорьевич!

Вмѣстѣ съ этимъ я послалъ къ вамъ пять мерлушекъ, изъ нихъ нѣкоторыя попорчены немного молью, но эти мѣста можно вырѣзать, и потому то вамъ, вмѣсто трехъ, посылаю пять. Лучшихъ нельзя было достать: ихъ обыкновенно привозятъ только весной.

Я писалъ почтеннѣйшему Михаилу Матвѣевичу, чтобы онъ взялъ отъ Черныгина оставшіяся у него за камеру деньги 2 р. 44 коп., и кромѣ того, онъ не дослалъ мнѣ всего, что требовалось.

Агафья Емельяновна и мои дѣти, ваши искренніе друзья, вамъ кланяются и желаютъ всего лучшаго для васъ въ свѣтѣ. Не забывайте насъ, Т. Гр., пишите, будетъ грѣхъ вамъ забывать людей, которые всегда питали къ вамъ теплыя, искреннія чувства. Не пишите часто: этого нельзя требовать при вашихъ теперешнихъ занятіяхъ,—но хоть изрѣдка, только бы знать намъ о васъ, гдѣ вы находитесь и какъ поживаете.

Остаюсь искренно преданный вамъ И. Усковъ.

9 сентября 1858 года
фортъ Александровскій.

РУССКІЯ КОЛОНИ ВЪ ДОБРУДЖЬ.¹⁾

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

II.

Нынѣшнія поселенія въ Добруджѣ.—Количество украинскаго населенія и расположеніе его.—Занятія—рыболовство и хлѣбопашество.—Городское населеніе, ремесла.—Рабочіе.—Бытовая обстановка.—Отношенія къ прочимъ народностямъ.

Перейдемъ къ нынѣшнему украинскому населенію Добруджи и устье въ Дуная. Вполнѣ точное опредѣленіе количества этого населенія въ настоящее время врядъ ли возможно, такъ какъ во время турецкаго владычества въ Добруджѣ, ни о какой сколько нибудь правильной статистикѣ не могло быть и рѣчи,—теперь же, когда этотъ край присоединенъ къ Румыніи, т. е. съ 1879 г. исчисленіе населенія хотя и началось, но находится въ далеко еще несовершенномъ видѣ. Это, впрочемъ, не очень и легкая вещь, такъ какъ населеніе Добруджи, кромѣ величайшей разношерстности, отличается еще чрезвычайной подвижностью. Здѣсь живетъ много грековъ, приѣзжающихъ сюда по торговымъ дѣламъ и остающихся въ странѣ на довольно долгое время, затѣмъ еще большее количество болгаръ, жителей главнымъ образомъ Македоніи и Восточной Румелии, держащихъ здѣсь свои стада и пребывающихъ въ Добруджѣ большую часть года, очень много моканъ, т. е. трансильванскихъ румынъ, тоже занимающихся здѣсь скотоводствомъ и населяющихъ цѣлыя деревни, потому достаточное количество эмигрирующихъ туда и сюда

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1889 г., январь.

татарь, турокъ, албанцевъ, славуновъ, т. е. далматинцевъ, черногорцевъ, сербовъ, итальянцевъ, вѣмцевъ, французовъ, англичанъ, наконецъ, евреевъ и т. д. Понятно, что при такомъ количествѣ и пестротѣ подвижнаго населенія, правильная статистика была бы не легка и для болѣе цивилизованныхъ странъ, чѣмъ Турція и Румынія. Вслѣдствіе этого и относительно украинскаго населенія Добруджи мы должны довольствоваться только цифрами болѣе или менѣе приблизительными, извлекая ихъ отчасти изъ напечатанныхъ отчетовъ румынскихъ префектовъ, отчасти же восполняя недостающее разспросами и соображеніями. При этомъ благопріятнымъ для нашей цѣли обстоятельствомъ является то, что по румынской статистикѣ южноруссы (rusi) всегда почти строго отдѣляются отъ великоруссовъ (lipoveni). Наибольшее смѣшеніе можетъ произойти отъ причисленія въ рубрику rusi—молоканъ, но это не составляетъ большой разницы, такъ какъ количество этихъ послѣднихъ въ Добруджѣ очень невелико, а именно не превышаетъ 40—50 семействъ,—и то почти исключительно въ г. Тульчѣ. Такимъ образомъ, по официальной статистикѣ¹⁾, не обнимающей всей Добруджи, и по инымъ дополнительнымъ справкамъ, количество украинскаго населенія этой страны, вмѣстѣ со всѣмъ пространствомъ дунайской дельты, можно считать доходящимъ по самой меньшей мѣрѣ до десяти тысячъ человекъ²⁾.

Принимая же во вниманіе, что въ эту цифру не входитъ часть населенія о—ва Лети, бродячее рыболовно-бурлацкое населеніе дунайской дельты, а отчасти и добруджскихъ лимановъ

¹⁾ Expunerea, Situatіunei plasilor Sulina, Babadag, Tulcea și Macin din județul Tulcea. Tulcea. 1881.

²⁾ Городъ Тульча—около 2500 д., тульчанскій округъ—1651 д., сулинскій округъ—3060 д., бабадагскій—495 д. и мачинскій около 2300 д. При этомъ главными центрами украинскаго населенія являются: въ тульчанскомъ округѣ—г. Тульча, Муругиль (244 д.), Верхній Дунавецъ (бывшая Сѣчь—132 д.), Нижній Дунавецъ (160), Телица (около 500 д.), въ бабадагскомъ округѣ—Сатуновъ (150), Черкаска Слва (188 д.), въ сулинскомъ округѣ—г. Сулина (775 д.), Старая Килія (1325 д.), Сатуновъ (355), Катирлезъ (325 д.), Кара-Орманъ (260 д.). Изъ нихъ исключительно украинскими можно считать: Муругиль, оба Дунавца, Телицу, Черкасс. Слву, Ст. Килію, Катирлезъ, Сатуновъ, Кара-Орманъ, въ прочихъ же населеніяхъ украинскій элементъ входитъ только какъ составная часть.

и, наконецъ, населеніе украинскихъ сельъ подь Силистріей, о которомъ намъ также не удалось добыть сколько нибудь точныхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что села эти входятъ въ составъ нынѣшняго болгарскаго княжества, все украинское населеніе за Дунаемъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, полагать никакъ не меньшимъ 12—15000 д., что составляетъ около 15% всего населенія страны, въ которой, кромѣ развѣ болгаръ, нѣсколько преобладающихъ по численности, всѣ прочіе элементы находятся почти въ одинаковомъ другъ къ другу отношеніи. Въ частности преобладающимъ элементомъ въ сулинскомъ округѣ (именно въ г. Суливиѣ) оказываются греки, въ тульчинскомъ—румыны и болгары, въ бабадагскомъ—болгары и турки, въ дельтѣ же Дуная за исключеніемъ Сулины,—во всякомъ случаѣ, руснаки и липоване. Такимъ образомъ интенсивность украинскаго населенія наибольшей степени достигаетъ въ дунайской дельтѣ, гдѣ оно замѣтно преобладаетъ надъ прочими элементами, и затѣмъ постепенно уменьшается, по мѣрѣ удаленія къ западу. Но ни въ дунайской дельтѣ, ни въ восточной Добруджѣ, украинцы, живя отдѣльными селами, какъ мы однажды замѣтили, нигдѣ не составляютъ вполнѣ сплошнаго населенія цѣлой мѣстности, хотя бы даже на не особенно большомъ пространствѣ, и вездѣ болѣе или менѣе перемѣшаны съ населеніемъ другихъ національностей. Такое разселеніе украинскихъ колонистовъ обусловливалось, разумѣется, прежде всего самымъ ходомъ и условіями колонизаціи; этимъ же, въ связи, разумѣется, съ характеромъ мѣстности, обусловливается и то, что восточныя украинскія поселенія сохранили и до настоящаго времени рыболовство въ качествѣ своего главнаго занятія и средства къ жизни, въ восточныхъ же господствуетъ почти исключительно одно земледѣліе. Жители Катирлеза, о—ва Лети, большая часть жителей Кара-Ормана и Килии занимаются исключительно однимъ рыболовствомъ, жители же Муругиля, обоеихъ Дунавцевъ, отчасти Кара-Ормана и Килии и даже въ извѣстной степени самой Тульчи—занимаются лѣтомъ хлѣбопашествомъ, осенью же и зимою рыболовствомъ; жители Телицы и другихъ горныхъ и степныхъ селеній—исключительно однимъ земледѣліемъ.

Вполнѣ самостоятельное рыболовство въ сколько нибудь крупныхъ размѣрахъ встрѣчается у руснаковъ только въ Катирлезѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ морю деревняхъ. Это такъ назыв. *кармашные заводы*. Во время существованія въ Дунавцѣ запорожской сѣчи, большая часть рыболовныхъ заводовъ, технически ничѣмъ, кажется, не отличавшихся отъ нынѣшнихъ, принадлежала сѣчевымъ куренямъ, и слѣдовательно, составляла вполнѣ общинное предпріятіе. Но уже и въ то время, въ эту область начала врываться частная предпримчивость, съ уничтоженіемъ же задунайской сѣчи и съ паденіемъ запорожской общины, рыболовныя заводы стали исключительно дѣломъ частныхъ предпринимателей, изъ людей владѣющихъ достаточными средствами для веденія этого, нужно сказать, довольно рискованнаго промысла; впрочемъ, по отношенію къ рабочимъ, заводы эти и по настоящее время сохраняютъ еще извѣстный общинно-артельный характеръ. Въ настоящее время *кармаки* (т. е. длинныя осмоленные веревки съ крючьями) растягиваемыя на шестахъ по песчанымъ отмелямъ вдоль морскаго берега, преимущественно же противъ устьевъ Дуная, для лова исключительно красной рыбы (бѣлуги, осетра, севрюги, стерляди и т. п.) принадлежатъ только болѣе или менѣе крупнымъ хозяевамъ, которые принимаютъ большую часть своихъ рабочихъ (занимающихся именно ловлей рыбы) съ полу-пая, т. е. въ качествѣ участниковъ предпріятія съ половиной доли всего улова, при чемъ кормъ и вообще содержаніе рабочихъ вычитается изъ ихъ половины. Такимъ образомъ сумма, выручаемая отъ всего улова, дѣлится пополамъ между хозяиномъ и артелью, или „ватагой“ рабочихъ, которыхъ всегда бываетъ опредѣленное количество. Кромѣ кармашниковъ, т. е. рабочихъ, ловящихъ рыбу, на каждомъ заводѣ есть еще рѣзальщики, солильщики и т. п., которые работаютъ по найму отъ хозяина и получаютъ помѣсячную или посезонную плату, не участвуя, подобно кармашникамъ, въ выгодѣ и рискѣ предпріятія. Въ прѣсноводномъ рыболовствѣ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ видовъ его, получившій уже вполнѣ капиталистическій характеръ, составляютъ такъ наз.

ерики (слово, занесенное въ Добруджу некрасовцами), т. е. небольшіе, по большей части искусственныя, протоки, соединяющіе лиманы или озера съ рѣкой, откуда рыба переходитъ весной въ эти лиманы для метанія икры, а подъ осень вылавливается въ такъ назыв. *гардахъ*, т. е. перегородкахъ, замыкающихъ эти ерики. На ерикахъ, большинство которыхъ принадлежитъ впрочемъ липованамъ, искуснѣйшими специалистами этого дѣла, такъ наз. *гардаджи*, бываютъ обыкновенно старше, опытные руснаки. Въ ерикахъ ловится, главнымъ образомъ, рыба изъ породы карповъ. Этого же рода рыба ловится и въ большихъ лиманахъ, какъ напр. въ Разинѣ, бабадагскомъ лиманѣ, въ лиманахъ къ с. з. отъ Тульчи и проч., посредствомъ очень большихъ неводоу, такъ наз. *матулъ*, принадлежащихъ также обыкновенно частнымъ предпринимателямъ, принимающимъ рабочихъ тоже съ полу-пая. Кромѣ этихъ видовъ крупнаго рыболовства, существуетъ еще довольно много видовъ мелкаго: *авами*, *китцями*, *вентерями*, и проч., болѣе или менѣе доступныхъ уже каждому, требующихъ сотрудничества не болѣе 2—4—6-ти человекъ и практикуемыхъ почти всѣми жителями Добруджи, гдѣ только есть вода. Ловля рыбы кармаками производится, какъ мы сказали, въ Катирлезѣ, отчасти возлѣ Сулины и вообще по побережью Чернаго моря, ерики разбросаны по всей дунайской дельтѣ вдоль теченія гирлъ, матульные же заводы передвигаются съ мѣста на мѣсто, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ лимана Разина и по прочимъ лиманамъ.

Катирлезскіе рыбопромышленники — народъ, по большей части, довольно богатый, живутъ въ хорошихъ хатахъ, напоминающихъ наши мѣщанскіе домики, имѣютъ спеціальныя постройки для соленія и склада рыбы и ведутъ свое дѣло въ видѣ спеціальнаго промысла, не занимаясь больше никакими посторонними предпріятіями. Ерики содержатся тоже людьми болѣе или менѣе состоятельными, но уже больше въ видѣ побочнаго промысла и принадлежатъ, какъ было сказано, по большей части купцамъ—липованамъ, украинцы же являются въ этомъ промыслѣ чаще всего только въ качествѣ специалистовъ—гардаджи. Еще болѣе второстепенную роль занимаютъ украинскіе рыбалки

въ матулахъ, которыхъ владѣльцами бываютъ греки и липоване и въ которыхъ изъ украинцевъ бываютъ только рабочія артели, начиная съ первыхъ лицъ каждой такой артели—*атамана* и его помощника—*карлаша* и кончая обыкновенными матульняками, рѣзальщиками, солильщиками и кухарями. Это отчасти народъ семейный и иногда довольно достаточный, отчасти же, особенно простые матульняки, рѣзальщики и т. п., почти совершенно голые бурлаки, точно такіе же, какъ и рабочіе кармашники. Это народъ, по большей части, довольно молодой и здоровый, почти всегда въ буквальномъ смыслѣ голый (до того въ буквальномъ смыслѣ, что весь костюмъ ихъ иногда доходитъ до куска старой сѣти „матулы“, обернутой вокругъ бедеръ на подобіе костюмовъ акробатовъ, исключая трико), не имѣющій никакого пристанища, кромѣ камышевой „калибы“ на рыбномъ заводѣ и кабака, когда ловля рыбы прекращается. Въ началѣ каждаго рыболовнаго сезона, весь этотъ оборванный сбродъ начинаетъ въ очень большомъ количествѣ собираться въ особо излюбленныхъ ими шинкахъ Тульчи и Катирлеза, туда же являются и хозяева рыбныхъ заводовъ и тамъ заключаются сдѣлки на сезонъ. Обыкновенно артель рекрутируется атаманомъ и карлашемъ, которые прискиваются хозяиномъ заранѣе, но всегда въ присутствіи послѣдняго, такъ какъ онъ выдаетъ поступающимъ въ матулу задатки и выкупаетъ ихъ вещи изъ шинковъ или покупаетъ новыя, въ счетъ будущаго заработка. Почти всегда, получивши задатокъ или вещи, матульнякъ отправляется сейчасъ же въ другой шинокъ, закладываетъ все полученное и, спустивши все тутъ же, начинаетъ искать новаго хозяина, для того, чтобы съ нимъ въ свою очередь продѣлать то же самое. Продолжается это до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣми правдами и неправдами хозяинъ съ атаманомъ не соберутъ всей матулы, т. е. 12 человекъ неводчиковъ и 4—6-ти рѣзальщиковъ и солильщиковъ и не отправятъ ихъ на заводъ, откуда впрочемъ тоже нерѣдко бываютъ побѣги, съ похищеніемъ разныхъ вещей. Герои всѣхъ этихъ продѣлокъ, матульняки представляютъ собой очень часто типы въ высшей степени оригинальные: случалось встрѣчать между ними людей бывавшихъ въ гимназіяхъ и семинаріяхъ,

говорившихъ когда то по французски, по нѣмецки, кое что читавшихъ и радовавшихся возможности добыть книжекъ, находясь даже въ матулѣ. Народъ этотъ по большей части безъ рода и племени, бѣжавшій изъ Россіи, иногда вслѣдствіе очень серьезныхъ преступленій, видѣвпій всевозможные виды и, наконецъ, „замотавшійся въ матулу“. Приходитъ однажды къ доктору одинъ изъ такихъ „сироммахъ“—старикъ уже, но очень крѣпкій, хотя и хронически полуцѣпанный: по разспросамъ оказывается, что онъ былъ когда то чѣмъ то при Садыкъ-пашѣ (Чайковскомъ). затѣмъ какимъ то чиновникомъ, а потомъ гдѣ то поваромъ и грамотѣ кого то училъ и вставляетъ въ свой довольно книжный разговоръ латинскія фразы и т. д.—Ну, а теперь же вы какъ?— „Въ настоящее время состою-съ при матулѣ!..“ Этимъ, разумѣется, уже все сказано. Судьба этихъ матульняковъ обыкновенно бываетъ очень незавидна: страшный физическій трудъ, при самыхъ невыгоднѣйшихъ условіяхъ, жизнь среди болота и плавней, въ мѣстности крайне лихорадочной, постоянное пьянство, драки, наконецъ, сифилисъ очень быстро разрушаютъ часто желѣзные организмы этихъ послѣднихъ эпигоновъ украинской „сиромашни“ и сводятъ ихъ преждевременно въ могилу. Довольно сносный, а очень часто и совсѣмъ хорошій заработокъ всегда пропивается, иногда даже раньше его полученія, и матульняки, даже пожилые, очень рѣдко дѣлаются самостоятельными хозяевами, а обыкновенно или умираютъ, или просто исчезаютъ какъ то неизвѣстно куда.

Совершенно иное представляетъ собой земледѣльческое украинское населеніе Добруджи. Мы упоминали уже о томъ, что въ зависимости отъ рода своихъ занятій, позднѣйшіе эмигранты изъ Украины селились болѣе на западной сторонѣ Добруджи, вверхъ по Дунаю. Благодаря малой населенности этой мѣстности и отсутствію всякой регламентаціи со стороны турецкаго правительства, переселенцы имѣли полную возможность занимать подъ поля столько земли, сколько каждая семья хотѣла или могла обработать. „Населяющія Добруджу народности, говоритъ Петерсъ, живутъ на основаніи законовъ, управляющихъ всѣми подданными В. Порты, и въ частности на основаніи по-

выхъ колонизаціонныхъ патентовъ, которые, подобно всѣмъ новѣйшимъ законамъ Турціи, отличаются большимъ либерализмомъ. Бесплатно надѣляемые участки земли остаются въ теченіи 6-ти лѣтъ свободными отъ всякихъ поземельныхъ платежей въ казну (при чемъ колонисты освобождаются и отъ взноса подати, взаимѣнъ военной повинности) и затѣмъ по истеченіи 20 лѣтъ переходятъ въ полную собственность колониста¹⁾. Такъ дѣло шло почти до самаго послѣдняго времени—теперь же, хотя румынское правительство и начало уже регулировать поземельныя отношенія, но, несмотря даже на то, что оно зачислило большую часть земель въ государственныя имущества и раздаетъ эти земли колонистамъ уже съ нѣкоторою осмотрительностью и на извѣстныхъ болѣе тяжелыхъ условіяхъ,—преселенцы даже и въ послѣднее время получаютъ довольно значительныя количества земли, сравнительно почти даромъ. Въ зависимости отъ всего этого, украинское населеніе Добруджи пользуется весьма достаточными земельными участками: въ Верх. Дунавцѣ, напр. селенія, гдѣ жители занимаются земледѣліемъ только на половину, такъ какъ всѣ они въ то же время и рыбопромышленники, на 52 семьи приходится 32000 дюлюмовъ (дкдюмъ—40 кв. метровъ) пахатныхъ полей, что составляетъ около 6-ти десятинъ на дворъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что здѣсь дѣло идетъ только о пахатной землѣ, независимо отъ сѣнокосовъ, пастбищъ и лѣса, которые по сохраняющимся еще отъ турецкаго времени обычаямъ, считаются казенными и на извѣстныхъ основаніяхъ (т. е. подъ надзоромъ сельскихъ властей) находятся въ почти бесплатномъ пользованіи всѣхъ хозяевъ (взымается, напр., за пользование лѣсомъ только ничтожная плата за билетъ). На восточной части Добруджи поземельные участки гораздо значительнѣе и очень нерѣдко, даже, можно сказать, среднимъ числомъ, доходятъ до 10—15 дес. на семью. Вслѣдствіе этого уровень благосостоянія украинскихъ переселенцевъ за Дунаемъ можно назвать очень высокимъ, несмотря на довольно серьезные налоги, введенные въ послѣднее время румынскимъ правительствомъ. Въ

¹⁾ Peters. S. 131.

заброшенномъ между моремъ и болотами Катирлезѣ, гдѣ буквально ни одна душа не занимается земледѣліемъ, большая половина семей имѣеть по волю и на каждое хозяйство приходится по 4 коровы, не считая мелкаго скота. Въ Телицѣ почти каждая семья имѣеть по парѣ воловъ и по лошади, вообще же на каждое хозяйство приходится по 5-ти штукъ крупнаго скота и по столько же штукъ мелкаго, кромѣ того почти всѣ имѣють *баши*, т. е. виноградники, табачныя плантаціи (особенно до введенія монополіи), сады и т. п. Система хозяйства въ Добруджѣ почти такая же, какъ и у насъ на Украинѣ, при чемъ поля тоже распредѣляются такъ, чтобы въ каждой смѣнѣ у каждаго хозяина былъ свой участокъ. Такъ, въ Телицѣ, напр., пахатныя поля, находящіяся по обѣимъ сторонамъ села, обрабатываются по очереди черезъ годъ, и въ каждой половинѣ всякій хозяинъ имѣеть свой участокъ. Виноградники находятся почти всегда внѣ села, по большей части на южныхъ склонахъ горъ и обыкновенно въ одномъ мѣстѣ. Иногда они бывають расположены довольно далеко отъ селъ, на разстояніи даже нѣсколькихъ верстъ. Земля (въ западной части Добруджи суглинокъ, а въ восточной—чистый и глубокий черноземъ) вовсе не истощена еще и очень плодородна, обрабатывается она почти исключительно плугомъ, при чемъ вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ въ послѣднее время способствуетъ введенію болѣе легкихъ и практичныхъ плужковъ, новаго устройства. Это вліяніе нѣмцевъ отразилось также и на формѣ повозокъ: теперь въ Добруджѣ только развѣ у турокъ удержались еще маленькіе возики, въ родѣ нашихъ малороссійскихъ, обыкновенно же употребляются повозки нѣмецкой или скорѣе венгерской конструціи, напоминающія большія польскія брички, всегда на желѣзныхъ осяхъ (получаемыхъ изъ Австріи) и очень прочно окованныя. Ходъ обработки земли вообще такой же, какъ и у насъ въ Украинѣ, съ той только разницей, что молотба производится не цѣпами, какъ у насъ, а на такъ наз. *гарманахъ*, которые впрочемъ встрѣчаются и у насъ въ Новороссіи. Гарманъ—это круглый токъ съ столбикомъ посрединѣ, къ которому привязываются лошади; на этомъ току раскладываютъ снопы и выбивають изъ нихъ зерна, гоняя

по току лошадей. За отсутствіемъ надлежащаго количества лошадей, употребляютъ на гарманѣ такъ наз. *бутукъ*, т. е. деревянный или каменный цилиндръ съ рубцами вдоль оси, который парю лошадей, а иногда и одною таскаютъ по разбросаннымъ снопамъ. Такимъ образомъ молотятъ пшеницу, рожь, овесъ, ячмень и проч. Кромѣ этихъ хлѣбныхъ растеній, въ добруджскомъ хозяйствѣ играетъ также очень важную роль кукуруза (папушой), которую разводятъ въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ у насъ, хотя все таки меньше, чѣмъ въ Румыніи. Способы воздѣлыванія винограда и приготовленія вина очень еще примитивны, благодаря чему вино получается только самое обыкновенное, не особенно высокаго качества, хотя виноградъ очень хорошъ и, при усовершенствованныхъ способахъ производства, могъ бы давать вино гораздо лучшее. Виноградный сокъ обыкновенно выжимаютъ ручными прессами „тисками“, имѣющимися почти у каждаго хозяина, владѣющаго сколько нибудь порядочной багой. Учителями нашихъ украинцевъ въ виноградствѣ были болгары и отчасти турки—тѣ и другіе великіе мастера по части всякаго садоводства и огородничества. Между прочимъ болгары познакомили нашихъ переселенцевъ и съ восточнымъ способомъ орошенія огородовъ и даже полей посредствомъ канавокъ, въ которыя вода накачивается колесомъ съ ведрами по окружности его, приводимымъ въ движеніе если не самой водой, гдѣ это возможно, то волами, лошадьми, иногда буйволами.

Украинское населеніе городовъ, т. е. главнымъ образомъ Тульчи, занимается также преимущественно земледѣліемъ, хотя извѣстная, чѣмъ дальше, тѣмъ большая, часть его превращается уже въ классъ городскихъ ремесленниковъ и рабочихъ. Нѣкоторые, кромѣ земледѣлія и виноградарства, занимаются еще кой-какими видами торговли, напр. рыбою, солью, весьма немногіе держатъ шинки или чайныя, промышляютъ извозомъ и т. п. Изъ ремеслъ украинскіе жители Тульчи занимаются преимущественно сапожнымъ мастерствомъ, нѣкоторые кузнечнымъ, печнымъ, столярнымъ, постройкой и оснасткой судовъ и т. п. Сапожничество—это самое надежное и наиболѣе распространенное ремесло въ Тульчѣ, такъ какъ этотъ городъ представляетъ

собою торговый и промышленный центръ всей страны и поставляетъ обувь всему рабочему, сельскому и главнымъ образомъ всему „рыбальскому“ населенію. Ремесло это организовано на тѣхъ же мануфактурныхъ, а иногда и кустарныхъ началахъ, какъ и у насъ, при чемъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ также нельзя назвать удовлетворительными. Существовавшее, или лучше сказать, державшееся еще при туркахъ цеховое устройство, въ извѣстной степени все таки поддерживавшее корпоративную организацію, теперь разрушилось, а вмѣсто нея существуетъ нѣчто среднее, отставшее отъ цеха и не доросшее до европейской организаціи ремеслъ. Въ послѣднее время, подъ влияніемъ, разумѣется, ви́шнихъ причинъ, молодые тульчанскіе подмастерья, два раза пробовали устраивать ассоціаціи на кооперативныхъ началахъ, но оба раза неудачно, отчасти благодаря сообразительности хозяевъ, догадавшихся кому прибавить заработную плату, кого угостить окомъ—другимъ вина и т. п., отчасти же въ силу того соціального закона, по которому сапожники и въ Тульчѣ не особенно уклоняются отъ своей профессиональной репутаціи ревностныхъ поклонниковъ Бахуса, а въ концѣ концовъ и потому, почему разрушается большая часть подобныхъ предпріятій вездѣ, т. е. благодаря появленію ловкаго человѣка, сумѣвшего превратить ассоціацію въ единоличное предпринимательство. Въ качествѣ простыхъ рабочихъ, а часто и низшихъ техниковъ, украинскій элементъ играетъ очень видную роль въ дунайскомъ судоходствѣ и въ исполненіи работъ европейской Дунайской коммисіи. Это происходитъ отъ того, что занимавшіеся въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ плаваніемъ по Дунаю и его дельтѣ, украинцы-рыбаки до того свыклись съ судоходствомъ и изучили вездѣ мѣстность, что по справедливости считаются лучшими знатоками своего дѣла. Начиная отъ зимней переправы въ Мачинѣ, единственной на всю Добруджу и очень опасной вслѣдствіе почти всегда сильнаго и продолжительнаго ледохода, и кончая работами по регулированію сулинскаго гирла,—вездѣ, за исключеніемъ парходнаго лоцманства, монополизированнаго греками, въ числѣ лучшихъ рабочихъ на водѣ встрѣчаются руснаки. До какой степени они составляютъ во всемъ этомъ видный эле-

ментъ, можно судить уже по тому, что почти всѣ служащіе въ европейской Дунайской комиссіи нѣмцы, французы и англичане, пробывшіе довольно долго уже на службѣ и совсѣмъ не знающіе русскаго языка, говорятъ довольно сносно по украински. Но при всемъ этомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія всякой капиталистической предприимчивости и практической ловкости въ обдѣлываніи такъ назыв. „дѣлишекъ“, украинскій элементъ является здѣсь почти исключительно рабочимъ и находится въ замѣтномъ экономическомъ подчиненіи у грековъ, липованъ и прочихъ лицъ другихъ національностей. Въ качествѣ обыкновенныхъ городскихъ чернорабочихъ украинцы встрѣчаются впрочемъ очень рѣдко, такъ какъ для этого существуютъ въ Тульчѣ еще болѣе низкія въ социальномъ отношеніи расы людей въ видѣ татаръ, албанцевъ, иногда болгаръ, очень часто бывшихъ повелителей Добруджи—турокъ и нынѣшнихъ—румунъ.

Въ этнографическомъ отношеніи добруджскіе и дунайскіе *руснаки* (какъ они сами себя и другіе ихъ называютъ въ отличіе отъ великоруссовъ, обыкновенно здѣсь называемыхъ липованами) представляютъ собой совершенно еще чистый и хорошо сохранившійся національный типъ. Большая часть руснацкихъ селъ, въ особенности же села старыя, даже и по наружности имѣютъ совершенно малороссійскій характеръ. Пріютившіяся за обрубленными вербами съ своими бѣлыми хатками надъ водой Катирлезъ, раскинувшаяся вдоль глубокаго оврага между горами Телица, выглядывающій изъ за камышей и смотрящійся въ лиманъ Муругиль, стоящій на мѣстѣ прежней Сѣчи Верхній Дунавецъ и даже утопающая въ вишневыхъ и абрикосовыхъ садахъ руснацкая „магала“ Тульчи съ перваго же взгляда даютъ почувствовать зрителю, что онъ находится въ Украинѣ, точно гдѣ нибудь надъ Днѣпромъ. Сходство это, зависящее отъ общаго характера построекъ и садовъ, въ значительной степени дополняется знакомой архитектурой церкви, совсѣмъ похожихъ на наши украинскія. Внутри селъ то же самое: тѣ же бѣленькія, чистенькія хаты, „причилками“ на улицу, тѣ же соломенные или камышевыя „стрихи“, тѣ же двойные дворики, тѣ же плетеные изъ хвороста „хижи“, „повитки“ и „кошары“, тѣ же зе-

ленные садки и цвѣтнички съ неизбѣжными ярко-желтыми повняками и чернобрывцами, даже тѣ же гирлянды изъ ярко-желтой кукурузы или краснаго перца подъ „стрихами“ надъ окнами, какъ и у насъ на Украинѣ... Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только совсѣмъ новыя села въ родѣ Пошты, или села, бывшія прежде черкесскими или татарскими, а теперь занятія руснаками, какъ напр. Черкасская Слава и Нижній Дунавецъ. Въ послѣднемъ сразу бросается въ глаза отсутствіе садовъ, желтыя, невыбѣленныя хаты, обращенныя выходомъ прямо на улицу, почти безъ дворовъ и крайне безобразной постройки. Это хаты, оставленныя бывшими здѣсь татарами, вслѣдствіе чего на многихъ изъ этихъ хатъ, пока пустыхъ еще, мы видѣли написанныя по стѣнамъ снаружи и изнутри большіе кресты. Вообще же въ Добруджѣ архитектура руснацкихъ хатъ совершенно украинская, болѣе или менѣе новороссійскаго типа, иногда впрочемъ съ привнесеніемъ молдаванской галлерейки или веранды подъ окнами. Окна и двери, а иногда и „присѣба“ (завалинка) почти во всякой хатѣ обведены синими или красными полосами, очень часто съ разными „марафетами“, какъ здѣсь говорятъ, т. е. узорами и цвѣтами, ставеньки, гдѣ онѣ есть, тоже почти всегда размалеваны знакомыми украинскими узорами. Новороссійскій или вообще южно-украинскій характеръ хатъ зависитъ, по всей вѣроятности, не столько отъ того, что почти всѣ переселенцы прошли черезъ Новороссію и Бессарабію, но и отъ самаго матеріала постройки, одинаковаго съ бессарабскимъ и вообще степнымъ. Здѣсь почти всѣ безъ исключенія хаты строятся изъ камыша, битой глины или чамура, т. е. кубиковъ, сдѣланныхъ изъ смѣси земли, глины, навоза и соломы и высушенныхъ на солнцѣ. Въ Тульчѣ даже одна изъ руснацкихъ церквей, а именно старая, построена также изъ битой глины и только сверху обшита деревомъ. Въ этихъ способахъ постройки высказывается между прочимъ та замѣчательная рутинность пріемовъ, которая такъ ярко поражаетъ наблюдателя и у насъ въ волинской губ. Въ странѣ, гдѣ лѣса и камня сколько угодно, гдѣ, наконецъ, прочіе жители, какъ напр. въ Добруджѣ татары и турки, дѣлаютъ всѣ свои постройки, даже заборы, исключительно изъ камня, а

крыши изъ черепицы,—наши украинцы упорно держатся своихъ камышевыхъ, земляныхъ и, самое большее, деревянныхъ построекъ. Въ восточной части Добруджи и именно въ дунайской дельтѣ—это еще повятно, такъ какъ тамъ дѣйствительно нѣтъ даже и дерева, но въ западной—это болѣе чѣмъ странно. Съ такимъ же, но только гораздо болѣе раціональнымъ постоянствомъ, добруджскіе руснаки держатся своихъ національныхъ традицій во внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ жилищъ. Войдя въ руснацкую хату, путешественникъ видитъ то же расположеніе ея, какъ и въ Малороссіи, съ тою только разницею, что здѣсь почти всякая хата бываетъ съ „кимнатою“ и обѣ половины хаты—жилья, тогда какъ у насъ одна половина обыкновенно представляетъ изъ себя „комору“. Затѣмъ убранство хаты, расположеніе мебели, иконъ, полокъ для посуды (мысникъ), оконъ, печи и т. п.,—то же, что и на Украинѣ. Возлѣ иконъ цѣлыя коллекціи разныхъ рушниковъ, голубковъ, яицъ, душистыхъ растений и т. п., очень часто разныя картины, заносимыя сюда, такъ какъ и къ намъ, великорусскими офенями, но преимущественно (особенно духовнаго содержанія) кievской лаврской печати, лавы (скамьи) очень часто покрыты самодѣльными или болгарскими коврами, а въ комнатѣ почти всегда и зеркальцо, драпированное рушникомъ, и занавѣски на окнахъ, и цвѣты, и большая парадная кровать, и лавы уже въ родѣ диванчиковъ со спинками и ручками, и даже стулья—такъ, какъ у насъ бываетъ только у зажиточныхъ мѣщанъ, да у сельскаго духовенства. Во всемъ этомъ однако сохраняется строго украинскій колоритъ. Наиболѣе этнографическихъ измѣненій потерпѣлъ у добруджскихъ руснаковъ, кажется, костюмъ. Изъ обыкновеннаго украинскаго костюма, какъ извѣстно болѣе или менѣе однороднаго на всемъ пространствѣ Малороссіи, въ Добруджѣ сохранились въ мужской одеждѣ только черная или чаще сивая шапка, да широкіе шаровары, опушенные въ длинные сапоги—даже вышитая рубашка теперь здѣсь уже рѣдкость. Свить въ Добруджѣ теперь уже не носятъ, а сверхъ рубахи обыкновенно надѣвается жилетъ съ рукавами, при чемъ жилетъ дѣлается по большей части сянго цвѣта съ большимъ количествомъ пуговокъ, спина

же и рукава непремѣнно изъ какой нибудь цвѣтной, клѣтчатой фланели. Сверхъ этого жилета носятъ, особенно въ парадныхъ случаяхъ, суконный, обыкновенно тоже синій или коричневыи *капаранз*, нѣчто въ родѣ куртки, носимой также турками и болгарами и называемой у нихъ *антеріэ*. Въ видѣ верхней одежды носятъ здѣсь вмѣсто нашихъ „кобеняковъ“—*чекмени*, похожіе на великорусскіе или татарскіе армяки. „Перше носылы довги свыты з скрипками иззаду, пидшыти червонымъ сукномъ, а теперъ уже оци чорт-зна яки чекмени пишы“, такъ говорилъ старецъ Коломыецъ. Кромѣ того нужно замѣтить еще, что мужчины носятъ бороды, начиная уже лѣтъ съ 40-ка, а то даже и ранѣе, прическу же сохраняютъ по большей части малороссійскую. Но этотъ костюмъ, несмотря на все его уклоненіе отъ національнаго типа, тѣмъ не менѣе отличителенъ для руснаковъ, такъ какъ великоруссы—липоване сохранили во всей первобытной чистотѣ свой отечественный костюмъ, молokane приняли костюмъ общеевропейскій, болгары же и прочіе одѣваются по своему, ничуть не похоже на руснаковъ. Что же касается женскаго малорусскаго костюма, то онъ почти совершенно исчезъ въ Добруджѣ и замѣнился „нѣмецкимъ“, т. е. такимъ, въ какой одѣвается у насъ городская прислуга, и т. п. Главной причиной такого измѣненія была, кажется, прежде всего скитальческая жизнь, заставлявшая носить то, что легче и дешевле было достать, а затѣмъ, можетъ быть, до извѣстной степени желаніе одѣваться „не по мужицки“, тѣмъ болѣе, что все остальное женское населеніе Добруджи, исключая липованокъ и отчасти болгарокъ, одѣвается тоже по европейски. Тѣмъ не менѣе своеобразный украинскій вкусъ выражается все таки въ извѣстномъ выборѣ цвѣта и рисунка ситцевъ: тогда какъ турчанки, татарки и отчасти болгарки предпочитаютъ ситцы съ яркимъ крупнымъ рисункомъ, а липованки отличаются страстью къ невыносимояркимъ, кричащимъ цвѣтамъ—русначки предпочитаютъ довольно скромные ситцы съ мелкимъ цвѣточнымъ узоромъ, по цвѣтному, а чаще по темному фону, точно такіе же, какіе больше всего въ ходу и на Украинѣ. Пища добруджскихъ руснаковъ, сохраняя болѣе или менѣе свой украинскій составъ и порядокъ, отли-

чается гораздо большимъ разнообразіемъ и лучшимъ качествомъ въ зависимости какъ отъ общаго благосостоянія страны, такъ и отъ привнесенія многихъ матеріаловъ, не употребляющихся въ народномъ быту на Украинѣ. Такъ, въ Добруджѣ въ составъ руснацкой пищи входитъ въ большомъ количествѣ и лучшаго качества рыба, между которою главную роль играетъ коропъ, свѣжая сеledка, бѣлужина, соленая, а часто и свѣжая даже осетрина и т. п., большое разнообразіе овощей и плодовъ, изъ которыхъ черныя баклажаны, разные виды паприки, абрикосы, персики, виноградъ и т. п., у насъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ почти не встрѣчаются. Изъ напитковъ въ довольно большомъ употребленіи чай, а изъ спиртныхъ—больше всего въ ходу мѣстное виноградное вино. Водка употребляется, сравнительно съ виномъ, въ очень небольшомъ количествѣ и хотя руснаки потребляютъ ея больше, чѣмъ прочіе жители Добруджи (за исключеніемъ липованъ), но можно сказать съ увѣренностью, что потребление это меньше, чѣмъ гдѣ либо. Извѣстный бытовой ритуаль и разные обычаи держатся у добруджскихъ руснаковъ, особенно у селянъ „по слободахъ“ еще въ достаточной неприкосновенности,—у горожанъ же они начинаютъ понемногу утрачиваться и переходить къ бытовому строю „по господському“. Пѣсни, игры, разныя семейныя и общественныя торжества и церемоніи, свадебные обряды—все это устраивается съ соблюденіемъ старыхъ украинскихъ обычаевъ, при чемъ появились, разумѣется, и нѣкоторыя смягченія, вошедшія впрочемъ уже въ обыкновеніе и на Украинѣ. Для сватанья посылають „старостивъ“ съ хлѣбомъ, дають традиціонныя „рушныки“ и т. п.; „весилья“ т. е. свадьбу празднують и три дня, и цѣлую недѣлю, какъ кто можетъ, со всѣми установленными вѣковыми обычаями пѣснями и церемоніями, „якъ усе добре, то добри писни спивають, а якъ недобре—то другіи... а быть не бють и хамута зъ соломы батькамъ не надивають... того вже нема!“... Въ извѣстной степени къ старымъ украинскимъ обычаямъ начали примѣшиваться уже и нѣкоторые мѣстные, позаимствованные отъ прочихъ населяющихъ Добруджу народовъ, но эти обычаи касаются не столько обрядовой стороны жизни, сколько ма-

неръ и нравовъ. Такъ, напр., у руснаковъ, подобно всѣмъ южнымъ народамъ, въ Добруджѣ проснулась потребность жить и особенно веселиться на улицѣ, въ саду, словомъ—на воздухѣ, они рѣдко снимаютъ шапки въ комнатахъ, усвоили себѣ южную манеру выражать отрицаніе кивкомъ головы снизу вверхъ и обратно (что у насъ было бѣ понято какъ разъ наоборотъ) съ легкимъ прищелкиваніемъ языкомъ, а утвержденіе—кивкомъ нѣсколько въ бокъ (что у насъ было бы понято за отрицаніе), удивленіе они выражаютъ, какъ и прочіе южане, рядомъ короткихъ прищелкиваній (т. т. т...), а желая кого нибудь позвать, махаютъ рукой не къ себѣ, а *отъ себя*, при питьѣ въ компаніи всегда чокаются стаканами и никогда не пьютъ полнымъ стаканомъ, а всегда наливаютъ вино или водку—все равно—до половины или до $\frac{2}{3}$ стакана или рюмки, что у насъ, угощая другихъ, показалось бы неприличнымъ, и т. п. Сапожникъ-подмастерье или калфа въ Тульчѣ (мастеру это ужъ не совсѣмъ прилично), если имѣетъ возможность и желаетъ „гулять“, то поступаетъ такъ же совершенно, какъ и всѣ румыны: садится въ извозничій фаэтонъ (кстати сказать, ихъ всего въ Тульчѣ только семь), возлѣ себя сажаетъ одного или двухъ товарищей, а противъ себя на скамеечкѣ двухъ цыганъ со скрипками и въ такомъ видѣ, съ музыкой, медленно ѣдетъ по улицамъ, останавливаясь непременно возлѣ каждаго кабака (т. е. на извѣстныхъ улицахъ чуть ли не возлѣ каждаго дома), изъ котораго обязательный хозяинъ сейчасъ же выноситъ на подносѣ равное числу участвующихъ въ этой процессіи количество стаканчиковъ съ виномъ... всѣ, никогда не исключая ни кучера, ни цыганъ, чокаются, пьютъ и двигаются далѣе. Совсѣмъ иначе, опять, гуляетъ катирлезскій карманщикъ. Получивши деньги по окончаніи дувана, онъ прежде всего наряжается во все новое, затѣмъ отправляется въ кабакъ, захвативши съ собой предварительно фунтъ или два стеариновыхъ свѣчей, садится за отдѣльный столикъ, налѣпливаетъ по краямъ этого столика всѣ свои свѣчи, зажигаетъ ихъ и требуетъ око вина, которое подается тамъ обыкновенно въ кувшинахъ. Наливши стаканъ, онъ отпиваетъ одинъ глотокъ, а остальное выплескиваетъ тутъ же на полъ,

затѣмъ точно также съ слѣдующимъ стаканомъ и т. д. Очень часто это продолжается и съ цѣлыми кувшинчиками, которыхъ, разумѣется, требуется цѣлый рядъ..., а иногда и съ нѣсколькими бутылками поддѣльнаго, конечно, но все таки очень дорогого хереса, лафита и т. п. Однимъ словомъ, вся прелесть и радость закутившаго кармашника заключается въ одномъ случаѣ въ томъ, чтобы выразить какъ можно больше презрѣнія къ деньгамъ, и эта черта, какъ кажется, у нихъ не раздражительная, а составляетъ прямое наслѣдіе отъ запорожцевъ; называется все это „каторлезскии церемоніи“. И нужно замѣтить, что все это совершаетъ человѣкъ вовсе не до безчувствія пьяный, а только такъ-- пришедшій въ нѣкоторый веселый задоръ... съ разными, иногда очень остроумными, шутками на счетъ своего собственнаго бурлацкаго положенія, а еще чаще съ очень грустною бурлацкой пѣсней, въ которой главную роль играетъ тяжелая тоска по родинѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ бытовая жизнь украинскихъ переселенцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ, среди самаго пестраго смѣшенія разныхъ другихъ народностей. Къ своимъ сосѣдямъ руснаки относятся, по большей части, очень добродушно, хотя, разумѣется, не ко всѣмъ одинаково. Больше всего симпатій обнаруживаютъ руснаки къ туркамъ, татарамъ, грекамъ, румынамъ, западнымъ европейцамъ, русскимъ-молочанамъ, въ особенности же къ славянамъ въ родѣ далматинцевъ, сербовъ и т. п.— меньше всего къ городскимъ болгарамъ, евреямъ и къ липованамъ. Это нерасположеніе къ липованамъ, доходящее даже до ненависти, имѣетъ въ Добруджѣ свое специальное, историческое основаніе, заключающееся въ томъ, что до прихода запорожцевъ, устья Дуная и восточная Добруджа были заняты некрасовцами, т. е. бѣглыми донскими козаками, пришедшими туда съ Кубани, и вотъ когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, появились въ дунайской дельтѣ запорожцы, то между ними и некрасовцами, смотрѣвшими на себя уже какъ на хозяевъ мѣстности, неминуемо должны были произойти столкновенія, и дѣйствительно въ началѣ нынѣшняго столѣтія столкновенія эти приняли характеръ постоянной партизанской войны, перешедшей въ настоящій пра-

вильный походъ запорожцевъ, предпринятый подь предлогомъ наказанія некрасовцевъ за убійство одного изъ козаковъ, но въ сущности для того, чтобы завладѣть Дунавцемъ, т. е. всею вдающеюся въ дельту восточной оконечностью Добруджи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страшной взаимной рѣзни ¹⁾, некрасовцы, какъ извѣстно читателю, были окончательно вытѣснены изъ этой части Добруджи, а турецкое правительство, для прекращенія этой безконечной бойни, должно было перевести ихъ въ Майнось на берегу Малой Азіи. Тѣмъ не менѣе извѣстная часть некрасовцевъ осталась на западномъ берегу лимана Разина и въ бабадагскихъ горахъ въ долинѣ р. Славы, впоследствии же къ нимъ постепенно присоединялись бѣжавшіе изъ Россіи старообрядцы, но уже не козаки, а уходившіе отъ религіозныхъ преслѣдованій старообрядцы „филиппоны“, или по мѣстному—„липоване“. Понятно, что это позднѣйшее наслоеніе, связанное съ некрасовцами единствомъ религіозныхъ воззрѣній, унаслѣдовало отъ нихъ вражду къ запорожцамъ, а запорожцы съ своей стороны передали свою ненависть къ липованамъ своимъ наслѣдникамъ въ Добруджѣ, позднѣйшимъ украинскимъ переселенцамъ. Черезъ большой уже промежутокъ времени, послѣ войнъ съ некрасовцами, далеко даже послѣ того, какъ перестала существовать задунайская Сѣчь, передъ крымской войной, на Дунавцѣ противъ нынѣшней слободы Нижняго Дунавца „тамъ де гардь забываютъ на Дунавци“, по рассказамъ Остапа Дончука, въ урочищѣ Калиновомъ Кутѣ была хата, въ которой жилъ старый запорожецъ Завадскій съ своимъ сыномъ Кондратомъ. „Воны охотничалы—звиря тоди сыла була,—и лыпованъ ризалы... усе по старому, бачыте, піймають було та й зарижуть“... Старикъ умеръ, а Кондрата „взялы москали за те, що лыпованъ воны ризалы,—якъ одвели у Россію, то бильше й не чуть було“. Вмѣстѣ съ охотничьимъ и рыболовнымъ существованіемъ, эту старинную вражду къ липованамъ поддерживали, особенно сначала, какъ мы говорили, и позднѣйшіе пришельцы изъ Украины, главнымъ образомъ такъ называемая „сиромашня“. Тотъ же Остапъ рассказываетъ, что въ Муругилѣ

¹⁾ Задунайская сѣчь 31—39.

лѣтъ около десяти-пятнадцати тому назадъ, жилъ одинъ „невеликій, такъ—непоказный соби чоловичокъ,—то було якъ зійдуться, то й каже: „я, каже, не багацько (не много) липованъ выривавъ—тільки девятнадцатеро, а ще маю одного заризаты—до двадцаты... Та й добре ихъ ризать: узавъ за бороду, голову одигнувъ назадъ та й чькнувъ...“ Понятно, что липоване съ своей стороны не упускали случая „зарѣзать хохла“, и эта взаимная вражда, утратившая, конечно, въ настоящее время свой прежній кровавый характеръ (единичные случаи бываютъ, разумѣется, и теперь, особенно со стороны липованъ, и то, впрочемъ, больше съ цѣлью грабежа, вслѣдствіе чего, напр., въ долину р. Славы руснакъ особенно ночью и теперь одинъ не поѣдетъ) сохраняется все таки въ видѣ взаимнаго отчужденія, разнаго рода остротъ, насмѣшекъ и т. п. Этому содѣйствуетъ въ значительной степени также религіозный фанатизмъ липованъ, не только не допускающій браковъ съ иновѣрцами, но заставляющій липованъ, особенно безпоповцевъ, даже не ѣсть и не пить изъ одной посуды съ людьми другой вѣры, хотя бы и христіанами и т. п. Тотъ же религіозный фанатизмъ создалъ у липованъ своего рода условную нравственность, прощающую послѣ очистительной молитвы самыя страшныя преступленія и беспощадно карающую малѣйшее отступленіе отъ освященныхъ временемъ раскольничьихъ формъ и обрядовъ. Эта особенность, вмѣстѣ съ крайне узкимъ міровоззрѣніемъ, грубостью нравовъ и какимъ то фанатическимъ обскурантизмомъ, отталкиваютъ отъ липованъ не только украинцевъ, но и людей прочихъ національностей.

Доказательствомъ того, что, кромѣ извѣстныхъ уже читателю историческихъ основаній, причина всей этой вражды не заключается въ національной нетерпимости руснаковъ, служитъ то, что въ отношеніяхъ руснаковъ къ прочимъ народамъ и въ особенности къ молочанамъ не замѣчается рѣшительно ничего подобнаго. Въ 1851 г. во время рождественскихъ праздниковъ, въ г. Тульчѣ произошло довольно серьезное столкновеніе руснаковъ съ греками, но это столкновеніе имѣло характеръ чисто случайный и никакъ не можетъ быть объясняемо какой нибудь

національной враждой. Въ этомъ году въ Тульчѣ зимовало больше сотни греческихъ судовъ и, слѣдовательно, было очень много матросовъ-грековъ. Однажды, по какому то случаю, руснаки танцевали возлѣ дома одного своего земляка Андрея Довгополенка, при этомъ въ числѣ зрителей было много грековъ и одинъ изъ нихъ вздумалъ поцѣловать какую то руснацкую дѣвушку. Кто то его за это ударилъ, началась драка съ одной стороны ножами, съ другой—дубинами, натасканными изъ лежащихъ вблизи дровъ, и въ результатѣ оказалось около 20 чел. убитыхъ, по разсказу молочанскаго настоятеля Ив. Ив. Федорова, все грековъ, такъ какъ у руснаковъ былъ одинъ человекъ Андрей Охременко, „хохоль такой—такъ онъ зналъ *гартовать*, т. е. отъ ножа людей заговаривать, вотъ онъ своихъ то и загартовалъ... а его самого привели въ конакъ—такъ на немъ ни одной раны нѣтъ—синяки только, а шубенка на немъ вся изрѣзана“... Извѣстнаго рода нерасположеніе руснаковъ къ болгарамъ и евреямъ, раздѣляемое впрочемъ всѣми народами, живущими въ Добруджѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ экономической роли, вполне аналогичной съ такою же ролью евреевъ въ Россіи, при чемъ нужно замѣтить, что роль эта въ Добруджѣ въ значительной степени раздѣляется и липованами, особенно въ отношеніи рыбнаго промысла и торговли рыбою. Что же касается прочихъ народовъ, то, какъ мы сказали выше, отношенія между ними и руснаками отличаются полнымъ добродушіемъ и сосѣдской обязательностью. Да не удивить, между прочимъ, читателя и то, что, говоря о народахъ, къ которымъ руснаки относятся съ особенной симпатіей, мы назвали прежде всего турокъ.

„Жылы мы у турка, якъ горобци у стриси!...“ (какъ воробы въ соломенной крышѣ), говорилъ намъ со вздохомъ не разъ уже нами упомянутый Остапъ Дончукъ. „Турокъ честный человекъ“, отвѣчалъ одинъ старикъ старообрядецъ на вопросъ о турецкихъ притѣсненіяхъ, „хоть и не въ нашего Бога вѣруетъ... обиды никакой отъ него не было... десятину свою возьметъ, а

больше пальцемъ не тронеть... Вотъ развѣ на счетъ женскаго пола—ну, бывало! да и то вѣдь не турокъ, а черкесь..." Какъ оказалось изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, причина этого сожалѣнія о турецкомъ режимѣ заключается прежде всего въ томъ, что при туркахъ и налоговъ было меньше и, главное, податная система была несравненно выгоднѣе для плательщиковъ, чѣмъ теперь. „Знаешь себѣ одну десятину, говорилъ намъ тотъ же старообрядецъ, да и ничего больше: много уродило и отдашь больше, меньше уродило и платить меньше, ничего не уродить—ничего и не платишь!... А теперь при румынахъ другой разговоръ, сколько тебѣ тамъ ни уродить, хоть и совѣмъ ничего Богъ не дастъ, а плати каждый годъ одинаково"... „Добре було“, говоритъ старый Остапъ,—„кто бъ не прійшов не записавсь—живы!... Давъ 30 левъ—якъ ще давъ, бо винъ тамъ по регистрахъ не шукае—та й живи соби, ниhto тебе й не займе (не тронеть). Стрине, було зборщикъ: Ты дававъ *гарачъ*? (подать)—Ни! — „Давай 15 левъ! Тутъ тобі на сидли написавъ, давъ тобі, тай годи. А якъ утечешъ, то й такъ пропаде! Оце бижать було хлопци зъ базару: Вы, дядьку, куды?—На базарь!... Не ходить... тамъ за гарачъ ловлять! Тильки жъ на базари, а у хату не пійде!“... Этотъ рассказъ Остапа относится, конечно, къ десятинѣ и къ личной подати, т. е., лучше сказать, ежегодной платѣ, взымавшейся въ Турціи съ немагометанъ, вмѣсто отбытія воинской повинности. Другая причина сожалѣнія о туркахъ—это ихъ полная вѣротерпимость, допускавшая всѣ секты и вѣры и публичное отправленіе богослуженія для всѣхъ, о чемъ мы будемъ говорить еще далѣе.

Для всякаго, не бывавшаго на Балканскомъ полуостровѣ и знакомаго съ тамошними международными отношеніями только по газетнымъ статьямъ времени минувшей войны,—это можетъ показаться очень страннымъ и даже неправдоподобнымъ; но мы ссылаемся на всѣхъ, кто хоть разъ въ жизни бывалъ за Дунаемъ, что турки не только со стороны русаковъ, но и со стороны всѣхъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, населяющихъ

Европейскую Турцію,—единогласно и единодушно признаются народомъ въ высшей степени симпатичнымъ, добрымъ, безукоризненно честнымъ и справедливымъ. Путешественникъ въ первые же дни своего прибытія въ Добруджу обыкновенно изумляется тѣмъ замѣчательнымъ единодушнымъ сожалѣніемъ, съ которымъ всѣ „освобожденные отъ турецкаго ига“ жители Добруджи: и болгары, и греки, и русскіе всевозможныхъ сектъ, и руснаки, вспоминали о турецкомъ господствѣ. „При туркѣ было гораздо лучше“, слышали мы со всѣхъ сторонъ.

Лупулеску.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БѢЛАЯ ПАННА.¹⁾

(ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ НЕУДАВШАГОСЯ ПОЭТА).

(Окончаніе).

ГЛАВА V.

На волѣ.

Я уже сказалъ раньше, что я росъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ трехъ стариковъ, что, очень можетъ быть, и сдѣлало меня скрытнымъ, сосредоточеннымъ и мечтательнымъ ребенкомъ... У дѣда было много хлопотъ и всякихъ дѣлъ,—Панасъ вѣчно сопѣлъ люлькой на печи, Горпына шныряла по хозяйству, такъ что волей неволей мнѣ приходилось быть всегда одному и самому забавлять себя съ утра до ночи по своему вкусу... Я полюбилъ бродяжить, полюбилъ грезить,—но всего этого было для меня, конечно, мало... Дѣтская душа, вообще не выносящая одиночества, способна одухотворить камень, чтобы замѣнить себѣ недостающаго живаго сверстника, живую душу,—но камень ея не удовлетворить, ибо не угасить вѣчно живой потребности въ любви... Камень, мертвый камень не можетъ стать объектомъ любви, какъ бы болѣзненно ни было развито воображеніе ребенка... Для этой страстной жажды непремѣнно нужно что нибудь живое, имѣющее свои дѣйствительныя потребности, свое живое „я“, будь оно хоть червякъ, птица — все равно... Такимъ образомъ я полюбилъ собаку...

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1889 г., январь.

Моя первая любовь, страшный Разбой былъ скорѣе лютый звѣрь, чѣмъ домашняя собака... Цѣпь ли, на которой онъ былъ прикованъ съ дѣтства, сдѣлала его такимъ лютымъ, вѣчное ли одиночество,—или ужъ природа его была такова,—не знаю,—но его трепетали всѣ кромѣ дѣда и Панаса,—вся Пустынька... Я кормилъ его часто издали, но не гладилъ, не подходилъ даже близко по настоянію дѣда,—хотя песъ никогда не глядѣлъ на меня злобно... Можетъ быть въ моихъ глазахъ онъ читалъ свою грусть, тоску, свое одиночество и свое же, можетъ быть, несознанное стремленіе къ ласкѣ и потребность хоть чьей нибудь дружбы,—по крайней мѣрѣ онъ никогда не рычалъ на меня одного... Я побаивался его, жалѣлъ, а можетъ быть и онъ меня жалѣлъ или считалъ слишкомъ ничтожнымъ для своей злобы...

Это страшилище срывалось иногда съ цѣпи, приводя всѣхъ въ испугъ и смятеніе... Разъ онъ сорвался и долго пропадалъ безъ вѣсти, такъ что его сочли пропавшимъ... Гдѣ онъ бѣгалъ, что дѣлалъ,—не зналъ никто и его будка, похожая на домикъ, стояла пустою... Въ жаркій день я игралъ на дворѣ и видѣ пустой будки и темнота въ ней соблазнили меня;—я влѣзъ въ будку, задумавъ превратить ее себѣ въ домикъ... Безпечно игралъ я въ ней камнями и прочей мелочью, которыми всегда были набиты мои карманы, какъ вдругъ мой взглядъ встрѣтился со взглядомъ страшнаго звѣря...

Онъ прибѣжалъ и неожиданно стоялъ у самаго входа въ будку, слегка всунувъ въ нее свою огромную морду... Пасть его была открыта отъ жары, красный языкъ высунулся, громадные бѣлые клыки сверкали и страшные глаза глядѣли на меня не моргая какимъ то удивленнымъ взглядомъ... Что прочелъ онъ въ моемъ застывшемъ взорѣ, не знаю,—но онъ вдругъ сталъ обнюхивать мое лицо и двинулся лапами въ будку. Я сидѣлъ неподвижно, не дыша, не спуская глазъ съ собаки, пока она вдругъ не лизнула мою руку... Тогда я его погладилъ и звѣрь завизжалъ и завилялъ хвостомъ... Я погладилъ его смѣлѣе, онъ влѣзъ, весело визжа, въ будку и сталъ лизать меня всего.

Горпына какъ то случайно заглянула въ будку, всплеснула руками и, какъ сама говорила, „окаменѣла на мѣстѣ“. Я спо-

койно спалъ, положивъ свою голову на рядомъ свернувшагося звѣря...

— Пресвята Богородица! Панычку! Що вы тутъ робите!?!— разбудилъ меня ея испуганный визгъ. Но собака грозно зарычала ей въ отвѣтъ... Она уже полюбила меня беззавѣтно и ревновала ко всему на свѣтѣ... Такъ завязалась эта дружба звѣря и ребенка, сдѣлавшая громадный переворотъ въ жизни того и другаго... И звѣрь, и я,—мы уже не были одиноки, намъ обоимъ не приходилось уже только грезить,—ему на цѣпи, мнѣ на волѣ, не нужно было все таить только про себя, мы могли все дѣлить между собою... И мы дѣйствительно дѣлили другъ съ другомъ все, что могли и умѣли. Даже думы наши мы дѣлили, мы ей Богу, кажется, вполне понимали другъ друга... Когда, казалось, я читалъ въ его темныхъ глазахъ безумную жажду воли,—я тихонько спускалъ его съ цѣпи, а когда звѣрь въ свою очередь замѣчалъ мой нахмуренный взглядъ, устремленный на замокъ, онъ грозно рычалъ и глаза его наливались кровью. Казалось, онъ грозилъ ему вмѣстѣ со мною!...

Но въ нашей любви другъ къ другу была большая разница,—одна совсѣмъ не походила на другую... Звѣрь любилъ беззавѣтно, преданно—рабски любилъ, а я точно больше позволялъ ему себя любить, гордился преданностью и любовью этого общаго страшилища, чѣмъ дѣйствительно любилъ... Впрочемъ, люди вообще, кажется, отвѣчаютъ именно такъ на беззавѣтную, рабскую любовь. Я былъ всевластный господинъ надъ нимъ,—онъ только преданный беззавѣтно рабъ... Я только требовалъ, приказывалъ, лишь снисходя къ его интересамъ, онъ только исполнялъ, подчинялся и всѣмъ поступался для меня... Я могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ, дразнить, мучить, онъ трепеталъ даже дохнуть на меня сильно... Кто любилъ чище и лучше,—звѣрь или человѣкъ, я не хочу разбирать,—но думаю, что многія жесткія стороны характера послѣдняго,—острое самолюбіе и деспотическая жилка,—если не зародились въ этой любви, то много обязаны именно ей.

Разбой спасъ меня въ самую критическую минуту моей жизни, имѣвшую, какъ увидить читатель ниже, большія послѣдствія.

Это случилось, когда дѣдъ однажды уѣхалъ на долго по дѣламъ все того же процесса въ городъ, а вмѣсто него завѣдывать домою и хозяйствомъ пріѣхала въ Пустыньку тетка генеральша съ сыномъ Валентиномъ. Я не любилъ чопорную, сухую, завистливую тетку да и она, кажется, платила мнѣ тѣмъ же... Злые языки, между прочимъ и Горпыны, увѣряли даже, что она бы и не прочь была „известить“ меня, лишь бы Пустынька досталась ея долговязому ротозѣю, два года подъ рядъ не сумѣвшему совладать съ экзаменомъ во второй классъ, несмотря на всѣхъ своихъ гувернеровъ... Впрочемъ, въ душѣ онъ былъ добрый мальчикъ,—только страшно испорченный,—хвастунъ, лгунъ и къ тому же плакса. Онъ дразнилъ меня съ утра до вечера „мазепой“, смѣялся надъ моими манерами, незнаніемъ городскихъ обычаевъ, деревенскимъ костюмомъ и доводилъ до того, что я блѣднѣлъ и задыхался отъ бѣшенства... Поощреніе онъ встрѣчалъ у тетки, тоже всегда зло подсмѣивавшейся надъ „деревенскимъ дикаремъ“, какъ она меня звала открыто. Тетка была сестрой моего отца, вдовой предсѣдателя какой то палаты, имѣла свой домъ въ городѣ, хорошій пенсіонъ, круглый капиталецъ, скопленный покойнымъ мужемъ „на службѣ“, и особенно любила „бонтонность“.—Изъ за нея она заставила своего мужа переимѣнить фамилію Онисковецъ на „Онисковцевъ“, что сильно смѣшило дѣда... Дѣдъ тоже сильно не долюбивалъ ее, но деликатность и гостепріимство были до того сильно развиты у него, что съ ея пріѣздомъ онъ всецѣло уступалъ ей главенство въ домѣ... И тетка мучила насъ всѣхъ, начиная съ дѣда и кончая Горпыной...

Разъ Валентинъ довелъ меня своими насмѣшками до того, что я просто очумѣлъ отъ злобы и, не въ силахъ будучи сдерживаться дольше, хотѣлъ убѣжать... Но онъ заградилъ мнѣ дверь и продолжалъ травить подъ хохотъ генеральши... Самъ не знаю какъ, совсѣмъ потерявъ голову,—я сильно ударилъ его тогда кулакомъ и ударъ пришелся по несчастью прямо въ носъ... Кровь заструилась у него по лицу и онъ взревѣлъ...

— Розогъ!—крикнула громко генеральша, задрожавъ отъ гнѣва и поблѣднѣвъ, какъ полотно.

То было въ первый разъ еще, что мое ухо услышало это позорное слово, и я тоже весь задрожалъ... Помню, что ноги у меня подкозились, я съ трудомъ удержался, голова закружилась и я какъ то странно, по овечьи, закружился на мѣстѣ, теребя полы растерянно двигавшимися руками. Я задыхался и отъ неостывшей еще злобы, и отъ новой обиды, которая, казалось, подступая все выше и выше, сжимала горло, туманила голову и заливала блѣдныя щеки жгучимъ румянцемъ невыразимаго стыда... Позорное слово все звенѣло и звенѣло въ моихъ ушахъ и я способенъ былъ броситься отъ него въ пропасть внизъ головою и въ то же время броситься, какъ звѣрекъ, на тетку и кусать ее, и царапать въ изступленьи... Грудь моя высоко вздымалась...

— Не смѣешь!—выпалилъ я внѣ себя,—все больше охватываемый стыдомъ и злобою,—не смѣешь!—и топнулъ ногою.

— Не смѣю?! Несите скорѣе розгу!...

Въ глазахъ у меня какъ будто помутилось... Я взглянулъ на саблю, самъ не сознавая, что бы такое я сдѣлалъ съ нею, но гетманская сабля висѣла высоко... Я былъ одинъ, безпомощенъ, разъяренный, покинутый всѣми, неспособный защитить себя отъ позора... Дѣдъ!?—его не было... Панасть!?—онъ кряхтѣлъ безсильно на печи... Горпына!?—она только страстно рыдала въ кухнѣ за своего любимца!... Никого... я одинъ!... а въ это время генеральшинъ кучеръ вносилъ позорную розгу...

Нѣтъ,—я не одинъ! У меня есть вѣрный, преданный другъ, который не дастъ меня въ обиду!... Въ этотъ роковой моментъ я вдругъ вспомнилъ о страшномъ, прикованномъ Разбой,—вспомнилъ и, самъ не помню какъ, бросился въ открытое окно, разбивъ дорогую, любимую дѣдовскую вазу.

— Разбой!... Разбой!... Разбой!...

Понялъ ли вѣрный, любящій пестъ, мирно дремавшій въ своей будкѣ, этотъ отчаянный вопль мчавшагося къ нему ребенка, понялъ ли онъ, что его любимцу, его властелину грозила бѣда,—не знаю,—но я слышалъ какъ страшно загрохотала тяжелая желѣзная цѣпь, какъ дрогнулъ воздухъ яростнымъ ревомъ.—Я увидѣлъ могучій прыжокъ, какимъ прикованный звѣрь взвился высоко и отъ котораго глухо застонала стѣна сарая,

къ которой былъ онъ прикованъ... Я все бѣжалъ къ нему, звалъ и молилъ,—а онъ бѣшено метался на своей цѣпи, бѣшено ревелъ и въ его ревъ я, кажется, слышалъ глухое рыданье на свое безсилье... Да, звѣрь рыдалъ!—но въ этомъ рыданьи слышалась угроза, отъ которой могло замереть самое храброе сердце!...

Меня, наконецъ, схватили сзади... Чья то сильная рука налегла на мое плечо,—и я пошатнулся... Ноги мои подкосились, я пересталъ дышать, упалъ и помню только, что въ этотъ моментъ что то страшно загрохотало, что то дрогнуло кругомъ, лопнуло съ визгомъ и что то мохнатое съ ужаснымъ ревомъ коснулось моего лица...

Когда я очнулся, пришелъ въ себя,—я лежалъ на травѣ, а Разбой съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ лизалъ мнѣ лицо, визжалъ и поднималъ голову мордой... Вдали виднѣлись испуганные генеральша съ сыномъ, конюхъ, Горпына, даже Панасъ, слѣзшій вдругъ съ печи, не смѣя сдѣлать и шага... Страшный звѣрь не пускалъ ихъ и самъ приводилъ меня въ чувство...

Тогда же я рѣшилъ бѣжать, несмотря ни на что, несмотря на заигрыванье испугавшейся тетки, на ласки любящей Горпыны... Бѣжать во что бы то ни стало отъ роднаго порога, отъ родной хаты, въ которой текли до сихъ поръ мирно мои дѣтскіе годы, а теперь вдругъ преслѣдовали меня и гнали нелюбимые люди, гдѣ въ воздухѣ все еще, кажется, звучало, какъ бы застывъ въ немъ, ужасное, позорное слово... Я еще не остылъ отъ стыда и обиды, мое сердце еще пылало мщеньемъ,—а отомстить, казалось, я могъ лучше всего побѣгомъ... Мнѣ осмѣлились грозить розгой?! Дѣдъ оставилъ меня на муки этимъ людямъ?! Никто не хотѣлъ прійти мнѣ на помощь, кромѣ Разбоя?! Хорошо же! Пусть меня ищутъ, пусть плачутъ обо мнѣ!... Я не хочу, чтобы меня били... Я уйду съ своимъ Разбоемъ,—уйду далеко... далеко... вонъ туда,—за высокіе холмы и... и...—не вернусь!... Развъ дѣдъ пошлетъ за мною!...

Я прокрался тихо въ кабинетъ дѣда и, обливаясь горячими слезами, невозможными каракулями, хотя, казалось, очень трогательно,—написалъ ему послѣднее прости и описалъ свои муки... Тамъ, въ кабинетѣ, моя рѣшимость какъ бы дрогнула,

но я совладалъ съ собою, утеръ слезы и пробрался въ кухню, гдѣ незамѣтно стащилъ хлѣбъ, щепоть соли и кусокъ сала... Затѣмъ я пошелъ къ Разбою и спустилъ его съ цѣпи...

Мы выбрались вдвоемъ далеко, далеко за предѣлы деревни... Пустынька исчезла и только высокія верхушки тополей, выдѣляясь на яркой синевѣ неба, напоминали мнѣ родное пепелище... Но я не думалъ о немъ, нѣтъ,—я, какъ и мой вѣрнѣйшій песъ, всецѣло упивался свободой!...

Да, свободой! — Надъ нами разстиралось безграничное, чистое небо, а впереди кругомъ зеленѣли широкія нивы... Никого не было, кромѣ насъ, вокругъ,—только жаворонокъ кружился съ пѣсней, гдѣ то щебетали маленькія пташки да въ зеленой травѣ стрекотали кузнечики несмолкавшимъ хоромъ... Угрюмый звѣрь забылъ свою цѣпную скуку и какъ маленькій щенокъ катался по травѣ, визжа отъ восторга и смотря на меня свѣтлыми глазами... Онъ чуялъ и цѣнилъ свою волю...

И я ее чуялъ,—и я упивался ею!... Безграничное небо и зеленыя нивы я видалъ часто,—но только видѣлъ, а не сливался съ ними... У меня всегда были своя хата, постель, свой уголь, своя семья,—теперь у меня никого и ничего не было кромѣ неба, нивы, малыхъ пташекъ!... Я былъ теперь ихъ, а они моими!... И я почувствовалъ вдругъ, какъ распахнулось широко мое сердце и оттуда хлынула потокомъ свѣтлая любовь и къ небу, и къ нивѣ, каждой былинкѣ, ко всему, что тонуло далеко, далеко въ голубой дали горизонта, подъ сверкавшими лучами жаркаго солнца...

Да, я почувялъ, что я люблю все...—все... И эту травку, и этого жука, что копошится подъ нею,—и малую пташку, что робко щебечетъ, запрятавшись въ вѣчномъ страхѣ, и хлопотунью пчелу, что жужжа торопится мимо... Все, все люблю! Этой любви я не зналъ, не чуялъ, не подозрѣвалъ даже раньше и теперь она охватила меня какимъ то непередаваемо полнымъ восторгомъ и нѣгой... Точно пелена, вѣчно застилавшая мнѣ свѣтъ, упала съ моихъ глазъ,—точно грудь моя стала дышать вдвое сильнѣе... Помню,—я былъ безгранично счастливъ...

И я сталъ щебетать вмѣстѣ съ пташкой, переключаться съ кузнечикомъ, жужжать съ пролетающей пчелою... На все, на каждый звукъ я откликался весь, всѣмъ сердцемъ, всей душой,—какъ братъ всего того, что жило въ этомъ просторѣ... И все оно, казалось, откликалось и мнѣ, дыша веселымъ привѣтомъ... Я даже визжалъ, какъ Разбой, и къ его невыразимому восторгу сталъ кататься вмѣстѣ съ нимъ на зеленой травѣ...

— Разбой,—давай завтракать!

Мы позавтракали и пошли дальше... Играя, мы шли долго, сами не зная, куда мы идемъ и гдѣ мы... Наконецъ, мы очутились у какой то плотины, на которой стояла запряженная карета. Возлѣ кареты, что то чиня, суетились люди, а немного поодаль, ближе ко мнѣ, стояли двѣ пани. Я взглянулъ и обмеръ...

Такой дивной красоты я еще не видѣлъ... Мнѣ показалось, что прямо противъ меня стоитъ Божій ангелъ съ распущенными по плечамъ свѣтлыми волосами, съ цвѣтами на высокой груди, и смотреть на меня своими чудными, нетлѣнными очами... Я вытаращилъ глаза и боялся шевельнуться, несмотря на свѣтлую улыбку, свѣтившуюся мнѣ на устахъ и во взорѣ... И Разбой стоялъ возлѣ, точно околдованный вмѣстѣ со мною...

— Тетя,—посмотри, что за прелестный мальчикъ!

Другая пани, старуха, обернулась и окинула меня сквозь очки взглядомъ. Это привело меня въ себя,—околдовавшія чары, казалось, разлетѣлись.

— Ты откуда, мальчикъ? спросила она.

Я замялся. Кто и откуда былъ я,—когда теперь у меня не было уже дома? Тѣмъ не менѣе уста сами собой какъ то прошептали обычное;

— Я изъ Пустыньки:

— А?! засмѣялась звонко прелестная панна,—это не ты ли побилъ моего брата?

Я сконфузился и покраснѣлъ отъ стыда... Да, отъ стыда! Мнѣ дѣйствительно стало стыдно, что я побилъ ея брата.

— Я!—прошептали глухо мои уста.

— Ты, говорятъ, очень не любишь поляковъ?—все также смѣялась панна.*

— Да! отвѣтилъ я, низко опуская голову.

— И меня не любишь?

Этотъ вопросъ ошеломилъ меня,—я не зналъ, что отвѣтить... Я чувствовалъ только, что мои нелживыя уста не выговорятъ да,—и покраснѣлъ еще больше.

— Ну, что же?

Но я молчалъ, все краснѣя и краснѣя...

— Подойди ко мнѣ,—не бойся!

— Я ничего не боюсь!—отвѣтилъ я, какъ бы задѣтый,—и подошелъ къ ней вплотную.

— О, ты такой храбрый!? Ты не боишься и лѣса?

— Лѣса!!

Она попала въ самую слабую точку,—я только его и боялся! Меня пугали его мракъ, его таинственная глубина,—въ лѣсу я никогда не бывалъ одинъ... Мнѣ стало невыразимо стыдно и я поклялся въ душѣ побороть свой страхъ...

— Я и его не буду бояться!—глухо отвѣтилъ я ей.

Но она не разобрала или не разслышала скрытаго смысла моего отвѣта и положила свои чудныя руки мнѣ на плечи.

— А я люблю тебя, мальчикъ,—говорила она, все смѣясь,—люблю, хоть я и полячка, а ты завзятый украинецъ...

И она звонко поцѣловала меня въ губы.

— Вотъ тебѣ на память отъ польки! она бросила мнѣ, отколловъ отъ груди, бѣлую розу.

Карета давно умчалась съ тучей поднятой сѣрой пыли, а въ моихъ ухахъ все еще звенѣлъ этотъ звонкій дѣвичій смѣхъ и на губахъ горѣлъ жаркій поцѣлуй, какъ горѣла въ рукахъ бѣлая роза.—Я стоялъ неподвижно, жадно смотря въ даль за умчавшейся каретой, готовый, казалось, броситься вслѣдъ за нею... Да, броситься за нею, чтобы рассказать чудной паннѣ, за что я не любилъ ляховъ, за что я побилъ ея брата... Мнѣ точно оправдаться хотѣлось предъ нею, точно снять съ себя что то и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать ей... сказать... я не сознавалъ, казалось, что именно хотѣлъ я сказать ей,—но я чувствовалъ, что и ея слова, и ея поцѣлуй пронизали точно огнемъ все мое я,—все затуманили, спугали и затеплили въ

душѣ что то совсѣмъ новое, теплое и невыразимо сладкое... Еще немного,—и очень можетъ быть, самъ не зная почему, я бы вдругъ заплакалъ,—но меня привелъ въ себя Разбой; удивленный моимъ столбнякомъ, онъ ткнулъ меня мордой.

— Пойдемъ, Разбой!

Я вспомнилъ снова все и мою клятву не бояться лѣса... Я повернулъ назадъ, къ нему, темной дугой огибавшему Пустынку... Тамъ навѣрное не найдетъ меня теткина погоня...

ГЛАВА VI.

Лѣсъ.

Когда мы подошли къ опушкѣ, было далеко за полдень... Дремучій лѣсъ, казалось, спалъ и громадные мшистые дубы стояли неподвижно и молча, широко распластавъ свои кѣтви, точно крылья въ застывшемъ отъ зноя воздухѣ. Въ немъ, за стволами, подъ непроглядною зеленою кущей царилъ, казалось, безпросвѣтный мракъ, но на опушкѣ, между порослей и невысокими кустами, на зеленыхъ прогалинахъ, цестрѣвшихъ яркими цвѣтами дикаго мака и золотоцвѣта, бѣлой кашкой и всевозможныхъ цвѣтовъ колокольчиками, всецѣло властвовало еще горячее солнце. Тутъ кипѣла еще жизнь:—перелетала, щебеча мелкая пташка, прыгалъ стрекотунъ кузнечикъ, шумно гудѣлъ круглый шмель, да тихо звенѣла почти невидимая мошка. Въ лѣсу же было тихо, совсѣмъ тихо! Только гдѣ то сбоку и ближе къ опушкѣ лѣса тоскливо ныла горлица, точно баюгая и навѣвая дрему, да временами звонко разсыпался въ тишинѣ, рази холодомъ, зловѣщій пискливый хохотъ хищнаго кобчика. Глухо и мѣрно, точно маятникъ, стучалъ еще невидимый дятель.

Свѣтлая опушка приободрила меня, а влажный и густой аромать лѣса, точно волной, пахнувшей изъ него, потянулъ, казалось, къ себѣ. Я прошелъ, наконецъ, опушку, зашелъ за стволы и остановился въ тревогѣ и недоумѣнни. Страшный, непроницаемый мракъ, который такъ пугалъ меня всегда издали и начинался, казалось, сейчасъ за стволами, ушелъ дальше въ глубину. Я двинулся впередъ, мракъ ушелъ еще дальше, онъ

точно манилъ меня! Что то враждебное, казалось мнѣ, крылось въ этомъ заманиваньи и я громко крикнулъ, чтобы вызовомъ скорѣе разрѣшить свою тревогу и приободрить оробѣвшее сердце. Мой крикъ пронесся гулко, протяжно и точно потонулъ въ этомъ ухидившемъ густомъ мракѣ. Все оставалось также неподвижно, также тихо, только птица какая то сорвалась и тяжело захлопала крыльями. Спокойный Разбой посмотрѣлъ на меня удивленными глазами, я прижался къ нему ближе и пошелъ смѣлѣе. Мой вызовъ очевидно не былъ принятъ! И мракъ все отступалъ и отступалъ. Иногда съ Разбоемъ мы попадали даже въ цѣлый потокъ горячаго свѣта, который, врываясь густыми волнами сквозь просвѣты въ зеленой пущѣ, падалъ яркими озерами на зеленую мураву, трепеталъ въ зеленыхъ листьяхъ и сверкалъ на угрюмыхъ стволахъ. Сюда сейчасъ же врывалась и жизнь вмѣстѣ съ золотыми лучами, здѣсь прыгало, кружилось, гудѣло, звенѣло все, что было разбужено свѣтомъ. Я самъ набирался здѣсь мужества и все дальше, все смѣлѣе пробирался между стволами сквозь густую чащу молодой поросли, сплетенной дикимъ хмѣлемъ и тонкимъ вьюнцомъ.

Гдѣ же страхи?!

Если они и были, то, конечно, отступали все дальше и дальше въ глубь вмѣстѣ съ мракомъ, потому что на мнѣ былъ крестъ, а Разбой былъ „марчукъ“¹⁾, котораго боится и волкъ и нечистая сила. О, насъ никто и ничто не тронетъ, пусть только попробуетъ! Я знаю заклинанья, которымъ научилъ меня Панасъ, а Разбой задастъ такую трешку, что и тошно станетъ! Правда, Разбой!? Я даже запѣлъ знаменитую старую пѣсню,— какъ смѣлый вызовъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ тонъ мой становился заносчивѣе и смѣлѣе... „Гей, кто въ лиси,—отзовыся“ кричалъ я все громче и громче, но никто не отзывался. Еще бы,—попробуй только!

Тѣмъ не менѣе разъ, когда мои шаги вспугнули тяжело взлетающую сову, мое сердце забилося такъ скоро, что я чуть не замеръ на мѣстѣ...

1) „Марчукъ“—собака, рожденная въ мартѣ. Народное повѣрье.

Куда же я шель?! Я пробирался къ той свѣтлой зеленой прогалинѣ съ отдѣльными группами развѣсистыхъ дубовъ, которую видѣлъ на изображеніи святаго схимника, которая издавна манила меня своимъ чистымъ миромъ, покоемъ и поэтической красотой и которая несомнѣнно должна быть въ лѣсу... Если есть тамъ сѣдой схимникъ,—я паду на колѣни, жарко, жарко помолюсь Богу и исповѣдуюсь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ... Я попрошу сѣдаго схимника оставить меня у себя,—буду носить ему изъ чистаго ключа воду, буду искать съ нимъ лѣсные корни... А Разбой останется съ нами, оберегать насъ, защищать отъ всего враждебнаго, хищнаго и злаго... Вѣдь, если и нѣтъ у него души, то все таки есть доброе сердце и вѣроятно не хуже, чѣмъ у льва св. Марка.

И я нашелъ ее, эту прогалину, свѣтлую, мирную, дышавшую какой то скрытой, невыразимой красотой, только безъ сѣдаго схимника... Она раскинулась у небольшого проточнаго озерка, густо поросшаго камышемъ, изъ котораго немедленно взвился, трепеща, кверху быстрый бекасъ, да зашлепали двѣ грузныя утки. Озеро съ избыткомъ питало здѣсь все просившее влаги,—трава, отливавшая пріятнымъ синеватымъ цвѣтомъ, была гуще и ярче, сама почва мягче и упруго гнулась подъ ногою,—воздухъ свѣжѣе... Темная чаща окружала ее красивой, какъ бы очерченной линіей, а сверху смотрѣло голубое бездонное небо, въ которое прихотливыми зубцами врѣзывались верхушки молчаливаго лѣса...

— Разбой, купаться!

Мы долго, долго провозились въ прохладной водѣ, играя съ шумомъ и визгомъ, а затѣмъ катались на стогѣ сѣна, стоявшаго между озеркомъ и чащей...

Когда я проснулся,—и озеро, и листва, и угрюмые стволы, и полянка,—все горѣло уже раскаленнымъ жаромъ, какъ и мой, казалось, вдругъ отяжелѣвшая, точно свинцомъ налитая голова. Все пылало въ розовыхъ лучахъ и даже шерсть свернувшася возлѣ Разбоя пестрѣла красноватыми пятнами. Очевидно стоялъ уже вечеръ, близилась темная ночь,—но мнѣ было какъ то все равно,—я ни о чемъ не думалъ... Налитая голова не двига-

лась,—все тѣло мое ныло,—во рту было сухо, тяжелыя вѣки слипались сами собой... Я разорвалъ воротъ, разметалъ руки и снова заснулъ...

Долго ли спалъ я,—не знаю,—но проснулся вновь отъ страшнаго холода темною, глубокою ночью. Надо мной сверкали, мигая, звѣзды, но кругомъ стоялъ такой мракъ, что я только по дыханью различалъ спящую рядомъ собаку. Впрочемъ,—мнѣ опять было какъ то все равно,—тьма ли стоитъ надо мною,—свѣтъ ли блещетъ... Меня мучили боль въ вискахъ и сильный ознобъ, отъ котораго дрожало все мое нывшее тѣло и не переставая стучали зубы... Я даже не различалъ хорошо—гдѣ я, дома ли, въ своей мягкой постелькѣ, или въ дремучемъ лѣсу забился въ сѣно... Все у меня спуталось... Я хотѣлъ только согрѣться, во что бы то ни стало согрѣться и слабою, непослушною, точно спавшею рукою потянулъ къ себѣ Разбой... Онъ придвинулся, прикрылъ меня, лизнулъ и какъ то трѣвожно обнюхалъ... А я все дрожалъ и дрожалъ...

Наконецъ, тепло вдругъ какъ то снова разлилось по мнѣ и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось сильнѣе... Разбой дышалъ на меня точно раскаленнымъ воздухомъ жарко натопленной печи, точно жегъ меня,—но я не могъ шевельнуться, я лежалъ какъ мертвый... Въ головѣ у меня все подернулось точно флеромъ, я ничего не видѣлъ, не различалъ, я тонулъ, казалось, въ какомъ то горячемъ, влажномъ туманѣ... Вдругъ я услышалъ шепотъ, таинственный и нѣжный... Я открылъ, казалось, глаза,—и снова какъ будто сталъ различать все хорошо и ясно... Между мной и блестящимъ звѣздами небомъ стояла бѣлая роза, которую утромъ я сунулъ за пазуху, куда обыкновенно пряталъ все самое дорогое,—та роза, которую дала мнѣ... Кто, въ самомъ дѣлѣ?—бѣлая же роза?... или... полячка!? Право,—я какъ то все спуталъ...

И видѣлъ я, какъ она, эта роза,—то принимавшая образъ чудной полячки, то снова становившаяся бѣлой розой,—смотрѣла на меня печально и грустно, точно рыдая... Я безжалостно, грубо измялъ ее за пазухой, я растрепалъ, истерзалъ ее нѣжные, ароматныя лепестки...—За что?—спрашивалъ меня ея нѣжный шепотъ,—что сдѣлала тебѣ я,—молоденькій хлопче?! За что

же ты ненавидишь меня и собираешься воевать съ моимъ гнѣздомъ, съ моимъ замкомъ?! Развѣ я жгла твоего гетмана и мучила вольныхъ козаковъ?—Нѣтъ! Такъ зачѣмъ же ты переносишь чужіе, давніе грѣхи на меня молодую и невинную,—на меня, которой, какъ и тебѣ, хотѣлось жить вольно на свѣтѣ?! За что ты измялъ мои лепестки, обломалъ мои стебли,—о, за что, молоденькій хлопче!?

И бѣлая роза зарыдала... Слезы закапали, какъ роса, съ ея бѣлыхъ, измятыхъ лепестковъ и падали, казалось, мнѣ въ самое сердце, разливаясь оттуда жаромъ по всему тѣлу... Я хотѣлъ ей что то отвѣтить,—но не могъ,—мои уста запеклись,—а она продолжала:

— Слушай дальше!... А развѣ мало потоптали твои возаки моихъ сестеръ и братьевъ, когда вихремъ летали по степи?!.. Развѣ мало легло подъ копытами ихъ борзыхъ коней цвѣтовъ ярваго мака, золотоцвѣта, кувшинчиковъ и сестеръ моихъ,—степныхъ лилій?! А вотъ же я люблю тебя!... Я такъ жарко поцѣловала тебя сегодня утромъ на плотинѣ, что и до сихъ поръ пышутъ твои уста жгучимъ пламенемъ!—Развѣ не помнишь?!

— О, помню... Я все помню, бѣлая роза!—прошептали мои засохшія губы...

— Помнишь?—улыбнулась сквозь слезы роза,—такъ сравни же меня, невинную и любящую,—съ твоей суровой, холодной теткой!... Генеральша лишила тебя роднаго крова и теплой постельки!... Ты бѣжалъ отъ нея въ дремучій боръ и пугливо запрятался въ сѣно... Она смѣется надъ твоей рѣчью и твоей пѣсней... Что ей твои предки, старая сабля и кубокъ,—она ихъ и знать не хочетъ!... Она подняла, наконецъ, на тебя свою позорную розгу!...

Я хотѣлъ слушать дальше, но все исчезло вдругъ отъ страшнаго рева... Вѣрный Разбой, весь нащетинившись и дрожа отъ ярости, рычалъ предо мною куда то въ темную глубь,—гдѣ что то видѣлъ... И я увидѣлъ! Двѣ свѣтлыя, зеленоватыя точки глядѣли на меня изъ густаго мрака и двигались... Я принялъ бы ихъ за звѣзды, упавшія съ неба, стой онѣ неподвижно... Но теперь я узналъ ихъ... Это... это... страшные глаза... да, страшные глаза!... Но чьи же?...—Господи,—чьи же?!... А... Глаза генеральши!...

— Разбой! Не дай, добрый Разбой!...

Моя мольба, мой крикъ поднялъ на дыбы вѣрнаго друга! Онъ взвизгнулъ мнѣ и зарычалъ такъ страшно въ чашу, что все задрожало, все исчезло!...

Я проснулся, пришелъ въ себя вновь только подъ жгучими, пальцами лучами новаго полдня.. Меня разбудили жажда и жалобный вой Разбоя!... Онъ лизалъ мнѣ лицо, обнюхивалъ, затѣмъ поднималъ морду вверхъ и вылъ такъ страшно, точно прощался съ самою жизнью...

— Разбой, перестань!... Разбой,—я пить хочу... Пить, Разбой!

Звѣрь смотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и визжалъ, точно оправдываясь, что не понимаетъ моей рѣчи... О, что же мнѣ дѣлать!? жажда была мучительнѣе боли, мучительнѣе изнеможенія,—она вооружила меня неестественной волей.. Я поднялся на руки, закачался, изнемогалъ,—но все таки ползъ. Инстинктъ, а не глаза влекли меня къ ручью,—кажется, я его даже и не видѣлъ. Но я изнемогъ... я растянулся по дорожкѣ...

— Разбой... о, Разбой!... простоналъ я сквозь слезы.

Больная ли грѣза, или дѣйствительность была то,—не знаю, но ей Богу я, кажется, помню, что умный песъ точно понималъ меня, наконецъ... Сквозь какой то неясный туманъ, заслонившій мою память, я вспоминаю однако, что онъ завизжалъ, завизжалъ хвостомъ и, не берусь утверждать, но, право, мнѣ какъ то рисуется, хотя и не ясно, что, бережно взявъ меня за воротъ зубами, онъ помогъ мнѣ ползти. По крайней мѣрѣ я былъ у ручья, я пилъ его чудную влагу.

Ахъ, какъ я пилъ! Я пилъ глазами, ртомъ, всѣмъ тѣломъ, я дыханьемъ пилъ и все мнѣ казалось мало и мало... Я боялся, что ручья не хватитъ, что я никогда не утолю этой жажды, которая отъ cadaго глотка разливалась пожаромъ, сильнѣе и сильнѣе. Но все таки, кажется, я поднялся освѣженный... Да, кажется!... Но какъ я вновь добрался до стога, какъ я снова повалился въ сѣно, я ничего. . ничего не помню!

Точно сквозь туманъ, помню еще, что на мигъ я пришелъ въ себя опять ночью отъ страшнаго визга Разбоя, отъ громкаго говора какихъ то людей, стоявшихъ съ факелами и фонарями.

Чьи то сильныя руки подняли меня на воздухъ, чьи то слезы закапали мнѣ на лицо...

— Грыцю!.. Мій внуку!.. Що зъ тобою, дытыно?!—слышу я чей то ласковый, знакомый шепоть. Неужели дѣдъ!? Кажется, его длинныя усы щекочуть мнѣ горячія щеки?! Нѣтъ, это золотыя кудри... Это черныя глаза и густыя дугою брови!.. Это полячка прижимаетъ меня къ своей упругой, полной груди и шепчетъ, и дышетъ на меня какъ бѣлая роза!... это... это!... И горячими руками обнимаю я чью то шею и шепчу въ отвѣтъ:— я люблю тебя, чудная панна!

.....

Когда я выздоровѣлъ у себя на постелькѣ, я узналъ и отъ дѣда, и отъ Горпыны, и отъ Панаса, что меня хватились только къ вечеру дня побѣга и всюду разослали людей на поиски. На другой день пріѣхалъ дѣдъ и самъ повелъ поиски: разсорившись навсегда съ рыдавшей въ испугѣ генеральшей. Меня нашли скоро, благодаря неустанному вытью Разбоя. Помню, я страстно рыдалъ и каялся, когда узналъ, какую муку причинилъ любившимъ меня людямъ.

Янкель, конечно, разнесъ всюду исторію моего побѣга, моей болѣзни и въ одно утро изъ замка мнѣ прислали громадный букетъ и сласти.

— Тебѣ панна прислала изъ замка!.. сказалъ дѣдъ, перелавая мнѣ съ удивленіемъ присланное, но въ тонѣ его не слышалось раздраженія, онъ, кажется, даже радъ былъ такому вниманію къ его большому внуку,—ты ее видѣлъ?

— Да! отвѣтилъ я покраснѣвъ.

— Гдѣ же? Да, кстати! Ты все поминалъ въ бреду какую то панну... Ужъ не ее ли?

Я покраснѣлъ еще больше и обнялъ его шею.

— Дѣдъ!—прошепталъ я стыдливо,—она поцѣловала меня на плотинѣ и дала бѣлую розу!..

Съ этихъ поръ дѣдъ однако отказался самъ отъ педагогич и выписалъ изъ города заштатнаго учителя, добраго старичка Ивана Семеновича, взявшагося приготовить меня въ третій классъ.

Я занимался много и хорошо, но все таки имѣлъ довольно досуга бѣгать въ темный лѣсъ, котораго я уже не боялся и гдѣ скоро свелъ новое знаомство, о которомъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

Въ античномъ мірѣ.

Говорятъ, что какому то молодому князю, страстно увлекавшемуся Гомеромъ, красотой изображеннаго имъ античнаго міра, суровый патеръ воспитатель строго замѣтилъ, что грѣшно увлекаться такимъ языческимъ вздоромъ.— „Да, это конечно вздоръ,— отвѣтилъ, говорятъ, юный князь,—но отъ него мнѣ такъ сладко, отче!“ Моимъ Гомеромъ былъ Охримъ.

О, чего только не зналъ онъ, чего не понималъ, куда не проникалъ своимъ пытливымъ, вдумчивымъ окомъ?! Все было ему ясно, все, и въ безграничномъ небѣ, и на широкой землѣ. Ему были открыты всѣ тайны дремучаго лѣса, онъ читалъ въ водяной пучинѣ, какъ хорошій чтецъ въ открытой книгѣ, онъ проникалъ насквозь непроглядную тьму глубокой, таинственной ночи, твердо зная, что скрыто ею отъ глазъ человѣка, онъ зналъ все... все то, „що колысь було правдою, а теперъ стало брехнею“. И если всѣ его знанія безусловно расходились съ тѣмъ, что зубрилъ я въ книжкахъ, если всѣ эти знанія ученый Иванъ Семеновичъ называлъ „чистѣйшимъ вздоромъ, которымъ стыдно увлекаться“, за то онѣ были мнѣ невыразимо сладки... Да, именно сладки! Мнѣ положительно становилось иногда горько, что книжки говорятъ иное, что въ мірѣ можетъ происходить все не такъ, какъ говорилъ Охримъ, я какъ то ближе былъ къ *его* міру, чѣмъ къ другому. Впрочемъ, помню, я какъ то странно двоился: училъ, зналъ я одно, а сердцемъ вѣрилъ въ другое. Сердцемъ я сливался въ вѣрѣ съ Охримомъ.

У него къ тому же было одно несомнѣнное преимущество предъ книжками и ученымъ Иваномъ Семеновичемъ. Тѣ знали разные „но“ и сомнѣнья, многое ими только предполагалось, требовало еще доказательствъ, многое было невыяснено, а еще

большее обѣщало стать для меня яснымъ только современемъ-де „когда вырастешь“, ничего этого не было у Охрима. О, онъ не зналъ ни „но“, ни сомнѣній, ни колебаній, у него было все ясно, опредѣленно, цѣльно, *ничто* не требовало никакихъ доказательствъ. Тамъ казалось все сухо, безжизненно, какъ мертвая формула, какъ застывшій законъ, у Охрима все носило живой, сознательный образъ, всякое явленіе вызывалось и двигалось опредѣленной цѣлью, тѣсно связанной съ живымъ человѣческимъ міромъ, все было полно поэзіи, пластики, дышало неотразимой красотой творческаго духа. И все къ тому же могло стать для меня яснымъ сей часъ же, сію минуту!

Охримъ былъ пастухъ и если имъ не родился, какъ родился крѣпостнымъ графа, то едва ли помнилъ себя чѣмъ нибудь инымъ на свѣтѣ. Дремучій лѣсъ, полный тайны и страховъ, зеленый лугъ, весь трепетавшій неугомонной жизнью, небесный куполь равно для всѣхъ ласковый и свѣтлый, послушное стадо, понимавшее его такъ же хорошо, какъ и онъ его понималъ— вотъ и все, съ чѣмъ онъ близко соприкасался съ дѣтства, что такъ или иначе могъ считать своимъ. Да не знаю, и хотѣлъ ли онъ еще чего нибудь?! Говорили, что когда то онъ любилъ богатую красавицу, дочь мельника, которую, конечно, не отдали за бездомнаго сироту—пастуха, отчего она и умерла съ горя. Съ той поры онъ и сталъ играть на своей сопилкѣ.

По этой сопилкѣ его знали всѣ кругомъ, зналъ и я гораздо раньше, чѣмъ сошелся съ нимъ, бродя въ свободные часы въ чащѣ полюбившагося мнѣ лѣса. Вечерами, когда по землѣ, отдохавшей полною грудью отъ зноя,—стлались легкія тѣни и тихо дрожали въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ заката, когда и воздухъ, не то розовый, не то подернутый дымкой, начиналъ дрожать и какъ бы струиться,—откуда то внезапно, дрожа и струясь какъ воздухъ, какъ вечернія тѣни,—приносились и легкіе тоны этой волшебной сопилки... Что за власть крылась въ этихъ тонахъ,—не знаю,—но хлопотливыя бабы останавливались, подпирались рукою, вслушивались, глаза ихъ туманились влагой и онѣ тихо шептали: „то Охримъ грае!“—Да, конечно, Охримъ! Кто жъ бы другой могъ околдовать эти перестававшіе дрожать

воздухъ и тѣни, кто другой могъ погрузить въ такую неподвижно-глубокую дрему потемнѣвшіе въ сумеркахъ развѣсистые дубы и липы, предъ кѣмъ же еще, предъ какимъ другимъ чародѣемъ, смолкли бы эти неутомимые птичьи хоры?!... Все окрестъ околдовывали эти звуки Охримовой сопилки и, чаруя млѣвшую въ восторгѣ и нѣгѣ землю, поднимались отъ нея куда то высоко, высоко, вмѣстѣ съ легкой, чуть видной дымкой вечерняго тумана. Тамъ они, казалось, трепетали съ послѣдними лучами догоравшаго румянаго блеска и вмѣстѣ съ ними таяли и утопали въ темнѣвшей, лазуревой выси,—но утопая, расплываясь, это они, и только они вызывали изъ непроницаемаго эфира блѣдныя звѣзды!... На эти волшебные звуки, точно на вызовъ, выныряли звѣзды одна за другою...

Такую непередаваемо чудную музыку чарующихъ звуковъ любятъ часто сравнивать съ чѣмъ нибудь близко знакомымъ человѣческому уху... Любятъ говорить, что скрипка или флейта рыдаетъ... Нѣтъ,—Охримова сопилка не рыдала, рыдать можетъ всякій!... Она прямо хватала своими невидимыми, но властными тонами за сердце, точно руками, и влекла его за собою въ безграничную, подернутую фіолетовой дымкой, задумчивую даль... Можетъ быть туда, гдѣ она искала душу красивой мельниковой дочки?...

Какими чарами вызывалъ Охримъ въ своей простой дудкѣ такіе звуки,—осталось его тайной,—что за власть и сила крылась въ нихъ,—я не знаю,—но я живо помню, что дѣлали они съ моей дѣтской душою... Предо мною почему то вставала вся облитая багровымъ свѣтомъ заката далекая, турецкая Кафа, о которой поетъ слѣпой лирникъ, гдѣ стонали о „тихыхъ зоряхъ“ родной Украины бѣдные невольники козаки въ желѣзныхъ путахъ,—и мнѣ хотѣлось тогда стонать вмѣстѣ съ ними... Эти звуки разворачивали предъ моимъ духовнымъ окомъ, какъ свитокъ, безграничную зелень Великаго Луга, гдѣ жалобно клекочетъ степная орлица, тщетно сзывая, какъ въ пѣсняхъ, непробудно заснувшихъ козаковъ,—и мнѣ хотѣлось также клекотать вмѣстѣ съ нею... Я видѣлъ, наконецъ, какъ въ волнахъ голубаго эфира ныряла бѣдная чайка, я слышалъ, какъ она рыдала, что

„вывела дитокъ на бытій дорози,“ и меня неудержимо влекло рыдать вмѣстѣ съ чайкой... Влекло до того, что я плакалъ...

— На що... на що, Горпыно, винъ такъ грае?!—взволнованно, точно жаловался я, хватаясь за ея запаску.

— Цыть-те, нанычыку, цыть-те!—чуть слышно шептала мнѣ въ отвѣтъ очарованная Горпына,—послушайте! Такъ ёму уже Богъ давъ!

Развѣ, что Богъ!...

Я и теперь еще живо и ясно помню наши встрѣчи... И теперь еще пышетъ на меня багровое тепло ночнаго костра, въ которомъ печется нашъ картофель, пока мы ведемъ свой бесѣды подъ чернымъ пологомъ неба, усыпаннаго звѣздами... Отъ яркаго пламени костра еще чернѣе кажется темное небо, еще гуще становится налегшая на землю ночная мгла, изъ которой рѣзко вырисовывается пылающій профиль Охрима. Онъ крѣпко сжалъ руками ярко освѣщенные колѣни, его брови сдвинуты; плотно стиснутая губами люлька совсѣмъ погасла,—его темные глаза неподвижно устремлены въ пылающее пламя... Что онъ тамъ видитъ, о чемъ думаетъ,—я не знаю!... Онъ вспоминаетъ, можетъ быть, прошлое,—другое пламя, что пылало въ немъ, въ немъ самомъ когда то,—пылало... и рассыпалось пепломъ, какъ сухой валежникъ?... Или онъ видитъ бранный станъ лихихъ запорожцевъ, о которыхъ поетъ въ своихъ пѣсняхъ,—видитъ и ждетъ условнаго „пугу!“—чтобы, вскочивъ на „вороного“, умчатся птицей,—нѣтъ, что птицей!—вихремъ умчатся въ безгранично вольныя степи и вздохнуть въ нихъ,—о, такъ сладко вздохнуть!—полною грудью!... Я не знаю и не хочу знать!... Трещить, разсыпая искры, яркое пламя, тихо пофыркиваютъ пасущіеся кони, глубоко и протяжно вздыхаютъ во мракѣ волю... Молчитъ Охримъ и я самъ молчу, весь истомленный этой нѣгой лѣтней ночи, ея душистой мглою, этимъ багровымъ тепломъ костра,—этой цѣлью видѣній, грѣзъ, какихъ то неясныхъ обрывковъ, что смутно проносятся въ головѣ, навѣянная ночью...

— Гляди, Охримъ, гляди!... Вонъ скатилась звѣздочка!...

— Это не звѣздочка, панычу!—увѣренно поучаетъ Охримъ, ласкавая люльку и надавливая золу пальцемъ, не поворачиваясь

и не глядя на меня.—Это не звѣздочка!—Это дитя родилось на свѣтъ...

— Дитя родилось?!

— Эге-жъ! Это Господь посылаетъ ему душу...

Вотъ какъ!?

— Отчего жъ онѣ разныя?—заинтересованный, страстно спрашиваю я Охрима.—Отчего жъ одна бѣлая, другая бываетъ красная,—а то и синеватая?

— Про то Господь знаетъ,—говоритъ онъ, не мѣняя позы, тѣмъ же докторальнымъ, не знающимъ сомнѣній тономъ.—Люди не могутъ знать... Опять же, мужская душа и женская!... Все же разница...

Да, конечно... Все это такъ понятно, такъ ясно и мнѣ дѣлается какъ то покойно, что именно такъ оно, а не иначе на свѣтъ...

Во все посвящаль меня Охримъ въ эти ночи,—весь мѣръ, загадочный и чудный, открываль онъ предо мною въ какой то стройной, красивой поэмѣ... Я узналъ всѣ легенды, всѣ преданья, я услышалъ чудныя пѣсни, которыя въ живыхъ образахъ воскрешали мнѣ таинственное прошлое, я услышалъ живой говоръ человѣка съ природой той поры еще, когда онъ не покорилъ ее для наживы и обмана, а жилъ съ нею, какъ братъ съ сестрою. Я полнѣе узналъ, наконецъ, что мучить, печалить и радовать человѣческую душу, узналъ многое такое, отъ чего замирало мое сердце... И еще шире раскрылось оно,—шире чѣмъ тогда,—на волѣ и еще глубже, еще страстнѣе забилося оно любовью... И если теперь даже, теперь, когда жизнь такъ жестоко истоптала все, чѣмъ оно билось, когда въ душѣ она не оставила ни одного мѣста, не обожженного слезою,—когда она даже рѣчь мою сумѣла замѣнить другою,—если и теперь еще въ моемъ сердцѣ тлѣетъ хоть одна теплая искра, то она навѣрное запала туда изъ багроваго костра въ эти волшебныя ночи!...

— А ты не боишься лѣса... одинъ... ночью?

— Чего же мнѣ бояться?...—вклончиво и какъ бы въ раздумьи пѣдитъ Охримъ сквозь стиснувшіе люльку зубы.

— А страхи! Развѣ нѣтъ въ лѣсу страховъ?

— Какъ нѣтъ?—есть! Вездѣ, панычку, есть страхи... Только бояться мнѣ ихъ нечего,—крестъ на мнѣ и живу я въ правдѣ...

— А кто же живетъ въ неправдѣ?

— Ляхи живутъ въ неправдѣ, паны!—говоритъ Охримъ, сплевывая на сторону.—Всякій, кто обижаетъ другаго, зло дѣлаетъ, завидуешь...

— А ты не завидуешь, Охримъ?—наивно спрашиваю я его.

— Нѣтъ, панычку, я никому не завидую...

— А хотѣлъ бы ты быть паномъ?

— Паномъ? И паномъ не хотѣлъ бы я быть!—послѣ нѣкотораго раздумья твердо отвѣчаетъ Охримъ.—На что мнѣ панство? Тѣлу оно въ сладость, за то душѣ на сгубу... Такъ, панычку, въ лѣсу оно лучше. Солнце тебѣ грѣеть, пташка всякая поетъ и живешь ты себѣ въ правдѣ... Развѣ не хорошо здѣсь, панычку?

Каждымъ фибромъ своимъ чувствую я правоту Охрима и въ то же время больной, щемающей червь заползаетъ мнѣ въ душу и румянить во мглѣ мои щеки.

— А я, вѣдь, панычъ,—Охримъ!—не то стыдясъ, не то съ болью, какъ то робко шепчуть ему мои уста.

Чуткій Охримъ понялъ меня сразу и говоритъ мнѣ ласково и нѣжно, точно извиняясь:

— Что жъ, что панычъ? Это Божья воля... И Савлѣ былъ паномъ, а сталъ святымъ апостоломъ... И дѣдусь вашъ живетъ въ правдѣ и все люди его любятъ и уважаютъ, даромъ что панъ... Только бы душу не сгубить въ панствѣ,—вотъ оно что, панычку!

О, нѣтъ,—я не сгублю ее!... И я клянусь въ томъ и ему, и темной ночи, и звѣздному небу!... Я не сгублю ее, какъ не сгубилъ Охримъ, не сгубилъ дѣдусь, не сгубили все тѣ, что почли въ этихъ высокихъ могилахъ... И когда я выросу и окрѣпну,—я стану весь на сторонѣ такихъ чистыхъ душою, какъ Охримъ, и пойду за нихъ противъ „ляховъ“...

Да, я пойду,—чего бы это мнѣ ни стоило... Пусть они готовятъ свои жаровни, на которыхъ жгли козаковъ, пусть избобрѣтаютъ что нибудь другое, болѣе утонченное, болѣе жестокое,—я не сдамся! А если мнѣ станетъ тяжело, не подь силу, еслу

стонъ будетъ вырваться самъ собою, я, какъ Гонта, облегчи себя вздохомъ, молитвой за родную Украину...

— Да, да, Охримъ!—страстно клянусь я ему на его мягкой, ласкающей, полный благодарности взглядъ,—ты увидишь!

Какъ бы въ отвѣтъ на мои клятвы, онъ вынимаетъ свою волшебную сопилку и начинаетъ играть на ней что то такое чудное, что я, кажется, расту и крѣпну подъ эти чарующіе звуки...

Въ одну изъ такихъ ночей Охримъ разсказалъ мнѣ легенду. Много я слышалъ уже легендъ, многія чаровали уже меня своей красотой и драматизмомъ, но эта поразила всѣхъ сильнѣе,—поразила до того, что я почти бредилъ ею... И теперь еще, когда я ее вспомню, когда предо мною встанетъ образъ несчастной панны, глубоко любящей, но обреченной всегда вѣщать одно горе, мнѣ становится жутко и глубокая скорбь сжимаетъ мое сердце... Желать одного добра и приносить одно горе! Да есть ли что нибудь на свѣтѣ полное большаго ужаса, болѣе глубокаго драматизма, болѣе жгучей скорби?!... Ничего такого нѣтъ въ дантовскомъ „Адѣ“,—воображеніе великаго поэта было безсильно создать подобную муку!... Ее могло создать только творчество цѣлаго народа, вѣками искусившагося въ мукахъ...

Помню, я прибѣжалъ къ костру запыхавшись, горя нетерпѣніемъ скорѣй сообщить Охриму жгучую новость...

— Охримъ,—ты хотѣлъ бы быть вольнымъ?!

— Вольнымъ?—какъ то усмѣхнулся Охримъ.—Кто жъ, панчыку, не хочетъ быть вольнымъ?! Всякая тварь Божья! Малая птица,—звѣрь въ лѣсу, рыба въ водѣ,—всѣ хотятъ... Какъ же не хотѣтъ человѣку?

И онъ угрюмо свѣсилъ голову, точно вопросъ мой давилъ его какимъ то тайнымъ искушеніемъ.

— Такъ ты будешь вольнымъ!... Всѣ, всѣ будете вольными... И слышалъ, какъ дѣдусъ говорилъ, что царь даетъ волю...

— Слышно въ народѣ!—нерѣшительно протянулъ Охримъ! поднимая вдругъ голову, но глаза его ясно блеснули.—Слышно, Пошли Господь бѣлому царю счастье и здоровье... Великое это будетъ дѣло, панчыку!—и онъ набожно перекрестился.

— Да, Охримъ,—это правда! Дѣдусь говорилъ, что скоро уже будетъ воля! Скоро!

Охримъ не отвѣтилъ,—онъ только вздохнулъ,—но этотъ вздохъ былъ могучѣе и краснорѣчивѣе всякаго слова... Этотъ вздохъ, казалось мнѣ, поднялся къ черному небу и отъ него задрожали свѣтлыя звѣзды... Онъ разбудилъ дремавшее эхо мрачнаго лѣса и лѣсъ, казалось, тоже вздохнулъ въ отвѣтъ тысячегрудымъ вздохомъ.—Онъ пронесся въ даль,—и точно вся даль вздохнула... Онъ глубоко, проникъ въ мое дѣтское сердце и расплылся тамъ горячею скорбью... Мнѣ стало невыразимо жаль Охрима...

— Охримъ!—и, повинувась безотчетному порыву, я обняла его загорѣлую шею дѣтскими руками... Лихорадочными устами я шептала ему страстныя, любовныя рѣчи и возбужденное ухо мое чутко ловило громкіе удары его сердца въ отвѣтъ на этотъ шепотъ... Мнѣ казалось, что самъ я какъ то исчезаю,—что въ этотъ моментъ я нераздѣльно сливаюсь съ Охримомъ, въ одно цѣлое, общее,—какъ два ручья сливаются въ одномъ рѣчномъ ложѣ... Сдержанному, всегда одинокому Охриму стала, наконецъ, не подъ силу эта необычная нѣга ласки...

— Эге,—ге, мылый панычыку,—а не послѣлъ ли нашъ картофель?!—весь взволнованный, крѣпко прижимая меня къ себѣ сильной, но дрожавшей рукою, спросилъ онъ, чтобы отогнать отъ себя этимъ вопросомъ сладкій, околдовывавшій кошмаръ...

Мы ѣдимъ горячій картофель и разнѣженный Охримъ, какъ бы платя за ласку, рассказываетъ мнѣ свои чудныя легенды... Я слушаю повѣсть о жестокомъ панѣ, обратившемъ въ раба роднаго брата, за что правосудный Богъ превратилъ его послѣ смерти въ дикій камень, вѣчно неподвижный, холодный и мрачный, и на вѣки вѣчныя поставилъ стоять, какъ знаменіе своего гнѣва, за Збручемъ, на одной изъ угрюмыхъ вершинъ Карпатовъ... Я слушаю, какъ свѣтлая луна по Божьему слову отпечатлѣла на себѣ образъ первороднаго грѣха, чтобы люди никогда его не забыли... Я узнаю, какъ страшно, дико, ледени на смерть, можетъ хохотать угрюмый боръ темною ночью...

— Какъ!? Лѣсъ можетъ смѣяться!?

— Эге, панычыку,—можетъ!—увѣренно и твердо говорить Охримъ, затыгиваясь люлькой.—Все можетъ:—и смѣяться можетъ, и стонать, и плакать!... Только не дай Богъ никому слышать, какъ лѣсъ смѣется! Страшный это смѣхъ! Былъ одинъ человѣкъ, что не вѣрилъ,—такъ Богъ и наказалъ его... Шелъ онъ разъ ночью и услышалъ... Ну, и умеръ онъ отъ того смѣха...

— Какъ же лѣсъ смѣется, Охримъ?..

— Богъ его знаетъ, панычыку, я слава Богуне слышалъ,—только люди говорятъ, что страшно!... Говорятъ,—такъ вдругъ!.. Тихо, тихо... а тутъ сразу что то засмѣется, да и пойдетъ, да и пойдетъ по всему лѣсу... Каждое дерево, панычыку, смѣется,—каждый кусточекъ, каждая травка... Говорятъ, лѣсныя дивчата играютъ это...

— А ты видѣлъ ихъ, Охримъ?—охваченный жгучимъ интересомъ, въ которомъ сквозить страхъ,—почти шепотомъ спрашиваю я Охрима.

— Нѣтъ,—не доводилось, слава тебѣ Господи! А вотъ покойникъ Панасъ, панычыку, что на печи у васъ умеръ,—царство ему небесное,—тотъ говорятъ Бѣлую Панну видѣлъ передъ войною!...

— Какую Бѣлую Панну?—весь замирая, спрашиваю я.

— Что бѣду вѣщуешь!... Развѣ не слыхали, панычыку?—Нѣтъ?! Ну, такъ послушайте...

И снова набивъ свою люльку, онъ рассказалъ мнѣ эту дивную легенду...

Онъ рассказалъ мнѣ, какъ давно, давно,—еще за Польшу,—на крутой горѣ стоялъ мрачный замокъ и жила въ немъ злая пани, запродавшая нечистому свою душу... Онъ рассказалъ, какой хитрый уговоръ сдѣлала злая пани, поставивъ нечистому условіе, что взять ее онъ можетъ только, когда опадутъ всѣ до единой зеленныя иглы ея молоденькой елки и только въ оградѣ ея замка... И она вѣчно держала ворота настежь, чтобы бѣжать при первой опасности... А ея молоденькая дочка ничего про все это не знала...

— Она была тоже злая?—перебиваю я Охрима.

— Нѣтъ, панычыку,—она была добрая, какъ мать ея была злою, и такая красивая, что и у короля не было такой краси-

вой королевны... Когда она смѣялася, панычыку,—то и все съ нею смѣялось...

— И пани крѣпко холила свою елку, но разъ должна была отлучиться по какому то нечистому дѣлу,—говорилъ дальше Охримъ... И строго наказала она крѣпко любившей свою мать дочкѣ:

Поливай мою елку ключевою водою

И ходи ты за нею, какъ сестра за сестрою...

-- А если бы, приказывала дальше мать,—у елки опали зеленныя иглы,—ты выйди на встрѣчу мнѣ въ черномъ... Помни же, дочка,—въ черномъ!...

— Зачѣмъ, Охримъ?—спрашиваю я, затаивъ дыханіе.—Чтобы дать ей этимъ знакъ?

— Эге-жъ, панычыку... Ось, слушайте!...

— И дочка ходила, говорилъ Охримъ,—за елкой, какъ сестра, и поливала ее водою... Но къ ужасу ея, разъ, всѣ зеленныя иглы сразу опали... Не знала панна, что это значить, и крѣпко тужила... И подумала тутъ же своимъ добрымъ сердцемъ: „Зачѣмъ ей огорчать любимую мать еще издалека!... Нѣтъ,—лучше вѣдетъ она въ свой замокъ съ ясной душою... Не одѣнетъ она чернаго платя!“... И завидѣвъ мать издалека,—вышла къ ней въ бѣломъ...

— Ну, что жъ?!—тороплю я Охрима.

— Ну, и вѣхала, говоритъ онъ, пани веселая, но завидѣвъ голую елку, задрожала, посинѣла и пропала вмѣстѣ съ замкомъ и горою... Но прежде она проклѣла свою дочку... Накинулась на нее съ пѣной, назвала ехидной, и какъ ни плакала, какъ ни молила дочка, положила на нее страшное заклятіе...

— Иди же, ехидно, сказала мать, и вѣщай всѣмъ людямъ одно горе вся въ бѣломъ, какъ ты его мнѣ и провѣщала. Съ той поры и убѣжала прелестная панна въ лѣсную чашу...

— Зачѣмъ же, Охримъ, зачѣмъ же убѣжала она въ лѣсную чашу?—спрашиваю я, задыхаясь.

— А потому, панычыку, что она добрая и жалко ей людей... Какъ только кто увидитъ ее,—такъ и настанетъ большое горе,—потому она и прячется отъ всѣхъ въ дремучей чащѣ... Прячется и все плачетъ...

— И навсегда это, Охримъ?

— На вѣки, панычыку... Говорятъ люди, что еслибы кто встрѣтилъ ее и пожалѣлъ, такъ кончились бы ея муки!...

— Неужели жъ, Охримъ, никто ее не пожалѣетъ?!

— Никто, панычыку, ибо всякій ее боится и бѣжитъ отъ нея... А кого боятся люди,—того они не жалѣютъ!...

.....

Меня душили жгучія слезы,—но я вздохнулъ полною грудью и съ души скатилась тяжелая гиря, наложенная было жестокой судьбою чудной панны... Если никто,—такъ я же ее пожалѣю! Я найду ее и пожалѣю,—хотя, можетъ быть, мнѣ и будетъ страшно въ первое время! О, пожалѣю всѣмъ сердцемъ!... Я пойду за ней въ дремучую чащу!...

Бѣдная панна! Такая добрая, прелестная и обреченная на одно зло и горе!... Какъ опьяненный шель я домой и, глотая невидимыя подъ чернымъ пологомъ ночи слезы, дрожа отъ волненья, какъ въ лихорадкѣ,—поставилъ себѣ страстный обѣтъ... Ее видѣлъ покойный Панасъ,—и я ее увижу, найду... и... Почему то она вызвала въ моемъ представленіи образъ той... что тогда... на плотинѣ... образъ той, которую давно уже смутно искало мое сердце!... Можетъ быть для другаго образа въ моемъ сердцѣ уже не было и мѣста?!...

ГЛАВА VIII.

Бѣлая панна.

И я ее увидѣлъ!...

Но до того многое успѣло уже измѣниться на свѣтѣ. Много успѣло рухнуть, точно въ пропасть, на замутивъ даже рябью спокойную на видъ поверхность жизненнаго моря,—много успѣло народиться, чего никогда и не было на свѣтѣ. Великое дѣло, какъ называлъ его Охримъ, совершилось, народъ по царскому слову сталъ вольнымъ. Воля, за которую вѣками билась Украина и съ ляхами, и съ туркомъ, изъ за которой когда то разорвала на двое древнюю Польшу и соединилась съ единовѣрною Москвою, стала, наконецъ, фактомъ. И какъ сильный

дождь изнывшую отъ зноя и жажды спаленную степь,—она подняла, освѣжила и укрѣпила всѣ ростки жизни, что таились глубоко, глубоко въ изнывавшемъ, изможденномъ народѣ.

Какъ все это произошло подробно,—я теперь не помню. Слишкомъ много лѣтъ и еще неизмѣримо больше впечатлѣній легло уже между мною и тѣмъ моментомъ, который видѣли мои дѣтскія очи. Потому то и встаетъ онъ теперь въ моемъ воспоминаніи, какъ долгій, долгій весенній праздникъ, полный всеобщаго ликованья и счастья. Сама природа точно ликовала тогда съ народомъ, по крайней мѣрѣ изъ моей памяти совсѣмъ исчезли какъ то зима и осень, точно въ томъ году ихъ и не было вовсе. Какъ ребенокъ, и къ тому же очень нервный, я схватилъ только самыя сильныя, общія впечатлѣнія, оттого я и помню только ясное ведро природы и счастливое ликованіе народа.

Да, все окрестъ ликовало! Но въ палатахъ магнатовъ, въ усадьбахъ шляхты творилось что то другое, тамъ не было ликованья и счастья. Оттуда несло какой то смутой и тревогой, какой то загадочной тайной и угрозой. Тамъ собирались какіе то таинственные съѣзды, шли бенкеты, на которые съѣзжались откуда то невиданные доселѣ въ краѣ люди, шли какіе то странные толки о дѣлахъ въ Варшавѣ. Шляхта одѣлась въ старинныя чамарки, шляхтянки стали носить только траурныя платья, точно вповѣ свидѣтельствуя этимъ свою рознь съ народомъ, даже Янкель сталъ какимъ то таинственнымъ и скрытнымъ. Дѣдъ все это видѣлъ, понималъ конечно, хмурился и укоризненно качалъ головою.

— Ничему не научилась еще эта Варшава!—вѣчно бормоталъ онъ въ свои длинные усы, глядя подчасъ въ окно на суету въ замкѣ,—а пора бы кажется!? Охъ, пора бы!

Чему было бы пора научиться Варшавѣ,—я не понималъ еще тогда, но я скоро узналъ, что значить это оживленье шляхты. Въ той средѣ, къ которой я былъ такъ близко,—въ средѣ народа, тоже шли свои толки. Тамъ тоже все видѣли и по своему знали, что это шляхта готовится бунтовать противъ народной воли. И грозно сдвигались тамъ брови, сумрачны ста-

новились лица, страшной угрозой дышали взоры. Зорко слѣдили оттуда за шляхтой, такъ зорко, что самый легкій вздохъ даже не прошелъ бы незамѣтнымъ, и напряженно ждали... Ждали, что съ высоты самаго високаго на свѣтѣ золотаго трона, который, какъ небо звѣздами, усыпанъ весь мириадами драгоценныхъ каменевъ, что съ высоты этого трона, провѣщавнаго народу волю, раздастся призывъ, нѣтъ, что призывъ! одно движеніе, одинъ только намекъ на него и... и... и, конечно, „отъ Случи до Чернаго моря“ исчезла бы самая память о „ляхахъ“. Пыль засыпала бы тѣ мѣста, гдѣ стояли гордые замки важныхъ магнатовъ... подорожникъ зеленѣлъ бы на мѣстахъ шляхетскихъ усадебъ... О, хорошо помнила Украина уроки своего прошлаго!

— Не хочетъ царь позволить намъ самимъ усмирить ляховъ!— говорилъ мнѣ со вздохомъ Охримъ.—Видно, жалко царскому сердцу и ляховъ... Все жъ, вѣдь, и ови тоже ему дѣти!... А мы бы!...

Охримъ не договаривалъ, только глаза его сверкали, да тонкія ноздри дрожали... Я и самъ понималъ хорошо, что сдѣлали „мы бы“...

А суета шляхты все росла и росла. Въ костелахъ стали пѣть неслыханные доселѣ гимны; по дорогамъ запрыгали таратайки то съ молчаливыми, сосредоточенными ксендзами, то съ молодыми шляхтичами, одѣтыми въ старопольское платье, старавшимися брататься съ ненавидѣвшимся ихъ народомъ, можетъ быть, даже искренно въ тотъ моментъ, но совершенно неудачно. Дѣдъ хмурился все сильнѣе, тѣмъ больше, что народъ то и дѣло прибѣгалъ къ нему за совѣтами, что дѣлать въ виду затѣй шляхты, въ виду слуховъ о готовившемся возстаніи въ Варшавѣ, съ опасеніемъ о судьбѣ своей воли.

— Охъ, видно прійдется намъ еще разъ побить въ Украинѣ ляховъ!—вырвалось у него, помню, какъ то невзначай послѣ одной изъ бесѣдъ съ народомъ.

Разъ, я спалъ уже въ своей постели, когда къ крыльцу дома неожиданно подкатила одна изъ такихъ таратаекъ, изъ нея выскочилъ никому неизвѣстный молодой шляхтичъ и пошелъ къ дѣду. Долго они бесѣдовади о чемъ то, то тихо, то громко, но, наконецъ, дѣдъ сталъ говорить такъ сердито и громко, что я

въ удивленіи проснулся.. Комната дѣда приходилась рядомъ съ моей спальней.

— Одно жъ у насъ небо, одна жъ земля насъ вскормила!— коснулись моего слуха слова незнакомца, сказанныя такимъ тономъ, точно онъ въ чемъ то убѣждалъ дѣда.

— Что жъ изъ того? — возразилъ твердо дѣдъ.—Въ одной водѣ, пане, живутъ карась и щука... Развѣ не знаете?...

— Такъ, положимъ... Но вѣдь мы оба любимъ одну и ту же Украину!.. горячился шляхтичъ.

— Любимъ, то любимъ... Да, вотъ, бѣда, пане, любимъ мы разное.

— Какъ?!—не то вспыхнулъ, не то улыбнулся иронически незнакомецъ.

— А такъ, пане!—совсѣмъ уже грозно отвѣтилъ дѣдъ.—Общаго нѣтъ у насъ съ вами... Мы подѣлились еще за время Рѣчи Посполитой, которую и мы же порвали, а порвали мы ее потому, что согласиться не могли, что у каждаго изъ насъ было нѣчто свое, что ставило насъ другъ противъ друга... Вы любили свое, а мы свое....

— Что же это такое, я не понимаю? Недоразумѣнія, что ли?—удивлялся гость, и мнѣ показалось, что онъ вновь иронически улыбнулся.

— Хороши недоразумѣнія, нечего сказать,—засмѣялся дѣдъ.—Народническая Русь и шляхетская Польша, да вѣдь это огонь и вода, пане!.. Двумъ разнымъ богамъ молились мы съ вами, вотъ что насъ подѣлило! И знайте, пане, что пока такъ стоитъ дѣло, не будетъ между нами мира и общаго..! Прислушайтесь-ка къ толкамъ народа!... Пока вы будете смотрѣть тѣми же шляхетскими глазами, вся Русь, весь народъ ея...

— Народъ?!—съ досадой, казалось мнѣ вновь, перебилъ гость.—Народъ—стадо! Кто пообѣщаетъ ему лучшее сѣно, за тѣмъ онъ и пойдетъ!..

— Стадо!?!—крикнулъ дѣдъ.—Вотъ тутъ то и разница между нами, пане! Для васъ онъ только стадо, для меня онъ все на свѣтѣ! И знаете что, пане, послушайте моего совѣта, жалко мнѣ васъ! Не трогайте вы это стадо, охъ, не трогайте!..] Бросьте свои затѣи, которыя въ конецъ васъ погубятъ!.. Послушайте, пане,—если бы этому стаду вы предложили бриллиантовую гору отъ

земли до неба, и тогда онъ будетъ какъ милости ждаты позволенія—стереть съ земли самое мѣсто, гдѣ стоитъ Варшава.. Вотъ оно какъ, пане.

— Я могу согласиться только на томъ, что онъ такой же теперь, пожалуй, варваръ,—какимъ былъ, когда поднялъ бунтъ и противъ цивилизаціи, противъ культуры древней Польши.. Ёдко возразилъ гость,—и не кончилъ, ибо въ этотъ самый моментъ неожиданно появился я на порогѣ и, щурясь отъ свѣта, сталъ съ удивленіемъ разглядывать незнакомца.

— Ты какъ здѣсь?!—съ удивленіемъ спросилъ дѣдъ, проглотивъ готовое было сорваться въ отвѣтъ гостю слово.

— Я проснулся, дѣдусю...

— Вижу... Чего жъ тебѣ надо?..

— Ничего, дѣдусю... Я такъ...

— Ты слышалъ, о чемъ мы говорили?

— Да, дѣдусь... Я слышалъ, какъ ты говорилъ, что народъ хотѣлъ бы побить Варшаву...

— Ну, а ты какъ думаешь?—усмѣхнулся дѣдъ, которому всегда пріятно было меня видѣть.

— Я тоже хотѣлъ бы, дѣдусь!—отвѣтилъ я искренно, смотря на улыбавагося насмѣшливо гостя.

— Ну, а пока иди спать!...

Эту сцену помню я живо, хотя много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, а сущность самага разговора стала мнѣ ясна только впоследствии изъ разказовъ самага дѣда, когда я сталъ постарше. Но я и теперь, кажется, вижу высокую разгнѣванную фигуру дѣда, готоваго было крикнуть съ ироніей:—да, до сихъ поръ, пане, помвимъ мы вашу шляхетскую цивилизацію!—и насмѣшливо улыбавшееся лицо молодаго шляхтича. Я ушелъ спать, гость уѣхалъ,—но съ тѣхъ поръ дѣду просто житья не стало отъ сосѣдняго шляхетства. Его травили всѣмъ и чѣмъ могли только, какъ самага злѣйшаго врага, его почти открыто звали „гайдамацкой собакой“ и не было той клеветы, что не спалась бы на его честную, сѣдую голову... Дѣдъ молчалъ, только хмурился сильнѣе,—за то я страдалъ и кипятился за него, дѣля свое негодованіе съ Охримомъ, съ кучеромъ Панькомъ и съ дру-

гими своими знакомцами-друзьями. Разъ,—когда на дѣда посыпались со всѣхъ сторонъ угрозы,—сначала его старались выставить бунтовщикомъ народа въ глазахъ власти и это чуть не удалось было, а затѣмъ стали грозить ему смертью,—онъ позвалъ Паньку и велѣлъ ему отточить завѣтную саблю.

— Отточи-но, Панько, гетманку!...

Панько отточилъ ее, какъ бритву и, показывая мнѣ чистый, сверкавшій клинокъ, произнесъ съ какой то гордой похвалой:

— А у меня, панычу, давно уже есть „точѣный“...

— Что такое?...

Панько съ гордостью вытащилъ длинный ножъ и, точно любуясь имъ, сказалъ какъ то задыхаясь:

— Глядите, паныченьку!... Охъ, еслибы только вздумали понавѣдаться сюда вражьи ляхи!!—Я по самый локоть всадилъ бы его въ ихъ панское сердце съ рукою... Такъ всадилъ бы, панычыку,—ахъ, какъ всадилъ бы!

А у пастуха Охрима давно уже была заготовлена тяжелая, сучковатая дубинка...

Но и все это время я никогда не разставался съ своими грезами о чудной Бѣлой Панинѣ, которая по прежнему какъ то странно соединялась въ моемъ представленіи съ образомъ дивной полячки изъ замка, и все такъ же рыскалъ за нею по чащѣ. Меня точно околдовалъ этотъ образъ, тянулъ къ себѣ какой то невидимой, но крѣпкой нитью и какъ ни билось мое сердечко страхомъ, какъ ни блѣднѣли подчасъ мои щеки,—я не могъ совладать съ этимъ влеченьемъ, я шелъ за нимъ, несмотря на страхъ и тревогу, въ самыя густыя заросли лѣса... Казалось,—въ самомъ страхѣ, въ самой тревогѣ моей крылась какая то чарующая прелесть, мимо воли толкавшая меня впередъ и впередъ, и я шелъ, замирая, какъ нѣкогда выслѣживалъ русалокъ въ темныя ночи... Много дней пробродилъ уже я, много новыхъ тропъ проложилъ въ чащѣ и много нашелъ я скрытыхъ ущелій, темныхъ пещеръ и разсѣлинъ въ лѣсистыхъ скалахъ, гдѣ, кажется, должны бы были ютиться самыя невообразимые страхи... Но все было тщетно,—меня тоже бѣжала чудная панна...

— Ей жалко людей,—ей горько вѣщать имъ злое горе!—стучали въ моемъ сердцѣ слова Охрима,—и еще сильнѣе тянуло меня къ ней, тянуло „пожалѣть“, чтобы спасти ее отъ злаго заклѣтья, спасти отъ вѣчной муки. Можетъ быть, тянуло такъ и потому, что она все казалась мнѣ похожей на ту... ту панну, что поцѣловала меня своими чудными устами и дала свою бѣлую розу... Та, вѣдь, тоже была вся въ бѣломъ и тоже любила!...

Но разъ, тихимъ вечеромъ на самомъ закатѣ, когда лѣсъ одѣлся какимъ то стыдливо грустнымъ румянцемъ, съ которымъ спорили, волнуясь, свѣтло-фіолетовые тоны надвигавшихся сумерекъ, я лежалъ въ густой чащѣ... Я лежалъ и смотрѣлъ безцѣльно вверхъ, ни о чемъ не думая, ни чего не ожидая,—слѣдя глазами за дымной тучкой, таявшей въ пылавшемъ небѣ, какъ таетъ безъ слѣда снѣжинка, занесенная случайно къ багровому свѣту камина... Все было тихо,—все отдыхало или собиралось на отдыхъ,—только ворона каркнула гдѣ то.... И вдругъ я увидѣлъ!...

Нѣтъ,—сначала я услышалъ только шорохъ за кустами,—тамъ,—гдѣ виднѣлась зеленая полянка,—такой легкой шорохъ, точно поднявшаяся птичка всколыхнула тонкую вѣтку, точно чей то легкой вздохъ пронесся въ зеленой куцѣ вдругъ задрожавшихъ листьевъ... Я невольно повернулъ глаза, невольно взглянулъ сквозь листья и вѣтви,—и замеръ.. Замеръ весь, какъ лежалъ съ заложенными подъ голову руками, съ поднятою дыханьемъ грудью, съ замолчавшимъ сердцемъ... Я увидѣлъ бѣлое... бѣлое платье!..

Да,—тамъ за кустами стояла Бѣлая Панна,—грустная, печальная вѣщунья,—рѣзко выдѣляясь въ тихо дрожавшей вечерней дымкѣ... Багрово-золотые лучи исчезающаго солнца, протираясь сквозь чащу неподвижнаго лѣса, играли пурпуромъ и златомъ на складкахъ ея легкаго, бѣлаго платья, свѣтили ея золотистыя кудри, охватывали всю ее какую то дрожавшею волною свѣта... И она сама, легкая и прелестная, дрожала, кажется, свѣтятся,—вмѣстѣ съ вечерней дымкой, съ волной врывающагося свѣта... Я не вѣрилъ себѣ и въ то же время—видѣлъ,—я замеръ въ ужасѣ и въ то же время смотрѣлъ, смотрѣлъ и смо-

трѣлъ... Что же она вѣщаетъ?! Какое и кому горе? Я боялся двинуться, чтобы не спугнуть чудное видѣнье...

И чѣмъ больше смотрѣлъ я, тѣмъ все шире раздвигались, казалось, мои зрачки,—тѣмъ все больше жгучее недоумѣніе смѣняло мой ужасъ. Видѣніе, эта заколдованная Бѣлая Панна поразительно, какъ двѣ капли воды, походила на тотъ мимо воли обожаемый образъ, которымъ давно трепетало мое сердечко, который съ какой то жгучей властью всегда виталъ предо мною и какъ ядъ грѣха, въ которомъ я самъ себѣ боялся признаться, впитался въ мою дѣтскую душу... Да, и раньше я подозрѣвалъ это сходство и раньше онѣ обѣ соединялись въ моемъ воображеніи въ одно цѣлое, въ одинъ образъ,—но теперь это было живое воплощенье, а не сходство,—предо мною дѣйствительно, казалось, стояла чудная полячка... Эти золотыя кудри... глаза,—эти брови... эта пышная грудь, на которой дрожить бѣлая роза! Сонъ ли это, или правда,—видѣнье,—или это дѣйствительно она,—панна изъ замка,—съ которой такъ давно уже и такъ страстно, хотя и смутно, безотчетно желалъ я новой встрѣчи!... Но зачѣмъ же пришла она сюда,—не меня же искать въ лѣсной чащѣ... Или... или... Неужели же чудная полячка только привидѣнье, неужели она сама—Бѣлая Панна!?...

Мои недоумѣнія разлетѣлись мигомъ, а сердце въ тотъ же моментъ сжалось болью и какимъ то новымъ, неизвѣстнымъ еще, но тяжелымъ чувствомъ... Туманъ очарованья исчезъ, какъ только у ногъ дивнаго видѣнья очутился тотъ самый шляхтичъ, что пріѣзжалъ ночью къ дѣду, что по словамъ Янкеля, былъ влюбленъ въ молодую графиню, какъ сумасшедшій,—и это видѣнье его не бѣжало... Да,—это была полячка изъ замка,—сомнѣній не было,—а это былъ онъ... тотъ шляхтичъ!... И разглядѣвъ все, я почувствовалъ, какъ вспыхнули вдругъ мои щеки, какъ загорѣлись мои глаза какимъ то нехорошимъ огнемъ,—а грудь заходила неровно...

Тотъ стоялъ у ея ногъ, цѣловалъ ея руки и шепталъ ей какія то тихія, неслышныя рѣчи... Она не отнимала рукъ,—она стояла неподвижно, молча,—прелестная, бѣлая, почти прозрачная, какъ дымка, какъ бѣлая весенняя тучка въ голубомъ небѣ,—блѣдная

и грустная... Только грудь ея колыхалась, только крупныя слезы медленно струились по ея застывшимъ, какъ мраморъ, щекамъ...

— И ты пойдешь?!

— Конечно пойду,—долженъ!—отвѣтилъ шляхтичъ.—Всѣ идутъ и твой старшій братъ съ нами!...

— Знаю!—вырвалось у панны,—но то, что вырвалось, походило скорѣе на вздохъ, чѣмъ на слово.

— Ты не хочешь?! Ты все еще не вѣришь въ наше дѣло?!

— Нѣтъ, не вѣрю!—качнула головой панна.

— Не вѣришь?! Когда за насъ Европа?

— Европа!—горько отвѣтила панна.—Не тотъ ли нѣмецъ, что совсѣмъ онѣмечилъ Познань? Не трусливый ли австріякъ, что взялъ себѣ наши лучшія части и вѣчно дрожить за свою цѣлость?... Не они ли?!

— А Франція! Наполеонъ!?

Панна грустно покачала головою.

— Ничего не будетъ кромѣ бѣды...

— Какъ!? Ты не вѣришь!... Ты не слыхала развѣ, что сказалъ онъ маркизу?

— Слыхала, но я ему не вѣрю...

— Не вѣришь Наполеону? Почему!?

— Онъ намъ измѣнитъ, какъ только кровь прольется,—мы для него только пашки въ его игрѣ съ Россіей... Онъ намъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ своимъ... Онъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ намъ его дядя...

— Ты говоришь о Великомъ?...

— Да, о немъ говорю... Развѣ не вѣрили ему наши?... Развѣ не гибли за него наши легіоны и въ Испаніи, и въ Африкѣ, и вездѣ, куда его ни носило? Развѣ мало уже пролилось нашей крови,—а что же вышло?—Одно горе! Нѣтъ,—я не вѣрю Наполеонамъ!... И нечего намъ рассчитывать на кого бы то ни было,—иначе мы сами себя погубимъ!...

— Ты говоришь не какъ поляка!—съ горечью и болью отвѣтилъ ей шляхтичъ.

— Да я и не поляка, а украинка, какъ и ты не полякъ, а украинецъ! Но я, какъ и ты, люблю Польшу, я, какъ и ты, всо-

сала эту любовь съ колыбели и, какъ у тебя, у меня нѣтъ другой матери-ойчизны... Я готова погибнуть для нея даже безъ вѣры, что принесу ей этимъ пользу... И я не удерживаю тебя,—я говорю тебѣ сама:—иди,—разъ ты говоришь, что долженъ... Иди!..

Я дальше не слышала... Въ моихъ ушахъ что то звенѣло, что то поднималось въ груди давящей, мучительной волною... Пара исчезла, — она двинулась по лѣсной тропѣ и потонула, какъ видѣнье, въ сумракѣ лѣсной чащи... Только платье зашуршало, да захрустѣло подъ ногами сухой валежнички... А я все лежала и лежала, охваченный какой то неясной, смутной, но тревожной мыслью... Мнѣ какъ будто страшно стало, что я держу въ рукахъ чужую тайну, какъ будто стыдно было, что я увидѣла то, чего никто не долженъ былъ видѣть... И вмѣстѣ съ тѣмъ меня что то жгло, терзало,—туманило мысли до слезъ,—какое то несознанное, еще незнакомое, но жгучее чувство...

Тайна! Да, я держу въ своихъ рукахъ чужую тайну,—и, Боже,—чего мнѣ это стоить!.. И я сдержу ее, скрою,—хотя это можетъ быть и измѣна своимъ... Я скрою ее, какъ скрылъ отъ всѣхъ и тотъ ядъ, что впился въ меня съ прелестныхъ устъ тогда... на плотинѣ... въ горячее, горячее утро... Можетъ быть, и это измѣна,—но такъ велѣло мнѣ тогда почему то все то, что такъ сильно стучить у меня въ груди слѣва... Оно сильнѣе моей воли!.. Я скрою,—я никому не скажу!.. Но... но... встрѣть я теперь полячку, встрѣть я ее одну,—я бы... я... Я самъ не знаю, что сказали бы ей мои дрожавшія больной и острой мучкой, поблѣвшія, запекшіяся уста!..

Я плакала...

ГЛАВА ІХ.

Расплата.

Стояла глубокая осень... Опавшій листь печально шуршала подъ ногами, темные дубы поблѣвѣли, точно наплатились кровью; голубое небо потеряло глубину и яркость, поблѣднѣло похолодѣло и самая даль изъ задумчивой, манящей,—стала какой то грустной...

И гордый замокъ, поднимаясь надъ багрово-желтою кущею умиравшаго лѣса, глядѣлъ теперь тоже грустно... О, не гордо уже, какъ прежде, взлеталъ онъ къ небу, царя надъ всѣмъ доломъ; — его кичливая гордость пропала... Не угрозой дышалъ мрачный камень, — онъ выглядѣлъ сумрачно, глухо, печально, точно памятникъ, поставленный на мѣстѣ, кипѣвшемъ нѣкогда жизнью, а теперь мертвомъ, — и только глубокой вздохъ о прошломъ, казалось, застылъ и таился въ его неподвижныхъ, грандіозныхъ стѣпахъ!... Разъ, я помню, дѣду принесли какую то невиданную птицу, случайно залетѣвшую съ прилетомъ съ далекаго юга и жизнью заплатившую за свою страстную пытливость... Могучая шея невиданной птицы падала бессильно... громадный клювъ съ какимъ то необычайнымъ зобомъ не грозилъ уже никому и возбуждалъ не страхъ, а любопытство... Зоркія очи навѣки потухли и только широкія крылья, шурша, когда ихъ раздвигали руки, — глухо свидѣтельствовали о гордой когда то силѣ... Замокъ напоминалъ мнѣ теперь эту птицу!..

Онъ не горѣлъ уже огнями, не кипѣлъ суетой и прежнимъ шумомъ... Все было въ немъ тихо, только поджарые донскіе кони козацкаго пикета фыркали и ржали, методически жуя сѣно въ его оградѣ, — а когда ночью слабый свѣтъ чуть-чуть мерцалъ въ нѣсколькихъ изъ его безчисленныхъ громадныхъ оконъ, — этотъ свѣтъ напоминалъ мнѣ ночное мерцанье лампадки кладбищенской церкви... Жизнь тамъ только тлѣла, догорая и гармонируя съ общимъ осеннимъ тономъ. Безуміе шляхты, дерзко поднявшей свое архивное знамя въ Украинѣ, — этотъ послѣдній порывъ окоченѣвавшаго, нѣкогда сильнаго тѣла, быстро подавленный, уничтоженный, сразили и замокъ, кичливо поднявшій то же знамя... Съ этимъ послѣднимъ порывомъ умерло навсегда все то, что отъ основанія хранили гордые стѣны, — остался только голый остовъ, какъ памятникъ былаго, — послѣдняя пѣсня была спѣта... И гордый замокъ, казалось, понялъ это... Какъ сказочный „послѣдній рыцарь“, вернулся онъ въ свою каменную тогу и гордо почилъ, полный величья и холоднаго, презрительнаго безучастья къ тому, что вновь складывалось вокругъ него жизнью... Въ немъ могла

гнѣздиться сова,—зеленый плющъ могъ совсѣмъ обвить его сѣдые камни, паукъ заткать паутиной его фрески и узорные карнизы,—громъ могъ метать въ него свои огненные стрѣлы,—шумъ и свѣтъ, наконецъ, могли внести въ его остовъ новые люди,—ему было все равно... Духъ, созидавшій и оживлявшій вѣками эти стѣны, исчезъ навѣки, застывъ въ нихъ, и камень, казалось, ни на что не могъ отзываться больше... Такъ, входя въ развалины древняго храма низверженнаго кумира,—вы невольно чувствуете, что сѣдой камень и знать не хочетъ васъ, чуждаго пришельца, что весь онъ полонъ только застывшей дремы о своемъ прежнемъ богѣ... И жутко дѣлается отъ этой сосредоточенной дремы и не поднимается какъ то рука зажечь въ этихъ стѣнахъ свѣтильникъ новому кумиру...

Такимъ представлялся этотъ замокъ моему дѣтскому взору, когда мятежъ шляхты былъ подавленъ и свободный народъ пересталъ дрожать за свою волю, когда шляхтѣ пришлось расплачиваться родовыми помѣстьями за свою дерзость и графу предстояло тоже распроститься съ своимъ замкомъ... Слухи гласили, что въ лучшемъ случаѣ, ему будетъ предложено немедленно продать всѣ свои помѣстья, такъ какъ участие его въ мятежѣ было несомнѣнно,—родной сынъ его исчезъ и, какъ говорили, присоединился къ какой то бандѣ... Печально короталъ послѣдніе дни въ своихъ стѣнахъ сильно осунувшійся графъ вмѣстѣ съ дочерью и младшимъ сыномъ и выглядѣлъ такъ же печально, какъ и стоявшая на дворѣ глубокая осень...

Такимъ же представляется мнѣ этотъ замокъ и теперь, когда все это давнымъ давно минуло и я, измученный жизнью приплещъ издалека,—прибрелъ цѣловать родимую землю... Весь облитый фантастическимъ луннымъ свѣтомъ, какимъ то застывшимъ призракомъ взлетаетъ онъ вверхъ надъ окружающими его полными амбарами новаго владѣльца, поражая глазъ грустнымъ диссонансомъ... Громадныя окна пусты и зіяютъ точно темныя черепныя щели, балконы обрушились,—колонны треснули, зубцы высокихъ башенъ свалились... Но что ему за дѣло,—что ему всѣ эти амбары, эти закромы, что видѣлись даже въ его стѣнахъ,—онъ грезить о своемъ богѣ!.. Я чую таинственную

сагу о прошломъ... съ этихъ умирающихъ стѣнъ на меня вѣтъ длинная повѣсть о вѣковой враждѣ народа и шляхты,—эпопея борьбы и древнихъ козацкихъ набѣговъ встаетъ предо мной, какъ живая,—я дышу поэзіей давно умершихъ сказаній,—моя собственная вражда къ нему, которой дышалъ я нѣкогда,—подернута для меня теперь поэтической дымкой, какъ будто связывающей, роднящей меня съ замкомъ... Да, что то общее, связывающее стоитъ теперь между нами и мнѣ сдается, что тоже чувствуетъ грезящій замокъ, что на меня онъ глядитъ не такъ безучастно... Можетъ быть даже привѣтомъ дышутъ на меня эти зіяющія щели!..

Такъ и больные чувствуютъ, говорятъ, какую то связь между собою, такъ и два врага, когда все, за что они нѣкогда боролись, погребено давнымъ давно чуждой имъ рукой,—встрѣчаясь,—чувствуютъ общую близость, несмотря на все, что ихъ раздѣляетъ, и любятъ вмѣстѣ помечтать о прошломъ... Въ этомъ прошломъ затрачено каждымъ такъ много собственной души и частицъ своего сердца!..

Очень можетъ быть, что нѣчто подобное испытывалъ и дѣдъ,—глядѣвшій все послѣднее время какъ то хмуро, печально, точно разочарованно, несмотря на то, что кругомъ быстро складывались новыя условія, что край кишѣлъ новыми пришлецами съ сѣвера, смѣнявшими древнюю, враждебную шляхту... Исконный врагъ былъ навсегда подавленъ и дѣду точно скучно стало, что враждовать было не съ кѣмъ, что давніе счеты были сведены помимо него,—что новые голоса, вмѣшавшіеся въ этотъ вѣковой антагонизмъ двухъ противоположныхъ элементовъ, какъ бы игнорируя, совсѣмъ заглушали его голосъ... Не такъ уже часто останавливался онъ предъ портретами непреклонныхъ предковъ, своей смѣлой рукою сдерживавшихъ своеволие „ляховъ“ въ Украинѣ, и глухо дрожалъ его голосъ, когда онъ попрежнему пытался передать мнѣ ихъ великіе завѣты...

Меньше говорилъ онъ о саблѣ и кубкѣ и старая Горпына, получавшая свое меню очень быстро, ворчала уже не на „наблюку и чарку“, которая теперь ей не мѣшала, а на то-де „что съ старымъ паномъ щось діется,—воны якъ слабый стали“. Ей,

можетъ быть, тоже скучно стало безъ этихъ привычныхъ разсказовъ и тревожнымъ взглядомъ окидывала она фигуру сѣдаго пана... Дѣйствительно, дѣдъ сильно измѣнился,—осунулся, согнулся, сталъ нервенъ до того, что длинные усы его вздрагивали при каждомъ звукѣ колокольчиковъ, то и дѣло звенѣвшихъ теперь по дорогамъ... Можетъ быть тутъ просто напросто скзывалась глубокая старость...

Но и я былъ грустенъ... Иванъ Семеновичъ торжествовалъ, ибо близился часъ, когда его ученикъ, по его же увѣренію, долженъ былъ первымъ выдержать экзамень за три класса и... и, конечно, распроститься съ чудной Пустынькой, съ „бреднями“ Охрима, со всѣмъ миромъ тихой деревни... Грустно бродилъ я по чащѣ,—но я не искалъ уже Бѣлой Панны, не собирался слушать Охрима,—я прощался со всѣмъ, что было до сихъ поръ неразрывно и тѣсно связано съ моимъ сердцемъ, съ мѣстами, гдѣ я жилъ, думалъ, боролся, одухотворяя воображеніемъ мертвую природу, гдѣ учился любить и понимать,—съ плотной, на которой увидалъ я ту, что впервые вызвала въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ новый, особенный трепеть, съ полянкой, гдѣ въ душѣ моей впервые вспыхнула жгучая ревность... И желтый осенній листъ грустно шуршалъ подъ моими ногами, точно шепталъ мнѣ роковое: прости! а полуобнаженный, печально умиравшій лѣсъ глядѣлъ на меня, казалось, такъ холодно и безучастно, точно я былъ для него уже чуждымъ пришельцемъ... Что же изъ того, что онъ вскормилъ, воспиталъ меня въ своей могучей, полной таинственной дремы, чащѣ,—что онъ любовно навѣвалъ на меня свои чарующія грезы?... Я уходилъ отъ него,—я рвалъ съ нимъ,—я отстранялъ его ласку и надолго... надолго... надолго... убѣгалъ въ городъ...—О,—могучій, чудный, любимый лѣсъ,—точно стучало ему, плача, мое сердце,—вѣдь, не я же это,—не я... Это все этотъ Иванъ Семеновичъ! Но лѣсъ не слышалъ,—лѣсъ не хотѣлъ знать никакихъ оправданій...

Право, мнѣ казалось, что и старый Разбой глядитъ уныло, что ему тоже отчего то грустно... Не какъ прежде, бывало, бѣжалъ онъ за мною,—онъ шлепалъ тихо, вяло, безучастно, какъ

бы неохотно даже, а повинаясь только обязательному долгу... Но разъ въ густой чащѣ онъ вдругъ оживился, насторожилъ чуткія уши, потянулъ воздухъ... Онъ почуялъ что то, оцетинился, заворчалъ, двинулся быстро и въ тотъ же моментъ моего слуха коснулся холодный лязгъ стали, тупое щелканье взводимого курка... Какая то суета поднялась въ кустахъ, топотъ, движеніе, чей то шепотъ испуганно повторялъ одно и то же слово: кто? кто? кто?...

Я онѣмѣлъ отъ испуга, — предо мною стояли какіе то оборванные, обросшіе, точно одичалые люди и тоже испуганно и подозрительно смотрѣли на меня, какъ и я на нихъ, неподвижными глазами... Цѣлый вѣкъ, казалось, длилось это молчаливое созерцанье другъ друга, во время котораго одинъ Разбой рычалъ все громче и громче... Тамъ, наконецъ, задвигались, переглянулись какъ то, — что то вновь зашептали, — а я все еще стоялъ истуканомъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ вытаращенными глазами...

— Онъ одинъ? — коснулся моего слуха новый такой же робкій шепотъ...

— Ты одинъ, мальчикъ? — спросилъ меня кто то.

Я разглядѣлъ, я узналъ, наконецъ, и понялъ... Предо мной стоялъ исчезнувшій молодой графъ, стоялъ тотъ шляхтичъ, что пріѣзжалъ къ дѣду, котораго я видѣлъ послѣ у ногъ измѣнившейся мнѣ панны, и еще кто то. Но до чего они были всѣ оборваны, истощены, несчастны, — я съ трудомъ узналъ ихъ лица!... Мой испугъ не прошелъ, — онъ перемѣнилъ только свой характеръ, — онъ перешелъ въ безпредметный страхъ, въ жуткую тревогу, полную предчувствія чего то больного и тяжелого...

— Одинъ! — сами собой зашептали въ отвѣтъ мои сухія губы.

— Это кажется москаль?... Изъ хлоповъ?!... Онъ предасть насъ... Мы пропали! — испуганно шепталъ третій изъ стоявшихъ предо мною, и я помню, какъ жгучая обида вливалась отъ этихъ словъ въ мою душу и жгла ее точно каленымъ желѣзомъ... Образъ отвратительнаго Іуды мелькнулъ въ моемъ воображеніи и поднялъ гдѣ то внутри меня все отвращеніе, воспитанное къ нему съ дѣтства. Негодованіе оживило, казалось, мое окоченѣвшее тѣло, — и точно заслонило страхъ обидой и злобой...

— Ты кто такой, мальчикъ?...

— Я изъ Пустыньки...

— Ты, можетъ быть, внукъ стараго пана Андрея?—спросилъ шляхтичъ.

— Да, я внукъ его!—не робко, а смѣло уже, точно вызывающе отвѣтили мои губы...

— Ты изъ нашихъ?... съ радостнымъ изумленіемъ вмѣшался третій...

Тутъ я, казалось, совсѣмъ пришелъ въ себя, я точно совладаль, наконецъ, съ своимъ страхомъ.—Негодование ли такъ повліяло, или что другое,—не знаю, но во мнѣ просыпалось, вставало новое чувство, которое брало верхъ надъ страхомъ. Кажется, я испытывалъ теперь аналогичное съ тѣмъ, что вспыхнуло во мнѣ, когда генеральша пригрозила мнѣ розгой... Я точно не боялся уже этихъ людей и ихъ оружія,—и вмѣстѣ съ тѣмъ мое сердце сжималось,—я дрожалъ, но въ то же время что то непонятное, вызывающее, гордое, дерзкое, просыпаясь въ душѣ, толкало не поддаваться страху, стыдилось его, требовало мести.

— Ты нашъ?!

— Нѣтъ, я не ляхъ,—я не ляхъ!... сами собой говорили мои губы съ необычайнымъ, казалось, презрѣніемъ.

— И я не боюсь васъ,—я совсѣмъ васъ не боюсь!...

Но я сейчасъ же вновь помертвѣлъ отъ страха. И я видѣлъ, какъ помертвѣли также и молодой графъ, и незнакомецъ... Я видѣлъ, какъ смутились ихъ взоры, какъ нерѣшительно дрогнули ихъ руки—и ждалъ,—ждалъ, какъ трупъ, у котораго громко стучало бы одно сердце... Чего я ждалъ,—я не знаю,—меня сковалъ ледяной ужасъ,—но я помню, что мои дрожавшія, упрямые уста ни за что на свѣтѣ не взмолились бы о пощадѣ... Нѣтъ,—онѣ все шептали бы одно и то же,—сквозь леденящій страхъ, онѣ все таки вызывающе твердили бы:—„я не боюсь васъ!“ Но еще немного и я, кажется, разрыдался бы истерично... Изъ такого напряженнаго состоянія вывелъ всѣхъ молодой шляхтичъ.

— Тебѣ и нечего насъ бояться, хлопче,—сказалъ онъ,—мы не разбойники... И мы такіе же, какъ и ты, украинцы.

— Нѣтъ, вы враги... Вы ляхи!... упрямо твердили мои губы, повинуюсь какому то безотчетно-дерзкому порыву,—хотя на самомъ дѣлѣ я дрожаль съ ногъ до головы...—Нѣтъ, вы враги...

— Ты не правъ, мальчикъ,—хрипя больною грудью, говорилъ шляхтичъ.—Одно у насъ съ тобой небо,—одна земля насъ вскормила... Не враги мы тебѣ,—хотя ты и не вѣришь... послѣ когда нибудь узнаешь... Да и никому мы теперь не враги... Смотри, мы оборванные, голодные, больные люди, у которыхъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба... Смотри на насъ... Видишь?! Я смотрѣлъ на лохмотья, я видѣлъ изцарапанное, тощее тѣло,—и вновь свершалось со мною давнее, давнее дѣтское чудо... Въ груди что то закипало, поднимаясь, сжимало горло, туманило глаза, какъ и въ тѣ фантастическія ночи, когда я ребенкомъ нападалъ на замокъ, когда я, какъ Самсонъ, готовъ былъ схватить его колонны руками... Я слабѣлъ,—въ груди разливалось что то теплое и мягкое, какъ слезы,—вытѣсняя заносчивость и дерзость, когда молодой графъ съ какимъ то глухимъ стономъ повалился на землю.

— Я не могу больше!... Я не въ силахъ!—рыдалъ онъ, уткнувшись въ ладони.—Будь, что будетъ!... Мнѣ все равно... все равно...

Капля переполнила чашу... Что было дальше,—я не знаю,—что говорили мои блѣдныя уста,—я не помню,—но я, кажется, тоже плакалъ. Я былъ уже не я,—какое то чудо превратило меня во что то иное,—я жалѣлъ, я болѣлъ и это разглядѣли тѣ трое.

— У тебя нѣтъ хлѣба?

— Хлѣба!?—Нѣтъ,—но я отдалъ бы теперь всѣ свои пальцы, чтобы ладонями поднести голоднымъ хлѣба! Въ карманѣ у меня былъ пряникъ...

— Вотъ!—протянулъ я дрожащей рукою свой пряникъ.

Двѣ руки подняли меня на воздухъ, моего лба коснулись мохнатыя губы и двѣ мужскія слезы омочили мое пылавшее лицо. И я чувствовалъ какъ и поцѣлуй этотъ, и эти слезы впились въ мою душу чѣмъ то острымъ, какъ отточенный ножъ, и подчинили себѣ точно чарой.

— Будь благословенна мать, что носила тебя, хлопче, подь сердцемъ!—сказаль шляхтичъ, опуская меня на землю, и тутъ я не выдержаль, я почему то горько разрыдался...

— Ты знаешь тропу до границы?

— Нѣтъ! задыхаясь, шепнулъ, я съ сожалѣніемъ.

— Окажи намъ услугу...

— Какую?

— Сбѣгай въ замокъ...

Въ замокъ!? Я,—въ замокъ!?

— Тамъ передай паннѣ...

Я поколебался,—но только на мгновенье;—чара была сильнѣ моей воли! Я не зналъ, что волновалось, сталкивалось, боролось въ моей душѣ,—я не понималъ, что со мною,—не признавалъ ничего,—я, кажется, только чувствовалъ что то и, кажется, именно то, что я очарованъ.

Самъ не знаю какъ, повинуюсь безпрекословно, какъ манекень,—я сжалъ въ рукѣ записку и сами собой прошептали мои уста.

— Идите же... я васъ укрою.

Я укрылъ ихъ въ одной изъ пещеръ, которую нашель и зналъ только я, рыща за Бѣлой Панной, и также бессознательно, кажется, двинулся изъ лѣса... Я бѣжалъ машинально, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета,—мои ноги несли меня сами собою... Кажется, во мнѣ что то двоилось... Въ головѣ шептало что то смутнымъ трепетомъ, но въ груди билось громко то, что всевластно повелѣвало каждымъ моимъ суставомъ... Только при поворотѣ изъ лѣса, гдѣ дорога двоилась въ замокъ и Пустыньку,—что то всплыло, что то смутило меня точно словомъ: „измѣна“... Я задрожаль, что то обожгло меня, что то смутно спросило: „неужели ты измѣнникъ?“ Но я не нашель у себя отвѣта,—все во мнѣ смутилось и я не могъ бороться съ тѣмъ, что не удержиимо двигало мною... Эти слезы, этотъ поцѣлуй, этотъ нищій видъ, это глубокое горе,—все это вмѣстѣ околдовало меня на вѣки...

И право,—будь это измѣна, будь это что хотите, но съ этой запиской, съ этимъ мокрымъ. отъ слезъ клочкомъ бумаги

я, потомокъ сподвижниковъ Гонты, разстался бы, кажется, только вмѣстѣ съ жизнью...

Самъ собою какъ то выросъ предо мной величественный замокъ... Вотъ онѣ эти гордыя колонны,—вотъ онѣ,—эти мраморныя ступени... Чѣмъ же это всхожу по нимъ я,—исконный врагъ,—такъ недавно еще дышавшій одной враждой, завѣщанной мнѣ всей исторіей моего народа, всей жизнью моихъ славныхъ предковъ!? Чѣмъ я вхожу: — побѣдителемъ или побѣжденнымъ?! Какъ долженъ встрѣтить меня этотъ сѣрый камень: съ торжествующимъ величіемъ, граничащимъ съ презрѣніемъ, или онъ долженъ прошептать мнѣ: ты побѣдилъ, молоденькій хлопче!

Если бы сѣрый камень имѣлъ уста и даже крикнулъ бы мнѣ на встрѣчу, я ничего бы не понялъ въ этотъ моментъ, не разслышалъ... Я бѣжалъ уже по аллеѣ сада, куда послалъ меня какой то изумленный дворовый къ паннѣ...

Въ густыхъ сумеркахъ я чуть различилъ ее подъ темною елью... Она стояла неподвижно, какъ тогда на полянкѣ, когда я нашелъ ее въ тотъ чудный вечеръ... но у ногъ ея стоялъ теперь не шляхтичъ, стоялъ я, весь задыхаясь, волнуясь, и дрожащей рукой протягивалъ ей свою ношу. Она задрожала, она схватилась за сердце.

— Ты ихъ видѣлъ? почти крикнула она, схвативъ мою руку.

— Да!

— Они голодны и несчастны?

— Да!

— Ты развѣ нашъ?

Тутъ только, казалось, опомнился я впервые.

— Нѣтъ! сознательно отвѣтили мои губы, и я похолодѣлъ весь отъ этого страшнаго, вдругъ воскресшаго сознанія.

Но она не дала мнѣ прійти въ себя, опомниться всецѣло... Двѣ нѣжныя руки обвили мою шею, жгучіе поцѣлуи вновь отуманили голову, милыя рѣчи ласкали мое ухо... Она то смѣялась, то плакала, то цѣловала и смѣясь, и цѣлуя, звала меня то зазватымъ запорожцемъ, то святымъ сердцемъ...

Она...

Но я помню только, какъ мы бѣжали съ нею, нагруженные хлѣбомъ, задыхаясь оба, въ густой лѣсной чащѣ... Я помню еще жгучую радость, глубокое счастье, когда тѣ трое увидали насъ предъ собою... Я помню, что надъ нами свѣтила уже задумчивая кроткая украинская луна...

А затѣмъ я помню тотъ холодъ и полный ужаса мракъ, что стояли въ моей душѣ, когда я брель домой одиноко. Околдовавшія чары исчезли, сознание вернулось, я опомнился и невидимыми устами гдѣ то внутри спрятаннаго голоса спрашивалъ я себя,—что я такое сдѣлалъ... Да, что такое я сдѣлалъ?! Какъ все это вышло?!

Зубы мои стучали, холодный потъ позора оросилъ мое пылавшее чело.. Мои ноги качались, потому что земля гнулась подъ ними отъ этого позора... Звѣзды мнѣ свѣтили уже не такъ, какъ прежде, я это чувствовалъ, хотя ихъ и не видѣлъ,—онѣ сливались для меня въ какія то неясныя круги... Онѣ дрожали презрѣньемъ... Луна мнѣ тоже не свѣтила, она нарочно, казалось, обличала только путь, по которому шелъ новый Каинъ, съ начертанной уже, можетъ быть, на челѣ страшной печатью, чтобы все живое его бѣжало... Темная ночь, скрытая отъ луны въ ущельяхъ и за холмами,—мрачно дышала мнѣ въ упоръ своимъ страшнымъ вопросомъ:

— Каинъ, что ты сдѣлалъ?!

Что я сдѣлалъ? Какъ и Каинъ, я могъ отвѣтить только грубо и дерзко,—до того, очевидно, олицетворялъ я его собою... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія о сдѣланномъ не будилъ, какъ и у него, этотъ вопросъ въ моей упрямой, оледенѣвшей душѣ... Мои дерзкія уста могли бы отвѣтить одно грубое:—„я сдѣлалъ, что сдѣлалъ!“ Да, я былъ Каинъ!... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія не находилъ я въ себѣ, и грѣхъ надо мною самое страшное проклятіе,—они навѣрное не проснулись бы. Даже больше,—я чувствовалъ, что все сдѣланное мною я, пожалуй, могъ бы продѣлать и вновь. Какъ ни былъ я жалокъ и презрѣнъ, я не хотѣлъ лгать предъ собою.

Но зачѣмъ же я иду туда, гдѣ я не могъ уже найти ни крова, ни привѣта?! Зачѣмъ же я иду, полный мрака, туда, гдѣ такъ

много свѣта, правды и чести, гдѣ такъ гордо смотрятъ изъ рамокъ портреты доблестныхъ... Кого,—предковъ?! Но у меня, конечно, нѣтъ уже ихъ,—они всѣ отвернулись съ презрѣньемъ... Къ дѣду?! Къ честному сѣдому дѣду!—Но дѣдъ... Тутъ, помню, у меня градомъ посыпались слезы, но не раскаянія, не стыда, слезы одной невыразимой скорби.

А куда же мнѣ идти? Въ замокъ? но онъ по прежнему мой врагъ, я это чувствую, я слышу, какъ скрежещутъ мои сжатые зубы! Къ тѣмъ? но они мнѣ тоже враги и, встрѣтъ я ихъ въ бою, я бы!.. Въ омутъ, въ этотъ тихій, глубокой прудъ? но развѣ я Иуда—предатель!?

Нѣтъ, я не предатель! Развѣ я не люблю это небо, этотъ воздухъ, эти звѣзды, эти хаты, народъ, предковъ, развѣ я промѣнялъ ихъ на другое?! И еслибъ враги, ляхи или турки, или ктонибудь даже страшнѣе ляховъ и турокъ,—обложили Пустынку браннымъ станомъ и понадобился бы мальчикъ, что бы, рискуя головой, пробрался сквозь вражескую рать и призвалъ бы своихъ на помощь, развѣ не я былъ бы этотъ мальчикъ?

Предатель!? А совершись вдругъ чудо, всеолыхнись и раскройся эти высокія могилы, гдѣ почилы дѣти воинственной сѣчи... Пусть бы только блеснула булава и страшное: „пугу“ потрясло воздухъ отъ моря до Случи... Развѣ не въ первыхъ рядахъ игралъ бы подо мной „вороненькій“?

Предатель? Развѣ я молилъ бы о пощадѣ,—сожми самый страшный татарскій арканъ мою шею? Развѣ заплакалъ бы я, какъ баба, отъ самыхъ страшныхъ мукъ, какія только можетъ придумать вражеское воображеніе, окрыленное местию? И оставь мнѣ враги только уста и сердце, развѣ не пошелъ бы я, какъ Палій, въ святыхъ стѣны молить за родину Бога?

— Нѣтъ, я не Иуда!.. Я самъ не знаю, что я... Я что то другое, можетъ быть, дѣйствительно Каинъ, но я не предатель!

Какъ тать, я прокрался тихо къ своей постели... Дѣдъ за дверью раскладывалъ пасьянсъ, Горпына что то быстро рубила въ кухнѣ. Все, все вокругъ было уже не мое, цѣлая пропасть легла между нами. Я зналъ, что въ портретной всѣ грозныя лица дрожать отъ негодованія, всѣ глаза дышатъ однимъ холод-

нымъ презрѣнемъ. Правда, тамъ есть одинъ... молодой эсауль, что когда то изъ осажденнаго козаками плавшаго замка выгралъ и спасъ ребенка... Можетъ быть онъ одинъ!? Но нѣтъ, едва ли. Я знаю, что мнѣ уже нѣтъ здѣсь мѣста!

Я пришелъ только, чтобы рассказать все дѣду... Да,—но какъ!? Какъ передать ему все, что случилось, какъ сказать ему, что въ моей черствой душѣ нѣтъ ни раскаянія, ни сожалѣнія? Моимъ собственнымъ устамъ придется сразить его доброе, любящее сердце.

Стѣны меня давили, голова кружилась, по тѣлу бѣгали мурашки. И самъ собою какъ то вырвался изъ моей груди глубокой вздохъ и рѣзко смутилъ царившую тишину.

— Кто тамъ?..

Я замеръ... Сердце ударило громко и какъ будто застыло.

— Это ты, внуку?

Дверь отворилась и мы стали лицомъ къ лицу.

— Это ты? Но что съ тобою? Ты блѣденъ, ты дрожишь...

Я молчалъ. Моя вина, какъ Каинова печать, должна была сквозить сама собою и дѣдъ самъ могъ ее видѣть.

— Да что съ тобою?—въ страшной тревогѣ спросилъ дѣдъ, протягивая руку, но я отклонился.

— Дѣдъ!... Я Каинъ...

— Что!?

— Я не знаю, что я... Я не знаю, дѣдъ!...—шепталъ я, весь охваченный дрожью, глотая струившіяся ручьями слезы.—Я пожалѣлъ ляховъ!...

— Что ты сдѣлалъ?! Какихъ ляховъ?...

И я все рассказалъ дѣду... Все... все! Моя рѣчь мѣшалась со слезами и, какъ слезы, она текла все быстрѣе и быстрѣе. Откуда то внезапно взявшимися словами я рассказалъ мою встрѣчу, споръ, мои кичливыя увѣренія, что я не боюсь ихъ. А затѣмъ... затѣмъ... Я пожалѣлъ ихъ!... Ахъ, они были такъ больны, такъ измучены, такъ несчастны и такъ жалобно, такъ горько рыдалъ молодой графъ! Я видѣлъ лохмотья, слезы, голодъ. У меня не было хлѣба, но былъ пряникъ... Я не зналъ тропу, что ведетъ къ границѣ... я... я... О, дѣдъ! я побѣжалъ туда... въ

этотъ замокъ!.. Я провелъ панну и принесъ хлѣба!... Я укрылъ ихъ!... Дѣдь!

— Гдѣ же ты укрылъ ихъ?

— Я не скажу... Я никому не скажу дѣдь!—зашепталъ моими устами неумиравшій во мнѣ Каинъ.

Сколько длилось напряженное молчаніе, я не знаю. Помню, оно казалось мнѣ страшно долгимъ. Я покорно склонилъ голову, я безтрепетно ждалъ финала и былъ готовъ на все... Въ моей душѣ все, казалось, было пусто, все умерло, въ ней гнѣздился уже тотъ безучастный холодъ, съ которымъ обезумѣвшая отъ страха распростертая овца должна ждать роковаго удара... Проклятіе? Или смерть Андрея Бульбы... Но развѣ я предатель?!...

И вдругъ, теплая, старческая рука коснулась моей холодной, какъ ледъ, головы, сѣдые брови наклонились вровень съ моими и не грозный, а мягкій, нѣжно ласкающій и какъ бы растроганный голосъ вызвалъ снова къ жизни мой оледѣнѣвшій слухъ!...

— Что сказалъ тебѣ шляхтичъ,—повтори...

— Онъ благословилъ мою мать!—зашептали мои безжизненные губы.

— А я тебя, мой хлопче!...

.

И та луна, и тѣ звѣзды, что глядѣли на меня такъ ужасно, свѣтили мнѣ теперь ясной улыбкой и сладкимъ привѣтомъ. И та земля, что гнулась подъ моими ногами,—уже не гнулась. Я бодро шелъ рядомъ съ дѣдомъ, снарядившимся точно на охоту, и прижимался къ нему съ довѣріемъ, счастьемъ, любовью, точно къ нянѣ, до хорошаго конца досказавшей свою страшную сказку. Даже лѣсъ не глядѣлъ уже хмуро и уныло, даже листъ не шуршалъ уже грустно...

— Счастливъ же ихъ Богъ, что не разглядѣли ихъ деревенскіе хлопцы, что ты укрылъ ихъ—сказалъ дѣдь.—Принесли бы ихъ хлопцы въ мѣшкахъ въ деревню.

Но хлопцы еще не разглядѣли... Всѣ были тутъ, гдѣ я укрылъ ихъ.

— Панъ Андрей!—въ испугѣ вскричали они въ одинъ голосъ, взглянувшись въ высокую фигуру дѣда.—Панъ Андрей! Езусъ, Марія!

— Да, это я, но вы не бойтесь, панове!—спокойно отвѣтилъ дѣдъ.

— Мы были врагами—началь шляхтичь, выступая впередъ, но дѣдъ перебилъ его.

— Да... и потому вамъ нечего здѣсь мѣшкать... Собирайтесь скорѣе, пока не узнали о васъ въ деревнѣ... Скорѣе, не то плохо будетъ, панове!...

Много благословеній сыпалось на дѣда, но онъ хмуро шелъ впереди, точно ничего не слышалъ, не роняя ни одного слова. Крѣпко ступали его старыя козацкія ноги по узкимъ тропамъ ему одному извѣстныхъ ущелій, смѣло продирался онъ сквозь густой кустарникъ, окутанный темною мглою ночи, увѣренно скользилъ по уступамъ въ черную пропасть, точно не старикъ онъ былъ, а бравый и крѣпкій парубокъ. Только когда сквозь густой кустарникъ со скалы, по которой всѣ шли, блеснула внизу водяная гладь,—дѣдъ остановился и поднялъ руку.

— Вотъ и Збручъ, панове!—сказалъ онъ.—Здѣсь можете смѣло спуститься, только держитесь лѣвѣе.—Ну, до свиданья!

— Пане Андрей!—заговорили всѣ.--Одно только слово!—Пане, мы много виноваты предъ вами, пусть Богъ!...

Но мы съ дѣдомъ были уже далеко и жгучія слова благословеній и страстной благодарности шептало намъ уже эхо таинственнаго лѣса...

На поворотѣ въ Пустыньку намъ перерѣзала дорогу панна и, прильнувъ ласточкой къ могучей груди дѣда, со слезами поцѣловала его руку.

— Пане Андрей! Будь благословенна эта ночь,—она многому меня научила!...

— Что жъ, въ добрый часъ, милая панна!—говорилъ растроганный дѣдъ, тепло лаская ея русую головку.—Въ добрый часъ!

— И я буду молить Бога, чтобы грѣхъ нашъ, насъ подѣллившій, загладило сердце нашихъ потомковъ!

— Дай Богъ, милая панна!

— Чтобы у всѣхъ оно было такое!

И она снова, какъ тогда въ аллеѣ, обвила мою шею руками, снова также страстно цѣловала меня, мѣшая поцѣлуи со сле-

зами и снявъ съ себя медальонъ, торопливой рукою повязала его мнѣ на шею.

— Это тебѣ на память!..

При чуть брезжущемъ, голубовато-розовомъ свѣтѣ занимавшагося дня я прочелъ на немъ вырѣзанное глубокими буквами:

„crede, espere et ame“.

На этомъ обрывалась найденная мною рукопись неудавшагося поэта. Было ли продолженіе, не испортили ли его крысы, я пока не знаю. Но если, разобравшись, въ найденной кучѣ я найду продолженіе, я, конечно, подѣлюсь имъ съ читателемъ.

1888 г.

Григорій Мачтетъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго ¹⁾.

III. Годы моего ученія (1826—1844).

I. Школа Капитанши.

Еще зимой 1826 года отецъ, за частыя мои проказы, сталъ стращать меня никовскимъ дьякомъ, какъ букой.

— Вотъ погоди, дай Богъ только лѣта дождать, я тебя до дьяка отведу: дастъ онъ тебѣ березовой каши.

Но прошло лѣто, а ученіе мое со дня на день все откладывалось. Настала и другая весна, а я все еще оставался дома. Главною виновницею такого замедленія была матушка, которая каждый разъ при словѣ „березовая каша“ вздрагивала и просила дядюся поучить меня немножко.

Надобно знать, что въ городѣ у насъ считалось столько школъ, сколько было дьяковъ. Въ собственномъ смыслѣ, это были не школы, а смирительныя дома, куда наши мѣщане отдавали своихъ чадъ съ цѣлію, чтобы они не баловались дома, снимая затѣмъ съ себя нравственную отвѣтственность за ихъ поведеніе. Дѣти сидѣли тамъ по году за Граматкой, да по стольку же за Часловцемъ и Псалтыремъ, хотя, правду сказать, рѣдкій изъ мальчиковъ достигалъ полного курса ученія, омегой коего считался Псалтырь. Результаты дьячковскаго ученія были весьма жалки: мальчуганъ могъ отбарабанивать, не переводя духу, три каѳизмы наизусть и не умѣлъ прочесть никакой другой книги не только гражданской, но и церковной печати.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., январь.

Несмотря на то, что въ городѣ существовало приходское училище, гдѣ тоже начинали съ азбуки, упрямые мои сограждане не приняли за обычай отдавать дѣтей сперва до дьяка, изъ желѣзныхъ лапъ котораго рѣдко кто выходилъ годнымъ для дальнѣйшаго ученія. Правда, хорошъ былъ и учитель приходскаго училища Илья Семеновичъ, но о немъ рѣчь впереди.. Какъ бы тамъ ни было, а благодаря матери, я избѣжалъ дьячковской школы, съ неизбѣжной для каждаго школяра березовой кашей. Случилось это такъ:

Въ нашемъ городѣ поселилась какая то вдова капитанша, вмѣстѣ съ сестрой Алѣнкой и матерью кацапкой, и завела школу. Матушка моя несказанно обрадовалась такому открытію, какъ богатой находкѣ. Отвергая справедливость русской пословицы, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ, да еще и не берутъ“, (ведущей, по всей вѣроятности, свое происхожденіе со временъ попа Сильвестра), добрая мать берегла меня пуще глаза, чтобъ меня и пальцемъ никто не тронулъ, и потому, несмотря на страшный терроръ, господствовавшій тогда въ училищахъ, я остался небитымъ. Она ничего для меня не жалѣла, отдавала учителямъ послѣднія крохи, чтобы задобрить ихъ въ мою пользу и предупредить сѣченіе. А сѣкли тогда очень часто за самую пустую шалость оптомъ, огуломъ, всѣхъ до одного, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ.

На семейномъ нашемъ совѣтѣ рѣшено было отдать меня къ капитаншѣ. На другой день послѣ совѣщанія приглашенъ былъ отъ Никиты отслужить на дому молебствіе: „о еже преуспѣвати отроку сему въ добромъ и полезномъ ученіи и разумѣ“. Затѣмъ, съ цѣлымъ ворохомъ всякой всячины, 8 августа, повели меня въ школу, которая находилась на Кляшторѣ. за рѣзницами. Еще далеко не доходя до школы, мы уже услышали смѣшанный гулъ множества дѣтскихъ голосовъ, при чемъ мать не преминула замѣтить:

— „Бачъ, якъ хороше учаться! учись и ты, мой голубчикъ: не будутъ тебя бить“. Чѣмъ ближе подходили мы къ школѣ, тѣмъ слышнѣе становились голоса. Наконецъ, когда вошли въ ворота, школьники подняли такой гвалтъ, что мнѣ стало страшно. Учительница, какъ видно, желала представить свое заведеніе въ самомъ лучшемъ видѣ, показать товаръ съ лицевой стороны, а потому, завидѣвъ насъ, скомандовала дѣтямъ—задать посѣтителямъ концертъ

на славу. Въ сѣняхъ встрѣтила насъ сама капитанша, сказала мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и погладила по головкѣ. Потомъ, передавши тутъ же сестрѣ своей Аленкѣ принесенные нами гостинцы, свела насъ въ классную комнату, съ большой варистой печью при самомъ входѣ. За большимъ некрашеннымъ столомъ, занимавшимъ $\frac{2}{3}$ всей комнаты, сидѣло человекъ 15 дѣтей обоюго пола. Какъ бы не замѣчая нашего прихода, всѣ они, какъ настоящіе школяры, надсаживали грудь надъ своими „стыхами“, быстро водя указкой по строкамъ кто Граматки, кто Часовца и Псалтыря. Особенно вошли въ азартъ псалтырники. Желая на время остановить дѣйствіе своей машины на всемъ ходу, капитанша на силу уняла ихъ. Меня усадили между двумя дѣвочками: большою съ веснушками Ульяной, прозванной Дудю, и маленькой голубоглазой Катей Кубрачвой. Онѣ тотчасъ же взяли меня подъ свое покровительство, какъ новичка.

Приспѣло время завтрака. Едва капитанша скомандовала: „снѣдать!“ какъ въ одно мгновеніе ока всѣ книжки закрылись и школьники высыпали на дворъ побѣгать передъ ѣдой для возбужденія аппетита. Дуда и Катя подхватили меня подъ руки и потащили на дворъ.

Общество мальчиковъ съ перваго же дня, мнѣ не понравилось: всѣ такіе отчаянные драчуны, не успѣли выйдти изъ комнаты, какъ уже и подрались. При моей болѣзненной комплекціи и миролюбивомъ нравѣ, во все продолженіе моего ученія, я постоянно сторонился отъ забіякъ, за что и не пользовался ихъ расположеніемъ. Съ перваго моего шага ясно опредѣлились будущія мои отношенія къ новому обществу: я подружился съ дѣвочками, а съ мальчиками былъ подалыне.

Черезъ четверть часа насъ позвали къ завтраку. Каждый вытащилъ изъ подъ лавки принесенную имъ изъ дому провизію: кто сало, кто блины, кто пирогъ или кольцо колбасы. Матушка и меня, конечно, не забыла на первый разъ снабдить самыми лакомыми яствами: мое снѣданье было такъ обильно, что имъ могли пообѣдать полдюжины ребятишекъ. Хотя каждый имѣлъ свое, но каждому нравилось больше то, что ѣлъ другой и чего у него не было, а потому тутъ происходила мѣна: ты мнѣ дай колбасы, а я тебѣ пирога. При такихъ коммунистическихъ началахъ никто не завтра-

каль тѣмъ, что принесъ изъ дому, а пробовалъ понемногу всего, что только лежало на столѣ. Кто былъ проворенъ, тотъ былъ и болѣе доволенъ—тому и доставалось больше. Нарочитою прожорливостію и умѣньемъ выманивать лакомые куски у товарищей отличался сынъ коваля Мулюха. Правда, онъ и работалъ въ школѣ за троихъ, т. е. кричалъ такъ, что заглушалъ всѣхъ. Потъ бывало прошибетъ его, а онъ все выкрикиваетъ: окрошиши мя уссопомъ, аки скимень обитаетъ и т. п. выраженія, едва ли понятныя и для самой командирши нашей Аксюты Ивановны. Впрочемъ, никто отъ насъ никогда не требовалъ того, чтобы мы понимали читаемое, лишь бы читали громко и скоро—этими качествами измѣрялась степень умѣнья заданнаго „стыха“ и достоинство истаго школяра.

Скоро я узналъ, что въ школѣ существуетъ такой обычай: если кто изъ учениковъ догонитъ въ ученіи другаго, то въ присутствіи всей школьной корпораціи, лѣвтяя кладутъ на порогъ, а опередившему его даютъ въ руки тройчатку и велятъ ему сѣчь отсталаго. Благодаря попеченію обо мнѣ дѣдушки, я былъ достаточно подготовленъ для того, чтобы въ нѣсколько мѣсяцевъ пройти Граматку и взяться за Часловець. Такимъ образомъ я догналъ Дуду. Не взирая на наши пріятельскія отношенія, мнѣ предстояла пренепріятная обязанность посѣчь ее немножко.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, дѣвицу разложили на порогъ, а меня вооружили тройчаткой; но я, какъ истуканъ, стоялъ въ бездѣйствіи, не осмѣливаясь поднять руку на свою товаришку. Но грозный приказъ Капитанши вывелъ меня изъ оцѣпененія и я... тутъ ужъ не помню, что со мной было потомъ, ибо въ то самое время, когда я замахнулся тройчаткой, вся школа заорала благимъ матомъ: наша! наша! наша! Такъ привѣтствовали всякаго, кто въ первый разъ подвергался сѣченію, считаясь до того какъ бы чужимъ. Этотъ крикъ, а еще болѣе пронзительный визгъ несчастной Ульяны дотога меня испугалъ, что я, сгорая отъ стыда, убѣжалъ на дворъ, не нанеши ей ни одного удара.

Въ торжественный день окончанія мною Граматки, въ домѣ нашемъ приготовили большущій горшокъ каши, чѣмъ, по обычаю школы, всякій разъ сопровождалась побѣда надъ одной изъ трехъ школьныхъ премудростей. Въ постный день каша варилась гречне-

вая—съ медомъ, въ скоромный-шпонная на молокъ и лицахъ. Въ этотъ памятный для меня день ученія не было. Всѣ школьники шумною толпой направились къ дому виновника торжества, подъ его личнымъ предводительствомъ. При входѣ въ комнату, въ сѣняхъ пропѣта была хоромъ молитва, затѣмъ сильнѣйшій изъ насъ Ховрычъ взялъ горшокъ и со всего размаху хватилъ имъ объ уголь зеленой изразцовой печки; каша разлетѣлась по полу вмѣстѣ съ черепками, а голодная ватага бросилась собирать ее и набивать свои рты. Послѣ обильнаго угощенія, обрадованный моими успѣхами дидусъ далъ каждому гостю по большому краснобокому яблоку. Покувыркавшись часа два въ саду подъ грушею, товарищи мои разбрелись по домамъ.

Кромѣ установленной за выучку платы, въ школѣ Капитанши существовалъ обычай добровольныхъ, но обязательныхъ приношеній въ извѣстные дни въ году, почему нибудь знаменательные: такъ, на Маковія каждый мальчикъ несъ въ школу пѣтушка, а дѣвочка курочку, при чемъ соблюдалось правило, чтобы бѣлокурая дѣти приносили бѣлыхъ куръ, а брюнеты—черныхъ. На 40 мучениковъ каждый ученикъ обязанъ былъ тащить въ школу 40 бубликовъ и проч.

Хотя школа Капитанши, въ отношеніи способа ученія, начѣмъ особеннымъ не отличалась отъ дьячковской, но все таки она имѣла предъ нею огромное преимущество. Уже одно то, что ею заправляла женщина, незнакомя съ бурсой, имѣло много за собой шансовъ. Каждый дьячокъ вносилъ въ бытъ своей школы традиціи бурсы: грубое до цинизма обращеніе съ дѣтьми, вѣчное сѣченіе, пинки и зуботычины до того уродовали учащихся, что черезъ годъ они были неузнаваемы. Здѣсь школа не только не противодействовала грубой домашней средѣ, но еще болѣе вкореняла въ дѣтяхъ тѣ начала, которые входили въ ихъ природу съ молокомъ матери, подъ вліяніемъ старшихъ. Школа Капитанши, напротивъ, сглаживала грубыя угловатости привычки, усвоенныя подъ родительскимъ кровомъ. Кромѣ того, Аксюта Ивановна постоянно сидѣла дома, тогда какъ дьякъ, исполняя вѣчныя свои требы, часто оставлялъ учениковъ безъ надзора. Иногда только наставница наша, когда ей становилось не въ моготу, т. е. когда донекуть ей сильно школяры, отправлялась

черезъ три дома къ своей сосѣдкѣ съ чулкомъ въ рукахъ, приказавъ намъ читать такъ громко, чтобы она слышала, сидя въ гостяхъ. Тогда то намъ было раздолье: одинъ старался перекричать другаго и наше чтеніе было слышно не только черезъ три дома, но подлѣ самаго собора. Тутъ больше всѣхъ отличался коринѣй нашей школы Хома Мулюха. Еслибы кто нибудь изъ проходящихъ мимо нашей школы любопытствовалъ узнать, изъ-за чего такъ сильно дерутъ горло эти мальчуганы, то слухъ его поразили бы такія слова и выраженія, которыя совершенно не соотвѣтствовали тому азарту, съ какимъ они произносились нами. — Одинъ выкрикивалъ: тма, мна, здо, тло, азъ ангель—ангельскій, буки богъ—божество; другой отхватывалъ: вскую шаташася языцы; третій: сіи на колесницахъ, сіи на коняхъ и т. д. И вся эта дребедень сливалась въ одинъ безобразный гулъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ капитанша препоручала насъ сестрѣ своей Аленкѣ, молодой 20-лѣтней особѣ, совершенно безграмотной, но страшно свирѣпой. Мы ее сильно боялись. Чуть только который нибудь изъ насъ зазѣвается, такъ и начнетъ хлестать тройчаткой, по чемъ зря, не сдѣлавъ даже предварительнаго никакого предостереженія. „Кусалась, якъ [ныцый] собака, не гавкаючи“, говорили объ ней школяры, жалуясь своимъ родителямъ.

Но слово „медъ“ еще не дѣлаетъ уста сладкими, говоритъ восточная пословица: и за нашей наставницей водились грѣшки. У нея былъ свой *ami de la maison*, личность чрезвычайно занимательная. Это былъ массивный, саженный мужичинище, весь залпывшій жиромъ и оттого страдавшій одышкой. Ходилъ онъ всегда въ остроконечномъ, конической формы, картузѣ, съ широкимъ и длиннымъ козырькомъ, въ синемъ нанковомъ козакинѣ и съ черной суковатой палкой. Прозывался онъ Давыдевичемъ. Въ классную комнату, во время ученья, онъ никогда не входилъ, а вошедши, пригнувшись, въ сѣни, поворачивалъ на право, въ темную комнату. Не прошло минуты послѣ его прихода, какъ уже одинъ изъ школяровъ командировался въ ближайшій кабачокъ за шкаликомъ, и наша наставница исчезала въ коморѣ и оттуда командовала нами. Мы слышали ея голосъ, но ее самоё не видали. Голосъ ея, сначала звонкій и внушительный, благодаря принесенной скляницѣ, становился посте-

пенно слабѣе и тише и, наконецъ, и совсѣмъ обрывался. Тогда Аленка отпускала насъ по домамъ раньше.

Домашній другъ нашей наставницы былъ по профессіи юри-консультъ, или просто сутяга, эксплуатировавшій невѣжественныхъ мѣщанъ якобы знаніемъ законовъ. Кто бы ни затѣялъ тяжбу—безъ Давыдовича не обходилось. И начиналъ онъ свое хожденіе по дѣлу въ буквальномъ значеніи этого слова, т. е. заходилъ къ истцу ежедневно (а иногда къ отвѣтчику) съ цѣлю выпить и закусить, для чего самое дѣло тянулъ до безконечности. Наливаетъ, наливаетъ эту сороковую бочку тяжущійся да и плюнетъ, а нашъ юристъ всѣ пишэ та пье, пье та пишэ.

Давыдовичъ постоянно пѣлъ на крилосѣ въ соборѣ и читалъ апостола, вооружась синими очками. Безъ него не проходило ни одного храмоваго праздника, ни одной свадьбы, ни однихъ сколько нибудь достаточныхъ похоронъ. Тутъ то ему было раздолье: выпивалъ онъ громадное количество водки (за что его и прозвали жлуктомъ), ѣлъ за трохъ, приправляя ѣду юмористическими прибаутками и анекдотами, которыхъ у него былъ неистощимый запасъ. Говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ нарѣчіемъ, что изобличало въ немъ выходца изъ южныхъ малорусскихъ губерній. Особенно тѣшилъ онъ гостей извѣстною виршей, которою запорожцы привѣтствовали на Велькдень царицу Екатерину. Виршу эту Давыдовичъ зналъ на память. Эффективѣе всего онъ изображалъ тревогу, произведенную въ пеклѣ Воскресеніемъ Христовымъ:

Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ

Изъ пекла удрызавъ—

Винъ за Исакомъ ледвѣ ракомъ

И соби поклызавъ... и проч.

Хотя по правиламъ мѣщанской морали худо отзываться о старшихъ „не годытьця“ и даже грѣхъ, но мы—школяры ни предъ кѣмъ не дѣлали секрета о поведеніи нашей наставницы. Вообще говоря, трудно скрыть отъ дѣтей что нибудь такое, чего имъ до поры до времени знать не полагается. Наши родители рассчитывали на нашу дѣтскую глупость и простоту, не стѣняясь нашимъ присутствіемъ, свободно высказывались, а потому каждый изъ насъ изъ подъ родительскаго крова привносилъ въ школу довольно непечатной брани и

грязныхъ анекдотовъ. Школа съ ея тремя премудростями и капитанша съ своимъ Давыдовичемъ не только не противодѣйствовали домашнему безобразію, но еще болѣе развивали и усиливали наши порочныя инстинкты. Хотя въ коморѣ, гдѣ засѣдалъ толстякъ, было темно, но мы хорошо смекали, что тамъ рѣшались не педагогическіе вопросы. Многое, чего мы не могли видѣть, дополнялось воображеніемъ, уже успѣвшимъ порядочно развратиться подѣ вліяніемъ домашней обстановки.

Но пока къ намъ въ школу ходилъ одинъ Давыдовичъ, родители наши считали его посѣщенія совершенно безупречными. Извѣстный всему городу шутникъ и балагуръ, да къ тому же еще и довольно пожилой человѣкъ, не могшій ни одного дня прожить безъ компанства—что жъ въ этомъ худаго? Волей-неволей его вездѣ принимаютъ за гостя: влѣзетъ непрошенный, незванный—ну, и поштуй его.

Но съ того времени, какъ у нашей капитанши появился другой Донъ Жуанъ, надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, и когда наша наставница частенько начала съ нимъ прохаживаться на Замкѣ не только въ праздники, но и въ будни—репутація ея сильно подупала въ мнѣніи нашихъ родителей. При такихъ условіяхъ школа не могла продержаться долго. Къ тому жъ какъ нарочно случился превеликій скандалъ, сдѣлавшійся ужъ черезъ чуръ гласнымъ въ городѣ.

Однажды лѣтомъ, гоняясь по Замку за бабочками, мы наткнулись на rendez-vous своей учительницы съ пьянымъ Терлецкимъ.

— Ну, ужъ это настоящая, что называется, мараль! выразился одинъ изъ родителей учащихся Лаврентій Мулюха.

— Хороша наука! добавилъ другой, и школа капитанши провалилась. 26 іюня 1828 года, за два дня до петровской ярмарки, я пошелъ въ школу въ послѣдній разъ и то лишь за тѣмъ, чтобы взять свой псалтырь. Раскрывши сію премудрую книжицу, можно было сразу угадать, на чемъ остановилось мое ученіе—по засаленнымъ листамъ первыхъ трехъ каѳизмъ. Хотя во время снѣданья, изъ предосторожности, книги закрывались и отодвигались на средину стола (не для того, чтобы онѣ не запачкались, а чтобы школяры, вмѣстѣ съ пирогомъ или блиномъ, не съѣли своего „стыха“), но такъ какъ при завтракѣ не водилось салфетокъ, то книги весьма

много терпѣли отъ замасленныхъ рукъ, хотя и выигрывали въ отношеніи прочности: пропитанные насквозь жирными веществами, листы становились твердыми, какъ пергаментъ, кожанымъ же переплетамъ ихъ и вѣку не было. Набальзамированные такимъ способомъ Часословцы и Псалтыри поступали во владѣніе младшихъ членовъ семьи и затѣмъ оставались для домашняго ѳобихода, пока не воспользуются ими еще ненародившіяся поколѣнія.

У моего дѣда хранилось не малое количество книгъ, которыхъ онъ былъ большей любитель. Кромѣ евангелій, псалтырей, тріодей, большихъ и малыхъ четъ-миней, у него было довольно весьма цѣнныхъ старопечатныхъ изданій, которыя онъ берегъ, какъ драгоценность. Нѣкоторыя изъ этихъ археологическихъ рѣдкостей, впоследствии времени, пользуясь критическими обстоятельствами моей матери, за безцѣнокъ купили старообрядцы изъ Клинцовъ.

Отбывши петровскую ярмарку, отецъ порѣшилъ въ августѣ опредѣлить меня въ приходское училище и сталъ къ тому же подговаривать и своего кума Никиту Гавриловича, у котораго былъ сынъ Павелъ, ходившій въ дяческую школу. Самъ батюшка, безъ помощи Давыдовича, написалъ два прошенія, которыя, хотя писались на простой негербовой бумагѣ, но адресовались всегда на Высочайшее имя и сочинялись по извѣстной формѣ: прошенія были написаны весьма грамотно и красиво, къ стыду многихъ дворянъ, едва умѣвшихъ подписать свою фамилію и то такими каракулями, что и разобрать было трудно: подпись выходила въ родѣ Гоголевской „Евдокія обмокни“. Да что и говорить о безграмотности тогдашнихъ дворянъ, коли (неча грѣха таить) и самъ учитель россійской грамматики, какъ увидимъ ниже, писалъ отвратительно.

Покончивъ съ прошеніями и положивъ ихъ въ шкафъ, батюшка купилъ ажъ цѣлыхъ три букваря—два для меня и одинъ для своего крестника, и тотчасъ же засадилъ насъ обоихъ за гражданскую азбуку, которую, къ великому нашему горю, пришлось вновь переучивать и поровить такъ, чтобы не смѣшать а, бе, ве, ге—съ буками и глаголами. Между тѣмъ, пока я, подъ руководствомъ дѣдушки, боролся съ этими трудностями и не дошелъ еще до складовъ, родитель мой, съ помощію служанки Лукерьи, вынесъ изъ темной кладовой большой сундукъ съ книгами и тетрадами, по ко-

торымъ онъ самъ учился въ гимназіи и которыя, со дня выхода его оттуда, не видали свѣта божьяго. Замечтавшись о моихъ будущихъ успѣхахъ, онъ сталъ выкладывать изъ сундука груды запечатанныхъ книгъ и чего-чего тамъ не было: и естественное право, и астрономія, и фортификація. Полный надеждъ на мое будущее, покойникъ готовился надѣлать меня всей этой премудростью, хотя, увы! ни одна изъ этихъ книгъ не пригодилась мнѣ, благодаря уставу 1828 г. То ли дѣло подумаешь Часловець и Псалтырь, вѣчно неизмѣнныя книжицы, порезившія цѣлое тысячелѣтіе Россійской имперіи.

Въ отцѣ моемъ, который до сихъ поръ не обращалъ на меня вниманія, предоставивъ все ученіе на попеченіе дѣда и матери, пробудилась какая то тревожная дѣятельность, коль скоро дѣло коснулось опредѣленія меня въ училище.

2. Первѣйшій классъ.

(1828—1830)

22 августа 1828 года, въ день священномученика Агафона и Неофита, меня разбудили до свѣта. Около 7 часовъ пришелъ от. Никита и вторично благословилъ мои начинанія; послѣ чего мы съ батюшкой тронулись въ путь къ учителю Ильѣ Семеновичу. Отецъ шелъ, конечно, не съ пустыми руками: небольшая головка сахару да фунтикъ чаю открыли мнѣ входъ въ преддверіе святилища наукъ — приготовительный классъ, который больше извѣстенъ былъ подъ именемъ первѣйшаго. — Отъ природы я былъ страшно боязливъ, а стоустая молва въ городѣ о жестокости, доходившей до кровожадности, учителя Каменскаго до того на меня подѣйствовала, что я, подходя къ училищу, заревѣлъ благимъ матомъ, и если бъ отецъ не удерживалъ меня за руку, непременно бы далъ тягу.

Большой деревянный одноэтажный домъ, гдѣ помѣщалась тогда гимназія, вмѣстѣ съ уѣзднымъ училищемъ, стоялъ посреди обширнаго двора, поросшаго травой. Наружность его была мрачна и неприглядна. Парадный подъѣздъ бывшаго губернаторскаго помѣщенія, съ почернѣвшими отъ времени колоннами, обращенный къ кладбищу, находившемуся тутъ же за рѣшеточнымъ заборомъ, внушалъ мнѣ еще больше ужаса. Но это, какъ оказалось, былъ входъ въ гимназію и мы миновали его. Обогнувъ почти все зданіе, мы взошли на другое,

болѣ скромное крыльцо, потомъ въ грязныя сѣни и корридоръ, гдѣ было двое дверей: одна, на право, вела въ первѣйшій классъ, а другая, на лѣво, въ квартиру учителя.

Илья Семеновичъ, вѣроятно, увидалъ насъ изъ окна классной комнаты, потому что, едва мы вошли въ корридоръ, онъ тотчасъ же вышелъ изъ класса и пригласилъ насъ въ свою квартиру. Отецъ, нисколько не оробѣвши, подошелъ развязно къ столу, положилъ на немъ сперва хлѣбъ святой, отъ котораго, по русскому обычаю, никто не вправѣ отказаться, затѣмъ фунтикъ чаю и поставилъ головку сахару, отъ котораго, по причинѣ его сладости, такъ же не въ обычаѣ было отказываться педагогу.

Илья Семеновичъ былъ высокаго роста мужчина, плотнаго сложенія, съ черными лоснящимися бакенами и какимъ то недобримъ взглядомъ, напоминавшимъ хищную птицу, хотя и невысокаго полета. Окончивъ 4 классную гимназію въ 1821 году, по лѣтамъ онъ долженъ бы, казалось, принадлежать къ новому поколѣнію педагоговъ, но онъ ни въ чемъ не уступалъ людямъ стараго покроя. Будучи, сравнительно, болѣ другихъ сослуживцевъ обезпеченъ матеріально, владѣя небольшимъ имѣніемъ въ крелевецкомъ уѣздѣ съ 16 крѣпостными душами, онъ не совѣтился зайти въ лавку мѣщанина, торговавшего не на рубли, а на копѣйки, и взять у него въ долгъ безъ отдачи фунта три сала или полдесятка чабака, потому только, что сынъ этого торговца имѣлъ несчастье находиться подъ его ферулой. Напомнить Ильѣ Семеновичу объ отдачѣ долга могъ только тотъ, кто рѣшался взять своего сына изъ училища; въ противномъ случаѣ мальчику приходилось живому лѣзть въ могилу.

Сдавъ на руки такому достойному педагогу трепетавшаго отъ страха сына, батюшка проводилъ меня глазами до дверей классной комнаты и раскланялся съ учителемъ. Что со мной происходило въ этотъ день, какъ я очутился между школьниками, что дѣлалось въ классѣ до конца урока—рѣшительно ничего не помню. На меня напалъ такой столбнякъ, что отъ меня никто не добился ни одного слова. При выходѣ изъ класса, на меня накинулись цѣлой ватагой самыя отчаянныя драчуны, подъ предводительствомъ Хомы Шота, и я не знаю, чѣмъ бы началось мое первое знакомство съ новыми товарищами: щипками или потасовкой, если бы не взялъ меня подъ

свое покровительство главный цензоръ Петро Сидоровичъ Яковенко здоровый малый, лѣтъ 16, въ нанковомъ сюртукѣ желтогорячаго цвѣта. Будучи ближайшимъ моимъ сосѣдомъ, онъ довелъ меня до самаго дома. Взялъ онъ меня подъ свою высокую руку, какъ оказалось, не безкорыстно: проходя мимо нашего сада, онъ прельстился великолѣпными краснобокими яблоками, да должно быть уже не разъ и пробовалъ ихъ и какъ видно, они ему очень понравились, потому что, прощаясь со мной, онъ строго на строго приказалъ мнѣ, какъ власть имущій, принести нѣсколько штукъ въ классъ, непременно завтра. Я, конечно, не смѣлъ его послушаться, потому—сила. Петро Сидоровичъ былъ не цензоръ только, но и палачъ первѣйшаго класса. Атрибуты его страшнаго могущества,—пучокъ розогъ и линейка—лежали подлѣ него во все продолженіе урока и послѣ звонка прятались въ сундукъ, вмѣстѣ съ мѣломъ и губкой. На другой день я узналъ, что Сидоровичъ беретъ взятки не одними яблоками. Кто давалъ больше, того онъ и билъ полегче, а кто ничего не давалъ, того дралъ безъ милосердія.

Ученики раздѣлялись на три группы и распредѣлялись между аудиторами, которые тоже брали хабары, а не дать нельзя было, такъ какъ Илья Семеновичъ никогда не контролировалъ ихъ отбѣтокъ.

Учитель рѣдко просиживалъ весь урокъ въ классѣ. Задавъ работу и передавъ бразды правленія Сидоровичу, онъ уходилъ къ себѣ въ квартиру; если же случалось, что онъ оставался въ классѣ подольше, то единственно для развлеченія. Иногда бывало выдаться добрый день, стихъ такой находилъ на Илью Семеновича—и онъ весь урокъ глумится то надъ несчастнымъ Евдокимомъ Сугонякой, съ рыжей продолговатой головой, похожей на дыню, то издѣвается надъ добрякомъ Степаномъ Стугой-Самотугой, да надъ плаксою Василиемъ Киндой. Но больше всѣхъ терпѣлъ насмѣшекъ Ванька Цаненицкій. Это былъ крошечный мальчуганъ, совершенный карликъ, не шалунъ и не лѣнтяй, но чрезвычайно живой и потѣшный, напоминавшій по своимъ ухваткамъ комнатную собаченку, которую обыкновенно зовутъ Шарикомъ. Надъ нимъ то Илья Семеновичъ любилъ особенно истощать свое остроуміе: то заставить его влѣзть въ сундукъ и запретъ его тамъ на цѣлый часъ, то прика-

жетъ лѣзть въ почку, откуда Ванька выдѣзаль весь запачканный въ сажу, черный, какъ арапченокъ, къ великой потѣхѣ всего класса.

Между мальчиками сидѣли три дѣвицы, которыя тоже не избѣгали насмѣшекъ со стороны разгулявагося наставника, иногда весьма пикантныхъ.

— Сидоровичъ! поцѣлуй Жадкевичеву! обращается къ цензору учитель. А тотъ и радъ стараться, да еще и за шею обниметь.

Но избѣгнулъ насмѣшекъ и самъ Сидоровичъ. Однажды, вошедши въ классъ, онъ подозвалъ къ столу цензора.

— Подай, говоритъ, розги!

Готовый служить вѣрой и правдой своему повелителю Сидоровичъ быстро досталъ изъ сундука розги.

— Подвинь на средину класса сундукъ, продолжаетъ учитель.

Исполнилъ Сидоровичъ и этотъ приказъ. Свирѣпо обинувъ взглядомъ своихъ товарищей, какъ бы стараясь угадать, кого ему придется въ этотъ разъ растянуть на сундукъ.

— Ложись! приказываетъ тѣмъ же убійственно спокойнымъ тономъ Илья Семеновичъ.

Цензоръ зналъ лучше всѣхъ насъ натуру своего командира, не терпѣваго ни малѣйшаго противорѣчія, а потому безпрекословно растянулся на сундукъ.

— Сѣки себя самъ! да смотри хорошенько, а то я тебя научу, какъ нужно сѣчь.

И Сидоровичъ совершаетъ самобичеваніе не похуже католическаго монаха-изувѣра, смиряющаго грѣшную свою плоть истязаніями.

— Ну, довольно! садись на мѣсто!

И Сидоровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ на мѣсто. За что онъ себя такъ больно наказаль, никто не зналъ, ни даже онъ самъ. Я думаю Илья Семеновичъ просто выкинулъ штуку, потѣхи ради, или, быть можетъ, онъ хотѣлъ предостеречь цензора, чтобы онъ не зазнавался слишкомъ, не важничаль.

Но не всегда оканчивался урокъ такими милыми шутками. Расположеніе духа у нашего учителя было чрезвычайно неровное. Разныя семейныя дразги, ссоры съ супругой и тещей, а можетъ быть, и нахлобучки со стороны начальства, нерѣдко раздражали его до бѣшенства и онъ всѣ эти непріятности вымещаль на неповин-

ныхъ ни тѣломъ, ни духомъ дѣтяхъ. Ворвется въ классъ, какъ ураганъ, лютый, прелютый—и начнется избіеніе младенцевъ. Дѣти дрожатъ, какъ листья на осинѣ; каждый, притаивъ дыханіе, ждалъ бѣды; впродолженіе всего урока линейка Сидоровича не переставала работать, горячія пали, плачь, мольбы о пощадѣ не умолкаютъ до звонка; полкласса всхлипываетъ и хукаетъ въ ладони... Но и этимъ не оканчивалась бойня: человѣкамъ пяти велѣно „остаться послѣ класса“ для наказанія розгами.

Какъ продуктъ такого варварскаго обращенія съ дѣтьми, были между нами мальчики, въ которыхъ навсегда было убито чувство человѣческаго достоинства. Ко всему можно привыкнуть, привыкали и къ розгѣ. Но что за люди вышли впослѣдствіи изъ этихъ жалкихъ созданій, безотвѣтныхъ жертвъ чужаго самодурства и ненужной жестокости! Сидѣли они по два, по три и даже по четыре года въ первѣйшемъ классѣ, „въ надеждѣ успѣховъ“, или „по велико-возрастію“ переводились въ первый классъ; здѣсь опять сидѣли столько же и выходили въ жизнь отъявленными 18 лѣтними негодьями.

Мое ученіе въ первѣйшемъ классѣ, благодаря домашней подготовкѣ и приношеніямъ матушки, шло довольно успѣшно. Шалостей за мной особенныхъ не водилось, хотя палъ все таки не избѣгнулъ, по извѣстамъ цензора, которому не всегда я могъ угодить хабарами. Впрочемъ, отъ наказанія никого не спасали ни отличные успѣхи, ни примѣрное поведеніе, такъ какъ за общій шумъ всего класса наказывались или всѣ поголовно, или десятыя; значить, будь хоть ангеломъ во плоти, не уйдешь отъ розги. Разъ дѣйствительно и со мной чуть не случилась подобная оказія. По случаю смерти тещи, учитель не сидѣлъ въ классѣ, а препоручилъ насъ цензору. Случился какой то скандалъ, вызвавшій всеобщій взрывъ хохота, дошедшій до ушей „неутѣшнаго“ Ильи Семеновича. Влетаетъ въ классъ сердитый, пресердитый.

— Кто шумѣлъ?—Всѣ! отвѣчаетъ цензоръ.

— Остатся послѣ класса всѣмъ! Какъ котовъ передеру всѣхъ!

Сказалъ, и вышелъ. Смѣхъ смѣнился рыданіемъ великимъ. Просидѣли мы цѣлый часъ послѣ звонка. Неизвѣстность мучила каждого изъ насъ, а небитыхъ еще, къ какимъ принадлежалъ и я, конечно, больше другихъ. Наконецъ, Илья Семеновичъ прислалъ сына Ильюшу

съ объявленіемъ, что расправа, по случаю совершавшейся въ то время панихиды, отложена до завтра. На другой день были похороны и потому учитель не явился вовсе. Но на третій день, прійдя въ классъ, онъ вспомнилъ о своей угрозѣ и велѣлъ остаться послѣ класса десятымъ. Какъ на бѣду, я сидѣлъ какъ разъ десятымъ и пришелъ въ ужасъ, но къ немалому удивленію всѣхъ товарищей, Илья Семеновичъ отпустилъ меня домой небитымъ. Дѣло объяснилось очень просто. Милость эта обошлась родителямъ не дешево, будучи куплена цѣною размазаннаго гроба съ нарисованнымъ ангеломъ въ головахъ и Адамовой головой въ ногахъ. Гробъ этотъ изготовила, на случай смерти, моя бабушка для себя, но онъ былъ взятъ учителемъ для его тещи.

Итакъ, благодаря гробу, я остался небитымъ, къ великой радости моей сердобольной матери.

21 іюня 1830 года происходило публичное испытаніе въ повѣтовомъ училищѣ, въ присутствіи директора и учителей гимназіи. Ученики 1 и 2-го классовъ произносили басни, весьма поучительнаго содержанія, напр. Орелъ и Пчела, Дубъ и Трость, Своевольные ребята и т. п. А Илья Семеновичъ громогласно прочелъ рѣчь, написанную на заданную директоромъ тѣму: „Сколько счастье человѣка зависитъ отъ добраго мнѣнія и чести въ обществѣ?“ О, еслибы спросили насъ, безмолвныхъ созерцателей сего торжества, какое составилось мнѣніе у насъ о нашемъ наставникѣ!

Тутъ же, къ великой радости нашихъ родителей, мы услышали свои фамиліи, слѣдовавшія непосредственно за любезнымъ для каждаго ученика словомъ: „переводится“. Такихъ счастливыхъ оказалось двадцать четыре человѣка, въ числѣ ихъ было и три дѣвицы: Прасковья и Наталія Цапеницкія и Марѳа Жадкевичева.

Въ первѣйшемъ классѣ я пробылъ два года.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНІЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

5.

Уличныя клички.

Опредѣленіе названія уличная кличка.—Научное изученіе личныхъ и фамильныхъ прозвищъ.—Значеніе крестьянскихъ объясненій кличекъ.—Клички по женской линіи родства.—Слѣды крѣпостнаго состоянія крестьянъ.—Клички пѣвницкія и воровскія.—И. А. Кулишъ о кличкахъ въ сочиненіяхъ Гоголя.—Клички по пріивѣтствію и кустарнымъ промысламъ.—Кулацкія клички.—Клички по пѣснямъ, поговоркамъ и выговору словъ.—Архаизмы.—Заключительная замѣтка.

Выраженіе „уличная кличка“ въ значеніи личного или фамильнаго прозванія употреблялась въ старинное время, что видно изъ „Актовъ южной Руси“ и личныхъ воспоминаній запорожскаго казака Коржа. Нынѣ оно также повсемѣстно употребляется среди крестьянъ, при чемъ при ревизскомъ фамильномъ прозвищѣ имѣетъ значеніе добавочнаго прозвища, большею частью по отрицательной сторонѣ лица. Сравнительно съ документальными прозвищами уличныя клички обнаруживаютъ большую подвижность. Онѣ скорѣе подвергаются измѣненіямъ, чѣмъ старинныя, закрѣпленныя письмомъ фамильныя прозванія. Уличныя клички большею частью касаются личностей; но онѣ простираются иногда съ лица на семью и далѣе на родовой союзъ семей. Вообще, фамильныя и родовыя прозванія оберегаются отъ вторженія и замѣны ихъ уличными кличками, большею частью заключающими въ себѣ ироническое опредѣленіе лица по отрицательной его сторонѣ.

Изученіе уличныхъ личныхъ кличекъ представляется столь же любопытнымъ въ историко-бытовомъ и филологическомъ отношеніяхъ,

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., январь.

какъ изученіе фамильныхъ прозваній. Вообще, послѣ того, что сдѣлано западно-европейскими, преимущественно нѣмецкими, учеными по части изученія личныхъ именъ и фамильныхъ прозваній, нельзя сомнѣваться въ научной важности обстоятельнаго разъясненія происхожденія и измѣненія тѣхъ и другихъ по основнымъ законамъ народной психологіи, и затѣмъ систематической группировки ихъ, на основанія заключающихся въ нихъ бытовыхъ или филологическихъ фактовъ. Какъ далеко подвинулось изученіе этого предмета въ Германіи, показываетъ появленіе въ послѣднее десятилѣтіе многихъ специальныхъ монографій, напримѣръ: *Andresen*, Die altdeutsche Personennamen; *Lucas*, Die altdeutsche Personennamen (1880); *Heinze*, Die deutsche Familiennamen (1880).

Самымъ раннимъ и наиболѣе крупнымъ славянскимъ дѣятелемъ въ этой области филологіи является *Миклошичъ*, авторъ статьи „Die Bildung der slavischen Personennamen“, напечатанной въ X томѣ Памятниковъ вѣнской академіи наукъ 1860 г. Съ легкой руки Миклошича научное изученіе личныхъ и фамильныхъ прозваній пошло успѣшно въ славянскихъ странахъ, при чемъ оно естественно получило мѣстное, краевое направленіе, согласно съ характерными особенностями личныхъ и фамильныхъ прозваній каждой славянской народности въ отдѣльности. Такъ, въ 1885 г. вышло специальное изслѣдованіе г. *Карловича* о польскихъ собственныхъ мѣстныхъ и личныхъ названіяхъ, (въ „Pamiętnik. fizyograficzn. т. V., потомъ отдѣльно). Въ „Rad jugoslav. Akademije znanosti i umjetnosti“ 1886 г. помѣщено обширное изслѣдованіе *Маретича* о народныхъ именахъ и прозвищахъ у хорватовъ и сербовъ.

„Извѣстное дѣло, говорятъ Тургеневъ въ „Пѣвцахъ“, русский народъ на прозвища мастеръ.“ Въ прозвищахъ, дѣйствительно, много силы и выразительности. Кромѣ этого общаго достоинства, личныя клички имѣютъ еще научное значеніе, филологическое и историко-бытовое. Онѣ представляются любопытными, между прочимъ, въ приложеніи къ современной народной жизни, такъ какъ до нѣкоторой степени уясняютъ направленіе духовной дѣятельности народа въ настоящій моментъ его существованія. Въ личныхъ и фамильныхъ прозваніяхъ мы имѣемъ такое бытовое явленіе, въ которомъ прошлое и современное слились въ одно цѣлое. Любопытнымъ сви-

дѣтельствомъ существованія въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, въ частности въ земствѣ, людей съ правильнымъ взглядомъ на этотъ предметъ служатъ составленные въ 1886 году харьковской губернской земской управой бланки для подворной описи селъ; въ бланки эти, между прочимъ, вошла рубрика: прозвища и почему даны прозвища. Введеніе прозвищъ въ программу собранія свѣдѣній о народномъ бытѣ заслуживаетъ тѣмъ большаго одобренія, что до сихъ поръ на этотъ отдѣлъ народнаго быта не обращали никакого вниманія; никто не собиралъ по этому поводу свѣдѣній; нигдѣ, даже въ Трудахъ этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, нѣтъ объяснительныхъ списковъ личныхъ и фамилныхъ прозваній, и такимъ образомъ обширный отдѣлъ народной словесности, выражающій многія любопытныя мелочи народнаго быта, остается въ полной неизвѣстности.

Личныя и фамилныя прозванія остаются или вполнѣ непонятными, или ложно понятыми безъ предварительной справки объ ихъ значеніи у самихъ крестьянъ. Вполнѣ непонятными представляются, напримѣръ, прозвища: Кормысь, Низля, Кабза, Жиранъ, Мурза. Трудно догадаться безъ объясненія крестьянъ, что эти прозванія происходятъ отъ словъ кормить, нельзя, капказь-дучки (въ дѣтской игрѣ), жирафа, замурзать. Скорѣе всего можно опасаться, что для объясненія такихъ прозвищъ, какъ Кабза, Мурза, Кучмій, будутъ приняты во вниманіе сходныя татарскія слова гокка-базъ, кобза, мурза, кучумъ и т. п.

Между тѣмъ, прозвища подобнаго рода рѣдко указываютъ на татарское происхожденіе надѣленныхъ ими лицъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ указываютъ лишь на какую нибудь особенность въ ихъ наружности или въ образѣ ихъ жизни, напримѣръ, на то, что предокъ носилъ высокую шапку, кучму или ходилъ запачканный, замурзанный. Значеніе нѣкоторыхъ фамилныхъ и личныхъ прозваній, повидимому, ясно; въ дѣйствительности, мы соединяемъ съ такимъ прозвищемъ ошибочное представленіе о его происхожденіи и значеніи, и надлежащее его объясненіе иногда открываетъ какую нибудь любопытную мелочь народнаго быта. Возьмемъ, напримѣръ, одно, повидимому, совершенно простое уличное прозвище крестьянина Петренка *Маіорскій шуринъ*.

Крестьяне отравились на заработки въ Донскія степи; на пути имъ нужно было перейти черезъ мостъ. Сборщикъ, поставленный помѣщикомъ для взиманія платы за проѣздъ по мосту, хотѣлъ взять съ нихъ по 7 коп. отъ лошади, тогда какъ на висѣвшей около моста досчечкѣ было написано, что проѣздная плата по 3 коп. отъ лошади. Одинъ изъ крестьянъ, будучи безграмотнымъ, по увиди на доскѣ цифру, сталъ кричать, что сборщикъ беретъ лишнее, грозилъ пожаловаться пану, и, наконецъ, сказалъ, что онъ маіорскій шуринъ: „Въ нашемъ селѣ стояли солдаты, а ихъ маіоръ я женился на моей сестрѣ“. Сборщикъ повѣрилъ и взялъ по 3 коп. отъ лошади. Съ тѣхъ поръ не только Петренко, но и дѣти его прослыли Маіорами.

Характерной стороной личныхъ и фамильныхъ прозваній представляется ихъ крайнее разнообразіе по происхожденію и значенію, при звуковой иногда тождественности; напримѣръ:

Крест. Н. по прозванію *Панычъ*. Прозваніе получилъ потому, что родился отъ помѣщика.

Крест. Павленко, по прозванію *Панычъ*: ребенкомъ игралъ съ дѣтьми помѣщика.

Крест. Сябка, по прозванію *Панычъ*: былъ любимый сынъ матери, и мать часто обращалась къ нему съ словами: „мій голубчыку, мій панчыку!“

Крест. Малюкъ, по прозванію *Хворостякъ*: живетъ въ хворостяпой хатѣ, сплетенной еще его отцомъ.

Крест. Х., по прозванію *Хворостякъ*: кралъ хворостъ въ лѣсу и былъ пойманъ.

Крест. Загоруйко, по прозванію *Хворостъ*: ходилъ къ сосѣдямъ просить хворосту на плетень.

Крест. Пылянецъ, по прозванію *Бурьяновъ*: прозвище получилъ за высокій ростъ.

Крест. Горовый, по прозванію *Бурьяновъ*: покрылъ сарайчикъ бурьяномъ.

Крест. Р. по прозванію *Дрокинъ*: стоя на мѣстѣ, иногда отбрасываетъ ногами.

Крест. Петренки, по прозванію *Дрокины*: жили въ Дрокиномъ яру.

Различіе значеній при звуковомъ тождествѣ обяываетъ изслѣдователя къ осторожности при объясненіи старинныхъ фамильныхъ прозваній, сохранившихся въ актахъ, современными фамильными прозвищами. Такъ, въ описаніи границъ одной части Запорожья въ 1764 г., составленномъ войсковымъ старшиною Андреемъ Порохнею, говорится, что въ Дунаевскомъ байракѣ „сидѣлъ зимовникомъ казакъ Левушковскаго куреня Сидоръ Дунай давними временами“ (*Окалк.* I, 104). Въ объясненіе этого стариннаго фамильнаго названія можно замѣтить, что въ настоящее время въ купянск. у. харьковской губ. проживаетъ крестьянинъ Дунай, получившій это прозвище потому, что ходилъ на заработки къ Дунаю. Объясненіе это, при указанной выше особенности личныхъ и фамильныхъ прозваній, представляется лишь вѣроятнымъ, и не исключаетъ возможности иного значенія прозвища запорожскаго казака. Въ настоящее время прозвище Деркачъ носятъ крестьяне или потому, что въ дѣтствѣ ловили деркачей (скоростелей), или потому что произносятъ слова отрывисто, дерчатъ,

и какое изъ этихъ объясненій наиболѣе примѣнимо къ запорожскому полковнику Деркачу, нельзя съ точностью сказать. Въ области личныхъ и фамильныхъ прозваній болѣе чѣмъ въ какой бы то ни было другой области лингвистики оправдалось древнее классическое изреченіе *usus tyrannus dicendi*.

При объясненіи личныхъ и фамильныхъ прозваній нужно принимать также во вниманіе тѣ измѣненія, которыя терпятъ прозванія съ теченіемъ времени вслѣдствіе своеобразнаго проявленія народной этимологіи, при забвеніи основнаго значенія прозванія; на примѣръ:

Крест. Овчаренко, по прозванію *Однораль*: Предокъ его былъ на службѣ и дослужился, какъ говорятъ, до генеральскаго чина. Прозваніе генераль съ теченіемъ времени измѣнилось въ Однораль. Семья Овчаренка хранитъ воспоминаніе о своемъ знатномъ предкѣ; но ихъ одиосельчане соединяютъ съ этимъ прозваніемъ представленіе о плугѣ.

Крест. Голубятниковъ, по прозванію *Кониерь*. Прозваніе начинается склоняться къ значенію производнаго отъ слова конь, тогда какъ первоначально означало отставнаго каюпира, пушкря.

Крест. С. по прозванію *Жирачъ*. Прозвище это дано С—у за высокой ростъ во время покоса сѣна однимъ изъ грамотныхъ крестьянъ, который видѣлъ въ Естественной исторіи картину жирафа. Прозвище это теперь произносятъ Жирачъ и Жарачъ, сближая его то съ словомъ жиръ, то съ словомъ жаръ.

Обыкновеніе давать личные и фамильные прозвища, помимо и независимо отъ книжнаго или документальнаго личнаго или фамильнаго прозванія, встрѣчается не только въ южной, но и въ средней и въ сѣверной Россіи и въ другихъ славянскихъ странахъ, въ особенности въ Болгаріи ¹⁾. Въ Малороссіи обыкновеніе это обнаруживается особенно сильно и разносторонне, въ одинаковой степени какъ въ старину, такъ и въ настоящее время.

Уличные прозванія въ половинѣ XVII ст. отмѣчены были въ актахъ, какъ такое явленіе народной жизни, которое вносило нѣкоторый беспорядокъ въ теченіе административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Въ 1667 г. малорусскія фамильные названія вызвали недоразумѣніе и неудовольствіе стольника Кикина, пріѣхавшаго въ Полтаву для слѣдствія о столкновеніи козаковъ съ воеводой (*Солов.*, Ист. Рос. XII, 12—13). По свидѣтельству современника послѣдняго Коша запорожскаго Коржа,

¹⁾ Уличные клички по названіямъ растений и животныхъ соответствуютъ личнымъ именамъ у дикихъ и варварскихъ народовъ (см. *Леббока*, Нач. цивил. 300).—
Прим. авт.

„козакъ запорожскіе.. отъ малѣйшаго случая, поступка, походы или „калицтва“ (увѣчья) немедленно давали человѣку прозвище, которое уже навсегда оставалось при немъ. Такъ, кто отъ неосторожности сожжетъ курень или зимовникъ, того называли *Палиемъ*; кто готовить пищу или раскладываетъ огонь надъ водою, тому надали имя *Паливоды*. Кто ходитъ согнувшись отъ природы или отъ привычки, тотъ *Горбачъ*, или *Горбъ*, а если кто тощъ, блѣденъ и слабъ, тотъ *Гнида*. Если кто, противъ обычая запорожскаго, не любитъ мамалыги или тетери, главнѣйшихъ яствъ козачества, и варить себѣ кашу, того называютъ *Кашкою*. Козака очень малаго росту для смѣху называли *Махиною* (большой человѣкъ), а большаго роста— *Малютою*. Если кто скользя и падалъ, тотъ назывался *Смязкій*. Неулюжнихъ звали *черенахою*, шалуновъ—*святими*, лѣнивыхъ—*добрая воля*. Отъ такихъ случаевъ, говорить *Коржъ*, и отецъ мой, котораго настоящая фамилія была Жаданъ, въ Запорожѣ былъ прозванъ *Тараномъ*, т. е. круглымъ шестомъ, которымъ козакъ билъ коноплянное масло“ (*Скальк. I, 264*). Прозваніе самого рассказчика *Коржомъ* произошло отъ того, что онъ въ присутствіи козаковъ уналъ съ кургана, и козакъ закричалъ: „коржомъ, коржомъ свалыси“ (*ib. 265*). Крестный отецъ Никиты Коржа войсковый хорунжій Яковъ Качаловъ прозванъ былъ *Качалой* за одну качалку (катокъ), сдѣланную имъ въ 1741 (*ib., 265*). Г. Скальковскій въ куренныхъ реестрахъ 1750, 1762 и 1775 гг. насчиталъ 300 Тарановъ, 200 Черныхъ, 60 Вѣлыхъ, большаго числа Ковалей, Горбовъ, Шкапъ и т. п. Иногда эти прозвища дѣлались именами официальными; но чаще всего, особенно главная старшина оставляла прозваніе и называлась по имени отца; кошевые: Григорій Лантухъ назывался Федоровымъ, Данило Гладкій—Стефановичемъ, Василій Сычъ—Григорьевымъ, полковникъ Деркачъ—Семеновымъ, Николай Косанъ¹⁾ Тимофѣевымъ (*ib., 266*). Съ теченіемъ времени обыкновеніе давать уличныя прозвища или „клички“ не ослабло, и въ настоящее время столь же распространено, какъ въ старину. Изрѣдка прозвище идетъ отъ прадѣда, большею частью отъ дѣда или бабушки, отъ отца или матери, часто получено въ настоящее время живущимъ крестьяниномъ въ дѣтствѣ или уже въ зрѣлые годы. Наибольшая древность уличнаго прозванія большею частью не превышаетъ трехъ поколѣній, приблизительно сотни лѣтъ.

Прозванія по женской линіи родства столь же многочисленны, какъ и прозванія отъ прадѣда, дѣда и отца. Отъ матери къ ребенку прозвище переходитъ большею частью въ случаѣ ранней смерти отца.

Крест. Демьяненко, по прозванію *Клочекъ*: бабушка его жила въ селѣ Клочковѣ.

Крест. Черевикъ, по прозванію *Близнюкъ*: у его бабушки были два сына близнецы, изъ коихъ одинъ—отецъ Черевика.

Крест. Нетреба, по прозванію *Левчій*: бабушка его была изъ рода Левыхъ.

Крест. Корощенко, по прозванію *Маюръ*: баба его за гордый видъ и скоруя походку была прозвана Маюршей.

Встрѣчаются крестьяне съ уличными прозвищами *Вирченко*, *Марусенко*, *Одарченко*, по имени бабы или матери Вѣры, Маріи, Дарьи.

Крест. Краснокутскій, по прозванію *Малуха*: мать его была небольшого роста.

Крест. Д., по прозванію *Халайда*: мать его за скупость и неряшливость слыла халайдой.

¹⁾ Косанъ, отъ татарскаго слова казанъ, что значить рѣзникъ.

Крест. Р. по прозванію *Задыраченко*: мать его любила браниться, вызывала людей на сору.

Крестьян. Лысенко, по прозванію *Баловныченко*: мать, браня его, называла баловнемъ.

Крест. *Ганноченко*, по прозванію *Городничій*: прабабу его звали Анной, а мать до замужества проживала въ городѣ, была горожанкой, и слово городничій въ въ данномъ случаѣ означаетъ горожанина.

Крест. Гордіенко, по прозванію *Мельникъ*: жена его отличается изыскашею разгогарчивостью.

Крест. Б., по прозванію *Воръ*: жена его уворовала масло въ шинкѣ.

Крест. Лебедевъ, по прозванію *Кабанъ*: жена его была изъ семьи Кабановыхъ.

Крест. Д., по прозванію *Перемоть*: жена его выставляетъ себя ворожкой, колдуней; но ей люди не вѣрятъ, считаютъ ее обманщицей и зовутъ перемоткой, а мужа ея перемотомъ.

Встрѣчаются лица съ двумя уличными кличками при одномъ документальномъ фамильномъ прозваніи; напр., крест. Л. (по фамиліи отца), Пазиненко (по фамиліи отчима) и Свичкаръ (по прозвищу матери). Крест. З. по уличному Шкурать и Высынко (живетъ на горѣ).

Встрѣчаются довольно часто семейства, въ которыхъ мужъ и жена носятъ особенныя прозванія, полученныя ими самостоятельно.

Напримѣръ, крест. У. по уличному *Довій Михайло*, за высокій ростъ, а жена его прозывается *Лыней* за то, что однажды на базарѣ приставала къ мяснику съ просьбой: „продайте мени лынею“.

Нужно замѣтить, что встрѣчаются крестьяне съ однимъ только официальнымъ фамильнымъ прозваніемъ, которое идетъ и за уличное. Напримѣръ, крестьянинъ Ступакъ на вопросъ объ его уличномъ прозвищѣ отвѣтилъ: Ступакъ по книжному и по уличному. Такой же отвѣтъ былъ полученъ отъ крестьянъ Збаражскаго, Былынки, Лободы и многихъ другихъ.

Въ уличныхъ кличкахъ сохраняются воспоминанія о крѣпостномъ состояніи крестьянства, объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и объ отдѣльныхъ случаяхъ прошлой крѣпостной жизни. Одной изъ темныхъ сторонъ крѣпостничества было посягательство властныхъ помѣщиковъ на честь и нравственное достоинство крѣпостной женщины-крестьянки, посягательство, выраженное во многихъ произведеніяхъ новой малоруской литературы, преимущественно въ стихотвореніяхъ Т. Г. Шевченка. Эта темная сторона стариннаго крѣпостничества выразилась также во многихъ уличныхъ прозвищахъ, напримѣръ, въ прозвищахъ *Панья* (нѣкогда была пан-

ской фавориткой), *Панычъ, Панскій, Байструченко* (незаконно-рожденныя дѣти помѣщика). Другая темная сторона стариннаго крѣпостничества, выразившаяся въ уличныхъ прозвищахъ,—жестокое обращеніе панскихъ прикащиковъ или атамановъ съ крестьянами. Такъ, довольно характернымъ представляется уличное прозвище крест. Фесенка *Чистлякомъ*.

Прадѣдъ его былъ атаманомъ и, когда приказывалъ когонибудь выстѣть, то говоритъ: „отчистите его получше“, за что и получилъ названіе Чистлякъ. Не менѣе любопытно другое однородное прозваніе крестьянина Уманскаго *Балдой*. Лѣтъ сорокъ назадъ отецъ его былъ сборщикомъ и прибѣгалъ къ кулачной расправѣ съ несправными плательщиками. Если приходилось ударить кого по головѣ, то Уманскій выражался, что онъ ударилъ по балдѣ; или онъ только грозилъ побить балду.

Внимательный наблюдатель и правдивый рассказчикъ Г. Ѳ. Квитка въ своихъ повѣстяхъ на русскомъ языкѣ обрисовалъ добродушное и ласковое отношеніе помѣщиковъ дворянъ къ слугамъ и обратно, слугъ къ своимъ господамъ. Разумѣется, были часто печальныя исключенія; но общій патріархальный строй крѣпостной жизни располагалъ къ патріархальнымъ отношеніямъ прислуги къ господамъ, выражавшимся въ извѣстныхъ типахъ преданныхъ нянекъ, типахъ, отчасти закрѣпленныхъ въ изящной словесности, въ произведеніяхъ Пушкина и Тургенева. Эта черта стариннаго быта обнаружилась и въ уличныхъ прозвищахъ крѣпостнаго времени. Такъ, крест. Охвата получилъ прозваніе *Лужковскаго*, потому что служилъ у пана Лужковскаго, былъ преданный слуга, и Лужковскій, уѣзжая изъ дому, иногда обращался къ нему со словами: оставайся вмѣсто меня Лужковскій.

Иногда фамильное названіе пана случайно переходило въ уличное прозвище крестьянина. Такъ, крест. Малюковъ получилъ прозвище *Троянъ* потому, что похожъ былъ лицомъ на пана Трояна.

Однажды старикъ крестьянинъ на предложенный мною вопросъ, почему въ селѣ даютъ уличныя прозвища, отвѣтилъ: „А то старые люди въ шинкахъ понадавали“. Въ этомъ отвѣтѣ выразилось прежде всего неумѣніе отвѣтить на общій вопросъ, всегда трудный для неграмотнаго человѣка, затѣмъ презрительное отношеніе степеннаго и пожилаго человѣка къ уличнымъ прозвищамъ, наконецъ, общая всему простому народу склонность начало всѣхъ обычаевъ относить въ старину. Въ отвѣтѣ старика основательно его замѣчаніе о вы-

дающейся роли шинка въ происхожденіи личныхъ и фамильныхъ прозваній. Къ шинку до послѣдняго времени сходились многія стороны народнаго быта, за неизмѣнимъ въ сельскомъ бытѣ другаго пункта для бесѣды, развлеченія, хозяйственныхъ и торговыхъ сдѣлокъ; и изъ шинка вышло много пѣсень, поговорокъ, присловій и прозвищъ. На всемъ, что вышло изъ шинка, въ большей или меньшей степени, лежитъ отпечатокъ буйственнаго хмѣля, пьянственнаго бѣса, свившаго гнѣздо въ простомъ народѣ, вопреки многовѣковому, начиная съ Θεодосія Печерскаго, противодѣйствию ему со стороны лучшихъ людей страны. Пьянищія прозвища большею частью отличаются мѣткостью и выразительностью; напримѣръ:

Крест. П. по прозванію *Подорожникъ*: часто пьяный и спитъ на дорогѣ.

Крест. Т. по уличному *Болухъ*: когда бываетъ пьянъ, то говоритъ очень тихо.

Крест. Володажскій, по прозванію *Розбійляшка*: разбилъ однажды въ шинкѣ бутылку въ полъ-кварти воды.

Крестьянка Д. по прозванію *Пузачка*: дѣдъ ея однажды въ опьяненіи взлѣзъ на крышу своего дома и кричалъ: пугу, пугу, пугу!

Крест. К., по прозванію *Котъ*: однажды въ пьяномъ видѣ подлѣзъ подъ кровать и сталъ мяукаль.

Крест. И., по прозванію *Зализный*: въ пьяномъ видѣ говорилъ: у меня желѣзная душа.

Крест. Д., по прозванію *Дурногуляй*: неудачно гулялъ: или его побьютъ, или онъ кого нибудь побьетъ.

Крест. О., по прозванію *Улановъ*: въ пьяномъ видѣ пѣлъ уланскую пѣсню.

Крест. Д., по прозванію *Бытокъ*: въ пьяномъ видѣ дрался дбомъ.

Крест. П., мужъ и жена, по прозванію *Дерошинковы*: часто ссорятся и дерутся въ шинкѣ.

Крест. Перепелыца, по прозванію *Попойка*: мать его была шинкаркой. Когда въ шинкѣ собирался народъ и начинался шумъ, она говорила: „ну, пошла попойка!“

Изъ преступленій въ уличныхъ кличкахъ отразилось воровство. Извѣстна патріархальная простота и честность крестьянъ въ глухихъ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ отъ большихъ городовъ, фабрикъ и заводовъ и съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ крестьянъ. Въ такихъ селахъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, окна и двери лѣтомъ рѣдко на ночь запираются; предметы домашняго хозяйства и одежда безопасно оставляются на ночь на дворѣ, и если случится въ селѣ воровство, то виновникомъ считаютъ какого-нибудь прохожаго человѣка. Если въ воровствѣ попадаетъ кто либо изъ односельчанъ, то маленькій муравейникъ приходитъ въ большое движеніе, слухъ о воровствѣ и ворѣ обходитъ все село, обсуждается

во всѣхъ хатахъ, и провинившійся крестьянинъ получаетъ уличную кличку по тому предмету, который былъ украденъ. Къ этому ряду относятся прозванія:

Крест. З., по уличному *Жытнякъ*: воровалъ снопы въ полѣ.

Крест. З., по уличному *Медолокъ*: однажды укралъ медъ.

Крест. К., по уличному *Вижковый*: однажды укралъ на базарѣ ременища возжи.

Крест. Н., по уличному *Хамутовъ*: укралъ хомутъ.

Крест. Н., по уличному *Барановъ*: кралъ барановъ.

Крестьяне П—цы, по уличному *Курятныковы*: бабушка ихъ крала куръ.

Въ „Основѣ“ 1861 г. № 4 П. А. Кулишъ подвергъ суровому и несправедливому обсужденію повѣсти Гоголя изъ малорусской жизни. Между прочимъ, г. Кулишъ порицаетъ Гоголя за прозвища Довгочунъ, Голоуценко, Свербигузъ, Перерепенко. Авторъ могъ писать г. Кулишъ, давая своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой соблюдаетъ на свой ладъ ту же учтивость, что и мы грѣшныя, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни“. Далѣе, г. Кулишъ утверждаетъ, будто „малорусскому крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ“ прозваніе Довгочунъ, Свербигузъ, Перерепенко. Въ этихъ сужденіяхъ г. Кулиша выразилось влюбленное отношеніе интеллигенціи къ народу въ шестидесятыхъ годахъ. Вѣроятно, Гоголь слышалъ приведенныя выше прозвища. Среди малорусскихъ фамильныхъ и личныхъ, даже мѣстныхъ, названій встрѣчаются грубыя и даже неприличныя, съ моральной точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка. Что касается до введенія Гоголемъ подобныхъ именъ въ повѣсти, то намъ кажется умѣстно будетъ привести въ объясненіе одно мѣсто изъ его „Женитьбы“:

Агафья Тихоновна. А фамилія какъ?

Фекла. А фамилія Мванъ Павловичъ Ячишица.

А. Т. Это такая фамилія?

Фекла. Фамилія.

А. Т. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Феклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаеія Тихоновна Ячишица? Богъ знаетъ, что такое.

Фекла. И мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестись, коли услышишь.

Гоголь не могъ упустить изъ виду такого явленія въ языкѣ и бытѣ народа, какъ курьезныя личныя прозвища, и потому ввелъ ихъ въ свои произведенія.

Въ оправданіе Гоголя можно привести еще слѣдующее рѣшеніе волостнаго суда сорочинской (миргородск. у. полт. губ.) волости:

1871 г. мая 2-го. Козакъ К. жалуется на козака Р. за то, что онъ, въ присутствіи сельскаго схода, называлъ его не по фамиліи, а произнесъ другую фамилію Кацабей. Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое жалобщика, отвѣтчика и свидѣтелей. При спросѣ свидѣтелей, всѣ единогласно подтвердили жалобу К.; отвѣтчикъ Р. показалъ, что онъ дѣйствительно называлъ К. Кацабеємъ, не зная его по фамиліи по ревизіи. Это прозвище сказалъ ему на сходѣ въ то время козакъ Д. Вызванный въ судъ козакъ Д. показалъ, что дѣйствительно онъ говорилъ козаку Р. на сходѣ, при назначеніи лошадей, что есть лошадь у Кацабея, т. е. у К., — прозвище это есть по уличному. (Судъ по соображенію вышеизложеннаго находить, что хотя дѣйствительно нѣкоторые изъ жителей м. Сорочинецъ имѣютъ, кромѣ фамиліи по ревизіи, прозвища по уличному, но таковыя провозносятъ въ публикѣ не слѣдуетъ; да при томъ козакамъ Д. и Р., какъ жителямъ одного съ К. мѣстечка, не можетъ „быть неизвѣстна его дѣйствительная фамилія, а потому призналъ козаковъ Д. и Р. въ приложеніи другой фамиліи К. виновными, такъ какъ провозглашеніе прозвища въ публикѣ К. имѣлъ право принимать за обиду, то судъ опредѣлилъ: козаковъ Д. и Р. обязать испросить у К. за обиду христіанское прощеніе съ предупреденіемъ ихъ на будущее время подобныя прозвища не только къ К., но и никому другому не прилагать (*Труды* комиссіи по преобраз. волости. судовъ, т. IV. Сиб., 1873 г., 472, № 8.

Нравственное достоинство народа, его склонность къ общезжитію, вообще, степень его моральной и гражданской культуры находятъ надлежащее выраженіе въ разнообразныхъ формахъ ласки и привѣта, въ обиліи вышнихъ проявленій дружбы и взаимной любви. При этомъ, въ самомъ языкѣ обнаруживается обиліе мягкихъ и ласкательныхъ словъ и выраженій. Ласковые и привѣтливые элементы языка и обычаевъ въ совокупности всегда могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что усвоенная народомъ привѣтливость обусловлена не чувствомъ страха или личной приниженности, а широкимъ проявленіемъ всеобщаго народнаго сознанія, что homo homini non lupus, sed frater, началами христіанскаго братолюбія и культурно сильнаго общезжитія. Лучшіе люди всегда дорожили существующими въ народѣ обычаями взаимнаго привѣта и ласки. Еще Владиміръ Мономахъ около восьми вѣковъ назадъ совѣтывалъ: „человѣка не минѣте, не привѣчайше; добро слово ему дадите“. Есть прямыя указанія, что „доброе слово“ было весьма распространено и общино въ нравахъ южнорусскаго народа. Такъ, голландецъ Вердумъ, путешествовавшій въ Польшѣ и на Украинѣ въ 60-хъ годахъ XVII в., замѣтилъ въ своихъ запискахъ про вѣжливость поляковъ и южноруссовъ. „Въ русскомъ воеводствѣ, говоритъ онъ,

особенно развиты ласкательства женщинъ“ (*Пташицкій*, въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1878, СХСІХ, 89). По народнымъ понятіямъ стараго времени, пренебреженіе добрымъ словомъ влекло на виновнаго небесную кару. Такъ, въ думѣ о бурѣ на Черномъ морѣ говорится, что Алексѣй Поповичъ вызвалъ эту бурю, между прочимъ, тѣмъ, что

Мимо царской громады пробгавъ,
За своею гордошею шляпы не здѣймавъ,
На день добрый не дававъ (*Ант. и Драг. I. 180*).

Въ галицко-русской пѣснѣ ляхъ, проѣзжая мимо крестьянина въ то время, когда послѣдній пахалъ въ полѣ, не сказалъ ему „помогай Богъ“; за то крестьянинъ его „привитавъ—за чуприну похитавъ“ (Голов. II, 474).

Въ послѣднее время въ народѣ стали появляться насмѣшливыя клички по привѣтствію. Такъ; одинъ крестьянинъ названъ Низкопклоннымъ, другой Добрыдень; третій Здоровы булы. Возникновеніе уличныхъ кличекъ, въ родѣ трехъ вышеприведенныхъ, можетъ до нѣкоторой степени служить подтвержденіемъ основательности мнѣнія, что современный малороссъ потерялъ нѣкоторыя симпатичныя черты характера малоросса прошлыхъ столѣтій и, прежде всего, огрубѣлъ въ проявленіяхъ общежитія. Впрочемъ, спѣшимъ замѣтить, что факты эти настолько мелки и отрывочны, что на нихъ нельзя строить какіе либо положительные выводы о народной нравственности.

Въ уличныхъ кличкахъ сохраняются указанія на кустарные промыслы, какъ существующіе, такъ и прекратившіеся. Такъ, крест. Лугивецъ получилъ уличное прозвище *Свичкаръ* на томъ основаніи, что мать его „сукаетъ свѣчи“ для церковнаго употребленія. Обычай готовить изъ домашняго воска свѣчи для церковнаго употребленія мало-по-малу угасаетъ и теперь встрѣчается лишь въ немногихъ селахъ¹⁾. Крест. Катричь, по прозванію *Коцаренко*: его мать въ молодыхъ лѣтахъ занималась коцарскимъ ремесломъ, т. е. приготовляла ковры, коцы. Въ настоящее время этотъ кустарный промыселъ въ харьковской губерніи почти вполне прекратился. Дѣтъ сто назадъ харь-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ промыслѣ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, при обзорѣи остатковъ угасшихъ малорусскихъ кустарныхъ промысловъ.

ковскіе коцы были въ большомъ ходу, и выдѣлкой ихъ занято было много рукъ.

Развитіе кулачества въ селѣ повело къ возникновенію многихъ характерныхъ прозвищъ для кулака, напримѣръ, Глытай, Пыжикъ. Последнее прозвище встрѣчается въ харьковскомъ и валковскомъ уѣздахъ въ приложеніи къ гордымъ и грубымъ мужикамъ, разбогатѣвшимъ всякими правдами и неправдами на счетъ своихъ нуждающихся односельцевъ.

Въ уличныхъ прозвищахъ находятся указанія на бытующія въ настоящее время въ народѣ пѣсни. Напримѣръ:

Крест. Ляшенко, по прозванію *Зозуля*: мать Ляшенка любитъ пѣть пѣсню.

Закувала зозуленька, закувала;

Бидная моя головонька, що сама я...

Крест. Видаленко, по прозванію *Солоха*: пѣлъ часто пѣсню про бабу Солоху: „Нема, нема Солохи дома“ и проч.

Крестьянка Несмашная, по уличному *Крыштополянка*: любитъ пѣть извѣстную солдатскую пѣсню „Черная галка, чистая полянка, ты якъ Марусенька черноброва, чомъ не почуешь дома“, при чемъ слова „чистая полянка“ передѣлываетъ въ крыштополянъа.

Крест. Д., по прозванію *Еремилъ*: въ пьяномъ видѣ поетъ пѣсню про родныхъ братьевъ Ерему и Хому (вошла въ сборники пѣсень, напр. въ Кобзарь Остапа Вересая).

Въ простомъ народѣ обращено большое вниманіе на недостатки выговора словъ или на излишнее пристрастіе къ извѣстному слову, определенной фразѣ; множество уличныхъ прозваній обязано своимъ происхожденіемъ или особенностямъ въ выговорѣ словъ, или поговорокѣ. Такъ, по особенностямъ въ выговариваніи словъ произошли слѣдующія характерныя прозвища:

Крест. Д., по уличному *Цыркуць*: имѣетъ очень тонкій голосъ.

Крест. П., по уличному *Плякало*: заикается во время разговора.

Крест. К., по уличному *Хилъкъ*: говорить въ носъ.

Крест. З., по уличному *Деркачь*: говорить отрависто.

Крест. О., по уличному *Лепилъ*: когда говорить, то цмокаетъ или прищелкиваетъ языкомъ.

Крест. В., по уличному *Гулиный*: говорить въ носъ.

Крест. Рудъ, по уличному *Турко*: говорить поспѣшно и монотонно.

Крест. Кривый, по уличному *Балакъ*: разговорчивый.

Крест. Бій, по уличному *Мовчанъ*: молчаливый, угрюмый.

Во многихъ уличныхъ прозвищахъ обнаруживаются поговорки и присловія, свойственныя отдѣльнымъ лицамъ, иногда весьма странныя. Почти все прозвища этого рода совершенно непонятны безъ объясненія. Напримѣръ:

Крест. Ч., по прозванію *Колышолкино*: отецъ его имѣлъ привычку упо-
треблять въ разговорѣ слова „колы шо, якъ шо“. Выраженіе это означаетъ сомнѣ-
ніе, условность, въ смыслѣ поговорки „бабушка на двое сказала“.

Крест. Б., по уличному *Покамѣсть*: отецъ его часто употреблялъ слово
покамѣсть въ разговорѣ.

Крест. Т., по уличному *Ваньытакъ*: его любимая поговорка: бацны такъ.

Крест. У., по уличному *Долото*: любитъ повторять, особенно передъ обѣ-
домъ слѣдующее странное выраженіе: „ходите, будемо исты, грысты долото“.

Крест. З., по уличному *Чаранъ*: имѣетъ обыкновеніе въ началѣ разговора
вставить слѣдующую курьезную фразу: „чаранъ чотыры воропы за одну ногу“¹⁾.

Крест. Иващенко, по уличному *Сараевъ*: любитъ употреблять въ разговорѣ
поговорку: „друзалса сарай съ повиткою“.

Крест. Г., по уличному *Божемой*: отецъ его часто употреблялъ слова
„Боже мой“.

Крест. П., по уличному *Видыны*: отецъ его часто говорилъ „видишь“, обра-
щаясь къ другому лицу.

Крест. Г., по уличному *Ростакъ*: дѣдъ его при выраженіи неудовольствія
часто употреблялъ слово ростакъ.

Крест. Рыбалка, по уличному *Плескачъ*: когда кто вѣбудъ съ нимъ спорить,
то Рыбалка всегда возражаетъ: „мо ты плешешъ“, т. е. вадоръ говоришь.

Крест. Жукъ, по уличному *Душка*: свою жену называетъ душкой, когда ка-
ней обращается съ рѣчью.

Уличные клички представляютъ, между прочимъ, лексической
интересъ. Въ нихъ сохраняются слова, вышедшія изъ употребленія,
въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Напримѣръ, крест. Петреба
носитъ уличную кличку *Ариуганъ*. Повидимому, слово это пред-
ставляетъ мѣстное искаженіе слова харцызъ, — разбойникъ. Въ прош-
ломъ столѣтіи въ харьковской губерніи харцызами называли граби-
телей и разбойниковъ, выходившихъ изъ Запорожья. Затѣмъ, съ
падениемъ Запорожья, слово это стало выходить изъ употребленія и
искажаться.

Въ уличныхъ кличкахъ обнаруживаются мѣстные слова и вы-
раженія или мѣстные видоизмѣненія общихъ малорусскихъ словъ.
Напримѣръ, прозванію крестьянина Балдой указываетъ на существо-
ваніе въ харьковской губерніи слова балда въ значеніи головы.
болѣе сохранившейся въ словѣ „набалдашникъ“ — круглая ручка палки.
Въ турецкомъ языкѣ встрѣчается слово балда, балта въ значеніи
слуги при дворцѣ (*Denkschrift d. akad. Wissensch. in Wien*
1884. XXIV). Любопытно также встрѣчающееся въ харьк. губ.
въ уличныхъ кличкахъ слово галайда, халайда въ значеніи чело-

¹⁾ Первоначально въ этой фразѣ выразилась идея невозможности; затѣмъ
фраза эта обратилась въ висентизацию.

вѣка скупого и неряшливаго, слово гайда въ значеніи человека высокаго роста въ прозвищѣ одной женщины Гайдовой, слово скоблить въ значеніи бранить въ прозваніи крестьянина Скобленко, перемотать въ значеніи обманывать въ прозвищахъ Перемоть и Перемотка и т. п. слова. При составленіи толковаго словаря живаго малорусскаго языка, въ особенности его архаизмовъ, уличныя клички могутъ доставить любопытный матеріалъ.

Настоящая статья объ уличныхъ прозвищахъ составлена по устнымъ сообщеніямъ крестьянъ, записаннымъ отчасти мною, отчасти неизвѣстными мнѣ лицами въ двухъ уѣздахъ харьковской губерніи. Последнія записи любезно доставлены мнѣ П. В. Ивановымъ и А. А. Доброхотовыми. Записано всего около трехъ сотъ объясненій, число, очевидно, крайне незначительное сравнительно съ сотнями тысячъ, даже миллионами бытующихъ въ народѣ личныхъ и фамильныхъ прозваній. Настоящая статья такимъ образомъ представляется лишь слабой попыткой научнаго изслѣдованія громаднаго сыраго матеріала уличныхъ кличекъ. При составленіи статьи я руководствовался цѣлью указать, что личные и фамильныя прозванія заслуживаютъ собранія и спеціальнаго изученія со стороны этнографовъ, историковъ быта и филологовъ, и если цѣль эта статьей выполнена слишкомъ слабо, то виной тому, полагаю, является не самый предметъ изслѣдованія, а недостаточное количество имѣннагося у меня подъ руками матеріала, — объяснительныхъ записей уличныхъ кличекъ. Можно надѣяться, что съ накопленіемъ матеріала, научное изслѣдованіе личныхъ и фамильныхъ прозваній раскроетъ много любопытныхъ мелочей стариннаго и современнаго народнаго быта.

6.

Укращеніе змѣй.

Малорусскіе знахари обладаютъ искусствомъ скликать змѣй, при чемъ прибѣгаютъ къ пѣнію или пользуются ясенемъ. Въ купянскомъ у. харьк. губ. увѣряютъ, что между пастухами есть такіе, которые могутъ по желанію собирать змѣй, созывая ихъ игрой на сопи.лѣѣ, и даже приказывать имъ бросаться на людей по слову: коси.

Говорятъ, жила одна шинкарка, лѣчившая отъ укушенія змѣй. Называя змѣй женскими именами Марфа, Марія, она созывала ихъ и узнавала, какая изъ нихъ укусила человѣка. Разъ въ это время случился въ шинкѣ солдатъ. Онъ сталъ смѣяться надъ легковѣріемъ мужиковъ и увѣрять, что сползшіяся къ шинкаркѣ змѣи не ядовиты, безъ зубовъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ взялъ одну изъ этихъ змѣй; но тотчасъ былъ ею укушенъ, такъ что и самъ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ осмѣянной имъ шинкаркѣ (П. И., Харьк. Сбор. 1888. 96). Лѣтъ тридцать назадъ въ с. Боромлѣ ахтырскаго уѣзда жилъ одинъ глубокой старикъ, скликавшій змѣй. Онъ держалъ змѣй въ своей хатѣ, клалъ ихъ за пазуху, что, разумѣется, возбуждало къ нему уваженіе среди сосѣднихъ крестьянъ. Не могу теперь сказать, что это за змѣи были, безвредные ужи или ядовитыя гадюки. Въ Енеидѣ Котляревскаго кумская сивилла говоритъ: „гадюкъ умію замовлять“.

Въ одной картинѣ страшнаго суда старинной малорусской живописи, находящейся въ церковно-археологическомъ музеѣ при кievской духовной академіи, въ числѣ грѣшниковъ нарисованъ „чаровникъ съ змѣею и стекляною“ (*Покровскій*, въ Труд. одес. археол. съезда III, 327). Въ печати были указанія, что малорусскіе знахари пользуются ясеневымъ деревомъ, какъ средствомъ оцѣпенѣнія змѣй. Такъ, въ періодическомъ изданіи „Иллюстрація“, выходившемъ въ сороковыхъ годахъ, помѣщенъ рисунокъ Т. Г. Шевченка, представляющій малорусскаго знахаря, окруженнаго вызванными имъ змѣями, которыхъ онъ беретъ голыми руками. Въ замѣткѣ по поводу этого рисунка, вѣроятно, написанной самимъ же Т. Г. Шевченкомъ, сообщается, что знахари для укрощенія змѣи натираютъ свои руки и тѣло сокомъ ясеневаго дерева (*Харьковск. Сборникъ* 1887 г. вып. I, стр. 261—262). „Дѣло было еще при крѣпостномъ правѣ, говоритъ Н. И. Зарудный объ одномъ случаѣ укрощенія змѣй. Во время косовицы къ помѣщикамъ, которые не могли обойтись своими крестьянами, являлись наниматься въ косари и посторонніе люди, въ одиночку и артелями. Между такими людьми къ отцу моему приходилъ нѣсколько лѣтъ сряду одинъ уроженецъ ахтырскаго уѣзда, харьковской губерніи, съ которымъ отецъ любилъ иногда побалагурить. Однимъ лѣтомъ по окончаніи косовицы,

косари рассчитывались по обыкновенію; между ними былъ и ахтырецъ, который, повидимому, остался очень доволенъ и своимъ расчетомъ, и выпивкой, составляющей необходимую принадлежность расчета, и былъ въ особенномъ настроеніи духа. Онъ подошелъ къ отцу и въ благодарность за хорошій расчетъ вызвался показать ему свою дивную силу сзывать змѣй. Отецъ очень заинтересовался этимъ и предложилъ и мнѣ присутствовать на опытѣ. Мы отправились втроемъ въ нашъ обширный садъ; здѣсь, пройдя по ясеновой аллеѣ, ахтырецъ выломалъ большую вѣтку съ ясеня. Затѣмъ, остановившись на большой полянѣ, онъ поставилъ насъ на одно мѣсто и очертилъ ясеновой вѣткой кругъ, въ центрѣ котораго были мы. Послѣ того вѣтка была брошена имъ на очерченную окружность. Потомъ, ходя по окружности, онъ сталъ посвистывать какимъ то особеннымъ посвистомъ, обращиваясь въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько минутъ мы съ испугомъ увидѣли, какъ со всѣхъ сторонъ къ кругу начали сползаться змѣи, однако не переходя окружности. Ахтырецъ успокаивалъ насъ, говоря, что змѣи при немъ не осмѣлятся тронуть насъ, и самъ безбоязненно бралъ ихъ въ руки, ласкалъ всячески и, какъ бы разговаривая съ ними, называлъ ихъ женскими именами и клалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ за пазуху, потомъ вынималъ ихъ и спускалъ на землю. Наконецъ, взявъ одну изъ нихъ и, поласкавъ ее, проговорилъ: — „Ну, Горныно, иди-жь теперь и скажи своимъ подругамъ, щобъ симъ панамъ ни якои шкоды не робыли. Та гляды-жь мині!“ Отдавъ ей такое приказаніе, онъ пустилъ ее среди другихъ; затѣмъ велѣлъ всѣмъ змѣямъ уходить, что онѣ немедленно и исполнили, расползлись въ разныя стороны. Обратясь къ намъ, онъ спросилъ съ самодовольствомъ: „А чи бачили, якъ уся гадюки мене слухають?“ Змѣи дѣйствительно слушали приказаніе ахтырца. Прежде у насъ во время грабавицы, т. е. уборки скошенной травы, не проходило ни одного лѣта, чтобы змѣи не искушали работниковъ, но съ этого случая у насъ не встрѣчалось ни одного укушенія змѣями. Я совмѣстно съ отцомъ присталъ къ этому сзывателю змѣй и просилъ его открыть мнѣ свой секретъ, но онъ, несмотря на все посулы съ нашей стороны, упорно отказывался, увѣряя, что не имѣетъ на это права. Онъ сдѣлалъ, впрочемъ, мнѣ маленькую уступку и рассказалъ объ особенномъ вліяніи ясене-

ваго дерева на змѣй вообще. Если встрѣтится ползущая змѣя, то, накрывъ ее свѣжею ясеневой вѣткой, можно заставить ее свернуться въ спиральное кольцо, и она будетъ оставаться неподвижной, пока вѣтка будетъ лежать на ней, и уползетъ только тогда, когда вѣтка съ нея снимется. Это мнѣ случалось самому испытывать нѣсколько разъ. Такая способность человѣка сзывать змѣй и командовать ими была до того поразительна для меня, что, ослѣбъ я не былъ самъ очевидцемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ опыта, то никогда бы не повѣрилъ ничему подобному“ (*Харьк. Сб.* 1887. I, 261). Отъ змѣинаго укуса на Руси примачиваютъ больное мѣсто ясеневымъ отваромъ или прикасаются къ ранѣ обмакнутымъ въ него пальцемъ. Въ Германіи ужаленымъ змѣей давали пить ясеневый сокъ (*Аванисъевъ. Поэт. возвр. слав.* II. 282).

Укрощеніе змѣй въ южнорусской народной жизни занимаетъ исключительное мѣсто, какъ рѣдкое и странное явленіе. Повидимому, искусство укрощать змѣй заимствовано малороссами отъ цыганъ. По сообщенію одного харьковскаго старожила, лѣтъ сорокъ назадъ подъ Харьковомъ останавливались какіе то необыкновенные цыгане, можетъ быть, румынскіе, и въ числѣ разныхъ продѣлываемыхъ ими фокусовъ было укрощеніе змѣй. Въ любопытномъ сочиненіи о народахъ Турціи, составленномъ женой и дочерью англійскаго консула (безъ обозначенія фамилій), въ главѣ о болгарскихъ суевѣріяхъ, между прочимъ, читаемъ: „мнѣ случилось видѣть однажды цыгана съ цѣлымъ мѣшкомъ змѣй, переброшеннымъ за спину наверхъ тулуна. Прохожій, привлеченный странными движеніями мѣшка, хотѣлъ оцунать его; но едва приложилъ руку, какъ дорого заплачено за свое любопытство: одна изъ змѣй жестоко ужалила его“ (II. 147). Ловлей и укрощеніемъ змѣй занимаются также закавказскіе цыгане племенъ Боша и Карачи. Такъ, жители гарнибасарскаго магала эриванской губерніи, принадлежащіе къ цыганскому племени Карачи, промышляютъ ловлей змѣй, которыхъ носятъ въ рубахахъ за пазухой и въ рукавахъ платья; съ усмиреными змѣями они развѣзжаютъ по деревнямъ и показываютъ ихъ суевѣрному народу, совершенно увѣренному, что эти люди обладаютъ волшебной способностью. Иные берутся вызывать змѣй, что и дѣлаютъ посредствомъ свиста (*Паткановъ, Цыгане*, 73). Смѣло можно предположить, что

и южнорусскіе цыгане обладаютъ искусствомъ скликать змѣй и дѣлать ихъ безвредными, по тому уже, что по образу жизни и нравамъ они очень сходны съ цыганами болгарскими, закавказскими и др. Ихъ языкъ, занятія, ремесла одинаковы. Мужчины занимаются кузнечнымъ дѣломъ, коновальствомъ, барышничествомъ, музыкой, женщины — гаданіемъ, ворожбой, попрошайничествомъ, пѣніемъ и пляской. У цыганъ укрощеніе змѣй является простымъ дополненіемъ къ цѣлому ряду практикуемыхъ ими приемовъ ворожбы и попрошайничества. Предположеніе о томъ, что и южнорусскіе цыгане обладаютъ искусствомъ укрощать змѣй, находитъ косвенное подтвержденіе въ старинной вертепной драмѣ: Змѣя кусаетъ запорожца за ногу, и онъ обращается къ цыганкѣ съ просьбой вылѣчить его (*Маркевичъ*, Обыч. малорос. 52).

Близкое соприкосновеніе народовъ, хотя бы и весьма различныхъ по языку, нравамъ и обычаямъ, никогда не обходится безъ взаимнаго вліянія. Естественно, что наиболѣе поддающейся стороной является слабая въ культурномъ отношеніи народность, въ данномъ случаѣ цыгане, но и къ народности сильной, вліятельной всегда что нибудь пристаесть, хотя бы нѣчто очень малое, напримѣръ, нѣсколько словъ, техническихъ терминовъ, нѣсколько обычаевъ. Цыгане появились на Волыни уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка, и позднѣе въ другихъ мѣстахъ южной Россіи. Въ XVIII ст. появляются законодательныя мѣры противъ цыганъ, устанавливающія особый съ нихъ сборъ и отчасти ограничивающія свободу ихъ передвиженій (*Паткановъ*, 14). Цыгане сдѣлались непремѣнными участниками на всѣхъ конскихъ ярмаркахъ, приобрѣли незавидную репутацію конокрадовъ и барышниковъ-обманщиковъ и вошли во многіе народные повѣсти и рассказы, въ смыслѣ людей плутоватыхъ и глупыхъ. Уже фактъ существованія народныхъ рассказовъ о цыганахъ (см. *Чуб.*, Труды II, 105; *Драг.*, Народ. пред. и разск. 190 и др., *Новос.*, Lud ukr. II, 212 и др.) указываетъ на то, что этотъ страннѣйшій народъ обратилъ на себя вниманіе южнорусскаго народа.

Малороссіяне говорятъ, что надъ цыганами и святыя смѣются, и при такомъ общемъ взглядѣ на этотъ бѣдный и грубѣйшій народъ, они, понятно, очень немногое могли стѣ него позаимствовать. Повидимому, заимствовано нѣсколько словъ, повѣрій и заклинаній.

Такъ, если не ошибаюсь, изъ цыганскаго языка заимствованы слова *хымородникъ* въ значеніи колдуна, знахаря, хотя у цыганъ слово это означаетъ кузнеца, харьковское слово *ракло* въ смыслѣ вора и бродяги, босяка, жулика, хотя у цыганъ слово это обозначаетъ молодца, слово *мандрыка* (хлѣбъ) въ значеніи лешки изъ хлѣба и сыра.

Научныя изслѣдованія Потта и Миклошича установили, какъ неопровержимый фактъ, что родина цыганъ Индія и языкъ ихъ—индійскій. Отсюда же, изъ Индіи, они, должно быть, вынесли искусство ловить и укрощать змѣй. Индія—царство разнообразныхъ змѣй, громадныхъ и ядовитыхъ. Несмотря на то, что англійское правительство принимаетъ энергичныя мѣры для ихъ истребленія, число ихъ громадно. Въ 1883 г. ихъ истреблено, по официальнымъ даннымъ, 322,421. Одному президентству Бомбея было предъявлено 262,384 убитыхъ змѣй. При всемъ томъ, число человѣческихъ жертвъ отъ ихъ укушенія въ иные годы доходитъ въ Индіи до 20,000. Въ прошломъ году отъ укушенія ядовитыми змѣями погибло 11,980 человѣкъ.

Естественно, что такое грозное явленіе индійской жизни, какъ обиліе ядовитыхъ змѣй, отразилось на религіозныхъ вѣрованіяхъ и на знахарствѣ индусовъ. Съ одной стороны змѣи были обоготворены, съ другой найдены были средства ихъ ловить и укрощать. Культъ змѣй существовалъ въ древности въ Индіи, Египтѣ, Финикіи, Вавилонѣ, Греціи, Италіи и еще нынѣ встрѣчается въ Индіи, въ Персіи и у разныхъ африканскихъ народовъ¹⁾. Ловля и укрощеніе ядовитыхъ змѣй издавна стоятъ въ Индіи на высокой степени совершенства, и въ сочиненіяхъ лицъ, побывавшихъ въ Индіи, находится много удивительныхъ разсказовъ на эту тему. Нѣкоторые разсказы этого рода, можетъ быть, преувеличены или подкрашены, напримѣръ, у Жаколио и Радда-Вай. Наиболѣе достовѣрныя извѣстія объ индійскомъ укрощеніи змѣй см. въ 5 томѣ „Иллюстр. жизни животныхъ“ Брема, с. 249—257. Въ древности искусствомъ укрощать змѣй славились псыллы, жившіе внутри Киренайки въ песча-

¹⁾ *Левбокъ*, Начало цивилиз. 193; *Спенсеръ*, Основ. социологіи I, 359, и особенно подробно у *Nagele*, Der Schlangenkultus въ Zeitschr. f. Völkerpsychologie. 1888. XVII. 3 p. 264—289.

ныхъ пустыняхъ. Объ нихъ упоминають Геродотъ, Страбонъ и Плиній (см. словари классич. древн. Паули и Любкера).

Въ настоящее время въ Индіи отъ укушенія змѣй лѣчатся змѣинымъ камнемъ, приготовляемымъ браминами изъ смолы, явисти и пережженной кости, или корнемъ растенія аристолохіи (*Времъ*, V, 255). Если только сокъ ясеня дѣйствительно помогаетъ при укушеніи змѣей, то его могли употреблять въ мѣстахъ произрастанія ясеня, можеть быть, въ гористыхъ и теплоумѣренныхъ странахъ сѣверо-западной Индіи, откуда, по мнѣнію ученыхъ, изучавшихъ цыганскій языкъ, вышли цыгане. Въ Европѣ въ области распространенія ясеня (*fraxinus exelcior*) лежатъ Карпаты, западная и южная Россія, Кавказъ, Швейцарія (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 196). Ясень, какъ цѣлбное средство отъ укушенія змѣй, въ Россію и въ Германію могъ проникнуть черезъ цыганъ, а въ южныя европейскія страны и помимо цыганъ, другими, неизвѣстными намъ путями, такъ какъ оцѣнивающее свойство ясеня было извѣстно еще римлянамъ, слѣдовательно задолго до появленія цыганъ въ Европѣ. Въ германскихъ и славянскихъ мифахъ ясень является священнымъ всемірнымъ деревомъ, и тутъ нелишнимъ будетъ поставить вопросъ, не содѣйствовало ли такому представленію ясеня его оцѣнивающее дѣйствіе на ядовитыхъ змѣй? Что это свойство ясеня было извѣстно уже въ древности, видно изъ словъ Пливія (*lib. 16, cap. 13*). „*Adeo inimica, говорятъ Плиній о fraxinus exelcior, arbor serpentibus, ut ne matutinas quidem occidentesve umbras quamlibet spatiosus, ejus serpens attingat, ac si frondibus ejus claudatur cum igne, in ignem potius, quam in fraxinum fugiat*“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прошлое переяславскаго духовнаго училища.

(БЫВШЕЙ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ СЕМИНАРИИ).

13 октября 1888 года исполнилось полтараста лѣтъ со времени основанія переяславскаго духовнаго училища.

Время и пожары истребили архивные документы за первые сто лѣтъ его существованія, а пополнить этотъ недостатокъ изустными разсказами нѣтъ возможности, такъ какъ дѣятели того времени и лица, близко стоявшія къ училищу, давно покоятся вѣчнымъ сномъ.

Итакъ, приходится говорить о началѣ училища только на основаніи тѣхъ немногихъ извѣстій, которыя извлечены изъ случайныхъ и часто неполныхъ источниковъ.

Основано училище въ 1738 году Арсеніемъ Берло, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Дѣло это задумано было епископомъ Арсеніемъ гораздо раньше. Еще въ 1737 г., желая открыть при своемъ архіерейскомъ домѣ училище для подготовленія достойныхъ пастырей церкви, онъ собиралъ въ своей епархіи точныя свѣдѣнія о числѣ священническихъ и причетническихъ дѣтей, обучающихся въ кievской академіи и могущихъ войти въ составъ проектируемаго имъ училища¹⁾. Въ слѣдующемъ году полученъ былъ указъ императрицы Анны Іоанновны о заведеніи училищъ при архіерейскихъ домахъ. Это еще болѣе возбудило ревность еп. Арсенія, и онъ немедленно приступилъ къ осуществленію своихъ намѣреній. Въ іюль 1738 года во всеѣ духовныя правленія переяславской епархіи разосланъ былъ слѣдующій ордеръ:

¹⁾ Дѣла бывшаго переясл. дух. правленія, хранящіяся при и-скомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

„По благословенію великого господина, ясне в Богу Пресвященнѣйшаго, Курь Арсенія Берло, Божією милостію православнаго епископа переяславскаго и бориспольскаго, з духовной консисторіи катедры переяславской всечестнымъ протопопамъ... предлагается... избравъ въ самой скорости священническихъ сыновъ искусныхъ и удобныхъ къ наученію латинскому, имѣющемуся при домѣ архіерейскомъ зачати, выслать тѣхъ дѣтей къ первому числу предъидущаго іюля сего 1738 года непремѣнно, опасуясь за небреженіе свое гнѣва архипастырскаго и за преслушаніе указовъ наказанія. Дѣтей же показанныхъ (рописавъ тѣхъ имена, лѣта и по отчеству) выслать въ катедру таковыхъ, дабы они изучены были псалтири и писать хочай мало бѣ умѣли и протчихъ чтеніе славянское умѣющихъ, такъ священническихъ, якъ и причетническихъ сыновъ“¹⁾.

Какія то, неизвѣстныя намъ, обстоятельства помѣшали открыть училище 1 іюля, какъ желалъ того епископъ. Изъ другихъ его указовъ мы узнаемъ, что открытіе совершилось 2 окт. 1738 года; въ одномъ изъ нихъ сказано, чтобы священники, имѣющие сыновей, представили бы ихъ непремѣнно къ этому числу для обученія *подъ опасеніемъ за непоставку непоблажнаго штрафа и наказанія*, а въ другомъ, отъ 6 ноября, говорится: „за Божією помощью при катедрѣ нашей переяславской устроили училища, и уже въ нихъ собравшіеся ученики славянолатинскаго ученія обучаются“²⁾.

Мѣсто для училища отведено было въ оградѣ архіерейскаго Вознесенскаго монастыря, гдѣ и нынѣ помѣщается классный дворъ училища. По просьбѣ еп. Арсенія для постройки училищнаго корпуса настоятель Кіево-печерской Лавры Иларіонъ Негребецкій подарилъ четыре хаты—*будинки, прозываемаго Томаринскаго, за ртчкою стоячіе*³⁾. Для перевозки этихъ будинковъ потребовалось пятьдесятъ подводъ *поодноконь*. Подводы были собраны отъ священниковъ,—кто давалъ лошадь, кто возъ, кто человѣка къ подводѣ. Хаты были перевезены въ срединѣ іюля и

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Полт. Еп. Вѣд. 1878 г. № 2-й.

³⁾ Тамъ же.

сразу началась постройка класснаго зданія. 22 сент. еп. Арсеній разослалъ по протопоіямъ указъ, которымъ извѣщалъ духовенство, что училищное зданіе уже сооружено, но нужно еще: „звнутриъ вычистивъ, землю насыпать и округъ стѣны и зверху стели глиною помазывать, да и прочее, что потреба укажетъ, обрывать надлежить“. Такъ какъ монастырскіе послушники не могли всего этого сдѣлать, то Арсеній требовалъ выслать причетниковъ съ подводами. „Собрать тѣи подводы, писалъ онъ, безобидно; у одного священника возъ, въ другого лошадь, а отъ третьяго—кто къ подводѣ человѣка сопредѣлить. Да прилѣжно сего смотрѣть, были бы возы порядочные и конѣ добріе, ибо яко общая потреба, а не наша персональная архіерейская, такъ со всего общества вспомошествованіе къ строенію указанныхъ школъ быть должно“¹⁾.

На ряду съ этимъ преосвящ. Арсеній заботился объ устройствѣ матеріальнаго быта своихъ будущихъ питомцевъ. Вопросъ этотъ занималъ основателя задолго до открытія училища. Такъ какъ монастырь и архіерейскій домъ не могли содержать школы исключительно на свои средства, то Арсеній рѣшился привлечь къ этому дѣлу церкви и духовенство епархіи. 6 мая 1738 года разосланъ былъ указъ, которымъ предписывалось всѣмъ протопопамъ епархіи избрать по три священника и съ ними составить точныя описи угодій всѣхъ церквей и доходовъ духовенства каждой протопошіи, и на основаніи этого опредѣлить, сколько каждый приходъ и причтъ можетъ дать на содержаніе училища,—деньгами ли, мукой, медомъ, или дровами. Дѣло это велось весьма осторожно. Составленныя на основаніи указа комиссіи должны были являться къ архіерею за полученіемъ благословенія и надлежащихъ инструкцій, и затѣмъ уже составлять описи строго правдиво, безъ утайки, *подъ страхомъ лишенія чина и жестокаго наказанія*²⁾. Миссію свою они исполнили въ томъ же году, и съ августа уже началась доставка продуктовъ со всѣхъ концовъ епархіи. На первыхъ же порахъ встрѣтилось

¹⁾ „Указная книга“, хранящаяся при церкви с. Войтова, переяславск. уѣзда.

²⁾ Тамъ же и Полт. Еп. Вѣд. 1888 г. № 20.

затрудненіе въ доставкѣ продуктовъ изъ отдаленныхъ протопопій, и Арсеній разрѣшилъ доставлять вмѣсто продуктовъ деньгами по опредѣленной оцѣнкѣ ¹⁾. Въ дополненіе къ этому въ указѣ отъ 6 ноября еп. Арсеній писалъ духовенству: „Для учениковъ со всей епархіи отъ церковныхъ пожитковъ и священническихъ доходовъ по учиненному расположенію только одна пашня, да мука пшеничная, да гречневая отчасти собрана, а то еще не совсѣмъ,—понеже круповъ, сыра, масла и прочихъ къ пропитанію не имѣется, а въ ономъ расположеніи не опредѣлено, безъ чего всячески обойтись невозможно“. Посему еп. Арсеній просилъ духовенство высылать продукты *по вновь учиненному расположенію* ²⁾.

Ко 2-му октября трудами присланныхъ причетниковъ училищныя зданія были окончены и началось ученіе. Открыты были шесть классовъ: *фара, инфима, грамматика, синтаксима, поэтика* и *риторика*. Въ составъ низшихъ классовъ вошли дѣти духовенства, обучавшіяся дома, а старшихъ—тѣ, которые прошли уже низшіе классы въ кievской академіи, а теперь могли перейти въ свою епархіальную школу.

Совершенно неизвѣстно, сколько было учениковъ въ новооткрытомъ училищѣ и кто были первые начальствующіе и учащіе. Нужно думать, что учениковъ было немного, а учителя были вызваны изъ кievской академіи. Отъ 1743 года встрѣчаемъ извѣстіе, что еп. Арсеній обращался къ Кіево-Печерскому архимандриту Тимоѳею Щербацкому съ просьбою прислать ему двухъ ученыхъ монаховъ для риторическаго и пiятическаго преподаванія въ заведенной имъ школѣ. Но были ли присланы просимые ученые и кто они были, опять остается неизвѣстнымъ.

За первые 60 лѣтъ существованія училища мы не имѣемъ ни одного списка учениковъ. Только въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1888 г. напечатана была открытая гдѣ то въ семейномъ архивѣ въ переяславскомъ уѣздѣ *Роспись въ школахъ славено-латинскихъ при домѣ архіерея переяславскаго имѣю-*

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

щихся учениковъ со изъявленіемъ о бытіи ихъ во святую четыредесятницу у исповѣди и св. таинъ причастія 1744 года. При скудости матеріала для исторіи переяславскаго училища это весьма интересный документъ. Изъ него мы узнаемъ имена первыхъ учителей по неточнымъ, впрочемъ, подписямъ ихъ по листамъ въ видѣ скрѣпы. Здѣсь видны подписи: префекта училищъ славено-латинскихъ переяславскихъ Іоанна, іерея Михаила Исаевича и какого то Григорія. Всѣхъ учениковъ по *Росписи* 130; частіе, въ фарѣ—17, въ инфимѣ—18, въ грамматикѣ—11, въ синтаксимѣ—40, поэтикѣ—16 и риторикѣ—28. Каждый ученикъ названъ по имени, отчеству и фамилии съ обозначеніемъ лѣтъ отъ роду. Видно, что число лѣтъ не принималось въ расчетъ при опредѣленіи ученика въ тотъ или иной классъ: есть ученики 11-ти и 25-ти лѣтъ; много учениковъ возрастомъ свыше 20-ти лѣтъ. 25-ти-лѣтній ученикъ былъ въ синтаксимѣ; риторикѣ онъ могъ окончить 27-ми лѣтъ, а если бы пожелалъ пройти философскій и богословскій классы въ кievской академіи, то вышелъ бы изъ за скамьи тридцатилѣтнимъ мужемъ. По фамиліямъ учениковъ, значащихся въ *Росписи*, можно судить, что въ училищѣ было много дѣтей лицъ свѣтскихъ,—козаковъ и мѣстной старшины.

7 іюня 1744 года епископъ Арсеній скончался ¹⁾. Трудами его дѣло устройства училища еще не было вполнѣ закончено. Достойнымъ преемникомъ его въ этомъ отношеніи былъ еп. Іоаннъ Козловичъ, вступившій на переяславскую кафедру въ

²⁾ Сообщаемъ нѣсколько отдѣльныхъ біографическихъ данныхъ объ Арсеніи (въ мѣрѣ Андрей) Берло. Родился онъ въ с. Памфилахъ переяславскаго уѣзда и происходилъ изъ дворянской фамиліи. Отецъ его умеръ въ санѣ протоіерея переяславской Покровской церкви. Воспитывался Андрей Берло въ кievской академіи, постриженъ въ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ, былъ архидіакономъ при кievскомъ митрополитѣ Іоасафѣ Кроковскомъ, затѣмъ архимандритомъ кievскаго Межигорскаго монастыря; въ 1729 году былъ посвященъ во епископа бѣлорусскаго, а въ 1733 г. переведенъ на переяславскую кафедру. Время сохранило благородныя черты еп. Арсенія на портретѣ, который принадлежитъ гг. Ильяшенковымъ, живущимъ въ с. Памфилахъ,—родственникамъ преосвященнаго. Въ церкви этого села имѣется евангеліе съ собственноручною подписью Арсенія: „отъ книгъ Преосвященнаго Арсенія епископа Переяславскаго и Бориспольскаго“.

1753 году. До этого времени онъ послѣдовательно проходилъ должности—профессора, префекта и ректора славяно-греко-латинской московской академіи, а потому дѣло устройства училища въ Переяславѣ было ему по сердцу. Училище уже просуществовало 15 лѣтъ. Число учащихся, естественно, увеличивалось, такъ что зданія не могли вмѣстить всѣхъ воспитанниковъ. Еп. Іоаннъ строить новый каменный подъ желѣзомъ корпусъ о четырехъ классныхъ комнатахъ,—зданіе по тому времени богатое и настолько прочное, что просуществовало и по настоящій день безъ капитальнаго ремонта. Это нынѣшній классный корпусъ, находящійся въ оградѣ монастыря ¹⁾. Откуда могли быть добыты средства для такой цѣнной постройки? Вопросъ этотъ краснорѣчиво рѣшаетъ намъ донесеніе переяславской консисторіи святѣйшему Синоду о смерти еп. Іоанна Козловича, послѣдовавшей 16 марта 1757 года, черезъ четыре года по вступленіи его на кафедру. Консисторія была поставлена въ затруднительное положеніе,—не на что было похоронить епископа; послѣ покойнаго не осталось совершенно ничего; все имущество и доходы онъ истратилъ на устройство переяславской семинаріи. Консисторія спрашивала св. Синодъ, откуда взять нужную сумму на погребеніе усопшаго епископа ²⁾.

Есть предположительное извѣстіе, что заботами этого же архіерея построенъ домъ для бѣдныхъ учениковъ, т. н. бурса, внѣ ограды монастыря, близъ крѣпостнаго вала. Если такъ, то при еп. Іоаннѣ отстройка училища была закончена.

Каковъ же былъ внутренній строй училища?

Въ сохранившихся документахъ училище называется различно,—то *латинскими школами*, то *славяно-латинскимъ училищемъ*, то *переяславскою* или *малороссійскою семинаріею*, а въ одномъ документѣ мы встрѣчаемъ даже названіе *коллеіума*. По

¹⁾ Надъ двумя изъ наружныхъ входовъ этого зданія хорошо сохранились интересныя лѣпныя изъ алебаstra изображенія. На одномъ внизу видѣется безформенная масса, а надъ нею полукругомъ огненные языки и голубь; это, кажется, видъ первобытнаго хаоса, надъ которымъ послѣдовалъ животворящій Духъ Божій. На другомъ—красивая монограмма еп. Іоанна Козловича съ архіерейскими атрибутами.

²⁾ Полт. Еп. Вѣд. 1867 года, № 20, стр. 306.

нашей современной терминологіи правильнѣе было бы назвать его *просеминаріей*, такъ какъ въ немъ до полного курса семинаріи не доставало философскаго и богословскаго классовъ. Классы эти были открыты впоследствии, именно,—философскій въ 1774 г. при еп. Іовѣ Базилевичѣ, а богословскій въ 1778 г. при еп. Иларіонѣ Кондратковскомъ. Въ 1785 г. классы эти опять были закрыты вмѣстѣ съ упраздненіемъ (временнымъ) переяславской епархіи. Окончательное открытіе ихъ послѣдовало какъ разъ на рубежѣ 18 и 19 столѣтій. Начальствовавшіе въ этой неполной семинаріи носили названіе не ректоровъ, а префекторовъ, съ каковымъ званіемъ соединялись, собственно, инспекторскія обязанности.—Учебно-воспитательное дѣло, нужно думать, велось такъ, какъ и въ другихъ южно-русскихъ училищахъ того времени, главнымъ образомъ, въ кіевской академіи. Послѣдняя, какъ извѣстно, была основана въ началѣ 17-го столѣтія для подготовленія достойныхъ борцовъ за православіе противъ римскихъ католиковъ, желавшихъ ввести унию въ южной Руси. Для этой борьбы необходимо было знаніе латинскаго языка и умѣнье вести полемику и диспуты на немъ. Во время открытія переяславской семинаріи, съ одной стороны, борьба съ унией еще не улеглась, съ другой, — не имѣлось учебныхъ заведеній другаго образца, такъ что мы безошибочно можемъ утверждать, что переяславская школа была устроена исключительно по типу старшей сестры своей—кіевской академіи. Да и изъ рассказовъ нашихъ предковъ извѣстно, что главнымъ предметомъ преподаванія въ переяславской славяно-латинской школѣ былъ латинскій языкъ,—на немъ были учебники, на немъ читались лекціи, произносились рѣчи, производились диспуты и проч. Уже начиная съ класса грамматики ученики пріучались говорить по латыни; каждый изъ нихъ снабжался книжкою, заключающею въ себѣ болѣе употребительныя фразы въ разговорахъ. Лучшимъ искусственнымъ средствомъ для изученія латинскаго языка, какъ и въ кіевской академіи, считался *calculus*,—такъ назывался небольшой бумажный сверточекъ, который давали тому ученику, который по неосторожности въ разговорѣ употреблялъ русское слово вмѣсто латинскаго. Получившій *calculus* долженъ былъ

стараться до наступления ночи сдать его другому, если же это не удавалось, то злополучный владѣлец *calculus*-а подвергался сѣченію розгами. Приходится иногда и теперь слышать рассказы отъ старыхъ священниковъ о курьезныхъ случаяхъ, когда едва начинающій изучать латину ученикъ путалъ русскія слова съ латинскими. Такъ, одинъ бурсакъ жаловался префекту на товарища: *Domine Praefecte! Ego йшовъ, ille—пхнувъ, его поко- тывся, pasus розбывся, а sanguis—дзюръ-дзюръ...*—Другимъ средствомъ служило возбужденіе соревнованія въ написаніи экзерцицій. За хорошее сочиненіе на латинскомъ языкѣ ученикъ могъ получить то, что принадлежало его товарищу. Напр., если ученикъ находилъ, что товарищъ его слабѣе въ наукахъ, однако въ классѣ занимаетъ мѣсто выше его, то писалъ сочиненіе по латини, надписывалъ его: *de loco*, во вложенной въ упражненіе записочкѣ указывалъ товарища, на мѣсто котораго онъ предъявляетъ претензію, и подавалъ учителю. Конкуррентъ его, въ свою очередь, долженъ былъ писать экзерцицію, и если она оказывалась слабѣе, чѣмъ претендента, то лишался своего мѣста¹⁾. Говорятъ, что сочиненія подобнаго рода надписывались не только *de loco*, но даже *de coena*, *de candella* и проч. Вообще же на каждомъ сочиненіи *domino magistro* полагалась рецензія, часто довольно витиеватая и остроумная, напр.: *taliter, qualiter,—nihil fundamentaliter* (сякъ да такъ—не выйдетъ ничего основательнаго)²⁾, *non tibi perventus assa columba venit*, или *correctis corrigendis persitabitur laude*; иногда односложныя похвалы: *laudatissime, praestantissime accuratissimeque*, или порицанія: *pessime, turpissime, dementissime negligentissimeque* и проч. Нужно замѣтить, что ученики старой переяславской семинаріи изучали латинскій языкъ основательно, до того, что они даже мыслили на немъ и иногда невольно выражали на немъ свои душевныя движенія. Такъ, ученикъ старой переяславской семинаріи прото-

¹⁾ Полт. Еп. Вѣд. 1877 г., № 3-й, 91 стр.

²⁾ Рассказываютъ, что когда профессоръ предложилъ ученику, на сочиненіи котораго написана была эта рецензія, перевести ее на русскій яз., то ученикъ, подумавши, сказалъ: „по моему разумѣнію, сіе означетъ: не терши, не мнявши,—не буде казать“.—Право судилъ еси, замѣтилъ профессоръ (прот. Іосифъ Козачковскій).

іерей Іоаннъ Крамаренко, печатавшій свои воспоминанія въ Полт. Еп. Вѣд., рассказываетъ объ одномъ священникѣ, который оплакивалъ свою жену такими словами: O, mors! o, malum! o malum omnium malorum... и проч. Припоминается намъ также рассказъ старыхъ священниковъ объ одномъ профессорѣ семинаріи, который любилъ пѣть малорусскія пѣсни, импровизируя ихъ въ латинскомъ переводѣ; напр., извѣстная пѣсня *Ой, у поли могла зъ витромъ говорила* у него выходила такъ:

En, tumulus in campo
Stat, colloquio capto:
Ne fle mihi valde, vente,
Quin flos meus nigret!

Къ началу нынѣшняго столѣтія, когда уже вывелось обыкновеніе требовать отъ учениковъ, чтобы они говорили по латыни, многіе изъ нихъ, особенно лучшіе ученики старшихъ классовъ—философскаго и богословскаго, собирались иногда другъ у друга съ тѣмъ, чтобы выкурить трубку табаку, а главное—поговорить по латыни. По выходѣ изъ семинаріи они долго помнили и употребляли въ разговорѣ латинскую рѣчь. Недавно только вывелся типъ этихъ латинистовъ-священниковъ, которые, при встрѣчѣ съ семинаристомъ позднѣйшей формаціи, буквально засыпали его массою латинскихъ *лѣкуцій*, пословицъ и поговорокъ, большею частью, каламбурнаго характера. Припомнимъ, кстати, анекдотъ изъ стараго переяславско-семинарскаго быта. Къ старику священнику сельскому зашли три бурсачка, путешествовавшіе, можетъ быть, на каникулы или же собиравшіе пожертвованія для содержанія себя въ семинаріи. Радужный хозяинъ усадилъ ихъ за обѣдъ. Одинъ изъ путешественниковъ попросилъ у прислуги пить.—„А какъ по латыни—пить?“ спросилъ священникъ.—*Vibo*, отвѣтили бурсаки.—„А какъ отъ *vibo* прошедшее соверш. время?“ Одинъ изъ гостей сказалъ: *babi*, другой—*babsi*, а третій—*bibi* (правильно).—„Да *bibere bibi*, обратился священникъ къ прислугѣ,—*babi*, *babsique ne da!* (т. е. дай пить сказавшему *bibi*, а сказавшимъ *babi* и *babsi*—не давай). Гораздо въ меньшемъ объемѣ преподавались греческій и польскій языки; преподаваніе послѣдняго и совсѣмъ было упразднено

къ концу прошлаго столѣтія. Затѣмъ, преподавались въ семинаріи: православное исповѣданіе вѣры, свящ. исторія, ариѳметика, русскій языкъ, ораторское искусство и поэзія русская и латинская. Изъ учителей прошлаго столѣтія назовемъ извѣстныхъ въ исторіи лицъ: игуменъ пер. Мих. мон. Варлаамъ Шишацкій, — вполсѣдствіи архіепископъ могилевскій, Анастасій Романенко-Братановскій, вполсѣдствіи архіеп. астраханскій, Иванъ Васильевичъ Леванда — вполсѣдствіи кіевскій протоіерей и знаменитый проповѣдникъ, и Григорій Саввичъ Сковорода — украинскій философъ.

Первые четыре класса семинаріи по программамъ наукъ до нѣкоторой степени соотвѣтствовали четыремъ классамъ нынѣшнихъ духовныхъ училищъ, а поэтика и риторика — первымъ классамъ нынѣшнихъ духовныхъ семинарій.

Кромѣ префекта, мы встрѣчаемъ въ семинаріи и другое административное лице — *прокуратора*. Съ этимъ званіемъ соединялись преимущественно обязанности хозяйственнаго характера. Прокураторъ завѣдывалъ сборомъ денегъ и продуктовъ отъ церквей епархіи и заботился о продовольствіи учителей и тѣхъ учениковъ, которые жили въ казенномъ, такъ наз., сиротскомъ домѣ — *бурсѣ*, и состояли на казенномъ содержаніи.

Система воспитанія того времени, какъ извѣстно, отличалась большою жестокостью. Сѣченіе розгами было обычнымъ и часто употреблявшимся родомъ наказанія. Для производства этого наказанія употреблялись великовозрастные — худшіе по успѣхамъ ученики; они назывались *сикарями* или *calefactor'ами* (горячителями). За болѣе тяжкіе проступки наказывали ударами двухъ калефаторовъ по звону семинарскаго колокольчика, который помѣщался надъ класснымъ зданіемъ; его зловѣщій, размѣренный звонъ, распространяясь по всему городу, наводилъ ужасъ на жителей Переяслава. Сѣченіе было иногда до того жестокимъ, что наказываемые подпльвали собственной кровью, — это, именно, была та знаменитая *березовая каша*, о которой съ ужасомъ вспоминаютъ наши дѣды. Изъ другихъ, болѣе употребительныхъ наказаній, были: *пали* (удары линейкою по рукѣ), поклоны, стояніе на колѣняхъ на полу или на скамьѣ. Для усиленія не-

пріятнаго чувства иногда ставили на гречку, а иногда заставляли стоящаго на колѣняхъ на скамьѣ держать поднятою рукою тяжелую книгу, библію, напр.; наказываемый иногда держалъ книгу до тѣхъ поръ, пока кровь хлынетъ носомъ и ртомъ...

Воспитательное дѣло почти исключительно лежало на префектѣ, а въ періодъ существованія философскаго и богословскаго классовъ и на ректорѣ семинаріи. Трудно было одному или даже и двумъ лицамъ выполнять эти обязанности, тѣмъ болѣе, что учениковъ было много,—въ лучшіе годы число ихъ достигало до 700 и 800 человекъ. Въ помощь префекту избираемы были лучшіе изъ учениковъ, или, какъ они тогда назывались, студентовъ старшихъ классовъ. Большая часть учениковъ жила на квартирахъ въ домахъ мѣщанъ; на каждой квартирѣ, по назначенію префекта, были: *директоръ*, *сеніоры* и *инспекторъ*; первый вѣдалъ всю квартиру, вторые наблюдали за порядкомъ въ каждой отдѣльной комнатѣ, а инспекторъ слѣдилъ за приготовленіемъ учениками уроковъ. Эти три должностныя лица пользовались многими преимуществами предъ младшими учениками,—они даже могли наказывать розгами. Для наблюденія за учениками въ церкви и классахъ назначались *цензоры*, которые о неисправныхъ ученикахъ доносили префекту. Такъ какъ въ каждомъ классѣ было числомъ отъ 100 до 150 учениковъ, то въ помощь учителямъ, не имѣвшимъ возможности переспросить даже $\frac{1}{10}$ части учениковъ, назначались изъ числа послѣднихъ лучшіе; они носили названіе *аудиторовъ*. Ученики каждаго класса распредѣлялись между своими аудиторами, приблизительно, поровну. Списокъ учениковъ, подлежащихъ вѣдѣнію аудитора, назывался *эrrатой*. Существовало обыкновеніе раскрашивать эрраты, насколько позволяли художественныя средства студентовъ. Передъ урокомъ аудиторъ выслушивалъ своихъ учениковъ и въ эрратѣ противъ фамилій дѣлалъ помѣтки, на сколько каждымъ усвоенъ урокъ. Отмѣтки дѣлались такъ: *Scit* (знаетъ), *nescit* (незнаетъ), *non tota* (не все знаетъ), *errabat* (ошибался), *aeger* (боленъ), *prorsus nescit* (совершенно ничего не знаетъ), *absque* (безъ), т. е., ученикъ сидитъ дома безъ сапоговъ. Кромѣ обычныхъ эрратъ, существовала генеральная, вручавшаяся гене-

ральному аудитору (*auditor auditorum*), которому поручались для выслушивания другіе аудиторы; его же обязанностью было представлять профессору, когда онъ явится въ классъ, эрраты всѣхъ аудиторовъ. Профессоръ, сидя на кафедрѣ, имѣвшей видъ огражденнаго со всѣхъ сторонъ возвышенія, съ дверкою и спинкою въ видѣ церковнаго кіота, просматривалъ отмѣтки, и часто урокъ ограничивался поркою учениковъ, противъ фамилій которыхъ стояла отмѣтка *nescit*. Проверка пройденнаго производилась по субботамъ. Первая ошибка при отвѣтѣ считалась *parrata* (щадимою), вторая—*admonita* (за нее дѣлали внушеніе), третья уже *verberata* (били линейкой или розгами). Субботнія расправы живутъ и теперь въ памяти учениковъ старой семинаріи.

Въ частной жизни между учениками соблюдалась строгая субординація. Фарыстъ долженъ былъ снимать шапку и оказывать знаки полнаго повиновенія предъ грамматикомъ и учениками другихъ старшихъ классовъ, инфимистъ—передъ синтактикомъ и т. д., черезъ классъ. Вообще, фары и инфимы были самыми жалкими и безпомощными существами; ими помыкали ученики всѣхъ старшихъ классовъ. Поневоля приходилось задабривать директоровъ, цензоровъ, аудиторовъ. Если мать присылала фарѣ галды (кажется, татарское слово—пиръ), т. е., пироговъ, или коржей, сала, сѣмячекъ, даже сухарей и проч., то все это мгновенно уничтожалось десятками риторовъ и поэтовъ, и бѣдному фарѣ ничего не оставалось; впрочемъ, онъ утѣшался тѣмъ, что на нѣкоторое непродолжительное время пожравшіе галду оказывали свое высокое покровительство. Нужно замѣтить, что квартирные студенты были аристократами сравнительно съ казеннокоштными, бурсаками; это были дѣти священниковъ и дворянъ. Въ старшихъ классахъ они достигали почтеннаго возраста 25—30 лѣтъ и назывались такъ: панъ риторъ Шпаковский, панъ философъ Никита; носили они длинные козацкіе усы, подстригали волосы въ кружокъ. Ходили, обыкновенно, въ *жупаннахъ* и подпоясывались шелковыми поясами; въ дорогу надѣвали *киреи*—кафтаны съ стоячими воротниками¹⁾.

¹⁾ Изъ воспоминаній ученика прошлаго столѣтія Тимковского. Полт. Епарх. Вѣд. 1886 г., 11 №.

Между студенческими играми и забавами того времени было много грубыхъ и неприличныхъ, напр., кулачки съ мѣщанами, послѣдствіемъ которыхъ на лицахъ у риторовъ, по выраженію Гоголя, появлялись украшенія въ видѣ разныхъ риторическихъ троповъ. Иногда и сами студенты, собравшись въ классы, передъ приходомъ профессоровъ дѣлились на два лагеря—израильтянъ и филистимлянъ—и открывали сраженіе. Подробнѣе мы остановимся на рекреціяхъ. *Recreatio*—возобновленіе, возрожденіе; такъ назывались гулянья, устраивавшіяся въ маѣ. 1-го мая, если была благопріятная погода, префектъ, или ректоръ бралъ съ собою человекъ 50 учениковъ и съ ними отправлялся къ архіерею. При входѣ въ пріемную владыки, вся толпа пѣла по-латыни: *Recreationem, excelentissime pater, rogamus!* Архіерей сначала отказывалъ, а потомъ давалъ свое благословеніе, и толпа съ радостными кликами выбѣгала къ ожидавшимъ результатовъ товарищамъ. Моментально прятались книжки, студенты запасались холодными закусками, обыкновенно коржами съ саломъ, и нестройною, но веселою, толпою направлялись въ лѣсъ. Въ прошломъ столѣтіи мѣстомъ для рекрецій служилъ берегъ Альты, вѣроятно, около Свѣтиловки или Борисовки, а съ начала нынѣшняго столѣтія Гояриновъ лѣсъ или Чирское, принадлежавшее ректору семинаріи протоіерею Θεодору Домонтовичу. За семинаріей изъ города выѣзжали на десяткахъ возовъ торговли съ калачами, бубликами, пряниками, рожками, мочеными яблоками, квасомъ и др. лакомствами. Нѣсколько позже прибывали на мѣсто рекрецій учителя съ семействами и знакомыми изъ городского общества. Любимымъ начальникамъ семинаристы устраивали въ лѣсу восторженныя, торжественныя встрѣчи; такъ, когда подѣзжалъ начальникъ или профессоръ, семинаристы съ крикомъ *ура* бросали вверхъ шапки, пѣли нарочно сочиненные канты и проч. Ректоръ открывалъ гулянье первымъ ударомъ мяча протоіерейскою палкою. Съ особеннымъ восторгомъ послѣ этого начинались всевозможныя игры и беззабѣтное веселье. Тутъ ужъ забывались розги, пали и всѣ неприглядныя стороны школьной жизни. Состязались въ бѣганьѣ, въ борьбѣ; играли въ кегли, скракли, долгую лозу, джгутъ, мячъ; бросали вверхъ надутый съ горохомъ

бычачій пузырь и ловили на лету; въ одномъ мѣстѣ играла семинарская музыка, въ другомъ—пѣлъ хоръ; слышалась старинная семинарская пѣсня: *Мы тебя любимъ сердечно* и раздавался величественно-торжественный, но забытый уже напѣвъ: *Тебе, Бога, хвалимъ!* Учителя и городское общество веселились отдѣльно; къ вечеру всѣ гулявшіе соединялись.

По благословенію старшаго духовнаго лица (иногда въ рекреаціяхъ принималъ участіе и архіерей) устраивались танцы на зеленомъ паркетѣ. Состоятельные люди покупали ящичками пряники, конфѣкты и бросали *на жакъ* (кто поймаетъ). По заходѣ солнца всѣ возвращались домой—усталые, но съ обновленнымъ духомъ. Въ теченіи мая рекреаціи устраивались раза три-четыре. Окончательно прекратились онѣ на нашей памяти—въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Относительно религіознаго воспитанія отмѣтимъ слѣдующее.

По нѣсколько человекъ студентовъ ежедневно назначались для чтенія и пѣнія при богослуженіи въ Вознесенскомъ монастырѣ. Ежедневно также всѣ ученики по дорогѣ въ классы заходили прикладываться къ мощамъ св. пр. муч. Макарія, который издавна считался патрономъ семинаріи. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ всѣ ученики ходили на утреннее богослуженіе по звону въ полночь. Заутреня начиналась въ 2—3 часа ночи, поэтому квартирныя студенты, боясь проспать, нанимали будить себя бурсачковъ, которые и назывались *будильниками*. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія роль будильниковъ играли парубки-мѣщане; они ходили ночью по квартирамъ и будили сильнымъ стукомъ въ окна и крикомъ: Господа студенты! пора вставать до утрени!

Съ особенною торжественностью отдавался послѣдній долгъ умирающимъ товарищамъ. Въ дни погребенія студента ученія не было. Надъ умершимъ студенты въ церкви произносили много рѣчей на разныхъ языкахъ: русскомъ, греческомъ, латинскомъ, древне-еврейскомъ, польскомъ, даже на французскомъ и нѣмецкомъ. Похоронной процессіи предшествовали хоругви всѣхъ переяславскихъ церквей и значки всѣхъ цеховъ; были даже и

семинарскіе значки—въ видѣ звѣздъ. За гробомъ шли ученики, выстроенные орденами (рядами) ¹⁾.

Благоговѣнное уваженіе къ архіерею, какъ главному начальнику, выражалось въ составленіи поздравительныхъ рѣчей, преимущественно на латинскомъ языкѣ, въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, напр., въ праздникъ Р. Хр., Воскресенія, тезоименитства владыки и проч. При торжественныхъ выѣздахъ архіерея, напр., для служенія въ приходской церкви въ храмовые праздники, отбирали въ семинаріи четырехъ старѣйшихъ богослововъ, одѣвали ихъ въ старинный ученый нарядъ—широкія темносинія *либерии*, обшитыя цвѣтнымъ снуркомъ, съ широкими разлѣзными рукавами и пуговицами до низу, на головы надѣвали черныя четверугольныя шапки, на богато убранныхъ лошадяхъ они сопровождали карету архіерея,—два впереди и два по сторонамъ ²⁾.

Но пора уже поговорить о томъ пролетаріатѣ, который населялъ бурсу,—зданія, находившіяся тамъ, гдѣ нынѣ монастырскій пустырь. Бурса—татарское слово—кошелекъ; такъ называлось помѣщеніе казеннокоштныхъ учениковъ. Довольно характерно описываетъ Нарѣжный въ ром. *Бурсакъ* быть и административный строй переяславской бурсы. Приведемъ нѣсколько строевъ въ подлинникѣ. „... Сіи избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники—бурсаками. Старшіе изъ студентовъ по волѣ ректора управляютъ другими, неся величественное имя *консуловъ*... Почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ *сенатомъ*. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе ¹⁾богословы и философы образуютъ сенатъ; риторы составляютъ *ликторовъ* или исполнителей приговоровъ сенатскихъ. Поэты называются *целлерами* или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ *плебеевъ* или чернь—простой народъ. Если бы консулъ сдѣлалъ какое нибудь позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него сей величественный санъ и, наказавъ,

¹⁾ Полт. Еп. Вѣд. 1863 г., № 19, 243 стр.

²⁾ Полт. Еп. Вѣд. 1876 г. № 11-й.

по мѣрѣ вины, палками, розгами или батошьемъ, обращаетъ въ званіе сенатора... Кромѣ одежды и обуви, у бурсаковъ все общее и хранится въ коморѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула“¹⁾. Если отбросить иронію, которая сквозитъ въ каждомъ словѣ приведеннаго отрывка, то получится вѣрная картина строя бурсы. Безспорно, были консулы, сенаторы, ликторы, только не всегда они носили *это величественное имя*. Въ раннюю пору жизни семинаріи, когда все проникнуто было латынщиною, и терминологія была римская.

Мы уже упоминали о тѣхъ средствахъ, на которыя бурсаки существовали въ первое время. Разумѣется, средства были слишкомъ скудны. Знакомящагося съ первоначальнымъ бытомъ семинаріи поражаетъ обиліе архіерейскихъ указовъ о томъ, чтобы церкви аккуратнѣе доставляли слѣдующее отъ нихъ на семинарію продукты. Далеко не все высылалось, что слѣдовало, и иногда учителя и ученики, среди года, оставались безъ хлѣба и безъ дровъ. Что бы помочь дѣлу, епископы иногда разсылали указы, чтобы отцы привозили въ училище дѣтей, *запастись харчами*; иногда штрафовали священниковъ за разныя провинности въ пользу семинаріи; взимали десяти-рублевый штрафъ съ женившихся безъ разрѣшенія консисторіи, для той же надобности взимали деньги отъ рукополагаемыхъ во священники. Отъ 19 дек. 1779 г. встрѣчаемъ указъ о томъ, что бы отъ каждой церкви высылалось на семинарію: по 2 коп. столовыхъ, по денежекъ муровыхъ, по полушкѣ солодовыхъ²⁾. Всѣ эти и подобные сборы были далеко не достаточны. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было платить жалованье нѣсколькимъ учителямъ и содержать болѣе ста учениковъ на сборы изъ денежекъ и полушекъ? Въ 1785 году съ подчиненіемъ переяславской епархіи кievской митрополіи и семинарія стала въ зависимость отъ кievской академіи. Последняя ассигновала на поддержку семинаріи по 500 р. ежегодно. Въ 1797 году, когда переяславская епархія опять стала самостоятельною, повелѣно было отпускать на семинарію по

¹⁾ Бурсакъ, соч. Вас. Нарѣжнаго М. 1860. Ч. 1, стр. 8, 9, 20.

²⁾ Дѣла бывшаго переяславскаго дух. правленія.

4500 р. въ годъ изъ государственныхъ суммъ. Кромѣ того, переяславскій епископъ Амфілохій Леонтовичъ, умершій въ 1799 г., положилъ на вѣчныя времена въ московскій опекунскій Совѣтъ 2000 р. асс. для вспомошествованія изъ процентовъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, *бѣдственно проходящимъ свое ученіе въ переяславской бурсѣ* ¹⁾.

Итакъ, только въ самомъ концѣ прошлаго стол. средства для содержанія бѣдныхъ учениковъ начали увеличиваться; но до этого времени жизнь въ бурсѣ была самая горемычная. Мяса ученики никогда не видѣли за своими столами, завтраковъ и ужиновъ не полагалось, а на обѣдъ подавался только или жидкій борщъ или классическій *кандеръ*—кулишъ изъ воды и пшена. Не съ юга ли позаимствована извѣстная на сѣверѣ бурсацкая пѣсенка:

Охъ! охъ! охъ!
Semper горохъ,
Quotidie каша—
Miseria наша!

Но хорошо еще, если и горохъ былъ. Въ донесеніяхъ прокураторовъ мы встрѣчаемъ извѣстія, что ученики и даже учителя оставались совсѣмъ безъ пищи. Классы никогда не отапливались, такъ что ученики въ зимніе холода согрѣвались посредствомъ разныхъ гимнастическихъ упражненій, въ бурсѣ протапливали только разъ въ нѣсколько дней ²⁾. При отсутствіи прислуги ученическія помѣщенія содержались самымъ неряшливымъ образомъ,—вездѣ была грязь и сырость, а въ постеляхъ—мириады насѣкомыхъ (въ бурсѣ было придумано особое названіе для трехъ родовъ постельныхъ насѣкомыхъ: пѣхота, кавалерія и тяжелая артиллерія). Ученики носили самую грубую одежду: лѣтомъ одѣвались въ пестрядевые сюртуки, а зимою—въ шинели изъ грубаго крестьянскаго сукна.

¹⁾ Полт. Еп. Вѣд. 1863 г. № 16, 125 стр.

²⁾ Чуть ли не это обстоятельство и породило извѣстныя бурсацкія игры: *тисна баба* (безпощадно давятъ другъ друга, сидя рядомъ за скямьей) и *мала куча* (валятся среди класса другъ на друга въ кучу).

Въ крайнихъ случаяхъ однимъ изъ средствъ содержанія служилъ обычай, называвшійся *эпетенція* (отъ *petere*—просить, молить).

Когда окончательно изсякала провизія, а молодые желудки требовали пищи, старшій въ бурсѣ—сенаторъ или консулъ—собиралъ сенаторовъ на совѣтъ, гдѣ и рѣшалось, кого изъ наличнаго состава бурсаковъ послать на эпетенцію. Затѣмъ толпа бурсаковъ подъ предводительствомъ какого нибудь ритора или философа отправлялась къ дворамъ зажиточныхъ мѣщанъ или козаковъ, запасшись мѣшками и горшками. Подойдя къ двору, *эпетенты* посылали къ хозяину фару съ *орациєю*; если хозяинъ давалъ согласіе, то начиналось пѣніе виршей, гимновъ, кантовъ и церковныхъ пѣснопѣній, при чемъ выхвалялись доблести хозяина; зимою (во время рождественскихъ святокъ) разыгрывались духовныя интермедіи, поставщицей которыхъ была кievская академія; можетъ быть, были пьесы и оригинальныя, мѣстныя¹⁾. Благодушный хозяинъ наливалъ философамъ и богословамъ по чаркѣ горилки (по старо-семинарской поговоркѣ риторамъ—*non licet*—нельзя, философамъ—*licet*—можно, а богословамъ—*debet*—должно); мальчуганамъ давали по прянику или пирогу; кромѣ того, добрая хозяйка сыпала въ мѣшокъ, что было у ней: муки,

¹⁾ Насколько правилось это городскимъ обывателямъ, видно изъ того, что и до настоящаго времени на Рождество переяславскіе мѣщане ходятъ по городу и разыгрываютъ *Максиміана*. Вообще нужно замѣтить, что семинарія оставила глубокіе слѣды въ жизни переяславскихъ мѣщанъ; ихъ пѣсни и мотивы чисто семинарскіе; въ рѣчи ихъ часто слышатся семинарско-школьныя рѣченія. Въ бытность семинаріи въ Переяславѣ міросозерцаніе мѣщанъ складывалось подъ сильнымъ вліяніемъ семинаріи. Многие изъ нихъ, ближе стоявшіе къ студентамъ, мнили себя даже высокообразованными, любили выслушивать въ монастырскомъ соборѣ проповѣди семинаристовъ и съ важностью знатоковъ наводили критику: приступъ—де несообразенъ съ темою, раздѣленіе неполное и проч. Рассказываютъ объ одномъ почтенномъ мѣщанинѣ, слабую струнку котораго была критика проповѣдей. Семинаристы, желавшіе получить даровое угощеніе, пользовались его слабостью: положимъ, является къ нему семинаристъ. „Дядинька, Харытонь Петровичъ! Тутъ така беда! Профессоръ задалъ проповѣдь, да не знаю, какъ составить ее. Не поможете ли?“ Польщенный хозяинъ, самодовольно кракнувши, приказывалъ женѣ: „Жинко! нешли за пиввартою!“—„А ну, яка тема, кажы?“ обращался онъ къ гостю. „Грудна тема, дяденька!—*Въ злотудожну душу не видеть премудрость*“.—„А що-жь ты въ приступи думаешь писать?“ и проч. Тѣмъ временемъ распивали бутылку и расходились довольные другъ другомъ.

сала, хлѣба, луку, сѣмечекъ, варениковъ и даже наливала въ горшокъ борщу и проч. По свидѣтельству учениковъ прошлаго столѣтія, эпетенты иногда совершали отдаленныя путешествія; нѣкоторые изъ нихъ, ученики старшихъ классовъ, оставались у богатыхъ помѣщиковъ на *репетитію* (домашними учителями) и являлись въ семинарію только черезъ годъ и позже; остальные путешествовали дальше, на собранныя пожертвованія покупали лошадь, объѣзжали весь южный край лѣвобережной Украины, доходили даже до Запорожья¹⁾. Затѣмъ, съ собранною добычею возвращались къ своимъ голодавшимъ собратьямъ.—Разумѣется, не всегда можно было быть сытымъ отъ эпетенцій. Въ случаѣ крайности бурсаки прибѣгали къ послѣдному средству: выбирали темную ночь и дѣлали нападенія на сады, огороды и баштаны мирныхъ обывателей Переяслава, или же ловили заблудившуюся еврейскую козу и за городомъ въ скрытомъ яру приносили ее въ жертву своимъ голоднымъ желудкамъ.

Если и этимъ путемъ нельзя было добыть средствъ къ жизни, то оставался еще одинъ исходъ: бѣжать, куда глаза глядятъ... Въ архивѣ Вознесенскаго монастыря, хранящемся на чердакѣ надъ главными монастырскими воротами, есть сотни архіерейскихъ указовъ о поимкѣ бѣглыхъ бурсаковъ и о доставкѣ ихъ обратно въ бурсу. Отцовъ, отказывавшихся высылать въ семинарію дѣтей, штрафовали въ пользу семинаріи же, а иногда угрожали и лишеніемъ священства; бѣглыхъ препровождали назадъ, заковывая ихъ въ кандалы, и подвергали сѣченію. Если бурсакъ не разъ уже совершалъ побѣгъ, то для устрашенія другихъ архіерей отсылалъ его къ кіевскому генералъ-губернатору для опредѣленія въ военную службу²⁾. Въ виду такихъ дурныхъ послѣдствій побѣга на родину, бурсаки часто бѣжали въ другія мѣста: въ запорожскую Сѣчь, пока она существовала, въ лѣса, гдѣ приставали къ отрядамъ гайдамакъ, и проч.

Но бѣгала изъ семинаріи все таки меньшая часть. Многие же закалялись въ нуждѣ и выходили полезными дѣятелями на разныхъ служебныхъ поприщахъ. Въ началѣ настоящаго столѣ-

¹⁾ Полт. Еп. Вѣд. 1876 г. № 11-й.

²⁾ Архивъ бывшаго переяславскаго дух. правленія.

тія, особенно, при еп. Сильвестрѣ Лебединскомъ, который много сдѣлалъ для семинаріи, она стояла на лучшемъ счету, и изъ нея ежегодно вызывались студенты для пополненія новыхъ курсовъ въ дух. академіи: кіевскую, московскую, петербургскую и въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію.

Въ 1817 году совершилось преобразование переяславской семинаріи по планамъ составленной для сего комиссіи еще при императорѣ Павлѣ I. Низшіе классы были отдѣлены отъ семинаріи и составили нынѣшнее переясл. дух. училище. Въ немъ образованы были три отдѣленія — низшее, среднее и высшее; кромѣ того, при училищѣ открытъ былъ приходской классъ. Ректоромъ училища назначенъ былъ инспекторъ семинаріи, прот. Іосифъ Козачковскій.

Слѣдуетъ констатировать довольно странное явленіе. До 1817 года, т. е., до выдѣленія училища изъ семинаріи, училище жило болѣе полною жизнью; съ этого же времени и до перехода семинаріи въ Полтаву въ 1862 году оно какъ бы потеряло свою индивидуальность. Находясь въ оградѣ одного съ семинаріею двора и имѣя своимъ начальникомъ одного изъ администраторовъ семинаріи, училище совершенно ступшевывалось передъ нею. Училищная корпорація отодвигалась на задній планъ передъ корпораціею профессоровъ семинаріи, которые брали перевѣсъ численностью и превосходствомъ образованія. Жалкіе фариисты и грамматики казались незамѣтными козявками передъ солидными философами и богословами. Воспитанники того времени не помнятъ и не любятъ рассказывать о своей училищной жизни и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о жизни въ семинаріи.

Не будемъ и мы долго останавливаться на этомъ безцвѣтномъ періодѣ исторіи училища.

До 1832 г. ректорами училища были инспекторы семинаріи.

Въ этомъ году назначенъ былъ первый самостоятельный начальникъ училища съ званіемъ смотрителя прот. Павелъ Діомидовъ, воспитанникъ перваго курса кіев. дух. академіи. Послѣ него съ 1864 г. ректоромъ училища былъ прот. Ник. Клепачевскій.

Въ теченіи всего этого періода два низшія отдѣленія училища помѣщались въ восточной части существующаго и теперь длиннаго братскаго корпуса; высшее отдѣленіе помѣщалось въ пристройкѣ корпуса еп. Іоанна Козловича, которая въ настоящее время не существуетъ; она была тамъ, гдѣ теперь находятся ворота класнаго двора. Помѣщенія для классовъ были въ высшей степени неудобныя, тѣмъ болѣе, что число учащихся въ каждомъ классѣ доходило иногда до 80 и 100 человѣкъ. Матеріальная обезпеченность учащихся и учащихся мало улучшилась. Учителя получали жалованья отъ 100 до 150 р. Только въ 50-хъ годахъ начали дѣлать прибавку до незначительной все таки цифры 200—300 р. На казеннокоштнаго ученика отпускалось 20 рубл. Жизнь въ бурсѣ, по прежнему, была неприглядна: скудная пища, холодъ, тѣснота. Въ класныхъ помѣщеніяхъ на урокахъ, за недостаткомъ мѣстъ, приходилось стоять. Печи устроены только въ недавнее время.

Тѣмъ не менѣе интеллектуальная жизнь училища шла своимъ путемъ. Суровая школа нужды и лишеній подготовила къ жизни многихъ тружениковъ—и на важныхъ административныхъ постахъ (архіереевъ, профессоровъ, ректоровъ), и въ скромномъ званіи земскихъ врачей, учителей и священниковъ.

Таково было прошлое переяславскаго духовнаго училища, изъ котораго образовалась въ послѣдствіи переяславская духовная семинарія, переименованная потомъ въ полтавскую духовную семинарію. Съ 1867 г. эта послѣдняя существуетъ отдѣльно отъ училища въ Полтавѣ,—а училище осталось на прежнемъ мѣстѣ: въ новыхъ условіяхъ общественной обстановки оно служитъ живымъ памятникомъ историческаго прошлаго.

Памфіль Левицкій.

Скорбный листъ архива Малороссій- ской Коллегіи.¹⁾

Три небольшія, мрачныя и холодныя комнаты, отведенныя въ помѣщеніи харьковскаго университета, составляютъ въ настоящее время убогое хранилище оставленнаго намъ временемъ драгоценнаго богатства документовъ по внутренней и бытовой исторіи Малороссіи 18-го вѣка. Болѣе двадцати тысячъ дѣлъ, едва приведенныхъ въ кое какой порядокъ, смотрятъ, придавленныя пылью, съ высоты своихъ пологовъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ изслѣдователей... Но къ большому сожалѣнію всѣхъ, интересующихся исторіей нашей родины, изслѣдователей, способныхъ отряхнуть пыль вѣковъ отъ древнихъ хартій и правдиво передать ихъ содержаніе, до сихъ поръ не является, не считая двухъ трехъ лицъ, официально приближенныхъ къ архиву. Причины этого явленія вроятся, по нашему мнѣнію, какъ въ неудовлетворительномъ устройствѣ архива, такъ еще болѣе въ прискорбномъ отсутствіи у мѣстныхъ ученыхъ любви къ изученію своего края въ историко-юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, для чего архивъ Малорос. Коллегіи представляетъ богатый матеріалъ... Не имѣя въ виду вдаваться здѣсь въ изложеніе причинъ какъ означеннаго явленія, такъ и того обстоятельства, что отведенныя университетомъ три комнаты болѣе напоминаютъ собой темный и холодный сарай, годный для храненія старой мебели, чѣмъ исторически цѣнныхъ бумагъ,—я приведу здѣсь нѣсколько, хотя отрывочныхъ, но очень интересныхъ данныхъ о прошлой судьбѣ архива и невзгодахъ, имъ перенесенныхъ. Предлагаемыя въ этой замѣткѣ свѣдѣнія имѣютъ даже нѣкоторый поучительный характеръ: лица и учрежденія, на совѣсти

¹⁾ №№ дѣлъ Южно-рус. архива 5213, 5347, 5724, 13728, 14238, 14308.

и обязанности которых лежатъ заботы о преуспѣяніи русской исторической науки, узрять отсюда, какъ они упорно въ отношеніи храненияъ памятниковъ старины продолжаютъ преступленіе своихъ малообразованныхъ предковъ прошлаго столѣтія.

Печально настоящее архива Мал. Коллегіи, но еще печальнѣе его прошлое, извѣстное намъ въ общихъ чертахъ съ 1739 г., т. е. почти за все время существованія архива, главная часть котораго состоитъ именно изъ дѣлъ бывшей отъ 1722—27 г. Мал. Коллегіи, изъ дѣлъ бывшей затѣмъ Войск. Генер. Канцеляріи и, наконецъ, дѣлъ второй по времени Мал. Коллегіи, возникшей послѣ паденія К. Разумовскаго.

Намъ ничего не извѣстно, гдѣ и какъ содержался архивъ центрального управленія Малороссіей до самаго 1739 г., но въ этомъ году мы въ первый разъ узнаемъ, что онъ переведенъ въ домъ ген. асаула Мануйловича. Случился этотъ переводъ архива по той причинѣ, что «каменицы» означеннаго асаула стояли пустыми за выѣздомъ изъ Глухова квартировавшаго въ нихъ члена Войск. Генер. Канцеляріи князя Щербатова. Нужно замѣтить при этомъ, что послѣ отъѣзда кн. Щербатова квартира его нѣкоторое время оставалась свободною и охранялась карауломъ на случай пріѣзда какихъ либо важныхъ чиновъ, но послѣ перевода въ нее архива караулъ сняли, въ силу чего помѣщеніе, занятое архивомъ, было отдано на произволъ судьбы. Судьба оказалась жестокосердной: началось дѣло съ того, что солдаты, стоявшіе квартирами вблизи архива, стали по ночамъ разбирать и растаскивать окружавшіе его заборы и были въ этомъ настолько смѣлы, что угрожали тѣмъ же самому архиву. Войск. Ген. Канцелярія, убоившись, чтобы бумаги архива не раздѣлили печальной судьбы заборовъ, снова потребовала караулъ отъ глуховскаго коменданта, но, увы, къ 1740 году ограда съ двухъ сторонъ уже была совершенно разобрана, а оставшіяся отъ Мостовой улицы заборъ завалился самъ, не дождавшись участи своихъ товарищей, и помѣщеніе архива, ничѣмъ не огороженное, сиротливо выглядѣло среди Глухова. Такова была обстановка архива снаружи, но еще хуже шло дѣло внутри: въ маѣ 1740 г., узнаемъ мы изъ одного доношенія, половина крыши «каменицъ», вслѣдствіе обветшалости каменной трубы, упавшей на крышу, совсѣмъ завалилась и половина помѣщенія вмѣстѣ съ содержавшимися тамъ дѣлами была отдана на распоряженіе глуховскихъ дождей и вѣтровъ. Но мы скрыли бы часть

горькой правды, если бы не упомянули здѣсь, что уже до этого обвала крыши бумагамъ архива не разъ приходилось знакомиться съ дождями, бурей и непогодой, такъ какъ за ветхостью всего строенія двери, окна его не имѣли самыхъ обыкновенныхъ запоровъ, почему дождь чрезъ нихъ набивалъ внутрь, производя сырость, порчу, а часто и невозвратимую погибель документовъ. Вопіющее состояніе хранилища дѣлъ Войск. Генер. Канцеляріи въ этихъ развалинахъ безъ крыши, трубъ и оконъ обратило, наконецъ, на себя вниманіе Войск. Генер. Канцеляріи и она обязала «подъ жесточайшимъ штрафомъ» новаго владѣльца «камениць» бунч. тов. Пироцкаго исправить крышу, трубу и проч. въ теченіе мѣсяца—къ 27 іюня 1747 года. Вотъ все, что намъ извѣстно со стороны помѣщенія архива Войск. Ген. Канцеляріи, занимаемаго имъ при помощи всякихъ починокъ и передѣлокъ, вѣроятно, до самого пожара 1748 г., когда его сложили въ каменной колокольнѣ Михайловской церкви, гдѣ многія дѣла по тѣснотѣ и неспособленности помѣщенія пришли въ порчу и неурядокъ.

Посмотримъ теперь, каковъ былъ внутренній распорядокъ архива и чѣмъ въ немъ занимались въ описываемое нами время. Сколько можно догадываться, до 1739 года порядки въ принятіи и храненіи дѣлъ въ архивѣ далеко не были образцовыми, ибо вскорѣ послѣ перевода его въ новое помѣщеніе ген. м. Шиповъ съ присутствующими въ Г. Канцеляріи членами приказалъ произвести тщательный разборъ дѣламъ архива по роду и предмету содержанія и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Причиною этому распоряженію Шипова послужили частыя затрудненія, возникавшія по челобитческимъ, исковымъ и другимъ дѣламъ и происходившія какъ отъ безпорядочнаго содержанія дѣлъ съ одной стороны, такъ и отъ неопытности въ разборѣ ихъ случайно опредѣленными канцеляристами—съ другой. Въ виду указанныхъ недостатковъ г. м. Шиповъ приказомъ своимъ отъ 7-го іюля 1739 г. постановилъ: поручить разборъ дѣлъ и завѣдываніе архивомъ канцеляристу Андрею Лищню, давъ ему въ помощь 25 канцеляристовъ, а высшій надъ всѣмъ надзоръ поручить достойному бунч. товарищу, но такъ какъ впоследствии такового не оказалось въ наличности, то «смотрѣніе» за архивомъ было поручено какому то поручику. Задача разбора въ настоящемъ случаѣ понималась довольно узко, ибо она касалась только челобитческихъ дѣлъ и состояла въ томъ, что по нимъ составлялся подробный экстрактъ съ отлѣтками въ немъ, чье дѣло, когда и съ кѣмъ начато, производится ли оно, или уже окончено. Кромѣ этой работы по существу, на обя-

занности канцеляристовъ лежало наблюденіе также за сохранностью самихъ документовъ—порченныя и погнившіе подлеивались, исправлялись и подшивались. Для такого разбора архива, какъ мы уже сказали, Шиповъ командировалъ 25 канцеляристовъ, по обычному порядку вещей ихъ явилось всего 9, между тѣмъ какъ по доношенію Анд. Лацна возложенной на него работы и при 20 чел. нельзя было скоро исполнить. Для пополненія недостающихъ рѣшено было обратиться къ полковому канцелярію, но присылали ли послѣднія на помощь своихъ канцеляристовъ и доведенъ ли былъ разборъ архива до желаннаго конца, намъ неизвѣстно, ибо здѣсь наши свѣдѣнія прерываются до самаго 1780 г., когда извѣстнымъ гр. Румянцевымъ было возбуждено дѣло о причинахъ погнели и погниенія нѣкоторыхъ частей генеральной описи Малороссіи и другихъ историческихъ документовъ. Замѣтимъ однако, что хотя время отъ 1740—80 годъ и представляется довольно темнымъ въ исторіи архива, тѣмъ не менѣе показанія архиваріуса Кедровскаго, привлеченнаго къ суду за нерадѣніе въ своихъ обязанностяхъ, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на это глухое время и позволяютъ намъ въ общихъ чертахъ изобразить судьбу архива за это четырехдесятилѣтіе. Но прежде чѣмъ перейти къ интересному слѣдствію надъ архиваріусомъ Кедровскимъ, мы упомянемъ сначала объ одномъ сенатскомъ указѣ, вызванномъ дурнымъ состояніемъ архивовъ во всей Россіи вообще и имѣвшимъ несомнѣнное вліяніе на содержаніе полковыхъ и Войск. Ген. Канцеляріи архивовъ въ частности.

Въ 1768 г. генераль-прокуроръ Вяземскій, усмотрѣвъ¹⁾ изъ многихъ къ нему доношеній о неурядкахъ въ отношеніи содержанія архивовъ, отъ чего, по его словамъ, могъ произойти не малый вредъ для общества, сдѣлалъ докладъ объ этихъ неурядкахъ Сенату и послѣдній своимъ указомъ отъ 28 мая 1768 г. приказалъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и въ томъ числѣ Малор. Коллегіи: 1) чтобы въ архиваріусы были выбираемы люди трезвые, въ порокахъ и пристрастіяхъ неприличившіеся; 2) чтобы архивы ежегодно были прилежно и внимательно осматриваемы самими начальниками присутственныхъ мѣстъ; наконецъ, 3) чтобы за обнаруженныя неисправности подвергать архиваріусовъ приличному для каждаго случая штрафу. Этотъ указъ, болѣе чѣмъ своевременный, былъ разосланъ въ

¹⁾ Между прочимъ до его свѣдѣнія дошло, что принадлежавшая вотчинной конторѣ книга найдена на Петровомъ островѣ въ свѣгу.

Малороссіи во всѣ полки, суды и магистраты и какое имѣлъ значеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра черниговской полковой канцеляріи. Черезъ нѣсколько времени послѣ полученія сенатскаго указа и очевидно за его силою упомянутая канцелярія сообщила Малор. Коллегіи, что находящеяся при ней подѣ архивомъ каменное строеніе пришло въ великое поврежденіе: стѣны потрескались, образовались большія скважины, вслѣдствіе чего крыша упала и входъ въ помѣщеніе архива сдѣлался опаснымъ. Въ виду этого разрушенія черниговская канцелярія просила Малор. Коллегію прислать ей архитектора для освидѣтельствованія архива; коллегія распорядилась, какъ того требовала черн. канцелярія, но архитекторъ по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ не выѣхалъ, архивъ завалился, образовалась течь и въ 1771 г. черн. канцелярія снова повторила свою просьбу. Этого примѣра, я полагаю, достаточно, чтобы имѣть понятіе, въ какомъ состояніи находились полковые архивы, если въ лучшемъ городѣ Черниговѣ помѣщеніе архива въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находилось въ полуразрушенномъ состояніи.

Возвращаемся теперь къ возбужденному гр. Румянцевымъ дѣлу о судебномъ преслѣдованіи архив. Кедровскаго и къ заботамъ Румянцева вообще о храненіи дѣлъ и содержаніи архивовъ въ Малороссіи.

26-го марта 1780 года на имя члена Малороссійской Коллегіи М. Туманскаго былъ данъ Румянцевымъ указъ, въ которомъ правитель Малороссіи, напомнивъ, что еще 17 февр. 1778 г. имъ было приказано „опредѣлить одного изъ господъ членовъ и надобнаго числа канцеляристовъ для освидѣтельствованія архива, собранія, приведенія въ совершенный порядокъ и сочиненія описей“, сожалѣлъ, что до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано по этому приказу, и опредѣлилъ вновь втораго члена Коллегіи М. Туманскаго, дабы «въ ген. архивѣ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ Коллегіи мѣстахъ хранимыя дѣла были приведены въ порядокъ». По справкѣ въ Коллегіи выяснилось, что въ 1778 г. для разбора архива былъ назначенъ именно М. Туманскій, замѣненный за его отсутствіемъ другимъ членомъ Коллегіи Козельскимъ; тогда же въ 1778 г. во всѣ полковыя канцеляріи, магистраты и пр. присутственныя мѣста даны были указы, дабы публичныя дѣла были принимаемы въ нихъ и хранимы за описями, по точной силѣ законовъ. Послѣ непродолжительной дѣятельности въ архивѣ Козельскій заболѣлъ и на его мѣсто былъ назначенъ надв. сов. Туманскій, однофамилецъ М. Туманскаго, назначеннаго ему въ помощь указомъ 26-го марта 1780 г. Опредѣляя Козельскаго къ раз-

бору архива, Мал. Коллегія потребовала отъ него прежде всего представить ей рапортъ о состояніи знаменитой генеральной описи для доклада о ней Румянцеву; но Козельскій, по показанію архиваріуса Адамовича, успѣлъ до своей болѣзни освидѣтельствовать всего нѣсколько сотенъ миргородскаго полка и послѣ его ухода дальнѣйшій пріемъ генер. описи отъ смѣннаго архиваріуса Кедровскаго и освидѣтельствованіе ея производилъ замѣститель послѣдняго Адамовичъ. Къ 1780 г. Адамовичу удалось привести ген. опись въ болѣе или менѣе «совершенный», какъ онъ выразился, порядокъ и представить двѣ книги ея реестровъ на разсмотрѣніе г.г. Туманскихъ. Послѣдніе однако, нашли реестры не вполне «совершенными» на томъ основаніи, «что въ оныхъ книгахъ заглавій съ показаніемъ, по чьему повелѣнію, въ которомъ году та ген. опись начата, по какой годъ продолжалась и въ архиву отдана, не учинено», а поему возвратили Адамовичу для восполненія. Сколько можно теперь догадываться, «2 книги реестровъ», составленныя архиваріусомъ, не могли отличаться большою полнотою или подробностью, ибо монументальный трудъ генеральнаго описанія Малороссіи занималъ, какъ мы увидимъ впоследствии, половину всего помещенія архива, онъ заключалъ въ себѣ массу фоліантовъ вѣдомостей, крѣпостныхъ грамотъ, статистическихъ таблицъ и пр., совершенно неописанныхъ, а потому едва ли возможно ожидать отъ Адамовича большой полноты въ реестрахъ ген. описи. Получивъ въ 1780 г. отъ Адамовича реестры, г.г. Туманскіе начали разборъ архива съ пересмотра Высочайшихъ грамотъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, приговоровъ и пр. дѣлъ первостепенной важности. Каждую осматриваемую грамоту Адамовичъ, при помощи командированныхъ ему 10 чел. канцеляристовъ, долженъ былъ, свѣривши со старой описью, провѣсить, просушить, если нужно то подклеить и занести въ новую опись, такъ какъ старая оказалась негодной, за невозможностью дѣлать въ ней необходимыя о каждомъ дѣлѣ помѣтки.

Кромѣ этого, къ концу сентября 1780 г. Туманскіе успѣли освидѣтельствовать архивы суда генеральнаго и счетной комиссіи; описи найденныя ими также не годилось, потому что въ нихъ не было отмѣчено, какія изъ дѣлъ находятся въ дѣйствительности на лицо противъ занесенныхъ въ опись. На этомъ основаніи было рѣшено составить новыя описи и реестръ рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ упомянуть объ обнаруженномъ этой ревизіей недостаткѣ и порчѣ грамотъ и др. документовъ,

но мы предупреждаемъ читателя сей замѣтки, что приводимый ниже перечень недостающихъ документовъ не можетъ вполнѣ свидѣтельствовать объ истинной уtratѣ грамотъ, начиная съ 1585 г., ибо самая опись, по которой происходила провѣрка наличности архива, съ большею вѣроятностью можно сказать, была составлена не ранѣе гетманства Разумовскаго, а посему всѣ исчезнувшія до ея составленія дѣла, какъ напр. во время пожара 1748 г. въ опись не попали и погибели ихъ прошла незамѣченною.

По ревизіи грамотъ отъ 1585—1765 г.¹⁾ не явилось между ними противъ описи: 6-ти грамотъ изъ иностранной коллегіи и одной изъ Пр. Сената, одной грамоты 7798 г., адресованной до запорожскаго кошевого Ин. Гусака о разрывѣ перемирія съ турками и канонъ; 3-хъ (неважныхъ) грамотъ къ гет. Скоропадскому, 2-хъ къ гет. Д. Апостолу и одной къ Разумовскому. Кромѣ этихъ грамотъ публичнаго, такъ сказать характера, при ревизіи не обнаружилось еще нѣсколькихъ совершенно частнаго характера и между ними одного манифеста слѣдующаго любопытнаго содержанія: «о недачѣ какъ явнымъ, такъ и тайнымъ образомъ никому, ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ никакого совѣта и наставленія отставному лейб-гвардіи прапорщику кн. Ник. Хованскому подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имѣнія и указаго штрафа».

За симъ къ сентябрю 1781 г. гг. Туманскіе успѣли освидѣтельствовать. 1) книги опредѣленій съ 1734—77 г., 2) протоколы съ 1722—77 г., 3) книги ревизій малороссійскихъ полковъ—лубенскаго, черниговскаго и прилуцкаго съ 1713 г., полтавскаго съ 1721 г., прочихъ полковъ съ 1723 г., наконецъ, тогда же были разсмотрѣны копии гетманскихъ универсаловъ и дѣлъ Мал. Коллегіи съ 1722—32 г. книги объ индуктѣ, инвектѣ и другихъ сборахъ, практиковавшихся въ Малороссіи. При разборѣ этого отдѣла не достало противъ описи 56 №№ дѣлъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ не оказалось начала, конца или середины. Усмотря такимъ образомъ отсутствіе нѣкоторыхъ грамотъ и дѣлъ, лица, производившія ревизію, обратились къ бывшему архивариусу Кедровскому за разъясненіями и тотъ объяснилъ, что, вступая въ 1766 г. по смерти своего предшественника Гусаревскаго въ завѣдываніе архивомъ, онъ по реестрамъ дѣлъ не принималъ ни отъ кого, но велъ таковыя только дѣламъ, входившимъ за его бытность, а поэтому объяснить причины исчезновенія дѣлъ онъ

¹⁾ Подлинная привилегія короля Стефана Баторія 1585 г.

не может и въ пропажѣ ихъ виновнымъ себя не считаетъ. Въ теченіе свое службы въ архивѣ Кедровскій, по его словамъ, занимался главнымъ образомъ выборкой справокъ по приказу Малорос. Коллегіи, а освидѣтельствованія грамотамъ и другимъ документамъ не производилъ, потому что на это не было приказа; грамоты же хотя и выдавалъ, но всегда получалъ исправно обратно. Донося о неявишихся документахъ и объ отвѣтѣ, данномъ по этому предмету Кедровскимъ, гг. Туманскіе доложили Мал. Коллегіи, что многія изъ грамотъ отъ ветхости и сырости заплесневѣли и загнили настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пораспадались, на сгибахъ поломались и пр.. Книга указовъ Пр. Сената, узнаемъ мы изъ этого доношенія, находилась въ столь ветхомъ переплетѣ, что листы изъ нея повыпали и растерялись.

Въ заключеніе Туманскіе просили у Коллегіи разрѣшенія ветхія грамоты подклеивать, а иныя даже переписывать. Мал. Коллегія не удовлетворилась отвѣтомъ Кедровскаго и привлекла его къ слѣдствію по обвиненію въ нерадѣніи по службѣ, выразившемся какъ въ, пропаяжѣ дѣлъ, такъ и въ томъ, что многія изъ нихъ за время отъ 1672—1776 г. подверглись гніенію. Привлеченный къ отвѣту за грѣхи всѣхъ предшественниковъ Кедровскій показалъ, что въ порчѣ дѣлъ отъ 1672—1748 г. виновенъ отнюдь не онъ, а его предшественникъ Дѣвовичъ вмѣстѣ съ своими помощниками Гусаревскимъ и Петрашевичемъ, завѣдывавшими во время болѣзни Дѣвовича; по показанію Кедровскаго, Дѣвовичъ, опредѣленный въ архиву въ 1763 г., хотя мало заботился объ охранѣ дѣлъ отъ гніенія, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ имъ были обвернуты въ листы бѣлой бумаги и сохранились въ такомъ видѣ до самаго послѣдняго времени, что указываетъ, по словамъ оправдывавшагося архивариуса, на особенныя заботы его, Кедровскаго, объ архивѣ. Насколько справедливы обвиненія Дѣвовича въ порчѣ и исчезновеніи дѣлъ, можно судить уже по тому обстоятельству, что онъ, несмотря на приказаніе гет. Разумовскаго о сдачѣ ему дѣлъ по описи и за росписками слатчиновъ, тѣмъ не менѣе не имѣлъ ни одного приѣма по роспискамъ, ибо самихъ описей дѣламъ не существовало, вѣроятно, вслѣдствіе уничтоженія ихъ пожаромъ 1748 г.

Слѣдующая за симъ порча дѣлъ отъ 1748 г. по 66 г., говорилъ Кедровскій, также произошла не по его винѣ, а скорѣе по винѣ помѣщенія архива, заключавашагося въ двухъ сырыхъ комнатахъ, расположенныхъ надъ какимъ то погребомъ; это сырое помѣщеніе однако вскорѣ по вступленіи въ должнсть Кедровскаго было оставлено и

архивъ былъ переведенъ въ другое зданіе противъ генер. суда, гдѣ была раньше счетная коммиссія. Здѣсь новый архивариусъ просушивалъ и провѣтривалъ дѣла, раскрывая лѣтомъ окна, между тѣмъ какъ въ прежнихъ двухъ комнатахъ предшественниками его не только никакой просушки помѣщенія архива не производилось, но канцеляристъ Петрашевичъ складывалъ дѣла подъ завѣдомо мокрую стѣну, отчего края ихъ пришли въ гнилое состояніе. Здѣсь не мѣшаетъ однако замѣтить, что тяжесть обвиненій, возводимыхъ Кедровскимъ на своихъ предшественниковъ, облегчается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Гусаревскимъ, временно исправлявшимъ обязанности архивариуса, былъ поданъ въ Коллегію докладъ о порчѣ дѣлъ, но былъ ею оставленъ былъ резолюціи, ибо высшее правительство Малороссіи почло за неприличіе объясняться съ Гусаревскимъ о гнили старыхъ дѣлъ... Въ довершеніе своихъ объясненій Кедровскій сослался и на то всѣмъ извѣстное обстоятельство, что послѣ бывшаго въ 48 году въ Глуховѣ пожара дѣла архивныя были сложены въ каменной колокольнѣ Михайловской церкви, гдѣ отъ тѣсноты и неспособности помѣщенія многія изъ нихъ пришли въ неурядокъ и совершенную погибель. Виновникомъ порчи дѣлъ до Дѣвовича Кедровскій считалъ давно умершаго канцеляриста Закровіецкаго. Пока шло слѣдствіе надъ уволеннымъ отъ должности Кедровскимъ, разборъ архива продолжался, но одинъ изъ Туманскихъ, назначенный въ Кіевъ прокуроромъ, былъ замѣщенъ въ 1783 году Рахмановымъ; разбирались дѣла по вновь учрежденнымъ намѣстничествамъ, куда ихъ предполагалось отправить, за исключеніемъ дѣлъ «генеральныхъ», иначе сказать, дѣлъ, относящихся ко всей Малороссіи. Къ концу 1783 г. намѣстническія дѣла были разобраны и для нихъ составлено два экземпляра описей съ тѣмъ, чтобы одинъ остался въ архивѣ, а другой вмѣстѣ съ самими дѣлами былъ отправленъ въ намѣстничество, опись же «генеральныхъ» дѣлъ была составлена въ одномъ экземплярѣ. За симъ остались неразобранными и неописанными дѣла по военной, внутренней и апелляціонной экспедиціямъ, вновь принятыя Адамовичемъ отъ Мал. Коллегіи въ числѣ 22,320 №№; всѣхъ дѣлъ имъ было принято отъ Кедровскаго 53,840.

Остававливая свое вниманіе предъ этой огромной цифрой и вспоминая, что нынѣ въ архивѣ Мал. Коллегіи всего насчитывается 20 т. дѣлъ слишкомъ, невольно приходится пожалѣть массы погибнувшаго матеріала; это тѣмъ болѣе печально, что погибелью столь драгоценнаго богатства мы исключительно обязаны нелѣпому и без-

толковому отношенію къ нему завѣдовавшихъ этимъ дѣломъ лицъ..., отношенію, продолжавшемуся, правду сказать, до самаго послѣдняго времени, когда, благодаря П. С. Ефименко и содѣйствію ист.-филологическаго общества харьковскаго университета, удѣлѣвшія 20 т. дѣлъ были вытащены на божій свѣтъ изъ черниговскихъ подваловъ и помѣщены въ зданіи харьковскаго университета, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, разобраны и гарантированы отъ плесени и гнили. Что касается до исхода слѣдствія надъ Кедровскимъ, то его объясненія были приняты во вниманіе и онъ былъ оправданъ, но чрезъ 2 года по распоряженію гр. Румянцева снова попалъ подъ слѣдствіе за небреженіе о книгахъ генеральной описи—этого дѣтища суроваго реформатора Малороссіи. Въ виду важнаго значенія для исторіи нашего края ген. описи мы расскажемъ здѣсь въ общихъ чертахъ, какъ хранился, или вѣрнѣе погибалъ, этотъ монументальный трудъ, поглотившій столько человѣческихъ усилій и денегъ.

20-го окт. 1767 г., узнаемъ мы отъ того же Кедровскаго, гр. Румянцевымъ было предложено М. Коллегіи принять составленную по полкамъ ген. описи по приложеннымъ къ ней реестрамъ и за росписками принимавшихъ; Коллегія сдѣлала зависящее отъ нея распоряженіе о приѣмѣ и сдачѣ въ архивъ ген. описи по реестрамъ, но въ дѣйствительности оказалось нѣсколько иное. Дѣло въ томъ, что описи различныхъ полковъ принимались различнымъ образомъ: одни изъ нихъ, какъ наиримѣръ, гадяцкаго, лубенскаго, молтавскаго и стародубскаго полковъ были приняты по реестрамъ, правда, никуда не годившимся, но когда Кедровскій потребовалъ отъ сдававшихъ описи мелкихъ канцеляристовъ и писарей составленія новыхъ реестровъ, то сдатчики рѣшительно воспротивились этому требованію, ссылаясь на послѣдній прывывъ ихъ въ турецкій походъ. Описи нѣжинскаго и прилуцкаго полковъ совсѣмъ не имѣли реестровъ и привезенныя въ связкахъ были приняты исключительно по одному осмотру за печатями коллегіи. О приѣмѣ описей остальныхъ полковъ въ коллегіи не нашлось даже ея на этотъ предметъ опредѣленій, хотя, нѣтъ сомнѣнія, что описи были приняты. Такая безалаберность и легкомысліе въ сдачѣ и приѣмѣ и отсутствіе реестровъ и постановленій Коллегіи, свидѣтельствующихъ о приѣмѣ ген. описи, развязывали руки архиваріусамъ и освобождали ихъ отъ серьезнаго отношенія къ сохраненію многочисленныхъ сундуковъ, связокъ и пр... Конечно описи не губили намѣренно, но ее растеривали и приводили въ безпорядокъ случайно, напр. выдавая сиравки, копіи съ грамотъ, крѣпостей и др. актовъ,

выдача коихъ требовала распечатанія и разбора неописанныхъ фоліантовъ. Отношеніе Коллегіи къ храненію ген. описи справедливо заслуживаетъ порицанія, и правъ, конечно, Румянцевъ выразившійся, что «описи безъ освидѣтельствванія были принимаемы и, такъ сказать, брошены были, не взирая на то, коль много употреблено времени и труда на сочиненіе оной и что въ томъ цѣлый край оной интересованъ». Дѣйствительно, сваленные въ архивъ фоліанты описи, привезенные зимою или осенью въ неплотныхъ сундукахъ и лубяныхъ коробкахъ, благодаря содержанію ихъ за печатими и отсутствію надлежащаго присмотра, -- начали гнить, чему особенно способствовало помѣщеніе архива.

Судьбѣ почему то угодно было, чтобы главный малорусскій архивъ въ теченіи прошлаго и настоящаго вѣковъ занималъ самыя невозможныя помѣщенія по тѣснотѣ и сырости; мы уже знаемъ нѣчто о содержаніи архива въ прежнее время, теперь же добавимъ, что къ этому присоединялись нерѣдко случайности самаго неуряднаго характера, въ родѣ обвала, пожара, поломки, переборки съ мѣста на мѣсто и пр. Въ 1776 году, напримѣръ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, членъ Коллегіи кн. Мещерскій приказалъ разломать 2 комнаты, занятыя архивомъ, а вмѣсто нихъ отвести столько же вблизи генер. суда. Приказаніе было исполнено, архивъ перемѣстили, но новое помѣщеніе оказалось столь тѣснымъ, что въ отведенныхъ двухъ комнатахъ едва удалось помѣстить самыя важнѣйшія дѣла, какъ то: грамоты, указы, книги опредѣленій, протоколовъ и пр., 39 же сундуковъ ген. описи, 16 лубяныхъ ящиковъ стародубскаго и массу связокъ той же описи кievскаго, полтавскаго и прилуцкаго полковъ принуждены были помѣстить въ остальной комнатѣ *надъ погребомъ*, ставя одинъ сундукъ на другой до самаго потолка, такъ что для разбора нижняго ящика нужно было вынести всѣ верхніе вонъ изъ комнаты, но выносить было некуда и посему все стояло нетронутымъ, предаваясь гнили. Однако такое положеніе вещей продолжалось недолго, и въ томъ же 1776 г., по просьбѣ Кедровскаго, подъ архивъ были отведены еще 2 комнаты, куда предполагалось перенести генеральную опись и привести ее въ порядокъ, но къ сожалѣнію предположеніе осталось невыполненнымъ, такъ какъ комнаты потребовались для комиссарства. Тогда чрезъ нѣсколько времени архивъ задумали перенести въ каменный флигель ген.-губернаторскаго дома, а такъ какъ онъ былъ довольно удобенъ, то архиваріусъ рѣшилъ туда перенести важнѣйшіе документы, а въ освободившихся двухъ комнатахъ имѣлъ въ виду

расположиться съ ген. описью. Обративъ вниманіе на столь частыя и безтолковыя кочеванія архива, нельзя не согласиться съ Кедровскимъ, что «поврежденіе въ дѣлахъ» произошло не столько отъ вины архиваріусовъ, какъ «отъ неимѣнія твердаго и непремѣннаго способнаго для архивы мѣста и за частую переноскою съ мѣста на мѣсто оной». Пока состоялось перенесеніе ген. описи изъ нея погнили, по свидѣтельству ревизора Козельскаго, слѣдующіе отдѣлы: 1) двѣ связки миргородскаго полка со свѣденіями о цыганахъ и опись хорольской сотни того же полка, 2) опись городской сотни полтавскаго полка, 3) описи сотенъ бакланской и шестаковской стародубскаго полка, 4) описи сотенъ лубенской, 1-й и 2-й пирятинской, 2-й чигринъ-дубровской, перво-сенчанской и лукомской—лубенскаго полка. Порча вышеупомянутыхъ описей была такого рода, что дѣлала ихъ никуда негодными; кромѣ того, говорилъ Козельскій, какъ въ описяхъ этихъ полковъ, такъ и другихъ нѣкоторыя вѣдомости заплесневѣли и загнили. Въ наилучшемъ состояніи была найдена одна только кievская опись, переписанная на бѣло и скрѣпленная ревизорами.

Въ новомъ своемъ помѣщеніи генеральный архивъ, какъ кажется, пребывалъ до 7 авг. 1784 г., когда новымъ страшнымъ пожаромъ вмѣстѣ съ значительною частью Глухова была уничтожена и часть архива. Въ этотъ день погибло 12—изъ 22-хъ сундуковъ дѣлъ походной румянцевской канцеляріи и нѣкоторая часть архива съ описью; уничтоженіе описи не даетъ намъ возможности опредѣлить числа погибшихъ дѣлъ, «но судя по размѣрамъ бѣдствія, оно не можетъ быть незначительнымъ. Утѣшительно уже при этомъ то обстоятельство, что генеральная опись, занимавшая, какъ извѣстно, половину архива была заранѣе отправлена, вмѣстѣ съ книгами ревизіи 1764 года, по намѣстничествамъ въ новгородъ-сѣверскую, черниговскую и кievскую казенныя палаты и такимъ образомъ спаслась отъ вѣрной гибели. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только опись полтавскаго полка, оставшаяся по неизвѣстной причинѣ въ архивѣ до дня самаго пожара. Уцѣлѣла ли она отъ огня—намъ неизвѣстно.

Возникшимъ послѣ пожара 7 авг. слѣдствіемъ выяснилось, что помѣщеніе архива въ это время состояло изъ 10 комнатъ въ нижнемъ этажѣ флигеля, стоявшаго у Московскихъ воротъ, вблизи церкви Трехъ-Анастасій и городского вала. Размѣщеніе самихъ дѣлъ въ архивѣ было таково, что на углу въ первыхъ 3-хъ комнатахъ стояли 22 сундука дѣлъ походной канцеляріи гр. Румянцева, 4-я и 5-я комнаты были заняты дѣлами, отобранными для намѣстничествъ, а также

принятыми отъ цалмейстерской, рейтмейстерской и бывшей скарбовой канцеляріи и счетной комиссіи, 6-ю и 7-ю комнаты занимали указы, грамоты, книги предложеній, журналовъ, ревзій и ген. опись полтавскаго полка, въ 8-й и 9-й заключались дѣла, подлежавшія отсылкѣ, но еще не описанныя. Наконецъ, въ 10-ой комнатѣ наводились справки.

Пожаръ 7 августа начался съ глуховскаго предмѣстья Бѣлопольскаго и сначала мало угрожалъ архиву, расположенному въ другой сторонѣ города, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ не по направленію архива, а на сварковскую дорогу; однако Адамовичъ, желая предупредить всякую опасность, бѣгалъ, по его признанію, по всему городу, чтобы найти подводы и вывести хотя бы сундуки и грамоты въ болѣе безопасное мѣсто. Къ сожалѣнію подводу при общемъ смятеніи не нашлось, между тѣмъ какъ положеніе архива при усиливавшихся съ часу на часъ волнахъ огня дѣлалось опаснымъ, а близкое сосѣдство деревянныхъ лавоекъ съ масломъ, саломъ и дегтемъ усугубляло эту опасность. Въ такомъ безвыходномъ положеніи Адамовичъ приказалъ отворить бывший во дворѣ архива погребъ и успѣлъ свалить туда 10 сунд. дѣлъ Рум. походной канцеляріи и 6 сундуковъ съ грамотами и др. бумагами, «упражняясь въ томъ до самаго уже крайнѣйшаго изнеможенія, не уважая и наступившей отъ огня опасности, пока не былъ уведень канцеляристами». «Упражненіе» Адамовича было прервано огнемъ, объявшимъ зданіе архива; моментально загорѣлись окна, двери и все, что было деревяннаго; каменные своды подались и потрескались, огонь уже готовъ былъ охватить и самыя бумаги, лежавшія ближе къ дверямъ и окнамъ, но Адамовичъ съ своими помощниками во время успѣли выбросить на площадь все, стоявшее близко къ огню, и этимъ спасли большую часть архива отъ огня. На слѣдующій день какъ выброшенные дѣла, такъ и оставшіяся въ архивѣ и въ погребѣ были перевезены болѣе чѣмъ на 100 подводахъ въ отведенный для нихъ амбаръ. Послѣ этого несчастія всякія свѣдѣнія о судьбѣ генеральнаго архива прерываются и часто ли его мочило дождемъ и палило огнемъ, пока онъ поивалъ въ Черниговъ, а оттуда, наконецъ, въ руки историко-филологическаго общества—намъ неизвѣстно. Въ заключеніе этой замѣтки мы не можемъ не подѣлиться слѣдующимъ грустнымъ соображеніемъ: имѣющіяся нынѣ бранные остатки архива (20 т. дѣлъ слишкомъ) вѣсятъ,

по словамъ П. С. Ефименва, кажется, около 600 пуд., между тѣмъ какъ 100 подводъ, потребовавшіяся для перевозки архива, позволяютъ думать, что вѣсъ оставшихся отъ пожара дѣлъ былъ нивакъ не ниже 2500 пуд., полагая на каждую подводу по 25 пудовъ и допуская, что всѣ онѣ были конныя.

Гдѣ же эти три четверти генеральнаго архива Малороссіи?

Ив. В. Теличенко.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка.

Якъсь недавно довелось
Мени заіхзати въ Украину.
И я, заплававши, назадъ
Поіхзавъ знову на чужину.—Ш.

По возвращеніи изъ ссылки, Т. Гр. весною 1859 года осуществилъ любимую свою мечту—посѣтить родныя мѣста. Въ концѣ мая онъ выѣхалъ изъ Петербурга и послѣ продолжительнаго путешествія добрался до Переяслава. Отдохнувши послѣ дороги у своего стараго пріятели Козачковскаго, онъ по Днѣпру отплавился въ Прохоровку, на Михайлову Гору, къ М. А. Максимовичу. Прогостивши тамъ нѣсколько дней, поэтъ Днѣпромъ же поплылъ въ Городище, на сахарный заводъ Яхненка и Симиренка.

Въ то время дѣла фирмы Яхненка и Симиренка находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Заведеніе ихъ своимъ обширнымъ сахарнымъ производствомъ и громадною образцовой механической мастерскою славилось чуть ли не по всей Россіи. И дѣйствительно, при крѣпостномъ правѣ здѣсь—въ заведеніи братьевъ Яхненка и Симиренка—царилъ свободный вольнонаемный трудъ, щедро оплачиваемый. Заботливость и попеченіе хозяевъ заведенія о благосостояніи рабочихъ труженниковъ и служащихъ на заводѣ были безмѣрны: благоустроенныя въ санитарномъ отношеніи казармы, паровыя бани, роскошная больница съ богатой аптекой, прекрасная церковь, бібліотека, училище на 150 учениковъ, съ семью преподавателями, большею частію университетскаго образованія. Предметы преподавались по программамъ техническихъ училищъ.

Такое рѣдкое явленіе въ краѣ, съ крѣпостнымъ по преимуществу населеніемъ, — было явленіемъ свѣтлымъ и глубоко отраднымъ. Не удивительно, что Т. Гр., прибывъ на свою родину, подвергавшуюся эксплуатаціи жидовъ и помѣщиковъ, поспѣшилъ прежде всего увидѣть городищенское заведеніе братьевъ Яхненка и Симиренка, бывшихъ, какъ и самъ онъ, крѣпостными, увидѣть, такъ сказать, зорю наступающаго для его родины свѣтлаго дни свободы.

Въ концѣ іюня III—ко заѣхалъ къ одному изъ служащихъ въ заведеніи Александру Ивановичу Хропалю и, не заставъ его дома, отправился къ Платону Федоровичу Симиренку, главному руководителю дѣлами фирмы. Вернувшись домой, Хропаль, узнавъ о посѣщеніи его Шевченкомъ, вслѣдъ за нимъ отправился къ Симиренку. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ былъ со всѣми свой. Но на этотъ разъ посѣщеніе его ограничилось лишь нѣсколькими часами.

Спусти нѣсколько дней, онъ снова пріѣхалъ, уже съ намѣреніемъ пожить въ Городищѣ подольше. Устроился онъ въ квартирѣ Хропала съ большимъ комфортомъ. По вечерамъ туда приходили нѣкоторые изъ служащихъ на заводѣ, люди солидно образованные. Поэтъ часто воодушевлялся, рассказывалъ веселые анекдоты, читалъ свои стихотворенія, вписанныя очень мелкимъ почеркомъ въ небольшую переплетенную книжечку, которую онъ обыкновенно носилъ за голенищемъ. Такого художественнаго чтенія никому изъ присутствующихъ не приходилось слышать ни прежде, ни послѣ.

«Глубоко вѣззалось въ мою память, говорилъ А. И. Хропаль, прочитанное имъ стихотвореніе «Сонъ».

На панцини ишеницю жала:
Втомылася; не спочывать
Пшла въ снопы,—пошкандыбала
Ивана сына годувать:
Воно сповытее крѣчало
У холодочку за спомомъ;
Росповыла, нагодувала,
Попестыла,—и нбы спомт,
Надъ сыномъ сыда, задримала.
И снытьса ій: той сынъ Иванъ—
И уродливый, и богатый,
Не одынокый, а жонатый
На вольній, бачытьса, бо й саяъ

Уже не паньскій, а на воли,
Та на своихъ веселимъ поли
У—двохъ соби ишеницю жнуть,
А диточемъ обидь несуть..
Та й усмихнулася небога...
Провынула,—нема ничего!
На йвана глянула; взяла
Его, гарненько сповыла,
Та, щобъ дожати до *ламового*,
Ще копу дожыпати пшла..
Остатню, може; Богъ поможе,
Той сонъ твій справдытьса...

Въ самый разгаръ дѣятельности комиссіи объ освобожденіи крестьянъ это стихотвореніе потрясло всѣхъ насъ какъ бы электрическимъ токомъ».

Обѣдалъ Т. Гр. у Платона Федоровича. Ему оказывалось самое искреннее радушіе. Послѣ обѣда обыкновенно отправлялись осматривать заводъ со всѣми его приспособленіями. Ш—ко многому удивлялся, отъ многого приходилъ въ восторгъ, но осмотрѣ же училища, онъ порывисто обнялъ К. М. Яхненка, поцѣловалъ его и съ чувствомъ произнесъ:

— Батьку! Що ты тутъ наробывъ! и на глазахъ его показались слезы.

Однажды разговоръ зашелъ о томъ, что въ продажѣ давно нѣтъ сочиненій Кобзаря, на что поэтъ замѣтилъ, что издатели-кацапы скупаются, а самъ онъ для того не имѣетъ средствъ ¹⁾. Тогда ему предложена была матеріальная поддержка.

Восхищаясь садомъ Хропаля, поэтъ выразилъ желаніе подобный «салочокъ» развести у себя, въ своей будущей усадьбѣ, на берегу Днѣпра. Ему и въ этомъ обѣщано содѣйствіе: на заводѣ имѣлись свои садовники, богатые школы фруктовыхъ деревьевъ, разныхъ декоративныхъ растений и кустарниковъ, а имѣя свой пароходъ на Днѣпрѣ, Яхненко пообѣщаль даже перевезть деревья въ Каневъ. Однимъ словомъ, ему обѣщали устроить садъ по его вкусу, безъ всякихъ съ его стороны хлопотъ и расходовъ.

Во время пребыванія Ш—ка на заводѣ А. И Хропаль, дѣлая свои распоряженія по работамъ, зашелъ къ одному изъ служащихъ, въ квартирѣ котораго постоянно останавливались прїѣзжавшіе въ заведеніе чины полиціи; тамъ засталъ онъ пристава Добржинскаго, которому при разговорѣ, между прочимъ, сказалъ, что у него ночуетъ Шевченко.

— Якій Шевченко? Може академикъ?

— Да, академикъ!

Приставъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Отъ спасыби, що свазалы: Я только что получилъ предписаніе отъ исправника наблюдать за нимъ. Теперь я знаю, гдѣ онъ находится. Вотъ и отличусь передъ начальствомъ, прибавилъ онъ вполголоса, какъ бы про себя.

Въ этотъ разъ Т. Г. Ш—ко пробылъ въ Городищѣ трое сутокъ. Въ послѣдній вечеръ, при заходѣ солнца, онъ какъ бы что то вспом-

¹⁾ Объ эксплуатаціи издателей-книгопродавцевъ Т. Гр. писалъ М. А. Марквичъ (Вовчакъ): „не посылайте пока що ничего отимъ еныгарямъ, пока вась лыхо не прискрипило, бо вони не бачать, а носомъ чуютъ наши злыдни“.

нилъ и, обратившись къ Хропалю, попросилъ дать ему лошадей, объявивъ, что ему нужно поѣхать въ Кирилловку, а потомъ въ Корсунь къ своему родственнику Вареоломею Шевченку. Лошади были поданы и Алексѣй Ивановичъ почти насильно навязалъ ему свой теплый бурнусъ, такъ какъ ночь, несмотря на июнь, предвидѣлась довольно прохладная, а Т. Гр. былъ одѣтъ въ легкое парусиновое пальто. На третій день лошади воротились съ бурнусомъ.

Между тѣмъ на Шевченка былъ сдѣланъ доносъ¹⁾, вслѣдствіе котораго исправникъ Табачниковъ предписалъ приставу Добржинскому арестовать академика Шевченка. Понятно, что этому порученію тотъ былъ радъ несказанно и пустился за поэтомъ въ погоню.

Ничего не подозрѣвая, Т. Г. отправился къ своему старому пріятелю М. А. Максимовичу, на Михайлову Гору, куда онъ былъ приглашенъ на парадный обѣдъ, нарочно для него устроенный. Во время обѣда пріѣхалъ приставъ и хотѣлъ тотъ же часъ арестовать дорогаго гостя, не давши ему докончить обѣда; но хозяинъ уприсилъ его обождать, пока онъ отъ него уѣдетъ: «Чтобъ не у меня въ домѣ», шепталъ онъ приставу въ передней²⁾. Добржинскій ушелъ и сдѣлалъ на поэта засаду у Диѣбра. Едва Ш—ко успѣлъ отплыть на нѣсколько сажень отъ берега, какъ становой налетѣлъ на него, пересадилъ на своего дуба и отвезъ въ становую квартиру въ Мошны. Здѣсь поэтъ просидѣлъ три дня, переселившись въ домъ полковника Грузинскаго; гулялъ въ воронцовскомъ паркѣ и съ горя усердно поклонялся Бахусу. Получивъ извѣстіе объ арестѣ Ш—ка, П. А. Симпренко, вмѣстѣ съ Вареоломеемъ Шевченкомъ ѣздили въ Мошны къ главноуправляющему имѣніями Воронцова Ягницкому, уважаемому всѣми и вліятельному лицу, просить его ходатайства передъ исправникомъ объ освобожденіи арестанта. Тутъ случился жандармскій офицеръ, добрый человѣкъ, который не придавалъ винѣ Ш—ка особеннаго значенія, общая при томъ лично представить кн. Васильчикову объясненіе по этому дѣлу въ благопріятномъ для поэта смыслѣ, что онъ, вѣроятно, и исполнилъ въ пику Табачникову, съ которымъ у него были контры.

Изъ Мошенъ Т. Гр. увезли въ Черкасы, резиденцію исправника, а оттуда пароходомъ отправили въ Кіевъ.

¹⁾ См. Жизнь и произведенія Т. Ш—ка стр. 141—142.

²⁾ Свѣдѣніе это сообщено сестрой М. В. Максимовичевой, игуменьей Ржищевскаго монастыря.

Кн. Васильчиковъ, человѣкъ въ высокой степени гуманный, выслушавъ объясненія поэта, велѣлъ освободить его изъ подъ ареста, давъ ему такое напутствіе:

«Поѣзжайте скорѣе въ Петербургъ тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ, изъ желанія выслужиться»¹⁾.

По прибытіи въ Петербургъ, Т. Гр. прежде всего занялся изготовленіемъ къ печати своего «Кобзаря». Главное управленіе по дѣламъ печати отнеслось къ изданію сочиненій Ш—ка неблагоприятно и дѣло могло бы затянуться на долго, если бы министр нар. пр. Ковалевскій собственною властію не разрѣшилъ печатанія.

Покончивъ такимъ образомъ съ цензурой, Шевченко обратился за пособіемъ въ Городище:

Щиро шануемій и многоуважаемій Алексій Иванович!

Мени оце прійшлося до скруту: сёгодня цензура выпустила изъ своихъ назуривъ мои безталаннів думы, та такъ проклята одчистыла, що я ледве признавъ свои диточки, а издатель, кацалська душа (Кожанчиковъ) половинны не дае того, що я прошу и що мени притьмомъ треба. Зъ такимъ моимъ дыхомъ я оце до васъ зъ Платономъ Федоровичемъ: выплить мени, будьте ласкави, 1100 карбованьцивъ, и я вамъ зъ великою дякою прышлю къ новому року экземпляривъ книги на такую сумму, або черезъ рикъ грошы зъ невеликымъ процентомъ. Зробить якъ знаете и якъ вамъ Богъ на розумъ положе. Поклониться одъ мене тричи Кондрату Михайловичу (Яхненку), Федору Степановичу и всимъ, и всимъ! Титаривну жъ (дочь Хропала) тричи поцилуйте за мене, нехай воно здорове росте, та щаслыве буде! Оставайтесь здорови! Нехай вамъ Богъ помагае на все добре! Не забувайте искренняго вашего Т. Шевченка.

Р. S. Якъ побачите Т.ва, то заплуйте ёму всю его собачу мому! Дыво мени, що таку подлюю, гнусную тварь земля носить. Другымъ разомъ я вамъ напишу, що винъ хотивъ зо мною зробить.

П. О. Симиренко немедленно сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ поэту потребнаго для изданія книги пособія, при слѣдующемъ письмѣ:

¹⁾ Арестомъ своимъ нашъ Кобзарь главнымъ образомъ былъ обязанъ петербургскому оберъ-полиціймейстеру, который, при отъѣздѣ его на родину, послалъ туда секретное предписаніе полицейскимъ властямъ «строго наблюдать за академикомъ Шевченко».

Милостивый Государь Тарасъ Григорьевичъ!

Большое спасибо вамъ за ваше письмо и еще большее за то, что Вы не забыли насъ и обратились къ намъ по дѣлу изданія нашихъ пѣсней.

Съ этою почтой я послалъ письмо въ Москву къ С. Д. Пурлевскому и просилъ его выслать вамъ 1100 рублей. По выходѣ книгъ прошу васъ отослать ихъ на 1100 рублей въ Москву Саввѣ Дмитричу, а онъ пришлетъ намъ ихъ сюда—и мы съ Вами расквитаемся.

Кондрать Михайловичъ дѣйствительно чувствуетъ себя лучше послѣ поѣздки въ Воронежъ. Сахарное дѣло у насъ въ разгарѣ и дѣла много, а все таки я нашелъ минуту написать Вамъ. Мы всѣ часто вспоминаемъ ваше пребываніе у насъ и душевно желали бы еще пользоваться вашимъ обществомъ. Мы съ вами мало знакомы, кой о чемъ хотѣлось поговорить съ Вами, да не было случая. Вы своими поэтическими разсказами такъ увлекали меня, что я все забывалъ. Богъ дастъ увидимся и поговоримъ по правдѣ, откровенно. Вѣдь Вы за правду не сердитесь; скажите мнѣ, хоть на первый случай, *по правдѣ*: отчего вы написали ко мнѣ на одномъ языкѣ, а Алексѣю Ивановичу—на другомъ? Если Васъ не утомляетъ переписка такая не литературная, какъ моя, то я бы просилъ васъ написать мнѣ когда нибудь.

Желаю Вамъ того, что вамъ можетъ быть полезно, а въ особенности здоровья: оно нужно для всѣхъ. Видите мой эгоизмъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Платонъ Симиренко.

11 декабря 1859 г. Городищенскій
заводъ—Богоспасаемый

Когда Платонъ Федоровичъ получилъ отъ автора съ собственноручною подписью «Кобзаря» и увидѣлъ на обложкѣ свою фамилію (Коштомъ Симеренва), то былъ этимъ крайне недоволенъ, не желая, чтобы лѣвая его рука знала о томъ, что дѣлаетъ правая—черта, рѣдная въ наше меркантильное время въ кругу меценатствующихъ богачей.

М. Чалый.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край.

I.

Исполняя данное обѣщаніе, рѣшаюсь сообщить вамъ, милостивый государь, краткія замѣтки о видѣнномъ мною во время поѣздки моей въ сѣверо-западный край. Но при этомъ считаю нужнымъ

оговориться, что я не имѣлъ времени и возможности наблюдать современную социальную-общественную жизнь края и руководился въ своей поѣздкѣ преимущественно историко-археологическими цѣлями. Поэтому мои замѣтки будутъ касаться преимущественно памятниковъ русской старины и источниковъ и пособій для мѣстной исторіи. Что же касается явленій современной социальную-общественной жизни края, то я ихъ буду касаться лишь на столько, на сколько сталкивался съ ними въ вагонѣ, дилижансѣ или на пароходѣ, въ гостинницахъ и при встрѣчахъ съ мѣстными дѣятелями.

20 іюля я выѣхалъ изъ Кіева по желѣзной дорогѣ черезъ Бахмачъ на Минскъ. До Бахмача спутниками моими по вагону были преимущественно богомольцы и гости, возвращавшіеся изъ Кіева съ торжества 900-лѣтія крещенія Руси. Рѣчь, естественно, вращалась около этого грандіознаго, небывалаго въ Кіевѣ торжества, но касалась не существа и внутренняго значенія праздника, а деталей церемоніи, что, впрочемъ,—и естественно въ легкомъ разговорѣ между случайными знакомцами. Но со станціи Бахмачъ составъ пассажировъ рѣзко пзмѣняется: вагоны биткомъ набиты были евреями, и только изрѣдка попадались въ числѣ пассажировъ мѣстные помѣшники съ польскою рѣчью, крестьяне-бѣлоруссы, сильно смахивающіе на сѣверно-русскихъ мужичковъ, военные разныхъ чиновъ и проч. Но всей этой пестротѣ вагоннаго населенія давали общій тонъ и колоритъ евреи уже по одной своей численности. Они безцеремонно располагались въ вагонахъ, какъ у себя дома, окруженные множествомъ чемодановъ, корзины и корзиночекъ, узловъ и узелковъ, и нерѣдко стѣсняли пассажировъ-христіанъ, со всѣми обрядами и открыто совершали свое утреннее моленіе, цѣлымъ кагаломъ вступались за безбилетныхъ единоплеменниковъ своихъ и всегда почти усиѣвали отстоять какого нибудь желѣзно-дорожнаго зайца-еврея не только отъ двойнаго штрафа за проѣздъ безъ билета, но и вообще отъ платы. Прибавьте къ этому еврейскую нечистоплотность,—и вы будете имѣть хотя приблизительное представленіе общей картины вагонной жизни.

Я старался заводить разговоръ и съ евреями, и съ польскими помѣшниками, и съ бѣлорусскими крестьянами, но непремѣнно на русскомъ языкѣ. Выѣзжая изъ Кіева, я далъ себѣ слово не говорить и даже не понимать по польски, чтобы убѣдиться на опытѣ, можно ли съ однимъ русскимъ языкомъ объѣхать важнѣйшіе города сѣверо-западнаго края. Слово свое я сдержалъ, и мнѣ нигдѣ не приходилось пзмѣнить своей русской рѣчи. Евреи вездѣ могутъ говорить русскимъ

языкомъ, хотя и испорченнымъ, но все же такимъ, который можно понять русскому человѣку. Только одна молодая еврейка съ груднымъ ребенкомъ, вѣхавшая безъ желѣзнодорожнаго билета, никакъ не могла или не хотѣла понять кондуктора, хотѣвшаго ее высадить, — и такъ таки и доѣхала благополучно до мѣста своего назначенія. Одинъ польскій помѣщикъ игуменскаго уѣзда, вызванный мною на разговоръ, такъ хорошо говорилъ по русски, что сначала я не могъ опредѣлить, съ кѣмъ имѣю дѣло, съ русскимъ, или съ полякомъ. Впослѣдствіи уже онъ самъ сознался, что онъ — полякъ и что ему трудно было говорить по русски. О крестьянахъ бѣлоруссахъ нечего и говорить: ихъ рѣчь весьма близка къ московскому нарѣчію и вполне понятна, равно какъ и они хорошо понимаютъ русскую рѣчь. Но уже за Минскомъ попался мнѣ интересный экземпляръ ополяченнаго бѣлорусса крестьянина, высадившагося на станціи Солы. Онъ первый началъ говорить со мною и нѣсколько разъ настойчиво заговаривалъ по польски; но, послѣ моего рѣшительнаго отказа вести и понимать польскую рѣчь, — онъ заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій и усилій. На мое замѣчаніе, что, вѣроятно, онъ только католикъ, а не полякъ, крестьянинъ утверждалъ, что онъ и католикъ и полякъ вмѣстѣ. Но изъ дальнѣйшихъ моихъ разспросовъ выяснилось, что въ его селѣ или мѣстечкѣ есть и костелъ, и православная церковь, что крестьяне — на половину католики, на половину православные, и одни съ другими водятъ дружбу и родство. Несомнѣнно, они составляли когда то одно цѣлое и въ религіозномъ отношеніи и принадлежали къ православной церкви и русской народности. Еще дальше, уже въ ковенской губерніи, одинъ господинъ, если не русскій по происхожденію, то бывшій на русской государственной службѣ въ архангельской губерніи, сталъ было говорить со мною по польски, хотя отлично можетъ говорить и по русски. Что же это значитъ? Уже ли и до сихъ поръ польскій языкъ служить въ сѣверо-западномъ краѣ для нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ моднымъ, единственно интеллигентнымъ языкомъ?

Почва земли въ минской губерніи — довольно скудная. Мѣстами попадаются кочка, трясины и болотины, вовсе непригодныя для хлѣбопашества и сѣнокосовъ; лѣсъ — чахлый. Отрадное явленіе представляетъ школа земледѣлія въ Марьиной Горѣ, имѣніи госпожи Маковой. Изъ этой школы, по слухамъ, выходятъ опытные управляющіе для большихъ имѣній; но простому народу эта школа едва ли приноситъ пользу. Крестьянскія хозяйства ведутся прежнимъ традиціоннымъ спо-

собомъ: рожь жнетса, складывается въ «бабки» (по сѣверно-русски *суслоны*), затѣмъ складывается въ скирды, сушитса на овинахъ и молотится на гумнахъ. Не видно нигдѣ каналовъ для осушенія болотистой почвы. Скудость ли мѣстной почвы, или же наступавшее время жатвы были причиною того, что разговоръ спутниковъ чаще всего касался урожая. Помѣщикъ игуменскаго уѣзда, услышавъ отъ меня, что на югѣ Россіи ожидается въ настоящемъ году богатый урожай, видимо не радъ былъ этому извѣстію, такъ какъ богатый урожай въ другихъ мѣстахъ Россіи долженъ былъ понизить цѣны на мѣстный хлѣбъ и слѣдовательно уменьшить доходы помѣщиковъ. За то крестьяне и даже еврей съ удовольствіемъ встрѣчали извѣстіе о хорошемъ урожаѣ на югѣ Россіи: имъ дешевле приходилось бы прикупать и покупать хлѣбъ для собственнаго пропитанія. Скудость же почвы служить причиною переселеній крестьянъ изъ сѣверо-западнаго края въ Сибирь и въ Америку. Одинъ еврей спрашивалъ меня, какой городъ ближе, Томскъ, или Иркутскъ, и сообщалъ мнѣ, что десятки тысячъ крестьянъ изъ черниговской и даже екатеринославской губерній переселяются на жительство на Амуръ. Полякъ-крестьянинъ передавалъ мнѣ, что изъ виленской губерніи «шмать» народу переселилось въ Америку и еще столько же народу собирается переселиться туда. Въ Америкѣ-де золото лежитъ на землѣ, и некому его подбирать. Лѣса тамъ—громадные, а деревья такія толстыя, что каждое изъ нихъ можно объѣзжать кругомъ на конѣ, и ихъ никто не рубить. Въ Америкѣ-де живетъ все черный народъ, и американецъ хочетъ развести у себя нашъ бѣлый народъ, пригодный и привыкшій къ работѣ.

Къ скудости почвы въ Бѣлоруссіи въ настоящемъ году присоединились еще градобитія и ливни. 21 іюля, на послѣдней станціи передъ Минскомъ (Михановичи) насъ застигла буря съ градомъ и ливнемъ, надѣлавшая много бѣдъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Въ Минскѣ въ эту бурю залило водою одно подвальное жилье, въ которомъ потонула на печкѣ старая еврейка съ двумя малолѣтними еврейскими дѣтьми, и перебито множество стеколъ, такъ что въ одномъ казенномъ зданіи ихъ перебито было на 40 руб. сереб. Впослѣдствіи я узналъ, что почти въ тотъ же день такая же буря разразилась надъ Варшавой, Ковно и другими городами. На другой день, 22 іюля вечеромъ, въ Минскѣ былъ сильный ливень, но уже безъ граду. Проѣзжая далѣе отъ Минска къ Вильнѣ, и могъ даже изъ вагона видѣть побитыя бурей и склонившіяся къ землѣ нивы.

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ градъ совершенно вымолотилъ зерна изъ колосевъ несжатой ржи.

Самый Минскъ мнѣ пришлось обозрѣвать въ промежуткѣ между градовою тучею и ливнемъ. Поэтому городъ показался мнѣ довольно пасмурнымъ, хотя, говорятъ, онъ довольно красивъ по наружности. По количеству жителей (около 75,000), это—первый послѣ Вильны городъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Книжныхъ магазиновъ и лавокъ насчитывается до 8-ми; но изъ нихъ одна только содержитя польскою Савицею, а остальные—евреями. Лучшею изъ нихъ считается книжная лавка Городенскаго, доставляющая книги и изданія для мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Фотографій—четыре, и изъ нихъ двѣ содержатся католиками, а остальные—евреями. Главная дѣятельность по изученію губерніи сосредоточена въ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, который съ 1860-хъ годовъ ежегодно выпускаетъ по «Памятной книжкѣ» и издалъ два тома «Трудовъ минскаго губернскаго статистическаго комитета». При статистическомъ комитетѣ находится выставка издѣлій кустарной промышленности и фабричнаго производства въ минской губерніи и порядочный музейчикъ первобытныхъ древностей. Такихъ музейчиковъ я не встрѣчалъ при другихъ губернскихъ статистическихъ комитетахъ сѣверо-западнаго края. Между каменными, бронзовыми и золотыми издѣліями, полученными изъ курганныхъ раскопокъ, въ музейчикѣ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе позументная подвѣска особой формы и греческая амфора изъ красной глины. Музейчикъ этотъ основанъ, впрочемъ, усиліями частнаго лица, польскаго помѣщика игуменскаго уѣзда Татура, который, изучая и собирая памятники мѣстной старины, ничего однако же не пишетъ по русски и помѣщаетъ свои изслѣдованія на польскомъ языкѣ въ заграничныхъ польскихъ изданіяхъ. Со слѣдами его дѣятельности мнѣ не разъ случалось встрѣчаться и въ другихъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края. Г. Татуръ осматриваетъ семинарскія и монастырскія бібліотеки въ краѣ и за рѣдкія въ бібліографическомъ отношеніи польскія изданія предлагаетъ въ обмѣнъ другія изданія или же денежное вознагражденіе. Неизвѣстно, усилѣлъ ли онъ въ другихъ мѣстахъ; но въ минской и могилевской духовныхъ семинаріяхъ его предложенія не были приняты.

Кромѣ изданій статистическаго комитета, нѣкоторыя свѣдѣнія о минской губерніи заключаются въ историческомъ описаніи минской епархіи архимандрита Николая, 1860-хъ годовъ, въ описаніи борисовскаго уѣзда, въ «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и въ кален-

даряхъ, издаваемыхъ «Минскимъ Листкомъ». Но этими изданіями далеко не исчерпанъ весь историческій матеріалъ, заключающійся въ соединенномъ архивѣ упраздненныхъ уѣздныхъ судовъ, въ архивѣ губернскаго правленія и въ консисторскомъ архивѣ. Въ послѣднемъ дѣла начинаются собственно со времени учрежденія минской епархіи въ 1793 году; но въ немъ есть болѣе ранніе, старыя архивы консисторій жиговицкой и полоцкой.

Приобрѣвъ мѣстныя изданія, какія только можно было достать въ Минскѣ, и постарался осмотрѣть его достопримѣчательности и монументальныя памятники и съ этою цѣлью былъ въ минскомъ Петропавловскомъ соборѣ, въ Святодуховскомъ мужскомъ монастырѣ, въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, въ архіерейскомъ минскомъ домѣ, въ минской Екатерининской церкви и въ минской духовной семинаріи и ея библіотекѣ. Руководителемъ моихъ былъ ректоръ минской семинаріи протоіерей А. Конскій.

Минскій Петропавловскій соборъ представляетъ изъ себя сравнительно недавнюю постройку. Но при входѣ въ него въ стѣну вѣдлана каменная плита съ надписью, въ которой архимандритъ Николай нашелъ указаніе на 1000-й годъ, какъ годъ основанія первоначальнаго минскаго собора. Въ дѣйствительности же эта надпись—XVI или XVII вв., написанная виршами и представляющая надгробіе надъ какою то Анной бурмистровой; никакого упоминанія о 1000-мъ годѣ здѣсь нѣтъ. Въ самомъ соборѣ, на колоннѣ, съ лѣвой стороны отъ входа, помѣщается древній образъ Богоматери съ Богомладенцемъ. Руки Богоматери и Богомладенца покрыты слюдой; остальные части тѣла, кромѣ ликовъ, закрыты серебряною ризою. По словамъ архимандрита Николая въ его «Историческомъ описаніи минской епархіи», икона эта принадлежитъ къ числу написанныхъ евангелистомъ Лукою и принесена изъ Херсонеса св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что это—одна изъ древнѣйшихъ и наилучше сохранившихся иконъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ¹⁾. По преданію, такую же древностію отличаются иконы Богоматери смоленская и виленская Троицкая. Къ сожалѣнію, обѣ онѣ подправлены въ позднѣйшее время: смоленская—въ XVII вѣкѣ, а виленская Троицкая уже въ 1864 году. Въ алтарѣ и въ риз-

¹⁾ Преосвященный минскій Варлаамъ, доставившій мнѣ возможность и средства къ обозрѣнію минскихъ храмовъ, общалъ полное оное содѣйствіе въ изданію гравированнаго снимка съ этой иконы.

Примѣч. автора.

ницѣ собора—все новое. Можно отмѣтить въ алтарѣ икону распятія съ предстоящими Богоматерью, Іоанномъ Богословомъ, Марією Магдалиною и Логгиномъ сотникомъ, фряжскихъ писемъ конца XVI вѣка. При выходѣ изъ собора, на помостѣ церковномъ, я замѣтилъ каменную надгробную плиту съ какими то надписями, которую слѣдовало бы прибрать къ мѣсту и разобрать.

Свято-Духовскій мужскій монастырь и Вознесенскій женскій—оба недавней постройки и не имѣютъ почти ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ старинной иконы Богородицы вѣка XVII въ женскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Но за то въ Свято-Духовскомъ монастырѣ есть древности, собственно ему не принадлежація и перенесенныя сюда изъ слуцкаго Троицкаго монастыря. Въ самомъ храмѣ, съ правой стороны, на аналоѣ, помѣщаются три крестика. Изъ нихъ одинъ серебряный, прекрасной работы, можетъ быть отнесенъ къ XV вѣку, другой—къ XVI или XVII, а на третьемъ обозначенъ 1759 годъ. Въ ризницѣ монастыря хранятся слѣдующіе предметы, перенесенные изъ Слуцка: 1) мѣдный тазъ XV—XVI вв., съ готическими латинскими надписями, впрочемъ не хронологическаго содержанія; 2) серебряный позолоченный крестъ, пожертвованный въ 1580 году княземъ Юрьемъ Юрьевичемъ Олельковичемъ; 3) евангеліе въ серебряномъ окладѣ, съ изображеніями на лицевой сторонѣ распятія, четырехъ евангелистовъ и 12 апостоловъ съ орудіями страданій Спасителя. По краямъ досокъ оклада вырѣзана надпись, изъ которой видно, что евангеліе писано было власною рукою князя Юрія Юрьевича Олельковича въ 1582 году и пожертвовано имъ въ слуцкій Троицкій монастырь въ 1584 году. Но въ дѣйствительности рукописнаго евангелія не сохранилось: оно замѣнено печатнымъ евангеліемъ временъ императора Павла, 4) Евангеліе московской печати 1644 года, въ серебряномъ окладѣ, коштомъ и накладомъ справленное, данное и наданное кievскому Кирилловскому монастырю игуменомъ его іеромонахомъ Варлаамомъ Андреевичемъ Сколыбой; 5) евангеліе московской печати 1657 года, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ; 6) чеканное на бляхѣ изображеніе XVII вѣка; 7) массивная серебряная дарохранительница; 8) малая серебряная дарохранительница; 9) большая серебряная позолоченная чаша (потиръ); 10) эцитрахиль съ вышитыми на ней изображеніями святыхъ, XVII вѣка, и двѣ фелони; 11) поясъ съ серебряными позолоченными изображеніями, 1756 года, архимавдрита Давида Нащинскаго, бывшаго нѣкоторое время ректоромъ кievской академіи; 12) зеркало «року 1783 новембра 3 дня».

Вверху его, между стеклами, вставлено прекрасно вышитое изображение св. Николая. Вообще въ ризницѣ монастыря есть прекрасные образчики мѣстныхъ художественныхъ произведеній съ XV по XVIII в.

Въ архіерейскомъ минскомъ домѣ можно отмѣтить портреты преосвященныхъ: 1) Іосифа Сѣмашко въ двоякомъ видѣ, одинъ въ уніатскомъ, а другой въ православномъ костюмѣ; 2) Михаила Голубовскаго и 3) Антонія Зубко.

Въ минской Екатерининской приходской церкви хранятся: рукописный пергаменный октонхъ и чаша 1630 годовъ.

Минская семинарская бібліотека составлена изъ разныхъ бібліотекъ уніатскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, но мѣстныхъ уніатскихъ изданій заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе, чѣмъ бібліотека волынской семинаріи. Въ первой мы нашли довольно рѣдкую брошюру, изданную въ Минскѣ въ 1792 г., подъ заглавіемъ: «*Theodozusz Rostocki, Arcybiskup Kijowski*». Есть здѣсь и рукописный отдѣлъ, заключающій въ себѣ до 28 №№ рукописей. Болѣе интересными изъ нихъ намъ показались слѣдующія: 1) Переписка патріарха цареградскаго Іереміи съ тюбингенскими учеными, въ копіи съ печатнаго лейпцигскаго изданія 1758 г.; 2) Житіе Грпгорія Омиритскаго, XVI в.; 3) Максима Грека бесѣды на евангеліе; 4) Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ и хронографъ XVI вѣка, южно русскаго письма, безъ конца; 5) «Соборникъ» словъ на господскіе и богородичные праздники, XVII в., южно-русскаго письма, и 6) *Diarium alumnatus pontifici Vilmensis*, съ 1743 г., въ двухъ томахъ.

II.

Изъ Минска мнѣ привелось ѣхать до Вильны съ компаніей богомольцевъ, изъ мѣстнаго минскаго русскаго мѣщанства и мелкаго чиновничества, отличавшеюся беззавѣтною веселостію.

Въ Вильну прибылъ я ночью съ 23 на 24 іюля, съ субботы на воскресенье, и, пользуясь утреннимъ воскреснымъ богослуженіемъ, старался какъ можно болѣе посѣтить виленскихъ православныхъ церквей и польско-католическихъ костеловъ. Былъ я въ Остробрамской часовнѣ, въ Терезинскомъ костелѣ, въ Свентянскомъ и заедральномъ костелахъ, въ православныхъ Святодуховскомъ и Троицкомъ монастыряхъ, Пречистенскомъ соборѣ и Николаевской церкви, чтобы наглядно видѣть отношеніе польско-католическаго населенія Вильны къ русскому православному населенію. Результаты наблюденія оказались не совсѣмъ утѣшительными для русскаго чувства. Костелы вездѣ

переполнены были молящимися, тогда какъ въ православныхъ церквахъ молящіеся едва занимали половину храма. Въ русскихъ храмахъ вездѣ заведены пѣвческіе хоры; но не мѣшало бы завести общенародное пѣніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней. Въ Терезинскомъ костелѣ мнѣ привелось слышать общенародное, подъ звукъ органа, пѣніе гимна Богородицѣ. Торжественность такого пѣнія не можетъ идти въ сравненіе ни съ какимъ вокальнымъ хоромъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между поляками и русскими постоянный и случайный наблюдатель едва ли замѣтитъ что либо особенное, кромѣ нѣкоторой холодности и отчужденности. Но, по рассказамъ старожиловъ, въ прежнее время отношенія эти были гораздо острѣе.

Кстати здѣсь можно передать исторію одной «русской поганки», интересную для характеристики отношеній между поляками-католиками и русскими православными. 33 года тому назадъ одна русская женщина, прибывшая въ петроковскую губернію съ солдатами, родила тамъ дочь и затѣмъ оставила ее на произволъ судьбы у одного бѣднаго польскаго крестьянина. Ксендзь не хотѣлъ ее крестить по католически, опасаясь отвѣтственности, а русскаго священника вблизи не было. Дѣвочка такъ и оставалась некрещеною до 16-лѣтняго возраста и, вмѣсто имени, получила прозвище «русской поганки». А въ качествѣ «русской поганки», она занимала собачій уголъ и питалась чуть ли не собачьей пищею. Это было заброшенное, забитое, неразвитое существо. Но лѣтъ 17-ть тому назадъ въ Ченстоховѣ построена была православная Кирилло-Меодіевская церковь и открытъ православный приходъ. Почтенный настоятель и приходской священникъ этой церкви, приводя въ извѣстность составъ и количество своихъ прихожанъ, узналъ стороною, что въ одной гминѣ есть какая то некрещеная «русская поганка», и потребовалъ ее къ себѣ официальнымъ путемъ для совершенія надъ ней крещенія. Вслѣдствіе этого требованія, крестьянинъ-полякъ привезъ дѣвочку къ русскому священнику и покинулъ ее у него. Дѣлать нечего: священнику пришлось не только крестить «русскую поганку», но и содержать у себя, перевоспитывать и приучать къ честному труду. Теперь ей уже 33 года, и въ ней никакъ нельзя узнать прежней забитой «русской поганки». Честь и слава русскому священнику, явившемуся истиннымъ спасителемъ бѣднаго русскаго ребенка!

Осмотрѣвъ нѣкоторые изъ виленскихъ храмовъ и костеловъ и важнѣйшія ихъ достопримѣчательности, я хотѣлъ было приобрести у мѣстныхъ фотографовъ нѣсколько фотографическихъ видовъ и сним-

ковъ съ виленскихъ достопримѣчательностей. Къ сожалѣнію, виленскія православныя достопримѣчательности не пользуются вниманіемъ здѣшнихъ фотографовъ, между которыми нѣтъ ни одного русскаго. Былъ одинъ только фотографъ Чеховичъ, который, по своей раздражительности, не имѣлъ терпѣнія снимать фотографіи съ живыхъ людей и потому преимущественно снималъ виды и снимки съ монументальныхъ памятниковъ, не пренебрегая и русскими; но и этотъ фотографъ въ настоящемъ году умеръ.

Изъ виленскихъ книжныхъ магазиновъ и лавокъ лучшими считаются Сыркина, Кинкулькина и Стракуна; но и у нихъ я не могъ найти даже «Виленскаго календаря» на 1887 годъ.

Впрочемъ, книги и изданія, касающіяся Вильны и для меня интересныя, мнѣ удалось получить изъ первоисточниковъ. Высокопреосвященный литовскій Алексій и попечитель виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій приняли меня очень любезно и не только дали возможность осмотрѣть мнѣ находящіяся въ ихъ вѣдѣніи достопримѣчательности Вильны, но и снабдили меня книгами и изданіями. Виленской археографической комиссіей и виленскимъ учебнымъ округомъ доселѣ издано свыше 40 томовъ. Изъ нихъ для первоначальнаго ознакомленія съ виленскими достопримѣчательностями особенно важны указатель музея, каталогъ публичной библіотеки и описаніе рукописей той же библіотеки. Есть путеводители по Вильнѣ — польскій Киркора и русскій Ф. Добрянскаго, къ которымъ нужно присовокупить также вышедшій въ этомъ году второй выпускъ «Путеводителя по Россіи» Р. С. Попова. Получилъ я также изданіи виленскаго статистическаго комитета отъ секретаря его г. Шверубовича.

Отсылая интересующихся Вильною къ путеводителямъ по ней, сдѣлаю только нѣсколько замѣтокъ о видѣнномъ мною въ Вильнѣ. Въ виленскомъ православномъ Николаевскомъ соборѣ я обратилъ особенное вниманіе на шитую плащаницу съ греческими надписями, относимую некоторыми къ XI столѣтію. По моему же мнѣнію, она сдѣлана никакъ не раньше XVI вѣка. Въ Троицкомъ монастырѣ икона Одигитріи, какъ я уже замѣтилъ выше, поновлена въ 1864 г. Изъ древностей въ этомъ монастырѣ почти ничего не осталось: надписи на плитахъ — сравнительно позднія. Но достопочтенный настоятель Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ указалъ мнѣ одинъ надгробный камень съ надписью, недавно найденный имъ въ помостѣ передъ крыльцомъ зданія православной семинаріи. На немъ я предположительно прочелъ слѣдующее: «князь П(етръ) Ивановичъ

Неструціѣ». Надпись можетъ быть отнесена къ XVI или въ началу XVII вѣка. Въ библіотекѣ литовской духовной семинаріи, помѣщающейся въ Троицкомъ монастырѣ, нѣсколько витринъ занято старинными рукописями и печатными изданіями. Есть здѣсь первопечатныя Миней и Часословъ краковскаго изданія 1491 года, а между рукописями заслуживаетъ вниманія рукописное евангеліе XVI вѣка, съ двумя записями князей Полубенскихъ о раздѣлѣ ихъ имущества, относящимися къ 1604 и 1690 годамъ.

Въ архіерейскомъ домѣ при Николаевскомъ соборѣ находится галлерей портретовъ мѣстныхъ дѣятелей духовнаго сана, составленная покойнымъ литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ Спмашкомъ. Здѣсь находятся портреты: *митрополитовъ*: 1) Іосифа Солтана, 2) Ипатія Поцѣя; 3) Іосифа Рутскаго; 4) Льва Кишки; 5) Флоріана Гребницкаго; 6) Аѳанасія Шептицкаго; 7) Фелиціана Володковича; 8) Іасона Смогоржевскаго; 9) Θεодосія Ростоцкаго; 10) Григорія Кохановича; 11) Ираклія Лисовскаго; 12) Іосафата Булгака; *архіепископовъ*: 13) Іосафата Кунцевича; 14) Мелетія Смотрицкаго; *епископовъ*: 15) Кирилла Терлецкаго; 16) Сильвестра Рудницкаго; 17) Стефана Левинскаго; 18) Антонія Ангелловича, архіепископа львовскаго; 19) Іакова Мартусевича; 20) Адріана Головни; *православныхъ*: 21) Іосифа Сѣмашка; 22) Василя Лужинскаго; *викаріевъ виленскихъ*: 23—27) Платона, Игнатія, Антонія, Михаила и Евсевія; *архимандритовъ, ректоровъ литовской семинаріи*: 28—31) Филарета, Александра, Михаила Шелепина, Антонія Булгака; 32) *протопресвитера* Антонія Тупальскаго, и 33) *протоіеря* Виктора Гомолицкаго. Большая часть ихъ представляетъ изъ себя копія съ древнѣйшихъ оригиналовъ, хранящихся будто бы въ г. Холмѣ, люблинской губерніи. Къ нимъ нужно присоединить еще портретъ какаго то Салѣги, находящейся въ трипольскомъ загородномъ архіерейскомъ домѣ.

Было бы непростительно для путешественника быть въ Вильнѣ и не посѣтить здѣшнихъ центрального архива, публичной библіотеки и музея древностей. Несмотря на каникулярное время, я посѣтилъ эти учрежденія, благодаря любезности завѣдывающихъ ими лицъ и особенно г. Снитко. Конечно, въ центральномъ архивѣ я не могъ заниматься, по крайней ограниченности времени, какимъ я могъ располагать; но съ публичною библіотекою и музеемъ древностей успѣлъ ознакомиться, хотя и бѣглымъ образомъ. Эти два учрежденія—единственныя въ своемъ родѣ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, прекрасно устроены и содержатся въ отличномъ порядкѣ. Въ библіо-

текстъ числится до 70,000 названій книгъ и свыше 100,000 томовъ; рукописей насчитывается свыше 1,000 номеровъ. Въ читальной залѣ библіотеки, въ витринахъ, выставлены древнія рукописи и наиболѣе рѣдкія и интересныя старопечатныя изданія. Между рукописями отмѣтимъ: туровское евангеліе XI в., отрывки изъ Супрасльскаго рукописи и недавно поступившую изъ Супрасльскаго монастыря пергаменную рукопись св. Григорія Бесѣдовника, XIV вѣка. Въ числѣ старопечатныхъ книгъ выложены почти всѣ первопечатныя книги мѣстныхъ типографій сѣверо-западнаго края: виленской, еврейской, заблудовской, кутенянской и др., начиная съ апостола виленской печати 1525 года, и находится единственный доселѣ сохранившійся отрывокъ изъ книги о новомъ календарѣ, напечатанной въ Римѣ въ 1596 году. Музей древностей главнымъ образомъ наполненъ первобытными древностями изъ коллекцій графа Тышкевича; но такъ какъ не указаны ихъ мѣстонахожденія и условія находки, то древности эти не имѣютъ почти никакого научнаго значенія. Затѣмъ, сравнительною величиною отличается коллекція монетъ разнаго рода; но собственно литовскихъ монетъ—только три! Изъ отдѣльныхъ предметовъ музея болѣе интересными, для изученія края, мнѣ показались слѣдующіе: нѣсколько статуетокъ, принимаемыхъ за идоловъ литовскихъ и славянскихъ; коллекція кирпичей изъ древнихъ построекъ; образцы голоспиковъ изъ остатковъ гродненской коложанской церкви XII в.; бронзовый кувшинъ въ формѣ всадника, вѣроятно служившій умывальникомъ въ той же церкви и найденный подъ ея поломъ; колоколь съ надписью 1320 года, изъ Троицкаго костела въ селѣ Неводницѣ, гродненской губерніи, бѣлостовскаго уѣзда, указывающій на существованіе здѣсь, въ началѣ XIV вѣка, Троицкой православной церкви, и проч.

Вообще въ Вильнѣ есть чему поучиться заѣзжему путешественнику. Несмотря на то, что въ городѣ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, мѣстная русская интеллигенція много работаетъ для исторіи города и края и успѣла сдѣлать многое, такъ что мнѣ лично привелось больше собирать мѣстныя изданія по исторіи города и края, чѣмъ самому непосредственно изучать ихъ. Многоуважаемый попечитель округа Н. А. Сергіевскій, руководя непосредственно изданіями виленской археографической комиссіи и учебнаго округа, въ то же время оказываетъ покровительство и поддержку и предпріятіямъ частныхъ лицъ по изученію края. Такъ напр., имъ оказано пособіе автору и издателю книжекъ объ «Островоротной

иконъ Богородицы» и поощряется составленіе предпринятой преподавателемъ виленскаго реального училища Брянцевымъ Исторіи Литвы. Инспекторъ литовской духовной семинаріи І. В. Щербицкій въ настоящее время готовится для напечатанія въ изданіяхъ виленской археографической комиссіи извлеченія изъ рукописей жировицкаго духовнаго училища, между которыми, по словамъ г. Щербицкаго, наиболѣе заслуживаютъ вниманія визитаціи уніатскихъ монастырей и церквей и переписка нѣкоторыхъ видныхъ уніатовъ между собою.

Есть въ Вильнѣ еще одинъ почтенный и безкорыстный дѣятель по разработкѣ мѣстной исторіи, это — преподаватель первой виленской мужской гимназіи, художникъ В. В. Грязновъ. Онъ на свои небогатыя средства дѣлаетъ поѣздки въ разные мѣста сѣверо-западнаго края, разыскиваетъ древніе памятники русской народности и православія и дѣлаетъ съ нихъ акварельные виды и снимки. Услугами его частію уже воспользовался П. Н. Батюшковъ въ своихъ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Кромя того, нѣкоторые его снимки съ мѣстно чтимыхъ иконъ изданы въ «Виленскомъ календарѣ на 1887 годъ». Но за всѣмъ тѣмъ, въ портфель В. В. Грязнова накопилось еще значительное количество акварелей съ древнихъ памятниковъ русской народности и православія въ краѣ, которыя слѣдовало бы издать, но не въ Вильнѣ, гдѣ собственно нѣтъ и техническихъ средствъ къ художественному воспроизведенію этихъ акварелей. Изъ портфеля многоуважаемаго В. В. Грязнова мы отмѣтили для себя, какъ болѣе интересныя, слѣдующія акварели: 1) Новогрудская церковь будто бы временъ Ярослава I и остатки Новогрудскаго замка; 2) разрѣзъ развалинъ Коложанской гродненской церкви XII в., 3) бронзовый кувшинъ-умывальникъ изъ той же церкви; 4) Трокскій замокъ въ большомъ и маломъ видѣ. Говорятъ, что въ этомъ замкѣ сохранились остатки фресокъ, между которыми уцѣлѣло изображеніе суда Соломона по спору о младенцѣ между двумя женщинами; 5) Супрасльскій Благовѣщенскій соборъ 1503 года; 6) Михайловская церковь въ с. Сынковичахъ слонимскаго уѣзда гродненской губерніи въ готическомъ стилѣ. Она нѣсколько напоминаетъ собою церковь въ м. Кюди, сѣдлецкой губерніи; 7) иконы Богородицы: минская Остробрамская, виленская, Троицкая, жировицкая, супрасльская и Коложанская; 8) заставки и вписанія изъ древнихъ рукописей, преимущественно пергаменныхъ.

Въ Вильнѣ я былъ два раза: съ 24 по 27 іюля, и съ 31 іюля по 1-е августа — всего около 6-ти сутокъ.

Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Бѣлорусскія колядки.

Бѣлорусскій край—захолустный край, лежащій въ дебряхъ лѣсовъ и пинскихъ болотъ, долгое время удаленъ былъ отъ вліянія цивилизаціи, и потому сохранилъ такія первобытныя черты народнаго міровоззрѣнія, которыя должны заинтересовать всякаго, кто глубже вникаетъ въ особенности, обособляющія данное племя въ извѣстный этнографическій типъ. Для насъ эти черты тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что онѣ выясняютъ намъ древнюю духовную жизнь русскаго племени, о которой письменные памятники сохранили такъ мало указаній. Съ этой стороны праздникъ Рождества Христова и соединенныя съ нимъ въ Бѣлоруссіи обрядности, повѣрья, гаданья, примѣты, колядки, щедровки и народныя игрища представляютъ богатый матеріалъ для объясненія народныхъ вѣрованій и тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые лежатъ въ основѣ обожанія и олицетворенія природы и первобытнаго взгляда на семейную, родовую и общественную жизнь.

Относительно бѣлорусскихъ колядокъ, обрядностей и повѣрій, сопровождающихъ Рождественскіе праздники, должно сказать, что онѣ имѣютъ чрезвычайно большое сходство съ малорусскими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣлорусскія обрядности и повѣрья имѣютъ большую ясность и миѣческую прозрачность, чѣмъ малорусскія, бѣлорусскія же игрища напоминаютъ тѣ игрища *межю селями*, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ. Что касается бѣлорусскихъ колядокъ и щедровокъ, то здѣсь замѣчается почти буквальное сходство ихъ съ малорусскими, кромѣ тѣхъ разумѣется, колядокъ, которыя развились въ позднѣйшую историческую эпоху, какъ на примѣръ, малорусскія колядки, говорящія о войнѣ козаковъ съ татарами и турками. Чѣмъ объясняется такое сходство, племеннымъ ли родствомъ, или культурнымъ вліяніемъ южнорусскаго племени на бѣлорусское, въ особенности въ древній періодъ русской исторіи—рѣшить пока трудно. Во всякомъ случаѣ есть факты, которые говорятъ за то, что мотивы многихъ бѣлорусскихъ колядокъ заимствованы изъ Малороссіи.

Основной народный смыслъ праздника Рождества Христова въ Бѣлоруссіи удерживается такой же, какъ и въ Малороссіи: это по преимуществу праздникъ въ честь рожденія солнца (по народноміиѣческимъ воззрѣніямъ), а слѣдовательно, и астрономическаго начала года,—въ честь «рода» и умершихъ родственниковъ. Съ началомъ года естественно соединяются примѣты и гаданія о томъ, каковъ бу-

детъ пѣлый годъ въ хозяйственномъ отношеніи. Молодежь, въ особенности дѣвушки гадаютъ о томъ, что составляетъ самое важное въ ихъ жизни, именно, гадаютъ о суженомъ.

Въ Бѣлоруссіи праздникъ Рождества Хр. носятъ слѣдующія названія: «коляды, Рожствѣныя, или Рѣжтванные святки». (Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западная П. Шейна, Спб. 1887 г., стр. 37). *Коляды*—это общее названіе для совокупности праздниковъ отъ 25-го декабря по 7-е января. Бѣлоруссы въ особенности празднуютъ слѣдующіе выдающіеся дни «рѣжтванныхъ святокъ»: 1) «кутью», 2) «Ражтво». 3) «быгатю» или «говстю кыладу», 4) Василья, 5) «галодную кыладу» и 6) «Кщенья». (Бѣлорусскія пѣсни—П. Шейна, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. V. Спб. 1873 г. стр. 323). Послѣдній день передъ праздникомъ называется «куццю» отъ кушанья, которое готовится въ сочельникъ Рождества Хр., въ сочельникъ Крещенія и въ канунъ Новаго года. При этомъ берутъ ячменную крупу («груцу») и стараются насыпать во всѣ три раза въ горшокъ равномерно, и замѣчаютъ, которая кутья выростетъ больше, то такой будетъ и урожай ячменя: если первая, то хорошъ будетъ ранній урожай; если вторая, то хорошъ будетъ средній урожай, и т. д. Подъ кутью постигается сѣно, которое приноситъ самъ хозяинъ, или же дается слѣдующій любопытный совѣтъ: «Пошли по сѣна хлопца, который зафсѣды волю насе, то хоць ёнъ и загубиць волю по лѣту, то шукаць ихъ не треба, сами придуть, затымъ што ёнъ принесъ сѣно на куццю; коли хочешъ, кабъ у цабе рано ввактали кури, то привяжи бѣлый хвартукъ, возьми зъ печи куццю хвартукомъ на покуццѣ, и квакчи, якъ курица дзевяць разъ «кво, кво, кво»... да и нарови, кабъ схваццѣ кого нибудь за чубъ: то у цабе будуць чубатыя куреняты». (Матер. Шейна, 46). Кутья обыкновенно ставится на сѣнѣ въ «покуць». Вечеромъ, когда взойдетъ первая звѣзда, старинная бѣлорусская обрядность требовала, чтобы хозяинъ обносилъ кутью три раза вокругъ хаты, «да и трѣба, кабъ стукаѣ ў воіно, а женчина нехай пытаецца зъ хаты: хто тамъ стукае? господарь скаже: самъ Богъ стукуняе! А якъ постукае ў тѣе окно, што супроцивъ печи, то господарь откаже жонцѣ: самъ Богъ стукуняе зъ теілу мокрою весною, въ горячымъ небурливымъ лѣтомъ, съ сухою и корыстною осенью,— а жонка повинна отказать: просіможь до хаты». Обыкновенно столъ состоитъ изъ разныхъ постныхъ блюдъ, иногда же подаются лепешки и блины, такъ какъ этотъ день есть вмѣстѣ и день поминовенія

умершихъ родственниковъ; кутья же подается въ заключенье. Хозяинъ, помолившись Богу, наливаетъ первую рюмку, изъ которой немного проливаетъ на скатерть, равно какъ это дѣлается и съ жидкой пищей и кутьей; это устраивается въ честь умершихъ родственниковъ. Хозяинъ, прежде чѣмъ выпить, обращается къ хозяйкѣ и присутствующимъ съ такимъ пожеланіемъ: «Бывайца здоровы! Дай Богъ, кабъ на другой рокъ приждали ў щасьци, ў доли и ўсякой добруй помысьнци; кабъ живы и здоровы были, кабъ разомъ святую куццю спраўляли; бывайца здоровы!» Кутья сладкая послѣднее заключительное блюдо. Интересно, что первая ложка предназначается какъ жертва для мороза; при этомъ открываютъ окно и призываютъ морозъ съ заклинаніями; иногда же стучать въ стѣну и говорить: «Морозъ, морозъ, ходзи куцци ѣсьци! штобъ ты не морозіу ячменю, ишаницы, гороху, сочевицы, просо и гречки и ўсяго, што мнѣ Богъ судзиць посѣяць». Хозяйка обыкновенно стучитъ въ то окно, которое противъ печи, и говоритъ: «Морозъ, морозъ, ходзи куцци ѣсьци; Штобъ ты не морозіу расады, гуркоу, гарбузоу, моркви п буракоу и ўсяго того, што мнѣ Богъ судзиць посадзиць и посѣяць». Послѣ ужина хозяинъ садится на «покуци», а жена насупротивъ его и спрашиваетъ у него: «чи бачишь ты мене? онъ отвѣчаетъ: не бачу! Тогда жена выражаетъ слѣдующее пожеланіе: «кабъ же ты не бачіу за стогами, за возами, за снопами свѣту!» (Матеріалы—Шейна, 37—55). Обращеніе—«чи бачишь ты мене?» предлагаютъ и предъ богагой кутьей.

Затѣмъ съ кутьей въ Бѣлоруссіи соединяются всякія примѣты и гаданья. Примѣты относятся къ категоріи *почина*, когда по случайному признаку въ началѣ года желаютъ судить, каковъ будетъ цѣлый годъ ¹⁾. Крестьяне гадаютъ о томъ, что составляетъ главный предметъ ихъ заботъ: о погодѣ и естественномъ ея вліяніи на урожае, о хозяйствѣ. Бѣлоруссы наблюдаютъ слѣдующее: «если *стежка* будетъ черна, то будетъ урожай на гречиху; если день Рождества Хр. ясный, то будетъ неурожайный годъ, а если пасмурный и снѣгъ идетъ—урожай; если предъ праздникомъ Рождества Хр. морозъ и вьюга, то предъ праздникомъ Воскресенія Хр. будетъ тепло и тихо. (Мат. Шейна, 55). Звѣздное небо означаетъ, что хороши будутъ рои пчель. Вытаскиваютъ, на богатую кутью, изъ-подъ скатерти соломину и по длинѣ ея узнаютъ, каковъ будетъ урожай льна. Не принято лишь въ дни *колядь* и вообще

¹⁾ Обзор поэгическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ. А. Потебни. Русск. Фил. В. 1884 г. 63—64.

рубить, а то по народному повѣрью у родившихся послѣ Новаго года дѣтей или домашнихъ животныхъ будутъ повреждены члены или зашиты наружныя отверстія (Мат. Шейна 43 и 51). Народъ думаетъ «что самъ Богъ ходитъ въ то время по землѣ и наблюдаетъ, кто работаетъ и кто не работаетъ; неработающему посылаетъ счастье, здоровье, богатство» (Ibid. 54).

Канунъ Новаго года называется богатой куццею, жирною куццею, щедрухою. Богатой и жирной называется потому, что въ это время приготавливаются скоромныя кушанья, а щедрухой называется отъ расцѣваемыхъ въ этотъ вечеръ пѣсенъ-щедровокъ. Въ самый день Новаго года хозяинъ исполняетъ слѣдующій знаменательный обрядъ: онъ «встаетъ довольно рано, и осмотрѣвъ свое хозяйство, набираетъ въ миску какихъ-либо хлѣбныхъ зеренъ, обходитъ всѣ свои строенія и горстью бросаетъ зерна въ разныя стороны, для того, чтобы былъ такой урожай хлѣба, которымъ можно было бы наполнить всѣ эти помѣщенія». (Мат. Шейна, 52). Въ этотъ вечеръ *ходятъ съ козою*. Пѣсни, которыя при этомъ поются, рѣшительно даютъ права заключать, что коза здѣсь представляетъ какое то мифическое существо, въ родѣ Велеса—скотьяго бога.—Въ Крещенскій сочельникъ (голодную куццю) *записываютъ коляду*. Обрядность эта состоитъ въ томъ, что хозяинъ беретъ мѣлъ и ставитъ кресты на дверяхъ дома, конюшни; дѣлается это противъ домовыхъ. Иногда же на дверяхъ рисуются коровы, утки и конь съ всадникомъ. На конѣ этомъ, говорятъ, *«коляда ѣдетъ дальше»*. (Мат. Шейна, 38—39 и 48). Въ день Крещенія собираютъ освященную воду изъ 7 іорданей; этою водою окропляютъ ульи съ пчелами, что пмѣветъ для нихъ благодѣтельную силу (Пѣсни Шейна, 325). Въ день Рождества Хр. отправляются въ церковь на молодыхъ невыѣзженныхъ лошадахъ—обычай выѣзжать молодую скотину съ начала года (Мат. Шейна, 54).

Наканунъ Новаго года въ Бѣлоруссіи дѣвушки гадаютъ о суженѣ. Способы гаданья здѣсь слѣдующіе: на *сметнику* слушаютъ, откуда лаетъ собака, подъ окномъ слушаютъ, ходятъ въ хлѣвы и ловятъ овцу: если попадутъ барана, значить—выйдутъ замужъ; заставляютъ пѣтуха ѣсть счетныя зерна; воруютъ полѣнья и считаютъ, есть ли *до пары*; заставляютъ собаку хватать булочки, что напоминаетъ гаданья въ Малороссіи наванунъ Андрея Первозваннаго.

Если сопоставимъ бѣлорусскія обрядности *коляды* и повѣрья, соединяемыя съ ними, съ подобными же обрядностями малорусскими, описанными П. П. Чубинскимъ (въ Труд. этн.-стат. эксп. т. III,

стр. 3—4 и 272—265), то замѣтимъ поразительное сходство между ними: то же значеніе *кутби*, тѣ же примѣты и гаданія, то же *послваніе* и то же значеніе іорданской воды.

Къ особенностямъ бѣлорусскихъ Рождественскихъ праздниковъ относятся праздничныя игрища, которыя имѣютъ соотношеніе къ гаданьямъ о суженомъ. Здѣсь болѣе замѣчательны слѣдующія игры: женитьба *Царѣшки*, *яцерь* и *чортъ*. Женитьба Царѣшки—игра съ вакхическимъ характеромъ; она представляетъ примѣрную свадьбу нѣсколькихъ паръ. Происходитъ она въ день Рождества Хр. или Новаго года. Мѣстомъ игры обыкновенно бываетъ корчма. Выбирается «бацька зъ маткэй»; подбираются же пары слѣдующимъ образомъ: каждый парень или силой захватываетъ намѣченную имъ дѣвуху, или же подходитъ къ ней съ любезностью и надѣваетъ ей шапку. Если дѣвуха согласна быть съ нимъ въ парѣ, то она остается въ шапкѣ и садится за столъ. Тутъ начинается угощеніе и всяческія любезности. Къ концу вечера, «если на *бацьку зъ маткэй* нападаетъ ужъ особенно сильный жартъ, то послѣ обычнаго благословенія они прибавляютъ иной парѣ и слѣдующее: «Биражи, зяцѣкѣ, нашу дочушку, йна у насъ одна,—ни бидна, ты жъ цяперъ ўзяў іе и спи зъ дочкой» (Мат. Шейна, 101). Здѣсь, конечно, бываютъ жертвы, хотя многія пары такъ ужъ и смотрятъ на себя, какъ на мужа и жену, и дѣлаются ими законнымъ образомъ, въ дѣйствительности. Пѣсня также характеризуетъ эту игру:

„Царѣшка, бѣда стала.—
Съ кимъ яго жена спала!
Ой, подъ гаемъ зяляневскимъ,
Ця ня съ казакомъ молодзенькимъ?
Ой, гожаля, пригожаля
Зробила нягожаля! (Мат. Шейна, 101, № 107).

Въ день Рождества Хр. въ Бѣлоруссіи расцѣваются *колядки*; онѣ поются и въ слѣдующіе дни праздниковъ до Новаго года; въ канунъ же Новаго года поются *щедровки*. Обычай пѣть колядки и щедровки сохраняется только въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, среди же великорусскаго племени онъ давно уже исчезъ. Разборъ содержанія колядокъ и щедровокъ, ихъ мифической и бытовой основы сдѣланъ уже въ замѣчательномъ изслѣдованіи профессора А. Потебни («Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ». Русскій Филолог. Вѣстн. за 1884, 1885, 1886 и 1887 гг.). Я намѣренъ только коснуться болѣе выдающихся бѣлорусскихъ колядокъ и щедровокъ и указать на ихъ соотношеніе съ малорусскими.

Величальныя бѣлорусскія и малорусскія колядки представляютъ мифическую основу, какъ напр. слѣдующая бѣлорус. колядка, представляющая солнце, мѣсяцъ и звѣзды небесной семьей:

„Господарскій дворъ	Свѣцель мѣсяцъ.
На семь столбахъ.	А во третьемъ церему—
Столбы тоценны,	Цасты звѣздушки.
Позолоценны.	Целло солнышко—
А на самомъ дворѣ	Хозяюшка въ дому,
Стояць три церема.	Цеплый мѣсяцъ—
Какъ во первомъ церему	То хозяинъ самъ,
Усѣло солнышко,	Цасты звѣздушки—
Въ другомъ церему—	Малы дзѣтушки“.

(Записки, т. V. Пѣсни Шейна, 339).

Подобное же воззрѣніе мы встрѣчаемъ въ малор. щедровкѣ (Чуб. III, 463, 25), которая по началу представляетъ большое сходство съ приведенною бѣлор. колядкою. Въ слѣдующей малорусской колядкѣ небесныя свѣтила берутся, какъ сравненіе:

„Що на неби мисяць—	Да то его диточкы;
Да то нашъ господарь;	А на неби зирочка—
А на неби зирочки—	Да то его живочка“.

(Чуб. III, 430, № 170)

Такъ же распространенный мотивъ какъ бѣлор., такъ и малор. колядокъ, гдѣ свѣтила являются въ церкви. Привожу бѣлор. колядку:

„Е Прачиста Маці церкоу будовала
 Радайся, радуйся, зямля! Сынъ Божи народзіўси!
 Ена будовала изъ трѣма окнами,
 Изъ трѣма окнами, изъ чотырма верхами:
 Е у однѣ окенцѣ—ясно словцѣ свѣциць,
 Е у другѣ окенцѣ—ясень мѣсяцъ свѣциць,
 Е у трейцѣ окенцѣ—дробны дождзикъ сяче,
 А изъ того дождзигу зробилася рэчка,
 А изъ рэчки зробилосо море:
 Е на туюмъ же мори три корабли плыли:
 Ой одзінъ корабель—самъ панъ господарь,
 Ой другій корабель—дай жана яго,
 Ой трейци корабель—да яго дзѣткы“.

(Мат. Шейна, 59 № 39).

Въ другомъ вариантѣ бѣлор. пѣсни, съ подобнымъ же содержаниемъ, прибавляется, что въ третье окно соловей влетѣлъ, на престолѣ сѣлъ, слезку уронилъ; изъ той слезки потекла рѣка, на рѣкѣ челнокъ; въ томъ челнокѣ Марцянка сидитъ, стружечки стружетъ, въ пучечки вяжетъ и на Дунай пускаетъ, приговаривая: «Плувице, стрѣлачки, до мое дзѣвочки». (Ibid. 86, № 86). Малорусская колядка, № 172 (Чуб. III), представляетъ буквальное сходство съ бѣлорусскою;

только конецъ ея видоизмѣняется такъ: красный паничъ Михайлонько свои кудерки чеше, на Дунай несе, чтобъ ихъ мать зачерпнула и сына вспомнула. Еще поэтичнѣе представляется слѣдующая коладка (относящаяся къ тому же разряду), въ которой дѣвушка говоритъ съ милымъ, приплывающимъ къ ней въ видѣ гоголи:

„На туймъ Дунаю хицькии кладки.	Хорошенько вражу:
Ой тамъ Улитка пшеницю мала,	Твои врипечки шовкомъ обовью,
Эъ гоголемъ говорила:	Твои нуиженъки злотою обжую“.
Гоголю, гоголю, приплыви къ берегу,	(Чуб. III, 306, № 38 Б.).

Въ слѣдующей малорусской коладкѣ яснѣе поставлены свойства небесныхъ гостей:

„Пане господару, вставай съ постели,
 Вставай съ постели, видчыйя двѣри,
 Бо йде до тебе три гостоньки:
 Іденъ гостонько—ясный мисяць,
 Другый гостонько—дрибень дощыкъ,
 „Ясный мисяцю, чимъ ся похвалышь?“
 — Якъ я зйду рано зъ вечора,
 Та просвитю горы й долины,
 То зрадується весь звиръ у поли,
 А гистъ при дорози.
 Якъ зйде ясне сонечко рано въ неділю,
 То зрадується весь миръ христьянський
 Ще й дитки маленьки.
 „Дрибень дощыку, чимъ ся похвалышь?“
 — Якъ я зйду три разы въ маю,
 То буде росты жыто й пшениця,
 Жыто й пшениця, всяка лашныця“. (Чуб. III, 453, 17).

Олицетвореніе праздниковъ также обычно какъ въ бѣлор., такъ и малор. коладкахъ, напр.

У пана у Игната да въ яго дворѣ,
 Радуйся, Тройца, Сынъ Божій народився!
 Три свѣчи горѣли, три святыхъ садѣли:
 Первое свято,—Святая Рожество,
 А другая свято,—Святая Василя,
 Третяе свято,—да Йванъ Краститель.
 Рожество пришло,—намъ радысть принесло,
 Василя пришла—Новы годъ привясла,
 Иванъ Краститель—воду паракристя.
 Воду паракристя злотою крастомъ“. (Мат. Шейна. 81, № 77).

Такія же коладки очень распространены и въ Малороссіи (Чуб. III, № 67, 80 и 88). Содержаніе многихъ коладокъ имѣетъ соотношеніе къ свадебнымъ пѣснямъ; такова, напр. коладка:

„О красна, красна, калина у лузѣ,
 Святн вечарѣ!
 А краснѣй того Марья у татка:
 По двору ходила,—увесь дворъ красила...
 До церкви ушла, якъ зара узошла“.

(Мат. Шейна. 78, 73).

Одна изъ колядокъ изображаетъ, что *славный паничокъ три листы* пишетъ до царевны-королевны, а она ему отписуетъ: «Коней не томи, людзей не турбуй, якъ придетъ пора приѣду и сама». (Мат. Шейпа. 77 № 70). Съ нею сходна слѣдующая малор. колядка которая, впрочемъ, обильнѣе поэтическимъ содержаніемъ, напр.

„Ни свить, ни зора занимается,—
 Молодой Василь прибирается
 На королевскій дворъ королевну сватать.
 Оказала жъ ему да королевна:
 — „Не ідь (до) мене, не сватай мене,
 Я къ тоби да сама прибуду
 Рано въ неділю,
 Черезъ чистее поле темною хмаркою,
 Черезъ сынее море сирюю утею,
 Надъ твоимъ дворцомъ дрибеньенимъ дошомъ,
 Въ сини ввійду ясною зорою,
 А въ хату ввійду ясною свичкою,
 За столомъ сяду пышною павною“.

(Чуб. III, 282, 6).

Къ свадьбѣ имѣютъ отношеніе колядки, изображающія дѣвицу, которая на рѣчкѣ у Кіева перевозъ держитъ; за перевозъ ей даютъ вѣнокъ и перстень: вѣнокъ для вѣнчанья, перстень для зарученья (Мат. Шейна. 67 № 54, 84, № 54. Чуб. III, 313 № 43 и 316, № 45). Сюда же относятся и тѣ колядки, которыя изображаютъ дѣвицу собирающею золотую росу для вѣнка и перстня (здѣсь же образъ мнѣнческаго кузнеца Мат. Шейна, 87, № 88. Чуб. III, 471, № 40).

Многія колядки оканчиваются благожеланіями, которыя большею частью относятся къ урожаю, въ родѣ слѣдующаго: «Роды, Воже, жыто, пшеницю, всяку пашныцю. А намъ, дядьку, дай палыныцю». (Чуб. III, 455, № 21). Съ особенною сплюю эти пожеланія выражаются въ обрядѣ съ *козой*, о которой причитается: «Гдзѣ козелъ ходиць, тамъ жито родниць, гдзѣ козелъ ступою, тамъ жито копою; гдзѣ козелъ рогомъ, тамъ жито стогомъ». (Мат. Шейна. 98, № 99; Чуб. III, 265 № 1, 268, № 2). Подъ козломъ здѣсь несомнѣнно разумѣется

миѳическое существо Волось—скотій богъ, что доказываетъ позднѣйшая замѣна въ слѣдующей малорусской колядѣ:

„А въ поли, поли
Плужокъ ходыть;
А за тымъ плужкомъ
Самъ Богъ изъ рожкомъ...“ (Чуб. III, 428, № 161).

Хр. Ящурминскій.

Народные рассказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ.

Осипъ Михайловичъ Гладкій давно уже сдѣлался народнымъ героемъ и рассказы объ немъ мало по малу теряютъ историческую почву и дѣлаются достояніемъ досуговой фантазіи народа, при чемъ весьма интересно прослѣдить, какъ рассказы эти по мѣрѣ отдаленія отъ мѣста рожденія нашего героя, уклоняются отъ правды и дѣйствительности. Поэтому намъ кажется, что возникшія въ свое время между родственниками Гладкого и редакціей «Русской Старины» преципирательства изъ за нѣкоторыхъ подробностей, напечатанныхъ въ этомъ почтенномъ журналѣ, относительно жизни и подвиговъ новаго малорусскаго героя, не могутъ удержать насъ отъ обнаруженія всего того, что намъ самымъ посчастливилось услышать изъ устъ народа.—Затѣмъ такъ какъ всѣ эти рассказы мы слышали по малорусски, то и передаемъ ихъ на этомъ языкѣ, какъ они нами въ свое время были записаны.

Ще за мою пам'ять, — рассказывала мнѣ одна мелкопомѣстная дворянка Т. Д., жительница села Д. золотоношскаго уѣзда, — бувъ у сѣли Мельникахъ, нашего тамъ повиту, головою Михайло Гладкій изъ Крутьковъ, дуже зажиточный чоловікъ, а якъ умеръ, то зосталося після его два сына. Менчий Юсипъ ожинився такъ въ Мельникахъ и швидко перевивъ усю батькившину, бо бувъ страшный пьяниця. Бувало якъ приде до насъ въ Д..., то заразъ до свого пріятели Семена Джуря (по ревизіи Хоменка), та такъ напьеться, що якъ колода лежить пьяный на улиці. Отъ покынувши жинку и четверо дитокъ, vyrядився винъ на заробитку до моря, гай ошывився въ Одесі и ночавъ тамъ бондарувати, а потимъ нанявся до якогось пана на село, та тамъ и злюбився зъ горничною. Дійшло дило до вивѣди. Тильки пипъ не дурный бувъ и не скотивъ винчаты безъ свідѣтельства, а дали хтось написавъ у Мельникъ, покы жъ звидѣли одысала жинка, то нашъ Юсипъ ошывився ажъ у Керчи. Тутъ его и піймали Некрасовци, а атаманъ ихъ узавъ ёго за хлопця до себе. Потимъ отаманъ дуже замедужавъ и Юсипъ доглядавъ ёго, якъ ридного батька, а дали отаманъ, умираючи, заговоривъ его одъ кули и наказувавъ своимъ, щобъ назначили его отаманомъ. Некрасовци послушали и наставили Гладкого ота-

маномъ. Тоди, якъ разъ, султанъ воёвавъ зъ молдаванами и потребувавъ одъ Іосыпа війска. Той послухавъ и побидывъ. Султанъ хотивъ его наградыты, а винь ніякон награды не схотивъ, а прохавъ тилькы независимости (sic) одъ обчества, щобъ самъ султанъ его назначавъ. Той послухавъ и назвавъ его двубунчу жинимъ пашею, а тутъ султанъ якъ разъ почавъ войну зъ русьскимъ царемъ и зновъ потребувавъ війська. Гладкій одвичавъ, що самъ выбере, та прихавшы до своихъ, підмовывъ передаться русьскому царю, а тихъ, що не послухали, послухавъ у воду. Потимъ явился винь до генерала Красовського и требувавъ, щобъ ёго допустыли до царя. Его допустыли, а винь и обцявся узять Сылстрию безъ урону людей. Якъ взяли жъ Сылстрию, то царь и сынтанъ Гладкого, звидели винь, а Гладкій усе чысто розказавъ ему по правды, и те, що винь безначпортный, не сказавъ тилькы того, що винь уже женатый. Царь наградывъ его и зробывъ полковникомъ. Після того Гладкій заразъ напысавъ до жинки, а та бидна дуже бидувала безъ чоловіка жывучы у великій бидности, неразъ іи и въ гапу (колодка) сажали за неоплаты, водылы босу по морозу, а разъ одвалялы комору одъ хаты и продали. Ходыла вона бидна и на заробиткы, а одного сына навила у наймы въ село Устымовку херсоньской губерни.

Прыславъ Гладкій дочкамъ по платку и грошей, а тымъ часомъ справникъ (тоди у насъ справникомъ бувъ Василь Осыповичъ Товбичъ) пославъ до неи голову и козакывъ. Ти якъ прыйшли, то заразъ низенько вклоннылы ій и шапки поздймали, а голова хотивъ одать десять червинцивъ. Перелякали чысто биду бабу, бо мысляла вона, що іи дурять и остатну конійку хотять выдурить.

Проте пысьмо, що давъ голова, узла и понесла до священника, та и пысьму не дала выры, та вже справнику повирыла. Самъ Гладкій поихавъ въ Питенбурхъ ажъ до пара и на лей разъ, якъ почавъ его царь роспытувати, чомъ винь не прызнався, що вже женатый, то винь сказавъ, що побоявся тоди правду сказати. Царь давъ ему потомственне дворянство, а винь и брату тежъ выпрохавъ. А якъ прихавъ до дому, то навизъ дочкамъ подаркывъ, а тымъ часомъ и сына Василя повернули зъ наймивъ и оддали въ науку до золотоншского смотрителя, а меньчыного Демьяна въ пажескій корпусъ. Дочка Олена у насъ (у рассказицы и ея сестры) научылася грамоти, а потимъ оддали іи въ Катерынославъ въ учылище и выйшла вона, якъ вже сбучылася, за майора Пысаренка.

Гладкій и до насъ прыздывъ. Прихавъ такимъ гонораломъ, а якъ вышовъ у горныци, той пытае по простому: „Чы визнаете мене, я той самый Іосыпъ, що у вашого Семена пьяный пидъ тыномъ ночувавъ?“... А потимъ и почавъ розказувать, якъ винь азовськими чорноморцями камандувавъ, такъ одынъ смихъ тай годи було слухать. „Військо—крычу я имъ—на чотыры шматкы порвысь!“ А скурвыны сыны ажъ на пять порвалысь.— „А той пятый потимъ шматкомъ сховайся!“ Не було жъ ему вдачи зъ тымъ чорноморцями. Якъ не мурдувався, а воны такы збунтувалысь, тоди винь вышовъ изъ службы и купывъ соби меніе въ херсоньскій губерни, а до насъ прыздывъ уже генераломъ кунувать людей.—Зъ жинкой чыста була кумедия. Отто якъ прихала вона до насъ зъ дочкою, мы и подали ій кохвыю, а вона взяла въ руки тай каже: „Бувайте здоровы!“ Мы іи и пытаемо де та грамота, що царь давъ на дворянство, а вона намъ: „Нехай же, каже,—якъ сама получу, то іи покажу“... А потимъ и почала розказувати, що теперъ іи чоловікъ усе видомсты, та мазепы чытае!“...

А вотъ и другой разсказъ про Гладкого, записанный нами со словъ 120-лѣтняго старика Марка Костенка или Мостоваго — по уличному. Онъ и теперь еще живъ и много интереснаго приходилось намъ отъ него слышать.

Знаю я ще запорожську церкву у Катеринослави. Дуже гарна, у девять банъ була вона, а въ ней бувъ тоненькый, якъ солома, хрестыкъ у падець не бильше, а освияцавъ той хрестыкъ у ночи всю церкву—хочь голы збирай.

Потимъ брали ото Шумлу. Брали, брали, та ничего не подіють. Запорожець проконавъ ривъ, пустывъ въ его воду, та зъ другого боку заду и вйшли въ Шумлу.

— Се вы про Гладкого розказуете, диду!?

— Про Гладкого, про Гладкого!...

— Винъ же зъ золотоношського новиту...

— Знаю, знаю!...

У насъ той Гладкый не схотивъ обидаты у Тоцького, а дали похвавъ у Золотоношу. Такъ ни городничый, и никто не знавъ, що воно за птыця. Одначе по выду взналы, шо шось важне, и пытають, шо ёму треба, де ёму кватыру одвесты. А винъ и каже, шо у такой то жинкы. Здывувальсь уси, одначе городничый и други паны повезлы ёго до тыея бабы, а та якъ побачыла ёго, то зляку не знала, шо й робить. Дали винъ каже, шобъ вона зготовыла имъ ужыножь (sic) и зразь давъ ий на борошно 25 карбованцивъ. Пишла вона за тымъ борошножь, а люды дали, ий скылькы було треба, и грошей не взяли. Дае винъ ий ще 25 карбованцивъ на дви курыцы—и ти ий дарма дали сусиды. Дае винъ ще 25 карбованцивъ на пивкварты, и якъ прывнесла вона горилкы, то винъ каже:

„Почастуй же!...

Якъ пиднесла вона ему горилку, винъ и пытае, чы признала бь вона своего чоловіка? А вона одвитуе, шо де его вже признаты, колы стылькы годъ не бачылись.

„А чы не було—каже—у твого чоловіка якои прыматы?“...

— Була—каже вона—одна прымыта: шрамъ на шыи одъ золотухы, такъ якъ долоню закрить.

Отъ винъ одвернувъ комирь сорочкы, тай каже: „Дывысь!“...

Якъ глянула жь вона тай признала своего чоловіка.

— Шо жь узывъ винъ свою жинку?—спросилъ я. „Узывъ. Вона и у Лубняхъ була зъ нымъ, якъ дывылся винъ тутъ на вйсько, и жыла въ вольній аптеци. Уси дывувальсь, шо така персона, та не здуралясь такого шарбоня.

Сообщ. А. Савичъ.

Г. Лубны.

Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1780—82 гг.

Хотя, бесспорно, въ наше время и потребность въ чтеніи и литературные вкусы стоятъ гораздо выше, чѣмъ было это въ прошломъ столѣтіи, но нельзя однако игнорировать того факта, что мы, при разборѣ всякихъ старинныхъ фамилныхъ бумагъ, наталкиваемся очень часто на весьма любопытные образчики увлеченія и почитанія литературнаго слова и въ нашей старинѣ. Скажемъ больше того.—Теперь преимущественно этотъ пietetъ къ литературному слову замѣчается въ той культурной средѣ, которая представляетъ изъ себя интеллигенцію болѣе высокаго разбора и которая прошла среднюю или даже высшую школу обнаруживаетъ же себя этотъ пietetъ любовью къ чтенію текущихъ періодическихъ изданій и книгъ, любовью къ научнымъ занятіямъ и т. п. Въ прежнее же время это уваженіе къ слову было удѣломъ самаго зауряднаго интеллигента, едва лишь прошедшаго школу грамотности, и выражалось оно, помимо чтенія, еще въ переписываніи излюбленныхъ произведеній въ особыя тетрадки составлявшія своего рода альбомъ. Не такъ еще давно, полъ вѣка назадъ, эта черта была свойственна тогдашнему грамотнику: у насъ въ рукахъ имѣются довольно изящно переписанныя въ 30-хъ годахъ тетрадки съ безсмертной комедіей Грибоѣдова, со многими поэмами Пушкина и пр. Конечно, это можно объяснить и тѣмъ, что печатная книга тогда не такъ циркулировала, какъ теперь, была сравнительно очень дорога; но это не единственная причина: несомнѣнно, не малую роль играла здѣсь и почтительная любовь къ литературному слову. Вѣдь и теперь далеко не у всякаго культурнаго человѣка вы найдете достаточный запасъ печатныхъ книгъ, но въ то же время ни у кого почти не найдете и рукописныхъ копій съ нихъ. Ужъ и говорить нечего о томъ, чтобы въ наше время нашелся такой захоластный скромный интеллигентъ, который взялся бы за перо и написалъ, старательно выводя буквы: „Въ сѣн Кѡмѡгі Віпісаниіе Разиіе Уѡлмы ѡ пѣсны Сѡтѣшнѣтленіе Віпісаніежъ Капіістѣмъ Андреємъ Ищенкомъ; 1782-го годѣ мѣца Априла 21-го дня“.

И такая не одна тетрадка, а цѣлыхъ три, которая всѣ къ сожалѣнію, найдены мною въ бумажномъ старомъ хламѣ въ истрепанномъ видѣ. Кромѣ только что озаглавленной, другая тетрадь писана въ 1780 году и начата писцомъ Сотенной Золотоношской канцеляріи Андреемъ Сербиненкомъ, а продолжена и въ 1781-мъ году Андреемъ Ищенкомъ. Этому же Андрею Ищенку принадлежитъ и третья тетрадь, которая

представляетъ изъ себя собраніе 165 избранныхъ пословицъ; на этой тетради стоитъ карандашная замѣтка объ Ищенкѣ, что онъ прожилъ «89 годъ», при чемъ тутъ обозначенъ и его чинъ—коллежскій секретарь. Подпись въ разныхъ мѣстахъ этихъ тетрадокъ, варьирующая фамилію писца (Ищенко, Ёщенко, Ещенко), свидѣтельствуемъ о томъ, что писались онѣ въ г. Золотоношѣ (полтав. губ.) писцемъ, или—какъ онъ себя именуемъ—«копіистомъ», «подканцеляристомъ» золотоношской сотенной канцеляріи. Какова была культура этого копіиста, можно отчасти судить по надписанію, сдѣланному въ двухъ тетрадяхъ: «кто отъснѣи Псалмы можетъ украсты, то будетъ онъ сто годъ свинѣ изусіого свита изусѣмъ своимъ нащадкомъ пасты». Какъ ни страшна такая перспектива для посторонняго обладателя этихъ тетрадокъ, но мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи, нашедши ихъ въ прибрѣтенныхъ нами рукописяхъ, посчитать ихъ собственностью, тѣмъ болѣе, что и зловѣщій столѣтній срокъ свинопасенія уже истекъ лѣтъ 6 назадъ.

Помимо того интереса, который можетъ представлять самый фактъ существованія этой альбомной литературы въ концѣ прошлаго вѣка, въ данныхъ тетрадкахъ можно еще заинтересоваться и подборомъ литературнаго матеріала, и его расположеніемъ. Большинство его ¹⁾ падаетъ на «псалмы», или пѣсни религиозно-назидательнаго характера; но среди двухъ такихъ пѣсенъ можно встрѣтить и пѣсню шуточного содержания, а иногда псалма какая нибудь заканчивается словами: «конецъ, пѣшла баба у танецъ».

Нѣкоторые изъ этихъ псалмъ по языку почти приближаются къ церковно-славянскому, другіе же—почти переходятъ въ народную малорусскую рѣчь.

Для образца выпишу нѣкоторые изъ этихъ пѣсенъ разнороднаго содержанія.

Пѣснь Пряжевской Божіей Матери ²⁾.

Псалма эта записана въ двухъ тетрадкахъ: разъ—Сербиненкомъ, а другой—Ищенкомъ, при чемъ оба записывателя нѣсколько искажали отдѣльные слова, т. ч. я, свѣривъ оба списка, помѣщаю

¹⁾ Въ двухъ полныхъ тетрадкахъ, состоящихъ изъ 15 четвертушекъ, помѣщается 32 пѣсни.

²⁾ Пѣсни въ честь Божіей Матери очень распространены въ разныхъ спискахъ, а равно и въ устахъ народа; но намъ не удалось разыскать даннаго текста въ честь Пряжевской Божіей Матери. Село Пряжево находится въ волниской губ.,

сводный болѣе исправный текстъ. Правописанія подлинниковъ не удерживаю, такъ какъ оно представляется мнѣ мало характернымъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, которыя обозначаю курсивомъ. Записаны всѣ пѣсни безъ раздѣленія ихъ на стихи, прямо въ строку.

1) Отворитесь вси очи нынѣ, присмотритесь таковой новинѣ, что днесь теперъ показало и у Пращевѣ ново стало отъ иконы Пречистой Панны.

2) Темнымъ очи отворяются, прокаженные очищаются, и кого жъ только щиро кохаеть, со вѣрою прихождаетъ, неотмѣнно цѣлбу приѣмлетъ.

3) Эмпирейскіе суть намъ небеса, испускаютъ вѣрнымъ чудеса, за причиною Матки Божои дождались мы ласки многи у Пращевѣ, въ мѣстечку новомъ.

4) О Дѣво Маріе, Пречиста Панно во порфирѣ, златомъ одѣянна, на рукахъ держитъ младенца, Сына Бога и первенца, со слезамы молися за нами.

5) Архангельскій гласъ услышимо, Дѣву Марію прославимо, чтобъ насъ могла дароваты, отъ вѣчныхъ мукъ свободжаты, дабы насъ избавила отъ вѣчнои смерти.

Пѣснь святымъ равноапостольнымъ царемъ Борису и Глѣбу

1) Да трублять, да трублять въ Россійской земли трубы, во святомъ храмѣ семь является чудо; во всемъ мирѣ гласитъ двоихъ выхваляетъ во мирѣ.

2) Когда ихъ Святопольъ на пути видѣша, святаго Бориса копіемъ пробивша; князи Давыда ножемъ заколаеть, Христось на ихъ главы вѣнцы полагаетъ нетлѣнны.

3) По страсти злыи убійца, тѣло въ земли скрыша, обонхъ страдалцевъ во блато втопшиа, Богъ святыхъ царей честью прославляетъ, отъ земли на небо столпъ созидаетъ кривавой.

въ 12 верстахъ отъ Житомира, при впаденіи р. Коденки въ р. Гуйву. Въ недавно вышедшей книгѣ подъ заглавіемъ „Историко-статистич. описаніе церквей и приходъ волынской епархіи“, сост. Н. Теодоровичъ (Почаевъ 1888 г.), находимъ указаніе на то, что въ этомъ селѣ есть церковь во имя Воскресенія Христова, построенная въ 1750 г. (стр. 70), но ни словомъ не упоминается объ иконѣ Божіей Матери; равнымъ образомъ, не находимъ указанія на чествованіе Пращевской Божіей Матери и въ книгѣ „Жизнь Пресвятой Богородицы и сказаніе о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ ея, прославляемыхъ въ православной церкви“, сост. Е. Тихомировымъ, Москва 1884 г.

4) Разъярився злый убійца какъ Иродъ на дѣти, не восхотѣлъ зъ братію на столцѣ сидѣти, началъ мыслити, какъ братевъ убити, какъ Иуда Христа лобзаеть во уста убійца.

5) Яко *Камень* Авеля *убы* жертву телець, тако уби Святополкъ братію за столець. О Святополче, прегордый волче! братію убивъ, столца достигнулъ во адъ.

6) Радуйтесе страдалцы Борисе и Хлѣбе, приѣмши вѣнцы отъ Христа на високомъ небѣ; вамъ подобаеть веселитися, о насъ *Господевъ* молнитися о грѣсѣхъ.

Изъ многихъ вариантовъ пѣсенъ въ честь Бориса и Глѣба (см. у Безсонова «Калѣки Перехожіе» выи. 3, стр. 625—669) нѣтъ ни одного, который приближался бы хоть сколько нибудь къ данному. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности воспользоваться почаевскимъ Богогласникомъ, изд. 1825 г., гдѣ, весьма вѣроятно, можно отыскать источникъ большей части всѣхъ исальмъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ Ищенка.

Пѣснь о пьянствѣ.

Что въ семь мирѣ является, то *вѣсконачне* (всеконечне) се человекъ, въ свѣтѣ грѣшитъ такъ нестатечне. А *грѣсячы* себѣ *мишлитъ*, бо я еще младъ—покаюся, прежде смерти не пойду во адъ. А діаволь слѣдомъ за нимъ на путь изводитъ, на *блюдь*, на сваръ, на забойство людей приводитъ. Прийдѣте въ домъ *количествовой* (корчемственный?), хмелю закусѣмъ; пропившися, умъ загубивъ, грѣшиты мусимъ. Хоть бы къ нему прійшоль отецъ албо и мати, приводячы на доброе, бо жаль литаты, ажъ отъ *ныхъ* какъ звѣръ бѣжитъ, словесъ не любитъ, нагъ сиди, та въ кулакъ трубитъ. Пришло время будущому въ пекло ступаты, узрять сына будущаго отецъ и маты, а онъ же къ нимъ возглаголетъ, проси ратунку; бѣжать еъ нему отецъ и маты хвативши смутку.

Пѣснь о смерти.

Нѣсколько псалмъ встрѣчаемъ здѣсь, написанныхъ на общераспространенную тему о смерти; выписываемъ изъ нихъ одну, которая намъ кажется болѣе характерной; отдаленный вариантъ ея находимъ въ «Богогласникѣ», изд. холмскимъ братствомъ (Кіевъ 1885 г., стр. 118).

1. Еще *слонце* не заходить, я спаты ложуся, во исповѣди не готовлюся, Богу не молюся.

2. Спамятай же человекъ остатніе.. (?), дадутъ тебѣ смутную труну и темное ложе.

3. Не дай мнѣ во гресехъ умерты, ахъ мой милый Боже!

4. *Останетця* серебро и злато, дорогіе шаты; да вжѣ жь мнѣ *исобою* (изъ собою) на той свѣтъ не браты.

5. Хочъ бы я и взялъ *исобою*, тамъ того *нетра*: саженіъ *земль* и *четырь* дошки спасенія съ неба.

6. (Останеця) ударятъ *увусть* (у вси) звоны по скорой годинѣ, отклоняюсь всему свѣту и своей родинѣ.

7. Ой якъ уложатъ грѣшное тѣло въ глыбокое доле и насыплютъ *плску* на очи— не гланеть *нъколи*.

8. Зеленіе вѣты квѣты земля выпускаетъ по умершой сиротинѣ и весь родъ питаетъ.

9. Не ищите, не *обрящите* уже его (земля) бдища (?), выпускаетъ земля траву по нему лежащомъ.

Пиршество у воробья.

И вотъ среди пѣсенъ такого содержанія встрѣчаемъ шуточную пѣсню о птичьемъ царствѣ, какъ извѣстно, часто фигурирующемъ въ народныхъ произведеніяхъ. Почти такой же вариантъ имѣется у насъ въ рукописномъ собраніи пѣсенъ Ходаковскаго (въ началѣ 20 годовъ нынѣшняго столѣтія).

1. *Ючинивъ* (ой учынивъ) *оробей* на прыпичку жныва; *сѣмоло-тивши* наварывъ пшеничного пыва; три тычины хмелю давъ, потомъ *барже заловивъ* (барздо жаловавъ) *младомъ избърити* (ставъ дома збираты—у Ходаковск.), гостей частоваты.

2. Ой прылетивъ *снигирецъ*, сыритнычокъ непростый. Ахъ мой мылый *оробей*! идутъ *тебѣ гость*: иде панъ журавель, а твой дядюшка хрустель, и пани сыныци—родная сестрыца.

3. Ой кинется *оробей* гостей выглядаты; колы глане быстрымъ окомъ, аще й не выдаты,—*только* два пугачи, преславныи трубачи: *твоей ораниста* (органиста), панъ *кручко* (sic) (у Ходаков.—нѣтъ) басыстый.

4. Мои мыли *панованіе* музыканты! заиграйте мнѣ *пофранцузской*, а я пойду въ танца, пане *кручко*. Заграй, свигирчику, заскрыны; мои *миль букцане*, (у Ходаков.—нѣтъ; въ другомъ стихѣ вмѣсто *журавель* пеставлено *боцанъ*—анстъ) заграй на *органе*.

5. Ой весело *оробей* въ дому гуляетъ, запрошенныхъ гостей къ себѣ не принимаетъ. Гости идутъ *засъни* (?) (у Ходаков.—замки бьютъ, одчиняютъ, одмыкаютъ) бьютъ, замки одбиваютъ, *самы* двери одчиняютъ; а *оробей* не бачитъ, въ дому своемъ скачетъ.

6. Штурмомъ прійшли до хаты; переставъ танцуваты, ставши *себя* у порога, да ставъ частуваты. Гей, гей! мылая дружиночко, вирная! Я, оробей, *чикавъ* я васъ по всей часъ.

7. На той бенкетъ комаря съ кошашкой вбылы, *штиръ полки солили* (?) (у Ходаков. —пилги солонини?) съ комаря злупылы, сто ковбасъ начиннылы, *штиръ полки извзялилы*, ребра *приткали* (?) (у Ход. —схабы прыпекалы), гостей годувалы.

8. Було жъ того до полночи. Сова прылетила; прылетивши потыхеньку, да подъ столомъ сила. А старый панъ журавель загадавъ слаты постель, а хрустель упывся да подъ столомъ звалывся.

9. Да вжежъ сова хрустеля уполъ перервала, а старому журавлю горло передрала, музыкантовъ поразила, и всихъ гостей *розинала*, а сороки *спечь* (съ печи) мусилы *утечь* (утечи—утекти).

10. Только сова съ пугачами zostалася въ хати, танцуваты по французской звелила. Гей, гей, совуле, *сокулная матуле!* гуляй доволи, до своей воли!

11. Гуляла сова доволи, да вже упылася, пыва пыты не схотпла, браги опылася. Гей, гей, совуле, сокулная матуле! *Тъмъ* теперь на *влови* во мнозимъ *потоль* (?) (у Ходак.—ходимо на вловы на ничъ до столды).

Народныя малорусскія пѣсни.

Изъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ вариантовъ, которые считаю умѣстнымъ выписать здѣсь, какъ относящіяся по времени записи къ прошлому вѣку.

I.

Да оравъ чоловікъ край дороги	Та пишовъ бы я доганяты,
Гей, гей, край дороги! (привѣвъ послѣ каждой строчки).	Та будуть, суки, за чубъ рваты.
Та у его воли круторогы,	Одна дивка Катерина
Та погоничи чернобровы	Та на берези ноги мыла
	Та вона въ шкоду заблудыла.
Тѣ повисъ бурдюгъ на берези	Та ии маты все пытала:
	Та де жъ ты, донько, ночувала.
Ой тамъ дивки грибы рвали,	Ночувала, маты, съ школярами
Та вони, суки, бурдюгъ вкравы,	Та пидъ гарными соболями.
Та не порожній съ пирогами	Ой на школи, маты, кринь зеленепей
	Та въ школи, маты, дякъ молоденьей.

II.

Ой два браты, два браты вони ^{дродныи}дродныи;
Вони опель палылы, у Добравку возылы,

У Добрянци продавали, ихъ у салдаты и побрала.
 Ой глядите вы, капралы, щобъ булы салдаты вбрани
 Щобъ головки почесанныи, мундиры червовни
 Щобъ вгудзыки счижовни и поясы зеленни.
 Щобъ колянца побилевни,
 Щобъ сапоги чернохонти, и чулочекы шовковни.

III.

Въ славномъ городи да Переясловли да покопаны шанци—
 Ишовъ козаеъ до дивчыны, да не ввечери—въ ранци.

Да казавъ же ты, да козаченьку, Гали не любты;
 А прийшовшы пидъ обонечко: да подай, Галю, пыты!

Дурна, Галю, нерозумна! дурный розумъ маешъ,
 Що ты мене, да козаченька, на ничъ не пускаешъ!

Ой рада бъ я, да козаченьку, тебе на ничъ пускаты,—
 Стоить обругъ да кумпанія, да хотять насъ пойматы.

Да ище жъ Гали не поймали, ище не вхопылы,
 Да вже жъ худобоньку всю розпредилилы.

Отаману коня дали, а сотвыку зброю,—
 Мандруй, мандруй, сердце Галю, въ мандривочку изо мною.

Ой рада бъ я, да козаченьку: съ тобою мандруваты,—
 Ой есть у мене старая маты да буде проелынаты.

Въ славномъ городи да Переясловли да малёвани *ганки* (вганки).
 Сыдыть козаеъ у кайдалахъ да у Гали воханки.

Плыве шука съ Кременчука, пробывае скука (?),—
 Оттеперъ же, сердце Галю, съ тобою розлука.

IV.

Къ величайшему сожалѣнiю, не сохранилась въ цѣломъ видѣ еще одна пѣсня, можетъ быть, самая интересная, судя по конечнымъ стихамъ, оставшимся въ рукописи. Это несомнѣнно какая то историческая пѣсня, приближающаяся въ думамъ. Конецъ ея такой:

Ой стѣйте лишень панове молодцѣ! Есть у насъ грамота за старого
 Гога наславна,
 Якъ намъ ище за гетмана Хмельницкого надъ ляжами воля данна.

Изъ приведенныхъ народныхъ пѣсень особенно обращаетъ вниманiе на себя пѣсня № 2, какъ записанная очень скоро послѣ ея

сложенія. Она относится къ рекрутскимъ пѣснямъ и приурочена къ посадѣ Добриниѣ (черниг. губ., городниц. уѣзда), гдѣ очевидно было главное управленіе по рекрутскому набору.

Есть тутъ и одна пѣсня великорусской поэзіи, очень плохо записанная; весь интересъ ея въ томъ, что она есть свидѣтель вкуса переписчика и неразборчивости его въ выборѣ матеріала.

Пойди прочь, не досаждай мнѣ молодецъ! Я привыкла вдѣсь пасти одна овецъ. Случно было мнѣ одной здѣсь жить весной, таъ тогда ты не пришелъ гулять, со мной танцевать (?). Я и весной была, я въ деревнѣ всѣхъ дорожныхъ слѣдила; теперь видишь, какъ худа стала, блѣдна, оттого что все весной была *една*. Всякой день пташки видѣла, подь кустомъ другъ ко другу притулялись; тамъ обнимались, цѣловались; всякой часъ *съ* меня слезы канули изъ глазъ. Дѣтомъ видись, что и тварь можетъ любить и вездѣ съ подругомъ своимъ жить. Все бѣдная знала, что мнѣ зачать, оттого что не могла *каво сказать* (?). Ты не думай, чтобы даромъ то *пойшло*. Ахъ, когдабъ и само на тебя *найшло*, что терпѣла я недѣлю или двѣ! Черезъ рѣчку почто бросился ко мнѣ?

Заканчивая обзоръ рукописнаго альбома Ищенка, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что преобладающими являются въ немъ пѣсни не лѣвобережныя, какъ слѣдовало бы ожидать въ Золотоношѣ, а правобережныя, особенно, что касается *псалмъ*. Объясненіе тому можно найти въ томъ фактѣ, что лѣвобережная Украина тогда не представила еще выдающагося литературнаго творчества, подобнаго тому, какое стало проявляться нѣсколько лѣтъ спустя въ Полтавщинѣ и Харьковщинѣ; а за то Золотоноша была въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ правобережной Каневщиной, откуда и могли идти всѣ литературныя заимствованія.

В. Науменно.

Къ исторіи учрежденія Кіевскаго Дворянскаго Собранія.

9 го іюля минувшаго 1888 года Кіевское Дворянское Собрание, именуемое обыкновенно Дворянскимъ клубомъ, праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія и къ этому празднеству приготовило маленькую книжечку подъ заглавіемъ «Кіевское Дворянское Собрание. Первое пятидесятилѣтіе. 1838—1888».

На первой же страницѣ въ этомъ юбилейномъ изданіи мы встрѣчаемся съ фактомъ сомнѣнія, когда именно совершилось открытіе Дворянскаго Собранія—въ 1838 или 1839 году. Сомнѣніе это

рѣшается не какими нибудь достовѣрными фактическими данными, а исключительно со словъ одного кіевскаго старожила. У насъ въ рукахъ имѣются документальныя данныя, которыя позволяютъ точно рѣшить этотъ вопросъ и, сверхъ того, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на обстановку жизни этого учрежденія въ первый годъ его существованія, что намъ кажется небезынтереснымъ и для характеристики жизни Кіева 50 лѣтъ назадъ.

Прежде всего приходится пожалѣть о томъ, что Кіевское Дворянское Собраніе совершенно лишено своего архива, по крайней мѣрѣ за первые 28 лѣтъ, какъ это указываетъ намъ упомянутая брошюрка, почему мы не имѣемъ возможности узнать никакихъ частныхъ, касающихся какъ мотивовъ для учрежденія собранія, такъ и фактовъ проявленія жизни въ немъ. Что болѣе или менѣе правильныя «благородныя собранія» въ Кіевѣ существовали значительно раньше 1838 года, но только безъ опредѣленнаго устава,—въ этомъ удостовѣряетъ насъ найденный въ бумагахъ покойнаго М. А. Максимовича, перваго ректора кіевскаго университета, подписной листъ отъ директоровъ Кіевскаго Благороднаго Собранія, помѣченный 18 ноября 1834 года. Изъ этого листа видно, что и раньше 1834 года были уже благородныя собранія, и что на зимній сезонъ 1834—35 года только предложено было продолженіе подписки на нихъ. Вотъ подлинный текстъ этого листа:

«Отъ Директоровъ Кіевскаго Благороднаго Собранія, по истекшей подпискѣ, предлагается новая подписка на собраніе въ продолженіе наступающей зимы до великаго поста будущаго 1835 года; въ теченіе сего времени предполагается быть однимъ танцевальнымъ собраніемъ по одному въ каждую недѣлю, приравливая оныя къ ежевременнымъ праздникамъ и другимъ случайнымъ днямъ, но такъ, чтобы общее число собраній было не менѣе десяти; впрочемъ, подробности о семъ имѣютъ быть объявлены въ свое время, а первое собраніе предполагается въ день Тезоименитства Его Императорскаго Величества. Принявъ сіе за основаніе и пригласивъ кіевскаго купца Линовскаго, нанявшаго Дворцовыя флигели, устроить одинъ изъ нихъ для таковыхъ собраній, они, Директоры Кіевскаго Благороднаго Собранія, находятъ возможность ограничить подпискою цѣну съ cadaго мушны въ 25 руб. ассиг., оставаяя входъ для дамъ, равно всѣ прочія постановленія, утвержденныя по прежнимъ подпискамъ, на прежнемъ основаніи. Имѣя честь объявить о семъ гг. членамъ Кіевскаго Благороднаго Общества, они, Директоры таковаго Собранія, всепокорнѣйше

просятъ изъяснить свое согласіе на учрежденіе собранія подписью своею на семъ». 18 ноября 1834 г.

Подписались на этомъ листѣ: Ректоръ Университета Михайлъ Максимовичъ, Деканъ Степанъ Выжевскій и Профессоръ Владиміръ Цыхъ.

Очевидно отсюда, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до 1838 года были собранія, именовавшіяся «благородными», которыя хотя были и безъ устава, но отличались правильностью, такъ какъ руководились опредѣленными (вѣроятно по избранію) директорами; члены же ежегодно могли мѣняться, въ зависимости отъ подписки на каждый данный сезонъ. Надо предполагать, что устраивая въ такомъ видѣ собранія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, члены порѣшили 9-го іюля 1838 года ходатайствовать объ утвержденіи правильнаго устава этихъ собраній, и хотя уставъ былъ утвержденъ только въ 1839 году, но они положили началомъ правильнаго общества «благородныхъ собраній» считать день своего постановленія, т. е. 9 іюля 1838 года, и съ этого времени начали вести и свою публичную отчетность. Это доказывается другимъ документомъ, имѣющимся у насъ, — краткимъ печатнымъ отчетомъ Кіевскаго Благороднаго Собранія за первый годъ существованія съ 9-го іюля 1838 года по 9 іюля 1839 года.

Отчетъ этотъ представляетъ очень много любопытнаго для характеристики тогдашней кіевской жизни, особенно по сравненію съ теперешнею жизнью Дворянскаго Собранія, поскольку она касается гражданъ Кіева.

Главнымъ доходомъ служили взносы постоянныхъ членовъ. Всѣхъ членовъ было 86; они внесли 9632 руб. монетнымъ счетомъ¹⁾, т. е. 8600 руб. ассигнаціоннымъ, — слѣдовательно членскій взносъ былъ установленъ въ 100 р. ассигнаціями, а на серебро 28 р. 57¹/₇ коп. Если принять во вниманіе, что общій приходъ за годъ составлялъ 15269 р. 56 к. монетнымъ счетомъ, то увидимъ, что ²/₃ всего дохода падало на членскіе взносы — явленіе, далеко не похожее на бюджетъ теперешняго дворянскаго собранія, гдѣ громаднѣйшій перевѣсъ въ доходности выпадаетъ на карты и штрафы. Въ указанной бро-

1) Монетный счетъ можетъ быть опредѣленъ такъ: 100 единицъ ассигнаціонныхъ равнялись 112 единицамъ монетнымъ (старой мѣдной монетой), и тѣ же 100 единицъ ассигнаціонныхъ равнялись 28,57 на серебро, иначе 1 рубль серебра равнялся 3 р. 50 к. ассигнаціями. (См. подробно объ этомъ въ книгѣ „Карманныя таблицы для точнаго и легкаго переложенія и расчета ассигнацій на серебро и серебра на ассигнаціи“. Составлена Ш... Спб. 1841 г.)

шюркѣ, напрімѣръ, находимъ, что доходъ съ картъ въ 1887 году составлялъ 44700 руб., да сверхъ того, штрафы за игру послѣ установленнаго часа — 9800 р., тогда какъ членскіе взносы (309 членовъ по 25 р. каждый) равнялись всего 7725 руб. Въ доброе же старое время, очевидно, игра въ карты не была въ большомъ ходу, т. к. доходъ съ картъ показанъ въ 1939 р. 84 к. монетнымъ счетомъ, т. е. 1732 р. на ассигнаціи или около 500 руб. на серебро, а за вычетомъ стоимости картъ 728 р. 50 к. ассигнаціями чистой прибыли получится 1003 р. 50 к. ассигнац., или около 287 р. на серебро. О штрафныхъ же деньгахъ тогда и помину не было. Изъ другихъ статей дохода видное мѣсто занимаетъ плата временныхъ членовъ (вѣроятно то, что теперь носить названіе гостей) — 1005 р. ассигнаціями (1125 р. 60 к. монетою) и плата за входъ гостей на балъ около 1768 руб. ассигнаціями (1980 р. монетою).

Очевидно, центръ тяжести развлеченій тогдашняго собранія составляли балы, т. е. изъ отчета видно, что, во 1-хъ, всѣхъ баловъ въ теченіе года было устроено 41, и во 2-хъ, главный расходъ (4992 р. 62 к. монетою, т. е. около 4458 руб. ассигнаціями) приходится на устройство ихъ. Самыя цифры показываютъ, что характеръ этихъ баловъ отличался скромностью, т. е. въ счетъ общаго, сравнительно небольшого, расхода на балы вошло устройство: во 1-хъ, чрезвычайнаго бала 6 декабря, который стоилъ съ угощеніемъ 180 особъ съ иллюминаціей 626 р. 20 к. монетою (около 559 р. ассигнаціями, или около 160 р. на серебро), и во 2-хъ, бала, бывшаго 1 іюля, который стоилъ съ угощеніемъ 312 р. 60 к. монетою. Такимъ образомъ, каждый изъ остальныхъ 39 ординарныхъ баловъ обошелся среднимъ числомъ около 104 р. монетою, т. е. около 26 руб. серебромъ. Всѣ остальные цифры расхода служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ характеристикѣ скромности обстановки тогдашнихъ собраній. Единственно крупная статья расхода — наемъ квартиры (3000 р. ассигнаціями) объясняется естественною необходимостью имѣть приличное помѣщеніе для устройства баловъ, на которыхъ, какъ видимъ, бывало до 200 душъ; но эта квартира освѣщалась очень умѣренно: изъ отчета видно, что на освѣщеніе истрачено за годъ около 158 р. ассигнаціями при чемъ прибавлено, что въ освѣщеніе ежедневное входятъ салныя свѣчи, масло и фитили для лампъ и самая малая часть восковыхъ свѣчей, и только нѣкоторые балы были при освѣщеніи коллетовскими свѣчами. Сверхъ того, при сравнительно обширной квартирѣ, вся прислуга состояла изъ швейцара и маркера,

получавшихъ по 25 руб. въ мѣсяцъ монетою. Также скромно была обставлена и литературная часть этихъ собраній: выписывалась только одна газета «Тыждникъ» за 58 р. въ годъ монетою. Такая простота въ обстановѣ позволяла распорядителямъ благороднаго собранія въ концѣ перваго же года существованія его сберечь остатокъ въ 3525 р. 78 к. монетою, при чемъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя единовременныя затраты (часы—110 руб. ассигн., устройство билліарда съ шарами—157 р. 37 к. монетою, одежда швейцару—168 р. монетою, корридоръ съ пристройкой 251 р. 25 к. монетою) да уплатить долгъ прежняго собранія за билліардъ 100 р. ассигнац., что служить новымъ доказательствомъ, что благородныя собранія, съ большей или меньшей правильностью, существовали и раньше 1838 года.

В. Науменко.

Изъ воспоминаній о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ.

(Письмо въ редакцію).

Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» прошлаго года было напечатано нѣсколько сочиненій П. П. Артемовскаго-Гулака. Это обстоятельство навело насъ на мысль подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» нѣкоторыми свѣдѣніями о жизни и объ отношеніяхъ покойнаго писателя, сохранившимися въ нашей памяти. Правда, эти свѣдѣнія относятся къ частной, домашней жизни поэта, но вѣдь извѣстно, что, такъ называемыя, «домашнія обстоятельства» играютъ въ жизни очень важную роль и нерѣдко въ нихъ то и нужно искать ключа къ уясненію многого темнаго и загадочнаго въ общественной и литературной дѣятельности извѣстнаго лица.

Предлагаемыя нами свѣдѣнія мы заимствовали изъ воспоминаній одного харьковскаго старожила, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Гулакомъ-Артемовскимъ и даже крестившаго нѣкоторыхъ изъ его дѣтей, и изъ разказовъ вдовы покойнаго П. П.—ча, слышанныхъ нами уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ.

Гулакѣ-Артемовскій былъ женатъ дважды. Въ первый разъ онъ женился приблизительно во 2-й половинѣ 20-хъ годовъ на французкѣ, кажется гувернантѣ, которая скоро умерла отъ простуды. Вторично онъ женился въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда былъ членомъ кавихъ то учебныхъ или педагогическихъ совѣтовъ при

харьвовскомъ и полтавскомъ женскихъ институтахъ. Тутъ то и познакомился онъ со своей будущей женой, Елизаветой Федоровной Панютиной, въ то время пепиньеркой при харьковскомъ институтѣ. Е. Ф. была бѣдная дѣвушка и чуть ли не воспитанница хорошо известной въ тѣ времена въ харьковской (тогда еще слободско-украинской) губ. Н. Н. Надаржинской¹⁾. По рассказамъ, П. П. былъ глубоко привязанъ къ своей женѣ и это чувство привязанности сохранялъ всю свою жизнь. Тѣмъ сильнѣе должна была отразиться на немъ тяжкая душевная болѣзнь, постигшая Е. Ф. вскорѣ послѣ замужества. Средства къ жизни П. П. добывалъ исключительно личнымъ трудомъ: кромѣ профессуры, онъ имѣлъ уроки въ нѣсколькихъ частныхъ учебныхъ заведенiяхъ и содержалъ у себя на квартирѣ студентовъ; жена его, какъ мы уже сказали, не принесла никакого приданого. Понятно, что болѣзнь ея, подрывая не особенно большiя средства Гулака-Артемовскаго, тяжело отзывалась и на его семейной обстановкѣ. Рассказы одного изъ старыхъ знакомыхъ П. П.—ча мрачными красками рисуютъ его непримядную домашнюю жизнь.

Намъ неизвѣстно, были ли у покойнаго писателя дѣти отъ перваго брака, отъ втораго ихъ было много, чуть ли не около 10. Ненормальная семейная жизнь пагубно отразилась на этихъ дѣтяхъ—большая часть ихъ вышли неудачниками. Какъ нерѣдко бываетъ въ нашемъ служащемъ классѣ, ни одинъ изъ многихъ сыновей П. П.—ча не остался не только въ предѣлахъ харьковской губ., но даже и въ смежныхъ мѣстностяхъ. Двѣ изъ дочерей его проживали въ Харьковѣ еще въ 70-хъ годахъ. Жена П. П.—ча, которой онъ завѣщалъ весь свой достатокъ, переѣхала послѣ его смерти куда то въ Финляндію, гдѣ приобрѣла себѣ на берегу моря мызу, или небольшое имѣніе, и умерла, какъ мы слышали, въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго десятилѣтія. Лѣтъ 10 тому назадъ она пріѣзжала въ Харьковъ и обратилась по нѣкоторымъ своимъ дѣламъ къ пишущему эти строки. Между прочимъ, въ разговорѣ, она передала намъ нѣсколько воспоминанiй о своемъ покойномъ мужѣ.

По ея рассказамъ, вскорѣ послѣ смерти П. П.—ча заѣхалъ къ ней добрый знакомый покойнаго, известный малорусскій писатель Олекса Стороженко и, осмотрѣвши бумаги его, выбралъ изъ нихъ

¹⁾ Интересныя, хотя и отрывочныя, свѣдѣнія о Надаржинской, женщинѣ въ своемъ родѣ весьма замѣчательной, есть въ Воспоминанiяхъ В. И. Ярославскаго. (Литературно-научное приложеніе къ Харьковскому календарю 1887 г., стр. 29 и слѣдующія).

кое что и, съ согласія вдовы, увезъ съ собою. Передавая мнѣ, по моей просьбѣ, небольшой остатокъ рукописей¹⁾, г-жа Артемовская заявила, что это все, что осталось теперь у нея послѣ П. П—ча. Можетъ быть, добавила она, лучшее и болѣе цѣнное выбралъ и взялъ съ собою г. Стороженко.

Изъ воспоминаній вдовы о ея покойномъ мужѣ интересенъ разсказъ объ его отношеніяхъ къ бывшему въ 20-хъ и 30-хъ годахъ малороссійскимъ генералъ губернаторомъ извѣстному князю Н. Г. Репнину. П. П—чъ былъ *persona grata* у именитаго князя и въ числѣ его особенныхъ услугъ Репнину вдова припоминала одно обстоятельство, подробностей котораго она, къ сожалѣнію, видимо сама хорошо не знала и поэтому передала его мнѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Дѣло это было во время польской компаніи 1830—31 г. или, можетъ быть, сейчасъ вслѣдъ за ней. Въ то время были собраны козаки въ полтавской и черниговской губерніяхъ (кажется два полка) и подлежащая власть, по окончаніи компаніи, хотѣла зачислить ихъ въ регулярное войско. Слухъ объ этомъ распоряженіи вызвалъ въ массѣ козаковъ недоумѣніе и ропотъ. Кн. Репнинъ прибѣгнулъ на этотъ разъ къ личному нравственному воздѣйствію на козаковъ П. П—ча и онъ, по словамъ жены, выполнилъ это щекотливое и важное порученіе настолько успѣшно, что самъ покойный Государь Николай Павловичъ, узнавши объ этомъ, въ милостиво шутивомъ тонѣ называлъ иногда П. П—ча «мой милый дипломатъ». Конечно, нельзя безусловно полагаться на воспоминанія жены о ея покойномъ мужѣ, но во всякомъ случаѣ въ этихъ воспоминаніяхъ было что то реальное.

Старуха вспоминала еще объ одномъ казусѣ въ жизни ея покойнаго мужа, который случился, повидимому, въ концѣ 40-хъ годовъ, а именно о какомъ то политическомъ доносѣ, сдѣланномъ на покойника и другаго его сослуживца по харьковскому университету проф. Кронеберга. Доносъ этотъ былъ сдѣланъ какимъ то мелкимъ чиновникомъ Черновымъ или Черняевымъ и временно вызвалъ сильную тревогу въ домѣ Гулака-Артемовскаго; по словамъ его жены, произведенный по этому случаю обыскъ былъ настолько тщательнъ, что не только было пересмотрѣно все до мелочей въ помѣщеніяхъ квартировавшей у П. П—ча молодежи, но даже снимались доски на

¹⁾ Рукописи эти были напечатаны проф. А. А. Потембей въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ прошлаго года.

троттуарѣ возлѣ его дома. Однако съ самой г-жей Артемовской, по ея словамъ, обошлись въ этомъ случаѣ весьма деликатно: подъ ка-кимъ то предлогомъ отъ нея скрыли истинный характеръ этого обыска и она только послѣ узнала его значеніе. Грубая лживость доноса обнаружилась уже изъ того, что темный доносчикъ обличалъ въ какомъ то тяжкомъ злоумышленіи разомъ и П. П—ча и Кронеберга, которые были между собою постоянно «на ножкахъ». Ложь эта обнаружилась скоро и, по словамъ г жи Артемовской, самъ Императоръ Николай Павловичъ, въ проѣздъ свой чрезъ Харьковъ, выразилъ негодованіе по поводу этой бессмысленной клеветы, а доносчикъ выси-дѣлъ за это дѣло въ острогѣ.

Собирая воспоминанія о П. П. Гулакѣ Артемовскомъ, мы распрашивали у харьковскихъ старожиловъ о личностяхъ, упоминаемыхъ въ послѣдней одѣ изъ напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», Терешка и Одарки и убитаго въ войнѣ съ французами ихъ сына Власа. Личности эти оказались совершенно неизвѣстными даже тѣмъ, которые были почти домашними людьми въ семьѣ поэта; поэтому нужно думать, что осиротѣвшая послѣ потери сына старая супружеская чета Терешка и Одарки принадлежала къ кругу близкихъ полтавскихъ знакомыхъ П. П—ча и, вѣроятно, входила въ сферу той дворянской или служебной полтавской интеллигенціи, центромъ которой былъ гостепріимный домъ кн. Реннина. Это видно и изъ послѣднихъ стиховъ оды:

Вони жъ пішли круглять, и я кажу: піду
Розбуряю въ журби Терешка та Одарку и т. д.

Во всякомъ случаѣ это были, видимо, какія то дѣйствительныя, живыя лица.

Воспоминанія харьковцевъ о нравственной фізіономіи П. П—ча дwoятся; почти несомнѣнно, что какое то глубокое раздвоеніе сказывалось въ душевномъ складѣ покойника. Гулакѣ-Артемовскій, видимо, былъ однимъ человѣкомъ pro domo sua и другимъ pro foro, при томъ съ лѣтами этотъ «другой человѣкъ» видимо осилилъ перваго и подъ конецъ, можетъ быть, остался уже главнымъ хозяиномъ. «Лыхо и зъ правдою, лыхо и зъ брехнею», писалъ онъ еще во дни своей молодости, «за правду бьютъ, за брехню виры не дають: отъ-така ловыся!... Що чоловникъ тоби и зъ глуздомъ не зберецца, якъ насвити и обертацця!»

Еще въ концѣ 50-хъ годовъ намъ пришлось видѣть разѣ П. П—ча, когда онъ былъ уже въ отставкѣ или доканчивалъ долгиѣ

годы своей службы. Въ первой комнатѣ университетскаго правленія стоялъ замѣчательно высокій и, какъ казалось, еще довольно крѣпкій, сѣдой старикъ и добродушно-начальническимъ тономъ обращался съ какой то просьбой къ служителю-солдату на чистомъ малорусскомъ языкѣ. Видно было, что чистая народная рѣчь была для него обычнымъ языкомъ. Тонъ и свладъ этой рѣчи даже въ немногихъ словахъ показывали, что онъ дѣйствительно былъ способенъ на такое публичное слово къ народной массѣ, которое могло успокаивать ее даже въ минуты острыхъ недоразумѣній и глухаго ропота...

Недавно намъ пришлось видѣть прекрасный по работѣ (фотографія съ акварели) портретъ покойнаго Гулака еще въ цвѣтущую пору его жизни, гдѣ ему на видъ не болѣе 30—35 лѣтъ. Портретъ этотъ находится у харьковскаго старожила доктора В. С. Александрова.

Скромный, одноэтажный, деревянный домикъ поэта еще и донынѣ существуетъ въ Харьковѣ на Нѣмецкой улицѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ немъ проживала одна изъ дочерей поэта. Кому онъ принадлежитъ въ настоящее время—не знаю.

А. Ш.

Стефанъ Качала.

(Некрологъ).

29-го октября (10-го ноября) въ селѣ Шельпакахъ збаражскаго повѣта въ Галиціи, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался о. Стефанъ Качала, на 73 мѣ году своей жизни и 46-мѣ году священства. Покойный принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ политическихъ, общественныхъ и научныхъ дѣятелей русской Галиціи, поэтому считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Стефанъ Качала родился въ 1815 г. въ селѣ Фирлеевѣ бережанскаго повѣта въ Галиціи. Отецъ его былъ бѣдный крестьянинъ, но не крѣпостной и при томъ грамотный. Поступивъ въ гимназію въ Бережанахъ, молодой Стефанъ, несмотря на крайнюю нужду, весьма успѣшно прошелъ полный курсъ ученія, отличаясь большими способностями и прилежаніемъ.

Въ 1842 году Стефанъ Качала былъ рукоположенъ во священника и получилъ приходъ въ селѣ, гдѣ его дѣятельность въ то глухое время, до самаго 1848 года, направлена была преимущественно на пользу вѣрнной ему паствы.

Въ 1848 году, когда галицкіе русины, по примѣру другихъ угнетенныхъ народовъ Австріи, начали добиваться своихъ правъ, о. Стефанъ Качала принималъ самое горячее участіе въ этомъ патриотическомъ движеніи русской народности въ Галиціи. Къ этому времени относится учрежденіе во Львовѣ общества съ политическими правами, названнаго «Головна Руска Рада», выработавшаго программу, въ которой оно заявило о своей національной обособленности отъ поляковъ. Въ томъ же 1848 году состоялся съѣздъ русинскихъ ученыхъ во Львовѣ и учреждено литературно-научное общество «Галицко-руска Матица», однимъ изъ членовъ основателей которой былъ и Стефанъ Качала. Онъ былъ также членомъ основателемъ «Народнаго Дома», устроеннаго на сумму, собранную по подпискѣ, въ которой участвовали всѣ галицкіе русины. Народный Домъ долженъ былъ совмѣщать въ себѣ русскую гимназію, бурсу для бѣднѣйшихъ учениковъ, народный театръ, бібліотеку и т. д.

Дѣятельность о. Стефана Качалы не прекратилась и въ періодъ временной реакціи, наступившей въ Австріи послѣ событій 1848 года, хотя и должна была значительно сократиться. А въ 1861 г., когда послѣ пораженій при Маджентѣ и Сольферино возобновлена была конституція 1848 года, онъ является депутатомъ въ «Краевый сеймъ» и въ этомъ званіи остается до самой своей смерти, пользуясь постоянно неизмѣннымъ довѣріемъ своихъ избирателей.

Въ 1868 году онъ отправляется представителемъ на пражскій славянскій съѣздъ, собравшійся по случаю открытія чешскаго театра. Здѣсь онъ, отъ имени своихъ земляковъ, произноситъ рѣчь, въ которой заявляетъ о правахъ своей народности наравнѣ съ другими славянскими племенами. За эту рѣчь митрополитъ лишилъ его деканства (благочинія), такъ какъ она вызвала неудовольствіе среди поляковъ.

Въ 1869 году о. Стефанъ Качала дѣлается однимъ изъ членовъ основателей общества «Просвита». Общество это, какъ извѣстно, имѣетъ цѣлью изданіе и распространеніе популярныхъ книжекъ для народа, которыхъ издало въ послѣднее время болѣе ста названій въ количествѣ около 500,000 экземпляровъ. Для этихъ изданій онъ самъ пишетъ полезныя для народа книжки; изъ нихъ наиболѣе выдающаяся по значенію вышла подъ заглавіемъ «Що насъ губить и що намъ запомогты може»; въ ней авторъ настаиваетъ на необходимости просвѣщенія для крестьянъ, для того чтобы они имѣли возможность разумно и успѣшно бороться за свои интересы. Какъ на одно изъ средствъ къ достиженію этой цѣли онъ указываетъ на разнаго рода

ассоціаціи, какъ, напримѣръ, учрежденіе въ селахъ читалень, общественныхъ магазиновъ — «Народной торговли», общественныхъ ссудныхъ кассъ и т. п. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствуетъ за одно съ другимъ галицкимъ патріотомъ и извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ того времени о. Иваномъ Наумовичемъ. Насколько плодотворна была ихъ дѣятельность, можно судить изъ того, что въ первый періодъ учрежденія «читалень», съ 1872 по 1878 годъ, ихъ основано въ различныхъ селахъ Галичины до 175, теперь же ихъ существуетъ болѣе 630. При читальныхъ обыкновенно учреждаются магазины, ссудныя кассы, общества трезвости и т. п. Большая степень вліянія въ этомъ дѣлѣ о. Стефана Качалы становится ясною, если принять во вниманіе, что названная выше книжка его выдержала три изданія и разошлась среди народа въ количествѣ 15 — 20 тысячъ экземпляровъ.

Въ семидесятыхъ годахъ при значительномъ его участіи основались еще два общества: «Товариство имени Шевченка» и «Руске товариство педагогичне». Членомъ обонхъ этихъ обществъ, не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, оставался онъ до самой смерти.

Въ 1879 году вышло самое крупное изъ его литературныхъ произведеній, на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «*Polityka Polaków względem Rusi*»; указавши на всѣ тѣ несправедливости, какія совершали поляки по отношенію къ южноруссамъ во все продолженіе ихъ совмѣстной исторической жизни, авторъ приходитъ къ выводу, что политика притѣсненій привела къ самымъ вреднымъ результатамъ для самихъ поляковъ, и убѣждаетъ ихъ обратиться на иной путь, отказавшись отъ своихъ прежнихъ традицій нетерпимости. Историческая часть этой работы, съ опущеніемъ ея полемической стороны, представляющая въ научномъ отношеніи большой интересъ и обнаруживающая основательное знакомство автора съ относящеюся къ предмету его изслѣдованія литературою, была помѣщена въ «Кіевской Старинѣ» за 1885 годъ подъ заглавіемъ «Очеркъ исторіи юго-западной Руси»; въ слѣдующемъ году она была напечатана на малорусскомъ языкѣ въ первомъ томѣ популярно-историческаго изданія, выходящаго періодически въ Тернополь подъ названіемъ «Руска Исторична Библіотека».

Въ 1885 году, уже семидесяти лѣтъ отъ роду, о. Стефанъ Качала является однимъ изъ дѣятельныхъ основателей новаго политическаго общества «Народна Рада», имѣющаго цѣлью фактически предоставить русинамъ всѣ тѣ права, которыя признаются за ними въ принципѣ

австрійскими законами, но пока еще не выполняются, или весьма не точно выполняются на дѣлѣ.

Еще въ послѣднее время о. Стефанъ Качала, оставаясь депутатомъ въ Краевомъ Сеймѣ, былъ избранъ предсѣдателемъ клуба русинскихъ пословъ, а одно время состоялъ посломъ въ вѣнскомъ Рейхсратѣ.

Отдавая на служеніе русскому народному дѣлу всю свою неистощимую энергію, всѣ силы, знанія и время, покойный не жалѣлъ для него и своихъ матеріальныхъ средствъ; онъ всегда являлся щедрымъ жертвователемъ на всѣ народно-общественныя предпріятія, въ которыхъ принималъ участіе и на которыя въ разное время пожертвовалъ до 10 тысячъ гульденовъ — сумма весьма крупная для средняго священника въ Галичинѣ.

По своимъ убѣжденіямъ, какъ это видно изъ его дѣятельности, покойный принадлежалъ къ народной партіи галицкихъ русиновъ, но какъ честный дѣятель и искреній патріотъ, обладавшій большимъ тактомъ въ общественныхъ дѣлахъ, онъ и при жизни пользовался безусловнымъ уваженіемъ не только всѣхъ русиновъ безъ различія партій и направленій, но и поляковъ. На его избраніи мирились въ трудныхъ случаяхъ и поляки, и русины, за него одинаково охотно подавали голоса на выборахъ враждовавшія между собою стороны, когда обострялись взаимныя отношенія, подрывалось довѣріе и невозможно было придти ни къ какому соглашенію,—и покойный всегда оправдывалъ довѣріе своихъ избирателей.—Глубокая скорбь поразила всѣхъ галичанъ, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ о. Стефана Качалы. Отъ всѣхъ русскихъ обществъ, литературно-научныхъ и публицистическихъ изданій, отъ русскихъ студентовъ львовскаго и вѣнскаго университетовъ посланы были телеграммы и депутаціи для произнесенія рѣчей при похоронахъ. Скажемъ же и мы за ними: миръ памяти честнаго, разумнаго и самоотверженнаго труженика на пользу рускаго народа.

Н. Х.

Д л я с п р а в о к ъ .

— Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). У гр. М. М. Толстаго находятся болѣе 100 столбцовъ, относящихся преимущественно къ исторіи московской слободской Украины и заключающихъ обильныя данныя для топографіи этихъ мѣстностей. Это бумаги разныхъ семействъ — Кондратьевыхъ, Каменевыхъ, Авдѣевыхъ, Арсеньевыхъ и др., имянія которыхъ перешли въ родъ гр. Толстыхъ

(одесскихъ). Мы разобрали эти столбцы и приводимъ списокъ огазавшимся въ нихъ дѣламъ, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Если бы кто поинтересовался какимъ либо изъ названныхъ ниже дѣлъ, онъ можетъ обратиться къ гр. М. М. Толстому, который охотно вышлетъ копію съ дѣла. Печатаніе же всѣхъ столбцовъ, въ виду несистематичности заключающихся въ нихъ дѣлъ, не представляетъ таку связь необходимую.

I. Грамота ц. Михаила Ѳеодоровича 7145 г. октября 31 крестьянамъ курскаго уѣзда, подгороднаго стана, деревни Козиной Поляны съ пустошами и пр. и тускорскаго стана тоже нѣкоторыхъ пустошей объ отдахѣ помѣстїа, на которомъ эти крестьяне живутъ, принадлежавшаго Аѳ. Бредихину, дѣтямъ его, недорослямъ Ѳомѣ и Трифону Бредихиннымъ.

II. Выпись съ отказной книги 7160 г. на помѣстїе въ рыльскомъ уѣздѣ въ омонскомъ и свалскомъ станахъ, часть деревни Бупела съ пустошами и пр. воезаку Новгорода-Сѣверскаго Степ. Микул. сыну Вилимову, каковое помѣстїе принадлежало отцу его.

III. Указъ 7170 г. ноября 9 Петру Вас. Каменеву, назначенному оберегать городъ Гадячь.

IV. Окончаніе грамоты лицу (П. В. Каменеву), назначенному въ Салтово городище, объ осмотрѣ его, разборѣ людей (и червась) и пр. Дати нѣтъ, но до 7173 г., такъ какъ воевода въ Бѣлгородѣ кн. Гр. Гр. Ромадоновскій былъ еще околыничимъ.

V. Память 7173 г. іюня 20 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ новую черкасскую слободу Мурафу для описанія близъ лежащихъ пустыхъ земель, о дачѣ которыхъ просили государя новоприхожіе изъ разныхъ городовъ черкасы Ив. Сирко съ товарищи.

VI. Память 7174 г. сентября 23 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ бѣлгородскій уѣздъ въ саженскій, разуменскій, корецкій и караченскій станы для вторичнаго вызова на смотръ недорослей дѣтей боярскихъ, которыя къ первому вызову (14 сентября) отпесились пренебрежительно. Съ нихъ за то велѣно взять по полтинѣ съ человѣка, а въ случаѣ вторичной неявки имъ грозить жестокимъ наказаніемъ. Къ памяти была приложена роспись недорослей, но ея нѣтъ; вѣроятно, Каменевъ предоставилъ ее въ сѣзжую избу.

VII. Память 7174 г. сентября 26. П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ бѣлгородскій уѣздъ въ саженскій станъ на р. Сѣверской Донецъ отъ устья Сажнаго Донца и отъ устья Ольшанца Колодезя вверхъ по Сѣверскому Донцу до Бѣлаго Колодезя для провѣрки здѣшнихъ сѣнныхъ покосовъ, о дачѣ которыхъ просили государя нѣкоторые бѣлгородскіе помѣшцики, заявляя, что имъ сѣнныхъ покосовъ не достаетъ, тогда какъ другіе помѣшцики имѣютъ сѣнныхъ покосовъ здѣсь болѣе, чѣмъ имъ дано въ помѣстье.

VIII. Память 7174 г. іюля 16 въ Красный Куть П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ новую черкасскую слободу Мурафу, для разбора ссоры, возникшей тамъ между мурафскими обывателями и завѣдывающимъ Мурафою приказнымъ человѣкомъ Потап. Ададуровымъ съ одной стороны и сборнымъ архангельскимъ попомъ Степаномъ Ивановымъ съ другой, о чемъ всѣ они жаловались государю.

IX. Запись 7175 года іюня 16 рылячъ Евтих. Вас. Дремова и Леонтія Борисовича Озарева съ рыляниномъ же Герас. Демент. Туравымъ относительно по-

стройки въ помѣстьяхъ двухъ первыхъ лицъ на р. Котлевѣ мельницы и на владѣніи ея на извѣстныхъ условіяхъ.

X. Память 7176 г. апрѣля 11 П. В. Каменеву о повѣдѣ въ Мурафу, откуда писалъ Адагуровъ о замышляемой черкасами измѣнѣ. Каменевъ долженъ былъ провезеть сыскъ и независимо отъ того оставаться завѣдующимъ г. Мурафою.

XI. Списокъ съ выписки изъ курскихъ писцовыхъ книгъ на помѣстья Леоновыхъ въ подгородномъ стану въ деревнѣ Дичнѣ и др., переданный 7182 г. октября 20 Леоновыми Петру В. Каменеву и его дѣтямъ: Сидору, Ѳедосею и Максиму при передачѣ имъ Леоновыми этихъ своихъ помѣстій.

XII. Приказъ 7179 г. сентября 20 Курчанину П. В. Каменеву быть сотеннымъ головою съ росписью лицъ, курченъ, находящихся у него въ сотнѣ, числомъ 154. При нихъ есть помѣтны: при имени — Михаилъ Максимовъ сынъ Каменевъ приписано: прапорщикъ. При 4-хъ именахъ приписано: умеръ; при 2-хъ — Мих. Артем. с. Боланинъ и Исай Ефремовъ с. Ефремовъ — убить. Последнее, вѣроятно, объясняется припискою въ концѣ акта:

„Бой былъ подъ Коротоякомъ съ донскими казаками сентября въ 27 день на память святаго великомученика Калистрата и дружины его съ полдень до вечера; стояли донскіе на Дону за сого(?)ю въ окопахъ.

XIII. Копія съ воеводской выписи 7179 г. декабря 2 курчанину Ѳедоту Савину с. Курасову на мѣсто въ г. Курскѣ, принадлежавшее стрѣльцу Шалову.

XIV. Запись 7181 г. іюля 13 рьянина Констант. Григ. с. Молѣва Новгорода Сѣверскаго Мих. Ив. с. Мошину на владѣніе мельницею на р. Нестунѣ.

XV. Грамота 7181 г. іюля рьянскому воеводѣ объ измѣреніи и описаніи въ рьянскомъ уѣздѣ въ сванскомъ стану въ косожской волости земли, которую, какъ пустую, просилъ дать ему въ помѣстье рьянинъ Герас. Демент. с. Тураевъ.

XVI. Указъ 7181 г. Петру (Каменеву?) о производствѣ слѣдствія относительно земли, о которой спорить жители г. Лебедяна и г. Коменскаго, о чемъ били челомъ государю лебедянскіе черкасы всѣмъ городомъ, въ томъ числѣ соборной церкви протопопъ Стефанъ съ понами и др.

XVII. Отказная 7182 г. декабря 2 курчанина Сидора Петр. Каменева курчанину Андр. Степ. с. Авдѣву на помѣстье въ подгородномъ стану въ деревнѣ Ванной, принадлежавшее Дм. Ванину.

XVIII. Наказъ 7182 г. курчан П. В. Каменеву да подъячему Ив. Аеонашевичу, посланнымъ изъ Бѣлогорода для осмотра пограничныхъ укрѣпленій на р. Тихой Соснѣ въ чертѣ Новаго Оскола, Верхососенскаго, Усерда, Ольшанска, Острогжска и до р. Дона.

Къ этому присоединена роспись укрѣпленій на р. Тихой Соснѣ къ 7181 г.

XIX. Грамота 7183 г. февр. 23 курскому воеводѣ о производствѣ сыска о помѣстьи курчен. Ив. Гавр. с. Будасова въ курск. уѣздѣ въ курецкомъ стану въ дер. Березуйской, которое проситъ себѣ въ помѣстье курчен. Андр. Степ. с. Авдѣвъ, говоря, что Будасовъ съ семьей ушелъ жить въ обоянскую уѣздъ и помѣстье пустуетъ, и о дачѣ, если это справедливо, помѣстья Авдѣву.

XX. Отказная 7183 г. апрѣля 17 курчан. Андр. Ѳедос. с. Молютина упомянутого въ предъидущемъ № помѣстья Ив. Будасова Андр. Авдѣву.

XXI. Кабальная запись 7184 г. ноября 14, данная на себя черкашеннымъ гуляющимъ человѣкомъ Ив. Володимировымъ курчен. Андр. Степ. с. Авдѣву.

XXII. Продажная запись 7184 г. января 9 рyllи. Емел. Демеят. с. Тураева родному брату Герасиму на мѣсто въ Рыльскѣ на посадѣ, составлявшее $\frac{1}{3}$ ихъ отповскаго мѣста. Какъ видно изъ этой записи, другая $\frac{1}{3}$ была куплена тѣмъ же Герас. Тураевымъ у своей невѣстки.

XXIII. Выпись, данная по указу ц. Θεодора Ал—ча воеводою 7184 г. мая 30 сотнику сумскаго полка Григор. Вдовиченку на помѣстье въ сумскомъ уѣздѣ возлѣ его же хутора на рѣкѣ Бобрикѣ (Въ числѣ граней земли упоминается Сагайдачный шляхъ).

XXIV. Кабальная запись 7185 г. іюля 6, данная на себя русскимъ гулящимъ человѣкомъ Ив. Григ. с. Старицынымъ курчен. Ан. Степ. с. Авдѣеву.

Старицынъ въ 7185 г. 26 іюня былъ схваченъ на полѣ на р. Гнилицѣ и посаженъ въ тюрьму въ г. Балнелеѣ; за преступленія онъ былъ приговоренъ по челобитію балнклейскихъ черкасъ, къ уплатѣ имъ 50 р. и къ повѣщенію; Авдѣевъ же его выкупилъ.

XXV. Грамота 7186 марта 4 рыльскому воеводѣ о посланіи лица для приведенія въ исполненіе обмѣна, по добровольному соглашенію, частей помѣстій рyllянина Провоф. Смирнаго сына Фотіева, и Новгорода Сѣверскаго Ос. Петр. с. Левшина. Помѣстья ихъ были въ рыльскомъ уѣздѣ, въ свакск. стану въ косоожской волости, но помѣстье Фотіева было въ дер. Севенкахъ, а Левшина Подральская пустошь по р. Пруту.

Упоминается, что часть помѣстья въ Севенкахъ насильственно заселилъ Герас. Тураевъ.

XXVI. Выпись съ переписныхъ книгъ соловскаго уѣзда переписи 7186 г. въ корницкомъ стану въ помѣстїи Ив. Герас. с. Ушакова въ сельцѣ Корницкомъ дворовыхъ людей крестьянъ и бобылей.

Выпись эта выдана была ему въ 7207 году.

XXVII. Выпись съ досмотровыхъ и отказныхъ книгъ досмотра и отказа бурчен. Самс. Агѣева с. Денисова о побѣдѣ его, по государеву указу, 7188 г. августа 12 въ лебедявскій уѣздъ, во первыхъ для осмотра мѣста и разрѣшенія гадац. полковнику Михаилу Васильеву по его челобитію постройки на р. Исль противъ его села Михайловки мельницы, а во вторыхъ для передачи новопоселившимся въ лебедянскомъ уѣздѣ заднѣпрянскимъ черкасамъ, по ихъ челобитію, сѣножатей, лежащихъ между р. Камышанской и Азакowymъ Колодцемъ и принадлежавшихъ лебедянскимъ пушкарямъ Процику Черному со товарищи, которыхъ Денисовъ долженъ былъ надѣлять за то землю, лежащую близъ с. Капустинскаго (на Ромаданѣ).

XXVIII. Выпись изъ книгъ досмотра и отказа того же Денисова 7188 г. іюля 31, подтвержденная, по указу ц. Θεодора Ал—ча, бѣлогородскимъ намѣстникомъ бояр. и воев. вн. П. И. Хованскимъ съ товарищи 7189 г. октября 18, на землю, данную гадицкому полковнику Михаилу Васильеву, по его челобитію, въ помѣстье, лежащую между уѣздами каменскимъ, гадицкимъ и недригайлоскимъ.

Границы помѣстья, очень обширнаго, обозначены детально.

XXIX. Черновая челобитной государю 7189 г. гадацк. полковника Михаила Васильева объ обращеніи того, что ему дано въ помѣстье (по № XXVII и XXVIII) т. е. села Михайловки съ людьми, и на что у него есть различныя документы, ему въ вотчину съ выдачею о томъ государевой грамоты.

XXX. Наказъ 7189 г. бѣлгородскаго воеводи б. вн. Гр. Гр. Ромодановскаго съ товарищи коротояцкому воеводѣ Петру (?) о смысѣ въ г. Усердѣ о бывшихъ тамъ въ 7188 г. беспорядкахъ (безъ 1-го листа). О розысѣ этого дѣла есть письмо 7190 г. іюля 17 бѣлг. воеводи вн. П. И. Хованскаго въ Острогожскъ П. В. Каменеву.

XXXI. Письмо 7190 г. послѣ 1 іюля начальника бѣлгородскаго полка Б. вн. П. И. Хованскаго острогожскому воеводѣ Андрею Григ. Рахманинову о томъ, что по вѣстямъ нельзя ожидать военныхъ дѣйствій и бѣлгородскаго полка ратные люди опущены по домамъ, поэтому жителямъ г. Острогожска надо жить осторожно и быть готовымъ въ защитѣ.

XXXII. Дѣло о беспорядкахъ въ Острогожсѣ въ 7190 г.

Въ этомъ дѣлѣ находится еще два дѣла, отмѣченныхъ нами выше номерами XXX и XXXI.

XXXIII. Запись 7191 г. сентября 3 курчевъ Вас. и Макс. Лукин. д., да Михаила Семен., с. Ловоновыхъ П. В. Каменеву съ сыномъ Максимомъ и всѣмъ родомъ на постройку мельницы со всякимъ строеніемъ въ помѣстїи Ловоновыхъ въ курск. у., въ подгородн. ст., на берегахъ р. Дичны, и на пользованіе мельницею съ участіемъ Ловоновыхъ.

XXXIV. Поступная 7191 г. около 20-го сентября курскихъ дѣтей боярскихъ Петра и Кузьмы Семенов. д. Мизинцовыхъ П. В. Каменеву съ сыномъ Максимомъ на берега рѣки Дичны, въ помѣстїи Мизинцовыхъ въ курскомъ уѣздѣ, въ подгородн. ст. для устройства и владѣнія мельницею за заемъ у Каменовыхъ двадцати пяти руб.

XXXV. Мѣновая запись 7191 г. февраля между Новгорода Сѣверскаго Силою Кузьм. Арсеньевымъ и рылянини. Ѳеодор. Леонт. с. Зиновьевымъ относительно ихъ помѣстїй. Первый отдалъ помѣстье въ рыльск., въ свалск. ст., на р. Свалѣ возлѣ Злыдняна Городища, второй тамъ же по р. Котлевѣ подъ Долгимъ лѣсомъ.

XXXVI. Отказъ 7191 г. февраля 9 С. К. Арсеньеву на мѣновное помѣстье, указанное въ предыдущемъ номерѣ.

XXXVII. Запись 7191 г. марта 5 Ф. Л. Зиновьева С. К. Арсеньеву, что онъ на мѣну помѣстьемъ, указанную въ № XXXV, согласенъ.

XXXVIII. Отказъ 7191 г. апрѣля 12 недорослю Ѳед. и Петр. с. Исакову на помѣстье Дикое поле въ курскомъ у. въ подгор. ст., на верховьи р. Радутина.

Указано, между прочимъ, что на Радутинѣ гость Кондратїй Добрынинъ самовольствомъ поставилъ мельницу.

XXXIX. Грамота 7191 г. іюля 21 крестьянамъ деревни Нижней Медвѣдицы въ курск. у., въ курицкомъ стану и пустоши Дикое поле на р. Радутинѣ въ подгородномъ стану, что было помѣстье Леонт. Быканова, а съ 190 г. внука его Ив. Быканова что этимъ помѣстьемъ Ив. Быкановъ поступился въ 7190 г. Ѳ. П. с. Исакову, такъ чтобы живущіе здѣсь крестьяне слушали Исакова и пр.

LX. Копія съ жалованной (уже печатной) грамоты 7192 г. ноябра 10 дьяку П. Ал. Исакову, которю, за службу во время войны съ турками и татарами, его жалуютъ похвалою и увеличеніемъ помѣстнаго оклада, даваемого нынѣ ему въ вотчину, въ курск. у. въ обмяцкомъ стану, въ д. Курасовой, да въ ісонескомъ стану около Гремячаго колодезя, да въ орловскомъ уѣздѣ въ тончюковск. стану на р. Рыбницѣ, что были помѣстья дьяковъ Ив. Максимова да Анис. Кабатова. Дается Исакову въ вотчину и то, что въ его помѣстьяхъ переходить его окладъ.

XLI. Отказъ 7192 г. геввара 20 С. К. Арсеньеву на имѣніе Ф. Л. Зиновьева такого же содержанія, какъ № XXXVI.

XLII. Копія съ грамоты 7192 г. мая 5 бояр. Шейну о подтвержденіи гадац. полковн. Миханлу Васильеву права владѣть всѣми исчисленными въ грамотѣ помѣстьями.

XLIII. Отказъ 7193 г. окт. 15 новг. сѣв. Кузьмѣ Ив. с. Арсеньеву на помѣстье, вымѣнянное имъ у черниговца Игн. Прокоф. с. Артюкова въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ с. Котлевѣ.

XLIV. Отказъ 7193 г. окт. 15 на примѣрную (т. е. примежевую) землю къ помѣстью того же Арсеньева въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ косопск. волости въ с. Котлевѣ.

XLV. Отказъ 7193 г. мая тому же Арсеньеву на имѣние, вымѣнянное имъ изъ помѣстья рылян. Сисоя Игнатьева въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ косожск. вол., въ дер. Севенѣ.

XLVI. Письмо 1685 г. іюля 29 сумск. полковн. Герасима Кондратьева къ сотнику с. Высшей Сыроватки Грицьку Вдовичену о земельномъ спорѣ жителей этого села Миска Федорова и Карпа Рагозы.

XLVII. Копія съ мировой записи 7193 г. іюля 18 между Лар. Игн. с. Сергѣевымъ и дьякомъ П. Ал. с. Исаковымъ. Сергѣевъ обвинялъ Исакова въ захватѣ принадлежащей ему женщины съ дѣтьми и имуществомъ, а Исаковъ Сергѣева въ названіи его грабителемъ.

XLVIII. Сказка въ приказной избѣ въ 7194 г. декабря рылян. Гр. Харлам. с. Яшняна о томъ, что онъ промѣнялъ помѣстье въ рыльск. у. въ свапск. ст. на р. Котлевѣ нов. сѣв. Силѣ Кузьм. с. Арсеньеву, взявъ у него за то помѣстье въ рыльск. у., въ омонск. ст., на р. Сухой Омонѣ.

XLIX. Отказъ 7194 г. февраля Арсеньеву на помѣстье, означенное въ предыдущемъ номерѣ.

L. Поручивая 7196 г. окт. 2 курченъ Мих. Сем. с. Леонтьева, Ив. Фед. с. Михайлова да крестьянина Конст. Бредихина Макс. Егорова, Макс. П. Каменеву въ томъ, что у него будутъ жить въ крестьянствѣ Алешка, Федька и Афонька Карповы д. Слонина съ семьями.

LI. Запись 7196 г. окт. 12, данная на себя вольнымъ человекомъ Иванькомъ Черешанинымъ курчен. Акиму Ант. Авдѣву за ссуду отъ него.

LII. Такая же запись 7196 г. декабря 4 вольнаго человека польской породы изъ г. Витебска Емел. Федор. с. Раюшина Авдѣву же.

LIII. Грамота, кажется, 7196 г. послѣ 5 марта, (но сохранилось лишь начало) объ отмежеваніи отъ сосѣдей вотчины стольника Сидора Петр. с. Каменева въ курск. у., въ подгор. ст., въ д. Дичнѣ.

LIV. Копія съ записи 7197 г. ноября 28 путивльск. собор. дьякона Григор. Иванова Фед. Петр. с. Исакову на крестьянскую семью, отдаваемую потому, что за дьякономъ этимъ жилъ прежде бѣглый крестьянинъ Исакова.

LV. Копія съ отказа 7197 г., іюня 28 Серг. Макс. с. Каменеву на помѣстье въ курск. у. въ курицк. ст., на р. Чечевизнѣ.

LVI. Отказъ 7198 февраля Куз. Арсеньеву на то помѣстье Игнатова, которое онъ вымѣнялъ еще въ 7193 г. (см. выше № XLV) и которое Игнатовъ промѣнялъ было путивльцу Никитѣ Яцину.

LVII. Грамота 7198 г. марта сотнику с. Грязного краснопольскаго уѣзда на помѣстье около Боровли и вдоль Сагайдачнаго шляха.

LVIII. Мѣновая запись 7198 г. мая курчен. Ильи Тарасова с. Звягенцева съ Себр. Макс. Каменевымъ на помѣстья; причеиъ первый отдалъ въ курск. у. въ курецк. ст., на р. Семи, второй въ томъ же уѣздѣ въ подгородн. ст. на р. Боршиѣ.

LIX. Копія съ отказа 7199 г. августа 25 Каменеву на помѣстья, согласно съ предыдущимъ номеромъ.

LX. Заявленіе 7200 г. послѣ 12 іюля казихъ то Степана и Василя въ курской уездной избѣ, что они перенали и привели бѣглыхъ людей дьяка П. Исакова въ с. Радужица.

LXI. Списокъ съ грамоты 7200 г. іюля о дачѣ курчен. Ив. Макс. с. Каменеву о помѣстьи въ курск. у. въ подгор. стану, на р. Дичиѣ изъ дикихъ полей, елико сколько ейску окажется порозная земля.

LXII. Продажная запись 1694 г. окт. 5 жителей с. Высшей Сыроватки Антона, Павла и Фимоса дѣтей Мойсея Вдовиченка на грунты въ этомъ селѣ, проданныя Гавр. Трапезнику, жителю с. Нижняго (принадлежащаго стольн. полк. сумскому Андр. Герас. Кондратьеву).

LXIII. Мѣновая запись 1694 г. ноября 10 жителя с. Высшей Сыроватки Мик. Федорова ииъ земли, отданныя имъ сумск. полк. Андр. Герас. Кондратьеву, давшему за то Федорову иныя земли.

LXIV. Грамота 7202 г. дек. 11 о приведеніи въ исполненіе мѣны частями своихъ помѣстий рыльн. полк. Емел. с. Тураева и нов. сѣв. Силы Кузьми на с. Арсеньева; причеиъ первый дѣлъ землю въ рыльск. у., сваяск. ст., въ с. Плотавѣ, второй въ томъ же уѣздѣ въ томъ же стѣ, въ пустоши на р. Вовгощѣ изъ помѣстья отца.

LXV. Грамота 7202 г. апрѣля о послѣдѣ межешвиговъ въ курск. у. въ подгородн. ст. на р. Семи на помѣстьи стольн. Сид. Петр. с. Каменева для размежеванія отъ сосѣдей.

LXVI. Грамота 7202 г. апрѣля тому же Каменеву о томъ, что сдѣлано распоряженіе о уваженіи въ предшествующемъ номерѣ.

LXVII. Показаніе, данное 7202 г. мая 5 курч. Ак. Андр. с. Авдѣеву о данномъ отцу его, потомъ ему и брату его Лукѣ въ 190 г. помѣстьи въ курск. у., въ подгородн. ст. о томъ, что бывшій дѣревиц. Иванна Малыхина, противъ Звонскаго озера, на р. Семи. Это показаніе имѣетъ отношеніе къ процессу Авдѣевыхъ за это имѣніе въ курск. уѣздѣ. Милостивый. См. слѣд. №.

А. Маркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

П. В. Владиміровъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г.

Авторъ вышеназванной книги—уже не новичекъ въ литературѣ изслѣдованій въ области русской словесности, и его прежнія работы, (*Большое зеркало*, изъ исторіи русской переводной литературы 17 вѣка, составлено въ Казани въ 1879 г., напеч. въ Москвѣ 1884 г.; *Житіе св. Алексѣя* челоуѣка Божія въ западнорусскомъ переводѣ конца 15 в. Спб. 1887 г.) извѣстны специалистамъ, какъ тщательныя и довольно умѣло исполненныя изслѣдованія. Любопытно, что онъ съ любовью занимается въ особенности явленіями западнорусской и южнорусской литературы, преимущественно переводной, при чемъ, повидимому, съ особеннымъ стараніемъ опредѣляетъ всѣ источники и постороннія вліянія въ переводахъ и умѣло оцѣниваетъ эти вліянія. Такъ, насколько мы успѣли ознакомиться съ трудами г. Владимірова, вліяніе чешское, которому только въ недавнее время стали въ нашей литературѣ придавать дѣйствительно важное, какое и было на самомъ дѣлѣ, значеніе, въ русской словесности 15—17 вв., прослѣжено и оцѣнено имъ съ достаточною обстоятельностью и полнотою, разумѣется, по отношенію лишь къ изслѣдуемымъ имъ литературнымъ явленіямъ. Вотъ почему труды г. Владимірова будутъ весьма пригодны для того, кто возьмется въ будущемъ представить во всей полнотѣ и яркости картину русско-чешскихъ литературныхъ отношеній 15—17 вв. и сдѣлать на основаніи возможно большаго количества данныхъ обстоятельную сводную оцѣнку чешскаго вліянія на русскую словесность. Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ русско-чешскихъ литературныхъ отношеніяхъ положительную роль, активную играли собственно факты чешской литературы, какъ сильнѣйшей и высшей по

развитію, составу и внутреннему содержанію; русская же словесность находилась тогда, по отношенію къ чешской, такъ сказать, въ страдательномъ положеніи. Впрочемъ, это должно оказать и не объ одной русской литературѣ: польская тоже находилась подъ сильнымъ вліяніемъ чешской¹⁾, и это вліяніе отразилось не только на числѣ переводовъ и передѣлокъ съ чешскаго на польскій, но и на самомъ языкѣ этихъ переводовъ, въ которомъ находится немало чешскихъ обликовъ, оборотовъ, словъ и пр.

Несмотря на довольно значительное количество польскихъ работъ, относящихся до вліянія чешской словесности и языка на польскую, мѣра этого вліянія, сколько намъ извѣстно, все таки еще не опредѣлена въ достаточной степени и ждетъ еще своихъ изслѣдователей въ будущемъ; вопросъ поставленъ въ польской литературѣ едва ли лучше, чѣмъ въ русской²⁾. Все это мы говоримъ въ виду того обстоятельства, что, какъ намъ кажется—и это мнѣніе мы надѣемся подтвердить со временемъ въ особой, специально къ тому назначенной статьѣ—чешская литература заняла съ 14 вѣка и даже ранѣе въ отношеніи къ прочимъ славянскимъ, особенно западнымъ, можно сказать безъ преувеличеній, почти такое же мѣсто, какое въ свое время занимала греческо-византійская словесность по отношенію къ южнымъ и восточнымъ славянамъ и отчасти къ западнымъ. Словомъ сказать, чешская словесность сдѣлалась питомникомъ для прочихъ славянскихъ (не исключая, быть можетъ, и южныхъ славянъ въ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, этотъ вопросъ тамъ даже еще и не поставленъ или много, много находится въ зачаточномъ состояніи).

Если количество, составъ произведеній, усвоенныхъ прочими славянами черезъ посредство чешской литературы, и не можетъ равняться съ количествомъ, составомъ грековизантійскихъ произведеній, ставшихъ достояніемъ славянъ, то за то это обстоятельство съ избыткомъ вознаграждается другимъ, относительно котораго чешская словесность оказалась въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, сравнительно съ греческою. Я говорю о языкѣ, который, благодаря близкому

¹⁾ Любопытно, между прочимъ современное свидѣтельство Луки *Горничикаго* приводимое авторомъ, что и „дворянинъ (dwozjanin) польскій употребляетъ, вмѣсто польскихъ, чешскія слова“ (разумѣется, для показанія своей образованности).

²⁾ Работа г. Неринга о вліяніи чешскаго языка на польскій, какъ извѣстно, составлена на нѣмецкомъ языкѣ: *Ueber der Einfluss der altcechischen Sprache und Literatur auf die altpolnische.*

родству съ прочими славянскими, производилъ на нихъ весьма сильное, осязательное вліяніе, равнаго которому по силѣ, конечно, не могъ имѣть греческій языкъ. Переводчики и передѣльватели, особенно польскіе, а за ними и русскіе, берутъ чешскія выраженія зачастую пѣликомъ, или же лишь слегка подправляя ихъ въ звуковомъ отношеніи и принаравливая къ своему родному языку, черпаютъ, такъ сказать, горстями чешскія слова, подчиняются чешскому языку въ словосочиненіи и пр. Читая такіа произведенія, всякій, знакомый съ чешскимъ языкомъ, съ первой строки видитъ въ нихъ указанныя вліянія, съ которыми никоимъ образомъ нельзя сравнивать по обилію таковыя же вліянія греческаго языка на славянскій..

Чешскій языкъ воздѣйствовалъ на русскій или посредственно, черезъ польскія литературныя произведенія, переведенныя съ чешскаго и затѣмъ усвоенныя въ переводахъ и передѣлкахъ русскою словесностію, или непосредственно. Въ обоихъ случаяхъ, особливо же въ первомъ чрезвычайно важно было бы взаимодействіе польскихъ и русскихъ изслѣдователей чешскаго вліянія на ихъ литературы и взаимное ознакомленіе ихъ съ трудами соратниковъ: изслѣдованіе вопроса отъ этого значительно скорѣе подвинулось бы впередъ. Вотъ почему весьма было бы желательно, чтобы разсматриваемая нами книга г. Владимірова, изслѣдующая именно одинъ изъ примѣровъ *непосредственно* воздѣйствія чешскаго языка на русскій, нашла себѣ хорошій пріемъ и основательное ознакомленіе у польскихъ изслѣдователей; быть можетъ, она содѣйствовала бы появленію и въ ихъ средѣ аналогичнаго труда, который помогъ бы дальнѣйшей разработкѣ вопроса.

Мы съ большимъ удовольствіемъ изучили трудъ г. Владимірова: онъ составленъ съ такою тщательностію, и изданъ такъ изящно и, такъ сказать, основательно, какъ только можно желать для ученой работы и какъ сравнительно рѣдко издаются такого рода книги. Со стороны изложенія книгъ также можно предсказать успѣхъ въ нашемъ читающемъ обществѣ: несмотря на обиліе разныхъ специальныхъ частностей, особенно во второй части, гдѣ изслѣдуется языкъ изданій Скорины, читается она легко и написана вообще интересно. Довольно многочисленныя воспроизведенія текстовъ изъ книгъ Скорины, заставокъ, рисунковъ, объясняющихъ содержаніе (особенно любопытенъ одинъ изъ нихъ, изображающій приходъ «Эсоири царицы предъ царя»), заглавныхъ и начальныхъ буквъ, наконецъ, изображеніе самого Скорины «съ Полоцка, изъ славнаго града Полоцка» (въ пре-

дисловіи къ книгѣ пророка Даніила онъ говоритъ о себѣ: «Азъ... нарoженъ въ рускомъ языку») еще болѣе увеличиваютъ и интeрeсь книги, и даже значеніе ея въ научномъ отношеніи.

Скорина, удостоившійся особаго о себѣ изслѣдованія, дѣйстви-тельно заслуживалъ таковаго: до такой степени онъ представляетъ изъ себя важный факторъ въ исторіи развитія и словесности, и мысли въ западной Руси, а черезъ нее, какъ показано это у г. Владымірова, и въ остальныхъ частяхъ Руси. Изслѣдованіе о немъ распадается, не считая обзора литературы предмета, на двѣ части. Въ первой представлены внѣшнія обстоятельства жизни Скорины съ предпо-сланнымъ имъ необходимо краткимъ обзоромъ общаго состоянія нрав-ственно-религіозной и умственной жизни въ юго-западной Россіи 15—16 в. и изображена издательская дѣятельность его и ея значеніе въ исторіи русской словесности и русской мысли (главы I, II, III и IV); во второй части (247—350 стр.) обстоятельно изслѣдованъ языкъ издавій Скорины и сдѣланы приложенія нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ для жизнеописанія его и отрывковъ изъ его книгъ сравнительно съ такими же мѣстами изъ другихъ изданій (тексты и различія Фѣола, южно-славянскій XV в., чешскій). Книга, разбираемая нами, не нуж-дается въ похвалахъ и немного потеряетъ отъ нашихъ порицаній; вотъ почему въ дальнѣйшемъ нашемъ разсмотрѣніи ея мы коснемся лишь нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ, и такъ или иначе, удачно или неудачно, рѣшенныхъ имъ; при этомъ укажемъ и нѣкоторые изъ тѣхъ небольшихъ промаховъ или недочетовъ, какіе мы замѣтили въ его книгѣ.

Автора особенно занималъ одинъ изъ вопросовъ жизнеописанія Скорины, обставленный крайне скудно историческими данными, а именно вопросъ о его происхожденіи и вѣроисповѣданіи. Нужно ска-зать, что дѣйствительно въ данномъ случаѣ это былъ вопросъ капи-тальной важности, а не просто вопросъ празднаго любопытства, такъ какъ отъ того или инаго его рѣшенія могъ зависѣть и тотъ или иной взглядъ историка на сущность и значеніе просвѣтительной дѣятельности Скорины, положительный или отрицательный съ точки зрѣнія, разумѣется, національно русской.

Что Скорина, вопреки мнѣнію Лінде, былъ русскій, а не по-лякъ, родился въ русской семьѣ, а не польской, это, какъ намъ ка-жется, показано авторомъ довольно наглядно: данныя, приводимыя имъ (напр., что въ своихъ предисловіяхъ къ переводимымъ книгамъ Скорина называетъ русскій языкъ своимъ «прироженнымъ»), а въ

одномъ изъ нихъ (къ Псалтири, 1517 г.) говорить, что онъ дѣйствуетъ на пользу «своей братіи Руси наболелъ съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка (т. е. русскаго) на светъ пустилъ». Другое опять выраженіе Скорины о себѣ «Азъ... нароченый въ рускомъ языку» было приведено нами выше), кажется не могутъ поддерживать болѣе ничего сомнѣнія въ этомъ обстоятельствѣ. Не то съ вопросомъ о вѣроисповѣданіи Скорины: тутъ мы остались не совсѣмъ удовлетворены. Положимъ, авторъ заявляетъ, что «въ Полоцкѣ въ концѣ 15 в. (т. е. когда родился Скорина, а именно около 1490 года) и даже въ началѣ 16 не было ни одного католическаго костела» и сейчасъ же прибавляетъ: «населеніе города состояло изъ русскихъ православныхъ». Но первое заявленіе, основанное на документальныхъ данныхъ исторіи, еще не доказываетъ непремѣнно втораго утвержденія, чисто личнаго и выведеннаго не совсѣмъ логично изъ перваго. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли изъ того обстоятельства, что въ городѣ не было костела, выводить заключеніе, что населеніе города все «состояло изъ русскихъ православныхъ»? Прибавляемъ слово «все», отсутствующее въ книгѣ, потому, что оно необходимо подразумѣвается: если бы авторъ предположилъ, что въ городѣ было хотя нѣсколько католическихъ семей, т. е. что, значить, не все населеніе его было православное, то онъ не могъ и сдѣлать своего вышеприведеннаго столь рѣшительнаго заявленія о православіи Скорины. Отсутствіе костела въ Полоцкѣ можетъ свидѣтельствовать, по нашему мнѣнію, также и о сравнительной незначительности католическаго населенія города, а не непремѣнно о его полномъ отсутствіи. Во всякомъ случаѣ оба положенія могутъ быть высказаны съ одинаковымъ правомъ. Одинаково вѣрно сказать: «отсутствіе костела въ городѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ немъ католиковъ» или же: «отсутствіе костела можетъ свидѣтельствовать о незначительности католическаго населенія», конечно, если это говорится о столь тѣсно связанномъ съ остальною Литовскою Русью городѣ, какъ Полоцкъ. Если это такъ, то почти съ одинаковымъ вѣроятіемъ, разъ нѣтъ прямыхъ документальныхъ данныхъ, можно утверждать дедуктивно какъ о православіи Скорины, такъ и о неправославіи его, особенно если еще взять во вниманіе то чисто католическое имя его «Францискъ», подъ каимъ онъ обыкновенно извѣстенъ и каимъ онъ самъ себя обычно называлъ (Въ послѣсловіяхъ: *Скорининъ сынъ* или же: *Франциско*). Правда, изъ одного акта 16 вѣка явствуетъ, что у Скорины было и другое имя «Георгій», но самъ Скорина нигдѣ этимъ

именемъ себя не называетъ: и современникамъ своимъ, и намъ, потомкамъ, онъ извѣстенъ только подъ излюбленнымъ своимъ именемъ «Францискъ». Говоримъ мы это вовсе не къ тому, чтобы настаивать непременно на католицизмъ Скорины, но къ тому, чтобы показать, до какой степени это не выяснено у автора, который не постарался остановиться подольше на вопросѣ, откуда же у Скорины явилось это католическое имя, если онъ былъ, по утверженію автора, православный. Не могло ли быть дѣло такъ? Родившійся въ православной русской семьѣ города Полоцка Георгій Скорина, обучившійся на роднѣ церковно-славянской грамотѣ и писью, не удовлетворившись этимъ, отправляется для полученія высшаго образованія въ Краковъ и тамъ почему то принимаетъ, вѣроятно, для вида, или, по безразличному отношенію въ данномъ случаѣ къ дѣлу, католицизмъ и перемѣняетъ имя, подъ каковымъ и значится въ записяхъ краковскаго университета: *Franciscus Luce* (т. е., вѣроятно, сынъ Луки, Лукичъ) *de Ploczko solvit 2 gr.*, (какъ студентъ, и: *Fran. de Ploczoko, Litphanus* (т. е. литовецъ), какъ бакалавръ. Степень «доктора въ лекарстве» Скорина получилъ уже гдѣ то за границею, вѣроятно же всего, въ чешской Прагѣ, съ которою онъ потомъ связалъ свою судьбу, въ качествѣ издателя книгъ священнаго писанія для народа. Почему Скорина могъ перемѣнить свое исповѣданіе и имя, если это было едва ли обязательно, трудно сказать; но на это у него могли быть свои, личныя причины. Въ нашей исторіи, во всякомъ случаѣ, есть данныя, указывающія на таковыя переходы въ католичество русскихъ людей, ѣздившихъ за границу, напр. Ивана Сагѣги, принявшаго католицизмъ въ Римѣ, въ концѣ 15 вѣка. Сколько намъ кажется, Скорина въ дѣлѣ вѣроисповѣдныхъ различій и тонкостей былъ человекомъ лично индифферентнымъ и своею дѣятельностью имѣлъ въ виду только вообще дѣйствовать просвѣтительно на свой темный русскій народъ, который онъ искренне любилъ и которому пожелалъ дать книги на языкѣ, наиболѣе для него удобопонятномъ. Потомъ онъ женился въ Вильнѣ на католичкѣ Маргаритѣ Одверниковой, и это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли о равнодушіи и безразличіи Скорины въ вѣроисповѣдныхъ различіяхъ православныхъ и католиковъ.

Говоря о вліяніи чешской библіи на переводъ книгъ Скорины въ отношеніи языка, авторъ могъ бы, намъ кажется, указать и на то, что знакомство съ чешскимъ языкомъ отражалось не только на текстѣ перевода, надъ которымъ работалъ Скорина, но даже и на

слогѣ такихъ мѣстъ, въ которыхъ Скоринѣ не было особенной надобности держаться чешскихъ выраженій, имѣвшихъ для него въ другихъ случаяхъ значеніе авторитета. Я говорю о предисловіяхъ и послѣсловіяхъ, гдѣ Скорина, хотя и придерживался образецъ, болѣе или менѣе самостоятеленъ въ изложеніи. Языкъ этихъ произведеній, далеко не свободный отъ чехизмовъ, свидѣтельствуеъ уже, намъ кажется, просто о силѣ вліянія чужаго, хотя и родственнаго, языка, способнаго переходить даже, такъ сказать, въ вольную рѣчь людей. Для примѣра возьмемъ хотя бы то мѣсто изъ предисловія къ книгѣ «Юдиѣ», гдѣ Скорина, выставляя великую еврейскую патриотку въ примѣръ мужамъ, совѣтуетъ имъ, чтобы они «всякого тружания и скарбовъ для посполитаго добраго и для отчины своєю не мѣтовали». Здѣсь послѣднее слово—только приспособленное къ русскому языку въ звукословномъ отношеніи чешское слово «litovali»—жалѣли. Характеръ обличовъ, строеніе рѣчи въ предисловіяхъ носятъ почти настолько же чешскій типъ, насколько и въ текстѣ переводовъ. Въ обзорѣ литературы предмета г. Владиміровъ пропустилъ, какъ намъ кажется, только упоминаніе о Скоринѣ въ Библиологическомъ словарѣ П. М. Строева (см. Записки Императорск. академіи наукъ т. 41, книга I, 262 стр. Спб. 1882 г.). Правда, это упоминаніе очень незначительно, но въ такой же мѣрѣ невелики и незначительны тѣ замѣчанія о Скоринѣ, какія сдѣланы были митрополитомъ Евгеніемъ (Биографіи російскихъ писателей 1821 г.) и Буслаевымъ (Историческая хрестоматія 1861 г) и попали однако же въ упомянутый обзоръ. Вотъ слова Строева о Скоринѣ: *Скорина*, Францискъ, докторъ, уроженецъ полоцкій. Онъ перевелъ съ вульгаты на бѣлорусское нарѣчіе Ветхій Завѣтъ. Его переводъ нѣкоторыхъ книгъ въ 1568 году присвоилъ себѣ какой то докторъ Василій Жугаевичъ изъ Ярославля (галицкаго), какъ это видно изъ рукописи бывшей бібліотеки графа Ѳ. А. Толстова отд. I № 62 (Ср. Евгенія «Словарь русск. свѣтск. писателей» т. II стр. 169—171; Филарета «Обзоръ» стр. 185—187)¹⁾. Намъ остается сдѣлать еще два небольшія замѣчанія.

Разсмотрѣвъ довольно внимательно языкъ книгъ Скорины со стороны, главнымъ образомъ, звуковъ и словосочиненія, авторъ однако

¹⁾ Въ такой же мѣрѣ незначительно и замѣчаніе о Скоринѣ, сдѣланное г. Первольфомъ и также не указанное г. Владиміровымъ. Мы говоримъ объ известной книгѣ „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до 18 в.“, гдѣ высказано общеизвестное замѣчаніе о томъ, что „Скорина просто переводилъ съ чешской бібліи—вульгаты, венец. изд. 1506 г.

въ концѣ концовъ не даетъ опредѣленнаго, ясно формулированнаго заключенія, что же это за языкъ, словно предоставляя читателю самому сдѣлать выводъ на основаніи предложенныхъ данныхъ. Самъ онъ выражается въ этомъ отношеніи весьма осторожно и, такъ сказать, обиняками; иногда даетъ понять, что, по его мнѣнію, труды Скорины имѣютъ ближайшее отношеніе къ бѣлорусскому языку (...Происхожденіе Скорины изъ Полоцка, связи съ Вильной и основаніе здѣсь первой русской типографіи придають особенное значеніе трудамъ Скорины со стороны языка—значеніе памятниковъ бѣлорусской рѣчи начала 16 вѣка. Съ этой точки зрѣнія и должно разсматривать труды Скорины въ отношеніи къ русскому языку). Но рѣшительнаго, яснаго и опредѣленнаго вывода все таки, повторяю, нигдѣ не дано. Слова нѣтъ, что языкъ Скорины представляетъ изъ себя довольно пеструю амальгаму церковнославянскаго, бѣлорусскаго, чешскаго, польскаго и отчасти даже литовскаго языковъ¹⁾; но все-таки авторъ могъ, на основаніи собственнаго же внимательнаго разсмотрѣнія данныхъ этого языка, скорѣе чѣмъ кто либо другой, прийти къ ясному, осязательному выводу, изъ какихъ элементовъ, и даже, пожалуй, въ какой пропорціи этихъ элементовъ сложился этотъ языкъ. Дѣло въ томъ, что необходимо было, кромѣ собственно описательной стороны работы, заняться и обнаруженіемъ, въ какой же мѣрѣ сознательно или бессознательно употреблены были тѣ либо другіе элементы. Нужно было, намъ кажется, указать, когда именно, т. е. въ какихъ случаяхъ пользуется Скорина словами и выраженіями языковъ: чешскаго, своего роднаго, церковно-славянскаго и пр. и было ли такое пользованіе сознательнымъ для него, либо совершенно бессознательнымъ. Словомъ, важно было бы вскрыть тѣ побужденія и пружины, какія двигали мыслію замѣчательнаго литературнаго дѣятеля 16 вѣка во время его работы; если же въ этой работѣ, относительно языка, нельзя усмотрѣть такой сознательности отношенія, то во всякомъ случаѣ важно было произвести хотя статистическое, такъ сказать, опредѣленіе тѣхъ составныхъ данныхъ, изъ которыхъ сложился языкъ Скорины. Тогда, по крайней мѣрѣ, можно было бы сдѣлать совершенно опредѣлительный, наглядный выводъ объ этомъ языкѣ.

¹⁾ Головацкій Я. О. (Науковий зборникъ 1865. Львовъ) такъ таки прямо и говоритъ о языкѣ Скорины: „то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный, искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говорить“. Бодянский тоже, какъ извѣстно, не считалъ возможнымъ признать языкъ Скорины бѣлорусскимъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ книгахъ, подобныхъ изслѣдованію г. Владимірова, очень не лишні старательно составленные азбучные указатели личныхъ именъ и предметовъ, не мало облегчающіе читателю справки и поиски. Отсутствіе такого указателя въ книгѣ Владимірова мы считаемъ важнымъ неудобствомъ для читателя.

А. Степовичъ.

Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, О. И. Роговой. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. 1888 г.

Повѣсть эта съ удовольствіемъ и не безъ пользы будетъ прочтена не только «юношествомъ», но и людьми зрѣлаго возраста, не имѣющихъ или досуга, или возможности читать спеціальныя историческія изслѣдованія о Хмельницкомъ. На самомъ же дѣлѣ повѣсть г-жи Роговой составляетъ популярный пересказъ монографіи Н. И. Костомарова о томъ же предметѣ, исполненный весьма старательно и умѣло. Романическій вымыселъ, составляющій обычную приправу историко-беллетристическихъ произведеній, допущенъ здѣсь въ самой незначительной пропорціи и при томъ въ примѣненіи къ второстепеннымъ, не историческимъ личностямъ. Самому Хмельницкому приписаны лишь самыя маловажные вымышленные факты, и то преимущественно въ началѣ повѣсти, пока дѣло касается первоначальной поры его дѣятельности, о которой недостаетъ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ; со времени же выступленія Хмельницкаго на политическую арену, вымыселъ рѣшительно уступаетъ мѣсто точному и правдивому историческому разсказу, за исключеніемъ, конечно, мелочей. По нашему мнѣнію, такой пріемъ составленія историческихъ повѣстей заслуживаетъ полного одобренія. Тѣмъ болѣе обязательно это правило, когда сюжетомъ повѣсти избираются лица или событія, о которыхъ имѣется богатый запасъ точныхъ историческихъ свѣдѣній. Такъ именно стоитъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. Лучшая глава въ повѣсти г-жи Роговой, по нашему мнѣнію, — это XX, гдѣ описывается торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ, по возвращеніи изъ-подъ Замостья, и пребываніе королевскихъ пословъ въ Переяславѣ; а между тѣмъ въ этой главѣ автору не пришлось прибавить почти ни одной черты къ тому, что онъ нашелъ въ источникахъ. Очень хороши также сцены препирательствъ польскихъ гетмановъ въ виду побѣдоносно наступающаго непріятели — и онѣ опять не придуманы, а списаны съ показаній очевидцевъ. Можно бы сдѣлать

упрекъ г-жѣ Роговой, почему она ограничилась однимъ Костомаровымъ и не воспользовалась другими изслѣдованіями о Хмельницкомъ, но надо отдать ей справедливость въ томъ, что свой излюбленный источникъ она изучила очень основательно, вѣрно поняла духъ эпохи и характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ¹⁾, запаслась достаточнымъ знаніемъ бытовыхъ фактовъ, столь для нея необходимыхъ, и сумѣла избѣгать бранныхъ промаховъ. Тѣмъ не менѣе мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя невѣрности, не особенно значительныя, нерѣдко встрѣчающіяся въ повѣсти г-жи Роговой. Перечисляя ихъ, мы начнемъ съ имени Хмельницкаго. Въ повѣсти онъ постоянно именуется то «панъ *Зиновій*», то «панъ *Богданъ*», иногда одно и то же лице, въ разговорѣ съ Хмельницкимъ, называетъ его то тѣмъ, то другимъ именемъ. Несомнѣнно, что у Богдана, кромѣ этого имени, было и другое—крестное или, какъ тогда выражались, «молитовное». Было ли оно *Зиновій*, или же, какъ предполагалъ покойный М. А. Максимовичъ (на основаніи Коховскаго), *Теодоръ* — мы не знаемъ. «Зиновіемъ» стали называть его лишь въ XVIII ст. Самъ же Хмельницкій и на Боровицкой присягѣ 1638 г., и въ Зборовскомъ реестрѣ войска запорожскаго, и во всѣхъ универсалахъ, до конца дней своихъ писалъ себя только *Богданомъ*; этимъ же именемъ называется онъ и въ той массѣ документальныхъ, лѣтописныхъ и другихъ матеріаловъ, каковую мы имѣемъ отъ XVII ст. Слѣдовательно, можно категорически утверждать, что Хмельницкаго, при его жизни, никто иначе не именовалъ, какъ только *Богданомъ*, «молитовнымъ» именемъ называли его развѣ только въ церкви, когда молились о немъ. Подобныхъ примѣровъ двуименности мы можемъ представить хоть цѣлыя сотни изъ южно-русской исторіи XV—XVIII ст.

Рисуя портретъ Богдана, авторъ повѣсти замѣчаетъ, что лицо его «представляло смѣсь малорусскаго и *татарскаго* типа». Правда, авторъ увѣряетъ, что татарская примѣсь — «узкіе глаза и толстыя губы» — нисколько не мѣшала «красотѣ, смѣлости и уму, сквозившимъ въ каждой чертѣ этого лица», но мы опасаемся, не помѣшала бы она исторической правдѣ: насколько можно судить о наружности Богдана по имѣющимся стариннымъ портретамъ, его лицо было чистѣйшаго украинскаго типа, какой и понынѣ сохранился на его родинѣ.

Вслѣдъ за Н. И. Костомаровымъ, г-жа Р. повторяетъ ошибку, допущенную покойнымъ историкомъ, по вопросу о времени и мѣстѣ

¹⁾ За исключеніемъ, впрочемъ, Ив. Выговскаго и отчасти А. Киселя.

извѣстнаго Никольскаго пира, связаннаго съ исторіей похищенія Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ. М. А. Максимовичъ, по нашему мнѣнію, вполне основательно доказалъ, что это событіе никакъ не могло имѣть мѣста въ 1646 г., а случилось годомъ позже, наканунѣ бѣгства Хмельницкаго на Запорожь. Въ исторической повѣсти, гдѣ это дѣло рассказано съ большими подробностями, чѣмъ въ ученomъ изслѣдованіи, ошибка эта порождаетъ рядъ несообразностей. Становится совершенно невѣроятнымъ какимъ образомъ и Барабашъ, одурченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, и заклятый врагъ Богдана Чаплинскій, и самъ староста чигиринскій, зная достоверно, что у Хмельницкаго находятся въ рукахъ опасныя грамоты, слыша отовсюду, что онъ возмущаетъ ими народъ и козацкую старшину, не догадаются отобрать ихъ у него? И когда же? Когда Богдана дважды послѣ того арестуютъ, сажаютъ въ тюрьму, отнимаютъ все, — а грамоты все таки оставляютъ при немъ! Вообще исторія пребыванія Хмельницкаго со времени похищенія грамотъ и до бѣгства на Запорожье, какъ она представлена въ повѣсти г-жи Р., полна несообразностей. Напр., Хмельницкій вѣрнымъ человѣкомъ предупрежденъ, что его джура Дачевскій подкупленъ и состоитъ шпиономъ у Чаплинскаго; Хмельницкій лично убѣждается, что тотъ предастъ его на каждомъ шагу, узнаетъ даже, что Дачевскому дано порученіе вѣроломно убить его, — и все таки, по какому то непостижимому равнодушію или упорству, продолжаетъ держать въ своемъ домѣ завѣдомаго шпиона и даже беретъ его съ собой въ походъ, гдѣ тотъ изъ-за спины наносятъ ему почти смертельный ударъ — и послѣ всего остается безнаказаннымъ! Или еще примѣръ: Хмельницкій предупрежденъ, что Чаплинскій съ часу на часъ готовъ предпринять наѣздъ на Суботовъ. Въ такихъ случаяхъ люди того времени или принимали мѣры для защиты и отпора врагу, или же, если это оказывалось невозможнымъ, заблаговременно уходили въ другое, безопасное мѣсто, унося съ собою болѣе цѣнное имущество и ужъ во всякомъ случаѣ не оставляя на произволь судьбы членовъ своего семейства. Хмельницкій же поступаетъ наоборотъ: убѣждаетъ въ Чигиринѣ какъ будто бы съ жалобою къ старостѣ и, узнавъ, что послѣдній на нѣсколько дней отлучился изъ города, останавливается въ еврейской корчмѣ (вѣдь у него же былъ собственный домъ въ Чигиринѣ!), гдѣ ничего не дѣлая, отъ скуки пониваетъ «брагу» (?) и терпѣливо ждетъ, какъ тамъ Чаплинскій распорядится съ его дѣтьми — двумя дочерьми и малолѣтнимъ сыномъ, оставленными въ Суботовѣ какъ бы намѣренно

на расправу лютому врагу и его пьяной, разнузданной командѣ!.. Мало того, получивъ извѣстіе, что Суботовскій хуторъ уже въ рукахъ Чаплинскаго, что его вѣрные слуги перебиты, что Марина уже повѣнчана съ Чаплинскимъ, Богданъ даже не интересуется справиться о судьбѣ дѣтей, и только на другой день случайно узнаетъ, что его сынокъ застрѣченъ до смерти. Непостижимо, какъ остались живы и невредимы его красавицы-дочери! Очевидно, авторъ впалъ въ ошибку, такъ какъ отнятіе Суботова случилось гораздо раньше и не совсѣмъ такъ, какъ повѣствуетъ г-жа Р.; по всѣй вѣроятности, оно произошло неожиданно для Хмельницкаго, въ его отсутствіе, -- и это насиліе толкнуло его (и то не сразу, а лишь послѣ неудачнаго обращенія къ правосудію и поѣздки къ королю) на тотъ путь агитаторской дѣятельности, какая въ повѣсти г-жи Р. приписывается ему съ первыхъ же страницъ; а похищеніе грамоты должно было явиться заключительнымъ актомъ, означавшимъ рѣшимость Хмельницкаго выступить на арену открытой борьбы за народную свободу.

Получивъ отказъ отъ старосты, Хмельницкій идетъ, по словамъ повѣсти, жаловаться на Чаплинскаго *«съ земскій повѣтовый судъ»*. Его «не сразу выпускаютъ къ этимъ вершителямъ судебъ (т. е. судѣ и подсудку), а сперва онъ обращается къ земскому писарю». Писарь, выслушавъ жалобу, идетъ къ судьямъ «съ докладомъ». Судьи допрашиваютъ Богдана и предлагаютъ «зайти завтра»: мы моля «разсмотримъ ваше дѣло и дадимъ окончательный отвѣтъ». И точно, на другой день писарь вручилъ Хмельницкому «письменное рѣшеніе его дѣла». — Вся эта сцена свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ повѣсти имѣетъ совершенно невѣрное представленіе о тогдашнемъ судопроизводствѣ. Во первыхъ, земскаго повѣтоваго суда не было и не могло быть въ Чигиринѣ, какъ *не повѣтовомъ* городѣ, а находились въ то время такіе суды, на цѣлое кievское воеводство, лишь во трехъ повѣтовыхъ городахъ: Кіевѣ, Житомирѣ и Овручѣ. Во вторыхъ, порядокъ заявленія жалобъ, рассмотрѣнія ихъ и объявленія рѣшеній былъ совсѣмъ не похожъ на тотъ, какимъ онъ изображенъ въ повѣсти. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности тогдашняго судопроизводства; довольно напомнить, что жалобы записывались въ книги, всегда открытыя для всякаго; для рассмотрѣнія же жалобъ назначались опредѣленные сроки, на которые посылались отвѣтчику повзы и проч., судьи не судили ежедневно, а только въ опредѣленные сессіи или «рочки»; разборъ дѣла не могъ происходить безъ личнаго присутствія истца или его повѣреннаго и т. под. Словомъ, это была довольно

сложная процедура, и Богданъ никакъ не могъ бы справиться ее въ два дня.

Потери́въ неудачу въ судѣ, Хмельницкій посылаетъ Чаплинскому формальный вызовъ на *поединокъ*, и тотъ—будто бы принимаетъ его! Послѣднее болѣе чѣмъ невѣроятно, такъ какъ поединки строго были воспрещены Статутомъ, и за подобный вызовъ Чаплинский не преминулъ бы привлечь Богдана къ суду—такъ какъ выигрышь дѣла было для него очевидно.

Опуская другія неточности, въ родѣ того, напр., что послѣдній представитель знаменитаго волынскаго княжескаго рода и образованнѣйшій человекъ своего времени, князь Самуилъ-Карлъ *Корецкій*, вездѣ именуется въ повѣсти просто «паномъ» и обрисованъ въ видѣ ничтожнаго, польскаго шляхтича,—мы укажемъ на одну топографическую невѣрность, тѣмъ болѣе странную, что она касается *Кіева*. Описывая вѣздъ Хмельницкаго въ этотъ городъ, авторъ говоритъ: «Въ то время предмѣстья Кіева были обширнѣе нынѣшнихъ (!) и тянулись вплоть до Золотыхъ воротъ (!). Они захватывали весь Подоль (!) и всю ту часть нынѣшняго Кіева, гдѣ находится зданіе университета» (стр. 255). Здѣсь все невѣрно. Подоль никогда не былъ «предмѣстьемъ» Кіева, а во время Хмельницкаго онъ составлялъ какъ бы центръ Кіева, такъ какъ верхній городъ, лежавшій до того времени въ развалинахъ, едва началъ оправляться лишь незадолго до Хмельницкаго. Что же касается до Золотыхъ воротъ, то неужели же г-жа Р. представляетъ себѣ, будто они находятся гдѣ то внѣ Кіева и при томъ такъ далеко, что нынѣшнія предмѣстья не доходятъ до нихъ? Послѣ этого нечего особенно удивляться сообщенію автора о м. Гоцѣ, будто бы она лежитъ на разстояніи всего лишь дня пути отъ Кіева (стр. 256—7).

Мы уже замѣтили, что авторъ повѣсти обладаетъ нѣкоторымъ знакомствомъ съ бытовыми чертами украинской жизни XVII ст. и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи крупныхъ промаховъ. Его описаніе, наприм, Запорожья, хотя сдѣлано по даннымъ быта XVIII ст., не грѣшитъ противъ истины и составляетъ одну изъ лучшихъ главъ повѣсти. Но встрѣчаются и въ этомъ отношеніи погрѣшности, которыхъ мы не можемъ, однако, ставить въ вину автору, въ виду полного отсутствія въ нашей литературѣ специальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ бытовой исторіи Малороссіи. На головѣ у Марини «кокетливая кибалка», а у Барабашихи — «бархатный корабликъ», изъ подъ котораго то и дѣло «выбиваются ей сѣдые кулри». *Кибалки*

и *кораблики* точно составляли женскій головной уборъ въ Малоросіи, но только въ XVIII в., а въ XVI—XVII вв. женщины носили «чепцы», поверхъ которыхъ повязывалась «намитка» или «завиванье»; а чтобы у такой почтенной особы, какова была Барабашиха, могли выбиваться изъ подъ головного убора «кудри» — это такое неприличіе, какое врядъ ли допустить и современная намъ пожилая и степенная хуторянка, въ понятіяхъ которой «свитыть волосомъ» считается большимъ позоромъ. — Въ числѣ напитковъ въ повѣсти безпрестанно фигурируетъ «брага», которую пьютъ даже на пиру у Хмельницкаго. Намъ вѣжется, что *брага* — специально великорусскій напитокъ, перешедшій въ Малоросію въ позднѣйшее время. Не даромъ же у великоросіянъ есть слово «бражничать», неизвѣстное украинцамъ. Въ южнорусскихъ историческихъ матеріалахъ XVI—XVII в. упоминаются напитки: медъ, пиво, горилка (оковита), а въ высшемъ быту — венгерскія, французскія и даже испанскія вина; но «браги» не приходилось намъ встрѣчать никогда. — На томъ же пиру у Хмельницкаго подаются на ужинъ блюда въ такомъ невѣроятномъ числѣ и, главное, въ такомъ неестественномъ порядкѣ, что какъ ни выносливы были козацкіе желудки, но едва ли они могли бы справиться съ этимъ винегретомъ, именно: сначала подаютъ рѣзанное ломтями мясо съ подливками и мясные пастеты; на вторую перемѣну — разныя жаркія: каплуны, пулярки, зайцы, оленина (?), кабанина и рябчики; далѣе — свиное сало съ гороховымъ отваромъ, которое гости «глотали, не жуя»; а въ заключеніе, въ видѣ десерта, пироги, блины, творогъ, галушки и простокваша! Гдѣ же это видано, чтобы *галушки* служили десертомъ послѣ сытнаго ужина! — Счетъ денегъ въ повѣсти часто опредѣляется «карбованцами»; это не вѣрно: тогда считали или на *копы* и *гроши* (литовскіе), или на «золотые» (польскіе).

Несмотря на все нами выше сказанное, мы вполне признаемъ за авторомъ «Богдана Хмельницкаго» талантъ хорошо и занимательно пересказывать юности исторію одного изъ лучшихъ нашихъ народныхъ героев и признаемъ книгу его вполне заслуживающею вниманія читателя, почему и желаемъ ей полного успѣха, и думаемъ, что при вторичномъ ея изданіи, быть можетъ, наши замѣчанія во многомъ пригодятся автору.

Въ заключеніе — два слова о внѣшности изданія. Книга издана очень роскошно и снабжена превосходными иллюстраціями, но акварелямъ художника Микѣшина. Рисунки почти во всѣхъ подробностяхъ вѣрны эпохѣ.

О. Л.

Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ повѣтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра, Т. I. Слово о Полку Игоря древнеславянская (?) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій и польскій. Львовъ (30+140 стр.) ц. 1 рубл.

Довольно вычурная по своей вѣѣшности, книжка эта состоитъ изъ двухъ вступительныхъ статей о поэтическомъ памятникѣ, польской и русской (принадлежащей перу г. Николая Гербеля и помѣщенной въ сокращеніи, между прочимъ, въ его уже рѣдкомъ нынѣ изданіи, которое слѣдовало бы повторить, «Поэзіи Славянъ» 1871 г.). Текстъ знаменитаго «Слова» расположенъ такъ, что на одной страницѣ помѣщены древнерусскій подлинникъ, напечатанный церковными буквами, и новорусскій переводъ Н. Гербеля, а на другой чешскій переводъ Яроміра Эрбена (прозаическій) и польскій епископа А. Ст. Красинскаго (стихотворный). Въ концѣ книги помѣщены примѣчанія, которыми снабжены эти переводы.

Идея изданія, пожалуй, недурна, но въ исполненіи его, особенно со стороны историко-литературныхъ и филологическихъ познаній издателя, можно бы пожелать большей подготовленности и дѣльности. Такъ, во вступительной польской статьѣ, принадлежащей перу самого издателя, можно было бы еще помириться съ общей характеристикой «Слова», о которой заявляется въ выноскѣ, что она повторена г. Бартошевичемъ въ его исторіи литературы безъ уноминанія источника, и съ нѣкоторыми сближеніями «Слова» съ «Краледворскою рукописью», но за то лингвистическія разсужденія его мало удачны. Откуда, напр., взялъ издатель, что, во 1-хъ «Слово» составлено на славянскомъ языкѣ (!), во 2 хъ, что выраженія *обычай, тропа, дно, жаба, земіе, прикладъ, челядь* и др. «вышли изъ употребленія» (*wyszły z użycia*) въ новомъ русскомъ языкѣ? [X и XI стр.]. Можно ли съ такими свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ и литературѣ пускаться въ разсужденія о столь важномъ памятникѣ древнерусской словесности?

Затѣмъ въ пониманіи трудныхъ мѣстъ памятника издатель чересчуръ уже своеобразенъ и пускается въ толкованія, такъ сказать, «безъ руля и безъ вѣтриль». Такъ, выраженіе «нѣ рози носи» онъ понимаетъ: *рогоносцы*, т. е. волю (!).

Въ выраженіе «пардуже гнѣздо» подъ *пардусомъ* онъ хочетъ понимать не леопарда или шакала (къ чему же это! кто же не знаетъ, что въ древнемъ русскомъ языкѣ, по азбуквицкамъ, слово *пардусъ* толкуется: *звѣрь, рысь!*), а какую то *пардеу*, по его объясненію, родъ

большихъ куропатокъ (*tetrao jagopus*), потому что, де, шакалы не могутъ рассыпаться изъ гнѣздъ (!) (*szakale nie mogą rozsypywać się z gniazda*).

Вотъ до чего можно дойти съ такой наклонностью къ философствованію, заслуживающей лучшаго примѣненія! Наконецъ, издатель не позаботился даже о примиреніи противорѣчивыхъ объясненій гг. переводчиковъ; онъ взялъ, перепечаталъ тексты и замѣчанія и счелъ свое дѣло конченнымъ. Что ему за дѣло до разныхъ тамъ противорѣчій въ пониманіи памятника! И вотъ онъ преспокойно помѣщаетъ, напримѣръ, два прямо противоположныя объясненія личности великаго князя Всеволода, который, по выраженію пѣвца, можетъ «Волгу неслы раскропити, а Донъ шелома выльяти»: одно вполне вѣрное, Гербелево, по которому это—Всеволодъ Юрьевичъ, великій князь Владиміра Залѣскаго (на Клязьмѣ), слѣдовательно тотъ князь, который въ нашей исторіи извѣстенъ подъ именемъ Большаго Гнѣзда; а другое—Красинскаго, по мнѣнію котораго слишкомъ уже невозможному, это—Всеволодъ III, сынъ Олега Тмутараканскаго, князь во Владимірѣ Волынскомъ (!?) [*Wsewołod III, syn Olega Tmutarakańskiego, książę na Włodzimierzu Wołyńskim*]. И издатель счелъ возможнымъ оставить въ своей книгѣ подобныя недѣлности безъ оговора!?

А. Степовичъ.

Ilgowski.—Ostatnia starościna Zwinogrodzka.—Kraków 1888.

(*Илговскій.—Жена послѣдняго звенигородскаго старосты*).

Подъ этимъ заглавіемъ вышла въ Краковѣ небольшая книжка, представляющая обстоятельный очеркъ исторіи города Звенигородки. Авторъ выбралъ изъ издаваемыхъ документовъ и лѣтоисей все то, что можно было найти относительно исторіи данной мѣстности, и попытался составить ея исторію; конечно, пробѣловъ въ разсказѣ много, потому что извѣстный понынѣ матеріалъ весьма скуденъ; есть цѣлыя столѣтія, въ теченіи которыхъ источники вовсе не упоминаютъ объ имени Звенигородки; при томъ болѣе древніи извѣстія не точны и сбивчивы, и г. Илговскій не всегда успѣлъ избѣжать повторенія завѣдомо ошибочныхъ свѣдѣній: такъ, первое упоминаніе о Звенигородкѣ онъ заимствовалъ изъ сочиненія Стрыйковскаго и, вслѣдъ за этимъ авторомъ, относитъ его къ 1331 году—ко времени побѣды Ольгерда надъ татарами у Синей воды; конечно, это довольно

крупная хронологическая ошибка, на которую авторъ напрасно не обратилъ вниманія: Ольгердъ не могъ въ 1331 году совершить похода на татаръ, по той простой причинѣ, что еще въ то время не княжилъ; отецъ Ольгерда в. к. Гедыминъ погибъ въ 1341 году, Ольгердъ же занялъ великокняжескій столъ только въ 1345 г. послѣ удаленія изъ Вильны Явнугіа. Очевидно, походъ на Синія воды слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему времени и указанія русскихъ лѣтописей на 1362 годъ гораздо вѣроятнѣе даты Стрыйковскаго, котораго хронологія вообще не выдерживаетъ критики.

Вторая половина сочиненія г. Илговскаго, подавшая ему поводъ дать всей книжкѣ приведенное заглавіе, составлена авторомъ по рукописному матеріалу, который онъ нашелъ въ архивѣ мѣстнаго костела. Это подробная исторія семьи послѣдняго звенигородскаго старосты, Феликса Солтыка; староство было ему пожаловано королемъ въ 1760 году и оставалось въ его владѣніи до смерти въ 1788 г.; затѣмъ его вдова выхлопотала для себя право на пожизненное владѣніе староствомъ и пользовалась его доходами до 1803 года. Во время управленія Солтыковъ въ звенигородскомъ староствѣ кромѣ 9 сель, существовавшихъ ранѣе, возникло 18 новыхъ поселеній; авторъ перечисляетъ эти села, но къ сожалѣнію не указываетъ точныхъ датъ ихъ возникновенія, что было бы вполне уместно въ монографіи, посвященной исторіи опредѣленной мѣстности, и легко въ виду архивнаго мѣстнаго матеріала, которымъ пользовался г. Илговскій. Затѣмъ авторъ рассказываетъ довольно подробно дѣятельность Солтыковой въ то время, когда пожилая вдова старосты поселилась въ Звенигородѣ послѣ смерти мужа; потерявъ единственную дочь, она искала утѣшенія въ молитвѣ и всѣ богатые доходы староства употребляла на цѣли благотворительныя; впрочемъ, подчинившись вліянію мѣстнаго приходскаго священника, ксендза Грабовскаго, Солтыкова дала своей благотворительности довольно одностороннее направленіе: въ числѣ ея крупныхъ пожертвованій, перечисленныхъ г. Илговскимъ, мы не встрѣчаемъ ни разу мысли о какомъ либо учрежденіи, полезномъ для массы народонаселенія староства; всѣ пожертвованія имѣютъ цѣлью лишь вспоможеніе интересамъ католической церкви: Солтыкова истратила около 200,000 злотыхъ на постройку въ Звенигородѣ каменнаго костела, оставила крупный капиталъ, на счетъ котораго послѣ ея смерти была учреждена въ Звенигородѣ католическая семинарія (существовавшая съ 1816 по 1839 г.) и т. д. Очевидно, послѣдняя звенигородская старостина все-

цѣло принадлежала по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ къ заурядному шляхетскому кругу своего времени; даже либеральныя вліянія, нѣсколько волновавшія болѣе просвѣщенные шляхетскіе кружки во время четырехлѣтняго сейма, вовсе ея не коснулись; ей ни разу не приходила въ голову мысль о томъ, насколько неестественно жертвовать громадныя доходы, извлекаемые изъ труда православныхъ крестьянъ староства, исключительно въ пользу чуждой имъ церкви, забывая совершенно интересы того народонаселенія, трудъ котораго и былъ источникомъ жертвуемыхъ ею капиталовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что книжка г. Илговскаго издана весьма изящно и даже роскошно—она иллюстрирована пятью рисунками, изображающими: портреты Солтыковой и ея дочери, найденные авторомъ въ складахъ костельнаго хлама, видъ звенигородскаго костела и два герба города Звенигородки: прежній (1791) и современный.

В. А.

Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guillaume de Rubruquis envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien. (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et littéraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la Bibliothèque de l' Arsenal). Paris. Delagrave. 1888.

Нельзя не отдать должнаго французамъ, какъ замѣчательнымъ популяризаторамъ всякихъ научныхъ свѣдѣній. Не только отдѣльные научные вопросы излагаются ими мастерски просто, занимательно и въ то же время вполне научно, но для пользованія публики издаются цѣлые литературные памятники, имѣющіе глубокой интересъ въ научномъ отношеніи. При этомъ изданія эти отличаются замѣчательнымъ изяществомъ, чистотой и дешевизной. Доказательствомъ можетъ служить коллекція in 12° цѣлаго ряда учено-популярныхъ работъ лучшихъ французскихъ ученыхъ, коллекція, въ составъ которой входятъ: Biologie, Linguistique, Anthropologie, Pédagogie и т. д. Теперь издательская фирма Delagrave уже выпустила въ свѣтъ цѣлую серію путешествій, въ которую вошли записки Рубруквиса и Марко-Поло. Путешествіе перваго, какъ извѣстно, относится къ 1253 году, а втораго къ 1271 году. О важномъ значеніи въ научномъ отношеніи этихъ записокъ нечего и говорить. Для русскаго ученаго овѣ имѣ-

ють особенный интересъ, особенно записки Рубруквиса. Онъ изъ Константинополя проѣхалъ въ Азію чрезъ Крымъ и Южную Россію.

Марко-Поло въ Россіи никогда не былъ и посвящаетъ ей лишь одну послѣднюю главу: «De la province de Rutheni». Но и тотъ и другой сообщаютъ массу историческихъ, этнографическихъ и археологическихъ данныхъ о народахъ урало-алтайскихъ, изъ которыхъ многіе принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ русской исторіи. Записки обоихъ этихъ путешественниковъ издавались много разъ, но всѣ эти изданія сдѣлались положительной рѣдкостью.

Къ числу изданій, перечисленныхъ у Аделунга въ его трудѣ «Литературныя извѣстія о древнѣйшихъ путешествіяхъ иностранцевъ по Россіи» можно прибавить еще одно, именно въ «Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis», Fejer'a (v. IV, pars 2) Записки Марко Поло были переведены и на русской языкъ въ Читеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Шемякинумъ (1861 г. ч. III, IV, 1862 г. ч. I—IV). И сборникъ Гаклюйта, и Бержерона, и Fejer'a—изданія весьма дорогія, могущія быть достояніемъ лишь большихъ библиотекъ, да въ настоящее время и весьма рѣдкія. Русское изданіе Марко-Поло теперь также почти вышло изъ продажи. Всѣ эти обстоятельства придають важное значеніе изданію, заглавіе котораго мы только что выписали. Оно сдѣлано весьма изящно in 12° и на 307 страницахъ мелкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма четкаго и красиваго шрифта заключаетъ полный текстъ путешествій Рубруквиса и Марко-Поло. Текстъ взятъ изъ сборника Бержерона (Voyages faits en Asie), но издатель Мюллеръ производилъ при этомъ тщательное сличеніе бержероновскаго текста съ текстами другихъ изданій и особенно съ изданіемъ Дидо 1845 года съ примѣчаніями ученаго синолога Потье (Pauthier). Такимъ образомъ, текстъ Бержерона въ сомнительныхъ мѣстахъ былъ пополняемъ и исправляемъ на основаніи лучшихъ текстовъ. Изданіе снабжено весьма незначительнымъ числомъ примѣчаній, не имѣющихъ, впрочемъ, значенія. Замѣтимъ въ заключеніе, что цѣна изданія болѣе, чѣмъ умѣренная,— всего одинъ франкъ.

П. Голубовскій.

Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до лимана, произведеннаго днѣпровскою описною партією въ 1875—1883 и. подъ начальствомъ генераль-маіора Поликарпова 1-го С.-Петербургъ, 1887. 16°. 79 стр. Подробныя планы рѣки Днѣпра, раздѣленные на пять участковъ: 1) отъ Смоленска до Лоева; 2) отъ Лоева до Кіева; 3) отъ Кіева до Екатеринослава; 4) отъ Екатеринослава до Александровска и 5) отъ Александровска до лимана. Изданы статистическимъ отдѣломъ М—ва Путей Сооб. С.-Петербургъ. 1886. In-folio.

Происхожденіе этого изданія изложено въ «Объяснительной запискѣ къ изданію плановъ и профилей рѣкъ Оки, Днѣпра и Камы, изслѣдованныхъ описными партіями» (Спб. 1887. 16°. 15 стр.), въ которой читаемъ: «26 декабря 1874 г., по Всеподданнѣйшему докладу г. министра п. с. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на изслѣдованіе внутреннихъ водныхъ путей имперіи. Цѣль этого изслѣдованія: подробное ознакомленіе съ состояніемъ рѣкъ и озеръ и со способностью ихъ для внутренняго судоходства, возможность правильной обстановки ихъ предостерегательными знаками и составленіе основательныхъ проектовъ расчистки и улучшенія этихъ водъ.—Работы описныхъ партій по изслѣдованію внутреннихъ водъ сначала производились подъ руководствомъ Высочайше утвержденной навигаціонно-описной комиссіи, а по ея упраздненіи, производятся подъ руководствомъ технического отдѣла д—та ш. и в. с.—Изданіе плановъ и профилей изслѣдованныхъ рѣкъ, для общаго употребленія возложено на статистическій отдѣлъ М—ва П. С.»—Далѣе объ изданныхъ такимъ образомъ статистическимъ отдѣломъ «Подробныхъ планахъ», говорится: «Подробные планы издаются въ масштабѣ 50, 100, 200 саж. въ 0,001 сажени, смотря по ширинѣ русла рѣки. Въ эти планы входятъ всѣ подробности, назначенныя на оригиналахъ, составленныхъ описными партіями, за исключеніемъ части береговой полосы, которая, въ видѣ удешевленія изданія, напечатана въ упомянутыхъ масштабахъ только шириною около 250 саж. въ обѣ стороны рѣки отъ урѣза воды».

Изъ приведеннаго описанія изданныхъ плановъ видно, что назначеніе ихъ чисто спеціальное—«ознакомленіе со способностью рѣкъ для внутренняго судоходства». Для историка на этихъ планахъ интересны указанія на старыя русла Днѣпра, извѣстныя подъ именемъ «стариковъ». Извѣстно, что на пологихъ берегахъ Днѣпръ очень часто измѣняетъ свое теченіе, прокладывая новые пути для своихъ водъ. При этомъ перѣдко прибрежныя поселенія терпятъ разореніе, а

иногда принуждены бываютъ перемѣщаться вмѣстѣ съ своею рѣкою. Перемѣна руслъ происходитъ обыкновенно при весеннихъ разливахъ, которые, перемѣщая съ собою массы рѣчнаго песку, засыпаютъ («за-мѣтаютъ») цѣлыя дворы. Теперешнее кобеляцкое мѣстечко Орликъ населено тѣми изъ жителей Стараго Орлика, усадьбы которыхъ перемѣстившій здѣсь въ началѣ XVIII в. прежнее свое русло Днѣпръ «замель пескомъ». На старыхъ днѣпровскихъ руслахъ нерѣдко появляются значительные острова, изъ за которыхъ обыкновенно возникаютъ между жителями ближайшихъ къ нимъ сель безконечные споры... Яблокомъ раздора при этомъ служитъ обыкновенно та превосходная лоза, которою покрываются такіе острова.

Изданные М---вомъ П. С. планы Днѣпра сколько намъ извѣстно, въ обычную продажу не поступали.

А. Л.

Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ (Справочная книга для одесситовъ и пріѣзжихъ). Адресъ Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскаго и русскаго театровъ. Изданіе В. В. Скидана. Одесса, 1889 г. стр. I—XXIII, 1—395, цѣна 60 к.

Доступная по цѣнѣ и хорошо изданная книга, необходимая и для пріѣзжихъ, и мѣстныхъ жителей, по той разнообразной массѣ отвѣтовъ, которые могутъ быть вызваны вопросами частной и общественной жизни въ г. Одессѣ.

Н. Т.

Виленскій Календарь на 1889 годъ (шестой годъ изданія) съ тремя рисунками. Вильна 1888 г. Цѣна 30 к. стр. 1—319.

Изъ массы провинціальнаго календарей это самый лучший и по содержанію, и по внѣшнему виду, и по дешевизнѣ. — Кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній (118 стр.), въ календарѣ мы находимъ слѣдующія статьи, знакомящія насъ какъ съ настоящею, такъ и съ прошлою жизнью въ Литвѣ: 1) о посѣщеніи н. в. в. к. Михаиломъ Николаевичемъ, Сергіемъ Михайловичемъ, Владиміромъ Александровичемъ и супругою его в. к. Марією Павловною нѣкоторыхъ храмовъ литовской епархіи въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г., 2) о посѣщеніи н. п. в. в. к. Владиміромъ Александровичемъ и в. к. Марією

Павловною, во время поѣздки въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г. по сѣверо-западному краю, ковенской гимназіи и нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній г. Минска и объ участіи учащихся разныхъ учебныхъ заведеній г. Бреста во встрѣчѣ ихъ высочествомъ, 3) проподобная Евфросинія, княжна полоцкая (съ рисункомъ), В. А. фонъ-Роткирха, 4) Кафедральный Іосифовскій соборъ въ губ. гор. Могилевѣ, 4) Церковная унія (краткій истор. очеркъ) К. Ш., 5) Уніатскій вопросъ въ 1772—1827 гг. А. Бѣлецкаго, 6) Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій (съ его портретомъ) К. В. Ши—аго и нѣсколько некрологовъ скончавшихся въ минувшемъ 1888 г. русскихъ дѣятелей въ сѣверо-западномъ краѣ.

Н. Т.

Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 и 1889 г.

Кіевлянинъ (265—285, 1—14). *Кіев. Слово* (557—583). *Чернил. Губ. Вѣд.* (99—102, 1—5). *Волинскія Епарх. Вѣд.* (361—1). *Волинск. Губ. Вѣд.* (911, 1—4). *Волинь* (144—165) (1—15) *Подольскія Епарх. Вѣд.* (50—52). *Бессарабск. Губ. Вѣд.* (127—135, 1—5). *Екатериносл. Губ. Вѣд.* (98—102). *Крымъ* (107—124, 1—6). *Харьков. Губ. Вѣд.* (235—236, 1—13). *Южный Край.* (2738—2762). *Воронеж. Епарх. Вѣдомости* (1). *Донъ* (102—146, 1—4). *Донская Рѣчь* (122—128, 1—6). *Елисавет. Вѣстн.* (7—12). *Одесскій Вѣстникъ* (1—14). *Новороссійскій Телеграфъ* (4293—4305). *Одесскій Листокъ* (1—10). *Южанинъ* (1—12). *Орловскій Вѣстникъ* 123—168, 1—7). *Минскій Листокъ* (1—3). *Кубанскія Област. Вѣд.* (49—52). *Сибирскій Вѣстникъ* (80—85). *Червоная Русь* (132—151, 1—2).

Кіевлянинъ №№ 265—283, 1—14. 266. *Предстоящія живописныя работы во Владимірскомъ соборѣ.*

Извѣстіе о предполагаемомъ въ память 100-лѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи изданіи «Исслѣдованія церковноисторической жизни Подоліи».

267. Некрологъ А. И. Линниченка, бывшаго начальника кіевскихъ Фундуклеевской и Подольской женскихъ гимназій.

Библиографич. замѣтка—Г. о книгѣ Е. Шмурло «Митрополитъ Евгений, какъ ученый».

Перепечатка изъ «Новостей» нѣсколькихъ эпизодовъ осады Очакова въ 1788 г.

Перепечатка изъ «Нов. Времени» эпизода изъ дѣятельности переезжавшаго (полт. г.) капитанъ-исправника 1-й четверти текущаго столѣтія Самойлова.

269. Звенигородскій кладъ. Сообщеніе гр. А. А. Бобринскаго объ этомъ кладѣ въ археологич. обществѣ.

Засѣданіе историческаго общества 11 декабря. Отчетъ о рефератахъ И. И. Малышевскаго, А. А. Дмитревскаго и М. И. Лилеева.

Корреспонденція изъ м. Жашкова, таращ. у. кiev. г., о мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ.

Корреспонденція изъ м. Новоконстантинова, подол. г. о находкѣ старинныхъ пуль.

270. *Интересное изслѣдованіе.* Объ изслѣдованіяхъ д-ра Талько-Гринцевича надъ продолжительностью жизни населенія звениг. у. кiev. губ.

271. *Засѣданіе общества кievскихъ врачей 3 декабря.*

272. *Открытіе дома трудолюбія въ Кіевѣ.*

273. *Мірскіе капиталы крестьянъ въ кiev. губ.*

275. *Некроль* о. Даніила Левицкаго, настоятеля церкви Свято-Владимірскаго братства во Владиміръ-Волинскѣ, знатока церковной старины.

Дятскія кнѣжи. Отзывъ о книгѣ г-жи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

276—278. *Присоединеніе къ православію стрелитгородскихъ и зубовицнскихъ чеховъ, кiev. губ. радомысл. у.*

277. Извѣстіе о предстоящей реставраціи Кіево-Софійскаго собора.

Некроль т. с. П. П. Максимовича, кievскаго уроженца, послѣдняго изъ воспитанниковъ старой кievской академіи.

Отчетъ о XII т. Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej.

279. Корреспонденція изъ м. Триполья, кiev. г., о небольшо́мъ кладѣ древнихъ монетъ, захваченномъ мѣстными евреями.

282. *Засѣданіе общества кievскихъ врачей 17 декабря.*

283. *Дятельность каменецъ-подольской коммисіи Императорскаго челявколюбиваго общества въ 1887 г.*

1. *Юго-западный край въ 1888 г.*

Корреспонденція изъ радомысл. у. о народныхъ школахъ.

3. *Передвижная выставка Имп. академіи художествъ въ 1888—89 г.* Изъ картинъ, сюжеты которыхъ взяты изъ южно русской природы и жизни здѣсь отлѣчены: Сергѣева — «Ночь наступила», Мещерскаго — «У кавказскихъ береговъ Чернаго моря», В. Д. Орловскаго — «Охотники», Н. И. Мурашко — «Дцѣбрь», Г. П. Ковдратенко — «Ночь въ Бахчисараѣ» и «Ночь въ Крыму», К. Я. Крыжицкаго — «Гроза собирается» и «Хуторъ въ Малороссіи», С. И. Васильковскаго — «Малороссійскій видъ», X. П. Платонова — «Наймичка».

7, 8, 9, *Записка о состояніи и дятельности Императ. университета св. Владиміра въ 1888 г.*

— *Десятильтіе кievскаго драматическаго общества.*

— Перепечатка изъ «Черн. Губ. Вѣд.» анекдота, имѣвшаго мѣсто при проѣздѣ черезъ г. Березну пмп. Екатерины II.

— *Актъ 8 янв. въ унив. св. Владиміра.*

8 *Общее собраніе членовъ Богоявленскаго братства при кіевской духовной академіи.*

9. *Министерскій colloquiumъ въ кіевской дух. академіи.* О защитѣ Г. Я. Крыжановскимъ диссертациі на степень магистра богословія подъ заглавіемъ «Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ».

Перепечатка изъ «Южн. Края» анекдота о поголовномъ сѣченіи харьк. извозчиковъ бывшимъ харьков. генераль-губернаторомъ Кокошкинымъ.

10. *Спб. общество вспоможенія бывшимъ воспитанникамъ унив. св. Владиміра.* Отчетъ о дѣятельности этого общества.

Крестьянскіе хлѣбные запасы и продовольственные капиталы въ кіев. губ.

Перепечатка изъ № 1 «Кіев. Старинъ» о томъ, какъ запорожцы послали изъ Петербурга въ Сѣчь за водкою.

11. Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода о дѣятельности типографіи Кіево-Печерской лавры въ 1886 г.

Контрабандныя раскопки кургановъ съ научною цѣлью. «Возлѣ с. Лосятина, васильк. у., въ 18 в. отъ Бѣлой Церкви, въ имѣніи гр. Браницкой осенью прошлаго года произведена была краковскими археологами раскопка одного замѣчательнаго кургана. Раскопка совершена была по всѣмъ правиламъ археологическаго искусства. Что нашли въ курганѣ краков. ученые неизвѣстно, какъ и то, по какому праву они производили раскопку. Говорятъ, будто имъ было получено разрѣшеніе отъ спб. археологич. общества».

12. Краткій некрологъ земскаго врача новозыбковскаго у. черниг. губ. П. С. Евсѣенка, воспитанника унив. св. Владиміра.

Кіевское Слово №№ 557—583. 558. Корреспонденція изъ Бердичева. Приводится текстъ заговора отъ укушенія змѣи: «Господу Богу помолюся, Матери Божей Пречистой поклонюся. Изъ видки совечко сходьтъ, Изъ видгы Исусъ Христосъ приходитъ. Помощь мени приноситъ. Маты Божа приступас, И я приступаю, Маты Божа помогае, И я помогаю, Гадыну замовляю: На гори, гори Іоньской, На води Іорданской, Тамъ лежала гадына Зофія. Гадыно Зофія! Прикажь гаду, Щобъ не роспускавъ яду До жовтои кости, До червонои крови, До щираго сердца, До румянаго лица, До раба Божяго Крещенаго, священнаго Молитвеннаго Ивана. На Іосафатовой долини, На перекрестному шлиху Тамъ стояли: Сава И Варвара и Микола, И Покрова, и Святе Благовищенье; Ясныи святи посвятылы Господа милосерднаго просилы И молились и благословились *За хрестьянску виру За раба Господня Ивана*».

Если заговариваемое лицо женскаго пола, то упоминается Овдюшка. Эти два имени: *Иванъ* и *Овдюшка* говорятся всегда, хотя бы въ дѣйствительности имена больныхъ были и другія.

Въ томъ случаѣ, когда приходится «одмвлиять» какое либо животное, то молитва читается такая же, только, когда рѣчь идетъ о лошади, стихъ: «за хрестьянску виру» выбрасывается.

— И про свинью можно говорить и про скотыну, а про коня нельзя, — сообщала мнѣ баба.

Я спросилъ, почему для лошади дѣлается подобное исключеніе.

— Свинья и всякая другая скотина святятся, вотъ, напримѣръ, у Великъ-День когда паси святятся, а лошадь не святится, — объясняла баба, — потому про нее и нельзя говорить: «за хрестьянску виру».

560. *Объ открытіи перваго кіевскаго дома трудолюбія.*

Корресп. изъ екатериносл. губ. О курганахъ близъ с. Чернявщины и д. Алексѣвки павлоград. у. екатер. губ.

Корресп. изъ Харькова. Краткій некрологъ бывшаго профес. астрономіи въ харьков. у.—тѣ И. И. Федоренка.

551. Замѣтка о соч. А. В. Гурова «Геологическое описаніе полтавской г.». *Кіевскіе календари.*

562. Отчетъ объ 11-мъ очередномъ собраніи кіев. общ. естествоиспытателей.

563, 565. *Тяжкій грѣхъ бабы Солохи.* Разсказъ изъ малорусской народной жизни.

564. О картинѣ Неврева «Ярославъ Мудрый напутствуетъ дочь свою Анну въ замужество француз. королю Генриху I». I. Августина.

567. Отчетъ о засѣданіи общества кіевскихъ врачей 17 декабря.

Извѣстіе о кладѣ, найденномъ въ лѣсу близъ д. Гавронщины, кіев. у.

568. Перепечатка изъ Хар. Губ. Вѣд. корреспонденціи изъ кобелякского у. полт. губ. о народныхъ обычаяхъ на Рождество X—во и Новый Годъ.

571. *Изъ отчета о 3-мъ присужденіи преміи гр. Толстаго.* Изъ кіевскихъ ученыхъ получилъ премію въ 400 р. А. I. Степовичъ за «Очеркъ исторіи чешской литературы».

572. Корреспонденція изъ Бердичева. О прекращеніи дѣятельности бердич. драматич. общества.

574. Перепечатка изъ «Южн. Кр.» корреспонденціи изъ Яохвицы о дѣятельности мѣстнаго общества сельскаго хозяйства.

575. Кіевскіе подкидыши, — А. С — кій.

— Земская дѣятельность Г. П. Галагана. Выдержки изъ статьи Ф. Г. Мищенко («Кіев. Стар.» № 12).

576. Актъ 8 янв. въ университетѣ св. Владиміра.

579. *Малороссы за Волгой.* Извлеченіе изъ III вып. «Трудовъ саратовской архивной комиссіи».

Черниговскія Губерн. Вѣдомости 1888. № 98—102. 1889. № 1—5. № 99. Николая Гармашева. Къ исторіи края: *Домницкій монастырь по описанію проишлое вѣка.*

Нами случайно приобрѣтена старинная рукопись половины прошлаго вѣка, имѣющая слѣдующее заглавіе:

«Копія со всѣхъ крепостей монастыря домницкаго, по коимъ оный монастырь владѣть наданными от гетмановъ искупленными в разныхъ мѣстахъ грунтами, мельницами, озерами, полями и селомъ Дурвями.—Вписаны в'сію книгу 1750 года Іюня мѣсяца во время бытности в томъ монастырѣ игумена и в чернѣговской катедрѣ намѣстника его высокопревелебія отца Іосифа Мяткевича».

По внѣшнему виду рукопись наша была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета. Писана рукопись крупнымъ красивымъ почеркомъ на полулистахъ сѣровой бумаги. Страницы перенумерованы чьей то чужой рукой. На узенькихъ поляхъ противъ нѣкоторыхъ актовъ находятся отчерки, нотабены; мѣстами попадаются поправки, сдѣланныя также чужой рукой, быть можетъ, самого о. игумена Іосифа Мяткевича.

По содержанію рукопись дѣлится на три части. Сначала идетъ краткое историческое описаніе ¹⁾ Домницкаго монастыря, далѣе слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ гетманскіе универсалы (Мазепы, Скоропадскаго, Апостола), данные «на владеніе тому монастыру... грунтами, мельницами, озерами, полями и другими угодіа»; въ концѣ идутъ всевозможныя выписи изъ книгъ мѣскихъ, записи, росписи, духовницы и купчія, данныя «отъ разныхъ званій людей монастыру домницкому на владѣніе купленными у ихъ грунтами, мельницами, полями, сѣнокосами и протчіимъ». Всѣхъ документовъ около сотни. Представляютъ они драгоцѣннѣйшій матеріалъ какъ для исторіи самой Домницкой обители, такъ и сосѣднихъ съ нею сель и мѣстечекъ: Березнаго, Дурней, Салтыковой Дѣвицы и другихъ. Въ виду такого значенія нашей рукописи, мы, по мѣрѣ переписки заключающагося въ ней матеріала, будемъ сообщать его редакціи «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» для печатанія. На этотъ разъ предлагаемъ первую часть рукописи:

Описаніе монастыря домницкаго въ какомъ онъ году и чьимъ иждивеніемъ состроенъ и о прочемъ какъ ниже поименовано.

1) Оной монастырь въ 1696 году построенъ иждивеніемъ и старательствомъ бывшего гетьмана малороссійскаго Ивана Мазепы, какъ то: церковь большую, однопрестолну, которая и нынѣ есть, храмъ Рождества пресвятыя Богородицы внутри монастыря, въ оную иконостасъ утвари, всѣ вещи, сосуды, книги

¹⁾ Это описаніе занесено переписчикомъ въ рукопись значительно позже написанія оной.

и прочее належашее къ священнослуженію надалѣ и монастырь деревяною оградю обнесъ и келіи построилъ деревянии, и унѣверсаломъ своимъ ствердилъ.

2) Гдѣ монастырь состроенъ прежде было пахатное поле, при коемъ заросль небольшого дерева, въ той зарослѣ явилась чудотворная икона въ коемъ году, какъ и кому знать нѣ почему.

3) Съ того времени близъ мѣста того состроена была церковь храмъ Рождества пресвятыя Богоматере съ тесовыхъ досокъ, въ коей и священнослуженіе отправляемо было близъ десяти лѣтъ, пока состроенъ монастырь вышепрописанымъ Мазепою, по доказательству старожиловъ, а чьимъ иждивеніемъ оная построена о томъ неизвѣстно.

4) Къ оному монастырю онъ же Мазена 1700 года мая 13 дня деревню Дуряѣ, въ коей дворовъ 25 со всѣми къ ней принадлежащими грунтами такожъ озера, рыболовлѣ и мельницу о двухъ колахъ состоящую на озерѣ Домницѣ, близъ нея луга, пахатное поле съ гаемъ, при своемъ унѣверсалу надалѣ.

Мѣстоположеніе оного монастыря на ровномъ сухомъ и пѣсчаномъ имѣеть окрестъ его съ 1-й сторонѣ восточной разнаго дерева лѣсъ, съ 2-й стороны отъ Березнаго вышепрописанная мельница. За оною пахатное поле.

5) Въ монастырѣ церквей четыре: первая, внутрѣ монастыря, деревянная, большая выстроена коштомъ, зъ средины вымалевана съ горы донизу (кромѣ олтора) иждивеніемъ жителя березинскаго Григорія Сечевницы въ 1751 году за игумена оного монастыря Саввы Любовича и подъ мурована съ исподу кирпичомъ коштомъ монастырскимъ, Вторая, внутрѣ монастыря, неболша, деревянна жъ, теплая, однопрестолная, Преображеніе Господне, при оной трапеза и келія, построилъ оную своимъ иждивеніемъ обозный генералный Скоропадскій въ какомъ году неизвѣстно. Третья, каменная, неболшая, на брамѣ однопрестолна храмъ святителя Николая, состроена коштомъ монастырскимъ, начата строится за бывшего игумена Иерофея Малѣцкаго въ 1772 году, закончена въ 1779 году за нынѣшняго игумена Діонисія Левандовскаго. Четвертая, внѣ монастыря, деревянная, неболшая, на томъ мѣстѣ, гдѣ икона явилась, однопрестолна храмъ великомученицы Параскевы, оную построилъ своимъ иждивеніемъ бывший сотникъ столинскій Иосифъ Сичевскій въ какомъ году неизвѣстно.

6) Оной монастырь въ пожарѣ никогда не былъ, округъ же его ограда прежде сего была вся деревянна и необширна а за прежде бывшего игумена Иерофея построена обшириѣ в полѣ каменная, а въ полѣ деревянна иждивеніемъ монастырскимъ; въ окружности состоитъ весь монастырь треаршинныхъ сажень 280.

Въ немъ келій деревянныхъ 11, хлѣбная пекарня 1.

7) Появленіи иконы и по выстройкѣ съ досокъ церкви какъ вышепрописано были начальники: 1. Климентъ, 2. Діонисій, 3. Инокентій, 4. Генадій и 5. Макарій, а когда они родились и отъ какихъ родителей, и что происходило

до времени ихъ и въ монастырѣ домницкомъ сколько житія ихъ было и гдѣ кто умре, или переселенъ никакихъ достопамятныхъ записокъ въ монастырѣ не сказано, потому и знать нѣ почему.

8. По выстройкѣ жъ Гетьманомъ Мазепою монастыря были игумены: первый Варлаамъ Василевичъ выбылъ въ Троецкій черниговскій ильинскій монастырь архимандритомъ, второй Димитрій Винѣцкій въ Домницкомъ монастырѣ умре, третий Иоаникій Дубравскій въ семь монастырѣ умре, четвертый Андрей Осмаковский потомъ переведенъ въ Борисоглѣбскій кафедральный монастырь намѣстникомъ, пятый Иоанъ Дубинскій оной переведенъ архіереемъ въ городъ Нижной, по немъ повторно былъ Андрей Осмаковский въ семь монастырѣ и умре, шестий Иосафъ Миткевичъ переведенъ въ Каменскій монастырь игуменомъ же, седмый Савва Любовичъ въ семь монастырѣ умре.

Въ какихъ годахъ и отъ такихъ родителей я какъ до посвященія ихъ въ Домницкій монастырь происходили, и по сколько лѣтъ были игуменами знать нѣ почему.

Осмый Геродей Малъцкій съ 1762 года по 1774 годъ былъ игуменомъ, переведенъ въ Елецкій черниговскій монастырь архимандритомъ, девятый: нынѣ въ семь Домницкомъ монастырѣ игуменомъ съ 1774 года Діонисій Левандовскій переселенъ святѣйшаго Синода указомъ съ псковской епархіи великопустыннаго монастыря. Болѣе жъ при ономъ монастырѣ лѣтописей старинныхъ печатныхъ, ни рукописныхъ записокъ и никакихъ другихъ достопамятныхъ и примѣчательныхъ замѣтокъ не отыскано и неимѣется, всего не по чему и узнать.

На подлинномъ подпись таковъ къ сему описанію Рождественскаго домницкаго монастыря игуменъ Діонисій подписался.

100. Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича. Два земельные документа рода Полуботковъ (1713—1714 г.).

1. Къ исторіи края. Разказы старожиловъ. Г. А. Твишинскій, обращаясь къ мѣстнымъ любителямъ съ просьбою сообщать свои разказы «о добромъ старомъ времени», въ свою очередь рассказываетъ то, что ему удалось слышать отъ старожиловъ про проѣздъ императрицы Екатерины II черезъ г. Черниговъ и его губернію въ 1787 г.—Императрица, не доѣзжая Чернигова, останавливалась въ г. Березномъ (кстати замѣтимъ здѣсь отъ себя: въ Березномъ для проѣзда выстроенъ былъ на казенный счетъ дворецъ,—послѣ проѣзда онъ былъ продавъ и купленъ тайн. сов. Гр. Пет. Милорадовичемъ, перевезенъ въ Черниговъ, гдѣ выстроенъ вновь, но уже съ пристройками и существуетъ понынѣ, принадлежа внуку покупщика графу Гр. Ал. Милорадовичу),—при выходѣ ея на крыльцо, сопровождавшая ее комнатная собачка бросилась съ лаемъ въ кусты, откуда выскочившій мѣстный пѣта Лежень, бросился къ государынѣ, преподнесъ ей оду своего сочиненія и скрылся,—его розыскали и вручили отъ государыни 150 р. сер.—При посѣщеніи Чернигова Екатерина II пожелала про

гуляться по немъ пѣшкомъ, но грязь сдѣлала то, что при прогулкахъ ея, приходилось или валить ей подъ ноги плетви, которыми по случаю недавно бывшаго пожара были огорожены только что отстроенные дворы, или переносить ее на рукахъ. Наконецъ еще старожилы указываютъ на дворъ, въ которомъ останавливался проѣздомъ австр. импер. Іосифъ II.

2, 4. Къ исторіи края: Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Ал. Л—ій, приступая къ печатанію этихъ списковъ, въ своемъ вступленіи говоритъ: «Происхожденіе настоящихъ списковъ слѣдующее: на основаніи грамоты на права дворянства, въ каждой губерніи, между прочимъ, должна была быть составлена дворянская родословная книга, при чемъ въ эту книгу слѣдовало «внести имя и прозваніе всякаго дворянина въ той губерніи имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго». Списки лицъ, которые должны были быть внесены въ дворянскую родословную книгу, составлялись по уѣздамъ: «уѣздный предводитель дворянства имѣетъ сочинить по приложенной формѣ списокъ по алфавиту всѣмъ дворянскимъ родамъ въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющимъ». По приложенной формѣ требовались слѣдующія свѣдѣнія: 1) имя и прозваніе дворянина въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ, или вдовъ; 3) много ли дѣтей мужскаго или женскаго пола и ихъ имена и лѣта; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ, или вновь пожалованныхъ, или въ приданое полученныхъ обоюго пола душъ крестьянъ нынѣ состоитъ и во сколькихъ селахъ или деревняхъ: 5) въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянъ или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина и 7) въ какой именно службѣ или отставкѣ». По этимъ формамъ были составлены по каждому уѣзду особо списки лицъ, имѣвшихъ право, по мнѣнію предводителей, на дворянство, и представлены затѣмъ въ сенатъ. Въ сенатѣ произведена была ревизія этихъ списковъ уже по документамъ, которые были представлены лицами, желавшими доказать юридически свое дворянство.—По разсмотрѣніи документовъ, одни роды—были утверждены въ дворянствѣ, а другимъ—въ этомъ отказано. Такимъ образомъ въ составленныхъ въ 1783 г. спискахъ, оказалось много лицъ, за которыми сенатъ не призналъ дворянства. Тѣмъ не менѣе списки эти сохраняютъ за собою значеніе цѣннаго матеріала для исторіи мѣстнаго общества второй половины XVIII вѣка. По симъ спискамъ передъ нами проходятъ полные ряды того «малороссійскаго шляхетства», персоналъ котораго «съ точнымъ доказательствомъ о шляхетствѣ» правительство давно уже желало знать.

Печатаая эти списки, присоединяемъ къ нимъ небольшія примѣчанія, которыя могутъ быть далеко полезны и интересны, если бы кто захотѣлъ для составленія ихъ обратиться къ архиву черниговскаго дворянскаго депутатскаго

собранія, гдѣ въ «дѣлахъ о дворянствѣ» того или другаго рода хранятся почти еще нетронутые матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства.

Сообщаемые здѣсь списки относятся къ слѣдующимъ уѣздамъ: конотопскому, коропскому, кролевецкому, глуховскому, погарскому, мглинскому, суражскому, новомѣстскому и сосницкому. Только эти списки мы и имѣли въ своемъ распоряженіи.

Послѣ чего слѣдуетъ списокъ по конотопскому уѣзду, озаглавленный такъ:

Вѣдомство о дворянствѣ уѣзда конотопскаго съ означеніемъ кто изъ оного въ службу при должностяхъ и въ отставку находится, какихъ чиновъ, кто на комъ женатъ, сколько кто имѣетъ дѣтей, какихъ оныя лѣтъ и идъ обрѣтаются, сколько за кѣмъ по послѣдней 1782 года сочиненной резизіи мужскаго и женскаго пола душъ, въ какихъ селеніяхъ и уѣздахъ. Сочиненна по алфавиту 1783 г. апрѣля 27 дня.

Затѣмъ слѣдуютъ роды: 1. Армашевскій, 2. Базилевичъ, 3. Бакланъ, 4. Бартошъ, 5. Богдановскій, 6. Велентѣй, 7. Вольховскій, 8. Воль, 9. Волленко, 10. Гацукъ, 11. Горошковскій, 12. Громѣкова, 13. Езучевскій Ив., 14. Езучевскій Сем., 15. Забѣяка Дмит., 16. Забѣяка Алексѣй, 17. Занковичъ, 18. Ильѣцкій, 19. Кавдиба Андрей, 20. Козловскій, 21. Косичева, 22. Косинскій, 23. Костенецкій Григ., 24. Костенецкая Марѳа, 25. Костенецкій Алексѣй; 26. Кролевецкая.

5. Къ исторіи края. Ковчинецъ сообщаетъ двѣ мѣстныя легенды, записанныя имъ въ чернигов. у. въ с. Ковчинѣ, а) народное преданіе объ императрицѣ Екатеринѣ II.

«Царица Катерина дарила панамъ людей, шо вана раздарила земля! да толки все хутарицѣ, де нема, значить, церкви. Отъ грахъ Кущелевъ и просытъ: подари мнѣ Кулычки. Вана ему вже богато понадарювала: Стольне, Дремайловку и ще богато. Царица поіхала подивилась и каже: церковь е, не дамъ; се не Кулычки, а Куликовка». Куликовка—с. черн. у. въ 30 верст. отъ Чернигова.

И б) легенду о Петрѣ Великомъ.

«Бувъ царь Петро. Були таки волшебняци Лютра и Утеранка. Петро выпросывъ земля на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцѣ, посшивавъ ихъ, одѣ Двини до Двини обовѣвъ землю и построивъ крепость. Воевавъ вонъ изъ Утерянкою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одинъ казакъ, а зъ Утерянкою царь Петро воевавъ ще много лѣтъ. Дачка ни полюбыла Петра, ходила па саду зъ имъ и вонъ спрашуе ни, чи возьму я твою матку, чи нѣ. Хоть сѣмъ годъ стой, дакъ не возьмешъ. Есть у тебе солдатъ Иванъ, дакъ его смерть у моей матки, а матчина у его. Ну якъ же его узнаты, питае Петро. Ты зраби пирь, на пиру якъ упѣюця, поляжуть спать; вонъ засне пудъ деревомъ, дерево усне, бо въ его сыла изъ рота иде, якъ дымъ. Тогда

Петро зробивъ пиръ, узнавъ его. После пиру Петро найшовъ его на ученіи и давай спрашувать: что жъ ты можешъ узять ии. Приставъ до его. Вонъ тадѣ й каже: позвольте пугвицю зорвати. Той каже: хочъ уси зривай. Москаль зорвавъ пугвицю, выстрелывъ пугвицею и убивъ Утерянку; якъ его въ карету укынули, сычасъ и умеръ. Царъ сѣвъ на лошада, перескочывъ черезъ Двину, только задня капыты конь умочивъ; городомъ, якъ побѣгъ, дакъ пудкова одарвалася, ударилася въ стену и теперъ высыть.

Царъ Петро ходывъ у зароботки, въ чужой земли зробивъ корабель, одъ его й стали у насъ корабли». (Записано отъ Лукьянца с. Ковчяна чернигов. губ. и уѣзда).

Волинскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. № 36.—1889. № 1. 36. Слово въ день памяти Высокопреосвященнаго митрополита литовскаго Юсіфа Семашко, іеромонаха Владиміра.

36, 1. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волинской губерніи (продолженіе): м. Гоща, с. Рясники, с. Завизовъ, с. Михалковцы, с. Краевъ, с. Стадники, с. Майковъ, с. Дулибы, с. Милитянь, с. Поченки, с. Мнишань, с. Могиланы, с. Симоновъ, с. Сѣянцы, с. Тесовъ, с. Томаховъ. З благочиннической окр. острожскаго уѣзда. с. Бродовъ, с. Оженинь, с. Верховъ, с. Гульча, с. Глупонинъ, с. Здолбца, с. Ивачковъ, с. Конытковъ (Октавинъ), с. Коростова, с. Плоска, с. Новомильскъ, с. Новоставцы, с. Новоселки, с. Посягва, с. Мятиць, с. Подлѣски.

1. Польскій католицизмъ на Лятвѣ (перенечатка изъ «Правды»).

— Развалины Мстиславова храма во Владимірѣ-Волинскомъ (перенечатка изъ Кіевлянина), В. Г.

Волинскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 91—95. 1889. № 1—4. № 92. По части мѣстной бібліографіи: «Житомирскій могильникъ», археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ.—Сергѣя Гамченка, рецензія Братчикова.

95—4. Остатки волинской старины,—историческо-археологическія замѣтки (прод.) Братчикова.

Волинь №№ 144—165 и 1—11. № 157. М. Искорость и его окрестности. Михайлова.

160. *Былыя времена.* III—скаго. Передається содержаніе замѣтки «Архирейскій подарокъ», напечатанной въ № 12 «Кіев. Старини» 1888 г.

162—164. *Духъ конокрада.* Святоч. рассказъ Кл. Скальскаго. Сюжетъ взятъ изъ народной жизни въ подольск. губ.

164. Корреспонденція пзъ м. Лѣщина. При постройкѣ плотины черезъ р. Гуйву, въ горѣ, назыв. «Замкомъ» или «Замчищемъ», гдѣ вѣкогда стоялъ

замокъ владѣтельныхъ князей, найдены три человѣческихъ черепа, старинная сабля и ружье.

9. Сообщается о присоединеніи къ православію чеховъ с. Губина, ровенскаго уѣзда волынк. губ.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 7—12. № 11. О сельскихъ обычаяхъ подъ праздники. Описываются два характерные обычая, которые сохранились еще и теперь въ патриархальныхъ семействахъ нашей южной Руси—обычай праздновать «Святый Вечиръ» и «смалыть дида».

«Святый вечеръ» — торжественная «вечеря» подъ праздникъ Рождества Христова, отправляемая всей семьей и домочадцами, во время которой уничтожается всякое сословное различіе среди вечеряющихъ—обычай, конечно, чисто христіанскій.

Гораздо древнѣе по своему происхожденію обычай, существующій во многихъ захолустьяхъ Малороссіи— «смалыть дида» подъ Новый годъ. Въ глубокую полночь противъ Новаго года, въ то время, когда «дивчата» заняты выливаніемъ воска, гаданіемъ передъ зеркаломъ и проч., старикъ отецъ со старшимъ сыномъ идутъ въ садокъ и здѣсь подальше отъ построекъ, чтобы не произвести пожара, сожигаютъ нѣсколько вязокъ соломы. Дымъ отъ этого огня долженъ окурить плодовые деревья и этимъ сообщить имъ плодородіе въ наступающемъ году и избавить отъ гусеницъ, червей и проч. Затѣмъ здѣсь огни тушатся и зажигаются костры на «попылыши», т. е. на томъ мѣстѣ, куда сбрасываютъ «попыль» (золу изъ печей) и соръ изъ хаты впродолженіи цѣлаго года. Хозяйка дома выносятъ сюда въ это время и весь соръ, собранный за дни праздничные и сохраняемый подъ «прыпечкомъ». Все это самымъ тщательнымъ образомъ пережигается, потомъ переѣшивается и снова зажигается. Огни поддерживаются на «попылышахъ» цѣлую ночь, до встрѣчи дневнаго свѣта, а потомъ тушатся. Вотъ это зажиганіе огней по садамъ и пережиганіе «попылыщъ» и называется «смалыть дида».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это беретъ свое начало въ древней дохристіанской Руси. Это есть ничто иное, какъ нѣсколько измѣненный обрядъ чествованія бога солнца—Дидь-Ладо..

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. №№ 50—52. № 50—52. Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ приходахъ подольской епархіи.—Владимира Тиминскаго.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 127—135. 1889. № 1—5. № 128. В. Н. Каразинъ и основаніе харьковскаго университета. Перепечатано изъ Правит. Вѣстника, редакція котораго принимаетъ пожертвованія на сооруженія памятника В. Н. Каразину.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 98—102. № 98.

Н. А. Лабинскій—директоръ екатеринославскаго дѣтскаго приюта (некрологъ).

98. Могила Близюки—Ив. Каргопольцева. Въ четырехъ верстахъ отъ г. Екатеринослава, по дорогѣ въ Никополь, расположены самыя большіе въ окрестностяхъ г. Екатеринослава курганы, носящіе названіе «*Близюки*». Объ этихъ могилахъ такъ много ходитъ среди мѣстныхъ жителей разказовъ (одинъ изъ которыхъ былъ помѣщенъ г. Кащенкомъ въ № 6 «Екатеринославскаго Юбилейнаго Листка»), что мы употребили всѣ силы, чтобы собрать среди окрестныхъ жителей всѣ существующія о нихъ преданія и легенды. Къ сожалѣнію, многого намъ добыть не удалось; старыя люди вымираютъ, съ ними вымираютъ и слѣды народнаго творчества, выражаемаго въ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и пр. То, что намъ удалось собрать, мы сочли не лишнимъ записать и тѣмъ сохранить въ памяти потомства хотя остатки тѣхъ интересныхъ разказовъ, легендъ и преданій, которыми была такъ богата благословенная Украина.

Большинство разказовъ, существующихъ про «Близюки», носятъ полнѣйшій оттѣнокъ легендъ, въ родѣ сообщенной г. Кащенкомъ, почти дословное повтореніе которой приходилось и намъ слышать. Но есть разказы нѣсколько видоизмѣненные, такъ, напримѣръ, разказываютъ, что здѣсь существовало когда то «безбожное басурманское государство». Послѣ одного изъ умершихъ царей этого государства осталось два сына «близнецы»; долго они спорили между собою, кому изъ нихъ царствовать, наконецъ рѣшили собрать знатнѣйшихъ изъ своего народа и въ присутствіи ихъ копать землю и носить на избранное мѣсто. Кто больше насыплетъ земли въ опредѣленное время, тотъ и долженъ царствовать. Оказалось, что оба они насыпали поровну, потому и царствовали оба. Другіе разказываютъ тотъ же разказъ, но уже нѣсколько въ другомъ видѣ. Тоже послѣ смерти какого то царя, царствовавшего здѣсь, осталось два брата-близнеца, которые оба и вступили на отцовскій престолъ. Во время одного изъ набѣговъ непріятелей была взята въ плѣнъ мать этихъ царей; грустя о потерѣ матери, братья-богатыри поклялись во что бы то ни стало отомстить врагамъ. Желая издали увидѣть непріятелей, они насыпали два кургана, и каждый сидѣлъ на своемъ курганѣ съ дружиной, ожидая враговъ. Наконецъ третья, преимущественно жители с. Лодманской Каменки, передаютъ тотъ же разказъ, но прибавляютъ, что братья-цари вскорѣ послѣ похищенія матери, по заговору какого то колдуна, вмѣстѣ умерли и были похоронены въ насыпанныхъ ими курганахъ съ массой богатствъ. Вообще мнѣніе, что въ «Близюкахъ» зарыта масса сокровищъ, сильно распространено въ окрестныхъ жителяхъ и, несмотря ни на какія увѣщанія, они глубоко убѣждены въ этомъ и, какъ будто, въ поддержаніе своего убѣжденія, разказываютъ пѣлые разказы о явленіи различнымъ лицамъ около «Близюковъ» какихъ то рыцарей, стари-

ковъ и пр. Передавать всѣ слышанные нами объ этомъ рассказы нѣтъ возможности (подробно объ этомъ мы постараемся сообщить впоследствии), такъ много слышали мы ихъ отъ крестьянъ, между которыми встрѣчались люди, увѣрявшіе, что они сами видѣли ночью пещеру или старика, и между рассказчиками очевидцами попадались люди не старые. Передадимъ здѣсь одинъ изъ слышанныхъ нами, какъ образецъ всѣхъ подобныхъ рассказовъ. Одинъ изъ крестьянъ возвращался изъ деревни Сурскихъ Хуторовъ домой въ с. Лоцманскую Каменку поздно вечеромъ; поровнявшись съ могилами, онъ услышалъ, что его зоветъ кто то по имени; оглянувшись, онъ увидѣлъ около одной изъ могилъ свѣтъ; во внутренность могилы, какъ будто въ погребъ, были отворены двери, около которыхъ стоялъ мужчина, одѣтый въ зеленое козацкое платье, съ шапкой на боку и съ большимъ пистолетомъ за кушакомъ; стоявшій обратился къ крестьянину со словами: «человѣкъ добрый, иди ко мнѣ, бери сколько хочешь золота и серебра, только запиши меня въ свою граматку». Но крестьянину, сидящему на возу, не видно было золота, поэтому онъ приподнялся и дѣйствительно увидалъ въ погребѣ много сундуковъ, наполненныхъ золотомъ, испугался идти въ могилу, чтобы его тамъ не заперли, а отвѣтилъ: «если бы ты явился мнѣ днемъ, я пошелъ бы къ тебѣ и записалъ бы тебя въ граматку, а ночью не хочу, потому что если бы ты былъ добрымъ человѣкомъ, то не сталъ бы являться по ночамъ». Тогда стоящій у могилы спросилъ: «развѣ я злой»? Крестьянинъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «да злой», ударилъ воловъ и поѣхалъ домой. Долго боялся крестьянинъ оглянуться, но его какъ будто тянуло посмотрѣть назадъ; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и оглянулся, но ничего уже не было. Не успѣлъ онъ проѣхать нѣсколько шаговъ, какъ возъ встряхнуло и одинъ изъ воловъ упалъ и околѣлъ. Всталъ съ воза бѣднякъ, заплакалъ и началъ возиться съ телѣгой, чтобы ѣхать дальше на одномъ волѣ; среди работы онъ произнесъ громко: «Господи, за что ты такъ меня наказалъ»; вдругъ слышитъ, что ему кто то сзади отвѣтилъ «это я тебя наказалъ за то, что ты меня назвалъ злымъ—этого мало; черезъ годъ еще хуже будетъ». Говорятъ, что такъ и случилось.

Какъ ни смѣшенъ и невѣроятенъ рассказъ, но въ справедливость его твердо вѣрятъ. Одинъ изъ крестьянъ с. Лоцманской Каменки передавалъ мнѣ, что года три тому назадъ ему пришлось поздно ѣхать около Близиюковъ; вдругъ откуда не возьмись выскочилъ какой то человѣкъ, весь въ красномъ, подбѣжалъ къ нему и перевернулъ воловъ такъ, что рога одного изъ воловъ совершенно вошли въ землю.

На ряду съ этими легендами приходилось намъ слышать и другаго рода рассказы о происхожденіи этихъ могилъ, въ рассказахъ этихъ уже скользятъ доля правдоподобія. Рассказываютъ, что эти могилы поставлены во времена

Богдана Хмельницкаго. Возвращаясь съ войнъ съ поляками, онъ закапывалъ въ поляхъ всю забранную добычу: золото, оружіе и пр., и что здѣсь онъ зарывалъ свою добычу, вмѣстѣ съ какими то знатными козаками, убитыми во время битвъ, и чтобы отличить это мѣсто—насыпаны курганы. Но вопросы мои—не разрывалъ ли кто когда либо эти могилы, старожилы отвѣчали, что было, но до конца не дорывали, а вырвыши изъ лѣвой (ѣхавши изъ города) могилы что то, дальше не продолжали рыть, при чемъ присовокупляли, что и нельзя рыть, «грѣшно, время не пришло, а когда прійдетъ, то все богатство само откроется». Приходилось слышать убѣжденіе, что не только въ Близнюкахъ, но и вокругъ ихъ есть много добра. Передавали намъ еще такой рассказъ. Нѣсколько мальчиковъ (теперь уже старики) пасли около могилы воловъ, а къ сѣверо-западу на разстояніи около полверсты отъ нихъ, нашли въ землѣ большое кольцо, въ діаметрѣ около четверти, которое поднять не могли. Одинъ изъ мальчиковъ, заложивъ въ кольцо толстую пастушескую палку, началъ крутить его; послѣ большихъ усилій ему удалось вытащить кольцо, къ нему былъ прикрѣпленъ винтъ, ясно показывающій, что оно было прикрѣплено къ какому то предмету въ землѣ. Кольцо съ винтомъ мальчикъ привнесъ домой; и на другой день все семейство мальчика пошло къ Близнюкамъ съ цѣлью разрыть это мѣсто, такъ какъ были увѣрены, что здѣсь долженъ находиться кладъ, но не могли отыскать мѣста, гдѣ было вынута кольцо, такъ какъ мальчикъ нехорошо замѣтилъ его. Приходилось слышать отъ стариковъ, что около балки, идущей отъ с. Лопманской Каменки къ Близнюкамъ, и на степи около нихъ, прежде довольно часто отыскивали клады.

Недавно рассказывали мнѣ, что одинъ изъ рабочихъ, бывши въ Каменкѣ лѣтомъ на плотяхъ изъ полтавской губ., говорилъ лоцманамъ, что у Близнюковъ и на всей каменской степи зарыто много добра и что у отца его есть доставшаяся ему отъ его дѣда книга, гдѣ про все это написано. Рассказчикъ, говоря, ходилъ во время пребыванія въ Каменкѣ нѣсколько разъ къ Близнюкамъ; фамилію этого рабочаго узнать мы не могли.

Какъ бы ни неправдоподобны были большинство изъ слышанныхъ нами рассказовъ, но очевидно, что эти могилы многихъ смущаютъ и сильно развиваютъ въ народѣ суевѣріе, и нельзя не удивляться, почему археологическія общества и многія изъ мѣстныхъ и часто посѣщающихъ насъ столичныхъ археологовъ не обратятъ вниманія на эти могилы и вообще окрестности нашего города. Можно предполагать, что ихъ труды не пропали бы безплодно, наука и исторія края получила бы отъ нихъ не мало пользы,—а если бы даже раскопки и не дали блестящихъ результатовъ, то уже достаточно было бы того, что все суевѣріе народа, связанное съ Близнюками, исчезло; исчезли бы съ ними и вся-

кіе разказы о видѣніяхъ, погребяхъ, пѣтухахъ, бѣгающихъ ночью по могиламъ, сивенькихъ огонькахъ, горящихъ тамъ ночью, и т. д.

Крымъ №№ 117—124 и 1—6. № 118. *Жатва въ зимнее время.*
Нравы дѣпровскаго уѣзда Д. Прасолова.

123. Библиографическая замѣтка о книгѣ госпожи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

124. *Хлѣбная торговля въ таврической губ.*

Библиографич. замѣтка о № 5 «Извѣстій таврич. ученой архивной комисіи» (въ память 900-лѣтія крещенія Руси).

1—3. *Хлѣбная торговля въ таврич. губ.*

— № 5 *Извѣстій таврич. ученой архивной комисіи. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси.* Замѣтка.

Торговля тамакскаго порта въ 1888 г.

2. Корреспонденція изъ Екатеринослава о празднованіи 50-лѣтія мѣстнаго клуба.

3. Недавно вышелъ изъ печати отчетъ о гидрогеологическихъ изысканіяхъ въ различныхъ пунктахъ тавр. губ. проф. Головкинскаго; къ сожалѣнію, онъ напечатанъ не для продажи, а какъ отчетъ автора передъ губ. земствомъ.

4. Годовой отчетъ таврическаго medico-фармацевтическаго общества за 1887—88 г.

Корреспонденція изъ Алешекъ, таврич. губ. Сообщается, между прочимъ, объ одномъ интересномъ «нововведеніи» въ крестьянской жизни: «дѣвушка, избравшая себѣ жениха, заключаетъ съ послѣднимъ условіе, которымъ онъ обязывается исправиться, т. е. оставить шалости холостой жизни, а въ особенности употребленіе спиртныхъ напитковъ; для доказательства назначается извѣстное время, въ продолженіе котораго дѣвушка слѣдитъ за поведеніемъ будущаго мужа и, когда послѣдній стойко выполнитъ условіе, назначается день вѣнчанія.

6—7. Таврическая губернская сельско-хозяйственная и промышленная выставка (изъ Зап. Имп. общ. сел. хоз. южной Россіи).

7. Лашковъ. Отвѣтъ Г. Т. по поводу замѣтки его о № 5 Извѣстій таврической ученой архивной комисіи (Крымъ № 124 1888 г., 1 и 3 1889 г.)

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1888. №№ 235—340, 1—10.
№ 235. Отчетъ по устройству фотографической выставки въ помѣщеніи харьков. городского музея съ 1 октября по 15 ноября 1888 г.

235. Къ вопросу о народномъ продовольствіи.

237. Сообщение, что въ засѣданіи антропологическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ между прочимъ было сообщено о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ текущаго года И. А. Зарѣцкимъ въ полтавской губ., въ мѣстностяхъ полтавскаго и зень-

ковскаго у., и въ харьковской губ. близъ с. Лихачевки. При раскопкахъ были найдены разные предметы, — бронзовые браслеты, кольца, бусы, глиняные сосуды и особенно интересный колчанъ, украшенный тонкими золотыми пластинками съ изображеніями грифоновъ и горныхъ барановъ, скиѣскаго тѣпа. Череповъ и костяковъ найдено не было, за исключеніемъ небольшого количества обгорѣлыхъ костей.

— Некрологъ: «14-го декабря скончался бывшій ординарный профессоръ астрономіи харьковскаго университета, Иванъ Ивановичъ Федоренко. Воспитаникъ харьковскаго университета, Ив. Ив. по окончаніи курса со степенью кандидата, поступилъ на службу въ Пулковскую астрономическую обсерваторію на должность сверхштатнаго астронома. Въ концѣ 1853 года И. И. Федоренко былъ назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ астрономіи въ кіевскій университетъ, а въ августѣ 1857 года переведенъ на ту же должность въ харьковскій университетъ, въ которомъ и оставался до выхода своего въ отставку во второй половинѣ 1879 года.

Важнѣйшимъ ученымъ трудомъ покойнаго профессора, доставившимъ ему почетную извѣстность въ ученomъ мѣрѣ, было изданное въ 1855 г. сочиненіе: «Positions moyennes pour 1790 des etoiles circompolaires de Lalande dans les Memoires de 1789 et 1790». Сверхъ того профес. Федоренко написалъ различныя ученые сочиненія и статьи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ преимущественно по вопросамъ звѣздной астрономіи (собственное движеніе звѣздъ, двойныя звѣзды и пр.). Такъ какъ во все время службы Ив. Ив. въ харьковскомъ университетѣ, астрономическая обсерваторія университета имѣла помѣщеніе, неудобное для установки большихъ инструментовъ, то покойному профессору по необходимости пришлось ограничивать свою дѣятельность, какъ астронома-наблюдателя лишь наблюденіями на небольшихъ переносныхъ инструментахъ. Результатомъ этихъ наблюденій было, между прочимъ, точное опредѣленіе широты харьковской обсерваторіи.

Несмотря на невыгодность положенія прежней университетской обсерваторіи и крайнюю затруднительность, по временамъ даже невозможность, производить наблюденія на ней, покойный профессоръ сумѣлъ внушить нѣкоторымъ изъ своихъ слушателей любовь къ астрономическимъ наблюденіямъ и сдѣлать изъ нихъ столь искусныхъ астрономовъ, что они, поступая на другія, лучше обставленныя обсерваторіи, съ честью могли занимать тамъ должность астронома-наблюдателя.

Разстроенное здоровье рано заставило И. И. Федоренка прекратить свою ученую дѣятельность. До конца дней своихъ онъ сохранялъ однако интересъ къ избранной имъ наукѣ, слѣдя за ея развитіемъ, насколько позволяли силы,

по тѣмъ сочиненіямъ, которые присылались ему постоянно какъ русскими, такъ и иностранными учеными.

И. И. Федоренко скончался отъ рака желудка на 62 году жизни.

333. Сообщение о выходѣ въ свѣтъ 1 ч. Харьковскаго календаря на 1889 г., вторая часть котораго «Харьковскій Сборникъ» готовится къ печати.

— Такое же сообщеніе о выходѣ въ свѣтъ «Сельскохозяйственнаго календаря черноземной полосы на 1889 г.», издаваемаго трудами и средствами лохвицкаго общества сельскаго хозяйства.

338. Въ театр. хроникѣ—по поводу возобновившейся сценической дѣятельности г. Кропивницкаго и организаціи имъ новой малорусской труппы.

339. Андрей Николаевичъ Стояновъ (по поводу 35-лѣтней дѣятельности почтеннаго профессора юрид. факультета мѣстнаго университета, праздновавшейся 31 дек. 1888 г.).

— Выставка картинъ А. А. Сахарова—Н. Ѳ. Сумцова.

340. Перепечатка изъ «Русск. Курьера» о нѣкоторыхъ святочныхъ обычаяхъ въ Бѣлоруссіи.

„Въ смоленской губерніи есть игра въ лучъ. Молодежь собирается въ избѣ, дѣвушки становятся въ кружокъ и подзываютъ которагонибудь изъ находящихся тутъ же молодцовъ, берутъ у него чтонибудь, послѣ чего онъ уходитъ. Въ это время одна изъ дѣвушекъ (по жребію) прячетъ вещь, принадлежащую парню, затѣмъ всѣ становятся въ кружокъ, зовутъ парня: онъ входитъ съ зажженной лучиной въ рукѣ и говоритъ на распѣвъ, послѣ чего передаетъ лучину дѣвушкѣ, у которой по его подозрѣнію находится взятый предметъ. Если онъ не ошибся, то беретъ вещь и цѣлуетъ дѣвушку, въ противномъ же случаѣ дѣвушка бьетъ его и выгоняетъ изъ круга. Парень снова уходитъ изъ избы, а дѣвушка, становясь въ кружокъ, опять призываютъ его и т. д., что продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не угадаетъ, какая изъ нихъ спрятала его вещь. Тогда выступаетъ на его мѣсто другой и т. д.

Въ моголевской губерніи играютъ въ «Ящеръ». Молодые дѣвушки садятся на полъ въ кружокъ, въ срединѣ котораго помѣщается молодой парень. Онъ отбираетъ всѣ платки у нихъ и не отдаетъ ихъ, и вотъ идетъ обратное выпрашивание ихъ пѣснями. Играютъ еще въ «Чорта» и «Шило».

Для первой игры избираютъ одного изъ хлопцевъ, повыше ростомъ, даютъ ему въ ротъ палку, выгнутую на подобіе трубки, комкаютъ его шляпу—однимъ словомъ, дѣлаютъ изъ него смѣшную каррикатуру. Эта фигура носитъ названіе черта, и хлопцы подходятъ къ нему съ объясненіями. Кто засмѣется въ концѣ или среди этого разговора, того чортъ ставитъ по лѣвой сторонѣ отъ себя, кто не засмѣется, тотъ становится направо. Собравшуюся такимъ образомъ около черта молодежь онъ отдѣляетъ чертою: стоящихъ направо назы-

вають праведними, а налѣво—грѣшниками. Далѣ чортъ даетъ имъ въ руки длинную палку концами, за которые каждая группа должна одна другую тянуть черезъ черту. Кто кого перетянетъ, тотъ выигралъ—и подвергается побѣжденныхъ различнымъ штрафамъ, пли заставляеть возить кого либо на спилѣ по извѣстному пространству и т. п.

Игра въ «Шило» состоитъ въ томъ, что садятся на землю въ кружокъ, а ноги закрываютъ свитами, такъ чтобы можно было скрытно передавать шило. Скручиваютъ полотенце, платокъ, поясъ и т. п. коротко, что и получаетъ названіе шила. Одинъ садится на полъ въ кругъ, и каждый изъ играющихъ старается ударить его шиломъ, которое передается подъ накрытыми ногами. Сидящій же въ кругу старается поймать шило. У кого онъ его схватитъ, тотъ садится на его мѣсто. Затѣмъ игра начинается снова.

1. Въ передовой статьѣ, посвященной обзору прошлогодней жизни въ Харьковѣ, обозрѣватель между прочимъ отмѣтилъ:

Возникло нѣсколько новыхъ учреждений: происходило освященіе бактериологической станціи харьковскаго медицинскаго общества, открыта въ Харьковѣ больница к.-х.-азовской дороги, положено начало существованію харьковскаго общества пчеловодства и купянскаго общества сельскаго хозяйства. Въ Сумахъ открыто духовное училище, въ Харьковѣ почти окончена постройка зданія женскаго ремесленнаго училища. Съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено мѣстнымъ обществомъ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о возобновленіи при гимназіяхъ приготовительныхъ классовъ, гдѣ въ этомъ настоятъ нужда. Измѣненъ уставъ харьковскаго земледѣльческаго училища, съ расширеніемъ на полгода курса обученія до 5½ лѣтъ. Образовалось по почину кружка вольнопрактикующихъ врачей столь необходимое въ большомъ городѣ ночное дежурство врачей. Расширена дѣятельность харьковскаго земельного банка, включеніемъ въ кругъ его операцій города Севастополя. Возникъ проектъ учрежденія харьковскаго коммерческаго училища, для чего купечествомъ и другими лицами сдѣланы денежные пожертвованія, а также проектъ самостоятельной школы рисованія при харьковскомъ художественно-промышленномъ музеѣ. Въ этомъ музеѣ устроена была фотографическая выставка, XVI передвижная художественная выставка, а подъ конецъ года выставка картинъ художника Сахарова. Приведенъ въ лучшій порядокъ и открытъ по воскресеньямъ для публики музей изящныхъ искусствъ при харьковскомъ университетѣ.

— Музыкальное и театральное обозрѣвіе 1888 г. въ Харьковѣ.

— Въ хроникѣ рѣчь проф. Владимірова, сказанная на 35-лѣт. юбилей проф. Стоянова. 31 дек. 1888 г.

3. Празднованіе 31 дек. 1888 г. юбилея проф. Стоянова и рѣчи, сказанныя по случаю сего.

— Состояніе и дѣятельность общества испытателей природы при Импер. харьк. университетѣ въ 1888 г.

8. Сообщение объ открытой въ Харьковѣ Клеменовской город. богадѣльнѣ. Извѣстіе о передачѣ кн. Д. Ѳ. Голицынымъ въ архивъ историко-филологич. общества при харьков. у—тѣ цѣннаго собранія бумагъ и частной переписки его предковъ, состоявшихъ въ родствѣ съ Щербяниными, кн. Крапоткиными и Донцами—Захаржевскими. Бумаги эти разсматриваются проф. Д. И. Багалъемъ.

10. Библиогр. отчетъ о вышедшей въ Харьковѣ книгѣ «Законы о евреяхъ». Изданіе кн. маг. Вирюковыхъ.

Южный Край 1888. № 2738—2751. 1889. № 2752—№ 2738, 2741. Странствующій учитель (деревен. былъ)—М. С—кій. Разсказъ изъ народнаго быта юга Россіи.

2739. Некрологъ Ивана Христіановичъ Дрейсха—актера, прослужившаго на сценѣ театровъ юга Россіи 75 лѣтъ.

— Некрологъ б. проф. харьк. университета И. И. Федоренка.

2740. Харьковскіе сценическіе дѣятели прошлаго времени. Н. Х. Рыбаковъ. (Оконч.) Н. С.

2744. Забѣтка о томъ, что слѣдующими новинками въ спектакляхъ играющей теперь въ Москвѣ малорусской труппы М. П. Старидкаго будутъ: «Свадьба Терпелыхъ», служащая продолженіемъ пьесы «Наталка Полтавка», драма гг. Касиненка и Мянсфельда «Не судылось» и комедія тѣхъ же авторовъ подъ названіемъ «Не кажы гопъ, погы не выскочышь» и, наконецъ, народная пьеса, написанная артистомъ этой труппы Л. Я. Манькомъ «Краще свое латане, ніжъ чуже хапане».

2745. Библиогр. извѣстіе о вышедшей на дняхъ книгѣ А. В. Гурова «Геологическое описаніе полтавской губерніи».

2747. Рождество Христово въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа.

2748. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ (изъ воспоминаній помощника военнаго прокурора). Эпизодъ изъ жизни его въ Харьковѣ.

2749. Харьковскіе сценическіе дѣятели прошлаго времени. К. Т. Соленикъ. Карлъ Трофимовичъ по происхожденію малороссъ-дворянинъ родился въ могилевской губерніи въ 1811 г. Въ 1829 г. онъ поступилъ въ виленскій университетъ студентомъ, котораго однакожь вслѣдствіе его закрытія не окончилъ, а поступилъ въ труппу Штейна, игравшую тогда въ Курскѣ, сначала суфлеромъ, а съ 1832 г. въ Курскѣ же актеромъ на отвѣтственныхъ роляхъ въ труппѣ Млотковскаго. Со второй половины 1830-хъ годовъ онъ началъ пользоваться громкою пзвѣстностью на всемъ югѣ Россіи. Гоголь отъ игры его

приходивъ въ восторгъ, видя въ немъ рѣшительный комическій талантъ, и старался уговорить его поступить на сцену Импер. театровъ въ Сиб.; это же ему предлагали высокопоставленные лица изъ свиты Императора Николая I, видѣвшія игру его въ Вознесенскѣ на мацеврахъ 1837 г.

Долго ли и когда именно игралъ Соленикъ въ Харьковѣ въ тридцатыхъ годахъ—не знаемъ. 1840-й годъ и часть 1841 года онъ провелъ въ Харьковѣ. Женившись на актрисѣ Протасовой весной 1841 года, онъ уѣхалъ съ нею въ Курскъ. За послѣдній годъ своей «службы» въ Харьковѣ Соленикъ получалъ 2,400 р. асс. и 3 бенефиса въ годъ,—окладъ, котораго не имѣлъ никто изъ всей труппы кромѣ него, значить, онъ считался ея украшеніемъ. На харьковскую сцену Соленикъ вернулся осенью 1843 г. и оставался на ней и въ 1844 году. Игралъ ли Соленикъ въ Харьковѣ въ 1845 и 1846 гг., не имѣемъ свѣдѣній, но надо думать, что игралъ. Кстати, въ отвѣтахъ редакціи «Репертуара» за 1846 годъ, мы нашли слѣдующую замѣтку, адресованную въ Харьковъ на имя какого то Г. С. С. (на эту замѣтку мы уже указывали въ нашихъ статьяхъ о Рыбаковѣ). «Мы бы съ удовольствіемъ приложили къ своему изданію портреты Соленика, Рыбакова и Млотковской, если бы могли имѣть ихъ схожіе портреты». Въ 1847, 1848 и 1849 годахъ Соленикъ, несомнѣнно, опять состоялъ въ харьковской труппѣ. То же, вѣроятно, было и въ 1850 г. Въ 1851 году онъ не надолго ѣздилъ въ Одессу, все же остальное время, вплоть до самой смерти, послѣдовавшей въ октябрѣ, Соленикъ принадлежалъ опять таки къ харьковскій труппѣ. Онъ умеръ отъ чахотки на 40 году отъ рожденія. Его жена въ то время была въ Тулѣ.

Въ Харьковѣ,—какъ и вездѣ, впрочемъ,—Соленикъ былъ любимцемъ публики. Его называли здѣсь «харьковскимъ Мартиновымъ», «харьковскимъ Щепкинскимъ» и гордились имъ. «Соленика любили всѣ, отъ райка до кресель. Какъ бы ни была скучна пьеса, но если въ ней участвовалъ Соленикъ—она проходила весело. Какъ бы ни была мала и пошла роль, она дѣлалась у него замѣчательной. Бывало въ залѣ театра тихо и сонно, зрители дремлютъ, но вотъ за кулисами раздастся бойкій говоръ Соленика,—и всѣ поднимаютъ головы, улыбка удовольствія озаряетъ всѣ лица и руки всѣхъ гостоятся аплодировать. При столкновеніяхъ на сценѣ со столичными знаменитостями, при чемъ другіе, очень недурные, харьковскіе актеры какъ то уходили въ тѣнь,—Соленикъ всегда стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ». Харьковскіе театралы высоко цѣнили Соленика, они знали, что «онъ могъ бы служить украшеніемъ и столичной сцены», что «самъ Щепкинъ съ уваженіемъ отзывался о Соленикѣ», что «Соленикъ—талантъ первоклассный». Каждое появленіе Соленика на сценѣ харьковская публика встрѣчала, какъ видно изъ одной театральной замѣтки 1848 года, громкими и единодушными аплодисментами. Въ 1851 году, «когда Соленикъ вышелъ

впервые на сцену (по возвращеніи изъ Одессы, должно быть), рукоплесканія долго не давали ему говорить».

Похороны Соленика, благодаря его популярности, отличались торжественностью, не привычною для Харькова при погребеніи актеровъ и актрисъ. «Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ подъ чернымъ балдахиномъ. Многие плакали, за гробомъ шли пѣвчіе и играла погребальная музыка. На гробовой крышкѣ малиноваго цвѣта лежалъ зеленый вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта—украшеніе гроба дотолѣ въ Харьковѣ еще невиданное».

«Когда будете гулять по городскому кладбищу, писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный В. К. Пашковъ, зайдите на могилу Соленика и прочтите трогательную надпись на его крестѣ». Эта надпись была сдѣлана однимъ изъ почитателей артиста, замѣтившаго, что надъ его могилой нѣтъ креста.

...Но провинціальная публика особенно такихъ, съ часто мѣняющимся населеніемъ, городовъ, какъ Харьковъ, не долго помнить тѣхъ, кому она обязана была минутами высокаго наслажденія. «Давно ли, кажется, писалъ восемь лѣтъ тому назаль покойный К. Щелковъ, у могилы К. Т. Соленика, на городскомъ кладбищѣ, были прекрасные стихи, а теперь они исчезли, ихъ и слѣда нѣтъ, самый крестъ подгнилъ и наклонился, могилка едва замѣтна, пройдетъ еще годъ—два и сравняется она съ землею, такъ что, пожалуй, и не найдешь».

Отмѣтивъ нѣсколько современныхъ отзывовъ объ игрѣ Соленика, авторъ его некролога г. Ч. заканчиваетъ его слѣдующ. словами: «Конечно, какъ мы уже не разъ говорили, игра Соленика, говоря вообще, была далека отъ совершенства, но у него были роли, въ которыхъ онъ буквально не имѣлъ соперниковъ, которыя онъ исполнялъ по истинѣ неподобно, влагая въ нихъ все свое дарованіе, всю свою наблюдательность, весь свой умъ. Къ числу такихъ ролей, въ которыхъ талантъ Соленика проявлялся во всемъ блескѣ, относились комическія роли малороссійскаго репертуара.

«Кто не знаетъ, какъ неимоვნю хорошъ Соленикъ въ роли Чупруна («Москаль Чаривныкъ» Котляревскаго) и какъ мило и забавно поетъ онъ пѣсню: «Ой, чукъ, Тетяна»,—читаемъ въ одной театральной замѣткѣ первой половины сороковыхъ годовъ, въ которой сообщается, что Соленикъ и его жена пѣли въ антрактѣ куплеты:

Ой, хто иде?

Кумъ до кумы.

«Въ роли Чупруна Соленикъ былъ неподражаемъ»—сказано въ одной изъ театральныхъ рецензій 1851 года. Въ роли дурня Стецька въ «Сватанни на Гончаривци» Соленикъ въ 1848 г. «былъ забавенъ до нельзя». Въ этихъ двухъ роляхъ, а также въ роляхъ Шельменка («Шельменко Деньшыкъ»), Мако-

говенка («Наталка Полтавка») и Чупруна Соленикъ былъ художественно хорошъ. Это общій отзывъ всѣхъ видѣвшихъ его въ этихъ роляхъ: «Въ роли Чупруна, говорятъ Барымовъ, Соленикъ былъ лучше Щепкина», а между тѣмъ эта роль была впервые создана Щепкинымъ и всегда считалась одною изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. «Вполнѣ владѣя малороссійскимъ языкомъ, какъ и Щепкинъ, Соленикъ придавалъ этой роли не тотъ характеръ, съ какииъ она являлась у московскаго артиста. У послѣдняго—Чупрунъ простофиля, всему вѣрившій, у перваго онъ простакъ по наружности, все смекающій очень хорошо». По словамъ Мизка, Соленикъ рѣзко отличался отъ другихъ актеровъ тѣмъ, что личность украинца въ его игрѣ выходила не наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающаго свой умъ подъ маскою простоты. Въ этомъ отношеніи онъ точно былъ первый украинскій актеръ. Что Соленикъ дѣйствительно былъ «первый украинскій актеръ», что доказываетъ и отзывъ такого ужъ безспорнаго компетентнаго судьи, какъ Шевченко. Въ его «Дневникѣ», между прочимъ, упоминается о томъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ «геніальнаго» Соленика въ роли Чупруна въ Полтавѣ, въ 1845 году, на Ильинской ярмаркѣ. «Онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина». Въ недавно напечатанныхъ воспоминаніяхъ г. А. Щ. о Щепкинѣ, между прочимъ, сказано, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ «никто не могъ сравниться съ нимъ» въ «Наталкѣ Полтавкѣ» и «Москалѣ Чаривникѣ», «исключая развѣ извѣстнаго тогда въ Харьковѣ актера Соленика, который приводилъ въ восхищеніе самого Щепкина». Если Соленикъ «приводилъ въ восхищеніе» въ малороссійскихъ піесахъ Шевченка и Щепкина, значить, что Соленикъ могъ бы многое и многое сдѣлать для русскаго сценическаго искусства, еслибъ его жизнь иначе сложилась, — еслибъ онъ могъ и хотѣлъ всецѣло посвятить себя искусству»...

2759. Изъ воспоминаній о харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ. — С — т. Автору замѣтки «вспомнилось» на этотъ разъ три случая грандіозной порки, устроенной Кокошкинымъ харьковскимъ обывателямъ. Въ первый разъ, въ 1851 году, наказаны были на площади всѣ харьковскіе извозчики, одинъ изъ которыхъ, подавая стремительно экипажъ, проломилъ два ребра какой то полковницѣ. Такъ какъ виновникъ скрылся и остался неизвѣстнымъ, то всѣ собратья его по ремеслу подверглись наказанію въ 250 ударовъ каждому. Наказанію въ 500 ударовъ подвергнутъ былъ тѣмъ же администраторомъ фельдшеръ Сабуровской больницы, отказавшійся своевременно подать помощь вытасченному изъ колодца человѣку. Этотъ субъектъ, раздѣлялъ кару вмѣстѣ съ ординаторомъ той же больницы, удаленнымъ отъ должности и посаженнымъ на мѣсяцъ на гауптвахту. Самому энергическому воздѣйствію подвергнутъ былъ за самоуправство полицейскій унтеръ-офицеръ, полу-

чившій 600 ударовъ. Наказаніе выполнено было въ точности, несмотря на то, что виновный оказался георгиевскимъ кавалеромъ.—Таковы были рѣшительныя, хотя и одностороннія мѣры харьковскаго администратора 50-хъ годовъ, котораго харьковскимъ старожиламъ, не говоря ужъ о потерпѣвшихъ, по истинѣ есть чѣмъ вспомнить.

2762. Воспоминанія о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. Эти заимствованныя изъ «Новаго Времени», воспоминанія принадлежатъ перу одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа А. А. Скальковскаго и касаются времени пребыванія М. Т. въ Харьковѣ. Здѣсь приведены обстоятельства пріѣзда графа въ Харьковъ и первыя столкновенія его съ мѣстными властями, черты распорядительности и ума графа и сдѣланъ краткій очеркъ десятилѣтняго пребыванія гр. Лорисъ-Меликова въ Харьковѣ, которое онъ самъ считалъ лучшимъ временемъ своей административной дѣятельности.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости 1889. № 1. № 1. Общественное служеніе церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.—Д. Т.

1. О. И. Піуновскій—профессоръ семинаріи (некрологъ).

Донъ №№ 102—146 и I—4. № 139, 141, 146. *Литературное обозрѣніе.*

1, 2, 4. Старый 1888 годъ (бѣглое годовое обозрѣніе).

Донская Рѣчь №№ 122—128 и I—6. № 128. Запѣтка о проектѣ безопаснаго плаванія по днѣпровскимъ порогамъ.

2. Ф. Р. Браславскій, б. редакторъ «Таганрогскаго Вѣстника» (некрол.).

Одесскій Вѣстникъ №№ 1—14. 1. *Торговля Одессы въ 1888 г.* статья составлена по брошюрѣ Рафаловича и К^о «Aperçu commercial du marché d'Odessa».

2. *Въ защиту одесской городской публичной бібліотеки. Я.*—Статья написана по поводу напечатанной въ газетѣ «Одесскія Новости» за 1888 г. статьи «Одесская публичная бібліотека».

3. *Перекопъ* (Очеркъ историческаго и современнаго состоянія). Ал. Завадовскаго.

Библіографія. Краткій отзывъ о книгѣ: «Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія», И. Я. Акинфіева. Изданіе екатеринославской городской думы 1889.

Библіографія. Бр. Отзывъ о книгѣ П. Феерчака: «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ». Одесса 1888.

5. *Какъ встрѣчали запорожскіе козаки новый годъ.* Заимствована изъ статьи *Эварницкаго*, помѣщенной въ новогоднемъ приложеніи къ газетѣ «Новости».

9. *Библіографія. Бр.* Отзывъ о первой книгѣ «Кіевской Старинны» за 1889. .

10. *Протоіерей Георгій Ивановичъ Попруженко* (некрологъ). Уроженецъ херсонской губ. и воспитанникъ кievской духовной академіи, Попруженко въ теченіе болѣе 30 лѣтъ былъ преподавателемъ одесской духовной семинаріи и одесскимъ протоіереемъ. Въ то же время онъ состоялъ членомъ одесскаго общества исторіи и древностей и одесскаго статистическаго комитета. Въ духовной литературѣ Попруженко извѣстенъ, какъ авторъ многихъ проповѣдей, напечатанныхъ въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ»; ему же принадлежитъ краткій учебникъ закона Божія, выдержавшій около 10 изданій и переведенный на новогреческій языкъ.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4293—4305. 4294. *Библиографія.* Замѣтка о книгѣ П. Феерчака «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ».

4296. Некрологъ архимандрита Владиміра (Терлецкаго), д-ра богословія и медицины, бывшаго духовника одесской дух. семинаріи.

4298. Корреспонденція изъ Керчи о празднованіи 25-лѣтія здѣшней мужской гимназіи.

4299. *Письма съ Кавказа* III. Тквибульскія (г. Новосельскаго) каменноугольныя копи.

О вырождающихся типахъ семитовъ. Изложеніе сообщенія д-ра Пантюхова въ антропологич. общ. въ Спб. Наиболѣе чистый типъ представляютъ черно-волосые и рыжіе съ черными глазами; они отличаются плохимъ здоровьемъ; въ Одессѣ такіе евреи составляютъ не болѣе 32%. Остальвые, подъ вліяніемъ примѣся арійской крови, утратили чистый типъ; цвѣтъ ихъ волосъ и глазъ свѣтлѣе и тѣлосложеніе ихъ крѣиче.

Одесскій Листокъ №№ 1—15. 3. *Торговля Одессы въ 1888.* Переводная статья.

7. *Полезны ли въ нашемъ краѣ (Новороссійскомъ) поселившіеся нѣмцы.* *Василія Милашевскаго.*

14. *Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Одессѣ 1888 г.*

2, 4, 5 и 13. Статьи о спектакляхъ малорусской труппы г. Садовскаго въ Одессѣ

Южанинъ №№ 1—12. 3. Анекдотъ о гр. А. Е. Канкринѣ, помѣщикѣ александровскаго у. екатеринослав. губ., упорно не желавшемъ продавать свои степи нѣмцамъ, Перепечат. изъ «Нов. Времени».

5. Контръ-адмиралъ Дмитрій Ивановичъ Чайковскій, уроженецъ херсонской губерніи (некрологъ).

— Извлеченіе изъ годов. отчетовъ николаевскаго реал. уч. за 1887/8 г. и николаевской женской прогимназіи за 1887—88 годъ.

Орловскій Вѣстникъ №№ 123—168, 1—7. 162, 168, Замѣтки о предстоящихъ въ 1889 г. столѣтнихъ юбилеяхъ уѣздныхъ училищъ въ Брянскѣ, Трубчевскѣ, Карачевѣ, Сѣвскѣ и Болховѣ.

Минскій Листскъ 1889 г. №№ 1—3. 1, 3. Историко-юридическій очеркъ городскихъ обществъ въ Западной Руси.—К—чъ.

2. 1888 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи.

Кубанскія Областныя Вѣдомости 1888. № 49—52. № 39—40. 49, 50. Путевыя замѣтки (продолженіе и оконч.) учителя К. Живило.

50, 52. Обзоръ Кубанской области за 1887. (продолж.).

51. Георгій Яковлевичъ Есауловъ (некрологъ)—изъ дворянъ куб. воев. войска, воспитанникъ московскаго университета, первый редакторъ (1862—1864) Кубанскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей и съ 1864 по день смерти (3 дек. 1888) много потрудившійся по дѣлу образованія своего роднаго края.

Сибирскій Вѣстникъ 1888.—80—85. 82. Фельетонъ: «Русская жизнь». Есть отношеніе и къ югу Россіи.

84. Передовая статья о приобрѣтеніи бібліотекаремъ сибирскаго университета С. К. Кузнецовымъ значительной коллекціи свитковъ и дѣлъ, много лѣтъ собиравшейся однимъ изъ томскихъ старожиловъ. Въ числѣ множества интересныхъ документовъ есть относящіеся и къ исторіи Малороссіи, какъ напр. грамота томскому воеводѣ о переводѣ изъ селенгинскаго острога въ Томскъ ссыльнаго гетмана Многогрѣшнаго съ семьей.

85. Передовая статья по переселенческому вопросу.

Червоная Русь 1888. 132—151. 132, 143—146, 148—151 *Археологическо бібліографическая выставка ставропольскаго института.*

133. *Бібліографія.* Замѣтки о «Каталогѣ выставки ставропольскаго института» и о IX—X вып. «Русской бібліотеки».

136. *Памятникъ юбилея крещенія Руси.*

136, 139, 142, 147, 148, *Роздѣль Галичины* (окончаніе).

136. *Бібліографія.* Замѣтка о № 10 «Науки».

138. *Отголоски кievскихъ торжествъ.*

Отчеты о засѣданіяхъ «Галицко-Русской Матицы» и централ. выдѣла «Общества Качковскаго».

140. *Грохольскій и его политика.*

143. *Отчетъ о засѣданіи центр. выдѣла «Общества Качковскаго».*

145. *Краткій некрологъ А. И. Линниченка.*

147. *Бібліографія.* Замѣтка о 7-мъ вып. «Галицко-русской бібліографіи XIX ст.» изд. Ив. Эм. Левицкимъ.

148. *Отчетъ о засѣданіи центр. выдѣла «Общества Качковскаго».* *Бібліографія.* Замѣтка о № 11—12 «Русской бібліотеки».

150. *Бібліогр.* Замѣтка о повѣсти г-жи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

151. *Бібліографія*. Замятка о вышедших № «Русской Библиотеки», «Науки», «Новаго Галичанина» и «Добрыхъ Радъ».

1. *Литература и искусство*. Краткая замятка о книгѣ «Уніатскіе церковные соборы».

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Виленскій календарь на 1889 годъ. Вильна 1888 годъ, 8 д., 320 стр. + 1 табл.

Гамченко Сергій—Житомирскій могильникъ.—Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ.—Съ атласомъ. Житомиръ 1888 г.

240-е засѣданіе Императорскаго общества исторіи и древностей. 31 окт. 1888 г. Одесса, 8 д., 3 стр.

Kolberg—Pokusie, tom III. Краковъ. 1888.

Кононенко М. Москаль, змій та царивна, казка въ двохъ частынахъ. Кіевъ. 1888 г., 16 д. 104 стр.

Купчинскій И. Чертовъ портретъ. Украинская легенда. Москва 1888 годъ, 12 д., 36 стр.

Rawita F. Na krasnym dworze. Powieść historyczna z czasów robytu w Kijowie Bolesława Smialogo. Варшава. 1888 г., 8 д., 291 стр.

Prochazka A.—Z przeszłości Brzozowa. Львовъ 1888 г.

Святая Почаевская Лавра. Съ картинкой. Спб. 8 д., 32 стр.

Труды одесской энтомологической комиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи, произведенныя въ бессарабской, екатеринославской, полтавской, таврической и херсонской губ., въ области войска донскаго, въ кубанской и терской областяхъ, въ 1888 году. Отчетъ *П. А. Забаринскаго*. VIII. Болѣзни хлѣбныхъ растений. Одесса. 1888 г., 8 д., 32+2 стр.+6 табл.

Urbański.—Watażka, dramat w trzech aktach na tle dziejowem. Львовъ. 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1889 г.

СТР.

- I. Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Шевченкѣ. Съ примѣчаніями М. К. Чалаго. **Н. Зарянки.** 297—313
- II. Русскія колоніи въ Добруджѣ. II. **Лупулеску.** 314—336
- III. Бѣлая Панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). V—IX. (Окончаніе). **Григорія Мачета.** 337—387
- IV. Воспоминанія **М. К. Чалаго.** III. 388—402
- V. Культурныя переживанія. V—VI. проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** 403—423
- VI. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **Памфила Левицнаго** 424—444
- VII. Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенна** 445—458
- VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. **М. Чалаго.** Изъ путешествія въ сѣверо-западный край I—II. **Н. Петрова.** Бѣлорусскія колядки. **Хр. Ящуржинскаго.** Народные рассказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ. Сообщ. **А. Савичъ.** Рукописный альбомъ Андрея Ищенко 1780—82 гг. **В. П. Науменна.** Къ исторіи зарожденія Кіевского дворянскаго собранія. **В. П. Науменна.** Изъ воспоминаній о П. П. Артемовскомъ-Гулакѣ. **А. Ш. Стефанъ Качала** (некр.). **Н. Х.** 458—512
- IX. Для справокъ. 506—512
- X. Библиографія. П. В. Владиміровъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г. **А. Степовича.** Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, **О. И.**

- Роговой. Изданіе А. Ф. Девріена. Сиб. 1888 г. **О. Л. Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра, Т. I. Слово о Полку Игоря древнеславянская (?) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій и польскій. Львовъ. Ц. 1 гульд. А. Степовича. Igowski. — Ostatnia starościna Zwinogrdzka. Kraków. 1888. В. А. Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guillaume de Rubruquis, envoyé de Saint Louis et Marco Polo, marchand venitien. (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et littéraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la Bibliothèque de l' Arsenal). П. Голубовскаго. Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра, раздѣленное на пять участковъ: 1) отъ Смоленска до Лоева; 2) отъ Лоева до Кіева; 3) отъ Кіева до Екатеринослава; 4) отъ Екатеринослава до Александровска и 5) Отъ Александровска до лимана. Изданы статистическимъ отдѣломъ Минист. Путей Сообщ. С.-Петербургъ. А. Л. Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ (Справочная книга для одеситовъ и пріѣзжихъ). Адресъ-Календаръ съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городского театровъ. Изданіе В. В. Скидана. Одесса, 1889 г. Ц. 60 к. Н. Т. Виленскій Календаръ на 1889 г. (шестой годъ изданія) съ тремя рисунками. Вильна 1888 г. Цѣна 30 к. Н. Т. Обзоръіе журналовъ и газетъ за 1888 и 1889 г. Книги, вышедшія съ 1888 г., касающіяся ю. Россіи 513—560**
- XI. Объявленія 1—16
- Приложенія: 1) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.
2) Южнорусское житіе св. Владимира XVI в. съ пред. проф. П. В. Владимірова.

ЮЖНОРУССКОЕ ЖИТІЕ СВ. ВЛАДИМІРА XVII В.

Въ только что вышедшей *второй* книгѣ „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца“ помѣщено нѣсколько памятниковъ древнерусской литературы, посвященныхъ св. Владиміру. Въ числѣ этихъ памятниковъ находится интересное южнорусское житіе св. Владиміра, напечатанное А. И. Соболевскимъ по рукописи XVII в. московск. публичн. музея (Вольшак. № 23, л. 102 сл.), съ разночтеніями по рукописи XVII в. соловецкой бібліотеки (Казанск. дух. акад. № 402).

О происхожденіи этого житія проф. Соболевскій высказываетъ слѣдующія предположенія: 1) южнорусское житіе написано въ концѣ XVI в., или, скорѣе, въ первой половинѣ XVII в.; 2) авторомъ его былъ одинъ изъ кievскихъ ученыхъ; 3) оно составлено съ цѣлію показать католикамъ, что православная русская церковь имѣетъ своихъ святыхъ.

Южнорусское житіе св. Владиміра не лишено и значенія въ отношеніи къ исторіи древнерусской литературы: оно вошло, почти цѣликомъ, въ печатный кievскій Синописъ (1 изд. 1674 г.) и, повидимому, было извѣстно составителю Густынской лѣтописи 1670 г. (П т. П. С. Р. Л.).

Проф. Соболевскому извѣстны были только два списка южнорусскаго житія св. Владиміра. Пересматривая рукописи, хранящіяся въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго Собора, я нашелъ въ двухъ сборникахъ Житій св. еще новую редакцію южнорусскаго житія св. Владиміра. По своимъ интереснымъ особенностямъ и по отношенію къ напечатанному житію новая редакція заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Я принялъ въ основаніе рукопись № 129, сборникъ житій святыхъ на 6 мѣсяцевъ, отъ марта до конца августа, большая часть сборника писана на бумагѣ и рукою XVII вѣка, въ томъ числѣ и житіе св. Владиміра; дополненія рукою XVIII вѣка сдѣланы въ виду утраченныхъ начальныхъ статей. Затѣмъ я привожу разночтенія по рукописи № 130, имѣющей слѣдующее заглавіе: „Сія книга глемя житія стыхъ Іродіона Касяновича пресви(тера) сто. михаиловскаго“.... Рукопись подобная № 129, XVII в. Всѣ статьи на литературномъ языкѣ юго-западной Россіи XVII в.

П. Владиміровъ.

Юліа 15 дня. Вто(и) же днь о крщенію всего народу руского і успение стго равного Апостола(м) князя владимира мона(р)хи киевского и всеи руси нареченного въ святомъ кр̑щению василиа.

Понева(ж) чотыри повѣсти о крещениу руси вкро(й)ника(х) а лѣтописца(х) естъ, и зна(й)мено и описано, розумѣю бытъ неменшюю потребу ото(м) якъ се много ра(з) русь крестила свѣту вырази(т). ве(д)лугъ кро(й)никаровъ наши(х) словенски(х) первыетки крещениа своего о(т) андреа с̑тго апостола руски(и) народ выводит. бо то(и) стый Апостоль будучи вхерсонѣ для проповѣди евангелской хр(с)товой пустился былъ днепромъ вгору, ажъ до новагороду великого, где нѣшто люде(и) окрестивши моремъ инфлянтскимъ до рыму прижеглеваль онем тежъ свѣтчатъ же коли днепромъ до новагороду дорогу отправоваль, приехавши над гори киевские, оные бл̑гословиль и крестъ с̑тгы(и) на горѣ (подле которой тепер брама киевская¹⁾ стоить от полудня) поставиль. Пророкуючи иж на то(и) горѣ и иныхъ при не(и) мѣло знаменитое и хвалою б̑жею наполненное мѣсто станут. придает стари(и) *) лѣтописца словенскии стый нестеръ; же и павел стый апостоль словенскимъ проповѣдуючи народомъ многим руси до крещениа стго дорогу указоваль. Апонемъ андрониеъ стый. Але тое крещение стое немоглося розшырит для князатъ поганскихъ на тои часъ пануючих в руси. Повторѣ крестилься

*) Въ скобкахъ поставлены буквы, написанныя надъ строками. Далѣ мы внесли ихъ въ строки.

русскіи народ за Михаила цесара грецкаго около року бѣго ѡѣг (863): где фотіи ознаикуеть о руси жеся обѣтила. Атое крщенье такимся отправовало способом, яко свѣдчит стародавнии нашъ лѣтописца словенскіи нестор и иные гисторикове: Княжата словенскіе святополкъ, ростиславъ и косель, посылали до цесара помененого Михаила просячи крщения сѣго: цесар шпераль кого бы мѣл выслать: а до вѣдавшися у одного человекъ вселуню именемъ ѡва же мѣл двоухъ сыновъ учоныхъ, зкоторыхъ одному имя было мѡфодіи а другому кирилъ. онымъ до себе казал приехат, и послалъ ихъ на проповѣданіе евангеліа святаго и крщенье народовъ словенскіихъ. которіе шире втои пращи²⁾ поступуючи, книгъ не мало з грецкаго на словенскіи языкъ преложыли. а втот часъ на столиціи патриаршества³⁾ царгородскаго седѣлъ фотіи стыи. Потрете крщилася русь от грековъ за цесара греческаго⁴⁾ василіа македона, которіи для крщения еи послалъ былъ епископа (каоторога имени кроиники не кладуть) а тои епископъ коли доруси приѣхал, потребовали понемъ русь чудовъ: всякожь онъ еуглие вкинулъ вогонь, которое же намѣби огнемъ не было нарушо, многое теды руси крщило. на тои часъ былъ тоиже фотіи посмерти ігнатіа патриархою царгородскимъ. вчетвертомъ разу крщилася русь от грековъ за олги жоны игора княжати рускаго бабки володимеровы бо тая ездила до царгорода за осмого константина цесара грецкаго⁵⁾, а за патриархи полиекта: и тамъ еи полиектъ патриархъ царгородскіи окрестилъ и бѣгословеною межі невѣстами рускими назвалъ. Наостатокъ крщилася русь от грековъ за володимера святославовича уже зуполне и досконале ведлугъ нашихъ диптиховъ року ѡа (1000). Ато такимъ способомъ володимеръ былъ сынъ стославов, внукъ игора княжати рускаго и олги княжны правнукъ руриковъ, зосталъ паномъ всеи руси по смерти брати своеи, которимъ имя было олегъ и ярополкъ. мѣлъ столицу свою первей в новѣгородѣ потомъ вкиевѣ. такъ великую широкость мѣлъ своего панства, же не толко всею русю востоднею, полуденною и полночною владнулъ, але землю болгарскою, сербскою, карвяцкою, семигородскою, вятчицкою, вятвязкою, дулѣпскою, и тии краинны где тенер волохи, мултiane и татаре бобрунскіе, одною выправою до

послушенства своего привернул, и дан на них возложил. Абудучи володимеръ такъ великим монархоу руси всеи: мѣл от кирила стого (о которомъ вышеи поменило) инструкцию довѣри стои христианской. бо коли до володимера розмаитыи нацыи присылали, абы ихъ вѣру принял, яко то жыдове, махOMETани, волохи, грекове, онъ всѣхъ вѣри собѣ не подобалъ, только грецкая вѣра ему вмьсль впала, за оздобнымъ выводом кирилла философа грецкого, который ему обшырныя артыкулы вѣри стои проповѣдал: наостатокъ указал запону, на которой выгагтованыи⁷⁾ былъ судъ бжии, а привезлъ ей от цесаровъ грецкихъ и патриархи за упоминокъ володимерови. На тую запону володимеръ глядячи пыталъ философа: коториены бы были поправицы судиі, акоторыи полевици; философъ повѣдалъ: же коториіи суть по правици выражени, сутъ христиане з добрыми учынкыи: а полевици будутъ вси, коториены не окрестили. володимеръ до сѣрдца то взявши своего вздохнулъ и реклъ: блгословени тыи коториы на правици станутъ, а бѣда тыи коториыи полевици. философъ зае реклъ: и ты будешь на правици если ся⁸⁾ окрестити. и для того и для болшой вѣдомости вѣрѣ розныхъ, выслалъ пословъ своихъ володимеръ дорозныхъ крайнѣ свѣта коториы бы ся пригледали вѣри и церемониямъ. тыи звѣдавши много землѣ жадной собѣ вѣри и церемонии не подобали одно грецкую, которая имъ такъ ся великии подобала, а надъ то влиторгіи при которой были, повѣдали же учули такъ великую солодку, ижъ якобы възхвыцене порвани болшеи при небесной анижели земной учте розумѣли ся быт. дѣялося то за костантина и василиа цесаровъ грецкихъ и сергия патриархи царгородского. однакъ не будучи досконале еще угрунтованыи в вѣрѣ хрїстианской володимеръ для розширеня панетва своего собравшии новгороджанъ и киянъ пустился до таврики которую теперъ перекопомъ зовутъ. тую опановавши и взявши вней мѣсто херсонъ, пословъ своихъ до цесаровъ грецкихъ двоухъ братиіи василиа и костантина сыновъ іоанна земиски цесара грецкого, зычачи собѣ сестру ихъ анну за малжонку, послалъ. Они отповедили володимерови если зостанешь хрїстианиномъ дамо тобѣ сестру нашу за малжонку. А володимеръ такую далъ отповѣдь⁹⁾: жемъ я собѣ угодобалъ вѣру вану еще

здавна, гдым пословъ моихъ высылалъ на вывѣдоване оной до васъ. Пришлѣте теды епископа а я се окрепщу. Вдѣчную новину услышавши цесарове, почали намовлятъ сестру, абы шла за володимера: которая любо дивне не хотѣла: уважаючи однакъ спасение такъ великого народу російского¹⁰⁾ и покои отчизны своеи, призоудила. Потомъ ехала звеликимъ оршакомъ княжатъ грецкихъ дохерсона, до которого приехавши, коли была припровоажона на палаць замку херсонского¹¹⁾, володимеръ знагла ослѣпъ, и почалъ былъ уже вонгпнть о крщениу, розумѣючи ижъ его богове поганскіе скарали. Але цесаровна послала донего мовечи: окрестися одно а збудешъ слѣпноты: яѣтсе и стало: бо херсонскій епископъ коли на него руку положылъ благословячи ему абы принялъ дха стого, заразъ яѣтбы луска з очью его спала и прозрѣлъ ясно, и далъ хвалу бгови мовечи: тепер есми позналъ правдивого бга. окрестившися теды володимеръ (взялъ имя на стомъ крещеніи василей) повеселю ехалъ з цесаровною докиева взявши отъ патриарха царгородского сергия, першого митрополита михаила. Априехавши докиева з великою радостью люду посполитого. Привезлъ тежъ з собою кости¹²⁾ стого климента и фива ученика его: образы книги и иное начине и Апараты церковные: щениковъ діаконъ, діаконъ и чернцовъ и розмаитыхъ ремесниковъ для будованя церквей гонимымъ юргелтомъ нанятыхъ з греціи з собою докиева привезлъ. володимеръ приехавши докиева, казалъ обалятъ, ламатъ, изъ грунту вывертатъ балваны, терхаса, стриба и мокоша¹³⁾. а волоса балвана (которий былъ мянованныи быдлѣчии и лесныи богъ) казалъ в выходъ посполитыи вкинуть и в нечистостяхъ утопатъ. Перуна тежъ предѣшного бога, казалъ до конского хвоста увязати и волочи по буричовомъ потоку вдѣпръ: и (12) бѣ мужей приставилъ, абы его кнѣми били: а то чынилъ не якъ бы дерево тое чути могло: але абыся на сѣвалъ бѣсови, котрымъ прелщалъ люди. Аколи то такъ чынили, невѣрныи кнѣне всюды вголосъ плакали. А оны приволокли его до берега вкинули вдѣпръ. досказалъ тежъ володимеръ абы оногъ перуна нигде доберега не припуцали ажъ минетъ пороги. итамъ ниже пороговъ выкинулъ его вѣтръ¹⁴⁾ до одной гори великой, которая перунъ гора и теперъ зовется. Потомъ послалъ володимеръ по всемъ

мѣсте киеве волаючи ¹⁵): если кто завтра не найдетъся на речѣ почайнѣ такъ богатыи яко и убогии, неволникъ и волныи, старии и молодыи, то будетъ мнѣ противнымъ. то люди чуючи мовили: если бы то речъ была не потребна, царь бы нашъ и бояре его не крестилися. Назавтреежъ зышоль володимер зовсимъ грецкимъ дховенствомъ надъ рѣку почайню где уже было и стояло люду которому и личбы не было. Теды убравшиися сѣеникове и діаконове вризы свои стояли на лавкахъ на то уготованыхъ на речѣ почайни, а люди громадами лѣзли вреку, одны попоесь, адругие пошию, а сѣеники даючи каждой громадѣ зособна имена: тимофеи, василей, петръ, або самеонъ поливали ихъ водою, и молитвы надними звыклые отправовали, и крестили всехъ мужей и невѣсть въ имя отца и сна и стого дха. Втоиже часъ отъ митрополита первого в россіи именемъ михаила, которого тежъ взялъ з херсони володимеръ вси дванадцатъ сынове володимеровы окрещени особливе, которихъ мѣлъ зколкимисъ жонами. имена ихъ сунтъ вышеславъ, изяславъ, святополкъ, ярославъ, всеволодъ, мстиславъ, святославъ, борисъ, глѣбъ, станиславъ, позвиздъ, судиславъ, и отъ тогую гору и студню надъ днепромъ где ся они крестили ипосесъ днь кiane хрещатикомъ зовутъ. далъ тежъ всехъ преречоныхъ сыновъ своихъ, и при нихъ колко сотъ сѣновъ боярскихъ писма грецкого и азбучного которого теперъ наша русь ужываетъ, и которое еще передъ тымъ далеко з грецкого на языкъ словенскій переложено учти. Преложилъ надъ ними діаки и млоденци цвичоны. Потомъ володимеръ по всехъ панствахъ своихъ казалъ выкликать балваны, розказуючи абы ся вси въ вѣру христіанскую крестили, а денъ певны назначилъ, накотории быся хто не окрестилъ каране яко на непослусныхъ ¹⁶) уставилъ. услышавши тои людъ посполитыи бѣгли вси зрадостью до киева, а другие на иншия мѣстца назначоны, покоторыхъ были грекые священники для крещения. казалъ змуровать церковь въ киевѣ стого спаса з камени великого. Анатомъ мѣстцу где балванъ перунъ былъ передъ тымъ хваленъ, црковъ стого василія ¹⁷), и инныхъ тежъ церквей великии много, звлеще натыхъ мѣстцахъ где передъ тымъ розмаитыи балваны стояли розказалъ набудовать коштомъ великимъ одны з цеглы и каменія, а другие з дерева. А до новагорода великого послалъ Архіе-

пископа Іоакима херсонянина¹⁸⁾. Котории пришедши до новагорода здобринею, болваны вси поламалъ а перуна вкинулъ в волхов рѣку, которая посерд мѣста з илмера озера идетъ. А коли того балвана перуна бито почереву киами бо был дутны, теды внем бѣсъ кричал: о бѣда мнѣ ижъ еси ся досталъ внемилостивые руки а плынул против воды. Потом володимер послалъ знову поремесники догреціи, и змуровалъ церковь коштом великимъ престои богородицы вклевѣ, которую книгами и образами тои мужъ стый¹⁹⁾ оздобивши преложилъ над ними анастасиа херсонина²⁰⁾ сщеника, опатривши еи великими десятинами з медов избожа всякого шпиталеи тежъ велми много для убозства и каликъ набудовалъ и надалъ гоине великим достаткомъ²¹⁾. такъже тежъ вси руские бѣлои и чернои, востодней, полночнои и полуденной лежачои руси народы ввѣре христіанскои ведлугъ обрядовъ и церемоний грецкихъ под звирхностью патриархи константинопольского стали и статечне посес ден трауют. для такъ теды великои справы же досконале за его поводомъ²²⁾ гдѣ бгъ такъ великии народ докрещения стого привел: и для живота тежъ его побожного и сѣобливого будучи в христіанствѣ до календара его церковь стая принела и обходит днь его іюля ѿ (15)²³⁾, днь тои властиве которого господу богу дха отдалъ. похованъ естъ в киевѣ в церкви престои богородици десятиннои в гробѣ мрамуровом.

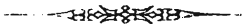
Што если отцове стые о иныхъ сѣтыхъ которыхъ дома не маемъ жоцахъ то ест костяхъ разумѣли, ровнымъ вправдѣ способомъ почестъ належыта естъ тымъ которихъ жоци дома у себе, то естъ в панствѣ своемъ²⁴⁾ маемъ. Затымъ я (авторъ мовить) смѣле рекну оно што амвросии стый рекль: радуися з щастья каждого мѣста люд, если одного толко мчника костями стыми естъ осмотренны амы ото воиска (мчнков) стыхъ и прѣдбныхъ отцовъ и великихъ чудотворцовъ маемъ. Не хаяся радуеть земля наша пѣстунка нбсныхъ жолнѣровъ²⁵⁾, итакъ великая родителка цнотъ плоднаа, тѣшсяжъ и ты презацная земле киевская, же дочого другие сотницами мил кладутъ и шествуютъ. ты то на своемъ лонѣ пѣстунешъ: у тебе стый митрополитове, побожные епископове, блгословенные архимандритове. у тебе мироточивые кости знаидуются ты ес родителка ангелонъ земныхъ: ты естес пѣстункою

воиновъ ²⁶): ты есь поле на котором ²⁷) ся родят лиліи чистости, рожи терпливости, макинфы послушенства: з которых вѣнцы ся уплѣтают княжат росииских не увядающие. радуися и тѣшъ ²⁸). земля римская з петра и павла: ассія з іоанна бгослова египетская з марка, антиохийская з луки, греческая з андроя и константина: а руская и киевская земля преславная з тебе княже владимере яко з господнего Апостола, котории освѣтилъ естъ вси конци и краины земли росииской стымъ крещением. радуися бгословенныи княже владимере ²⁹) дѣлателью и насадителю христіанской вѣри искоренивыи ³⁰) прелестное идолской слѣпоты тернье. радуйся княже стымъ зоравшии рускую землю стымъ крещением и насѣявшии стого и божественного писма книгами, скоторих жнутъ сынове росииские ужиточныи рукояти покаанія, и от которых теж уживаютъ неоскудныи покармъ вцарствіи небесномъ. которого и насъ. хресте бже рачъ доместити: тобѣ бо вѣмъ належитъ хвала и поклонъ з отцем и стымъ дхомъ, нѣтъ и завжды и на вѣки вѣкомъ Аминь.

Разночтенія.

¹) мѣстска, ²) працы, ³) патриарховства, ⁴) грецкого, ⁵) царягородского, ⁶) припудил (на полѣ: привель), ⁷) выгафтованни, ⁸) колися, ⁹) такни дал респонсъ, ¹⁰) на полѣ: мудрост панны, ¹¹) корсунского або херсонского, ¹²) мощи то ест кости, ¹³) сверху строки приписано: «купала, ладо коляда», ¹⁴) днѣвръ (на полѣ: «вѣтръ»), ¹⁵) ключучи, ¹⁶) непослушныхъ, ¹⁷) на имя свое которое ему было дано на стомъ крещенію, ¹⁸) корсунянина, ¹⁹) нѣтъ, ²⁰) херсонянина, ²¹) потомъ володимеръ взявши зсобою два епископи ходилъ всуздалскую землю и тамъ всѣхъ крестилъ и збудовалъ замокъ и мѣсто великое отсвоего имени назвалъ его володимеромъ межи волгою и окою реками надъ клязмою рекою в украине велми гоиннои, итамъ столицу свою перенеслъ з киева але всякого болше вкнече мешкал. итамъ же тежъ того часу в володимери

сгыи володимер церьви и шпиталеи велми много набудовал инадал;
²²⁾ встанцьею тоест поводом, ²³⁾ лица ²⁴⁾ нѣтъ, ²⁵⁾ на полѣ: воинов
²⁶⁾ христовых, ²⁷⁾ сеплодяти ²⁸⁾ рѣдуется и тѣшит ²⁹⁾ принявши вѣ-
нецъ невянучии зручи бога вседержителя радунся святая главо вожо
и научителю наш радунся благословенны княже владимере, ³⁰⁾ кото-
ри выкоренил еси.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

· ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.
МАРТЪ.

Годъ восьмой.

ТОМЪ XXIV.

1889 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

- I. Памяти **Θ. Г. Лебединцева**. **Н. Θ. Сумцова**. (I—VI).
II. ~~На Сырь-Дарь~~ у ротнаго командира (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.** (561—581).
III. Особенности статистическаго изслѣдованія мурской губерніи. **Сф. Кр.** (582—612).
~~IV. Воспоминанія~~ **М. К. Чалаго** (613—644).
V. Сельскія недоразумѣнія. (Переводъ съ польскаго) (Окончаніе.) **VI—V. К. М.** (645—664).
VI. Культурныя переживанія. **VII—XIV. Н. Θ. Сумцова**. (665—684).
VII. Русскія колоніи въ Добруджѣ. Историко-этнографическій очеркъ). (Окончаніе). **III. Лулулеску** (685—704).
VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. **III.—V. Н. Петрова**. Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ униатовъ. **Н. Оглоблина**. Личный составъ и аттестація духовенства александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи по архивнымъ даннымъ 1814 и 1824 годовъ. **Я. П. Новицкаго**. Къ біографіи **Т. Г. Шевченка**. **Н. Д. Н.** Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ“. Сообщилъ **А. Савячъ**. Посылка гетмана Апостола въ Москву за лекарстами. Запоздалая ревность Запо-

рочья къ своему имени. **А. Д. Пѣснь** о свѣтѣ. **Мирона**. Изъ школьнаго міра. (Нѣсколько словъ объ общеніяхъ при сельскихъ училищахъ). **А. С—чъ**. (705—751).

IX. Для справокъ (746—751).

X. Библиографія. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки. Изслѣдованіе **П. П. Сокальскаго А. Степовича**. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1888 г. кн. I (144-я). Издана подъ завѣдываніемъ д. чл. **Н. А. Попова**. **И. Каманина**. Русская Правда, текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленными кандидатомъ правъ **А. Б. Гинцбургемъ П. Голубовскаго**. Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности... Отчетъ составилъ инспекторъ **А. Н. Поповъ**. **Н. Б.** Обзоръ газетъ и журналовъ за 1888—89 г. Указатель книгъ, вышедшихъ съ начала 1888 г., насающіяся ю. Россіи (752—796).

XI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Наказы малор. депутатамъ 1767 г. (Окончаніе).
2) Портретъ **Θ. Г. Лебединцева**.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихкихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи релігіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о новыхъ выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признаваемыя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1889 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 6 руб., на мѣстѣ 5 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Редакторъ-издатель А. С. Лашневичъ.

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицнаго.**—Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**—Ганна Монтвотъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицнаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецнаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенна.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменна.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. **Г. Рудни** въ Сѣверщинѣ. **П. С. Ефименна.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленна.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востонова.**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Наманина.**—Сочиненія **П. П. Артемовскаго-Гулака.** **А. А. Потемни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**—Леонардъ Совинскій. **А. В. С—на.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**—Херсовесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Наманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірснаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**—Памятникъ Б. Хмельницкому. — „Бунтъ“ сквирскаго магистрата. **Н. О.**—Порченна (бытовая повѣсть). **Юліи Левицной-Пашенно.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченна.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго.**—Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенна.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**—Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименно.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецнаго.**—Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**—Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти **И. П. Котляревскаго.** **В. П. Науменна.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенко.**—Фатальная вдова. **П. К. Половинщикъ** (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова **А. А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: **В. Б. Антоновича,** **Д. И. Багалѣя,** **П. В. Голубовскаго,** **В. П. Горленка,** **И. Ж.,** **Г. З.,** **М. За-**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кієвъ, 27-го Феврала 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

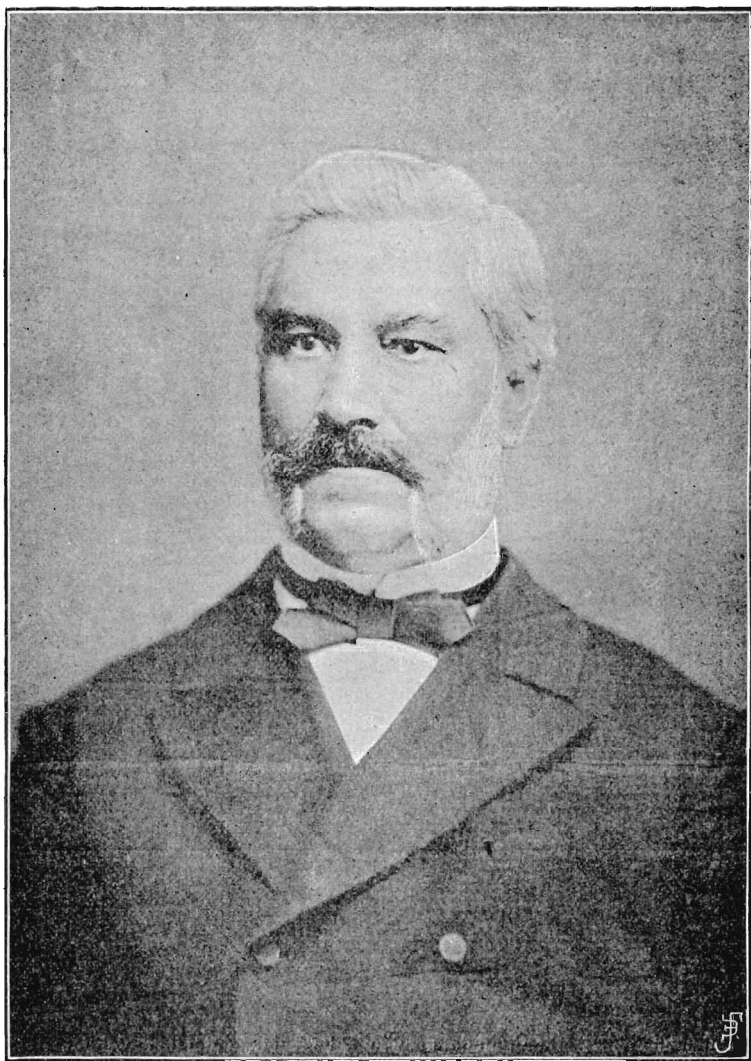
МАРТЪ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Київ, 27-го Февраля 1889 г.

Р. Г. ЛЕВЕДИНЦЕВЪ.

ПАМЯТИ О. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА.

12 марта 1888 г., наканѣ выхода 1-й книжки „Кіевской Старины“, скончался бывшій редакторъ ея О. Г. Лебединцевъ. Теперь редакція „Кіевской Старины“, желая почтить память основателя журнала въ годовщину его кончины, прилагаетъ къ этой книжкѣ его портретъ и краткій очеркъ его редакторской дѣятельности, написанный нашимъ постояннымъ сотрудникомъ профессоромъ Н. О. Сумцовымъ. *Ред.*

Отношеніе подписчиковъ къ газетамъ и журналамъ опредѣляется внутреннимъ ихъ содержаніемъ и литературнымъ ихъ характеромъ. Къ матеріальному положенію однихъ изданій подписчикъ относится вполне равнодушно, основательно рассуждая, что здѣсь кромѣ редактора-издателя и ближайшихъ его сотрудниковъ, кормящихся отъ доходовъ, даваемыхъ изданіемъ, никто не заинтересованъ. Если закроется одна лавочка, торгующая разнородной беллетристикой и летучими новостями текущаго дня, останутся другія для удовлетворенія любопытства читателя, а, можетъ быть, гдѣ нибудь по близости откроется новая, которая будетъ отпускать матеріаль для чтенія по дешевой цѣнѣ и въ лучшей оберточной бумагѣ. Сюда относится масса литературныхъ изданій, имѣющихъ характеръ торгово-промышленнаго предпріятія.

Но есть изданія особаго рода, единственныя и подчасъ незамѣнимыя, изданія, поставившія себѣ цѣлью удовлетворять выс-

шимъ научнымъ, художественнымъ или литературнымъ потребностямъ той или другой интеллигентной среды. Кто интересуется содержаніемъ спеціального изданія, тотъ ео ipso заинтересованъ въ самомъ фактѣ его существованія, въ степени его распространенія и вліянія и несомнѣнно дорожить имъ, какъ болѣе или менѣе подходящей формой проявленія своего личнаго міросозерцанія и личныхъ нравственныхъ убѣжденій, наконецъ, какъ доступнымъ средствомъ духовнаго единенія съ людьми, выдающимися по знаніямъ и талантамъ въ томъ или другомъ отношеніи. Къ такимъ изданіямъ принадлежатъ многія спеціальныя, научныя и художественныя изданія, въ томъ числѣ и „Кіевская Старина“, представляющая въ настоящее время почти единственное средоточіе для работъ по мѣстной исторіи и этнографіи.

Для сотрудниковъ и читателей „Кіевской Старины“ не будетъ въ тягость прочитать нѣсколько страницъ о редакторскихъ заботахъ Ѳ. Г. Лебединцева, насколько я могъ опредѣлить ихъ по имѣющимся у меня его письмамъ (числомъ 36). Нужно замѣтить, что я знаю Ѳ. Г. только по письмамъ. Лично мнѣ не пришлось съ нимъ познакомиться. Въ письмахъ этихъ ярко отразилась просвѣщенная личность автора, его бойкій и живой слогъ, свидѣтельствующій о литературномъ дарованіи, и его любовь къ родному краю, выразившаяся, между прочимъ, въ живомъ интересѣ къ мѣстной исторіи и этнографіи. Кое что изъ писемъ Ѳ. Г. я выдѣлилъ для „Русской Старины“; въ сторону я отложилъ всѣ отзывы Ѳ. Г. о лицахъ ученаго и литературнаго міра, входившихъ въ соприкосновеніе съ „Кіевской Стариной“, по субъективному ихъ характеру, и теперь пускаю на страницы „Кіевской Старины“ лишь нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Ѳ. Г., касающихся его редакторской дѣятельности по тремъ, такъ сказать, рубрикамъ,—заботы Ѳ. Г. о привлеченіи къ „Кіевской Стар.“ сотрудниковъ изъ людей науки, сотрудниковъ-беллетристовъ и подписчиковъ. И въ тѣхъ, и въ другихъ и въ третьихъ „Кіевская Старина“ всегда нуждалась; Ѳ. Г. усердно ихъ разыскивалъ, собиралъ и сплачивалъ. Много силъ и труда затрачивалъ онъ на поддержаніе журнала. при равнодушіи на-

шого общества къ мѣстной старинѣ. „Низкое вообще у насъ положеніе того, что не газета“, писалъ однажды мнѣ О. Г., когда уже вполне опредѣлилась степень распространенности „Кіевской Старины“.

Сотрудники изъ людей науки всегда составляли главную силу „Кіевской Старины“, и съ этой стороны журналъ этотъ всегда находилъ наиболѣе существенную поддержку. Однако, по временамъ и здѣсь чувствовалась слабость, въ смыслѣ отсутствія обработанныхъ научныхъ статей, замѣняемыхъ случайными и бѣглыми набросками или чаще сырмъ матеріаломъ. „У меня ровно ничего нѣтъ, кромѣ хлама“, писалъ мнѣ О. Г. въ концѣ 1885 года. „Мое уныніе, постоянное гореваніе вызывается тѣмъ, что рѣдко-рѣдко попадетъ что нибудь путное, а большею частью хламъ, съ которымъ возись до одурѣнія“. Въ недостаткѣ обработанныхъ научныхъ статей О. Г. отчасти винилъ себя, отчасти знакомыхъ ему ученыхъ, себя въ томъ смыслѣ, что не можетъ оплачивать хорошихъ статей достаточнымъ гонораромъ, другихъ въ „лѣночувствѣ“, т. е. въ малой научной продуктивности. „Не посѣявъ не пожнешь“, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ по поводу невозможности сдѣлать затраты на улучшеніе журнала, и прежде всего на уплату сотрудникамъ надлежащаго гонорара, „сухая ложка ротъ деретъ, и милостыней сытъ не будешь“. Чувствуя всю слабость общественной поддержки, О. Г. съ горечью замѣтилъ однажды, что „ничего путнаго создать мы не могли, ничего удержать на продолжительное время“. При всемъ томъ О. Г. насчитывалъ 50 сотрудниковъ, а изъ этого числа выдѣлялъ 15 такихъ, съ помощью которыхъ можно смѣло вести изданіе.

Сотрудники беллетристы почти вполне отсутствовали, и О. Г. очень нуждался въ историческихъ повѣстяхъ и романахъ изъ южнорусской старины. Въ самомъ началѣ моего письменнаго знакомства съ О. Г., 4 февр. 1882 года О. Г. писалъ мнѣ: „Н. И. Костомаровъ, по поводу первой нашей книжки, возсылая ей похвалу и благодарность отъ имени науки, пишетъ мнѣ, между прочимъ: „слѣдовало бы беллетристику допустить“; я допустилъ бы, да гдѣ ее взять? Не найдется ли у Васъ въ Харьковѣ?“ Это обращеніе за исторической беллетристикой къ такому

совсѣмъ неисторическому и нелитературному городу, какъ Харьковъ, показываетъ безнадежное положеніе въ этомъ отношеніи „Кіевской Старины“ при прежнемъ ея матеріальномъ положеніи.

Число подписчиковъ „Кіевской Старины“, судя по письмамъ Ѳ. Г., не поднималось выше 800, а къ концу 1887 года даже уменьшилось, что объясняется стеченіемъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, болшею частью не зависѣвшихъ отъ редакціи. Въ концѣ каждаго года Ѳ. Г. жаловался на слабый ходъ журнала въ публикѣ и побуждалъ лицъ, расположенныхъ въ пользу изданія, содѣйствовать болшему его распространенію, при чемъ Ѳ. Г. особенно дорожилъ вниманіемъ и поддержкой духовенства. Повидимому, онъ и въ южнорусскомъ духовенствѣ надѣялся найти такой интересъ къ мѣстной старинѣ, какой обнаруживаетъ галицко-русское и отчасти холмское духовенство. Собиравъ онъ, между прочимъ, адреса благочинныхъ харьковской епархіи. „Я пошлю имъ объявленія, писалъ онъ мнѣ по этому поводу; вѣдь срамъ сказать, ни одинъ іерей харьковской епархіи не выписываетъ „Кіевской Старины“. Расположеніемъ Ѳ. Г.—ча въ духовенству объясняется его наклонность помѣщать въ журналѣ статьи по мѣстной церковной исторіи и систематическое устраненіе такихъ статей или матеріаловъ, которые не соотвѣтствуютъ православному религіозному благочестію, хотя бы вполне позволительныхъ въ цензурномъ отношеніи. Такъ, изъ моихъ мелкихъ статей не была помѣщена замѣтка объ „Израильскомъ Зміѣ“ Г. С. Сковороды, повидимому, за указаніе на пантеистическій характеръ этого сочиненія. „Прислали мнѣ изъ Москвы, писалъ въ 1884 г. Ѳ. Г., чуть ли не полпуда неизданныхъ сочиненій Сковороды. Я только пересмотрѣлъ; но, увы! ничего въ нихъ народнаго. Все задавила школа и злосчастный пантеизмъ, который выступаетъ со всею яркостью“. А между тѣмъ пантеизмъ составляетъ характерную сторону міросозерцанія Сковороды, и любопытно было бы подробнѣе съ нимъ ознакомиться, тѣмъ болѣе, что при всей темнотѣ и суши сквородиныхъ твореній въ нихъ мѣстами пробивается глубокая мысль и свѣтлое поэтическое одушевленіе. Ѳ. Г. не любилъ ничего туманнаго и требовалъ ясно сознанной мысли и яснаго изложенія.

О. Г. несъ на себѣ все труды по изданію и редактированію „Кіевской Старины“. Въ письмѣ отъ 28 февраля 1886 года читаемъ: „На масляной въ субботу былъ на балу въ Дворянскомъ Собраніи. Боже! какъ мнѣ страшнымъ все казалось. Вѣдь шибнетъ же этакая охота! А на эту субботу говѣю, отъ грѣховъ хочу очиститься—редакторскихъ, издательскихъ, сотрудническихъ, корректорскихъ, конторщицкихъ и по части корресподенціи. Да, поневолѣ скажешь, грѣхи наши тяжкіе!“ Въ этомъ длинномъ спискѣ грѣховъ былъ только одинъ, на который можно было сердиться, именно корректорскій; но и здѣсь въ извиненіе шли „старые глаза“, и потому никто, кажется, не велъ счета печаткамъ. Тяжелыя и хлопотливыя занятія по изданію и редактированію журнала были причиной глубокаго расстройства здоровья О. Г. Послѣднія письма О. Г. преисполнены жалобами на мучительныя нервныя боли, а когда въ результатъ ихъ явилась приостановка изданія, къ нимъ присоединилось жгучее опасеніе за ближайшее будущее и удручающій страхъ близкой кончины.

Масса чернаго труда по изданію и редактированію „Кіевской Старины“, а въ послѣдніе годы тяжелый недугъ мѣшали О. Г. приготовить большое изслѣдованіе. Научно-литературная дѣятельность О. Г. въ „Кіевской Старинѣ“ ограничивалась небольшими замѣтками, преимущественно въ библиографическомъ отдѣлѣ, подписанными разными псевдонимами. „Меня заѣдаютъ рецензіи“, писалъ мнѣ О. Г. Дѣло въ томъ, что по южно-русской исторіи и этнографіи выходитъ мало книгъ; относящіяся сюда новости бывають притомъ часто такъ безцвѣтны и безсодержательны, что дѣйствительно возникаетъ на малое затрудненіе постоянно поддерживать библиографическій отдѣлъ на надлежащей высотѣ серьезной и дѣловой критики. Живымъ интересомъ отличались замѣтки О. Г. о старинномъ малорусскомъ бытѣ, объ обычаяхъ и нравахъ стараго времени. Здѣсь О. Г. говорилъ, очевидно, отъ полноты сердца, любящаго родную старину, и самый строй его рѣчи получаетъ колоритъ особенной задушевности, мѣстами пробивается юморъ наблюдательнаго и добродушнаго свойства, мѣстами обнаруживается живописная обрисовка деревенской жизни, несмотря на растлѣваю-

ція вліянія крѣпостнаго права. Такими свойствами отличается, наприкладъ, статья Ѳ. Г. о Шевченкѣ въ XI книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 года. Приостановивъ издание „Кіевской Старины“, Ѳ. Г. писалъ мнѣ, что у него остался неоконченнымъ эскизъ „Малорусскіе дьячки“ и статья „Къ характеристикѣ кіевского митрополита Филарета“. Въ томъ же письмѣ (отъ 9 ноября 1887 г.) Ѳ. Г. замѣчаетъ: „О, если бы я былъ свободенъ отъ редактированія, корректуры, корреспонденціи, конторы, сколько я одинъ могъ бы еще сдѣлать. Но, увы! согнулся хребетъ мой отъ работы, въ большинствѣ такой, для которой не нужно ни таланта, ни знанія; все то хотѣлось удержать „Старину“, да ба! Ввирвался бась... Вы не повѣрите, какая грусть овладѣваетъ мною по мѣрѣ приближенія къ концу“...

Имя Ѳеофана Гавриловича Лебединцева будетъ въ обществѣ забыто съ потерей послѣдняго интереса къ южнорусской старинѣ, забыто лишь въ смыслѣ поучительнаго начала, какъ живая движущая къ добру сила; но оно всегда будетъ жить въ благодарныхъ лѣтописяхъ исторіи, какъ имя просвѣщеннаго и энергическаго труженика исторической науки, заботившагося о сохраненіи лучшихъ преданій народа въ связи съ уразумѣніемъ основныхъ началъ его прошлой жизни.

Н. Сумцовъ.

НА СЫРЬ-ДАРЬЪ У РОТНАГО КОМАНДИРА.

(ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ).

Посвящается друзьямъ: Бер—у, Жит —у и Цв—у.

Въ началѣ декабря 1883 года, по пути изъ Ташкента въ Оренбургъ, мнѣ довелось пробыть около четырехъ сутокъ въ г. Казалинскѣ и тамъ, неожиданно, познакомиться съ бывшимъ ротнымъ командиромъ покойнаго Тараса Гр. Шевченка, Егоромъ Тимофѣевичемъ К—вымъ. Уроженецъ давно уже упраздненной степной крѣпостцы Татищевой, всю жизнь свою прожившій и прослужившій среди необъятныхъ и печальныхъ прикаспійско-аральскихъ пустынь, Егоръ Тимофѣевичъ, во время знакомства моего съ нимъ, кончалъ уже 48-й годъ своей службы и, въ чинѣ полковника, занималъ должность коменданта г. Казалинска, форта № 1 то-жъ. Нынѣ Егоръ Тимофѣевичъ находится уже въ отставкѣ, но гдѣ проживаетъ, да и здравствуетъ ли еще, того уже не знаю, ибо послѣднее письмо его, къ которому онъ, согласно обѣщанію, приложилъ „замѣтку“, составляющую почти дословное повтореніе того, что онъ мнѣ рассказывалъ про Шевченка, отправленное въ началѣ 1884 г., было, по причинѣ моихъ перѣздовъ, получено мною только въ 1886 г.; на мое же постѣ того писанное уже письмо къ нему и адресованное въ г. Казалинскъ отвѣта и до сихъ поръ мною отъ него не получено.

Большой ростъ, атлетическій складъ да и вся вообще фигура Егора Тимофѣевича, начиная съ нависшихъ бровей, не-

вольно заставляла на первый взгляд предполагать въ немъ представителя того, нынѣ, слава Богу, уже исчезнущаго типа стараго фронтовика-служаки, у котораго кромѣ сухой формалистики да шагистики, не осталось уже ничего за душой. Но стоило только послушать рассказы и отзывы о „своемъ старикѣ“, какъ называли Егора Тимофѣевича его сослуживцы и подчиненные—до солдата включительно, да хотя немножко лично познакомиться съ нимъ, чтобы не только измѣнить первое предположеніе о немъ, но даже въ тайнѣ устыдиться, какъ оно могло найти мѣсто въ вашей душѣ?!... Предъ вами представлялся тогда Егоръ Тимофѣевичъ совсѣмъ въ иномъ видѣ и свѣтѣ, всецѣло напоминая собою симпатическій образъ лермонтовскаго Максима Максимовича: та же внѣшняя суровость манеръ и языка, подъ покровомъ которой билось самое незлобливое и дѣтски-чистое сердце; та же смѣсь здраваго смысла и наивнаго простодушія въ сужденіяхъ и оцѣнкѣ лицъ и событій; тѣ же любовь и привязчивость къ людямъ, съ которыми онъ жилъ, или правильнѣе—*служилъ*, ибо другихъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми служилъ, онъ мало даже видывалъ на своемъ вѣку; та же отзывчивость къ ихъ горю и радостямъ и та же, наконецъ, готовность подѣлиться съ ними послѣднимъ, а то и отвѣтствовать за нихъ не только своею карьерою, о которой Егоръ Тимофѣевичъ, подобно Максиму Максимовичу, никогда и не думалъ, но даже головою. Подъ самый конецъ службы Егора Тимофѣевича такая, было, бѣда надъ нимъ и страшась...—„Да какъ же тутъ было быть то иначе?“ спрашивалъ при рассказѣ о томъ добродушный старикъ, воскрешая въ вашей памяти того наивнаго малоросса, который, не умѣя плавать, бросился съ моста въ Днѣпръ спасать утопающаго, а затѣмъ, на замѣчаніе спасшихъ его самого отъ гибели, какъ же таки такъ онъ, неумѣющій плавать, рѣшился спасти другаго?—отвѣчалъ: „А то якъ же?—колы чоловікъ топе?“...

Во время моего пребыванія въ Казалинскѣ, разъ я былъ съ визитомъ да разъ обѣдалъ у Егора Тимофѣевича, отличавшагося, между прочимъ, несмотря на крайнюю ограниченность своихъ достатковъ, еще и самымъ задушевнымъ гостепріимствомъ, какъ, впрочемъ, и всѣ наши степняки-туркестанцы, безъ разли-

чія чиновъ и званій. Но у меня въ Казалинскѣ такъ было много дѣла и мало времени, что за два торопливыхъ этихъ посѣщенія я не имѣлъ возможности разговориться съ моимъ хозяиномъ, въ которомъ и не подозрѣвалъ бывлага ротнаго командира Шевченка, да такъ, не узнавши того, вѣроятно, и уфхаль бы, если бы, сверхъ чаянія, мнѣ не довелось провести еще и цѣлый вечеръ у казалинскаго коменданта.

Покончивъ съ дѣлами и распрощавшись съ добряками-казалинцами, я въ тотъ же день вечеромъ порѣшилъ продолжать мой дальнѣйшій и нелегкій путь, сдѣлавъ къ тому безотлагательно всѣ обычныя закупки и подготовленія. Но не даромъ говорятъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!“

Морозъ, державшійся еще утромъ около 18°, вдругъ къ вечеру упалъ до 7°; ясное до сихъ поръ небо стало быстро заволакиваться тяжелыми тучами; задулъ сильный вѣтеръ и началъ перепархивать снѣгъ: всѣ предвѣстники близящейся „пурги“¹⁾ были на лицо. Хозяинъ заѣзжаго дома, гдѣ квартировалъ я, и ямщики, приходившіе со станціи *подмазывать и упаковывать* мой тарантасъ, стали уговаривать меня отложить мой выѣздъ до утра. Но я не сдавался однако на ихъ уговоры и ревностно продолжалъ мою укладку, какъ вдругъ ко мнѣ входитъ Егоръ Тимофѣевичъ, отряхивая съ усовъ ледяныя сосульки и утирая отъ снѣжнаго заноса лицо. „Да неужели же,—удивленно спрашиваетъ онъ,—вы и въ самомъ дѣлѣ собираетесь сегодня выѣзжать? Это—по такой то темнотѣ, да еще въ пургу?!... Да въ такую непогодъ и самъ киргизъ верхомъ на своемъ конѣ ни за что никуда не поѣдетъ, а куда же вамъ, въ тарантасѣ?! Это прямо идти на погибель, какъ тому и бывало уже не мало примѣровъ у насъ въ степи. Вотъ, ужó, утромъ, повидите: затихнетъ, ну, и съ Богомъ! а нѣтъ, такъ лучше уже и завтра сидѣть на мѣстѣ по добру-здорову, чѣмъ пропадать въ степи! Послушайтесь совѣта нашего брата-степняка,—бросьте и думать о выѣздѣ сегодня!... А чтобы не оставаться у себя въ номерѣ въ одиночествѣ, такъ не пожалуйте ли по просту ко мнѣ, на-

¹⁾ „Пурга“, по мѣстному выраженію,—мятель.

питься чайку?" Я сдался на доводы Егора Тимофѣевича, чрезъ какіе нибудь полчаса сидѣлъ въ его квартирѣ за большимъ столомъ, уставленнымъ всякими непрехотливыми яствами, среди которыхъ привѣтливо шумѣлъ большущій самоваръ.

Всѣхъ насъ, гостей, собралось человѣкъ пять,—всѣ, кромѣ меня, все давніе туркестанцы. Бесѣда наша, сразу же принявшая самый непринужденный, искренній характеръ и вращавшаяся сначала, какъ говорится, на „злобахъ дня“ и на настоящемъ нашей средне-азиатской окраины, перешла затѣмъ къ разговорамъ о ея быломъ. Егоръ Тимофѣевичъ, къ которому, при этомъ, то и знай, что обращались бесѣдующіе то за справкой, то съ распросомъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе все оживлялся, постепенно и незамѣтно для самого себя переходя изъ роли собесѣдника въ роль живаго хроникера, рассказы котораго—простые, безыскусственные, по большей части даже отрывочные, но всегда правдивые, отгѣняемые то колоритомъ неподдѣльной грусти, то такого же юмора, неволью, наконецъ, овладѣли вниманіемъ всѣхъ насъ.

— Такъ, значить, вы не залетная птица въ здѣшнихъ палестинахъ, а заправскій здѣшній старожилъ? обратился я къ Егору Тимофѣевичу, чтобы прервать грустно-задумчивое молчаніе, воцарившееся въ нашей бесѣдѣ послѣ одного изъ рассказовъ его, по юмористическому своему началу возбуждавшего даже не одинъ взрывъ общаго смѣха.

— Это я то? спросилъ Егоръ Тимофѣевичъ, съ удивленіемъ глядя на меня и отодвигая даже при этомъ въ сторону длинный чубукъ своей трубки, которой онъ оставался неизмѣниовѣрнымъ.—Да, вѣдь, я не только безвыѣздно служу въ здѣшнемъ краѣ съ 1835 года, я и родился то здѣсь! Слышали про крѣпость Татищеву? ну, вотъ, тамъ!...—Все, что ни произошло здѣсь лѣтъ, этакъ, за пятьдесятъ семь, все это произошло, будто бы, вотъ, на моей ладони. Я отлично помню даже пріѣздъ Александра I Благословеннаго въ Оренбургъ, гдѣ я тогда учился, и его самого какъ сейчасъ вижу предъ собой!... Я ли не старожилъ здѣшнихъ мѣстъ, гдѣ, вѣрно, мнѣ и кости то свои придется сложить?!—вздохая закончилъ онъ.

— А знаете ли, Егоръ Тимофѣевичъ, вѣдь вамъ грѣшно было бы не записать вашихъ воспоминаній, которыя, повѣрьте, охотно напечатали бы...—продолжалъ я.

— Да я со дня моего поступленія на службу велъ дневникъ, въ который аккуратно вносилъ все, что видывалъ и слыхалъ, и такимъ манеромъ написалъ цѣлыя двѣ большія тетради, вилоть до іюня 1856 года, когда, при слѣдованіи съ ротою изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ г. Уральскъ, у меня, на походѣ, вдругъ, похитили обѣ эти тетради...

— Какъ такъ похитили?—Ну, кто же это могъ?!...

— Да кто же?—свой же!... Все это, знаете, вѣдь, наши глупыя шуточки да смѣшки. Вотъ, извольте видѣть: такой то, видишь, пишетъ какой то дневникъ и никому его не показываетъ... а ну ка, посмотримъ, что онъ тамъ строчить?—*подиутимъ* ка надъ нимъ, сташимъ его строченье,—цѣна ему не велика, а за то смѣху то сколько?!

— Такъ вы и не разыскивали этого похитителя-шутника?...

— Какъ не разыскивать? — разыскивалъ, и даже прямо подозрѣвалъ одного поручика N, бывшаго со мной въ походѣ... ушрашивалъ его даже перестать баловаться, отдать миѣ тетради! такъ божился и клялся, что не онъ, хотя при этомъ и ухмылялся...—Ну, что же тутъ подѣлаешь?—такъ и бросилъ дѣло.

— Ну, а послѣ того, вы уже не вели дневника, Егоръ Тимофѣевичъ?.

— Послѣ, знаете, какъ то охота отпала. Ну, да Богъ меня памятью не обидѣлъ.—Дневникъ не дневникъ, а воспоминанія свои собираюсь такъ *перевести на бумагу*... Раза два я даже, признаться, принимался за это, хотя, говоря по правдѣ, не мастерь я писать то...

— А скажите, Егоръ Тимофѣевичъ,—вотъ, вы видали и знавали здѣсь столько лицъ; ну, а Шевченка вы не знавали?.

— Это — Тараса то Григорьевича?—Какъ не знать, помилуйте!—да, вѣдь, онъ у меня же, въ Ново-Петровскомъ въ ротѣ былъ...

Изъ пятерыхъ насъ, собесѣдующихъ,—будто бы нарочно!—четверо оказалось украинскихъ уроженцевъ; а потому цонятно,

съ какимъ единодушiемъ обратились мы, послѣ этого заявленiя нашего почтеннаго Амфитрiона, съ просьбою разсказать, что онъ знаетъ и помнить про нашего „Кобзара“.

— Надо вамъ, гг., сказать, — началъ Егоръ Тимофѣевичъ, что я лично узналъ Шевченка не сразу послѣ его высылки изъ Петербурга, а уже по прошествiи почти трехъ лѣтъ его службы въ отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, — въ 1850, значить, году, когда прибылъ на Мангишлакъ, въ Ново-Петровское укрѣпленiе, нынѣ, какъ сами знаете, уже упраздненное. Тамъ я съ нимъ впервые встрѣтился, и, затѣмъ, провелъ почти что семь лѣтъ, — вплоть до его амнистiи, послѣдовавшей въ 1857 году... За это время, — будь цѣль мой дневникъ, — я, конечно, могъ бы таки многое сообщить вамъ и о Тарасѣ, и о нашемъ вообще житiѣ-бытiѣ за Каспiемъ, въ пустынѣ; ну, а теперь не взмчите: хотя, какъ я уже докладывалъ вамъ, — памятью меня Богъ и не обидѣлъ, но все же таки многое въ ней и постерлось. Шутка сказать, а вѣдь 26 лѣтъ, болѣе, значить, четверти столѣтiя съ тѣхъ поръ минуло!... А что до первыхъ лѣтъ службы Тараса въ нашемъ корпусѣ, то все, что могу разсказать вамъ, все это слышано мною или отъ него самого, или отъ служившихъ съ нимъ, или извлечено изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ при управленiи коменданта форта № 1, бывшаго Раймскаго укрѣпленiя. Немногое, однако, даютъ эти дѣла, которыя я таки перерылъ всѣ... Разумѣется, въ дѣлахъ бывшаго штаба оренбургскаго корпуса можно было, покопавшись въ нихъ, найти — куда большее! Но гдѣ эти дѣла? и какъ до нихъ добраться? — да еще нашему то брату?!... А признаться, хотѣлось бы этого и самому, лично, да чтобы кстати исполнить и просьбу двухъ хорошихъ человѣчковъ, очень уже просившихъ меня о томъ же.

...Ну съ, какъ только привезли нашего Тараса въ Оренбургъ, такъ сейчасъ же, по распоряженiю начальника края, генерала Обручева, его назначили на службу рядовымъ въ 4-й оренбургскiй линейный баталiонъ, двѣ роты котораго, 1-я и 2-я занимали тогда степныя крѣпостцы, Оренбургскую и Уральскую, находившiяся на рр. Тургаѣ и Ирғизѣ, а двѣ роты стояли съ баталiоннымъ штабомъ въ крѣпости Орскѣ. Изъ Оренбурга Шев-

ченка, разумѣется, препроводили туда, гдѣ находился баталіонный штабъ, т. е. въ Орскъ, гдѣ его и зачислили на службу во 2-ю роту, въ которой, по *ранжирному* списку, онъ значился 191 человѣкомъ, а ростомъ показанъ 2 аршина и $\frac{1}{4}$ вершка. Хотите, такъ покажу даже вамъ эту вымѣтку, выписанную мною изъ дѣль?—обратился, вдругъ, къ намъ Егоръ Тимофѣевичъ, вставая и готовясь уже идти къ своему письменному столу за ней, для документальнаго подтвержденія своего разсказа.

— Не надо, не надо, лучше продолжайте вашъ разсказъ,—въ унисонъ начали мы просить его.

Егоръ Тимофѣевичъ откашлянулся, закурилъ трубку, сѣлъ и продолжалъ.—Ротой, куда попалъ Шевченко, командовалъ поручикъ Богомоловъ. Лично я его не знавалъ, да не помню, говорилъ ли мнѣ что про него Шевченко. Кажись, что ни чего, ни худаго, ни хорошаго..... Не могу съ точностью доложить вамъ, въ концѣ ли 1847, или въ началѣ 1848 года (кажись, что въ началѣ 1848-го), но только объ эти роты, а съ ними, понятно, и Шевченко, были переведены изъ Орска въ Уральское укрѣпленіе, откуда, почти сряду же, въ составѣ довольно значительнаго отряда, тысячи этакъ въ двѣ человѣкъ, въ число которыхъ вошли и козаки, и башкиры, и даже вольнонаемные рабочіе, онѣ были двинуты къ низовью Сыръ-Дарьи, гдѣ тогда утверждалась наша власть. А потому, какъ только прибылъ туда этотъ отрядъ, какъ сразу же и приступилъ сначала къ окончательному устройству Раймскаго укрѣпленія, которое за годъ передъ тѣмъ было заложено и въ которомъ флота лейтенантъ Бутаковъ съ прапорщикомъ штурмановъ Поспѣловымъ строилъ уже двѣ шкуны, названныя впоследствии „Константинъ“ и „Михаилъ“, а затѣмъ къ постройкѣ небольшого форта, названнаго „Коссъ-Аральскимъ“. Фортъ этотъ, находившійся неподалеку отъ Раймскаго укрѣпленія, предназначался для помѣщенія складовъ и людей нашей, тогда только что нарождавшейся сыръ-дарьинско-аральской флотилии. Вскорѣ и суда флотилии, и фортъ Коссъ-Аральскій, съ помѣщеніями для ея людей, были готовы; а такъ какъ именно людей то для службы на ней и не хватало, то, для исполненія матросскихъ обязанно-

стей, и была отправлена къ ней въ распоряженіе Бутакова отъ 1-й и 2-й ротъ 4-го оренбургскаго линейнаго баталіона команда въ числѣ 5 унтеръ-офицеровъ, 36 рядовыхъ и 1 фельдшера. Уже изъ какого сорта людей выбраны были эти импровизованные матросы—не умѣю вамъ сказать, но только въ числѣ ихъ находился и рядовой 2-й роты Тарасъ Шевченко.

— Такъ, вотъ, оно откуда, вотъ, когда писалось это прелестное стихотвореніе,—перебивая рѣчь Егора Тимофѣевича, воскликнуть одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ, горячій украинець, тутъ же наизусть и превосходно прочитавшій;

Готово! Парусъ роспустилы,
 Посунули по сыій хвмлі,
 Но мыжъ кугою, въ Сыръ-Дарью,
 Байдару та баркасъ чымалый.
 Прощай, убогий Косъ-Арале!
 Нудьгу завлятую мою
 Ты розважавъ такы два лита.
 Спасыби, друже! Похвалысь,
 Що люде и тебе знаишы
 И знали, шо зъ тебе зробить...
 Прощай же, друже! Ни хвалы,
 А ни ганьбы я не сплятаю
 Твой пустыня, въ ыншымъ краю,
 Не знаю, може й нагадаю
 Пудьгу колышнюю, колысь...

— Ну, какъ же однако Шевченко то попалъ въ матросы?! Не рассказывалъ онъ вамъ?—спрашивали мы Егора Тимофѣевича.

— Разумѣется, какъ: Бутаковъ пожелалъ его взять къ себѣ; попросилъ начальство назначить, пу и назначили!... Хорошій былъ это, разумный и душевный человекъ, и покойный Тарасъ частенько такъ его вспоминалъ, и всегда добрымъ словомъ. Тяжела была тогда, гг., наша стенная служба, не въ примѣръ тяжелѣ нынѣшней, даже и для офицера то, а про солдата и говорить уже нечего! И шагистикой то, и ружейными приѣмами занимайся, п походы ломай по жарѣ или холоду по этимъ безконечнымъ, безводнымъ степямъ—иногда даже на одномъ зачерствѣломъ сухарѣ, или чуть ли еще не хуже того! рой, бывало, да таскай на себѣ

землю для насыпки укрѣпленій, и это по цѣлымъ мѣсяцамъ, по жгучей жарѣ!... Конечно, не легко было служить и во флотѣ, но все же легче, чѣмъ въ строю, а уже особливо для Тараса. Первое и самое главное, какъ онъ самъ потомъ мнѣ рассказывалъ, не было этихъ ненавистныхъ для него шагистики и ружистики, второе, тамъ онъ уже не землю рылъ, а срисовывалъ берега, виды Сыра и Арала... ну съ, а затѣмъ и жилось ему то на шкуфѣ, которою заправлялъ самъ Бутаковъ, куда уже лучше, чѣмъ на сушѣ, въ ротѣ...

Проплавалъ такимъ манеромъ нашъ Тарасъ два лѣта подрядъ по морю Аралу, берега, острова и воды котораго Бутаковъ обозрѣвалъ и описывалъ, оставаясь для этого на морѣ всякій разъ, непрерывно, мѣсяцевъ по пяти... Не мало таки натерпѣлись при этомъ наши мореплаватели—и отъ штормовъ, и отъ лихорадокъ, и отъ непривычки къ жизни на водѣ, и даже отъ проклятыхъ комаровъ, которыхъ по берегамъ Арала посяетъ цѣлая туча... Впослѣдствіи всѣ нижніе чины, исполнявшіе обязанности матросовъ, а въ томъ числѣ и рядовой Тарасъ Шевченко, были даже удостоены за эти морскія козачанія 1848—1849 гг. Высочайше дарованной денежной награды, каждый въ размѣрѣ по 5 руб. сер.

Морскою компаніею 1849 г. окончилась однако и служба Шевченка на морѣ. Чтобы не оставлять его въ Римѣ безъ себя, а еще пуще для того, чтобы похлопотать объ облегченіи его участи,—такъ какъ Шевченко все время своей морской службы велъ себя безукоризненно, много и трудился, и рисовалъ, и чертилъ,—Бутаковъ, отправляясь въ октябрѣ въ Оренбургъ для представленія начальнику края отчета о своихъ работахъ, взялъ съ собою, въ числѣ другихъ лицъ, сопровождавшихъ его туда, а именно: Носиѣлова, двухъ топографовъ, уштеръ-офицера Вернера, фельдшера и денщика, и—рядоваго Шевченка. Отчетомъ Бутакова остались въ Оренбургѣ очень довольны,—такъ, что не только его, но и Носиѣлова скоро даже произвели въ слѣдующіе чины; но хлопоты его о Шевченкѣ уважены не были, и все это дѣло кончилось лишь тѣмъ, что вернули нашего Тараса опять на сушу, но только перевели съ Сыръ-Дарьи, изъ преж-

няго 4-го, въ 1-й линейный баталіонъ, штабъ котораго съ двумя ротами стоялъ тогда въ г. Уральскѣ.—Послѣ Оренбурга стоянка въ Уральскѣ, конечно, считалась у насъ, да и была, лучшею... но Тарасу только и пришлось, что перезимовать тамъ, такъ какъ въ 1850 году, съ открытіемъ навигаціи, его сейчасъ же переслали сначала въ Гурьевъ городокъ, а оттуда—въ Ново-Петровскъ, гдѣ занимали гарнизонъ другія двѣ роты 1-го баталіона и куда по веснѣ онъ и приплылъ по Каспію на „почтовой“ лодкѣ.—Вотъ, съ этой то собственно поры и началось мое знакомство съ нимъ... Я тогда командовалъ 3-ю ротою, а 4-ю, куда зачислили Шевченка, командовалъ штабъ-капитанъ П—въ, отъ котораго я принялъ роту уже только въ 1852 году, когда П—ва перевели въ Уфу, а мнѣ приказали принять для командованія 4-ю роту, взамѣнъ моей, которую перемѣстили въ Уральскъ, откуда на смѣну ей прислали въ Ново-Петровскъ 1-ю.—Роты, занимавшія гарнизонъ въ Ново-Петровскѣ, смѣнялись поочередно обыкновенно каждые два года; ну, а офицеровъ при этомъ, которые поопытнѣе да посолиднѣе, такъ тѣхъ иногда начальство оставляло тамъ безсмѣнно года по четыре, по пяти, чего, напр., былъ удостоенъ и я.—Разумѣется, нелюбо было никому оставаться въ этомъ заброшенномъ за Каспій и будто Богомъ забытомъ укрѣпленіи, въ которомъ, повѣрите ли?—даже воды то колодезной, кромѣ какъ солонцеватой, не было другой!... Да что же будешь дѣлать?—Нашъ братъ, *арміуизъ*, служить, вѣдь, не тамъ, гдѣ хочеть, а гдѣ Богъ приведетъ да начальство повелитъ. Сначала, т. е. какъ построили мы только Ново-Петровскъ,—а моя рота, надо вамъ сказать, производила даже разбивку и закладку его въ 1846 г.,—такъ и Господи не приведи, какъ тамъ уже тягостно и печально было жить!—Море, по которому сообщенія были вообще не очень то часты,—съ одной стороны, а пустыннѣйшая пустыня—съ другой: ни купить, ни достать чего тебѣ!—Пока построили казармы, такъ долгое время мы и жили то въ юртахъ, словно впрігизы!...—Правда, не вольготно,—куда какъ не вольготно жилось и потомъ!—Ну, да вы, вѣдь, знаете, гг., что человекъ привыкаетъ ко всему.—Мало по малу попривыкли и мы къ нашему,—какъ вѣрно называли его сол-

датики—*сибирному* Ново-Петровску,—не тѣмъ онъ будь помянуть!—Пообстроились, пообзавелись, поприладились кое какъ... Понаѣзжали туда кое какіе и купчики и пооткрыли лавочки съ разными товарами и—даже погребокъ съ иностранными винами... Стали мы получать, хоть и не очень то исправно, „Русскій Инвалидъ“, „Пчелку“ и даже тогдашніе журналы „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“,—въ складчину, разумѣется; а кто сталъ привозить съ собою и разныя другія кое какія книжки,—все же нѣтъ-нѣтъ, да отъ скуки и почтѣаешь что нибудь!.. Ну-съ, ко многимъ, женатымъ,—а ихъ было больше половины,—попріѣзжали, наконецъ, и ихъ семейства: не врознь же было жить небогатымъ людямъ?!—Составилось такимъ манеромъ кой какое общество,—небольшое, правда, человекъ этакъ въ сорокъ, много—пятьдесятъ, считая тутъ, разумѣется, не только всѣхъ офицеровъ, но и всѣхъ чиновниковъ и купцовъ, что были почище. Общество наше жило промежду собой довольно дружно: вѣдь жизнь въ такомъ захолустѣ невольно сближаетъ людей!... Днемъ, бывало, дѣлаемъ ученья, совершенствуя шагистику и ружистику, производимъ фортовыя работы, а по вечерамъ—собираемся, больше по семейнымъ домамъ, играемъ въ шашки, лото, преферансъ или ералашъ,—этакъ по одной двухсотой или трехсотой копѣйки: народъ то, вѣдь, все былъ куда какъ не богатый!... Когда невыносимыя жары лѣтомъ и такіе же вѣтры осенью и зимой не отбивали всякое желаніе выйти за крѣпость, то ѣзжали иногда и на охоты. Пѣвали по праздникамъ и въ церкви на клиросѣ; а то, когда у насъ впоследствии составились изъ офицеровъ и солдатъ два маленькіе оркестра, то случалось, что и танцевали, и даже устраивали любительскіе спектакли въ пустошоружней казармѣ: вѣдь, надо же было какъ нибудь коротать время!...

— Ну, а Тарасъ то какъ сталъ жить-поживать по прибытіи въ Ново-Петровскъ? — нетерпѣливо прерывая невеселыя воспоминанія почтеннаго рассказчика, спросилъ его тотъ самый изъ нашихъ собесѣдниковъ, который только что продекламировалъ намъ стихотвореніе „Кобзаря“.

— Да не особенно то легко и сладко попервоначалу, — надо сказать правду!....—пуская густые клубы дыма изъ трубы и

сморщивая свои густыя брови, продолжалъ Егоръ Тимофѣевичъ нѣсколько пониженнымъ голосомъ. — Теперь, гг., разумѣется, нѣтъ мало мальски образованнаго человѣка, который не зналъ бы имени Шевченка; а въ тѣ поры, да еще у насъ, за Каспиемъ, такъ про него никто и не слыхивалъ!—*Письменныхъ* объ немъ свѣдѣній въ роту не было выслано никакихъ; въ двухъ же предписаніяхъ, данныхъ баталіоннымъ штабомъ и комендантомъ ротному командиру, только всего и было, что въ первомъ указывалось—считать рядоваго Шевченка записаннымъ въ солдаты за политическія преступленія, а во второмъ постановлялось—имѣть за нимъ особый надзоръ и не позволять ему ни писать, ни рисовать, ни даже имѣть при себѣ какія либо письменныя или рисовальныя принадлежности. Конечно, послѣднее запрещеніе наводило на мысль, что онъ должно быть былъ изъ числа писателей или художниковъ; но что онъ такое писалъ или рисовалъ? Откуда? Кто онъ такой и за что угодилъ въ солдаты?—того никто изъ насъ первое время не зналъ да, по правдѣ сказать, никто тѣмъ особенно и не интересовался, такъ какъ высылка такого рода людей въ наши степные баталіоны была по тѣмъ временамъ намъ не въ особенную то рѣдкость!... Ну съ, помѣстили его въ казарму, приставили для надзора надъ нимъ особаго дядьку изъ солдатъ, стали водить на фортовыя работы, на *мушкетру*... Все это, понятно, не легко уже само по себѣ и для всякаго, даже простаго и грубаго человѣка, прямо отъ сохи попавшаго на службу, а для Шевченка, хоть онъ былъ не изъ нѣженокъ и не изъ баловней, было тѣмъ тяжелѣй, что, на бѣду свою, онъ попалъ подъ начальство то П—ва. Необразованный, бессердечный да, при томъ,—что таить правду,—часто и немѣсто грубый и строгій былъ это человѣкъ... Не любили его даже офицеры, а уже про роту и про Шевченка и говорить нечего: они просто его ненавидѣли! Допималъ П—въ Шевченка не тѣмъ, изволите видѣть, что не дѣлалъ для него исключеній или послабленій, о чемъ тотъ и не помышлялъ, зная, что П—въ и самъ только исполнитель приказаній свыше, а всякими мелочными да просто таки и неужными придирками,—точно онъ, будто бы, надсмѣивался надъ человѣкомъ и безъ того уже тер-

пидимъ. То, бывало, ни съ того ни съ другого, начнетъ у него выворачивать карманы, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли у него тамъ карандаша, либо чего писаннаго или рисованнаго. То станеть издѣваться надъ нимъ за не совѣмъ громкій и солдатскій отвѣтъ на вопросъ, или за опущенныя при этомъ внизъ глаза, и т. п. Но больше всего онъ изводилъ Тараса требоваціемъ тонкой выправки, маршировки и ружейныхъ пріемовъ, которые составляли тогда идеаль солдатскаго образованія и которые Тарасу, при всемъ даже его стараніи, не давались никакъ!...— „Не постигъ миѣ этой *премудрости*,—хоть тутъ ложись да и помирвай!“ съ отчаяніемъ говаривалъ, бывало, послѣ ученій, бѣдняга самъ неоднократно миѣ.—Да и дѣйствительно, стоило только на ученьи взглянуть, бывало, на его фигуру подъ ружьемъ, чтобы васъ разобрали и смѣхъ, и горе!—ну, видимо, что человекъ совѣмъ, какъ есть, неспособенъ къ тому!...— „Ну, развѣ ты самъ не видишь этого?“ случилось, говаривали мы иногда П—ву, желая усовѣститъ и умѣрить его требованія къ несчастному. Такъ куда тутъ!...— „А миѣ, говоритъ,—потомъ отвѣчать за него на смотрахъ?!...— „А что братъ, Тарасъ,—разъ шутя, сказалъ ему одинъ молодой офицеръ послѣ ученья,—вѣдь лучше было бы, если бы тебя опять послали на морскую службу или назначили въ казаки?!...—Вѣдь служба на чайкѣ или на конѣ больше вамъ, запорожцамъ то, съ руки, чѣмъ въ пѣхотѣ!...“

— „А еще лучше было бы миѣ—или совѣмъ на свѣтъ не родиться, или умереть поскорѣй!...“—отвѣчала на это, понуря голову, Тарасъ, и двѣ крупныя слезинки,—вотъ, какъ теперь, вижу,—такъ и скатились у него съ глазъ...—Да-съ, не легко, и даже очень не легко жилось ему, бѣднягѣ, въ Ново-Петровскѣ, а особенно по началу... Но потомъ, какъ водится, дѣло помаленьку обоплось. Тутъ же, кетати,—точно уже не помню, когда именно, но кажется, что въ іюнѣ 1852 г.—разрѣшено ему было и писать, и рисовать, хотя, впрочемъ, и подъ надзоромъ особаго офицера.—Ну, разузнали мы мало-помалу, и что за человекъ былъ Тарасъ, и за какіе такіе грѣхи попалъ подъ красную шапку... А какъ разузнали, то всѣ его полюбили и стали вездѣ его принимать, какъ своего, и въ холостыхъ и въ семейныхъ

домахъ, начиная съ коменданта, дѣтямъ котораго онъ началъ давать уроки.—Да и трудно, знаете, было его не полюбить, потому что онъ умѣлъ и держать то себя хорошо, да и былъ то мало того, что очень, очень разумный, но и совсѣмъ хорошій, какъ говорится, душевный человѣкъ, съ которымъ даже и не въ Ново-Петровскѣ, и не нашему брату, простому офицеру, было бы не только приятно, но, можно сказать,—и пользительно побесѣдовать. Да-съ!...—Сближался онъ съ людьми какъ то съ опаскою, не скоро.—При встрѣчахъ съ малознакомыми, или съ такими, которыхъ онъ не подлюбливалъ, не добьешся, бывало, отъ него ни слова: сидитъ себѣ насупившись, точно воды въ ротъ набралъ! Случалось это, впрочемъ, съ нимъ и такъ, когда находилъ на него какъ будто какой худой стихъ?!—Тогда хоть и не зови его! Сидитъ себѣ, хмурый—хмурый, да молча рисуетъ или лѣпнеть что нибудь, а то, бывало, и просто такъ сидитъ, точно замершій, на мѣстѣ въ какомъ нибудь пустынномъ юру, да, пригорюнившись, глядитъ куда то вдаль... Но за то иногда, хотя и не часто, да уже какъ разойдется, разговорится, да начнетъ сыпать разныя свои поговорки да анекдоты,—а онъ ихъ зналъ тьму!—или же какъ начнетъ при этомъ изображать въ лицахъ купцовъ, поповъ, дьяковъ, старообрядцевъ,—а онъ и на это былъ мастеръ!—тогда веселья и хохоту, бывало, просто не бывало конца!...

Что онъ писалъ въ Ново-Петровскѣ — того доподлинно сказать не умѣю. А рисовалъ и лилъ изъ алебаstra много,—разумѣется съ тѣхъ поръ, какъ ему это было разрѣшено. Такъ, онъ охотно рисовалъ портреты съ офицеровъ и дамъ, но не красками, а разноцвѣтными карандашами, и нѣкоторые изъ этихъ портретовъ, хотя впрочемъ не всѣ, отличались большимъ сходствомъ. Лучшими изъ нихъ считались у насъ портреты коменданта и мой...

— Гдѣ же онъ? покажите, пожалуйста, — единогогласно воскликнули мы всѣ.

— Гм... гдѣ?!—да развѣ многое сбережешь, гг., при перекочевкѣ, при которой прошла большая часть моей службы?!—При переѣздѣ въ Корамахчи, на Сыръ-Дарью, затерялся какъ то, а

можетъ гдѣ и украли, мой сундучекъ, а съ нимъ и портретъ мой... А то вотъ, гг., расскажу вамъ любопытный случай.— Одинъ разъ, лѣтомъ, этакъ около 6 час. утра, съ южной стороны моря, появился великолѣпный и такъ долго державшійся миражъ, изображающій какой то неизвѣстный намъ городъ съ домами, башнями, и проч., что Шевченко успѣлъ даже отлично срисовать все это видѣніе.— Проходить довольно продолжительное время. Дивимся мы на картину и ума приложить не умѣемъ, что же бы это за городъ такой могъ такъ живо отразиться въ воздухѣ?! Только приходитъ въ Ново-Петровскъ пароходъ „Ленкорань“. Шевченко возьми да и покажи свою картину морскимъ офицерамъ. Представьте же себѣ наше общее удивленіе, когда тѣ въ одинъ голосъ воскликнули: „да это Астрабадь!!...“ и тутъ же начали показывать и башни и дома: „вотъ,—говорятъ,—это такая то, а вотъ то такой то, и т. д...“

Изъ множества фигуръ и статуэтокъ, которые онъ выливалъ изъ алебаstra, мнѣ особенно вѣзались въ памяти двѣ его группы. Одна изображала Христа, мучимаго іудеями: спереди предъ Христомъ, сидящимъ въ терновомъ вѣнкѣ, сидитъ на колѣняхъ жидъ, высунувшій языкъ и, видимо, дразнящій его, а позади стоитъ другой, стегающій плетью Спасителя по спинѣ. Другая группа изображала сцену изъ киргизской жизни: стоитъ кибитка съ поднятою отъ жары кошмою¹⁾. Въ глубинѣ кибитки сидитъ киргизъ въ кошемной, нѣсколько на бокъ, шляпѣ, съ довольною фізіономіею и играетъ на домбрѣ (балалайкѣ).—Снаружи, у дверей, съ улыбкою на губахъ и съ головою, повернутой къ нему, стоитъ его жена и толчетъ просо. У ногъ ея двое маленькихъ, голыхъ киргизятокъ, играющихъ между собою. Съ правой стороны лежитъ привязанный къ кибиткѣ теленокъ, а съ лѣвой—двѣ козы. Превосходныя, знаете, были обѣ эти группы!—Послѣдняя была и у меня, да въ проклятомъ переѣздѣ чрезъ степь искрошилась на бѣду въ порошокъ.—Вѣдь, при нашихъ переѣздахъ и желѣзныя то вещи портятся дорогой, а гдѣ же тутъ сохранить алебастровыя?!... И портреты наши срисовывалъ, и

¹⁾ Кошма—войлокъ.

алебастровыя свои произведенія намъ раздавалъ Шевченко обыкновенно даромъ.—Но всё мы, зная крайне стѣсненное положеніе его, подъ всякими благовидными и необходимыми для него предложениями, всячески старались какъ либо отдариться за то, помочь ему и вообще не остаться въ долгу...

Я уже докладывалъ вамъ, гг., что съ 1852 г. Шевченко сталъ все больше и больше вхожъ въ наше маленькое общество, которое такъ, наконецъ, полюбило его, что безъ него не устраивало, бывало, уже ничего,—были то обѣды или ужинъ по какому либо случаю, любительскій спектакль, поѣздка на охоту, простое какое либо сборище холостяковъ, или пѣвческій хоръ.

Хоръ этотъ устраивали офицеры, и Шевченко, обладавшій хорошимъ и чистымъ теноромъ и знавшій много чудесныхъ украинскіхъ пѣсенъ, былъ постояннымъ участникомъ этого хора, который, право же, очень и очень недурно пѣвалъ и русскія, и украинскія пѣсни, а по праздникамъ такъ и въ церкви, на клиросѣ.

Про обѣды да ужины, которые, случалось, оканчивались иногда и попойками, въ которыхъ участвовалъ и Тарасъ, любившій, къ сожалѣнію, иногда такъ выпить, или какъ онъ самъ говаривалъ: „убить съ горя муху“, говорить не стоитъ: были они, какъ и всё подобныя обѣды и ужины! Ну, а про тѣ спектакли, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, какъ актеръ и декораторъ, нельзя не вспомнить,—тѣмъ болѣе, что безъ него, при всемъ увлеченіи и стараніи, съ какими разучивали и играли свои роли прочіе актеры-любители, врядъ ли эта затѣя наша возбудила бы тотъ восторгъ, съ какимъ встрѣтила ее наша ново-петровская публика, которою всякій разъ буквально биткомъ наполнялась казарма, гдѣ шли спектакли.

На первыхъ двухъ спектакляхъ оба раза шла комедія Островскаго: „Свои люди,-- сочтемся!“ повторенная по общему и единогласному желанію всей публики. Въ комедіи этой, кромѣ роли Рисположенскаго, которую взялъ на себя Шевченко, всё роли, даже женскія, играть въ которыхъ наши дамы не пожелали, исполнялись офицерами... Игралъ въ ней,—смѣхъ, ей-Богу, вспомнить!—и я роль Подхалюзина, въ костюмѣ же котораго,

въ антрактахъ, сходилъ еще и въ оркестръ, чтобы играть на скрипкѣ, безъ которой тотъ обойтись не могъ; ну, да, вѣдь, по пословицѣ: „охоту тѣшить — не бѣду платить!“...—Такъ какъ, надо вамъ сказать,—генеральной репетиціи у насъ не было, а на репетиціяхъ Шевченко никогда настояще не игралъ, то мы, понятно, и не знали, какой то выйдетъ изъ него Рисположенскій? Но когда, на первомъ представленіи, онъ появился на сценѣ за костюмированный да началъ уже играть, такъ не только публика, но даже мы, актеры, пришли въ изумленіе и восторгъ!... Ну,—повѣрите ли?—точно онъ преобразился?! ну, ничего въ немъ не осталось Тарасовскаго: ярыга, чистая ярыга того времени,— и по виду, и по голосу, и по ухваткамъ!...

Послѣ перваго спектакля, бывшій тогда комендантомъ нашимъ, превосходный и умница человекъ, подполковникъ Маевскій,—вѣчная ему память!—устроилъ для насъ, актеровъ, и другихъ офицеровъ и ихъ семействъ ужинъ, а затѣмъ танцы, продолжавшіеся до разсвѣта.—Такъ, вотъ, послѣ этого ужина Маевскій подошелъ къ Шевченку, чокнулся съ нимъ и правду сказалъ: „богато тебя, Тарасъ Григорьевичъ, одѣлили Богъ: и поэтъ то ты, и живописецъ, и скульпторъ да еще, какъ оказывается, и актеръ... Жаль, голубчикъ мой, одного,—что не одѣлилъ онъ тебя счастьемъ!...—Ну, да Богъ же не безъ милости, а козакъ не безъ счастья!“...

Третій спектакль заключался въ двухъ водевиляхъ, играныхъ уже одними нижними чинами, которые, право же, весьма недурно исполнили свои роли. Шевченко, по мысли котораго и устроился этотъ спектакль, котораго онъ былъ и душою, самъ однако въ немъ не игралъ, но за то разутѣшилъ публику такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ, что она отъ восторга чуть не спятила съ ума!—Во время антракта вдругъ подымается занавѣсъ; музыка начинаетъ играть плясовой малороссійскій мотивъ, а на сценѣ появляются Тарасъ, переодѣтый въ малоросса, и молодой прапорщикъ Б., переодѣтый въ малороссіянку, да какъ „ушкварять“ украинскаго трепака, такъ просто отдай все, да и мало! — Отъ криковъ *bis* да аплодисментовъ едва казарма не развалилась: ей-Богу!... Надивилъ тогда Тарасъ насъ всѣхъ

своимъ искусствомъ въ пляскѣ!—Потомъ, какъ узнали за нимъ и этотъ секретъ, то по вечеринкамъ частенько таки упрашивали его проплясать своего трепака, и когда онъ бывалъ въ духѣ или немножко, какъ говорится,—„подъ шефе“, то бывало, и плясывалъ, и пѣвалъ...

— А Тарасъ то частенько бывалъ „подъ шефе“, какъ вы говорите, Егоръ Тимофѣевичъ?...

— Ну!... часто не часто, а бывалъ таки. Да „подъ шефе“, это что!—пустяки: тогда одни только пѣсни, пляски, остроумные рассказы.—А вотъ худо, когда, бывало, онъ хватить уже черезъ край. А и это, хотя, правда, рѣдко, а случалось съ нимъ послѣдніе, этакъ года два, три...—Разъ, знаете, лѣтомъ выхожу я часа въ три ночи вздохнуть свѣжаго воздуха. Только вдругъ слышу пѣніе.—Надѣлъ я шапку, взялъ съ собою дежурнаго, да и пошелъ по направленію къ офицерскому флигелю, откуда неслись голоса.—И что же, вы думаете, вижу? Четверо несутъ на плечахъ дверь, снятую съ петель, на которой лежатъ два человѣка, покрытые шинелью, а остальные идутъ по сторонамъ и поютъ: „Святый Боже, Святый крѣпкій!“—точно хоронятъ кого.—„Что это вы, гг., дѣлаете?“—спрашиваю ихъ.—„Да, вотъ, говорятъ, гулянка у насъ была, на которой двое нашихъ, Тарасъ да поручикъ Б., легли костью,—ну, вотъ, мы ихъ и разносимъ по домамъ“...—Само собою разумѣется, на другой день всѣхъ ихъ, рабовъ божіихъ, и тѣхъ, кто хоронилъ, и тѣхъ, кого хоронили, кого посадили на гауптвахту, кого нарядили на дежурство... А то другой разъ поѣхали мы какъ то большой компаніей на охоту, на Лбище. Это будетъ верстахъ, этакъ, въ 15-ти отъ крѣпости, на крутомъ берегу, откуда отерываются великолѣпные виды на Каспій и на острова Каменный и Куломинскій и гдѣ, бывало, кишмя-кишатъ дупеля, куропатки, рябчики, утки. Взяли, разумѣется, съ собою и Тараса, который,—какъ теперь вижу его!—былъ еще тогда одѣтъ въ равендучномъ пальто, а на головѣ имѣлъ тростниковую шляпу съ широкими полями, имъ же самимъ сплетенную на Мангшлакѣ. Всей охотой управлялъ комендантъ, страстный и хорошій охотникъ.—Ну-съ, пріѣхали мы часа въ 4 утра къ развалинамъ какой то старинной турк-

менской крѣпостцы; приказали здѣсь повару готовить намъ обѣдъ; повѣрили по комендантскимъ свои часы и разошлись въ разныя стороны охотиться, условившись къ 12 ч. дня собраться къ обѣду.—Шевченко пошелъ однако не на охоту, которой вообще не любилъ, а на берегъ, неподалеку отъ крѣпостцы, чтобы рисовать морскіе виды.—Къ условному часу собрались мы. Обѣдъ былъ уже готовъ.—„А ну-ка, гг.,—говорить комендантъ,—теперь можно кажется выпить и по чарочкѣ!... подай ка,—говорить козаку,—водку то!“—Приносить тотъ четыре бутылки, въ которыхъ была порученная ему водка, но только три изъ нихъ уже совсѣмъ пустыя, а въ четвертой, много-много, на доушкѣ рюмки съ двѣ, а самъ, разумѣется, и лыка не вяжетъ.—„А гдѣ же однако Шевченко, гг.?“—вспомнилъ кто то изъ охотниковъ.—Пошли искать его и находятъ на берегу: портфель съ набросаннымъ рисункомъ лежитъ подлѣ, а самъ онъ непробудно спитъ.—Оказалось, что онъ съ козакомъ выпили четыре бутылки водки!... Смѣху тутъ и шуткамъ не было конца; но мнѣ, знаете ли, было и больно, и досадно за него: ну, пусть бы еще козакъ то, простой,—необразованный человѣкъ... а онъ то?!... Такъ, знаете, на арбѣ¹⁾, въ безчувственномъ состояніи, привезли мы его и въ крѣпость.—На другой день, сгоряча, я нарядилъ его не въ очередь въ карауль.—Сутокъ трое послѣ того не говорилъ даже съ нимъ; ну, а затѣмъ, призываю его къ себѣ:—„Бога,—говорю,—ты не боишься, Тарасъ Григорьевичъ! Хотя бы малость себя же поберегъ!—Вѣдь, предъ тобой еще цѣлая жизнь!“

— Да на что мнѣ эта жизнь? говорить,—кому она нужна?!... со свѣту бы поскорѣй!...

Ну-съ, вотъ, такимъ то манеромъ жили мы поживали да про крымскую войну читали, какъ, вдругъ, точно громъ съ неба!—получаемъ извѣстіе о смерти Императора Николая Павловича. Пригорюнились таки мы всѣ при этомъ, а очень, очень многіе таки и сплакнули съ... ну, а потомъ, мало по малу, ободрились: новый царь, новыя, значить, милости! Ободрился при этомъ и нашъ Тарасъ. Но проходитъ годъ, проходитъ коронація, полу-

¹⁾ Арба—двухколесная повозка.

чается и манифестъ, а про Тараса, какъ говорится, ни гугу! Запечалился онъ тогда, бѣдняга, такъ запечалился, что иногда, вѣрите ли, я побаивался, какъ бы онъ и руку на себя не наложилъ?! Вотъ, въ эту то пору онъ и сталъ особенно пощивать горькую; а до того когда-когда, развѣ уже въ компаніи!... Часто въ эту пору я и уговаривалъ, и утѣшалъ его, что „Богъ де не безъ милости“, такъ только, бывало, махнетъ рукой да скажетъ: „для всѣхъ, да только, видно не для меня!“

По поздней осени 1856 г. отправился я въ отпускъ, въ Уральскъ; женился тамъ; а по веснѣ 1857 г. опять вернулся въ Ново-Петровскъ, гдѣ засталъ Тараса въ добромъ здоровьѣ и какъ будто немножечко ставшаго пободрѣй. Получилъ онъ, изволите видѣть, нѣсколько писемъ отъ разныхъ друзей и отъ какой то даже графини, которые утѣшали его надеждою на скорый возвратъ до дому. Онъ самъ мнѣ и показывалъ эти письма... Тутъ опять произошла смѣна ротъ: 4-ю отправили въ Уральскъ, а мнѣ велѣли принять прибывшую на ея мѣсто, 2-ю, куда я и перевелъ Шевченка, чего и онъ да я и самъ хотѣлъ, чтобы уже, знаете, не разставаться намъ. Такъ и прожили мы съ нимъ до августа, когда, не помню уже какого числа, вдругъ получается распоряженіе: отправить рядоваго Шевченка въ г. Уральскъ, а оттуда уволить со службы, возвративъ въ первобытное состояніе. О радости его при этомъ не стану уже и говорить. Родовались за него многіе, а уже особенно я, хотя мнѣ было и очень грустно съ нимъ разставаться: вѣдь, столько лѣтъ прожили вмѣстѣ, дѣлили столько горя и радости... да и хорошій, сердечный, даровитый человекъ былъ Тарасъ, хотя, какъ вѣрно замѣтилъ Маевскій, судьба и одѣлила его всѣмъ, кромѣ счастья!... Крѣпко-крѣпко обнялся я на прощанье съ Тарасомъ, провожая его въ путь и усаживая на почтовую лодку, на которой онъ отправился въ Уральскъ. Больше мы уже съ нимъ, вѣчная ему память! не встрѣчались.

Ну, вотъ, гг., и все, что я могу сообщить вамъ о Шевченкѣ.

— Баснями соловья не кормятъ,—замѣтила Егору Тимофеевичу его почтенная супруга,—ты и забылъ, что уже 1-й часъ и пора попросить ихъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Около 2-хъ часовъ ночи мы разъѣхались съ квартиры нашего гостепріимнаго и, по истинѣ, милаго, симпатичнаго хозяина.

Пока мы слушали безыскусственные рассказы его и ужинали, погода, какъ это нерѣдко бываетъ въ степяхъ, опять уже измѣнилась. Вѣтеръ утихъ; морозъ опять усилился градусовъ до 15-ти, тучи исчезли и надъ нами высилось чистое, безоблачное, засыпанное сверкающими звѣздами небо. Въ 6 час. утра я уже покидалъ Казалинскъ, невольно, по пути, вспоминая Раимское укрѣпленіе, фортъ Косъ-Аральскій и стихи Шевченка, неотвязчиво преслѣдовавшіе меня всю дорогу:

«Прощай, убогый Косъ-Арале!» ...

Н. Д. Н.

Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи.

(Курская губ. Итоги статистическаго изслѣдованія. Курскъ. 1887).

Въ работахъ земскихъ статистиковъ, помимо чисто практическихъ данныхъ, можно часто найти болѣе или менѣе интересные факты и обобщенія, имѣющіе широкій интересъ, любопытные не однимъ только специалистамъ. Еще болѣе болѣе интересъ имѣютъ этого характера работы, представляющія собой уже обобщеніе по такому громадному району, какъ губернія. „Итоги статистическаго изслѣдованія“ курской губерніи являются одной изъ первыхъ книгъ, суммирующихъ изслѣдованія по цѣлой губерніи; въ въ другихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ черниговской, статистическія изслѣдованія хотя и закончены, но добытыя данныя сгруппированы въ поуѣздныхъ сборникахъ и еще не сведены въ одну книгу по цѣлой губерніи. Разсматриваемая нами книга, кромѣ общаго интереса, заслуживаетъ вниманія еще и потому, что, съ одной стороны, совѣтомъ московскаго университета удостоена самаринской преміи, а съ другой—мѣстнымъ земствомъ признана викауда негодной. Авторъ этой книги—статистикъ, руководившій изслѣдованіемъ курской губерніи,—г. Ип. Вернеръ.

Курская губернія лежитъ почти въ центрѣ Европейской Россіи; протяженіе ея съ сѣвера на югъ 225 верстъ, а съ В. на З.—310 вер. ¹⁾.

¹⁾ Въ „Итогахъ“, благодаря спѣшности печатанія, есть много неисправленныхъ опечатокъ въ цифрахъ. Такъ, протяженіе губерніи по даннымъ центральнаго

Самая высокая точка надъ уровнемъ моря на этой площади 1016 ф. у. г. Тима¹⁾, средняя же абсолютная высота губерніи 776 ф.²⁾

„Общій характеръ растительнаго слоя курской губерніи—это черноземъ сѣровато-чернаго цвѣта глубиною отъ 4 верш. до 2 арш. и болѣе“ („Итоги“, стр. 36). „Употребляя общепринятую терминологию, почвы эти не особенно жирны, не холодны, не тяжелы, влагоёмки и достаточно дѣятельны. Онѣ требуютъ среднее количество органическихъ удобрительныхъ веществъ, которыя усваиваются не столь медленно, какъ въ песчаныхъ почвахъ, и въ то же время дѣйствуютъ несравненно дольше, чѣмъ въ послѣднихъ“ (стр. 39). Въ частности почвы курской губ. можно подраздѣлить на: 1) глубокой суглинистый черноземъ (до 3 фут.) въ сѣверо-восточной части губерніи, 2) мелкій черноземъ—въ западной, 3) суглинокъ въ сѣверной, 4) супесокъ и песокъ по берегамъ рѣкъ (впрочемъ не вездѣ) Свапы, Псла, Оскола, Сѣвернаго Донца и Ворсклы, и 5) мѣловой и известковый черноземъ близъ системы Сѣвернаго Донца, по преимуществу на югѣ бѣлгородскаго уѣзда. Эти почвы „на практикѣ различаются лишь тѣмъ, что требуютъ нѣсколько иной обработки, вознаграждаютъ же онѣ эту обработку почти одинаково“ (стр. 41).

Говоря подробно о климатѣ курской губ., г. Вернеръ не приводитъ замѣчанія академика Веселовскаго, работами котораго онъ пользовался, что средняя температура въ южной части курской губ. на 0,6° выше, чѣмъ въ сѣверной³⁾.

На описанной площади съ такими почвенными и климатическими условіями, современными уже болѣе или менѣе намъ, въ XVI вѣкѣ столкнулись въ своемъ массовомъ разселеніи малороссы, направлявшіеся съ юга, и великороссы, шедшіе съ сѣвера. Ко времени изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ (1883—1885 гг.) объ народности слились: „отъ близкаго соприкосновенія великорусскаго и малорусскаго населенія между ними почти изгладилась разница, и даже получился какой то особенный средній языкъ“ (стр. 58).

Фактъ, указываемый г. Вернеромъ, не можетъ не поразить всякаго, сколько нибудь знакомаго съ этнографіей племенъ, населяю-

статистическаго комитета („Списокъ населенныхъ мѣстъ“) слѣдующее: съ С. на Ю.—190 в а съ В. на З.—273 вер.

¹⁾ Ibid.—1019 ф.

²⁾ Ibid.—780 ф.

³⁾ Средняя годовая температура для г. Курска 5,1^в, лѣто—18,8, зима—8,2^в Среднее количество осадковъ въ году—17,8^в дюйма; на лѣтніе мѣсяцы приходится

щихъ Россію. Если бы мы, принявши сообщаемый г. Вернеромъ фактъ за несомнѣнный, попытался опредѣлить приблизительно время, когда могла произойти ассимиляція малорусской и великорусской народностей, то оказалось бы, что это грандіозное явленіе совершилось въ замѣчательно короткій промежутокъ времени—съ 1862 по 1883 годъ и при томъ только въ административныхъ границахъ курской губер. Въ сосѣднихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ, въ богодуховскомъ уѣздѣ харьковской губ., прилежающемъ къ грайворонскому уѣзду курской, малорусская народность по земско-статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается еще не слившейся съ великорусской, а сохраняетъ свои особенности: въ говорѣ, численномъ составѣ семьи, обстановкѣ сельско-хозяйственной жизни и т. д.¹⁾ Мы говоримъ, что если вѣрить г. Вернеру о сліяніи малорусской и великорусской народности въ административныхъ границахъ курской губ., то это сліяніе произошло послѣ 1862 г., на слѣдующихъ основаніяхъ. По даннымъ, собраннымъ въ 1862 году, старшій редакторъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ г. Артемьевъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику малороссовъ и великороссовъ въ курской губ.: „Должно замѣтить, что въ курской губ. и великороссы во многомъ различаются отъ жителей другихъ губерній и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ собою какъ бы переходъ къ южноруссамъ. Особенно это замѣтно въ языкѣ курянь, отличающемся какимъ то смягченіемъ въ произношеніи многихъ буквъ, что наиболѣе свойственно малорусскому нарѣчію; кромѣ того употребляется очень много словъ чисто малорусскихъ; но въ бытѣ и обычаяхъ великороссіане значительно разнятся отъ малороссіанъ: они хотя и зовутъ свою „избу“ по малороссійски „хатою“, однако содержать ее не въ малороссійской чистотѣ и опрятности. Одна изъ рѣзко бросающихся особенностей во внѣшности курянина,—это употребленіе бѣлыхъ шляпъ въ формѣ колпака, ваяныхъ изъ шерсти. Въ женскомъ нарядѣ великорусскихъ селеній также замѣчательны головные уборы и повизки, очень разно-

осадковъ 7,40 д., на весну 4,62 д., осень 4,30 д. и на зиму 1,50 д. Дней съ осадками 153,8; наибольше ихъ бываетъ въ іюль (15) и декабрѣ, а также весной. Изъ мѣтровъ чаще другихъ дуетъ западный, а изъ восточныхъ наименѣ вредный—юго-восточный.

¹⁾ „Сборникъ статистико-экономическихъ и оцѣночныхъ свѣдѣній по богодуховскому уѣзду“. Харьковъ. 1886 г. Матеріалъ собранъ и обработанъ А. С. Бориневичемъ при сотрудничествѣ К. Ф. Ухачъ-Охоровича и С. И. Допачевского. На этотъ сборникъ прійдется намъ еще ссылаться.

образные. Эти бѣлые колпаки мужчинъ и своеобразные кокошники женщинъ (особенно въ с. Увеселительномъ, обоянскаго уѣзда) да и самую особенность курскаго говора едва ли не слѣдуетъ считать остатками далекой древности, указывающими на то, что коренные обитатели здѣшняго края, хотя были славяне, однако отличавшіеся отъ славянъ новгородскихъ и кіевскихъ, — именно сѣверяне, болѣе близкіе къ кривичамъ, древлянамъ, радимичамъ и вятичамъ. — Малороссіяне въ образѣ жизни, домоводствѣ, костюмѣ сохраняютъ гораздо больше единства съ поднѣпровскими своими собратьями¹⁾. Кромѣ внѣшней обстановки жилищъ, говора и одежды малороссіяне въ курской губ. отличаются отъ великороссовъ и въ экономической обстановкѣ жизни, насколько это различіе можетъ происходить отъ употребленія того или иного пользовательнаго и рабочаго скота, а само собой — и орудій обработки почвы: касаясь скотоводства въ курской губ., г. Артемьевъ, между прочимъ, говоритъ: „Лошади болѣе развиты въ сѣверныхъ и центральныхъ уѣздахъ; рогатаго скота и овецъ насчитывается больше въ уѣздахъ южныхъ: это объясняется тѣмъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ, гуще населенныхъ великороссами, для всѣхъ работъ по преимуществу употребляются лошади, тогда какъ между малороссіянами полевая работа и перевозка тяжестей производятся больше волами“²⁾. Вообще признаки отличавшіе малороссіянъ отъ великороссовъ, въ 1862 году были настолько ясны, что дали возможность исчислить эти народности. Процентное отношеніе малороссовъ по всему населенію въ уѣздахъ было слѣдующее: въ грайворонскомъ 57,34 %; новооскольскомъ 55,90; путивльскомъ 50,52; суджанскомъ 46,27; рыльскомъ 41,76; бѣлгородскомъ 34,29; корочанскомъ 26,41; старооскольскомъ 13,82; обоянскомъ 11,37; льговскомъ 9,58; дмитріевскомъ 2,49; тимскомъ 2,18; курскомъ 2,02 и фатежскомъ 0,12. Совершенно не было малороссіянъ только въ одномъ щигровскомъ уѣздѣ; въ общемъ же по губерніи эта народность составляла немного менѣе 1/4 всего населенія (23 %) ³⁾. Что факты, представленные въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ“ ц. ст. комитета, не вымышленны, убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что вслѣдъ за характеристикой малороссіянъ и великороссовъ говорится о «бѣлоруссахъ» (они же «горюны»), которыхъ въ курской губ. по матеріаламъ, бывшимъ

¹⁾ „Списокъ населенныхъ мѣстъ“ стр. L и LI.

²⁾ Ibid. стр. LVI.

³⁾ Ibid. стр. L.

въ распоряженіи центр. ст. комитета, насчитывалось 23.000. Эти бѣлоруссы были для г. Артемьева загадкой и онъ говоритъ о нихъ условно. Но недавно появившаяся статья г. Добротворскаго «Саяны»¹⁾ разсѣиваетъ всякія сомнѣнія о существованіи въ курской губ. еще одной народности, кромѣ великороссіянь и малороссіянь, а тѣмъ самымъ подтверждаетъ, что матеріалы, которыми располагалъ г. Артемьевъ для характеристики народностей въ курской губ., заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Слѣдовательно, малороссіяне въ 1862 г. еще были въ курской губ.; если же г. Вернеръ при своихъ изслѣдованіяхъ губервіи не могъ различить малороссіянь отъ великороссовъ, то нужно признать одно изъ двухъ: либо эта народность ассимилировалась, какъ говоритъ г. Вернеръ, и именно съ 1862 по 1883 г., либо статистикъ былъ крайне невнимателенъ къ мѣстнымъ особенностямъ края. Мы, конечно, склоняемся ко второму предположенію, такъ какъ не можемъ допустить, помимо болѣе глубокихъ соображеній, чтобы саяны (они же бѣлоруссы, они же горюны) въ незначительномъ сравнительно количествѣ (23 тыс.) могли удержать свои національныя черты, а 400 тысячное населеніе малороссовъ въ то же время²⁾ ассимилировалось настолько съ великороссами, что ихъ нельзя было отличить другъ отъ друга.

Заключеніе объ ассимиляціи малорусской и великорусской народностей могло, впрочемъ, произойти и отъ того, что руководители статистическими работами въ курской губ., сначала В. И. Орловъ (подъ его руководствомъ описанъ только одинъ курскій уѣздъ), а затѣмъ Ип. Вернеръ не придавали никакого значенія этнографическимъ особенностямъ населенія изслѣдуемаго края. Программа, по которой изслѣдовалась курская губ., измѣнялась нѣсколько разъ, всё

¹⁾ Въстивъ Евронн. Сентябрь. 1888 г. Саяны г. Добротворскій характеризуетъ такъ: „что саяны составляютъ особую народность, совершенно отдѣльную „этнографическую вѣтвь“—это доказывается ихъ своеобразной одеждой, такъ рѣзко отличающеюся отъ одежды хохловъ и русскихъ, особенностями въ говорѣ, нравахъ, обычаяхъ, ихъ оригинальными сказками, лѣснями, и, наконецъ, самымъ ихъ названіемъ. Саяны изстари живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, и если ихъ этнографическій типъ сохранился до сихъ поръ, то этимъ они обязаны несомнѣнно тому обстоятельству, что они *составляютъ народность*, а не продуктъ одной только простой областной особенности“ (стр. 198 и 199).

²⁾ Г. Добротворскій, авторъ статьи „Саяны“, кажется сотрудникъ г. Вернера по изслѣдованію курской губ. и наблюденія его, очевидно, относятся къ тому же времени, къ которому относятся наблюденія и г. Вернера.

больше и больше увеличиваясь въ числѣ вопросовъ, предлагавшихся статистиками каждому домохозяину отдѣльно и сколу крестьянъ. Но въ самомъ обширномъ своемъ объемѣ программа эта не заключаетъ въ себѣ вопроса о національности опрашиваемаго лица или цѣлой общины. Очевидно, гг. Орловымъ и Вернеромъ заблаговременно еще было усвоено, что вопросъ объ этнографическомъ составѣ населеніи не нуженъ ни для практическихъ цѣлей земства, ни для науки. Не желая входить въ разсмотрѣніе этого вопроса по существу, укажемъ только, что многіе земскіе статистики, работы которыхъ намъ извѣстны, держатся инаго взгляда: изслѣдуя населеніе и его бытовыя и сельскохозяйственныя условія жизни съ этнографической стороны, они получаютъ такіа цифровыя указанія и выводы, какихъ нельзя получить, изучая населеніе только по экономическимъ группамъ¹⁾. Игнорированіе г. Вернеромъ мѣстныхъ условій края, и въ частности этнографическихъ особенностей населенія, очень вредно отразилось на результатахъ изслѣдованія, которые во многихъ случаяхъ представляются сомнительными, а иногда и прямо невѣроятными.

Слѣдя за изслѣдованіемъ курской губ. по «Итогамъ» г. Вернера, остановимся прежде всего на главѣ о народонаселеніи.

Сосчитать народонаселеніе въ уѣздѣ и цѣлой губерніи задача не такая легкая, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Когда у насъ были ревизскія переписи, имѣвшія фискальную цѣль, населеніе приписывалось къ извѣстному населенному мѣсту, не спрашиваясь, живетъ ли данная семья въ моментъ переписи на мѣстѣ, или нѣтъ. Такое правило по крайней мѣрѣ практиковалось относительно громаднаго большинства населенія — всего податнаго и крѣпостнаго. При переписи городовъ регистрація производится въ теченіи одного дня и всѣ поправки приурочиваются къ этому дню; численность населенія, бывшаго въ день переписи, принимается за населенность города. Послѣдній способъ переписи невозможенъ въ уѣздѣ, гдѣ регистрація производится нерѣдко по нѣскольку мѣсяцевъ. Да къ тому же земская статистика сельскаго населенія имѣетъ и другую цѣль: ей надо знать не только количество народонаселенія, но, и его экономическое положеніе, его сельско-хозяйственную дѣятельность. Руководиться фактомъ приписки даннаго лица (или двора) къ извѣстному обществу также

¹⁾ Труды г. Филипонова по вятской губ., Бориневича — богодуховскій уѣздъ. К. Вернера — евпаторійскій и переконскій уѣзды, „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ.“, т. I, II и III и т. д.

неудобно, такъ какъ очень часто самый фактъ отсутствія приписаннаго въ обществу тѣмъ уже самымъ указываетъ на характеръ его экономической жизни (переселенцы, отхожіе на заработки). Затѣмъ, земская статистика имѣетъ цѣлью указать дѣйствительное положеніе вещей, — какъ люди расселились на данной территоріи для большихъ удобствъ жизни и своей дѣятельности ¹⁾). Переформенная жизнь дастъ массу переселеній изъ мѣстъ приписки, и на нихъ отражаются условія экономической жизни населенія ²⁾).

При наличности такихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ задачъ земско-статистическаго изслѣдованія края, нельзя дать категорическую цифру населенія; или, по крайней мѣрѣ, представляя её, необходимо дать ключъ къ пониманію этой цифры. Г. Вернеръ въ своемъ обширномъ предисловіи, объясняя другія менѣе важныя вещи, ни словомъ не упоминаетъ, какъ считались рабочіе, ушедшіе изъ семьи, и какъ считались наемные рабочіе. Относительно послѣднихъ есть только указаніе (стр. 12), что они не считались въ семьѣ, но входятъ ли они въ счетъ народонаселенія даннаго населеннаго мѣста или нѣтъ—это неизвѣстно; судя же по результатамъ общаго подсчета народонаселенія, можно думать, что они вошли въ счетъ.

Вообще, судя по программѣ изслѣдованія и по построению таблицъ сводки подворной переписи, можно думать, что г. Вернера не волновали никакія сомнѣнія въ вопросѣ о точности счисленія народонаселенія. При регистраціи на мѣстѣ въ курской губерніи записывалось въ подворный бланкъ все населеніе, приписанное къ данному обществу, было ли оно на мѣстѣ, или нѣтъ. Это видно изъ того, что разборка съ населеніемъ происходила уже во время под-

¹⁾ Давный крестьянскій дворъ, не имѣя возможности или нежелая обрабатывать свой надѣлъ, оставилъ общество и переселился въ сосѣднее село, гдѣ поступилъ рабочимъ въ экономію или занялся торговлей; гдѣ онъ долженъ быть зарегистрированъ: въ своемъ ли обществѣ, съ которымъ порвалъ всякія связи, кромѣ приписки, или въ томъ поселеніи, гдѣ его застала перепись?

²⁾ Значительную трудность въ счетѣ населенія составляетъ та масса уходящихъ и приходящихъ на заработки одиночекъ, которые состоятъ и въ семьѣ, и какъ бы внѣ ея. Въ числѣ такихъ рабочихъ есть не мало потерявшихъ всякую связь съ семьей; о нихъ семья не знаетъ даже, живъ ли онъ. Наконецъ, не мало важной трудности вопросъ состоитъ и въ томъ, — какъ считать одиночку ушедшаго или нанятаго на годъ: въ томъ ли мѣстѣ, гдѣ живетъ его семья, или тамъ, гдѣ нашла его перепись? Если посчитать его безусловно при семьѣ, то это не будетъ выражать дѣйствительности, да и нѣтъ гарантіи, что, прослуживши годъ или полгода въ другомъ селѣ, онъ воротится въ семью. Не записывать же на томъ мѣстѣ,

счета, первое правило котораго было слѣдующее: «1) Передъ началомъ подсчета изъ подворной переписи вычеркиваются: а) всѣ ушедшіе въ другую семью, какъ члены этой семьи («ушелъ въ зятѣ», «вышла замужъ», «малолѣтній, живетъ у родственниковъ» и т. п.), б) всѣ ушедшіе на «сходцы» безъ различія во времени ухода и в) переселившіеся съ семьей въ города съ промышленной цѣлью болѣе 5 лѣтъ тому назадъ» (стр. 17). Изъ этого правила подсчета слѣдуетъ, что существующими на мѣстѣ изслѣдованія считались: всѣ ушедшіе въ отхожій промыселъ одиночки и семьи, переселившіеся въ города менѣе 5 лѣтъ назадъ, порвавшіи всякую связь съ общиной, и уже несомнѣнно продавшіе хату, скотъ, инвентарь и все имущество и, наконецъ, семьи, живущія въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда¹⁾. Объ этой категоріи дворовъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь прочтемъ еще одно правило подсчета. «8. Далѣе заносятся постороннія для данной общины лица: дворяне, духовенство, купцы, крестьяне, приписанные къ другимъ общинамъ; дворовые никакимъ образомъ въ эти рубрики не входятъ, такъ какъ они не приписаны ни къ какому обществу и притомъ подсчитываются вмѣстѣ съ надѣльными» (стр. 18). Такимъ образомъ не только одиночки, ушедшіе на промыслы въ той же губерніи, считались дважды²⁾ но и цѣлыя крестьянскія хозяйства: разъ оно считалось въ своей общинѣ, хотя тамъ и не жило³⁾ а вторично въ качествѣ посторонняго тамъ, гдѣ его застала перепись. Дворовые, какъ не связанные съ землей и преимущественно всякаго рода ремесленники, послѣ освобожденія крестьянъ, надо предполагать, расселились по преимуществу въ промышленныхъ поселеніяхъ и, будучи посчитаны вмѣстѣ съ мѣстными надѣльными крестьянами, должны были дать въ этихъ поселеніяхъ несоразмѣрно высокой процентъ безземельныхъ.

Указанныя правила регистраціи и подсчета необходимо должны были дать замѣтную ошибку какъ въ числѣ дворовъ, такъ и особенно въ цифрѣ народонаселенія.

гдѣ его застала перепись — тоже будетъ уклоненіе отъ дѣйствительности; такъ какъ есть цѣлыя мѣстности, только дающія отхожихъ рабочихъ, и другія мѣстности могутъ справиться съ работой только при помощи пришлыхъ рабочихъ. Если же посчитать отхожаго рабочаго и при семьѣ, и тамъ, гдѣ его застала перепись, — получится преувеличенное число населенія.

¹⁾ Относительно послѣдняго разряда домохозяевъ, кромѣ логическаго вывода изъ правила, есть и прямое указаніе, что они записывались. Итоги, стр. 10.

²⁾ Разъ при семьѣ, а другой разъ тамъ, гдѣ ихъ заставала перепись.

³⁾ Вычеркивались вѣдь изъ переписи только ушедшіе въ города болѣе 5 л. наз.

Переписью зарегистрировано во всей губерніи безг. городовъ:

	мужчинъ.	женщинъ.
приписнаго населенія.	962.029	935.750
постороннихъ ¹⁾	23.271	22.364
	985.300	958,114

всего обоего пола 1.943.414.

Изъ приведенныхъ цифръ, добытыхъ статистическимъ изслѣдованіемъ, видно, что мужчины преобладаютъ надъ женщинами: послѣднихъ приходится на 100 мужчинъ всего 97,₂; между тѣмъ всѣ другія имѣющіяся данныя о населеніи курской губ. показываютъ, что въ ней женщины преобладаютъ надъ мужчинами ²⁾. Преобладаніе же мужчинъ надъ женщинами по даннымъ земско-статистическаго изслѣдованія могло произойти только отъ неправильнаго метода счисленія. Неправильность эта заключается въ томъ, что отхожіе рабочіе, всегда по преимуществу мужчины, внутри губерніи посчитаны дважды; дважды же посчитаны нѣкоторые не живущія на мѣстѣ семьи, а въ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ городахъ менѣе 5-ти лѣтъ, женщины посчитаны болѣе точно и въ большемъ относительно количествѣ, чѣмъ женщины ³⁾.

Мы допускаемъ, что данныя центр. статист. комитета не даютъ абсолютно точной цифры (особенно за 1883, 1885 г. и не крестьян-

¹⁾ „Въ обоянскомъ уѣздѣ посторонніе сосчитаны съ кореннымъ населеніемъ“. Примѣч. г. Вернера, стр. 65. Въ обоянскомъ уѣздѣ насчитано всего населенія 148.080 душъ об. пола и, какъ видно изъ сборника по обоянскому уѣзду, въ эту цифру вошли только *приписные* крестьяне, надѣльные и безземельные. Такимъ образомъ указаніе г. Вернера, что „посторонніе“ въ обоянскомъ уѣздѣ посчитаны съ кореннымъ населеніемъ, есть чистой воды выдумка; повторяемъ: посторонніе въ обоянскомъ уѣздѣ не регистрировались.

²⁾ По даннымъ централн. статист. комитета за 1862 г. (цифры близкія къ ревизскому исчисленію) считалось въ губерніи безъ городовъ мужч. 798.611 и женщинъ 840.372, т. е. на сто мужчинъ приходилось 105,2 женщ.; по даннымъ того же комитета за 1883 г. на 100 мужч. приходится 101,7 женщ. (Этихъ данныхъ у насъ нѣтъ подъ руками и потому мы ссылаемся на статью г. Фортунатова „Къ статистикѣ русскаго сельскаго населенія“. Юридич. Вѣстникъ. 1887 г. № 3); по даннымъ за 1885 г. въ томъ же районѣ было 1.044.109 мужч. и 1.058.257 женщ. Въ частности, крестьянскаго населенія въ 1878 году считалось 877.249 мужч. и 881.150 женщ. Словомъ, всѣ данныя Централн. статистическаго комитета въ одинъ голосъ говорятъ, что женщины въ курской губ. преобладаютъ надъ мужчинами.

³⁾ Последнее могло произойти отъ того, что представителя семьи при регистраціи не было на мѣстѣ, мѣстные же крестьяне, дававшіе свидѣнія объ отсутствующей семьѣ, всегда больше помнятъ о мужчинахъ, чѣмъ о женщинахъ.

скаго населенія за 1878 г.), что здѣсь ошибка по губерніи можетъ быть на 10—15 тысячъ, можетъ быть даже и болѣе, но иное дѣло ошибка въ абсолютной цифрѣ, а иное—въ относительной. Согласно показанію данныхъ центр. стат. комит., противъ вѣрности которыхъ г. Вернеръ нигдѣ ничего не возражаетъ въ своей книгѣ, о преобладаніи женщинъ надъ мужчинами даетъ намъ право утверждать, что въ цифрѣ народонаселенія, данной г. Вернеромъ ошибка, и вполнѣ понятная при томъ методѣ, который имъ практиковался. Ошибка эта выражается цифрой, равной по меньшей мѣрѣ цифрѣ, превышающей число мужчинъ надъ женщинами—т. е. тысячъ 25—30. Для абсолютной же поправки, чтобы получить цифру населенія дѣйствительно существовавшего въ уѣздахъ, необходимо сверхъ того изъ показанной г. Вернеромъ цифры населенія вычесть населеніе всѣхъ тѣхъ семей, которыя не живутъ на мѣстѣ, а перешли на жительство либо въ другія поселенія, либо въ города менѣе 5-ти лѣтъ тому назадъ.

Нужно замѣтить, что въ счетъ сельскаго населенія не вошли помѣщики, живущіе въ своихъ усадьбахъ; «по свѣдѣніямъ центр. стат. комит. въ 1878 году было 7,750 такихъ помѣщиковъ. Принимая, что въ каждой такой усадьбѣ живетъ 10 человекъ, составляющихъ семью помѣщика и пришлыхъ слугъ (а сельско-хозяйственные рабочіе?), общее населеніе въ этихъ усадьбахъ будетъ равно приблизительно 77,000 душъ об. пола» (стр. 66)¹⁾.

Населеніе въ городахъ г. Вернеръ опредѣляетъ такъ: населеніе ихъ «въ 1862 году составляло 105,815 душъ об. пола (см. «Спис. насел. мѣстъ» Изданіе центр. стат. комитета). Если принять, что за 24 года населеніе этихъ городовъ возросло на 2%, то въ настоящее время оно равно приблизительно 127,000 душъ об. пола (стр. 66)²⁾.

¹⁾ Является вопросъ: почему на усадьбу помѣщика надо считать 10 человекъ, а не 15—20? Намъ кажется, что г. Вернеръ дошелъ до этой цифры слѣдующимъ путемъ. Въ данныхъ центрального ст. ком. за 1878 г. ясно показана цифра не крестьянскаго населенія—113,844 д. об. пола. Если отсюда вычесть посчитанное г. Вернеромъ населеніе постороннихъ 45,635 душъ, то останется 67,209; нагнувши сюда % на приростъ и число постороннихъ, не посчитанныхъ въ обоянскомъ уѣздѣ—тысячъ 10, получимъ искомое: по 10 душъ на помѣщичью усадьбу.

²⁾ Мы посмотрѣли въ указываемую г. Вернеромъ книгу и тамъ увидѣли населеніе городовъ не въ 105,815 душъ об. п., а въ 116,171 душъ. Приводимая г. Вернеромъ цифра не опечатка; онъ почему то не желаетъ признавать существованія замт. г. Хотмыжска (грайворон. уѣзда), а въ городахъ Богатомъ (обоянск. у.) и Миропольѣ (суджанск. у.)—городскаго населенія и все населеніе этихъ двухъ городовъ зачисляетъ въ крестьянъ обоянскаго и суджанскаго у. (таблица на стр. 67

Такимъ образомъ все населеніе губерніи по счисленію г. Вернера состоитъ: въ уѣздахъ безъ городовъ—2,020,414 душъ об. пола и въ городахъ 127,000, а всего 2,147,414 душъ об. пола, или, какъ считаетъ г. Вернеръ ровно въ тысячахъ—2,148,000.

Если мы теперь взглянемъ на данныя центр. стат. комитета за 1885 г. т. е. на данныя, почти современныя изслѣдованію курской губ. земскими статистиками, то окажется всего населенія въ губерніи съ городами 2,266,573 д. об. пола¹⁾, т. е. больше противъ счисленія г. Вернера на 118,573 д., а въ уѣздахъ безъ городовъ—2,102,366, т. е. больше противъ того же счисленія на 81,952 души об. пола.

Какъ было уже замѣчено, мы не придаемъ большой цѣны абсолютнымъ цифрамъ народонаселенія центр. стат. комитета за 1885 г. и думаемъ, что онѣ въ уѣздахъ грѣшатъ въ сторону уменьшенія цифры, а не въ сторону преувеличенія²⁾. Такъ что, исходя изъ цифръ центр. стат. ком. за 1885 г., можно предположить, что въ помѣщичьихъ усадьбахъ, а также и во всѣхъ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ живутъ не крестьяне, которые не были подворно описаны земскими статистиками, нужно считать народонаселенія не 77 тысячъ, какъ считаетъ г. Вернеръ, а по меньшей мѣрѣ вдвое. Впрочемъ, для насъ это не важно: на этой цифрѣ мы не думаемъ останавливаться, а потому готовы допустить, что въ «помѣщичьихъ усадьбахъ» проживаетъ 77 тыс.

«Итоги»). Поступая логически г. Вернеръ долженъ былъ бы и населеніе г. Грайворона зачислить въ крестьяне, т. к. и тамъ есть крестьянское общество.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что г. Вернеръ, обращаясь такъ безцеремонно съ цифрами источниковъ, не только не выясняетъ причинъ, почему онъ такъ или иначе ихъ перетасовываетъ, но не дѣлаетъ даже указаній, что онъ сдѣлалъ такъ то. Разгадывать содержаніе цифръ, приводимыхъ г. Вернеромъ, необходимо всегда съ первоисточниками и со счетами въ рукахъ.

¹⁾ Въ томъ числѣ находится не существующій для г. Вернера гор. Хотмыжскъ и въ немъ 915 душъ, а въ городахъ, причисленныхъ г. Вернеромъ къ крестьянскимъ поселеніямъ, городского населенія: въ Богатомъ 338 душъ и въ Миропольѣ 3.289 д. об. п. Чтобы кто не подумалъ, что это населеніе посчитано у г. Вернера въ качествѣ „посторонняго“, проживающаго въ чертѣ крестьянской оцѣдлости, мы приведемъ справку: въ обоянскомъ уѣздѣ посторонніе не считались вообще, а въ с. Богатомъ „безземельныхъ“ показано 6 д. об. п.; въ суджанскомъ у. посторонніе хотя и считались, но во всей *миропольской волости* ихъ насчитано 532 д. об. пола; слѣдовательно городское населеніе въ 3289 д. въ эту цифру не вошло, (см. Сборникъ по обоянскому уѣзду и „Итоги“).

²⁾ Такое мнѣніе подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что волости, сообщающія свѣдѣнія губернскимъ статистическимъ комитетамъ, компетентны только въ отношеніи крестьянскаго населенія, свѣдѣнія же, сообщаемыя волостями о лицахъ

населенія единица въ единицу. Для насъ болѣе интересны и поучительны, для пониманія дальнѣйшихъ выводовъ, операціи, производимыя г. Вернеромъ надъ добытыми имъ цифрами, и тѣ приемы, которые при этомъ употребляются.

Для указанія прироста населенія г. Вернеръ беретъ два періода: съ 1862 г. по 1878 и съ этого года по 1883—85—время статистическаго изслѣдованія губерніи. При этомъ въ первомъ періодѣ берутся слѣдующія данныя: за 1862 г. *все* населеніе губерніи безъ городовъ по «Списку населенныхъ мѣстъ», съ присовокупленіемъ населенія въ городахъ Богатомъ и Миропольи, а за 1878 г. берется *только крестьянское* населеніе, хотя въ данныхъ центр. ст. комитета за этотъ годъ есть цифры и всего населенія. Разница между взятыми г. Вернеромъ цифрами даетъ приростъ *крестьянскаго* населенія за первый періодъ. А чтобы кто не усомнился въ логичности такого сравненія, г. Вернеръ эту сравнительную таблицу озаглавливаетъ «*Крестьянское населеніе*», желая тѣмъ увѣрить всѣхъ вообще и каждого порознь, что въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ» центр. ст. ком. за 1862 г. посчитано въ губерніи только одно крестьянское населеніе. Допустимъ, что въ этомъ пунктѣ своего сравненія г. Вернеръ не зналъ (?) содержанія матеріала, которымъ распоряжался. Но сравненіе населенія за второй періодъ отличается точь въ точь такими же качествами. За 1878 г. взяты цифры только крестьянскаго населенія, и что это дѣйствительно только крестьянское населеніе, г. Вернеръ могъ убѣдиться изъ таблицъ центр. ст. комитета, въ которыхъ ясно раздѣлено населеніе «въ составѣ волостей» и «въ предѣлахъ волостной территоріи». Казалось бы ясно, что такое населеніе нужно сравнить съ крестьянскимъ же населеніемъ 1883—85 г., т. е. цифрами добытыми самимъ г. Вернеромъ. Но г. Вернеръ держится другой логики: онъ цифры крестьянскаго населенія 1878 года сравниваетъ съ своими же цифрами, обнимающими «приписное населеніе» и «чужестранныхъ», куда по пункту 8 правилъ подсчета вошли купцы, духовенство, дворяне и т. п. Значить, для г. Вернера не существуетъ даже аксіомы, что часть не есть цѣлое. Спрашивается: какой смыслъ могутъ имѣть выводы изъ такихъ сравненій и всѣ построенія, основанныя на такихъ логическихъ выводахъ? ¹⁾

не крестьянскаго сословія не могутъ быть полны: будутъ захватывать тѣхъ только лицъ, которыя извѣстны составителю статистическихъ свѣдѣній п. волости.

¹⁾ Считаемо нужнымъ замѣтить, что и здѣсь г. Вернеръ не показываетъ ни причинъ, заставляющихъ его дѣлать такія сравненія, ни содержанія матеріала;

Также категорически, безъ всякихъ объясненій, г. Вернеръ поступаетъ и съ счисленіемъ населенныхъ мѣстъ. Мы даже недоумѣваемъ, для чего г. Вернеръ занимается этимъ вопросомъ: если потому только, что земство, заводя у себя статистику, желало имѣть свѣдѣнія «о числѣ и характерѣ населенныхъ мѣстъ» («Итоги» стр. 1), то свѣдѣнія, представляемыя г. Вернеромъ, не только никого не могутъ удовлетворить, а напротивъ вносятъ такой сумбуръ, что буквально дѣлается страшно. Представляемъ выписки изъ «Итоговъ», касающіяся этого вопроса.

„Селеній въ курской губ. въ настоящее время насчитано 2.920; въ этотъ счетъ не входятъ хутора въ 1—3 двора, которые причислены нами къ близъ лежащимъ селеніямъ (для чего?). По „Списку населенныхъ мѣстъ“, изданному центр. статист. комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, *всѣхъ* (курсивъ нашъ) населенныхъ мѣстъ въ 1862 г. числилось 3.188, а если исключить хутора въ 1—3 двора и 15 городовъ (почему не 18, какъ считается *всѣми*?)—2.935 поселеній: слѣдовательно, за послѣднее время число поселеній нисколько не измѣнилось“ (курсивъ нашъ) (стр. 61).

Прежде всего здѣсь поражаетъ фактъ исчезновенія 15 населенныхъ мѣстъ; а если допустить, что въ курской губерніи поселенія растутъ, и хуторъ, бывшій въ 1862 г. въ 3 двора, за 20 лѣтъ могъ вырасти до 5—6 дворовъ, то исчезновеніе поселеній будетъ очень и очень большое. Что уничтоженія поселеній въ курской губ. были, объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго мѣста «Итоговъ».

„Ревизскіе сказки очень часто относятся къ селеніямъ *не существующимъ* уже въ настоящее время: селенія эти упразднены, тогда какъ населеніе ихъ приписано къ другимъ селеніямъ, а усадьбы или перенесены, или, при разростаніи селеній, слились съ усадьбами другаго селенія и получили одно общее наименованіе“ (стр. 66).

Изъ всего сказаннаго пока г. Вернеромъ можно было бы думать, что число не существующихъ уже поселеній равно приблизительно числу разросшихся за 20—25 лѣтъ изъ хуторовъ въ 1—3 двора. Для этого нужно только предположить, что населеніе курской губ. сидитъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, и что даже крестьянская реформа, давшая свободу крестьянину располагать своимъ мѣстожителствомъ съ наибольшимъ удобствомъ, не произвела никакихъ измѣненій въ населеніи жителей. Оказывается, что такого предположенія нельзя сдѣлать.

„Въ настоящее время,—говоритъ г. Вернеръ—благодаря увеличенію населенія и частымъ раздѣламъ, подъ усадьбы заняты уже всѣ свободныя мѣста, а потому вновь образующіеся дворы принуждены строиться на полѣ, образуя выселки и

чтобы понять это, нужны первоисточники, счета и долговъ упражненіе на нихъ, пока поймешь, какія именно цифры беретъ г. Вернеръ.

хутора; послѣдніе стали возникать и въ томъ случаѣ, когда пахотное поле особенно удалено отъ усадьбъ. Какъ на примѣръ такихъ выселеній можно указать на непрерывную цѣпь хуторовъ между Тамаровкою и Бѣлгородомъ“ (стр. 62).

Сколько же такихъ новыхъ выселковъ и хуторовъ образовалось послѣ 1862 г., когда именно, какого достигли размѣра въ моментъ изслѣдованія губерніи (неужто не болѣе 1—3?). Неужели въ этихъ фактахъ расселенія крестьянъ не выражается жизнь? Неужто такъ таки они не интересны? Г. Вернеръ, кромѣ примѣра, не даетъ ни одной цифры, а сравненіемъ съ 1862 г. показываетъ, что число населенныхъ мѣстъ не только не увеличилось, а еще уменьшилось на 15.

Если теперь допустить, что хутора въ 3 двора съ 1862 г. разрослись до 5—6 дворовъ (а этого не допустить мы не можемъ), что, кромѣ того, возникли новые выселки и хутора, и при всемъ томъ число населенныхъ мѣстъ со времени 1862 г. нисколько не измѣнилось, какъ доказываетъ цифрами г. Вернеръ, то сколько же должно было исчезнуть существовавшихъ поселеній? Для человѣка, владѣющаго нѣкоторой долей воображенія, можетъ представиться разрушеніе не меньшее, чѣмъ отъ землетрясенія въ семирѣченской области. Но не надо пугаться. Очевидно, г. Вернеръ любитъ частенько такъ попугать цифрами. Въ дѣйствительности происходитъ совсѣмъ не то, что рисуетъ г. Вернеръ своими объясненіями и цифрами. Число населенныхъ мѣстъ въ курской губ. со времени 1862 г. измѣнилось и измѣнилось сильно: вмѣсто 3,188 поселеній по счету центр. статист. ком. въ 1862 г., въ 1885 г. (время изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ) тотъ же комитетъ насчитываетъ 6,536 населенныхъ мѣстъ, т. е. больше, чѣмъ вдвое. Этой цифры или близкой къ ней, по даннымъ за 1878 г. г. Вернеръ не могъ не знать; но ему неудобно было сравнивать свою цифру—2,920 поселеній—съ цифрой цент. стат. комитета, большей почти въ два съ половиной раза, такъ какъ тогда ему пришлось бы обнаружить, что при изслѣдованіи губерніи имъ не описано около 3^{1/2} тысячъ населенныхъ мѣстъ. Можетъ быть поэтому онъ и сравниваетъ число своихъ населенныхъ мѣстъ съ данными цент. ст. комитета за 1862 г., а не съ болѣе близкими по времени къ его изслѣдованію—цифрами 1878 г.

Если даже допустить, что излишнее число населенія по даннымъ центр. ст. комитета противъ того, которое принимаетъ г. Вернеръ (3,616) представляетъ собой исключительно хутора въ 1—3 двора, присоединенные г. Вернеромъ къ сосѣднимъ поселеніямъ, то это настолько крупное мѣстное явленіе, что игнорировать его можно

только, задавшись тенденціозной мыслью скрыть все характерное, мѣстное. Но мы думаемъ, что въ счетѣ центр. стат. комитета населенныхъ мѣстъ за 1885 г. фигурируютъ не одни хутора въ 1—3 двора, а поселенія и покрупнѣе, на которыя г. Вернеръ не обратилъ вниманія, какъ и на многое еще другое.

Не посчитавши новыхъ поселеній, соединивши хутора съ соседними селеніями и создавши, такимъ образомъ, завѣдомо ложное число населенныхъ мѣстъ, г. Вернеръ для чего то еще выводитъ среднюю величину населеннаго мѣста по каждому уѣзду. Въ такой манипуляціи мы не можемъ видѣть ничего другаго, кромѣ упражненія въ дѣленіи на заданныя числа ¹⁾.

Въ этомъ же отдѣлѣ книги есть очень любопытный вопросъ, какъ по той важности, которую придаетъ ему г. Вернеръ и его рецензентъ, профессоръ Чупровъ, такъ и по тѣмъ коррективнымъ даннымъ, которыя заключаются въ формулировкѣ высказанныхъ положеній. Вопросъ этотъ: вліяніе размѣра поземельной общины на экономическое благосостояніе населенія.

„Ближайшая причина этого вліянія, по словамъ г. Вернера, прежде всего кроется въ той связи, которая существуетъ между размѣромъ поземельной общины и расположеніемъ надѣла; чѣмъ больше община, тѣмъ больше шансовъ, что надѣлъ будетъ разстланъ на чрезвычайно далекое разстояніе отъ усадьбы, что онъ будетъ заключаться не въ одномъ особнякѣ, а въ нѣсколькихъ участкахъ; а такъ какъ отъ плана поземельнаго участка зависитъ успѣшность и выгодность сельскохозяйственныхъ работъ, то, понятно, что размѣръ общины можетъ оказать вліяніе на весь строй хозяйства, слѣдовательно, на экономическое благосостояніе. Затѣмъ въ мелкихъ поземельныхъ общинахъ, при незначительной площади надѣла, больше вѣ-

¹⁾ Такое же упражненіе, конечно, совершенно бесполезное какъ для автора, такъ и для читателя, мы видимъ и въ выводѣ числа душъ и на квадратную милю въ каждомъ уѣздѣ—опредѣленіе густоты народонаселенія (стр. 70). Чтобы наше замѣчаніе относительно послѣдняго случая не показалось неосновательнымъ, мы укажемъ данныя, надъ которыми провоздвигать дѣйствія г. Вернеръ. Для опредѣленія густоты населенія въ уѣздахъ въ 1883—86 годахъ г. Вернеръ беретъ только то населеніе, которое зарегистрировано переписью и дѣлитъ его на все пространство уѣздовъ; даже тѣ 77 тысячъ, которыя онъ самъ считаетъ живущими въ помѣщичьихъ усадьбахъ, онъ не принимаетъ во вниманіе, не различитъ по уѣздамъ, хотя бы по тому приему, которымъ онъ опредѣлялъ это населеніе въ губерніи. Развѣ это не упражненіе въ дѣленіи на выдуманныя числа? Нужно замѣтить, что эту густоту населенія г. Вернеръ ставитъ параллельно густотѣ народонаселенія, бывшей въ 1862 г. (для сравненія?) при чемъ въ суджацкомъ и оболонскомъ уѣздахъ населеніе городовъ Богатаго и Мирополя не зачисляетъ уже въ сельское населеніе, а признаетъ его городскимъ.

рогтя, что послѣдній будетъ болѣе или менѣе однороднымъ по качеству почвы, а потому при разверстаніи земли крестьянамъ не захѣмъ дѣлать на нѣсколько разнокачественныхъ арусовъ, слѣдовательно, отдѣльные хозяйства получать въ каждомъ клину свою долю въ одномъ мѣстѣ и не придется разбивать душевой надѣлъ на нѣсколько мелкихъ загоновъ, какъ это дѣлается въ большихъ общинахъ. Саморазверстаніе земли между отдѣльными домохозяевами совершается несравненно проще въ мелкихъ общинахъ, а потому оно можетъ быть уравнительнѣе. Кромѣ этихъ преимуществъ мелкихъ общинъ, есть множество и другихъ. Такъ напримѣръ:— 1) общественный строй мелкихъ общинъ гораздо устойчивѣе, въ нихъ шире проявляется взаимная помощь, ощутительнѣе потребность жить въ добромъ согласіи и необходимость уступовъ; 2) мелкія общины менѣе подвержены вредному влиянію городскихъ рабочихъ, пришлыхъ купцовъ и кабатчиковъ, которымъ нечего дѣлать здѣсь и труднѣе бороться со сплоченнымъ миромъ; 3) мелкія общины менѣе подвержены такимъ бѣдствіямъ, какъ эпидеміи, пожары и скотскіе падежи и т. п. Всѣ эти причины весьма ясно отразились на цифрахъ, выражающихъ экономическое благосостояніе населенія (слѣдуютъ цифры, а за тѣмъ заключеніе). Несмотря на то, что мелкія общины первой группы (въ среднемъ 35 дворовъ въ каждой общинѣ) получили въ надѣлѣ всего 6,4 десят. пахатной земли, экономическое положеніе ихъ несравненно лучше, чѣмъ въ остальныхъ группахъ, что можно объяснить только удобствомъ расположенія надѣла. Это удобство даетъ возможность лучше, съ меньшими затратами силъ и времени использовать свою землю и даже арендовать внѣнадѣльную землю. При томъ же количествѣ земли на дворъ, въ крупныхъ общинахъ половина населенія бросила земледѣліе и лишь 6% всѣхъ домохозяевъ прибѣгаетъ къ арендѣ земель“ (стр. 63 и 64).

Прежде чѣмъ приводить цифровыя данныя, по мнѣнію г. Вернера и профессора Чупрова, доказывающія эти положенія, слѣдаемъ еще одну выписку, касающуюся въ сущности того же вопроса.

„Противъ устройства мелкихъ поселеній возможно привести еще нѣсколько аргументовъ: въ мелкихъ поселеніяхъ не могутъ быть устраиваемы тѣ общественныя учрежденія, которыя требуютъ участія большого числа домохозяевъ—школы, ссудосберегательныя товарищества; въ *мелкихъ общинахъ* не можетъ образоваться торговопромышленный центръ съ рынкомъ для сбыта производимыхъ продуктовъ и покупки сырья, съ постоянной возможностью найти заработокъ, а потому въ *мелкихъ общинахъ* во время сельскохозяйственныхъ кризисовъ крестьянамъ остается только пойти въ отхожіе промыслы; несомнѣнно, что сельскохозяйственный промыселъ устойчивѣе другихъ, вѣрнѣе обезпечиваетъ крестьянина, а потому желательно, чтобы онъ всегда имѣлъ возможность остаться преимущественно земледѣльцемъ, но въ тоже время несомнѣнно и то, что временныя затрудненія въ сельскомъ хозяйствѣ легче переносятся тамъ, гдѣ есть широкая возможность заработать что либо въ какойнибудь другой отрасли труда и т. д. (стр. 117)¹⁾“

¹⁾ Мы нарочно въ этой выпискѣ подчеркивали выраженіе *мелкая община*, чтобы показать, что здѣсь рѣчь идетъ о поселеніи не какъ населенномъ мѣстѣ, представляющемъ совокупность нѣсколькихъ общинъ, а какъ о поселеніи одной крупной по землевладѣнію общины.

Сравнивши объ выписки, можно было бы и не приводить цифровых данных, доказывающих, что малый размѣръ общины способствуетъ благосостоянію населенія, такъ какъ самъ авторъ почти отрицаетъ прежде высказанное имъ положеніе. Но приводимыя г. Вернеромъ цифровыя выраженія крайне любопытны въ томъ отношеніи: какъ и что можно читать въ цифрахъ. Данныя эти приведены по двумъ уѣздамъ и характеризуютъ, между прочимъ, слѣдующее:

	ЩИГРОВСКІЙ У.		НОВО-ОСКОЛЬСКІЙ У.		
	Размѣръ общинъ.		Размѣръ общинъ.		
	крупн.	ме лв.	до 100 дв.	отъ 100 до 500д.	болѣе 500 дворовъ.
Десятинъ надѣла на дворъ.	11,4	6	6,4	8,7	6,4
°/о безхозійныхъ	8,9	1,6	19,4	22,2	52,5
°/о безлошадыхъ	23,7	5,6	20	22,9	51,7
°/о арендующихъ землю . .	23,1	48,3	41	21,3	6,8
°/о выселившихся	10,0	2,8	?	?	?
На 10 хозяйствъ головъ крупнаго скота	?	?	24	26	15
°/о семей, занимающихся промыслами	?	?	65	73	83
°/о семей съ грамотными .	?	?	27,6	32,7	53,7

По новооскольскому уѣзду приведено еще много графъ (9), содержаніи которыхъ по щигровскому уѣзду не показано, точно такъ же какъ и въ послѣднихъ 3, представленныхъ въ таблицѣ. Если обратить вниманіе на цифры по новооскольскому уѣзду, то сейчасъ же видно, что большой процентъ безлошадыхъ и безхозійныхъ въ общинахъ крупныхъ (болѣе 500 дворовъ) происходитъ просто оттого, что въ нихъ 83°/о семей занимаются промыслами и, по всей вѣроятности, такими, которые не требуютъ ни лошадей, ни земледѣльческаго хозяйства. Но что благосостояніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не хуже, чѣмъ у населенія мелкихъ общинъ, видно изъ того, что у нихъ 53°/о семей имѣютъ грамотныхъ; для того же, чтобы быть грамотнымъ нужно: 1) чтобы была близко школа и 2) благосостояніе семьи. Послѣднее положеніе доказываетъ самъ г. Вернеръ въ этой же книгѣ на стр. 208 и др. Категорія общинъ средняго размѣра (отъ 100 до 500 двор.), кромѣ показателей приведеннаго характера, имѣетъ еще одинъ, совершенно прямой показатель, что благосостояніе населенія въ этихъ общинахъ даже выше, чѣмъ въ мелкихъ: крупнаго скота у нихъ больше, чѣмъ у населенія мелкихъ общинъ.

Если согласиться съ г. Вернеромъ въ этомъ мѣстѣ его книги, что большій процентъ дворовъ арендующихъ землю и большее количество арендуемой земли указываетъ на благосостояніе населенія, то въ такомъ случаѣ нельзя согласиться съ нимъ: 1) что арендные платы въ курской губер. чрезмѣрно высоки (о чемъ онъ говоритъ неоднократно въ своей книгѣ), ибо арендованныя земли даютъ большій доходъ, чѣмъ свои надѣльныя¹⁾ и 2) что длинноземелье, или — правильнѣе сказать — отдаленность обрабатываемаго участка не имѣетъ вліянія на благосостояніе населенія, ибо арендуемая земля поднимаетъ благосостояніе населенія, а онѣ (арендуемая земля), само собою разумѣется, не лежатъ же сейчасъ за крестьянскими усадьбами, а по меньшей мѣрѣ за межей надѣльной земли.

Мы еще ничего не сказали о данныхъ по щигровскому уѣзду, но привели ихъ совѣмъ не для того, чтобы пройти молчаніемъ. Съ точки зрѣнія рассматриваемаго вопроса о нихъ ничего нельзя сказать, потому что нѣтъ другихъ показателей, съ которыми можно было бы ихъ координировать. Мы предлагаемъ обратить на нихъ вниманіе съ слѣдующей стороны: въ мелкихъ общинахъ новооскольскаго уѣзда безхозійныхъ 19,4%, а въ такихъ же общинахъ щигровскаго уѣзда всего 1,6%; безлошадыхъ въ новооскольскомъ уѣздѣ у этихъ общинъ 20%, а въ щигровскомъ 5,6%. Что здѣсь больше бьетъ въ глаза: разница ли между 20 и 22,9 или между 5,6 и 20? разница ли между 19,4 и 22,2 или между 1,6 и 19,4? Намъ кажется, что прежде, чѣмъ строить новые и очень важные выводы о вліяніи мелкихъ общинъ на благосостояніе населенія, при томъ же на основаніяхъ, противорѣчащихъ дальнѣйшему изложенію, слѣдовало бы выяснитъ причину этихъ бьющихъ въ глаза цифръ: 1,6% безхозійныхъ въ щигровскомъ уѣздѣ и при такихъ же условіяхъ 19,4% безхозійныхъ въ новооскольскомъ уѣздѣ. Вопросъ этотъ болѣе важенъ и существенъ для «Итоговъ» статистическаго изслѣдованія губерніи²⁾.

¹⁾ По новооскольскому уѣзду показано у г. Вернера въ мелкихъ общинахъ на надѣльный дворъ земли: надѣльной 6,4 дес. да арендуемой 1,9 десят., итого 8,3 дес. и онѣ болѣе поднимаютъ благосостояніе населенія, чѣмъ 8,7 дес. одной надѣльной земли у общинъ средняго размѣра.

²⁾ Такое умѣніе читать свои цифры, какое показалъ г. Вернеръ въ разсмотрѣнномъ вопросѣ, онъ обнаруживаетъ нѣсколько разъ въ своей книгѣ. Такъ, напримѣръ, въ этомъ же отдѣлѣ есть замѣчаніе о четвертныхъ крестьянахъ слѣдующаго характера: «привилегированная кровь сказывается въ четвертныхъ крестьянахъ въ нѣкоторомъ отсутствіи энергіи, стойкости, въ мен способности и при-

Вопросъ о численномъ составѣ семьи очень занимаетъ г. Вернера; онъ находитъ, что запрещеніе семьямъ дѣлиться можетъ повести только «къ увеличенію преступленій (факты?), не улучшивъ благосостоянія» (стр. 78). Мы ничего не имѣемъ противъ обсужденія такого вопроса въ земско-статистическомъ сборникѣ, но думаемъ что какъ этотъ вопросъ, такъ и всякій другой затрогиваемый, необходимо обосновывать на цифровыхъ данныхъ, а не на голословныхъ увѣреніяхъ: «несомнѣнно, что съ теченіемъ времени средній составъ семьи значительно уменьшился», «проникающая въ деревню цивили-

зация къ тяжелому физическому труду, благодаря чему, при другихъ равныхъ условіяхъ, у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ хозяйство всегда ведется несравненно лучше» (стр. 56). На какихъ своихъ статистическихъ данныхъ опирается г. Вернеръ, дѣлая такую характеристику, мы совершенно недоумѣваемъ. Дѣйствительно, четвертные крестьяне даютъ изъ себя наименьшій процентъ арендаторовъ (25,6) сравнительно съ другими группами крестьянъ (стр. 166). Но вѣдь всякому, даже не статистику, извѣстно, что крестьяне земледѣльцы тѣмъ больше арендуютъ земли, чѣмъ меньше у нихъ есть собственной; обратное явленіе можетъ случиться только при какихъ либо исключительныхъ условіяхъ. Законъ этотъ извѣстенъ и г. Вернеру, поэтому онъ не можетъ основывать свою характеристику четвертниковъ на томъ основаніи, что они, имѣя по 12 дес. въ среднемъ на надѣльный дворъ— больше чѣмъ какой либо другой разрядъ крестьянъ—въ меньшемъ числѣ хозяевъ арендуютъ земли. Это явленіе происходитъ не отъ привилегированной крови, отсутствія энергии и т. п., а есть вполне естественное явленіе, вытекающее изъ обезпеченія хозяйствъ своей землей. Процентъ хозяйствъ сдающихъ свой надѣлъ (стр. 141) у четвертниковъ (7,7) дѣйствительно большій, чѣмъ у собственниковъ (бывш. владѣльческихъ) на 0,7, но несравненно меньшій, чѣмъ у государственныхъ душевыхъ (9,1) и дарственниковъ (9). Если въ процентѣ хозяевъ сдающихъ надѣлы видѣть что нибудь другое, помимо экономическихъ условій, то это вѣчто нужно искать прежде всего у крестьянъ государственныхъ, душевыхъ и дарственниковъ. По обезпеченіи рабочимъ скотомъ четвертники стоятъ выше всѣхъ другихъ крестьянъ: у нихъ самый меньшій % безлошадныхъ и самый большій многолошадныхъ (стр. 145), при чемъ у четвертниковъ нерѣдко встрѣчаются лошади въ 100 и болѣе рублей тогда какъ цѣна обыкновенной крестьянской лошади 20—40 рублей (стр. 147). Процентъ семей (54,5) и работниковъ (46,2), занимающихся промыслами (стр. 179), у четвертниковъ большій, чѣмъ у крестьянъ госуд. душевыхъ (52,2% семей и 44,6 раб.). Процентъ учащихся (1,67) и грамотныхъ (8,7) у четвертниковъ большій, чѣмъ у всѣхъ другихъ разрядовъ крестьянъ, исключая водворенныхъ на собственныхъ земляхъ (стр. 211). Мы, кажется, исчерпали всѣ показатели экономического благосостоянія и проявленія энергии, гдѣ находили у г. Вернера сопоставленіе всѣхъ разрядовъ крестьянъ, и думаемъ, что въ нихъ можетъ найти подтвержденіе характеристики четвертниковъ, сдѣланной г. Вернеромъ, только тотъ, кто не понимаетъ значенія надѣла на дворъ: 12 д. у четвертниковъ, 10,3 дес. у госуд. душевыхъ, 5 дес. у собственниковъ и т. д.

зація способствуетъ развитію индивидуализма» и т. п. Подъ руками у г. Вернера былъ громадный матеріалъ, на основаніи котораго онъ могъ бы доказать, что численный составъ семьи слагается подъ вліяніемъ такихъ причинъ, устранить которыя не могутъ никакія принудительныя мѣры. Для этого г. Вернеру слѣдовало бы только вывести средній составъ великорусской и малорусской семьи. Такое сравненіе было сдѣлано въ прилагающемъ къ курской губ. богодуховскомъ уѣздѣ и оказалось: на каждый великорусскій дворъ въ среднемъ приходится по 6,4 душъ об. пола, а на каждый малорусскій только 5,6 д. об. пола¹⁾.

На отдѣлѣ о населеніи мы остановились очень долго: по этому вопросу у насъ было достаточно данныхъ для сравненія. Пользуясь ими, намъ, кажется, удалось довольно основательно показать: на сколько собранныя г. Вернеромъ свѣдѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительности и какъ г. Вернеръ позволяетъ себѣ распоряжаться съ нѣжующимся у него подъ рукой матеріаломъ. По другимъ отдѣламъ «Итоговъ» у насъ нѣтъ постороннихъ данныхъ, съ которыми можно было бы сравнивать данныя, представляемыя г. Вернеромъ; но на основаніи того, что мы успѣли уже подмѣтить въ работѣ г. Вернера, мы вправѣ относиться ко всѣмъ его цифрамъ и выводамъ подозрительно, хотя, быть можетъ, во многихъ случаяхъ эти цифры и выводы вѣрны.

Переходя къ землевладѣнію, земледѣлію и скотоводству.

Завести у себя статистику курское земство было вынуждено отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній по разнымъ отдѣламъ земскаго хозяйства. Первымъ между этими вопросами показанъ «О количествѣ облагаемыхъ земель» («Итоги» стр. 1), какъ говоритъ объ этомъ самъ г. Вернеръ. Насколько у курскаго замства неточно счисленіе земель, видно изъ того факта, что въ старооскольскомъ уѣздѣ мѣстное земство въ 1882 г. сдѣлало спеціальное измѣреніе и нашло почти 12 тыс. десятинъ лишнихъ, необлагованныхъ. Кажется, такой фактъ довольно поучителенъ для того, чтобы статистики обратили на него вниманіе и постарались бы произвести елико возможно точное счисленіе подлежащихъ обложенію земель. Что это возможно сдѣлать, указываетъ примѣръ сосѣднаго богодуховскаго уѣзднаго земства харьковской губерніи и обоянскаго земства въ той же курской губерніи. Статистикъ обоянскаго уѣзда г. Тимофеевъ, изслѣдуя частное землевладѣніе, на-

¹⁾ Сборникъ по богодуховскому уѣзду, стр. 50.

шелъ что по окладнымъ книгамъ уѣздной управы числится меньше земли, чѣмъ ей есть въ дѣйствительности, и что записыванье въ окладные листы одной удобной земли существовало только de—jure въ дѣйствительности же, провѣривши владѣнія 369 лицъ, мы не встрѣтили осуществленія этого принципа» (обоянскій уѣздъ).

Несмотря на прямо выраженное желаніе курскаго земства учесть облагаемая земли, ясныя доказательства, что въ земствѣ по этому вопросу данныя очень невѣрны, несомнѣнные факты, что провѣрка землевладѣнія воплиѣ возможна—г. Вернеръ нашелъ такую работу недостойною себя и отъ изслѣдованія землевладѣнія уклонился. Мы на этотъ фактъ не обратили бы вниманія, если бы г. Вернеръ не утверждалъ, что по вопросу о количествѣ облагаемыхъ земель всё обстоитъ благополучно. Онъ говоритъ:

„Такимъ образомъ данныя обоихъ источниковъ (окладныя книги земства и данныя центр. стат. ком.) совпадаютъ, а потому нѣтъ никакого основанія предполагать, что земствомъ пропущены какія либо владѣнія, хотя, быть можетъ, специальная межевая провѣрка и обнаружила бы въ этихъ владѣніяхъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между владѣнными документами и дѣйствительнымъ размѣромъ владѣній какъ это было въ старо-оскольскомъ уѣздѣ“ (стр. 81).

Г. Вернеръ при этомъ умалчиваетъ, что несоотвѣтствіе между количествомъ облагаемыхъ и существующихъ въ дѣйствительности земель найдено было и въ обоянскомъ уѣздѣ статистикомъ Тимофеевымъ¹⁾. Нужно замѣтить, что г. Вернеръ, когда ему нужно, свидѣнія центр. стат. комитета считаетъ непогрѣшимыми и опирается на нихъ съ такою же твердостью, какъ на свои собственные. Между тѣмъ данныя центр. ст. комитета по землевладѣнію заслуживаютъ меньшаго довѣрія, чѣмъ данныя о населеніи и о населенныхъ мѣстахъ²⁾.

¹⁾ Г. Вернеръ нигдѣ не указываетъ, что обоянскій уѣздъ изслѣдованъ и описанъ г. Тимофеевымъ безъ всякаго его участія. Благожелательность неучастія его въ изслѣдованіи обоянскаго уѣзда отразилась довольно замѣтно, на что мы въ своемъ мѣстѣ укажемъ; здѣсь же замѣтимъ, что умалчивать о томъ, что обоянскій уѣздъ изслѣдованъ г. Тимофеевымъ, по меньшей мѣрѣ, нецѣлѣбно.

²⁾ По одинымъ и тѣмъ же даннымъ, собраннымъ въ 1878 г., центр. стат. комит. даетъ нѣсколько цифръ не сходныхъ между собою. Такъ, напримѣръ, въ „Распределеніи земель по угодіямъ“ („Статистическій Временникъ“ сер. III, выпускъ 4) общее количество земли въ курской губерніи показано 4,087,465 дес., въ „Статистическомъ Временникѣ“ сер. III, выпускъ 10, стоитъ 4,053,336 дес., г. Вернеръ же нашелъ для себя удобнымъ взять цифру изъ „Статистики поземельной собственности“, опредѣляющую пространство губерніи въ 3,993,890 дес. Если бы г. Вернеръ имѣлъ цѣлью уяснить этимъ вопросъ, то долженъ былъ бы привести всѣ цифры центр. стат. комитета, опредѣляющія пространство курской губерніи, и показать,

Касааясь своего спеціального вопроса—крестьянскаго хозяйства, г. Вернеръ прежде всего останавливается на томъ, какое количество земли необходимо на одинъ надѣльный дворъ. Вопросъ въ высшей степени важный, но пріемъ, употребленный г. Вернеромъ для рѣшенія его, привелъ насъ въ совершенное недоумѣніе. Онъ выводитъ нормальный надѣлъ въ 9 дес.

„Эта средняя цифра—говоритъ г. Вернеръ—представляетъ арифметическое частное, полученное отъ дѣленія общаго количества надѣльной земли въ губерніи на общее число надѣльныхъ дворовъ“.

И такимъ то путемъ получилось 9 дес.

„т. е. именно та норма, которую мы въ поуѣздныхъ сборникахъ и въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящаго сборника опредѣлили, какъ необходимую норму для прокормленія семьи средняго состава“ (стр 97).

До сихъ поръ мы думали, что норма надѣла, или—правильнѣе говоря—количество земли, необходимой для хозяйства, опредѣляется величиной его запашки, количествомъ скота въ связи съ производительностью вынасовъ и тому подобными реальными проявленіями сельскохозяйственной дѣятельности, которая стремится къ удовлетворенію нормальныхъ потребностей. Теперь узнаемъ отъ г. Вернера, что, изучая сельскохозяйственную жизнь крестьянина, совсѣмъ не нужно знать, какой величины запашку онъ дѣлаеть: ни въ сводныхъ таблицахъ подворной переписи, ни въ текстѣ книги мы нигдѣ не находимъ указанія, сколько дѣйствительно засѣвается десятинъ крестьянами курской губерніи, какое количество вынаса необходимо для подножнаго корма крупнои и мелкой скотины. Все это вѣдь вопросы, отвѣты на которые въ цифрахъ выразить собою совокупность мѣстныхъ условій сельскохозяйственной жизни; а г. Вернеръ, очевидно, поставилъ себѣ задачей въ своемъ статистико-экономическомъ изслѣдованіи не показать ни одной мѣстной черты жизни. Другое дѣло величина отрѣзаннаго крестьянамъ надѣла; въ этомъ фактѣ, хотя и отразилось изученіе края при освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ, но г. Вернеръ, само собою разумѣется, на этомъ не останавливаетъ вниманія читателя, а всю надѣльную землю всѣхъ разрядовъ крестьянъ сваливаетъ въ кучу, дѣлитъ ее на число надѣльныхъ дворовъ и получаетъ искомое. Такой пріемъ опредѣленія количества земли, необходимой для сельскохозяйственной жизни населенія, тѣмъ хороше,

что данныя о землевладѣніи, добытыя черезъ волостныя правленія, заслуживаютъ такого же довѣрія, какъ и данныя окладныхъ книгъ, недѣвріе въ которымъ земства и было важнѣйшей причиной, заставившей учредить у себя статистическое бюро.

что искомое получается весьма легко: двадцать лѣтъ назадъ, число надѣльныхъ дворовъ было, скажемъ, вдвое меньше— «та именно норма» была 18 дес., черезъ двадцать лѣтъ послѣ изслѣдованія губерніи г. Вернеромъ будетъ надѣльныхъ дворовъ вдове больше— «норма» для жизни крестьянскаго двора будетъ $4\frac{1}{2}$ дес. Это понятно: измѣняются времена, измѣняются люди и ихъ потребности. Если же требуется вѣскими дозательствами подтвердить, что $4\frac{1}{2}$ дес. для крестьянскаго двора есть та необходимая норма, можно будетъ привести бюджетъ и его цифрами доказать высказанное положеніе. Величину дѣйствительной запашки, конечно, не нужно показывать, такъ какъ, съ одной стороны, это можетъ доказать воочію всю ложность построенія «нормы», а, съ другой, лишитъ необходимости дѣлать остроумныя соображенія, ссылки и тѣмъ обнаружить свою начитанность въ экономической литературѣ.

Плата дань выясненію мѣстныхъ особенностей, г. Вернеръ говоритъ:

„По среднимъ поуѣзднымъ цифрамъ количество земля, приходящейся на надѣльный дворъ, курская губ. дѣлится на двѣ половины—восточную многоземельную и западную малоземельную; въ первой въ среднемъ на надѣльный дворъ приходится 10,2 дес., во второй—7,4 дес. (къ западной половинѣ мы причисляемъ уѣзды: бѣлгородскій, гравворонскій, суджанскій, рыльскій, путивльскій, львовскій и дмитріевскій; къ восточной половинѣ—остальные уѣзды)“. Примѣч. Вернера. (стр. 93).

Казалось бы, что при однокачественной производительности почвы, требующей только иной обработки, и при тожестяѣ въ курской губ. всѣхъ другихъ условій, указываемыхъ г. Вернеромъ въ его книгѣ, наибольше нуждающимся въ землѣ должно бы быть населеніе малоземельной части курской губ. На дѣлѣ же оказывается обратное. Переселенія крестьянъ, показывающія, во всякомъ случаѣ, не изобиліе земли въ той мѣстности, откуда народъ выселяется, идутъ по преимуществу изъ восточной «многоземельной» части курской губерніи. Разсмотрѣвши процентное отношеніе переселенцевъ по уѣздамъ, авторъ главы о переселеніяхъ, г. Добротворскій говоритъ:

„Стало быть, наибольшій процентъ выселеній представляютъ уѣзды, расположенные на восточной половинѣ курской губ.—новооскольскій, старооскольскій, тимскій, щигровскій, фатежскій, корочанскій и бѣлгородскій; уѣзды же западные представляютъ сравнительно небольшую цифру выселенцевъ, исключая, впрочемъ, дмитріевскаго уѣзда, въ которомъ высокій % переселенцевъ обусловливается, несомнѣнно, сильнѣйшимъ развитіемъ отхожихъ промысловъ“.

Дальше авторъ разсматриваетъ число переселенцевъ по отношенію къ наличному числу дворовъ въ уѣздѣ и замѣчаетъ:

„Такимъ образомъ, если взять количество переселенческихъ семей по отношенію къ наличному населенію, то и здѣсь выходитъ, что уѣзды восточныя даютъ сравнительно большее число переселенцевъ, чѣмъ уѣзды западныя,—последніе опять таки за исключеніемъ дмитріевскаго, который благодаря своимъ почвеннымъ и культурнымъ особенностямъ становится въ данномъ случаѣ рядомъ съ восточными уѣзд.“¹⁾

Сопоставивши сказанное г. Добротворскимъ съ тѣмъ, что говорить г. Вернеръ, необходимо признать, что въ разныхъ мѣстностяхъ курской губ. существуетъ разница не въ одной только величинѣ надѣловъ, а и во многомъ другомъ. Какая, въ самомъ дѣлѣ, причина, что переселеніе идетъ изъ многоземельной части курской губ., въ чемъ состоитъ разница «почвенныхъ и культурныхъ особенностей» въ восточной половинѣ губерніи, на существованіе которой намекаетъ г. Добротворскій? Масса является вопросомъ, на которые въ «Итогахъ» г. Вернера нѣтъ ни отвѣта, ни тѣни указанія. Напротивъ, все является однороднымъ, чуть ли не тождественнымъ, созданнымъ по одной мѣркѣ. Если бы составители программы для описанія курской губ., гг. Орловъ и Вернеръ, не игнорировали вопроса о народности населенія, то, по всей вѣроятности, мы узнали бы отъ г. Добротворскаго, почему переселеніе идетъ изъ восточной, многоземельной части курской губ., населенной по преимуществу великороссами, а не изъ западной, малоземельной, въ которой значительный процентъ населенія составляютъ малороссы. Стало бы тогда намъ ясно и то, почему одни переселенцы направляются въ Новороссію съ Бессарабіей и въ губерніи Предкавказья, а другіе въ Заволожскій край, Донщину и т. д. Но для всего этого нужно быть статистикомъ, желающимъ знать дѣйствительность, какъ она есть, а не рѣшившимъ напередъ, какой она должна быть.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ вопросахъ полевого хозяйства. Г. Вернеръ, сказавши въ характеристикѣ почвъ, что онѣ одинаково вознаграждаютъ трудъ, требуя лишь иной обработки (стр. 41), не считаетъ нужнымъ даже обмолвиться словомъ: гдѣ употребляется однохонная соха, гдѣ пароконная, гдѣ плугъ. Неужто же въ курской губерніи отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу вездѣ крестьянами употребляется одна соха, несмотря на требованіе со сто-

¹⁾ „Итоги“—глава о переселеніяхъ, стр. 2. Нужно замѣтить, что статья о переселеніяхъ написанная г. Добротворскимъ, имѣетъ свою нумерацію и какъ бы вклеена въ „Итоги“. Переселенческое движеніе изъ курской губерніи такъ прекрасно и полно разсмотрѣно г. Добротворскимъ, что этой работѣ мы бы посвятили особенную статью, если бы непонятныя теперь для насъ факты были освѣщены этнографическими указаніями.

роны почвы «иной обработки»? Въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ г. Вернеръ указываетъ на употребленіе тпра, но употребляется ли онъ и у крестьянъ, кромѣ гравворонскаго уѣзда ¹⁾, мы не знаемъ. Судить же о земледѣльческихъ орудіяхъ у крестьянъ по аналогіи съ экономіями мы не имѣемъ права, такъ какъ въ описаніи г. Вернера сельскохозяйственная обстановка экономіи и крестьянъ крайне различна: экономіи употребляютъ воловъ, а у крестьянъ, по категорическому заявленію г. Вернера, существуютъ для работы только одні лошади (стр. 143).

Вмѣсто того, чтобы цифрами показать, сколько и какихъ орудій употребляется въ той и другой мѣстности курской губерніи, г. Вернеръ нашелъ для себя болѣе важный вопросъ—объ уваживаніи полей. Что экономіи мало уважаваютъ своей земли—это для г. Вернера понятно ²⁾: отсутствіе энергіи и знанія агрономической науки; но что крестьяне не уважаваютъ полей, даже имѣя къ тому возможность—это для г. Вернера въ концѣ концовъ такъ и остается непонятнымъ. Между тѣмъ изъ примѣра московской губ. и изъ агрономической науки г. Вернеру извѣстно, что уваживаніе и вообще удобреніе полей—это *conditio sine qua non* сел.скаго хозяйства. Не имѣя ничего возразить противъ важности и этого вопроса, мы все таки думаемъ, что онъ менѣе важенъ для курской губ., чѣмъ вопросъ объ орудіяхъ обработки почвы. Вѣдь самъ г. Вернеръ указываетъ, что черноземъ въ курской губ. залегаетъ отъ 4 вер. до 2 арш. и болѣе (стр. 36), плужная же обработка не бываетъ глубже $3\frac{1}{2}$ вер. а сохой всего на 2 вер. (стр. 135). Слѣдовательно, въ самомъ худомъ случаѣ, у населенія есть еще $\frac{1}{2}$ вер. свѣжаго чернозема. Значитъ вопросъ и объ уваживаніи, такой важный по мнѣнію г. Вернера, нельзя рѣшить безъ связи съ орудіями обработки почвы.

По изслѣдованію г. Вернера частные владѣльцы курской губ. сами мало обрабатываютъ свою землю (по 4-мъ уѣздамъ ³⁾ $14,8\%$

¹⁾ Объ этомъ фактѣ г. Вернеръ обмолвился совершенно случайно (стр. 131).

²⁾ Ваявши экономіи по 4 уѣздамъ: путивльск., граввор., рыльск. и щигровскому, г. Вернеръ высчитываетъ, что на 100 дес. полевой земли удобряется всего 3,3: „а слѣдовательно, вся площадь удобряется въ 30 лѣтъ одинъ разъ“ (стр. 134). Но при этомъ онъ забываетъ, или не желаетъ помнить, что тѣ же экономіи лично эксплуатируютъ только $14,8\%$ всей своей полевой земли (стр. 122). Или, можетъ быть, владѣльцы удобряютъ землю и для арендаторовъ? Такой фактъ слѣдовало бы подчеркнуть.

³⁾ Путивльскій, гравворонскій, рыльскій и щигровскій.

пахатной земли), а сдаютъ ее въ аренду или мелкимъ съемщикамъ (по 4-мъ другимъ уѣздамъ ¹⁾) отъ 31,6% до 45,7% всей земли). Такое отношеніе частныхъ владѣльцевъ къ своей землѣ, въ связи съ малымъ количествомъ скота, рабочихъ, орудій, малымъ пространствомъ удобряемыхъ полей ²⁾ и т. д. не одобряется г. Вернеромъ съ точки зрѣнія агрономической науки. Слабую эксплуатацію земель частными владѣльцами онъ объясняетъ непомѣрно высокими арендными цѣнами (стр. 120). Такой тезисъ можно было бы поставить только въ такомъ случаѣ, если бы частные землевладѣльцы сами обрабатывали земли и отказались отъ такой эксплуатаціи ея, когда имъ предложили «непомѣрно высокую арендную цѣну»; но такого предшествующаго явленія, по заявленію самого г. Вернера, не было. Частные владѣльцы все время съ уничтоженія крѣпостнаго права сами мало обрабатываютъ земли. Мы въ этомъ явленіи видимъ весьма отраднѣйшій социальнo-экономическій фактъ, хотя противорѣчащій требованіямъ агрономической науки. Если предположить, что всѣ земледѣльцы станутъ сами обрабатывать свою землю и, согласно требованіямъ агрономической науки, не будутъ сдавать ни одной десятины, тогда дѣйствительно не будетъ чрезмѣрно высокихъ арендныхъ цѣнъ, т. е. не будетъ сдачи земли, но крестьяне очутятся въ безвыходномъ положеніи. Почему же, спрашивается, теперь, при сдачѣ такого громаднаго количества частно-владѣльческихъ земель, арендные цѣны чрезмѣрно высоки? Вѣдь, казалось бы, что такое явленіе должно было бы служить въ обратную сторону: къ чрезмѣрному пониженію цѣнъ. Невольно является вопросъ: но чѣмъ основываетъ свое положеніе г. Вернеръ? Абсолютно высшая цифра 30 руб., а средняя по губерніи 20 р. за десятину подъ озимый посѣвъ, высшая 23 р. 90 к. и средняя 13 р. 10 к. за яровую десятину сами собой еще ничего не доказываютъ. Г. Вернеръ пишетъ:

„Мы можемъ засвидѣтельствовать, что послѣ изслѣдованія губерніи, начиная съ весны 1886 г. крестьяне въ значительной степени сократили аренду земель и это уже отразилось замѣтнымъ паденіемъ цѣнъ“ (стр. 171).

Если повѣрить этому заявленію г. Вернера, тогда не нужно вѣрить ни одной его цифрѣ: статистикъ собралъ миллионы цифръ, написалъ цѣлую книгу, въ которой на основаніи этихъ цифръ доказываетъ, что крестьянинъ въ курской губ. еле еле сводилъ концы съ концами, и вдругъ этотъ крестьянинъ въ 1886 г. ни съ сего ни

¹⁾ Дмитровскій, фатежскій, суджанскій и львовскій.

²⁾ Какъ надо понимать этотъ выводъ г. Вернера, мы указали выше.

съ того сокращаетъ аренду, т. е. сокращаетъ запашку! Что же значить послѣ этого гора цифръ? Или выводы, основанные на цифрахъ, собранныхъ объективно, есть какая то пьяная кума, съ которой какъ хочешь, такъ и говори? Отбросивши это свидѣтельство г. Вернера, обратимся къ его цифровымъ даннымъ. Чрезмѣрность высокой арендной цѣны г. Вернеръ выводитъ изъ слѣдующаго расчета:

„Стоимость обработокъ одной десятины обойдется:

	Ржи.	Овса.
Арендная плата	20 р.	13 р.
Сѣмена	5 р.	7 р.
Обработка	6 р.	6 р.
Остальные расходы	1 р.	1 р.
	<u>32 р.</u>	<u>27 р.</u>

„Слѣдовательно, при урожаѣ 7 чет. ржи и 8 чет. овса арендаторъ имѣеть пользу отъ первой десятины 3 р., а отъ второй 1 р.“ (стр. 169).

Въ этомъ расчетѣ невѣрность слѣдующая: урожайность взята на крестьянскихъ поляхъ, а не на арендуемыхъ (вопросъ еще и въ томъ: насколько заслуживаютъ довѣрїя словесныя показанїя крестьянъ объ урожайности на надѣльныхъ земляхъ). Затѣмъ, переводъ урожайности на деньги не обоснованъ ни на какихъ конкретныхъ данныхъ, а слѣдовательно неубѣдителенъ. Пользуясь такимъ методомъ, въ статистическихъ выводахъ можно вывести все, что угодно. Кромѣ того, г. Вернеръ нигдѣ не доказываетъ (да и не можетъ этого сдѣлать, если бы и хотѣлъ), что крестьяне курской губ. на арендуемыхъ земляхъ сѣютъ только рожь и овесъ. Изъ «Итоговъ» г. Вернера видно, что ему не безызвѣстно, что въ курской губ. сѣютъ и пшеницу, и ячмень, и горохъ, и просо, и подсолнухи. Неужто таки крестьянинъ, заплативши аренды за десятину 20 р., посѣеть на ней такой малоцѣнный хлѣбъ, какъ рожь, а не оз. пшеницу, или овесъ, а не яровую пшеницу, просо, ячмень и т. п. болѣе цѣнные хлѣба?

Чтобы показать, насколько можно вѣрить методу, употребляемому г. Вернеромъ, и его выводамъ, обратимся къ даннымъ по обоянскому уѣзду, описанному г. Тимофеевымъ. Въ матеріалахъ по этому уѣзду есть средняя урожайность на частно-владѣльческихъ земляхъ, выведенная за 6 лѣтъ (съ 1876 г.) изъ многочисленныхъ конкретныхъ записей, есть и мѣстныя цѣны на хлѣба, среднія за 8 лѣтъ (съ 1875 г.). На основанїи этихъ данныхъ и мѣстныхъ арендныхъ цѣнъ получимъ слѣдующій расчетъ для одной десятины ржи: арендная плата (средняя въ уѣздѣ) 20 р., сѣмена (четверть въ 8 пуд.) 5 р. 75 к., обработка и остальные расходы (по г. Вернеру) 7 руб.,

итога затраты 32 р. 76 к. Доходъ: урожай 7 четвер. по 8 пуд. ¹⁾ = 56 пуд., что по среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ на мѣстѣ (72 к. пудъ) дастъ 40 р. 32 к., или чистой прибыли отъ десятины ржи — 7 р. 56 коп., не считая соломы и мякины, стоимость которыхъ мы готовы отнести на обмолотъ, такъ какъ не знаемъ, посчитана ли эта работа г. Вернеромъ въ его 7 р. на обработку и остальные расходы. Уже и эта цифра нѣсколько выше показанной г. Вернеромъ (3 р.). Но мы предполагаемъ, что курскій крестьянинъ не такъ глупъ, какъ представляетъ его г. Вернеръ по отношенію къ арендѣ земли, и на снятой землѣ сѣетъ не одну рожь, а и пшеницу, допустимъ, хоть на половинѣ снятой земли подъ озимый посѣвъ. При посѣвѣ же пшеницы расходъ: максимальная въ уѣздѣ цѣна за снятую десятину 27 руб., сѣмена (1 четв.) 9 р. 81 к., обработка и остал. расходы — 7 р., итога затраты 43 р. 81 к. Урожай пшеницы 8 четв. по 9 пуд. = 72 пуда, что при среднихъ цѣнахъ на мѣстѣ (1 р. 9 в. пудъ) дастъ 78 руб. 38 коп., или чистой прибыли (безъ соломы и мякины) 34 руб. 57 коп. Эти выводы основаны на *среднихъ*, полученныхъ изъ *многочислыхъ конкретныхъ записей*, помѣщенныхъ въ сборникѣ по обоянскому уѣзду на стр. 105 и 111. Для корректива нашихъ выводовъ приведемъ учеты экономій въ томъ же уѣздѣ: Дмитровская экономія считаетъ валоваго прихода отъ 1 дес. пшеницы 100 р. при расходѣ въ 34 р. 82 к. ²⁾, но такъ какъ въ числѣ расхода не показана арендная плата, то присоединяя къ расходу еще 27 р., получимъ чистой прибыли 38 р. 18 к. Въ той же экономіи 1 дес. картофеля дастъ чистаго дохода 44 р. 86 к. ³⁾. Въ Ивинской экономіи чистый предпринимательный доходъ съ 1 дес. пшеницы, но безъ расхода на администрацію высчитанъ въ 49 р. 65 к. ⁴⁾. Всѣ эти и множество другихъ фактовъ были передъ глазами г. Вернера и однако не укротили его храбрости, не заставили задуматься надъ тѣмъ, что 30 р. за озимую десятину есть не чрезмѣрно высокая арендная цѣна, а продуктъ чрезмѣрно высокой производительности почвы курской губ. Въ такомъ отношеніи къ дѣлу нельзя не видѣть тенденціи: — не желать знать

¹⁾ У г. Тимофеева показаны цѣны на хлѣбъ за пудъ; всѣа четверти не показано; мы беремъ минимальный — 8 пуд. для ржи и 9 пуд. для оз. пшеницы.

²⁾ Обоянскіе уѣздъ, стр. 37 въ числѣ расхода показано: удобреніе 2 р. 80 коп., на администрацію 4 р. 60 к., % съ оборотнаго и постояннаго капитала 3 р.

³⁾ Ibid. стр. 28. Въ числѣ расхода показано: на администрацію 7 р., % съ постояннаго и оборотнаго капитала 2 р. 50 к.

⁴⁾ Ibid. стр. 39.

изслѣдуемаго края, а тѣ свѣдѣнія, которыя добыты другими, какъ, напримѣръ, по обоянскому уѣзду, совершенно игнорировать.

Переходимъ теперь къ скотоводству. Мы уже имѣли случай замѣтить, что по изслѣдованію г. Вернера, волы, употребляющіеся въ экономіяхъ, какъ рабочей скотъ, совершенно не употребляются крестьянами. Дословно это мѣсто книги г. Вернера читается такъ:

„Состояніе крестьянскаго хозяйства находится въ тѣсной зависимости отъ количества надѣльной земли, рабочей силы населенія и живаго инвентаря, т. е. для курской губ.—количества рабочихъ лошадей“ (стр. 143).

Дѣйствительно, въ графахъ подворной переписи нѣтъ рубрики для показанія числа воловъ. Такимъ образомъ этотъ рабочей скотъ, употребляющійся малороссами для перевозки тяжестей и полевыхъ работъ еще въ 1862 г.¹⁾, теперь не въ употребленіи. Насколько этому можно вѣрить? Если мы ассимиляцію малороссянъ и великоросовъ, констатируемую г. Вернеромъ, могли себѣ объяснить тѣмъ, что руководители статистическимъ изслѣдованіемъ губерніи не считали важнымъ вопросъ о народности населенія и не включили его въ программу, то нельзя же этимъ объяснить и исчезновеніе воловъ: вѣдь это «живой инвентарь», въ зависимости отъ котораго находится состояніе крестьянскаго хозяйства. Хотя о несуществованіи воловъ у крестьянъ курской губ. г. Вернеръ заявляетъ категорически, но мы смѣемъ этому не вѣрить. Мы не можемъ себѣ вообразить, чтобы крестьянская бытовая обстановка сельскохозяйственной жизни такъ сильно рознилась отъ частно-владѣльческой, какъ это рисуется г. Вернеръ. Въ 4 хъ уѣздахъ, гдѣ было кое какъ изслѣдовано частно-владѣльческое хозяйство, мы видимъ употребленіе воловъ, при чемъ въ уѣздахъ путивльскомъ и грайворонскомъ воловъ у частныхъ владѣльцевъ больше, чѣмъ лошадей («Итоги» стр. 132), а у крестьянъ такъ таки ни одного вола. Это нѣчто невообразимое! Сомнѣніе въ вѣрности сообщаемыхъ г. Вернеромъ фактовъ еще больше усиливается, когда мы посмотримъ на бытъ населенія въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Въ богодуховскомъ уѣздѣ, прилежающемъ къ курской губ., оказывается рабочаго скота на одинъ крестьянскій дворъ: у великороссовъ—лошадей 2, 1, воловъ нѣтъ, у малороссовъ—лошадей 0, 7 и воловъ 1, 1. Въ крелевецкомъ уѣздѣ черниговской губ., прилежающемъ съ сѣверной стороны къ путивльскому у. курской губ., крестьянами также употребляются волы для работы, какъ то видно изъ таблицъ подворной переписи. Мы не смѣемъ подъ руками другихъ сосѣднихъ съ курской

¹⁾ „Списокъ насел. мѣстъ“ стр. LVI.

губ. уѣздовъ, описанныхъ статистиками, не закрывавшими глазъ на мѣстныя условія сельскохозяйственной дѣятельности населенія; но думаемъ, что и въ нихъ нашли бы подтвержденіе, что сейчасъ же за межей курской губ. волы употребляются крестьянами. Но и двухъ приведенныхъ указаній объ употребленіи воловъ крестьянами съ западной стороны и южной отъ границы курской губ. достаточно, чтобы поставить такую диллему: или административная граница имѣетъ такое громадное вліяніе на сельскохозяйственную обстановку населенія, что заставляетъ, наиримѣръ, крестьянъ мѣнять воловъ на лошадей, или что статистикъ Вернеръ, изслѣдуя крестьянское хозяйство въ курской губ., не хотѣлъ замѣтить у крестьянъ воловъ. Не сомнѣваемся, многіе согласятся съ нами, что послѣднее предположеніе вѣроятнѣе.

Есть еще одинъ вопросъ въ отдѣлѣ скотоводства, на который мы хотимъ обратить вниманіе. Г. Тимофеевъ, изслѣдуя обоянскій уѣздъ, по своей инициативѣ или по указанію мѣстныхъ земскихъ дѣятелей сосчиталъ у крестьянъ число козъ (2423), но, къ сожалѣнію не указавъ ни причины уклоненія отъ московской составленной Орловымъ программы, ни значенія козъ въ экономической жизни крестьянскаго населенія обоянскаго уѣзда. Нужно думать, что и въ обоянскомъ уѣздѣ козы имѣютъ то же значеніе, что и въ черниговской губ. Статистиками же этой губерніи указано, что за дороговизною и отсутствіемъ выпасовъ коза у крестьянъ начинаетъ замѣнять корову и свидѣтельствуетъ о крайней бѣдности населенія. Въ мглинскомъ уѣздѣ даже создалась поговорка: «бульба да коза про бѣднаго создана». Положимъ, въ обоянскомъ уѣздѣ оказывается на 100 коровъ всего 7, 6 козъ; но въ городничкомъ у. черниговской губерніи на сто коровъ было всего 2 козы, тѣмъ не менѣе тамошніе статистики не погнушались изслѣдовать хозяйства въ этомъ направленіи и въ кролевецкомъ уѣздѣ уже нашли 28 козъ на 100 коровъ. Очень можетъ быть, что нѣчто подобное могло бы обнаружиться и въ курской губ. Начало было положено ¹⁾. Но задача курскихъ статистиковъ была не въ изученіи жизни населенія курской губ., какъ сна есть, а въ наполненіи цифрами графъ, заранѣе составленныхъ въ Москвѣ. Поэтому то въ «Итогахъ» мы и встрѣчаемъ такое однообразіе жизни и условій быта, будто все нарочито создано по одному заранѣе приготовленному шаблону.

Мы не считаемъ возможнымъ останавливаться на числѣ безземельныхъ, безлошадыхъ и т. п. производныхъ, выведенныхъ г. Вер-

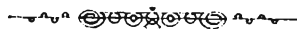
¹⁾ Обоянскій уѣздъ описывался одновременно съ курскимъ.

перомъ изъ первоначальныхъ данныхъ, методъ полученія которыхъ нами разсмотрѣнъ, такъ какъ въ этихъ цифрахъ еще большая ошибка, чѣмъ въ основныхъ. Кромѣ того, въ вычисленіи всѣхъ производныхъ цифръ у г. Вернера вошли такія не существующія въ дѣйствительности семьи (дворы), какъ переселившіяся въ города около 5 лѣтъ назадъ, переселившіяся въ экономіи въ качествѣ рабочихъ и въ другія поселенія промышленники въ болѣе давнее время, наконецъ въ число «безлошадныхъ» въ южныхъ и западныхъ уѣздахъ вошли всѣ тѣ хозяева, которые къ моменту изслѣдованія уѣзда не успѣли перемѣнить воловъ на лошадей. По нашему мнѣнію всѣ выводы, основанные на такихъ вычисленіяхъ, не заслуживаютъ никакого вниманія.

Когда мы взялись за «Итоги статистическаго изслѣдованія курской губерніи», чтобы по нимъ ознакомить читателей съ главными условіями жизни населенія курской губ., мы совсѣмъ не имѣли въ виду тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришли. По первому началу намъ казалось, что прійдется подвергнуть сомнѣнію только указаніе г. Вернера на ассимиляцію народностей въ предѣлахъ курской губ., но углубившись въ цифровой матеріалъ и выводы, мы нашли то, чего совсѣмъ не подозрѣвали. Наша замѣтка касается только болѣе выдающихся погрѣшностей книги г. Вернера, масса же болѣе мелкихъ пройдена молчаніемъ. Мы будемъ считать свою цѣль достигнутой, если этнографъ или статистикъ прежде чѣмъ сослаться на факты и выводы въ «Итогахъ статистическаго изслѣдованія курской губерніи» внимательно прокритикуетъ дату, на которую желаетъ сослаться.

Декабрь. 1888 г.

Сф. Кр.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго¹⁾.

3. Первый классъ.

(1830—1833).

Педагогическій персоналъ.

Низшее отдѣленіе уѣзднаго училища—первѣйшій классъ, съ грознымъ Люциферомъ Ильею Семеновичемъ, по всей справедливости, носилъ у насъ прозвище „пекла“, въ которомъ каждый бѣднякъ, за грѣхи своихъ родителей, долженъ былъ претерпѣть лютыя муки, для того чтобы попасть въ „Чистилище“ (такъ мы называли первый классъ), откуда, прошедши еще одно мытарство—второй классъ,—ученикъ попадалъ въ „Рай“ т. е. въ гимназію, гдѣ не было уже ни печали, ни воздыханія, ни цаль, ни розогъ.

Хотя первый классъ, по преподаваемымъ въ немъ предметамъ, недалеко ушелъ отъ первѣйшаго, но разница между ними была громадная въ другомъ отношеніи. Происходила она главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ и характера самихъ преподавателей. Послѣ свирѣпаго и жестокаго Ильи Семеновича, удостоенный перевода въ первый классъ встрѣчалъ добродушныя фізіономіи Якова Яковлевича и Ивана Андреевича—простыхъ и тихихъ смертныхъ, съ которыми, не боясь порки, можно было и пошутить, и подурачиться.

Яковъ Яковлевичъ преподавалъ: ариметику, нѣмецкій языкъ, рисованіе и чистописаніе, а Иванъ Андреевичъ—россійскую грам-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., февраль.

матику, латинскій языкъ, географію, исторію и законъ Божій. Эти два труженика выносили на своихъ плечахъ, съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, преподаваніе всѣхъ означенныхъ предметовъ, имѣя ни болѣе, ни менѣе, какъ по 32 урока въ недѣлю: Яковъ Яковлевичъ 20 въ первомъ и 12 во второмъ, а Иванъ Андреевичъ, наоборотъ: 12 въ первомъ и 20 во второмъ. Четыре полутара-часовыхъ урока отбывались до обѣда и два послѣ обѣда, за исключеніемъ среды и субботы, когда послѣобѣденныхъ занятій не было вовсе.

Прибавивъ къ симъ главнымъ дѣятелямъ по части образованія юношества смотрителя училища Николая Осиповича Кампіони, мы получимъ полный персоналъ педагоговъ уѣзднаго училища. Главный начальникъ заведеній, директоръ, былъ для насъ, повѣтовцевъ, пока миомъ. Жилъ онъ гдѣ то за Десной, въ сорока верстахъ отъ города въ своей деревнѣ Турановкѣ, пріѣзжая два-три раза въ годъ, и потому рѣчь о немъ будетъ впереди.

Яковъ Яковлевичъ Игнатъевъ, по прозванію *Бруль*, лейбъ-гвардіи коннаго полка гофрейтъ-капрала сынъ, обучался въ новгородъ-сѣверскомъ главномъ училищѣ между 1800 и 1804 годами: „закону Божію, россійской, всеобщей и естественной исторіямъ, всеобщей, россійской и математической географіямъ, латинскому языку, ариметикѣ, геометріи, физикѣ, механикѣ, архитектурѣ, россійскому и нѣмецкому языкамъ и рисовальному искусству“. На службу вступилъ въ 1806 году, сперва учителемъ приготовительнаго класса, а потомъ въ 1812 году сдѣлался учителемъ математическихъ наукъ и рисованія въ первомъ и второмъ классѣ повѣтоваго училища. Жалованья получалъ 250 рубл. асс. да добавочныхъ за уроки чистописанія и рисованія 75 рубл. асс.; столько же получалъ и его собратъ Иванъ Андреевичъ. При существовавшей въ тѣ времена дешевизнѣ на всѣ жизненныя потребности¹⁾ и при господствовавшемъ въ доброе старое время обычаѣ пользоваться добровольными приношеніями учащихъ, жалованья этого для Якова Яковлевича и его небольшого семейства, состоявшаго изъ сестрицы Маруши и племянницы Мавруши, было весьма достаточно. Яковъ Яковлевичъ

¹⁾ Четверть ржи (7 п. 20 ф.) стоила 4 руб. асс. На содержаніе повѣтоваго училища отпускалось 1,757 р. асс. въ годъ, а на содержаніе гимназій 7,720 р. асс.

ухищрялся даже такъ, что не только жилъ безбѣдно, но успѣлъ пріобрѣсть недвижимую собственность: небольшой домикъ и нѣсколько десятковъ десятинъ земли—пахатной и сѣнокосной. Что же касается хабаровъ, то надобно правду сказать, что въ тѣ патріархальныя времена ими не брезгали не только такіе бѣдняки, какъ повѣтовые учителя, но даже люди, поставленные въ несравненно лучшія условія. Давались эти хабары въ видѣ гостинцевъ, при поздравленіи съ праздниками. Бѣдняки, подобные мнѣ, несли булки, бублики, какойнибудь пряникъ; купеческіе сынки—чай, сахаръ, вино; помѣщичьи дѣтки—привозили изъ дому живую и битую птицу, масло, поросятъ, а иногда и цѣлаго кабана. Но любимѣйшимъ гостинцемъ для Якова Яковлевича была „мучица“. Чай, сахаръ, вино и прочія сласти онъ обыкновенно сбывалъ мелкимъ торговцамъ и обращалъ все въ наличныя деньги, на которыя прикупалъ одну нивку за другою. Сослуживцы ославили почтеннаго нашего наставника по всему городу скаредомъ и скопидомомъ. Въ гости онъ никуда не ходилъ и у себя никого не принималъ. Весь міръ для него заключался въ училищѣ и въ домѣ. На одежду онъ почти ничего не издерживалъ, нося по 10 и болѣе лѣтъ одинъ и тотъ же сюртукъ; шляпа же у него была несносимая. Эту, по истинѣ археологическую, рѣдкость онъ старался сохранить отъ разрушенія всевозможными средствами: смазывалъ ее ваксой и чернилами, чтобъ она не рыжѣла, задѣлывалъ трещины чернымъ сургучемъ и т. п. Не менѣе замѣчательною древностію были и его ботфорты: отъ вліянія мокроты они сохранялись въ непогоду большущими калошами или проще сандалями, прикрѣпляемыми бичевкой поверхъ ботфортовъ. Наши оборванцы школяры безжалостно издѣвались надъ костюмомъ своего учителя, забывалъ о томъ, какъ они сами были одѣты. Но что бы ни говорили о его скупости какъ ученые, такъ и уличные зоилы, и я все таки скажу, что ему до скареда Плюшкина, какъ до звѣзды небесной далеко. Онъ былъ бережливъ до скупости, но скрягой никогда не былъ. Жилъ онъ въ сторонкѣ отъ большой улицы, въ глухомъ переулкѣ, гдѣ тянулись одни заборы—между Глуховской и Козацкой. Домикъ его съ улицы почти былъ незамѣтенъ: онъ скрывался за высокимъ заборомъ, теряясь въ зелени окружавшихъ его деревьевъ. Домъ Якова Яковлевича былъ полная чаша: Марѳуша была отлич-

ная хозяйка, анбары—полнымъ полны „мучицей“, и ржаной, и крупичатой, и пшеничной; въ погребѣ—большіе запасы разныхъ солений, заготовленныхъ впрокъ; по двору важно расхаживала красивая и тучная „коровушка“; на цѣпи—жирный и злой песъ, котораго хозяинъ, лаская, называлъ почему то „мушватеромъ“; куръ цѣлое стадо. Дворъ всегда собственноручно выметенъ, хоть качайся; въ садикѣ необыкновенный порядокъ; въ огородинѣ—человѣкъ спрячется. Не пилъ Яковъ Яковлевичъ ни чаю, ни вина; не водилось у него за столомъ никакихъ приностей—ни соусовъ, ни пирожныхъ; но онъ съ своими домочадцами обѣдалъ и ужиналъ простыми и сытными блюдами, ни въ чемъ себѣ не отказывая.

Устроивъ такимъ образомъ жизнь по своему идеалу, быть можетъ даже осуществивъ завѣтную мечту своего темнаго дѣтства и исполненной нужды и всяческихъ лишеній юности, Яковъ Яковлевичъ былъ счастливъ по своему, никогда не измѣняя своимъ спартанскимъ привычкамъ, усвоеннымъ еще при жизни родителя—гофрейтъ-капрала. Самъ онъ съ большой любовью занимался по хозяйству: отбивши уроки, сбрасывалъ служебный костюмъ, облачался въ старую солдатскую шинель, оставленную ему, вѣроятно, въ наслѣдство покойнымъ отцомъ, бралъ лопату или метлу и выходилъ на дворъ дѣлать порядокъ. Вставалъ онъ и ложился всегда по солнцу. На всѣ насмѣшки своихъ сослуживцевъ онъ снисходительно улыбался ему одному свойственной улыбкой: губы его, нарочито длинныя и толстыя, какъ то странно сжимались и языкъ начиналъ подпирать то одну щеку, то другую.

Въ 1830 году Якову Яковлевичу было съ небольшимъ 40 лѣтъ, но по волосамъ съ большою просѣдью онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ или, лучше сказать, каждый приходитъ въ сомнѣніе—былъ ли этотъ человѣкъ когда нибудь молодъ? Невозмутимый, вѣчно ровный самому себѣ характеръ; необыкновенная аккуратность и неизмѣняемый способъ обращенія съ учениками, всегда одни и тѣ же приемы, выраженія, слова, повторявшіяся ежедневно втеченіе долготлѣтней его службы; безконечная доброта и снисходительность къ дѣтскимъ проказамъ, даже въ ущербъ собственному самолюбію: вотъ тѣ черты, которыя только теперь такъ рельефно представляются моему сознанію, но которыхъ, конечно, мы, дѣти, не умѣли подмѣ-

тять въ немъ, а тѣмъ болѣе оцѣнить по достоинству этого добрака. Пользуясь его добротой и, сравнительно говоря, слабостью, мы много огорчали нашего наставника и нерѣдко своими шалостями выводили его изъ терпѣнія до того, что и онъ, какъ другіе, тоже начиналъ драться. Да инаго средства и не было сладить съ буйною ватагой сорвиголовъ, густо наполнявшихъ классную комнату.

Дѣти въ школѣ народъ безжалостный: порознь — ангелы Божіе, а вмѣстѣ — сущіе чертенята!...

Въ 1872 году, блуждая по Троицкому кладбищу, я нечаянно наткнулся на могилу своего наставника и прочелъ на крестѣ надпись: „Крестъ Христовъ поставленъ у головы титулярнаго совѣтника Якова Яковлевича Игнатьева, который родился въ 1780 году, а скончался 1841 гевваря 1 дня; всей жизни баше 61 годъ“.

„По лѣвую сторону Якова почиваетъ тѣло родной сестры его Марѣн, которая родилась 1778 года, а умерла 1848.

„По правую же сторону сей Марѣн погребено тѣло племянницы ихъ, жены губернскаго секретаря. Маріи, которая родилась 1812 г., а преставилась 1860. Поживе только 47 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

„Глубиною мудрости вся стройя и полезная всѣмъ подавалъ, едине Создателю, упокой, Гдѣи, души рабъ твоихъ: Іакова, Марѣу и Марію“¹⁾.

Иванъ Андреевичъ Славатинскій, воспитанникъ черниговской гимназіи, пробывшій больше году въ харьковскомъ университетѣ, опредѣленъ учителемъ въ новгородъ-сѣверское уѣздное училище въ 1812 году. Въ противоположность Якову Яковлевичу, онъ не имѣлъ солидной и степенной его наружности, приличествующей педагогу: ни ростомъ, ни дородствомъ не вышелъ. Въ своемъ потертомъ и поляняломъ фрачишкѣ, съ короткими рукавами и въ кожаномъ картузѣ, онъ скорѣе походилъ на канцеляриста уѣзднаго суда, чѣмъ на учителя.

Иванъ Андреевичъ былъ страшно бѣденъ. Жилъ онъ на Заручьѣ, верстахъ въ трехъ отъ училища, противъ церкви Благовѣ-

¹⁾ Нѣкоторыя черты оригинальной личности Игнатьева довольно удачно схвачены авторомъ біографическаго очерка „Яковъ Яковлевичъ“; но, къ сожалѣнію, талантливый беллетристъ (П. А. Кулишъ) изобразилъ это дѣйствительно существовавшее лице исторически невѣрно, придавъ ему романическія попопозновенія.

щенія, имѣлъ большое семейство, вѣчно нуждался и съ горя попивалъ. Страдая катарромъ желудка, онъ часто не бывалъ на урокахъ, къ великому огорченію Якова Яковлевича, который, не пропустивъ самъ ни одного урока во всю свою службу, долженъ былъ, за отсутствіемъ коллеги, слѣдить и за учениками сосѣдняго класса черезъ растворенную дверь.

Скончался Иванъ Андреевичъ въ 1831 году. За годъ до смерти этотъ достойный учитель російской грамматики такъ рапортовалъ смотрителю о причинѣ неявки своей на службу:

„По приключившейся боли у желудка не могу явиться къ должности, а чѣмъ симъ вашему благородію имѣю донести къ нужному свѣдѣнію.“

До опредѣленія другаго преподавателя, предметы покойнаго, по распоряженію директора, распредѣлены между учениками высшаго класса гимназіи, оставленными на второй годъ въ томъ же классѣ: Петровскимъ, Куриловымъ и Сапѣгой.

Смотритель повѣтоваго училища *Николай Осиповичъ Камнионн* началъ свою службу аптекарскимъ ученикомъ, былъ потомъ гизелемъ и провизоромъ, пока наконецъ самъ не сдѣлался аптекаремъ. Въ 1825 году, оставаясь содержателемъ вольной аптеки, опредѣленъ смотрителемъ, съ жалованьемъ 300 рубл. асс., изъ коихъ половину онъ обiazался жертвовать въ пользу училища и бесплатно отпускать лѣкарства заболѣвшимъ воспитанникамъ, которые, впрочемъ, такимъ благодѣяніемъ вовсе не пользовались, пробавляясь домашними настояями и нашоштываніями знахорокъ.

Смотритель былъ человѣкъ тучный съ манерами, избличавшими въ немъ чистокровную нѣмецкую расу, чѣмъ онъ очень гордился, относясь къ русскимъ учителямъ съ явнымъ пренебреженіемъ. По жалобамъ нашихъ наставниковъ, Николай Осиповичъ иногда дѣлалъ намъ замѣчанія; но когда онъ обращался своимъ сильнымъ голосомъ къ одному ученику, то съ мѣста подымался другой, сидѣвшій въ противоположномъ концѣ скамьи, и пока смотритель не ткнетъ пальцемъ въ того, къ кому онъ адресовалъ свой выговоръ, тотъ никогда не догадается привстать. Такая странная шутка происходила отъ того, что нашъ аптекаръ былъ косоглазый баринъ, отчего и не смотрѣлъ на того, съ кѣмъ намѣренъ былъ говорить. Съ Яковымъ

Яковлевичемъ онъ видимо былъ не въ ладахъ и при свиданіи съ нимъ подавалъ ему одинъ лишь палець, презрительно поглядывая то на его ботфорты, то на античную шляпу, стоявшую на столѣ. Особенно злился онъ и шигѣль, какъ гусакъ, когда заставлялъ въ классѣ какую нибудь исторію. Наставники наши таки частенько получали отъ него нахлобучки не только на словахъ, но и на бумагѣ. Такъ, по поводу не оказавшихся въ запасѣ печатныхъ бланковъ для похвальныхъ листовъ, онъ разразился надъ смиреннымъ Игнатьевымъ строжайшимъ выговоромъ:

„О похвальныхъ листахъ дѣло было ваше заботиться имѣть лишніе два—три. Я уже много принялъ на себя, то что отъ васъ требовалось, дабы не нарушать вашего покоя. Не забудьте терпѣніе прерывается и не сожалѣйте сами на себя, сами себя не жалѣли. Заботы ваши большія, но не къ цѣли и благу учащихся, а къ собственной. Постарайтесь, по крайней мѣрѣ, о благовидности, дабы имѣть порядочного губка грецкого изъ суммы, навербованной вами въ довольное число съ учениковъ 1 и 2 классовъ, не знаю, по какому вашему на то праву?“

Изъ сего документа явствуетъ, что смотритель былъ нѣмецъ, (а можетъ быть и нѣмецкій жидъ) скупой и завистливый. Получая за свою службу чины и благодарности, не отпуская изъ своей аптеки никакихъ лѣкарствъ, а главное, ровно ничего не дѣлая, укоряетъ работающаго въ потѣ лица труженика въ нерадѣніи о благѣ учащихся. Доведши учителя своей нѣмецкой экономіей до необходимости прибѣгать къ косвеннымъ налогамъ на учениковъ для покупки „порядочного губка грецкого“, требуетъ, чтобы и бланки для похвальныхъ листовъ покупались на тѣ же незаконные поборы. А куда же шли полтораста рублей, которые онъ обязался вносить на нужды училища?...

Смотритель жилъ открыто. Домъ его считался чуть ли не первымъ въ городѣ по богатой обстановкѣ: вечера съ ужинами и танцами, экипажи, лошади, гувернанка—все это требовало не копѣечныхъ издержекъ, какими довольствовался плебей Я. Я—чь и при всемъ томъ спеціальная сумма на содержаніе училища, находившаяся въ безотчетномъ распоряженіи смотрителя, пряталась въ собственный карманъ.

При дѣлахъ училища сохранилось письмо директора къ смотрителю, свидѣтельствующее объ отношеніяхъ аптекаря къ высшему городскому обществу, во главѣ коего стоялъ Тимковскій.

„Учреждаемый въ обученіи А. И. Кригера танцботъ для дѣвиць, съ согласіемъ вашего, Николай Осиповичъ, и общаго другихъ участниковъ, имѣеть быть въ вашемъ домѣ по три раза въ недѣлю: во вторникъ и четвергъ отъ 2-хъ часовъ, а въ субботу отъ половины 5-го, съ положеніемъ правилами, которыя вамъ извѣстны. Съ сего числа въ танцботъ поступаютъ: Варвара Тимковская—моя дочь, Анастасія Петр. Левицкая, Любовь Григор. Македонская“.

Такъ, весьма обыкновенные танцевальныя уроки возведены г. директоромъ на степень серьезнаго учрежденія—съ особенными правилами и положеніями.

Аборигены и новички.

Прійдя въ первый классъ, мы застали тамъ болѣе 30 учениковъ, оставленныхъ, кто на второй, кто на третій и даже на четвертый годъ; а потому неудивительно, что тутъ нашлись юноши по 16 и болѣе лѣтъ. Это—аборигены перваго класса. Самые дюжіе изъ нихъ заняли послѣднюю скамью не для того, чтобы передніе мальчуганы могли съ большимъ удобствомъ смотрѣть на доску, но для того, что тутъ имъ была вольная воля, „лахва“, какъ они выражались сами. Это отборное общество силачей и грубіяновъ давало тонъ всему классу и съ перваго же дня нашего пребыванія въ новомъ обществѣ приняло на себя обязанность посвятить насъ, новичковъ, во всѣ тайны созданнаго ими кодекса школьныхъ правилъ и порядковъ. Большинство аборигеновъ составляли дѣти мѣстныхъ мѣщанъ, которые, не гоняясь за большою мудростію, довольствовались простою грамотностію, или даже только тѣмъ, чтобы сыновья ихъ „не вѣшались зря“ по улицамъ. Они смотрѣли на школу, какъ на смиренный домъ, гдѣ укрощались буйныя нравы непослушныхъ дѣтей. Общее число учениковъ перваго класса въ 1830 году состояло изъ 60 человекъ. Изъ нихъ дворянъ 30, мѣщанъ 15, купцовъ 4, козаковъ 1; затѣмъ остальные 8 человекъ принадлежали къ сословію разночинцевъ: это были незаконнорожденныя дѣти ближайшихъ къ городу помѣщи-

ковъ, которые путемъ ученія, выводили ихъ въ люди, для успокоенія своей барской совѣсти.

Каждый изъ учениковъ одѣвался сообразно состоянію и званію своихъ родителей, и потому масса учащихся представляла пеструю смѣсь „одеждъ и лицъ“. Чисто и опрятно одѣтыхъ было весьма не много. Да и не любила классная камарилья задней скамьи такихъ выскочекъ, старалась все ассимилировать, согласно своему демократическому строю. Такъ, въ первый же день моего пребыванія въ новомъ для меня обществѣ, батистовые воротнички генеральскихъ сынковъ Гетуновъ, по окончаніи урока, оказались запачканными въ чернила, а въ оставленные ими въ сѣняхъ галоши наложено нечистотъ. Сюртуки у большинства учениковъ были нанковые, отличавшіеся особеннымъ покроемъ и цвѣтомъ: мѣщане придерживались больше самаго дешеваго желтаго цвѣта, разночинцы—голубаго; были сюртуки синіе, зеленые (обыкновенно перелицованные и перешитые изъ батьковскихъ бекешъ), на выростъ, по сіе время. Сапоги у большей части учениковъ были смазаны, отчего воздухъ въ классной комнатѣ, особенно зимой, былъ невыносимъ для дыханія. О какой бы тамъ ни было вентиляціи никому и въ голову не приходило, даже форточки нигдѣ не было.

Всѣ мы, новички, радовались, что Петръ Сидоровичъ, хотя и перешелъ въ первый классъ виѣстѣ съ нами, но тутъ уже, безъ своего патрона Ильи Семеновича, не былъ для насъ страшенъ; при томъ же мы нашли въ первомъ классѣ подобныхъ ему богатрей цѣлый десятокъ.

По росписанію на первомъ урокъ случилась ариѳметика. До звонка большая часть учениковъ бѣгала по двору, а нѣкоторые, боясь потасовки до прихода учителя, жались подъ стѣнами темнаго корридора. Но вотъ пришелъ и учитель.

Подойдя къ столу, онъ поставилъ на немъ прежде всего свою историческую шляпу и положилъ въ нее какой-то свертокъ; это былъ списокъ учениковъ и пресловутая синяя тетрадка, именуемая „Ариѳметичкой“.

— Читайте молитву! Были первые слова, услышанные нами изъ устъ Якова Яковлевича. Прочитали.

— Садитесь, молодцы! Сѣли.

Затѣмъ началась перекличка. Новички, названные по фамиліямъ, отвѣчали, приподнявшись съ мѣста: „здѣсь!“ голосомъ обыкновеннымъ, отзывавшимся нѣкоторою робостью, къ чему пріучилъ насъ Илья Семеновичъ; но аборигены всакивали съ мѣсть, какъ ужаленные, и слово „здѣсь“ разнообразили до безконечности, начиная съ самой низкой ноты до самой высокой, при чемъ Я. Я—чь кротко замѣчалъ: „потихе, молодцы!“ Но когда дошла очередь до Данила Шедьки, сына бублейницы, то вмѣсто „здѣсь“, онъ выкрикнулъ *hier!*, мы, новички, не знали, что значить гирь, а учитель хотя и зналъ, что оно значить то же, что и „здѣсь“, но отнесся къ Шедькѣ съ неудовольствіемъ.

— Вотъ я тебя гиркну! сказалъ онъ сердито, изъ чего мы заключили, что путникъ дразнить наставника, какъ собаку: гирр...

Если кого нибудь при перекличкѣ не оказывалось на лицо, то нѣсколько голосовъ кричали разомъ „нѣтъ!“ другіе добавляли: „сапоговъ нѣтъ!“ но это только у Я. Я—ча, принимавшаго всегда въ резонъ это сапожное оправданіе, у Ивана же Андреевича отсутствіе ученика мотивировалось иначе, а именно; „животъ болитъ!“, такъ какъ учитель самъ постоянно страдалъ желудкомъ.

Окончивъ перекличку, Я. Я—чь началъ спрашивать новичковъ, чтобъ узнать, насколько они сильны въ ариѳметикѣ, которая лежала тутъ же на столѣ, во образѣ тощенькой тетрадки, переписанной „чистѣйшимъ петербургскимъ почеркомъ“ и обернутой въ синюю сахарную бумагу. Курсъ ариѳметики, излагаемый Я. Я—чемъ, составленъ преподавателемъ гимназіи Ив. Матв. Сбитневымъ.

Отвѣты наши, какъ видно, не вполне удовлетворили учителя. Чтобы показать намъ, новичкамъ, „какъ надлежитъ отвѣчать“, онъ вызвалъ одного изъ второгодниковъ. Надиктовавъ ему слагаемыя числа, Я. Я—чь спросилъ:

— Какъ нужно поступать при сложеніи?

Ученикъ, какъ вертенный Савочка, быстро повернулся лицомъ къ учителю, вытянулся въ струнку и, не переводя духу, выпалилъ:

„Слѣдующимъ образомъ: нужно подписать одно число подъ другое такъ, чтобы единицы стояли подъ единицами, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и т. д., потомъ подвести черту и начинать сложеніе отъ правой руки къ лѣвой“.

— Хорошо, молодец! производи-ка самое дѣйствіе!

„Молодец“, не перемѣняя тона, началъ также поспѣшно складывать: ноль да ноль—ноль, 5 да 7—12 два пишу а одинъ къ слѣдующему ряду отношу и проч.

Учитель съ гордостію поглядывалъ на учениковъ Ильи Семена, которые, однако жъ знали сложеніе непохуже отвѣчавшаго доки.

Въ продолженіе урока не случилось ничего особеннаго. По временамъ только слышались возгласы изъ заднихъ скамей,—въ родѣ слѣдующихъ:

— Яковъ Яковлевичъ! Здѣсь Кинда непристойное дѣласть! или: здѣсь Кисель Загорянской по матерному ругается!

Но учитель, повидимому, не придавалъ этимъ заявленіямъ никакого значенія, оставляя ихъ безъ всякаго удовлетворенія. Скажетъ только иногда, не смотря на учениковъ:

— Вотъ я васъ! или Кинда, бестія, на колѣна пойдешь!

Разъ кто-то взвизгнулъ нечеловѣческимъ голосомъ, должно полагать, уколотый булавкой.

— Кто тамъ визжитъ? поросенокъ ты скверный! замѣтилъ сердито учитель.

Мы, новички, сразу почувствовали, какая громадная разница между свирѣпымъ Люциферомъ Ильею Семеновичемъ и бладушнымъ Яковомъ Яковлевичемъ, и какое блаженное мѣсто этотъ первый классъ! Здѣсь, значить, можно и пошалить, и полѣниться, не боясь порки, предвѣщаемой грознымъ приказомъ: „остаться послѣ класса!“

Подъ вліяніемъ такого впечатлѣнія, многіе изъ насъ порѣшили съ перваго же дня посидѣть здѣсь подольше, и рѣшительно перестали учиться, а ходили въ классъ ради одного развлеченія, такъ что иной „молодец“, взявши въ карманъ кусокъ сала или селедку, и обѣдать не ходилъ домой. Развеселое житье! Недаромъ нѣкоторые аборитены вошли во вкусъ такой жизни, оставаясь въ первомъ классѣ на четвертый годъ.

Долго было бы рассказывать обо всѣхъ замѣчательныхъ случаяхъ, приключеніяхъ, скандалахъ, которыхъ я былъ очевидцемъ втеченіе 3-хъ лѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ. Ограничусь лишь немногими выдающимися курьезами, случавшимися на урокахъ Я. Я—ча.

Бьетъ первый звонокъ, ровно за часъ до урока. Благодаря прекрасному лѣтнему утру, на дворѣ уже собралось учениковъ довольно. Одни лежатъ на травѣ на брюхѣ, болтая въ воздухѣ ногами, другіе бѣгаютъ, третьи дерутся. Поодаль, какъ черногузы по болоту, важно расхаживаютъ воспитанники высшихъ классовъ гимназіи, въ бакенахъ, при часахъ на бисерной цѣпочкѣ, съ висящими сердоликовыми брелоками,— и презрительно поглядываютъ на повѣтовую шваль.

Бьетъ другой звонокъ. Цензоръ начинаетъ загонять въ классъ разбрѣдшееся стадо. Малые идутъ, а большіе и ухомъ не ведутъ, оставаясь въ лежачемъ положеніи и показывая суетящемуся блюстителю благочинія языкъ. Но вотъ, за заборомъ, какъ тѣнь стараго Гамлета, показалась длинная фигура Я. Я—ча, который, для сокращенія пути, всегда ходилъ въ училище нустьремъ, тннувшимся на большое пространство за гимназическимъ дворомъ. Тогда только поднимаются аборигены и, стуча своими сапожищами, побѣгутъ въ классъ, передъ самымъ носомъ учителя, подпрыгивая, какъ козлы, по длинному корридолу. Тутъ иногда случалась такая штука: для того, чтобы попасть въ первый классъ, нужно было пройти совершенно темный закоулокъ, и вотъ одинъ изъ богатырей незамѣтно ускользалъ отъ прочей компаніи минутой раньше и ложился въ темномъ проходѣ; другіе, не замѣтивъ лежащаго на полу проказника, съ разбѣгу спотыкаются и падаютъ одинъ на другаго, крича, что есть мочи: „мала куча! мала куча!“ Такимъ образомъ дѣйствительно образуется куча немалая, и проходъ въ классъ загоразивали такой крѣпкой баррикадой, что наставникъ долженъ былъ брать свой классъ штурмомъ, да еще подъ часъ, въ общей свалкѣ, и самого опрокинуть въ кучу, а потомъ убѣгутъ и сядутъ по мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывали: ищи, молъ, виноватаго!

А то разъ весной случилась такая исторія.

Аборигены строго на строго запретили всѣмъ идти въ классъ не только предъ приходомъ учителя, но и послѣ онаго. Бьетъ одинъ звонокъ, другой, третій—мы всѣ лежимъ ничкомъ, растянувшись на травѣ. Учитель сосредоточенно проходитъ мимо насъ, своимъ обычнымъ размѣреннымъ шагомъ, не замѣтивъ никого изъ лежащихъ. Вошелъ въ классъ.

— Читайте, говорить, молитву!

Глядь, а тутъ и читать некому: сидятъ всего три барышни. Вотъ выходитъ учитель на крыльцо и зоветъ своихъ питомцевъ.

— Молодцы! ступайте въ классъ!

Но „молодцы“ и ухомъ не ведутъ — лежать, какъ убитые, притворившись сиящими. Никто не смѣлъ пошевелиться, потому богатыри объявили торжественно, что если кто осмѣлится приподняться до сигнала, тому грозитъ страшная потасовка. Я. Я—чъ, въ своемъ безпомощномъ положеніи, возвращается въ классъ, беретъ линейку и начинаетъ штурмовать своихъ учениковъ. Раздавая щедрою рукою удары на право и на лѣво, онъ очутился въ самой серединѣ толпы, — тогда по командѣ разночинца Александрова, вдругъ всѣ поднялись разомъ и, сбивъ съ ногъ учителя, побѣжали въ классъ.

За эту проказу всѣ безъ исключенія подверглись наказанію палями, которыя Я. Я—чъ всегда давалъ собственноручно. На сей разъ работы ему было ужъ черезчуръ много, ибо расправа тянулась все продолженіе перваго урока. Экзекуцію онъ началъ производить съ переднихъ рядовъ—съ малышей; съ ними онъ покончилъ живо: кому двѣ, кому три пали и довольно. Но когда добрался до абригеновъ, то, зная, что отъ нихъ происходитъ все зло, сталъ щедрѣе на пали, такъ что количество ихъ доходило до десятка на брата. Когда же пришла наконецъ очередь до послѣдней скамьи, гдѣ, какъ я сказалъ, сидѣли самые отчаянные бестіи, пали посыпались безъ счету. Но съ этими молодцами не такъ то легко было сладить. У нихъ на такой случай были свои военныя хитрости, которыми они старались обмануть врага, наносившаго имъ удары. Одинъ, напр., сдѣлавъ прекислую рожу, прикинулся до крайности чувствительнымъ къ палямъ и начиналъ просить пардону: Яковъ Яковлевичъ! миленькій, голубчикъ, соколикъ! простите, ей Богу, никогда не буду!

— Держи, молодецъ, держи! отвѣчаетъ на эти любезности соколикъ, тыкая его въ плечо линейкой.

„Молодецъ“, съ притворнымъ страхомъ, выставляетъ впередъ ладонь, но держать руку такъ близко къ корпусу, что учителю никакомъ образомъ нельзя размахнуться линейкой, и онъ начинаетъ, не въ счетъ абонимента, бить своимъ орудіемъ по пальцамъ снизу,

чтобы привести руку въ надлежащее положеніе, и только послѣ долгихъ усилій достигаетъ цѣли и разсерженный даетъ прегорячую палю. Ученикъ взвизгнувъ неестественнымъ образомъ и, приложивъ къ губамъ руку, корчась, исчезаетъ подъ скамьей. Я. Я—чь начинать его добывать оттуда, давая ему тычки лямойкой, тотъ поднимается и начинаетъ опять голосить и упрашивать: миленькій, родненькій, соколикъ.

Другой „молодецъ“ Кисель Загорянкскій поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно иначе: принявъ безстрашную позу, съ видомъ самоотверженія, быстро подставляетъ одну за другой свои ладони, да еще съ фигурнымъ вывертомъ. Такая покорность заслуженному наказанію не могла не понравиться учителю и онъ сократилъ число ударовъ.

Наконецъ, Василиій Лосевъ придумалъ способъ прекратить эту нарочито длинную операцію. Началъ онъ съ того, что сталъ увѣрять Я. Я—ча, что его небыло въ числѣ лежавшихъ на травѣ, что онъ въ это время „ходилъ на дворъ“ и пр. Но учитель зналъ этого сорванца слишкомъ коротко, чтобы ему повѣрить, и требовалъ его руку. Лосевъ стоялъ на своемъ, что онъ ходилъ на дворъ, что у него и теперь животъ болитъ. Наконецъ, онъ какъ будто рѣшился понести наказаніе и протянулъ руку. Я. Я—чь собралъ всѣ свои силы, замахнулся... Но въ это самое мгновеніе Лосевъ отхватилъ руку, линейка ударила по скамьѣ и разлетѣлась на три части. Доломавъ оставшійся въ рукѣ кусокъ дерева на головѣ „молодца“, обезоруженный наставникъ прекратилъ поневолѣ расправу и оставшихся не битыми аборигеновъ отправилъ на колѣни къ порогу, на весь этотъ день.

Аудиторы и цензоры.

Для лучшаго контроля успѣховъ учениковъ, каждый преподаватель назначалъ аудиторовъ, которыхъ въ первомъ классѣ было около десятка. При выборѣ аудиторовъ учитель руководился не столько ихъ познаніями, сколько возрастомъ; ибо аудиторы спрашивали уроки, держа передъ собой книгу, слѣдя только за тѣмъ, чтобы отвѣчающій не пропустилъ ни одного слова. Каждый аудиторъ, до начала урока, обязанъ былъ переспросить всѣхъ ввѣренныхъ ему

учениковъ и записать отмѣтки въ особо заведенную для того продолговатую тетрадку, въ осьмушку, разграфленную на цѣлый годъ. Удовлетворительный баллъ означался буквою *З* (знаеть), неудовлетворительный буквою *н* (не знаеть) или *вн* (вовсе не знаеть). Аудиторы были большею частію взяточники. Каждый изъ ихъ учениковъ обязанъ былъ приносить какую вибудь подачку: кто яблоко, кто булку, кто конфектъ. Даже деньги брались иногда. Отъ поборовъ никто не избавлялся, учись хоть въ 5 разъ лучше самого аудитора, оттого что аудиторскія отмѣтки никогда не повѣрялись учителемъ и съ получившими *н* и *вн* — немедленно дѣлалась расправа. Тому, на кого сердить аудиторъ — бѣда: встрѣтитъ нарочно на порогѣ и не только не позволить повторить урокъ, но даже раздѣться не дастъ и тотчасъ требуетъ отвѣта: ну и поставитъ *вн*, если не пропечешъ ему слово въ слово заданные на урокъ параграфы — „отъ сихъ поръ и до сихъ“.

Мнѣ попался аудиторъ препоганый человекъ, одинъ изъ старѣйшинъ класса — Петръ Базилевичъ. Квартировалъ онъ у сапожника Шушпаннаго на своихъ харчахъ и ничего не платилъ за квартиру, потому что столько доставлялъ своему хозяину провизіи, что ею продовольствовалась вся его семья; а провизію эту доставляли Базилевичу его ученики: муку, крупу, пшено, сало, соль, яйца, рыбу приносили ему на домъ въ изобиліи. Аудиторъ этотъ иногда подучивалъ мальчиковъ воровать у родителей, торговавшихъ разными продуктами. Сколько я переносилъ Базилевичу сала, сельдей, тарани и проч. съ вѣдома, впрочемъ, матери, которая ничего не жалѣла, лишь бы избавить меня отъ наказаній. Года черезъ два мой промышленный аудиторъ поступилъ писцомъ въ магистратъ и тамъ продолжалъ свои доблестные подвиги въ болѣе солидныхъ размѣрахъ.

Вѣдая одну учебную часть, аудиторы вовсе не касались классной дисциплины, которая всецѣло лежала на обязанности цензора. Чинъ сей, подобный тому, какимъ пожалованъ былъ отъ Каменскаго Петро Сидоровичъ, хотя и не въ такой степени, совмѣщалъ въ себѣ и обязанность палача: цензоръ имѣлъ при себѣ только линейку, а розгами завѣдывалъ старый инвалидъ Павло сторожъ. Послѣ втораго звонка цензоръ немедленно вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей: загонялъ въ классъ учениковъ, усаживалъ ихъ по

мѣстамъ, давалъ непослушнымъ затрещины, принималъ приносимыя хабары, стиралъ доску и приготовлялъ для Я. Я—ча заостренные мѣлки, обертывая ихъ съ тупаго конца бумажкой. Съ приходомъ учителя, обязанности цензора не прекращались: во все продолженіе урока онъ долженъ былъ, не спуская глазъ съ учениковъ, замѣчать ихъ продѣлки; для этого онъ избиралъ самый удобный сторожевой пунктъ, а именно у стѣнки на первой скамьѣ. Садился онъ обыкновенно на верхнюю полку, или стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, до конца урока. У него былъ помощникъ, избираемый имъ самимъ изъ своихъ пріятелей: это, такъ называемый „занищикъ“, сидѣвшій всегда подлѣ своего патрона и записывавшій по его приказанію шалуновъ.

Еще до прихода учителя, цензоръ начиналъ кричать: тише, господа! Въ то же время занищикъ бралъ лоскутокъ бумаги и писалъ на заголовкѣ: „которыя шумели“ и затѣмъ, уткнувшись носомъ въ скамью, терпѣливо выжидалъ добычи. Цензоръ продолжаетъ выкрикивать: тише, господа! Но видя, что „господа“ и ухомъ не ведутъ, а ревмя режутъ, начинаетъ прилагать къ ихъ фамиліямъ весьма некрасивыя эпитеты, не употребительныя въ печати. Послѣ брани слѣдовало обыкновенно грозное: пиши его! или пиши его съ крестомъ или съ двумя крестами (количество поставленныхъ крестовъ означало усиленную степень шалости)! Но самое важное значеніе заключалось въ словѣ: „безпрестанно!“ Его то больше всего и боялись шалуны, такъ какъ за это слово больше всего доставалось отъ учителя.

Увлечшись веселой бесѣдой, а иногда и дракой, ученики мало обращали вниманія на предостереженія цензора, но съ приближеніемъ времени учительскаго прихода, шалуны вдругъ перемѣняли тактику и начали ублажать цензора, показывая ему издали знаками, что они ему дадутъ, если онъ вычеркнетъ ихъ фамиліи изъ числа тѣхъ, „которыя шумели“—булку, бубликъ или мѣдный пятакъ. Догадливый блюститель тишины сразу пойметъ, въ чемъ дѣло, и безъ зазрѣнія совѣсти велитъ занищику переписать вновь уже приготовленную къ подачѣ учителю записку. Не всѣ, однакожь, понавивіе въ записку умиловивляли цензора заманчивыми посулами: богатыри задней скамьи показывали ему кулаки, такъ что въ концѣ концовъ,

онъ зачастую и вовсе не подавалъ записки, рапортуя учителю, что до его прихода все обстояло благополучно, хотя учитель по поднятой столбомъ пыли и по раскраснѣвшимся лицамъ ясно видѣлъ, что въ классѣ до его прихода творилось столпотвореніе вавилонское. Это было именно тогда, когда за что нибудь поссорятся первый классъ со вторымъ: тогда происходила такая свалка, что дѣло нерѣдко кончалось разбитіемъ носовъ и подбитіемъ глазъ. Впрочемъ, сравнительно говоря, случалось это не особенно часто. Повѣтовцы, какъ птенцы одного гнѣзда, жили между собой дружно. Иногда даже между ними заключался наступательный и оборонительный союзъ для совместнаго похода на гимназію, что случалось обыкновенно зимой, во время оттепели, когда такъ знатно дѣются снѣжки. Полемъ сраженія избиралось всегда пустопорожнее мѣсто за гимназическимъ заборомъ. Выходили сначала застрѣльщики, малые ребята, и начинали перебрасываться снѣжками; затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ подходили все большіе и большіе; бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Снѣжки сыпались градомъ. Но вотъ повалила съ одной стороны вся гимназія, а съ другой—все повѣтовое училище. Снѣжки, при обоюдномъ ожесточеніи, переходили въ кулачки. Въ резервѣ стоятъ богатыри и смотрятъ на эту картину, не принимая участія въ сраженіи; наконецъ, увлеченные общимъ пыломъ битвы, они бросаются въ атаку и рѣшаютъ побѣду. Въ подобныхъ схваткахъ повѣтовцы почти всегда оставались побѣдителями, несмотря на то, что въ гимназіи крупнаго люду было побольше. Но гимназисты, какъ „павычы“, были менѣе искусны въ этого рода гимнастикѣ и въ мускульной силѣ во многомъ уступали такъ называемымъ заручейцамъ, которые играли не послѣднюю роль въ кулачныхъ бояхъ несравненно большихъ размѣровъ, когда выходило все Заручье (предмѣстье города, гдѣ живутъ исключительно одни хлѣбопашцы—спольщичики горожанъ) противъ купцовъ и лабазниковъ. Тамъ дѣло нерѣдко кончалось увѣчемъ и даже смертоубійствомъ.

Въ 1831 году такія примѣрныя сраженія происходили чаще обыкновеннаго. Въ этомъ году, какъ извѣстно, поляки затѣяли революцію и въ воздухѣ пахло войвой. Хотя мы вовсе политикой не занимались и рѣшительно ничего не знали, что тамъ творилось за Вислой, но черезъ нашъ городъ проходили войска съ музыкой и

пѣснями, что невольно возбуждаетъ воинственный задоръ не только въ солдатахъ, но и въ мирныхъ гражданахъ. Учащаяся молодежь проникалась общимъ настроеніемъ жителей, предпочитая военную службу всѣмъ другимъ карьерамъ. Нѣкоторые изъ насъ, прямо со скамьи, поступали въ полкъ, квартировавшій тогда въ Новгородкѣ.

Живымъ примѣромъ такого воинственнаго настроенія тогдашняго общества можетъ служить уцѣлѣвшее при дѣлахъ гимназіи прошеніе нѣкоего Оранскаго „объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности писца въ директорской канцеляріи“, для вступленія въ Армію, дабы я могъ (добавляетъ проситель) съ мечомъ въ рукахъ защищать Религію, Тронъ и существенныя выгоды отечества“.

Этотъ рьяный патріотъ, защитникъ религіи и трона, вмѣстѣ съ офицерами шлиссельбургскаго полка, незадолго до того вымазали дегтемъ ворота въ квартирѣ дочерей отставнаго прапорщика Марьи и Елены каковой поступокъ, едва ли согласуется съ рыцарскими наклонностями героев...

Уроки рисованія и чистописанія.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, въ чемъ состояло преподаваніе Я. Я — ча. Ученики приходили въ классъ не для того, чтобы чему нибудь полезному научиться, а больше для того, чтобы провести весело время среди разгульныхъ товарищей, неистощимыхъ на разныя выдумки. Каждый приносилъ изъ дому порядочный запасъ разныхъ анекдотовъ, подслушанной на улицѣ брани, нарисованныхъ или вырѣзанныхъ изъ бумаги съ особеннымъ механизмомъ фаллическихъ издѣлій, свидѣтельствовавшихъ о крайней степени развращенности той среды, въ коей прозябали питомцы Я. Я — ча. Ученики старались превзойти другъ друга не успѣхами въ наукахъ, а безнравственными или смѣшными выходками.

Школа тутъ не только не противоdѣйствовала нравственной испорченности своихъ воспитанниковъ, а напротивъ, еще усиливала ее, такъ что удивляться слѣдуетъ не тому, что такъ мало вышло изъ нея порядочныхъ людей изъ огромной массы учащихся, но скорѣй тому, какъ могли уцѣлѣть и тѣ немногія личности, которымъ удалось выйти изъ заведенія, не утративъ чувства чести и человѣческаго достоинства.

Самые интересные, или лучше самые веселые, часы, назначенные по росписанію для классныхъ занятій, были уроки рисованія и чистописанія, приходившіеся всегда послѣ обѣда. Рисовали мы обыкновенно губы, носы, глаза, уши и т. п. Были между нами и такіе самородки артисты, которые, помимо уроковъ Я. Я—ча, собственнымъ умомъ достигли замѣчательнаго совершенства въ изображеніи на бумагѣ или на заборѣ весьма непристойныхъ сюжетовъ. Но попадались картины и болѣе скромнаго содержанія, съ претензіей на юморъ. Одна изъ такихъ картинъ хорошо сохранилась въ моей памяти, такъ какъ я самъ ее копировалъ. Представляла она невѣроятное событіе; свинья цѣликомъ проглотила жида, какъ надо полагать, въ отмѣстку за то презрѣніе, какое питаетъ къ ней, со временъ Моисея, все израильское племя. По срединѣ большого листа бумаги стоитъ это плотоядное. Изъ подъ закрученнаго верчикомъ хвоста выглядываетъ рыжая борода и голова Лейбы, съ длинными пейсами, въ синей ермолкѣ, а изъ пасти, между страшными клыками, торчатъ ноги въ однихъ чулкахъ, а патынки валяются тутъ же на травѣ. Передъ Лейбой, припавъ на одно колѣно, стоитъ другой жидокъ Сруль, держа въ одной рукѣ шкаликъ, а въ другой чарку,—изъ усть его вылетаютъ слова:

Куку, Лейбо, куку, выпій водки рюмку!

Подъ картиной рѣмованной прозой изложена самая фабула событія „якъ свинья жида зѣвла“. Подробностей не помню; остались въ памяти лишь заключительныя слова, произносимыя Срулемъ: потерявъ надежду на освобожденіе своего пріятели изъ неволи, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „Ой вэй миръ, провонявся! Сиди жъ ты тамъ, Лейбо, бо не въ такіе зубы попался!“

При началѣ урока рисованія, намъ раздавались т. н. оригиналы, наклеенные на картонѣ, и страшно засаленные. Рисовать отъ руки у насъ почти никто не умѣлъ, а переносили мы на бумагу предложенные намъ образцы или черезъ стекло, или посредствомъ пропитанной масломъ бумаги, что продѣлывали мы, съ географическими картами у другаго учителя. Въ продолженіе всего урока Я. Я—чъ занимался поправкой ученическихъ работъ. Не научивъ рисунку, преподаватель прямо требовалъ ретушевки, которую онъ называлъ „химовочкой“. Занятія живописью нисколько не мѣшали

намъ вести пріятную бесѣду и по временамъ выкидывать колѣнцы, за что виновные тутъ же получали пали или отправлялись къ порогу на колѣна.

Порой на нашего наставника находилъ добрый стихъ; тогда онъ ограничивался одними замѣчаніями, не прибѣгая къ линейкѣ.

— Что вы тамъ жужжите, пчелы поганья? Жужжать— жужжать, а меду не носить“.

Тонкій намекъ на нѣкоторыхъ учениковъ, у родителей которыхъ были собственныя пасѣки.

— Мельницы вы вѣтряныя! мелютъ— мелютъ, а мучицы нѣтъ!

Опять намекъ. Отпуская подобные экивоки, Я. Я—чъ улыбался ему одному свойственною улыбкой, подпирая щеки языкомъ.

— Шотовъ, бестія! Что ты тамъ высматриваешь, какъ мышь изъ дрожжей?

— Поламаренко! бестія! вотъ я тебѣ! Матушка его пирожками кормитъ: Кузичка, Кузичка! а Кузичка козлище нечестивое!

Эти краткіе монологи иногда прерывались плаксивыми взвизгиваніями мальчугановъ, обижаемыхъ старшими.

Не менѣе занимательны были и уроки чистописанія, съ вѣчно неизмѣнными замаслянными прописями: „Богъ есть существо высочайшее“ или „Воображеніе есть пружина, управляющая“... (дальше рѣшительно не помню, кѣмъ и какъ управляла эта пружина).

Лишь только всѣ усядутся по мѣстамъ и учитель, что называется, заправить классъ, ученики начинаютъ подходить къ столу съ цѣльми, неочиненными перьями. Я. Я—чъ вынимаетъ изъ кармана ножикъ и, поточивъ его о голенищу лѣваго ботфорта, приступаетъ къ очникѣ перьевъ. Трудъ этотъ для него былъ столь утомителенъ, особенно лѣтомъ, при сильной жарѣ, располагающей, особенно послѣ сытнаго обѣда, ко сну, что иногда онъ за третьимъ или за четвертымъ перомъ начиналъ кунять за своей однообразной работой. Чтобы усыпить учителя окончательно, Павелъ Згутницкій прибѣгнулъ однажды къ дѣйствию чаръ и заговоровъ.

— Спи, очко, спи другое! Спи, очко, спи другое! произносить онъ вполголоса, и видя, что чары начинаютъ дѣйствовать и Я. Я—чъ дѣйствительно заснулъ такъ, что послышалось даже тихое храпѣнье, — проказникъ крикнулъ во всеуслышаніе: „Заснуло очко!“ Учитель просыпается и хлопаетъ глазами.

Разъ нашъ достойный наставникъ до того крѣпко заснулъ, что въ классѣ послышался носовой свистъ. Всѣ притаили дыханіе. Настала мертвая тишина.

Вдругъ, неожиданно-негаданно, на послѣдней скамьѣ раздается концертъ на четырехъ импровизированныхъ инструментахъ. Шедька, вырѣзавъ въ скамьѣ углубленіе, натянулъ струны изъ тонкой проволоки, добытой изъ подтяжекъ, и соорудилъ такимъ способомъ цимбалы, Лосьевъ неподражаемо бралъ аккорды первой скрипки, Буланда неистово гудѣлъ на бубнѣ, а Маньковскій пѣлъ подъ музыку извѣстную кабацкую пѣсню: ахъ ты с... сынъ, комаринскій мужикъ!—Въ то же время Аѳанасій Слищенко, подобравъ полы своего неизмѣримаго сюртука, пустился подъ музыку въ присядку черезъ головы учениковъ по скамьямъ, и потомъ мгновенно исчезъ за дверями.

Представьте себѣ пробужденіе нашего добраго наставника! Началась расправа, не ограничившаяся на сей разъ однѣми палаями, дѣло дошло до сторожей. Пришли два старые инвалида: одноглазый Павло да хромоногій Паромонъ. Классъ привѣтствовалъ ихъ неистовымъ хохотомъ. Паромонъ окрысился. „Чаго ся вы зубы скалитя, жарабцы?“ Ученики въ свою очередь обозвали почтеннаго служиваго крупной.

И повели въ сторожку рабовъ божіихъ кимвалиста Данила, бубниста Якова, первую скрипку Василія и другаго Данила пѣснопѣвца; плясуна же Аѳанасія и слѣдъ простылъ.

Такъ, изо дня въ день, прошли два года моего пребыванія въ первомъ классѣ повѣтоваго училища. Второй годъ заключился нарочито торжественнымъ актомъ, на которомъ были произнесены двѣ „академическія рѣчи“ законоучителемъ Мануйловичемъ „о правилахъ христіанскаго воспитанія“ и нашимъ общимъ другомъ Игнатъевымъ о томъ, „какую пользу приносятъ въ обществѣ торжественные праздники?“ Послѣдняя орація, написанная отгмѣнно изысканнымъ слогомъ, изобиловала историческими примѣрами изъ римской древности. Въ ней особенно прославлялись греческія игры и римскія зрѣлища въ циркахъ, гдѣ, какъ извѣстно, отличались столько же люди сколько и звѣри, соперничавшіе съ людьми въ кровожадности и свирѣпости. Поучительно!

Въ заключеніе спектакля, прочитали переводы въ высшій классъ, и я, повѣся носъ, поплелся домой съ пресквернымъ билетомъ, за который отецъ приковалъ меня желѣзною цѣпью къ столу и заставилъ просидѣть за книжкой половину каникулъ. Болѣе чувствительнаго наказанія для меня трудно было придумать: меня тянуло къ рѣкѣ, на лугъ—въ царство рыбъ и птицъ, а тутъ сиди. Напрасно подъ заборомъ ежедневно поджидалъ меня Ѳеодоръ Красновскій, съ отлично снаряженными удочками, а тутъ, какъ бы для вящаго усиленія нитки, отецъ два раза ходилъ безъ меня на охоту. Я плакалъ горько, каялся и давалъ клятвенное обѣщаніе учиться и каждый годъ получать переводъ въ высшій классъ.

Помимо частой болѣзни, которая, безъ сомнѣнія, не мало препятствовала аккуратному посѣщенію уроковъ, я таки порядочно лѣнился и отлынивалъ. Но причины такого упорнаго уклоненія отъ занятій слѣдуетъ искать не въ одной лѣни: она коренилась въ инстинктивномъ отвращеніи отъ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ обществѣ школьныхъ товарищей. Грубые и неприличныя шутки, скандальные анекдоты, безирерывныя проказы, за которыя приходилось часто отвѣчать безвинно, несправедливыя придирки и притѣсненія цензора и аудиторомъ, а что всего важнѣе—моя смиренная овечья натура, хилость и слабое здоровье, ставившее меня во всегдашнюю зависимость отъ произвола дюжихъ дикарей, чуждыхъ гуманности и безкорыстной дѣтской привязанности—вотъ что главнымъ образомъ отталкивало меня отъ ученія и заставило остаться на третій годъ въ одномъ и томъ же классѣ. Чтобы яснѣе показать, до какой степени сильно было у меня отвращеніе отъ училища, я приведу одинъ фактъ. Отправившись изъ дому въ обычное время, якобы въ классъ, я поворачивалъ на Замокъ и просиживалъ тамъ по четыре часа, выглядывая изъ-за сугроба снѣгу, какъ воръ, и подстерегал, когда ученики будутъ возвращаться изъ училища; затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выходилъ изъ засады, шелъ домой и на разпросы домашнихъ про уроки, отвѣчалъ безстыдною ложью, сочиняя небывалыя исторіи. То же нерасположеніе къ школьнымъ моимъ товарищамъ заставляло меня дорожить моими дѣтскими симпатіями къ уличнымъ своимъ друзьямъ; просвѣтившись четырехлѣтнимъ пребываніемъ въ училищѣ,

я не только не разлюбилъ ихъ, но еще болѣе сталъ дорожить ихъ первобытною, неподдѣльною, чисто дѣтскою привязанностію.

Любовь къ природѣ также не ослабѣвала во мнѣ по той же самой причинѣ, а росла въ душѣ по мѣрѣ удаленія отъ окружавшей меня среды. Стало быть, прозябаніе мое въ первомъ классѣ, не принесши мнѣ существенной пользы въ научномъ отношеніи, все таки, хотя отрицательнымъ путемъ, вліяло на мое развитіе и мою нравственность.

Знаменитый Гемфри Дэви считалъ для себя самымъ счастливымъ обстоятельствомъ то, что ему можно было такъ много наслаждаться праздностію въ училищѣ: „даже наиболѣе способнымъ дѣтямъ, говорилъ онъ, душно въ школѣ. Школа не только не удовлетворяетъ, но какъ то гнетъ ихъ“.

Третій годъ въ первомъ классѣ.

Итакъ, рѣшено: полно лѣниться, полно баловаться! Припрятавъ свои удочки „ажъ до ваканцій“, я твердо рѣшился сдѣлаться совершенно инымъ человѣкомъ. Къ счастью, пришедши въ классъ, при началѣ новаго учебнаго года, я не нашелъ уже аборигентовъ прежнихъ двухъ лѣтъ: одни изъ нихъ „по великовозрастію“ или „въ надеждѣ успѣховъ“, speciali gratia, какъ выражался нашъ классикъ директоръ, переведены во второй классъ; другіе, убояся бездны премоудрости, оставили ученіе вовсе: дворяне поженились и зажили въ деревнѣ трудами крѣпостныхъ рукъ или засѣли въ судъ строчить ябеды, а кто былъ похрабрѣе, тотъ угодилъ подъ красную шапку; мѣщане пошли сидѣть въ лавку или принялись за батьковское ремесло. Насколько мнѣ удалось прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ шалопаевъ, почти ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался ни хорошимъ семьяниномъ, ни сколько нибудь полезнымъ обществу человѣкомъ.

Съ перваго дня новаго учебнаго года дѣло у меня наладилось. Аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщались уроки; книги и тетради хранились въ примѣрномъ порядкѣ, все заданное приготовлялось съ величайшей отчетливостію. Родители посѣщили поощрить мои успѣхитѣмъ, что сшили сюртукъ изъ дѣдовской бекени несносимаго зеленого цвѣта сукна. По прошествіи мѣсяца Я. Я—чъ сдѣлалъ меня аудиторомъ, а спустя еще мѣсяцъ, самъ смотритель Николай Оси-

повичъ, узнавъ стороной о злоупотребленіяхъ нашего цензора, сдѣлалъ ему публичный выговоръ, отрѣшилъ отъ должности и назначилъ меня на его мѣсто. Не чувствуя ни малѣйшаго призванія къ этой чисто полицейской должности, я никакъ не могъ угодить Я. Я—чу и получалъ отъ него частыя замѣчанія. Старику, конечно, было не пріятно, что ему навязали такого смирнаго, слабосильнаго, нерасторопнаго помощника, не любившаго драться и ябедничать на своихъ товарищей.

На мѣсто умершаго „отъ боли у желудка“ Ивана Андреевича, назначили Егора Андреевича, человѣка молодаго, съ весьма красивыми бакенбардами и заливчатскими манерами, хотя и семинариста. Это былъ страстный поклонникъ женскаго пола, горячихъ палъ и язвительныхъ насмѣшекъ надъ учениками. Вызоветь бывало Василя Кинду и начать надъ нимъ глумиться:

— Какого рода Кинда?— Женскаго.— Почему женскаго?

— Потому что вѣѣ имена, кончающіяся на *a*, суть рода женскаго.

— Склоняй Кинду! и т. д.

Не мало также потѣшался Егоръ Андреевичъ и надъ Стугой-Самотугой, надъ Сугоякой и др. Ему казалось страннымъ встрѣчать такія самородныя малорусскія фамиліи, не похожія на Воздвиженскихъ, Воскресенскихъ, Златоустовскихъ и т. п., къ какимъ привыкъ слухъ его въ черниговской семинаріи.

Однажды на урокъ Егора Андреевича привели новичка, желавшаго поступить въ первый классъ, минуя подготовительный, по экзамену. Наружность мальчика заинтересовала какъ учителя, такъ и учениковъ: это былъ дѣтина, лѣтъ 13 на видъ, богатырскаго сложенія, съ густыми черными волосами, торчавшими щетиной на большой овальной головѣ, съ дикимъ взглядомъ, въ какой то невиданной нами черкескѣ со снурками и „кытыцями“. Такого то звѣрька представилъ на испытаніе отецъ его лейтенантъ флота Осташковъ. Подозвалъ его Егоръ Андреевичъ къ доскѣ.

— Бери, говоритъ, мѣлъ и пиши: цѣль...

У мальчика какъ то дико сверкнули глаза, онъ схватилъ мѣлъ и написалъ цѣль, но не ту, какую желалъ видѣть учитель, а охотничью, т. е. кружокъ съ точкою въ центрѣ. Весь классъ такъ и покотился со смѣху. Евграша отъ того немало не смутился, стеръ

поспѣшно кружокъ и нарисовалъ два: одинъ большой, а другой вписалъ въ него поменьше, поставивъ въ центрѣ точку. Оказалось, какъ объяснилъ его родитель, что сей отрокъ былъ отиѣнный стрѣлокъ и выросъ въ лѣсу, гоняясь за зайцами. Насилу ему вдолбили, чего отъ него хотятъ; тогда только онъ безобразнѣйшими каракулями нацарапалъ:

„Цель существованія человеческого“.

Съ перваго же дня поступленія въ училище, Евграша сталъ героемъ класса. Силища была у него непомѣрная, хотя, уви! за выбитіемъ нашихъ богатырей не съ кѣмъ было ею помѣряться.

И допекалъ же его Егоръ Андреевичъ: онъ давалъ ему по 10, по 15 палъ за всякую шалость, но ничѣмъ не могъ пронять его.

Увидитъ, бывало, Евграша у когонибудь изъ товарищей орѣхъ:

— Дай, говоритъ, и мнѣ хоть одинъ орѣхъ.

— Разбей его лбомъ и онъ будетъ твой!

И Евграша, не обинуясь, кладетъ на скамью волоскій орѣхъ и какъ долбней разбиваетъ его лбомъ, затѣмъ преспокойно начинаетъ кушать зернышко. „Давай, говоритъ, другой!“

Отъ такого Моки Кифовича преподаватели, конечно, не добились никакой науки и скоро его выжили. Да и опасно было держать между дѣтьми такого буйвола. Жалобъ на него была бездна: то жиды на улицѣ искалчатъ, то пробой у дверей выворотить, то стулъ учительскій разломаетъ.

Просидѣвъ въ первомъ классѣ два года, онъ поступилъ въ военную службу—туда ему и дорога!

Былъ у насъ еще другой замѣчательный субъектъ—Павелъ Клочковъ, обладавшій необыкновенными ноздрями, какъ у арабской лошади и немалою способностію выкидывать колѣнца.

Поймалъ онъ однажды гдѣ то извѣстное насѣкомое и, поднесши учителю для поправки свой рисунокъ, сталъ сзади, якобы для лучшаго наблюденія за его работой, да и пустилъ на его лысину насѣкомое, а потомъ смиреннѣйшимъ голосомъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „позвольте, говоритъ, у васъ на головѣ „непристойное“ ползаетъ“... Страшно сконфуженный Я. Я—чѣ сгорѣлъ отъ стыда и едва слышно проговорилъ: „Сбрось его, молодецъ, долой!“...

И въ этомъ году, какъ прежде, на урокахъ чистописанія мы старались писать тѣмъ же „столичнымъ, петербургскимъ почеркомъ“, такъ же почтительно, гуськомъ, подходили къ г. учителю съ неочиненными перьями, такими же эживоками сопровождались замѣчанія Я. Я—ча—при хорошемъ расположеніи духа... Но, вообще, замѣтно было, что въ нравахъ и обычаяхъ школы многое перемѣнилось къ лучшему. Пали, правда, не выводились, но мы къ нимъ до того привыкли, что безъ нихъ, какъ кушанье безъ соли, урокъ казался невысказаннымъ. У порога также ктонибудь торчалъ на колѣняхъ съ книжкою въ рукахъ; безъ обѣда оставались по прежнему, хотя это наказаніе для насъ рѣшительно ничего не значило: многіе изъ далекоживущихъ учениковъ въ дурную погоду оставались въ классѣ добровольно, взявши, разумѣется, порядочный запасъ провизіи. Обѣдая, они бросали обѣдки на печку, что дѣлалось не спроста, какъ мы тотчасъ увидимъ.

Надобно замѣтить, что гимназическое зданіе было очень ветхо; ремонту на него почти никакого не полагалось. Потолокъ, обтянутый холстомъ, выфлѣненнымъ известкой, обвисъ и представлялъ волнообразную плоскость, а просачивающаяся черезъ дырявую деревянную крышу течь испещрила его разнообразнѣйшими рисунками, въ которыхъ мы находили подобіе то Африки, то Америки, опредѣляли мѣсто различныхъ острововъ, заливовъ и проливовъ, затверживаемыхъ изъ географіи, что, за отсутствіемъ картъ, не мало облегчало насъ при выдачѣ урока изъ географіи. Въ потолкѣ надъ печкой была небольшая дыра, продѣланная крысами, привлеченными запахомъ бросаемыхъ на печку обѣдковъ. Процессъ перетаскиванія крысами этихъ обѣдковъ на чердакъ совершался обыкновенно на урокахъ чистописанія и рисованія. Для этого мы сговаривались сидѣть какъ можно тише и устремляли глаза на упомянутую дыру. Учитель, по обыкновенію, дремалъ.

Вотъ показывается изъ отверстія сперва мышиная мордочка, нюхающая воздухъ. Но для того, чтобы добраться до лакомой приманки, крысѣ нужно было пройти по карнизу печки и обогнуть такимъ образомъ трубу. Вотъ она выскакиваетъ, перебѣгаетъ быстро карнизъ и исчезаетъ на печкѣ. Взявши тамъ какуюнибудь голову чачони или обглоданную кость курицы, она поспѣшно тащитъ ее

въ свою нору по карнизу... но тутъ разомъ подымается такой гамъ полсотни голосовъ, что оторопѣлое животное бросаетъ свою добычу и скрывается. Рыбья голова летитъ на средину класса и восторгу нашему нѣтъ предѣловъ.

Я. Я—чѣ велитъ тотчасъ позвать Павла не для того, чтобы арестовать крысу за произведенный ею безпорядокъ, а для того, чтобы убрать рыбью голову—и тишина снова восстанавливается.

Такимъ образомъ безобѣдники не только сами обѣдали, но продолговствовали на свой счетъ и казенныхъ крысъ, которыми по смѣтѣ на содержаніе училища ничего не полагалось.

Предъ концомъ урока, съ оставленныхъ безъ обѣда сторожъ снималъ сапоги и отбиралъ шапку; но такъ какъ было дознано, что ученики уходили домой обѣдать безъ шапокъ и босые, то учителя распорядились лишать ихъ и верхней одежды, отбирая у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и припрятанные запасы продовольствія въ пользу Павла или Парамона. Первый изъ инвалидовъ, по своей природной добротѣ, постоянно дѣлился съ безобѣдниками ихъ же собственнымъ обѣдомъ, а иногда и изъ своего пайка удѣлялъ голодающему крѣйку хлѣба, за что и пользовался у насъ всеобщю любовію. Не таковъ былъ Парамонъ. Этотъ не только ничего не дастъ, но еще выбранить... Да и доставалось же ему за это: другаго названія онъ не слышалъ отъ насъ, какъ „крупа“, „гарнизонная крыса“, „хромой чортъ“ и т. п. Хотя, правду сказать, не изъ чего было этой крысѣ и разщедриться, при 1 р. 58 коп. асс. мѣсячнаго жалованья; но мы этого не хотѣли принимать въ соображеніе.

Впрочемъ, не все отобранное отъ учениковъ отдавалось сторожамъ: конфекты, пряники и др. лакомства оставались на учительскомъ столѣ до конца урока, къ великому соблазну сидѣвшихъ на первой скамьѣ; а послѣ молитвы уносились учителемъ домой вмѣстѣ съ неразлучною „Арифметичкой“.

Самою рѣдкостною книгой между нашими учебниками считалось у насъ „Зрѣлище вселенной“, сѣробумажное иллюстрированное изданіе. Книга эта употреблялась какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка. Занимавшія насъ, конечно больше нѣмецкаго языка, довольно аляповатыя картинки изъ трехъ царствъ природы и изъ исторіи чело-вѣческой культуры, представляли предметы, называемые по русски,

по нѣмецки и по латыни. Я сильно завидовалъ обладателямъ этой драгоценности, и вотъ однажды мнѣ представился случай завладѣть ею. Извѣстный всей покровской парафіи мотъ и сорви-голова Андрей Кисель-Загорянскій—графъ Паскевичъ Эриванскій—Дибичъ Забалканскій (какъ величалъ онъ самъ себя), узнавъ о моемъ желаніи пріобрѣсть „Зрѣлище“, зашелъ ко мнѣ въ домъ и предложилъ мѣну: — Ты мнѣ дай, говорить, пару голубей, а я тебѣ „Зрѣлище“.

Со слезами расстался я съ своими голубками—единственная, рѣдкая пара туркотовъ, какихъ ни у кого не было. Но, увы! Жертва посвященію принесена напрасно; мечта обладать драгоценной книжицей такъ и осталась мечтою. „Зрѣлище“ оказалось украденнымъ и его на другой же день у меня отобрали, не возвративъ голубей.

За присвоеніе чужой собственности „графъ Эриванскій“ былъ пребольно высѣченъ, но къ нему, какъ вода къ гусю, ничто не приставало. Въ тотъ же самый день, когда съ нимъ случилась эта маленькая непріятность, онъ вышелъ изъ училища весело и шутилъ больше обыкновеннаго. Въ виду солдатъ, гуськомъ маршировавшихъ по площади, подошелъ къ стаду индюковъ, и копируя дивизіоннаго генерала Маевского, сицлымъ голосомъ, какимъ обыкновенно тотъ командовалъ, крикнулъ:

— Здорово, ребята! А индюшки ему на своемъ тарабарскомъ нарѣчій въ отвѣтъ: Здравія желаемъ, В. С—во!

— Хорошо, ребята! А тѣ ему: рады стараться!

Вышелъ Загорянскій, кажется, изъ 3-го класса; поступилъ въ военную службу, попалъ на Кавказъ, тамъ скоро отличился и произведенъ въ офицеры; но еще скорѣе былъ разжалованъ въ рядовые; погомъ за отличіе опять произведенъ и умеръ въ госпиталѣ смертію Сашки Полежаева.

Въ январѣ 1833 года отецъ собрался съѣздить на лугъ, верстъ за 15, за сѣномъ. Я упросился поѣхать съ нимъ. По случаю мятели, мы заночевали у знакомаго крестьянина въ с. Биринѣ. Меня уложили спать на замазляномъ матрацѣ и укрыли кожушиной, такъ какъ я сильно прозябъ. Договоривъ подводы для перевозки сѣна, на другой день мы отправились въ обратный путь. По возвращеніи домой, я слегъ въ постель. Думали, что простуда прой-

дѣтъ сама собой, но не тутъ то было. Оказалось, что я въ Биринѣ переночевалъ на томъ самомъ сѣняникѣ, на которомъ недавно валаляся въ оснѣ мальчикъ. Черезъ два дня у меня открылась сильнѣйшая горячка, съ весьма опасными симптомами: разъ я убѣжалъ ночью въ одной рубахѣ къ рѣкѣ и чуть не попалъ въ прорубь; другой разъ, обманувъ бдительность своего неизмѣннаго часоваго — матери, опять выскочилъ и меня нашли въ недостроенной хатѣ, по колѣни въ снѣгу. Меня привязали къ постели утиральниками. Въ бреду представлялось мнѣ, что по всему моему тѣлу ползають всевозможныя насѣкомыя, какихъ только удавалось мнѣ поймать въ дѣтствѣ. На третій день къ вечеру я уснокоился, пересталъ рваться и метаться, хотя бредъ еще продолжался. Мнѣ дали свободу. Я попросился къ окну и сталъ пристально смотрѣть на улицу. То, что я видѣлъ тогда, привело меня въ неописанный восторгъ. Я звалъ сестеръ, чтобы подѣлиться съ ними своимъ восхищеніемъ, и до слезъ сердился, что онѣ не хотѣли видѣть того, что представлялось лишь моему воспаленному воображенію. Одинъ дидусъ не смѣялся надъ моими галлюцинаціями, а терпѣливо, съ серьезнымъ видомъ, выслушивалъ все, что я ему говорилъ.

Посадивъ меня къ себѣ на колѣни, онъ обнялъ меня лѣвой рукой, а правой по временамъ гладилъ по головѣ. Замѣчательно, что, пришедши въ сознаніе, я отлично помнилъ все видѣнное мною въ бреду и до сихъ поръ въ памяти моей отчетливо сохранились очаровательныя картины природы, никогда мною невиданныя въ дѣйствительности.

При ослѣпительномъ блескѣ лѣтняго солнца, на неизмѣримое пространство предо мною разстилались ярко-зеленыя луга, испещренные безчисленными цвѣтами — розовыми, голубыми, бѣлыми, пурпуровыми; цвѣты непрерывно мѣнялись, то, теряясь въ безпредѣльной дали, то снова сверкая предъ очарованными глазами яркостію своихъ красокъ. Въ воздухѣ носились мириады красивыхъ птичекъ и мотыльковъ; слуху моему чудилось нѣвіе, свистъ, жужжаніе...

Безконечная равнина луговъ вся изрѣзана зеркально прозрачными ручьями и рѣчками; мнѣ слышалось утонченное журчаніе чистыхъ, какъ хрусталь, источниковъ и все это обиліе водъ сливалось въ одинъ громадный бассейнъ, въ одно широкое, никогда мною

до того не виданное озеро, по которому плавали раззолоченныя лодочки съ разноцвѣтными флагами и парусами....

И Боже мой! какъ мнѣ хотѣлось побѣжать туда—далеко, далеко отъ этихъ безобразныхъ мѣщанскихъ домовъ—сараевъ, отъ моихъ безпутныхъ товарищей и отъ Якова Яковлевича, съ его противною „ариометичкой“.

Картина, во мгновение ока, смѣнялась другою. Чудилось мнѣ, что наша бѣдная деревянная приходская церковь Великомученицы Варвары преобразилась въ колоссальный храмъ изъ чистаго хрустала; безчисленные переливы цвѣтовъ играли радугами на поверхности храма... Былъ, казалось, какой то великій праздникъ; многое множество народа въ парадныхъ одеждахъ наполняло внутренность храма; еще большая толпа стояла на паперти... И вдругъ, вверху, подъ самымъ куполомъ, послышалась ангельская пѣнь: Слава въ вышнихъ Богу.... и вся эта масса народу заколыхалась: изъ храма стали выходить люди съ зелеными вѣтками; между ними отдѣльною группою шествовали святые мужи и жены, въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, а впереди ихъ архангелъ Михаилъ, съ лучезарно бѣлокурою головою и съ огненными глазами, на золотомъ блюдѣ онъ несъ главу и проходя мимо упавшаго ницъ народа, вѣщалъ звучнымъ голосомъ: Се глава Иоанна Крестителя!

На слѣдующій за этимъ день бредъ прекратился. Начала выступать оспа, а черезъ три дня я сталъ, подобно Юву многострадальному, однимъ чудовищнымъ струпомъ: ни глазъ, ни рта, ни ушей... Родители отчаялись за мою жизнь. Дѣдъ жарко молился, мать служила молебны. Приглашенный со св. дарами отъ Логвинъ съ великимъ трудомъ пріобщилъ меня. Всѣ ждали моей смерти. Но я не погибъ...

Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра. Какъ оказалось впоследствии, эта страшная оспа избавила меня на всю остальную жизнь отъ всевозможныхъ болѣзней, которыми я былъ подверженъ въ дѣтствѣ, по причинѣ золотушнаго сложенія.

„Различные патологическіе факты, говоритъ Спенсеръ въ книгѣ своей „О воспитаніи“, приводятъ къ заключенію, что когда организмъ ребенка выдѣляетъ посредствомъ прыщей оспенную матерію, то въ то же время стремится выдѣлить чрезъ эти прыщи, другія,

причиняющія болѣзни матеріи“. Истина этихъ словъ вполнѣ оправдалась на мнѣ.

Выпустили меня на свѣтъ Божій въ апрѣлѣ, почти предъ началомъ экзаменовъ, но не столько пугалъ меня экзаменъ, сколько „Генеральный смотръ годовой исправности въ содержаніи книгъ, записокъ и всѣхъ учебныхъ трудовъ“. Смотръ этотъ былъ для насъ то же самое, что для военныхъ, такъ называемый, инспекторскій.

Наканунѣ экзаменовъ назначался день, въ который каждый ученикъ какъ повѣтоваго училища, такъ и гимназіи обязанъ былъ представить всѣ свои книги, тетрадки какъ черновыя, такъ и на бѣло переписанныя. Смотрѣлъ же все это самъ директоръ, въ присутствіи инспектора, смотрителя и всѣхъ учителей. Не представившіе всего, что требовалось по извѣстному классу, не допускались къ испытанію.

Чтобы дать приблизительное понятіе о томъ, сколько работы, и при томъ совершенно механической, а слѣдовательно и бесполезной, задавало намъ начальство, я укажу здѣсь, какія тетради обязанъ былъ прислать на „генеральный смотръ“ ученикъ перваго класса.

По чистописанію, по крайней мѣрѣ, восемь тетрадей, по рисованію— три, по письму „съ диктуры“ двѣ, по правописанію четыре, по нѣмецкому языку двѣ, по ариѳметикѣ шесть, по грамматикѣ россійской двѣ, по латинскому языку четыре, по географіи двѣ тетради въ полулистъ, съ раскрашенными картами.

Этотъ пресловутый смотръ, по моему мнѣнію, только тогда достигалъ бы своей цѣли, если бы годичныя письменныя работы приносились учениками въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились къ концу года; но такія именно тетради, конечно, не совсѣмъ чистыя, директоромъ не принимались; нужно было все переписывать, даже „письмо съ диктуры“ и чистописаніе.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы готовиться къ экзамену, ученики должны были упражняться цѣлый мѣсяцъ въ каллиграфіи.

Что касается учебниковъ, то не цѣлесообразнѣ ли было пересматривать ихъ въ началѣ года, чѣмъ въ концѣ?

Между разнымъ хламомъ, у меня сохранилась одна изъ тетрадей, побывавшая на смотрѣ, именно „письмо съ диктуры“, переписанная дважды, съ тѣми же ошибками, такъ и оставшимися никѣмъ не исправленными.

„Страсти суть ветри, помощью коихъ плаваетъ корабль нашъ, который своимъ кормчимъ имѣетъ расудокъ правещій склонностями“ и проч. въ томъ же безобразномъ видѣ.

„Генеральный смотръ“, какъ и годичные экзамены, окончился благополучно. Я наконецъ получилъ переводъ во второй классъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ—на пятомъ году своего ученія въ повѣтовомъ училищѣ:

Vivat academia! vivant professores!

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕЛЬСКІЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.¹⁾

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

(Окончаніе).

IV.

Прошло нѣсколько недѣль со времени послѣдняго памятнаго объясненія для мужиковъ съ лѣсничимъ. Межи и борозды, разграничивавшія участки кобылевскихъ крестьянъ, исчезли изъ глазъ, закрывшись высокимъ, волнистымъ хлѣбомъ. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка надъ полями ржи подымалось облако цвѣточной пыли. „Жыто красуе“, говорили крестьяне. Пыль эта, какъ плодотворное дыханье любви, облетала тощіе, пустыя колосья и они съ каждымъ днемъ полнѣли—*намивались*; а ночью, склоня отягченныя головки и колыхаясь на тонкихъ стебелькахъ, соблазнительно шептались между собою. Иногда этотъ шепотъ сливался въ одно густое, теплое дыханье—предвѣстникъ будущаго урожая—и душистою волною проносилось надъ спящимъ селомъ. Жатва уже не за горами, сѣнокосъ же близится въ концу. Въ хатахъ остались только безсильные старики, больныя бабы, малыя дѣти да матери съ грудными дѣтьми. Всѣ же мало-мальски годные къ работѣ отъ понедѣльника до субботы спѣшили убрать сѣнокосъ на болотѣ, докашивая большое „гало“ Трестень, взятое ими у помѣщика „съ половины“.

Широко раскинулось „гало“—края его скрывались въ туманѣ. Весною все оно заливалось водою и сообщаться можно было

¹⁾ „Кіев. Старина“ 1889 г., январь.

только на лодкѣ; потомъ вода спадала, испаряясь отъ солнца, но никогда не высыхала вполнѣ, а, пропитавши губчатый пластъ торфа, застаивалась въ ямахъ, кочкахъ и рвахъ, давая пріютъ карасямъ, вьюнамъ и окунямъ. По верхушкамъ кочекъ шелестѣла жесткая рѣжущая трава, смѣшанная съ „черноголовомъ“, колыхался тяжелый тростникъ, внизу же шумѣла трясина. Кое гдѣ на этой зеленой равнинѣ, окруженной лѣсами, росла кустами низкорослая сѣдая верба. Трестень находился довольно далеко отъ Кобылева и крестьяне, пользуясь сухою солнечною погодою, выѣзжали туда цѣлымъ таборомъ съ кухонною посудой и припасами на цѣлую недѣлю впередъ. вмѣстѣ съ мужчинами отправлялись на сѣнокосъ всѣ здоровыя женщины, въ особенности дѣвушки, сгребать сѣно. Настаетъ послѣдній день косовицы и косятъ кобылевцы упорно, безостановочно, не глядя на то, что и солнце жжетъ ихъ немилосердно своими палящими лучами, отъ которыхъ у многихъ становится темно въ глазахъ. Кажется, все въ природѣ замираетъ отъ зноя, даже зелень травъ и лѣсовъ темнѣетъ и голубое небо мало по малу измѣняетъ свой цвѣтъ, а косари все идутъ впередъ по кочкамъ, иногда по колѣна вязнуть въ болотѣ, но идутъ и идутъ все впередъ и впередъ, побуждаемые опасеніемъ въ теченіи зимы безкормицы для скота. Иногда поднявшійся вѣтеръ колыхнеть прибрежныя ольхи, зашелеститъ скрипучею осиною и зловѣще зашепчетъ въ уши: принесу вамъ дождь! Крестьянамъ становится жутко и въ то же время пріятно; опасеніе порчи сѣна смягчается перспективою временной прохлады. Но вѣтеръ поднимается все сильнѣе и сильнѣе и къ его порывамъ примѣшивается пискливый голосъ ястреба.

— Пыцтыть вже! пыцтыть! съ неудовольствіемъ проворчалъ Илько, острившій косу.—Пыты забажалось, щобъ ты заповитрыло!... Съ тревогою взглянулъ онъ на небо, прислушался со вниманіемъ къ густому шуму чернаго лѣса и снова слухъ его уловилъ протяжное „пи-ить“ коршуна. Крестьянинъ почесалъ потный затылокъ.—Конче навлыче дощу, прошепталъ онъ съ тревогою. А хищникъ повисъ въ воздухѣ, чуть взмахивая крыльями, и напрягая зрѣніе, выглядывалъ добычу въ густой травѣ, и изъ груди его вырывался крикъ голода.

— Оксано! чого стала? крикнулъ ей отецъ.—Гребы швидко! Не чуешъ, що вже й шуликъ кричитьъ, и вѣтеръ віе! Вже хутко й лыне, а сина ще яка сыла...

Дѣйствительно, на лугу лежало еще много и сухой, и въ свѣжихъ покосахъ чуть привялой травы.

Оксана въ теченіи нѣсколькихъ дней чувствовала себя нездоровой: ее постоянно тошнило и вся она чувствовала себя какъ бы разбитой. Всѣ дѣвушки гребли въ однѣхъ рубахахъ, изнемогая отъ зноя, а она по временамъ чувствовала ознобъ и одна работала въ андеракѣ, подобранномъ спереди за поясъ; остановившись перевести духъ, она, услыжавъ окрикъ отца, снова печально принялась ворочать сѣно.

— Оксано! а неси лишень тыкву! въ роти пересохло... по-зваль онъ ее опять.

Она послѣшила поднести ему круглый, выпуклый сосудъ съ водою; подъ глазами у нея были синіе круги, засохшія губы дрожали, грудь тяжело и не ровно колыхалась отъ прерывистаго дыханья.

— Тепла... На, визьмы!

Въ эту минуту раздавшійся на болотѣ подъ лѣсомъ выстрѣлъ спугнулъ пару утокъ, торопливо съ крикомъ пронесшихся надъ болотомъ, и кулика, спасавшагося неровнымъ полетомъ на покосы. Послѣдній, покидая обильное кормомъ убѣжище, раскричался на цѣлый лугъ: ото люде! и даже достигнувъ противоположнаго берега, все еще повторялъ не своимъ голосомъ: ото люде! Оксана вздрогнула и уронила тыкву на землю.

— Чого се ты? спросилъ отецъ.

— Хто то стрелывъ, тату?...

— Чого жъ ты, дурна, злякалась? Хыба первына! Мае буты Варакса оглядае лись, або може Стѣба... Постановы тыкву пидъ копыцею, та швидко до работы!

Онъ поплевалъ въ ладони, взялъ косу и пошелъ дальше. Вѣтеръ гулялъ по болоту, заглушая или разсѣвая всѣ звуки и отголоски.

— Тату! що винъ каже? спросилъ Сидоръ, съ безпокойствомъ прислушиваясь въ сторону лѣса, гдѣ оставались возы съ лошадьми подъ надзоромъ подростковъ.

— Кто? витьерь?... Доць буде.

— Ни! онъ тамъ, по пидь лисомъ щось гукае.

— Ать! може диты гукають. Звычайно... сумно самымъ безъ старшыхъ въ лиси.

— Але жъ ни, тату! Онъ тамъ хтось зъ рушныцею...

На опушкѣ лѣса стоялъ Варакса и что то кричалъ косарямъ, протяжно, почти на распѣвъ выговаривая слова, какъ бываетъ при переправахъ, если паромщики находятся на противоположномъ берегу широкой рѣки. Вѣтеръ, дувшій прямо въ лице, уносилъ назадъ звуковыя волны, такъ что только ничтожные отрывки доходили до мѣста назначенія.

— А... почему... не... сторожите... лошадей!.. Заберу!..

— Надсажається, чого и що? скептически замѣтилъ Илько сыну.

— Хиба питы? спросилъ тотъ. Щось тамъ про коней каже...

— А хыба... Побижы, сыну, довидайся!..

Сидоръ схватилъ жбанъ и поднесъ къ сухимъ губамъ, но въ немъ оставалось всего нѣсколько глотковъ теплой и мутной воды; онъ взялъ сосудъ подъ мышку и отправился на развѣдки.

— Лошадей заберу! Слышите? повторилъ голосъ подъ лѣсомъ.

— Иду! крикнулъ Сидоръ въ отвѣтъ, приложивъ ко рту кулакъ, свернутый въ трубку. Приблизившись на столько, что можно уже было различить силки для птицъ, висѣвшія у сумки ловчаго, онъ спросилъ, въ чемъ дѣло?

— Развѣ можно такъ дѣлать? выговаривалъ Варакса.

— Або що?

— Какъ что? пускаете лошадей безъ присмотра, а тѣ идутъ прямо на „Безпалыя Ольхи“. Ей Богу, прикажу Стѣбѣ переловить!..

— Ба й не диво, панычу-соволе!.. На мураву то кожна товарна поквалыться. То такъ само, якъ мухи до меду.

— Разказывай, дуракъ! если только потравите мнѣ муравую траву, будетъ вамъ... Пойдете пѣшеомъ въ Кобылевъ и возы на себѣ по везете.

— Не бійтесь спашу, панычу! кони далеко не зайдуть, бо поплутаны. Часамаы такы пруться на липшу пашу, але жъ хлѣпци коло нихъ...

Говоря это, онъ задорно подмигнулъ ловчему и припаль надъ „крыныцею“. Это было небольшое круглое углубленіе, наполненное болотною водою. Когда онъ наклонился зачерпнуть воды, двѣ зеленыя жабы плеснули въ темную глубь. Онъ не обратилъ на нихъ вниманія, равно какъ и на то, что кромѣ жабъ плавали въ колодцѣ какія то мелкія, проворныя, отталкивающего вида насѣкомыя, и жадно глоталь эту воду; затѣмъ повѣсилъ на дерево черпачекъ изъ березовой коры съ мыслью, что не ему такъ кому нибудь другому пригодится. При этомъ вспомнилось ему, какъ не за долго передъ тѣмъ онъ ударилъ въ животъ младшаго брата, Петра, такъ что тому совсѣмъ захватило духъ; и было за что: тотъ, напившись изъ колодца въ „Дидовымъ Острови“, не только забросилъ черпакъ на дерево, но еще и „запоганилъ“ воду. Вѣдь это обида усталому человѣку, который, не зная этого, захотѣлъ бы освѣжиться и промочить горло.

На лугу между тѣмъ продолжаютъ косить. Сверху печать, подъ ногами мокро и работать тяжело, а оставить нельзя, скоро можетъ разыгратъ гроза и, Боже сохрани, полеть дождь. Иногда вдругъ становится одуряюще душно на болотѣ; то пласть торфа—могила животно-растительныхъ организмовъ—выдѣляетъ продукты гніенія. А крестьяне все косятъ не переставая. Только и слышенъ плескъ трясины да мѣрный шелестъ косъ, или сухой звонъ ихъ подъ ударами лопатки.

— Чого винъ? спросилъ Илько сына, съ усиліемъ расправляя наболѣвшія кости.

— А ничего!... Кони идутъ на траву. Грозитъ, що займе...

— Бачъ, сучий сынъ! трясця его матери.

Оксана гребла сѣно и чувствовала, что руки и ноги отказываются ей служить, словно во снѣ, когда душить ее кошмаръ. Ей становилось дурно, въ глазахъ мутилось. Вдругъ она схватилась за животъ и со стономъ повалилась на землю.

— Ой, лышенько! ой, ратуйте! кричала она, катаясь отъ боли. Ой, умру!..

— Що тобі! спрашивали ее ѳеружавшія подруги.

— Що тобі, моя дытны? съ тревогою спрашиваль отецъ.

— Ой, тату, ой!.. Такъ вхопыло за жывитьь...

Ильо не зналь, чѣмъ ей помочь.

— Звила що, або може наврочено? допытывался онъ. Подошла пожилая женщина и остановила его:

— Дай їй спокій, старый; не турбуй головы. Воно й само пройде.

— Але мае буты щось влизло въ сердешну, не правдажъ, кумо?

— Влизло; то й вылизе! проворчала та въ отвѣтъ и, наклонившись къ дѣвушкѣ, спрашивала въ полголоса: Давно жъ то було, Оксано?

— Або я знаю? такъ заразъ по зеленыхъ святахъ... А вже пидступало разъ? Ой, пидступало, але не такъ... Теперь гирше... Ой, не вытрымаю! покатилаь она снова.

— Ничого, любю, ничего! скынешъ, то легче буде. И я колысь звынула и одно, и друге... А вы чого поставалы? А до роботы! Дывитесь якы! сорокы!

Дивчата разошлись къ своимъ граблямъ, но головы ихъ были заняты догадками и соображеніями. Инья, можетъ быть руководимыя завистью, громко издѣвались надъ несчастьемъ Оксаны, другія, сами не вполнѣ увѣренныя въ себѣ, только соболѣзновали.

— Ну, наробыла собі... нема чого казаты!...

— Зъ кимъ бы то?

— А вже жъ не зъ кимъ, якъ зъ Омелькомъ!... Прыспишыла, сердешна. Якъ бы такъ въ осени, поки се да те... булабъ пишла въ друге село, та й годи... А теперь що? на осень колыска!... Старша ей сестра, Настя, та була розумниша, краще собі порадыла. Що люде й не довидалысь, а вона вже пишла за Тymoшува въ Избине.

— Катузи по заслуги! выкрикнула завистливая, рябая дочь старосты. И колы се вона упоралась?

— Хиба не памѣтаешъ? дивилась другая все знающая подруга.—А проты Мыколы, якъ Омелько дровичся зъ нею й перрвавъ клочья въ журавля.

— Такъ, такъ, памѣтаю!

Тучи медленно заволакивали небо. Приближалась гроза. Нужно было искать или убѣжища въ лѣсу, или же спѣшить по

домамъ: изъ такихъ облаковъ если полъетъ, то не скоро перестанетъ. Крестьяне съ сожалѣніемъ покидали гало, на которомъ, правда, довольно густо уже стояли стоги сѣна, но еще много лежало только что покошенныхъ покосовъ. Двѣ непреодолимыя силы заставляли ихъ воротиться домой: непогода и наступающій завтра праздникъ св. Іліи, приходившійся среди недѣли, какъ нельзя болѣе некстати. Иначе они не возвратились бы въ деревню раньше субботы.

Въ то время, какъ подъ сводомъ листвы проносились голоса кобылицевъ, склибавшихъ лошадей, панъ Варакса выходилъ на полянку, гдѣ стояла хата полѣсовщика.

— Богъ помочь! обратился онъ черезъ плетень къ женщинѣ, наклонившейся съ серпомъ въ рукахъ. Она медленно выпрямилась и теперь можно было разсмотрѣть ея увядшія прежде времени черты.

— Спасыби вамъ, панычу!

— У васъ жито уродилось, я это вижу.

— А вродыло, панычу, хвалыты Бога. Звычайно на новыни...

— А гдѣ же твой Стѣба?

— Надись вже вернулся зъ обходу... Артемъ! о, Артемъ! Чуешь?

— А говъ! чога тамъ? отвѣчалъ изъ хаты суровый голосъ.

— Иды швидче! панычъ клычуть...

— Не зови, Артемиха, я зайду въ хату.

Хата лѣснива, выстроенная по образцу сельскихъ хатъ той мѣстности, была и просторнѣе, и выше ихъ, съ болѣе высокими и широкими окнами и дверями. Въ темныхъ ея сѣняхъ складывались запасы, собранные заботливыми хозяевами. На колышкахъ висѣли безчисленныя пары лаптей, частью собственного издѣлія, частью отнятыя у крестьянъ, сушеные грибы въ длинныхъ вязкахъ, сырое лыко пучками и готовое уже къ употребленію въ „верчикахъ“. Сидя на тощемъ надѣлѣ, полѣсовщикъ не имѣлъ такого достатка, и наравнѣ съ прочими, тайкомъ, съ замираніемъ сердца, долженъ былъ воровать въ панскомъ лѣсу; теперь же онъ былъ грозою для своихъ собратій, и благодаря своему положенію, самъ пользовался дарами природы. Теперь онъ могъ смѣло косить въ дубровѣ, рубить въ лѣсу отборные,

сочные „осмолы“ для лучины. Полянка, нѣкогда занятая подъ майданъ и заваленная „шурами“ березовой коры, была воздѣлана имъ какъ огородъ, другія же засѣяны рожью, ячменемъ, просомъ и овсомъ. Сверхъ того онъ держалъ коня, а жена выкармливала желудями свиней; сначала было птица не велась вслѣдствіе нападений ястребовъ и кобчиковъ, но мѣткіе выстрѣлы Стѣбы устранили и это препятствіе. Доставляя дичь къ столу помѣщика, онъ не забывалъ оставить и для себя какуюнибудь пару утокъ или тетерекъ; и теперь, когда сосны мало по малу очищались отъ крестьянскихъ ульевъ, онъ не заботится о своихъ: его пчелы останутся на прежнемъ мѣстѣ. Ничего этого онъ не имѣлъ бы, еслибы не рѣшился сдать землю въ аренду Климу Тетерѣ и отдаться исецѣло своей служебной карьерѣ. Много стоило ему труда примирить на службѣ помѣщику свои интересы съ его интересами, и правда, сначала въ немъ свазывалась старая связь съ деревней, выражавшаяся въ позволеніи многимъ изъ своихъ пріѣзжать ночью за строевымъ лѣсомъ. Пріѣзжали не только изъ Бобылева, но изъ болѣе отдаленныхъ селъ: Избина, Дубровицы, Рашева, Омельковщины и другихъ. Стѣба продавалъ имъ дешевле, нежели контора, и безъ нея вѣдома; но такого рода послабленія онъ дѣлалъ только своимъ близкимъ людямъ: кумовьямъ, своимъ и женинымъ родственникамъ и своякамъ, но съ теченіемъ времени онъ однако прекратилъ этотъ промыселъ, какъ не вполне безопасный. Предшественникъ Вараксы, человекъ рачительный, начиналъ догадываться. Ему казалось подозрительнымъ, что Климъ Тетера, извѣстный бондарь, вдругъ началъ дѣлать ведра и даже бочки изъ дубовыхъ клепокъ, а Илько смастерилъ себѣ возокъ изъ ясеня, между тѣмъ какъ этого дерева не было ни на одномъ изъ крестьянскихъ надѣловъ. Стѣба зналъ, что его начальникъ, при всемъ его усердіи, никогда не былъ въ милости ни у пана, ни у лѣсничаго, потому что не былъ достаточно почтителенъ и слылъ старымъ брюзгою. Полѣсовщикъ выжилъ его сплетнями, а самъ еще прочнѣе утвердился на мѣстѣ. Затѣмъ насталъ Тенжулькевичъ, человекъ дѣльный, съ новыми повятіями о сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ; онъ смѣстилъ всѣхъ подчиненныхъ,

одинъ Стѣба остался и сдѣлался даже его приближеннымъ. Самъ Тенжулькевичъ не могъ бы сказать навѣрно, чѣмъ именно тотъ привлекалъ его, за то крестьяне хорошо знали чѣмъ—ловкою лестью и наговорами на другихъ. За это называли его то лисицею, то обманщикомъ, но чаще всего заимствованнымъ у дѣтей прозвищемъ „цюцьки“. „Иде вже цюцька! онъ де цюцька пишовъ!“ говорили, завидѣвъ его; иногда же, въ минуты сильнаго раздраженія, кричали посвистывая: „фью, фью! на, цюцько, на!“ Враждебное отношеніе къ нему крестьянъ еще болѣе усилилось съ того времени, какъ Тенжулькевичъ организовалъ лѣсную стражу по всѣмъ правиламъ образцоваго лѣсоводства. Пріохоченный извѣстною долею изъ взыскиваемыхъ съ крестьянъ штрафовъ, Стѣба удвоилъ старанія и сдѣлался необыкновенно бдительнымъ. Около этого времени родился у него третій ребенокъ! къ двумъ дѣвочкамъ бывшимъ раньше, прибавился въ семьѣ давно желанный сынъ. Жить нужно! Могучая сила овладѣвала имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось вступать въ рукопашную съ упрямымъ лѣснымъ воромъ... Но между ними были и такіе, что не разъ, случалось, заносили топоръ надъ его головой а сохрани Богъ, какъ разгуляется топоръ въ крестьянскихъ рукахъ! Теперь приходится ему съ стѣсненнымъ сердцемъ проходить по селу; враждебные взгляды всѣхъ встрѣчныхъ смущаютъ его. На него нападалъ страхъ... И блиставшая на груди его бляха съ надписью: „лѣсной сторожъ“ перестаетъ его тѣшить съ тѣхъ поръ, какъ Тенжулькевичъ началъ особенно притѣснять кобылевцевъ. Что она поможетъ? Также точно блистала эта бляха на груди лѣсника графа Бѣлзора, а между тѣмъ... страшно подумать! Нѣтъ, и нѣтъ лѣсника, куда бы могъ онъ дѣваться! Обыскали, обшарили цѣлый лѣсъ, страшныя догадки высказывалъ слѣдователь, подозрѣвалъ Борсуки и дѣйствительно раскрылъ правду. Когда растаялъ снѣгъ, въ ямѣ подъ кучею хвороста найденъ былъ разлагающійся трупъ съ раскроеннымъ на двое черепомъ. Оказалось, что борсуковцы, будто защищая казенный лѣсъ... Разбойники! А кобылевцы? Тоже не лучше. Развѣ дѣдъ Тетерей не принадлежалъ къ шайкѣ Прыборы, не шатался по лѣсу, не нападалъ на помѣщичьи дворы? Да и не одинъ онъ. Сохрани

Богъ чего... и Стѣба прижималъ къ груди головку своего сына при этихъ страшныхъ мысляхъ. Въ воздухѣ становилось парно, послышался отдаленный ударъ грома. Стѣба, завидѣвъ лѣсника, всталъ съ мѣста.

— Здравствуй, Артемъ, сказалъ тотъ, входя въ хату.

— День добрый, панычу.

— Послушай, нужно сбѣгать на Безпалыя Ольхи.

— Да я вже бувъ тамъ, панычу...

— Вотъ именно потому, что былъ. А между тѣмъ кобылевцы, или другой кто, постоянно выкашиваютъ мураву по пути.

— А щобъ ихъ побыла лыха година!.. Або хто ихъ встереже, панычу? Не тамъ, то тамъ, а завжде щось вскубнуть.

— Такъ вотъ нужно, чтобы не скубли. Безъ этого не держать же тебя. Пойдешь на Ольхи и будешь сторожить. Завтра праздникъ и гроза собирается, они навѣрно раньше отправятся по домамъ. Если останются и станутъ косить, самъ знаешь, что дѣлать.

Стѣба пустилъ ребенка на полъ и, устремивъ въ окно мрачный взглядъ, медленно чесалъ затылокъ.

— Ну, о чемъ задумался?

— Хоть бы пршнамнй зъ кымъ у двоухъ... А то, бороны Боже чого... А нужь, панычу?

— Еще что выдумалъ? Мнѣ нужно идти въ „Княжее“ повѣрять клепки. Встрѣтишь Юрка, вдвоемъ можете справиться.

Изъ хаты они вышли вмѣстѣ, хотя тотчасъ же разошлись въ разные стороны, и Стѣба двинулся къ Безпалымъ Ольхамъ. Косари въ это же время поспѣшно возвращались изъ лѣса домой. Въ небѣ не разъ уже сталкивались туча съ тучею, гремѣлъ громъ, а возы, подпрыгивая, катились по дорогѣ, переплетенной цѣлою сѣтью древесныхъ корней. Привычные къ такой ѣздѣ крестьяне не обращали вниманія на сильную тряску. Въ верху становилось темно, лѣсъ грозно шумѣлъ. Безпалыя Ольхи были близко. Вотъ впереди засверкалъ длинный бродъ; лошади остановились и неохотно вошли въ воду, понуждаемая ударами. По сторонамъ шумѣла трясина и ольхи стояли въ водѣ. Крестьяне съ тревогою прислушивались въ сторону гала; тамъ уже буше-

валь ливень и сверкавшая часто молнія могла пожалуй зажечь ихъ стоги. Всѣ молчали, усталые, встревоженные. Плескъ воды прекратился, лошади громко перевели духъ, выйдя на твердую землю, встряхнулись и пошли дальше. Раздался трескучій ударъ грома; гдѣ то вдали послышался глухой шумъ падающаго дерева. Кругомъ листья зашумѣли подъ крупными каплями дождя. Дорога свернула изъ лѣсу на пустынный, влажный лугъ—это и были завѣтныя „Ольхи“. Впереди разстилался роскошный, блестящій коверъ изъ мягкой муравы; проѣзжая по лугу, каждый изъ крестьянъ невольно вспомнилъ о запертыхъ дома на привязи телятахъ. Иные погнали лошадей и скрылись въ лѣсу, но Илько, ѣхавшій теперь впереди, не торопился и жадный взглядъ его упивался зеленью травъ. Лошадь раздѣляла чувства хозяина и, пользуясь медленною ѣздою, на ходу щипала траву, насколько то допускала незатѣйливая ея упряжь. Тетеря поглядѣвъ на лежавшую подъ нимъ вязку вялой сѣрватою и жесткой болотной травы; чрезвычайно жалкой показалась она ему теперь. Теленокъ и не понюхаетъ ее. „Треба злизты, подумаль онъ, що буде, то буде, а такы трохи травыци нарижу телятамъ.“ Потянулъ возжи, лошадь остановилась и жадно наклонила голову къ травѣ, грозя перервать веревочную „обротъ“, продѣтую въ кольцо дуги. Путь былъ прегражденъ и возы, ѣхавшіе сзади, также принуждены были остановиться. Илько между тѣмъ косилъ, съ наслажденіемъ запуская косу въ мягкую, густую траву.

— Що то батько тамъ робить? недоумѣваль Сидоръ, ѣхавшій на одномъ возу съ сестрою.

— Да ну жъ, Ильку, поганай! Загородывъ людямъ дорогу...

— Дывитесь, дывитесь! косыть!

— Чы ты здуривъ? кричали сзади. Дощъ иде, буря отъ отъ надходить, а винъ косыть...

— То дарма! отвѣчалъ Илько невозмутимо, а все жъ такы телята погрызуть трохи травы.

— Чы чуешъ, Кырыло, що винъ каже?

— А вжежъ. Добре, до ладу говорыть: для худобы. Злизаймо й мы!

— Эге! сказано—для худобы...

Черезъ минуту цѣлый лугъ пестрѣлъ людьми, словно праздновалось окончаніе сѣнокоса; всѣ мушны косили, женщны сгребали траву и складывали на возы. Староста послѣднимъ выѣхалъ на поляну и принужденъ былъ остановиться; съ тревожнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на эту картину и не зналъ, что дѣлать. Трава прекрасная, но ему непріятно красть вмѣстѣ съ прочими. Онъ поглядѣлъ на небо и закричалъ:

— А пустить мене! Чого поставали таборомъ, мовъ цыгане!

Вмѣстѣ съ нимъ на возу сидѣла его дочь и надѣвала новые лапти; одна нога была уже обута и она вытаскивала ободъ изъ стараго лаптя въ ту минуту, когда староста, не дождавшись, чтобы ему очистили дорогу, ударилъ лошадь и пустился прямо по травѣ мимо возовъ. Поравнявшись съ Оксаною, онъ вырвалъ у нея изъ рукъ снопь травы.

— Ряба! передразнила его дочку оскорбленная дѣвушка въ негодованіи; *старостыня* бросила ей въ лице старый лапоть.

— Ряба, ряба! повторила Оксана.

Вскорѣ и косари послѣдовали за старостою; у каждаго на возу была подстилка изъ мягкой травы—для телятъ. Ъхали теперь быстро, спасаясь отъ дождя, кававшаго слегка все время, пока шла работа, теперь же полившаго, какъ изъ ведра. Ёще издали, отъ самой опушки лѣса, можно было различить слѣды крестьянскихъ косъ, а подъ ольхами у самой дороги поджидалъ Стѣба. Первый замѣтилъ его Илько.

— О, вже й цюцька прийшовъ, бачите?

— Фью, фью, фью, цюцько!

— На, на! цюцю, на! ходы сюды! такого дамо, що облыжесся...

Но тотъ не спѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и ждалъ, пока они приблизятся. Илько ѣхалъ впереди и изо всѣхъ силъ гналъ коня, что, впрочемъ, не помѣшало Стѣбѣ схватить его подъ уздцы; сильная рука лѣсника сразу остановила возъ на мѣстѣ.

— Пусты! закричалъ Илько, стиснувъ зубы.

— Не пусты! отвѣчалъ тотъ также свозъ зубы.

— Собако!.. Доки ты ще волочытымесся по свити? А, ты гадюко!.. На, на!..

Кнутъ пересталъ стегать коня и обратился на лѣсника, но тотчасъ же очутился въ его рукѣ.

— Пусты, бо ѣ голову тутъ зложышь!..

— Не пустою, помы сина не оддасы.

— Пусты, бо тутъ тоби ѣ смерти!.. И воронъ не закряче, и жадного слиду не лышыться.

— То дарма! въ мене рушныця.. Злизай, кажу.

— Люде добри! чы чуєте? кричалъ Илько, движимый чувствомъ самосохраненія.—Хоче до насъ стреляты!

Тѣмъ временемъ подъѣхали остальные вozy, крестьяне сошли на землю и вокругъ двухъ противниковъ собралась цѣлая толпа.

— Пцо ты? що ты? схаменысь! тикай, помы живъ!

И взрослые, и подростки—все сбѣжались при видѣ нападающаго. На фонѣ лѣсной зелени и частыхъ, косыхъ потоковъ дождя выросъ цѣлый лѣсъ головъ надъ головою Стѣбы. Глухіе удары кулака о человѣческое тѣло, проклятія и стоны сливались съ грохотомъ на небѣ. Подошелъ къ лѣснику сильный, мускулистый крестьянинъ и рознялъ его руки, но тотъ опять схватилъ за поводья въ ту самую минуту, какъ Илько погналъ лошадь; получивъ ударъ оглоблею въ грудь, онъ принужденъ былъ выпустить ихъ и запатался отъ боли, но тотчасъ же, съ упрямствомъ собаки, повисъ на шеѣ лошади, волочасъ за нею по землѣ. Вдругъ въ глазахъ у него потемнѣло, онъ застоналъ: чей то кулакъ со всего размаху угодилъ ему въ животъ.

— Сыдоре, годи, Сыдоре! сдерживаль племянника Климъ Тетеря. Тяжело ему было видѣть избитымъ свояка, которому онъ все таки былъ кое чѣмъ обязанъ. Вѣдь Стѣба отдалъ ему въ аренду свой участокъ земли, хотя могъ бы уступить его старостѣ на болѣе выгодныхъ условіяхъ; затѣмъ было время, когда Стѣба, помогаль ему добывать изъ панскаго лѣса дубовое дерево для клепокъ. Онъ обратился къ разъяреннымъ крестьянамъ съ примирительною рѣчью:

— Та годи вамъ, люде добри! Хыба винъ вынень? То служба. Онъ що. А вы заразъ бытысь. Було по людскы заговорыты, то бь пустывъ тай годи, а то зразу до пыску, зразу стосунамы...

Но никто его не слушалъ, а самъ Стѣба меньше другихъ; взбѣшенный ударомъ онъ отвѣсилъ Сидору полновѣсную пощечину.

— А лыхо жъ твой матери! завопилъ Илько и бросилъ возки младшему сыну. Трымай!

Тутъ онъ соскочилъ на землю и вмѣшался въ толпу, которая изъ дѣйствующихъ лицъ тотчасъ превратилась въ зрителей, чуть только лѣсникъ вступилъ въ единоборство съ Сидоромъ. Когда парубокъ, ошеломленный ударомъ, стоялъ, выпучивъ глаза, толпа ободряла его восклицаніями:

— Сыдоре, ото дурный! Невже такъ и подаруешь?

Но тотъ уже бросился въ догонку за Стѣбою. Крестьяне слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ. Замѣтивъ на Ильковомъ возу одного подростка, лѣсникъ бросился къ нему.

— Ой, тату, бѣ!.. запицалъ мальчикъ.

Въ одинъ мигъ Петрусь „млынкомъ“ вылетѣлъ изъ воза, на которомъ Стѣба ускакалъ. Илько и Сидоръ приросли къ землѣ. Только что стояла телѣга съ лошадыю и ужъ нѣтъ ея! Она въ рукахъ Стѣбы, какъ залогъ штрафа и доказательства его усердія. Крестьяне молча стояли подъ деревьями, пораженные всѣмъ случившимся! Наконецъ Илько не выдержалъ.

— А трясця жъ твой матери! Дывиться, поихавъ...

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Шукай витра въ поли! Вхопывъ, да й чкурнувъ.

— А щобъ его побыла лыха година! сыпалъ проклятiami Теря. И поихавъ... зъ косою, зъ граблями, зъ мазныцею—зо всимъ.

— И мазныцю забравъ? распрашивали его съ участіемъ.

— А то-жъ! Була на вози.

— Шукай теперь!

— Ой, ой, ой! то й косу завизъ?

— А вже жъ!

— Ну, дожыдайся!

— Що-жъ ёго въ свити божому, робыты? А бодай же ты одубивъ!

— Шукай, шукай! доганяй его. Що винъ справди конокрадомъ ставъ? подзадоривали Илька крестьяне. Ливень между тѣмъ утихъ и смѣнился мелкимъ дождемъ.

— Годи стоятъ въ болоти! Шкода коней.

Дѣйствительно, жалъ было смотрѣть на лошадей: онѣ стояли измошшія, печальныя и медленно шевелили ушами. Надъ поляною повисла дождевая сѣтка, охватившая длинный рядъ воевъ; остававшіяся въ нихъ женщины закрылись свитами и передниками и сидѣли неподвижно. Но вскорѣ, когда на лугу остались только свѣжіе покосы да многочисленныя слѣды колесъ на узкой дорогѣ, дождь полилъ съ прежнею силою и настойчивостью; его крупныя потоки, казалось, упорно стремились въ глубь земли, пробивая траву по дорогѣ.

V.

Прошелъ годъ. Вдоль почтовой дороги, со стороны уѣзднаго города катилась бричка, въ ней сидѣлъ Тенжулькевичъ, напряженно вдыхая воздухъ, а сердце его усиленно билось.

— Что это за дымъ, Лука? спросилъ онъ кучера.

— А Богъ его знае. Повынно лись горыть...

— Погоняй скорѣ!...

По обѣ стороны дороги возвышался вѣковой боръ. Лѣсничій пытался проникнуть его взглядомъ, но не замѣчалъ огня— только мачтовья сосны быстро мелькали передъ глазами. Но вотъ по мѣрѣ того, какъ бричка подвигалась впередъ, появились слѣды опустошенія; молодыя сосновыя заросли непременно погибнуть, если еще разъ пройдетъ по нимъ пожаръ. Эта печальная мысль въ минуту отравила лѣсничему всю радость побѣды, одержанной надъ крестьянами въ мировомъ судѣ. Если пламя лизнетъ полураспустившуюся листву молодого березняка, у подножія вѣковыхъ деревьевъ останется только масса скелетовъ вмѣсто веселой зелени молодыхъ побѣговъ. Эта мрачная перспектива помѣшала ему наслаждаться прелестнымъ апрѣльскимъ вечеромъ; не тѣшило его ни щебетаніе коноплянокъ, ни унылая пѣсня дрозда. Когда бричка своротила съ большой дороги на „поворотку“, ведущую въ село, въ сторонѣ слышались тупые удары топора и вскорѣ на изумрудномъ фонѣ зелени обрисовался одинокій силуэтъ крестьянина, взмахивающаго топоромъ.

Онъ „копалъ“ лучину, крехтя при каждомъ ударѣ, обнажалъ заступомъ вѣтвистые корни стараго сосноваго пня и затѣмъ остриемъ „копаньци“ отдѣлялъ ихъ отъ земли. Бричка оставилась.

— Эй, послушай! издали окликнулъ лѣсничій. Гдѣ горитъ?

Крестьянинъ медленно выпрямился и обернулся на голосъ. Прежде чѣмъ отвѣтить онъ оглядѣлся вокругъ, нѣсколько разъ глубоко потянулъ въ себя воздухъ, переполненный гарью, словно стараясь опредѣлить по запаху породу горящаго дерева, затѣмъ отвѣчалъ:

— То, пане, по цій стороны—и указалъ ту часть лѣса, гдѣ находился самъ.

— Вотъ дуракъ! Будто я самъ не вижу, что здѣсь, а не тамъ...

— То, паночку, била майдана почалось, де Стѣба.

— „Почалось“, „почалось“—ве въ томъ дѣло!... А теперъ гдѣ?

— Теперъ, паночку, скризъ: и въ Дидовымъ Острови, и въ Слепечици, и на Красный Ригъ перескочыло.

— А въ Цецковщинѣ?

— Тамъ вже, кажуть, лисныки згасылы, але влизло въ болото.

— Ахъ черти! я васъ научу поджигать... А у тебя, Деркачъ, зачѣмъ это горитъ огонь? Да еще какъ разъ возлѣ лучины.

Деркачъ поглядѣлъ на тлѣвшія недалеко головни, на синеватыя струйки дыма, подымавшіяся надъ ними; у огня стоялъ небольшой горшечекъ, въ золѣ пекся картофель. Старикъ пожалъ плечами и погладилъ свою сѣдую бороду.

— Якъ то, пане, на що? То вже не можна и кулишу соби наварыты, а ни спекты картопли?

— Да, вы всегда такъ! бросите огонь, а потомъ смотри—пожаръ...

— А Боже бороны, паночку.

Старикъ стоялъ сгорбившись, съ шапкою въ рукѣ. Позади и вокругъ него лежали высокія кучи лучины; все это онъ собственными руками добылъ изъ земли. Раздраженный взглядъ лѣсничаго примѣтилъ ихъ и утратилъ свое суровое выраженіе. Однако этотъ старикъ, несмотря на его лысую голову, еще очень силенъ и одинъ своимъ трудолюбіемъ заткнулъ за поясъ всѣхъ этихъ лежебоковъ кобылевцевъ.

— Деркачъ, дай ка огня, зажечь трубку.

Старикъ принесъ уголекъ на мозолистой ладони.

— Это все твоя лучина?

— А якъ же, пане, моя.

— А что жъ громадскій скотъ? Ты вѣдь прежде былъ пастухомъ?

— А такъ, пане, бувъ колысь; теперъ не впадае...

— Почему?

— Бо винъ, бачыте, пане, оженивъ сына зъ хозяйскою дочкою, объяснилъ кучеръ.

— И отдали за него дѣвушку?

— Дали, пане, мусилы дати... Хлопецъ завчасу спизнався зъ нею... ще до шлюбу привела близнятъ. Илько не зтерпивъ бы такого сорому въ свой хати.

— Такъ это Илькова Оксана? дивился Тенжулкевичъ. Сердце его сжалось болѣзненнымъ чувствомъ и самому сдѣбалось какъ то холодно. Среди служебныхъ заботъ встала на мгновение въ памяти встрѣча съ этою дѣвушкою и тотъ тихій весенній вечеръ, пѣніе дрозда и громкое воркованіе горлицы въ лѣсу, согрѣтомъ ласковыми лучами заходящаго солнца. Но дымъ лѣснаго пожара прервалъ мечты Тенжулкевича и напомнилъ ему его одинокую бродячую жизнь; въ немъ проснулся главный охранитель лѣсовъ.

— Погоняй, Лука! обратился онъ къ возницѣ и поспѣшилъ въ Кобылевъ, чтобы побудить жителей гасить пожаръ.

И снова глухой звукъ топора раздавался среди рѣдѣющихъ зарослей. Деркачъ понатужился, почти вырвалъ пень изъ земли, но одинъ главный корень упрямо не поддавался; пробовалъ старикъ поднять его ломомъ, но какъ ни старался, всѣ усилія его были напрасны—нужно было сперва подкѣрпиться пищею и онъ принялся за полдникъ: горшечекъ пшеннаго *кумшю* съ картофелемъ, безъ масла, тотъ же картофель печеный и чорный хлѣбъ съ таранью,—старою, горько-соленою рыбою. Жажду онъ утолитъ водою изъ маленькаго импровизированнаго колодца, вырытаго въ ближайшемъ болотѣ нѣсколькими ударами *копаньци*. А пока оттуда доносилось кваканье лягушекъ и сливалось съ мѣрнымъ воркованіемъ лѣсныхъ голубей. Изъ за лѣса выкатился блѣдный кругъ мѣсяца. Деркачъ ни на что не обращалъ вни-

манія, занятый болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ наслажденіе лѣсными видами: онъ вычислялъ въ умѣ, сколько „широкъ“ выйдетъ изъ раскнутыхъ по лѣсу кучъ лучины и сколько денегъ можетъ онъ выручить за нихъ. Вдругъ „туреуть“ прервалъ свою пѣсню и вдали послышался говоръ человѣческихъ голосовъ.— Эге! то кобыляне вертаются зъ повиту, подумалъ онъ. Дѣйствительно, вскорѣ показались на почтовой дорогѣ сгорбленныя фигуры съ бѣлыми „кайстрами“¹⁾ за плечами, медленно ступавшія усталыми шагами. Восемь миль прошли они въ одинъ день.

— Гей, гей! а почекайте! окликнулъ старикъ, видя, что они проходятъ мимо.

— Щось гукае по пидь лисомъ... Надьсь свій. Да то-жь Деркачъ?

— Почекай, свате! Якъ тамъ зъ судомъ?

— А що жъ? ничего.

— Якъ то ничего?

— Бреше винъ! вмѣшался кто то. Присудылы панови заплаатыты намъ. Якъ бы хто побачывъ...

— Да що ты верзешъ, дурню? або не второпавъ...

— Да чога жъ бо вы? сказано—курци просо снытсья, оправдывался тотъ.

— Тожъ присудылы намъ заплататыты штрафъ, або одробляты,—якъ схочемо...

— И якъ же буде?

— Одробимо, диду, одробимо—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Э, помылылысь, не вгадалысте, а я думавъ, що штрафъ... Нехай бы вже нашъ братъ безземельный, то, якъ той казавъ, и...

— Чи вы здурили, диду? Одробокъ то наша кровь: багато ии текло, нехай ще потече, абы одбуты, а штрафъ то якъ же? зъ чога? зъ худобы?

— Чому зъ худобы? Въ лиси тецерь ваньчосы²⁾ та клепки тешуть... а зимою плиты вьязаты—отъ вамъ и заробокъ ще липшии, анижъ за лучыну.

¹⁾ Плетенныя изъ рогозы корзины въ видѣ продолговатаго четырехугольнаго ящика съ крышкою, которыя надѣваютъ черезъ плечо.

²⁾ Ваньчосы—особой формы и размѣра брусъ, весьма тщательно отесанные, изготовляемые спеціально для постройки кораблей и барокъ.

— Вже й я имъ казавъ те саме, замѣтивъ Илько.

Въ такихъ разговорахъ крѣстьяне незамѣтно приближались къ деревнѣ; съ каждымъ шагомъ запахъ гари усиливался.

— Тенжулькевичъ поихавъ зганяты нашихъ на пожежу, сказаль Деркачъ.

Въ отвѣтъ посыпались ругательства по адресу лѣсничаго. Ему не могли простить того, что онъ потащилъ ихъ въ судъ какъ разъ во время *оранки* и посѣвовъ; хотя и за дѣло—не отработали денегъ, взятыхъ впередъ за лучину. Но вѣдь не было времени! Нужно было платить подати, потому и взяли деньги; потомъ своя работа помѣшала выполнить обязательство, а не успѣли порядкомъ убрать хлѣбъ, какъ ужъ и зима наступила: земля замерзла—и ломомъ ее не возьмешь. А тутъ снова подати... Богатый продалъ хлѣбъ и заплатилъ, а бѣдный ждалъ благодѣтеля-наемщика. Подвернулся еврей, давалъ задатокъ за перевозку дровъ зимою; всѣ согласились, кто нуждался въ деньгахъ. Отсюда крикъ, „гармыдерь“ въ экономіи: „погодите вы, черти! придетъ сѣноковъ, тогда заплашете“. Они навѣрно отработали бы послѣ весенней запашки и яровыхъ посѣвовъ. Куда! и слушать не хотятъ: скоро наступитъ жатва, а тамъ снова озимые посѣвы, молотба и, наконецъ, морозы... Нѣтъ, съ такими людьми только судомъ и можно! И потащили—въ самую рабочую пору на трехдневныя мытарства... А Боже жъ нашъ мылый! Ото напасть...

Потокъ жалобъ внезапно прекратился: вниманіе крѣстьянъ привлекъ общій видъ лѣса. Вечернія сумерки сгустились и свозъ рѣдкую сѣть молодой листвы пробивалось столбами зарево пожара; уже слышенъ былъ шумъ горящаго валежника и трескъ вѣтвей на деревѣ. Крѣстьянамъ и въ мысль не приходило тушить огонь; всѣ смотрѣли спокойно, даже съ нѣкоторымъ облегченіемъ въ сердцѣ на причиняемое имъ опустошеніе. Деркачъ одинъ былъ въ тревогѣ: по другую сторону дороги лежала кучами его лучина. Чѣмъ дальше въ лѣсъ—дорога становилась все уже, можно было опасаться, какъ бы пламя не перебралось на эту сторону. Черезъ дорогу ежеминутно перескакивали ужи, вытянувъ шеи, шипа отъ страху. За ними медленными

шагами ползла черепаха; заслышавъ челоуѣческіе шаги, она остановилась и спрятала голову и ноги подъ щитъ. Увидѣвъ, что животныя ищутъ спасенія на этой сторонѣ, старикъ нѣсколько успокоился, но шаговъ за сто дальше замѣтилъ поперекъ дороги черную полосу перетлѣвшаго вереска и травы. Очевидно огонь перебрался уже черезъ дорогу и пошелъ въ направленіи смолянаго завода. Сердца крестьянъ снова забились тайною радостью, только Деркачъ призадумался и пошелъ назадъ, чтобы окопать свою лучину.

Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ пожаръ становился сильнѣе; слышался трескъ, шумъ, шипѣніе; воздухъ былъ переполненъ дымомъ. Приблизившись къ селу, крестьяне увидѣли громадное зарево; раздались голоса: дивиться! майданъ горить!

— А нехай горить, абы разомъ изъ Стѣбою!

Между тѣмъ со стороны села долетали громкіе голоса— тамъ шелъ отчаянный споръ: Тенжувкевичъ и староста пререкались съ крестьянами, которые отказывались идти тушить пожаръ. Когда подошли люди, возвращавшіеся изъ города, споръ усилился. Долго еще на опушкѣ лѣса, куда мальчики отправились на ночь съ лошадьми, слышались долетавшіе изъ села три громкіе голоса—Тенжувкевича, старосты и Илька Тетери.

— Але жъ твій батько найдужче крычыть, говорили товарищи Петруку.

— Дыво! отвѣчалъ тотъ. Бо винъ, бачъ, скільки улыквивъ мусивъ вперты на одну сосну.

Онъ указалъ на крестьянскій лѣсной участокъ; почти весь онъ былъ вырубленъ, только изрѣдка торчали приземистыя сосны; на каждой изъ нихъ стояло по пять, по шесть ульевъ, изгнанныхъ изъ помѣщичьяго лѣса.

К. М.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

7.

Повѣрье о цѣлебномъ значеніи змѣи.

Въ „Номокавонѣ сирѣчь законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ Кіевѣ въ 1624 году, находится любопытное извѣстіе, что украинскія знахарки прикладывали змѣиную кожу къ глазамъ или зубамъ, въ случаѣ нездоровья (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Подобнаго рода повѣрья и обычаи существуютъ и въ настоящее время въ Малороссіи. Такъ, я слышалъ въ Харьковѣ, что лучшее средство отъ лихорадки состоитъ въ подкуриваніи больного летучей мышью, ляновищемъ (т. е. сброшенной кожей) змѣи и ремезовымъ гнѣздомъ. Стоитъ хотя небольшими кусочками этихъ предметовъ подкурить больного, и болѣзнь какъ рукой сниметь. Это сложное средство иногда значительно упрощается. Такъ, въ винницкомъ уѣзда больного лихорадкой подкуриваютъ засушенной лягушкой (*Чубинскій*, Труды I, 118); въ другихъ мѣстахъ засушенной змѣей.

Въ частности заслуживаетъ вниманія еще встрѣчающееся въ Малороссіи повѣрье объ особенно цѣлебномъ значеніи головки змѣи. Иногда держать въ домѣ какую нибудь косточку или раковинку, напоминающую по формѣ и величинѣ змѣиную головку, какъ предметъ, приносящій въ домъ здоровье.

Эти повѣрья не представляются исключительно южнорусскими; сходныя черты находятся въ сказкахъ, пѣсняхъ и повѣрьяхъ вели-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 2 февраль.

корусскихъ, словенскихъ, чешскихъ, болгарскихъ и сербскихъ. Въ былинѣ о Потокѣ, богатырь этотъ, находясь въ могилѣ вмѣстѣ съ своей женой чародѣйкой Авдотьей,

Убиваетъ змѣя лютаго
И сбѣкаетъ ему голову
И тсю головою змѣяною
Учалъ тѣло Авдотьяно мазати
Втѣпоры она ерѣтица
Изъ мертвыхъ пробуждался.

Въ народной русской сказкѣ мать видитъ въ лѣсу змѣйку надвое разрубленную, и приползла къ ней большая змѣя съ зеленымъ листкомъ во рту, приложила листокъ къ мертвой змѣйкѣ, и та вмгъ срослась и ожила. Тогда мать подѣяла этотъ листокъ, приложила къ кровавой ранѣ своего малютки, и ребенокъ въ ту же минуту встрепенулся и вмѣстѣ съ жизнью получилъ непомѣрную, богатырскую силу (*Аванасьева*, Поэт. возр. II. 567).

У словенцовъ существуетъ повѣрье, что вываривъ въ молокѣ бѣлую змѣю и выпивъ это молоко, можно добыть необыкновенную силу. Въ Чехіи стараются убить 23 апрѣля на св. Георгія змѣю и содранную отъ нея шкуру носить на шеѣ отъ лихорадки (*Жирничниковъ* св. Георгій 140). Здѣсь народное повѣрье о цѣлебномъ значеніи змѣи приурочено къ 23 апрѣля очевидно подъ влияніемъ художественныхъ и апокрифическихъ преданій о св. Георгіи.

Въ Болгаріи думаютъ, что змѣи весной обладаютъ цѣлебной силою. Въ это время цыгане ловятъ ихъ и продаютъ живыми на рынкѣ (*Народы Турціи* II, 147).

У Караджича и Березина находятся извѣстія о сербскихъ повѣрьяхъ этого рода. Березинъ въ статьѣ о религіозно-миѳическихъ вѣрованіяхъ южныхъ австрійскихъ славянъ сообщаетъ мало-вѣроятное извѣстіе, будто въ дубровническомъ округѣ сохранилось имя древнегреческаго бога врачеванія Эскулапа въ связи съ одной пещерой. Въ этой сталактитовой пещерѣ находится озеро, водой котораго пользуются противъ злокачественной лихорадки. По мнѣнію австрійскихъ сербовъ, змѣй научилъ людей врачеванію; змѣи обладаютъ знаніемъ цѣлебныхъ травъ (*Знаніе* 1877. IV, 80).

Нѣкоторымъ травамъ приписывается въ Малой и Великой Россіи цѣлебное значеніе по отношенію ихъ къ змѣѣ: гадючій просурень, змѣиная трава, змѣевья головки.

Допуская существованіе у всѣхъ арійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ, змѣиного культа, повидимому, первое мѣсто въ развитіи этого культа прійдется отнести грекамъ. Древніе греки питали уваженіе къ ящерицамъ, змѣямъ, мышамъ и т. п. животнымъ, находящимся въ близкой связи съ землей, матерью всего живущаго. Существовало повѣрье, что земля родитъ гадювъ и червей, и потому змѣи считались дочерями земли, потому символами ея. Змѣй помѣщали въ храмахъ Аполлона и Аскленія. Въ эпоху упадка въ аполлоновомъ храмѣ въ Эпирѣ были вѣщія змѣи и предсказанія дѣлались на основаніи ихъ аппетита (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. I, 121). Аскленій изображался съ жезломъ, обвитымъ змѣю. Сынъ Аполлона, богъ врачества и цѣлитель болѣзней Эскулапъ обладалъ силою молотить старыхъ и воскрешать мертвыхъ. Такому искусству его научили змѣи. Однажды обвилась змѣя вокругъ его посоха. Аскленій убилъ ее; но выползла другая змѣя, держа во рту невѣдомую травку, прикосновеніемъ которой и воскресила убитую. Римляне приняли отъ грековъ вѣрованія въ Аскленія. Во время республики, чтобы отвратить моровую язву, римляне отправили въ Эпидавръ пословъ за изображеніемъ Эскулапа. Послы возвратились и привезли ужа, который самъ вползъ на ихъ корабль и въ которомъ римляне признали воплощеннаго бога. Тамъ, гдѣ привезенный ужъ вышелъ на берегъ, былъ построенъ храмъ Эскулапу. (*Аванасьева*, Поэт. возвр. II, 566).

Классическія представленія о цѣлебной змѣѣ, какъ воплощеніи Эскулапа, могли оказать вліяніе на славянскія повѣрья о змѣѣ, усилить ихъ новыми чертами и подробностями. Процессъ такого усиленія могъ совершаться частью посредствомъ устныхъ сказаній и преданій, преимущественно при посредствѣ литературнаго воздѣйствія лѣчебниковъ, травниковъ и зеленниковъ, въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаются змѣиная шкура, змѣиная головка и змѣиная травка, какъ лечебныя средства. Въ одномъ старинномъ лѣчебникѣ о травѣ попуткѣ говорится: „сказывалъ де виницеянинъ, торговый человекъ;лучилось ему дорогою ѣхати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дорогѣ, и черезъ нее перешелъ возъ, и тутъ ее за-

терло, и она де умерла. И другая змія пришла и принесла во рту припутникъ да на ее возложила, и змія де ожила и поползла“ (*Буслаевъ*, Ист. христ. 1351).

Зоологи полагаютъ, что бурый полозъ (*Elaphis flavescens*) изъ породы большихъ безвредныхъ ужей былъ посвященъ Асклепію и въ среднюю Европу занесенъ римлянами, при чемъ въ Европѣ змія эта оселилась вблизи купаленъ Эмса и Шлангенбада, въ мѣстностяхъ древнихъ римскихъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ Европы бурый полозъ встрѣчается рѣдко. (*Бремъ*, V. 219). Если римляне занесли въ среднюю Европу священныхъ змій Асклепія, то тѣмъ скорѣе и болѣе могли они занести и распространить сказанія объ ихъ цѣлебномъ значеніи, какія сказанія проникли впоследствии въ эпическую поэзію, глѣбники и повѣрья.

8.

Мелюзины

Въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи крестьяне вѣрятъ, что въ морѣ находятся странныя существа, полурыбы, полуженщины: голова, руки и брюхо женскія, а вмѣсто ногъ рыбій хвостъ. Называются они Мелюзины. Онѣ обладаютъ такимъ прекраснымъ голосомъ, что когда онѣ поютъ, море перестаетъ волноваться и человекъ можетъ заслушаться на вѣки (*Чубинскій* I. 209). Въ восточной Малороссіи также встрѣчаются подобнаго рода рассказы; только мнѣ не приходилось слышать, чтобы здѣсь, напр. въ харьк. губ., морскіе люди назывались Мелюзинами. Въ купянскомъ уѣздѣ ихъ называютъ фаларонами (*Харьк. Сб.* 1888, 90). очевидно, отъ слова фараонъ.

Въ народномъ сказаніи о Мелюзинахъ, какъ ни мало оно по величинѣ, слились два элемента—апокрифъ о переходѣ Моисея черезъ Чермное море и западно-европейская повѣсть о Мелюзинѣ.

Въ апокрифическомъ сказаніи о переходѣ Чермнаго моря: „люди фараоновы обратилася рыбами; у тѣхъ рыбъ главы человѣческія, а тулова нѣтъ; токмо едина глава; а зубы и носъ человѣчъ; а гдѣ уши тутъ перье, а гдѣ потылица тутъ хвостъ, а не ясть ихъ никтоже. И кони и оружія обратилася рыбами, а на конскихъ рыбахъ

шерсть конская, а кожа на нихъ толста на персть; ловятъ ихъ и кожи съ нихъ снимаютъ, а тѣло мечутъ; а въ кожахъ переды и подошвы шьютъ; воды тѣ кожи не терпятъ и въ сухо носю на годъ стануть“ (*Пытинъ*, Памят. ст. р. лит. III. 50). Это апокрифическое сказаніе проникло въ южнорусскій народъ, должно быть, въ давнее еще время, и къ нему впослѣдствіе въ западной Малороссіи пристало кое что изъ европейскихъ сказаній и повѣстей о Мелюзинѣ и преждѣ всего самое названіе этой феи примкнуло къ апокрифу.

Романъ о Мелюзинѣ возникъ изъ французскихъ народныхъ повѣрій о феяхъ. Въ этомъ романѣ говорится, что волшебница Мелюзина вышла замужъ за графа Раймунда, съ условіемъ, чтобы онъ не искалъ ее по субботамъ, когда она совершала омовенія, во время которыхъ обращалась въ полуженщину полузмѣю. Сначала все шло превосходно, Мелюзина подарила Раймунду 10 сыновей и содѣйствовала построенію великолѣпныхъ замковъ (Лузиньянъ, Ларошель и др.) Братъ Раймунда поселилъ въ немъ подозрѣнія въ невѣрности жены, и однажды Раймундъ въ субботу вошелъ въ зданіе, гдѣ купалась Мелюзина. Съ крикомъ горести и отчаянія, она скрылась изъ его глазъ, а вмѣстѣ съ нею исчезли всѣ его удачи и прахомъ пошло все его богатство (*Simrok*, Die d. Volksbuch VI, 1—119). Первая редакція романа о Мелюзинѣ появилась во Франціи въ 1389 г.; въ нѣмецкой литературѣ романъ этотъ появился впервые въ 1474 г. и удержался до сихъ поръ въ числѣ народныхъ книгъ. Отъ нѣмцевъ романъ о Мелюзинѣ перешелъ въ литературу чешскую, польскую (въ 1569 г.) и русскую (въ 1677 г.) (см. *Пытина*, Очеркъ лит. ист. 232). Въ западную Украину Мелюзина проникла м. б. изъ польскихъ а м. б. изъ нѣмецкихъ народныхъ пересказовъ романа.

У латышей курляндской губ. записана сказка о морскихъ людяхъ (см. *Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр. II. 44), построенная также на апокрифѣ о переходѣ евреевъ черезъ Черное море, почти буквально сходная съ малорусскимъ сказаніемъ о фаллярогахъ.

9.

Грабуванне.

Въ Русской Правдѣ „розграбежь“ (разграбленіе) есть родъ взыскапія съ имущества за преступленія, какъ разбой, поджогъ, сопряженныя съ имущественнымъ убыткомъ для пострадавшихъ (*Потебня*, Колядки, 497).

Въ Малороссіи этотъ древній обычай долгое время сохранялся; въ восточной Малороссіи сохранился до настоящаго времени, съ тѣмъ же самымъ терминомъ разграбежа или грабуванія. Въ „Основѣ“ 1862 г. былъ указанъ любопытный южнорусскій обычай грабуванія. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что „самъ кредиторъ беретъ во дворъ должника или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ его вещь и уноситъ ее въ себѣ. Въ началѣ XVIII вѣка этотъ способъ взыскапія долговъ находилъ освященіе и со стороны мѣстной правительственной власти. Такъ, гетманъ Мазепа въ 1703 году предоставилъ одному лицу право грабовать своихъ неисправныхъ должниковъ и „грабежей не ворочать до выкупленія ихъ“. Въ одной волости въ Малороссіи еще нѣсколько лѣтъ назадъ существовалъ обычай грабить, т. е. забирать у неплательщика податей вещи и держать ихъ въ волостномъ управленіи до уплаты податей. За самовольное примѣненіе этого обычая къ частному долгу виновный наказанъ былъ розгами (*Кулишскій*, Очерки сравн. этногр. 260).

Донныя въ восточной Малороссіи „грабижь“ есть названіе законнаго взыскапія съ имущества, напр., взыскапіе недоимокъ, если при этомъ описывается и продается имущество, такъ что напр. нѣтъ порицанія въ выраженіи: „на праву середу (преполовеніе) призывъ становой грабить“, т. е. по круговой порукѣ взыскаивать съ исправныхъ плательщиковъ за неисправныхъ (*Потебня*, Колядки, 497).

Обычай „привить“ и „грабовать“ за долги существуетъ въ настоящее время въ весьма первобытной формѣ, между прочимъ, въ Африкѣ на Золотомъ берегу. Для того, чтобы побудить должника изъ другаго племени къ уплатѣ долга, кредиторъ забираетъ у него насильно рабовъ, родственниковъ и все то, что можно добыть изъ его движимаго имущества. Такой образъ дѣйствія кредитора иногда приводитъ ко всеобщей войнѣ. Малорусскій обычай, разу-

мѣется, значительно мягче африканскаго, какъ слабый остатокъ древняго быта. Самовольное забираіе движимаго имущества должника въ видѣ залога до уплаты, такъ называемое Pfandnahme или просто Nāma существовало и въ другихъ европейскихъ странахъ, между прочимъ, и въ средневѣковыхъ городахъ (*Кулишеръ*, 262).

10.

Продолжительность разговоровъ до совершенія торговыхъ сдѣлокъ.

Въ повѣсти „Добре робы, добре и буде“ Г. О. Квитка отмѣтилъ слѣдующую любопытную черту народныхъ нравовъ. „Вы пань, говоритъ главное дѣйствующее лицо въ этой повѣсти Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, и все хочете по паньски робыты. Вы якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ усе зналы, що вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та, молимь, и за тымъ рублемъ, або за копою, та мы и день лишній живемо, и лишню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлестытысь, та хоть що небудь выторговаты; бо намъ своей трудовой копѣйки жалко“. Не подлежитъ сомнѣнію, что продолжительность разговоровъ при торговыхъ сдѣлкахъ въ значительной степени обусловливается ограниченностью денежныхъ средствъ крестьянъ, у которыхъ каждая копѣйка на счету; но въ этомъ обычаѣ кроется также характерное культурное переживаніе того древняго быта, при которомъ торговныя сдѣлки происходили исключительно между людьми различныхъ племенъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ и даже болѣе того, — враждебныхъ. Нужно было при торговлѣ не только сторговаться въ цѣнѣ, но и ознакомиться съ личностью продавца или покупателя, откуда онъ явился и чѣмъ занимается. Въ торговлѣ русскихъ съ китайцами каждый изъ участвующихъ начинаетъ разговаривать о чемъ нибудь другомъ. Болтаютъ много, выкуриваютъ массу трубокъ, выпиваютъ много чаю и только время отъ времени случайно затрогиваютъ предметъ сдѣлки. Если китайцу приходится заключить сдѣлку съ европейцемъ, то онъ уклоняется отъ рѣшительнаго разговора или совершенно отвлииваетъ или тянетъ такъ долго, что европеецъ становится нетерпѣливымъ.

Одни русскіе, благодаря усвоеннымъ ими пріемамъ торговли, успѣли пріобрѣсть довѣріе китайцевъ; они братаются съ ними. Когда одинъ изъ шафеевъ (сектанты суннитскаго толка) въ Дамаскѣ входитъ въ лавку другаго, то купецъ и продавецъ усаживаются другъ противъ друга; въ ближайшую кофейню посылаютъ за трубками и двумя чашками кофе; переговоры о дѣлѣ начинаются только со времени появленія трубокъ и кофе и длятся продолжительное время (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этногр. 117).

11.

Два слова о церковныхъ и монастырскихъ пасѣнкахъ.

Въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1880 года проф. А. Г. Зайкевичъ помѣстилъ рядъ статей о моральномъ и экономическомъ значеніи пчеловодства. Въ № 106 находится довольно большая статья „Черты изъ исторіи пчеловодства на югѣ Россіи“. Здѣсь проф. Зайкевичъ говоритъ объ отношеніи пчеловодства къ церкви и бытовой жизни малороссовъ въ старинное время. Заимствуемъ изъ этой статьи любопытныя строки о старинныхъ украинскихъ церковныхъ пасѣнкахъ, при чемъ повторяемъ также пожеланіе автора, чтобы обычай устраивать церковныя пасѣнки возродился и укрѣпился въ нашей жизни.

Уже въ древности, въ до-монгольской Руси церкви и монастыри владѣли бортневыми угодьями и пасѣнками. Князья, устраивая церкви, надѣляли ихъ поземельными участками, „съ бортники, бортневыми землями, съ озера, и бобры и поревѣсици“. Обычай дарить въ церкви борти и пасѣнки продолжался долго. Кромѣ князей дарили бояре, дѣдичи, паны, козацкіе старшины и простые люди. Такъ возникли церковныя пасѣнки, находившіяся въ распоряженіи причта для его нуждъ и для церковныхъ потребностей. Пасѣнки эти освобождались отъ налоговъ и даже ханы татарскіе освободили русское духовенство отъ всякихъ медовыхъ даней, чтобы никто не вступалъ въ ихъ угодья и борти. Церковныя борти и пасѣнки раздѣлили общую участь пчеловодства на югѣ Россіи: къ концу прошлаго столѣтія они начали мало по малу исчезать. Въ описаніяхъ церковныхъ имуществъ, относящихся къ этому времени,

упоминанія о церковныхъ пасѣкахъ рѣдки, или же при перечисленіи имущества говорится, что есть борти, но безъ пчель, что пчелы вымерли. Замѣчательно, что къ этому же времени относится и исчезновеніе церковныхъ пасѣвъ въ Помераніи, въ прежней землѣ Вендовъ, нынѣ совершенно отмеченнаго славянскаго племени, гдѣ также онѣ существовали и гдѣ существовала, какъ у насъ, десятина съ сырыхъ, необработанныхъ продуктовъ пчеловодства, получаемая церквями отъ князей и отъ населенія, сидѣвшаго на церковныхъ оброчныхъ земляхъ. Въ настоящее время еще существуютъ церковныя пасѣки въ с. Климашовкѣ и Зимѣховѣ, ямпольскаго уѣзда, подольской губерніи и с. Сокольниковѣхъ, славяносербскаго уѣзда екатеринославской губерніи, но можно считать, что этотъ прекрасный обычай содержать при церквяхъ пасѣки исчезъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду постепеннаго возрожденія пчеловодства на новыхъ началахъ, не мѣшало бы нашимъ церковнымъ попечительствамъ вспомнить этотъ достойный подражанія обычай предковъ и, вмѣсто того, чтобы нуждаться въ средствахъ или взывать, подчасъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, о матеріальной помощи, возстановить церковныя пасѣки, которыя, будучи устроены на разумныхъ началахъ, могли бы приносить не только значительный доходъ для потребностей церковныхъ, для поддержки сельской школы, для различныхъ дѣлъ благотворительности и прочее, но и служить практической школой для обученія населенія пчеловодству, которое само по себѣ есть дѣло благотворительное и полезное“.

Что въ половинѣ прошлаго столѣтія монастырскія начальства заботились о развитіи пчеловодства, видно изъ исторіи Липиновской Троицкой пустыни бѣлгородской епархіи. Въ 1754 г. эконому Липиновской пустыни было предписано расширить пасѣку, „ульевъ побольше призапасить и пчелу расплодить“ (*Лебедевъ*, Историч. разыск. III. 15). Въ Описной книгѣ змѣевского Никольскаго Косицкаго монастыря 1702 г. значится, что монастырю принадлежало „въ лѣсу двѣ пасѣки и въ тѣхъ пасѣкахъ пчелки одной пасѣкѣ 150 ульевъ, на другой 100“ (*Багалъй*, Матеріалы, 177).

Церковныя свѣчи домашняго приготвленія.

Продажа восковыхъ свѣчъ издавна составляла регалію церкви и причта. Иногда она служила, какъ средство благотворительности, и разрѣшалась высшимъ духовнымъ начальствомъ, какъ вспоможеніе священникамъ, вдовамъ и сиротамъ. При церквяхъ, гдѣ существовали братства, свѣчной сборъ поступалъ въ пользу учителей братскихъ школъ. Съ 1808 года свѣчной сборъ былъ сосредоточенъ въ рукахъ центральной духовной власти, и на счетъ его стали содержаться духовныя училища и Святѣйшій Синодъ со всею администраціей духовнаго вѣдомства. Изъ остатковъ свѣчнаго сбора образовался огромный духовно-учебный капиталъ (*Харк. Вид.* 1880 № 106).

Рядомъ съ заводскимъ производствомъ церковныхъ свѣчей издавна шло въ Малороссіи домашнее ихъ приготвленіе, очень скромное по размѣрамъ, но весьма поэтическое и задушевное по внѣшней обрядности и внутреннему религіозному одушевленію. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Галиціи пчелы разводятся легко и охотно. Большія пасѣки встрѣчаются только у зажиточныхъ крестьянъ; но пасѣкъ небольшихъ отъ 3 до 20 ульевъ громадное количество, и онѣ встрѣчаются у домохозяевъ съ среднимъ достаткомъ и даже бѣдныхъ. Не получая большихъ прибылей отъ маленькой пасѣки, крестьянинъ однако дорожить ею, потому что любитъ „божью муху“, потому что и маленькая пасѣка даетъ ему меду „на Спаса“ и воску на благодарственную свѣчу Богу. Крестьянинъ съ большимъ удовольствіемъ несетъ въ церковь свѣчу домашняго приготвленія, изъ чистаго желтаго воска домашнихъ пчелъ. Самое приготвленіе такихъ свѣчей совершается съ благоговѣніемъ. Когда сукаютъ свѣчи Богу, заботятся о чистотѣ работы и матеріала, работаютъ въ извѣстные дни и часы, съ молитвословіями, иногда съ возженнымъ свѣтильникомъ передъ иконой. Воскъ топятъ на припечкѣ или загниѣткѣ и облакаютъ имъ гноть; иногда въ воскъ примѣшиваютъ краску, и тогда получаются цвѣтныя свѣчи, или украшаютъ ихъ золотой бумагой. Такое приготвленіе я видѣлъ въ с. Боромлѣ ахтырскаго уѣзда; подобное же приготвленіе восковыхъ свѣчей существуетъ въ

г. Зміевѣ (см. *Южный Край* 1888 № 2580) и въ Галиціи (см. *Зорю* 1886 г. № 11). Вообще, обычай готовить церковныя свѣчи изъ домашняго воска исчезаетъ изъ народнаго быта, частью вслѣдствіе упадка пчеловодства, главнымъ образомъ потому, что сельское духовенство и церковныя старосты преслѣдуютъ этотъ обычай, какъ убыточный для церковной кассы. Иногда крестьяне покупаютъ на сторонѣ дешевыя парафиновыя и церезиновыя свѣчи, отъ копоти которыхъ портятся церковныя украшенія. Не имѣя ни времени, ни возможности опредѣлять доброкачественность приносимыхъ въ церковь свѣчей, церковное начальство огуломъ ихъ преслѣдуетъ, иногда въ слишкомъ рѣзкой формѣ. Въ „Южномъ Краѣ“ 1888 г. № 2580 было напечатано слѣдующее сѣтованіе какого то благочестиваго селянина: „Съ благоговѣніемъ входитъ христіанинъ въ домъ Божій, держа въ рукѣ свою свѣчку, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, поклоняется передъ образомъ и возжигаетъ свѣчу, радуясь въ простотѣ сердечной, что несетъ свою посильную лепту. Но вдругъ, не успѣвъ онъ отнять руки отъ зажженной свѣчи, какъ видитъ, что она изломана, исковеркана; жертва его отвергнута. И слышитъ онъ слова негодованія за то, что онъ дѣлаетъ съ благоговѣніемъ, — порицаніе того, что онъ считалъ священнымъ“.

13.

Цвѣтныя кафельныя изразцы.

Въ старинное время въ Малороссіи процвѣтало кафельное искусство. На изразцахъ воспроизводились сцены изъ окружающей или минувшей жизни. „Представьте себѣ, писалъ О. Г. Лебединцевъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1883 (I. 4), что въ какой нибудь свѣтлицѣ или горницѣ давняго времени, которыя равнозначущи были нашимъ заламъ и гостинимъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной компаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка „шудлики“, сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ

праздностью городской барышни или женщины, пускающей птицу из рукъ, то тяжелыя сцены мужа, цѣломъ поучающаго свою жену, или борьбы человѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище невиданное и неслыханное, то видѣнья когда то въ далекихъ краяхъ птицы и животныя, то легендарная Осавуръ—могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныя сцены разгульной жизни, то противоположныя имъ сцены изъ св. исторіи,—и каждая изъ нихъ наводитъ на ту или другую мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ, какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, какъ много она отъ самихъ авторовъ ея требовала развитія, наблюдательности и сообразительности“.

Трудно сказать, какъ рано появилось въ Малороссіи кафельное искусство. Въ XVII ст. оно уже находилось на высокой степени развитія. Павелъ Алеппскій, бывшій въ Кіевѣ въ 1653 г., говоритъ, что кельи монаховъ въ Печерскомъ монастырѣ отоплялись и каминами, сложенными изъ цвѣтныхъ изразцовъ (*Сборн. матер. по историч. топогр. Кіева*, 58). Еще недавно цвѣтныя изразцовыя печи часто встрѣчались въ домахъ дворянъ и мѣщанъ харьковской губерніи; но затѣмъ бѣлая заводская кафля мало по малу вытѣснила цвѣтную кафлю кустарнаго гончарнаго производства, и теперь цвѣтную изразцовую печь изрѣдка можно встрѣтить въ домахъ мелкопомѣстныхъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ и мѣщанъ. Чаше такого рода печи встрѣчаются въ Галиціи, гдѣ, по словамъ І. О—аго (въ *Кіев. Стар.* 1883, II. 473), гончарное искусство достигло высокой степени развитія относительно подбора красокъ, изящества поливы, правильности и оригинальности узоровъ.

14.

Къ исторіи южнорусской иконописи.

Въ то время, когда сѣвернорусскіе иконописные приемы обстоятельно изучены, всѣ выдающіеся памятники иконописи московской,

владимірской, новгородской соборны и изслѣдованы, иконописи южнорусская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, не обследована, и образцы ея разбросаны въ малоизвѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или въ сельскихъ церквяхъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ, остатки южнорусской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія, — этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась своеобразная струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда (*Аристовъ*, *Промысл. др. Руси*, 185), южнорусскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; но съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ „маткѣ своей Малой Россіи“ (*Сам. Величко*, *Лѣтоп.* 1, 98, 36), онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII ст. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италіанскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ, южнорусскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти мало того, что удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты. Недавно, при передѣлкѣ ягеллонской каплицы въ Краковѣ на стѣнкѣ открыты были фрески, рисованныя русскимъ художникомъ, съ мотивами, совершенно чуждыми латинской церкви. Оказывается, что Ягелло, врагъ Руси и православія, украсилъ свою часовню восточнымъ орнаментомъ, произведеніемъ кисти русскаго художника. На фрескахъ изображены: Рождество, Христосъ въ саду, разговоръ Христа съ фарисеемъ, дорога на Голгофу, Христосъ передъ Пилатомъ, смерть Христа, Воскресеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Дѣвы Маріи. Изображеніе Рождества Христова построено на апокрифическихъ мотивахъ: Христосъ лежитъ въ ясляхъ; на него дышутъ воля и осель. Пр. Дѣва Марія лежитъ на постели; возлѣ нея женщина. На другой фрескѣ Младенца Христа купаютъ. Успе-

ніе Богородицы, принятое въ западной иконописи до XV ст., а въ восточной иконописи сохранившееся до нынѣ, изображено такимъ образомъ: Пр. Дѣва Марія лежитъ, окруженная апостолами. Христосъ въ соннѣ ангеловъ сходитъ съ неба и принимаетъ душу пречистой своей Матери, изображенную въ видѣ ребенка. Какой то невѣра хочетъ дотронуться до тѣла Богоматери; но архангелъ Михаилъ отрубываетъ ему руку. На заднемъ планѣ ангелы уносятъ апостоловъ, и между ними стоятъ Богородица. На землѣ множество народа, епископовъ, королей; внизу видъ города. По словамъ краковскихъ ученыхъ, „рисунокъ сильный и правильный; композиція смѣлая; лица изображены правильно и живо, что въ совокупности ставитъ эти фрески въ рядъ самыхъ знаменитыхъ памятниковъ искусства времени, предшествовавшего художественной дѣятельности Массачіо во Флоренціи и братьевъ Ванъ-Эйковъ въ Бриггенѣ“ (*Зоря*, 1885, № 21).

Въ числѣ иконъ мѣстной южнорусской работы встрѣчались настолько художественныя, что вызывали похвалы со стороны образованныхъ грековъ, посѣщавшихъ Русь. Такъ, Павелъ Алеппскій, бывший въ Малороссіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, проѣздомъ въ Москву, съ большою похвалой отзывается о живописи одной видѣнной имъ въ Малороссіи иконы (*Сборн. матер. по ист. топогр. Кіева*, 60).

На многихъ иконахъ отразились черты южнорусскаго быта. Такъ, на рогатинскомъ иконостасѣ, находившемся на археологической выставкѣ въ Львовѣ въ 1885 г., лица ветхозавѣтной исторіи изображены въ малорусскихъ костюмахъ XVII в. На иконѣ, изображающей пребываніе трехъ ангеловъ у Авраама, скатерти, посуда, кушанья и напитки взяты изъ жизни русскаго народа XVII вѣка. Рогатинскій иконостасъ рисованъ въ 1649 (*Зоря*, 1885, № 21). Въ особенности много національныхъ бытовыхъ чертъ на запорожскихъ иконахъ. Такъ, въ Никополѣ находится старинная запорожская икона Покрова Богоматери слѣдующаго содержанія: на липовой доскѣ въ три четверти длины и въ двѣ ширины изображены Богоматерь, Николай чудотворецъ и архистратигъ Михаилъ, а ниже ихъ представлены запорожцы въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами съ открытыми, гладко выбритыми головами. Они стоятъ внизу

иконы, на краяхъ, а въ серединѣ знамена и вся козацкая арматура. Отъ козака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: „Молиси, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла“. Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: „Избавлю и покрюю люди моя“. По преданію, эта икона изображаетъ кошеваго П. И. Калнишевскаго съ товариществомъ (*Зварницькій*, Запорожье, II, 51, съ рисункомъ иконы). Въ церкви села Покровскаго хранится икона Богоматери слѣдующаго содержанія: Богоматерь распростерла руки, а у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ на первомъ планѣ архіерей, а на второмъ—запорожцы, безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы (Ib. II, 193, съ рисункомъ).

Въ самарскоиъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ также находится икона съ запорожскими фигурами. На полотнѣ, вставленномъ въ деревянную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель въ высокой тиарѣ на головѣ, въ пурпурной мантии на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и державнымъ яблокомъ въ лѣвой. На немъ изображенъ лѣсъ и посреди лѣса озеро, изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удить рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и цѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варить кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а около рѣчки видна одномачтовая козацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ. отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ (Ibid. I, 87). Въ одномъ письмѣ ко мнѣ покойный О. Г. Лебединцевъ писалъ о привезенной въ Кіевъ малорусской иконѣ начала прошлаго вѣка, на которой, между прочимъ, изображены въ числѣ молящихся нѣсколько козаковъ изъ старшины и жены ихъ, въ національныхъ костюмахъ того времени.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, между прочимъ, находится небольшая икона Богоматери,

на которой пресв. Дѣва Марія изображена въ видѣ красивой малорусской дѣвушки, въ малорусской одеждѣ и съ монистами на шеѣ. Свообразныя произведенія южнорусской иконописи находятся еще въ христіанскомъ музеѣ академіи художествъ и въ коллекціяхъ Тарновскаго и Кибальчича (*Новое Время*, 1882, № 2445).

Особенно оригинальными подробностями отличаются южнорусскія изображенія страшнаго суда. Церковно-археологическій музей при кievской духовной академіи имѣетъ три любопытныхъ памятника этого рода церковной живописи. Первая картина на холстѣ, вышиною 3³/₄ аршина, шириною 4 арш., доставлена изъ черкаскаго уѣзда кievской губерніи. Въ нижней части картины, въ аду, находятся, между прочими, ткачъ съ клубками нитокъ, лихварь съ веревкою черезъ плечо, на которой висятъ кошель съ деньгами, пьяница и вѣдьма. Другая икона на деревѣ XVII вѣка изъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣетъ въ аду въ числѣ грѣшниковъ магометанъ въ навояхъ, ляховъ въ манжетахъ, евреевъ, вельможъ, монаховъ, архіереевъ. Но высшую степень оригинальности представляетъ третья картина суда на полотнѣ XVIII в. Въ ряду многочисленныхъ изображеній вылаются: женщина на постели подъ краснымъ одѣяломъ, а у ногъ ея стоитъ бѣсъ: это, какъ объясняетъ надпись, лѣнницы до церкви; судья ѣдетъ въ адъ въ коляскѣ, въ которую впряжены два дьявола, третій дьяволъ исполняетъ роль кучера и четвертый — лакея позади коляски; вѣдьма съ деревянной шайкой, въ которой она приготовляла зелье; наложница съ змѣями на лицѣ и на груди; чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою; колдунья, заламывающая жито; воръ, кравній снопы; портной съ аршиномъ въ рукѣ, ножницами и кусками красной матеріи; сапожникъ съ сапогомъ въ рукахъ; ткачъ съ клубками нитокъ; мельникъ съ жерновомъ. Нѣсколько ниже изображена веселая забава: молодой мужчина танцуетъ съ женщиной; подлѣ нихъ музыкантъ, играющій на скрипкѣ, два бѣса поощряютъ эту забаву. Далѣе слѣдуетъ грѣшница дѣтоубійца, „та що дѣти тратила“: демонъ показываетъ ей умерщвленнаго ребенка. Грѣшникъ пчелокрадъ — „пчолы краде“: изображено дерево, съ ульемъ наверху; вокругъ него летаютъ испуганныя пчолы; воръ въ кафтанѣ и лаптяхъ вынимаетъ изъ улья медъ, а стоящій сзади дьяволъ ободраетъ его. Кумъ и кума пируютъ на тележкѣ, которую

везеть дьяволь; у кума въ рукахъ фляжка, у кумы рюмка. „Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Покровский, эти вѣдьма и закрутка, лихварь въ образѣ еврея, портной, сапожникъ и мельникъ, представители промышленности, съ которыми чаще всего приходится имѣть дѣло простолюдину, явились здѣсь не случайно, но отразили въ себѣ недуги данной мѣстности. Въ этихъ подробностяхъ нельзя не видѣть свободного отношенія художника къ своей задачѣ, стремленія замѣнить условную схему живыми образцами, взятыми съ природы, и съ этой стороны указанная картина суда, помимо своего художественнаго значенія, представляютъ нѣкоторый интересъ этнографическихъ характеристикъ“ (*Покровский, Труды одес. археол. съѣзда III, 327*).

По свидѣтельству О. Г. Лебединцева, въ правобережной Украинѣ еще недавно на картинахъ страшнаго суда можно было видѣть, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраной чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ вѣдущаго въ пачоканкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или посесора, съ бичемъ у черта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью *choś do piekła, ale z fajką*, или же на днѣ ада, въ образѣ сребролюбца Гуды, какого нибудь корчмаря, посесора и даже столоначальника духовнаго правленія (*Лебед., въ Кіев. Стар. 1883, I, 4*).

Картина страшнаго суда встрѣчается въ настоящее время въ монастыряхъ, напримѣръ, въ Куряжскомъ монастырѣ, при входѣ въ монастырь подъ колокольней, на одной стѣнкѣ изображены праведники—все монахи, на другой грѣшники, въ огнѣ, охваченные большой змѣей, имѣющей на своихъ кольцахъ надписи грѣховъ, что обычно на картинахъ страшнаго суда, начиная съ XVI вѣка.

Картина страшнаго суда съ бытовыми подробностями въ послѣднее время стала весьма распространенной среди лубочныхъ изданій. Въ рассказѣ Павла Шулики „Де найшовъ—де загубивъ“ отмѣчена, между прочимъ, слѣдующая лубочная картина въ крестьянской избѣ: „На здоровому лысту намалеванный змій.. Повывся той змій високо, високо, а по ему йдуть душы праведни до Господа мылосерднаго на вичну радисть, который у раи трапезуе зъ ангеламы. Унызу жъ превелького змія рознята пасть съ зубамы, а въ пасти палае вельке поломья, а въ тимъ поломьи сыдыть самъ- батько всѣхъ грихивъ

сатана, а у ёго на колінахъ Юда зъ гаманцемъ, що продавъ Христа и привытае тихъ, що йдуть у те полумья превелькымъ ланцюгомъ зачеплени души гришни по чынахъ, якъ и на симъ свити: попереду рушають архієреи, а тамъ попы, ченци, генералы, судди, купцы, шинкары, дали вже и наши братчыкы, и симъ то ланцюгомъ тягне цилый табунъ чортивъ, а позаду превелькою ломакою намыряется буцимъ быты по потылицы, щобъ не зупынялись“ (*Основа* 1862, IV, 80).

Свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ иконахъ разбросаны въ историко-статистическихъ описаніяхъ епархій харьковской и черниговской преосв. Филарета и въ Ист.-стат. опис. екатеринославской епархіи преосв. Θεодосіа, но свѣдѣнія скудныя, малочисленныя. Можетъ быть, почтенные архинастыри, собиравшіе свѣдѣнія отъ сельскихъ священниковъ, находили неудобнымъ упоминать о существованіи нѣкоторыхъ иконъ съ чертами свѣтскаго характера, съ мелкими бытовыми подробностями. Изъ свѣдѣній о памятникахъ русскаго искусства и древностей, доставленныхъ въ 1887 г. въ харьк. губ. статист. комитетъ священниками харьковской епархіи, видно, что въ с. Водяномъ змiev. у. имѣется деревянная церковь съ замѣчательнымъ иконостасомъ XVII ст. Въ с. Ольшанѣ харьк. у. сохранились древнія иконы Спасителя, Богородицы, св. Николая и св. Варвары, принесенныя первыми поселящими изъ за Днѣпра въ 1650 г. Въ соборной церкви г. Лебедина хранятся образъ св. Николая весьма художественной отдѣлки и ликъ Спасителя, едва замѣтный, древней живописи, весьма искусно выполненный въ византійскомъ вкусѣ (*Багалый*, Археол. замѣтки о харьк. губ. 13).

У частныхъ лицъ, полагаю, немало еще хранится старинныхъ малорусскихъ иконъ. Такъ, въ слободѣ Боромлѣ въ моемъ домѣ находится большая икона Mater dolorosa шрошлаго столѣтія, работы какого то мѣстнаго художника. Богородица стоитъ съ сложенными на груди руками, и къ сердцу ея направляются стрѣлы; съ правой стороны—стоитъ ангелъ и съ лѣвой—ангелъ; они держатъ въ рукахъ свитки, на которыхъ начертаны изреченія изъ св. Писанія.

Иконописаніе сохранилось въ с. Борисовкѣ трайворонскаго уѣзда, въ смыслѣ кустарнаго промысла. Изготавлиемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и проникаютъ въ Сербію и Болгарію.

Извѣстный въ исторіи живописи Боровиковскій учился живописи въ с. Борисовкѣ. Квитка-Основьяненко въ одной своей повѣсти замѣчаетъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ „найлучши богомазы, иконописцы и усяки маляры“. Въ исторіи борисовской иконописи указываютъ еще на слѣдующее сѣвернорусское вліяніе: знаменитый сподвижникъ Петра Великаго Б. П. Шереметьевъ основалъ въ 1714 г. Борисовскій женскій монастырь и для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ вызвалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатъева, который и содѣйствовалъ обученію борисовскихъ жителей иконописному мастерству (*Добротв.*, Куст. пром. курск. губ.). Повидимому, трудъ Игнатъева упалъ на подготовленную уже почву, и успѣшное развитіе борисовскаго иконописанія обусловлено было художественными наклонностями мѣстнаго украинскаго населенія и существованіемъ среди него издавна искусныхъ маляровъ. И въ Харьковѣ еще недавно среди мѣстныхъ мѣщанъ малороссовъ встрѣчались искусныя иконописцы, работавшіе дешево и хорошо, напримѣръ Басько.

Священникъ Никоновъ въ статьѣ о бытѣ и хозяйствѣ малороссовъ въ воронежской губерніи, напечатанной въ Трудахъ Вольно-Эконом. общества, говоритъ, что многіе малороссіяне въ воронеж. губ., начавъ малярствомъ, достигли потомъ значительныхъ успѣховъ въ живописи. Забъзжіе и туземныя иконописныя мастера нерѣдко принимаютъ ихъ въ свои артели и даютъ хорошія цѣны; много есть также туземныхъ хорошихъ алфрейщиковъ; слобода Алексѣевка особенно богата такими художниками, какъ Бутурлиновка мастерами золотыхъ дѣлъ (стр. 330).

Живое религіозное чувство малоросса ищетъ выхода въ иконописи. По словамъ авторитетнаго въ данномъ случаѣ свидѣтеля свящ. Никонова: „малороссъ... приверженъ ко всему священному и церковному; въ частности въ церквяхъ онъ любитъ видѣть какъ можно болѣе иконъ, особенно ярко написанныхъ, любитъ образное представленіе всей священной исторіи и евангельской нравственности; потому, чѣмъ болѣе стѣны церковныя (кромѣ иконописи) разукрашены всевозможными картинами, тѣмъ охотнѣе онъ входитъ въ такую церковь, тѣмъ теплѣе молится. Велѣдствіе этого малороссъ—маляръ съ раннихъ поръ пускается въ живопись священно-историческую:

сначала копируетъ съ какихъ нибудь оригиналовъ, потомъ, желая пустить въ ходъ порожденія собственнаго воображенія, начинаетъ сочинять. Сперва онъ даритъ свои произведенія знакомымъ и жертвуетъ въ приходскую церковь; отъ дара и отъ жертвы, приносимой съ ведимымъ усердіемъ, было бы грѣшно отъказаться; а затѣмъ для этихъ самородныхъ произведеній находятя и покупатели“...

Н. Ө. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЯ КОЛОНИ ВЪ ДОБРУДЖЬ.¹⁾

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе).

III.

Общественная организація.—Громада.—Церковь.—Монастыри въ Чиливѣ,—Школа, грамотность, народная словесность.—Новая эмиграція изъ Россіи.—Заключеніе.

Общественная организація украинскихъ переселенцевъ въ Добруджѣ складывалась прежде всего, разумѣется, по типамъ, перенесеннымъ изъ Украины. Первые переселенцы—запорожцы основались въ Добруджѣ, какъ извѣстно, на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовала и приднѣпровская Сѣчь, т. е. образовали собой группу совершенно самостоятельныхъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ рыболовныхъ общинъ, соединенныхъ вмѣстѣ на федеративныхъ, главнымъ образомъ военныхъ, основаніяхъ. Какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, каждый курень представлялъ собою отдѣльную самоуправляющуюся общину съ своимъ отдѣльнымъ общественнымъ хозяйствомъ, заключавшимся главнымъ образомъ въ общинныхъ рыболовныхъ заводахъ, и съ самостоятельно избравшимся хозяиномъ и администраторомъ этой общины, куреннымъ атаманомъ, въ военное время предводительствовавшимъ своимъ куренемъ и подчинявшимся кошевому атаману только въ военномъ отношеніи. Союзная, т. е. кошевая

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., февраль.

администрація, состоявшая изъ войсковой старшины, представляла собой всю Сѣчь во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ зависимости отъ этого завѣдывала землями, отведенными турецкимъ правительствомъ, деньгами и провіантомъ, получавшимися отъ него же, завѣдывала внутренними сѣчевыми распорядками, преимущественно военными, а также обще-сѣчевыми доходами (напр., питейнымъ) и расходами, и была, наконецъ, второй инстанціей войскового суда, первой инстанціей котораго былъ курень, а послѣдней, равно какъ носителемъ всей высшей власти, была сѣчевая рада, т. е. собраніе всѣхъ лицъ, составлявшихъ Сѣчь. Послѣдовавшіе затѣмъ за запорожцами переселенцы, образовавшіе вокругъ Сѣчи земледѣльческія поселенія, такъ наз. райю,— явились уже въ Добруджу съ задатками частнаго хозяйства и основались на общей землѣ въ видѣ земледѣльческихъ общинъ, каждый членъ которыхъ велъ свое отдѣльное хозяйство. Внутренняя организація райи намъ недостаточно извѣстна, но мы знаемъ все таки, что общественные распорядки въ ней устанавливались сходами всѣхъ членовъ. Запорожскому же кошу райя подчинялась только какъ учрежденію, посредствовавшему между нею и турецкимъ правительствомъ. Наконецъ, послѣ уничтоженія Сѣчи, новѣйшіе, уже почти исключительно занимавшіеся только земледѣліемъ, украинскіе колонисты образовали собой сельскія и городскія общины, организованныя на тѣхъ же началахъ общиннаго самоуправленія, какъ и прежняя райя, но сносившіяся уже непосредственно съ турецкимъ правительствомъ посредствомъ выборныхъ изъ своей среды лицъ — мухтаровъ или *чорбаджіевъ*. Такимъ образомъ во время турецкаго господства въ Добруджѣ, украинскія поселенія представляли собой, въ смыслѣ организаціи, сельскія и городскія общества, въ которыхъ главная административная власть принадлежала сельскому сходу, или *громадѣ*, исполнительная же—чорбаджи и его помощнику—*осавулу* или *кихайтѣ*. Эти должностныя лица, особенно чорбаджи, должны были непременно знать по-турецки и выбирались на полгода или на годъ. „А добрый онъ для васъ человекъ?“ спрашивалъ обыкновенно папа депутатовъ, представлявшихъ ему отъ имени громады новаго чорбаджи.—„Добрый!“ „Ну такъ пусть и бу-

дети!“ Громада завѣдывала всѣми общественными распорядками, разборомъ поземельныхъ отношеній, пользованіемъ лѣсами и пастбищами, сѣнокосами, церковными—а въ Тульчѣ—и училищными дѣлами и кромѣ того и находившимся (существующимъ и до сихъ поръ) при церкви шпиталемъ и проч. Ей же принадлежала раскладка и сборъ податей и опредѣленіе десятины, для чего при чорбаджи состояло 5—6 выборныхъ стариковъ, составившихъ нѣчто въ родѣ совѣта по части налоговъ и выбравшихъ изъ своей среды сборщика податей. Собраніе чорбаджіевъ составляло такъ называв. *меджлисъ* или совѣтъ при пашѣ, жившемъ въ Тульчѣ, и занималось обсужденіемъ всѣхъ земскихъ дѣлъ, выходившихъ изъ компетенціи отдѣльныхъ общинъ, рѣшенія же меджлиса, одобренныя пашей, приводились въ исполненіе каждымъ изъ чорбаджіевъ въ границахъ его общины. Въ г. Тульчѣ, какъ и во всѣхъ городахъ восточныхъ, населеніе разныхъ національностей живетъ въ отдѣльныхъ частяхъ города, въ предмѣстьяхъ, называемыхъ *магалами* (такимъ образомъ въ Тульчѣ существуютъ: турецкая, жидовская, армянская, молоканская, двѣ руснацкихъ, болгарская, липованская и проч. магалы) и при туркахъ выборные отъ каждой магалы составляли городской совѣтъ—*билдизъ*,—нѣчто въ родѣ городской думы. Въ судебномъ отношеніи первой и почти всегда окончательной инстанціей былъ громадскій судъ, т. е. просто предъявленіе спорнаго дѣла громадѣ, въ воскресенье послѣ церковной службы. Только въ немногихъ болѣе важныхъ случаяхъ обращались къ турецкому суду. Въ настоящее время, послѣ присоединенія къ Румыніи, организація и самоуправленіе сельскихъ общинъ остаются болѣе или менѣе въ прежнемъ видѣ съ прибавкой новаго названія *нотаря*, т. е. писаря, который состоитъ при *примарѣ* (бывшемъ чорбаджи) и играетъ почти ту же роль, какъ волостные писаря при старшинахъ въ Россіи; что же касается меджлиса, то онъ теперь не существуетъ и замѣненъ казенной администраціей, во главѣ которой находится префектъ и администраторы для каждаго изъ округовъ. Въ городскомъ управленіи тоже уничтожилось представительство частей города (магалы) и замѣнилось городскимъ совѣтомъ, избираемымъ всѣми жителями города

вообще, и примаромъ, избираемымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ нѣсколькихъ представляемыхъ городомъ кандидатовъ. Такимъ образомъ при румынскомъ режимѣ, областное и отчасти городское самоуправленіе, а вслѣдствіе этого до извѣстной степени и сельское, оказываются уже нѣсколько урѣзанными, но въ замѣнъ этого съ конца 1880 г. въ Добруджѣ начала уже дѣйствовать румынская конституція, впрочемъ пока еще не вполне,—а именно Добруджа не имѣетъ еще своихъ депутатовъ въ румынскомъ парламентѣ, но въ ней учреждено нѣчто въ родѣ областного сейма, состоящаго изъ депутатовъ отъ всей страны, обсуждающихъ ея потребности и представляющихъ свои заключенія въ видѣ петицій парламенту.

Одному изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Добруджу, приходилось разговаривать съ однимъ изъ этихъ депутатовъ—русинакомъ—человѣкомъ неграмотнымъ, и до своего выбора въ депутаты врядъ ли имѣвшимъ даже понятіе о своихъ конституціонныхъ правахъ, и мы должны сказать, что онъ удивилъ насъ какъ относительно изученія за сравнительно короткое время своихъ новыхъ правъ, такъ и тою сознательностью, съ которою онъ очень настойчиво велъ оживленную агитацію между своими товарищами-депутатами о необходимости солидарности между всѣми народностями Добруджи, для совмѣстнаго и дружнаго отстаиванья своихъ конституціонныхъ правъ и самоуправления противъ бюрократическихъ попытокъ префектуры. Эта оппозиція противъ администраціи была поведена депутатами съ большимъ тактомъ и не только представленія ихъ парламенту увѣнчались успѣхомъ, но имъ удалось добиться смѣны тогдашняго префекта.

Церковныя дѣла украинскихъ поселеній въ Добруджѣ находились и въ настоящее время находятся въ полномъ вѣдѣніи самихъ общинъ, которыя для ближайшаго управленія этими дѣлами избираютъ изъ своей среды такъ называемую „эпитропію“ или церковное попечительство. Нѣкоторая вѣротерпимость, допущенная турецкимъ правительствомъ въ сѣверной части Балканскаго полуострова и особенно въ Добруджѣ, была дѣломъ простой необходимости, въ виду возможно болѣе успѣшнаго заселенія страны, которое въ свою очередь было для турецкаго пра-

вительства чрезвычайно важно въ финансовомъ отношеніи. По этому поводу мы позволимъ себѣ привести разсказъ, связанный съ исторіей постройки руснацкой церкви въ Тульчѣ. Церковь эта, разсказывалъ намъ Сидоръ изъ Катирлеза, была построена еще первыми переселенцами въ то время, когда они еще выкорчевывали пни на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ, и строили себѣ хаты. Старики выхлопотали фирманъ отъ паши, а *аянъ*, т. е. турецкій начальникъ полиціи указалъ и самое мѣсто постройки. Когда церковь была уже построена, пріѣхалъ паша, бывший въ то время гдѣ то въ отлучкѣ, и когда увидѣлъ, что церковь стоитъ выше джаміи (мечети), очень разсердился и напалъ на аяна за то, что тотъ далъ разрѣшеніе: „какъ же ты позволилъ? вѣдь она выходитъ выше джаміи!“—„А такъ, отвѣчалъ аянъ, позволилъ... потому что, если бы не позволилъ, то и руснаки тутъ бы не жили, а теперь смотри, сколько народа идетъ и идетъ... какъ только ночь настанетъ, такъ и плывутъ съ русской стороны... Да пусть она себѣ хоть втрое будетъ выше—намъ что?.. Намъ лишь бы народа больше было!“ Въ настоящее время въ Тульчѣ существуютъ двѣ руснацкихъ церкви, въ Сулимиѣ тоже двѣ, кромѣ того есть еще церкви въ Кара-Орманѣ, Лети, Нижнемъ Дунавцѣ, Катирлезѣ, Муругилѣ, Приславѣ, Махмудіѣ, Телицѣ и др., всѣхъ, какъ говорятъ, больше 20-ти церквей. Нѣкоторыя изъ этихъ церквей довольно велики и хорошо обставлены, особенно напр. церковь въ Муругилѣ, новая церковь въ Катирлезѣ и проч., нѣкоторыя же очень малы и бѣдны. Въ Нижнемъ Дунавцѣ, строго говоря, даже церкви нѣтъ, а есть часовня, представляющая собой обыкновенную хату, въ одномъ изъ угловъ которой прибитъ къ стѣнѣ старый изорванный иконостасъ какой то, вѣроятно походной, церкви, рисованный на полотнѣ, да на столикѣ на обыкновенномъ чайномъ подносѣ лежатъ: маленькая жестяная дарохранительница, крестъ, вадило и нѣсколько церковныхъ книгъ, частью церковно-славянскихъ, частью же даже румынскихъ, такъ что священникъ нѣкоторыя части богослуженія читаетъ по румынски. Духовенство украинскихъ церквей въ Добруджѣ избиралось до сихъ поръ и въ настоящее время пока избирается самими прихожанами. Такимъ образомъ въ добрудж-

ской украинѣ и теперь держится еще старинный народный обычай. Въмѣстѣ съ этимъ сохранилась и еще старинная черта, имѣющая связь съ предыдущимъ—это избраніе въ священники иногда и свѣтскихъ лицъ, не принадлежащихъ къ духовному сословію. Въ Катирлезѣ и въ настоящее время священствуетъ о. Василій, „запорожскаго роду“—бывшій катирлезскій рыбакъ, самоучкой выучившійся грамотѣ, избранный громадою и постриженный за 2,000 левовъ какимъ то греческимъ архіереемъ. Священникъ Нижняго Дунавца тоже былъ до посвященія служащимъ въ какой то канцеляріи въ Бессарабіи, священникъ чилийскаго монастыря о. Филиппъ получилъ посвященіе на Афонѣ и т. д. Въ послѣднее время, впрочемъ, одинъ изъ тульчанскихъ священниковъ, сынъ катирлезскаго о. Василя, учился уже въ русской семинаріи и, конечно, этотъ щеголеватый молодой батюшка совсѣмъ уже не напоминаетъ собою облеченнаго въ какую то истрепанную хламиду изъ толстаго крестьянскаго сукна, нижнедунавецкаго панотця Стефана Крушталева, живущаго въ развалившейся татарской саклѣ и въ потѣ лица своего воздѣлывающаго хлѣбъ свой собственными мозолистыми руками. Вообще же все добруджское руснацкое духовенство, начиная съ захудалаго о. Стефана и кончая веселымъ о. Филимономъ, много напоминающимъ безсмертные типы Рабле, живетъ еще въ той примитивной простотѣ, въ которой жили назадъ тому лѣтъ 30—40 и наши деревенскіе батюшки. Вознагражденіе за свою службу, кромѣ случайной и добровольной платы за требы, руснацкое духовенство получаетъ отъ громады по взаимному договору, обусловленному формальнымъ контролемъ въ примаріи, деньгами или чаще натурой. Катирлезскій священникъ въ турецкое время получалъ 1500 левовъ въ годъ—теперь же получаетъ по 15 фр. въ мѣсяцъ отъ примаріи, т. е. отъ сельскаго общества, и по 10 фр. изъ церковныхъ суммъ—отъ эпитропіи; въ Телицѣ священникъ получаетъ содержаніе отъ каждаго двора по мѣркѣ пшеницы и по мѣрѣ ячменю; въ Нижнемъ Дунавцѣ содержаніе священнику тоже отпускается зерномъ.

Вообще нужно сказать, что церковныя дѣла занимаютъ если не первое, то во всякомъ случаѣ очень видное мѣсто въ

общественной жизни задунайскихъ руснаковъ и служатъ однимъ изъ самыхъ главныхъ связующихъ элементовъ ихъ „громады“. Но отдавая такую значительную долю вниманія своимъ церковнымъ и вообще религіознымъ интересамъ, добруджскіе украинцы очень далеки отъ всякой нетерпимости и даже отъ извѣстнаго консерватизма религіозныхъ воззрѣній и культа. Они относятся къ церковнымъ дѣламъ, какъ къ одной изъ самыхъ важныхъ общественныхъ потребностей, и устраиваютъ ихъ такъ, какъ находятъ для себя удобнымъ, не стѣсняясь, какъ мы видѣли, заключать съ своими священниками формальные контракты относительно ихъ содержанія. И личная, и общественная жизнь руснаковъ далеко не до такой степени проникнута религіознымъ ритуаломъ и каноническими обычаями и соображеніямъ, какъ напр., жизнь липованъ, и въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе выработанная, очевидно, обстоятельствами и практикуемая въ довольно широкихъ размѣрахъ извѣстная свобода заключенія и особенно *расторженія* браковъ. Не говоря уже о томъ, что за Дунаемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Новороссіи (прозванной поэтому даже „невинчаною губерніею“) распространено сожительство вовсе безъ церковнаго брака, хотя очень часто съ совершеніемъ (за Дунаемъ) брака гражданскаго въ примаріи и почти *всегда* съ соблюденіемъ „весилья“ т. е. всѣхъ обычныхъ свадебныхъ обрядовъ¹⁾, не говоря уже объ этомъ, въ Добруджѣ и правильно совершенный церковный бракъ очень часто расторгается по желанію супруговъ, при чемъ обѣ разведшіяся стороны могутъ вступить совершенно свободно въ новый бракъ, даже церковный, не встрѣчая, сколько намъ извѣстно, почти никогда особенныхъ препятствій со стороны духовенства. Такимъ образомъ, и въ этой чертѣ мы видимъ продолженіе старыхъ традицій свободнаго развода, существовавшего въ

¹⁾ Нужно замѣтить, что во всей Украинѣ санкціонирующимъ супружеское сожительство актомъ въ народномъ быту считается „весилья“, такъ что въ случаяхъ, когда почему нибудь послѣ церковнаго вѣчанія, „весилья“ откладывается на нѣсколько дней или даже недѣль, сожительство супруговъ уже обвѣнчанныхъ въ церкви все таки не допускается, впредь до совершенія обычныхъ свадебныхъ церемоній.

югозападной Руси еще въ XVII ст., какъ это констатировано на основаніи актовъ въ любопытномъ изслѣдованіи г. Ореста Левицкаго¹⁾. Въ настоящее время въ Добруджѣ это расторгеніе браковъ, впрочемъ, вполне легально, такъ какъ по румынскимъ законамъ разводъ совершается безъ всякихъ затрудненій, по простому заявленію сторонъ или по призванному основательнымъ иску одной изъ нихъ. Очень перѣдки также въ Добруджѣ примѣры супружескаго сожителства руснаковъ съ лицами другихъ вѣроисповѣданій и сектъ, разумѣется, также не освященнаго церковью. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда свадьбы подобныхъ лицъ желаютъ придать характеръ нѣкоторой религіозной церемоніи—чаще всего обращаются къ молдавскимъ „настоятелямъ“ или просто къ кому нибудь изъ болѣе грамотныхъ молдаванъ (хотя бы вступающіе въ супружество даже и не принадлежали къ этой сектѣ), которые и исполняютъ во время свадебнаго пира нѣсколько религіозныхъ „стиховъ“, а иногда произносятъ и маленькую рѣчь. Последняго рода случаи бываютъ, впрочемъ, главнымъ образомъ среди городского населенія, сельское же населеніе, замѣтно въ болѣе степени держится своихъ и этнографическихъ, и церковныхъ обычаевъ.

Кромѣ руснацкихъ церквей, въ Добруджѣ существуютъ еще два монастыря—мужской и женскій въ *Чиликѣ*, недалеко отъ *Телицы* (первый изъ нихъ, впрочемъ, переводится теперь на лиманъ *Олтуль* между Исакчей и Сомовой), основанные украинскими переселенцами, изъ которыхъ и до сихъ поръ исключительно состоитъ вся ихъ братія. Монастыри эти, находящіеся въ разстояніи полу-версты другъ отъ друга, представляютъ собой чрезвычайно интересное явленіе. Основатель этихъ монастырей *Авнанасій Лисовенко* принадлежалъ къ семьѣ бѣглыхъ крѣпостныхъ, жившей въ Вессарабіи въ г. Килии. Еще въ ранней молодости онъ отличался особеннымъ религіозно-мистическимъ настроеніемъ, сравнивалъ положеніе крѣпостныхъ и бѣглыхъ съ участіемъ первыхъ христіанъ, подвергавшихся гоненіями со стороны язычни-

¹⁾ О. Левицкій. Семейныя отношенія югозападной Руси. (Рус. Стар. Ноябрь, 1880-й годъ).

ковъ, и много говорилъ о благочестивомъ общеніи имущества древней церкви. Такому мистическому направленію его характера много содѣйствовало, говорятъ, болѣе душевное потрясеніе, испытанное имъ еще семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе неудачной любви въ одной дѣвушкѣ, вышедшей потомъ замужъ за его брата. Немедленно послѣ этого потрясенія, онъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ оставилъ Бессарабію и ушелъ на „Святую Гору“, т. е. Аѳонъ, гдѣ въ одномъ изъ монастырей постригся и потомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ возведенъ въ архимандриты. Тутъ, по всей вѣроятности, у него произошла реакція противъ обыкновенной монастырской жизни и возникла идея объ основаніи религіозной общины на новыхъ, болѣе широкихъ основаніяхъ. Съ этой цѣлью 24-хъ лѣтъ и въ званіи архимандрита онъ появился въ Добруджѣ и вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ монахомъ Паисіемъ построилъ себѣ въ Чиликѣ, немного выше цѣнѣшняго женскаго монастыря, небольшую келію и часовенку. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, вслѣдствіе несогласій, происшедшихъ у него съ Паисіемъ, онъ оставилъ свой скитъ и удалился въ сосѣднюю деревню Телицу, бросивши, какъ говорятъ, на прощанье Паисію пророческое зачатіе: „щобъ воцѣ оцѣ усе тоби огнемъ узалося“. Дня черезъ два скитъ дѣйствительно сгорѣлъ и пораженный этимъ чудомъ Паисій явился къ Аѳанасію съ пощадной. Между тѣмъ еще во время пребыванія своего въ скитѣ Аѳанасій успѣлъ склонить двухъ или трехъ женщинъ изъ Телицы къ монашеской жизни и потомъ, примирившись съ Паисіемъ, вмѣстѣ съ нимъ и этими тремя „черныцами“—Еленой, Таисіей и Апполинаріей, поселился опять во вновь выстроенномъ ими скитѣ, состоявшемъ тогда изъ одной перегородженной на двое хаты съ маленькой часовней. Мало по малу къ нимъ начали присоединяться и другія женщины и довольно скоро община сдѣлалась достаточно многочисленною. Но въ это время началась крымская война, появились русскіе лазутчики и заподозрѣнному въ сношеніяхъ съ ними Аѳанасію пришлось уходить въ Измаиль, почти со всей своей братіей. Въ этомъ городѣ Лисовенко началъ вести очень дѣятельную проповѣдь жизни на новыхъ началахъ религіознаго общинно-жительства; къ нему начали собираться для слушанія

богослуженія и проповѣдей цѣлыя толпы народа, при чемъ многіе, особенно опять такі женщины, принимали его идеи и выражали готовность къ практическому ихъ осуществленію. Кромѣ того, Лисовенко устроилъ у себя нѣчто въ родѣ школы, въ которой обучалъ грамотѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Всѣ эти дѣйствія Аѳанасія, производя иногда семейныя несогласія, возбуждали противъ него многихъ изъ населенія, а кромѣ того и мѣстное духовенство относилось къ его проповѣди не особенно сочувственно; вслѣдствіе этого онъ, по прошествіи лѣтъ около десяти, рѣшился возвратиться опять въ Добруджу, отправился въ Константинополь и выхлопоталъ себѣ тамъ разрѣшеніе вернуться, перебрался со всей своей паствою опять въ Чиликъ, гдѣ и былъ построенъ новый, существующій и до сихъ поръ, монастырь. Сначала вся община, состоявшая тогда уже душъ изъ 200 (около 150 женщинъ и дѣвочекъ и 50 мужчинъ) занялась расчисткой лѣса, корчеваніемъ пней и т. п., затѣмъ былъ построенъ длинный „корпусъ“ (извѣстный теперь подъ именемъ стараго), состоящій изъ одной очень длинной избы, въ большей половинѣ которой, какъ говорятъ нынѣшнія монахини, помѣщались женщины, въ меньшей же мужчины. Между тѣмъ изъ Бессарабіи подходили постепенно новые переселенцы и въ непродолжительномъ времени численность общины достигла почти до 350 душъ. Вся эта масса народа, жившая, какъ говорятъ, по монастырскому уставу, хотя въ огромномъ большинствѣ и безъ постриженія, такъ какъ Аѳанасій постригалъ только людей совсѣмъ старыхъ, занималась главнымъ образомъ рубкой лѣса, расчисткой и обработкой полей, насажденіемъ огромныхъ садовъ и огородовъ, разведеніемъ виноградниковъ, регулированіемъ теченія ничтожной лѣтою, но грозящей большими наводненіями весной рѣчки Телицы и отведеніемъ ея въ сторону посредствомъ искусственнаго русла, такъ наз. *бенга*, что тоже требовало многихъ земляныхъ работъ, устройствомъ мельницъ и т. п. И нужно сказать, что глядя на нынѣшнее нѣсколько уже запущенное состояніе монастырскаго хозяйства, его нельзя не признать образцовымъ, особенно, принимая во вниманіе, что почти все это сдѣлано женщинами и при томъ сравнительно въ очень

короткое время. Лисовенко, отличавшійся, кромѣ качествъ проповѣдника и организатора, большими техническими талантами, вездѣ и всегда лично руководилъ работами, будучи въ то же время и самъ неутомимымъ рабочимъ съ топоромъ или заступомъ въ рукахъ. Независимо отъ этого для всѣхъ бывшихъ въ общинѣ дѣтей, а частью и для взрослыхъ, онъ устроилъ школу, въ которой, особенно въ теченіи зимы, преподавалъ главнымъ образомъ самъ; по воскресеньямъ же и по праздникамъ, онъ собиралъ всю братію въ трапезѣ, занимался съ нею чтеніемъ и различными нравственно-религіозными и философскими бесѣдами. Любимыми его темами, кромѣ сюжетовъ чисто догматическихъ, которыхъ онъ касался очень рѣдко, были братская любовь къ ближнему, подчиненіе своей личности общимъ интересамъ, безусловное отреченіе отъ „своей воли“, необходимость общности труда и имущества и т. п. Нужно замѣтить, что судя по всѣмъ рассказамъ о немъ, онъ былъ не только способнымъ оказывать величайшее нравственное вліяніе проповѣдникомъ, но и человекомъ съ большимъ развитіемъ и даже съ нѣкоторымъ довольно значительнымъ количествомъ познаній, о чемъ свидѣтельствуетъ сохраняющаяся и теперь его библіотека, въ которой кромѣ спеціально-духовной литературы, есть и сочиненія научнаго, преимущественно историческаго содержанія, между прочимъ и одно большое по исторіи Малороссіи. Сюжеты его проповѣдей нерѣдко касались прошлой жизни переселенцевъ; слова его вызывали большое воодушевленіе, а часто и общія слезы присутствовавшихъ; да и вообще, вспоминая о немъ, чиликскія монахини говорятъ и теперь, что онъ такъ хорошо „поучавъ“, что не было никакой возможности не вѣрить ему и не подчиняться его вліянію. Въ практической жизни, кромѣ настойчивыхъ требованій, чтобы каждый непременно и неустанно работалъ, онъ самымъ энергическимъ образомъ преслѣдовалъ малѣйшія попытки къ обзаведенію какою бы то ни было частною собственностью. Замѣтивши у когонибудь лишнюю, по его мнѣнію, или скольконибудь изысканную одежду или вообще какуюнибудь вещь, онъ немедленно же отбиралъ ее и отправлялъ въ общинный складъ. Онъ настойчиво преслѣдовалъ даже выраженія въ родѣ *мой, мое*

и всегда, постукивая внушительно своей „патерицей“ повторялъ: „не кажи мое—кажи наше!“ Съ замѣчательнымъ постоянствомъ онъ преслѣдовалъ также всякое стремленіе говорить на чужомъ языкѣ, говорилъ всегда самъ и требовалъ, чтобы всѣ другіе говорили исключительно по руснацки. При этомъ онъ руководился не столько національными мотивами, сколько тѣмъ, что другіе языки въ его глазахъ были языками „паньскими“. Вообще о панахъ и обо всемъ, что въ его представленіи связывалось съ понятіемъ о панствѣ, онъ никогда не могъ говорить равнодушно. Въ вопросахъ же религіозной догматики, въ соблюденіи монастырскихъ уставовъ и формальностей и т. п. онъ былъ не особенно строгъ, но, напротивъ, отличался значительною снисходительностью, такъ что религіознымъ фанатикомъ, судя по разсказамъ о немъ, онъ былъ, разумѣется, меньше всего. Онъ не особенно строго относился къ нарушеніямъ поста, къ непосѣщенію церкви, во время его управленія, рѣдко даже и по воскресеньямъ кто вибудъ ходилъ въ монашескомъ платьѣ и т. п., и вообще можно думать, что монастырская форма общины была для него только *болѣе удобной* формой для осуществленія его религіозно-общиннаго идеала. Намъ неизвѣстно, какъ онъ относился вообще къ обѣтамъ монашескаго безбрачія и цѣломудрія. Неясные слухи, можетъ быть продуктъ недоброжелательства и интригъ противниковъ Аванасія, бросаютъ нѣкоторую тѣнь въ этомъ отношеніи на его личность. Между прочимъ, разсказываютъ о производствѣ нѣсколькихъ ревизій въ монастырѣ, предпринимавшихся турецкимъ правительствомъ не только, какъ говорятъ обыкновенно сами монахи, по „навѣтамъ“ греческихъ архіереевъ, но и по инициативѣ самихъ свѣтскихъ властей. Между прочимъ, по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ ревизій намъ случалось слышать, что однажды Аванасію пришлось сразу постричь очень большое количество женщинъ въ монахи, такъ какъ его обвиняли въ томъ, что и монастырь то его вовсе не монастырь, а собраніе большею частью свѣтскихъ людей; другой же разъ всѣ молодыя монахи должны были представляться пашѣ въ свѣтскихъ платьяхъ, въ качествѣ ученицъ монастырской школы, чтобы выгородить о. Аванасія отъ обвиненія въ томъ, что онъ

началъ постригать чуть ли не дѣтей. Эти и еще болѣе рѣшительныя обвиненія были на столько настойчивы, что несмотря на совершенное отдѣленіе мужскаго монастыря отъ женскаго (при чемъ о. Аѳанасій жилъ въ особой келіи) и на всѣ, повидимому, благополучно сходявшія съ рукъ ревизіи, о. Аѳанасію пришлось путешествовать для принесенія оправданій въ Константинополь и даже пробывать тамъ нѣкоторое время въ „заточеніи“. Наконецъ, въ началѣ 1880 г. Лисовенко, передавши управление монастыремъ одной изъ наиболѣе приближенныхъ монахинь, умеръ и былъ похороненъ подъ плитою изъ бѣлаго мрамора въ новой монастырской церкви. Если многія изъ монахинь оплакиваютъ потерю его и до сихъ поръ, то другія нѣсколько утѣшились, вздохнувши, наконецъ, свободнѣе послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ, къ которымъ такъ энергически принуждалъ ихъ умершій архимандритъ. Вообще же Лисовенко оставилъ о себѣ память какъ о человѣкѣ во всякомъ случаѣ очень замѣчательномъ, и намъ кажется, что исторія его монастыря настолько оригинальна и характерна, что читатель врядъ ли поставитъ намъ въ вину это довольно длинное отступленіе. Въ настоящее время оба монастыря значительно уменьшились въ своемъ личномъ составѣ, такъ какъ еще при жизни Аѳанасія многія изъ монахинь начали удаляться изъ монастыря и выходить замужъ, а кромѣ того и внутренняя монастырская жизнь подверглась уже значительнымъ измѣненіямъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ упадка братскаго общежитія. Причиною этого былъ подъ конецъ жизни отчасти и самъ Аѳанасій, какъ вслѣдствіе утраты прежней энергіи, такъ и потому, что онъ допустилъ выдѣленіе нѣкоторой части монахинь, особенно молодыхъ, составлявшихъ церковный хоръ, въ нѣсколько привилегированное положеніе, заключавшееся въ освобожденіи отъ полевыхъ работъ, въ болѣе комфортабельной и отдѣльной отъ прочей братіи обстановкѣ и т. п. Это повело къ образованію своего рода монастырской аристократіи, которая подъ конецъ начала обнаруживать чувствительное вліяніе и на самого настоятеля... но справедливость требуетъ, впрочемъ, при этомъ замѣтить, что эта аристократія монастыря составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе грамотную, развитую и способную

къ дальнѣйшему совершенствованію часть его нынѣшняго личнаго состава.

Выше было упомянуто объ устроенной въ Чилиескомъ монастырѣ школѣ. Школа эта существовала до тѣхъ поръ, пока въ монастырѣ были еще дѣти переселенцевъ, пришедшихъ изъ Бессарабіи и вступившихъ въ общину, и затѣмъ лѣтъ около 5—6 тому назадъ закрылась. Но это не была единственная руснацкая школа въ Добруджѣ, такъ какъ въ Тульчѣ еще съ самаго основанія тамъ церкви, при ней учреждена была школа, существующая съ небольшими перерывами и до настоящаго времени и составляющая и до сихъ поръ единственный источникъ грамотности для добруджскихъ руснаковъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, жители Катирлеза также рѣшили завести школу, для чего и отвели довольно большую хату, въ которой прежде помѣщалась церковь, но учитель для этой школы до сихъ поръ еще, кажется, не найденъ. Перерывы въ существованіи тульчанской школы происходили главнымъ образомъ тоже вслѣдствіе отсутствія учителей, такъ какъ духовенство не всегда соглашалось, а можетъ быть и не всегда было въ состояніи брать на себя веденіе школьнаго дѣла, а учителей и теперь найти не такъ то легко. Одно время учителемъ въ этой школѣ былъ кто то изъ русскихъ эмигрантовъ, который, по словамъ рассказчиковъ, „у Россіи щось прошепетивсь бувъ, та втикъ,—то тутъ у насъ за вчителя бувъ, а якъ мавъ сюды москаль прійты—то винъ и огруивсь“. Въ настоящее время школа эта также сильно страдаетъ отъ частой перемѣны, а то и полного отсутствія учителей, происходящаго отчасти отъ дѣйствительной трудности отыскать ихъ, отчасти отъ крайне небрежнаго отношенія къ дѣламъ школы самой громады, или лучше сказать—ея нынѣшнихъ воротиль. Такъ, одинъ очень способный и образованный учитель, которымъ дорожило бы и всякое земство въ Россіи, долженъ былъ совершенно противъ своей воли оставить школу, только благодаря тому, что ему буквально каждый день приходилось ходить къ эцитропамъ за полученіемъ одного франка, чтобы пообѣдать; на требованіе же сколько нибудь большей суммы ему отвѣчали обыкновенно отказомъ. Съ другой стороны, положеніе порядоч-

наго учителя въ тульчанской школѣ много стѣсняется еще и требованіями родителей, желающихъ, чтобы ихъ дѣти учились непременно по церковно-славянски, съ цѣлью какъ можно скорѣе читать въ церкви псалтырь, а иногда даже непременно по принесенной ими книгѣ, оказывающейся часословомъ... Напрасно было бы, впрочемъ, относить все это школьное неустройство къ небрежности или неразвитію всей тульчанской громады; оно вытекаетъ, также точно какъ и другія, не менѣе непріятныя стороны общественной жизни тульчанскихъ руснаковъ, изъ того фальшиваго положенія дѣлъ, которое создано совершенно внѣшними, но довольно сильными обстоятельствами... До какой же степени велика потребность въ руснацкихъ школахъ, видно изъ того, что многіе отдавали своихъ дѣтей въ американскую школу, устроенную миссіонерами методистами для молоканъ, гдѣ преподаваніе велось по русски, и теперь отдаютъ и въ молоканскую школу, и въ болгарскую, и даже въ румынскія и въ нѣмецкія школы, зная очень хорошо въ послѣднемъ случаѣ всѣ трудности ученія въ нихъ на незнакомомъ дѣтямъ языкѣ. Интересно при этомъ замѣтить, что нѣкоторыя сдѣланныя здѣсь попытки обученія на руснацкомъ языкѣ имѣли очень большой успѣхъ, но до сихъ поръ прививаются туго, отчасти вслѣдствіе отсутствія учебниковъ и учителей, знакомыхъ съ новѣйшими методами преподаванія, отчасти же, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ трудностей положенія учителя, не имѣющаго своихъ собственныхъ средствъ къ жизни.

Несмотря, впрочемъ, на такое сравнительно очень плохое положеніе тульчанской школы и на отсутствіе до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, школъ въ другихъ поселеніяхъ, общій уровень грамотности среди добруджскихъ руснаковъ все таки довольно высокъ, особенно въ молодомъ поколѣніи, выросшемъ уже за Дунаемъ. Руснаки-ремесленники въ Тульчѣ почти всѣ грамотны, охотно посѣщаютъ чайныя и читаютъ получаемыя тамъ русскія газеты, нѣкоторые выписываютъ газеты даже сами;— такъ, мы знаемъ одного рабочаго-сапожника, получающаго не только „Вечернюю газету“, но и толстый журналъ „Наблюдатель“. Въ селахъ также довольно часто попадаются люди, умѣю-

щѣ читать и писать и интересующіеся чтеніемъ. Матеріалъ для чтенія въ Добруджѣ, конечно, очень не великъ; на всю страну существуетъ одна-единственная книжная лавочка, содержащая какимъ то евреемъ-перепетчикомъ, да и та, впрочемъ, снабжаетъ больше нѣмецкими дешевыми изданіями да русскими лубочными книжонками, пѣсенниками и картинками, заносимыми и сюда великорусскими офенями. Книги на руснацкомъ языкѣ, особенно мелкія народныя изданія, попадающія сюда случайно, встрѣчаются здѣсь съ большимъ удовольствіемъ, а произведенія Шевченка, о которыхъ здѣсь до недавняго времени только слышали и многія стихотворенія котораго проникли сюда только устнымъ путемъ въ видѣ пѣсенъ, читаются теперь съ неменьшимъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ, какъ и на Украинѣ. Путешественники находили небольшія коллекціи руснацкихъ книжекъ не только въ кельяхъ чиливскихъ монастырей и у нѣкоторыхъ священниковъ, но даже и у крестьянъ. Такъ, напр., въ Нижнемъ Дунавцѣ, въ хатѣ Тимоша Коломійченка, путешественникъ замѣтилъ нѣсколько народныхъ изданій и узналъ, что книги эти попали къ Тимошу черезъ мѣстнаго священника, который въ свою очередь получилъ ихъ изъ Сулины отъ живущаго тамъ своего родственника. Къ сожалѣнію, подобныя книги, несмотря на всю необходимость ихъ, составляютъ еще въ Добруджѣ большую рѣдкость и очевидно попадаютъ туда только совершенно случайно. За неимѣніемъ же письменной литературы, въ Добруджѣ сохраняется еще въ замѣчательной свѣжести народная устная литература сказокъ, пословицъ, легендъ и въ особенности пѣсенъ. Несмотря на полное отсутствіе специалистовъ пѣнія, въ родѣ кобзарей или лирниковъ, вѣроятно вовсе не попадавшихъ въ эмиграцію, а если и попадавшихъ когда нибудь, то уже давно вымершихъ, отъ жителей Добруджи намъ пришлось слышать очень хорошо сохранившіеся варианты старинныхъ историческихъ пѣсенъ, извѣстныхъ теперь на Украинѣ только по давно составленнымъ сборникамъ и, развѣ въ видѣ очень большой рѣдкости, встрѣчающихся въ устахъ совершенно исчезающихъ уже кобзарей, въ родѣ Андрея Шута или Остапа Вересая. Ограничиваясь записываніемъ однихъ только историческихъ пѣсенъ, одинъ изъ

этнографовъ собралъ въ самое короткое время больше 80 вариантовъ пѣсень о разореніяхъ Сѣчи (1703—1775), о козакахъ Софронѣ, о Байдѣ, о Нечаѣ, Савѣ Чаломѣ, „Канальской“ работѣ, Перебійности, а также пѣсень запорожскихъ, гайдамацкихъ и черноморскихъ, легенды о Налѣ и Мазепѣ, объ Екатеринѣ II и запорожцахъ, о запорожцахъ на Кубани и т. п.

Замѣчательно также хорошо и, разумѣется, больше всего, сохраняется у добруджскихъ руснаковъ ихъ главная этнографическая черта—родной языкъ. Среди смѣшенія различныхъ украинскихъ говоровъ, занесенныхъ въ Добруджу переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Убрины, больше всего выдѣляется и преобладаетъ чистый и мягкій новороссійскій говоръ съ произношеніемъ просю—вмѣсто прощу, заплачу—вм. заплачу и т. п. Преобладаніе это совершенно понятно, въ виду всего сказаннаго нами о той роли, которую играли Новороссія и Бессарабія въ переселеніи бѣглыхъ за Дунай; насколько же значительно это преобладаніе, можно судить потому, что встрѣчаются бывшіе жители кievской, подольской или черниговской губерній, прожившіе лѣтъ по 20 или 30 въ Добруджѣ и говорящіе уже совсѣмъ по новороссійски—до такой степени чисто, что развѣ только очень хорошему знатому удалось бы уловить въ ихъ говорѣ слѣды ихъ происхожденія. Само собою разумѣется, что пребываніе руснаковъ среди прочихъ народностей Добруджи не обошлось безъ ограженія на ихъ языкѣ сосѣднихъ элементовъ, въ видѣ привнесенія извѣстнаго, не особенно впрочемъ большого, количества иностранныхъ словъ, преимущественно турецкихъ, румынскихъ и болгарскихъ. Такъ, вмѣсто слова *гроши* или деньги добруджскіе украинцы обыкновенно употребляютъ турецкое слово *пари*, *паришки*, вмѣсто водки или горилки—*ранй*, вм. деготь—*натранъ*, вм. красное вино—*черное*, вмѣсто печь—*соба*, вмѣсто черепицы—*карамиды*, вмѣсто буря—*фортуна*, вмѣсто ботинки—*чепицы*, вм. газеты—*вѣстники*, вм. пароходъ—очень часто—*вапоръ*, для обозначенія домашней рухляди, безпорядка и т. п. употребляется турецкое слово *калабалыкъ*, разсолъ называется *саламуръ* и т. д. Изрѣдка у добруджскихъ руснаковъ можно замѣтить даже барбаризмы въ оборотахъ, въ родѣ того, напр.,

что вмѣсто „дайте мени ложку“—скажутъ: *дайте мени одну ложку*, или вмѣсто стакана воды—попросятъ стаканъ *съ водою* и т. п. Всѣ эти барбаризмы, впрочемъ, ничуть не портятъ чистоты языка и развѣ слегка только придають ему нѣчто въ родѣ мѣстнаго колорита. Значительныхъ же измѣненій въ языкѣ ожидать трудно даже въ довольно далекомъ будущемъ, такъ какъ руснацкій языкъ приобрѣлъ очень прочное право гражданства въ Добруджѣ, до такой даже степени, что, напр., во всей Тульчѣ очень трудно отыскать кого бы то ни было, за исключеніемъ развѣ недавно прибывшихъ румынъ, кто бы не говорилъ или, по крайней мѣрѣ, не понималъ по руснацки. Мы упоминали уже о служащихъ въ европейской дунайской комиссіи и о знакомствѣ даже ихъ съ руснацкимъ языкомъ, благодаря постояннымъ ихъ сношеніямъ съ рабочими руснаками.

Вотъ какъ сложилась и идетъ жизнь украинскіхъ колонистовъ въ Добруджѣ. Мы должны признаться, что во все время составленія этой статьи, насъ постоянно беспокоила мысль—будетъ ли это кому нибудь интересно и не найдетъ ли читающая публика, что ей очень мало дѣла до какого нибудь десятка тысячъ руснаковъ, живущихъ гдѣ то далеко за Дунаемъ? Но соображенія, высказанныя нами въ началѣ статьи, заставляли насъ продолжать свою работу и теперь, по окончаніи ея, налагаютъ на насъ обязанность взглянуть на тѣ выводы, къ какимъ приводятъ изложенные нами факты. По всей вѣроятности, читатель согласится съ тѣмъ, что украинскіе переселенцы, придя въ Добруджу, нашли въ ней очень благопріятныя для себя и экономическія, и политическія условія жизни и воспользовались этими условіями, сколько у нихъ хватило умѣнія. Будучи свободны лично, они устроились въ новой странѣ приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ жили на своей родинѣ прежде; они создали себѣ извѣстный уровень матеріальнаго довольства, внесли въ свою жизнь извѣстныя бытовыя улучшенія, въ родѣ уменьшенія пьянства и т. п., организовались въ правильно устроенныя общины, съ своимъ собственнымъ общиннымъ судомъ и самоуправленіемъ, устроили свою церковь съ избирательнымъ отъ всей общины духовенствомъ, представляющимъ одну изъ

функціей общественной службы, устроили, какую съумѣли, школу, пользуются и чужими школами, начиная съ болгарскихъ и кончая,—въ единичныхъ, конечно, случаяхъ, даже извѣстнымъ американскимъ колледжемъ въ Константинополь, кое какъ выучили своихъ дѣтей грамотѣ, начинаютъ помаленьку приближаться къ общеевропейской культурѣ, къ пониманію своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ и концѣ концовъ, не имѣютъ причинъ жаловаться на свое положеніе, принимаютъ въ свою среду вновь прибывающихъ переселенцевъ. Но было бы однако величайшей ошибкой или тенденціозной натяжкой выводить изъ всего этого заключеніе, что достаточно, дескать, предоставить народъ самому себѣ, дать полный просторъ его „самобытному“ развитію, уничтожить извѣстныя „средостѣнія“ или даже поводы къ образованію этихъ „средостѣній“,—и все пойдетъ какъ по маслу... Вполнѣ предоставленные самимъ себѣ, добруджскіе украинцы, несмотря на свой, сравнительно съ малороссійскими крестьянами, довольно высокій уровень и экономическаго благосостоянія, и умственнаго развитія, и даже грамотности, несмотря на всѣ преимущества своего положенія, обезпечивающаго полный просторъ ихъ самодѣятельности, оказываются все таки однимъ изъ самыхъ дезорганизованныхъ и наименѣе интеллигентныхъ народовъ Добруджи. Въ то время какъ живущіе рядомъ же съ ними и изъ Россіи же пришедшіе нѣмецкіе колонисты устраиваютъ общественный пивной заводъ, давно уже завели и очень хорошія школы, и разные шютцъ-и музыкъ-ферейны, выписываютъ нѣсколько нѣмецкихъ газетъ, а скоро навѣрное заведутъ и свою собственную,—въ то время, какъ болгары имѣютъ у себя и библиотеку съ читальней, и потребительныя общества, торгово-промышленныя „дружества“, и ссудо-сберегательную общественную кассу, и политическіе клубы, и многочисленныя школы, и газеты,—въ то время какъ подобныя же вещи есть и у грековъ и даже у румынъ;—въ то самое время и въ томъ же мѣстѣ наши руснаки живутъ себѣ въ полной разобщенности, безъ всякаго сознанія и проявленія своей національной солидарности и вытекающихъ изъ нея потребностей; сельскія ихъ громады, да и тульчанское городское общество, не видятъ ничего дальше своихъ деревенскихъ

насуцныхъ интересовъ, тульчанской же кое какъ держащейся школь, разумѣтся, далеко еще даже до тѣхъ требованій, какія ставились южно-русскимъ обществомъ для народнаго образованія не только въ началѣ XVIII, но даже въ концѣ XVI столѣтія и т. д.

Все это зависитъ, разумѣтся, не отъ національнаго ихъ характера и не отъ какихъ нибудь особенныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а *единственно* только отъ того, что украинскіе переселенцы пришли въ Добруджу въ то время, когда болѣе интеллигентные люди ихъ страны не имѣли надобности эмигрировать и вслѣдствіе этого украинскія колоніи въ Добруджѣ составились изъ народа исключительно простаго, рѣдко даже полуграмотнаго, имѣвшаго и имѣющаго теперь связи только съ подобными же себѣ земляками въ Украинѣ и стоящаго совершенно внѣ всякаго воздѣйствія интеллигентныхъ силъ и стремленій своей родины. Сказанное нами о руснакахъ еще болѣе относится къ живущимъ рядомъ же съ ними великоруссамъ-липованамъ, а также и къ молоканамъ.

Таковы существующія и неизбѣжныя послѣдствія отсутствія культуры и интеллигенціи среди всего этого „самобитно“ развивающагося русскаго населенія Добруджи и таковы выводы, какіе можно сдѣлать, глядя на это населеніе, относительно роли интеллигенціи въ народномъ развитіи вообще.

Лупулеску.

Документы, Известія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край ¹⁾

III.

27 іюля ночью я прибылъ въ Гродно и весь слѣдующій день употребилъ на осмотръ города и его достопримѣчательностей. Спутникомъ и руководителемъ моимъ былъ мѣстный протоіерей Опоцкій.

Свѣдѣнія о Гродно и гродненской губерніи можно находить: въ Атласѣ Брауна 1576—1581 гг., гдѣ изданъ старинный планъ г. Гродна; въ *Specimen ecclesiae Ruthenicae* извѣстнаго униатскаго писателя Игнатія Кульчинскаго, въ «Историко-статистическомъ описаніи гродненской губерніи» Бобровскаго, С.-Петербургъ, 1863 г.; въ «Памятныхъ книжкахъ гродненской губерніи» и въ изданіяхъ виленской археографической комиссіи.

Судя по Вильнѣ, я думалъ, что чѣмъ дальше отъ нея на западъ, тѣмъ больше край ополяченъ. Но, къ удивленію и удовольствію моему, гродненская губернія оказалась гораздо менѣе ополяченною, чѣмъ виленская. Сельское населеніе гродненской губерніи по преимуществу бѣлорусское. Въ самомъ Гродно изъ 40,000 жителей евреевъ насчитывается до 28,000, православныхъ до 5,600 и около того же числа христіанъ другихъ исповѣданій; тогда какъ въ Вильнѣ изъ 96,000 населенія почти половина католиковъ. Въ XVI и XVII вв. въ Гродно насчитывалось до 5-ти православныхъ храмовъ; но изъ нихъ уцѣлѣли до настоящаго времени только развалины древнѣйшаго храма на Коложѣ, на берегу Нѣмана, тогда какъ теперешніе православные храмы—Софійскій соборъ, Александровская военная церковь и монастыри мужскій Борисоглѣбскій и женскій Рождественскій по-

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1888 г., № 2 февраль.

мѣщаются въ зданіяхъ упраздненныхъ католическихъ и базилианскихъ монастырей и костеловъ.

Самую замѣчательную древность и, можно сказать, святыню Гродна составляютъ остатки древней Борисоглѣбской церкви на Коложѣ, на углу, при впаденіи Городенки въ Нѣманъ. Это—несомнѣнно одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ въ западной Россіи, относящихся къ великокняжеской эпохѣ, и представлялъ изъ себя одну изъ самыхъ крайнихъ твердынь и оплотовъ православія и русской народности въ западной Россіи, а потому заслуживаетъ полнаго вниманія и сохраненія на будущее время. Изъ Гродно видна уже сосѣдняя сувальская губернія, считающаяся польскою, хотя по картамъ въ Geographia Slaviana второй половины XVII вѣка западная граница великаго княжества литовскаго захватывала собою Сувалки и Ломжу. Въ настоящее время отъ Борисоглѣбской церкви на Коложѣ уцѣлѣли: среднее и сѣверо-восточное алтарныя полукружія, вся длина сѣверной стѣны и часть западной, двѣ колонны внутри храма и полъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней. Юго-восточное же алтарное полукружіе, южная стѣна и часть западной рухнули въ Нѣманъ вмѣстѣ съ обвалившимся кускомъ берега. Это случилось въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ Вильнѣ я слышалъ слѣдующій рассказъ о причинѣ обвала берега и разрушенія церкви. По лѣвую сторону Нѣмана, немного повыше разваливъ Коложанской церкви, и доселѣ находятся бани, содержимыя однимъ евреемъ. Бани эти постоянно подмывало быстрымъ теченіемъ Нѣмана. Тогда еврей, содержатель бань, укрѣпилъ лѣвый берегъ Нѣмана, около бань, фашиннымъ и земляною насыпью, образовавъ противъ бань нѣчто въ родѣ полуострова. Вслѣдствіе этого теченіе Нѣмана направилось на правый берегъ и было причиною подмыва его и разрушенія коложанской церкви. Въ настоящее время она имѣетъ 28 аршинъ ширины и 16 аршинъ уцѣлѣвшей высоты, со включеніемъ и уцѣлѣвшихъ позднѣйшихъ надстроекъ. Древнія части храма сложены изъ квадратныхъ красной глины кирпичей и такой же толщины цемента. Снаружи стѣны вдѣланы, между кирпичами, обтесанные и отшлифованные большіе камни сѣраго и краснаго гранита и большіе и малые кресты изъ ценныя или изразцевъ зеленаго и желтаго цвѣта. Такія украшенія даютъ понять, что наружныя стѣны церкви не предполагалось оштукатуривать. Внутри церкви сѣверная и часть уцѣлѣвшей западной стѣны устѣяны выходящими во внутрь церкви горлышками голосниковъ (продольныхъ глиняныхъ кувшиновъ), вдѣланныхъ поперегъ стѣны. Изъ

алтаря вверху по стѣнѣ идетъ каменная лѣстница съ колоннами, прерывающаяся на половинѣ высоты сѣверной стѣны, къ тому мѣсту, гдѣ, повидимому, были хоры. Можетъ быть, эта лѣстница вела на хоры, а можетъ быть выходила и наружу черезъ дверь на хорахъ, заложенную позднѣйшимъ кирпичемъ. На сѣверной и западной стѣнахъ по древней штукатуркѣ видѣнъ только желтоватый фонъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ древней фресковой живописи. Была ли эта живопись въ алтарѣ,—неизвѣстно, такъ какъ изъ алтаря устроена въ 1873 году часовня во имя св. Бориса и Глѣба, внутри оштукатуренная.

По разрушеніи Коложанскаго храма, Борисоглѣбскій монастырь переведенъ былъ въ 1854 году съ Коложи въ зданія заштатнаго католическаго монастыря бернардинокъ, гдѣ находится и доселѣ. Изъ достопримѣчательностей монастыря обращаетъ на себя вниманіе древняя коложанская икона Богоматери, хорошо сохранившаяся, со слѣдами поновленія ея лика въ XVII вѣкѣ. Въ монастырѣ хранится также инвентарь Коложанскаго монастыря, составленный въ 1738 г. бывшимъ униатскимъ настоятелемъ сего монастыря Игнатіемъ Кульчинскимъ. По мнѣнію Кульчинскаго, Коложанская церковь основана около 1200 года, что весьма правдоподобно, и будто бы по плану сходна съ полоцкимъ Софійскимъ соборомъ. Провѣрить последнее показаніе въ настоящее время невозможно, такъ какъ древній полоцкій Софійскій соборъ не сохранился до нашего времени. Но съ древними полоцкими церквами Спасскою Евфросиніевскою и Борисоглѣбскою, насколько можно судить о послѣдней по ея развалинамъ, Коложанская церковь имѣетъ нѣкоторое сходство. Изъ того же инвентаря Кульчинскаго видно, что еще въ 1738 году теченіемъ Нѣмана подмывало берегъ Коложи и грозило опасностью монастырю.

Затѣмъ, въ остальныхъ пунктахъ Гродно не представляетъ интереса въ историко-археологическомъ отношеніи. Можно отмѣтить развѣ то, что въ музеѣ при историко-статистическомъ комитетѣ хранятся кремневое долото и каменный топорикъ изъ окрестностей Другскеникъ и шлемъ и кольчуга. Въ городѣ до сихъ поръ видны мѣстами слѣды громаднаго пожара, истребившаго въ 1885 году до 630 домовъ.

Изъ Гродна я уѣзжалъ съ однимъ господиномъ, повидимому врачомъ, который пріѣзжалъ искать наслѣдства покойнаго брата своего, бывшаго гродненскаго городского головы. Этотъ русскій общественный дѣятель, стоя во главѣ городского управленія, женатъ былъ на полькѣ и своимъ авторитетомъ и вліяніемъ содѣйствовалъ проти-

взаконной покупкѣ поляками населенныхъ имѣній въ гродненской губерніи. Купчія обыкновенно совершались на имя городского головы, который дѣйствительнымъ покупщикамъ полякамъ выдавалъ векселя на сумму, равную стоимости имѣнія. Такимъ образомъ фиктивное имущество городского головы, заключавшееся въ помѣстьяхъ, возрасло до 500,000 р. и на такую же сумму выдано имъ векселей дѣйствительнымъ владѣльцамъ имѣній. При такихъ обстоятельствахъ, внезапно умираетъ отъ разрыва сердца городской голова, не устроивши своихъ дѣлъ. Надъ имѣніями его учреждена опека, которая требуетъ отъ жены покойнаго отчетности въ доходахъ по имѣніямъ, а между тѣмъ имѣніями этими завѣдываютъ дѣйствительные ихъ владѣльцы и мнимые кредиторы бывшего головы. Вѣроятно, вдовѣ бывшего головы придется заплатить за собственнымъ имуществомъ ея мужа за обходъ имъ закона.

IV.

Почти весь день 29 іюля я употребилъ на переѣздъ изъ Гродна въ Ковно, особенно благодаря продолжительной остановкѣ въ Ландваровѣ. Мѣстность по пути—возвышенная, волнистая; почва плодороднѣе, чѣмъ въ минской губерніи.

Въ 7-ми верстахъ передъ Ковно находится, въ прекрасной, лѣсистой мѣстности, Пожайскій монастырь, основанный во второй половинѣ XVII вѣка извѣстнымъ канцлеромъ литовскимъ Пацемъ для католическихъ монаховъ камальдуловъ. Тутъ же, въ виду монастыря, мнѣ привелось услышать отъ одного ковенскаго старожила и преданіе объ основателѣ монастыря. Этотъ Паць,—говоритъ преданіе,—былъ весьма гордый человѣкъ и большой чудакъ. Ни одной дѣвицы въ мірѣ онъ не находилъ достойною своей руки и потому женился на родной своей сестрѣ, какъ равной ему по происхожденію. За такое кровосмѣшеніе папа наложилъ на него полное отлученіе, такъ что никто не долженъ былъ служить ему, ни подавать хлѣба, ни воды. Отлученный отъ человѣческаго сообщества, гордый вельможа долженъ былъ смирится передъ напою, испросилъ у него въ Римѣ прощеніе своему грѣху и построилъ Пожайскій камальдульскій кляшторъ, стоившій ему до 8 милліоновъ золотыхъ. Въ 1840 году церковь обращена въ православную. Нынѣ здѣсь, въ прежнихъ зданіяхъ католическаго монастыря, находятся православный мужской Успенскій монастырь и резиденція ковенскаго епископа, викарія литовской епархіи, который и управляетъ монастыремъ.

Городъ Ковно расположенъ въ углу, образуемомъ слияніемъ рѣкъ Нѣмана и Вилии, и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, идущими по берегамъ этихъ рѣкъ. Желѣзная дорога подходитъ къ Ковно черезъ тоннель, длиною въ 600 сажень для двухъ путей. Въ настоящее время производятся работы по укрѣпленію Ковно.

Источниками для исторіи Ковно и ковенской губерніи служатъ: «Описаніе ковенской губерніи» полковника Аванасьева, С.-Петербургъ, 1861 г.; брошюра о Сурдегскомъ монастырѣ, вилькомирскаго уѣзда; третій томъ «Живописной Россіи»; помятныя книжки ковенской губерніи съ 1862 года. Къ сожалѣнію, послѣднія за нѣкоторые годы представляютъ библиографическую рѣдкость. Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены были слѣдующія статьи: «Краткій взглядъ на исторію той части Литвы, которая нынѣ составляетъ ковенскую губернію» И. Прехера, за 1862 г., и «Указатель матеріаловъ для изученія сѣверо-западнаго края» П. Черневскаго, за 1882 годъ. Кроме того, въ настоящемъ году, къ проѣзду великаго князя Владиміра Александровича, составлена и издана была историческая записка о ковенской губерніи.

Въ Ковно въ настоящее время считается жителей до 50,000 человѣкъ, изъ коихъ евреевъ считается до 25,000 человѣкъ. Населеніе губерніи состоитъ преимущественно изъ литвы и жмуди, и только въ видѣ оазисовъ, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерніи, попадаются древнія русскія поселенія, храмы и монастыри. Это—или отдаленные отпрыски русской колонизаціи, или же, вѣрнѣе, остатки древняго русскаго поселенія въ странѣ, отгѣсненнаго потомъ жмудью и литвою. Кроме Сурдегскаго монастыря, существующаго и доселѣ, въ ковенской губерніи были древніе русскіе православные монастыри и храмы въ Крони, Оніештахъ, Подубисѣ и др. Свѣдѣнія о нихъ, по словамъ протоіерея вилenskaго Пречистенскаго собора І. Котовича, находятся въ архивѣ литовской духовной консисторіи. Въ самомъ Ковно въ XVII вѣкѣ упоминается одинъ православный храмъ. Въ настоящее время здѣсь три православныхъ храма, но всѣ они обращены изъ католическихъ костеловъ и кляшторовъ.

Изъ достопримѣчательностей Ковна первое мѣсто занимаютъ остатки древняго ковенскаго замка, вѣроятно построеннаго литовскими князьями для защиты отъ ливонскихъ рыцарей. Замокъ расположенъ на лѣвомъ берегу Вилии, недалеко отъ впаденія ея въ Нѣманъ. Въ настоящее время уцѣлѣла отъ него часть круглой башни, съ выѣздными воротами и амбразурами, и двѣ примыкающія къ ней стѣны. Башня и стѣны сложены изъ дикихъ камней и крушнаго краснаго

кирпича. Другія части уцѣлѣвшаго замка застроены еврейскими хатами. Фотографическій видъ башни и примыкающихъ къ ней стѣнъ можно получить въ мѣстной фотографіи В. Е. Заторскаго, на улицѣ «Новый Планъ». Слѣдовало бы издать этотъ видъ. Лѣтъ 10 или больше тому назадъ, по разсказу старошпловъ, одинъ солдатъ изъ Риги выпросилъ у начальства разрѣшеніе произвести въ замкѣ раскопки, съ цѣлю отысканія вклада, и открылъ подъ замкомъ обширныя галлерей съ желѣзными дверями, спускающіяся къ Виліи.

Есть въ Ковнѣ и другая древняя крѣпость, о которой, кажется, не знаютъ и сами жители Ковно. Она почти цѣликомъ вошла въ составъ нынѣшняго городского сада, на берегу Нѣмана, и считается у мѣстныхъ жителей за упраздненное городское кладбище, но боевыя башни и амбразуры въ стѣнахъ ясно указываютъ на первоначальное стратегическое ея значеніе.

Кромѣ остатковъ старыхъ укрѣпленій, я осматрѣлъ въ Ковно нынѣшній театръ, передѣланный будто бы изъ храма Перкуна, бывшую городскую ратушу, или большой дворецъ, и римско-католическіе костелы — Петропавловскій каедральный, основанный, какъ полагаютъ, въ началѣ XV вѣка, костель католической семинаріи, кармелитскій кляшторъ съ недавно открытыми въ немъ фресками и старую еврейскую синагогу.

Особенность старинныхъ ковенскихъ построекъ та, что онѣ большею частію не покрыты штукатуркою и даютъ возможность наблюдать величину и кладку кирпича. Поэтому только въ Ковнѣ явилась у меня мысль дѣлать измѣренія величины кирпичей въ старинныхъ зданіяхъ, чтобы вывести отсюда какое либо заключеніе о сравнительной ихъ древности и времени постройки. До сихъ поръ только въ квадратный тонкій кирпичъ, съ толстыми слоями извести или цемента, считался характеристическимъ признакомъ древнихъ построекъ византійскаго типа по XII вѣку включительно. Но хронологія удлиненныхъ кирпичей западно-европейскаго типа доселѣ неустановлена или, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстна. Одну изъ древнѣйшихъ построекъ въ этомъ родѣ, т. е. съ удлиненными кирпичами, представляетъ башня въ Каменцѣ-Литовскомъ XIII вѣка, сложенная изъ дикаго камня и кирпичей. Къ сожалѣнію, величина послѣднихъ въ этой башнѣ намъ неизвѣстна. Въ ковенскихъ же древнихъ постройкахъ величина кирпича слѣдующая. Въ остаткахъ древняго литовскаго замка при слияніи Виліи съ Нѣманомъ длина кирпича 5 вершковъ, а ширина и толщина около 2 вершковъ. Такой же приблизи-

тельно величины кирпичъ въ послѣдствіи мы нашли въ витебской единовѣрческой Благовѣщенской церкви, основанной въ XIV вѣкѣ, но съ тѣмъ небольшимъ отличіемъ въ измѣреніи, что въ витебской церкви кирпичъ немного толще вершка. Поэтому постройку ковенскаго литовскаго замка при слияніи Вилии съ Нѣманомъ приблизительно можно бы отнести къ XIII—XIV вв. Нѣсколько меньше кирпичи въ другой ковенской крѣпости при Нѣманѣ и въ ковенскомъ кафедральномъ римско-католическомъ костелѣ, именно длиною въ $4\frac{1}{2}$ вершка и толщиною около $1\frac{1}{2}$ вершка. А такъ какъ ковенскій кафедральный римско-католическій костель относятъ къ началу XV столѣтія, то указанная величина его кирпича могла бы служить характеристическимъ признакомъ XV вѣка. Въ постройкахъ XVIII вѣка обыкновенно встрѣчается кирпичъ въ 4 вершка длиною и въ 1 вершокъ толщиною, какъ, напр., въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ половины XVIII вѣка. Такимъ образомъ общій, основной законъ постепеннаго видоизмѣненія формы удлинненныхъ кирпичей въ древнихъ зданіяхъ состоялъ бы въ постепенномъ уменьшеніи величины кирпичей, конечно, съ цѣлю сообщенія большей эластичности и легкости постройкамъ.

V.

Изъ Ковна я возвратился въ Вильну и, повончивъ здѣсь свои занятія, 1 августа отправился въ дальнѣйшій путь на Динабургъ. Здѣсь я не останавливался, но въ послѣдствіи времени мнѣ привелось видѣть фотографическій видъ древняго динабургскаго нѣмецкаго замка, служившаго передовымъ постомъ въ наступательномъ движеніи нѣмецкихъ рыцарей на Русь и Литву. Изъ Динабурга—руксы подать до Риги, и мнѣ захотѣлось хоть однимъ глазкомъ взглянуть на страну нашихъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ. Почва въ курляндской губерніи, по дорогѣ въ Ригу, сама по себѣ не представляется плодородною и немного развѣ лучше почвы минской губерніи, но воздѣлывается несравненно лучше: часто попадаются канавки и каналы для осушенія низменной, мокрой почвы; удобреніе земли—хорошее, рациональное; проселочныя дороги—исправныя. Въ вагонахъ преобладающимъ населеніемъ все болѣе и болѣе становятся нѣмцы, среди которыхъ невольно чувствуешь себя какъ бы случайнымъ, нежеланнымъ ихъ гостемъ. Даже мѣстные евреи, по закону приспособленія, принимаютъ здѣсь нѣмецкій отгѣнокъ и говорятъ довольно чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ что одну спутницу, цивилизованную еврейку, и при-

нялъ по ошибкѣ за нѣмку. Моя ошибка польстила спутницѣ и разъярала у ней языкъ. Стоить объ этомъ разсказать.

Въ одномъ вагонѣ съ нами ѣхало трое пьяныхъ нѣмцевъ. Не смотря на безобразіе ихъ поведенія и приставанія къ другимъ пассажирамъ, пьяные нѣмцы все таки безпрепятственно доѣхали до мѣста своего назначенія, хотя на обратномъ пути изъ Риги, по просьбѣ пассажировъ, высаженъ былъ одинъ пьяненькій русскій мѣщанинъ на ближайшей станціи. На неслетное замѣчаніе моей спутницы о безобразіяхъ пьяныхъ нѣмцевъ, я отвѣтилъ ей, что, вѣдь, это—ея соотечественники. Но, къ удивленію моему, спутница отрелась отъ нѣмцевъ, какъ своихъ соотечественниковъ, и показала мнѣ выданный ей изъ полиціи видъ, въ которомъ значилось, что она—жена нѣмца протестанта, но сама *іудейскаго вѣроисповѣданія*. Первый мужъ ея былъ еврей, который далъ ей разводъ, послѣ чего она вышла замужъ за нѣмца провизора, удержавъ свое вѣроисповѣданіе, но обязавшись воспитывать дѣтей отъ новаго брака въ протестантскомъ исповѣданіи. Новый мужъ оказался ревнивцемъ, пьяницею и драчуномъ; а между тѣмъ прежній мужъ еврей снова приглашаетъ ее къ себѣ, обѣщая развестись съ наличной своей женой. Моя спутница, по ея собственному выраженію, думаетъ «возвратить прежнее свое счастье», т. е. вернуться къ первому своему мужу, оставивъ втораго, и въ оправданіе свое ссылалась на то, что всякое животное, даже клопъ, хочетъ жить и не желаетъ умереть. «Попробуйте,—совѣтовала она мнѣ,—тронуть булавкою клопа: онъ непременно побѣжитъ отъ булавки; слѣдовательно не хочетъ умирать, а хочетъ жить». Напрасно я старался увѣрить мою словоохотливую спутницу, что я лично не знакомъ съ клопами, такъ какъ въ моей квартирѣ ихъ нѣтъ: она не повѣрила мнѣ и настойчиво предлагала слѣдвать рекомендуемый ей опытъ.

Въ Ригѣ я съѣздилъ на взморье, осмотрѣлъ старый городъ съ его древнѣйшими постройками и хотѣлъ побывать въ мѣстномъ музеѣ; но онъ оказался закрытымъ, хотя я былъ въ положенное для осмотра музея время.

3-го августа изъ Риги я направился прямо въ Полоцкъ. Дорогою не представилось мнѣ ничего замѣчательнаго. Можно отмѣтить только разговоръ одного петербуржца съ полоцкимъ евреемъ по поводу мѣропріятій нижегородскаго биржеваго комитета къ ограниченію наплыва евреевъ на нижегородскую ярмарку. Прочитавъ газетную замѣтку объ этомъ, еврей грустно улынулся и замѣтилъ, что, хотя

между евреями дѣйствительно есть много нехорошихъ людей, но не всѣ же они—негодные люди, и что слѣдовало бы евреямъ дать извѣстныя права и возложность заработковъ. Если кошка стащить изъ горшка кусокъ мяса,—подснилъ еврей,—то виновата въ томъ хозяйка, почему она не накормила кошки. На это петербуржець замѣтилъ, что бывають блудливыя кошки, которыхъ сколько ни корми, а не отучишь отъ блудливости.

День 4 августа я употребилъ на осмотръ Полоцка и его достопримѣчательностей. Въ Полоцкѣ два собора—Николаевскій изъ поіезуитскаго костела и приписной къ нему Софійскій, Богоявленскій мужской монастырь, женскій Спасскій Евфросиніевскій монастырь и приписной къ нему Борисоглѣбскій, и церкви Богословская на берегу Двины и единовѣрческая. Изъ учебныхъ заведеній въ городѣ находятся: кадетскій корпусъ, учительская семинарія и духовное училище. Всѣ они помѣщаются въ поіезуитскихъ зданіяхъ, составившихъ нѣкогда какъ бы особый городъ.

Отъ Николаевскаго поіезуитскаго собора не ожидалъ я никакихъ древностей и достопримѣчательностей и потому не былъ въ немъ. Впослѣдствіи времени я слышалъ, будто бы въ этомъ соборѣ сохранилось олицетворенное изображение Польши, благословляемой на мятежъ противъ Россіи. Трудно, впрочемъ, повѣрить, чтобы изображеніе было современно какому либо изъ польскихъ мятежей.

Софійскій полоцкій соборъ, находящійся въ верхнемъ замкѣ, при рѣкѣ, въ настоящемъ видѣ построенъ около половины XVIII в., и планъ его имѣеть форму креста. Въ лѣвомъ отъ входа концѣ этого креста указываютъ мѣсто, гдѣ первоначально спасалась преп. Евфросинія Полоцкая. Говорятъ, что здѣсь сохранилась и вошла въ новую стѣну часть древней стѣны Софійскаго собора. Въ самомъ храмѣ обращаетъ на себя вниманіе только икона Богоматери съ Богомладенцемъ; но «лузги» въ глазахъ той и другаго показываютъ, что икона уже подновлена въ западно-европейскомъ стилѣ, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка. Живущій при этомъ соборѣ псаломщикъ передавалъ мнѣ, что въ ризницѣ собора хранится рукописная лѣтопись его и рукописное евангеліе.

Въ полоцкомъ Богоявленскомъ мужскомъ монастырѣ, откуда приглашенъ былъ въ Москву извѣстный ученый XVII вѣка Симеонъ Полоцкій, въ настоящее время тоже нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ иконы Богородицы, которая, по виѣшнему виду, можетъ быть отнесена къ концу XVI или къ началу XVII вѣка.

Важнѣйшую же достопримѣчательность и святыню Полоцка составляетъ Спасо-Евфросиніевскій женскій монастырь. Въ этомъ монастырѣ доселѣ сохранилась древняя церковь XII вѣка, за исключеніемъ купола и сводовъ, построенная преподобною Евфросиніей Полоцкою. Стѣны храма сложены изъ квадратныхъ кирпичей, помостъ передъ дверьми храма сдѣланъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней, составлявшихъ нѣкогда полъ самой церкви. Церковь весьма мала и можетъ вмѣщать въ себѣ только до 50 богомольцевъ. Восточная часть ея состоитъ изъ трехъ абсидовъ, изъ коихъ въ среднемъ только находится престолъ; боковые же абсиды, отдѣленные отъ средняго капитальными стѣнами, весьма узки и служатъ только предалтаріями. Своды храма поддерживаются четырьмя массивными кирпичными колоннами. Въ западной стѣнѣ церкви устроена лѣстница, ведущая на хоры. По обѣимъ сторонамъ хора помѣщаются двѣ небольшія крестообразныя келіи, изъ коихъ въ одной подвизалась преподобная Евфросинія, а въ другой—сестра ея Евдокія. Въ келіи преп. Евфросиніи въ настоящее время хранится устроенный ею въ 1161 году драгоценный крестъ, съ заключающимися въ немъ святынями изъ Константинополя и Іерусалима. Онъ имѣетъ шестиконечную форму. Длина его $11\frac{3}{8}$ вершка, верхній поперечникъ (титло) 3 вершка, нижній $4\frac{5}{8}$ вершка. Содержащіеся въ немъ святыни обозначены славянскими надписями. Весь крестъ обложенъ золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которыхъ находится множество украшеній и 20 маленькихъ медальоновъ съ изображеніями святыхъ, изъ коихъ одинъ утраченъ. На одной сторонѣ креста уцѣлѣли изображенія Іисуса Христа, Богоматери и Предтечи, архангеловъ Михаила и Гаврііла, евангелистовъ Іоанна, Матѳея, Луки и Марка, св. Евфросиніи, великомученика Георгія и св. Софіи; на другой—Іоанна Хризостома, Василія (св. Григорія не сохранилось), апостоловъ Петра и Павла, первоученика Стефана, св. Дмитрія и св. Пантелеимона. Въ боковой надписи, начертанной вокругъ всего креста на серебряныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ, изображена воля св. Евфросиніи, чтобы крестъ сей, положенный ею въ монастырь въ церковь св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отъ ней отчуждаемъ подъ опасеніемъ подвергнуться проклятію. Весь крестъ по краямъ унизанъ былъ жемчугомъ, который въ теченіе вѣковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осипался. На лицевой сторонѣ креста находится 8 большихъ дорогихъ камней и столько же меньшихъ, расположенныхъ по угламъ маленькихъ крестовъ, лежащихъ надъ частями чест-

наго древа. На оборотной сторонѣ креста, въ самомъ низу, подъ образомъ св. Пантеленмона и вокругъ части его мощей, вырѣзана еще слѣдующая надпись мелкими буквами: «Ги помози рабу своему Лазорю нареченому Богомъ съдѣлавшему крестъ снѣ цркви стаго Спаса и Офросиньи».

Изъ печатныхъ описаній креста преп. Евфросиніи Полоцкой нельзя было опредѣлить способа производства сдѣланныхъ на немъ священныхъ изображеній въ медальонахъ. Но при взглядѣ на самый крестъ ясно открывается, что изображенія въ медальонахъ принадлежатъ къ такъ называемымъ византійскимъ перегородчатымъ эмальямъ. Сущность подобныхъ высокохудожественныхъ древневизантійскихъ издѣлій состояла въ томъ, что эскизъ изображаемаго святаго обозначался тонкими золотыми или серебряными перегородками или жилками, между которыми вставлялася стекловидная соотвѣтствующихъ цвѣтовъ композиція, замѣняющая краски. Крестъ преп. Евфросиніи несомнѣнно носить на себѣ печать XII вѣка и долженъ занять почетнѣйшее мѣсто между драгоценнѣйшими древневизантійскими перегородчатыми эмальями. Значеніе его еще болѣе возвышается отъ того, что онъ носитъ на себѣ всѣ признаки славяно-русскаго происхожденія своего и слѣдовательно служить свидѣтелемъ и показателемъ высоко-художественнаго развитія русскаго народа, какового онъ достигнулъ въ XII вѣкѣ подъ влияніемъ Византіи. Что крестъ сдѣланъ русскимъ славяниномъ, это видно какъ изъ славянскихъ и неправильныхъ греческихъ надписаній надъ святинами и изображеніями его, такъ и изъ подписи мастера Лазаря Богши. По словамъ витебскаго ученаго А. Сапунова, фамилія Богши есть мѣстная бѣлорусская фамилія.

Кромѣ креста, въ полоцкой Спасо-Евфросиніевской церкви уцѣлѣли еще древнія фресковыя стѣнные изображенія и сравнительно позднѣйшая икона преп. Евфросиніи Полоцкой. Къ сожалѣнію, фрески неумѣло реставрированы въ настоящемъ вѣкѣ. На западной стѣнѣ храма изображены отдѣльные сцены страшнаго суда, а именно: Господь Вседержитель на престолѣ съ предстоящими Богоматерью и Предтечей, а по сторонамъ его—съ одной стороны родъ жидовскій съ Моисеемъ во главѣ, а съ другой—лики праведныхъ, предводимые, повидимому, апостоломъ Петромъ. На сводахъ противоположащихъ колоннъ видны трубящіе ангелы. Въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, изображенъ Господь Вседержитель, закрываемый отъ молящихся позднѣйшимъ иконостасомъ. Что же касается иконы преп. Евфросиніи

Полоцкой, то она, повидимому, тоже подновлена, и потому трудно судить о времени ея происхожденія. Внизу, на фонѣ иконы, какъ бы въ перспективномъ отдаленіи, изображенъ городъ Полоцкъ съ его древнѣйшими церквами, между которыми нужно предполагать Софійскій соборъ, Спасо-Евфросиніевскій и Борисоглѣбскій монастыри.

Въ полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ была еще одна замѣчательная святыня, это Ефесская икона Богоматери, по преданію писанная евангелистомъ Лукою и испрошенная преп. Евфросиніею у греческаго императора Мануила и константинопольскаго патріарха Луки Хрисоверга въ благословеніе своей полоцкой обители. Въ настоящее время икона эта находится въ г. Торопцѣ, псковской губерніи, въ соборной Воскресенской церкви, и извѣстна подъ именемъ Корсунской. Перенесена она изъ Спасо-Евфросиніевской обители въ Торопецъ въ 1239 году по случаю бракосочетанія благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава.

Къ Спасо-Евфросиніевскому монастырю приписанъ Борисоглѣбскій полоцкій женскій монастырь. Въ оградѣ его и до сихъ поръ сохраняются остатки древней Борисоглѣбской церкви, основанной въ XII вѣкѣ полоцкимъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ († 1128 г.). Кирпичи—квадратные. Храмъ былъ небольшой, съ четырьмя массивными колоннами внутри и съ однимъ алтарнымъ полукружіемъ.

Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ уніатовъ ¹⁾.

По окончательномъ присоединеніи къ Россіи областей, входившихъ въ составъ бывшаго польскаго королевства, русское правительство начало принимать рядъ мѣръ для облегченія перехода уніатовъ въ православіе. Не прибѣгая къ рѣзкимъ мѣропріятіямъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ и не поднимая вопроса о массовомъ воссоединеніи уніатовъ, правительство на первыхъ порахъ заботилось лишь о томъ, чтобы поддержать добровольно переходящихъ въ православіе и оградить ихъ «отъ мести, притѣсненій и обидъ» католиковъ и уніатовъ. Очевидно, случаи «мести» уніатамъ, переходившимъ «въ благочестіе», были не рѣдки, иначе нельзя объяснить мотивовъ появленія двухъ

¹⁾ См. въ москов. архивѣ М—ва Юстиціи—тирацанскаго уезднаго суда описи 6-й дѣло № 10.

Высочайшихъ именныхъ указовъ—отъ 22 апрѣля 1794 г. и 10 января 1795 г. Первый указъ предписываетъ помѣщикамъ, поссессорамъ и чиновникамъ «римскаго и уніатскаго закона не осмѣливаться дѣлать жителямъ ни малѣйшаго въ присоединеніи ихъ къ благочестію *препятствія*, а обращающимся—обидъ и *притѣсненія*, и что всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и означающее преслушаніе воли нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее за собою *секвестръ имѣнія*»... «Подтвердительный» указъ отъ 10 января 1795 г. прямо говоритъ, что русскія власти обязаны «предавшихся въ объятія православной нашей церкви *оберечь отъ мести*, притѣсненій и обидъ, а обидчиковъ и *налецовъ* не оставлять безъ наказанія»...

Этотъ указъ былъ разосланъ, между прочимъ, при «опредѣленіи» *брацлавскаго* намѣстническаго правленія, помѣщикамъ, управителямъ и поссессорамъ *пятигорскаго* уѣзда, которымъ предписывалось, чтобы они воссоединившимся изъ уніи *священникамъ* «обидъ и притѣсненій ни подъ какимъ предлогомъ дѣлать не отваживались, а имѣнія тѣ, кои до присоединенія къ церквамъ принадлежали, оставались бы всѣ безъ изыятія при нихъ навсегда, опасаясь за невыполненіе сего строгаго и неизбѣжнаго по законамъ сужденія и взысканія взятіемъ въ *секвестръ имѣнія*».

Несмотря, однако, и на эти указы, случаи «мести» бывшимъ уніатскимъ священникамъ со стороны католиковъ продолжались по прежнему. Одинъ такой случай дошелъ и до суда, въ 1796—7 гг.

Въ концѣ XVIII в. въ селѣ *Галайкахъ* (пятигорскаго уѣзда), принадлежавшемъ къ «тетіевскому ключу» владѣній «надворнаго короннаго подскарбія» пана Томаша *Островскаго*, болѣе 20 лѣтъ священствовалъ о. Гавріиль *Буйницкій*. «Во время существованія Польши» о. Гавріиль былъ уніатскимъ священникомъ, а «по присоединеніи сего края подъ Всероссийскую державу присоедился къ греко-россійской церкви». До этого перехода онъ свободно пользовался всѣми пахатными и сѣнокосными землями, данными прежними помѣщиками «на собственность его и церкви во вѣчность». «Отъ першихъ же дней по присоединеніи галаецкій «прикажчикъ» Островскаго Янъ-Игнатій Бачинскій, «въ *отмщеніе*» за это присоединеніе, началъ дѣлать Буйницкому «несносныя обиды и притѣсненія». Такъ, въ 1796 г. онъ приказалъ «сѣорать» на помѣщика «грунтъ», данный священнику бывшею владѣлицею «тетіевскаго ключа» *кн. Санушковою* (права Буйницкаго на эту землю были подтверждены и наслѣдницею *кн. Сан-*

гуща «воеводзиною» Черняховскою). Когда Буйницкій выслалъ работниковъ на «оранку» остальныхъ церковныхъ земель, Бачинскій прогналъ ихъ съ поля. Во время сѣнокоса приващикъ предупредилъ священника—скосилъ и забралъ сѣно на участіѣ Буйницкаго.

Положеніе священника еще болѣе ухудшилось, когда Бачинскій «подъ страхомъ наказанія и увѣчія» запретилъ галаецкимъ крестьянамъ идти къ Буйницкому не только въ годичные и полугодичные работники, но и на «подневныя работы». Всѣхъ бывшихъ у священника работниковъ изъ крестьянъ Островскаго Бачинскій отобралъ, не вернувши даже бывшихъ на нихъ «одѣваній» Буйницкаго.

Однажды былъ такой случай: наймичка батюшки Марія Мавчурова шла съ «вриницы» съ «водоносомъ» на плечахъ. Бачинскій выслалъ крестьянина Пантеленмона Пачосу и приказалъ ему схватить «дѣвку» на панскій дворъ, а ведра отдать «дяку» для передачи батюшкѣ. Пачоса такъ и сдѣлалъ.

Бачинскій преслѣдовалъ бывшего уніата и въ мелочахъ жизни. Такъ, онъ лишилъ священника прежняго права на даровой помоль въ галаецкой мельницѣ, запретилъ въѣздъ въ помѣщичій лѣсъ для рубки дровъ, сталъ требовать съ насѣки Буйницкаго «пчельной десятины» и пр., тогда какъ, состоя въ уніи, Буйницкій около 20 лѣтъ пользовался пожалованными—галаецкой церкви «въ вѣчное, а на мою особу до жизни» правами, освобождавшими отъ дачи помѣщику помольной «мѣрки», «пчельной десятины» и пр. Когда Бачинскій сталъ требовать «мѣрки» за помоль, священникъ сначала отказался, но потомъ согласился давать. Тогда Бачинскій рѣшительно запретилъ молоть священнической хлѣбъ на галаецкой мельницѣ, такъ что Буйницкому пришлось возить его на далекія мельницы.

Въ іюль 1796 г. Буйницкій принесъ пятигорскому нижнему земскому суду жалобу на всѣ эти дѣйствія Бачинскаго. Для изслѣдованія дѣла судъ отправилъ въ Галайки дворянскаго засѣдателя Станислава Иванскаго и уѣзднаго стряпчаго Турчанинова. Слѣдователи признали, что отнятыя у Буйницкаго пахатныя и сѣнокосныя земли дѣйствительно принадлежали ирежде галаецкой церкви. Находя поступки Бачинскаго неправыми, они приказали ему вернуть священнику «пооранные земли» и 143 копны скошеннаго сѣна.

Пользуясь этимъ постановленіемъ, Буйницкій попробовалъ вступить въ свои права—началъ орать возвращенныя ему земли. Но Бачинскій, не обращая вниманія на рѣшеніе суда,— снова выслалъ сво-

ихъ работниковъ, прогналъ священническихъ наймитовъ и самъ «переоралъ и осѣменилъ» спорную землю.

Послѣ новой жалобы Буйницкаго, нижній земскій судъ отправилъ въ Галайки пятигорскаго земскаго исправника Чижевскаго и уѣзднаго стряпчаго Турчанинова. Бачинскій объяснилъ исправнику, что онъ дѣйствовалъ не самовольно, но по приказанію пана Мартына Суловскаго, «коммиссара» тетіевской экономіи помѣщика Островскаго. Суловскій не отвергалъ, что спорный «хуторъ», отобранный Бачинскимъ у Буйницкаго, дѣйствительно принадлежалъ послѣднему, но что права священника на эту землю очень сомнительны. Буйницкій получилъ хуторъ во временное пользованіе отъ бывшей владѣлицы Тетіева пани *Ледуховской*, которая не имѣла правъ настоящей «дѣдички» на Тетіевъ, а потому и не могла раздавать земли на вѣчное владѣніе. Послѣ же Ледуховской «правнымъ дѣдичемъ» тетіевскаго ключа сдѣлался панъ Островскій, имѣющій всѣ права на спорный хуторъ, поля и сѣнокосъ. Когда Островскій началъ «генеральное размежеваніе» своихъ владѣній, то спорныя земли пришлось отдать крестьянамъ, а галаецкой церкви были отведены другія земли, но Буйницкій де отказывается принимать ихъ и требуетъ возврата прежнихъ своихъ земель.

Представляя все это брацлавскому намѣстническому правленію, нижній земскій судъ находитъ, что Суловскій является явнымъ ослушникомъ Высочайшаго указа отъ 10 генваря 1795 г. Тетіевская экономія—одна изъ самыхъ крупныхъ въ пятигорскомъ уѣздѣ, отобрала земли не только у галаецкаго священника, но и у другихъ новоприсоединившихся отъ уніи священниковъ въ подчиненныхъ экономіи селеніяхъ. Суловскій всячески преслѣдуетъ возсоединившихся: беретъ съ ихъ пашкъ «пчельную десятину», запрещаетъ молоть хлѣбъ на владѣльческихъ мельницахъ, не отпускаетъ священникамъ дровъ, не позволяетъ крестьянамъ наниматься въ работники къ священникамъ и пр. и пр. Жалобы бывшихъ уніатовъ на такія преслѣдованія Суловскаго постоянно доходятъ до суда. Судъ удовлетворяетъ просьбы священниковъ, но Суловскій не обращаетъ никакого вниманія на предписанія суда—«дѣлаетъ пренебреженіе и суду ослушаніе». Примѣру Суловскаго слѣдуютъ и другіе помѣщики пятигорскаго уѣзда, притѣсняющіе священниковъ—бывшихъ уніатовъ...

Генеральное межеваніе тетіевскаго ключа, затѣянное не Островскимъ, а именно Суловскимъ в созидающее большія неудобства для населенія (напр. многія старыя дороги закрыты, а проложены новыя

и неудобныя и пр.), предпринято главнымъ образомъ съ цѣлью преслѣдованія бывшихъ униатскихъ, а нынѣ православныхъ священниковъ. Именно, межеваніе имѣеть цѣлью отобрать у нихъ лучшіе «грунты» и «обратить въ раздѣлъ крестьянамъ», а священникамъ *дать худшіе земли*.... Но даже съ надѣломъ этихъ послѣднихъ Суловскій не торопится и священники остаются безъ всякихъ земель!...

Свое донесеніе намѣстническому правленію нижней земскій судъ заканчиваетъ соображеніями о томъ, что Ледуховская имѣла право распоряжаться землями тетіевскаго ключа.

Въ февралѣ 1797 г. намѣстническое правленіе послало указъ пятигорскому уѣздному суду, въ которомъ, на основаніи вышеупомянутыхъ указовъ 1794 и 1795 гг., предписываетъ суду «подвергнуть законному сужденію» поступки комиссара Суловскаго, а обиженнымъ имъ Буйницкому и другимъ православнымъ священникамъ, бывшимъ униатамъ, доставить полное и «справедливое удовольствіе».

Уѣздный судъ, однако, почему то медлил исполнить этотъ указъ и только въ апрѣлѣ отправилъ къ Суловскому «повѣстку» о явѣ въ судъ на 16 апрѣля. Повѣстку повезъ столоначальникъ нижняго земскаго суда (уѣздный судъ предписывалъ послать «человѣка вѣжливаго, трезваго и вѣдающаго обхожденіемъ благородныя»).... Посланный не засталъ Суловскаго и вручилъ повѣстку тетіевскому «генеральному эконому».

Въ то же время уѣздный судъ получилъ отъ нижняго земскаго суда производившееся въ послѣднемъ «дѣло» по жалобамъ Буйницкаго на притѣсненія Суловскаго и Бачинскаго. Извлекая отсюда новыя подробности о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ.

Въ одномъ изъ своихъ «отвѣтовъ» нижнему земскому суду Суловскій говоритъ между прочимъ, что «подъ державою ея величества всѣ поны грунтовъ пахальныхъ не имѣютъ...., а только *приходами церковными* довольствуются». Если же въ здѣшнемъ краѣ поны получили земли, то единственно вслѣдствіе того, что «въ началѣ поселеній малые имѣли приходы, но напротивъ въ нынѣшнія времена с. Галайки гораздо отличествуется отъ прежняго своего поселенія, ибо въ себѣ душъ мужскаго полу 576, а женскаго 537 заключаетъ, то и попа своего приходами церковными довольствоваться можетъ». Однако Островскій хоти и отобралъ при межеваніи у Буйницкаго земли, но взагѣнь ихъ отвелъ другія. Буйницкій не пошелъ на эту сдѣлку: уничтоживши («попсоваль») межевые знаки, сталъ орать на прежнихъ своихъ земляхъ, уже распредѣленныхъ экономіей между крестьянами.

Подтвердилось ли послѣднее обвиненіе Суловскаго—изъ производства нижняго земскаго суда не видно. За то въ немъ сохранилось не мало данныхъ едва ли не о самомъ крупномъ изъ безчинствъ Бачинскаго надъ Буйницкимъ—о «наездѣ» перваго на хуторъ галаецкой церкви (принадлежавшій ей—по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—съ 1747 г.)... Вотъ подробности этого интереснаго эпизода.

Въ генварѣ 1797 г. Бачинскій приказалъ «побережнику» (объѣздчику) панскаго галаецкаго лѣса Василю Хлевненко строго слѣдить за хуторомъ Буйницкаго и, если кто станетъ вывозить оттуда лѣсъ или «форостъ», немедленно дать знать о томъ на панскій дворъ. Если Хлевненко прозѣваетъ таковой случай, Бачинскій обѣщалъ «жестокѣ наказать» его. Хлевненко сталъ наблюдать за хуторомъ. Однажды, объѣзжая лѣсъ, онъ замѣтилъ, что съ хутора выѣхалъ на парѣ воловъ сторожъ Буйницкаго Дмитро Хуторный. На саняхъ у него было наложено срубленное на хуторѣ подсохшее вишневое дерево. Хлевненко немедленно полетѣлъ на панскій дворъ и далъ знать Бачинскому.

Подъѣзжая къ околицѣ Галаекъ, Хуторный увидѣлъ быстро шедшую къ нему на встрѣчу толпу панскихъ «козаковъ» (ихъ было 6 человекъ—Яковъ Еремичъ, Гнать Вагрій, Лукьянъ Кирилукъ и др.) Хуторный заподозрилъ что то недоброе и, бросивши воловъ, пустился бѣжать назадъ къ лѣсу. Но козаки его догнали и вмѣстѣ съ батюшкиною подводой представили на панскій дворъ, гдѣ Бачинскій велѣлъ Хуторнаго «забить въ колодки», а воловъ пустилъ въ господское стадо. На другой день Хуторнаго съ подводой отправили «за карауломъ» въ Тетіевъ, въ «главную экономію».

Въ ближайшее воскресенье Бачинскій отправилъ на хуторъ Хлевненка и еще 5 человекъ, на 3 подводахъ—забрать тамъ жену, дѣтей Хуторнаго и все его «имѣніе». Они пріѣхали на хуторъ незадолго передъ обѣдней. Жена Хуторнаго бросилась бѣжать въ Галайки, къ Буйницкому. Панская челядь пустилась догонять ее, но хорошо знакомая съ лѣсомъ, Хуторная ускользнула отъ нихъ и явилась прямо въ церковь. Буйницкій собирался уже приступить къ совершенію обѣдни, но во время остановленный, немедленно поѣхалъ на хуторъ. Здѣсь Хлевненко съ товарищами уже хозяйничали на полной волѣ—забирали все имущество Хуторныхъ и складывали на подводы. Но появленіе Буйницкаго остановило ихъ: онъ «не допустилъ чинить такова задору». Хлевненку ничего не оставалось дѣлать, какъ ни съ чѣмъ отъѣхать съ хутора.

Но Бачинскій поправился въ слѣдующее воскресенье. Когда шла обѣдня въ Галайкахъ и о. Буйницкій не могъ явиться на помощь къ семьѣ Хуторнаго, на хуторъ явилась посланная Бачинскимъ болѣе многочисленная партія—нѣсколько крестьянъ на 3 подводахъ и 5 верховыхъ (прикащикъ с. Черापина Пеньковскій, лѣсничій Яворскій и 3 «побережника»). Окруживши хуторъ, они схватили жену и дѣтей Хуторнаго, забрали всякую рухлядь, скотъ (4 тельныхъ коровы и 2 телятъ) и пр. Все это было отвезено въ Тетіевъ, гдѣ экономія отвела Хуторному хату и никуда не выпускала изъ села.

Бачинскій и Суловскій поступилъ такъ съ Хуторнымъ на томъ основаніи, будто онъ «подданный» Островскаго. На самомъ дѣлѣ этого не было. Дмитро Хуторный былъ родомъ изъ с. Замійцы (изъ подѣ Кременца), имѣнія графа *Мнишка*. 12 лѣтъ тому назадъ онъ ушелъ оттуда съ женою и встрѣтилъ около Тетіева Буйницкаго, который и пригласилъ Дмитра поселиться у него на хуторѣ. Съ тѣхъ поръ онъ и проживалъ здѣсь «безотлучно». Буйницкій ежегодно платилъ за него «вазенныя подати».

Конечно, Буйницкій не оставилъ этого дѣла и немедленно обратился съ жалобою въ нижній земскій судъ, требуя отъ Бачинскаго возврата Хуторнаго, пары воловъ, стоимвшихъ 20 р., саней, и проч. Судъ предписалъ земскому исправнику Якову Чижевскому отобрать все у Бачинскаго и вернуть Буйницкому. Но исправникъ медлилъ даже послѣ того, какъ получилъ отъ брацлавскаго намѣстническаго правленія строгій выговоръ за то, что не оказываетъ Буйницкому должнаго по законамъ содѣйствія и потворствуетъ насиліямъ Бачинскаго. Правленіе предписало Чижевскому немедленно ѣхать въ Галайки, отобрать и вернуть Буйницкому все «заграбленное» на хуторѣ, произвести на мѣстѣ «ислѣдованіе», а виновныхъ «въ ограбленіи» («козаковъ» Островскаго и пр.) отослать въ судъ.

Этотъ указъ былъ данъ въ началѣ февраля 1797 г., но только въ мартѣ Чижевскій съѣздитъ на слѣдствіе въ Галайки (при депутатѣ съ духовной стороны) и затѣмъ донесъ намѣстническому правленію, что, несмотря на всѣ его «повелѣнія», тетіевская экономія не возвращаетъ Буйницкому «ограбленнаго», «для чего принужденъ я поставить той экономіи *экзекуцію* и, буде и за спмъ» Суловскій не послушается, то исправникъ представить его «законному сужденію».

Испугала ли Суловскаго эта «экзекуція», или онъ понялъ, что въ своемъ преслѣдованіи Буйницкаго зашелъ такъ далеко, что вооружилъ противъ себя русскую администрацію, въ борьбѣ съ второю

мудрено было рассчитывать на успѣхъ, но Суловскій сдѣлалъ крутой оборотъ и поспѣшилъ примириться съ Буйницеимъ. Однако и этимъ примиреніемъ онъ воспользовался, чтобы еще разъ хлестнуть ненавистнаго ему «схизматика» и ловкимъ маневромъ вывернуться изъ положенія обвиняемаго и стать въ положеніе обиженнаго...

Въ апрѣлѣ 1797 г. панъ Мартынъ, «по позыву пятигорскаго уѣзднаго суда являсь по дѣлу», объяснилъ присутствію суда нижеслѣдующее: панъ слагаетъ съ себя обвиненіе въ ослушаніи начальства, такъ какъ яко бы во все время производства дѣла онъ отсутствовалъ изъ Тетіева и при томъ нижній земскій судъ ни разу не вызывалъ его для объясненій. Никогда не думалъ онъ отнимать у Буйницкаго церковныхъ земель, но только вслѣдствіе общаго пережеванія тетіевского ключа пришлось взять у священника для крестьянъ прежнія земли, а ему предложить другія. Буйницкій сначала было согласился на эту перемѣну, но потомъ отказался. Всѣ остальные притѣсненія Буйницкому произведены Бачинскимъ, который дѣйствовалъ тутъ самостоятельно, безъ всякаго участія его, Суловскаго.

Въ заключеніе Суловскій торжественно заявилъ суду: «что все священникъ Буйницкій на меня *всклепалъ* невинно и напрасно, въ томъ засвидѣтельствуютъ прилагаемые у сего сочиненные между нами въ добровольномъ условіи *компликаціи!*»...

Эти «компликаціи» (или «мировое прошеніе» Суловскаго и Буйницкаго, поданное суду 20 апрѣля 1797 г.) гласили слѣдующее: такъ какъ по дѣлу о земляхъ галаецкой церкви Буйницкій уже получилъ отъ Суловскаго «удовлетвореніе» (какое именно — не говорится), то донося о семъ суду, они просятъ «претензію» между ними «числить конченною миромъ», вслѣдствіе чего Буйницкій «получа единожды удовольствіе, никогда на Суловскаго и экономію тетіевскую исвать не будетъ и передаетъ забвенію»...

Любопытно, что этотъ документъ подписанъ Буйницеимъ по польски, тогда какъ всѣ прежнія его бумаги въ судъ онъ подписывалъ по русски... Очевидно, что и въ этой мелочи онъ хотѣлъ сдѣлать любезность Суловскому...

22 апрѣля уѣздный судъ постановилъ свой приговоръ по дѣлу о Буйницкаго. Прежде всего судъ дѣлаетъ «строжайшій выговоръ» нижнему земскому суду за то, что онъ, повѣривши показаніямъ Бачинскаго и Буйницкаго, привлечь къ суду Суловскаго, ни разу не вызвавши его для личныхъ объясненій. Затѣмъ судъ дѣлаетъ внушеніе и Буйницкому: «яко самому изъявившему свою виновность (гдѣ

же?—этого нельзя найти даже въ «мировомъ прошеніи»...) въ напрасномъ *оклеветаніи* Суловскаго—подтвердить, дабы не отваживался такъ на невинныхъ клеветъ наносить и дѣлать присутственнымъ мѣстамъ лишнія заботы и перениски»...

«Комисарь» М. Суловскій освобожденъ судомъ отъ всякой отвѣтственности по дѣлу. Но и ему строго подтверждено, чтобы онъ во первыхъ «далъ всегдашній документъ» на земли галаецкой церкви, а затѣмъ чтобы онъ «отнюдь не покушался на отнятіе отъ церкви и священниковъ земель» и чтобы какъ Буйницкому, такъ и другимъ священникамъ тетіевскаго ключа «никакихъ обидъ не осмѣливался причинять подъ штрафомъ въ высочайшемъ именномъ указѣ отъ 22 апрѣля 1794 г. положеннымъ»...

Этимъ постановленіемъ дѣло и закончилось. Нельзя не пожалѣть, что уѣздный судъ не разъяснилъ—въ чемъ именно заключалось «удовлетвореніе», полученное Буйницкимъ отъ Суловскаго. Было ли это возвращеніе къ прежнимъ порядкамъ, какіе существовали до перехода Буйницкаго въ православіе? или это былъ новый компромиссъ, на какой вынужденъ былъ пойти Буйницкій, не желавшій почему либо продолжать борьбу съ Суловскимъ?—Трудно отвѣчать здѣсь рѣшительно, но думается, что Буйницкій былъ удовлетворенъ именно въ томъ смыслѣ, какъ онъ добивался передъ судомъ. Только этимъ и можно объяснить фактъ очень быстрого согласія Буйницкаго на примиреніе съ Суловскимъ. Если бы Суловскій не далъ полного и желаемаго удовлетворенія Буйницкому, послѣдній, повидимому, чловѣкъ энергичный—врядъ ли бы оставилъ такъ скоро борьбу свою съ нимъ, въ которой и законъ, и высшая администрація края оказывалась на сторонѣ священника, а не пана.

Какъ бы тамъ ни было—получилъ ли Буйницкій отъ Суловскаго полное «удовлетвореніе», или нѣтъ,—но исторія ихъ борьбы несомнѣнно распространилась по всему краю и должна была произвести дурное впечатлѣніе на тѣхъ униатскихъ священниковъ, которые собирались переходить въ православіе. Они поняли, что при всемъ сочувствіи къ ихъ дѣлу высшей русской администраціи и при всемъ содѣйствіи закона, и низшая полупольская администрація съ судами, и тѣмъ болѣе мѣстное чисто польское общество оказываются далеко не на ихъ сторонѣ и готовы всячески препятствовать ихъ стремленіямъ къ православію. Не всякій могъ рѣшиться—подобно о. Буйницкому—принять на себя подвигъ нелегкой борьбы съ все-сильными панами. Мнѣ кажется, что именно эту цѣль запугиванія

нерѣшительныхъ и имѣлъ въ виду Суловскій, вступая въ борьбу съ Буйницкимъ. И только тогда, вѣроятно, онъ прекратилъ эту борьбу, когда цѣль была достигнута, когда колебавшіеся мѣстные уніаты ослабѣли въ своемъ стремленіи къ воссоединенію съ православіемъ...

Н. Оглоблинъ.

Личный составъ и аттестація духовенства александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи по архивнымъ даннымъ 1814 и 1824 годовъ.

Покровскій соборъ г. Александровска, благодаря бережливости духовенства, обладаетъ весьма цѣннымъ архивомъ какъ собственнымъ, такъ и бывшихъ духовныхъ правленій павлоградскаго, маріупольскаго и александровскаго, ведущимъ свое начало съ 1772 года. Въ дѣлахъ есть документы о возникновеніи церквей въ бывшемъ *дикомъ полѣ* Запорожья, о числѣ душъ въ томъ или другомъ году въ каждой вновь заведенной вольной или помѣщичьей деревнѣ, о рожденіи, бракахъ и смертности населенія и проч. Этотъ архивъ, между прочимъ, даетъ намъ также много матеріаловъ о судебныхъ процессахъ духовенства, возникавшихъ—рѣдко по разслѣдованію высшаго духовнаго начальства и очень часто по доносамъ другъ на друга священниковъ и причетниковъ, представляетъ также данныя о тогдашнемъ составѣ духовенства, его умственномъ и нравственномъ уровнѣ. Въ послѣднемъ случаѣ лучшимъ источникомъ служатъ формулярныя вѣдомости всѣхъ церквей уѣзда. При составленіи настоящей краткой замѣтки мы пользовались такими вѣдомостями за 1814 и 1824 годы, изъ которыхъ извлекаемъ слѣдующія цифры.

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было	36	40
Составъ причта: Священниковъ	54	61
Діаконовъ	15	12
Дьячьевъ	27	38
Пономарей	30	41

По образованію лица эти представляютъ слѣдующее дѣленіе:

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Священниковъ академиковъ (Кіевск.)	—	1
окончивш. дух. семинарію	2	2
не окончившихъ	9	11
не учившихся въ семинаріи	43	47

54 61

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Дяконовъ: не окончившихъ семинаріи	—	5
не учивш. въ семинаріи	15	7
	15	12
Дьячковъ: не окончивш. семинар.	2	10
не учившихся въ семинар.	25	28
	27	38
Пономарей: не окончивш. семинар.	3	6
не учивш. въ семинар.	27	35
	30	41

Затѣмъ вѣдомости даютъ свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ каждаго лица, аттестуя словами «добраго» (поведенія), «хорошаго», «изряднаго», «нехудаго» или на оборотъ: «нехорошаго», «дурного», «засорнаго». Въ послѣднемъ случаѣ приводятся качества или поступки, вызвавшіе дурные отзывы, размѣръ штрафа или мѣры взысканія, названія. Объ одобрительныхъ или неодобрительныхъ отзывахъ о каждомъ лицѣ лучше всего свидѣлствуютъ цифры.

	Въ 1814 г.	Въ 1824 г.
Священниковъ: одобрительн.	38	40
неодобрит.	16	21
Дяконовъ: одобрит.	12	9
неодобрит.	3	3
Дьячковъ: одобрит.	23	30
неодобрит.	4	8
Пономар.: одобрит.	29	35
неодобрит.	1	6

Въ заключеніе считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь болѣе характерныя *неодобрительныя* отзывы духовнаго начальства.

1814 годъ.

1) *Село Благотыщенское.* Священникъ Дмитрій Васильевъ Крыжановскій, 36 лѣтъ, въ чтеніи и потномъ пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. За пьянство и противузаконныя поступки сосланъ былъ въ 1813 году въ Георгіевскій Визюковъ монастырь на епитимію на одинъ годъ.

Указный дьячокъ Мануилъ Даниловъ сынъ Кавуновъ, 43 лѣтъ. Не худаго, но за невоздержанную жизнь въ 1809 году посылаемъ былъ въ Самарскій Николаевскій монастырь для употребленія и послушанія на 1 годъ.

Благочинный свящ. Карпъ Черныявскій.

2) *Село Большая Михайловка.* Священникъ Василій Самуиловъ Рушенковъ, 61 года, въ чтеніи и пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. Состоянія худаго и къ исправленію безнадеженъ, ослушенъ и былъ штрафованъ въ 1807 году за ссоры и драки посылкою въ Самарскій монастырь чрезъ 2 мѣсяца, съ запрещеніемъ священнослуженія и рукоблагословенія, на епитимію. 1810 года генваря 10

за отдачу сына своего въ свѣтское училище и неприставленіе въ семинарію—5-тью рублями. 28 того же генваря за обвѣнчаніе въ неподозрѣнное время брака—10-ю рублями и употребленіемъ въ Александровскомъ Покровскомъ Соборѣ чрезъ 1 мѣсяцъ въ ежедневное служеніе и 1811 г. за обвѣнчаніе незаконнаго брака, посылкою въ Бизюковъ Григорьевскій монастырь на одинъ годъ для употребленія въ послушаніе. Да и нынѣ состоитъ подъ слѣдствіемъ за питье въ приходской своей церкви горячаго вина, переносъ таковаго чрезъ святой алтарь.

Благочинный священникъ Іоаннъ Левитскій.

3) *С. Воскресенка*. Священникъ Андрей Матфеевъ Филоненковъ 49 лѣтъ, въ чтеніи и пѣніи искусенъ; въ семинаріи не обучался. Худаго (поведенія) и былъ штрафованъ въ 1807 году за худые поступки посылкою на годъ въ Самарскій монастырь въ черную работу, а въ 1812 году за обвѣнчаніе брака не своего прихода употребленіемъ въ г. Александровскѣ 3 мѣсяца въ служеніи.

Благоч. свящ. Карпъ Черныяскій.

4) *С. Григорьевка*, графини Литто-Скавронской. Діаконъ Захарій Исаевъ Голубовскій, 42 л. Состоянія хорошаго, но былъ штрафованъ 10-ю рублями за нерадѣніе въ ученіи сына своего.

Благочинный іерей Лука Голубицкій.

5) *С. Гавриловка*. 2-й священникъ Терентій Антоніевъ Харловъ 27 л., обучался въ екатеринославской семинаріи до познѣ, которой слушалъ чрезъ годъ. Добраго, но за небитіе въ высокаторжественный день на всенощной и молебномъ пѣніи и за ослушности благочинному, штрафованъ былъ положеніемъ въ Николаевской (мѣстной) церкви до 200 земныхъ поклоновъ.

Благочинный свящ. Іоаннъ Левитскій.

6) *С. Гуляйполе*. Діаконъ Матеей Григорьевъ Буряковъ 34 л. Добраго, но за обращеніе съ зазорною женщиною былъ штрафованъ посылкою въ Самарскій монастырь для употребленія въ послушаніи на 3 мѣсяца въ 1811 году.

Левитскій.

7) *С. Петриковка*. Священникъ Кирилъ Іоанновъ Средянскій, 41 г.; въ семинаріи не обучался. Добраго, но былъ штрафованъ за невоздержную жизнь лишеніемъ перваго прихода. Нынѣ ведетъ себя честно и отъ хмельныхъ напитковъ вовсе отсталъ.

Левитскій.

8) *С. Ивановка*. Стихарный дьячекъ Андрей Лугіановъ Чеховъ, 49 л. Дерзокъ, строптивъ и непослушенъ, но не штрафованъ.

Левитскій.

9) *С. Конскіе Раздоры*. 1-й священникъ Маркъ Гавриловъ Андриевскій, 44 л.; въ семинаріи не обучался. Худаго и былъ штрафованъ въ 1812 году 1-е, за продажу женою его въ церковномъ притворѣ своихъ свѣчь—10 рублями, а 2-е, за захватываніе доходовъ безъ раздѣлу и произведеніе ссоръ—положеніемъ съ приходской инога благочинія церкви 400 поклоновъ.

10) *С. Преображенка*. Священникъ Павтелеймонъ Федоровъ Черныяскій 58 л., въ семинаріи не обучался. Поведенія нехудаго, но былъ штрафованъ въ 1811 году за обвѣнчаніе не правильнаго брака взмсканіемъ на вдовъ и сиротъ священно и церковно служительскихъ 20-ю рублями, и за сдѣланный предъ архіереемъ обманъ касательно изученія сына своего грамотъ,—положеніемъ въ Екате-

ринскомъ катедральномъ соборѣ чрезъ недѣлю ежедневно по 25 поклоновъ земныхъ. И сего 1814 года, за передержаніе сына своего Константина семинаріи риторика ученика—10 рублями.

11) *С. Полои.* Священникъ Прокопій Филиппевъ сынъ Филипповъ 46 лѣтъ; въ семинаріи не обучался. Добраго, но штрафованъ въ 1807 году за заграбленіе у ново-московскаго мѣщавина Шабелкина золотарскихъ инструментовъ 300-ми поклоновъ. Въ 1808 г. за нерадѣніе о изученіи сына своего—5-ю рублями.

Благоч. Карпъ Чернявскій.

12) *С. Покровскаго.* Свящ. Іаковъ Антоніевъ Хроловъ, 33 л.; въ семинаріи не обучался. Не худаго, но за побой въ пьяномъ образѣ отсталнаго солдата Сасина въ 1810 году, по указу консисторіи находился въ Самарскомъ монастырѣ на ектиніи чрезъ 3 мѣсяца.

Благоч. Іоаннъ Левитскій.

13) *С. Цареконстантиновки.* 2-й священникъ Іоаннъ Кирилловъ Брылевъ, 42 л.; въ семинаріи не обучался. Зараженъ пьянственною страстію и склоненъ къ ссорамъ и дракамъ и былъ штрафованъ за пьянство и нерадѣніе въ своей должности въ 1809 г. посылкою въ Самарскій монастырь, на полугодовую епитемію, который и нынѣ подъ слѣдствіемъ находится за противузаконные поступки.

Благоч. Карпъ Чернявскій.

1824 годъ.

14) *С. Павловка-Камышевска.* Свящ. Матѣй Савинъ Мацюшинъ 43 л.; въ семинаріи не обучался. Состоянія не худаго, но за драку съ еврейномъ штрафованъ былъ послыбою въ Самарскій монастырь на 3 мѣсяца въ ежедневное служеніе.

Благоч. свящ. Павелъ Цегельниковъ.

15) *С. Свистуново-Петровское.* Свящ. Антоній Стефановъ Щипченковъ 50 лѣтъ; въ сем. не обучался. Состоянія посредственнаго, но зараженъ пьянственною страстію и за несоблюденіе и исполненіе начальвическихъ предписаній штрафованъ въ 1810 году 5 руб., въ 1819—5 рублями и въ 1823—на сиротъ и вдовъ 10 рублями и ссылкой на епитемію.

Стихарный пономарь Василій Стефановъ Веселовскій 39 л. Состоянія добраго, но за несоблюденіе своей должности по случаю сгорѣвшей Старокадацкой церкви (екатериносл. уѣзда, откуда переведенъ) былъ штрафованъ 400 поклоновъ.

16) *Посада бывшей крѣпости Петровской.* Свящ. Николай Андреевъ Соловьевъ 45 л.; обучался въ семинаріи до богословія. Націи турецкой. По принятіи христіанскаго закона, находился на воспитаніи покойнаго преосвящ. архіеп. Амвросія. По умертвіи его на жалованный изъ кабинета блаженной памяти Императрицы Екатерины II-я съ 1793 года обучался въ екатеринославской семинаріи съ низшихъ классовъ по богословію. Въ поведеніи не одобряется за склонность къ пьянству. 1819 году взятъ былъ для воздержанія въ соборную церковь (Александровскую) въ ежедневное служеніе, въ какое время и отъ благотворительной должности оставленъ: потомъ хотя и отпущенъ былъ на приходъ въ исправленію должности, но паки за ту же страсть и послѣдовавшую болѣзнь устранивъ былъ на малое время отъ священнослуженія и посланъ былъ въ Георгіевскій Бизюковъ монастырь на епитемію.

И. д. благоч. Кондратъ Кривоузовъ.

17) *С. Новоспасовка*. Свящ. Павелъ Антоновъ Черняевъ, 47 л.; обучался въ курской семинаріи до синтаксиса. Поведенія не хорошаго, былъ штрафованъ въ 1822 году за недоставленіе сына своего въ семинарію 10-ю руб., а въ 1823 году за пьянство, ссору, драку и другіе противузаконныя и соблазнительныя поступки посланъ былъ на полгода въ Георгіевскій Бизюковъ монастырь въ послушаніе, да и нынѣ находится подъ судомъ за похищеніе якобы чужихъ вещей.

И. д. благоч. Кривоузовъ.

18) *С. Благовѣщенки*. Указный дьячокъ Романъ Мануиловъ Кавуновъ, 20 л. Въ поведеніи не одобряется и находится подъ судомъ гражданскаго правительства за воровство лошадей.

Онъ же.

19) *С. Федоровки*. Діаконъ Тимофей Семеновъ Чернявскій, 25 лѣтъ. Часто упражнялся въ пьянствѣ и обращеніи съ неблагонадежными людьми, подаетъ, по вдовству своему, въ поведеніи зазрѣніе, а притомъ строптивъ и непокорень. 1818 г. за разныя шалости и неблаговидныя поступки былъ штрафованъ опредѣленіемъ въ екатеринославскую семинарію на одинъ годъ сторожемъ.

20) *С. Полозь*. Свящ. Прокофій Филипповъ Филипповъ, 56 л. (Изъ запорожскихъ козаковъ). См. 11. 1821 года за непредставленіе 2-хъ сыновъ своихъ въ семинарію штрафованъ посылкою въ архіерейскій загородный домъ на полгода, съ употребленіемъ 3-хъ мѣсяцевъ въ причетническую должность и 3-хъ въ священнослуженіе, а 1824 года за упущеніе въ приходскую его церковь принадлежавшей ему собаки—6-ти недѣльнымъ священнослуженіемъ на собственномъ своемъ коштѣ.

И. д. благоч. тотъ же.

21) *С. Воскресенскаго*. Указный пономарь Федоръ Саввинъ Петровъ, 19 лѣтъ. Поведенія худаго и больше занимается бродяжничествомъ, нежели своею должностію.

И. д. благоч. свящ. Кривоузовъ.

22) *С. Захарьевки*. Свящ. Дмитрій Васильевъ Дроговъ 40 л., въ семинаріи не обучался. Поведенія не худаго. За ссору и драку былъ штрафованъ въ 1818 г. употребленіемъ въ причетническую должность при екатеринославской святодуховской церкви, съ положеніемъ каждой недѣли въ два дни по 50 поклоновъ земныхъ, съ 1824 года по указу Святѣйшаго Синода за обвиненіе указнаго пономаря Михайла Золотова въ несовершеннолѣтствѣ (16 лѣтъ) посылкою въ Григорьевскій Бизюковъ монастырь на 2 года и 7 мѣсяцевъ и нынѣ находится въ монастырѣ.

Кривоузовъ.

Просматривая исповѣдныя росписи церквей конца семисотыхъ годовъ, на каждой изъ нихъ встрѣчаемъ однообразныя, но интересныя подписи, свидѣтельствующія о вѣрности. Приведемъ засвидѣтельствованіе, учиненное причтомъ «Славенской епархіи Павловскаго духовнаго правленія азовской губерніи, александровскаго уѣзда, помѣщичьей слободы Андреевки (Иваненко нынѣ), церкви Успѣнія Пресвятыя Богородицы» за 1784 годъ.

„Сверхъ вышенисаннаго в томъ моемъ святоуспенскомъ приходѣ прописныхъ и утаенныхъ ничьихъ дворовъ неимеется и воозначенныхъ дворахъ, кромѣ вышенисаннихъ никого тутюшныхъ жителей і пришлыхъ нивакого чына и возраста

людей подъ укрывательствомъ необрѣтается і противящихся святой церкви расколниковъ нынѣ, также которіе в сей росписѣ показани зисповѣдавшимися зпричастывшимися, тѣ всѣ подлинно исповѣдались и святыхъ таинъ причастылись, неисповѣдавшихъ же и непричастывшихся никого, кроме малолѣтнихъ не было, буде же изъ оного моего показанія по какому доносу явится хотя мало что ложное или какая утайка і прикрытие, зато повиненъ я неточію въ верженію своего чина, но и жестокому в гражданскомъ судѣ истязанію, въ чемъ и подписуюсь.

Священникъ *Петръ Хуркаловъ* подписался.

Діаконъ *Григорій Савинъ* подписался.

Рукоположенной дядечкѣ *Максимъ Жилоудовъ* подписался.

Александровскъ.

Я. П. Новицкій.

Къ біографіи Т. Г. Шевченка.

Когда изъ автобіографіи, написанной Шевченкомъ въ 1859 г. по просьбѣ редактора одного изъ тогдашнихъ повременныхъ изданій, сдѣлалось общепзвѣстнымъ, что ближайшіе родные поэта, братья и сестра съ ихъ дѣтьми, оставались *крѣпостными* еще и въ пору появленія этой скорбной автобіографіи, то освобожденіе, *немедленное же* освобожденіе ихъ, — не дожидаясь даже исхода разработывавшагося тогда правительствомъ вопроса «объ улучшеніи быта крестьянъ», — можно безъ преувеличенія сказать, стало моментально не только предметомъ платоническихъ пожеланій, но и сердечныхъ мѣропріятій какъ со стороны большинства литературныхъ, такъ и вообще интеллигентныхъ кружковъ тогдашняго петербургскаго общества. Важнѣйшимъ изъ такихъ мѣропріятій, несомнѣнно, были переговоры, начатыя комитетомъ «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», тогда только что возникшимъ, съ владѣльцемъ села Кириловки и его крѣпостныхъ душъ, въ числѣ которыхъ находились братья и сестра Шевченка. Въ переговорахъ этихъ пришлось, между прочимъ, по просьбѣ комитета, принять непосредственное участіе и пишущему эти строки... Привожу здѣсь въ подлинникѣ письмо, писанное ко мнѣ комитетомъ по этому поводу:

„Комитетъ
Общества для пособія... и пр.
Мая 16 дня 1860 г.
№ 292.
С.-Петербургъ“.

Мил. Г.,
Н-й Д-чѣ,

«Комитетъ, узнавъ, что вы отправляетесь на службу въ г. Елисаветградъ и что по дорогѣ можете заѣхать къ г. Флорковскому, обращается къ вамъ съ слѣдующей покорнѣйшей просьбою:

1) Члены Комитета, письмомъ къ г. Флѣорковскому, просили его увѣдомить, согласится ли онъ отпустить на волю родныхъ г. Шевченка, и если согласится, то на какихъ условіяхъ?—До сихъ поръ отвѣта на это письмо не послѣдовало; почему Комитетъ проситъ васъ м. г., узнать отъ г. Флѣорковскаго:

2) можетъ ли онъ исполнить желаніе Комитета, и если можетъ, то

3) на какихъ условіяхъ думаетъ онъ предоставить волю роднымъ г. Шевченко: если съ вознагражденіемъ, то какую цѣну платитъ онъ за выкупъ каждой души?

4) наконецъ, при предполагаемомъ выкупѣ, въ какомъ количествѣ, на тягло или на душу, надѣлитъ онъ землю получившихъ свободу?

5) Не можете ли увидеть самихъ родныхъ Шевченко и вообще объясниться съ ними, желаютъ ли они быть приписаны къ землѣ, выдѣленной г. Флѣорковскимъ, и вообще какія предположенія имѣютъ относительно устройства своей участи?

Прося васъ покорнѣйше увѣдомить меня о послѣдствіяхъ переговоровъ вашихъ съ г. Флѣорковскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ принять увѣреніе, и пр.

Ег. Ковалевскій .

(Предсѣдатель общества).

Отъѣздъ мой изъ Петербурга, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, послѣдовалъ однако не въ маѣ, когда было получено мною вышеприведенное письмо, лично врученное мнѣ тогдашнимъ секретаремъ «Общества», Ал. Дм. Галаховымъ, а лишь въ началѣ іюля. За это послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ особенно часто приходилось видаться съ Тарасомъ Григорьевичемъ, съ которымъ, впрочемъ, я и до того уже былъ хорошо знакомъ. Заходилъ онъ ко мнѣ, заходилъ и я къ нему, на его тѣсную-тѣсную квартиру, въ академіи художествъ, встрѣчались мы и въ обществѣ... и, о чемъ бы и съ кѣмъ бы у насъ ни шелъ разговоръ, всякій разъ, въ концѣ концовъ, Тар. Гр. сводилъ, бывало, рѣчь на предстоящую мнѣ на Украинну поѣздку, а при прощаньи, крѣпко пожимая мнѣ руки, говаривалъ: «голубчику! поусердствуй же, похлопочи за этихъ несчастныхъ!» ...—Наканунѣ моего отъѣзда я пробылъ у него съ 3 ч. пополудни до полуночи, и о чемъ, о чемъ только мы не переговорили съ нимъ въ эти памятные для меня часы!—Тар. Гр. все время нашей бесѣды былъ въ какомъ то особенно возбужденномъ состояніи:

и такимъ говорливымъ и экспансивнымъ, какимъ я его не видывалъ до сего разу никогда. Показывалъ онъ мнѣ и свои опыты гравированія à l'eau forte, и рисунки, и свой портретъ, сдѣланный имъ самимъ. Водилъ онъ меня и по академическимъ заламъ, говоря о художествѣ и по долгу останавливаясь надъ разными, болѣе или менѣе, извѣстными картинами, а особенно надъ знаменитою картиною Иванова: «Явленіе Христа народу» и Брюлловскою: «Осада Пскова». Первая его восхищала своими деталями, а особенно отдѣльными фигурами, но въ цѣломъ онъ ею былъ недоволенъ: «страшно вымолвить,—говорилъ онъ,—а въ цѣломъ... ну, точно гоббеленъ!»... — «Осаду Пскова» онъ находилъ незаконченною, во многомъ слабую, но все таки хвалилъ и съ любовью смотрѣлъ на нее, любовно вспоминая ея творца, своего учителя и друга. — «А погляди, каково это-то?» — говорилъ онъ, указывая на сцену, изображающую русскихъ и поляковъ, со святыми хоругвями и крестами, идущихъ на смертный другъ съ другомъ бой,—«вѣдь, сколько тутъ мысли то!... во имя Христа и во славу его и тѣ, и другіе идутъ истреблять другъ друга!... и страхъ, и ужасъ беретъ, какъ подумаешь, сколько крови и слезъ людскихъ пролито, сколько золь понадѣлано, и все это,—какъ думали, думаютъ да и теперь продолжаютъ увѣрять насъ,—во имя Христа!!... Боже жъ, ты мой, Боже!!»... — Читалъ мнѣ Тар. Гр. и нѣкоторыя изъ тѣхъ его произведеній, которыя тогда имъ только создавались и крайне неразборчиво набрасывались на лоскуткахъ бумаги, а то и прямо на стѣнахъ его квартиренки-кельи. «Это,—говорилъ онъ,—такъ себѣ... сижу, малюю да что въ голову взбредеть, то, случается, и запишу... на чемъ пошало»... — Рассказывалъ онъ мнѣ и про свое давно минувшее, и про свою службу, и про то, что переживалъ онъ, лишенный возможности даже писать и рисовать, и многое, многое еще... Но и никогда не забуду нашего прощанья,—оно было послѣднее, ибо болѣе я его уже въ жизни не встрѣчалъ,—когда Тарасъ, вновь повторяя свою просьбу похлопотать о его братьяхъ и сестрѣ, Оринѣ, съ судорожнымъ воцлемеъ: «о, Орина, Орина!»... упалъ на убогій диванчикъ, стоявшій въ углу его убогой квартиренки, и истерически, громко зарыдалъ, какъ ребенокъ...

По указанію и желанію самаго Шевченка, я, прежде чѣмъ видѣться и говорить съ г. Флѣорковскимъ и его родными, долженъ былъ повидаться и поговорить въ Корсунѣ съ его нареченнымъ братомъ, Вареоломеемъ Григорьевичемъ Шевченко, къ которому, вмѣстѣ съ чисто братскою привязанностью, поэтъ питалъ еще и безграничное

довѣріе, какъ къ человѣку честному, умному и правическому.—Какъ онъ желалъ, такъ все и было мною исполнено.

Желѣзныхъ дорокъ, кромѣ николаевской да кусочка петербургско-варшавской, отъ Петербурга до Пскова, по которой я и выѣхалъ, тогда еще не было. Тѣмъ не менѣе, на 7-й день пути я былъ уже въ Корсунѣ, у Варооломея Григорьевича, а на 8-й и въ Кириловкѣ.

Г. Флѣоровскій, хотя и не въ уваженіи къ Т. Шевченку, за которымъ, по словамъ его, онъ никакого таланта не признавалъ, а въ уваженіи лишь къ комитету, изъявилъ мнѣ полную готовность свою—дать волю роднымъ Шевченка—даже безъ денежнаго вознагражденія, хоть сію же минуту, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы они немедленно же послѣ того уходили изъ Кириловки, куда имъ угодно!.. Что же касается до ихъ надѣла землею, то въ этомъ онъ самымъ категорическимъ образомъ отказывалъ, говоря, что не согласится на это *ни за какія деньги!* Мотивами такого отказа имъ приводились: съ одной стороны—нежеланіе дѣлать исключеніе для Шевченковъ, которое могло послужить соблазномъ для другихъ ихъ односельчанъ, а съ другою—нежеланіе предрѣшать вопроса объ освобожденіи крестьянъ, который, быть можетъ, будетъ рѣшенъ правительствомъ и иначе, т. е. безъ земельнаго надѣла...—На томъ наши разговоры и повончились. Такъ о томъ было тогда же мною написано какъ Ег. П. Ковалевскому, такъ и поэту.

Позже я однако узналъ, что г. Флѣоровскій, освободивъ родныхъ поэта, принялъ даже на себя уплату 900 р. банковаго за нихъ долгу, за что ему была выражена и признательность «Общества». Но когда это именно случилось и при какихъ обстоятельствахъ, того уже я не знаю.

Н. Д. Н.

Замѣтка о малорусскихъ „семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ“.

Свѣдѣнія о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ», называемыхъ также «близнятами» или просто «семилитками» весьма скудны. Мы готовы объяснить это тѣмъ, что народъ не особенно податливъ на рассказы объ этихъ богатыряхъ, потому что они для него не сказки, не мифы, въ которые онъ давно потерялъ вѣру, а нѣчто, хотя и чудесное, но реальное, чего нельзя обращать въ шутку, что не должно служить къ удовлетворенію празднаго любопытства.

Еще недавно въ 1878 или 1879 г., гласить молва, у крестьянина с. Богодуховки золотоношскаго уѣзда, по фамили Беца, былъ доморо слый жеребенокъ съ *крыльями* и всѣ сосѣди были убѣждены, что тутъ же гдѣ нибудь растеть и хозяинъ этого коня, семилѣтній богатырь, и что въ одно прекрасное утро и конь, и всадникъ исчезнуть, выкинувъ предварительно какое нибудь колѣно.

А возвращающіеся съ заработковъ съ юга, какихъ только чудесъ не передають они о чудномъ островѣ, на которомъ живутъ эти богатыри, и объ ихъ подвигахъ на благо человѣчества.

И народъ не смѣется надъ этими рассказами, потому что наслѣшка можетъ оскорбить быть можетъ тутъ же присутствующаго богатыря, потому что онъ, повторяемъ, вѣритъ въ правдивость передаваемыхъ ему чудесъ, между тѣмъ какъ «кобыляча голова» для него только сказка для забавы дѣтей или самое большее игривый мнѣ о происхожденіи *панивъ* и *цыпанъ*.

Что же такое эти малорусскіе семилѣтніе богатыри? Приведенные здѣсь рассказы объ нихъ убѣдятъ, надѣмся, читатели, что это тѣ же западно-европейскіе эльфы, но только нѣсколько ближе стоящіе къ человѣку, менѣе эгонистичные сами по себѣ и болѣе входящіе въ нужды человѣчества. На ряду съ услужливостью нѣмецкихъ вихтельменнеровъ и бретонскихъ тейцовъ, вы не встрѣчаете въ нихъ придиричivosti, непониманія и незнанія жизни человѣческой, эгонизма и мелкаго тщеславія Рюбецала. Далѣе, если въ подвигахъ младшихъ малорусскихъ богатырей и сквозить нерѣдко характеръ каприза, то ужъ въ подвигахъ старшихъ богатырей проявленія стихійной силы устушаютъ передъ безкорыстнымъ служеніемъ ихъ человѣчеству.

Общими чертами западно-европейскихъ и малорусскихъ эльфовъ является то, что какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ не существуютъ время и пространство, отличительными же чертами семилѣтнихъ богатырей слѣдуетъ признать, во первыхъ, совершенное отсутствіе женскаго элемента, но вѣдь и наши историческіе богатыри запорожцы исключали всякое участіе женщины въ своей жизни, и, во вторыхъ, то, что у нашихъ и младшихъ, и старшихъ эльфовъ есть неизвѣстный товарищъ ихъ подвиговъ—конь, ровесникъ богатыря.

Воздерживаясь покажѣсть отъ дальнѣйшихъ замѣчаній и заключеній въ виду относительной бѣдности имѣющагося матеріала, приводимъ записанные нами рассказы.

I.

Прывізъ чоловизъ до себе въ городъ двѣ здоровыхъ каменюкы, отобъ то на млынъ чы шо, на млынъ же винъ не зибрався, а камени такъ соби и zostались въ городи. Одначе якъ чоловизъ той бувъ дуже добрый и працѣвнтьй хазяинъ, то и не забувавъ свого добра и николи одвидувавъ и тѣи каменюкы; колы разъ и ставъ примичать, шо вони не мовъ бы то на друге мѣсце перекочени,—приходять у друге—тажъ прьтча. Подыввися мій чоловизъ, подыввися, повывъ плечыма, тай думае соби: „И шо воно такее значать, шо мое каминне зъ одвого мѣсци на друге нечиста сыла носить. Почекай же, вражий сыну, пидглежу жъ я тебе, якъ ты момъ добромъ граешся!“

Тай впрнувся до дому, а на думци у ёго все те каминне и хто ёго перекочуе. Тилькы винъ ни жинци, ни дитямъ и никоу объ тій чудасіи не промовывъ ни словечка и не порадывся зъ ёмъ розумнѣшымъ, а якъ прыйшла ничъ, то зализъ соби у бурьянъ била тыхъ каменюкъ. тай сподивається, чы не прыйде той шо въ болоти. Оттакий то цигавый бувъ соби той чоловизъ, хочъ уже й немолодѣнкій.—Постривайте-жъ шо дальшъ буде!... Дыввися винъ, дыввися, ажъ обрыдло и очи позлыпалысь, а потимъ и зовсимъ заснувъ... Колы се прокынувся опивночы тай миркуе соби: „чого се я бисового батька у бурьяни опыввися?“ а дали й чуе, шо шось по земли гурѣотыть и якисъ тоненькы голоски примовляють: кить, кить, кить, кить; кить, кить, кить! А въ мого сиромахи и на души похололо. Пронавъ, думае соби, а дали опамъятовався, тай миркуе, шо колы вже пропадаты въ бисовому батьку, то хочъ подывляюсь, шо воно тамъ дѣтѣся. Отъ и подыввися, колы жъ бачыть, шо двое чоловичивъ, такихъ маленькыхъ, шо мончъ, чымъ наши дѣты, якъ вже зипнутыся на ноги, сыдаты соби доли вожный била каменя и не мовъ бы сподиваються одынъ другого, шобъ почынатъ играшкы... А дали одынъ не джедавшысь товариша, якъ ухоньты рученятамы каменюку, та геть, геть ии и повотыть, примовляючи: „кить, кить, кить!“ А каменюка не мовъ мерзлый кизякъ по лёду ажъ пидскокуе та дѣтѣть. Колы се другый чоловичогеъ простягъ ниженьку и зупынивъ каминъ, та потимъ въ свою чергу якъ хмысне другу каминюку, такъ шо ажъ пирѣе зъ неи летѣть, та ще й примовлае: „кить, кить, кить!“... А товаришъ тилькы ниженькою налучае, якъ бы не дати маху.—Дыввись мій чоловизъ, та вже не сумно, а смилкы ёму стало, а дали й не вытерпивъ, та якъ схопыться: „Чого се вы, бисовы хлопцята, надъ момъ каминнемъ глузуете? Ось я васъ, шобъ не дурили!“—Не въ думци тее сиромаси, шо то не звычайни дѣты, бо й на дѣтей зовсимъ не схожи, а дуже ераци нашихъ дѣтей.—Отъ якъ почувы тѣи чоловичы людскую мову, то немовъ змарнили и рученькы опустили, а облычче ихъ, неначе крѣйда, биле зробылось.—А у того чоловика якъ камень на сердце налигъ, такъ ёму жалко, дуже жалко зробылось тыхъ хлопцятъ. А дали одынъ чоловичогеъ и каже, та такъ гьрко, ледве не плачучы: „Недобрый же ты, чоловиче, ворогъ ты нашъ лютый!... Нащо ты замовывъ зъ нами? Намъ ще тилькы тры годы zostавалося жыть у вашому краи, а теперь“... Та не домовывшы, якъ схопыть одно каминне та якъ улупыть объ друге, такъ тилькы прахъ одъ тыхъ каменюкъ носыпався, немовъ зъ писку булы злиплени. Жяхнувся мій чоловизъ и тѣло все ёму задржиало, хотивъ шось промовыть, ажъ тыхъ хлопцятъ уже слидъ простывъ, неначе въ воду попадады, тилькы каминне передъ нымъ прахомъ слалоси. Оттака то пеня лучилась вашему сиромаси. Тилькы

пожъ бы вы думалы! Передъ тымъ уси года бувъ дуже гарный урожай, а нисля того мовъ одризано: ни сына, ни жыта, ни ярны не вродило. И все чрезъ тыхъ чоловчкывъ, що такъ вони обиждени zostались мовою людською.

Отъ козака Н. К.

Въ с. Богодуховѣѣ.

II.

Поблызу одъ нашего села мабудъ такъ шо въ Иржавци (лубеньского повиту) у одного чоловика було два сыны—близнята. Отъ якъ зибрався одинъ сусудъ на млынъ, то прынизъ два камени и звалывъ била того мисця, де почавъ стротись. Колыжъ бачыть и разъ и въ друге, шо тѣи камени перекочени на друге мисце. „Постій же,—каже собя той чоловикъ,—пидглежушь я, хто мои камени займае. Отъ винъ узавъ и засивъ у ночи. Ажъ ось опивночи бачыть, шо тѣи два хлончыки одинъ близче, а другый геть сажень на шистьдесятъ сыдять соби одинъ проты другого и и камени черезъ дирку на рученята понадивалы. А дали одинъ якъ шнурие свѣи каминь, другый же тилькы виженькою налучае, тай соби зновъ кыда. Не втерпивъ чоловикъ та пиднявшись и каже:

— Чого се вы тутъ пустуете?

— Такъ ты насъ оцде бачывъ?—пытають ти хлопчыкы.—„А вжежъ бачывъ!—Ну, такъ прощай же!—Тай зныкы.

Отъ крестьян. Порфирія

Ситника. Тамъ же.

III.

Семьилеты багатыры, або близнята, досемы лить жыуть у батька и матеры, а якъ прыходять уже имъ часъ выражаться на свѣи островъ, то вони перше шо небудъ таке подіють, або млынъ перевернуть, або шо. А потимъ вони уже нікоп шкоды не роблять. А разъ бувъ соби й такый багатырь, шо побачывшы у день якъ люди турбуються зъ тымъ млыномъ, шо винъ самъ у ночи перевернувъ, узавъ на другу ничъ и налагодывъ ёго такъ, якъ винъ и перше бувъ. А налагодывшы, вже й пишовъ на свѣи островъ.

На острови тымъ усяки звиры и гады жыуть, а багатыры й стережуть ихъ, шобъ вони куды не выйшы и не наробылы шкоды людямъ.

Кожный зъ нихъ ма свою чергу,—заклучилъ расказчикъ, крестьянинъ П. Ситникъ,—и за тѣмъ въ подтверждеіе своихъ словъ передалъ намъ слѣдующій расказъ, слышанный имъ, по его словамъ, отъ крестьянина с. Деньги золотоношского уѣзда Софрона Р.

IV.

Ото разъ на заводи (се мени розказувавъ денежскій Сахронъ) прыбигъ якійсь чоловикъ верхы. Скочывъ зъ коня, кынувъ поводъ на влячокъ и не привьязувавъ, усывавъ коню тры миры чистой пшеницы, а самъ вѣйшовъ у хату и сивъ вечерять. А поповшы, зновъ на коня, та не пыскомъ, а прямо на воду звернувъ. Тилькы й бачылы. Колы се черезъ тры дни вертається и везе азыкъ шо одрубавъ змѣю. Се, значыть, змѣй зъ ихъ острова въ чергу сѣго багатыря утикъ, такъ винъ наздогнавшы убывъ ёго, а своимъ азыкъ повязъ, шобъ зналы, шо винъ справды побывъ того змѣя.

V.

А то ще Сахронъ такъ мени розказувавъ, шо на заводахъ бувъ колысь тайный чоловікъ, смиренный, та тихый—никого не зачепить, а якъ ёму дадутъ по потылицы, то винъ соби тилькы одступитъся, мовъ не ёго быто. Отъ разъ идуть люди на ричку до посуды, колы лежить такый здоровый якорь, пудивъ тридцать. Якъ же взялись ёго піднимати, той тридцать чоловікъ не зворохнули. А той чоловікъ ишовъ соби ззаду, а дали, підійшовшы, узявъ якорь одныєю рукою, тай поставивъ ребромъ. Одійшли ще трохи, винъ и каже: „Вернитъся жъ, та подвернитъ ёго такъ, якъ винъ перше лежавъ!“ Отъ пять чоловікъ вернулись, та ледве ледве той якорь повалылы.

Колы се въ ночи, якъ уже зибралысь люди на заводъ, у хату, блиснувъ огонь и летыть огненна колода. А дали щось почало гуркотитъ на двори и когось звать, кажучи: выходи! Такъ було три дни зъ ряду, а на четвертый день той чоловікъ признався, шо се за нимъ приходило, тай потребувавъ ращота.

Потымъ, прощаючись зъ усима, каже намъ: „Идите лышечь завтра на таке то мисце въ лись и якъ побачите дохлу кошку, то поглядте мени дорогу, а якъ ничего не найдете, то помьянитъ мене!“ Казавъ винъ и то, шо ему ще годъ зосталоса ждаты своего коня. Отъ на другой день мы пишли у лись тай нашлы справды дохлу кошку на тымъ самымъ мисци, шо винъ намъ наказувавъ.

VI.

На вопросъ, какъ народъ узнаеть семилѣтнихъ богатырей, разсказчикъ отвѣчалъ:

А отъ якъ зымене изъ села якый небудь хлопчыкъ, то вже й знають, шо винъ семилѣтнимъ багатыремъ ставъ. Теперь народъ не той, шо колысь давнишь бувъ. Перше и у пять лить ставалы багатырямы, а теперь и въ сѣмому году не стане.

На тотъ же вопросъ другой крестьянинъ того же села далъ слѣдующее объясненіе:

Якъ родытъся оттакый багатырь, то до семь лить живе у батька и матери, а тамъ и зымене. Торизъ я чувъ одъ людей, шо въ нашій такы слободи кобыла лоша зъ крыламы привела, а хазяинъ, по прозвыщу Бець, узявъ тай и прыкувавъ тее лоша въ комори на железо, щобъ воно не полетило. Промижъ людмы була на той случай така чутка, шо мабудъ тому лошаку и хазяинъ-багатырь десь росте.

А то я вамъ розкажу тожь такы про багатыри.

VII.

Отто якъ ишовъ одынъ чоловікъ зъ заробиткиъ, вже не знаю зъ якои губернии, то и постричався ёму семилѣтвий багатырь. Багатырь якъ роспытався, той и визнавъ, шо вони обывда зъ одного села. Отъ вони полягали спати, а якъ прокынувся у раницы той чоловікъ, той побачивъ, шо винъ опынывся у своему сели.

Къ этимъ разсказамъ слѣдуетъ присовокупитъ тѣ свѣдѣнія о малорусскихъ богатыряхъ, которые еще недавно сообщены намъ одной пожилой крестьянкой изъ той же мѣстности, отозвавшейся впрочемъ, что ея уже перезабыто все то, что она слышала о богатыряхъ отъ лицъ, возвращающихся отъ моря.

VIII.

Я чула такъ, що дяккому багатырю росте и его винъ и змій, котрого винъ должёнъ побидыть. И якъ часъ прыйде, то багатырь прыпалыть шерстынку и прыбизныть ёго кинь. Тоди воны выходять зъ змиёмъ бытыся на якусь гору. Така у нихъ гора есть и якъ багатырь не побидыть змія, то вже хочъ и останеться багатыремъ, та вже не такимъ, бо у багатыривъ такій духъ, що не тилькы простый чоловікъ, а и священныъ не выдержыть того духу, якъ багатырь прыйде до причастя,—хочъ винъ и вируе въ Бога.

Я не чула про те, щобъ мизъ багатырями булы жинны, а хоча-бъ багатырь и одружылся, то диты въ ёго не будутъ таки, якъ винъ, бо не одъ ёго иде плодъ. Жывуть багатыри на яеихъ горахъ.

Бувъ колысь хлопчыкъ и ризъ винъ соби дурнемъ. Усяке ёго обиждало, усяке ёго было, а винъ и не одбивався. Разъ заперса винъ у свой хаты, сидыть и дванадцать кожъ перемынае, а сусидъ и пидгледивъ у виконце, такъ винъ ихъ одразу такъ и перервавъ, а потимъ и самъ зныкъ. Бильше всего обиждаються багатыри, якъ родытели побачуть ихъ дила. Якъ спасавъ той самый багатырь царевну одъ змія, то матиръ пшла на ёго подымытыся, такъ винъ обидывся и заразы зныкъ. Винъ не ожевылся на тій царевни, то о друга казка,—въ котрій багатырь женытыся, а цёго багатыря просылы тилькы, щобъ винъ спасъ ту царевну. А то ще одынъ багатырь, чы той самый, чы другый, зустривъ у поли чумакивъ. Чумаки варылы кашу, такъ винъ зъ ними, укутавъ цилисинькый казанъ и зынивъ велыней хлѣбъ, а потимъ прыпалывъ шерстынку. Колы це де не взявся кинъ и каже: Паше мій любый, паше мій мылый, чы тебе пидъ деревомъ, чы поверхъ дерева несты.— „Неси поверхъ дерева!“ Тай бувъ такий.

Про жиногъ-багатыривъ я зроду не чула, а розказували мени, що въ Києви, и це не брехня, а правда, була така дивка, що важыла пятнадцать пудивъ и була соби дуже, дуже багата, такъ ий шукалы чоловіка. Усыхъ селыкалы, хоча-бъ мо-скала якого небудъ, та нихто не одважылся, а дуже усямъ хотилося побачыть якый одъ неи плодъ буде“...

Приведенный рассказъ убѣждаетъ, что наши богатыри живутъ не только на невѣдомомъ островѣ, но и на какихъ то горахъ. Это то обстоятельство и побудило насъ между прочимъ вывести то заключеніе, что есть, такъ сказать, два цѣла, или два возраста богатырей. Мало того лѣтъ десять тому назадъ намъ пришлось слышать весьма туманный рассказъ о какихъ то богатыряхъ-старцахъ, живущихъ въ Кавказскихъ горахъ. Записать тогда же этотъ рассказъ было неудобно, а припоминать слышанное оказалось еще неудобнѣе, когда же разсказчику предложено было впоследствии повторить рассказанное, то онъ не обнаружилъ низагой къ этому охоты. Вообще мненіе о богатыряхъ не могутъ быть записываемы такъ, какъ записываются сказки. Они должны быть схватываемы почти на лету въ тѣ минуты, когда

народъ разговорится по душѣ и въ вечерней, задушевной бесѣдѣ переносится въ міръ чудеснаго и таинственнаго, въ который онъ еще не пересталъ вѣрить.

г. Лубны.

Сообщилъ А. Савичъ.

Посылка гетмана Апостола въ Москву за лекарствами.

Въ апрѣлѣ (28-го) 1733 г. гетманъ Апостолъ освящалъ въ Глуховѣ свои «новые будинки» и по этому случаю задалъ банкетъ, на которомъ, какъ говоритъ Марковичъ въ своихъ Запискахъ, «самъ гетманъ больше всѣхъ пьянъ былъ и такъ ослабѣлъ, что понесли его до постели съ кресломъ»... «Послѣ увѣдомилсь», добавляетъ Марковичъ, что «параличъ заразилъ у гетмана лѣвую руку и ногу и ротъ немного искривило. Докторъ Бокъ еще въ ночи давалъ больному клестирь, кровь изъ ноги пускалъ»... При дальнѣйшемъ леченіи семидесятипятилѣтняго старца (род. 1658 г.) пришлось послать въ Москву за «рецептами», какъ показываетъ помѣщаемое здѣсь письмо гетмана, писанное имъ къ ассесору коллегіи иностранныхъ дѣлъ Семену Ивановичу Иванову¹⁾.

Благороднѣй и достопочтеннѣй господинъ ассесоръ.

Прошлаго априля 28 д. Божиимъ посѣщеніемъ приключилася мнѣ болѣзнь парализъная, отъ которой рука и нога лѣвія отняты, а понеже отъ болѣзни той и по сіе время мало что въ здоровьи моемъ ощущаю полегченіе, того ради отправленъ служитель двору нашего Гаврило Позніаковъ въ Москву къ доктору господину Бидлову для привозу оттоль къ болѣзни моей (какіе по искуству его господина доктора даны будутъ) рецептовъ. Которому служителю благоволи ваше благородіе приказать выдать на почтовіе двѣ подводѣ за уеззіе прогони съ Москвы въ Глуховъ пашпортъ, чтобъ онъ служитель, сюда въ Глуховъ съ данными ему для кураціи означенной моей болѣзни рецепти, скоро могъ прибыть, а оному служителю отъ насъ даны такъ въ Москву едучому якъ и оттоль сюда поворачачающемуся уеззіе прогонніе денги, а іа за сію вашего благородія благосклонную учинность вашему благородію возблагодарить и отслужить готовѣйшій. А впрочемъ пребываемъ вашему благородію вседоброжелательнѣй Еіа Императорскаго Величества войска запорожскаго и обоихъ сторонъ Дѣшира Гетманъ Даниилъ Апостолъ. По приѣззу ясневельможнаго на сей часъ болѣзнуючюго вмѣсто власной его вельможности рейментарской руки подписалъ войсковою енералнѣй писарь Михаилъ Турковскій. 1733 г., мая 27 д. Глуховъ.

¹⁾ За сообщеніе этого письма приносимъ нашу благодарность г. Неёлову.

Запоздалая ревность Запорожья въ своему имени.

Хмельницкій, подписывая въ 1649 г. «реестры» 16-ти малоросійскихъ полковъ обонхъ береговъ Днѣпра¹⁾), подписался гетманомъ «войска запорожского», называя такимъ образомъ все тогдашнее подвластное ему козачество какъ жившее за «порогами», такъ и въ «городахъ», одинаково — «войскомъ запорожскимъ». Гетманами «войска запорожского» писались и всѣ преемники Хмельницкаго до Разумовскаго включительно. Подражая гетманамъ, такъ писалась и полковая козацкая старшина. Въ подписяхъ послѣдней читаемъ: Демко Игнатовичъ, полковникъ войска запорожского чернѣговскій, ихъ царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго прилуцкій полковникъ Дмитрій Лазаровичъ Горленко, войска запорожскаго судія полковый и наказный полковникъ черниговскій Василій Тохара» и т. д. и т. д.

Если гетманы называли малоросійскіе козацкіе полки «войскомъ запорожскимъ», то естественно, что и старшина этихъ полковъ должна была именоваться старшиною «войска запорожского». Такъ оно и было, какъ видно изъ приведенныхъ подписей, пока Запорожье не вздумало заднимъ числомъ заявить претензію на такое якобы самозванство «городовыхъ» полковниковъ и пожаловалось въ 1751 г. только что поставленному гетману Разумовскому. Совѣтники послѣдняго нашли возможнымъ удовлетворить запоздалую жалобу Запорожья, не желавшаго уже, какъ видно, въ это время единенія съ народомъ, изъ котораго и составлялся запорожскій контингентъ... Разумовскимъ былъ выданъ слѣдующій универсалъ:

„Графъ Кирилъ Разумовскій гетманъ и кавалеръ.

Полковнику Переяславскому господину Сулимѣ.

Представляя намъ доношеніемъ Войска Запорожского Низового атаманъ кошовій Якимъ Игнатовичъ, что многіе малоросійскіе полковъ полковники называютъ себе и въ писмахъ разныхъ подписываются Войска Запорожского и малоросійскаго полковниками, что де Войску Запорожскому въ противность и обиду слѣдуетъ затѣмъ, что де они, малоросійскіе полковники, къ Войску Запорожскому не приключены и въ прежние, давние времена того не было и полковники де малоросійскіе Запорожскаго Войска не писались. И просилъ онъ, атаманъ кошовій, въ томъ онымъ малоросійскимъ полковникамъ запрещенія. Чего ради ежели подлѣнно такъ есть, то повелѣваемъ всѣмъ господамъ полковникамъ малоросійскіхъ полковъ въ томъ числѣ

¹⁾ „Реестры всего войска запорожского“, изд. Бодинскаго. М. 1875.

и вамъ впредь Войска Запорожскаго низоваго полковниками не подписиватся, а къ кошовому атаману Войска Запорожскаго низоваго изъ старшиною и товариствомъ о семъ за извѣстіе нашъ ордеръ посланъ. Данъ въ Глуховѣ. 1751 году, сентября 9 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій“.

(Съ подлинника).

А. Л.

ПѢСНЬ О СВѢТѢ.

Подъ такимъ заглавіемъ находимъ въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ бібліотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, № 2189, интересную виршу, до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатанную, но стоящую печати, какъ одинъ изъ малочисленныхъ образчиковъ литературной обработки нарѣчія галицко-русскихъ горцевъ въ половинѣ XVIII столѣтія. Сборникъ, въ которомъ въ числѣ другихъ статей помѣщается упомянутая вирша, принадлежалъ Ѳедору Поповичу, священнику горскаго села Тухли, и помѣченъ 20 авг. 1751 года. Была ли нижеслѣдующая вирша произведеніемъ самого Поповича, или какого нибудь другаго неизвѣстнаго намъ автора, судить объ этомъ нѣтъ никакого основанія. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что на самый сборникъ, въ которомъ записана эта вирша, еще въ 1881 г. обращено было вниманіе г. Макушевымъ въ «Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія», послѣ чего въ 1884 году д-ръ Калитовскій перепечаталъ значительную часть его содержанія, а именно апокрифическія сказанія въ «Библіотекѣ Зори», а «Книгу звѣздочетства» въ «Зорѣ». «Пѣснь о свѣтѣ» такъ и осталась неизданной, хотя и отличается отъ этихъ сказаній большимъ литературнымъ достоинствомъ и почти совсѣмъ чистымъ языкомъ народнымъ, съ незначительною примѣсью полонизмовъ и формъ церковныхъ. Многіе стихи этой вирши почти цѣликомъ взяты изъ пѣсней народныхъ, что главнымъ образомъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ вирши былъ человѣкъ близко знакомый съ жизнью народа, живущій вмѣстѣ съ народомъ, и хотя довольно для тѣхъ временъ грамотный, но все же далекій отъ свойственнаго тогдашнимъ грамотѣямъ презрительнаго отношенія къ простому народу. Искренняя грусть, которая сквозитъ во всѣхъ стихахъ его вирши и проявляется просто, естественно и безъ вычурныхъ фразъ, свойственныхъ напр. польской поэзіи того времени, указываетъ намъ въ авторѣ человѣка несчастнаго, обиженнаго судьбой, какимъ именно могъ быть бѣдный русскій священникъ въ далекомъ

горскомъ селѣ, «на овсяныхъ хлѣбахъ», чувствующій въ душѣ влеченіе къ высшей умственной жизни и не находящій въ своей средѣ никакой поддержки, а напротивъ, долженствующій тратить весь запасъ своей энергіи на мелочную борьбу за существованіе. Въ прилагаемомъ текстѣ этой интересной вирши соблюдаю правописаніе подлинника.

Миронъ.

Пльнь о свѣтъ.

- А хтож на сем свѣтѣ без долѣ вродился,
Тому свѣтъ марне як колод точился,
Лѣта плинут марне як бистрие рѣки,
Часи молодие як з дожджу потоки,
5. Все то марне минаеть.
Луче бися било в свѣтѣ не родити,
Нѣжели на свѣтѣ бездолному жити,
Албо вродившися скоро в землю гнити,
Жеби не долго в свѣтѣ бездолному жити,
10. Нехай жало не буде.
Ой доле моя, где ти втойчасъ била,
Коли моя мати мене породила,
Же ми тепер в свѣтѣ нѣ в чѣм не ратуеш,
А ти гуляеш, кому но ти служиш,
15. А я бѣдний на свѣтѣ.
Куди повернуся не маю радости,
Тилько во очах слези, а в серцу жалости,
Вийду межи люди, стану та думаю,
Що люде гуляют як риби в дунаю,
20. Ох тяжкий мой жало.
Сам же я не знаю, що маю чинити,
Як мѣнѣ на свѣтѣ бездолному жити.
Коли би мнѣ врила орловие мати,
Полетѣлаби я где своей долѣ шукати
25. А в чужие сторони.
Ахъ свѣте ж мой ти щастом (sic!) голдуеш,
Однаго минаеш другому даруеш;
Иніхъ людей садиш в дороге шати,
А иніхъ садиш в пошерпанѣ лати,
30. Рани серцу завдаешъ.
Нѣхто члвка в нещастю незнае,
Якъ на собѣ суеней богатих не мае,
Хотай би й онъ билъ и чесного рода,
Як немаш в кишени, то певна незгода,
35. Хоч би бил намудрѣвший.

- Где ся члвку в нещастю подѣти,
 До кого он мает главу приклонѣти?
 Кто собѣ панует а не поратует,
 Не тилко чужина але и родина
40. В нещасной годинѣ.
 Сут такіи люде, що пендзи не знают,
 Вродившися в щастю, в щасцю умирают,
 А иншіи й зроду фортуни не мають,
 Хоч найбільше живут, роскошей незнают
45. Ажъ до смерти своєї.
 Рожняе люде мови о мѣзернѣмъ мают,
 Которие они пендзи на свѣтѣ не знают.
 Коли приѣде убогій где меже богатѣ,
 Зараз еден з другимъ почнут ся зглядати,
50. В кождомъ словѣ осуждати.
 Пипов бимъ мѣзерній фортуни шукати,
 А в якій она сторонѣ коли би ей знати.
 Ачей же коли у мене фортуна буде,
 Вгой час мене знати всюгда будутъ люде,
55. Где тилко ся поверну.
 Ах долеж моя доле чемъ мя ти минаеш,
 А инѣхъ людей в свѣтѣ спомагаеш,
 Тилко мене мѣзерного в свѣтѣ не ратуеш,
 Мѣсяца едногс не послужиш,
60. За вѣк би мѣнѣ стало.
 Да вшиткожъ тое фортуна справует,
 Кому она служитъ, той завше пануетъ;
 Кто фортуны маетъ, в каждаго биваетъ,
 А на мѣзерного якъ звѣр поглядаетъ,
65. В кождомъ словѣ осуждаеть.
 А szczoż za uticha w switі czelowiku,
 Коли марне тратитъ лѣта сего свѣта.
 Ачей же коли самъ Богъ що ударуетъ,
 Же ся надомною коли измидуеть
70. В нещасной годинѣ.
 Ласка то все Бога усѣмъ тимъ веруе,
 Же ся надо мною коли такъ змилуе,
 Коли мѣнѣ схоче и самъ Богъ що дати,
 Не дастъ надо мною такъ барзо згаржати
75. В нещастливой годинѣ.
 Смугне мое сердце вѣгди ся не вѣшитъ,
 Тилко вѣби все жалъ тяжкий барзо зноситъ,
 Немашъ жадной хвилѣ жеби мнѣ послужило,
 Жеби ся мое сердце хоч на часъ вѣвшило,
80. За вѣк би мѣнѣ стало.

- Кирравне слези з очий моих текут,
 Хоч би на едень часъ, [и] то не престанут;
 Плачуть мои очи сердцем моимъ тужу,
 Же я вѣвѣдкого ширости не вижу,
 85. Як мѣвѣ не тужити.
 Едного немаш жеби бил мнѣ ширей,
 Жеби мя потѣшил в нещасной годинѣ;
 Сам же я не знаю що чинити маю,
 Жаль свой износити, би мя могл втѣшити
 90. В нещасливой годинѣ.
 Змилуй ся Боже до тебе волаю,
 Тилко в тобѣ едном всю надѣю маю.
 Боже з високости недай..... жалости
 Мѣвѣ мѣзерному в свѣтѣ нещасному,
 95. На вѣкѣ ти будем хвалити.
 Амен.

Изъ школьнаго міра.

(Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ).

При нѣкоторыхъ училищахъ югозападнаго края существуютъ общежитія, въ которыхъ въ теченіе учебнаго года помѣщаются на всемъ готовомъ дѣти изъ селеній, удаленныхъ отъ училища. Обыкновенно это бываетъ при училищахъ, устроенныхъ средствами цѣлой волости. Мы приведемъ въ примѣръ описаніе одного изъ такихъ общежитій, которое можно считать типическимъ.

Въ общежитіи при перерословскомъ училищѣ (острожскаго у.) содержится, по приговору сельскихъ обществъ, не болѣе 35 учащихся изъ поселянъ перерословской волости, участвующихъ въ содержаніи общежитій, для которыхъ отпускается ежегодно 350 р. Для закупи и доставки съѣстныхъ припасовъ и вообще для наблюденія за правильнымъ ходомъ хозяйства общежитія имѣется особый «попечитель», получающій за свои труды три руб. въ мѣсяць. При общежитіи имѣется отдѣльный отъ училища сторожъ и стряпуха. Приобрѣтаемая попечителемъ общежитія запасы, по надлежащемъ взвѣшиваніи и изслѣдованіи ихъ доброкачественности, вносятся въ присутствіи учителя, волостнаго старшины и очереднаго ученика въ кладовую, гдѣ и записываются въ приходную книгу.

Ежедневно при взвѣшиваніи и выдачѣ стряпухѣ припасовъ присутствуютъ очередные воспитанники старшаго отдѣленія. Пища выдается ежедневно трижды; обѣдъ состоитъ изъ двухъ блюдовъ (обыкновенно).

борща и каши), а утренняя и вечерняя ѣда изъ одного. Воспитанники живутъ въ общежитіи съ 21 сент. по 1 май. Отчетность по расходамъ общежитія ведется мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ. Отпускаемыхъ на общежитіе денегъ—350 р., собственно говоря, хватаетъ только въ обрѣзъ, да и то потому лишь, что, наприм., вовсе не существуетъ, расхода на хлѣбъ; пекарни при общежитіи не имѣется, и хлѣбъ доставляется воспитанникамъ ихъ родителями изъ дому.

Кромѣ подобнаго, наиболѣе распространеннаго вида общежитій, бывають и другіе способы ихъ устройства. Такъ, состоящее при тесловскомъ училищѣ дубенск. у. общежитіе, рассчитанное человекъ на 35, помѣщается въ зданіи мѣстнаго волостнаго правленія, гдѣ подъ общежитіе отведены двѣ большія комнаты и кухня; хозяйства общаго здѣсь уже нѣтъ, а воспитанники приносятъ каждый необходимые для приготовленія горячей пищи припасы изъ дому; отъ общества нанимается только стряпуха, которая и приготовляетъ изъ доставленныхъ ей припасовъ горячую пищу. Кромѣ содержанія стряпухи, общество отпускаетъ еще необходимыя деньги на ремонтъ общежитія, посуду, освѣщеніе, что вмѣстѣ составитъ рублей 50 въ годъ.

Вопросъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ югозападнаго края имѣетъ особенное, выдающееся значеніе. Дѣло въ томъ, что при немногочисленности училищъ въ этомъ краѣ, эти послѣднія нерѣдко являются единственными разсадниками просвѣщенія для цѣлой волости (о церковноприходскихъ школахъ мы пока умалчиваемъ въ виду кратковременности ихъ дѣятельнаго существованія и отсутствія данныхъ для сужденія). Вотъ почему къ училищу тяготѣетъ обыкновенно нѣсколько, а иногда даже и значительное количество селъ, болѣе или менѣе удаленныхъ; ясно, что школьная практика жизни, являются на помощь весьма кстати, такъ какъ избавляютъ бѣдныхъ дѣтей отъ ежедневнаго далекаго двукратнаго странствованія или даже пропуска уроковъ по случаю холодовъ, распутицы и другихъ прелестей нашего климата. Изъ вышеприведеннаго примѣра видно, до какой степени дешево эти учрежденія: каждый воспитанникъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ стоитъ только 10 р., т. е. столько же, сколько онъ, вѣроятно, стоилъ бы и дома, или немного болѣе, пожалуй. Правда, онъ, находясь дома, могъ бы быть въ хозяйствѣ извѣстнымъ подспорьемъ своимъ родителямъ; но, во первыхъ, зимою услуги дѣтей въ селахъ далеко не такъ важны въ хозяйствѣ и значительны, какъ лѣтомъ, а во вторыхъ, за то дѣти болѣе могутъ

успѣвать въ наукахъ, находясь постоянно въ школьной средѣ и не будучи отвлекаемы отъ ученія разными мелкими домашними послугами; кромѣ того, берегается и то время, иногда довольно значительное, которое имъ пришлось бы употребить на двукратное ежедневное путешествіе. Наконецъ, нельзя не принять въ расчетъ и тѣхъ выгодъ, которыя получаютъ для общества отъ чисто воспитательной стороны дѣла; дѣти, находясь въ болѣе высокой, съ духовной точки зрѣнія, средѣ, конечно, очень выиграютъ сравнительно съ тѣмъ, какъ если бы они оставались дома. Тутъ, въ общежитіи, возможны: болѣе или менѣе правильный надзоръ за ними, устройство внѣклассныхъ бесѣдъ, чтеній, разныхъ художественныхъ развлеченій, какъ хоровое пѣніе, рисованіе и пр., въ тѣхъ же училищахъ, гдѣ существуютъ ремесленные отдѣленія (столярное, сапожное и другія) воспитанники общежитій могли бы быстрѣе совершенствоваться въ ремеслѣ.

Вообще, по нашему мнѣнію, сельскія школьныя общежитія представляютъ столько выгодъ, что можно пожалѣть о сравнительно маломъ количествѣ ихъ и пожелать развитія и умноженія ихъ въ краѣ. Отъ гр. мировыхъ посредниковъ можно въ особенности желать дѣятельнаго содѣйствія въ данномъ случаѣ, такъ какъ они пользуются въ селѣ наибольшою долею вліянія и власти сравнительно съ прочими мѣстными дѣятелями.

А. С—чь.

Д л я с п р а в о к ъ .

Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ). (Окончаніе ¹⁾).

LXVIII. Черновая жалоба государямъ въ 7203 г. курчезъ Луки и Акима Андр. д. Авдѣевыхъ на Андр. Федос. с. Молютина въ томъ, что оны мѣшаютъ дѣлу межованія ихъ помѣстья; см. выше № LXVII.

LXIX. Наказъ 7203 г. окт. 30 межевщикамъ объ исполненіи грамоты 7202 г. апрѣля т. е. объ отмежеваніи земли Каменева отъ земель его сосѣдей; см. выше №№ LXV и LXVI.

LXX. Донесеніе 7203 г. ноября 10 межевщиковъ, что приказаніе, означенное въ предыдущемъ номерѣ, ими не выполнено изъ за противодѣйствія сосѣднихъ помѣщиковъ

LXXI. Продажная записъ, данная 1695 г. апр. 10 бывшимъ сотникамъ с. Высшей Сыроватки сумскаго уѣзда Степ. Гр. Вдовиченкомъ на проданную имъ grazниискому слѣтнику Петру Ивановичу землю, на которой поселены крестьяне.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 2, февраль.

LXXII. Продажная запись 1695 г. мая 8, данная этимъ сотникомъ Петромъ Ивановичемъ, на означенную въ предыдущемъ номерѣ землю (купленную у Вдовичена, отцовскую), на которой живутъ вольные гулящие черкасы, стольн. и полк. сумск. Андрей Герасимовичу Кондратьеву. Петръ Ивановичъ купилъ землю за 40 талеровъ, продалъ за литовской ляхбы 200 злотыхъ. При продажѣ упоминается въ свидѣтеляхъ сумская старшина: обозный Василій Бакай и есаулы Грицко Даценко и Трофимъ Яковлевичъ. За Петра Ивановича подписался зять его сумскій писарь Гаврило Григорьевъ. За разныхъ сотниковъ подписался, какъ грамотный, сотникъ миропольскій Кондратъ Марковичъ.

LXXIII. Продажная запись, данная 1695 г. въ маѣ жителями с. Высшей Сырватки Ив. Буткомъ да Погорѣленкомъ на земли, проданныя тому же Кондратьеву.

LXXIV. Продажная запись 1695 іюня 8, данная жителями села Высшей Сырватки Павл. да Степаномъ Побоченками на земли, проданныя тамошнему сотнику Максиму Неродѣ.

LXXV. Мѣновая запись 7204 г. дек. 1 курчен. Ив. Емел. с. Тураева и новгор. сѣв. Сиды Кузьм. с. Арсеньева на помѣстья; при чемъ первый далъ земли въ рыльск. у. въ свапск. ст. въ с. Плотовѣ, второй въ томъ же уѣздѣ въ омонск. ст. на р. Воугошѣ.

LXXVI. Вводная во владѣніе по этой мѣвѣ 7204 г. декабря 8.

LXXVII. Продажная запись 7204 г. генваря 10, данная Федоромъ, вдовою, бывшаго сотника с. Нижней Сырватки Афан. Гребельниченка съ сыномъ Михаиломъ на землю по р. Бобрику, продан. Андр. Гер. Кондратьеву.

LXXVIII. Выпись съ межевыхъ книгъ 7204 г. іюня 12 о земляхъ Андр. Гер. Кондратьева въ с. Высшей Сырваткѣ по р. Бобрику вдоль Сагайдачнаго шляха.

LXXIX. Выпись съ отказа 7205 г. окт. 19 новг. сѣв. Кузьм. с. Арсеньеву на помѣстье въ рыльск. у., свапск. ст., въ косожск. вол., на р. Котлевѣ, что было Ив. Мелехова.

LXXX. Мѣновая запись 7205 г. ноября рылян. Мирона Вас. с. Тураева и нов. сѣв. Сиды Кузьм. Арсеньева на помѣстья; при чемъ первый далъ землю въ рыльскомъ у., въ свапск. ст., въ косожск. вол., по р. Севенѣ, о второй въ томъ же уѣздѣ въ подгородн. ст. по р. Омони.

LXXXI. Продажная запись 7205 г. февр. 27, данная дѣвкой Марьей, дочерью Ильи Игнатова, на помѣстье (отцовское) въ рыльск. у., въ свапск. ст., дер. Севенѣ, проданное Сидѣ Кузьм. Арсеньеву за 15 р., которыя она взяла на приданное.

LXXXII. Мѣновая запись 7205 года марта 8 новг. сѣв. С. К. Арсеньева да рылянъ Афан. и Ив. Михайл. д. Тураевыхъ на помѣстья; при чемъ первый далъ землю въ рыльск. у. въ подгородн. ст., въ пустоши Савкахъ, а второй въ томъ же у. въ свапск. ст. въ сницкой волости въ дер. Черемошкахъ.

LXXXIII. Вводная во владѣніе по этой мѣвѣ, 7205 марта 8.

LXXXIV. Вводная во владѣніе по мѣвѣ, обозначенной въ № LXXX, 7205 мая 8.

LXXXV. Выпись съ отказа 7205 г. мая 8 Арсеньеву на помѣстье Тураева согласно предшествующему номеру.

LXXXVI. Такая же 7205 г. мая 8 къ тому же Арсеньеву на вымѣнянное имъ помѣстье того же Тураева на р. Котлевѣ.

LXXXVII. Выпись съ отказа 7205 г. мая 20 рылян. Якиму Ив. с. Шустову

на помѣстье въ рыльск. у., въ свалск. ст. въ дер. Вабли. что было прежде имъ уступлено Афан. Распопову.

LXXXVIII. Духовное завѣщаніе 7205 г. мая 27 Петра Алексѣев. Большаго Исакова при отпращиваніи его въ походъ, на случай смерти. Очень подробное со многими быловыми частностями. Видно, что жена Исакова Ксенія была дочь Петра Каменева и въ первомъ бракѣ была за Курасовымъ.

LXXXIX. Запись 7207 г. мая 6 Никиты Ив. Люшина на нѣсколько крестьянскихъ семействъ, отдаваемыхъ имъ курчен. Ив. Сем. с. Мальцеву взаимнѣ того, что у Люшина жили нѣсколько лѣтъ бѣглецы крестьяне Мальцева (убѣжавшіе и отъ Люшина).

XC. Выпись съ отказа 7207 г. дек. 5 Авдр. Гер. Кондратьеву на помѣстье въ недригайловск. у. на р. Сулѣ на Пещаномъ бродѣ.

Упоминается братъ Кондратьева Романъ, здѣшній же помѣщикъ.

XCI. Копія съ продажной записи 7207 г. генв. 20, данной П. Ал. Больш. Исаковымъ и женою его Ксеніей Федос. и Макс. Петр. д. Каменевымъ на имѣніе въ курск. у. въ сбяцк. и усожск. станахъ въ различныхъ деревняхъ. Дана для смертнаго часу.

XCII. Запись 7207 г. генв. 26. Фед. и Макс. Петр. Каменевыхъ П. Ал. Больш. Исакову и женѣ его Ксеніи о владѣніи ими, Исаковыми, своимъ проданнымъ по предшествующему номеру имѣніемъ до ихъ смерти.

XCIII. Грамота 7207 г. февраля 10 о согласіи на мѣну помѣстьями нов. сѣв. С. К. с. Арсеньева и рылян. Тимоф. Фотіева с. Воротницова, изъ которыхъ первый далъ помѣстье въ рыльск. у., въ подгородн. ст. часть деревни Жтовича (?), а второй въ томъ же уѣздѣ, въ свалск. ст. косожск. вол., въ дер. Дремовой по р. Пруту.

XCIV. Грамота 7207 г. февр. 10 о согласіи на мѣну помѣстьями того же Арсеньева и рылян. Иги. Парфент. с. Якшина, изъ которыхъ первый далъ помѣстье въ рыльск. у., въ подгородн. ст., часть деревни Жтовича, а второй въ томъ же у., въ свалск. ст., косожск. вол., въ дер. Севенгахъ.

XCV. Сказка. 7207 г. начала марта лицъ, мѣнявшихся помѣстьями подъ предъидущимъ номеромъ, о ихъ согласіи на мѣну эту.

XCVI. Выпись съ отказа 7207 г. марта 6 Арсеньеву на помѣстье Якшина согласно съ двумя предъидущими номерами.

XCVII. Отказъ на то же помѣстье, данный на мѣстѣ, 7207 г. марта 7.

XCVIII. Грамота 7207 г. марта 15 объ удовлетвореніи челобитья дочерей умершаго Сидора Петр. с. Каменева Авдотьи, жены Ав. Андр. с. Авдѣева, и Даріи, жены Гр. Матв. с. Онуфриева, опровергающихъ духовную своего отца, которою его вотчинн и помѣстья оставлены по смерти его вдовѣ, а ихъ матери Приивѣ, а затѣмъ его роднымъ братьямъ Федос. и Макс. П. Каменевымъ. Имѣнія С. П. Каменева исчислены подробно.

XCIX. Запись 7207 г. марта 30 курч. Ос. Тимоф. с. Ескова о прохвѣнѣ имъ помѣстья въ курск. у., въ курицкомъ ст., въ дер. Саскоюй Ав. Андр. с. Авдѣеву, давшему за то помѣстье въ томъ же у., въ подгородн. ст. на р. Боршиѣ и 20 руб.

C. Выпись съ отказа 7207 г. апр. 5 Серг. Макс. с. Каменеву на помѣстье въ курск. у., въ курицк. ст. въ дер. Дроняевой, вымѣнянное имъ у курч. Алфера Артем. с. Мишустина.

СІ. Сказки 7207 г. начала мая лицъ, мѣнявшихся помѣстьями, указанными выше въ № ХСП, о согласіи ихъ на мѣну.

СП. Отказъ 7207 г. мая 13 Арсеньеву помѣстья Воротыщева, указанного въ № ХСП.

СШ. Такой же отказъ на помѣстье 7207 г. мая 13.

СIV. Копія (безъ начала) съ письма къ государю отъ 7207 г. іюля 8, бѣлгородскаго воеводы о рѣшеніи имъ спора за земли въ вольновскомъ уѣздѣ въ с. Сидоровѣ, населенныя черкасами, и въ дер. Добрынской, между вольновцемъ Троф. Куряновымъ (кажется уступившимъ эти земли ахтарскому полковнику Ив. Ив. с. Перекрестову) и вальновскимъ воеводою стольникомъ Федос. Петр. Каменевымъ въ пользу перваго изъ нихъ.

Интересенъ разсказъ, какъ Каменовъ различными неправыми путями добивался получить эти земли.

СV. Отпускная на волю 1700 г. февр. 4 бывшаго крѣпостнаго человѣка стольн. Ив. Андр. Пущина Сем. Макс. с. Шабанова съ семьею, согласно съ духовнымъ завѣщаніемъ Пущина.

СVI. Отказъ 1700 г. апрѣля 20 Силѣ Кузьм. Арсеньеву помѣстья Николая Шустова рыльск. у., въ сваяск. ст., на устьи р. Ваблі.

СVII. Сказка 1700 г. іюля 21 С. К. с. Арсеньева съ Ив. Ермол. с. Дуровымъ и Федор. Никит. с. Пушкаревымъ о согласіи ихъ на мѣну помѣстьями, причемъ Арсеньевъ даетъ имъ землю въ рыльск. у., подгородн. ст., въ пустоши Савкахъ; Ив. Дуровъ даетъ Арсеньеву помѣстье въ томъ же уѣздѣ въ сваяск. ст. въ с. Плотавѣ, а Фед. Пушкаревъ въ томъ же уѣздѣ и тоже въ сваяск. ст. въ дер. Черемошкахъ.

СVIII. Отказъ 1700 г. 18 окт. сумск. полковнику стольн. Андр. Герас. Кондратьеву на земли въ сумск. уѣздѣ, около с. Сыроватки, купленныя имъ у разныхъ лицъ, преимущественно у родственниковъ.

Упоминается бѣлгородскій воевода генер. мѣюръ Христофоръ Андр. Ригмонъ (Ригельмонъ) и сумской судья Сем. Андр. с. Юнокъ.

СIX. Жалоба государю въ 1701 г., не раньше марта, крестьян. с. Курасова, владѣнія П. Ал. Больш. Исакова, Федьки Иванова на курчен. Павла Курасова, обвиняемаго Ивановымъ въ поджогъ сарая.

СX. Отказъ 1702 г. іюня 6 новг. сѣв. Игн. Ив. с. Ушакову на помѣстье въ рыльск. у., въ сваяск. ст., что было сухорученское помѣстье Коморицкаго солдатскаго строя Констангинова с. Смирнаго Гранейна.

СXI. Запись 1702 г. ноября 22 новг. сѣв. Март. Сем. с. Курасова на землю въ рыльск. у., въ сваяск. ст., въ дер. Севенкѣ, мѣняемую имъ нов. сѣв. С. К. с. Арсеньеву, дающему за то землю, въ рыльск. у., но болѣе точно необозначаемую.

СXII. Отказъ 1703 г. апр. 18 Арсеньеву на это помѣстье Курасова.

СXIII. Отказъ 1703 г. апрѣля Арсеньеву же на землю въ рыльск. у., въ сваяск. ст., на р. Ваблѣ, вымѣнянную имъ у Ив. Яким. с. Меньшаго Чубарова.

СXIV. Кабальная запись 1703 г. мая 7, данная крестьян. Сем. Макс. с. Шабановымъ на себя Григ. Ив. с. Ушакову.

СXV. Сказка 1703 мая 7 того же крестьянина о согласіи поступить въ холопство.

СXVI. Запись 1703 г. авг. 2 рылян. Козьмы Федор. с. Еланскаго на помѣстье въ рыльск. у., въ сваяск. ст., въ дер. Черемошкахъ, промѣнянное имъ С. К.

с. Арсеньеву, взаи́мнъ чего Арсеньевъ даетъ землю въ рыльск. у., необозначенную, и 20 рублей.

СХVII. Отказъ 1703 г. юня 18 Арсеньеву на это имѣніе Елянскаго.

СХVIII. Отказъ 1704 дек. 7 Арсеньеву же на помѣстье въ рыльск. у. въ сваяск. ст., въ босожск. вол., въ дер. Дремовой и Черемошкахъ, еулленное имѣ у Маріи, вдовы Констант. Дремова, за 25 рублей.

СХIX. Запись 1705 г. генв. 5 вурчанъ Савелія и Любима Денис. д. да Вас. и Макс. Афон. д. Михайловыхъ на ихъ помѣстье въ курск. у., въ подгорск. ст., въ д. Дичеѣ, отданное С. К. Арсеньеву, давшему имѣ за то землю въ томъ же уѣздѣ и стану по р. Реуту и 40 рублей.

СХX. Зались 1705 г. марта 24 новг. сѣв. Аввак. Алексѣева с. Ряженцева съ пасынками Михаил. и Григ. Алексѣев. д. Телѣгинными на уступку крестьянской семьи Гр. Ив. с. Ушакову взаи́мнъ того, что у нихъ жила бѣглая крестьянская семья, принадлежавшая Ушакову.

СХXI. Сказка 1706 г. мая 5 Ирины, дѣвой дочери, вдовы Фед. Филипп. с. Мишустина, и Макс. П. с. Баменова о ихъ согласіи на мѣну ихъ помѣстій; при чемъ первая даетъ помѣстье въ курск. у., въ курице. ст., въ дер. Дроняевой, вторая въ томъ же у., въ подгородн. ст. на р. Реутѣ.

СХXII. Отказъ 1706 г. мая 8 на указаннаго въ предыдущемъ номерѣ помѣстья.

СХXIII. Отписка государю 1706 г. мая 30 курскаго воеводы о согласіи на мѣну помѣстій со стороны лицъ, указанныхъ въ номерѣ СХXI.

СХXIV. Сказка 1706 г. Гликеріи Михайловой, вдовы Фед. Петр. с. Исакова, о принадлежности ей имѣнія, даннаго ей мужу въ 1719 г., въ курск. у., въ подгородн. ст., на р. Родутинѣ, на которое притязаютъ разные рыльскіе помѣщичи.

СХXV. Отказъ 1709 г. мая 20 С. К. с. Арсеньеву на имѣніе въ рыльск. у., сваяск. ст., на р. Вабли, что было Ив. Ханнина.

СХXVI. Отказъ 1709 г. мая 29 тому же Арсеньеву на мѣновное помѣстье Кузьмы Фед. с. Елянскаго въ рыльск. у., въ сваяск. ст. въ дер. Черемошкахъ.

СХXVII. Запись 1710 г. декабря 30, данная курчен. Павл. Демент. с. Капустиннымъ въ томъ, что жить ему у Ак. Андр. с. Авдѣева до уплаты денегъ за его ерѣвостную дѣвку, на которой Капустинъ женился, и 20-ти рублей долга.

СХXVIII. Утвержденіе 1711 г. мая 15 поступилъ С. К. с. Арсеньевымъ части своихъ имѣній, по р. Котлевѣ и въ другихъ мѣстахъ, на церкви въ с. Тураевѣ и въ с. Верхнемъ Выдерцѣ.

СХXIX. Копія съ записи, данной 1714 г. юля 24 вурск. помѣщичками Макс. Петр. с., и Федор. и Прохор. Федос. д. Каменевыми П. Ал. Исакову и внуку его Ив. Фед. Исакову, которую уничтожается бывшая запись П. Ал. Исакова и жены его Ксеніи о переходѣ ихъ имѣнія с. Курасова послѣ ихъ смерти во владѣніе Макс. и Федос. П. д. Каменевымъ (см. выше №№ ХСІ и ХСII), такъ какъ у П. Ал. Исакова родился внукъ Иванъ.

Изъ № LXXXVIII видно, что сынъ П. Ал. Исакова Фед. П. Исаковъ не ладилъ со своимъ отцомъ.

СХXX. Продажная запись 1716 г. юля 28 курск. помѣщ. Андр. Мих. с. Авдѣева, данная на помѣстье въ курск. у., подгор. ст., въ дер. Канаевой, данное имѣ Ак. Андр. с. Авдѣеву.

СХХХІ. Продажная запись 1719 г. жителя с. Грязнаго Михаила Мартынова, на лѣсъ, проданный имъ судженскому козаку Як. Роман. с. Подольскому.

СХХХІІ. Продажная запись 1722 жителя с. Грязнаго Ив. Карп. с. Попова на жилой дворъ въ этомъ селѣ, проданный тому же Подольскому.

СХХХІІІ. Продажная запись 1724 г. генваря жителя с. Грязнаго Исаи Семенова сына на грунтъ въ томъ же селѣ, проданный Подольскому же.

СХХХІV. Продажная запись 1724 г. генваря Фед. Григ. Храпченка на лѣсъ, проданный тому же Подольскому.

СХХХV. Продажная запись 1730 г. февр. 23 сумск. полка подпрапорнаго козака с. Грязнаго Ив. Петрова на лѣсъ, проданный подпрапорному козаку, тому же Подольскому.

А. Марневичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

*Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строе-
ніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ совре-
менной гармонической музыки. Исслѣдованіе Ш. П. Сокальскаго. Харь-
ковъ. 1888 г. 368. ц. 3 р.*

Все чаще и чаще раздаются въ послѣднее время голоса, заяв-
ляющіе о настоятельной необходимости записывать и издавать въ
свѣтъ остатки нашего народнаго пѣсеннаго творчества, съ такою
поражающею быстротою исчезающаго на нашихъ глазахъ и замѣняе-
маго городскою или заводскою, либо солдатскою пѣснею весьма низко-
пробнаго культурнаго характера и вообще сомнительнаго достоинства.
Явленіе это, конечно, виолнѣ естественно, объяснимо и неизбѣжно
въ извѣстное время жизни народа, но важность сохраненія для потом-
ства произведеній подлинной и свѣжей народной музы отъ этого
нисколько не умалется. Помнится, на страницахъ «Кіевской Ста-
рины» такое заявленіе было сдѣлано г. Ив. Новицкимъ, который
особенно настаиваетъ на сбереженіи подлинно народныхъ украинскихъ
напѣвовъ. Въ примѣненіи болѣе широко, ко всѣмъ славянскимъ
племенамъ, особенно южнымъ и восточнымъ, та же мысль была вы-
сказана и мною на страницахъ кіевского «Славянскаго Ежегодника»¹⁾
(стр. 228—246). Сколь многіе изъ насъ, думается мнѣ иногда, могли
бы, усвоивъ себѣ немного чудныхъ образцовъ народнаго творчества,
позаботиться объ обнародованіи этихъ сокровищъ, но... насъ одолѣ-
ваетъ доморощенная наша лѣнь, косность и отсутствіе спеціальныхъ
знаній, сопровождаемое вообще умственною неподвижностью. Вотъ
причина, отчего такъ мало является въ свѣтъ памятниковъ народ-

¹⁾ См. также брошюру: Кухачъ и его сборникъ южнославянскихъ пѣсень.
Кіевъ. 1884 г.

наго пѣснетворчества, записанныхъ досужими и всякими иными любителями и цѣнителями подлинной народной пѣсни. Не хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, думать, что здѣсь кроется, можетъ быть, другая причина, лежащая въ равнодушіи нашего современнаго поколѣнія къ идеалу, въ неумѣнни и нежеланіи его пить изъ родника чистой, могучей, роскошной народной музыки и поэзіи. Не хотѣлось бы, повторяю, вѣрить этому; съ природною косностью, съ отсутствіемъ подходящихъ знаній, легче бороться, чѣмъ съ матеріалистическимъ настроеніемъ общества, граничащимъ съ презрѣніемъ ко всему, что не блеститъ брилліантами, не разукрашено шелками и золотомъ...

А между тѣмъ народная муза зоветъ къ себѣ съ отчаяніемъ существа, обреченнаго на гибель; ею въ предсмертномъ трепетѣ извлекаются еще изъ глуби народной души чарующіе звуки не только старой козацкой и чумацкой пѣсни, но и пѣсни современной, на которой, очевидно, лежитъ еще рука недавняго, быть можетъ, даже вчерашняго творчества... Народное пѣснетворчество, хотя и замѣтно изсыкаетъ, но по временамъ продолжаетъ еще обнаруживать признаки своей живучести и силы, проблески не совсѣмъ еще угасшаго генія. Этотъ геній либо видоизмѣняетъ плоды прежняго своего творчества сообразно новымъ потребностямъ и вкусамъ, либо усваиваетъ себѣ нѣкоторыя, вполне подходящія къ его характеру произведенія книжной словесности (напримѣръ, Шевченка; его извѣстную пѣсню «На що мени кари очы» намъ неразъ случалось слышать въ подлинно народной средѣ; очевидно эта заносная пѣсня подверглась извѣстному процессу ународненія), либо, наконецъ, даже творить и кое что новое. Вотъ почему, не взирая на огромное количество собраннаго уже и преданнаго тисненію достоянія нашего народнаго пѣснетворчества, еще очень далеко то время, когда можно будетъ подвести ему итоги.

Но одного желанія взяться за дѣло записыванія народныхъ пѣсенъ еще мало: необходимо умѣнье, чутье, основательное знакомство съ прежде исполненными работами, а при записываніи напѣвовъ нужны и спеціальныя познанія, музыкально-теоретическая подготовка. Для этой то послѣдней стороны дѣла и представляетъ чрезвычайную важность разсматриваемая нами книга, являющаяся послѣднимъ капитальнымъ трудомъ безвременно погибшаго даровитаго музыканта. Авторъ этой прекрасной книги, въ которой онъ свелъ итоги всѣмъ своимъ знаніямъ по народной музыкѣ, былъ человекъ весьма разносторонне образованный и откликавшійся на самые разнообразные запросы жизни; но особенно любовно относился онъ къ музыкальному

искусству, и въ этой области отъ него осталось нѣсколько какъ весьма дѣльныхъ теорическихъ работъ, такъ и съ несомнѣннымъ дарованіемъ исполненныхъ композиторскихъ произведеній. Будучи естествовѣдомъ по образованію (магистръ химіи), онъ вносилъ въ свои музыкальныя изслѣдованія точный аналитическій методъ, придающій имъ замѣчательную дѣльность и строгость въ исполненіи. Особенно это слѣдуетъ сказать о разсматриваемой нами книгѣ: множество основательныхъ и внимательныхъ разборовъ пѣсенъ со стороны ихъ напѣвовъ и вообще музыкальнаго построенія, масса пѣсенныхъ примѣровъ, которыми изслѣдователь обставляетъ и обосновываетъ свои мнѣнія, придаютъ его работѣ характеръ огромной лабораторіи, гдѣ изслѣдователь имѣетъ постоянно подъ руками богатый фактическій и опытный матеріалъ, подлежащій объясненію и объединенію ¹⁾).

Предоставивъ спеціалистамъ критическое разсмотрѣніе подробностей книги и мнѣній автора съ чисто музыкальной точки зрѣнія (что, разумѣется, не можетъ входить въ задачу общаго историческаго изданія), мы остановимся только на нѣкоторыхъ мысляхъ изслѣдователя, которыя намъ кажутся особенно замѣчательными либо интересуютъ насъ съ точки зрѣнія мыслей, высказанныхъ нами въ началѣ настоящей замѣтки.

Изъ глубокаго и внимательнаго изученія русскихъ народныхъ пѣсенъ (въ широкомъ смыслѣ, т. е. великорусскихъ и малорусскихъ; бѣлорусская пѣсня, по ея малоизвѣстности, не вошла въ кругъ изслѣдованій автора) изслѣдователь вывелъ то заключеніе, что «русская народная музыка создалась внѣ всякаго вліянія эллиноримской цивилизаціи, легшей въ основу западноевропейской культуры высшихъ классовъ. Она—самостоятельный стволъ отъ общаго корня, колыбели человечества въ Азіи, отъ котораго другой стволъ пошелъ въ южную Европу (Грецію и Римъ)». Сдѣлавъ пересмотръ мнѣній всѣхъ прежнихъ изслѣдователей русской музыки (Сѣрова, положившаго начало научной разработкѣ русской народной пѣсни ²⁾), Арнольда, Вестфала,

¹⁾ Таковы, на примѣръ, превосходные разборы пѣсенъ: „По-узъ мій двиръ воритечка голубка летила“ и однородной съ нею по мелодическому строенію, но отличной въ ритмическомъ отношеніи „Матушка, да и что жé во полѣ пыльно?“ (Стр. 137—142 и 324—326). См. также разсмотрѣнія пѣсенъ „Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ“, „Ой не пугай, пугачевъу“, „Червоная калынонька въ саду повилася“, „Максымъ козакъ Зализнакъ“ и мн. др.

²⁾ Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки. См. Музыкальный Сезонъ 1870 годъ.

Мельгунова и др.), нашъ авторъ вполне основательно и научно, на нашъ взглядъ, замѣчаетъ, что не о родствѣ русской народной музыки съ древнегреческою должна идти рѣчь, когда хотятъ опредѣлить характеръ ея, а о той либо другой степени развитія музыкальнаго искусства. Тогда окажется — и это замѣчаніе, по нашему мнѣнію, глубоко сираведливо, — что русская народная музыка просто еще находится въ томъ историческомъ фазисѣ «развитія въ музыкѣ понятій объ интервалахъ и ихъ родствѣ между собою, о мелодіи и о роли ритма въ вокальной музыкѣ», въ какомъ находилась въ свое время и древнегреческая музыка, равно какъ и музыка многихъ другихъ арійскихъ народовъ, у которыхъ сплошь и рядомъ попадаются сходныя черты (такъ еще Сѣровъ указалъ на замѣчательное сходство русской пѣсни «Во полѣ березонька стояла» съ одною индусскою мелодіею, приведенною у Амброса ¹⁾), а французъ Болье замѣтилъ много общаго въ одной индусской пѣснѣ съ напѣвомъ оды Пиндара).

Любопытно мнѣніе нашего изслѣдователя, съ которымъ приходится поневолѣ считаться нашимъ записывателямъ народныхъ напѣвовъ, о томъ, какъ слѣдовало бы укладывать эти напѣвы въ ноты; ему кажется, что «такъ какъ народный тактъ есть полустипіе, то самое правильное было бы укладывать пѣсню въ ноты и тактъ, отдѣляя *тактовыми черточками* одно полустипіе отъ другаго. Никогда не слѣдуетъ забывать, что, *внося въ русскую пѣсню и наши тактовыя черточки*, мы вносимъ въ народную пѣсню и наши чуждые ей акцентъ». Мнѣніе это подтверждено обстоятельнымъ разборомъ пѣсенъ, записанныхъ Прокунинымъ (ред. Чайковскаго) и Балакиревымъ, при чемъ приведены и опыты надлежащей записи этихъ же пѣсенъ (т. е. не по обычнымъ нашимъ тактовымъ дѣленіямъ, а по полустипіямъ). И это мнѣніе, хотя и не новое, кажется намъ глубоко вѣрнымъ и во всякомъ случаѣ заслуживающимъ вниманія.

Вообще тѣ своеобразныя, отмѣченныя глубокою древностію особенности, благодаря которымъ русская народная музыка представляетъ собою своеобразный и самостоятельный міръ, побудили автора настоятельно высказаться въ томъ смыслѣ, чтобы въ русскихъ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ «на ряду съ ученіями о гармоніи и контрапунктѣ устроены были и спеціальныя каѳедры «русской народной музыки». Это не только возбудило бы живой интересъ русскихъ музыкантовъ къ этому особому музыкальному стилю, про-

¹⁾ Geschichte der Musik. т. I. стр. 58.

духу народнаго русскаго гения въ областяхъ языка, мелодіи и ритма, но и *подготовило бы лицъ для осмысленнаго, систематическаго и точною собиранія и записыванія* памятниковъ русской народной музыки, еще не исчезнувшихъ изъ устнаго оборота массы». И съ этимъ мнѣніемъ невозможно не согласиться, по его очевидной цѣлесообразности и разумности. Въ заключеніе мы должны сказать, что книга Сокальскаго является въ такой мѣрѣ выдающимся произведеніемъ русской научной мысли, что навѣрное составила бы украшеніе и всякой другой, болѣе богатой, чѣмъ наша, литературѣ. По отзывамъ знатоковъ, она представляетъ собою за послѣднее время единственное въ цѣлой европейской литературѣ явленіе, замѣчательное какъ по строгости метода, такъ и по основательной глубинѣ исполненія. Изданъ этотъ трудъ прекрасно, такъ что цѣна книги вовсе не можетъ быть названа высокою въ виду, во первыхъ, той роскоши, съ какою выпущена она въ свѣтъ, а во вторыхъ того множества потныхъ примѣровъ, какимъ она просто изнещрена. Нельзя не отдать чести и харьковской типографіи Дарре, исполнившей почти безукоризненно такую сложную работу.

А. Степовичъ.

Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1888 г. кн. I (144-я). Издана подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. Москва. 1888 г.

Недавно вышедшая 144-я книга «Чтеній» заключаетъ въ себѣ не мало матеріаловъ по южнорусской исторіи. Такъ, между прочимъ, третья часть ея удѣлена редакціей для весьма интереснаго изслѣдованія А. С. Архангельскаго: «*Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв.—Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в. I—II*». Это сочиненіе задумано широко и выполняется тщательно; пока напечатаны двѣ первыя главы его, онѣ хотя и носятъ компилятивный характеръ, служа введеніемъ и поясненіемъ имѣющаго появиться позже изслѣдованія автора, но тѣмъ не менѣе представляютъ живую картину избраннаго авторомъ времени, времени перелома въ народной жизни, произведеннаго люблинской уніей 1569 года, которая имѣла послѣдствіемъ борьбу вошедшихъ въ соединеніе элементовъ. Авторъ и поставилъ себѣ задачей — изобразить наиболѣе интересный моментъ этой борьбы — ея начало и при томъ въ одной только сферѣ —

литературной; съ этою цѣлью, онъ останавливается на результатахъ люблинской уніи, на измѣненіяхъ, происходившихъ съ 1569 г. въ обычаяхъ и нравахъ русскаго общества, но изображаетъ ихъ лишь съ тѣми подробностями, которыя необходимы для дальнѣйшихъ главъ, заключающихъ самое изслѣдованіе. Г. Архангельскій слѣдитъ за этой борьбой въ сферѣ религіозной и, встати сказать, слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе польскихъ королей на упадокъ нравственности православныхъ іерарховъ, рассматривая его безотносительно, безъ сравненія съ состояніемъ католическаго духовенства, низкій нравственный уровень котораго порождаетъ быстрое распространеніе протестантизма въ Польшѣ. Неправъ, намъ кажется, авторъ, когда говоритъ о дѣятельности іезуитовъ, призванныхъ будто бы исключительно и съ самаго начала для борьбы съ православіемъ, а не съ протестантствомъ и соцініанствомъ. Изображая состояніе образованія и количество школъ у православнаго населенія, заботы церковныхъ братствъ о распространеніи просвѣщенія, дѣятельность на этомъ же поприщѣ многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, обладавшихъ для того достаточными средствами, авторъ безъ провѣрки принялъ извѣстныя въ южнорусской исторической наукѣ положенія объ отсутствіи въ этотъ періодъ школъ и типографій, тогда какъ многіе факты противорѣчатъ этимъ положеніямъ, въ особенности по отношенію къ Кіеву. Какъ не былъ Кіевъ и его земля въ заустѣннѣи въ періодъ литовскаго вліянія, такъ же точно и образованность не была здѣсь въ упадкѣ; школы не имѣли лишь повода заявлять о своемъ существованіи и потому остались въ неизвѣстности; о нихъ заговорили только тогда, когда они реформировались и приспособлялись для борьбы съ католичествомъ въ началѣ XVII в.

Во второй главѣ авторъ рассматриваетъ литературу XVI и XVII вв., возникшую подъ вліяніемъ религіозной борьбы и являющуюся потому исключительно духовной; наиболѣе обширный отдѣлъ ея составлялп всякаго рода богослужебныя книги, потомъ книги свящ. писанія, составъ котораго въ это время окончательно опредѣляется, а текстъ тщательно исправляется; въ это же время дѣлаются попытки передачи св. писанія на мѣстномъ нарѣчій; за книгами св. писанія и богослужебными шли переводы твореній отцевъ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ было издано нѣсколько сочиненій обще-моральнаго содержания, печатались также учебники для школъ; полемическія сочиненія были по преимуществу содержанія богословскаго, церковно-историческаго и обрядоваго; подъ вліяніемъ полемики быстро развивается строго науч-

ное, серьезное содержаніе книгъ; серьезность и эрудиція сказывалась и въ области катехизическаго богословія, церковной и гражданской исторіи и въ области канонической. Рядомъ съ этимъ развивается быстро и широко церковная проповѣдь; подъ покровомъ могиланской коллегіи возникаетъ и развивается драма; наконецъ, появляются изданія панегирическаго и риторическаго содержанія. Въ заключеніе авторъ отмѣчаетъ вліяніе южно-русской литературы и образованности на сѣверо-восточную; онъ видитъ въ этомъ вліяніи связующее звено между западно-европейской и московской образованностью и считаетъ его подготовкой къ послѣдовавшимъ за тѣмъ реформамъ.

Говоря о каждомъ родѣ печатныхъ или рукописныхъ книгъ, дошедшихъ до нашего времени, авторъ приводитъ въ примѣчаніяхъ ихъ полные списки, которые обнаруживаютъ въ немъ большое трудолюбіе и глубокую эрудицію; вмѣстѣ съ тѣмъ эти списки какъ бы противорѣчатъ положенію автора объ упадкѣ образованія въ южной Руси въ концѣ XVI в.; не слѣдуетъ забывать, что г. Архангельскій перечисляетъ только то, что сохранилось до нашего времени, а не то, что существовало въ дѣйствительности и что повѣркѣ не доступно, но широкіе размѣры чего мы тѣмъ не менѣе можемъ предполагать по сохранившимся весьма многочисленнымъ памятникамъ письменности.

Въ «*Приложеніи*» помѣщены переводы нѣкоторыхъ твореній отцевъ церкви, сдѣланные княземъ А. М. Курбскимъ: 1) «*Новый Маргаритъ*», подробно описывается авторомъ; изъ него сдѣлано извлеченіе житія св. Іоанна Златоустаго и переписки папы Иннокентія съ Іоанномъ, а также приведенъ каталогъ книгъ Іоанна; 2) «*Примѣчанія кн. Курбскаго къ переводу твореній Іоанна Дамаскина*», а равно многочисленнымъ толкованія или поясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій; 3) «*Диалектика Іоанна Дамаскина въ переводѣ князя Курбскаго*» также лишь описывается авторомъ. Таково содержаніе разсмотрѣнной нами части труда г. Архангельскаго; въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ обѣщаетъ перейти къ подробностямъ и частнымъ, специальнымъ изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ сторонъ указанной имъ литературы и въ особенности подробно поговорить о литературныхъ трудахъ князя А. М. Курбскаго; этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить и выборъ авторомъ приложеній.

Другой любопытной статьёй въ настоящей книгѣ «Чтеній» является «*Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718 г.)*», сообщенное Н. Я. Токаревымъ. Прибыловичъ, уроженецъ г. Ярославля въ Галиціи, постригся въ монахи Кіево-Печерскаго монастыря; потомъ

преподавалъ философію въ московской академіи и даже былъ въ ней префектомъ; посвященный въ іеромонахи, онъ говорилъ проповѣди, «казанія», и жилъ въ Москвѣ до 1711 г.; въ этомъ году опять возвратился въ Кіевъ и жилъ въ Лаврѣ; отсюда онъ былъ посланъ на игуменство въ приписной Кіево-Печерскій-Змѣевскій монастырь; въ 1716 г. онъ былъ обвиненъ змѣевскими монахами въ ереси и отрѣшенъ отъ игуменства; но вскорѣ его потребовали въ Петербургъ и это требованіе послужило поводомъ къ обвиненію его въ ереси. Ересь же Прибыловича состояла въ томъ, что онъ не считалъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова безгрѣшными, въ измѣненіи нѣкоторыхъ словъ въ акаѳистѣ Пр. Богородицы и проч.; за это Прибыловичъ былъ сосланъ «до указа» въ свирскій Александровъ монастырь, а потомъ переведенъ на житье въ Троицко-Невскій монастырь; въ ссылке онъ пробылъ менѣе года. Свидѣтельскими показаніями установленъ фактъ сношенія Прибыловича въ 1714 г. съ извѣстнымъ еретикомъ Дмитріемъ Тверитиновымъ; ученіе послѣдняго въ сильной степени отразилось на ереси Прибыловича. Какъ писатель, Прибыловичъ извѣстенъ 5-ю сочиненіями богословскаго и философскаго характера; изъ нихъ два написаны на латинскомъ языкѣ.

Въ *«Замѣчаніяхъ на книгу: «Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.»*, историко-критич. изслѣдованіе В. Н. Латкина, ч. I. А. Н. Зерцаловъ сообщаетъ новыя данныя о малороссійской комиссіи по сочиненію правъ (1728—1759 гг.); эти данныя кромѣ указанія на число ея членовъ, вообще рисуютъ ея внѣшнюю обстановку за послѣдній годъ пребыванія ея въ Москвѣ передъ переводомъ въ 1736 г. въ Глуховъ. Изъ приводимыхъ г. Зерцаловымъ документовъ видно, что малороссійская комиссія въ 1735 году состояла изъ 27 духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, находилась въ Москвѣ въ особо отведенномъ для нея помѣщеніи Нижегородскаго подворья, канцелярскіе матеріалы и мебель, а также дрова и сторожа для топленья печей требовала отъ московской Сенатской конторы, а отпускались означенные матеріалы изъ штатсъ-конторы.

Наконецъ, любопытны также новыя данныя, извлеченныя г. А. А. Газдово-Голомбѣвскимъ изъ сибирскихъ актовъ «о Демьянѣ Многогрѣшномъ и дикихъ людяхъ Чюлюгдяхъ». Трактуются въ этихъ «сибирскихъ актахъ» о судьбѣ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго и о какихъ то сибирскихъ инородцахъ; изъ этого видно, что ничего не имѣющіе сходнаго въ содержаніи документы соединены вмѣстѣ лишь потому, что лежали въ одномъ

мѣстѣ и сообщаются однимъ и тѣмъ же лицомъ,—связь, по нашему мнѣнію, слишкомъ недостаточная.

Къ тремъ документамъ «о пребываніи въ Сибири гетмана Д. Многогрѣшнаго» авторъ дѣлаетъ короткое предисловіе, излагающее сущность ихъ содержанія. Изъ нихъ мы узнаемъ, что жившій въ 1682 г. на свободѣ Многогрѣшный, по проискамъ гетмана Самойловича, былъ заключенъ въ Селенгинскую тюрьму въ 1684 году для предупрежденія побѣга, такъ какъ одинъ изъ сосланныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь, дѣйствительно бѣжалъ оттуда и «объявился въ Запорогахъ». Исключительно объ этомъ заключеніи Многогрѣшнаго и идетъ переписка въ трехъ документахъ.

Но сдѣлавши замѣтку о Многогрѣшномъ, авторъ не удостоилъ вниманія «дикихъ людей Чюлюгдеевъ», оставивъ имъ дикое заглавіе, а между тѣмъ они то и требовали поясненія, такъ какъ настоящій документъ свидѣтельствуетъ, что и въ 1685 году наши свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ мало разнились отъ тѣхъ, какія существовали въ эпоху Ермака Тимофѣевича, несмотря на то, что русскіе владѣли Сибирью уже болѣе столѣтія.

И. Каманинъ.

Русская Правда, текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленнымъ кандидатомъ правъ А. В. Гинцбургомъ. Спб. 1888 г.

«Русская Правда» издана здѣсь по тремъ спискамъ—Академическому, Синодальному и Мусина—Пушкина. Въ началѣ брошюрки помѣщено обращеніе издателя ad lectorem, затѣмъ введеніе, принадлежащее г. Гинцбургу, а въ самомъ концѣ приложенъ «Краткій объяснительный словарь», составленный также г. Гинцбургомъ. По нашему мнѣнію, самый текстъ «Русской Правды» изданъ вполне удовлетворительно. Съ этой стороны, задача, поставленная издателемъ,—дать студентамъ-юристамъ доступное и удобное пособіе—достигнута. Но нельзя того же сказать о цѣломъ изданіи, во всемъ его объемѣ. У насъ нѣтъ изданій, подобныхъ тѣмъ, какія мы находимъ за границей, ad usum scholarum, и, конечно, они весьма желательны. При этомъ изданія могутъ быть двухъ родовъ: 1) или они будутъ заключать въ себѣ только одинъ текстъ памятника, или 2) сверхъ текста будутъ имѣть такіа къ нему примѣчанія, которыя дадутъ возможность

учащемуся самостоятельно работать. Первый видъ изданій годенъ болѣе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній, хотя не бесполезенъ и для студента; второй — главнымъ образомъ имѣетъ значеніе для послѣдняго. Разсматривая изданіе г. Гаршина и примѣняя къ нему только что сказанное, должно сказать, что оно не соотвѣтствуетъ ни тому, ни другому виду подобныхъ изданій. «Въ настоящемъ изданіи, говорятъ издатели, «Русская Правда» впервые является съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ, что отличаетъ его отъ всѣхъ предшествующихъ изданій, независимо отъ ихъ высокихъ достоинствъ». Ясно, кажется, что издатели придаютъ особенное значеніе краткому объяснительному словарю. Но онъ то, къ сожалѣнію, и составляетъ слабую сторону изданія. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе объясненія, которыя говорятъ о томъ, что ясно изъ самаго текста памятника и не требуютъ никакихъ толкованій. Напр. въ уставѣ Ярослава «о мостѣхъ» стоитъ: «а пидбляномъ (поплата) до *чюдинцевои улицъ*... Въ «Объяснительномъ словарѣ» стр. 48: «Чюдинцева улица въ Новгородѣ». Точно такъ же объяснены имена: Острая улица, Софьяне, Пидбляне и т. д. Мы не думаемъ, чтобы подобныя разьясненія имѣли какое нибудь важное значеніе. Гораздо проще было сдѣлать общее объясненіе, что такія то имена, находящіяся въ уставѣ Ярослава «о мостѣхъ», относятся къ Великому Новгороду и обозначаютъ его части или жителей этихъ частей. Нельзя, по нашему мнѣнію, считать необходимымъ и такое объясненіе, какъ на стр. 42: «Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій князь кіевскій», такъ какъ оно предполагаетъ у студента-юриста крупное невѣжество въ русской исторіи. Что касается объясненій терминовъ, встрѣчающихся въ «Русской Правдѣ», то и про нихъ, про нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, приходится сказать то же, что мы говорили раньше. Едва ли напр. надо было объяснять, что такое «конецъ», «пятина» и т. д. Не можемъ не указать также на невѣрность нѣкоторыхъ объясненій. Напр. на стр. 44 въ «Объяснительномъ словарѣ» стоитъ: «Конюшій—звание, учрежденное Иоанномъ III...» Но если это такъ, то какимъ же образомъ оно попало въ «Русскую Правду»? Званіе конюшаго существовало еще и въ до татарскій періодъ. Такъ, Лаворъ былъ конюшимъ Игоря Святославича Новгородсѣверскаго. Лѣтопись знаетъ и конюховъ, и конюшнихъ и не смѣшиваетъ этихъ званій. Нельзя также, по нашему мнѣнію, дѣлать объясненій въ такомъ категорическомъ тонѣ, какъ это мы находимъ въ «Объяснительномъ словарѣ». Не говоря о колбягахъ, которыхъ никоимъ образомъ нельзя приурочивать къ области Колбен-

сици, даже вопросы о нашихъ мѣрахъ, должностныхъ лицахъ древней Руси и т. п., далеко еще не могутъ считаться рѣшенными въ русской исторической наукѣ. Поэтому при всякомъ объясненіи необходимо было бы тутъ же въ скобкахъ сдѣлать ссылку на автора, откуда берется данное объясненіе, а еще полезнѣе было бы указать главнѣйшія ученыя работы по тому или иному вопросу. Мы думаемъ, что это нисколько не увеличило бы объема «Объяснительнаго словаря», особенно съ изытіемъ изъ него многихъ лишннихъ и ненужныхъ объясненій. Не можемъ не обратить вниманія еще на одно странное обстоятельство.

Мы указывали уже, что въ разбираемомъ изданіи находится цѣлый рядъ объясненій, относящихся къ уставу Ярослава «о мостѣхъ». Этотъ уставъ не есть неразрывная часть «Русской Правды», а представляетъ собою нѣчто совершенно самостоятельное. Такъ можно думать на основаніи отсутствія этого устава во многихъ спискахъ «Русской Правды» и содержанія его, имѣющаго чисто мѣстное значеніе. Извѣстно, что принадлежность этого устава Ярославу Мудрому оспаривалась въ русской наукѣ. Поэтому издатель не сдѣлалъ важнаго промаха, опустивъ совершенно этотъ памятникъ въ своемъ изданіи. Спрашивается: зачѣмъ же было объяснять то, чего нѣтъ въ самомъ изданіи? Такимъ образомъ, приходится выбросить изъ «Объяснительнаго словаря» еще значительную его часть, какъ къ дѣлу совершенно не относящуюся. Вообще, если бы издатели ограничились только напечатаніемъ текста «Русской Правды», то ихъ изданіе было бы еще дешевле, а, стало быть, и еще доступнѣе, чѣмъ теперь, и нисколько не потеряло бы въ качественномъ отношеніи, но несомнѣнно выиграло бы въ пользѣ.

П. Голубовскій.

Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности... Отчетъ составилъ инспекторъ А. Н. Поповъ. Симферополь. 1888 г.

Въ послѣднее время русское общество все болѣе и болѣе сталъ занимать вопросъ о нецѣлесообразности нашего воспитанія, о томъ чрезмѣрномъ перевѣсѣ умственныхъ занятій въ ущербъ физическимъ, результатомъ котораго является переутомленіе учащихся. При отсутствіи физическаго воспитанія, поставленнаго на рациональныхъ начала

и долженствующаго идти параллельно съ образованіемъ умственнымъ, въ молодомъ организмѣ постепенно притуляется природная способность воспринятія, развиваются различныя спеціальныя болѣзни и, въ концѣ концовъ, молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь усталымъ, безъ всякихъ стремленій, энергіи и желанія дѣятельности. Статистическія изслѣдованія подтверждаютъ этотъ печальный фактъ. Не входя въ разборъ различныхъ мѣръ, которыя наполнили бы этотъ существенный пробѣлъ въ нашемъ образованіи, нужно сказать, что и при настоящихъ средствахъ, данныхъ учебной программой, можно многое сдѣлать въ этомъ направленіи; вся суть заключается только въ томъ, какъ смотреть на это лица, на которыхъ лежитъ обязанность руководить и слѣдить за воспитаніемъ. Поэтому нельзя не отнестись съ чувствомъ признательности къ директору симферопольской мужской гимназіи г. Тимошевскому, по инициативѣ котораго были устроены экскурсіи для обзорѣнія памятниковъ старины и другихъ достопримѣчательностей Крыма. Такія экскурсіи имѣютъ еще и то значеніе, что знакомятъ юношей съ роднымъ краемъ, памятниками его старины, бытомъ его населенія, а это, при нашемъ почти поголовномъ незнакомствѣ со своей родиной, является очень и очень небезполезнымъ. Отчетъ о второй такой экскурсіи, совершенной воспитанниками VI, VII и VIII классовъ 27, 28, 29 и 30 апрѣля 1888 г., и составляетъ предметъ настоящей замѣтки. Экскурсіи такого рода, организованныя и обставленныя надлежащимъ образомъ, имѣютъ громадное воспитательное значеніе; онѣ, «служа и къ обогащенію познаній учениковъ, и къ возбужденію въ нихъ любознательности, служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ сближенію ихъ съ ихъ наставниками и къ укрѣпленію благотворнаго на нихъ нравственнаго вліянія сихъ послѣднихъ» (Отчетъ, стр. 2). Во время экскурсіи были осмотрѣны: Бахчисарай, Салачакъ, Успенскій скитъ, Чуфуть-Кале, Тепе-Кермень, Качи-Кальенъ, Эски-Кермень, Черкесь-Кермень, Мангушъ-Кале и Сюрень. Преподавателями, сообразно съ осматриваемыми мѣстностями, были читаемы заранѣе составленныя сообщенія; приводимый одинъ перечень ихъ уже достаточно указываетъ на то, что прошлая и настоящая жизнь Крыма и его обитателей были вполне очерчены и не было пропущено ничего, мало мальски заслуживавшаго вниманія. Сообщенія были слѣд.: 1) Д. И. Шебедева—«Исторія крымскаго ханства»; 2) Ѳ. Ѳ. Лашкова—а) «О законодательствѣ и судопроизводствѣ въ крымскомъ ханствѣ», б) «О пещерныхъ постройкахъ (городахъ) въ Крыму»; 3) X. П. Ящуржинскаго—а) «Семейная жизнь; свадебныя и погреб-

бальные обряды татаръ», б) «Объясненіе надписей во дворцѣ и ханской усыпальницѣ», в) «Легенды, связанныя съ замѣчательнѣйшими мѣстами, которыя будутъ посѣщены въ время экскурсіи»; 4) А. О. Кашпара — «Объ архитектурномъ искусствѣ татаръ по остаткамъ въ ханскомъ дворцѣ и мечети»; 5) В. И. Жирнова — «Татарскія училища: мектебе и медресе»; 6) протоіерей А. Е. Назарьевскаго — «Успенскій скитъ и его значеніе въ періодъ татарскаго владычества въ Крыму»; 7) А. И. Маркевича: «Чуфутъ-Кале (Кыркортъ) и караимы»; 8) М. А. Волошенко — «Геологическій очеркъ исторіи земнаго шара и происхожденіе крымскихъ горъ»; 9) Ф. Я. Ребеца — «Готы въ Крыму и Мангупъ»; 10) Н. А. Святскаго — «О цыганахъ въ Россіи и въ Крыму».

Оставляя въ сторонѣ разборъ каждаго изъ этихъ сообщений, изъ которыхъ нѣкоторыя ограничивались болѣе общими положеніями, другія же разработали въ деталяхъ извѣстный отдѣлъ, проходя мимо нѣкоторыхъ промаховъ (напр. въ сообщеніи г. Лашкова «О пещерныхъ постройкахъ въ Крыму», гдѣ авторъ, дѣлая очеркъ доисторической жизни человѣка, говоритъ: «Переходя къ первоначальной исторіи пещерныхъ построекъ въ Крыму, приходится, за неимѣніемъ данныхъ, ограничиться лишь постановкою вопроса, по сравненію съ тѣмъ, что даетъ намъ доисторическая археологія другихъ странъ»... когда, напротивъ, еще въ 1879 г. г. Мережковскимъ открыты слѣды обитанія первобытнаго человѣка въ пещерахъ Крыма¹⁾), все таки нельзя не признать, что онѣ оказались вполне пригодными и удовлетворяющими своему назначенію. Отчетъ снабженъ многочисленными, недурно исполненными рисунками, изображающими различныя виды и памятники старины; рисунки исполнены препод. А. А. Архиновымъ.

Въ заключеніе можно только пожелать, чтобы и другія учебныя заведенія послѣдовали благому примѣру симферопольской гимназіи.

Н. Б.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1888—89 г.

Въ настоящей книжкѣ редакція помѣщаетъ списокъ всѣхъ изданій, просматриваемыхъ ею для обозрѣнія; по мѣрѣ увеличенія числа изданій, названія ихъ будутъ приведены въ началѣ обозрѣнія.

1) Журн. Мин. Нар. Пров. 2) Вѣстн. Евр. 3) Рус. Мысль. 4) Правосл. Обзор. 5) Филолог. Зап. 6) Рус. Филол. Вѣстн. 7) Славян. Изв. 8) Сѣв. Вѣстникъ,

¹⁾ Гр. Уваровъ, Археологія Россіи, каменный періодъ, стр. 281 и слѣд.

9) Пантеонъ Лит. 10) Русск. Вѣстн. 11) Колосья. 12) Русск. Богатство. 13) Русск. Старина. 14) Русск. Архивъ. 15) Истор. Вѣст. 16) Юрид. Вѣст. 17) Журн. Гражд. и Угол. Права. 18) Природа и Охота. 19) Библиографъ. 20) Военный Сборникъ 21) Морск. Сб. 22) Восходъ и Нед. Хрон. Восхода. 23) Странникъ. 24) Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 25) Христ. Чт. 26) Труды кiev. дух. акад. 27) Киев. Унив. Извѣстія. 28) Эконом. Журн. 29) Новь. 30) Правосл. Собесѣдн. 31) Kwart. Hist. 32) Ateneum. 33) Wisła. 34) Bibl. Warszaw. 35) Revue polit. et litter. 36) Недѣля. 37) Нива. 38) Сѣверъ. 39) Всемирная Иллюстр. 40) Живоп. Обзор. 41) Рус. Дѣло. 42) Рус. Судох. 43) Церк. Вѣст. 44) Рус. Лѣсопр. 45) Газета Гатцука. 46) Зоря. 47) Кіосу. 48) Kraj. 49) Przegl. Tygodn. 50) Gaz. Polska. 51) Кіевл. 52) Кіевск. Слово. 53) Кіевскія Еп. Вѣд. 54) Волянъ. 55) Вол. Еп. Вѣд. 56) Вол. Губ. Вѣд. 57) Подол. Губ. Вѣд. 58) Подол. Еп. Вѣд. 59) Бессар. Губ. Вѣд. 60) Кишин. Еп. Вѣд. 61) Полт. Еп. Вѣд. 62) Черн. Губ. Вѣд. 63) Черн. Еп. Изв. 64) Сборникъ Черн. Земства. 65) Харьк. Губ. Вѣд. 66) Южн. Край. 67) Екатериносл. Губ. Вѣд. 68) Елисаветгр. Вѣстн. 69) Сборн. Херс. Земства. 70) Южанинъ. 71) Одес. Вѣст. 72) Одес. Лист. 73) Новор. Телегр. 74) Крымъ. 75) Тавр. Еп. Вѣд. 76) Тавр. Губ. Вѣд. 77) Воронежск. Еп. Вѣд. 78) Довъ. 79) Донская Рѣчь. 80) Куб. Обл. Вѣд. 81) Варш. Дневн. 82) Литов. Еп. Вѣд. 83) Мвнск. Листокъ. 84) Курск. Листокъ. 85) Смол. Вѣстн. 86) Червоная Русь.

Журналъ Мин. Нар. Просв. 1888 г. №№ 11—12; 1889 г. № 1.
Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Н. И. Карьева (№ 11, стр. 1—86; № 12, стр. 232—251; окончаніе). 7-ая глава этого обширнаго изслѣдованія знакомитъ съ новѣйшими польскими историческими трудами объ эпохѣ паденія Рѣчи Посполитой, а именно съ трудами Крашевскаго «Польша въ эпоху трехъ раздѣловъ», Валеріана Калинки и Корзана (№ 11). 8-ая и послѣдняя глава даетъ самыя общіе выводы изъ изученія литературы по исторіи паденія Польши (№ 12).

Въ *статьѣ А. Н. Веселовскаго «Нерпышенныя, нерпышительныя и безразличныя Дантовскаго ада»* помѣщено извлеченіе изъ старопечатныхъ Чудесъ Пресвятой Богородицы (17 вѣка) по дефектному экземпляру библиот. Кіево-Печерской Лавры: чудо о Виргиліи и чудо объ Овидіи (№ 11, стр. 93).

Въ *«Отчетъ о тридцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова»* (№ 11, стр. 1—19) помѣщены разборы слѣдующихъ трудовъ, касающихся юга Россіи: 1) *С. Голубева* «Исторія Кіевской Духовной Академіи»; вып. 1-й — разборъ *И. Чистовича*. 2) *Д. Багалля* «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства», Т. I, и «Матеріалы для исторіи колонизаціи» — разборъ *Д. Корсакова*. 3) *А. Будиловича* «Русская православная старина въ Замостьѣ» — разборъ *Еф. Крижановскаго*.

Вновь открытое сочиненіе Юрія Крижанича. Вл. Колосова (№ 12, стр. 179—207). Сочиненіе Крижанича носить заглавіе: «Обясненіе вьводно о писмѣ Словѣнскомъ»; сохранилось оно въ рукописи въ библиотекѣ тверской

духовной семинаріи. Авторъ статьи, доказавъ вначалѣ, что этотъ трудъ несомнѣнно принадлежитъ Крижаничу, знакомить далѣе съ содержаніемъ самого труда, состоящаго изъ 17 раздѣловъ, исчерпывающихъ вопросы славянской грамматики.

Литовская Русь при Яеллонахъ. Д. Иловайскаго (1889 г. № 1, стр. 1—35). Статья эта представляетъ одинъ отдѣлъ изъ обширнаго труда автора по исторіи Россіи. Слѣдующіе тезисы, поставленные въ началѣ статьи, вполнѣ опредѣляютъ содержаніе ея: польское вліяніе на политическій строй литовской Руси; земскіе привилеи, общіе и мѣстные; господство вельможъ; низшіе слои населенія; водвореніе крѣпостнаго права; волочная система; введеніе магдебургія; столыновенія городского самоуправления съ королевскими намістниками; судебникъ Казимира IV; первый литовскій статутъ и характеръ судоустройства; жалобы на неправосудіе; второй статутъ; уставъ о земской оборонѣ; страшные крымскіе полоны; черты шляхетскихъ нравовъ по Курбскому и Михалону.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ *П. Шейномъ*. Т. I, ч. 1-я; — рецензія *Θ. Истомина* (№ 11, стр. 132—147). 2) *П. Морозовъ* «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII стол.» — рецензія *Алекса. Веселовскаго* (№ 12, стр. 252—266). 3) *Ает. Калуѣнскіи* «Monumenta linguae palaeoslovenicae». Tom. I: Evangeliarum Putnanum (Путенское Евангеліе въ Буковинѣ конца XIII или начала XIV в. съ явными слѣдами малорусскаго нарѣчія) — рецензія *А. Петрова* (№ 12, стр. 280—283). 4) *В. Смирновъ* «Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII вѣка» — рецензія *Н. Веселовскаго* (№ 1, стр. 168—203).

Вѣстникъ Европы 1888 г. № 12; 1889 г. №№ 1—2. Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. Новые матеріалы для біографіи К. Θ. Рыльева — стат. *В. Якушкина* (№ 12, стр. 581—596; окончаніе). Подобно тому, какъ и въ первой статьѣ (№ 11), здѣсь помѣщены матеріалы для опредѣленія характера творчества поэта въ произведеніяхъ изъ малорусскаго историческаго прошлаго, а именно: въ думѣ «Мазепа», въ наброскахъ поэмы «Наливайко».

Въ литературномъ обзорѣ помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) *М. Бобржинскій* «Очеркъ исторіи Польши». Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакц. *Н. Карьева*. Т. I. (№ 12, стр. 868—873). 2) Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія), записанныя въ дятловницкой волости гомельскаго уѣзда *Зинаидой Радченко* (№ 12, стр. 877—879). 3) *Д. Эварницкій* «Запорожье въ остаткахъ старины и преданій народа» — рецензія *А. П.* (№ 1, стр. 447—450).

Русская Мысль 1888 г. №№ 11—12; 1889 г. № 1. Гетманъ (психологическій очеркъ). Н. Златовратскаго (№ 11, стр. 39—59). Героємъ разсказа является студентъ Подопригора, малороссъ по происхожденію. Въ разговорахъ преобладающею является малорусская рѣчь.

Вольныя крестьянскія школы. А. Пругавина (№ 1, стр. 33—57). Вторая глава этой статьи посвящена вопросу о вольныхъ школахъ въ Малороссіи и о причинахъ исчезновенія ихъ.

Въ бібліографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е. Штурло* «Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни» (№ 11, стр. 526—528). 2) Богданъ Хмельницкій—историческая повѣсть для юношества *О. Роговой* (№ 12, стр. 600—601). 3) «Очеркъ исторіи Польши» *М. Бобржинскаго*. Переводъ подъ редакціей *Н. Каръева* (№ 1, стр. 10—11).

Филологическія Записки 1888 г. вып. IV—VI. Въ бібліографическихъ замѣткахъ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Е. Барсовъ* «Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси» (вып. V, стр. 1—5). 2) *П. Владиміровъ* «Докторъ Францискъ Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ» (вып. V, стр. 10—13).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888 г. №№ 3—4. *А. Смирновъ* «По поводу изданія Сборника 1076 г.». Статья эта написана въ видѣ возраженія на отвѣтъ критику г. Шимановскаго, издателя Сборника; научнаго интереса статья почти не имѣетъ, такъ какъ носитъ характеръ частной полемики (стр. 303—310).

Въ бібліографическихъ замѣткахъ находится маленькая рецензія о книгѣ *Морозова* «Очерки изъ исторіи русской драмы» (стр. 311—312).

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1888 г. №№ 9—12. *Угорская Русь. Ир. Пол—нь* (№ 10, стр. 526—543). Статья представляетъ этнографическія, статистическія и вѣкоторыя историческія данныя о русскомъ населеніи въ Венгріи.

По поводу *письма польскаго священника епископу Штрессмайеру* редакція помѣщаетъ замѣтку, въ которой идетъ рѣчь о польско-русскихъ отношеніяхъ въ Галиціи и между прочимъ приводятся выдержка изъ газеты «Дѣло» (№ 10, стр. 561—567).

Славянскія Извѣстія редак. *В. В. Комаровъ.* Спб. №№ 1—4. № 1, 2. Начало «Славянскихъ Извѣстій».

1, 2, 3, 4. Чехи на Волынн—*В. И. Шемякина.* Статья излагаетъ историческія данныя о поселеніи ихъ на Волынн.

1, 2. Въ отдѣлѣ «Заграничная Русь» Червононоруссы. «Состояніе перемышльскаго округа».

— Архимандритъ д-ръ Владимиръ Терлецкій.

— Угроруссы.—Языкъ угроруссовъ, книга Феерчака «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ». Об. и «Листокъ» единственное изданіе русскихъ, живущихъ въ Угорщинѣ на 1889 г. подъ изд. и ред. Евгенія Фенцако.— Ае. Васильева.

— Очерки народнаго быта изъ галицкой жизни—по сочиненіямъ прот. Наумовича.

— Отъ редакціи. «Славянскія Извѣстія», поставивъ себѣ задачею служить дѣлу взаимнаго ознакомленія всѣхъ славянъ между собою, обращаются съ искреннѣйшею просьбою къ своимъ почтеннымъ читателямъ помочь редакціи въ осуществленіи ея намѣренія доставленіями статей и всякаго рода свѣдѣній, касающихся настоящей и прошлой жизни славянскихъ странъ.—Авторы и издатели, желающіе имѣть о своихъ сочиненіяхъ отзывы и объявленія въ Слав. Изв., благоволятъ присылать въ редакцію по экземпляру ихъ книгъ.

3, 4. Извѣстіе, что собиратель ю.-р. древностей Г. П. Алексѣевъ приступаетъ въ текущемъ году къ изданію своей богатой коллекціи древностей, вмѣщающихъ въ себѣ: а) древности доисторическія, б) древности греческой культуры, в) древности скинскія и г) древности запорожскихъ и малорусскихъ козаковъ,—въ изданіи принимаетъ участіе Д. И. Эварницкій.

Православное Обозрѣніе 1888 г. №№ 11—12. Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ приведена рѣчь прот. *И. Наумовича* въ торжественномъ собраніи с.-петербур. славянскаго благотворительнаго комитета (№ 12, стр. 797—804).

Сѣверный Вѣстникъ 1888 № 12, 1889 № 1. № 12. Ночью (очеркъ) Вл. Короленка. Дѣйствіе на югѣ Россіи.

12. Изъ исторія нашего общественнаго развитія. В. В. (В. И. Семейскій «Крестыянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.» Томъ I-й и II-й).

— Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца. VI. Мѣстное промышленное прижитіе донецкаго каменнаго угля.—проф. Д. Менделѣва.

— Замѣтки въ областномъ отдѣлѣ.

1. Сябры и сябряное землевладѣніе въ Малороссіи. Главы I, II и III.—Ив. Лучицкаго.

— Двадцатипятилѣтіе земскихъ учрежденій 1864—1889 г. Очеркъ изъ исторіи земскаго самоуправленія, И. Укалона. Замѣтки въ областномъ отдѣлѣ.—Деревенскія письма. Крестыянскія преступленія.—Берендѣва.

Пантеонъ Литературы №№ 12—1. № 12. Въ отд. «новыя книги» сообщенія о книгахъ а) Г. Стегеліуса, Владимиръ Великій, поэма въ 3 пѣсняхъ,

пер. Головина гитрогр. № 88, б) Гр. О. Квитка-Основьяненко. Панъ Халаявскій 2 ч. в) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, томъ I й.

10—1. Засѣданія общества романо-германской филологіи.

Русскій Вѣстникъ №№ 12—1. № 12. Историко-критическія замѣтки. (Интересная для исторіи юга Россіи замѣтка на книгу архим. Леоніда «Откуда была родомъ св. княгиня. Ольга». О. И. Успенскій «Русь и Византія въ X в.» В. Г. Васильевскій «Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ». И. И. Малышевскій «Кириллъ и Меодій, первоучители славянскіе»)—Д. И. Иловайскаго.

12. Въ отд. новости литературы. Рецензіи: а) Воронежскіе акты, изд. вор. губ. ст. ком. т. I. б) Архивъ юз. Россіи ч. 2. т. II, в) М. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. т. I.

1. Въ сообщеніяхъ и извѣстіяхъ: Акты о присоединеніи Бѣлороссіи (XIV томъ Акт. ю. и з. Россіи—еще не вышедшій)—Н. Н. Иванова.

Русская Старина №№ 11—1. № 11—12 (8, 9, 10). Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки академика проф. А. В. Никитенка.—Чрезвычайно интересная автобіографическая записка, о которой мы надѣемся дать отчетъ нашимъ читателямъ въ отдѣльной статьѣ.

II, 12. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830. Сооб. В. Е. Якушкинъ. Въ числѣ писемъ есть относящіяся къ лицамъ и событіямъ въ ю. Россіи.

— Императоръ Александръ I на югѣ Россіи. Письма К. К. Гирсъ 1818—1825 гг.

— О. М. Бодянский въ его дневникѣ 1849—50 г. Сооб. И. Ф. Павловскій.

— М. С. Щепкинъ.

— Д. Н. Бантышъ-Каменскій 1788 †1850—1886. (Съ портр.).

— Въ матер. и зап. Н. В. Гоголь.

12. Ученыя архивныя комисіи въ 1887 г.—И. Е. Андреевскаго.

— Русская Старина въ 1888 г.

1. Проф. хирургіи Х. Я. Гюббенетъ и его воспоминанія объ оборонѣ Севастополя 1854—56. Сообц. А. и О. Гюббенеты.

— Шенрокъ и Гатцукъ. Н. В. Гоголь. 12 писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ и обратно.

— Въ матеріалахъ. В. Н. Каразинъ. М. С. Щепкина.

Русскій Архивъ №№ 12—2. № 12. П. Х. Граббе. Изъ дневника и запасной книжки (венгерскій походъ).

Историческій Вѣстникъ №№ 12—2. № 12. Сторія о Господѣ и о землѣ (къ воспоминаніямъ о Гоголѣ), Г. П. Данилевскаго.

12. Запорожское гвѣздо. П. П. (по поводу книги г. Эварницкаго «Запорожье») съ иллюстраціями.

— Въ критикѣ и библіографіи кратк. рецензія на книгу Теодоровича «Историко-статистическое описаніе церкв. и приход. волынской епархіи».

11—12. Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. V. Русскіе писатели, умершіе въ 1885 г. (въ приложеніи). Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о А. А. Котляревскомъ, Н. И. Пироговѣ, (добавоч. къ 1 вып.), М. Н. Александровичѣ, Н. Н. Аристовѣ, А. К. Делленѣ, А. П. Матвѣевѣ, А. І. Смирновой, М. А. Туловѣ (добавоч. ко 2 вып.), Н. В. Гербельѣ, Дмитріѣ (Муретовѣ), баронѣ Н. А. Корфѣ, А. В. Куницынѣ, Н. Н. Мурзакевичѣ, В. И. Нордовѣ (добавоч. къ 3 вып.); С. П. Алферьевѣ, О. М. Новицкомъ, С. Д. Полторацкомъ, М. Θ. Раевскомъ, Ф. А. Терновскомъ, гр. А. С. Уваровѣ, П. П. Чубинскомъ, Н. И. Щеголевѣ (добавоч. въ 4 вып.), кр. біографію съ указ. сочиненій *Аполосса* (Бѣляева) еписк. Вятскій—воспит. кiev. дух. академіи, И. М. Бобровницкомъ (воспит., а потомъ и проф. кiev. дух. академіи), *П. Е. Ваденюкъ*, *П. А. Вышнеvesкомъ*, *Г. П. Гельмефонъ* (между трудами его есть нѣкоторые, относящіеся къ югу Россіи) *Н. Я. Данилевскомъ*, *П. П. Демидовъ*—князь *Санъ-Дonato*, *М. Θ. Де-Пуле*, *В. А. Дождеръ*, *А. А. Евецкомъ*, *А. А. Зарудномъ*, *Н. К. Захаровъ*, *К. Д. Кавелинъ*, *Н. В. Калачовъ*, *Е. П. Карновичъ*, *А. Θ. Кистьяковскомъ*, *Я. И. Костенецкомъ*, *Н. Н. Костомаровъ*, *Н. Θ. Левицкомъ*, *В. И. Мазараки*, *И. Д. Монсеговъ*, *А. М. Матушинскомъ*, *Ю. И. Мацонъ*, *К. А. Митюковъ*, *І. Г. Мицкевичъ*, *Еп. Порфирій* (К. Успенскій), *С. П. Стеблинъ-Каминскомъ*, *Е. С. Струменскомъ*, *Н. А. Сьверцевъ*, *М. В. Чистяковъ*, *Θеодосій* (А. Н. Мадоревскій).

1—2. А. Шенрокъ. Родители Гоголя, (нѣсколько новыхъ свѣдѣній о семьѣ Н. В.) съ портретомъ Н. В. Гоголя.

1. Въ критикѣ и библіографіи краткія рецензіи на книги Е. Шмурло «Митр. Евгвній», «Холмскій народ. календарь», «Историч. записка о ставропольской гимназіи».

Въ замѣткахъ К. Горбунова: По поводу «Сторіи о Господѣ и землѣ».

2. Критика и библіографія. Кр. рецензія на книгу О. Роговой «Богданъ Хмельницкій».

— Нѣсколько замѣтокъ въ смѣси.

Природа и Охота №№ 1—12. № 1. Охота не по перу, не на звѣря. (Записки моего дѣда) Н. Туркина. Изъ быта донскихъ козаковъ конца XVIII в.

1. Н. И—ко. Воспомянаія охотника. Мѣстность разсказа—въ Полтавщинѣ подъ Кіевомъ лѣтъ 25—30 тому назадъ.

— Н. Дублянскій. Объ уженіи рыбы въ окрестностяхъ Харькова.

- С. Д—вичъ. Охота подъ Кишиневомъ.
 — Д. П. Пронинъ. Изъ Таганрога.
 4. А. Телятниковъ. Охота въ купянскомъ уѣздѣ (прежде и теперь).
 -- М. Суручанъ. Очерки охоты въ средней Бессарабiи.
 7, 8. Поповъ. Мелкія воспоминанія мелкаго охотника въ Симферополѣ.
 — Д. Велинскій. Изъ Семеновки (Семіоновки) черн. губ.
 8. Александръ Гор. Охота вблизи Екатеринодара.
 — Двѣ охоты на волковъ по р. Кубани. Козака.
 1, 4. Дмитріевскій уѣздъ курской губ. (Охотничьи очерки) Н. Анофреевъ.
 9. В. Шершеневичъ. Два мѣсяца въ деревнѣ (подъ Одессою).
 — Г. Смаковскій. Въ ваѣздку (охот. спены орлов. губ. вблизи Болхова).
 10. Н. А. Вербицкій. По Деснѣ
 12. На волковъ съ поросенкомъ. (Изъ воспоминаній охотника) Г. Ползунова.
 — Объ уженьѣ карповъ на р. Айдозѣ харьковской губ.—В. Гуткова.

Юридическій Вѣстникъ №№ 12—1. № 12. Земскія начинанія въ области сельскаго кредита. Евгенія Максимова. Авторъ касается и дѣятельности въ этомъ отношеніи земствъ южно-русскихъ губерній.

12. Изъ исторiи экономическаго быта. А. Евреяновой. Очеркъ экономическаго состоянія кролевецкаго у. черниг. губ., составленный по XV тому «Матеріаловъ для оцѣнки земел. угодій, собран. черниг. статист. отдѣл. при губ. земск. управѣ».

Библиографъ №№ 7—12. № 7—8. Критика и библиографія. Рецензіи на: «Письяа гр. Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому». Е. Ш. «Русская правда», изд. А. Б. Гинцбурга. Д. Замѣтки о № 5 извѣстій таврич. ученой архивн. комиссіи и о музеѣ г. Поля въ Екатеринославѣ.

9—10. Длугошъ, польскій историкъ XV ст. Библиограф. замѣтка Ст. Пташицкаго.

Новый трудъ проф. В. С. Иконникова. Е. Шмурло. Изложеніе содержанія имѣющаго въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ соч. В. С. Иконникова: «Опытъ русской исторiографіи».

По поводу рецензіи на книгу г. Багалъя («Очерки изъ исторiи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства»). Письмо въ редакцію проф. Д. И. Багалъя и отвѣтъ на это письмо г. Чечулина.

11. Симеонъ Полоцкій о рускомъ иконописанiи Л. Майкова.

Военный Сборникъ №№ 11—12. № 11, 12. Н. Красновъ. Донское войско, какъ главный членъ козачьей семьи (стр. 3).

Восходъ №№ 11—2. № 11—12. П. М. Лакуба. Къ исторiи евреевъ въ Россiи. По поводу втораго изданія изслѣдованія Градовскаго «Торговля

и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ».

11—12. *I. Берхинъ*. Древнѣйшія извѣстія о евреяхъ въ Кіевѣ (до XII в.).

Недѣльная Хроника Восхода №№ 46—52 17 № 48. Передовая статья по поводу закона 9 іюня 1886 г. о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевикомъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Авторъ разбираетъ этотъ вопросъ по отношенію его къ еврейскому населенію означенныхъ губерній.

50. Некрологъ Р. И. Рабяновича, извѣстнаго въ ученоемъ мірѣ спеціалиста-библіографа, который посвятилъ всю свою жизнь возстановленію первоначальнаго подлинника и полнаго текста Талмуда. По происхожденію—литовскій еврей; умеръ въ Кіевѣ.

51. Передовая статья по поводу отказа евреямъ (въ Кіевѣ и Одессѣ) въ пріемѣ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ при окружныхъ судахъ.

1—2. *С. А. Бершадскій*. Еврей король польскій Шауль Юдитъ-Валь изъ Бреста Литовскаго, преемникъ Стеф. Баторія (истор. легенда) не оконч.

2. Станиславка острожск. у (корресп.) объ образовавшейся здѣсь лѣтъ 12 тому назадъ еврейской арендаторской земледѣльческой колоніи.

3. Библиогр. замѣтка о новой книгѣ Г. В. Фридмана (польско-еврейскій писатель, авторъ романа *Piękna Zydowka*) *Zydziaak. Skic psychologiczno-spolesczny*. Lwów 1889, заключающей въ себѣ галиційско-еврейскіе типы въ связи съ тѣми бытовыми условіями, въ которыхъ они вырабатываются.

4. Корресп. изъ м. Семіоновки (черн. губ. новоз. уѣзда) о смерти и значеніи для всего населенія земскаго врача П. С. Евсѣенка.

Странникъ №№ II—12. №№ II—12. *Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси*. Владиміръ христіанинъ. I. Крещеніе Руси, И. П. Матченка.

11—12. *Романъ Кузьмина*. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Протоіерея И. Г. Наумовича.

11. *Новыя книги*. Творенія отцовъ церкви и апокрифы въ церковно-учительной литературѣ (А. С. Архангельскій. Отцы церкви въ древне-русской письменности. Спб. 1888.—Матеріалы и замѣтки по старинной литературѣ. Мат. Соколова. Вып. I. I—V. М. 1888.—Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. В. Мочульскаго. Варш. 1888.—Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень. Кіевъ. 1887.—Разборъ апокрифическихъ сказаній о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныхъ въ древней Руси. Вл. Сахарова—въ «Христ. Чт.» 1888.). А. И. Пономарева.

Извѣстія и замѣтки. Ко дню празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.

11. Церковная жизнь у славянъ. Юбилейное празднество у русскихъ галичанъ.

1. И. П. Матченко. Святой равноапостольный князь Владимиръ—просвѣтитель Руса.

— Никодимъ Милашъ архим. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе (V. провинція пропаганды: греко-униаты въ разныхъ странахъ свѣта и отношеніе къ нимъ римской пропаганды).

— И. Гр. Наумовича. Романъ Кузьмина. Разск. изъ гал.-рус. жизни.

Экономическій Журналъ №№ 10—12. № 10. И. Тарасовъ. Описаніе кустарныхъ отдѣловъ на екатеринбургской и харьковской выставкахъ 1887 г. съ указаніемъ на мѣры поддержанія и развитія кустарныхъ промысловъ вообще.

— И. Золотницкій. Ростовъ на Дону (Общая характеристика города. Его географическое положеніе. Исторія Ростова. Общій видъ города, его панорама, улицы, площади, сады, вода, пристань. Населенность Ростова и Нахичевани. Городское общественное хозяйство. Торговля и промышленность. Увеселительная часть. Летучія замѣтки объ общественной и частной жизни ростовцевъ.

— Результаты дѣятельности желѣзныхъ дорогъ за 1888 г.

— Замѣтки въ торгов. обозр. о торговлѣ хлѣбомъ, шерстью и пр.

11. И. Золотницкій. Лозово-севастопольская дорога (Нынѣшнѣе хозяйство дороги. Быстрое увеличеніе доходности при одновременномъ сокращеніи расходовъ. Причины этихъ отрадныхъ явленій. Состояніе пути и всего желѣзнодорожнаго инвентаря. Степень безопасности движенія. Конкуренція съ другими путями. Экскурсія по лозово-севастопольской линіи. Общіе выводы).

— И. Тарасовъ. Всероссийская сельско-хозяйственная выставка въ г. Харьковѣ въ 1887 г.

— Замѣтка въ хроникѣ.

12. М. Веллеръ. Промыслы полтавс. губ. Плетеніе «пахтъ» (лохвицкій у.).

— Замѣтки въ хроникѣ.

Новь №№ 1—6. №№ 1, 2, 3. Ольгердь и Свѣтозара (кіевское преданіе) поэма Александры Львовой.

2. Церковь въ Ливадіи (рисунокъ) съ фотографіи.

3. Ярмарка въ Малороссіи (рисунокъ)—картина Юмудскаго.

— Видъ большого каскада въ Софіевкѣ (Умань) рисунокъ съ гравюры прошл. столѣтія Шлоттербека.

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 5—12. №№ 7—9. Исторія уставныхъ земскихъ грамотъ литовско-русскаго государства, М. Ясинскаго.

12. Вступительная лекція по исторіи древней русской литературы, проф. Владимірова.

Матеріали для русскої історії въ V т. Monumenta Polon. Hist., проф. Дашкевича.

Труды Киевск. Духовной Академіи №№ 11—12, 1. № 11. Д. Протасовъ. Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (прод.).

— Л. М. Къ матеріаламъ для історіи кiev. дух. академіи.

— Извѣстія церковно-археол. общ. при кievской дух. академіи (іюнь и іюль 1888.) Н. И. Петрова.

12. Письма кiev. митроп. Евгенію Болохвитинову.

— Извѣстія церковно-археолог. общества при кiev. дух. академіи (авг., сент. и окт. 1888 г.) Н. И. Петрова.

— Указатель статей, помѣщ. въ Тр. К. Д. А. за 1888 г.

1. Д. Протасовъ. Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (прод.).

— В. З. Завитневичъ. Крестъ, которымъ преп. игуменъ Сергій благословилъ в. к. Дм. Ив. Донскаго на борьбу съ Мамаемъ.

— Н. И. Корольковъ. Отчетъ кiev. дух. ак. за 1887—88 учеб. годъ.

— Извѣстія церк.-арх. общества при кiev. дух. ак. (ноябрь 1888 г.) Н. И. Петрова.

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія №№ 9—12. № 12. Изъ неизданныхъ сочиненій святителя Димитрія Ростовскаго. Сообщ. Амфилохіемъ, еп. угличскимъ. Память духовному отцу. Како у правити ставленника. Краесогласнія Пятрострочіи. Изъявленіе въпросовъ Богословскихъ.

Христіанское Чтеніе Январь, Денабрь 1888 г. Январь—Февраль. Матеріали для біографіи Иннокентія, архієпископа херсонскаго. Письма разныхъ лицъ къ преосвященному Иннокентію.

Май, Іюнь, Іюль, Августъ. Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси. По поводу предстоявшаго 900-лѣтняго юбилея.

Іюль, Августъ. Рецензія сочиненія Ив. Малышевскаго: «Святый Кирилль и Мееодій, первоучители славянскіе».

Ноябрь, Денабрь. Матеріали для біографіи Иннокентія, архієпископа херсонскаго. Письма разныхъ лицъ къ преосвященному (начало этой статьи см. въ кн. Январь—Февраль).

Kwartalnik historyczny 1880. № 1. Помѣщены рецензіи на слѣдующія сочиненія: 1) *Szaraniewicz*. Die franciskaner Kirche in Halitch. 2) *Pzochazka*—Z przeszłości Brzozowa. 3) *Венеровъ*—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ; вып. 1—10. 4) *Хойнацкій*—Православіе на зап. Россіи или Патерикъ волинско-почаевскій. 5) *Батюшковъ*—Волинъ. 6) *Житецкій*—Очеркъ литературной історіи малорусскаго нарѣчія.

Ateneum 1889 г. Январь. *Мель.*—Омаджариваніе славянъ.

Весьма живой и фактической очеркъ мѣръ, предпринятых венгерскимъ правительствомъ и обществомъ для насильственнаго обращенія славаковъ, закарпатскихъ русиновъ и другихъ венгерскихъ славянъ въ маджарскую народность. Указаны репрессивныя мѣры венгерскаго правительства, дѣйствія многочисленныхъ венгерскихъ обществъ, основанныхъ спеціально съ этою цѣлью, омаджариваніе школъ, духовенства и т. д. Затѣмъ обращено вниманіе на постоянно усиливающееся выселеніе венгерскихъ славянъ въ Америку и указаны безплодныя усилія немногихъ венгерскихъ публицистовъ и государственныхъ людей (Деакъ, Сечени, Мочари), направленные къ тому, чтобы удержать своихъ соотечественниковъ отъ національнаго насилія надъ славянами.

— Рецензія исторической драмы Урбанскаго «Watazka», — содержаніе драмы заимствовано изъ исторіи гайдамачества.

Wisła 1888 г. Октябрь—Декабрь. *Янчукъ.* — Вертепъ въ Корницѣ (село константиновскаго уѣзда, съдлецкой губерніи). Мальчики въ этомъ селѣ устраиваютъ вертепъ во время рождественскихъ праздниковъ и показываютъ его въ своемъ и въ сосѣднихъ селахъ. Описано устройство самаго вертепа, приведенъ текстъ мистеріи и присоединенъ разборъ его и сличеніе съ вертепомъ, устраиваемымъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Русскій Паломникъ №№ 47—52, 1—6. 47, 48. *Высокопр. Парвеній, архіеп. иркутскій* (съ портр.), ученикъ кievской дух. академіи, затѣмъ ректоръ харьковской и херсонской дух. семинарій.

47. *Важное открытіе.* Замѣтка о недавно открытой въ Кіевѣ, на Звѣрянцѣ, пещерѣ.

48. *Супрасльскій Блговѣщенскій монастырь.*

48—50. *Кіево-печерская Лавра.*

— *Святѣи кievскаго края.* XXVI. С. Хрепцатый Яръ, м. Животовъ. XXVII. Г. Василъковъ, м. Бѣлая-Церковь, с. Мытница. XXVIII. Г. Умань, с. Ягубецъ. XXIX. М. Руживъ, м. Паволочь.

51—52. *Пользка въ Почаевѣ.* (Изъ воспоминаній холмскаго паломника).

1. Въ ежеведѣльн лѣтописи сообщено, что въ Св. Синодѣ вырабатываются правила для реставрацій старинныхъ образовъ, чтобы положить конецъ тѣмъ варварскимъ искаженіямъ, которымъ они теперь нерѣдко подвергаются. Съ этою цѣлью предполагается вслѣдъ обновленіе древней иконописи производить не иначе, какъ подъ руководствомъ и строгимъ контролемъ знатоковъ церковн. палеографіи.

5. Преосвящ. Сергій, епископъ могилевскій — воспитанникъ кiev. дух. академіи (краткая біографія съ портретомъ его).

6. Дубенская икона Божіей матери съ изображеніемъ.

Недѣля 42—52, 1—6. 42. *Новыя кнѣм.* Рецензія на «Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII ст.» П. О. Морозова.

1. Передовая статья: «1864 — 1889 гг.» (0 25-лѣтнемъ юбилеѣ земскихъ учрежденій).

— «Земскій Юбилей».

— *Новыя кнѣм.* Забѣтка о «Путеводителѣ по Одессѣ», издан. В. В. Скидана. Одесса. 1889 г.

2. «Школьные контрасты» (изъ жизни южной Руси).

— «Огромный сбытъ безъ пользы».

3. Въ отдѣлѣ «Забѣтки» весьма интересны воспоминанія о графѣ Лорисѣ Меликовѣ.

6. Некрологъ Александра Ивановича Стровина, воспитанника кіевскаго университета. Ему принадлежать труды: 1) «Исторія и методъ» и 2) «Политика какъ наука».

Стверь №№ 45—52. 50. Полѣскія охоты (два рисунка).

51. Памятникъ Александру II въ Ростовѣ на Дону.

5. Гибель парохода «Дяръ» на Черномъ морѣ 13 дек. 1888 г. ориг. рисун. Э. Магдесіанца.

6. Св. Владимірское братство въ г. Владимірѣ-Волинскомъ.

Нива №№ 42—6. 1. Тризна воиновъ Святослава подъ стѣнами Дорогола (Силистріи) картина г. Семирадскаго (въ московск. истор. музеѣ) грав. Голевинскій.

2. Иорданъ въ Малороссіи ориг. рис. Ижакевича.

Всемірная Иллюстрація №№ 1—5. 4. Д. Н. Бантъшъ-Каменскій (съ портретомъ). П. Б. Краткій біографическій очеркъ автора «Исторія Малороссіи».

6. Р. Э. Траутфеттеръ. Некрологъ (съ портретомъ). Траутфеттеръ былъ профессоромъ (1838—1850 г.) и ректоромъ (1847—1859 г.) университета св. Владиміра, а также вице-президентомъ комиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа (съ 1850 г.). По его ходатайству состоялось основаніе ботаническаго сада въ Кіевѣ; онъ же былъ и первымъ строителемъ этого сада.

Русское Дѣло 1889. №№ 1—4. 1. Чего мы въ правѣ требовать отъ театра. Авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что малорусскій театръ носитъ характеръ народности, котораго недостаетъ русскому театру вообще.

2, 4. Съ нижняю Дунаю. К. Красильникова. I—II. Впечатлѣнія автора въ г. Рени и нѣсколько замѣчаній о нашемъ пароходствѣ и торговлѣ на нижнемъ Дунаѣ.

Русское Судоходство №№ 41—44. 44. Изъ Ростова на Дону.

Церковный Вѣстникъ №№ 43—52. 48. *Нѣсколько любопытныхъ особенностей въ современномъ штундизмѣ.* Очеркъ штундизма на югѣ Россіи.

49. *Корресп. изъ Кіева.* Пастырское посланіе кіевского митрополита Платона чехамъ и его отвѣтъ архіепископу кентерберійскому.

51. Къ вопросу о языкѣ преподаванія въ польскихъ гимназіяхъ.

3. 0—ч—нъ, «Марьяновская секта».

4. Корресп. изъ Кіева между прочимъ о магистерскомъ коллоквиумѣ въ кіев. дух. акад. преподавателя вол. дух. сем. Г. Я. Крыжановскаго, представившаго на степень магистра сочиненіе „Рукописныя евангелія кіевскихъ книгохранилищъ“, причемъ оппонентами были проф. кіев. дух. акад. Н. И. Петровъ и В. Н. Малининъ.

Христіанское чтеніе 1, 2.

1, 2. Состояніе отечественной церкви по всеподданнѣйшему отчету оберъ-прокурора св. Синода за 1886 г.

Зоря 22—2. 22—24. *Старосвѣтски батюшки и матушки.* Ив. Левичкаго.

22. *Ворогамъ,* стих. В. Чайченка.

22—23. *На досвѣткахъ,* водевиль З. Петруся.

Проти хвилъ. оповѣдане З. Петруся.

22—2. *Исторія литературы руской,* Омеляна Огоновскаго. 4) К. Устіяновичъ. 5) Михайло Старицкій. 6) Марко Кропивницькій. 7) Иванъ Тобилевичъ Карпенко-Карый.

23 *Зъ теки песимиста,* стих. О. Филяретова.

Мачоха й пасынокъ, байка В. Чайченка.

22—24. *Рускій театр у Львовѣ.*

23. *Одповдь видавництву «Правди».*

1. *Соловьевый спѣвъ,* Олены Пчѣлки.

Наука, стих. З. Петруся.

1—2. *До миха да ще михо,* опов. Олекс. Катренка.

Нови украиньски книжки, З. Петруся.

Збирникъ драматичныхъ творивъ Г. М. Бораковскаго.

2. *Щасливый,* опов. И. Спѣлки.

Зъ поезій Олексы Мотыля.

Такъ еи доля, Леся Украинки.

Завѣтане, ея же.

Покликъ, стих. К.

Листы про украиньскій театръ, Я. Клена.

Иванъ Гриневецкій (пекр.) В. Коцовскаго.

Причинокъ до біографій Тараса Шевченка.

Przegląd Tygodniowy №№ 1—6. 1. Корреспонденція изъ Умани. Сообщается, между прочимъ, что расходъ города на народное образование въ 1889 составляетъ 7035 руб. при общемъ расходѣ въ 56600 руб. т. е. около $\frac{1}{8}$ всего бюджета, нѣсколько лѣтъ тому назадъ для поддержки мѣстной гимназіи городомъ ассигновано одновременно около 30000 руб. Вообще % денегъ, расходуемыхъ Уманью на образование, сравнительно съ другими, очень великъ.

Въ библиографіи сообщается о выходѣ слѣд. книгъ: Карѣва «Наденіе Польши» и Луговаго «Богданъ Хмѣльницкій и неблагодарная исторія».

3 и 4. Статья посвященная оцѣнкѣ научной дѣятельности проф. А. Ковалевскаго — знаменитаго біолога, бывшаго профессора кіевскаго университета по случаю 25-ти лѣтняго юбилея.

5. Перепечатка изъ «Новаго Времени» о торжествѣ, происходившемъ у В. Комарова, новаго редактора журнала «Славянскія Извѣстія». Приводятся рѣчи, произнесенныя присутствовавшими тамъ представителями разныхъ славянскихъ народностей.

Сообщается, что въ 1889 г. будетъ праздноваться 50-лѣтній юбилей присоединенія уніатовъ въ западномъ краѣ къ православію и что къ этому времени предполагается открытіе въ Вильнѣ православной духовной академіи.

6. Въ библиографіи сообщается о выходѣ книги П. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкѣ».

Gazeta Polska 262—296. 1888 г. 1—33. 264—265. Изъ Ростова на Дону въ Новороссійскѣ. Авторъ описываетъ путешествіе по новооткрытой новороссійской жел. дорогѣ, указываетъ на ея значеніе для развитія торговли цѣлаго края и останавливается затѣмъ на описаніи города Новороссійска, который въ недалекомъ будущемъ, благодаря желѣзной дорогѣ и прекрасной гавани, общается сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ центровъ.

25. Рецензія на книгу Карѣва «Историческій очеркъ польскаго сейма». Указывая на нѣкоторые недостатки книги, рецензентъ признаетъ за авторомъ большое знакомство съ польской литературой и безпристрастное отношеніе къ излагаемымъ событіямъ, и считаетъ книгу весьма полезной популяризацией.

27. Выдержка изъ «Новаго Времени», указывающая на важное значеніе новой правительственной мѣры — именно, назначенія предводителями дворянства въ западномъ краѣ исключительно лицъ русскаго происхожденія.

Газета А. Гатцука №№ 6—12. 1888 г. и 1—4 1889 г. № 6. Сергѣй Кр.—въ. Памяти М. С. Щепкина.

(Засѣданіе общества любителей россійской словесности). Краткое описаніе засѣданія, бывшаго 6-го ноября въ актовомъ залѣ московскаго университета, по случаю столѣтней годовщины рожденія Мих. Сем. Щепкина. Между разнообразными сообщеніями, касавшимися продолжительной и плодотворной артистической

дѣятельности Мих. С. и характеризовавшими его, какъ общественнаго дѣятеля и симпатичнѣйшаго человѣка, г-мъ Якушкинымъ, между прочимъ, были сообщены интересныя и новыя свѣдѣнія о провинціальной артистической дѣятельности М. С., предшествовавшей его появленію на московской сценѣ. «Въ 1808 г. М. С. вступилъ на сцену курскаго театра, который содержался братьями Барсовыми. Прекрасная игра М. С. обратила на себя всеобщее вниманіе и у губернатора, князя Репнина, родилась мысль основать театръ въ Харьковѣ. Здѣсь мы видимъ М. С. въ 1816 году. Затѣмъ мы находимъ его въ Полтавѣ помощникомъ директора полтавскаго театра П. Е. Барсова, вмѣстѣ съ Городецкимъ. Полтавская труппа была немногочисленна: она состояла изъ 15 человѣкъ. Въ числѣ актеровъ здѣсь были—Павловъ и Угаровъ. Репертуаръ полт. труппы, какъ и всякаго провинціального театра, долженъ былъ быть разнообразнымъ. У М. С. не было своего амплуа; ему приходилось играть все безъ разбору. Это было время подготовки. Въ это время по преимуществу сложился тотъ «Гарпагонъ», который былъ воплощенъ М. С. въ 1830 г. 31 янв. на московской сценѣ. Какъ до сихъ поръ на неизвѣстное, г. Якушкинъ указываетъ на то, что директоромъ полтавс. театра (можетъ быть и недолго) былъ Котляревскій, извѣстный авторъ «Наталки Полтавки» и «Москаля Чаривныка». Въ 1821 г. полтавская труппа разстроилась... Считаемо не лишнимъ привести эпизодъ изъ театральнаго жизни Щепкина въ Полтавѣ. На театрѣ у нихъ съ большимъ успѣхомъ шла пьеса подъ заглавіемъ: «Жидовская корчма». Жидъ игралъ М. С. и игралъ неподражаемо. Въ Полтавѣ городскимъ головой былъ нѣкто Зеленскій—изъ евреевъ. М. С., играя жидъ, незамѣтно подражалъ ему; но выходило такъ похоже, что публика не могла удержаться, чтобы не воскликнуть: «Да вѣдь это нашъ Иванъ Васильевичъ (т. е. Зеленскій)». Зеленскій обязался платить артистамъ по 2000 р. въ годъ, только бы они не играли этой пьесы. И «Жид. корчма» была свята со сцены. Кн. Репнинъ, узнавъ причину, почему снята со сцены любимая публикою пьеса, приказалъ какъ можно чаще ее играть, и Зеленскій, чтобы не навлечь на себя губернаторскаго гнѣва, долженъ былъ присутствовать на представленіяхъ».

Проф. Тихонравовъ въ своемъ сообщеніи «Щепкинъ и Гоголь въ ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга» указалъ на ту связь, которая существовала между великимъ артистомъ, достигшимъ вполнѣ прочнаго положенія, и великимъ писателемъ, склоннымъ къ меланхоліи. Щепкинъ оказалъ вѣкоторое вліяніе на произведенія Гоголя, комедіи же послѣднѣго оживили и возродили Щепкина.

Н. Стороженко. Щепкинъ и Шевченко (Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи общ. любителей россійской слов. въ день столѣтней годовщины рожденія М. С. Щепкина). Прочувствованная рѣчь почтеннаго профессора даетъ намъ полную характеристику отношеній, существовавшихъ между

М. С. Щепкинымъ и Т. Шевченкомъ. Поставленный судьбой въ гораздо лучшія условія жизни, добродушный по природѣ, обладавшій спокойнымъ и ровнымъ характеромъ, Щепкинъ, во все время знакомства съ Шевченкомъ, служилъ ему надежной опорой въ жизненныхъ невзгодахъ и заботился о немъ, какъ о близкомъ человѣкѣ.

Знакомство и затѣмъ дружба между ними завязалась уже послѣ выхода въ свѣтъ «Кобзаря»; — «Щепкинъ былъ одинъ изъ первыхъ угадавшій въ молодомъ авторѣ Кобзаря великаго поэта. Онъ былъ до того очарованъ глубиною чувства и чудной мелодіей стиха Шевченка, что сразу и безповоротно сдѣлался его восторженнымъ поклонникомъ и глашатаемъ его славы». Съ другой стороны, «гораздо старшій лѣтами и болѣе богатый житейскимъ опытомъ, Щепкинъ сдерживаетъ пылъ своего друга, журить его за всякое уклоненіе съ истиннаго пути, убѣждаетъ его беречь себя для родины и поэзіи».

Десятилѣтняя томительная ссылка оторвала Шевченка отъ всего остальнаго міра, но и тутъ онъ не прерываетъ сношеній съ Щепкинымъ, который въ свою очередь даже помогаетъ ему въ матеріальномъ отношеніи. Наконецъ, желанная свобода наступила и Шевченко получилъ возможность видѣться съ своими друзьями. 25 декабря 1857 г. послѣдовала встрѣча Шевченка съ Щепкинымъ въ Нижнемъ Новгородѣ, т. к. Шевченку былъ запрещенъ вѣздъ въ столицы. Щепкинъ специально пріѣхалъ въ Нижній ради Шевченка, но тамъ же далъ нѣсколько спектаклей, такъ что расходы на поѣздку окупилась. Интересно письмо Шевченка къ Н. О. Осипову по поводу этого пріѣзда; въ каждой строчкѣ его видно чувство неподдѣльной горячей любви къ великому артисту, уже старику, но сохранившему, по словамъ письма, — «всю юношескую свѣжесть нравственную». Такой же любовью и энтузіазмомъ проникнуто то мѣсто дневника Шевченка, гдѣ онъ пишетъ объ этомъ же пріѣздѣ Щепкина: «Я все еще не могу прійти въ нормальное состояніе отъ волшебнаго очаровательнаго видѣнія. У меня все еще стоятъ передъ глазами городничій, матрость, Михайло Чупрунъ и Любимъ Торцовъ. Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста стоитъ великій человѣкъ, кротко улыбающійся, другъ мой единственный, искренній мой, незабвенный М. С. Щепкинъ. Шесть дней, шесть дней полной радостно-торжественной жизни! И чѣмъ я заплачу тебѣ за это счастье? За эти радостныя слезы? Любовью? Но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любитъ? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ самой искренней, я ничего не имѣю».

Какъ примѣръ заботливости Щепкина, служить письмо его къ Шевченку, въ которомъ онъ упрекаетъ послѣдняго за невоздержанность, именно, за то что тотъ кутилъ послѣ его отъѣзда изъ Нижняго.

Забота Щепкина о томъ, чтобы Шевченко берегъ себя и свой талантъ, проявляется также и позже, во время пребыванія Шевченка въ Москвѣ, куда

ему быть позволенъ доступъ въ 1858 г. благодаря ходатайству графа Ф. П. Толстаго, хлопотавшаго и о возвратѣ Шевченка изъ ссылки. Здѣсь, въ Москвѣ, Шевченко жилъ у Щепкина, который старался доставить другу все возможное; свелъ его съ хорошими людьми и, во время неопасной болѣзни Шевченка, заботился о немъ и развлекалъ его. Изъ Москвы Шевченко уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ въ первое время не занимался дѣломъ, тогда Щепкинъ шлетъ ему письмо, въ которомъ видна все та же дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ строгая заботливость о поэтѣ: «Теперь два слова старика: за дѣло и за дѣло! Не дай овладѣвать собою бездѣйствію! Поклонись отъ меня всѣмъ моимъ знакомымъ, которыхъ ты знаешь. Да еще разъ: за дѣло и за дѣло! Твой старый другъ Михайло Щепкинъ».

Письмо это есть послѣдній документъ, касающійся взаимныхъ отношеній Щепкина и Шевченка. «Но и то небольшое, что издано, говоритъ проф. Стороженко, проливаетъ яркій свѣтъ на Щепкина, какъ человѣка, и на характеръ его отношеній къ украинскому поэту. Тайна взаимнаго притяженія Щепкина и Шевченка объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что эти избранныя поэтическия натуры во многомъ дополняли одна другую».

8. Въ отдѣлѣ «научныя и хозяйственныя замѣтки» помѣщены два извѣстія о раскопкахъ кургановъ въ кiev. губ. Первое—о сообщеніи въ моск. арх. общ. г. Оссовскаго, которымъ былъ раскопанъ курганъ въ звенигородскомъ у. возлѣ м. Рыжановки. Раскопка дала богатые результаты:—былъ найденъ скелетъ женщины съ массой различныхъ драгоценныхъ украшеній греческой работы; тамъ же находилось много посуды и другой домашней утвари. Всѣ предметы поступили въ краковскій музей.

Другое извѣстіе — о раскопкахъ г. Хайновскаго, произведенныхъ возлѣ м. Ржищева. Были найдены два рыцаря (о послѣднихъ раскопкахъ см. статья г. Хайновскаго въ Киевск. Словѣ №№ 505, 506 и 507 и замѣтку на нихъ въ Библиогр. Листкѣ «Кievск. Стар.» 1888 г. м. Ноябрь, стр. 16).

1. А. Гатцукъ. Крещеніе Руси (историческій набросокъ). Посвященъ Ф. И. Буслаеву. Упомянувъ о бѣдности у насъ работъ, касающихся этого событія, авторъ рядомъ подобранныхъ фактовъ старается доказать, что христіанство имѣло большое распространеніе между жителями Кіева и до Владиміра и что этотъ послѣдній явился какъ бы выразителемъ идеи, жившей въ народѣ.

3. Извѣстіе о празднованіи харьковск. университетомъ 85-й годовщины. Лестный отзывъ о январьской книжкѣ «Кievской Старины».

Кievлянинъ №№ 15—35. № 15. Некрологъ Рудольфа Эрнестовича Траутфеттера † 15 янв. 1889 г. въ Спб. Покойный род. въ 1809 г. Образование получилъ въ дерптскомъ у—тѣ. Съ 1838 г. состоялъ профессоромъ

ботаники въ унив. св. Владиміра и въ теченіи 12 лѣтъ былъ его ректоромъ до 1860 года.

О передѣлкахъ въ соборной церкви кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря.

Малороссы за Волгой. Извлеченіе изъ «Матеріаловъ по исторіи заселенія саратов. губ.» напечатанныхъ въ III вып. «Трудовъ саратов. архив. комиссіи». Пока помѣщены свѣдѣнія только по 11 волостямъ балашевск. у. «4 волости въ южн. части уѣзда (песчанская, самойловская, красовская и словатская) заселились выходцами изъ малорусскихъ губ. въ концѣ прошлаго вѣка. Все это были бѣглецы отъ власти помѣщиковъ какъ польскихъ, такъ и русскихъ; сюда заходили и съ Украины, и съ Волыни, и, по словамъ одного старожила, изъ подъ Кіева и изъ губ. чернигов, харьков. и курской. Земли завладѣвали они по праву заимки, а съ зачисленіемъ ихъ въ 1795 году въ казенное вѣдомство, имъ было надѣлено по 15 дес. на душу и по стольку же на пару воловъ. Такой пріемъ надѣла объясняется родомъ возложенной на бѣглецовъ единственной повинности: они обязаны были чумацкой службой—возить соль съ Эльтояскаго озера въ Саратовъ (по 13 к. мѣди съ пуда) и въ Камышинъ (по 7 к.). У кого воловъ не было, тѣ работали при добычѣ соли на озрѣ (по 3 к. за пудъ). Такой перядокъ вещей продолжался до 20-хъ годовъ, когда возка соли была прекращена, поселенцы уравниены съ прочими каз. крестьянами, а земли, на которыхъ стали селиться рядомъ и великороссы, приказано разверстать только по душамъ».

16. Перепечатка изъ помѣщенныхъ въ «Моск. Вѣд.» очерковъ привислянскаго края К. Случевскаго нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся къ исторіи возсоединенія униатовъ и къ современному положенію возсоединенныхъ.

21. *Вотчинныя монополіи во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ.* Ив. Новицкаго.

Стольтіе Одессы. Замѣтка.

22. Перепечатка изъ «Моск. Вѣд.» преданія объ основаніи Хаджи-Бея (нынѣ Одесса).

25. *Некроль Ю. Д. Сидоренка.* Покойный родился въ Нѣжинѣ въ 1832 г., образованіе получалъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, кіевской 2-й гимназіи и университетѣ св. Владиміра. Въ 1858 г. получилъ степень магистра, а съ 1861 г. читалъ въ унив. св. Владиміра финансовое право, кромѣ того покойный принималъ участіе въ кіевскомъ городскомъ самоуправленіи.

Засѣданіе историческаго общества 29 января.

27. *Похороны Ю. Д. Сидоренки.*

35. *Художественныя работы во Владимірскомъ соборѣ.*

Некроль І. А. Самчевскаго, бывшаго инспектора новгородь-сѣверской гимназіи, скончавшагося на 90 году отъ рожденія.

Кіевское Слово №№ 584—601. № 584. Корреспонденція изъ Харькова «На Основѣ, близъ семинаріи, 17 янв. найденъ огромный, вдвое больше обыкновеннаго, человѣческой черепъ, наполненный старинными серебряными монетами».

589. Отчетъ о годичномъ собраніи кіевского общества естествоиспытателей.

589—590. О садоводствѣ въ г. Екатеринославѣ.

592. *Библиографія.* Акинфіевъ Ив. Як. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Н. В.—цкаго.

593. *Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.*

Церковно-археологическое общество и музей въ 1888 г.

594. *Некроль проф. Г. Д. Сидоренка.*

595. Передовая статья, посвященная памяти Г. Д. Сидоренка.

Столѣтній юбилей гимназіи. Запѣтка о 100-лѣтіи основанія новгородь-сѣверск. гимназіи.

Отчетъ о засѣданіи историч. общества Нестора-Лѣтописца 29 января.

Перепечатка изъ «Нов. Врем.» о соблюдаемомъ въ юго-зап. краѣ обычаѣ переводить невѣсту чрезъ огонь, прежде чѣмъ вести ее къ вѣнцу, что служить доказательствомъ ея цѣломудрія.

599. *Иноземная колонизація въ юго-западномъ краѣ.*

Волянь №№ 11—25. № 13. Изъ Овруча сообщаютъ о постепенномъ уничтоженіи двухъ памятниковъ нашей старины: стариннаго, княжеской эпохи, храма въ Овручѣ, и кургана, принимаемаго за могилу Игоря, у м. Искорестеня.

16. *Поляки—сарматы и русскіе—скиѣы.* Въ статейкѣ подъ такимъ заглавіемъ В. Бернацкій опровергаетъ ходячее среди поляковъ западнаго края воззрѣніе, что будто бы русскіе—потомки скиѣовъ-монголовъ, а поляки происходятъ отъ сарматовъ-аріевъ, и потому только они, поляки, чистые славяне. Авторъ приводитъ свидѣтельства, доказывающія, что сарматы есть часть скиѣовъ, и что скиѣы не монголы.

19. *Некроль архимандрита Владиміра Терлецкаго.*

20—23. Историческій разсказъ изъ прошлаго столѣтія д—ра Антонія (переводъ съ польскаго). Изображена несчастная судьба одного бѣлорусса, бѣжавшаго въ началѣ прошлаго столѣтія на обѣтованный югъ и нашедшаго себѣ смерть отъ руки палача въ Дубно.

Воляньскія Епархіальныя Вѣдомости 1889. №№ 3—5. № 3—4. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ воляньской епархіи (продолж.) с. Тапкуры, с. Хоровъ. 4 благоч. округа острожскаго у. с. Боложовка, с. Степановка, с. Борисовъ, с. Боровица, с. Бѣлашевъ, с. Гродовъ, с. Точи-

вики, с. Бѣльчичъ, с. Вилья, с. Гнойница, с. Добрынь, м. Куневъ, с. Ляховъ, с. Новородицы, м. Межиричь, с. Лючинъ.

4. П. П. Максимовичъ (некрологъ) перепеч. изъ «Нов. Врем.».

5. Архим. Владиміръ Терлецкій (некрол.) перепеч. изъ «Слав. Изв.».

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1889 №№ 1—3. № 1. Отъ прошедшаго къ будущему—обозрѣніе содержанія подольск. епархіальныхъ вѣдомостей за 1888 г.

2—3. Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. I Церковь—замокъ въ с. Сутковцахъ, летичевского уѣзда, Е. Сѣцинскаго.

Въ подольской землѣ очень мало древнихъ православныхъ церквей. Причины этому заключаются прежде всего въ томъ географическомъ положеніи, въ которомъ находилась страна: съ ней соприкасались многія враждовавшія между собой государства, затѣмъ, главная причина—господство въ искони русской православной землѣ поляковъ.

Оригинальностью и сравнительной древностью отличается церковь въ с. Сутковцахъ летич. у., расположенная по берегу р. Ушицы. По виѣшнему виду она похожа на замокъ: толстыя стѣны сложены изъ камня известняка, верхній карнизъ снабженъ прорѣзами, откуда производились выстрѣлы, многочисленныя амбразуры находятся какъ въ капитальныхъ стѣнахъ, такъ и въ верхнихъ частяхъ церкви, въ т. п. «маточникахъ». Планъ церкви—четвероколенный равносторонній крестъ, поперечная линія котораго внутри стѣвъ равна 8 саж.

Внутренность церкви мрачна—каменный столбъ поддерживаетъ низкіе, тяжелые своды; надъ сводами помѣщается второй этажъ—туда сходились во время нападений и оттуда защищались, пользуясь амбразурами. Надъ западной частью церкви устроена двухъ ярусная деревянная колокольня. Время основанія этой замѣчательной церкви точно неизвѣстно; данныя, служащія для его опредѣленія—это находящійся на колокольнѣ сутковской церкви небольшой колоколь съ датой: «року Божію АУОS»—1476 г. и найденная въ церкви надгробная плита Ивана Сутковского 1593 г.

Въ статьѣ г. Е. Сѣцинскаго приведены также родословныя владѣльцевъ с. Сутковецъ, одинъ изъ которыхъ былъ строителемъ церкви.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 6—8. № 8. Актъ унив. св. Владиміра 8 января 1889 г.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости № 1. № 1. Отчетъ о состояніи кишиневскаго епархіальнаго женскаго училища за 1887/8 учебный годъ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости № 3. № 3. Мѣстечко Константиновъ (ромен. уѣзда) В. Е. Бучневича. Нѣсколько историческихъ данныхъ о прошломъ этого мѣстечка.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1889. №№ 6—11. № 6. Земскій врачъ новозыбковскаго у. *П. С. Евсьенко* (некрологъ).

6. *Изъ мѣстной этнографіи.* Запѣтка г. Тищинскаго о колядкѣ, записанной имъ въ городничкомъ уѣздѣ.

8. *Къ исторіи края. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.* (продолженіе). 27. Костенецкая Анна, 28. Костенецкая Марья, 29. Костенецкій Федоръ, 30. Корочевскій Емельянъ, 31. Кузюра Данило, 32. Кузюра Петръ, 33. Лашинскій Петръ, 34. Лазкевичъ Кириллъ, 35. Левченко Иванъ, 36. Лобода Андрей, 37. Макаренко Александръ, 38. Мартышко Иванъ, 39. Мисковскій Федоръ, 40. Мовчанъ Яковъ, 41. Мацкевичъ Иванъ, 42. Нестеревичъ Аванасій, 43. Нестеревичъ Григорій, 44. Овсѣйко Власть, 45. Омеляненко Федоръ, 46. Омеляненко Козьма, 47. Острожскій Федоръ, 48. Парпура Леонтій, 49. Парпура Степанъ, 50. Парпура Яковъ.

9. *Къ исторіи края. О полковникахъ:* Носѣ, «Кгалакганѣ» и Жураковскомъ, Ст. Носа. Приведено письмо нѣж. полков. Жураковскаго къ гетм. Скоропадскому 24 іюня 1768 г. съ жалобою на прилуцк. полковника Галагана за захватъ земель.

11. *Къ исторіи края.* Сообщенъ г. Бахиромъ указъ 17 февр. 1743 г. полковой черниговской канцеляріи значковому товар. Зенкевичу быть готовымъ къ походу.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1889. №№ 14—41. № 16. *Торжественный актъ въ харьков. университетѣ 17 янв. 1889 г.*

17. *Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Извлеченіе изъ актовъой рѣчи проф. Д. И. Багалля.* Указавъ на неразработанность исторіи открытія харьков. университета, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію причавъ, почему возникновеніе въ глухомъ городѣ степной полосы Россіи университета встрѣтило сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны мѣстныхъ жителей. Причины эти коренятся въ общемъ ходѣ культурнаго развитія мѣстнаго общества. Слободская Украина заселилась выходцами южноруссами изъ Польши и великоруссами съ сѣвера, принесшими съ собою извѣстные зачатки культуры. Но культурное развитіе края сильно тормозилось татарскими набѣгами, такъ что населеніе въ теченіе цѣлаго вѣка должно было затрачивать всѣ свои силы не на созиданіе культуры, а на защиту ея отъ кочевниковъ. Въ 1-й пол. XVII в. постоянное населеніе въ слоб. Украинѣ, кромѣ г. Чугуева, не было, только разъѣзжали сторожа и ставничники, наблюдая за татарами; укрѣплена страна за москов. государствомъ была только осѣдлыми поселенцами. Прежде стали переселяться сюда малороссіяне (черкасы) изъ Польши, на помощь имъ для борьбы съ татарами центральное правительство присылало отряды служилыхъ людей

(однодворцевъ), образовавшихъ великорусскія селенія въ нын. харьков. губ. Энергія новыхъ поселенцевъ должна была уходить на защиту края отъ татаръ, для защиты отъ которыхъ была выстроена масса укрѣпленій. При такихъ условіяхъ матеріальное благосостояніе поселенцевъ не могло быть прочно. Въ 1-й пол. XVIII в. положеніе края измѣняется, а во 2-й пол. онъ совсѣмъ переходитъ на мирное положеніе; въ 1765 г. слоб. Украина получаетъ общее гражданское губернское устройство. Въ краѣ начинаютъ развиваться кустарно-ремесленные занятія, а въ концѣ XVIII в. въ городахъ появляется значительное число великорусскихъ и иностранныхъ ремесленниковъ. Въ торговлѣ великоруссы играли главную роль, въ 1799 г. въ Харьковѣ малоруссы составляли только 25% купечества. Будучи матеріально обезпечено, мѣстное общество, даже низшій классъ его, обнаружило склонность къ просвѣщенію. Во главѣ просвѣщенія стояло духовенство, вынесшее любовь къ нему изъ задѣпровской Украины. Оно заводило школы при церквахъ; въ 1723 г. такихъ школъ было 129, т. е. 1 школа на 2373 души (въ 1884 г. 1 школа на 4270 душъ). Главный элементъ среди учащихся составляли дѣти духовенства, но были также дѣти козаковъ и крестьянъ. Изъ этихъ школъ иные поступали въ харьковскій коллегіумъ, иные прямо въ учителя — дьячки, изъ послѣднихъ и выработался типъ мандрованнаго (странствующаго) дьячка-учителя. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ былъ харьковскій коллегіумъ, возникшій изъ духовной архіерейской школы. Онъ былъ доступенъ для всѣхъ классовъ общества и пользовался общимъ сочувствіемъ. Для приготовленія хорошихъ учителей молодые люди командировались за границу. Программа коллегіума съ теченіемъ времени все болѣе расширялась, увеличивалось и число учащихся (доходя иногда до 700—800 чел.). Въ коллегіумѣ учились не только люди достаточные, но и бѣдняки, которые потомъ въ качествѣ домашнихъ учителей разносили просвѣщеніе по краю. Изъ коллегіума вышли многіе замѣчательные дѣятели (напр. Гнѣдичъ и Каченовскій). Связь между общ. и школой была крѣпка. Крѣпка была и связь общества съ церковью. Міряне принимали участіе въ церковныхъ дѣлахъ, строили монастыри, обогащали ихъ пожертвованіями и нерѣдко сами поступали въ монашеское званіе. Міряне же устраивали братства и шпитали. Такимъ образомъ, матеріальное, умственное и нравственное состояніе харьковского общества къ концу XVIII и нач. XIX в. было выше, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

17. Извлеченіе изъ отчета харьковского университета, читаннаго на актѣ 17 января.

18. Замѣтки объ обществахъ историко-филологическомъ (предсѣд. А. А. Потемня, секретарь Н. О. Сумцовъ, завѣд. архивомъ Д. И. Багалъи) и математическомъ (предсѣд. Андреевъ, секр. Грузинцевъ) при харьковскомъ у—тѣ.

19. Замятка объ обществоѣ испытателей природы (предсѣд. И. Ф. Леваковскій, секр. В. А. Ярошевичъ) при харьковскомъ университетѣ, а также медицинской его секціи.

— Въ засѣданіи истор.-филол. общ. 11 янв. проф. Д. К. Овсянико-Куликовскій сдѣлалъ сообщеніе: «Къ вопросу о нѣкоторыхъ религіозно-космогоническихъ идеяхъ древности».

21. Библиографическая замятка о 1 кн. «Кіев. Стар.» за 1889 г.

22. Краткій отчетъ о защитѣ диссертациі В. Мочульскимъ «Историко-литературный анализъ стиха о голубиной книгѣ» на степень магистра въ харьков. унив. 22 янв. 1889 г.

23. Замятка объ общемъ собраніи харьковского общества ядл пособія недостаточнымъ студентамъ.

25. Народныя чтенія въ Харьковѣ въ 1887—88 г.

26. Харьковское фармацевтическое общество.

27. Въ засѣданіи истор.-филолог. общ. 25 янв. М. Е. Халанскій сдѣлалъ сообщеніе «Къ вопросу объ отраженіи сказанія о Бовѣ въ сербск. языкѣ», а Г. Ф. Шульцъ о печатаніи во II т. «Трудовъ и Матеріаловъ» указателя книгъ музея изящныхъ искусствъ, что и принято.

23. Бюро харьковского общества сельскаго хозяйства.

29. Н. П. Петровъ (некрологъ).

— Русскій художникъ Николай Ипполитовичъ Семирадскій и его выставка картинъ въ императорской академіи художествъ. Изъ краткой біографіи мы узнаемъ, что Семирадскій родился вблизи Харькова, воспитывался во 2-ой харьковской гимназіи, гдѣ подъ вліяніемъ учителя рисованія, ученика Брюлова, Д. И. Безперчія развивался его талантъ къ живописи, и окончилъ курсъ наукъ въ харьков. университетѣ въ 1864 г. со степенью кандидата физ.-мат. факультета, послѣ чего онъ уже поступилъ въ академію художествъ въ Спб.

— Н. С. Стружкинъ (Кислочевскій) краткій некрологъ.

Южный Край № 2766. Передовая статья о 85-ти лѣтней годовщинѣ основанія харьковского университета, открытаго 17 января 1805 г. въ залу тогда Харьковѣ, насчитывавшемъ всего шесть тысячъ жителей. Открытіемъ своимъ университетъ обязанъ главнымъ образомъ усиліямъ одного чело-вѣка В. Н. Каразина, посвятившаго на это дѣло значительную часть своей жизни. Память о такомъ чело-вѣкѣ, казалось бы, должна быть священна для потомства, а между тѣмъ не только нѣтъ ни слуха ни духа о давно задуманной постановкѣ памятника ему въ Харьковѣ, но и самая могила его въ г. Николаевѣ близка къ разрушенію. Богатѣйшій, ворочающій милліонами Харьковъ не въ состояніи удѣлить нѣсколько сотенъ рублей на поддержку могилы Каразина.

2767. Въ хроникѣ сообщеніе о празднованіи торжественнымъ актомъ въ университетѣ восьмидесятипятилѣтія его основанія. На актѣ профессоромъ русской исторіи Д. И. Багалѣемъ прочитана рѣчь «О культурномъ развитіи Харькова и его нынѣшняго учебнаго округа въ XVII и XVIII столѣтіяхъ до открытія харьковскаго университета».

2768. Свѣдѣнія о состояніи императорскаго харьковскаго университета. Изъ числа ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ въ 1888 году историко-филологическое общество имѣло 37 членовъ; предсѣдателемъ состоялъ проф. Потебня. Въ теченіи года общество имѣло 5 засѣданій, въ которыхъ сдѣлано 7 сообщеній и собранъ матеріалъ для втораго тома издаваемого сборника. При обществѣ состоитъ историческій архивъ. Въ истекшемъ году архивъ обогатился нѣкоторыми документами, пожертвованными многими лицами; кромѣ того, нѣкоторые изъ представителей старинныхъ мѣстныхъ родовъ, какъ князь Д. Ф. Голицынъ, П. Н. Флота, Гр. Милорадовичъ отдали свои фамильные архивы.

2778. Сообщеніе о томъ, что предстоящею весною предположено открыть въ Полтавѣ естественно-историческій музей для мѣстныхъ коллекцій по почвовѣдѣнію, геологическому строенію почвъ и по произрастающимъ на нихъ злакамъ. Починъ положенъ проф. с.-петербургскаго университета Докучаевымъ, и тѣ естественно-историческія коллекціи, которыя были собраны имъ въ полтавской губерніи лѣтомъ 1888 года, уже подарены будущему музею. Средства на это сооруженіе ассигнуетъ полтавское земство.

2789. Некрологъ Александра Ивановича Строняна, скончавшагося 29 января текущаго года въ Ялтѣ. Покойный, уроженецъ прилукскаго уѣзда полтавской губерніи, былъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ учителемъ исторіи въ полтавской гимназійи и оставилъ въ своихъ ученикахъ незабываемую память. Онъ много способствовалъ возникновенію тогда въ Полтавѣ воскресныхъ школъ для народа. Позже онъ сталъ издавать популярныя книги подъ псевдонимомъ Александра Иванова и, наконецъ, издалъ послѣдовательно въ свѣтъ три большихъ труда: «Исторія и методъ», «Политика какъ наука» и «Исторія общестственности», замѣтныхъ въ небогатой оригинальной русской литературѣ по философіи, исторіи и социологіи.

Екатеринослав. Губ. Вѣдомости №№ 1—9, 1, 3, 4, 6, 8, 9. *Статистическое описаніе александровскаго уѣзда и мариупольскаго округа по архивнымъ даннымъ 1836 г. Я. П. Новицкаго.*

Описаніе составлено на основаніи официальныхъ бумагъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, беззвѣстныхъ свѣдѣній о тогдашнихъ путяхъ сообщенія.

2, 7. *Пѣсни козацкаго вѣка.* Подъ этимъ заглавіемъ мѣстный изслѣдователь Я. П. Новицкій началъ помѣщать болѣе или менѣе интересныя раз-

почтенія малороссійскихъ думъ и пѣсень. Напечатаны: 1) *Перебыніи* (№ 2), 2) *Супрунъ* (№ 7).

3. *Собіраніе мѣстныхъ разсказовъ*. По поводу замѣтки, напечатанной въ Екат. Губ. Вѣд. 1888 г. О «Могилахъ Близнюкахъ», высказывается желаніе о болѣе серьезномъ отношеніи къ собіранію и запискѣ разнаго рода мѣстныхъ преданій.

8, 9. И. М. Сивельниковъ, первый екатеринославскій правитель, 1784—1788 г. Очеркъ Д. И. Эварницкаго, составленный на основаніи свѣдѣній о Сивельниковѣ, записанныхъ шуриномъ послѣдняго Страховымъ и служащій дополненіемъ къ статьѣ о Сивельниковѣ, напечатанной г. Эварницкимъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1887 г., № 6.

8. *Страничка изъ жизни екатеринослав. семинаристовъ сороковыхъ годовъ*. Г. А. Соколова. Коротенькая замѣтка о плехомъ отопленіи семинаріи, съ прибавленіемъ стиховъ одного изъ семинаристовъ того времени—«къ тулупу».

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 13—32. № 13. М. Л. Кропивницкій и его молодая труппа.—Яна. О новой труппѣ, съ которой Кропивницкій подвизается на сценѣ театра въ Александріи.

25. О новыхъ пожертвованіяхъ въ археологическую коллекцію при елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ. Въ означенной коллекціи числятся свыше 900 предметовъ древности: оружія, посуды, украшеній къ одеждѣ, каменныхъ бабъ, документовъ и т. п. Въ послѣднее время коллекція обогатилась новыми пожертвованіями Падалки, Маріановича и другихъ. Въ числѣ пожертвованій находятся предметы скиѣской эпохи, византійскіе и одинъ египетскій скарабеумъ—изваяніе жука съ гіероглифами на нижней сторонѣ.

26, 28, 30, 31. «Истощена ли наша почва?» А. Улисса. Авторъ доказываетъ на основаніи личныхъ наблюденій и замѣтокъ другихъ землевладѣльцевъ елисаветградскаго уѣзда, что жалобы на истощеніе почвы въ этомъ уѣздѣ неосновательны—почва не истощена, а засорена разными сорными травами, привитыми на югѣ вмѣстѣ съ культурой степей. При этомъ г. Улиссъ отмѣчаетъ, что по наблюденіямъ уменьшилась урожайность только тѣхъ хлѣбовъ, которые не выдерживаютъ соперничества съ сорными травами, какъ то: пшеницы, овса, ячменя и др., урожай же ржи увеличился. По его мнѣнію, естественные процессы, постоянно образующіе на поверхности почвы новыя питательныя вещества, благоприятный климатъ и богатый черноземъ избавляютъ пока югъ отъ необходимости химическихъ и всякихъ другихъ удобреній.

28. Елисаветградъ въ 1774 году. Переводъ съ нѣкоторыми сокращеніями изъ сочиненія І. А. Гильденшtedта «Reisen durch Russland», изданнаго П. С. Палласомъ въ 1787 г. II т.

Сборникъ Херсон. Земства №№ 11—1. № 11. Бюллетень о состояніи сел. хоз. въ александр. у. за лѣтн. періодъ 1888 г.

Тоже по елисаветгр. уѣзду.

Тоже по одесскому уѣзду.

II—I. Статистическое описаніе херсонскаго уѣзда.

— Статистическое описаніе тираспольскаго уѣзда.

12. Бюллетени о состояніи сельск. хозяйства въ тираспольск. и херсонскомъ уѣздахъ за лѣтній періодъ 1888 г.

I. Прилож. къ бюллетеню о состояніи зем. раз. въ александрійскомъ у. за осенній періодъ 1888 г.

— Столѣтній юбилей взятія крѣпости Очакова (6 дек. 1788—1888 г. съ картою) А. Браунера.

— Экспортъ г. Одессы въ 1888 г.

Южанинъ №№ 13—39. №№ 13—14. Мѣщане-земледѣльцы. Разсматривается несчастное экономическое положеніе мѣщанъ-десятичниковъ, составляющихъ значительный процентъ земледѣльческаго населенія херсон. и др. южныхъ губ. Они образовались изъ дворовыхъ крестьянъ и «бурлакъ», которые должны были приписаться къ мѣщанск. обществамъ разныхъ городовъ, но имѣютъ земли и чаще всего живутъ въ чужихъ хатахъ.

19. По поводу памятника В. Н. Каразина. Письмо въ редакцію о плачевномъ состояніи каплицы и надгробнаго памятника надъ прахомъ основателя харьковскаго университета Каразина, похороненнаго на городскомъ кладбищѣ въ г. Николаевѣ.

20. Корреспонденція изъ Екатеринослава о спектакляхъ малор. труппы М. Кропивницкаго, прибывшей изъ Харькова.

Одес. Вѣстникъ №№ 15—40. № 22. *О судостроеніи на югѣ Россіи.*

24. *Какъ возникла Одесса.* Записанный въ 1850 г. отъ 80 лѣтняго татарина разсказъ о возникновеніи деревушки Хаджибей. Заимствовано изъ статьи *Овцына*, напечатанной въ «Московск. Вѣдомостяхъ».

— *Памяти В. Н. Каразина* (основателя харьковскаго университета). Заимствовано изъ статьи *Бартенева*, напечатанной въ «Южанинѣ».

34. О сооруженіи желѣзно-дорожной линіи черезъ Вознесенскъ на Одессу.

36. Нужды одесскаго порта.

Одесскій Листокъ №№ 16—47. № 16. Корреспонденція изъ Елисаветграда съ описаніемъ празднованія 25-лѣтія земскихъ учреждений и съ рѣчью прелсѣдателя управы г. Марнепа

17. О труппѣ малорусской М. Кропивницкаго (перепечатка изъ «Елисаветградскаго Вѣстника»).

22. Стоимость производства хлѣба на югѣ Россіи.

24. Еще объ юбилеѣ Одессы.

25. О малорусскомъ спектаклѣ и постановкѣ пьесы «Безталанна» г. Караго.

28. Въ фельетонѣ отзывъ о «Кіевской Старицѣ» 1889 г. № 1.

31. О малорусской пьесѣ г. Старицкаго «Не такъ склалося, якъ жадалося», поставленной въ бенефисъ г-жи Заньковецкой.

45. Корреспонденція изъ Кишинева о переселенческомъ вопросѣ.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4305—4337. № 4305. *И. Потапенко.* Критическій разборъ драмы г. Карпенка-Караго «*Безталанна*», по поводу постановки ея въ Одесѣ на сценѣ городского театра труппою г. Садовскаго.

4307. Стихотвореніе Ю. Дуппельмайера, произнесенное имъ на обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ драматическимъ обществомъ малор. труппѣ г. Старицкаго.

4313. Корреспонденція изъ г. Александріи, херс. губ. о малорусскихъ спектакляхъ, дапныхъ здѣсь труппой М. Л. Крапивницкаго проѣздомъ въ Екатеринославъ.

Крымъ № 10. Приглашеніе высочайше утвержденной таврической архивной комиссіи жертвовать рукописи, документы и вообще предметы древности въ симферопольскій губернской музей.

13. Отчетъ о состоявшемся 26-го января очередномъ засѣданіи членовъ таврической ученой архивной комиссіи: нѣкоторые изъ членовъ приняли на себя разработку нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ имѣющихъ громадное мѣстное значеніе (о поземельныхъ отношеніяхъ татаръ, о крымскихъ боярахъ и друг.).

— Перепечатка изъ «Москов. Вѣд.» записаннаго г. Овцынымъ преданія объ основаніи г. Одессы.

15. Перепечатка изъ декабрьской книги «Кіев. Старины» за 1888 г. документа, касающагося фамиліи Куликовскихъ въ Крыму.

Таврическія Епархіальныя Вѣдомости № 1—2. № 1—2. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности въ таврической епархіи за 1887—88 г. 1. Число такихъ школъ (таблица съ подраздѣленіями: названіе и время открытія школы, помѣщеніе, источники содержанія, учителя въ ней, вознагражденіе ихъ, число учениковъ (м. д.), число окончившихъ изъ нихъ и продолжительность учеб. года). 2. Управление и наблюденіе за ними. 3. Попечители ихъ. 4. Составъ завѣдующихъ и учащихъ въ сихъ школахъ. 5. Количество учившихся въ нихъ и выпускные экзамены. 6. Источники ихъ содержанія. 7. Помѣщенія ихъ. 8. Вознагражденіе учителей. 9. Снабженіе школъ книгами. 10. Состояніе обученія и религіозно-нравственнаго воспитанія въ нихъ. Списокъ школъ, получившихъ пособіе отъ земства и городскихъ думъ.

Таврическія Губ. Вѣдомости № 1—17. № 1—17 *Учебная экскурсія симферопольской гимназіи для обозрѣнія достопримѣчательностей въ г. Севастополь и его окрестностяхъ* II. Второй день. Херсонесъ: исто-

рія его, частная и общественная жизнь, архитектура, храмъ св. Владиміра, военный музей въ Севастополѣ, топографія древняго Херсонеса, государственное устройство, религія древнихъ херсонесцевъ, погребальные обычаи и обряды древнихъ херсонесцевъ, гимнастическія игры, исторія монастыря Балажова, исторія генуэзцевъ въ Крыму, Георгіевскій монастырь, его исторія. «Ифигенія въ Тавридѣ».

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости № 1—9. № 2—3. Общественное служеніе церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.—Д. Т.

9. Извлеченіе изъ отчета воронежскаго епарх. учил. совѣта о состояніи церк.-приход. школъ ворон. епархіи за 1887—88 учеб. годъ (1) о школахъ, 2) о школахъ грамотности, 3) о числѣ учениковъ въ церк.-прих. школахъ и школахъ грамотности, 4) помѣщенія школъ, 5) составъ учащихся въ школахъ, 6) объ обученіи въ церков.-приход. школахъ, 7) религіозно-нравственное состояніе ихъ, 8) матеріальное ихъ обезпеченіе, 9) о наблюдателяхъ, 10) епархіал. училищ. совѣтъ).

Кубанскія Областныя Вѣдомости 1889. № 1—5. № 1—5. Батадпашинскія горько-соленія озера и закубанскія нефтяныя мѣсторожденія, изслѣдованіе горнаго инженера Коншина.

1, 3, 4, 5. Обзоръ кубанской области за 1888 г. (прод.). Промыслы городского и сельскаго населенія.

3. «Кубанское козацье войско» 1696—1888. Библиогр. зам. о книгѣ, изд. куб. обл. стат. ком. подъ редакц. Е. Д. Фелицына (цѣна съ перес. 5 р.), главный интересъ которой заключается въ статьѣ Щербинны, обнимающей собою всѣ стороны жизни кубанскаго войска отъ его возникновенія до современнаго его положенія, и Фелицына, давшаго въ своихъ статьяхъ біографическія свѣдѣнія о кошевыхъ, войсковыхъ, наказныхъ атаманахъ этого войска. Къ сборнику приложено 42 фототипныхъ рисунка, между которыми нѣкоторые относятся къ Запорожью.

Варшавскій Дневникъ № 1—30. № 13. Корреспонденція изъ Люблива о большомъ успѣхѣ П. Н. Гордовскаго и его капеллы, давшихъ малорусскій концертъ, при чемъ хоръ, а равно и самъ г. Гордовскій были одѣты въ костюмы запорожскихъ козаковъ XVII и XVIII вв., произведшіе сильное впечатлѣніе на публику.

16. Выдержка изъ газеты «Кіев. Слово» наиболѣе интересныхъ подробностей объ актѣ 8 января, происходившемъ въ университетѣ св. Владиміра.

21. Объ успѣхахъ малорусскихъ концертовъ Гордовскаго въ Варшавѣ.

24. Отзывъ о картинѣ Н. К. Бодаревскаго: «Свадьба въ Малороссіи».

25. Извѣстіе о предполагающемся открытіи въ Полтавѣ на средства земства естественно-историческаго музея для мѣстныхъ коллекцій по почвовѣдѣнію, геологическому строенію и по произрастающимъ на нихъ злакамъ.

26. Отчетъ о диспутѣ Г. К. Ульянова, представившаго въ московскій университетъ диссертацию: «Основы настоящаго времени въ старославянскомъ и литовскомъ языкахъ» для получения степени магистра сравнительнаго языковѣдѣнія.

Отзывъ о картинахъ XVI передвижной выставки, въ числѣ которыхъ находятся многіе, касающіеся фактовъ или мѣстностей южно-русскаго края.

29. Небольшая статья г. П. Исаевича «по поводу предстоящаго 25-лѣт. крестьянской реформы въ привислянскомъ краѣ» (19 февр. 1865 г.—19 февр. 1889) авторъ вспоминаетъ объ условіяхъ проведенія на дѣлѣ этой реформы.

30. Корреспонденція изъ волын. губ. о состояніи губерніи до поселенія въ ней нѣмцевъ 30 лѣтъ тому назадъ и теперь.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 51—53. I—7. № 51. Польскій католицизмъ въ Литвѣ,—Теобалодъ (переп. изъ «Правды»).

53, I—5, Противодѣйствіе базилианскаго ордена. Стремленіе благаго духовенства къ реформамъ русско-греко-уніатской церкви.—П. I. Б.

I—3. Образованіе русскаго духовенства и такъ называемаго реколлекція въ Польшѣ не задолго до ея раздѣла (1751—1764) свящ. Л. Гаевского.

4—5. О. В. Шолковичъ († 30 дек. 1888) директоръ шавельской гимназіи—6. воспитанникъ университета св. Владимира (некрологъ).

Минскій Листокъ №№ I—10 I. Корреспонденція изъ Вильны о начавшемся въ вилен. окружн. судѣ разборѣ дѣла о подлогахъ Адамковича и Равлушкевича въ древнихъ актовыхъ книгахъ вилен. централ. архива на милліонное имѣніе Хвалойно.

2. Въ «Библиографич. замѣткѣ» о «Памятной книжкѣ Минской губерніи на 1889 годъ» упоминается о помѣщенныхъ въ книжкѣ историч. статьяхъ: «Пребываніе вел. кн. Владимира Александровича въ Минскѣ» «По поводу 50-лѣтія воссоединенія уніатовъ съ православ. церковью» и «Осушенія Полѣсья».

3. Продолженіе «Историко-юридическаго очерка городскихъ общинъ въ Западной Руси»; въ этой части «очерка» авторъ, г. К.—чъ, излагаетъ отношеніе шляхты и духовенства, имѣвшихъ собственность или жившихъ въ городахъ, къ мѣщанамъ и городской магдебургской юрисдикціи.

4. Продолженіе того же «Очерка»; въ этой части разсказывается о взаимныхъ отношеніяхъ купечества, ремесленниковъ и еврейства въ городахъ.

5. Подробное изложеніе дѣла Адамковича и Равлушкевича.

Продолженіе «Очерка» по исторіи западно-русскихъ городовъ; авторъ разсматриваетъ мотивы пожалованія городамъ самоуправленія по магдебургскому праву.

6. Продолженіе «Очерка по исторіи западнорусскихъ городовъ»; авторъ разсматриваетъ церковное устройство и соціальное положеніе купечества.

7. Оконч. «Очерка» о городахъ; авторъ указываетъ напарализовавшее дѣятельность городовъ вліяніе старостинскаго суда, привилегированныхъ сословій и евреевъ.

Курскій Листокъ № № 1—17 А Н. Стояновъ. По поводу 35-лѣтія его научной дѣятельности.

4. *Обозрѣніе 1888 года относительно курской губ.*

9. *Свѣчной промыселъ въ курской губ.*

10. *Городское хозяйство уездныхъ городовъ курской губ., П. Дворжецкаго.*

16. Число учебныхъ заведеній въ Курскѣ 30 лѣтъ назадъ и въ настоящее время.

16. Ростиславъ Марковъ. Съ какого времени и почему курская сторона такъ называется (истор. очеркъ).

Червоная Русь № № 3—96 З. *О выставкѣ древностей Ставропигійскаго Института.*

5. *Архимандритъ д—ръ Владиміръ Терлецкій.* О. Терлецкій происходилъ изъ дворянской униатской семьи староконстантинов. у. волын. г. Образование получилъ въ кременецкомъ лицей и виленскомъ у—тѣ. Какъ участникъ польскаго мятежа 1831 г., Т—ій долженъ былъ уѣхать за границу и изучалъ въ Краковѣ медицину, гдѣ получилъ степень д-ра медицины. Овдовѣвъ, Т. изучалъ медицину въ Монпелье и богословіе въ Римѣ, получилъ степень доктора богословія и отправился въ качествѣ миссіонера на Востокъ, а потомъ былъ посланъ въ Галицію и Венгрію. Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг. Т. жилъ въ Парижѣ, гдѣ возобновилъ восточное общество, основанное имъ вмѣстѣ съ еп. Люке еще въ 1846 г. въ Римѣ. Въ 1885 г. Т. принялъ монашество въ Муначевскомъ м-рѣ въ Венгріи. Въ 1872 г. Т. возвратился въ Россію, принялъ православіе и вступилъ въ число братіи Кіево Михайлов. м-ря, исполняя въ то же время должность секретаря слав. благотворит. общества. Въ послѣдніе годы о. Владиміръ жилъ въ Одессѣ.

— Забѣтка о выставкѣ Ставропигійскаго Института.

6. Библиограф. замѣтка о брошюрѣ П. Феерчака «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ».

10. *Стефанъ Лабашъ* (некр), галицкій журналистъ и общественный дѣятель.

12 *Своеобразная статистика.* По поводу исчисленія населенія въ перемышльской епархіи въ 1888.

13. *Графъ Войтъхъ Дьдушицкій о русскомъ вопросѣ.*

14. *Monimenta lingae paleoslovenicae (Evangeliarium Putnanum), А. Петрова.* Забѣтка по поводу изд. проф. Э. Калужняцкаго подъ такимъ же заглавіемъ.

Корреспонденція изъ Лемковщины, Лемка Дудича. О возвращеніи эмигрантовъ изъ Америки и о жизни ихъ на родинѣ.

15—20. Евреи въ южной Руси въ X—XII вв.

Литерат. прилож. къ Черв. Руси № 1, 2, 3 Нѣсколько писемъ Я. О. Головацкаго къ редактору «Червоной Руси». *Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Червоной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ, Я. Головацкаго.*

17. Корреспонденція изъ Устрикъ о журналѣ «Новый Галичанинъ».

20. *Некролоъ.* Іосифъ Барвинскій, галицкій писатель.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Адресъ—календарь г. Кіева на 1889-й годъ. Изд. *Э. Мазуркевичъ*. Кіевъ 1888 г., 8 д., 124+СХХ+пенум. 10 стр.

Акинфіевъ И. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г., 8 д., 116+IV+238 стр. +2 рис.+3 плана+1 чертежъ.

Антитенко М. Молодой черногорецъ. Молороссійскія писни знаменитыхъ писателей Котляревскаго, Шевченка и др. Москва. 1889 г., 12 д. 128 стр.

Бершадскій С. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Великаго Княжества Литовскаго. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ. 1888 г., 8 д., 157 стр.

Бычковъ И. Замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгахъ. I—V. (Изъ отчета импер. публ. бібліотеки за 1886 годъ) Спб. 1888 г., 8 д., 32 стр.

Волынскій календарь на 1889 г. Житомиръ 1889 г., 8 д., 132 стр.

Житецкій П. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ 17—18 в. Ч. 1-я. (Оттискъ изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ 1889 г., 8 д., II+102+1 стр.

Запольскій М. Гапонъ, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича. (Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской письменности). Москва 1889 г., 16 д. 40 стр.

Изъяковъ Н. Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ литовскій и виленскій. Вильно 1888 г., 8 д., 236 стр.

Кіевскій семейный календарь на 1889 годъ. Редакторъ-издатель Г. Кантъ. Кіевъ. 1889 г. 8 д., 216 стр.

Котляревскій И. Москаль-Чаривныкъ. Малорос. водевилъ. Одесса 1888 г., 16 д., 63 стр.

Котляревскій И. Наталка Полтавка. Украинская опера. Одесса 1888 г., 16 д., 64 стр.

Мищенко. Г. П. Галаганъ (некрологъ) (Отт. изъ «Кіевск. Стар.»). Кіевъ 1888 г., 8 д., 22 стр. + 1 портретъ.

Описаніе поѣздки въ гор. Кіевъ депутаціи отъ Высочайше утвержденнаго общества хоругвеносцевъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ—на празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси 15 Іюня 1888 г., Москва. 8 д., 27 стр.

Памятная книжка виленьской губерніи на 1889 г., 8 д. Ч. I. Адресъ-календарь. Вильна. 1889. X+III+36 нен. +15+352 стр.

Пономаревъ И. Живой товаръ (Изъ бердичевскихъ тайнъ). Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889 г., 8 д., 160 стр.

Русовъ А. Осада и взятіе Очакова (отт. изъ «Кіевской Старины.»). Кіевъ 1888 г., 8 д., 56 стр.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца за первую половину 1888 г., Кіевъ 1888 г. (Отт. изъ «Кіев. Стар.»). 8 д., 10 стр.

Слабовскій Д. Штунда. Подробный разборъ и опроверженія ученія штундистовъ. Изд. 2-е. Москва, 8 д., 55 стр.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Мартъ, 1889 г.

	СТР.
I. Памяти Θ. Г. Лебединцева. Н. Θ. Сумцова	I—VI
II. На Сырь-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой внижки). Н. Д. Н.	561—581
III. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. Сф. Кр.	582—612
IV. Воспоминанія М. Н. Чалаго	613—644
V. Сельскія недоразумѣнія. (Переводъ съ польскаго). (Окончаніе.) VI—V. К. М.	645—664
VI. Культурныя переживанія. VIII—XIV. Н. Θ. Сумцова.	665—684
VII. Русскія колоніи въ Добруджѣ. (Историко-этнографи- ческій очеркъ). (Окончаніе). III. Лупулеску.	685—704
VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. III.—V. Н. Петрова. Эпизодъ въ исторіи обращенія кіевскихъ униатовъ. Н. Оглоб- лина. Личный составъ и аттестація духовенства але- ксандровскаго уѣзда екатеринославской губерніи по архивнымъ даннымъ 1814 и 1824 годовъ. Я. П. Новицкаго. Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Н. Д. Н. Замѣтка о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ». Сообщилъ А. Савичъ. Посылка гет- мана Апостола въ Москву за лекарями. Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. А. Л. Пѣснь о свѣтѣ. Мирона. Изъ школьнаго міра. (Нѣсколько словъ объ общежитіяхъ при сельскихъ училищахъ). А. С—чъ.	705—751
IX. Для справокъ.	746—751

- X. Библиографія. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличіи ея отъ основъ современной гармонической музыки. Исслѣдованіе П. П. Сокальского. **А. Степовича**. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1888 г. кн. I (144-л). Издана подъ завѣдываніемъ д. чл. Н. А. Попова. **И. Каманина**. Русская Правда, текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленными кандидатомъ правъ А. Б. Гинцбургомъ. **П. Голубовскаго**. Вторая учебная экскурсія симферопольской мужской гимназій въ Бахчисарай и его окрестности... Отчетъ составилъ инспекторъ А. Н. Поповъ. **Н. Б.** Обзорніе газетъ и журналовъ за 1888—89 г. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи . 752—796
- Приложенія: 1) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года. (Окончаніе).
- 2) Портретъ **Ө. Г. Лебединцева**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Тома XXIV 1889 г. Январь, Февраль и Мартъ.

	стр.
I. Воспоминанія М. К. Чалаго.	1, 388, 613
II. Судъ и казнь Григорія Самойловича. А. А. Востокова.	
III. Культурныя переживанія. Проф. Н. Θ. Сумцова.	64, 403, 665
IV. Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). Г. А. Мачтета	90, 337
V. Русскія колоніи въ Добруджѣ. Лупулеску.	117, 314, 685
VI. Сельскія недоразумѣнія, пов. Петкевича, пер. съ польскаго. К. М.	155, 645
VII. Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. И. А. Линниченка.	187
VIII. Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Шевченкѣ, съ прим. М. К. Чалаго, Н. Зарянки	297
IX. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. П. Левицкаго	424
X. Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. Ив. В. Теличенка	445
XI. На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой внѣжки). Н. Д. Н.	561
XII. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. Сф. Кр.	582
XIII. Памяти Θ. Г. Лебединцева. Проф. Н. Θ. Сумцова.	I—VI

- XIV. Документы, извѣстія и замѣтки. 1) Остатки древняго храма въ г. Переяславѣ. Проф. П. А. Лашкарева. 2) Церковище возлѣ дер. Монастыреть, каневск. у. кievск. губ. Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. 3) Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго. П. Л. 4) Князь Н. Г. Репнинъ и его представленіе Государю Николаю Павловичу. И. С. Листовскаго. 5) Псевдо-Желѣзнякъ. А. Л. Дейнеки. В. А. 7) Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго Т. М. Сенютовичъ. А. Л. 8) Запорожцы посылаютъ изъ Петербурга въ Сѣчь за водкой. Сообщ. А. Л. 9) Березенская Вознесенская церковь. П. Т. 10) Замѣчательная колядка. Мирона. 11) Малорусскія рождественскія колядки. Сообщ. К. В. Болсуновскій. 12) Рождественская «вечера». Ив. Манжуры. 13) Рождественскія святки на Воляни. И. Бѣньковскаго. 14) Рождественскія вирши въ спискѣ XVIII ст. О. Л. 15) П. А. Лукашевичъ. W. 16) А. И. Гавриловъ. Н. М. (204—247). 17) Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхвенка и Симиренка. М. Чалаго. 18) Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. Проф. Н. И. Петрова. 19) Бѣлорусскія колядки. Хр. П. Ящуржинскаго. 20) Народные рассказы объ О. М. Гладкомъ. Сообщ. А. Савичъ. 21) Рукописный альбомъ А. Ищенка 1780—82 гг. В. П. Науменка. 22) Къ исторіи зарожденія кievскаго дворянскаго собранія. В. П. Науменка. 23) Изъ воспоминаній о П. П. Артемовскомъ-Гулакъ. А. Ш. 24) Стефанъ Качала (некр.). К. Х. (458—512). 25) Эпизодъ изъ исторіи обращенія кiev. униатовъ. Н. Н. Оглоблина. 26) Личный составъ и аттестація духовенства александр. у. екатериносл. г. по архивн. даннымъ 1814 и 1824 гг. Я. П. Новицкаго. 27) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Н. Д. Н. 28) Замѣтка о малорусскихъ, «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ». А. Н. Савича. 29) Посылка гетм. Апостола въ Москву за лекарствомъ А. Л. 30) Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. А. Л. 31) Шѣсныя о свѣтѣ. Мирона. 32) Изъ школьнаго міра. А. С—ча. 690—751

- XV. Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ**. 248, 506, 741
- XVI. Библиографія. 1) Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства. Изсл. Д. И. Багалъя. **И. М. Каманина**. 2) Харьковскій Сборникъ. **И. М. Каманина**. 3) 25-лѣтіе изданія Подольск. Епарх. Вѣдом. (1862—86). Указатель неофф. части Волын. Епарх. Вѣд. за 20 лѣтъ ихъ существованія (1867—87), сост. Ю. Тиховскій. Указатель статей, помѣщ. въ неофф. части Полт. Еп. Вѣд. за 25 лѣтъ изд. ихъ 1863—88 г. сост. прот. П. Мазановъ. **А. Л.** 4) Pulaski K. Szkice i poszukiwania historyczne. **В. А.** 5) 900-лѣтіе русской іерархіи, сост. Н. Д. П. **Л.** 6) Календарь на 1889 г. изд. М. Запольскаго. **Н. Т.** 7) Кіев. нар. календарь на 1889 г. изд. Андріяшева. Кіев. календарь на 1889 г. изд. Іогансона. Кіев. календарь на 1889 г. изд. Фабриціуса. Волынскій календарь на 1889 г. изд. Досничука. **Амартола**. 8) П. В. Владиміровъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. **А. Степовича**. 9) Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, О. И. Роговой. **О. Л.** 10) Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Т. I. Слово о Полку Игоревѣ. **А. Степовича**. 11) Igowski. — Ostatnia starościna Zwinogrodzka. **В. А.** 12) Deux voyages en Asie au XIII siècle par Guillaume de Rubruquis, envoyé de Saint Louis et Marco Polo, publiée sous la direction de E. Muller. Проф. **П. В. Голубовскаго**. 13) Краткое описаніе изслѣдованія р. Днѣпра. **А. Л.** 14) Путеводитель по Одесѣ и ея окрестностямъ Изданіе В. В. Скидана. **Н. Т.** 15) Виленскій Календарь на 1889 г. **Н. Т.** 16) Русская народная музыка П. Сокальскаго. **А. С—ча** 17) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ. 1888 г. кн. I. **И. М. Каманина**. 19) Русская Правда, изд. Гаршина. **В. В. Голубовскаго**. 19) Вторая учебная экскурсія симфероп. гимназіи. **Н. Б.** — Обзорѣніе журналовъ и

и газетъ за 1887—88 г. Указатель книгъ, вышедшихъ съ конца 1887 года, касающихся южной Россіи. 249, 513, 746

- Приложенія: 1) Наказы¹ малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.
 2) Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. П. В. Владимірова.
 3) Южнорусское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. П. В. Владимірова.
 4) Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.
 5) Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.
-

VII.

Выборы въ г. Погарѣ.

1) Донесеніе о составленіи наказовъ.

Сіятеlemnѣйшему Графу (и проч.) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Нижайшій Репортъ.

Вашему Графскому Сіятелству нижайше доношу, что предписано въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества манѣфестѣ и обрадѣ о депутатѣ, то въ повѣтъ Погарскомъ челобитьте и наказы избранному въ повѣтъ Погарскомъ депутату, Бунчуковому Товаришу Василию Губчицу сочиненны, и по колко дневныхъ слушаніяхъ и справленіяхъ окончены, и бывшимъ въ собраніи дворянствомъ повѣта Погарскаго сотень: Погарской, Бааланской, Шептаковской, Новгородской и Почеповской, сего апріля 5 числа предписаны, а другіе, а паче сотень: Почеповскихъ и Новгородской сами собою завременно зъ Погару и протчіе за болѣзнями отлучились, и по призыву моемъ по нынѣ не явились и не являются.

Предводитель Дворянства повѣта Погарскаго, Бунчуковій Товаришъ *Стефанъ Косачъ*.

1767 году,
Апріля 10 дня.
Стародубъ.

2) Донесеніе о городскихъ выборахъ.

Сіятеlemnѣйшему Графу, (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Репортъ.

Состоявшимся въ прошломъ 1766 году декабря 14 дня Высочайшимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества манѣфестомъ всемилостивѣйше повелѣно прислать отъ Ея Императорскаго Величества Високоправителствующаго Сената и Святѣйшаго Синода изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ протчихъ какъ коллегій, такъ и кан-

целярій, коиъ отъ Сената особо предписано, кроме губернскихъ и воеводскихъ, также изъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи въ первостолычный городъ Москву депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенія въ поль-года послѣ обнародованія въ каждомъ мѣстѣ имянного манѣфеста, выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, дастъ имъ отъ себя наставленіе и полномочіе, какъ во приложенныхъ обрядахъ выбора написано, и всѣмъ выбраннымъ въ сіе достоинство явится по крѣздѣ ихъ въ Ея Императорскаго Величества Сенатъ. Въ силѣ котораго Ея Императорскаго Величества имянного манѣфеста, въ присуствіи, по порученіи отъ Вашего Высокографскаго Сіятелства, начальника, судіи генералнаго, его велможности Иліи Василіевича господина Журмана, выбора въ городѣ Погарѣ головы жителми города Погару, выбранъ я головою на два года; и учиня здешнего города Погара жители полномочіе подписанное, представили мене началнику и поднесли оное, которое мнѣ съ печатнымъ манифестомъ и имяннымъ спискомъ вручено и оставлено дальнѣйшее распоряженіе. И я, слѣдую положеннымъ въ обрядѣ повелѣніямъ, выбралъ по полномочію съ будущими наличными города Погара жителми депутата, райца магистрата Погарскаго Ивана Грабара, по окончаніи выбора депутатскаго, отрепортовалъ Его Вельможности судіи генералному Иліи Василіевичу Журману о выборѣ депутата, и на полномочіи депутатскомъ зъ подписавшимись наличными хозяевами, пять человѣкъ выбравъ городскихъ жителей къ сочиненію наказа, кои челобитную и наказъ о всѣхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ подѣ смотрѣніемъ моихъ сочиня, подписавъ всѣми наличными хозяевами, и мною врученъ депутату для поднесенія Ея Императорскому Величеству во освященнѣйшіи Высокомонаршіи руки; а копію челобитной и наказа отданно въ церковъ живоначалной Троицы, первому священнику Никифору Кибалчичу сего 767 года, іюня „ дня, о чемъ всемъ Вашему Сіятелству всенижайше репортую.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,

іюня 6 дня.

3) *Жалоба Погарцевъ на дѣйствія своего головы.*

Сіятелиѣшему Графу (и проч.) Петру Александровичу Ру-
мянцову.

Нижайшее доношеніе.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ
прошлого 1766 году, декабря 14 дня, за подписаніемъ собственныя
Ея Императорскаго Величества руки состоявшимся и напечатаннымъ,
по Высокоматернему Ея Величества попеченію о благосостояніи вѣр-
ныхъ подданныхъ всего государства и о возстановленіи и утверж-
деніи правосудія, Всемилостивѣише повелѣно: выбрать по приложен-
ному при ономъ обрядѣ въ городахъ отъ всего гражданства голову
и депутата, прислать депутатовъ въ столичный городъ Москву въ
комисію о сочиненіи проекта новаго уложенія, и чрезъ тѣхъ де-
путатовъ о общественныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ,
въ чемъ бы оныя ни состояли, кроме партикулярныхъ дѣлъ, кои
всегда судебными мѣстами разобраны быть должны. — Ея Импера-
торскому Величеству принести челобитныя и прошенія, наблюдая
городскому головѣ порядокъ, въ обрядѣ предписанный, сохранить
точно со всякою тихостію и безмолвіемъ, дабы Высочайшему Ея
Императорскаго Величества соизволенію соотвѣтствовало общее со-
гласіе. Однако города Погару голова Денисъ Приваль, которой
по болшой части мещанами самими простыми и неграмотными и силы
выбора а наче дѣла, зависящаго отъ недостаточнаго къ тому головы,
отнюдъ незнающими людьми, — поступилъ и поступаетъ во всемъ
оному Ея Императорскаго Величества высочайшему манифесту, обряду
и своей присяжной должности противно: 1) Какъ скоро городской
депутатъ выбранъ, не приступая оупъ заразъ въ назначенные шесть
дней выбрать сочинителей прошенія и забрать къ тому отъ граж-
данства подлежащія разсужденія, но оставя все то, уѣхалъ изъ го-
рода за своимъ партикуляритетомъ въ разные великороссійскіе го-
рода, где медлил болѣе мѣсяца, а возвратясь въ домъ 1 уже числа
маія, самъ собою, безъ всякаго согражданъ знанія, принялся къ со-
чиненію наказовъ, въ чемъ ему нетолко отъ насъ, но и отъ мещанъ

ства оспоривано и объявлено было, что онъ то делаетъ въ отменность обряда, и темъ наводитъ всеѣмъ гражданамъ конфузю. 2) Какъ по его головы оповестки 22, 23, 24 и 25 чисель маія, шляхетство, жителствующи въ городѣ, кои случились быть на лицо, приходили въ магистратъ къ собранію, где урядники, такъ и мещанства довольно было, онъ голова, не сохраняя благопристойности, напечатанной въ обряде, и не почитая въ магистратской конторѣ, въ коей онъ съ гражданствомъ имѣлъ собраніе, на столѣ предстоящаго зеркала, дѣлалъ многіе споры и разнымъ изъ насъ неучтивыми словами приключилъ досады и исключилъ многихъ изъ насъ съ общества, и не принимая ни отъ кого подлежащихъ разсужденій, избралъ сего уже маія 25 къ сочиненію изъ мещанства таковыхъ, которые и простого письма совершенно сделать не могутъ, съ чего мы и другіе граждане въ немалой обиде и сумненіи находимся, дабы иногда онъ голова, къ произведенію такого великого дела вовсе будучи недостаточенъ и безпорядоченъ, въ техъ своихъ сочиненіяхъ предосудительныхъ каковыхъ недѣлностей не повносилъ и тѣмъ гражданскій общій прямой ползѣ вреда не приключилъ. Для того Вашего Высокографскаго Сіятелства всенижайше просимъ: прописанного голову Привала высокомилоствиво повелѣть оставить, а на его место дозволить достойного изъ гражданства головою выбрать; дабы въ семъ обще гражданамъ ко исполненію Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія благопоспѣшествовать могло.

Подлинное подписали: Писарь земскій повета Погарскаго Иванъ Песоцкій, Сотникъ Погарскій Владимиръ Соболевскій, Войсковій Товарищъ Григорій Соболевскій, Войсковой Товарищъ Григорей Понасъ, Значковій Товарищъ Василей Лепунъ, Значковой Товарищъ Григорей Сорока, Атаманъ Сотенный Погарскій Филимонъ Джура, Писарь Сотенный Погарскій Максимъ Гетунъ, Хоружій Сотенный Погарскій Алексѣй Семека, Атаманъ куреня градскаго Максимъ Певликъ, а въместо ево неграмотного и самъ за себя козакъ Стефанъ Кошуба подписался, Козакъ Иванъ Пушкаревъ, Квартермистръ Сотенный Прокопъ Андріевскій, Козакъ Иванъ Гречановскій, Мещанинъ Игнатъ Стебленскій, Мещанинъ Данило Сильчонокъ.

4) *Отвѣтъ Погарскаго головы и доносъ на войта.*

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшее доношеніе.

Состоявшимся 1766 году, декабря 14, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ для изготовленія проэкта на сочиненіе новаго уложенія повелѣно: по приложенному обряду прислать отъ всей Ея Императорскаго Величества Имперіи со вѣхъ мѣстъ депутатовъ; а для выбора депутатовъ — дворянамъ предводителей, а городскимъ жителемъ — выбрать головъ. По силѣ оного Высочайшаго манифеста, поручено отъ Вашего Высокографскаго Сіятелства господину судіи генералному Илиі Василювичу Журману по обряду въ городѣ Погарѣ шляхетству въ повѣтъ предводителя, а городскимъ жителямъ отъ города голову (выбрать). Почему, въ присутствіи его велможности г. судіи, избранъ отъ городскихъ жителей я низжайшій головою городскимъ; а по выборѣ, за учрежденіемъ подлежащаго порядка, далшее распоряженіе мнѣ отъ его велможности оставлено. Я же, по вступленіи моемъ въ должность, для устройства распорядка по обряду написанному, первіе велѣлъ собратся всѣмъ въ назначенное мѣсто городскимъ жителямъ тѣмъ, кои по списку состоятъ; то и зъ воинскаго званія и многіе разночинцы въ означенное мною мѣсто и въ церковь къ молебствію и присягѣ о выборѣ депутата и выбирать того тогда не пошли и полномочія не подписали, и ничего принадлежащаго къ тому по обряду не исполня, здѣлались во всемъ противны, какъ бы сами сильны сдѣлать отъ себе напотивъ того что другое, послушать поупрямились. Когдажъ и къ слушанію челобитной и наказа призывано, то войтъ Погарскій, равно съ висенаписаннымъ шляхетствомъ держа едино согласіе между собою, для обиды моеї выслалъ мене зъ магистрата, не дая мнѣ по должности моеї въ магистратѣ ни малѣйшаго производства повесть, отъколь я зъ пятю членами, сочинявшими наказъ, отойшолъ; а въ другое когда пошелъ при собраніи всего города мѣщанъ для прочту наказа, то онъ войтъ Понасъ, не точію самъ не хотя слушать

наказу, но чтобъ и всѣ мѣщане порозошлись—замкнулъ магистратъ и въ оный мене и всего гражданства не пустил, и тѣмъ оказалъ явную высокому въ обрядѣ Ея Императорскаго Величества повелѣнію противность, а мнѣ низайшему съ протчими крайне вторично безчестіе. Зъ чего принужденъ я бурмистра послать къ нему войту впроситя въ кантору, и оной вошедши, отворилъ мнѣ магистратскую кантору, зо всѣми собраними куда войшелъ я и протестоваль о недопущеніи мене имъ войтомъ двома разы въ магистратъ. Когда жъ слышалъ онъ войтъ, что и воинскимъ разного званія людемъ посланно отъ мене оповѣститъ, чтобъ къ слушанію наказа прибыли въ магистратъ, то онъ Понасъ, не ожидая времени слушать наказъ. пошолъ зъ магистрата. Наказы жъ читанно наличнымъ хозяямъ два раза въ два дни, а какъ на третій день собрались еще единожды выслушать всего города жители; то онъ войтъ Понасъ, по звиклости своей во многихъ указныхъ дѣлахъ дѣлая свои толки, (кои Ваше Высокографское Сіятелство изъ сообщенного при семъ въ копіи писанного имъ къ г. Косачу письма—уговаривая новины не слушать ни къ оной не склонятся и не смотреть ни на какіе сторонніе страхи, сказуя, что новинѣ передъ старыною во многомъ стыдно и показатся: новина дѣ того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и здержать не можетъ, и о прочемъ; зъ чего видно, что онъ Понасъ противъ нынѣ вѣновь состоявшася высочайшаго манѣфеста о выборахъ депутатовъ и о дачи наказовъ для проекта на сочиненіе новаго уложенія противорѣчить, свои толки неполезные отечеству Престола Всероссийскаго поставляя полезнѣйшими народу, усмотрѣть соблагоизволите) и наустилъ вышедшаго зъ подмѣщанства прежде бывшаго войта магистратоваго Погарскаго Климентія Пѣсоцкаго сына его Ивана Пѣсоцкаго, кой нынѣ писаремъ земскимъ, да войскового товариша Григорія Соболевскаго, умершаго священника Погарскаго Сороки сына Григорія Сороку, бывшаго мещанина Матвѣя Джури сыновъ и протчихъ чиповниковъ, бывшихъ прежде мещанами, и козаковъ урядниковъ и мѣщанъ учинить замешателство къ пресѣченію наказовъ, сочиненныхъ и оконченыхъ, къ врученію депутату въ тѣ порѣ принадлежащому, кои учинили великіе зъ его подустителства мнѣ

ругательства, и не почитая стоящаго на столѣ указнаго зеркала, произвели споры и противорѣчіе о пяточисленныхъ, хотя сами выбраны къ сочиненію наказа (не бывши при выборахъ депутата наличными) быть всеѣмъ тѣмъ, кои мещанамъ всекрайнейшии обиды, разоренія, утѣсненія отнятіемъ торговъ, шинковыхъ корыстей, ремесль разныхъ и чрезъ завладѣніе почти до послѣдняго дворами, огородами, пахатными землями мещанскими, покосами и всякаго угодія отнятіемъ и противно-законными куплями; для прикрытія въ наказахъ нашихъ въ томъ нуждѣ и утѣсненій сочинителми, белотированіемъ выбрать въ другое сочинителей довели, отъ чего и выбраны балотированіемъ— но не оны, но тѣмъ же мещане, кои прежде были выбраны, да писарь сотенный абшитованный Іосифъ Турокъ. Когда жъ о сочиненіи наказа данно знать для слушанія и подписовъ всеѣмъ гражданамъ, коимъ по обряду должно быть, то зъ военныхъ и войтъ Погарскій уже, кроме двохъ— Григорія Соболевскаго да вознаго повѣтоваго Белея, ни одинъ не пришоу въ магистратъ слушать и на оныхъ наказахъ подписатся, а объявили, что мы де послали куда надложитъ прошеніе, прося, чтобъ голову было велено намъ выбрать, а мене оставить, и до полученія резолюціи не слушаемъ. То я, по отказѣ оныхъ, подписавъ написанную къ поднесенію Ея Императорскому Величеству челобитную и наказъ, допустилъ всеѣхъ на тѣхъ подписатся, и каковы наказы о нуждахъ, недостаткахъ и утѣсненіяхъ гражданскихъ сочинены и депутату вручены, оныхъ копію при семъ Вашему Высокографскому Сіятельству подъ высокое усмотрѣніе сообщаю, и зъ выше писаннымъ представляя, Вашего Высокографскаго Сіятельства всеижайше прошу: поданному отъ войта съ товарищи доношенію не вѣрять, а за оказанное ими преслушаніе и мнѣ приключенное безчестіе, чтобъ впредъ отъ нихъ никакихъ затѣй, противоуказныхъ повелѣній не могло происходить, поступить въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, и о томъ учинить высокоимлостивое благо-разсмотрѣніе и опредѣленіе.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
юня 7 дня.

5) *Донесеніе объ отпускѣ депутату прогонныхъ денегъ.*

Сіятеильнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятельству Румянцову.

Всеижайшее доношеніе.

Пущенное съ Чернѣгова отъ вашего Сіятельства циркулярно повелѣніе съ приложеніемъ высокоправительствующаго Сената копіи указа о выдачи выбранному отъ города Погару депутату на двѣ почтовіе лошади прогонныхъ денегъ въ щетъ опредѣленной суммы, мною апрѣля 11 дня получено; и во исполненіе оного вашего высокографскаго сіятельства повелѣнія къ дачи выбранному отъ здешнего города депутату денегъ хотя я съ наличного числа доходовъ магистратовыхъ отъ войта магистрата Погарскаго Григорія Поваса и требовалъ, точію онъ съ тѣхъ доходовъ ничего не видалъ, а расположить на гражданъ я безъ повелѣнія вышней команды дерзости не имѣя, принужденъ изъ собственныхъ своихъ денегъ потребное число выдать, но отъколь мнѣ возвращеніе оныхъ получить, на то ожидаю особливѣйшаго въ резолюцію повелѣнія.

Города Погару голова *Денисъ Приваловъ.*

1767 года,
іюня 6 дня.

VIII.

Выборы въ прилуцкомъ полку.

1) *Донесеніе о городскихъ выборахъ.*

Сіятеильнѣйшому Графу. (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисовскаго драгунскаго полку премьеръ-маіора Стремоухова.

Покорный Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, отъ 7 марта пущенный, мною сего числа полученъ, коимъ Ваше Сіятельство, въ чемъ мнѣ предосто-

рожность взять повелѣвать изволите, то самое, да еще и хуже, со мною уже и случилось: ибо, хотя я, по прїѣздѣ въ Прилуку сего марта 8 числа, представленной отъ городской ратуши одѣмъ мѣщанамъ списокъ, призвавъ судью полкового, оной исправить и на основаніи приобщенного къ манифесту подѣ литерою Г. о выборѣ городскихъ головы и депутата обряда, исключая однихъ владѣльческихъ подсуѣдковъ, а впротчемъ всѣхъ и всякого званія, дома свои въ городѣ имѣющихъ, внести и приказалъ, но получа оной отъ полковой канцеляріи, которая до того сочинялъ онаго и не начинала, уже 9 числа ввечеру, и по учиненіи о собраніи къ выбору головы повѣстки, отъ всего шляхетства, чиновниковъ и козаковъ — какъ въ поднесенной у сего съ списка копіи усмотрѣть изволите — въ отвѣтъ получилъ, что они къ выбору головы, разсуждая, что оной принадлежитъ до однихъ только гражданъ, не будутъ; и хотя я, приглася къ себѣ нѣсколькихъ изъ лутшаго въ городѣ пребывающаго шляхетства и присутствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, какъ то, что въ манифестѣ и при ономъ приложенномъ обрядѣ не одѣмъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствующимъ голову и депутата избрать повелѣно, при доказательствѣ о происходившемъ въ Санктъ-Петербургѣ, при такомъ же выборѣ подѣ предводительствомъ господина генераль-полицеймейстера и кавалера Николая Ивановича Чечерина, порядкѣ, гдѣ между всякаго званія гражданами и знатныя особы находились, печатного при Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ прибавленія, а притомъ и изъ собственныхъ устъ Вашего Сіятельства слышанного мною о томъ разсужденія всевозможно изъяснить старался, но они всего того уразумѣть или не хотѣли, или не могли, и только единогласно объявили, что безъ особливаго отъ Вашего Сіятельства о томъ повелѣнія къ выбору, вмѣстѣ съ прочими гражданами, головы и депутата не согласятся, о чемъ всемъ отъ меня и рапортъ къ Вашему Сіятельству былъ отправленъ. Между же тѣмъ продолжался выборъ, въ силу даннаго шляхетству отъ Вашего Сіятельства повелѣнія, съ каждого повѣту по одному предводителемъ, и выбраны: въ прилуцкомъ повѣтѣ городской судія господинъ Иванъ Александровичъ, а въ Ива-

ницкомъ подсудокъ земской господинъ Петръ Максимовичъ. Нынѣжь, хотя о соединеніи къ выбору головы всякаго званія городскихъ жителей повелѣніе и получилъ; но, чтобъ не здѣлать въ выборѣ отъ шляхетства депутатовъ препятствія, принужденъ послать ко всѣмъ господамъ здѣшнимъ жителямъ съ прописаніемъ помянутого сегодня полученнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія однѣ только объявленія, а выборы отложить сего мѣсяца на 17 число. Какой же впредь во всемъ успѣхъ происходитъ будетъ, о томъ покорнѣйше Вашему Сіятельству донести долженствую.

Премьеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ*.

Числа 15 марта
1767 году,
Г. Прилуки.

2) *Донесеніе о томъ же.*

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Въ силѣ Вашего Сіятельства ордера всѣмъ гражданамъ города Прилуки, чтобъ они всѣ имѣющіе въ томъ городѣ дома свои собрались для выбора отъ того города, по силѣ Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, головы, и объявленія дѣлалъ; но не видѣлъ однакожь по тому я ни одного при томъ собраніи изъ лутчихъ господъ, но всѣ они, отговорясь разными невозможностями при томъ быть, прислали свои отзывы. Почему я съ одними только мѣщанами и нѣкоторыми самими нижними чиновниками долженъ былъ учинить выборъ городского головы, и по преимуществу голосовъ досталось быть онымъ Значковому Товаришу Михайлѣ Груднинѣ. О чемъ Вашему Сіятельству рапортую.

Премьеръ-Маіоръ *Михайло Стремоуховъ*.

Числа 10 априля
1767 году,
Село Парафѣевка.

3) *Заявленіе капитана Терлецкаго объ отказъ его высказать свое мнѣніе и о мотивахъ къ тому.*

Полку Прилуцкаго въ собранное шляхетство для выбору въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста депутата и для отправления онаго къ сочиненію новаго проекта положенія

Сообщеніе.

Что Высочайшій Ея Императорскаго Величества манифестъ о учиненіи онаго новаго проекта положенія соизволяетъ объявленный, хто какой-либо голосъ преподастъ о полезныхъ икъ Малороссіи потребностяхъ, то о томъ, какое отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшее на пользу той Малороссіи благоволеніе будетъ, того я всеподданиѣйше и просить долженъ; а иного чего, какъ въ челобитной, составленной полку Прилуцкаго господъ Шляхты, во многихъ терминахъ показано, онаго просить и подписаться на ней не въ состояніи.

Капѣтанъ *Василій Терлецкій.*

1767 году,
апрѣля 16 дня.

4) *Подобное же заявленіе отъ двухъ грузинъ.*

Господамъ Шляхетству, избраннымъ къ сочиненію выбранному отъ Малороссійскаго Прилуцкаго полку въ комисію сочиненія проекта новаго уложенія депутату наказа.

Голосъ.

Какъ изъ публикованнаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества, декабря 14 числа 1766 года состоявшагося, манифеста ясно видно, сколь великіе и безпримѣрные труды и попеченіе Ея Императорское Величество о учиненіи вѣрноподданныхъ своихъ прямо счастливыми прилагать изволить; почему я на все тѣ пункты, кои шляхетство отправляющагося депутату въ наказѣ написало, согласиться и оныя подписать не могу, а всеподданически предаюсь всему

тому, что милосердіе Ея Императорскаго Величества опредѣлить изволить. Числа 18 апрѣля, 1767 года.

Подлинныя подписали:

По грузинску: Отставной Грузинскаго гусарскаго полку секундъ-маіоръ князь *Мирзвелтумановъ*.

По русску:—Отставной Новосербскихъ гусарскихъ эскадроновъ капитанъ *Иванъ Бедауровъ*.

5) *Донесеніе о выбранныхъ депутатахъ.*

Сіятедьнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Во исполненіе полученныхъ мною отъ 1 и 11-го числъ сего апрѣля отъ Вашего Сіятельства повелѣній: по первому — прежде избранные отъ обоихъ Прилуцкаго полку повѣтовъ предводители наличнымъ всего полку шляхетствомъ перебалотированы, и по большинству голосовъ избранъ отъ всего полку предводителемъ подседокъ земскій повѣту Иваницкаго господинъ Петръ Максимовичъ, а депутатомъ господинъ асаулъ генеральной Скоропадской, а о наказѣ отъ господина предводителя мѣѣ объявлено, что оной, какъ скоро сочиненіемъ окончится, то къ депутату и отправленъ быть имѣеть; по второму — городской голова и депутаты, какъ избраны не всеми наличными города Прилуки жителями, дабы должность свою оставили и ни въ какое производство не вступались, а граждане о всѣхъ своихъ нуждахъ, какіе имѣють, чтобъ прямо къ Вашему Сіятельству отзывались, отъ меня объявлено. Изъ присланныхъ съ вѣрющими письмами по расположенію Прилуцкой полковой канцеляріи отъ каждой сотни по два, всего двадцати двухъ человекъ козаковъ, сотенныхъ повѣренныхъ, избранъ большинствомъ одобрительныхъ шариковъ отъ полку депутатомъ Ичанской сотни козакъ и житель мѣ-

стечка Ични Петръ Романовичъ. О чемъ всемъ Вашему Сіятельству симъ покорнѣйше доношу.

Премьеръ-маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ*.

Числа 17 Апрѣля,
1767 году,
Городъ Прилуки.

6) *Прошеніе мѣщанъ г. Прилуки по поводу дѣйствій Стремоухова при выборахъ.*

Его Сіятельству... Графу Петру Александровичу Руминцову.

Всенижайшее прошеніе.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества манифесту обнародованному и по приложенному при ономъ обрядѣ, въ знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушанія, при бытности отъ Вашего Высокографскаго Сіятельства опредѣленного начальника его высокоблагородія господина премьеръ-маіора Михайла Андреевича Стремоухова, отъ жительствоющихъ въ городѣ Прилукѣ шляхетства вообще зъ нами избранъ городскимъ головою значковый полку Прилуцкого Товаришъ Михайло Груднѣцкій, а отъ избранныхъ обществомъ ста человекъ повѣренныхъ подписанное полномочіе, а при томъ о всѣхъ въ городѣ жительствоющихъ именной списокъ, такожъ протчихъ, кто при томъ выборѣ не могъ быть, присланне голоса и тѣмъ повѣреннымъ данныя полномочія оному городскому головѣ отъ помянутого господина маіора Стремоухова поручены были, и тѣми повѣренными и протчими наличными гражданами, за учиненіемъ присяги по обряду, депутатомъ городовымъ писарь полковный Иванъ Ягельнѣцкій избранъ, и оному депутату полномочіе подписано. А нынѣ помянутый начальникъ господинъ маіоръ Стремоуховъ отъ городского головы тѣ полномочія, списокъ и присылаемые голоса отобралъ, а по высокому Вашего Высокографскаго Сіятельства ордеру объявилъ имъ, головѣ и депутату, оставаться при прежнихъ своихъ должностяхъ. Зъ чего мы сумнѣваемся, что нашихъ нуждъ и желаемыхъ по жительству нашему въ городѣ прежде обыкновенныхъ

свободностей въ Комисіи о сочиненіи новаго уложенія, въ перво-столичномъ городѣ Москвѣ учрежденной, представить будетъ уже нѣкому. Для того Вашего Высокографскаго Сіятельства всенижайше просимъ: повелѣть онымъ чинамъ по выборамъ быть въ городѣ Прилукѣ со уравненіемъ противъ другихъ полковыхъ городовъ жителей.

О семъ просятъ Полковаго города Прилуки:

Бурмистръ Прилуцкій *Филипъ Даценко*.

Бурмистръ Прилуцкій *Максимъ Гета*.

Мъщане: Сава Яремовъ, Иванъ Фоменко, Федоръ Якимовъ, Иванъ Тарасовичъ, Кирило Маценко, Мусѣй Соломаха, Семенъ Хитринъ, Иванъ Глоба, Василь Губскій, Тямошь Губскій, Федоръ Котляръ, Григорій Гета; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко руку приложилъ.

Цехмистры: Цеху кравецкаго Олексѣй Онисимовъ, цеху шевскаго Василь Козинскій, цеху ковальскаго Юско Юрченко, цеху калачницкаго Зѣико Джигель, цеху рѣзницкаго Сава Яременко, цеху ткацкаго Семенъ Кривенко; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

Райцы: Алексѣй Колесникъ, Антонъ Нефедъ; а подписалъ ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Семенъ Тищенко.

Мъщане: Самойло Губскій, Иванъ Губскій, Федоръ Товстопятъ, Андрей Горощенко, Степанъ Лушунъ, Иванъ Назаренко, Илько Власенко, Федоръ Терентенко, Антонъ Моренець, Харко Причина, Федоръ Чаленко, Максимъ Чуйко, Федоръ Мишура, Ничипоръ Котеленець, Григорій Рижный, Тарасъ Баско, Василь Палюха, Иванъ Куць, Федоръ Дроботко, Павло Шаповаль, Ничипоръ Стороженко, Романъ Денисенко, Федоръ Денисенко, Сидоръ Нидиць, Данило Вугенко, Петро Дудка, Грицко Хвененко, Иванъ Лепеха, Иванъ Косенко, Пилипъ Лодошный, Мусѣй Терентѣй, Грицко Лобода, Данило Музыка, Федоръ Векличъ, Денись Семко, Василь Вовкъ, Иванъ Семко, Лазаръ Береженко, Иванъ Коржъ, Федоръ Мосцібанъ, Иванъ Грона, Алексѣй Харченко, Сидоръ Балѣй, Антонъ Ярмакъ, Кирило

Охрѣменко, Павло Клеха, Лукьянъ Ярмаченко, Артемъ Котеленець, Кузма Дудка, Грицко Дудка, Проклпъ Маценко, Якимъ Батло, Павло Опанасенко, Грицко Яременко, Игнатъ Мироненко, Илія Глоба, Іосифъ Глоба, Кирило Дроботко, Иванъ Черноморець, Иванъ Цѣпакъ, Павло Коляденко, Григорій Коляденко, Авраамъ Васильевъ, Иванъ Грона, Миронъ Джигѣль, Сава Ставко, Степанъ Вакуленко, Максимъ Тищенко, Грицко Тищенко, Никифоръ Тарасовичъ, Семенъ Шарко, Давило Шарко, Дмитро Струль, Гаврило Струленко, Лукьянъ Горощенко, Артемъ Горощенко, Игнатъ Палюха, Процко Харченко, Демянъ Нефедъ, Грицко Нефедъ; а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, житель Прилуцкій Григорій Охрѣменко руку приложилъ.

1767 года,
апріля 20 дня.

7) *Донесеніе о кассированіи городскихъ и козацкихъ выборовъ.*

Малой Россіи въ Генераль-губернаторскую Канцелярію Борисовѣдовскаго драгунскаго полку Преміеръ-Маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе присланныхъ ко мнѣ отъ 15 и 26 числъ сего апріля Его Сіятельства, высокопревосходительнаго господина генераль-аншефа, Малой Россіи генераль-губернатора, Малороссійской Коллегіи президента, Украинскаго и Малороссійскаго корпусовъ главнаго командира и разныхъ орденовъ кавалера, графа Петра Александровича Румянцова, ордеровъ, выбранные не по обряду города Прилукъ голова и депутатъ, да отъ козаковъ Прилуцкаго полку въ Коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія депутатъ же, уничтожены; учяенные жъ имъ полномочій 3, присягъ 2, присланныхъ отъ городскихъ жителей голосовъ 16, козацій наказъ и челобитная оригинально, да разныхъ къ балотированію списковъ 5 и вѣрющихъ отъ городскихъ жителей повѣренныхъ писемъ 4, при семъ въ генераль-губернаторскую канцелярію представляются.

Преміеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 23 апріля,
1767 году.

8) Списокъ избранныхъ жителями города Прилуки повтрєнныхъ для выбора городского головы и депутата и для сочиненія наказа депутату и челобитной о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ.

№		Число шаровъ. взбир. неизб.
1.	Марта 20: Значковый Товарищъ Никола Соломаха.	17. 92.
2.	— Значковый Товарищъ Михайло Груднѣцкій	92. 17.
3.	— Возный Яковъ Джевяга	22. 87.
4.	— Козакъ Василь Назаренко	20. 89.
5.	— — Яковъ Чичикало	23. 86.
6.	— — Никита Денисенко	23. 86.
7.	— — Тимофей Рожченко	22. 87.
8.	— — Илья Цинбалистый	25. 84.
9.	— Армашъ Григорій Холодъ	22. 87.
10.	— Мѣщанинъ Кирило Маценко	25. 84.
11.	— — Иванъ Носенко	21. 88.
12.	— — Федоръ Горленко	20. 89.
13.	— — Прохоръ Степуренко	26. 83.
14.	— — Федоръ Гетинъ зять	20. 89.
15.	— — Павелъ Галъберъ	22. 87.
16.	— — Якимъ Слива	24. 85.
17.	— — Прокофій Маценко	23. 86.
18.	— — Василь Шенелявый	20. 89.
19.	— — Иванъ Черномурецъ	22. 87.
20.	— — Алексѣй Колесникъ	27. 82.
21.	— — Павелъ Клеха	26. 83.
22.	— — Федоръ Котляръ	31. 78.
23.	— — Григорій Дудка	28. 81.
24.	— — Артемъ Горощенко	24. 85.
25.	— — Денисъ Тарабаненко	21. 88.
26.	Марта 21: — Демянъ Божко	64. 26.
27.	— — Алексѣй Харченко	53. 37.

№			Число шаровъ	
			избир.	неизб.
28.	Марта 21:	Мѣщанинъ Сава Бринзоха	63.	27.
29.	—	— Иванъ Грона	56.	34.
30.	—	— Иванъ Грона. . . .	56.	34.
31.	—	— Павелъ Шаповаль	53.	37.
32.	—	— Иванъ Губскій	50.	40.
33.	—	— Тимофей Губскій. . . .	58.	32.
34.	—	— Федоръ Якимовъ. . . .	50.	40.
35.	—	— Степанъ Лапшукъ	53.	37.
36.	—	— Данило Бутейко. . . .	52.	38.
37.	—	— Григорій Журавль	52.	38.
38.	—	— Григорій Гета	59.	31.
39.	—	— Максимъ Гета	60.	30.
40.	—	— Сава Станко. . . .	51.	39.
41.	—	— Семенъ Шарко	47.	43.
42.	—	— Филипъ Даценко	79.	11.
43.	—	— Алексѣй Онисимовъ. . . .	63.	27.
44.	—	— Мойсѣй Соломаха	53.	37.
45.	—	— Аврамъ Музыка. . . .	54.	36.
46.	—	— Иванъ Цѣпакъ	50.	40.
47.	—	— Прокофій Харченко. . . .	61.	29.
48.	—	— Иванъ Тарасевичъ	57.	33.
49.	—	— Сава Яремовъ	77.	13.
50.	—	— Самойло Губскій. . . .	60.	30.
51.	Марта 22:	— Антонъ Нехведь. . . .	70.	15.
52.	—	— Демянъ Нехведь	59.	26.
53.	—	— Григорій Нехведь	60.	25.
54.	—	— Иванъ Хоменко. . . .	70.	15.
55.	—	— Иванъ Глоба. . . .	56.	29.
56.	—	— Григорій Рыжій. . . .	60.	25.
57.	—	— Алексѣй Погорѣлый	64.	21.
58.	—	— Григорій Черномурецъ. . . .	60.	25.
59.	—	— Фома Власѣка	64.	21.

№			Число шаровъ. избир. неизб.
60.	Марта 22: Мѣщанинъ:	Тарасъ Баско	63. 26.
61.	— —	Григорій Харченко	57. 32.
62.	— —	Иванъ Коржъ	63. 26.
63.	— —	Федоръ Ярмакъ	64. 25.
64.	— —	Федоръ Охрѣменко	66. 23.
65.	— —	Максимъ Чуйко	56. 33.
66.	— —	Григорій Борщъ	63. 26.
67.	— —	Илья Власенко	56. 33.
68.	— —	Артемъ Котеленець	57. 32.
69.	— —	Павло Онищенко	59. 30.
70.	— —	Федоръ Терентѣй	60. 29.
71.	— —	Денисъ Семко	58. 31.
72.	— —	Лазарь Бережный	60. 29.
73.	— —	Кондрать Приступенко	59. 30.
74.	— Козакъ	Павло Лепецъ	55. 34.
75.	— Канцеляристъ	Антонъ Сергіенко	56. 33.
76.	Марта 23: Мѣщанинъ	Андрей Нетребенко	75. 23.
77.	— —	Филипъ Одердоша	76. 22.
78.	— —	Давидъ Стороженко	68. 30.
79.	— —	Никифоръ Стороженко	68. 30.
80.	— —	Григорій Павленко	63. 30.
81.	— —	Семень Хитрикъ	75. 23.
82.	— —	Григорій Вакуленко	68. 30.
83.	— —	Семень Скиба	75. 23.
84.	— —	Антонъ Безуглый	79. 19.
85.	— —	Дмитро Глинскій	70. 28.
86.	— —	Филипъ Рекало	68. 30.
87.	— —	Константинъ Шапочникъ	70. 28.
88.	— —	Иванъ Сучакъ	79. 19.
89.	— —	Степанъ Меняйленко	71. 27.
90.	— —	Иванъ Пелешукъ	73. 25.
91.	— —	Николай Швець	68. 30.

№				Число шаровъ.	
				избар.	неизб.
92.	Марта 23:	Мѣщанинъ:	Сидоръ Куценко . . .	69.	29.
93.	—	—	Кирило Кондратенко . .	69.	29.
94.	—	—	Павелъ Дудка	78.	20.
95.	—	—	Романъ Шиленко . . .	70.	28.
96.	—	—	Иванъ Демененко . . .	70.	28.
97.	—	—	Григорій Музыка . . .	72.	26.
98.	—	—	Осипъ Ничипоренко. .	71.	27.
99.	—	—	Федоръ Оджа	77.	21.
100.	—	Козакъ	Кирило Коніовскій . .	68.	30.

9) *Донесеніе полковой прилуцкой канцеляріи съ представле-
ніемъ вѣдомости о неявившихся на выборы.*

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу.

Отъ Полковой Прилуцкой Канцеляріи

Репортъ.

Высокимъ Вашего Высокографскаго Сіятельства ордеромъ, въ полковой прилуцкой канцеляріи полученнымъ, велѣно отъ всѣхъ таковыхъ, которые въ городѣ Прилукахъ имѣютъ дома, а сами при выборѣ городскомъ не присутствовали, взять отвѣты, почему то ими учинено, и прислать оныя къ Вашему Высокографскому Сіятельству. И во исполненіе онаго Вашего Высокографскаго Сіятельства ордера, каковы въ небывшихъ при вышенисанномъ городскомъ выборѣ, по показанію господина примеръ-маіора Стремоухова, взяты отвѣты, оныя при семъ къ Вашему Высокографскому Сіятельству подъ высокое благоразсмотрѣніе полковая прилуцкая канцелярія представляетъ; въ другихъ же не бывшихъ при ономъ выборѣ еще отвѣтовъ не взято, за отлучкою ихъ съ домовъ въ нѣкоторые отдаленныя мѣста и за другими обстоятельствами, о коихъ и за чѣмъ

въ кого таковыхъ отвѣтовъ не взято, прилагается при семъ же вѣдомость.

Бунчуковый Товарищъ Петръ Горленко. Полковный Судія Иванъ Александровичъ. Полковный Писарь Иванъ Ягельнецкій. Полковный Хоружій Никита Умѣнь.

1767 года,
апрѣля 25 дня.

10) *Вѣдомость о неявившихся съ объясненіемъ причинъ неявки.*

1) Выписка изъ поданныхъ отвѣтовъ живущихъ въ городѣ Прилукахъ чиновниковъ, за чѣмъ кто имянно въ собраніе для выбора отъ города головы и депутата, по сдѣланному отъ начальника примеръ-маіора Стремоухова объявленію, не пришелъ.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чѣмъ имянно по объявленію въ собраніе не пришли.
1.	Бунчуковый Товарищъ Иванъ Галаганъ.	За состояніемъ, по протесту его на полкового писара Шнурчевского, а отъ того по таковому жъ на него, подъ слѣдствіемъ и за отъѣздомъ къ Малороссійскому Генералу-Губернатору.
2.	Полковный асаулъ Яковъ Книль (sic!).	} За состояніемъ по протесту полкового писара Шнурчевского подъ слѣдствіемъ.
3.	Полковный хоружій Федоръ Марковскій.	
4.	Польовый асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко.	За приключившеюся въ то время болѣзнію.
5.	Полковный обозный Яковъ Огроновичъ.	За болѣзнію, въ то время приключившеюся.
6.	Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ.	За сочиненіемъ выбранному отъ Прилуцкого шляхетства депутату наказа.

№	ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имяно по объявленію въ собраніе не пришли.
7.	Полковый писарь Иванъ Ягельнецкій.	За приключившеюся болѣзнію.
8.	Судья земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко.	За сочиненіемъ избранному отъ шляхетства депутату наказа.
9.	Подсудокъ земскій Василій Ограновичъ.	За разными его недосугами.
10.	Судья городскій Иванъ Александровичъ.	За сочиненіемъ депутату, отъ шляхетства избранному, наказу.
11.	Абшитованный полковый обозный Степанъ Лукомскій.	За сочиненіемъ наказа дворянскому депутату.
12.	Писарь земскій Семенъ Каневскій.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому съ объявленіемъ, что онъ избранъ отъ шляхетства депутатомъ.
13.	Бунчуковый товарищъ Константинъ Маркевичъ.	За отлучкой изъ дому.
14.	Бунчуковый товарищъ Иванъ Марковичъ.	За отъѣздомъ для своихъ нуждъ въ Нѣжинъ.
15.	Бунчуковый товарищъ Петръ Горленко.	За отправленіемъ въ то время по умершемъ сынѣ его поминовенія.
16.	Бунчуковый товарищъ Григорій Горленко.	За отъѣздомъ для исправленія законныхъ нуждъ въ Глуховъ.
17.	Полковой артилеріи асауль Иванъ Пархомовъ.	За приключившеюся болѣзнію.
18.	Гродского суда писарь Степанъ Карпичъ.	} За болѣзнію.
19.	Полковый канцеляр. Петръ Пятигорскій.	

№ ЧИНЪ и ИМЯНА.	За чимъ имявно по объявленію въ собраніе не пришли.
20. Обозный повѣту Иваницкого Бакланъ.	За отъѣздомъ для законныхъ нуждъ въ Лубенскій полкъ.
21. Значковый товарищъ Антонъ Соломаха.	За отъѣздомъ въ Глуховъ къ генеральному асаулу Скоропадскому, съ объявленіемъ о выборѣ его въ депутаты.
22. Абшитованный значковый товарищъ Корней Носовскій.	} За болѣзнію.
23. Абшитованный сотенный атаманъ Федоръ Стаховскій	
24. Атаманъ городской Тимофей Стаховскій.	
25. Почмейстеръ, войсковый товарищъ Степанъ Прокоповичъ.	За отправленіемъ почты.
26. Войсковый товарищъ Антонъ Юркевичъ.	За слабостію здоровья.
27. Войсковый товарищъ Никита Шлякъ.	За отлучкою отъ дому.
28. Отставной прапорщикъ Андрей Грекъсъ.	} За отъѣздомъ въ Кіевъ и Ахтирку по обѣщанію, для богомолья.
29. Прапорщикъ Алексѣй Алексѣевъ.	
30. Войсковый товарищъ Михайло Корсунъ.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.
31. Значковый товарищъ Михайло Чернявскій.	За болѣзнію.
32. Полковой артилеріи хоружій Петръ Бѣлоусъ.	} За отъѣздомъ для промысловъ на ярмарку.
33. Значковый товарищъ Меховецкій.	
34. Войсковый канцеляр. Иванъ Гуленко.	За отъѣздомъ въ Глуховъ.

2) Вѣдомость, въ кого именно за небытность при выборахъ городскихъ и зачѣмъ не взято отвѣтовъ.

У войскового товарища Михаила Коруна за отлучкою въ Глуховъ.

Въ значкового товарища Михаила Чернявскаго, который нарочно посланнымъ объявилъ, что при томъ выборѣ головы и депутата за болѣзнію быть не могъ, за которою и письменного отвѣта дать не можетъ.

Въ хоружого полковой прилуцкой артилеріи Вѣлоуса за отлучкою съ Прилуки на ярмонки по промыслу его.

Въ значкового абшитованнаго товарища Лиховецкаго за отлучкою по тому же на ярмонки по промысламъ.

Въ войскового канцеляриста Ивана Гуленицкаго за отлучкою въ Глуховъ.

Бунчуковый товарищъ Петръ Горленко. Полковный судія Иванъ Александровичъ. Полковный писарь Иванъ Ягельницкій. Полковный хоружій Никита Умѣнъ.

Справилъ полковный канцеляристъ Демянъ Бабичъ.

11) Списокъ присланнымъ отъ сотенъ Прилуцкого полку повѣренными, имѣющимъ быть при выборѣ въ Коммисію сочиненія проекта новаго уложенія отъ Прилуцкого полку депутата.

Сочиненъ числа 5 апрѣля, 1767 года.

№		Число баловъ избр. неизб.
1.	Сотни Иваницкой: Куренный атаманъ Иванъ Лисенко	3. 18.
2.	Сребрянской: Андрей Василенко	1. 20.
3.	— Федоръ Харченко	3. 18.
4.	Второварвинской: Иванъ Мошкѣ	4. 17.
5.	— Иванъ Потапенко	3. 18.
6.	Иченской: Петръ Романовичъ	17. 4.
7.	— Иванъ Тарара	3. 18.

№			Число баловъ избир. неизб.	
8.	Полковой:	Алексѣй Козаковъ . . .	11.	10.
9.	—	Матвѣй Петруша . . .	6.	15.
10.	Переволочанской:	Омельянъ Тернѣцкій . . .	2.	19.
11.	—	Алексѣй Сорока . . .	2.	19.
12.	Монастырской:	Осипъ Головка . . .	5.	16.
13.	—	Василь Плиска . . .	6.	15.
14.	Варвинской:	Трофимъ Андрущенко . . .	8.	13.
15.	—	Иванъ Рубанъ . . .	13.	8.
16.	Журавеской:	Блимъ Дараганъ . . .	4.	17.
17.	—	Максимъ Якименко . . .	1.	20.
18.	Иваницкой:	Осипъ Сагунъ . . .	1.	20.
19.	Корыбутовеской:	Григорій Спицкій . . .	4.	17.
20.	—	Лука Чернышевъ . . .	7.	14.
21.	Красноколядинской:	Мойсей Тегухъ . . .	7.	14.
22.	—	Стефанъ Ивановъ . . .	10.	11.

12) Донесеніе сотеннаго повѣреннаго *Ив. Лисенка* о противозаконной покупкѣ старшиною козачьихъ грунтовъ и угодій и о противодѣйствіи ея внесенію жалобы объ этомъ въ депутатскій наказъ.

Его Высокографскому Сіятельству.. (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Доношеніе.

По силѣ манифеста Е. И. Величества, выбранъ я въ числѣ протчихъ сотни Иваницкой отъ села Ступаковки погостнымъ повѣреннымъ, и за собраніемъ въ сотенное Иваницкое правленіе всѣхъ погостныхъ повѣренныхъ, выбрали мене въ сотенные повѣренные и съ козакомъ сотни Иваницкой Юскомъ Сакуномъ, и поручили мнѣ замѣтку о своихъ нуждахъ для сочиненія генеральнаго наказа, въ коей между протчимъ показали о скупленныхъ въ сотнѣ Иваницкой

козачихъ грунтахъ, при вѣрющемъ письмѣ. А когда, за собраніемъ всѣхъ сотенныхъ повѣренныхъ въ городъ Прилуку, въ силѣ обряда, по присягѣ, начали между собою согласіе чинить, то другихъ сотенъ повѣренныя, товарищи мои, о скуплѣ козачихъ добръ разными чиновниками и владѣльцами, съ наученія ли чіего, или сами отъ себе, въ наказѣ купли той поставить не похотѣли; но нѣкоторые изъ нихъ, повѣренныхъ, ходили просить къ полковому канцеляристѣ Петру Пятигорскому для учиненія генеральнаго наказа, которые, отъ него возвратясь, и мнѣ зъ своими товарищами къ нему для того итти велѣли. На что я съ товарищами своими къ показанному Пятигорскому и ходили просить, чтобъ учинилъ наказъ; но оной насъ послалъ просить выписки о состояніи дворянскаго наказа къ предводителю дворянскому, подсудку повѣту Иваницкаго Петру Максимовичу, котерой стоялъ въ домѣ судіи земскаго повѣту Прилуцкаго Якова Величка. Но оной дать отказался; а вышедъ оный судія Величко, невѣдомо съ чего, объявилъ намъ, чтобъ просить о сочиненіи наказа означеннаго Пятигорскаго и для наставленія въ сочиненіи наказа его, Пятигорскаго, прислать къ нему. Но я для присылки къ нему жъ канцеляриста Пятигорскаго не ходилъ, а товарищи мои ходили ли, того, такъ и у судіи Величка жъ былъ ли онъ—не знаю; а только товарищи наши принесли въ собраніе сочиненной имъ, Пятигорскимъ, пропустя о скупленныхъ во всемъ полку Прилуцкомъ козачкихъ грунтахъ пунктъ, наказъ, который переписавши, и подписали всѣ въ томъ собраніи бывшіе повѣренныя. И о всемъ вышечисанномъ я Вашему графскому Сіятельству въ разсмотрѣніе низжайше представляя, доношу:

Въ прошедшихъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свѣрскій, кой нынѣ въ повѣтъ Иваницкій земскимъ судіею избранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Иваницкой не имѣющей. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Иваницкой жилище, многихъ козаковъ поскуплялъ грунта знатныя, мельницы почти всилownie поскуплялъ же, сѣнокосы, пахатныя поля, гаи и лѣсныя угодія, а кромѣ того и многихъ въ подданство подъ видомъ скупли попривлекалъ. А когда онъ, бывшій сотникъ Свѣр-

ской и нынѣшній судія земскій, козачими грунтами чрезъ всю бытность своего сотничества, послѣ запретительныхъ Высочайшихъ указовъ, удовольился, то дозволилъ тестю своему, бывшему сотнику Монастырскому, а нынѣшнему абшитованному судіи полковому, Ивану Романовичу, въ той же сотнѣ Иваницкой при селѣ Ступаковцѣ грунта искуплять первѣе почти всилвно, мельницы, зѣ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатные поля, а иные пахатные поля и всилвно, подвергнувши первѣе козака подъ видомъ скупли въ подданство, деньги вбрасывалъ и себѣ оные поля позавдаривалъ. И хотя то козаки сотни Иваницкой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таскаясь за оными съ нимъ, Романовичемъ, по судамъ, яко то: до учрежденія еще въ Малой Россіи земскихъ судовъ, по полковой Прилуцкой Канцеляріи, а за учрежденіемъ земскихъ судовъ—по суду земскому Иваницкомъ и по генеральному суду, и по онымъ дѣламъ неоднократные отъ суда генерального въ судъ земской Иваницкой указы выправляли за свои по суду земскому волокиты, то не точію ничего того себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часъ отъ часу службы государевой нести въ несостояніи, но и пропитать себе заледво чимъ могутъ; и ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточію оныхъ не получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишимся. И ежели Вашему Графскому Сіятельству на моемъ одномъ показаніи увѣриться не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сотенное Иваницкое Правленіе и на прошлогдніе ревизіи; и которыми именно какъ оны, бывший сотникъ Свѣрскій, такъ и тестъ его, абшитованный судія полковій Романовичъ, козаками завладѣли, и нынѣ они во владѣніи ихъ находятся.

Того ради, Вашего Графского Сіятельства всенижайше прошу: въ вышеозначенныхъ скупляхъ какъ бывшимъ сотникомъ Иваницкимъ Свѣрскимъ, такъ и тестемъ его, нынѣшнимъ абшитованнымъ судіею полковымъ Романовичемъ, въ противность указовъ, какъ жи-

лыхъ дворовъ, такъ и разными случаями убылыхъ имѣній, учинить милостивую резолюцію.

Къ сему доношенію полку Прилуцкого сотнѣ Иваницкой куренный атаманъ Ступаковскій Иванъ Лисенко подписался.

1767 году,
апрѣля 29 дня.

13) *Донесеніе Стремоухова объ отправленіи козачьяго депутата отъ Ичанской сотни.*

Сіятеельнѣйшему Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Борисоглѣбского драгунского полку преміеръ-маіора Стремоухова

Рапортъ.

Во исполненіе полученного мною сего мая " дня Вашего Сіятельства циркулярного ордера, выбранной Прилуцкого полку съ козаковъ депутатъ козакъ сотни Ичанской, житель мѣстечка Ични, Петръ Романовичъ съ написанными отъ козаковъ прошеніями отъ мене отправленъ. Данное жъ ему отъ сотенныхъ повѣренныхъ полномочіе и балотированій списокъ и присяга повѣренныхъ еще минувшаго апрѣля 28 числа при рапортѣ моемъ въ канцелярію Вашего Сіятельства отправлены. О чемъ симъ покорнѣйше доношу.

Преміеръ-Маіоръ *Михаилъ Стремоуховъ.*

Числа 17 Мая,
1767 году.

1767.

ІХ.

Выборы въ переяславскомъ полку.

1) *Донесеніе предводителя шляхетства переяславскаго о выборѣ предводителей и головы.*

Его Сіятельству... (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

Отъ 7 числа сего марта отпущенный Вашего Сіятельства ко мнѣ ордеръ, которымъ изволите предлагать подаваемые мнѣ о гражданахъ списки отъ городовъ, въ которыхъ повелѣно въ присутствіи моемъ выбрать по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ обрядовъ голову, разсматривать, дабы во оныя вносимы были всѣ жителѣ тѣхъ городовъ изъ шляхетства и козаковъ зъ прочими гражданами, выключая однихъ владѣльческихъ людей и крестьянъ, и чтобъ въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ мѣсто,—получилъ я сего жъ марта 15 дня; а какъ я о семъ имѣлъ и словесное Вашего Сіятельства приказаніе, то и не упустилъ соблюсти того дѣйствительнымъ исполненіемъ, и уже въ городахъ Кіевского полку Козельцѣ и Острѣ въ присутствіи моемъ выборы окончены, и гражданскимъ головою въ Козельцѣ избранъ судія полковый Степанъ Барановскій, а депутатомъ писарь полковій Кіевскій Семень Катериничъ; въ Острѣ жъ головою—сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, отъ шляхетства Кіевского полку избранъ предводителемъ подкоморій Козелецкого повѣта Александеръ Солонина, а депутатомъ подкоморій повѣта Остерского Андрей Миткевичъ. Сего жъ числа въ городѣ Переясловлѣ избранъ отъ живущихъ здѣсь шляхетства, козаковъ и мѣщанъ градскимъ головою войсковій канцеляристъ Иванъ Бахчевскій. По окончаніи жъ прочіихъ повелѣнныхъ выборовъ репортовать къ Вашему Сіятельству зъ приложеніемъ о всемъ журнала долженствую.

Василій Туманскій.

767 году, марта 16,
Переясловъ.

2) Отказъ Андрея Безбородка отъ званія депутата переяславскаго шляхетства.

Высокоблагородный господинъ бунчуковый товарищъ и почтенный предводитель со всѣмъ благороднымъ дворянствомъ полку Переясловскаго,

Государь мой!

Увѣдомляясь изъ письма Вашего, что дворянство полку Переясловскаго избрало меня своимъ въ комиссію о сочиненіи проэта новаго уложенія депутатомъ, симъ имѣю честь Вамъ отвѣтствовать: слабость крайняя здоровья моего, ежечастые припадки, а особливо тягостная и непрерывно продолжающаяся въ ногѣ болѣзнь отъ ранъ, часто открывающихся, не позволяютъ мнѣ отважиться на такое важное и трудное дѣло, которое, требуя великихъ трудовъ и безпокойствъ, приведетъ меня до послѣдняго моего изнеможенія. Таковыя обстоятельства были причиною, что я и здѣсь при выборѣ отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, минованъ былъ отъ балатирования въ депутаты и съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя званіе дворянъ здѣшнихъ предводителя, которое, какъ вразсужденіи свободности жить въ домѣ и пользоваться Всемилоствѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ, такъ и меньшихъ трудовъ въ сравненіи должности депутатской, слабому здоровью моему сходнѣе кажется. Для того не сомнѣваясь, что благородное дворянство полку Переясловскаго, пріемля во уваженіе таковыя неудобства, мнѣ отважиться на такъ далекій и трудный путь и вступить въ званіе депутата ихъ вовсе недозволяющія, предводительствуемые вами не отрекутся сдѣлать мнѣ справедливость. Покорно Васъ, государя моего, прошу не упуская при нынѣшнѣмъ собраніи доставить, чтобъ я перемѣненъ былъ другимъ депутатомъ, которому къ лучшей пользѣ вашей и всего государства послужить силы дозволили бы.

Пребываю впротчемъ Вашего Высокоблагородія, государя моего покорный слуга *Андрей Безбородко*.

Зъ Чернигова,
въ 3 день апріля, 1767 году.

3) *Письмо А. Безбородка къ графу Румянцеву о причинахъ отказа.*

Сіятедьнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

На другой день по отбытіи Вашего Сіятельства получилъ я отъ господина предводителя дворянства полку Переяславльскаго Томары предварительное увѣдомленіе, что выбрано меня депутатомъ въ комиссію и вскорѣ намѣрены были прислать надлежащее полномочіе и наказъ. Я хотя и отвѣтствовалъ ему, какіе причины мѣшаютъ мнѣ вступить въ толь важное и многотрудное дѣло, но не ожидая, чтобъ онъ могъ здѣлать перемѣну по прозьбѣ моей безъ представленія Вашему Сіятельству, принимаю дерзновеніе утруждать и къ освобожденію меня отъ сего мнѣ неудобъ-сносимаго труда призывать Вашего Сіятельства милость. Слабость здоровья, ежечастыя припадки, людямъ лѣтъ моихъ свойственныя, а паче всего нестерпимая въ ногѣ болѣзнь, которую малѣйшее безпокойство раздражаетъ и приводитъ въ опасность, были причиною, что я при выборѣ въ Черниговѣ съ крайнимъ нежеланіемъ принялъ на себя такую должность, которая гораздо меньшія въ сравненіи депутатской труды и попеченія сопряженныя имѣеть съ собою, и отъ моихъ собратьевъ, по прошенію моему, обойденъ балатированіемъ въ депутаты. Не великое безпокойство, которое я имѣлъ при семъ послѣднемъ случаѣ, привело меня въ такое состояніе, что я, прежде нежели оправится могу, принужденнымъ себя нахожу сидѣть безъвыходно въ горницахъ; а что до ноги касается, то продолжающаяся въ ней болѣзнь мнѣ почти и ступить не дозволяетъ. Не сомнѣваюся, что Ваше Сіятельство не будете почитать, чтобъ другіе какіе виды понуждали уклонятся отъ сего благого дѣла меня, который знаетъ, что онъ всѣ силы свои услугамъ государственнымъ посвящать обязанъ; но когда крайнѣе изнеможеніе лишаѣтъ меня способоѣ исправлять возлагаемыя на меня дѣла, то позвольте, Милостивый Государь, изобразить здесь низжайшее мое прошеніе, дабы Вамѣ Сіятельству обѣ уволен-

ніи меня отъ депутатской должности милостиво предложить соизволили, чтобъ я могъ остатокъ жизни моей пользоваться Всемилостивѣйше пожалованнымъ мнѣ покоемъ. Заключаю чистосердечнымъ признаніемъ, что съ благодарнѣйшою преданностію и высокопочитаніемъ емь, Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всеодолженный и низжайшій слуга *Андрей Безбородко*.

Стольное,
апреля отъ 9 дня 1767.

4) *Донесеніе предводителя переяславскаго шляхетства объ отказъ Безбородка съ просьбою дать инструкции на счетъ выбора новаго депутата.*

Сіятельнѣйшому Графу (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

По силѣ Высочайшаго всеобнародованнаго манифеста, и Вашего Сіятельства по тому послѣдовавшаго распоряженія, шляхетство, помѣщики всего полку Переясловскаго, будучи въ собраніи въ городѣ Переясловлѣ, выбрали въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія отъ своего шляхетства депутата, господина генеральнаго судю Андрея Яковлевича Безбородка, которому я по должности моей тогожь времени о томъ письменно и дальъ знать. Но сего априля въ 11 д. получилъ я отъ него письменный ко мнѣ и ко всему здешнему шляхетству отзывъ о его болѣзненныхъ припадкахъ и слабостяхъ, и что ему то крайне не дозволяютъ принять таковъ важный трудъ, для чего просить онъ, дабы на его мѣсто другой былъ избранъ депутатъ, о чемъ Ваше Сіятельство съ представляемой при семъ того письма копии соизволите усмотрѣть. А какъ въ обрядахъ выборовъ, въ такомъ случае шляхетству повторнаго выбора депутата дѣлать не предписано, и я къ такому повторному выбору оного зъ шляхетствомъ приступить не смѣлъ, что все милостивому Вашему Сіятельству рѣшенію представляя, имѣю долгъ ожи-

дать чрезъ сего нарочно посланного господина подсудка земского повѣту Золотоносского Якова Рустановича Вашего Сіятельства резолюція.

Предводитель шляхетства Переясловского полку, бунчуковій товаришъ *Стефанъ Тамара*.

767 году,
апрѣля 12 дня.

5) *Донесеніе о выборѣ новаго депутата вмѣсто отказавшагося отъ званія депутата Безбородка.*

Сіятельному Графу (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову

Нижайшій Репортъ.

Въ силѣ полученнаго мною отъ Вашего Сіятельства сего апрѣля 17 дня ордера, съ собравшимся уже до того здешнего полку шляхетствомъ приступилъ я къ новому избранію депутата другого, и выбрали на прежде избраннаго господина абшитованнаго судью генеральнаго Андрея Безбородка мѣсто господина полковника компанейскаго Захарія Забѣлу. О чемъ Вашему Сіятельству нижайше рапортую.

Предводитель шляхетства Переясловского, бунчуковій товаришъ *Стефанъ Тамара*.

6) *Донесеніе объ окончаніи выборовъ.*

Его Сіятельству (*и проч.*) Графу Петру Александровичу Румянцову

Репортъ.

По опредѣленію Вашего Высокографскаго Сіятельства, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, 766 году декабря 14 дня состоявшагося, и приложенныхъ обрядовъ при выборѣ отъ дворянства предводителя, а отъ городскихъ жителей головы, имѣлъ я присутствіе въ полкахъ Кіевскомъ и Переясловскомъ,

и кто именно тѣмъ, а особливо депутатами для отправленія въ Москву въ комиссію къ сочиненію проекта новаго уложенія выбранны, объ оныхъ при семъ регистеръ и подленные присяжные за подписомъ бывшихъ у присяги чиновъ листы съ особливымъ объ ономъ всемъ происходствѣ журналомъ у сего прилагаю.

Василій Туманскій.

1767 году,
апрѣля 27 дня.

7) *Регистеръ, кто именно въ полкахъ Переясловскомъ и Кіевскомъ выбраны отъ дворянства предводителями, и отъ городскихъ жителей головою и депутатами.*

Въ полку Кіевскомъ:

Отъ города Козельця головою избранъ судія полковный Кіевскій Степанъ Барановскій.

Депутатомъ городскимъ: писарь полковный Кіевскій Семень Катериничъ.

Отъ шляхетства полку Кіевского предводителемъ: подкоморный повѣту Козелецкого Александръ Солонина.

Депутатомъ: подкоморный повѣту Остерского Андрей Миткевичъ.

Отъ козаковъ полку Кіевского депутатомъ: козакъ выборный сотнѣ Носовской Павелъ Яковлевъ.

Тогожъ полку отъ города Остра городскимъ головою сотникъ Остерскій Иванъ Солонина.

Депутатомъ писарь сотенный Иванъ Пенскій.

Въ городѣ Переясловѣ городскимъ головою войсковый казначейскій Иванъ Бахчевскій.

Депутатомъ городскимъ атаманъ значковыхъ товарищей Сергій Сезоновичъ.

Отъ шляхетства полку Переясловского: предводителемъ бунчужковый товарищъ Степанъ Томара.

Депутатомъ полковникъ компанійскій Захарій Забѣла.

Отъ козаковъ полку Переясловского депутатомъ выборный козакъ сотнѣ Ирклѣвской Дмитро Исаенко.

Присяжные листы здѣсь приложенные означены подѣ слѣдующими нумерами:

- № 1. Присяжный листъ за подписомъ гражданства города Козельца.
2. Шляхетства полку Кіевскаго повѣтовъ Козелецкого и Остерского.
3. Гражданства города Остра.
4. Отъ козаковъ полку Кіевскаго выбранныхъ отъ сотенъ повѣренныхъ.
5. Гражданства города Переясловля
6. Шляхетства полку Переясловскаго повѣтовъ Переясловскаго и Золотоноскаго.
7. Козаковъ полку Переясловскаго отъ сотенъ выбранныхъ повѣренныхъ.

Василій Туманскій.

8) *Журналъ, составленный В. Туманскимъ о томъ, какъ происходили выборы.*

Журналъ о происшествіи выборовъ въ полкахъ: Кіевскомъ и Переясловскомъ, да въ городѣ Острѣ, по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста и обрядовъ, отъ шляхетства предводителей, отъ городовъ городского головы, отъ козаковъ депутатовъ, въ присутствіи писара генеральнаго и Малороссійской Коллегіи члена Василя Туманскаго, которой для того изъ Глухова отправился 1767 году, февраля 28 дня.

Марта 3 дня прибылъ въ Козелецъ поутру. Но какъ того дня повелѣнные списки о жителяхъ того города Козельца не совсѣмъ въ готовности были, то приказано оныя списки о жителяхъ городовыхъ всякаго званія и чина отъ полковой канцеляріи, отъ магистрата и отъ сотеннаго правленія изготовить на основаніи повелѣннаго въ приложенномъ при манифестѣ обряда, а собранію быть на другой день тогожь марта 4 дня; котораго въ приуроченномъ для сего городскомъ Его Сіятельства господина генераль-фельдмаршала и раз-

ныхъ орденовъ кавалера графа Алексѣя Григоріевича Разумовскаго домѣ собрались жительствующіе въ городѣ Козельцѣ шляхетство, земскіе и воинскіе чины, изъ рядовыхъ козаковъ выборные, магистратскіе урядники и лучшіе изъ мещанъ и ремесленниковъ, коихъ всѣхъ званій персонъ было въ собраніи семьдесятъ два человѣкъ.

Въ залѣ того дому, по назначеніи каждому по спискамъ мѣстъ къ засѣданію на поставленныхъ стульяхъ и скамьяхъ, читанъ былъ чрезъ писаря полкового кіевскаго Семона Катеринича Высочайшій Е. И. В. манифестъ съ приложеніями, который, стоя при своихъ мѣстахъ, слушали съ прилѣжнымъ вниманіемъ и чувствуемою особливою радостію о толикомъ Высочайшимъ Е. И. В. матернемъ ко всѣмъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ попеченіи. Выслушавъ все и поклонясь къ портрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ же отъ начальника, что надлежитъ выбрать головою изъ присутствующихъ въ засѣданіи, начали по списку, какъ въ обрядѣ предписано, балатировать, что происходило зъ утра до дву часовъ по полудни; но какъ еще оставалось немалое число персонъ къ балатированію, то положено собратся тогожь дни въ 4-мъ часу по полудни; за собраніемъ же такожь нѣсколько персонъ балатировано, и по большинству шаровъ избранъ въ городѣ Козельцѣ головою судія полковый кіевскій Степанъ Барановскій, и отъ всего того собранія поздравленъ; зачѣмъ онъ за такую къ нему отъ всего города довѣренность благодарилъ.

Марта 5 дня, по учиненной повѣсткѣ, собрались въ томъ же Его Сіятельства домѣ всѣ пріѣхавшіе въ городъ имѣющіе въ полку кіевскомъ свои деревнѣ и владѣнія и живущіе въ городѣ чиновные персоны, и по списку, какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, такъ по порядку и посажены, коихъ всѣхъ въ наличности было восемьдесятъ два человѣка.

При ономъ шляхетства собраніи читанъ чрезъ писаря земскаго повѣту Остерскаго Михайла Лусту Высочайшій Е. И. В. манифестъ съ приложеніями, которой всѣмъ собраніемъ зъ особливою тихостію и кротостію слушанъ, и по прочтеніи учиня подобающій къ портрету

Е. И. В. поклонъ, изъявля тѣмъ всеусерднѣйшую благодарность, събли на опредѣленныхъ по спискамъ мѣстахъ.

Объявлено за тѣмъ отъ начальника, что надлежитъ выбрать изъ присутствующихъ въ предводителя дворянства, кого за достойна къ тому разсудятъ; для чего и приказано двумъ опредѣленнымъ разносить на дву тарѣлкахъ положенные шарики, одному по правую, а другому по лѣвую сторону сидящимъ; по роздачѣ всѣхъ шариковъ, читанъ изъ списка первоначисанный и сидящій въ первыхъ персона, на которого когда все собраніе порядочно, другъ за другомъ отъ своихъ мѣстъ приходя къ столу, гдѣ поставленъ былъ ящикъ, положили шарики, то начальникъ, винявъ изъ правой стороны ящика, и по щетѣ предъ собраніемъ числа шариковъ, сколько явилось, велѣлъ записать противъ того персоны, также и число изъ лѣвой стороны; и симъ порядкомъ и о другихъ персонахъ происходило; и по большинству шариковъ выбранъ въ дворянского предводителя подкоморный повѣту Остерского Андрей Миткевичъ, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; онъ же благодарилъ за оказаную къ нему довѣренность.

Марта 6 дня въ тотъ же домъ собрались гражданство для подпису на полномочіи градскому головѣ, которое тогожь дня, за представленіемъ начальнику, и поручено отъ него головѣ суддѣ полковому Барановскому съ подлежащими списками.

Марта 7 дня голова, собравъ въ оной же домъ всѣхъ прежде бывшихъ жителей по повѣсткѣ, яко время въ церковь, ишли во оную предписаннымъ въ обрядѣ порядкомъ, и при присутствіи начальника слушали въ соборной Преображенія Господня церквѣ литургію, молебное пѣніе и посвященіе воды, и по окропленіи всѣхъ читанъ манифестъ зъ приложеніями, и приведены къ присягѣ, и изъ церкви шли тѣмъ же порядкомъ возвратно въ предпомянутой домъ.

Марта 8 дня, по собраніи нляхетства въ ономъ же домѣ, поручено отъ начальника полномочіе зъ списками предводителю дворянскому вышеупомянутому подкоморому Миткевичу, которой, принявъ оное, говорилъ краткую рѣчь, прославляя Е. И. В. премудрые устроенія и всемилостивѣйшее къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ ми-

лосердіе, шляхетству жъ благодаря за сію къ нему особую довѣренность.

Тогожъ дня поведены изъ одного дому предводителемъ въ предъ-вспомыненную соборную церковь, гдѣ отправляема была протопопомъ съ прочимъ духовенствомъ литургія зъ молебствіемъ и освященіемъ воды, по кропленіи которою читанъ манифестъ со всѣми приложеніями, и приведены къ присяги, и изъ церкви предводителемъ же поведены въ тотъ же домъ, гдѣ подписались на присяжной формѣ.

Марта 9 дня, по отбытіи начальника изъ Козельца въ городъ Остеръ, избранъ въ Козельцѣ отъ шляхетства депутатъ, и избранъ онъ же предводитель, подкоморій Миткевичъ, депутатомъ, а на мѣсто его въ предводителя подкоморій повѣта козелецкого Александръ Солонина

Марта 10 дня въ томъ же городѣ Козельцѣ, въ присутствіи городского головы, избранъ отъ города Козельца депутатомъ писарь полковный Кіевскій Семенъ Катериничъ, какъ о томъ письменно къ начальнику репортовано.

Тогожъ марта 10 дня въ городѣ Острѣ, по учиненіи списковъ всѣмъ жительствовавшимъ въ томъ городѣ воинскаго и магистратскаго званія чинамъ, козакамъ и мещанамъ, и по собраніи въ домѣ, гдѣ отправляются дѣла тамошняго земскаго суда, происходило избраніе городского головы, и избранъ головою въ томъ городѣ сотникъ Остерскій Иванъ Солонина, которому и подписанные всѣмъ тѣмъ собраніемъ полномочіе и списки тогожъ дня поручены.

Марта 11 дня въ соборную тамошнюю церковь къ слушанію литургіи, молебного пѣнія и водоосвященія, приведены головою по спискамъ городскіе жители, гдѣ по окропленіи водою и по прочтеніи манифеста зъ приложеніями, учинили должную по формѣ присягу въ присутствіи начальника; выборъ же депутата городского оставленъ на распоряженіе головы по установленному обряду. И какъ отъ одного городского Остерскаго головы сотника Солонины къ начальнику письменно репортовано, избранъ отъ города Остра депутатомъ писарь сотенный Остерскій Иванъ Пенскій.

Марта 15 дня вышъ отпавленный начальникъ прибылъ въ Переяславль, и на другой день, то есть Марта 16 дня, по подан-

нымъ спискамъ отъ полковой переясловской канцеляріи и отъ магистрата о жителяхъ того города Переясловля, созваны оныя граждане въ полковую Переяславскую канцелярію, коихъ всѣхъ жителей, какъ полковой старшины, такъ и другого разнаго званія чиновъ, выборныхъ козаковъ и мещанъ въ собраніи было восьмьдесятъ два человѣкъ; гдѣ по онымъ спискамъ къ засѣданію назначены мѣста, и чтенъ былъ чрезъ значкового товарища Тимофѣева манифестъ съ приложеніями; по прочтеніи котораго, учиня должной поклонъ къ портрету Е. И. В., сѣли на своихъ мѣстахъ и началось балатированіе; чрезъ которое выбранъ городскимъ головою войсковый канцеляристъ Иванъ Бахчевскій, чемъ отъ всего собранія поздравленъ; а онъ благодарилъ за показанную къ нему въ томъ довѣренность, и тогожъ времени полномочіе подписали.

Марта 17 собрались въ полковую жъ канцелярію, и за приходомъ туда начальника, представили вышъ помянутое полномочіе, которое ему, градскому головѣ Бахчевскому, съ списками отъ городскихъ жителей поручено. За учиненною жъ повѣсткою, яко время въ церковь, поведены головою съ должнымъ порядкомъ къ церквѣ святого Николая, до которой дорога услана была пескомъ и съ обохъ сторонъ поставлены сосонки. По отправленіи литургіи, молебного пѣнія и водоосвященія и за окропленіемъ священою водою, чтенъ былъ манифестъ съ приложеніями и приведены къ присяги по указной формѣ, и изъ церкви поведены головою въ полковую канцелярію тѣмъ же порядкомъ, гдѣ на присяжномъ листѣ всѣ бывшіе у присяги подписались.

Марта 19 дня, поутру, въ 8-мъ часу собрались въ полковую переяславскую канцелярію все полку Переясловского съѣхавшееся шляхетство, о которыхъ поданъ былъ начальнику именной списокъ не по чинамъ, но какъ кто въ городъ напередъ прибылъ, и о жительствующихъ въ городѣ Переясловлѣ чинахъ. Всѣхъ ихъ въ томъ собраніи было сто одиннадцать персонъ; по которому списку онымъ шляхетству объявлены къ засѣданію мѣста, а потомъ чтенъ былъ чрезъ значкового товарища Юзефовича манифестъ съ приложеніями, который слушанъ былъ со всякою кротостію и молчаніемъ. По вы-

слушаніи одного и по учиненію должного къ портрету Е. И. В. поклона, сѣли на своихъ мѣстахъ.

За объявленіемъ отъ начальника, что надлежитъ въ силѣ Высочайшого повелѣнія выбрать изъ присутствующихъ предводителя, кого къ тому за достойнѣйшаго разсуждаютъ, розданы были по предписанному порядку шарики, то по оному списку и началось балатированіе, между коимъ на бунчукового товарища Стефана Томару положено избираемыхъ шариковъ 102, якое число гораздо превышало всѣхъ до него по списку балатированныхъ, а все оное собраніе объявили начальнику, яко они всѣ единогласно желаютъ быть предводителемъ ихъ ему, Томарѣ, и по такому общему желанію и выбору онъ бунчуковый товарищъ Томара отъ начальника и всего собранія поздравленъ; онъ же за такову ихъ всѣхъ къ нему особливую довѣренность благодарилъ.

Марта 20 дня происходилъ выборъ отъ жителей города Переяслава, въ присутствіи ихъ головы, депутата; и по большинству баловъ избранъ депутатомъ атаманъ значковыхъ товарищей Сергій Сезоновичъ.

Марта 21 дня предводителю дворянскому отъ начальника вручено подписанное всѣмъ собравшимся шляхетствомъ полномочіе при всемъ собраніи въ той же полковой канцеляріи, такъ же и списки шляхетству и присланные отъ разныхъ чиновъ письменные объявленія, коими извѣряютъ избраніе предводителя и депутата на своихъ соотаварыщей.

Марта 24 дня собрались въ полковую канцелярію и за повѣсткою шествовали въ соборную церковь катедры Переясловской, подъ предводительствомъ вышписанного сего предводителя, по два человѣка въ рядъ, по списку, какъ и засѣдали; дорога къ той церквѣ по обѣ стороны уставлена была сосонками. По литургіи въ той соборной катедральной церквѣ отправляемо было преосвященнымъ переясловскимъ Гервасіемъ зъ духовнымъ соборомъ молебное ко Спасу пѣніе и водоосвященіе; по окропленіи водою читанъ манифестъ зъ приложеніями и приведены протопопомъ переясловскимъ Скрипчинскимъ къ присягѣ, и пошли изъ церкви тѣмъ же порядкомъ въ

полковую канцелярію, гдѣ на присяжномъ листу подписались и избрали депутата; и какъ объявлено начальнику отъ предводителя, что выбранъ тогожъ дни депутатомъ отъ всего собравшогося шляхетства хотя отсутствующій, но имѣющій въ полку Переясловскомъ во владѣніи своемъ деревнѣ, господинъ судія генеральный Андрей Безбородко.

Марта 26 дня собраны были прибывшіе отъ всѣхъ полку Переясловскаго сотенъ козаки выбранные повѣренными, коихъ было 31-нъ человекъ, и представили свои полномочія, и тогожъ дня въ церквѣ въ присутствіи начальника, по отслушаніи ими литургіи, молебнаго пѣнія и по окропленіи водою, читаѣтъ манифестъ и приведены къ присягѣ, и изъ церкви въ полковую канцелярію приведены и посажены были порядкомъ тѣмъ, какъ въ спискѣ отмѣчены изъ прибытія ихъ въ городъ, и объявлено имъ отъ начальника, чтобъ они выбрали изъ между себя депутата; они согласились, чтобъ оной выборъ учиненъ изъ находящихся между ими надежнѣйшихъ грамотныхъ козаковъ, коихъ и именовали согласно семи человекъ. Почему на тѣхъ шарикахъ и выборъ происходилъ, чрезъ которыхъ по большинству шаровъ избранъ козакъ выборный того полку сотнѣ Ирклѣвской Дмитро Исаенко, которому какъ полномочіе отъ оныхъ повѣренными подписанное, такъ и данные отъ сотенъ полномочія жъ и наказы ему зъ особливимъ реестромъ поручены.

Симъ образомъ окончавъ въ Переясловлѣ, отправился наки оттуда въ Козелець, куды прибылъ марта 30 дня, гдѣ собраны были такъ же отъ всѣхъ Кіевскаго полку сотенъ выбранные повѣренными козаки, коихъ въ наличности было до девяносто человекъ, и представили свои сотенные полномочія.

Марта 31 дня, по отслушаніи ими литургіи, молебнаго пѣнія и по окропленіи водою, такожъ по прочтеніи манифеста зъ касающимся до нихъ обрядовъ, приведены къ присяги по узаконенной формѣ и отведены порядочно въ домъ Егожъ Сіятельства Графа Алексѣя Григоріевича Разумовскаго, гдѣ и прежнія собранія были, и къ выбору депутата изъ между себя приступили, требуя, чтобъ токмо грамотные, яко надежнѣйшыя къ сему дѣлу, были балатиро-

ваны; по которому отъ всѣхъ ихъ выбору по большинству шариковъ избранъ всего кievского полку отъ стороны козаковъ депутатомъ выборный того полку сотнѣ Носовской козакъ Павелъ Яковлевъ. Полномочіе въ силѣ формы отъ всѣхъ повѣренныхъ и бывшіе отъ сотенъ указы оному депутату вручены.

Во всѣхъ предпомянутыхъ мѣстахъ, при молебныхъ пѣніяхъ, играла полковая музыка на трубахъ и литаврахъ.

Апріля 27 дня получено въ Глуховѣ отъ почтеннаго господина предводителя шляхетства полку Переясловскаго Томари письменное увѣдомленіе, яко выбранный депутатомъ господинъ судія генеральный Безбородко, по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ и отправляемой въ полку Черниговскомъ предводительской экспедиціи, ордеромъ Его Сіятельства господина генераль-аншефа, Малороссійскаго генерала-губернатора, Малороссійской коллегіи президента, Украинскаго и Малороссійскаго корпусовъ главного комендира и кавалера, графа Петра Александровича Румянцева уволенъ, и потому отъ оного шляхетства полку Переясловскаго избранъ депутатомъ полковникъ компанійскій Захарій Забѣла, къ которому де полномочіе, наказъ и челобитная отправлены, а копіи изъ того къ цѣлостному въ катедраальной Переяславской церквѣ содержанія преосвященному епископу Переясловскому Гервасію сего апріля 20 дня поручены.

Василій Туманскій.

1767.

Х.

Выборы въ Лубенскомъ полку.

1) *Рапортъ подполковника Огарева по поводу выбора головы.*

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Староскольскаго пехотнаго полку отъ подполковника Огарева.

Покорнѣйшій рапортъ.

Ордеръ Вашего Высокографскаго Сіятельства, пущеной изъ Новьгорода сего Марта 7 числа, подъ № 5, о выборе городской

головы и депутата всѣмъ и всякого звания гражданажъ, включая ись того тѣ только въ городе двори, въ которыхъ живутъ люди или крестьяне владельческія, я сегожъ марта 15-го полудни въ 5-мъ часу съ нарочно посланнымъ получилъ; на которой въ покорности моей доношу, што по прибытіи моемъ въ городъ Лубны отъ г. полковника Кулябки при промеморіи 9-го числа сего мѣсяца получилъ списокъ для выбору гражданами городской головы единственно объ однихъ только свободно посполитыхъ, о которыхъ по разуужденію съ нимъ г. полк. Кулябою въ назначенное отъ В. В—гр. С—ства въ росписаніи числа въ выборъ вступили, которымъ до получения означеннаго ордера по разуужденію одними жителями города Лубень, то есть свободно посполитыми, войсковою товарищъ и войтъ Петръ Назарскій, которому тѣ свободно посполитые въ досмотръ отъ Малороссійской Коллегіи поручены, градскою головою сего марта 10-го числа избранъ, а какъ отъ неистолкованія всего того зделано великия упущенія, то во исполнение манифеста и обряда, тожъ и подтвердительнаго отъ В. В—гр. С—ства ордера со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой выборъ той градской головы вступить имѣю и какое по оному зделается исполненіе, о томъ впредъ В. В—гр. С—ству покорно донести имею.

1767 г., Лубны.

Подполковникъ *Николай Огаревъ*.

2) *Представленіе мѣщанъ г. Лубенъ подполк. Огареву по поводу выбора головы.*

Высокородному и Высокопочтенному г. Подполковнику цехотного Старосколекого Полку Николаю Гавриловичу Огареву

Покорнѣйшее доношеніе

Во исполненіе Височайшаго всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, под предводительствомъ Вашего Высокородія и г. Полковника Лубенского Ивана Петровича Кулябки, въ силу высокаго Его Сиятельства г. генераль-аншефа... (и проч.) графа П. А. Румянцева повелѣнія, для порядку при выборѣ требуемого въ комисію о сочиненію проекта новаго уложенія депутата, сего марта 10 числа

согласно выбрали мы нашего города головою войскового товарища Петра Назарского, которому поднесенное отъ насъ В. В—дію по приложенному при ономъ Высочайшему манифестѣ обрядѣ образцу полномочіе при насъ вручено, и поздравленіе, какъ во ономъ же обрядѣ повелено, отъ В. В—дія и отъ всѣхъ насъ учинено, и уже отъ него, зъ согласіемъ В. В—дія, къ выбору депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ. Но какъ въ назначенное число собрались мы для присяги и выбору депутата, то отъ него Назарского объявлено намъ, что В. В—діе намеренни в другой разъ чинить выборъ головы, и увѣдомились, что получено съ полковой луб. канцеляріи, по променоріи В. В—дія, извѣстіе съ требованіемъ обо всѣхъ и всякого званія гражданахъ, выключая тѣ только двори въ городѣ, въ которыхъ живутъ люде или крестьяне владѣльческіе, именного списка. А понеже довольно намъ извѣстно, что еще прежде выбору головы, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякаго званія города Лубенъ гражданахъ, кроме подсуздковъ и служителей, г. полковнику Лубенскому Ивану Петровичу Кулябкѣ, въ силу указного велѣнія, отъ упоминаемого войскового товарища Назарского обстоятелній списокъ при репортѣ представлявано а отъ ратуши Лубенской сегожь марта 5-го числа чрезъ опредѣленныхъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка, многимъ разного званія гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣется битъ городского головы выборъ, объявлявано; Высочайшій же манифестъ прежде того всѣмъ гражданамъ Лубенскимъ обнародованъ билъ, почему должны были всѣ прочіе граждане, такъ какъ и мы, къ выбору головы явится; то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о выборѣ головы объявлявано, ни другіе, хотя совершенно про тотъ выборъ зъ многихъ разныхъ объявленій ведать могли, къ выбору не явились,—выбирать намъ другой разъ другого голову, чтобъ не учинить противности и замедленія Высочайшему Е. И. В. указу и Его В—графского С—ва високому повелѣнію, не смѣемъ; ибо при выборѣ нашего города головы, какъ по Высочайшему Е. И. В. манифесту, коимъ повелено

отсутственнымъ изъ города, также и женщинамъ, не имѣть въ семъ выборѣ участія ни самимъ, ни чрезъ письма, а кто въ томъ городѣ находится и самъ бить не можетъ, тому дозволено писменно дать свой голосъ, такъ и Е. В—гр. С—ва високому ордеру: чтобъ всѣ козаціе и шляхетскіе дома въ списокъ поставлено, и въ засѣданіи мѣста занимали по обряду, — съ нашей стороны все сохраненно, чего явнимъ есть доказательствомъ представиванніи В. В—дію отъ войскового товарища Назарского о всѣхъ домахъ жителей здешнихъ списковъ, и недозволеніе В. В—дія тѣмъ, кои на самое начало вибора головы посилѣть не могли, имѣть въ выборѣ участія, хотя чрезъ все время вибора присудствовали. Да кромѣ того бить другому вибору и по сему не доводится, что избраній нами головою войсковій товарищъ Назарскій есть отъ шляхетства, присвоеній нашему собратству только урядомъ, в разсужденіи другихъ здешнихъ обитателей не послѣднаго достоинства, отъ многихъ съ предковъ своихъ давнѣйшій и знатнѣйшій сего мѣста патриотъ, лучше многихъ вѣдающій здешного города нужды и недостатки, подъ поводомъ котораго бить всѣмъ, повстидившимся съ нами чинить выборъ головы, при выборѣ городского депутата будетъ не постидно, и въ наказѣ депутата и составленіи челобитя о общихъ городовыхъ нуждахъ какъ шляхетству и козакамъ для ихъ съ нимъ сородства, такъ и намъ для порученного ему найпорядочнѣйшаго управленія надъ нами (которое онъ и отправляетъ), не зазорно; также, что ми уже о общихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ для наказа депутата и составленія челобитя учинили приуготовленія, между которыми нѣкоторыя простираются до началнѣйшихъ сего города жителей, почему ежели кому изъ тѣхъ началнѣйшихъ бить головою довелось би, то чтобъ онъ о учиненныхъ всѣмъ намъ чрезъ завладѣніе городовыхъ земель и протчого, такожъ инимъ чрезъ лишеніе промысловъ и художествъ, а инимъ чрезъ насильства и порабощенія и другіе обиды, допустилъ въ наказъ и челобите внести жалобу, особливо ведаючи маломочество и простоту нашу, отнюдъ не надежно; а ис того произойдетъ или отъ насъ (буди возможемъ) представленіе и чрезъ оное великому сему дѣлу замѣшательство и остановки, или принуж-

донни будетъ лишится милости нашей премилосердной Монархинѣ, изводящей насъ отъ бѣды, а остатся при нашихъ нуждахъ и поднасть горшому злу и разоренію. Для того В. В—дія покорнѣйше просимъ: избраннаго нами въ силу Всемиловивѣйшаго Е. И. В. манифеста достойнаго по разуму, достоинству, смиренному, правдивому и милосердному праву, вѣдущаго всѣхъ какъ наши, такъ и другихъ здешнихъ обивателей нужди и недостатки, головою нашего города войскового товариша Петра Назарскаго, которому отъ В. В—дія съ нашего общаго согласія подписанное полномочіе въ силу Высочайшаго указа уже порученно, бить головою нашего города не попрепятствовать, не отнимая отъ насъ пожалованной намъ отъ Е. И. В. къ представленію нашихъ нуждъ воли и не дѣлая намъ затрудненія и вождельвному дѣлу сому остановки; а депутата дозволить выбрать по обряду, при Высочайшему манифестѣ сообщенному, подъ поводомъ избраннаго уже головы, обще съ прочими всякаго званія жители Лубенскими, не принуждая жъ насъ и ихъ избирать того, о комъ сердца наши не благоволятъ. Буде же предъ В. В—діемъ сіе наше покорнѣйшее прошеніе не можетъ имѣть мѣста, то понеже ми несумѣвную имѣемъ надежду что правосудній малороссійскій главній нашъ начальникъ Его Святельство... графъ П. А. Румянцовъ не оставитъ насъ безъ милостиваго на наши бѣды прирѣшнія, къ которому немедля времени нижайшее наше отправимъ представленіе, до послѣдованія високой резолюціи съ другимъ выборомъ нашему городу головы поудержатся, и сіе наше прошеніе къ Его жъ Высокогр. С—тву не удержуя при своемъ представленіи отправить.

Бурмистеръ Иванъ Панко, Бурмистеръ Дмитро Постоликъ, Мѣщанинъ Лубенскій Евтухъ Гринко, Мещане: Максимъ Дацѣй, Микита Мисанъ, Григорій Брижаха, Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко, Андрей Сущевскій, Василь Передеріенко, Карпъ Гончаръ, Савка Горкушенко, Петро Илченко, Хома Яковенко, Хома Яценко, Максимъ Хорошковагій, Карпъ Лѣвко, Иванъ Лисенко, Грицко Киряченко, Федоръ Ковнеръ, Грицко Зайченко, Ничипоръ Мисановъ зять, Зѣнецъ, Микола Енко, Савка Рабуха, Микита Горбъ, Харко

Ганнотенко, Василь Лазоренко, Грицко Пухирь, Дмитро Кириленко, Максимъ Холоднякъ, Кондрать Гончарь, Андрей Рудь, Хома Хведоренко, Грицко Рябуха; а во мѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, и за себе писарь ратуши Лубенской Павло Холоднякъ подписался.

1767 году, марта 17.

3) Предложеніе подполк. Огарева о вторичновъ выборъ головы.

Старосколского пехотного полку отъ подполковника Огарева г. войсковому товаришу и войту Лубенскому Назарскому

Предложеніе.

Сего марта 17 бурмистри ратуши Лубенской Иванъ Панко и Дмитро Постолникъ зъ свободно-посполитими поданнымъ мнѣ доношеніемъ между прѣтчимъ представили, что во исполненіе Высочайшаго Всемилостивѣйшаго Е. И. В. манифеста, подъ предводительствомъ моимъ и г. полковника луб. Кулябки, въ силу высокаго Е. Высогр. С—ва... П. А. Румянцова повелѣнія, для порядку при выборѣ требуемого въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія депутата, сего марта 10 числа согласно выбрали оны города Лубень головою Васъ, при чемъ поднесеное отъ нихъ по приложенному при ономъ Высочайшему манифесту обрядъ образцу полномочіе при ихъ вручено, и поздравленія, какъ въ ономъ же образцѣ повеленно, отъ мене и отъ всѣхъ ихъ учиненно, и уже отъ васъ къ выборѣ депутата срокъ сего марта на 16 число назначенъ билъ; но какъ въ назначенное число собралися они для присяги и выборѣ депутата, то де отъ васъ объявлено имъ, что намѣренъ я въ другой разъ чинить выборъ головы, и увѣдомилися, что полученно отъ полковой Луб. канцеляріи по промеморіи моей извѣстие съ требованіемъ обо всѣхъ и всякого званія гражданахъ, выключая тѣ только двори въ городѣ, въ которыхъ живутъ люде или крестьяне владѣльческіе, именого списка; довольножъ де имъ известно, что еще прежде выборѣ головы, то есть 9 числа сего марта, таковъ о всѣхъ и всякого званія города

Лубенъ гражданехъ, кроме подсуседковъ и служителей, г. полковнику луб. Кулябцѣ обстоятельной списокъ при репортѣ представленно отъ ратуши лубенской сего марта 5 числа чрезъ опредѣленнихъ къ сочиненію того списка бурмистра Ивана Панка и писара Павла Холодняка многимъ разнаго званія гражданомъ, для чего тотъ списокъ сочиняется, и какого числа имеетъ быть гродского голови выборъ, объявлено, Высочайшій же де манифестъ прежде того всѣхъ гражданамъ лубенскимъ обнародованъ билъ; почему должны били всѣ прочіе граждане, такъ какъ оны, къ выбору головы явится, то для одного сего, что по оному списку не дѣйствованно, и что ни тѣ граждане, коимъ отъ Панченка и Холодняка о выборѣ головы объявленно, ни другие, хотя совершенно про тотъ выборъ зъ многихъ разнихъ объявленій ведать могли, къ выбору не явились, выбирать имъ другой разъ другого голову чтобъ не учинить притивности и замедлѣнія Высочайшому Е. И. В. указу и его В—графск. С—ва высокому повелѣнію, не смѣютъ. А какъ оной выборъ головы одними свободно посполитими г. Лубенъ учиненъ отъ одинаго неистолкованія Высочайшаго манифеста и обрядовъ, ибо въ ономъ обрядѣ по 5 пункту повелѣнно городамъ голову выбрать всякому хозяину, дѣйствительно домъ или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыслъ въ городѣ имѣющимъ, а къ тому и ордеромъ отъ Е. В—гр. С—ва, мною сего марта 15 дня полученнымъ, подтвержденно оную гродскую голову и депутата выбрать всемъ и всякаго званія гражданамъ, выключая ис того тѣ толко въ городѣ двори, въ которыхъ живутъ люде или крестьяне владелческіе; для чего я, со всѣми благороднымъ шляхетствомъ и гражданами, приводя въ дѣйствительное Высочайшее Е. И. В. въ силѣ манифеста и обрядовъ повелѣніе и Е. В—гр. С—ва ордеръ во исполнение, приступаю въ другой той городской голове выборъ, о чемъ отъ меня и къ Е. В—гр. С—ву сего Марта дня 16 репортomъ донесенно; для оногoжъ городской голове выбору назначенъ отъ меня срокъ сего марта 21 числа въ 7-мъ часу по полуночи собратца въ томъ же доме, въ которомъ и прежде било; къ якому числу и ви со всѣми свободно посполитими явится должны. И хотя

я вышеописаннымъ бурмистрамъ и свободно посполитимъ лубенскимъ при подачи отъ нихъ всю то, что въ оныхъ Высочайшомъ манифестѣ и обрядахъ и Е. В—гр. С—ва ордерѣ предписанно, толковалъ, и они потому и обѣщались на выше означенной срокъ для того городской голове выбору явится, но чтобъ они, в случай кривотолкованія имъ отъ ково нибудь того выбору, не могли задерживать въ томъ какого сумнѣнія и темъ колми паче выбору той городской голове сделать остановки, для того я занужно нахожу, какъ въ полковую луб. канцелярию о учинении публикации о явки всемъ гражданамъ въ городѣ Лубнахъ живущимъ на тотъ срокъ для выбору городской голове сообщить промеморию, такъ и вамъ предложить симъ предложеніемъ, которымъ и предлагается, дабы вы, по получении сего, всѣмъ свободно посполитимъ города Лубенъ и тѣмъ, кои при первомъ городской голове въ выборе были, вышеописанное Высочайшее манифестъ и обряды, тожъ и Е. В—гр. С—ва подтвердительный ордеръ, протолковали, такъ какъ вамъ отъ меня сего числа изъяснено, дабы оные свободно посполитие никакого сумнѣнія не имѣли; больше жъ того не имѣли бъ причины опасатца, што хотя бъ хто въ градцкую голову избранъ не билъ, то ихъ общественные прозби и челобите непременно принято и представленно въ учрежденную въ Москвѣ Комисію Нового уложенія будетъ, толкобъ она соответствовала общественной нужди и сходственна была противъ предписанного въ 26-мъ пунктѣ повелѣнія. Чтожъ оные бурмистры и посполитие въ томъ своемъ доношеніи упоминають сме, что опредѣлене отъ ратуша лубенского бурмистръ Панко и писарь Холоднякъ при сочинении списка многимъ разнаго звания гражданамъ, для чего тотъ списокъ сочиняется и какого числа имѣть битъ градской голове выборъ, объявляли, то сіе не можетъ битъ справедливо, потому что они никакого права и должности не имѣли другимъ, не ихъ команды гражданамъ, объявлять; да онимъ же, по неистолкованію, какъ выше прописано, Высочайшихъ манифеста и обрядовъ, и предложения для того выбору отъ меня не было, и единственно положено было отъ однихъ посполитихъ, какъ и выше значить, тотъ выборъ сделать, и онымъ всемъ живущимъ здесь,

какъ дворянамъ, такъ и козакамъ, которіе заровно съ прочими гражданами числятся должни, никакого известія дано не было, почему оны къ тому выбору и явится резону не имели.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 17, 1767 году.

4) *Рапортъ луб. войта Петра Назарскаго по поводу означеннаго предложенія.*

Высокородному и высокопочтенному г. подполковнику Николаю Гавриловичу Огареву

Репортъ

По письменному предложенію и словеснымъ приказамъ В. В—дія, чтобъ мѣщанамъ Лубенскимъ Высочайшій Е. И. В. о выборѣ депутата въ комиссію проекта новаго уложенія манѣфестъ такъ, какъ отъ В. В—дія 18 числа сего мѣсяца изяснено, истолковать, и чтобъ оніе никакого сомнѣнія не имѣли опасаться, что хотябъ кто въ городскую голову избранъ ни билъ, то ихъ общественная полза и челобите непременно принято будетъ,—я многимъ вообще и немалому числу всякому порознь силу манѣфеста, такъ такъ и прежде выбору первой разъ головы, довольно объяснялъ и толковалъ и сколько могъ о выборѣ городского головы другой разъ совѣтовалъ; почему хотя многіе какъ для другихъ причинъ, въ поданномъ отъ нихъ В. В—дію доношеніи изображеннихъ, такъ наипаче для сего, что прежде выбору первой разъ головы тотъ же толкъ и изясненіе манѣфеста, что должно было всякого чина городскимъ обивателямъ бить при выборѣ, почему и списокъ о всѣхъ жителяхъ г. полковнику лубенскому Ивану Петровичу Кулибкѣ представивая биль, отъ мене слышали, и въ силу обряда жъ выборъ головы учинили, и что на поданное отъ нихъ В. В—дію доношеніе резолюціи себѣ въ ползу не получили, но иніе словами жестоко истязаны, а всѣ, ежели не будутъ на выборъ другой разъ головы, под устрашеніемъ публичного бою заключени, такожъ что оное ихъ доношеніе къ Е. В—гр. С—ву П. А.

Румянцову не отослано, почему сумнительно имъ било, даби другой выборъ головы не билъ нарушеніемъ Высочайшаго Е. И. В. манифеста, — тотъ мой толкъ и совѣтъ почитали за утѣсненіе и примѣте; однакъ какъ на докладъ мой отъ В. В—дія приказано увѣдомится, явятся ль они къ выбору другой разъ головы, или не явятся, и сего числа отъ мене бурмистру Дмитру Постолюнику писменно предложено, чтобъ онъ отъ всякаго съ нихъ порознь освѣдомился, явятся ль онѣ къ выбору другой разъ головы или не явятся и для чего. То сего числа объявленній бурмистръ Постолюникъ репортомъ представилъ, яко оніе мѣщане всѣ, которыхъ въ домахъ засталъ, объявили, что дабы не подпасть имъ наказанію (какъ отъ В. В—дія предявлено) имѣють другой разъ къ выбору городского головы явится, о чемъ В. В—дію репортуя.

Войсковій Товаришъ *Петръ Назарскій*.

1767 году, марта 20.

5) *Репортъ Огарева о шляхетскихъ выборахъ.*

Сиятеднѣйшему Графу... (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Староскопского пехотного полку подполковника Огарева

Покорнѣйшій репортъ

По данному отъ В. В—граф. С—ва повелѣнію, въ силѣ Е. И. В. манифеста и приложеніяхъ при ономъ обрядовѣ, отъ дворянства, въ Лубенскомъ полку жителствующаго, въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія избраны отъ того шляхетства предводителемъ бунчуковъ товаришъ Яковъ Кулябка, въ депутаты жъ отъ того шляхетства брегадиръ и Галяцкаго Малороссійскаго полку г. полковникъ Кржижановскій. А какъ оной предводитель сего марта 24 числа мне далъ знать, что все то, што по изображенному въ обряде образцу, полномочіе и о общихъ нуждахъ наказъ и челобитье всеми бывшими при техъ выборахъ шляхетствомъ подписано и

все къ тому подлежащее окончено и къ нему г. бригадиру отослано быть имѣть, о чемъ Вашему Высокографскому С—ву симъ покорнѣйше доношу.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

Марта 27, 1767 г.
г. Лубны.

6) *Репортъ Огарева о выборѣ козачьяго депутата.*

Сіятеднѣйшему Графу.. П. А. Румянцову

Покорнѣшій репортъ.

Во исполненіе Высочайшого Е. И. В. манифеста, и Вашего В—гр. С—ва повелѣнія, собравшіеся въ городъ Лубнѣ со всѣхъ полку Лубенского сотень козачие повѣренние, по учиненной ими присягѣ, выбрали зъ между себе въ комисію о сочиненіи проекта новаго уложенія депутатомъ козака полку Лубенского, сотнѣ Лукомской, села Мойсѣевки, Павла Мищенка; о чемъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу; и при томъ за нужное нахожу доложить, что въ приложенныхъ при ономъ Высочайшемъ манифестѣ обрядахъ повелено: когда выборъ депутатовъ окончится, то о томъ начальнику въ Сенатъ репортовать; я же на то особаго повелѣнія отъ В. В—гр. С—ва не имѣю; а чтобъ не сделать мне какова либо упущенія, то для того за необходимое почитаю В. В—гр. С—ву представить: слѣдуетъ ли мнѣ, кромѣ персоны В. В—гр. С—ва, о такомъ выборѣ депутатовъ въ Сенатъ репортовать, или какъ повелѣтъ соизволите. Да и показаннаго выбраннаго козачега депутата къ якому числу въ Глуховъ, или куда въ другое место, изволите приказать отправить,—о томъ имѣю ожидать отъ В. В—гр. С—ва повелѣнія.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 года, марта 31.

7) *Репортъ Огарева о выборъ градского головы и депутата.*

Святельнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Покорнѣйшій репортъ

Предъ симъ на полученній мною отъ В. В—гр. С—ва о выборѣ всеми города Лубенъ жителями, кроме людей и крестьянъ владѣльческихъ, градского головы и депутата ордеръ, репортъ моймъ, В. С—ву изшедшаго марта отъ 16-го пущеннимъ, донесено, что хотя до полученія оного В. В—гр. С—ва ордера отъ самихъ города Лубенъ свободныхъ посполитихъ избранъ городскимъ головою войсковій товаришъ и войтъ Петръ Назарскій, однако, во исполненіе оного В. В—гр. С—ва повелѣнія, со всемъ шляхетствомъ и гражданами въ другой выборъ той городской головы вступитъ имѣю. А нинѣ В. В—гр. С—ву въ покорности моей доношу, что тогожь марта 21 дня, за собраніемъ всего шляхетства и гражданъ, въ тотъ выборъ вступилъ и по тому онымъ шляхетствомъ и гражданами избранъ градскимъ головою отставной сотенній атаманъ Павелъ Самойловскій, а депутатомъ значковій товаришъ Григорій Иваницко; толко оному депутату отъ гражданъ о ихъ нуждахъ подлежащего челобитя и наказа еще не вручено; а когда вручено и мне о томъ знать дано будетъ, то о томъ впредъ В. В—гр. С—ву въ покорности моей донести имѣю.

Подполковникъ *Николай Огаревъ.*

1767 году, апр. 7.

8) *Отказъ иад. полковника Антона Крыжановскаго отъ званія дворянскаго депутата.*

Святельнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Репортъ.

По силѣ публикованнаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, избранъ я отъ шляхетства, въ полку Лубенскомъ вотчины и помѣстья имѣющихъ, депутатомъ въ комисію о

сочиненіи проекта новаго уложенія и на то сего априля въ 9 день получилъ полномочіе и наказъ. А какъ я нахожусь въ болѣзни, которая разнообразными приключеніями въ крайнюю привела меня слабость; сверхъ того данныя мнѣ отъ шляхетства Лубенского полку навазь и приложенныя прошенія съ тѣмъ, что по Высочайшему манифесту требуется, совсѣмъ не согласны, и хотя бы болѣзнь моя не препятствовала, однако въ комисію явится мнѣ было бы нѣ съ чемъ, о чемъ я и къ г. предводителю, бунчуковому товарищу Якову Кулябкѣ, тогожь 9 числа отписалъ; а какова тотъ наказъ и прозбы содержанія, Ваше Сіятелство увидѣть изволите изъ особаго отъ шляхетства Лубенского полку поднесеннаго репорта. По тѣмъ причинамъ Ваше Сіятелство покорно прошу отъ сей наложенной на меня комисіи милостиво свободить, а для излеченія болѣзни нижайше прошу въ сихъ способныхъ мѣсяцахъ май и іюнь и отъ дѣлъ уволить.

Бригадиръ, Гадяцкій полковникъ *Антонъ Крижановскій*.

1767 году, апр. 18.

По сему резолюція учинена: „уволпить по прошенію“.

9) *Репортъ луб. войта Петра Назарскаго по поводу выборовъ гор. головы и депутата.*

Високородному и високопочтенному г. подполковнику Н. Г. Огареву

Репортъ.

Во исполненіе предложенія В. В—дія, коимъ изволите предлагать, что Его Высокографское Сіятельство.. графъ П. А. Румянцовъ В. В—дію изволилъ високопредложить, что увѣдомилси, что при выборе городского головы и депутата почти всѣ старшины и другіе чиновники, находясь точно въ домахъ своихъ и въ самомъ городѣ, сами не били, а прислали толко свои голоса; при сочиненіи же депутату наказа, мѣщане многіе вовсе и допущены не были, а делали оній сами старшина; кто жъ именно изъ старшинъ и чиновниковъ или зъ мещанъ, въ Лубняхъ живущихъ и на лицо находящихся, подъ наказомъ

депутату не подписались,—прислать репортъ, и чтобъ я о томъ вышеписанномъ какъ найскорѣе прислалъ къ В. В—дію репортъ и въ ономъ точно показалъ, били ль хто опредѣленни для сочиненія того даваемого наказа отъ мещанъ или нетъ, и буди не были, то для чего именно, и всѣ ли мещане, дѣйствительно на лицо состоящіе, при тѣхъ выборахъ били, а буди не были, то для чего; тожь и подъ наказомъ всѣ ль оніе подписались?—Черезъ сіе репортуу, что для сочиненія наказа, какъ В. В—дію довольно извѣстно, отъ мещанъ нетолко многіе, но и никто доущенъ не былъ, а опредѣленно чиновниковъ, а именно: значкового товарища Ивана Запорожского, коморнѣка повѣту Роменского Константія Шулячевского, атамана второ-лубенского Григорія Онищенко, хорунжаго полковой луб. артилеріи Игната Щочку и писара протопоіи луб. Василя Котляревского—не для чего другого, какъ что оніе мѣщане о промыслахъ и руководѣляхъ, козаками и чиновниками отправляемыхъ, не отбывая гражданской повинности, такожь о завладѣніи гражданской землѣ, о порабощеніи ихъ и о протчемъ, чиновникамъ и козакамъ бесполезномъ, представленіе въ челобитну внести намѣревали; а въ пятой день по выборѣ депутата, когда уже нетолко наказъ кончился, но и челобитна составлена была, хотя одного, а именно Дмитра Постолика, по усилію моему, означенно, но ничего отъ него о общественныхъ нуждахъ въ наказъ представляемого не принято и къ составленію челобитной не доущенно; а что послѣ того въ челобитну о градской землѣ жалоба внесена, то тое учиненно на требованіе нѣкоторихъ значковихъ товарищей и знатнѣйшихъ козаковъ Лубенскихъ. Мѣщане, дѣйствительно на лице состоящіе, при выборѣ головы не всѣ били и учинили то иніе для своихъ нуждъ, а иніежь—что первій выборъ головы почитали, для сохраненихъ при немъ отъ ратуши лубенской всѣхъ указнихъ и обряда повеленіяхъ, за совершенное исполненіе указу и не смѣли безъ изволенія Е. В—гр. С—ства графа П. А. Румянцова, о чемъ доношеніе В. В—дію отъ нихъ поданно, въ другой выборъ вступать, почитая послѣдовавшее при подачи отъ нихъ того доношенія устрашеніе, и по присланному ко мнѣ отъ В. В—дія предложенію, какъ я и репортомъ тогда

представлялъ, мой уговоръ, за притѣсненіе. А при выборѣ депутата кто изъ тѣхъ мещанъ билъ—мнѣ не извѣстно, якожь я и самъ бить не могъ за чинимими мнѣ различными наругательствами и притѣсненіями, почему и подъ наказомъ всѣ ли о иніе мещане подписался, и буди не подписалися, то кто именно,—не вѣдаю.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 29.

10) *Требованіе войта П. Назарскаго о сообщеніи Огаревымъ ордера графа Румянцева, коимъ разрѣшено луб. мѣщанамъ составить челобитную о своихъ нуждахъ.*

Високородному... (*и проч*) подполковнику Н. Г. Огареву

Доношеніе.

Извѣстно мнѣ, что високимъ Его Сіятелства... графа П. А. Румянцова ордеромъ В. В—дію повелено мещанамъ Лубенскимъ дозволить о своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ въ челобитя что хотя писать и прямо къ Е. В—гр. С—ству отправить, но того въ присланномъ ко мнѣ отъ В. В—дія ордерѣ не прописано; а нинѣ оніе мещане, будучи отъ мене о томъ Его Сіятелства къ нимъ благоволеніи увѣрени, челобитную уже написали; но многіи съ нихъ желаютъ, для болшого прославленія благодарности Его Сіятелству, видѣть и при урядѣ своемъ имѣть заключающоесь о нихъ въ томъ ордерѣ Его Сіятелства милосердное попеченіе, и просили, чтобъ я о томъ просилъ В. В—дія. Для того покорнѣйше прошу съ оного Е. В—гр. С—ства високого ордера копію либо обстоятельную въ своемъ предложеніи прописку прислать.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 года, априля 30.

11) *Репортъ войта П. Назарскаго о томъ, почему нѣкоторые мѣщане не подписали наказа.*

Високородному (*и проч.*) подполковнику Н. Г. Огареву.

Репортъ.

Въ силу предложенія В. В — дія, сего числа полученного, осталось мнѣ В. В—дію отрепортовать, для чего нѣкоторые мѣщане Лубенскіе на наказъ депутату не подписались; и хотя о всѣхъ неподписавшихся, кто они именно, вѣдать не могу, для объявленнаго въ отправленномъ отъ мене сего числа къ В. В—дію репортъ резону, но понеже отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ неподписавшихся слыхалъ я причину неподписанія такову, которая въ сумнительство мене приводитъ, что ежели В. В—дію представлю, то не учинилось бы того, что при подачи отъ нихъ В. В—дію доношенія о невыборѣ другой разъ головы. Для того о томъ имѣю нижайше доложить Е. В—граф. С—ству... П. А. Румянцову и по високой резолюціи учинить на предложеніе В. В—дія исполненіе, о чемъ покоряѣйше репортую.

Войсковій товаришъ *Петръ Назарскій.*

1767 году, априля 30.

12) *Адресъ лубенскихъ мѣщанъ графу Румянцеву съ просьбой о ходатайствѣ.*

Сійтеlemnѣйшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцову.

Нижайшее доношеніе.

Всевишочайшее изволеніе Е. И. В. нашей всемилостивѣйшой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской о содержаніи Вашему Високографскому Сіятельству власти и правительства нашего отечества чествуемъ мы за особливій промисль всещедраго и всевѣдущаго Бога ко избавленію насъ отъ порабоженія нестерпимыхъ и неудобъ-сказанныхъ обидъ и утѣсненій, которіе мы со всекрайнеѣйшимъ розореніемъ до опредѣленія отъ Вашего Високографского

Сіятелства къ управленію намъ войтомъ войскового товарища Петра Назарского претерпѣвали. Нинѣ сколь начинаемъ ползовать високою В. В—гр. С—ства милостію, столь благонадежны пребиваемъ, что всѣ наши нужды и недостатки, о коихъ всеподданнѣйшее челобитіе Е. И. В—ву подносимъ, силою и предстательствомъ В. В—гр. С—ства, въ скорости скончуются, оное челобите, по милостивому В. В—гр. С—ства благоизволенію, къ В. В—гр. С—ству приносимъ и нижайше просимъ быть за насъ ходатаемъ, а мы о благоденствіи и здравіи Вашего Сіятелства въ молитвахъ предъ Богомъ, въ прославленіи же имени и добротъ предъ людьми тщательни пребудемъ.

Бурмистръ Иванъ Панко, Бурмистръ Дмитро Постоликъ. Мещани: Кирило Рудъ, Евтихій Гриневиць... (*слѣд. еще 35 подписей*).

13) *Репортъ Огарева объ изготовленіи отдѣльныхъ прошеній отъ каждой сотни.*

Сіятелишшому Графу (*и проч.*) П. А. Румянцеву

Покорнѣйшій репортъ.

Я, приведя во исполненіе полученнѣ мною сего мая 8 дня отъ В. В—гр. С—ства циркулярнѣй ордеръ, которимъ изволили предлагать врученіе козачему депутату отъ сотенныхъ поверенныхъ накази отставить, а токмо съ прошеніями, какови отъ сотень дани повѣреннимъ, того депутата отсправить, а при томъ ведая, что оному депутату отъ сотенныхъ повѣренныхъ болѣе никакихъ прошеній не вручено, кроме одного общего прошенія и наказа, почему посланною отъ мене въ полковую Луб. канцелярію промеморією, зъ сообщеніемъ копии оного циркулярного ордера В. В—гр. С—ства, требовано, чтобъ отъ оной полковой канцеляріи во всѣ полку Лубенского сотенніе правленія чрезъ нарочныхъ предложено, даби отъ оныхъ правленій велено съ каждой сотнѣ порознь написать, въ силѣ третого обряда, челобитные или прошенія и оные прислано бѣ при репортахъ въ полковую канцелярію съ однимъ каждой сотни повѣреннимъ сего мая на 13 число, и съ полковой канцеляріи тѣхъ

повѣренныхъ изъ данными отъ ихъ сотень прошеніями прислано бѣ ко мнѣ безъ замедленія въ разсужденіи томъ, что хотя оной козачей депутатъ зъ даннымъ отъ мене къ В. В—гр. С—ству репортомъ отъ 18 апріля отправленъ, но я надѣялся, что оной депутатъ обратно ко мне отъ В. В—гр. С—ства присланъ будетъ, для полученія тѣхъ прошеній, или испросить у В. В—гр. С—ства, чтобъ тѣ прошенія къ нему пересланы били. А нинѣ зъ оной полковой Луб. канцелярии при промеморияхъ присланы ко мнѣ репорты, полученіе въ оной полковой канцелярии зъ сотенныхъ правленій, именно: зъ перво-Лубенского, Яблунковского, Курѣнскаго и Снѣтинскаго, да поданное въ оную же полковую канцелярію отъ погостныхъ повѣренныхъ сотни перво-Лохвицкой доношеніе, въ которыхъ репортахъ и доношеніи представлено, что тѣхъ сотень погостные повѣренніе объявили, яко они другихъ прошеній писать не могутъ, а утверждаютъ во всемъ на общемъ прошеніи и наказѣ, которые вручени депутату. Зъ сотень же Городиской, перво-Сенчанской, второ-Сенчанской и Янишполской присланы въ оную полковую канцелярію а съ той канцелярии ко мнѣ вновь написаніе прошенія, которые согласны во всемъ тому прошенію, которое отъ общества оному депутату вручено; о чемъ всемъ Вашему С—ству въ покорности моей доношу, и что повелѣтъ соизволите, имею ожидать резолюціи. Подполковникъ *Николай Огаревъ*.

1767 году, мая 19.

14) *Донесеніе о выборѣ шлях. депутатомъ Гр. Полттики на мѣсто отказавшагося Крыжановскаго.*

Сіятеднѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Репортъ

Ордеромъ Вашего Сіятельства, мною прошедшаго 22 апріля полученнымъ, велено мнѣ на мѣсто г. бригадира и полковника Гадяцкаго Крыжановскаго, по означеннымъ въ ономъ причинамъ отъ депутатства уволеннаго, созвавъ всѣхъ полку Лубенскаго шляхетство, другого выбрать депутата. Въ слѣдствіе котораго подлежащій вы-

боръ повелѣннаго депутата сего 8 мая такъ приезжимъ, яко наличнымъ шляхетствомъ полку Лубенского, по означенному въ Высочайшомъ Е. И. В. манифестѣ обряду, дѣйствително состоялся и депутатомъ избранъ при нинѣшномъ балтированіи надворній совѣтникъ и морского шляхетнаго кадецкого корпуса надъ ученіями главній инспекторъ г-нъ Полѣтика. А яко нинѣ вновь выбранной депутатъ въ отсутствіи въ Санктъ-Петербургѣ при своей должности находится, Высочайшимъ же Е. И. В.—ва манифестомъ въ обрадѣ выбора изъ дворянъ депутата къ сочиненію проекта новаго уложенія по 25 пункту повелено: къ заочно избранному депутату дворянскому, предводителю полномочіе и наказъ отсылать,—для того все приезжое и наличное полку Лубенского шляхетство сами собою охотно согласились къ тому избранному отъ себе депутату, для учиненія ему скорѣйшей явки въ комисіи, учрежденной къ сочиненію плана новаго уложенія, послать на собственному своему коштѣ нарочного, возного перволюбенской сотнѣ Лва Кучара, чрезъ котораго отправить долженствую къ нему полномочіе и тѣ точно челобитніе и наказъ, кои прежде сего избранному отъ общества депутату были посланы, по причинѣ сей, что какъ наличніе, такъ и отсутствующие шляхетство чрезъ присланіе голоса показанныхъ челобитныхъ быть безъ премѣны положили. Я Вашему Сіятельству о семъ въ покорности моей репортую и именемъ всего полку Лубенского шляхетства нижайше прошу повелѣть дать подорожную на проездъ въ С.-Петербургъ отправляемому отъсель нарочному на двѣ почтовые лошади въ оба пути, и ту подорожную приказать ко мнѣ прислать, для отправленія оного нарочного. Предводитель, бунчуковій товаришъ *Яковъ Кулябки*.

1767 года, мая 15.

1767.

XI.

Выборы въ Гадацкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ.

1) *Рапортъ Румянцеву генеральнаго обознаго С. Кочубея о возможности произвести выборы въ Гадачъ и Сорочинцахъ.*

Сіятельному Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

За прибытіемъ моимъ въ назначенные отъ Вашего Сіятельства мѣста для приведенія въ исполненіе Всевысочайшаго Е. И. В. именнаго указа и публикованнаго манифеста о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проекта новаго уложенія, первоначально какъ отъ Вашего Сіятельства сложенъ срокъ марта 4-е число для городскихъ жителей въ Гадачѣ, а послѣ росписанны другимъ сроки, потребовалъ я отъ г. бригадира и полковника Гадацкого Крыжановскаго вѣдомости о жителяхъ города Гадача такихъ, которымъ по силѣ оного Высочайшаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ положенія и обрядовъ должно выбирать депутата въ показанную учреждаемую въ Москвѣ коммисію; на что онъ г. бригадиръ и полковникъ подалъ мнѣ рапортъ: яко по опубликованіи въ г. Гадачѣ объ ономъ выборѣ депутата упомянутого манифеста, на сложенной отъ Вашего Сіятельства срокъ жительствующіе въ томъ городѣ разные чиновники, являсь, объявили, что въ публикованномъ при манифестѣ обрядѣ выбора жителямъ городскимъ депутатовъ, подъ литерою Г. по 10-му пункту, надлежитъ магистратамъ и ратушамъ или полиціямъ написать у городѣ имѣющимся домамъ списки; въ Гадаче же де ни ратуши, ни магистрата, ни къ таковымъ правленіямъ принадлежащихъ зъ жителей никакого мѣщанства ни купечества не имѣетца, а живутъ въ томъ городѣ посполитые, подданные замку Гадацкого, владѣнія Его Сіятельства графа Кирила Григоріевича Разумовскаго, да разные, яко то: судовъ земскихъ и

подкоморскихъ чиновники, полковые старшины, сотники и другого войскового званія люди и козаки, съ которыхъ чиновники, то есть: шляхетство и рыцарство, вотчины и помѣстья меючіе, гражданство и земство, для выбору отъ нихъ депутата чрезъ разосланные отъ Вашего Сіятельства циркулярные листы, созывается на 15-е сего марта въ городъ Полтаву, и козакамъ 27 чиселъ сегожь марта для собранія срокъ назначенъ, почему де отъ каждою и подлежащее исполненіе произойти можетъ; а выборъ отъ городскихъ жителей подъ магистратомъ и ратушами въ вѣдомствѣ быть долженъ, каковыхъ въ Гадячѣ нѣтъ, до ихъ де чиновниковъ и козаковъ, яко онѣ особо къ такому выбору отъ нихъ депутатовъ на назначенные сроки созываютца, не принадлежитъ; подданные жъ, яко то крестьяне и слуги, въ городѣ дома имѣющіе, отъ сего выбора депутатовъ ордеромъ де Вашего Сіятельства, съ присылкою, гдѣ кому собраніе и на какіе сроки имѣтъ, распisanія, исключаютца, и за темъ де въ тамошнемъ городѣ для выбору отъ городскихъ жителей депутата никою не имѣетца. Въ равной силѣ и старшины полковые миргородскіе рапортують: что въ городѣ Сорочинцахъ, кроме владельческихъ подданныхъ г. генераль-маіора Гудовича, жительствоють токмо чиновники и козаки, которые на опредѣленные имъ сроки къ выборамъ депутатовъ имѣють быть собраны, другихъ же городскихъ жителей, которымъ бы виборъ дѣлать депутата отъ гражданства, — въ томъ городѣ Сорочинцахъ не имѣетца. И понеже распisanные къ выбору депутатовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ сроки прошли уже, а сблизилися положенные отъ Вашего Сіятельства сроки къ выбору депутатовъ для обивателей Полтавскихъ, гдѣ дѣйствительное гражданское магистратское правленіе имѣетца, и для шляхетства повѣтовъ Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, такожь для козаковъ полковъ: Полтавского, Гадяцкого и Миргородского, для того первоначально имѣю я привести въ исполненіе все предписанное по изображенному Высочайшему указу въ виборъ депутатовъ отъ гражданъ Полтавскихъ, такожь отъ шляхетства и козаковъ предписанныхъ повѣтовъ и полковъ; виборъ же отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ депутатовъ можетъ послѣдовать,

за полученіємъ отъ Вашего Сіятельства резолюціи, послѣ предписанныхъ выборовъ. И какъ Вашего Сіятельства въ разсужденіи прописанныхъ представленій повелѣнно будетъ поступить въ выборѣ депутатовъ отъ обывателей Гадацкихъ и Сорочинскихъ,—покорно прошу резолюціи.

Генеральній Обозній *Семень Кочубей*.

Марта 8 дня, 1767 году.

2) *Жалоба козаковъ сотень Кременчурской и Власовской объ устраниеніи ихъ отъ выборовъ.*

Сіятељнѣйшому Графу... П. А. Румянцову

Нижайшее доношеніе.

Состоявшимся и во всей Россіи обнародованнымъ Всевысочайшимъ Е. И. В. указомъ, велѣно собрать въ будущую въ Москвѣ для сочиненія проекта новаго уложенія предводителей и депутатовъ и о представленіи туда жъ всякова права людямъ своихъ нуждъ Всемилостивѣйше позволено; а чтобъ въ томъ никому никакъ и никакъ примѣтокъ не чинено—накрѣпко запрещено; что сверхъ такова (какъ выше значить) обнародованія, и Ваше Высокографское Сіятельство, чрезъ присланіе въ полковую Миргородскую канцелярію предложенія, соизволили требовать съѣзду нашего въ Полтаву и о выборѣ нами нижайшими, въ числѣ съ полчанами Миргородскими, предводителя и депутата. Но командующій Кременчукомъ, ротмистръ Гавриловъ, и Власовкою—поручикъ Бабичъ, здѣлавъ промежъ собою, въ крайнюю намъ нижайшимъ обиду, проектъ, неусыпно старались, дабы, по требованію Вашего Высокографскаго Сіятельства и по единогласному общему нашему желанію, насъ нижайшихъ въ Полтаву съѣхатся не допустить,—созвали насъ нижайшихъ въ мѣстечко Кременчукъ и тамо вовсе не дозволяли намъ составлять о своихъ нуждахъ къ Е. И. В. вышеписаннымъ указомъ прямо дозволеннаго прошенія и удержали насъ чрезъ двѣ неделѣ и не точію не по волѣ и желанію общему нашему, но и не допустя насъ нижайшихъ учинить указно для всѣхъ

дозволенной депутата выборъ, сами собою зъ другими еще имъ согласниками собрали депутатомъ маіора Козелского, а предводителемъ Гаврилова, и по одному своему хотѣнію написали къ Высочайшей подачи прошеніе; а насъ нижайшихъ, нибы и ненадобныхъ къ тому людей, прочь съ Кременчука согнали и, не стыдясъ, общему нашему собранію сказывали насмѣшно: что уже мы нижайшіе къ съѣзду полтавскому удобное время пропустили и за тѣмъ уже по своимъ желаніямъ вося успѣть не можемъ. Но мы нижайшіе, яко многіе нужды представлять къ Е. И. В. имѣющіе, стараясь не упустить сего для точного нашего удовольства самого способнѣшого случая, пріѣздили въ назначенной было для нашего съѣзду Вашимъ В—гр. Сіятельствомъ городъ Полтаву; но за ту насъ нижайшихъ ротмистромъ Гавриловимъ и порутчикомъ Бабичемъ удержку, тамо бывшихъ чиновниковъ и другого шляхетства застать не могли, а являлись—и то уже полку Миргородского въ мѣстечку Останьи—въ Его Пр—ства г. генераль-маіора и кавалера Семена Василиевича Кочубея и просили, чтобъ позволено было и намъ нижайшимъ, о своихъ нуждахъ составивши челобитную, поручить депутату отъ полку Миргородского выбранному, яко тѣ Кременчукъ и Власовка оба мѣстечки съ ихъ округами издревле въ границахъ полку Миргородского состоятъ, да и мы нижайшіе по своему въ тѣхъ мѣстечкахъ жителству въ полковой тамошней канцеляріи судомъ и росправою и козачою Е. И. В. службою вѣдомы находились; точію онъ г. генераль Кочубей безъ точного Вашего Высокографского Сіятельства повелѣнія, а паче причиною нашей въ Полтаву въ надобное время по обстоятельству вышписанному неявки,—въ той нашей прозбѣ насъ нижайшихъ удовольствовать отказался. Вашежъ Высокографское Сіятельство, поелику имѣете отъ Е. И. В. надъ нами нижайшими, равно якъ и надъ всеѣмъ народомъ Малороссійскимъ, особенную власть, и есть къ достиженію намъ нижайшимъ чрезъ тотъ Всевисочайшій указъ объявленной Высокомонаршей Е. И. В. милости истинной вождь,—для того Вашего Высокогр. Сіятельства нижайше просимъ: пріемля во уваженіе вышписанное слѣдовавшее намъ отъ нашихъ командировъ прешатствіе, за неявку нашу на требованной Вашимъ

Сіятельствомъ въ Полтаву срокъ, не лишить насъ нижайшихъ сего къ полученію въ своихъ нуждахъ отъ Е. И. В. желаемого удовольствия самоудобнѣйшего времени, а дозволить намъ вообще на составленной и подписанной полчанами Миргородскими и Полтавскими къ Е. И. В. челобитной подписаться, яко въ оной и о нашихъ нуждахъ не упущено. А буди зачѣмъ того учинить неудобно, то велѣть съѣхаться въ полковую Миргородскую канцелярію, либо другое по узнанію Вашего Сіятельства такое жъ для насъ способное мѣсто, и тамо по вышеписанному Всевисочайшему позволенію выбрать депутата, такожь и составить о своихъ общихъ нуждахъ къ Е. И. В. челобитную, и того, кто отъ насъ будетъ депутатъ, причислить къ депутатамъ полку Миргородского. А чтобъ во всемъ томъ тѣжъ наши командиры и никто другой еще и во-вторые надъ тотъ Всевисочайшій намъ нижайшимъ дозволительной указъ не препятствовалъ, въ новоросійскую губернскую канцелярію особо приложить.

Къ сему доношенію подписались нижеписанныхъ сотень козаки: Кременчуцкіе (*слѣдуютъ подписи 123 чел.*), Власовскіе (119 чел.), свободные посполитые: Кременчуцкіе (15 чел.) и Власовскіе (11 ч.). А вмѣсто ихъ неграмотныхъ жителствующій тамъ же значковій товаришь Иванъ Волошинъ по ихъ прошенію руку приложилъ.

1767 году, марта „ дня.

3) *Рапортъ С. Кочубея Румянцеву о городскихъ и козацкихъ выборахъ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцеву.

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ, въ резолюціи на представленіе мое состоявшійся, я получилъ; и хотя онымъ предложено, чтобъ когда, по расписанію Вашего Сіятельства, выбору головы и депутата отъ городовъ Гадяча и Сорочинець отъ мене здѣлано, то бы я тѣ мѣста оставивъ, доканчивалъ въ другихъ мнѣ порученное. Однако въ разсужденіи сего, что отъ Вашего Сіятельства въ томъ же ордеры

изъяснено, яко въ Сорочинцахъ, сверхъ пожалованныхъ тамо дворовъ г. генераль-маіору Гудовичу, имѣють жительство и дома свои козаки и другіи чины, а въ Гадячѣ де неизвѣстно, чтобъ кому тамъ были отданы во владѣніе мѣщанскіе дома; къ тому жъ и въ ономъ городѣ есть козаціе и чиновническіе дома, которымъ, яко тѣхъ мѣстѣ гражданамъ, осталось мнѣ, за исключеніемъ однихъ подданическихъ дворовъ, учинить выборъ головы и депутата. Для того, и что во всѣхъ порученныхъ мнѣ мѣстахъ повелѣнные выборы оконченны уже, послалъ я въ Гадячъ къ тамошнему г. полковнику Крыжановскому, а въ Сорочинцы— старшинѣ полковой миргородской предложенія: чтобы они, по обряду о выборѣ отъ гражданъ депутата, сочинили списки всѣмъ жителямъ (кроме владѣльческихъ подданныхъ), дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыслъ имѣющимъ, и оныя мнѣ подали найскоріе; а притомъ заготовили домъ и все потребное къ повелѣнному отъ гражданъ выбору. Я таковы списки получа, подлежащіе отъ ихъ выборы головы и депутата произведу по силѣ обряда безъ укоснѣнія.

По отпускѣ же сего, по обрядамъ здѣланны выборы въ городѣ Полтавѣ, а именно: первѣе, марта отъ 12 числа, отъ гражданства головы и депутата; другое, марта отъ 16 числа,—предводителя и депутата отъ помѣщиковъ, дворянства и шляхетства повѣтовъ: Полтавского, Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, которые по содержанію сего, что Ваше Сіятельство имъ всѣмъ опредѣлили одинъ сровъ и одно мѣсто къ выбору,—согласились отъ всѣхъ ихъ выбрать одного предводителя и одного депутата; третіе, марта 28 числа, въ мѣстечку Опошнемъ депутата отъ повѣренныхъ выбранныхъ отъ сотень полку Гадяцкого, къ которымъ присовокупилъ я и повѣренныхъ козачихъ полку Полтавского, вразсужденія, что явилось оныхъ (за отходомъ, по указу, оного полку другихъ сотень въ Екатерининскую провинцію) съ пяти сотень только десять человекъ; четвертое, апрѣля 1, въ мѣстечку Остапыи депутата жъ отъ повѣренныхъ, выбранныхъ зъ сотень полку Миргородского. О семъ, за окончаніемъ остальныхъ выборовъ отъ гражданъ Гадяцкихъ и Сорочинскихъ, обстоятельный репортъ Вашему Сіятельству имѣтиму

честь подать, а между тѣмъ Вашему Сіятельству въ покорности моей доношу, что при выборѣ депутата отъ козаковъ полку Миргородского послѣдовали помѣшательства слѣдующіе: старшины полковые Миргородскіе представляли на сотника Сорочинского Гончаренка, по рапорту тамошняго атамана Шимкова, яко козаки Сорочинскіе, по склонности своей къ сотнику, выбрали его своимъ повѣреннымъ, которой де выборъ послѣдовалъ въ отѣну обряда, ибо де онъ сотникъ жены не имѣетъ, и какъ зъ дѣлъ въ полковой канцеляріи извѣстно, публично за непорядки наказыванъ кіями полковникомъ и бывшей генеральной Войсковой канцеляріи членомъ Кишкинымъ, и въ другихъ подозрѣніяхъ бывалъ; почему отъ меня предложено было, какъ старшинѣ полковой, такъ и сотнику Гончаренку, чтобъ ежели подлѣно такъ есть, какъ представляютъ, — не дерзаль онъ сотникъ быть повѣреннымъ отъ козаковъ; но велено бѣ козакамъ при полковой канцеляріи выбрать повѣренныхъ такихъ, которые по тому обряду быть должны. Противу того означенный сотникъ присланнымъ рапортомъ извинялся, что онъ малѣйшою причиною не былъ тому, что его козаки выбрали своимъ повѣреннымъ, и отъ того трожды отказывался и трожды выбранъ былъ; что же де касается наносимыхъ отъ старшинъ полковыхъ на него подозрѣній, то оны де суть измышленныя по одной злобѣ, требуя, чтобъ они показали съ полковой канцеляріи указы или опредѣленія, по какимъ открывається, что будто онъ былъ за непорядки наказанъ полковникомъ Кишкинымъ и въ другихъ подозрѣніяхъ находится, избличая ихъ. старшину, тѣмъ, что ежели бы онъ сотникъ оказа^{лся} въ такихъ подозрѣніяхъ, то бы не былъ произведенъ сотникомъ, а послѣ не былъ бы ими жъ самыми и прочими удостоенъ подкоморнымъ и асауломъ полковымъ; такожъ не былъ бы выбранъ къ присудствію въ судъ Генеральный отъ полку Миргородского депутатомъ; хотяжь жена въ него померла, однакъ имѣетъ домъ, дѣтей и свое помѣстье.—На послѣдокъ марта 27 дня, судія полковый Миргородскій Ляховичъ прислалъ рапортъ, что козаки сотнѣ Сорочинской къ выбору отъ ихъ повѣренного собраны были къ полковой канцеляріи; но они отвѣчали, что другова выбрать никого не будутъ, а уже

де выбрали сотника и слова своего не прѣмѣнять. На увѣщанія жъ, чтобъ выбрали по обряду не подозрительного человѣка,—подняли въ канцеляріи превеликій и необычайный шумъ, будучи по большей части перепосены; а когда зачинщиковъ двухъ, козаковъ Ивана Мисюра и Ивана Дубовика велено задержать при полковой канцеляріи, то оныя собранные козаки, закрывавъ, „не выдаймо!“, насильно внидѣ въ кантору, зъ собою отобрали задержанныхъ и отошли зъ канцеляріи зъ шумомъ; сотникъ же Гончаренко отъ таковыхъ продерзостей козаковъ не воздержавъ а на то посланному съ канцеляріи полковой ничего отвѣчать не хотѣлъ, наводя подозрѣніе, что таковы продерзости произошли по наговорамъ яко бы его, сотника. Не соблаговолите ль Ваше Сіятельство о семъ кому заблагопристойно приказать изслѣдовать, дабы причинившій помѣшательства и неустройства въ толь важномъ дѣлѣ, которое велено производить со всякою благопристойностію и тишиною,—безъ истязанія не остался.

Я же выборъ депутата отъ козаковъ полку Миргородского, какъ выше писано, кончилъ и безъ повѣренныхъ сотнѣ Сорочинской, которые на положенный для того срокъ не явились.

Генеральной обозній *Семень Кочубей*.

1767 году, априля 6 дня.

4) *Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ г. Полтавѣ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

Вашего Сіятельства ордеръ получилъ я сего марта 17 дня, коимъ предостережено, чтобъ сочиненныи и мнѣ поданныи списки разсматривалъ я съ точностію: всѣ ли зъ всякого званія въ оныхъ граждане помѣщены? ибо тѣ только въ городѣ дворы выключить изъ того должно, въ которыхъ живутъ люде или крестьяне владѣльческіе; и наблюдать, дабы въ собраніи всякъ по состоянію своему имѣлъ означенное себѣ мѣсто, чтобъ порядокъ предписанный для того въ обрядѣ исполненъ былъ во всемъ непрѣмѣнно. На оное В. С.—ству

въ покорности моеѣ доношу: что до полученія прописанного В. С—ства ордера, при выборѣ городского головы и депутата поступилъ я во всемъ по обряду, и для того велѣлъ (хотя многимъ старшинамъ и шляхетству было сію не угодно) писать въ списокъ гражданскій всѣхъ хозяевъ, не обходя никого, кто только дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыслъ въ семъ городѣ имѣетъ, и при занимаіи мѣстъ досмотрѣлъ, чтобъ они сядились такъ, какъ въ списки написаны, не по чинамъ или по богатствамъ, но по лѣтамъ, а именно: первые женатые, имѣющіе дѣтей, старики, а послѣ молодые равнымъ образомъ женатые, но бездѣтныя, удовцы и холостые; въ чомъ для лучшаго В. С—ства свидѣнія копію списка при семъ посылаю. О сѣю пору выборы отъ гражданъ головы окончены, и по большинству баловъ избранъ и уполномоченъ городскимъ головою братъ мой, подкоморій Павелъ Кочубей. При томъ же предусмотрено мною, что интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинскаго званія людямъ, и потому, уповательно, трудно согласится имъ будетъ здѣлать одинакіе депутаты наказы.

Генеральній обозній *Семенъ Кочубей*.

1767-го году, марта „ дня, Полтава.

5) *Рапортъ С. Кочубея о выборахъ въ Полтаву, Опошнемъ, Остапѣ, Сорочинцахъ и Гадячѣ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По росписанію Вашего Сіятелства, въ опредѣленныхъ мнѣ мѣстахъ, по силѣ Высочайшаго Е. И. В. манифеста и приложенныхъ при томъ обрядовъ, въ учреждаемую въ Москвѣ комиссію къ сочиненію проекта новаго уложенія, — выборы депутатовъ въ присутствіи моемъ произведены, а именно; въ городѣ Полтавѣ, въ домѣ войскового товарища Ивана Богдановича, отъ гражданъ марта съ 13-го числа чрезъ три дни балотированіемъ избранъ городскимъ головою

подкоморій повѣта полтавского Павелъ Кочубей. 17 числа вручилъ я ему подписанное оными гражданами полномочіе, списокъ и гражданскіе ко мнѣ отзывы; 22-го числа приведены они къ присягѣ въ соборной Успенія Богоматери церквѣ о безпристрастномъ выборѣ депутата; а 16 апреля оной выбранной голова прислалъ ко мнѣ рапортъ, что подъ предводительствомъ его, по обряду, въ томъ же Богдановича домѣ граждане выбрали депутатомъ писаря городского Григорія Рогую, полномочіе ему подписали, наказы и челобитные о нуждахъ общественныхъ гражданскихъ сочинили выбранные пять человекъ чрезъ 3 дней, и что поручены оныя тому депутату, а копии отданы въ сохраненіе въ церковь соборную, священнику тамошнему, протопопу Якиму Яновскому, въ коей церквѣ и присягали. Марта 16-го съѣхавшіесь въ Полтаву шляхетство повѣтовъ: Гадацкого, Миргородского и Остаповского, собрався въ опредѣленной имъ для выбору, въ означенной войскового товарища Богдановича домѣ, держали совѣтъ: выбрать ли предводителя и депутата порозь отъ каждого полку или повѣту, или всѣмъ вмѣстѣ одного? И что В. С—ство опредѣлили съѣхатся показанныхъ повѣтовъ шляхетству на одинъ срокъ и въ одинъ городъ, для того и они въ сходство того положили выбрать отъ всѣхъ ихъ одного предводителя и одного депутата; и 17 марта чрезъ балотированіе выбрали своимъ предводителемъ судію земского повѣта Зѣнковского Федора Войну; 20 врученно отъ меня ему подписанное отъ нихъ полномочіе, такожъ записку прибывшихъ шляхетства и отъ неприбывшихъ присланные отзывы. И по соглашенію ихъ, 21 числа приведены они въ соборной церквѣ къ присягѣ о безпристрастномъ выборѣ депутата; а истекшаго марта 31-го оной предводитель, присланнымъ ко мнѣ рапортомъ, представилъ: что подъ его предводительствомъ съ 21-го числа тогожъ марта, чрезъ два дни предписанные, шляхетство балотированіемъ выбрали депутатомъ бунчукового товарища Василія Дунина Борковского, въ чемъ и полномочіе ему подписали, послѣ чего выбранными пятьма человеками сочиненные наказъ и прошенія, подписанны и отправлены онымъ предводителемъ къ депутату, яко отсутственному; а копии де отданы въ ту жъ со-

борную церковь священнику, протопопу Яновскому. Марта 28-го въ мѣстечку Опоннемъ собрались съ полковъ Полтавского и Гадяцкого выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренныя, и какъ съ полку Полтавского, за отходомъ по указу протчихъ сотень подъ новороссійскую губернію, зъ остальныхъ пяти сотень прибыло повѣренныхъ только десять человѣкъ; то оныя десять человѣкъ присокупилъ я къ повѣреннымъ полку Гадяцкого; и потому всѣхъ тогожъ 28-го числа въ соборной тамошней церкви привелъ до присяги о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ опредѣленномъ домѣ, протопопы Опоннянского, Явова Костенского, балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ козака сотнѣ Комишанской Степана Иванова; которому тогожъ числа подписали повѣренные полномочіе, которое отъ меня и вручено ему; а повѣренные отдали отъ себя наказы и прошенія свои; списки жъ съ того положены въ той же соборной церкви, подъ охраненіе священника тамошняго, протопопа Костенского.

Съ полку Миргородского выбранные зъ сотень отъ козаковъ повѣренныя (кроме Сорочинскихъ, которые на срокъ не прибыли) собрались въ посредственное того полку мѣстечко Остапье, гдѣ апрѣля 1-го привелъ я ихъ въ соборной Воздвиженія Честнаго креста церкви къ присягѣ о безпристрастномъ выборѣ депутата, и въ домѣ вознаго Григорія Андрузского балатированіемъ выбрали они депутатомъ своимъ сотнѣ второй Миргородской вознаго Марка Тимофѣева, которому тогожъ числа полномочіе подписали, и я оное ему поручилъ, повѣренныя жъ отдали отъ себя наказы и прошенія; списки жъ зъ того положены въ церкви соборной, въ соблюденіе священнику тамошнему Сильвестру. Въ городѣ Сорочинцахъ, еще до полученія послѣднаго отъ В. С—ства предложенія, въ коемъ изволили между протчимъ предписывать: въ Гадяче и Сорочинцахъ выборъ оставить, и объявить мѣщанамъ (буде оныя тамъ есть), чтобы они о общихъ нуждахъ для представленія Е. И. В—ву прямо къ Вашему Сіятельству адресовались,—выборъ головы учиненъ; и хотя по большинству избирательныхъ голосовъ и удостоенъ былъ гражданами города Сорочинець головою сотникъ Сорочинскій Гончаренко, но за показуемыми на него отъ полковой тамошней старшины пороками, по предписанному жителямъ городскимъ обряду,

пункту 4-му, допустить его къ тому было не можно, а объявленъ городскимъ головою уволенный судія полковный Федоръ Козачковскій, на котораго по немъ, Гончаренку, больше всѣхъ протчихъ одобряющихъ голосовъ явилось. Оной голова сего апреля 23-го числа рапортомъ представилъ, что подъ его предводительствомъ такъ же избранъ былъ означенный сотникъ Сорочинскій Гончаренко гражданами въ депутаты, однакъ де по вышенисаннмъ резонамъ быть ему онымъ было не можно; и что на его мѣсто удостоенъ городскимъ депутатомъ старшій полковный Миргородскій канцеляристъ Лука Пищимукъ. Въ городѣ жъ Гадячѣ выборъ головы и депутата, въ сходство вышеизображеннаго В. С—ства предложенія, — я оставилъ и требовалъ отъ тамошняго начальства, управляющаго гражданскою полиціею, изъясненія о мѣщанствѣ того города; но иногo въ отвѣтъ получить не могль, кромѣ того, что съ имѣющихся въ судѣ гродскомъ Гадяцкомъ книгъ древнихъ годовъ и въ нѣкоторыхъ тамошнихъ жильцовъ крѣпостей отъ 1694 до 1720 годовъ и далѣе того данныхъ, въ росправахъ на покупные и присуженные грунта, описаніе старшинъ, войговъ и бурмистровъ Магистрату Гадяцкаго, за сѣдавшихъ съ полковою и сотенною старшиною въ ратушѣ Гадяцкой же, которой и печать при гродскомъ тамошнемъ судѣ имѣется съ тѣмъ изображеніемъ: „1691 году вѣрнаго Царскому Пресвѣтлому Величеству города Гадяча Магистратовая печать,“ о чемъ съ оного рапорта В. С—ство усмотрѣть изволите. Какимъ же порядкомъ по предписаннымъ обрядамъ оныя выборы мною произведены, — объ оныхъ обстоятельныя записки со всѣми письменными производствы у меня имѣющіеся, кому В. С—ство повелите поручить, — предаю высокому В. С—ства разсмотрѣнію.

Генеральній обозній *Семень Кочубей.*

1767 году, апреля 30 дня.

6) *Донесеніе полковника Станиславскаго, назначеннаго произвести слѣдствіе о безпорядкахъ въ м. Сорочинцахъ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцову.

Пермского Карабинернаго полку отъ полковника Станиславскаго
Покорнейшій Репортъ.

Отъ Вашего Высокографскаго Сіятельства ордеръ, пущенной отъ 19 апреля, подъ № 131-мъ, о изслѣдованіи мнѣ по произшедшимъ въ полковой Миргородской канцеляріи, при случае выбора отъ Сорочинской сотни повѣреннаго отъ козаковъ, нѣкоторыхъ непорядковъ,—сего апреля 25 числа въ мѣстечкѣ Устивицѣ я получилъ, и во исполненію оного ордера 26 числа въ мѣстечко Сорочинцы прибылъ и въ производство слѣдствія вступилъ.

Полковникъ *Сергей Станиславскій*

Ч. 30 апреля 1767 году, мѣстечко Сорочинцы.

7) *Рапортъ С. Кочубея о козацкихъ челобитныхъ.*

Сіятельнѣйшему Графу... П. А. Румянцову

Рапортъ.

По ордеру Вашего Сіятельства, прошлаго маія 4 дня мною полученному, въ посланныхъ отъ меня предложеніяхъ какъ къ г. полковнику Полтавскому Горленку, такъ полковой Гадяцкой и полковой Миргородской старшинѣ предписано: призвавъ выбранныхъ отъ полковъ, ихъ депутатовъ, освидѣтельствовать козацкія прошенія, въ сходство ль обряда и прописаннаго В. С—ства ордера оныя сочинены? и ежели что явится въ противность предписанному ордеру, то въ поправленіи того и поступить по точности В. С—ства повелѣнія. Почему г. полковникъ Полтавскій сего іюля 16 мнѣ рапортовалъ, что по силѣ оного ордера В. С—ства врученая отъ козаковъ полку Полтавскаго выбранному отъ нихъ депутату челобитная въ полковой Полтавской канцеляріи свидѣльствована, и по разсмотрѣнію оной канцеляріи явилось: первое, что она составлена вмѣстѣ отъ всего полку Полтавскаго сотень, и къ тому въ ней привнесены нѣкоторыя пункты,

до козаковъ не принадлежащія; для того де посланными съ полковой канцеляріи въ сотнѣ полку тамошняго въ сотникамъ указами велено: дабы отъ сотенныхъ канцелярій объявлено было козакамъ, чтобъ они отъ всякой сотнѣ порознь сочинили прошенія о своихъ нуждахъ, токмо въ тѣ прошенія ничего лишняго отнюдь не привносили бѣ, что и сложено на сотниковъ тамошнихъ, дабы оныя прошенія сочинены были по силѣ обряда; по которымъ де предложеніямъ сочиненныя вновь челобитныя въ полковую канцелярію и присланы. Но и въ оныхъ челобитныхъ нетокмо ничего не выброшено, но еще въ нѣкоторыхъ и новыя пункты прибавлены, а въ протчихъ тожь самое, что и въ первой; и потому посланными въ другой разъ съ полковой Полтавской канцеляріи ко сотникамъ указами велено козакамъ объявить: чтобъ они прошенія свои сочинили вновь, не примѣшивая отнюдь ничего посторонного. Но какъ отъ сотнѣ второй полковой рапортомъ въ полковую канцелярію представлено, что оной сотнѣ козаки другихъ прошеній сочинять уже не захотѣли и въ томъ ослушались, отъ депутата жѣ помянутого Иванова требуется скорой присылки показанныхъ къ нему прошеній, и для того де онъ г. полковникъ Полтавскій, не дожидаясь уже присылки другихъ сотенъ, какъ первую челобитную, составленную было вообще, такъ и вновь, уже порознь сочиненныя, при репортѣ своемъ подъ разсмотрѣніе представилъ. А отъ полковой Миргородской канцеляріи рапортовано, что по свидѣтельствваніи составленныхъ козаками о ихъ нуждахъ и недостаткахъ прошеній, явилось: что оныя сочиненны въ сходство дозволенія, въ обрядѣ предписанного, и что оныя депутату козачому порученны, съ приложеніемъ при томъ рапортѣ, какого содержанія оныя козація прошенія, экстракта. О чемъ Вашему Сіятельству докладывая, какъ выше упомянутыя, присланныя отъ полковника Полтавскаго козація челобитныя, такъ и съ полковой Миргородской канцеляріи сегождъ іюля 16 при репортѣ полученной мною экстрактъ, сочиненной съ прошеній козацкихъ полку Миргородскаго, подъ высокое В. С—ства благоразсмотрѣніе и резолюцію при семъ доношу.

Семенъ Кочубей.

1767 году, іюля „ дня.

1767.

XII.

Выборы въ войскѣ Запорожскомъ.Сіятеляѣйшому Графу Его Высокопревосходительству... (*и проч.*)

П. А. Румянцову

Репортъ.

Вашего Высокографскаго Сіятельства высокой ордерь о выборѣ, въ силу публикованнаго манифеста Е. И. В., декабря 14 числа 1766 года состоявшагося, въ учрежденную въ Москвѣ комиссію сочиненія проекта новаго Уложенія отъ войска Запорожскаго одного депутата, мы съ г. полковникомъ Милорадовичемъ сего теченія 21 числа получили, по которому съ нашимъ раболѣпнѣйшимъ усердіемъ жертвуя сему Всемилоствѣйше и Всевысочайше предпринимаемому учрежденію, по предписанному отъ Вашего Высокографскаго Сіятельства, чрезъ выбранныхъ и уполномоченныхъ отъ всякаго куреня по пяти человекъ повѣренныхъ въ назначенный отъ оного г. полковника Милорадовича день и мѣстѣ, то есть сего теченія 27 дня, въ куренѣ Шкуринскомъ, въ присуствіе его г. Милорадовича, выбрали отъ войска Запорожскаго депутатомъ бывшего войскового судью Николая Тимофѣева Касапа, во всемъ по точности предписаній къ тому въ приложенномъ при манифестѣ обрядѣ; послѣ чего подлежащее въ войскѣ, по здѣшному обычаю, о нуждахъ и недостаткахъ здѣшнихъ общественно учиня совѣтъ и составивъ всеподданнѣйшія прозбы, оного депутата въ Сенатъ отпраленіемъ по всѣй возможности посіѣщать долженствуемъ. О чемъ Вашему Высокографскому Сіятельству покорнѣйше репортуемъ.

Правящій въ войскѣ Запорожскомъ войсковой судья Павелъ Головатій. Старшины куренные, атамани і товариство.

1767 года, марта 27.

№ 871.

Отмѣтка: Полученъ апрѣля 11 дня, 1767 году.

Оглавлѣніе.

Предисловіе	стр I—IV

Отд. I: Наказы и прошенія малороссійскаго шляхетства.

1. Наказъ Глуховскаго шляхетства	3
2. Наказъ Черниговскаго шляхетства	9
3. Наказъ Прилуцкаго шляхетства	23
4. Прошеніе того же шляхетства,	31
5. Наказъ Переяславскаго шляхетства	36
6. Прошеніе Лубенскаго шляхетства	46
7. Прошеніе Румянцеву того же шляхетства,	56
8. Наказъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородскаго шляхетства.	61
9. Прошеніе того же шляхетства,	67

Отд. II. Наказы малороссійскихъ городовъ.

1. Наказъ жителей города Глухова	73
2. Наказъ жителей города Чернигова.	78
3. Наказъ жителей города Погора	88
4. Наказъ жителей города Стародуба	101
5. Наказъ жителей города Полтавы.	113
6. Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей Лубенъ	124
7. Наказъ жителей г. Лубенъ.	138

Отд. III: Наказы и прошенія малороссійскихъ козаковъ.

1. Наказъ козаковъ Черниговскаго полка	142
2. Прошеніе козаковъ Стародубскаго полка.	150
3. Наказъ козаковъ Прилуцкаго полка	156
4. Прошеніе козаковъ Миргородскаго полка	164

II

Отд. IV: Представленія и прошенія малороссійскихъ депутатовъ.

	страи.
1. Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата	167
2. Прошеніе малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія	177

Отд. V: Документы, относящіеся къ выборамъ депутатовъ.

1. Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ	185
2. Росписаніе, гдѣ для выбора назначаются мѣста и сроки . .	187
3. Выборы въ Глуховѣ	188
4. Выборы въ Черниговскомъ полку	192
5. Выборы въ г. Козельцѣ	210
6. Выборы въ Стародубскомъ полку	212
7. Выборы въ г. Погарѣ	219
8. Выборы въ Прилуцкомъ полку	226
9. Выборы въ Переяславскомъ полку	246
10. Выборы въ Лубенскомъ полку	259
11. Выборы въ Гадяцкомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ	278
12. Выборы въ войскѣ Запорожскомъ	292